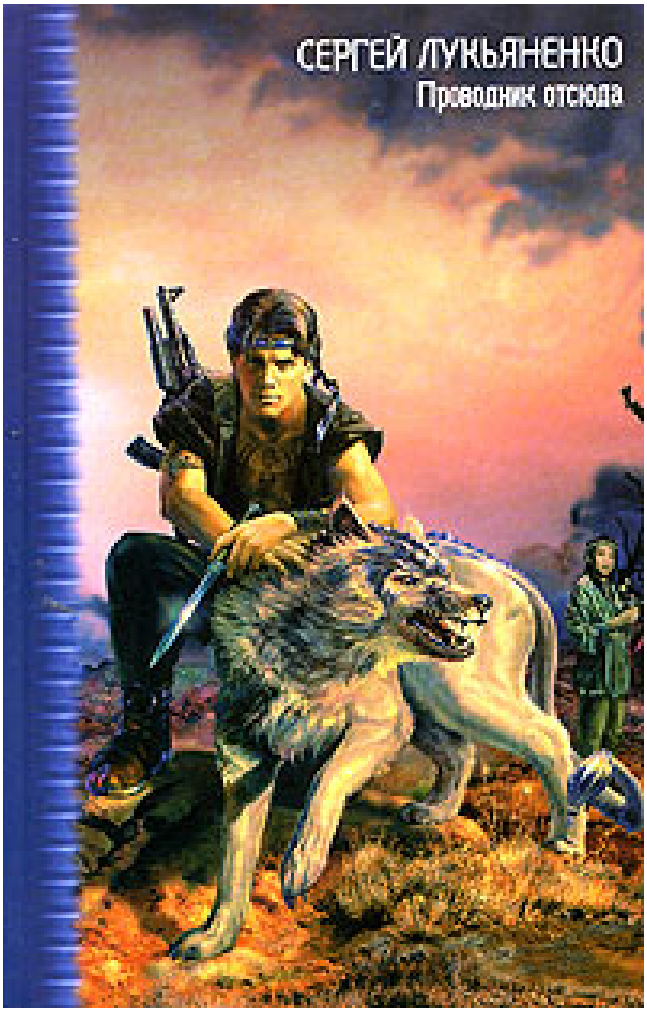
Сергей Васильевич Лукьяненко

Проводник отсюда



Специально для сайта

http://Xemera.Ru

У нас бесплатные новости для всех!

Аннотация

В этот сборник знаменитого отечественного фантаста Сергея Лукьяненко вошли повести и рассказы разных лет — включая совершенно новые, никогда ранее не публиковавшиеся произведения.

ДОРОГА НА ВЕЛЛЕСБЕРГ

Ветер гнал над степью запахи трав. В воздухе словно метались разноцветные знамена, даже в глазах рябило. Я сказал об этом Игорю, но тот лишь усмехнулся:

— Чтобы унюхать, что ты чуешь, надо собакой родиться. По-моему, воняет гарью.

Гарь я тоже чуял. От посадочной капсулы осталось грязно-черное, медленно оседающее полотнище. Там, где опоры впились в почву, ленивыми багровыми гейзерами вспухал запах сгоревшей земли. Наверное, того, кто увидел бы это впервые, зрелище могло захватить… Цветные пятна в воздухе дрогнули, исчезая. Так гораздо лучше, только рот быстро пересыхает. Но я привык. Не посоветую, правда, медикам из Центра Совершенствования подходить ко мне с предложением об активации генов моим детям. Могу и не сдержаться. А в общем, я привык.

Игорь неторопливо поправлял одежду. Особо аккуратным видом он никогда не отличался, а сейчас был встрепан донельзя. Порванная на спине (для вентиляции) рубашка выбилась из обрезанных чуть ниже колен брюк. Сами брюки представляли собой шедевр роддерской моды: правая половина из джинсовой ткани, левая — из металлизированного вельвета. На груди на тонкой серебряной цепочке покачивался амулет — настоящий автоматный патрон второй половины двадцатого века. Зато волосы были очень тщательно разделены на семь прядей и выкрашены в семь цветов. Игоря можно было с ходу снимать для передачи «Роддеры: новые грани старой проблемы». Впрочем, кажется, он пару раз в ней снимался… Игорь поймал мой взгляд, подмигнул, но ничего мне не сказал. Скосил глаза на нашего нового спутника — тот неловко выбирался из люка капсулы:

— Эй, как тебя… Рыжик!

«Рыжик» повернулся. Быть ему теперь Рыжиком на веки вечные. Если Игорь дает прозвище, оно прилипает намертво. Да в новеньком и действительно было все необходимое, солнечно-рыжие волосы, быстрый, чуть хитроватый взгляд и такая же немного лукавая улыбка.

— Меня зовут Дэйв. А вас?

Ха! Имя у него тоже было рыжее, солнечное. По-русски Дэйв говорил неплохо, только слегка нажимал на гласные.

— Не-е, — дурачась, протянул Игорь, — Тебя зовут Рыжик. Его — Чингачгук, можно Миша, — докончил он, увидев мой выразительный жест. — А я Игорь.

— Просто Игорь?

Да, новенькому палец в рот не клади. Он смотрел на Игоря так, словно придумывал ему кличку.

— Просто Игорь. Тебе сколько?

Дэйв смущенно пожал плечами, словно не знал, что ответить. Зависшее в зените солнце сверкнуло на золотом кружке, приколотом к его травянисто-зеленой рубашке.

— Одиннадцать.

— Ясно. Знак давно получил?

Рыжик глянул на кружок:

— Недавно. Утром.

— Во дает! — Даже Игоря такое сообщение лишило иронии. — Получил и сразу слинял? А родители? Сцен не устраивали?

— Нет. Они, кажется, даже обрадовались.

Игорь замолчал. Потом заговорил снова, и я обалдел — таким неожиданно мягким, дружеским стал его голос.

— Ты держись пока с нами, Рыжик. Мы с Мишкой роддеры старые, опытные. По три года по дорогам болтаемся.

— А вам сколько лет?

Игорь засмеялся:

— Учти, Рыжик, мой вопрос о возрасте был провокацией. Роддеры на такие вопросы не отвечают, в лучшем случае говорят, как давно получили самостоятельность. Но ради знакомства скажу — тринадцать. И еще. Спрячь свой знак. Роддеры это напоказ не носят.

Я усмехнулся, глядя, как торопливо снимает Рыжик свой золотой кружок. Знак делают из позолоченного титана, запрессовывая внутрь идентификатор и оттискивая на поверхности слова: «Достиг возраста персональной ответственности». На обороте — имя…

Игорь повернулся ко мне:

— Ну что, Чингачгук, пойдем в горы?

Горы неровной гребенкой тянулись к горизонту. Обмазанные синеватым снегом вершины заманчиво поблескивали над темной каймой деревьев. Там, в горах, сосны по двадцать метров. И никаких запахов, кроме снега и хвои…

— Далековато, — небрежно произнес я, уже зная, что пойдем. — Километров сто с гаком.

— Куда нам торопиться-то, роддерам…

Мы с Игорем понимающе смотрели друг на друга. Игорь знает, каково мне. Иначе бы мы не проводили половину года в горах…

— Да, — повернулся я к Дэйву. — Мы же забыли тебя поблагодарить, Рыжик.

Назвав его так, я невольно смутился. Не люблю кличек. Но Рыжик, похоже, уже привык к новому имени.

— Точно, — подхватил Игорь. — Ты нас спас. А то сели бы мы в лужу.

Он был прав.

В пассажирском салоне стратолайнера могла поместиться великолепная лужа, в которую и уселись бы два самонадеянных роддера. Салон тянулся широченной стометровой трубой, залитой мягким оранжевым светом. В четырех рядах кресел дремали, слушали музыку и смотрели телешоу редкие пассажиры. Лайнер летел полупустым, как и положено рейсу из Флориды в самом начале курортного сезона.

Мы с Игорем сидели рядом со стеклянной кабинкой диспетчера, установленной в середине салона. Наверное, близость к ней и навела Игоря на мысль покинуть самолет. Когда бархатный голосок стюардессы объявил из спинки кресла, что через пятнадцать минут лайнер пролетит над Скалистыми горами, Игорь легонько толкнул меня в бок. Я замычал, не раскрывая глаз. Хотелось подремать — всю ночь мы шли по обочине дороги, добираясь из города в аэропорт. Проходящие машины иногда тормозили, сигналили, но мы упорно шли дальше. Настоящий роддер не садится в автомобиль без крайней необходимости. Из одной машины, сигналившей особенно настойчиво, нас даже беззлобно обругали… Теперь я хотел спать, а Игорь неумолимо тормошил меня:

— Чинга! Большой Змей! Ну, Мишка!

Я вопросительно посмотрел на него.

— Давай возьмем капсулу и смотаемся.

— Зачем?

— Просто так.

Вся прелесть поступков «просто так» в том, что их не надо объяснять даже себе.

— Давай…

Мы поднялись с кресел. Как всегда после резкой смены положения, запахи ударили по мне с новой силой. Прежде всего — запах самолета. Трущийся металл, гнущаяся пластмасса, искрящие контакты, подгорелые изоляторы, потекшая смазка, свежевыкрашенные панели и еще тысячи знакомых и незнакомых запахов сливались, к счастью для меня, в единый, воспринимаемый как шершавое, скрипящее фиолетовое пятно над головой. К нему можно было легко привыкнуть и перестать замечать. Но вот аромат резких французских духов, плывущий от женщины в конце салона, оказался неизбежным и неуничтожимым. Он бил прямо в подсознание жаркой багряной волной, и стоило большого труда вынырнуть из нее, вновь думать спокойно и без усилий.

— Прошу выделить нам капсулу для посадки в пролетаемом районе, — вежливо сказал Игорь диспетчеру. Тот оглядел нас и… Я почувствовал, как темнеет его запах — в кровь выплеснулись стрессовые гормоны, на коже проступил незаметный для глаз пот.

— На каком основании?

Будь на нашем месте взрослые, диспетчер и спрашивать бы не стал. Что ему, капсулы жалко, что ли?.. Но к роддерам у многих отношение малодоброжелательное. Игорь вздохнул и вытащил из кармана свой знак самостоятельности. Я — свой. Пассажиры, сидевшие поблизости, уже посматривали на нас с любопытством. Еще бы. Два мерзких, грязных, скандальных роддера требуют, чтобы им, как порядочным гражданам, дали капсулу для индивидуальной посадки.

— Как мне кажется, серьезных оснований для высадки у вас нет?

Я понимал диспетчера. Перед ним стояли два пацана. Один — в диком костюме, с разноцветными волосами, загорелый и исцарапанный. Другой поаккуратнее (не люблю выкрутасы в одежде), со светлыми волосами (меня тошнит от запаха краски), светлокожий (ко мне загар плохо липнет)… но все равно — роддер. И эти роддеры из пустой прихоти передумали лететь в Токио и решили высадиться у подножия Скалистых гор…

— Увы. Капсула дается лишь при наличии веских причин. Или если ее просят не менее трех пассажиров…

Поединок кончался не в нашу пользу. Роддеров оскорбили и публично продемонстрировали остальным пассажирам их беспомощность. Теперь речь шла уже о том, чтобы спасти лицо. Игорь с надеждой осмотрел салон. Но никого похожего на роддера не увидел. Лишь рядах в пяти от нас сидел мальчишка. Но уж слишком ухоженный, домашний был у него вид… На всякий случай я кивнул ему. Мальчишка кивнул в ответ и встал. Пошел по проходу, касаясь рукой знака на груди, словно боялся, что тот может исчезнуть. Я успел лишь заметить, что мальчишка рыжий и совсем маленький, не больше одиннадцати лет.

— Я тоже желаю сойти с самолета здесь.

Проголодались мы лишь к вечеру — как раз перед тем, как Игорю пришла в голову идея о капсуле, в самолете разносили обед. Весь день мы бодро шагали по степи, временами устраивая привалы, болтая, рассказывая разные смешные истории. Говорили в основном мы с Игорем. Рыжик слушал и нерешительно улыбался. Наконец он осмелел и рассказал историю про девчонку, решившую обмануть тест-компьютер и пораньше получить знак самостоятельности. История была с бородой, но мы сделали вид, что не слышали ее раньше. Рыжику сейчас тоскливо, это мы понимали.

Солнце уже коснулось горизонта, когда Рыжик взмолился:

— Ребята, давайте зайдем куда-нибудь, перекусим…

Игорь засмеялся:

— Куда?

Вокруг нас простиралось бесконечное степное море. Трава, мелкие синие цветочки, ча-

хлые кустики. Воздух тихо звенел — какие-то насекомые устроили вечерний концерт. Из-под ног иногда вспархивали птицы. Настоящий рай для энтомологов и орнитологов, желающих изучить степь в ее первозданном виде. Вот только кафе или бутербродной никто поблизости не предусмотрел.

— А куда же мы тогда идем? Здесь что, нет ни одного дома?

Игорь взглянул на меня. Я — на нежно-розовые облака, дрейфующие в потемневшем закатном небе. Откуда-то справа тянуло домом — теплым, недавно испеченным хлебом, жарящимися котлетами, горючим для флаера. Но идти туда мне не хотелось. Какое-то шестое чувство предостерегало.

— Не знаю, — самым беззаботным тоном ответил я.

С сомнением хмыкнув, Игорь достал из кармана две маленькие плитки шоколада. С одной хитро смотрел утенок Дональд с шоколадкой в клюве. На другой был изображен Микки Маус. У него шоколад выглядывал из плотно сжатого кулачка. Вид у мышонка был воинственный, отдавать сладости он явно не собирался.

— Питайтесь, — тоном заботливого воспитателя в детском саду сказал Игорь.

Мы с Рыжиком одновременно разорвали обертки шоколадок. Микки на моей зашевелился, разжал ладошку. Глаза у него засверкали, тоненький, знакомый по тысячам мультфильмов голосок произнес:

— И я, и все мои друзья любим шоколад с орехами фирмы «Байлейс»!

Запись кончилась, Микки Маус на картинке опять замер. Шоколадку мышонок протягивал вперед. Даже на рисунке она выглядела аппетитно.

— А у меня молчит… — обиженно начал Рыжик. Но его прервал пронзительный возглас Дональда:

— Микки прав, но шоколад «Медовый» фирма «Байлейс» поставляет даже астронавтам Десантного Корпуса!

Игорь задумчиво произнес:

— А ведь они упрятали в эти обертки не только динамик и синтезатор речи, но еще и блок сопряжения! Будь у нас побольше шоколадок, рисунки переругались бы, выясняя, какой шоколад вкуснее!

Рыжик рассмеялся: наверное, представил себе ругающиеся обертки. Игорь же продолжал:

— Чтобы придумать и производить эту ерунду, десятки людей годами возились с микросхемами, изобретали рисунки, движущиеся на обычной бумаге…

— Это жидкокристаллический рисунок, — вставил Рыжик. — Я читал…

— Я тоже. Ты бы хотел лет пять просидеть в лаборатории, уча Дональда раскрывать на-

рисованный клюв и ронять нарисованный шоколад?

— Нет.

— И я не хочу. И Мишка. Потому мы здесь, в степи. Потому мы роддеры, люди дороги, бродяги и путешественники! Мы не занимаемся бесцельной работой, не делаем вид, что нужны этому миру. Мы просто живем!

Игорь завелся, я это почувствовал. Сумрак, легкий ветерок, треплющий его семицветные волосы, новый ошеломленно внимающий слушатель…

— Потому снова и снова люди бросают дома и выходят на дорогу. А все дороги сливаются в одну, имя которой — жизнь. Потому…

— Потому мы будем ночевать под открытым небом, — вставил я. Игорь обиженно замолчал.

— И кажется, под дождем, — уточнил Рыжик.

Обычно мы берем с собой палатку и еще что-нибудь из туристского снаряжения. Но на этот раз оказались в дороге слишком неожиданно. Я глядел, как Игорь пытается соорудить шалаш из ни в чем не повинных кустиков. Потом взглянул на Рыжика. Разрекламированный Дональдом шоколад его не утешил. А с севера и впрямь наступали тучи. Где-то далеко, километров за пятьдесят, дождь уже шел…

Я вздохнул:

— Игорь, в получасе ходьбы от нас чей-то дом.

— А?

— Там сейчас ужинают.

Игорь пнул ногой свое сооружение, и сплетенные верхушками кустики распрямились.

— Так чего валял дурака? Большой Змей… Змея ты, а не Чингачгук. Еще мой шоколад лопал…

Оправдываться я не стал. Даже сейчас мне не хотелось идти в этот дом.

К ужину мы опоздали. Окруженный маленьким садом каменный двухэтажный дом возник в степи как мираж. Среди деревьев тускло светилась короткая сигара флаера. Несущие плоскости подрагивали, мигали сигнальными огнями, но в кабине никого не было. Наверное, компьютер проводил тест-проверку машины.

На лужайке перед домом сгребал в кучу сухие листья рослый загорелый мужчина в закатанных до колен джинсах. Игорь покосился на меня, и я ободряюще улыбнулся — запах горящих листьев меня не раздражал. Мужчина повернулся, и на лице его появилось нечто вроде удовлетворения. Он оперся на длинные пластиковые грабли и молча ждал.

— Здравствуйте, — вежливо произнес Игорь. — У вас не найдется старой палатки и па-

ры банок консервов?

Мужчина улыбнулся.

— Нам можно говорить по-русски? — чуть смутился Игорь. — Или…

— Почему же нет, можно и по-русски, — очень чисто, но явно не на родном языке выговорил мужчина. — Палатки и консервов нет, но найдутся три пустые кровати и не успевший остыть ужин.

— Что ж, спасибо и на этом, — вздохнул Игорь. — Хотя дырявая палатка… — он взглянул на хмурящееся небо, — этой ночью была бы романтичнее.

Мужчина продолжал улыбаться:

— Я рад, что вы все-таки зашли ко мне. Тимми!

Из окна на втором этаже появилась мальчишеская голова. Еще через две секунды Тим скатился по лестнице и остановился перед нами. Вид у него был самый обычный: растрепанный, в шортах и футболке, не старше нас с Игорем. Но что-то непонятное кольнуло меня. Я посмотрел на Игоря — глаза у него сузились, словно он целился в кого-то… Черт, что он опять задумал?

— Тим, проводи ребят в столовую, — обыденным голосом сказал мужчина. Можно подумать, к ним ежедневно заходят роддеры!

— Пойдемте, — мотнул головой Тим. — Что вначале, ужин или душ?

— Ужин, — усмехнулся Игорь. — Веди нас, Кожаный Чулок.

— Тогда уж лучше Следопыт.

Мы с Игорем удивленно посмотрели друг на друга. Мало кто сейчас помнит героев Купера. А Тимми уже вел нас по широкому, застеленному мохнатым синтетическим ковром коридору. Внутри дом казался гораздо больше, чем снаружи. Мне нравятся такие дома, немножко под старину, спокойные и уютные, ничем не напоминающие «экологические жилища» — эти уродливые полурастительные монстры, или не менее мерзкие «модульные» — нелепые нагромождения пластиковых пузырей.

Тим открыл тяжелую деревянную дверь. Именно открыл, потянув массивную бронзовую ручку, а не надавил кнопку встроенного в стену мотора. Похоже, этой кнопки вообще тут не было.

Нас окатило волной запахов. Даже Игорь с Рыжиком потянули носами. А я на секунду отключился…

Ваниль, сдобное тесто, шоколадный крем, цукаты. Жареная индейка, фаршированная яблоками. Лимонное желе, апельсиновый мусс и мороженое с орехами. Старые фильтры в кухонном кондиционере, впитавшие в себя аромат пищи за несколько последних месяцев…

— Что с тобой, Миша? — Игорь схватил меня за плечи. Я покачал головой:

— Все… все хорошо, даже слишком.

— Чинга… Все правда в порядке?

— Да.

Тим с недоумением смотрел на меня. Разглядывая кухню, я ощущал на себе его растерянный взгляд.

Это была именно кухня — а я-то уверился, что нас ведут в столовую, где уже суетится кибер-стюард, а лифт доставки выплевывает подносы с пищей. Неяркий свет лился из притушенных светильников, потемневшие окна прикрыты оранжевыми шторами. Темно-коричневые деревянные панели, такие же шкафы и столики. Один стол побольше, возле него три стула с высокими спинками. Лишь электронная плита какой-то старой модели сияла подчеркнутой белизной. Перед ней стояла молодая женщина в длинном платье. «Сестра», — автоматически отметил я.

— Мам, ты нас накормишь? Это те самые роддеры!

«Мам…» Ладно. Но почему «те самые»?

— Тимми, не роддеры, а роуддеры. — Женщина улыбнулась. — Ведь так, ребята?

— Ваше обращение «ребята» мы принимаем по отношению к своему биовозрасту, — с достоинством ответил Игорь. Женщина снова заулыбалась — Правильнее называть нас все-таки роддерами, это название сложилось исторически в начале века. Похоже, вы нас ждали?

— Нас вызвал по фону пилот стратолайнера, — с готовностью ответил Тим. — Сказал, что трое упрямых роддеров решили высадиться в пустынном районе, где ближайший дом — наш.

Тим выпалил это с явным восторгом. Даже наше упрямство прозвучало у него как неслыханное достоинство. У Игоря опять недобро блеснули глаза.

— Тимми, принеси себе стул, — скомандовала женщина. И снова повернулась к нам: — Вы можете звать меня миссис Эванс. Или, как это по-русски… тетя Ли. Меня зовут Линда.

— Вы очень хорошо говорите по-русски, — быстро вставил я, увидев, что Игорь уже собирается съязвить. — Вы жили в России?

— О нет. Я большая домоседка. Это… как произнести… увлечение моего мужа. Он лингвист, работает по программе «Конвергенция». Немножко учит нас…

— Папа знает восемнадцать языков, — заявил Тим. Он притащил, еще один стул, держа его обеими руками перед собой. — А я — шесть.

Игорь усмехнулся. Для роддера шесть языков — не повод для хвастовства.

— Вы начнете с пирога, или подогреть что-нибудь посущественнее? — осведомилась миссис Эванс.

— Сладкое мы сегодня уже ели, — садясь за стол, ответил Игорь.

Я проснулся резко, словно от толчка. Обычно такое случалось со мной в минуты опасности. Сейчас опасностью и не пахло. Я улыбнулся понятному лишь мне каламбуру, стараясь по-настоящему вслушаться в запах этого дома. Он не был ни злым, ни жестким, в нем не чувствовалось ни скрытой враждебности, ни затаенной тревоги. Почему же я ощущаю какой-то холодок? Почему со вчерашнего дня меня не оставляет беспокойство?

Повернувшись, я посмотрел на соседнюю кровать, где безмятежно спал Тимми. Хороший мальчишка. Хоть и не роддер, но явно не дурак, похоже, ему немного осталось до знака самостоятельности… А у меня не проходит к нему настороженность.

Вчера вечером, когда родители Тимми уже легли, а мы еще досматривали развлекательную программу по молодежному каналу, Игорь поинтересовался:

— А где мы будем спать?

Не отрываясь от экрана, где герой в сверкающем белом плаще крошил неизменным лазерным мечом исполинских тараканов, напевая при этом о цветах для своей любимой, Тимми сказал:

— Кто-нибудь со мной, а двое — в соседней комнате.

— Отлично, — бодро воскликнул Игорь. — Поболтаем перед сном.

Я поймал его взгляд и сжал губы. Моему другу явно попала вожжа под хвост.

— Да, — подчеркивая каждое слово, произнес я. — Ты же собирался рассказать Дэви про роддерские обычаи…

Мы с Игорем напряженно смотрели друг на друга. Это было ничем не хуже разговора.

«Ты против, Чинга?» «Конечно. Нечего дурить мальчишке голову». «Ерунда. Он будет наш».

Обычно, если Игорь решил обратить кого-то в нашу веру, это не занимало много времени.

— Тимми, покажи, куда идти. Спать хочется… — Я зевнул.

— Тогда я тоже ложусь, — выбрался из кресла Тим.

А Игорь усмехнулся и сказал слышимым лишь мне шепотом:

— Он станет роддером.

Не знаю, почему я восстал против этого. Никогда раньше мне и в голову не приходило мешать Игорю вербовать новеньких. Может, опять вмешалось ощущение непонятной опасности?..

— Тимми… — тихонько позвал я.

Откуда-то из глубины набросанных на соседнюю кровать пледов (кондиционер работал

на полную мощность) вынырнула тонкая рука. Затем темноволосая голова.

— Я ждал, пока ты проснешься, — с готовностью объяснил Тим. — Вы же вчера здорово устали.

Я усмехнулся. Спросил:

— Что, подъем?

Тимми поморщился:

— Холодно… Кто только придумал эту гадость — кондиционеры.

— Кто только включает их в дождь… — в тон ему ответил я. Тимми заерзал в постели.

— Знать бы, что на завтрак. Решили бы, стоит ли вставать.

Я втянул свежий, профильтрованный кондиционером воздух. Еще, еще… Мокрая трава и веточки мяты под окном, комочек клубничной жвачки на тумбочке Тима… Подтекшие и плохо замытые следы вишневого варенья на подоконнике… Сластена… Да куда этому малышу в роддеры?! Еще один вдох… И слабая разноцветная струйка запахов из дверной щели.

— Оладьи. С апельсиновым джемом, — задумчиво сказал я. — И горячий шоколад. Вставать будем?

Тимми взглянул на меня веселыми и удивленными глазами:

— Ты откуда знаешь?

— Запах, — откровенно ответил я. — У меня хорошее обоняние, не зря прозвали Чингачгуком.

Спорить Тим не стал. Вряд ли он подумал о том, какое обоняние способно различить запах пищи через два этажа и пять плотно закрытых дверей в вылизанной кондиционером комнате.

— А может, ты еще знаешь, сколько сейчас времени? — протянул он. Я неопределенно кивнул на стол, где поблескивали экранчиком мои часы.

Вставать Тимми явно не хотелось. Он покосился на стол, потом медленно вытянул к нему руку…

Часы с шуршанием поползли по стеклу. На секунду замерли у края, словно набираясь сил, крутанулись и тускло-серой молнией прыгнули в Тимину ладошку.

— Полдевятого. Точно, пора вставать, — со вздохом признал Тим. Через секунду, сбросив одеяло, я уже стоял возле его постели:

— Тимми! Ты… психокинетик?

Он кивнул, вроде бы даже смущенный произведенным эффектом. А впрочем, стоит ли мне так удивляться? Да, психокинетиков во всем мире не более двухсот. Но я, например, вообще единственный в своем роде.

— Пошли лопать оладьи, чудотворец. — Я со смехом взял его за руку. И быстро глянул

на ладошку.

Все верно, психокинетик. Фокус исключался начисто — кожу покрывала мелкая, уже исчезающая ярко-алая сыпь. Даже несильное телекинетическое воздействие не проходит для человека бесследно.

— Только при родителях не проговорись, — попросил Тимми, натягивая шорты и футболку — Ага? А то они не понимают, что мне нужна тренировка, ругаются…

Дверь беззвучно открылась, и мы увидели Игоря. С ослепительной улыбкой, с торчащими во все стороны прядями волос. И со словами:

— Привет, роддеры, старые и молодые!

За завтраком миссис Эванс все пыталась нас развеселить. Подтрунивала над Тимми, который совсем не обижался на это, тормошила грустного и задумчивого Дэйва. Мы с Игорем понимали, почему Рыжик старается даже не смотреть на миссис Эванс, особенно когда та обнимает Тимми, и злились. Но миссис Эванс не прекратила беспечного разговора и после того, как Рыжик торопливо, давясь словами, сказал: «А у моей мамы оладьи никогда не получались…» И Дэйв, к нашему удивлению, постепенно повеселел. В конце концов они вместе с Тимми и миссис Эванс отправились в сад — посмотреть пруд и, может быть, искупаться. Мы остались — Игорь заявил, что нам нужно заказать кое-какие вещи и еду по линии снабжения.

Разговор я начал, едва закрылась дверь, а Игорь лениво подошел к дисплею.

— Командир, пора смываться.

— Что за новый чин? — удивленно-наигранно поинтересовался Игорь. — И в чем причина спешки?

— Я не знаю, — честно ответил я. — Но тут оставаться не стоит.

— Чинга, — уже серьезно продолжил Игорь. — Как только я увижу, что Тимми решил уйти в роддеры, мы отсюда слиняем.

— Что он тебе так сдался? Захочет — и сам уйдет.

— Я его не пойму, Чинга. Обычно сразу видно, станет человек роддером или нет. А Тима я не пойму. Интересно побороться.

Мне вдруг стало все равно.

— Как знаешь, Игорь. Я тебя предупредил.

Игорь сосредоточенно сопел, нажимая кнопки на терминале доставки.

— Хочешь икры? — неожиданно спросил он. — Закажем пару коробок.

— Не люблю синтетику, — резко ответил я. Игорь, похоже, пытался помириться:

— Какая синтетика? Это дом полноправных членов общества, их снабжение не лимитировано.

— Нечестно, — упрямо возразил я.

— Тогда пошли искать хозяина. Поблагодарим за гостеприимство.

На какое-то мгновение я поверил, что Игорь все-таки согласился со мной и хочет уйти.

— Пошли.

Свою ошибку я понял, едва мы ступили в кабинет. Великолепный кабинет — кучи книг в шкафах, груды распечаток возле информационного терминала, заваленный бумагами и дискетами стол. Красота! Сразу видно: здесь по-настоящему работают. Не потому, конечно, что вокруг беспорядок. Пустите нас с Игорем в любой приличный дом — мы за полдня устроим то же самое. А вот атмосфера работы у нас не получится. Никогда.

— Вот как трудятся полноценные люди… — торжественным шепотом произнес Игорь. Я схватил его за руку, потянул к двери. Но Тимин папа, сидевший к нам спиной, уже обернулся:

— А, роддеры… Идите сюда.

Игорь с радостной улыбкой двинулся вперед. За ним, поневоле, я.

— Садитесь, ребята… Я имею в виду ваш биовозраст, конечно.

— Спасибо, — усаживаясь в свободное кресло и стараясь не слишком уж привставать на цыпочки, ответил Игорь. Ну и кресла! Словно специально для издевательства над роддерами. Пытаясь утвердиться на необъятном кожаном сиденье, я особенно остро осознал, что росту во мне метр сорок девять, а веса не хватает и для этих сантиметров.

— Мы вас на минутку оторвем от дела, если вы не очень заняты, — самым вежливым из своих голосов сказал Игорь. — У нас с Мишей вышел маленький спор. Помогите разобраться, пожалуйста.

Мистер Эванс кивнул, выключая мерцающий на столе дисплей. Давал понять, что временем не ограничен.

— Один из нас, — продолжал Игорь, — считает неэтичным пользоваться за ваш счет предметами роскоши. Ну, заказывать килограммами икру, приобретать персональные флаеры, делать заказ на строительство такого же дома, как ваш. А другой говорит, что вы такой же бездельник, как и любой роддер. Только прикрываетесь видимостью работы.

Меня передернуло. Да, эпатаж — это непременная черта любого роддера. Но зачем Игорь так построил фразу, что не посвященному в роддерский сленг человеку покажусь хамом именно я.

— Как я понял, бездельником меня считаешь ты. — С добродушной улыбкой мистер Эванс разглядывал Игоря.

— Резонируешь, — одобрительно сказал тот.

— По пяти плоскостям, — немедленно отозвался мистер Эванс. Этого я уже не понял.

Сленг меня мало интересует. Но Игорь уважительно развел руками:

— Я восхищен. Серьезно, вы отличный знаток. Но зачем ваши знания, а? Кому они нужны, когда достаточно выучить три-четыре языка и общаться с любым человеком в мире?

— Можно неплохо прожить, зная лишь один язык, — подтвердил Эванс.

— Тогда зачем нужны вы? Кому поможет ваше знание арабского или какого-нибудь там диалекта гамбургских мафиози начала двадцать первого века?

— Не знаю. Скорее всего — никому.

Игорь вздохнул:

— Значит, прав… Мы живем — или доживаем? — в мире машин и компьютеров. Они вытесняют людей отовсюду, и с этим ничего не поделаешь, это прогресс. Настоящей работой занято меньше двадцати процентов населения. Остальные либо уходят в роддеры, либо… — Игорь сделал паузу, — имитируют бурную деятельность. В тех областях, конечно, где это возможно: литературе, живописи, истории, археологии, филологии… Можно размалевать синей краской полсотни фанерок, развесить их по стенам специально выстроенной галереи и считаться самобытным художником. Общество позволит, оно богатое. Роддеры для общества опаснее, но, в сущности, и они терпимы…

Мистер Эванс слушал его вполне серьезно. И внимательно.

— Ты молодец, дружок, — тихо сказал он. — Мыслишь вполне здраво. Одна беда — с позиции одиночки.

— Это как? — заинтересовался Игорь. — Ваше обращение «дружок» я принимаю…

— По поводу биовозраста, — без улыбки закончил мистер Эванс. — Ты прав, мы живем в трудное время. Время беззаботности. Мир всегда двигали вперед считанные проценты людей. Из звериных пещер к далеким звездам мир вытащили гении. Те, кто придумал колесо и тормоз для колеса. Пенициллин и многоступенчатые ракеты. Генную инженерию и компьютеры…

Меня словно холодной водой облили. Не надо про генную инженерию! Дискеты компьютера ударили мне в лицо жесткой, коричневой лентой запаха. Пузырек с лекарством на столе — удушливым искрящимся облаком. Не надо!

А Тимин отец, не замечая болезненной гримасы на моей физиономии, продолжал:

— Раньше находилось занятие для всех. Но сейчас не нужны тысячи людей, чтобы построить придуманный гением ракетоплан. И не нужны еще сотни, чтобы прокормить гения и строителей. И десятки тех, кто лечил, развлекал сотни и тысячи, тоже не слишком-то нужны…

— Кибер-юмористов пока не существует, — возразил вдруг Игорь.

— Да, но это мелочи. Так что в посылках ты прав. Выводы получились неверные.

Мистер Эванс больше не смотрел на Игоря. Он вертел в руках авторучку и негромко, словно самому себе, говорил:

— Таланты можно найти у каждого, только пока это у нас не очень-то получается. Но есть и другой выход. Заниматься своим делом, даже если таланта в тебе — миллионная доля, а остальное — просто труд и терпение. Заниматься, зная, что никогда не сотворишь чуда, что на всю жизнь останешься одним из миллиона бесталанных, которые пользы-то принесут как один-два настоящих гения.

— Вы имеете в виду себя? — жестко, не колеблясь, спросил Игорь.

— Да.

Мистер Эванс отложил в сторону несчастную авторучку, выгнувшуюся в его пальцах затейливым вензелем.

— Я занимаюсь программой «Конвергенция». Это создание единого языка, основанного не на смеси самых известных и простых языков, как эсперанто, а на принципе логем.

— Логем?

— Да. Логемы — это логическая единица речи, звукосочетание, которое на любом мировом языке имеет одинаковый смысл.

Игорь рассмеялся:

— Чушь. Этого не может быть.

— Может. Выделено уже шестьдесят три логемы. Они понятны без перевода любому человеку в мире. И каждая из этих логем на счету лингвистов-гениев, лингвистов от природы, от Бога. Возможно, даже наверняка, что в их труде есть доля таких же, как я, есть и мой вклад. Но вычислить его невозможно — настолько он мал.

Мистер Эванс кивнул на книжные шкафы, на бесчисленные дискеты:

— Я изучаю эволюцию имен собственных и местоимений в латышском языке двадцатого века. Чем и как это поможет Шарлю Дежуа или Чери Сайн, я не знаю. Но не исключено, что поможет.

— Шарль Дежуа — это тот, кто расшифровал сигналы Маяка Пилигримов? — задумчиво спросил Игорь. И, не дожидаясь ответа, попросил: — А вы не можете произнести хоть одну логему?

— Могу.

Мы с Игорем замерли. А отец Тимми скорчил какую-то гримасу, словно разминая щеки, набрал воздуха и произнес… что-то короткое, отрывистое, почти не запоминаемое. И абсолютно бессмысленное.

— Конечно, непонятно, — засмеялся Игорь. — Вот так логема! На роддеров не действует.

— Нет, не понял, — с некоторым сожалением ответил и я. И тут до меня дошло, что я отвечаю на словно бы и не произносившийся вопрос. Через мгновение это понял и Игорь.

— Вот так, — улыбнулся мистер Эванс. — Я произнес вопросительную логему — логему понимания. Она показалась вам бессмысленной, но содержащийся в ней вопрос вы уловили.

— Хорошо, — после короткой паузы признал Игорь. — Я беру назад свои слова про бездельника. Но ведь и это не для всех. Многие, очень многие не смогут работать, не видя результатов труда. Им-то что делать? И таких будет все больше и больше…

— А им надо держаться. Жить. Хоть роддером, хоть художником-абстракционистом. До тех пор, пока человек не сможет управлять самой сложной на свете машиной.

— Какой это машиной?

— Самим собой. Пока обруганная и приевшаяся всем наука не даст каждому возможность преобразиться.

— Телепаты-телекины… Люди-молнии, бессмертные, ясновидящие… Так, что ли?

— Так. У человечества переходный возраст. А для него тоже есть свои болезни: роддерство, не любимый тобой авангардизм…

— Это мной-то? — Игорь рассмеялся, тряхнув семицветной гривой.

Они смотрели теперь друг на друга почти мирно. Но меня это не радовало. Во мне клокотала ярость.

— Значит, преобразимся? — спросил я. — Расширение возможностей человека как лекарство от болезней человечества? А вы не слыхали, что есть лекарства опаснее, чем сама болезнь?!

Мистер Эванс удивленно повернулся ко мне:

— Конечно, без случайностей не обходится… Ты имеешь в виду что-то конкретное?

— Я имею в виду вашего сына.

У Игоря глаза полезли на лоб. Он-то ничего про Тимми не знал… У мистера Эванса исказилось лицо.

— Да, Тим — психокинетик. И разрешение на генную операцию давал я. Но ничего плохого ему эта способность не принесла.

— Вы видели взрослых психокинетиков? — тихо спросил я. Он покачал головой.

— Ну а я знал одного. Почти полная потеря зрения, руки в язвах до самых локтей. Ему было двадцать семь, он выглядел на пятьдесят.

Мистер Эванс прикрыл глаза. Сейчас и он выглядел на пятьдесят, не меньше.

— Я знаю. Слышал… Да меня и предупредили врачи из Центра. Это бывает, если очень сильно перегружаться. Очень… Но что я могу поделать? Вы же теперь все взрослые… Не на-

до дожидаться пятнадцати… или сколько там было раньше лет. Сдал экзамен — и можешь распоряжаться собой. Если вы сумеете уговорить Тимми — я буду только рад. Пусть оперирует хотя бы два… Ну три раза в неделю.

— Оперирует? — Игорь вскочил с кресла. Непонятная реакция. Всем известно, что психокинетики становятся в основном хирургами. Только они способны выдрать, вытащить из человеческого тела запущенный рак со всеми его метастазами или вылечить порок сердца у еще не родившегося ребенка. Игорь повторил:

— Оперирует? Но ведь для этого необходима вторая ступень. Право на коллективную ответственность…

В полной тишине мы смотрели, как отец Тимми достает из ящика стола знак самостоятельности. Такой же, как у нас с Игорем. Только слова на нем другие: «Достиг возраста коллективной ответственности».

— Тим его не любит. Отдал мне на сохранение.

— Ну я дурак… — отчетливо прошептал Игорь. — Дурак.

Он поднес знак к глазам, словно не веря. Потом быстро вышел из комнаты.

— Если бы их было больше… — как-то безнадежно произнес мистер Эванс. Ухода Игоря он, похоже, не заметил. — Тим ведь понимает: если он не поможет человеку, тот умрет. Вот и делает по три операции в день…

«А в редкие выходные развлекает своими способностями любопытствующих роддеров», — подумал я.

— Это ведь оказалось не очень и сложно — телекинез. Синтезировали какое-то вещество, оно позволяет любому стать психокинетиком. Но выпуск его наладить не могут, приборы не позволяют добиться чистоты раствора. Кажется, оно называется псикиноверрином…

— Псикиноферрином, — автоматически поправил я. — Там молекула гема в цепи. ПКФ встраивается в эритроциты.

…Боль. Дикая, запредельная, невыносимая боль. Выворачивающие все тело судороги. Фиолетовый туман, в котором плавают раскаленные добела шарики. Вот такой он — запах ПКФ для моего «суперобоняния». Длинный коридор. Белые стены. Режущий глаза свет. Я ползу по гладкому холодному полу. Навстречу уже бегут — проклятые, ненавистные белые халаты, такие же холодные и чужие, как эти стены. Меня тошнит, вместе с блевотиной выплевываются сгустки темной крови, прямо на чистые халаты, в сочувственные, встревоженные лица. И я кричу, выгибаясь в поднимающих меня руках: «Забирайте свое дерьмо! Забирайте! Я доварил вашу похлебку, пробуйте! И это, это жрите! Жрите…» В Веллесбергском Центре Совершенствования я работал полгода. Уходя, сказал, что не хочу делать других такими же несчастными, как сам. Соврал… Меня погнала в роддеры боль.

…Дверь распахнулась, едва мистер Эванс собрался начать расспросы. Откуда это роддеру известно точное название препарата? Но в кабинет ввалились Дэйв с Тимми, и мистер Эванс мгновенно переменился.

— Пап, пошли купаться, — выпалил Тимми. — Покажешь нам, как плавать на спине.

Оба они — и Дэйв, и Тимми — были мокрые, взъерошенные и абсолютно счастливые. Похоже, мистер Эванс это понял. Он быстро встал:

— Пошли. В тридцать третий раз буду тебя учить.

Тут Тимми заметил меня. Неуверенно кивнул, видимо, раздумывая, интересно ли настоящему роддеру болтыхаться в десятиметровом пруду. Я усмехнулся и с беззаботным видом поднялся с кресла. Пообещал:

— Сейчас я найду Игоря, и мы покажем вам настоящий класс.

После устроенной днем беготни я спал как убитый. И проснулся, лишь когда моя кровать начала ездить по полу… Возле дверей я оказался, наверное, в один прыжок. Мне доводилось видеть разрушенные землетрясением дома… Но вокруг все было спокойно. Лишь дергалась, как в конвульсиях, кровать. Потом лежавшая на столе книга поднялась в воздух и зашуршала перелистываемыми страницами. Я еще ничего не понимал. И только когда Тим глухо застонал во сне, до меня дошло…

В полутьме не было видно его лица. Я присел на кровать, взял Тимми за руку. Ладонь была горячей и напружиненной, словно он держался за что-то мне невидимое.

— А ну кончай, — тихо сказал я. — Все хорошо. Заканчивай.

Затрещала разрываемая книжная обложка. Я легонько похлопал Тима по щеке.

— Тимми, все хорошо… Просыпайся. Или смотри другой сон. Тимми, успокойся…

Я уговаривал его минут пять. Наверное, надо было просто разбудить пацана. Но мне не хотелось этого делать…

Когда книжка тяжело осела на стол, а Тимми задышал ровнее, я тихо, не включая света, нашел свою одежду. Быстро оделся. Посмотрел еще раз на Тимми — теперь он спал вполне безмятежно. И вышел.

В кабинете горел свет. Я чуть поколебался и сказал вполголоса:

— Мистер Эванс, до свидания.

Я был почти уверен, что он меня не услышит — за дверью слабо жужжало печатающее устройство компьютера. Но звук исчез, а еще через мгновение мистер Эванс недоуменно смотрел на меня:

— Вы уходите?

Я кивнул.

— Жаль…— Он беспомощно улыбнулся. — Честно говоря… Тимми вчера так здорово развеселился, когда играл с Дэйвом.

— Пусть и дальше играют.

Он понял. И кивнул — не соглашаясь, а скорее с благодарностью. Потом вдруг шагнул ко мне и взял за руку.

— Скажи, если, конечно, тебя не задевает мое любопытство. Ты тот самый мальчишка, который однажды довел до конца синтез ПКФ?

— Я принимаю ваше обращение применительно к биовозрасту. — Я попытался улыбнуться. — Да, тот самый.

Он кивнул, ничего больше не спрашивая.

— Это очень трудно, — тихо сказал я. — Понимаете, человеческий мозг не рассчитан на то, что со мной сделали. Ему не хватает каналов восприятия. Ну он и выкручивается как может, превращает запахи в свет, звук… Иногда в боль. Очень больно, честное слово. А если просто лишить меня обоняния — я ослепну и оглохну. Все слишком тесно связано…

— Я верю.

Он ни о чем не просил. И от этого было еще тяжелей.

— Я вернусь в Веллесбергский Центр, — торопливо сказал я. Мне показалось, что он уже готов уйти. — Я тогда был младше, чем Тимми. А сейчас, наверное, выдержу… Ведь все равно, что бы я ни делал, моя дорога туда. И с нее не свернуть, я понимаю.

— Тебе очень трудно?

Я молча кивнул и спросил сам:

— Тимми выдержит год?

— Да. А почему год?

— Не знаю. Просто думаю, что за год успею. Игорь не сможет, никогда не сможет работать так, как вы, — в миллионную долю. Только не обижайтесь…

— Я не обижаюсь.

— У него характер такой. Ему надо быть или первым, или хотя бы в первом ряду. Если он не найдет своей дороги, то так всю жизнь и останется роддером. Лучшим роддером в мире. И многим задурит головы, не со зла, а так… Но это не нужно, роддеры ведь не форма протеста и не поиск нового пути. Мы — боль. Форма боли в середине двадцать первого века. Такие, как я, у которых боль внутри, и такие, как Игорь. Середина, не желающая ею оставаться. А я все верю, что помогу ему найти свое место.

Мистер Эванс посмотрел мне в глаза:

— Теперь я знаю, что ты вернешься в Центр.

Я улыбнулся и сделал шаг к спальне. Попросил:

— Потушите на пять минут свет. Пусть Игорь думает, что мы уходим как настоящие роддеры — не прощаясь, тайком.

Мистер Эванс улыбнулся. У него была красивая улыбка, сильная и добрая. Знаю, что про улыбки так не говорят, но мне она виделась именно такой.

— Ветра в лицо, роддер, — сказал он.

Я кивнул. И подумал, что иногда не нужно даже логем, чтобы понять друг друга.

…Мы шли на восток, и солнце медленно выкатывалось нам навстречу. Игорь насвистывал какую-то мелодию. Сумка с продуктами и всякой полезной мелочью болталась у него на плече.

— Не обижаешься, что я решил оставить Рыжика? — спросил он меня, когда дом скрылся из глаз.

Я покачал головой. И вдруг почувствовал, как невидимые пальцы крепко сжали мою ладонь. Там, в комнатке на втором этаже, проснулся Тимми.

Я улыбнулся. И пожал протянутую через холодное утро руку.

МОЙ ПАПА — АНТИБИОТИК

Сквозь сон я услышал, как снижается флаер. Тонкое, угасающее пение плазменных моторов, шорох ветра, путающегося в плоскостях. Окно в сад было открыто, а посадочная площадка у нас совсем рядом с домом. Папа давно грозится перетащить керамические плитки, которыми выложен пятиметровый посадочный круг, подальше в сад. Но делать этого, наверное, не собирается. Если уж ему понадобится сесть бесшумно, то он приземлится с отключенными двигателями. Этого делать нельзя, слишком опасно и сложно, но папа на такие мелочи не обращает внимания.

Дело в том, что мой папа — антибиотик.

Не открывая глаз, я сел на кровати и пошарил рукой по стулу, где была сложена одежда, но передумал и побрел к двери прямо в пижаме. Ноги путались в длинном теплом ворсе ковра, но я нарочно старался не отрывать их от пола. Мне очень нравится этот толстенный мягкий ковер, на котором можно кувыркаться, прыгать и делать все, что угодно, не рискуя сломать себе шею.

За окном глухо стукнули посадочные стойки флаера. Сквозь веки просочился тускло-красный свет тормозного выхлопа.

По-прежнему не открывая глаз, я распахнул дверь, начал спускаться по лестнице. Если папа приземлился «громко», значит, он хочет, чтобы я знал — он вернулся. Но и я хочу показать, что знаю это.

Шаг, еще шаг. Некрашеные деревянные ступени приятно холодят ноги. Не мертвой стылостью металла, не равнодушным ледяным ознобом камня, а живой, ласковой прохладой дерева. По-моему, настоящий дом обязательно должен быть деревянным. Иначе это не дом, а крепость. Укрытие от непогоды…

Шаг, еще шаг… Я сошел с последней ступеньки, встал на гладкий паркет холла. Забавно определять свое положение по состоянию пола. Шаг, еще шаг. Я уткнулся лицом во что-то твердое и гладкое, как сталь; скользкое и упругое, как рыбья чешуя; теплое, как человеческая кожа.

— Гуляешь во сне?

Отцовская рука взъерошила мне волосы. Я уставился в темноту, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Ну конечно, папа вошел в дом, не зажигая света.

— Включить свет, — обиженно сказал я, пытаясь увернуться от отцовской ладони.

По углам холла начали разгораться желто-оранжевые светильники. Темнота сжалась, убегая в широкие прямоугольники окон.

Папа улыбаясь смотрел на меня. Он был в десантном комбинезоне, и обтягивающий его тело черно-смоляной биопластик уже начинал светлеть. Приспосабливался к изменившейся обстановке.

— Ты прямо с космодрома? — спросил я, с восхищением глядя на отца. Как обидно, что сейчас ночь и никто из одноклассников его не видит…

Комбинезон казался тонким, наверное, из-за того, что мускулы рельефно выделялись под тканью-хамелеоном. Но это только иллюзия. Биопластик выдерживает температуру в полтысячи градусов и отражает очередь из крупнокалиберного пулемета. Ткань, из которой сделан комбинезон, имеет одностороннюю подвижность. Не знаю, как это устроено, но если дотронуться до комбинезона снаружи — он твердый, словно из металла. А когда надеваешь (папа иногда мне это разрешает) — он совсем мягкий.

— Мы приземлились час назад, — рассеянно ероша мне волосы, сказал папа. — Сдали оружие — и сразу по домам.

— Все в порядке?

Папа подмигнул мне, заговорщицки оглянулся:

— Все более чем в порядке. Болезнь ликвидирована.

Слова были обычными, как всегда. А вот улыбка у папы не получилась. И спецкостюм у него никак не мог успокоиться: поблескивали разбросанные по ткани датчики, мерцала непонятным узором индикаторная панель на левом запястье. По цвету спецкостюм уже ничем не отличался от бледно-голубых обоев. Шагни папа к стене — и его невозможно будет заметить.

— Пап, — чувствуя, как слетает с меня сон, прошептал я. — Трудно пришлось?

Он молча кивнул. И нахмурился — теперь уже абсолютно по-настоящему.

— А ну-ка, марш в постель. Два часа ночи!

Наверно, таким голосом он отдает приказания *там,* на планетах, пораженных болезнями. И никто не решается спорить.

— Есть! — четко, в тон папе, ответил я. Но все-таки спросил напоследок: — Пап, ты не видел…

— Нет. Ничего. Теперь сможешь болтать со своим другом снова. Связь с планетой восстановят к утру.

Я кивнул и пошел вверх по лестнице. Оглянувшись у самой двери, увидел, что папа стоит на пороге ванной и стягивает с себя гибкую голубую броню. Перегнувшись через перила, я смотрел, как перекатываются у него по спине тугие клубки мышц. Я никогда не смогу так накачаться, не хватит терпения. Папа заметил меня и махнул рукой:

— Ложись, Алик. Подарок покажу только утром.

Это здорово, подарки я люблю. Папа дарил их мне, еще когда я был совсем маленьким и не знал, кем он работает.

Когда от нас ушла мама, мне было пять лет. Помню, как она целовала меня — я стоял у двери и никак не мог понять, что происходит. Потом мама ушла. Навсегда. Она сказала, что я могу приходить к ней в любой момент, но я так и не пришел. Потому что узнал, из-за чего они с папой поссорились, и обиделся. Оказывается, маме не понравилось, что папа служит в Десантном Корпусе.

Однажды я случайно услышал их спор. Мама говорила что-то отцу — тихо, устало, так говорят, когда доказывают самому себе, а не собеседнику.

— Неужели ты не видишь, в кого превратился, Ян? Ты даже не робот — для них есть Три Закона, а для тебя ни одного. Ты делаешь то, что тебе прикажут, не думая о последствиях.

— Я защищаю Землю.

— Не знаю… Одно дело, когда ваш Корпус сражается с Пилигримскими диверсантами. А другое — когда десантники усмиряют колонии.

— Я не имею права об этом думать. Решает Земля. Она определяет болезнь, она назначает лечение. А я просто антибиотик.

— Антибиотик? Верно. Те тоже лупят наобум — и по болезни, и по человеку.

Они замолчали. Потом мама сказала:

— Прости, Ян, но я не могу любить… антибиотик.

— Хорошо, — очень спокойно сказал папа. — Но Алька останется со мной.

Мама промолчала. А через месяц мы с папой остались одни. Честно говоря, я даже не сразу это почувствовал. Мама и раньше подолгу не бывала дома — она журналист и ездит по всей Земле. Папа бывает дома гораздо больше, хотя раз или два в месяц уезжает на несколько дней. А когда возвращается, привозит подарки — удивительные вещи, которых нет ни в одном магазине.

Однажды он привез Поющий Кристалл. Маленькая, с сантиметр, пирамидка из прозрачного синего камня тихо, не умолкая ни на секунду, наигрывала странную бесконечную мелодию. Звук Кристалла менялся, когда шел дождь и когда на него падал солнечный свет; становился громче, если Кристалл подносили к металлу, и менял тональность, стоило посыпать на него солью. Он и сейчас поет свою вечную песнь, плотно укутанный ватой и запрятанный в самый дальний угол шкафа.

Были еще лотанские зеркала. И рэтские скульптурки — вылепленные из мягкой розовой пластмассы люди взрослели, старились, смотрели то улыбчиво, то хмуро. Ну а самым лучшим подарком был пистолет.

В тот раз папы не было почти неделю. Я ходил в школу, играл со своим другом Мишкой, по прозвищу Чингачгук. Ездил с ним и его родителями в соседний город, где начался Праздник смеха. Мишка даже ночевал у меня несколько раз. И все равно было скучновато. Наверно, папа это понял. Когда он приехал, то даже не стал ничего рассказывать. Порылся в сумке и протянул мне тяжеленный металлический пистолет. Секунду я держал его в руках, не догадываясь, в чем дело. И только когда устала рука и я едва не уронил оружие, до меня дошло — это не игрушка. Ее бы не стали делать такой тяжелой, под силу лишь взрослому.

— Он не стреляет, — угадав мой вопрос, сказал папа. — Разбит излучающий генератор.

Я кивнул, пытаясь прицелиться. Пистолет дрожал в ладони.

— Откуда он, пап? — нерешительно спросил я. Папа улыбнулся:

— Помнишь, кем я работаю?

— Антибиотиком! — с готовностью ответил я.

— Верно. В этот раз мы лечили болезнь под названием «космическое пиратство».

— Настоящие пираты? — У меня перехватило дыхание.

— Даже слишком настоящие.

…Конечно, папина работа нравилась мне не только из-за необычных подарков. Мне нравилось, что папа такой сильный, сильнее любого из наших знакомых. Он мог в одиночку поднять флаер, мог пройти на руках весь сад. Каждое утро, в любую погоду, и зимой, и летом, он по два часа тренировался в саду. Я к этому привык, а вот те, кто заходил к нам впервые и видел отца меланхолично подтягивающимся на двух пальцах левой руки или разносящим в щепки толстенные доски, расставленные в специальных стойках по всему саду, были

очень удивлены. Когда же они замечали, что отец двигается и наносит удары с закрытыми глазами, то многим делалось не по себе. Отец в таких случаях смеялся и говорил, что его работа на девяносто девять процентов состоит из тренировок. После этого всегда шел вопрос: кем же он работает. Папа весело разводил руками: «Антибиотиком». Секунду гость переваривал услышанное, потом понимающе восклицал: «Десантный Корпус!»

Проснувшись, я первым делом выглянул в окно. Словно проверял, не приснилось ли мне папино возвращение. Но все было в порядке — среди деревьев мелькала быстрая тень. Папа тренировался, без всякой скидки на то, что не спал полночи. Слышались глухие удары. Мишеням-деревяшкам доставалось изрядно.

Я прошел к видеофону — маленькой матово-белой панели в стене. С тайной надеждой набрал длинный восемнадцатизначный номер. Код планеты. Код города. Номер видеофона…

Экран засветился бледно-голубым, потом появились строчки:

«Служба Связи приносит извинения. Связь с планетой Туан отсутствует по техническим причинам».

Тоже мне извинения… А уж формулировочка какая гладкая! Конечно, если на планете третий день бушует мятеж и тяжелые танки восставших в упор расстреляли ретрансляторы, это можно назвать технической причиной. Точно так же, как человеческую смерть можно обозвать «преобладанием продессов распада над процессами синтеза».

Нажав еще две клавиши, я вышел из комнаты. Теперь компьютер будет повторять вызов сам, каждые четверть часа. У нас с Арнисом заведено дозваниваться друг до друга самостоятельно, но сегодня особый случай. Думаю, он не обидится…

Подарок ждал меня на кухне. На маленьком столике у окна, за которым я люблю завтракать. Рядом с кофейником и нарезанным кексом.

Вначале я налил себе кофе. Откусил кусок кекса. И лишь потом взял в руки широкий металлический браслет, лежащий на коробке с мармеладом.

Браслет был странным. Он ничуть не походил на украшение и еще меньше напоминал какой-нибудь хитроумный прибор из десантного снаряжения. Просто сплюснутая трубка из серого металла. Очень тяжелая трубка, она весила почти как пистолет. На браслете не было никаких кнопок или индикаторов, не было даже замка. Хотя нет… Одна кнопка имелась. Большая, овальная, из того же металла, что и весь браслет. Кнопка была нажата и почти сливалась с ровной поверхностью. Я попробовал ковырнуть ее ногтем, но ничего не получилось.

Непонятный подарок. Допивая кофе, я крутил на пальцах тяжелое кольцо. Браслет вращался немного неровно, словно внутри переливалась ртуть или перекатывались мелкие свинцовые шарики. А что, вполне возможно… Но как он надевается — отверстие такое узкое, что даже моя рука не пролезет?

Вошел папа. В одних плавках, мокрый от пота. Достал из холодильника бутылочку колы и небрежно предложил:

— Побежали к озеру? Освежимся…

Что я, ненормальный, что ли? Десять километров через лес. После такого кросса не освежиться захочется, а пролежать остаток дня под ближайшим деревом.

— Не… Я не антибиотик.

Допивая колу — папе потребовалось лишь три полновесных глотка, — он насмешливо улыбнулся:

— Так и быть, возьмем флаер.

Я встрепенулся. И снова замотал головой:

— Папа, я не могу. Я должен узнать, как Арнис.

Отец понимающе кивнул. Что такое дружба, десантники понимают прекрасно, не зря папа никогда не ворчит, оплачивая видеофонные счета.

— Часа через два связь будет. Мы проезжали мимо ретрансляторов, ничего страшного с ними не случилось. Антенны целы, ну а приборы заменить — ерунда.

Я снова посмотрел на отца с восхищением. Так спокойно говорить об этом! Словно они ехали в прогулочных электромобильчиках, а не в покрытых керамической броней транспортерах десанта. Удивительно! Планета Туан звезды Бэлт. Почти сорок световых от Земли. И мой папа был там. Спасал людей. Лечил болезнь под названием «мятеж».

— Пап, а что это? — Я поднял браслет.

— Опознавательный знак мятежников.

Разъяснить ценность подарка — это целое искусство. Не меньшее, чем выбрать хороший подарок. Папа умел и то, и другое. Теперь я смотрел на металлическое кольцо с куда большим уважением.

— А зачем тут кнопка?

— Что-то вроде сигнала. — Папа забрал у меня браслет и теперь крутил его двумя пальцами. — Мы так и не разобрались до конца, но, похоже, в этом браслете мощный одноразовый передатчик. Кнопку полагалось нажимать в критической ситуации, после ранения или при взятии в плен. Сигнал «я вне игры», понимаешь? Кнопку можно нажать лишь раз.

Это я тоже понял. Владелец браслета свой сигнал уже послал…

— Ты забрал браслет у мятежника?

Папа кивнул.

— А как его надеть?

— Обыкновенно. Всовывай руку, и браслет растянется. Это металл с односторонней податливостью, как мой комбинезон.

Я уже приготовился надеть браслет, когда до меня дошло.

— Папа… а как его снимать? Ведь в обратную сторону он не растянется!

— Конечно. Придется разрезать. Возьмешь резак, просунешь его под браслет, включишь. Потом с другой стороны. И получатся у тебя две половинки и запах гари в воздухе.

Папа замолчал, и я почувствовал, почти физически почувствовал его напряжение. Если папа делал какую-то ошибку, то я замечал это сразу. Мы очень хорошо понимаем друг друга.

— Ладно, я побежал… — Он сделал неопределенный жест.

— На озеро?

Папа кивнул, и я остался один. С тяжелым браслетом в руках. Я смотрел на него, никак не решаясь просунуть руку в тугое металлическое кольцо. Разгадка была в браслете…

Как снять его с руки мятежника, не разрезая? Не портя оригинальный подарок?

Очень просто. Достаточно лишь…

Я замотал головой. Нет.

Нет!

Такого быть не могло. Все гораздо проще. Прямое попадание. Плазменный заряд разрывает негодяя на части. И на почерневшей от жары земле остается его опознавательный знак.

Торопливо, боясь передумать, я надел браслет. Он оказался неожиданно теплым — словно хранящим до сих пор пламя того выстрела. И не слишком уж тяжелым. Походить с ним два-три дня несложно.

Мы живем в пригороде Иркутска. До города километров сто, так что по ночам видны светящиеся иглы жилых башен на горизонте. Чего я никогда в жизни не хотел — так это жить в таких домах. Километр бетона, стекла и металла, бесцельно тянущийся вверх. Как будто на Земле мало места.

Не один я так думаю. Иначе не окружали бы каждый мегаполис двухсоткилометровые пригородные пояса. Уютные коттеджи и многоэтажные виллы, перемешанные с лоскутками лесов и редкими зеркальцами озер.

Я шел по тропинке, ведущей к Мишкиному дому. Тропинка была удобной, даже слишком. Двое мальчишек, пусть даже и бегающих друг к другу по десять раз на день, такую не сделают.

Тропинку проложили роботы по образу идеальной «лесной дорожки», записанному в их кристаллических мозгах. И она получилась что надо.

За каждым поворотом тропинки, за каждым ее непредсказуемым изгибом открывалось что-то абсолютно неожиданное. То среди древнего соснового бора оказывалось живописное болотце, опоясанное ивами и ракитой. То за огромным дубом пряталась полянка с сочной зе-

леной травой. Быстрый каменистый ручеек пересекал тропинку — а над ним плавной дугой выгибался крошечный деревянный мостик.

По этой тропинке можно было ходить бесконечно — она не наскучит. Пятнадцатиминутный путь сжимался в одно мгновение.

Мишкин дом больше всего походит на маленькую средневековую крепость. Квадратное здание из серого камня, с невысокими башенками по углам. Наверное, его придумали Мишкины родители — они археологи и очень любят всякие древности.

Мишка ждал меня на пороге. Я не звонил ему и не договаривался прийти заранее. Но ничего странного в Мишкином ожидании не было.

Дело в том, что он — нюхач.

Можно, конечно, найти словечко покрасивее, но суть от этого не изменится. Мишка чувствует запахи на порядок лучше любой собаки, не говоря уж о человеке.

Его родители прошли курс спецлечения, чтобы Мишка родился таким, какой он есть. Но сам он, по-моему, не больно-то ценит это. Однажды Мишка сказал мне, что чувствовать одновременно сотни запахов — это очень неприятно. Похоже на какофонию из множества одновременно сыгранных мелодий… Не знаю. Мне лично хотелось бы стать нюхачом и догадываться о приближении друзей за добрую сотню метров, ощущая в воздухе их запах.

Мишка махнул мне рукой.

— Приехал твой папа? — утверждающе спросил он.

Я кивнул. Иногда, когда у Мишки хорошее настроение, он любит хвастаться своими способностями.

— Да. Сильно чувствуется?

— Конечно. Гарь, танковое горючее и взрывчатка. Очень сильные запахи…

Мишка мгновение поколебался. И добавил:

— А еще пот. Запах усталости.

Я развел руками. Все верно, мистер Шерлок Холмс.

— Пошли купаться?

— На озеро?

— Нет, далеко… К Тольке в бассейн.

У нашего приятеля, семилетнего Толика Ярцева, самый большой в окрестностях бассейн. Пятьдесят на двадцать метров — не шутка.

— Пойдем.

И тут Мишка увидел на моей руке браслет.

— А это что, Алька?

Я небрежно вытянул руку с браслетом:

— Папкин подарок.

— Что это, Алька?

Мишка повторил вопрос, словно и не слышал моих слов.

— Подарок. Опознавательный знак мятежников на планете Туан.

— Твой папа вернулся оттуда?

Мишка смотрел на браслет с непонятным испугом. Я никогда не видел его таким.

— Ты что?

— Он мне не нравится.

Неожиданная мысль пронзила меня.

— Мишка, что ты можешь сказать про эту штуку? Внюхайся! Ты же можешь!

Он кивнул — с легкой заминкой, словно пытался и не смог найти повод для отказа.

— Дезраствор, — сказал он через минуту. — Очень тщательная обработка. Ничего не осталось… И немножко озона.

— Правильно, — подтвердил я. — Мятежника, который таскал браслет, сожгли плазмометом.

— Выбрось эту гадость, Алик, — тихо попросил Мишка. — Она мне не нравится.

— Вот еще… Папа привез мне браслет из десанта…

Мишка отвернулся. Глухо сказал:

— Не пойду я никуда, Алька. До завтра.

Тоже мне умник. Я презрительно посмотрел ему вслед. Мишка завидует мне, вот и все. Еще бы… мой папа — антибиотик.

Купаться к Толику я пошел один. Там мое самолюбие несколько успокоилось. Мальчишка выслушал меня, затаив дыхание, а через полчаса уже носился в компании таких же малышей, играя в десантников. Когда я выбрался из бассейна и лениво обтирался тонким разовым полотенцем, из-за дома — модернового нагромождения огромных пластиковых шаров — доносилось: «Ты убит, снимай браслет!» Я невольно усмехнулся. Дня на два-три новая игра, с ее громкими выкриками и оглушительными хлопками «бластеров», лишит покоя всех соседей. И это натворил я… Может, сказать Толику, что десантники воюют тихо и скрытно, как индейцы?

Когда я пришел домой, компьютер видеофона продолжал повторять вызов. Связи с планетой Туан по-прежнему не было.

Папу я нашел в библиотеке. Он сидел в своем любимом кресле, неторопливо перелистывая страницы толстой книги с глубокомысленным названием «Нет мира среди звезд». На обложке был изображен звездолет, разваливающийся на куски без всякой видимой причины. Я слегка склонил голову — картинка дрогнула и изменилась, переходя в другую фазу изобра-

жения. Теперь звездолет стал целым, а в бок его, куда-то между главным реактором и жилыми отсеками, бил темно-голубой луч. Папа продолжал читать, делая вид, что не замечает меня. Я повернулся и тихо вышел из библиотеки. Если папа принимается за старые космические боевики, это верное свидетельство плохого настроения. Наверно, даже антибиотику бывает грустно.

У себя в комнате, забравшись с ногами на кровать, я с минуту размышлял, чем бы заняться. На столе валялась недочитанная «Сага воды и огня», старинная книжка про войну, выпрошенная на два дня у Мишкиного папы-археолога. Бумажные страницы книжки обтрепались и были залиты прозрачным пластиком, обложка не сохранилась вообще, но читать ее от этого стало лишь интереснее. Вторая мировая война предстала передо мной в совершенно неожиданном виде. Впрочем, я всегда плохо знал историю…

Было и другое занятие: на дискетке компьютера третий день дожидались меня невыполненные задачи по математике. Тянуть с ними не стоило — преподаватель мог вот-вот проверить уроки.

Но вместо того чтобы взять книгу или подсесть к терминалу школьного компьютера, я сказал:

— Включить визор. Информация по восстанию на Туане за последние шесть часов.

На стене засветился мягким светом экран. Замелькали, сменяясь с не воспринимаемой глазом быстротой, кадры. Телевизор просеивал тридцать с лишним круглосуточных программ, выуживая все сообщения, где упоминался Туан. Через несколько секунд поиск прекратился.

— Двадцать шесть передач. Общая продолжительность восемь часов тридцать одна минута, — сообщил равнодушный механический голос.

— Начинай с первой, — приказал я, устраиваясь поудобнее.

На экране мелькнула эмблема развлекательного канала и заставка «Виктор-шоу». Упитанный мужчина жизнерадостно помахал рукой и сказал:

— Привет! Что вы задумались, как повстанцы перед прибытием Десантного Корпуса?

Повинуясь невидимому режиссеру, грянул гомерический хохот.

— Убрать, — с непонятным самому себе отвращением приказал я.

Прозвучали торжественные позывные правительственного канала, на экране возник громадный зал Ассамблеи. Мужчина перед микрофоном говорил:

— События на Туане продемонстрировали всю необходимость сохранения финансирования…

— Переключить.

Экран налился густой чернотой. Из мрака медленно выплыл медово-желтый колокол.

Накатился густой, долгий звон. Информационная программа «Взор».

— Оставить.

Колокол повернулся, превращаясь в человеческий глаз. Зрачок увеличивался, стал прозрачным. Проступили темные пятна транспортеров, фигуры с оружием в руках. Знакомый голос Григория Невсяна — знаменитого обозревателя — произнес:

— Мы на Туане, первой планете звезды Бэлт. Трагедия, разыгравшаяся в этом тихом, спокойном мире, не может оставить равнодушным никого…

Я лежал и слушал. Про экстремистов, рвущихся к власти на Туане. Про обманом втянутых в мятеж людей. Про десантников, с риском для жизни восстанавливающих порядок.

— Некоторые назовут преступным применение десантниками оружия. Но разве не вдвойне преступно втягивать в политические игры подростков, детей? — спрашивал Невсян. — На стороне мятежников сражались двенадцати-тринадцатилетние мальчишки. Им дали оружие, им приказали не сдаваться в плен.

Я почувствовал злость. Это подлость. Мои ровесники… Значит, среди них мог быть Арнис. И ему могли приказать не сдаваться…

— Никто из мятежников, повторяю — никто не сдался в плен. В безвыходных ситуациях они отстреливались до конца, а затем подрывали себя гранатами. Такой фанатизм просто невозможен без гипновнушения.

— Выключить, — скомандовал я, поворачиваясь на спину. Полежал, глядя в потолок. Наверное, лучше всего мне лечь спать. Заказать спокойную музыку, с плавно понижающейся громкостью и незаметным переходом в шорох дождя. А под утро, для пробуждения, — что-нибудь задорное и темпераментное…

Призывно пискнул видеофон. Вежливо сообщил:

— Вызов принят к исполнению. Установление связи через двадцать секунд.

Я вскочил. Бросился к экрану. Встал перед круглой голубоватой линзой камеры. Связь через двадцать секунд… За сотни, а может, и тысячи километров от меня антенны станции связи готовились выбросить вверх, в космос, мой вызов — сжатый до миллисекунд кодированный сигнал. Где-то над планетой зависший на стационарной орбите ретранслятор подхватит эстафету, передав промоделированным лазерным лучом сообщение на межзвездный передатчик — двухкилометрового диаметра шар, вращающийся по независимой околосолнечной орбите. Там, переведенный на язык гравитационных импульсов, собранный в один пакет с тысячами других сообщений, сигнал отправится во Вселенную. В космосе, вблизи звезды Бэлт, его примут антенны местной станции. И все пойдет в обратном порядке.

На экране успокаивающе светилось изумрудное: «Ожидайте». Но мне уговоры не требовались. Я и так ждал целый день, а теперь не отошел бы от экрана и до утра.

Экран ожил. Секунду изображение было не в фокусе, потом подстроилось. На фоне деревянной стены я увидел усталое женское лицо. Мать Арниса. На ней был строгий темный костюм, и я вдруг сообразил, что субъективное время наших планет совпадает. Не похоже, конечно, что я вытащил ее из постели… И все равно ужасно неудобно.

— Здравствуйте… — неловко начал я. — Добрый вечер.

У меня из головы вдруг начисто вылетело ее имя. И чем усерднее я пытался его вспомнить, тем надежнее забывал.

Несколько секунд женщина на экране всматривалась в мое лицо. То ли видеофон никак не наводился на резкость, то ли она просто меня не узнавала. Мы видели друг друга раза два или три, и то лишь по видеосвязи.

— Здравствуй, — без всякого удивления произнесла она. — Ты Алик, друг Арниса.

— Да, — обрадованно подтвердил я. И зачем-то добавил: — Мы были в спортлагере прошлым летом.

Она кивнула. И продолжала молча смотреть на меня. Странно как-то смотреть. Безразлично.

— Арнис не спит? — неуверенно спросил я. — Он может подойти?

Голос ее стал еще более бесцветным.

— Арниса нет, Алик.

Я понял. Я сразу же понял, может быть, потому, что наперекор доводам рассудка боялся этого. Но все равно спросил, упорно не желая верить:

— Он спит? Или ушел куда-то?

— Арниса больше нет, — повторила она, добавив лишь одно слово. Решающее. Больше нет Арниса.

— Неправда, — услышал я свой собственный голос. И закричал, не понимая, что говорю: — Неправда! Неправда!

Вот после этих слов она и заплакала.

Меня всегда пугает, когда взрослые плачут перед детьми. Это что-то ненормальное, противоестественное. Я сразу начинаю чувствовать себя неправым и говорить разные дурацкие вещи вроде того, что исправлюсь, даже если и не виноват ни в чем.

Но сейчас мне было на все плевать. Арнис, мой друг, мой самый настоящий во всей Вселенной друг, с которым мы провели два месяца во Флориде и никогда больше не встретимся, мертв. Убит. На войне не умирают от простуды.

— Расскажите. Расскажите мне, что случилось, — попросил я. — Я должен знать, обязательно.

А почему, собственно, должен? Потому, что Арнис мой друг? Или потому, что мой па-

па — антибиотик, не успевший вовремя вылечить болезнь?

— Он был с повстанцами, — тихо сказала она. Так тихо, что дурацкая автоматика видеофона отрегулировала звук, превратив шепот в громкую, почти оглушительную речь.

Она говорила, не переставая плакать. А я слушал. Про то, как Арнис ушел из дому и она не успела его задержать. Как позвонил домой и, не скрывая гордости, заявил, что ему выдали настоящий боевой лучемет. И как она узнала, что повстанцам выдавали не только лучеметы, но и приборы автоматического уничтожения, взрывающиеся после гибели повстанца. И что Арнису, слава Богу, такого прибора не дали — и она сможет его похоронить. А лицо у него спокойное, боли он не почувствовал, лазерный луч убивает мгновенно. И ран на нем почти нет… только пятнышко красное на груди… куда луч попал… и рука… тоже лазером…

Она говорила и не думала, наверное, о том, что я с Земли. С великой планеты, откуда явились десантники-антибиотики. Те, кто уничтожил и повстанцев, и мальчишек, которым так хотелось поиграть с настоящим лучеметом.

Во Флориде мы тоже любили играть в войну.

Она, конечно же, не помнила, кто мой отец. И могла смотреть мне в глаза. А вот я не мог. И когда она перестала говорить, но продолжала плакать, отвернувшись от безжалостного глаза телекамеры, я протянул руку к пульту и отключил связь.

В комнате стало темно и тихо. Лишь скреблась с тихим шорохом в оконное стекло раскачиваемая ветром ветка.

— Свет! — заорал я. — Полный свет!

Вспыхнули лампы, все, какие только были в комнате. Матовые потолочные плафоны, и хрустальная люстра, и ночники из темно-оранжевого стекла, и настольная лампа на гибкой тонкой ножке.

Свет слепил глаза, резал на кусочки повисшую в комнате тишину, И тишина ожила, подкралась ко мне, вползла в уши. Даже ветка за окном перестала качаться.

— Музыку! Громко! Программу новостей! Учебную программу! Громко! Перебор программ! Громко!

Тишина взорвалась, исчезла, превратилась в ничто. Гремел объемным звучанием модерн-рок, сменяли друг друга с трехсекундным интервалом радиопрограммы. На телеэкранах учили тонкостям итальянского языка, объясняли, как выращивать орхидеи, сообщали последние новости…

— Оставить новости! — закричал я, пытаясь перекрыть многоголосье. — Все отключить, оставить новости!

Какофония прекратилась. С экрана новостей уже исчезло знакомое название планеты. Теперь там показывали дымящиеся развалины. Маленькие фигурки в блестящих огнеупор-

ных костюмах бродили среди бетонного крошева.

— …огромной силы. Разрушенным оказалось не только здание морга, но и прилегающий больничный комплекс. Представитель сил безопасности заявил, что не исключает террористическую вылазку. Именно в этот морг доставили почти сутки назад тела убитых повстанцев, которые, вопреки их обычной практике, не взорвали себя, а погибли в бою.

Мелькнула заставка: «Новости этого часа».

— Отключить, — машинально приказал я. И посмотрел на браслет.

Это очень хорошая идея — устройство, которое взрывается после смерти бойца. С небольшой задержкой, в две-три минуты… чтобы его убийцы успели подойти к телу. Устройство можно сделать в виде браслета, который нельзя снять с руки. Снабдить датчиком пульса… зарядом мощной взрывчатки, а еще лучше — плазмы в магнитной ловушке.

А еще нужен замедлитель — для тех случаев, когда боец сражается в составе группы и немедленный взрыв не нужен. Например, кнопка, которая при нажатии откладывает взрыв на сутки. Даже такой взрыв может нанести ущерб врагу, не знающему о секрете. Конечно, лучше всего, чтобы глупый враг снял браслет и прихватил в качестве сувенира. Если он подарит его сыну — тоже не беда. Я стягивал браслет изо всех сил. Но трубка, так легко поддавшаяся, когда я всовывал руку, оставалась неподвижной.

Я попытался поддеть его отверткой, раздвинуть пошире и сорвать. Но и это не получилось. Браслет делали умные, умелые инженеры. Наверное, лишь они могли его снять.

В бессмысленном остервенении я начал рвать браслет зубами. И почувствовал легкий, приятный запах.

Как я мог подумать, что Мишка уловил запах озона через много часов после выстрела? Озон, трехатомная молекула кислорода, — одно из самых нестойких соединений. Зато он выделяется при работе электронной аппаратуры и магнитных ловушек, удерживающих плазму.

В мою руку вцепилась смерть. Страшная, огненная смерть, не желающая отпускать добычу. Но меня вдруг перестало это пугать.

Смерть была не моей, она предназначалась Арнису. Папа принес ее мне, пусть и не сознавая, что делает. Немыслимое совпадение стало справедливым благодаря своей немыслимости.

Медленно, как во сне, я пошел к двери. Мягкий ворс ковра… холодок деревянных ступеней…

Я толкнул дверь папиной спальни. И вошел в комнату, где мирно спал усталый антибиотик.

Садясь в кресло у папиного изголовья, я еще не знал, что буду делать. Будить отца; дремать, опустив голову на холодный браслет; или посижу минуту и уйду в лес, подальше от до-

ма. Разницы в этих поступках не было.

Но папа проснулся.

Легко соскочив с кровати, он неуловимым движением включил свет. Чуть-чуть расслабился, увидев меня, и тут же напрягся снова. Вопросительно качнул головой.

— Папка, этот браслет — мина с часовым механизмом, — почти спокойно сказал я — Объяснять долго, я не буду. Но это точно. Он взорвется через сутки после смерти своего первого владельца… примерно. Ты не помнишь, когда вы его убили?

Я никогда не видел, чтобы папа так сильно бледнел. Через мгновение он уже стоял рядом — и сдирал браслет с моей руки.

Я взвыл. Мне было очень больно и немного обидно, что мой умный папа делает такую глупую вещь

— Папа, его не снимешь. Он же на мальчишку рассчитан… Пап, ты не помнишь, у него не было родинки на левой щеке?

Папа взглянул на часы. И подошел к видеофону. Я решил, что он собирается куда-то звонить, но ошибся. Ударом руки папа пробил деревянную облицовочную панель слева от экрана. И вытащил из маленького углубления пистолет с длинным, зеркально поблескивающим, топорщащимся теплоотводами стволом.

Вот теперь мне стало страшно. Десантник, хранящий дома исправное оружие, подлежал увольнению из Десантного Корпуса и крупному штрафу. Если же оружие использовалось — тюремному заключению.

— Пап… — прошептал я, глядя на пистолет. — Папа…

Папа подхватил меня, перекинул через плечо и побежал к двери. Он ничего не говорил — наверное, уже не было времени. Потом мы бежали через сад.

Потом папа запрыгнул в кабину флаера и начал набирать на пульте программу экстренного взлета. Меня он швырнул на заднее сиденье, через секунду бросил туда же пистолет и аптечку.

— Введи себе двойную дозу обезболивающего, — приказал он.

Несмотря на страх, я едва не рассмеялся. Обезболивающее перед взрывом плазменного заряда? Все равно что веером обороняться от носорога.

Но я все же достал две крошечные ярко-алые ампулы. Раздавил в кулаке, сжал пальцы, чувствуя, как лекарство морозным холодком всосалось в кожу. Голова слегка закружилась.

А папа управлял флаером, ведя его на предельной скорости. За прозрачным колпаком кабины выл рассекаемый воздух. Неужели он думает, что нам где-то помогут? Успеют помочь?

Флаер затормозил. Завис в воздухе. Визг форсированных двигателей перешел в мягкий

гул. Мы парили в ночном нефе, два человека в крохотной скорлупке из металла и пластика.

— Мы над озером, — сказал папа и непонятно пояснил: — Над лесом нельзя, уйма зверья погибнет. Звери-то ни в чем не виноваты.

Он что-то нажимал на пульте, набирая незнакомые мне команды. Недовольно пискнул блок безопасности, и колпак кабины медленно откинулся. На километровой высоте!

Нас гладил прохладный ночной ветерок. Слегка пахло водой. И озоном, проклятым озоном — не от браслета, конечно, от работающих двигателей.

Папа перебрался на заднее сиденье. Флаер слегка качнулся, и я увидел внизу тускло мерцающую водную гладь.

— Руку, — скомандовал папа. И я послушно положил руку на бортик кабины. Папа сел рядом, всем телом прижимая меня к спинке сиденья. Взял за руку — мои пальцы утонули в папиной ладони. Она была очень холодной. И твердой, как ткань защитного комбинезона. — Не бойся, — сказал папа. — И лучше не смотри. Отвернись.

Мне перехватило дыхание. Тело ослабло. Я понял, что не смогу сейчас пошевелиться. Даже отвернуться не смогу.

Папа взял пистолет, Еще секунду я чувствовал его пальцы. А потом в темноте сверкнул ослепительный белый луч.

Никогда раньше я не знал настоящей боли. Вся боль, которую я раньше испытывал, была лишь подготовкой к этой — единственной, подлинной, невыносимой. Той, которую никогда не должен узнать человек.

Папа ударил меня по лицу, загоняя крик обратно в легкие. Заорал срывающимся голосом:

— Терпи! Сохраняй силы! Терпи!

Я даже не мог закрыть глаза, боль заставила веки раскрыться, а тело выгнуться в мучительной судороге. Я видел свою кисть в папиной руке. И нелепый, жалкий обрубок на месте своего запястья. И серебристый браслет, падающий вниз, в озеро, с этого обрубка.

Прошло секунд пять, не больше. Кабина начала закрываться, а папа нажал на пульте клавишу «03» — срочный полет к ближайшему медицинскому центру. И тут внизу вспыхнуло — пронзительным, жарким, оранжевым светом. Еще через мгновение флаер тряхнуло. И я заметил, как опадает на красно-оранжевом зеркале озера многометровый, сотканный из пара и брызг фонтан.

Папа был прав, как всегда. Над лесом такого делать не стоило — белкам пришлось бы туго. А звери ведь ни в чем не виноваты.

Говорят, что чем сильнее люди любят животных, тем больше они любят людей. Наверно, это до какого-то предела. А дальше все наоборот…

Я пришел в себя на операционном столе. Я лежал раздетый, с присосками датчиков по всему телу. К столу подходили все новые и новые люди. Папа стоял среди них, в белом медицинском халате, и что-то вполголоса говорил. Разговаривали и врачи, склонившиеся над моей рукой:

— Удивительно, как резак оставил такую ровную рану. Крови почти нет, как после лазерного луча…

— Ерунда, откуда на Земле боевой лазер?

Кто-то заметил, что я открыл глаза. Нагнулся к самому лицу, успокоительно произнес:

— Не бойся, дружок, с рукой все будет в порядке. Мы ее вернем на место. Только впредь поосторожнее с инструментами…

И добавил, отвернувшись в сторону:

— Сестра! Кубик анальгетика… и антибиотик. Лучше октамицин, полмиллиона единиц.

Я засмеялся. Боль не стала меньше, она по-прежнему жевала руку раскаленными тупыми клыками. Но я смеялся, уворачиваясь от маски с дурманящим наркозным запахом. И все шептал, шептал, шептал:

— Антибиотик… антибиотик… антибиотик…

ПОЧТИ ВЕСНА

За толстым холодным стеклом умирала зима. Влажные бесформенные снежинки падали на черную землю клумб, на мокро отблескивающий в свете фонарей асфальт, на торопливые фигурки прохожих. Вдали, за частоколом сосен, белыми гребнями рябило море. На Балтике штормило третий день.

Краем глаза я видел мужчину, сидящего метрах в пяти. Уж слишком старательно он пытался не смотреть на меня…

Когда-то я не любил таких, как он, — нерешительных и настойчивых одновременно. Их появление означало неизбежные просьбы и не менее неизбежный отказ. Но сейчас предстоящий разговор не вызывал никаких эмоций. У мужчины могла быть тысяча причин искать встречи со мной. А у меня — лишь одна причина находиться в зале ожидания регионального генетического центра.

Зал был большим — горькая предусмотрительность строителей. Но обилие модных скульптур из цветного стекла, тропических растений, тянущихся от пола до прозрачного потолка, огромных аквариумов с яркими рыбками делало его почти уютным. Тихая музыка заглушала голоса, неяркий свет смазывал лица. Здесь не принято говорить громко, здесь не

принято узнавать знакомых. Тут не плачут от горя и не смеются от радости. Здесь просто ждут.

— Ваш талон, пожалуйста. — Девушка в зеленой форме подошла к моему креслу.

Я протянул ей маленький белый прямоугольник. Никаких имен, лишь десятизначный номер и фотография.

— Ваш результат. — В мою ладонь лег запечатанный конверт с тем же номером, что на талоне. — Удачи вам.

Я кивнул. Слова девушки — формальность, заученная формула вежливости. Но как она мне нужна сейчас, удача… Хотя бы чуть-чуть удачи. Маленький зеленый штампик на листе гербовой бумаги в конверте.

— Спасибо, — вполголоса сказал я. — Спасибо…

И надорвал плотный конверт — осторожно, по самому краю, как делали до меня миллионы, сотни миллионов людей.

Лист был слишком большим для тех нескольких строчек, которые отпечатал на нем сегодня утром диагностический компьютер. Да и немудрено — в толще бумаги запрессовывались пленочные микросхемы, которые надежнее всех печатей и водяных знаков предотвращали подделку.

Михаил Кобрин, 18 лет.

Соматически здоров.

Экспериментальная мутация на эмбриональной стадии типа ОЛ-63 с положительными результатами.

Генотип— 81% чистых, 19% слабонегативных. Желтый штамп.

Екатерина Новикова, 16 лет.

Соматически здорова.

Генотип — 67% чистых, 32% слабонегативных, 1% средненегативный. Желтый штамп.

Взаимная генетическая совместимость:

Совпадение рецессивных негативных генов по типу ЦМ-713.

Абсолютные противопоказания.

Возможность оперативной терапии — 0%.

Красный штамп.

Он стоял ниже — этот самый красный штамп с надписью: «Запрет. Генетический контроль».

Я сжимал в руках свой приговор, словно собирался разорвать его или скомкать и кинуть кому-нибудь в лицо. Например, мужчине, который подходил ко мне с напряженной, сочувственной полуулыбкой…

— Красный штамп, Миша?

Я не кинул в него заключением генетиков. Я беспомощно кивнул. И тут же, проклиная себя за эту беспомощность и желание разреветься, сказал:

— А вам-то какое дело? Кто вы такой?

— Тот, кто может помочь. — Он присел на корточки передо мной, сгорбившимся в мягком низком кресле. — Зови меня Эдгар.

— Мне нельзя помочь, — сказал я с прорывающейся яростью. — Я люблю девушку, с которой генетически несовместим. У нас никогда не будет детей.

— И тебя это не устраивает?

— Шел бы ты подальше… — процедил я. Прозвучало довольно жалко, и Эдгара это предложение не смутило.

— Я действительно могу помочь.

Напряжение в голосе исчезло. Спокойный тон. Холеное, гладко выбритое лицо. Светлые волосы коротко подстрижены по последней моде. Строгий серый костюм того делового стиля, что не менялся, наверное, с двадцатого века. Узкий галстук в тон рубашке.

Против воли я почувствовал, что начинаю ему верить. Конечно, его дружелюбие не бескорыстно… Но красный штамп заставляет цепляться за любую соломинку.

— Что вы можете сделать? Здесь написано, что операция невозможна.

Эдгар пожал плечами. И предложил:

— Может быть, поедем ко мне домой? Это недалеко, а у меня машина. Ты не против?

Я кивнул. Конечно же, не против.

Он жил в небольшом коттедже на берегу моря. К дому вела узкая бетонная дорога, сооруженная явно для одного. Что ж, высокий статус Эдгара ощущался с первого взгляда. В то же время рядом с домом не оказалось ни ангара, ни взлетной площадки для флаера. Похоже,

Эдгар был из нелюдимых домоседов…

Однако сейчас я видел перед собой гостеприимного хозяина. Он поинтересовался, что я предпочитаю: чай, кофе или пунш. Усадил в удобное, явно любимое кресло возле камина, извинился и исчез на кухне. Через несколько минут вернулся с подносом, где, кроме дымящегося кофе, стояли миниатюрные бутылочки с коньяком и бальзамом. Осторожно отмеряя ложечку бальзама, я заметил, как Эдгар плеснул в свой кофе коньяку. Гораздо больше, чем необходимо для приятного вкуса. Волнуется? Пускай. Я ведь тоже на взводе, хотя и понимаю, что надежд на Эдгара мало. Мне может помочь лишь чудо.

Эдгар тем временем взял с журнального столика деревянный ящичек. Открыл, извлек короткую толстую сигару. Потянулся за массивной зажигалкой из такого же красноватого дерева…

— Не стоит, — негромко попросил я. — Иначе мне придется уйти.

Эдгар торопливо отложил сигару. С улыбкой произнес:

— Извини, Миша. Чуть было не забыл, что ты «нюхач». Лучший в мире, если верить газетам.

— Единственный в мире. «Нюхачи» — просто люди с тренированным обонянием. Они похожи на меня не больше, чем вентилятор на турбореактивный двигатель.

— Образно, но непонятно. До сих пор ты никак не проявлял своих способностей. Я даже решил, что ошибся и везу к себе вовсе не Михаила Кобрина.

Вот как. А утверждаешь, что забыл про мои способности. Нет, ты прекрасно о них помнишь, Эдгар. И сейчас размышляешь, смогу ли я сделать что-то, без чего тебе не жить…

Нарочито не обращая внимания на Эдгара, я вытер о салфетку и без того чистые пальцы. Примерился и быстрыми движениями извлек из ноздрей рыхлые, волокнистые комочки газовых фильтров. Бросил их в камин — синтетическое волокно фильтров теряет способность аккумулировать запахи примерно за полдня. И вдохнул — медленно, глубоко.

В глазах на мгновение потемнело. Потом зрение вернулось, предметы стали еще более четкими. А в воздухе повисла разноцветная, мерцающая, шелестящая паутина запахов…

— Уже год, как ты живешь здесь один, — тихо сказал я. — Три раза за это время к тебе приходили женщины. Всегда разные. А раньше ты жил с женой и двумя сыновьями. Они ушли от тебя — так, Эдгар? После этого ты стал пить, очень много пить. Коньяк, водка, виски, вино… Ты куришь — табак, а изредка и травку… С самого утра ты не курил ни того, ни другого, и сейчас тебе довольно неуютно… Что тебе рассказать еще?

— Хватит, Миша. Вполне хватит. — Эдгар ловко, не глядя, залил остатки кофе в чашечке коньяком. Залпом выпил. — Ты прав, почти во всем прав.

Странное выражение было у него на лице. Что-то из сказанного причинило ему настоя-

щую, неподдельную боль. А что-то, наоборот, вселило надежду…

— Только в одном ошибка. Моя семья погибла, Миша. Отказало автоуправление флаера. Говорят, такое случается раз в год. Это оказался их год.

Он не врал. Очень легко определить, когда человек врет, а когда говорит правду. Меняется запах пота, так резко и неожиданно, словно передо мной внезапно оказывается совсем другой человек.

— Извини, — смущенно произнес я. — Я должен был понять сам. Все вещи остались в доме, и одежда, и косметика, и игрушки…

— Ты и это чувствуешь?

— Да.

Эдгар не мигая смотрел мне в глаза. Потом вполголоса произнес:

— Я очень рад, что нашел тебя, Миша. Мы поможем друг другу. Ты вернешь мне сына. А я подарю тебе полноценную семью. Такую, где будет не только твоя любимая девушка, но и ваш ребенок.

У меня закружилась голова. Запахи, тысячи, миллионы запахов чужого дома навалились на меня с чудовищной силой. Рецепторы, занимающие девять этмоидальных раковин в моей искореженной мутацией носоглотке, жадно впитывали информацию. Запахи людей, погибших год назад. Запахи пищи, съеденной прошлой осенью. Запахи давным-давно выпитых вин… Я даже не мог переспросить Эдгара, не мог узнать, чего он хочет от меня, не мог встать, не мог шевельнуться. В клубящейся какофонии запахов, звуков и цветов почти терялся слабый, далекий голос Эдгара…

— Ты когда-нибудь задумывался, почему мы все так стремимся иметь детей? Парни твоего возраста влюблялись и мечтали о свадьбе во все времена. Но никто из них не собирался немедленно заводить ребенка. А многие ухитрялись прожить всю жизнь, не имея детей и не чувствуя себя ущербными.

Новая нитка в дрожащем цветном узоре, Булькающий звук наливаемого коньяка. Сложный рисунок запаха…

— Мы — раса уродов, Миша. Раса генетических уродов. Мы исковеркали себя авариями атомных реакторов и химических заводов. Мы проводили мутации, которые должны были сделать нас лучше… Лучше, чем мы могли быть. Ты ведь тоже результат этих экспериментов, Миша. И прекрасно знаешь им цену… иначе не ходил бы с фильтрами в носу, стараясь забыть о даре, которым тебя наделили. Мы здоровы телесно, но в наших телах спят генетические бомбы, проклятие будущих поколений. Дети-дебилы, без ног и пальцев, без ушей и волос. Дети, которые не должны родиться. Вот откуда наши генетические центры, наши проверки на взаимную совместимость. Лишь одна пара из восьми получает право иметь детей

друг от друга. Для других — генетические доноры, приемные дети… А то и полная стерилизация. То, что всегда было нормой, стало исключением. Предметом гордости. Показателем собственной полноценности.

— Не читай мне лекций, Эдгар, — прошептал я. — Да, я хочу быть полноценным. И хочу жить с девушкой, которую люблю. Неужели я виноват, что ее предки обитали рядом с хранилищами радиоактивных отходов и чадящими фабриками?

— Конечно, нет, Миша. Мы расплачиваемся за чужие грехи. А ведь это несправедливо.

— Прошлое не изменишь, — с невольной горечью сказал я. — И что толку в том, справедливо оно или нет.

— Как знать, Миша.

Я прикрыл глаза, сосредоточиваясь. Задержал на мгновение дыхание, разгоняя цветной туман перед глазами. И посмотрел в лицо Эдгара — посмотрел человеческим взглядом, а не сверхзрением «нюхача».

— Что ты хочешь мне предложить, Эдгар?

Он колебался. Все еще колебался, разглядывая меня сквозь заполненное алкогольными парами сознание.

— Вначале ответь, Миша… Ты согласен нарушить закон, чтобы помочь мне и себе?

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

— Скажи… ты смог бы отличить запах моего родственника… например, сына, от запахов других людей? Найти его среди тысячи чужих, незнакомых?

— Я проделал это десять минут назад.

Эдгар кивнул, соглашаясь. И заговорил, быстро, словно боясь передумать:

— Моя семья погибла, Миша. А еще за два года до этого я попал под облучение. Детей у меня больше не будет. А ведь мой генотип был близок к эталонному. Здоровые предки, никаких мутаций и наследственных болезней. Я даже был генетическим донором три с половиной года… В двух десятках семей растут мои дети, понимаешь?

— Ты хочешь, чтобы я нашел их? Это не просто незаконно, это невозможно. Я не могу обнюхать миллионы людей.

— Речь не идет о миллионах. Мне стали известны, абсолютно случайно, дата и город, где родился мой сын. У тебя будет список из тысячи семей, которые нужно проверить. Найди его, найди моего сына! Остальное я беру на себя.

Я кивнул. Тысяча семей, тысяча мальчишек, не подозревающих, что они приемные дети. Работы на полгода, на год. Я могу совершить эту подлость, могу сравнить их запах с запа-

хом Эдгара. Выделить десяток ароматических групп, составляющих неповторимую индивидуальную карту человека по имени Эдгар. И найти мальчишку, у которого окажется половина из них.

— А как ты собираешься помочь мне?

Эдгар подобрался, как перед прыжком в холодную воду.

— Я работаю в Темпоральном Институте. Руководителем экспериментальной группы.

Я понял. И почувствовал, как по коже прошелся холодок. Я сделаю для Эдгара подлую, незаконную вещь. А он совершит подлость для меня.

Кабина спортивного флаера не отличается комфортом. Одно-единственное кресло, не слишком мягкое и не способное превратиться в кровать. Зато это очень быстрая, маленькая и незаметная машина. Как раз то, что нужно.

Потягивая через соломинку лимонад — не слишком холодный, мне всегда приходилось беречься от простуды, — я проглядывал отпечатанный на бумаге список. Эдгар не хотел доверять его компьютерам — и был прав.

В городке, куда я прилечу на рассвете, живут три семьи, внесенные в список «подозреваемых». Сейчас ночь, и они мирно спят, не зная о том, как хрупок их покой. Наше время отвыкло от преступлений.

Звезды смотрели на меня сквозь колпак кабины — крошечные холодные огоньки. Когда-то мне нравилось повторять слова Канта — про звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Сейчас я был бы рад забыть это сравнение.

Человек не способен изменить собственное прошлое. Эдгар, имеющий и власть, и доверие в Темпоральном Институте, не мог отправиться на год назад, в прошлое, и спасти семью от страшной, нелепой смерти. Ведь этим он неизбежно изменял свое настоящее, то самое, в котором его семья погибла. Он убивал бы самого себя, знающего о трагедии и пытающегося ее предотвратить. Замкнутый круг, временная петля, осознанная людьми еще тогда, когда машина времени казалась фантастикой. Наверное, он провел не одну бессонную ночь, читал серьезные научные труды и дешевые фантастические романы в поисках выхода… И напивался до потери памяти, понимая, что выхода нет.

И тогда он решился построить свою семью заново. Найти сына — а в качестве платы тому, кто способен был это сделать, предложить власть над временем. Видимо, это стало его навязчивой идеей — изменить прошлое, переиграть жизнь, пусть даже не себе самому. Иначе он нашел бы другой путь склонить меня к преступлению. Или искал бы сына по-другому…

Что-то здесь было не так. Слишком сложную, слишком рискованную комбинацию раз-

работал Эдгар. Мое преступление казалось невинной шуткой по сравнению с тем, что должен совершить он.

Ну что ж. Эдгар мог вести двойную игру. Но если он принимал меня за ошалевшего от любви юнца, то жестоко ошибался. Шестнадцать лет, прожитых в мире, где я был лишним, научили меня диктовать свои правила. И Эдгару еще предстоит это понять.

Откинувшись на спинку кресла, я посмотрел вверх. И прошептал, подмигнув холодным огонькам в темном небе:

— Вы не вызываете моего восхищения. Так же, как и я сам.

Это была сто четырнадцатая семья из списка. И вторая из трех, обосновавшихся в маленьком городке на берегу Енисея. Даже удивительно, как занесло в крошечный, ничем и никогда не примечательный городок сразу трех женщин, ставших десять лет назад матерями в рижских больницах…

Я обосновался в сквере напротив дома — стандартной двадцатиэтажки, причудливо раскрашенной снаружи и невыразимо обыденной внутри. Скверик был зажат между выездами из подземных гаражей и маленькой посадочной площадкой для флаеров. Площадка заросла травой и казалась порядком заброшенной. Раз в неделю на ней садились такси, раз в месяц — машина «скорой помощи» или коммунальной службы. Раза два в год, возможно, прилетал на собственном флаере преуспевающий родственник кого-нибудь из жильцов… Ну а все остальное время заросший травой кружок принадлежал окрестным пацанам и дворовым кошкам.

Странно, здесь не было ничего, что могло бы вызывать зависть. И все же я завидовал. Усевшись на старой деревянной скамейке, разглядывая пыльные газоны и канареечно-яркие стены здания, я безумно завидовал живущим здесь мальчишкам. У них было то, чего я оказался навсегда лишенным. У них был двор. Двор, полный чудес, начиная с подвала и крыши размалеванного бетонного монстра и кончая этой самой площадкой, где редко-редко, распугивая недовольных котов, садились чужие сверкающие машины.

В моем детстве этого не было. Был уютный, ни на что не похожий коттедж в лесу. Были два флаера — один большой, семейный, а другой маленький, юркий, похожий на божью коровку цвета стали. Был ангар за домом, где стояли флаеры и любила ночевать ничейная собака по кличке Рекс. И друзья, жившие поблизости в таких же красивых и дорогих коттеджах… А вот двора, Двора с большой буквы, живущего по своим законам и правилам, не было.

Наверное, я думал об этом потому, что собирался сейчас отнять у какого-то мальчишки его дом. Его Дом и его Двор — то, чего он, возможно, и не ценит сейчас. А еще — его

семью, которую он должен любить. Если, конечно, это не такой балбес, как я, добившийся в одиннадцать лет права на самостоятельность и навсегда ушедший из родного дома…

Блеснула на солнце, поворачиваясь, стеклянная дверь одного из подъездов. Придерживая за руль легкий спортивный велосипед, во двор вышел мальчишка. Лет десяти, темноволосый, в вылинявших джинсиках и оранжевой майке. «Подозреваемый»? Вполне возможно…

Привстав со скамейки, я энергично махнул ему рукой. Не кричать же через весь двор, вызывая любопытство многочисленных соседей.

Секунду мальчишка колебался, внимательно рассматривая меня. А затем направился к скамейке, прислонив велосипед к стене и всем своим видом показывая, что делает мне огромное одолжение.

— Привет, — как можно небрежнее бросил я. — Ты, случайно, не знаешь Марию Денисенко? Она живет в вашем доме.

В глазах мальчишки мелькнула настороженность.

— Знаю, — негромко ответил он. — Это моя мама.

Я обрадованно улыбнулся. Вполне искренне, кстати. Уже через полчаса я смогу начать проверку третьей семьи, а к вечеру, даст Бог, вообще покину этот город.

— Мне сказали, что она хороший преподаватель химии, — начал я заранее приготовленную легенду. — Собираюсь поступать в университет, вот и решил позаниматься с кем-нибудь перед экзаменами…

Мальчишка помотал головой — облегченно и в то же время разочарованно:

— Не-а… Мама преподает физику, а не химию. Вам неправильно сказали.

Я ругнулся. Высморкался. И засунул в карман платок вместе с тампончиками газовых фильтров.

— Вот обидно… А я второй час ее поджидаю… Ты точно знаешь? Твоя мама преподает именно физику?

Я продолжал молоть какой-то вздор. А сам вдыхал запах: разноцветный, непрерывно меняющийся, похожий на узор в калейдоскопе. Запах мальчишки, который пять минут назад дожевывал вчерашние котлеты, а на прошлой неделе рисовал масляными красками. Запах мальчишки, который из всех напитков предпочитает апельсиновый сок.

Запах мальчишки, который был сыном Эдгара.

В Юрмале шел третий час ночи. Даже молодежный пансионат, в котором жила Катя, успел угомониться и лечь спать. А мы все еще разговаривали. О том, какие унылые дожди льют над Балтикой и какая теплая, солнечная весна выдалась в Сибири. О том, что три месяца моего отсутствия тянутся как три года. И о том, как успели надоесть видеофонные разго-

воры…

Лицо Кати на подрагивающем паршивеньком экране флаера казалось таким же, как раньше. Лишь в глазах пряталась упрямая детская обида. Не должен был я так неожиданно и надолго уезжать. Не имел на это ни малейшего права. Тем более сразу после генетической проверки, подтвердившей нашу полную совместимость…

— Знаешь, Миша, мне иногда кажется, что ты скрываешь от меня какую-то огромную беду. Прячешься, потому что не хочешь врать мне в лицо…

Я вымученно улыбнулся. Ничего, у Кати в номере видеофон не лучше моего. Попробуй разберись: усмехаюсь я или сдерживаю слезы.

— Какая может быть беда, Катька? Теперь, после этой проклятой проверки…

Вытащив из кармана лист генетического контроля, я махнул им перед маленьким глазком телекамеры. Так, чтобы Катя снова увидела бодренькие разрешающие слова и зеленый цвет печати. Заключение я подделал, и не нужно быть специалистом, чтобы распознать фальшивку. Но по видеофону документ смотрелся вполне убедительно.

— Я понимаю, Миша… И все-таки боюсь.

Наверное, это неизбежно. Того, кто любит тебя, обмануть очень просто. А того, кого любишь сам, — почти невозможно. Каждая улыбка, каждая уверенная фраза выйдут наигранными и ненастоящими. Словно ты, говоря вполголоса одно, выкрикиваешь при этом совсем другое. Когда любишь, даришь частичку себя.

А себя не обманешь.

— Все хорошо, Катя. У нас с тобой все в порядке. Просто оболтус, в которого ты случайно влюбилась, опять понадобился человечеству. Нужно помочь одному великому, но несчастному ученому. Никто другой этого сделать не сможет.

— И ради несчастного ученого ты три месяца болтаешься по всему континенту?

— Да.

— Но зачем? Ты ведь хотел забыть про свои способности! И никогда их больше не применять.

Я киваю. И виновато разъясняю:

— Дело в том, что я обязан этому ученому. Очень обязан. Вот и приходится… помогать.

— Уж не изобретатель ли это газовых фильтров? — Катя наконец-то рассмеялась. Почувствовала, что я говорю правду. Пусть и не всю, но лжи в моих словах тоже нет. Недаром говорят, что, скрывая обман, нужно сказать много настоящей правды.

— Это пока секрет…

Мы болтаем еще с полчаса. Катя то успокаивается, то снова встревоженно вглядывает-

ся в экран. Мой флаер тихо гудит, поглощая расстояние. А Катино лицо становится все более сонным, расслабляется и кажется теперь совсем детским. Есть у Кати такая особенность. Наверное, весь свой взрослый вид она создает постоянной серьезной гримаской. Но сейчас ей не до этого — она слишком хочет спать.

Мы желаем друг другу спокойной ночи и прерываем связь. Экран гаснет, я остаюсь в темноте, наполненной мерцанием приборов. Внизу темнота, лишь на горизонте разгорается бледное пламя ночного города. Там ждет меня заказанный накануне номер отеля. И абсолютно не ждут одиннадцать семей — последних «подозреваемых» из списка Эдгара.

Завтра я закончу проверку. А послезавтра увижу одного великого, но очень несчастного ученого.

И решу, стоит ли делать его счастливым.

Коттедж на берегу ничуть не изменился. Да и его хозяин, ждущий меня на пороге, тоже. Правда, сегодня не было дождя и туман рассеялся под теплым солнцем, а бегущие волны казались голубовато-прозрачными, чистыми как стекло.

Только подойдя ближе, я заметил в лице Эдгара странную неподвижность. Смесь уже наступившего разочарования и еще не погибшей надежды. Но, слава Богу, он хотя бы не был пьян.

Эдгар молча провел меня в дом. Приготовил кофе. И лишь потом спросил, резко, без предисловий:

— Итак, ты не нашел его?

Выходит, я был прав. Абсолютно прав в своих подозрениях. Глотнув кофе, я посмотрел Эдгару в глаза. И ответил:

— Почему же? Нашел.

Лицо Эдгара задрожало. Неподвижность сползала с него, уступая место обиде. Да, именно обиде. Он не ожидал, что его смогут переиграть.

— Невозможно, — быстро произнес он. — Последний в Списке оказался моим сыном? Один шанс из тысячи тридцати двух. Немыслимо.

— Значит, ты следил за мной, — равнодушно констатировал я. — Электронный жучок на одежде… или в обшивке флаера.

Эдгар покачал головой. Проигрывать он все-таки умел.

— Не так тривиально, Миша. Темпоральный зонд.

Я кивнул. Этого и следовало ожидать. Слишком уж по-крупному шла игра… Где-то рядом со мной, отставая на долю секунды субъективного времени, неощутимый и бесплотный, крался сквозь пространство прибор-соглядатай. Одна из любимых игрушек Темпорального Института, применение позднее двадцатого века категорически запрещено…

— Прояви его, Эдгар. Хочется посмотреть.

Он покачал головой:

— Невозможно. Зонд раздавит эту комнату и еще половину дома.

Похоже, он не врал. Действительно, к чему делать миниатюрными машины-шпионы, прикрытые темпоральным полем лучше любого камуфляжа…

— Тогда поговорим на равных.

Я вынул газовые фильтры, погружаясь в свой мир — болезненно-реальный мир оживших миражей, разноцветных теней, прерывающихся звуков.

— У меня есть нужное имя. У тебя… Впрочем, действительно ли ты можешь мне помочь? Вначале план был в том, чтобы выследить, на какой семье я прекращу поиск, и сообщить мне, что затея провалилась… например, тебя уволили из института. Я был бы не в обиде, ведь имя-то сообщить еще не успел. Так?

— Так.

— А теперь ты ставишь на другое… На ампулу в правом кармане пиджака!

Рука Эдгара метнулась к карману. Застыла, вцепившись в ткань. А на лице, впервые за время нашего знакомства, появился страх.

— Откуда ты взял эту гадость, Эдгар? Надо же… Наркотик правды. Притащил из прошлого?

— Его и сейчас нетрудно достать… — хрипло прошептал Эдгар. — Ты что, читаешь мысли?

— Запахи, Эдгар, запахи. Прежде чем ты решишься сделать мне укол, я почувствую это. Я угадаю прыжок, прежде чем ты согнешь ноги, и удар — раньше, чем ты замахнешься.

Он растерялся. Я немного утрировал свои возможности, но растерянность Эдгара почувствовать было несложно. На всякий случай я добавил:

— И к тому же… Почему ты думаешь, что этот препарат на меня подействует? Я ведь мутант. Я пьянею от эуфиллина и засыпаю от йода. Содержимое ампулы может оказаться для меня отравой или быть не опаснее простой воды.

— Твоя взяла… — Эдгар деланно развел руками. Но в запахе его тонкой зеленой линией прорезалось облегчение. Он смирился. Позволил себе расслабиться и сдаться. — Все будет по-честному, Миша, Я сделаю то, что обещал, а ты назовешь имя.

— А вот это мы сейчас решим. — Я почувствовал себя хозяином положения и не смог удержаться от насмешки. — Мне пришло в голову, что ты очень опасный человек. Так что придется спросить, каким способом ты собираешься вернуть себе сына. Нигде в мире не существует документов, доказывающих, что он твой родной сын.

— Каким способом? Не слишком этичным, Миша. Я изменю его прошлое, изменю так,

что к сегодняшнему дню он будет иметь знак самостоятельности. Одновременно он поссорится с родителями, уйдет из дому…

— …совершенно случайно встретится с тобой, подружится, а потом согласится пройти генетический контроль. Вдруг добрый и хороший дядя Эдгар — его родственник? А дядя Эдгар неожиданно окажется папой. Газеты и ти-ви трубят об удивительной встрече отца и сына, знакомые наперебой поздравляют вас. Ты вновь полноценный человек. Твой маленький, но самостоятельный сын совершенно добровольно живет у тебя.

— Ему будет хорошо со мной, Миша! — Эдгар побледнел так сильно, что я испугался, не перегнул ли палку.

— А его приемным родителям?

— Я же сказал, это будет не самый этичный поступок!

Мы замолчали. Потом Эдгар вкрадчиво произнес:

— Впрочем, я могу задать встречный вопрос, Миша. Этично ли то, что ты сделаешь в двадцатом веке?

Я отвел глаза. И ответил:

— Хорошо, Эдгар. Я помню наш разговор. И совершу преступление полтораста лет назад… так же, как ты совершишь свое через неделю.

— Не путай истинное и субъективное время, Миша. Ты нарушишь закон завтра утром.

Я действительно прекрасно помнил нашу беседу, состоявшуюся три месяца назад. Помнил так, словно мы лишь час назад сидели за пультом компьютера…

Не знаю, каким образом Эдгар провел в свой дом терминал институтского компьютера. Это было строжайше запрещено. Доступ к любому компьютеру, способному прогнозировать человеческое поведение, давал огромную, бесконтрольную власть. Ну а главный компьютер Института Времени делал такую власть безграничной.

Возможно, Эдгару помог украденный темпоральный зонд. Но скорее именно советы компьютера помогли ему похитить, объявить пропавшей одну из немногих существующих машин времени.

Тогда, три месяца назад, набрав на моих глазах длинный ряд цифр — простой, но надежный шифр, Эдгар превратил свой домашний компьютер, простенький маломощный «Балтис-07», в придаток одной из самых сложных машин, созданных человечеством. Набирая на клавиатуре команды — «Балтис» даже не был снабжен речевым адаптером, — Эдгар разъяснял мне свой план.

— Изменить твое прошлое, Миша, невозможно. Мы опять-таки вызовем временную петлю… Значит, придется работать с предками твоей девушки… Да не смотри ты на меня так! Нам нужно убрать один процент ее генов, заменить на другие, чистые, совместимые с

твоими. Для этого достаточно вмешаться в седьмое поколение ее предков. Пускай какой-нибудь Саша Иванов станет отцом вместо Вани Александрова. Остальное должно остаться прежним. Те же папа с мамой, те же бабушки с дедушками. Мы просто выдергиваем кубик в основании пирамиды — и меняем его на другой. Не важно, что кубики разных цветов, главное, чтобы вся пирамида устояла…

Даже тогда мне стало не по себе. Жившие давным-давно люди почему-то не казались мне разноцветными кубиками в пирамиде, на вершине которой была Катя. Но Эдгар продолжал говорить, быстро, уверенно, и я поддавался гипнозу его слов. Наверное, очень хотел поддаться.

— Конечно, новая Катя станет чуть-чуть другой. У нее окажется более сильное сердце или более слабые легкие. Возможно, родинка, которая у нее на щеке…

Я вздрогнул — у Кати на щеке действительно была родинка.

— …переместится на шею. Но не более!

— А где гарантия, Эдгар? Вдруг она станет жестокой или сварливой? Разлюбит путешествовать, а увлечется выращиванием кактусов? Разлюбит меня, в конце концов!

Эдгар ждал этого вопроса. Он ласково провел ладонью по экрану — плоской, светящейся мягким светом пластине над клавиатурой компьютера.

— Гарантия здесь, Миша. В этих электронных мозгах да еще в темпоральном зонде, который обследует сейчас Катиных предков. Обследует детально, вплоть до анализа поведения в течение всей жизни. Это займет сотни лет работы зонда… субъективных лет, конечно, и почти выработает его ресурс. Но нам придется подождать лишь пару минут.

Я взглянул на Эдгара с невольным уважением. Темпоральный зонд, каждая секунда работы которого заносится на кассету с пометкой: «Хранить вечно», сейчас бесконтрольно мотается по прошлому. А институтский компьютер, чье время расписано на годы вперед, контролирует его, попутно решая простенькую задачку — как скрыть факт своей работы.

По экрану проплыли какие-то строчки. Замелькали кадры, похожие на старую кинохронику: уродливые машины, однообразные дома. Высветились чьи-то портреты и затейливая вязь генеалогических деревьев.

— Зонд вернулся из прошлого, — возбужденно прошептал Эдгар. — Сейчас компьютер предложит варианты вмешательства… если они существуют.

Экран мигнул, еще секунду оставаясь пустым. А затем на нем появились фотографии — девушка, совсем молодая, чуть старше Катьки, и двое парней — темноволосых, смуглых, похожих друг на друга. Прямо по фотографиям, словно перечеркивая их, побежали строчки, так быстро, что я не успевал прочитать и половины. Эдгар общался с компьютером куда быстрее, чем дилетант вроде меня.

— Вот оно! — Эдгар схватил меня за руку. — Вот он, вариант! Ты только послушай!

…Девушку звали Галей, и она ничем не походила на Катю. Но в реальном прошлом у нее и Дениса Рюмина, ее мужа, родится дочь. Прабабушка Катиной прабабушки. Тоже не слишком-то похожая на мою невесту… Именно Денис Рюмин нес в себе пораженные гены, обрекающие нас с Катей на неполноценность.

Но существовал и альтернативный вариант. Неудачливый соперник Дениса по имени Виктор. Его ровесник и двоюродный брат…

— Вмешательство минимально, Миша! Нам даже нет нужды расстраивать брак!

…Это было за три дня до свадьбы. Виктор пришел к Гале, чтобы в последний раз выяснить отношения. Визит оказался недолгим…

— Сейчас мы увидим, как это было. — Изображение на экране сменилось. Комнатка, заставленная старинной мебелью. Неуклюжий здоровенный телевизор в углу. Хрустальная люстра, заливающая комнату светом. Девушка и парень, сидящие на диване.

Зонд неплохо выбрал точку съемки. Мы прекрасно видели их лица — наигранно-спокойное лицо девушки и напряженное, закаменевшее — юноши.

— Витя, это ненужный разговор… Я все тебе объяснила еще месяц назад.

— Но я люблю тебя… — Парень произнес это так беспомощно, что я отвел глаза от экрана.

— Ну и что из этого?

Странно, в голосе девушки я почувствовал не столько злость, сколько смущение и вину. Словно она не слишком уверена в своей правоте… Но парень этого не почувствовал. Он встал и быстро вышел из комнаты. Девушка осталась сидеть. Через несколько мгновений хлопнула дверь.

Экран погас.

— Обидно… — Эдгар искоса посмотрел на меня. — Ребенок мог быть зачат и в этот вечер, а не тремя днями позже.

— Именно девочка?

Эдгар приподнял брови.

— Ну и вопрос… Ты что, считаешь, что пол ребенка зависит от отца?

— Конечно! X- и Y-хромосомы, которые определяют пол, — это… так сказать, мужская продукция.

Эдгар явно развеселился:

— Не спорю! Но вот фактор проницаемости яйцеклетки, который позволит проникнуть в нее лишь одному сперматозоиду, зависит целиком от женщины. Практического значения это не имеет, фактор определить почти невозможно. Но в том, случившемся уже, месяце Га-

ля могла родить только девочку… Ладно, давай просматривать варианты. Например… — Его пальцы пробежали по клавиатуре. — Виктор был понастойчивее. Мы можем подвергнуть его действию стимулятора перед приходом к Гале.

Экран засветился снова. Та же комната, то же мнимое спокойствие на лице Гали. И насмешливое, уверенное лицо Виктора…

— …он же сопляк, рохля! Как ты этого не понимаешь? А я люблю тебя и готов… на все.

— Прекрати, Витя! Это ничего не меняет! — Девушка заметно нервничала.

— Ты думаешь? А мы ведь одни в квартире, совсем одни. — Виктор потянулся к девушке, провел ладонью по ее щеке. — Когда-то тебе нравилось со мной целоваться… и не только целоваться… Когда мы были одни, как сейчас.

Резким движением девушка отстранила его руку. Произнесла звенящим голосом:

— Не заставляй себя ненавидеть, Витя. А я ведь возненавижу тебя… даже за поцелуй.

Виктор отвернулся. Медленно, словно делая над собой колоссальное усилие. Экран погас.

— А девушка с характером, — прокомментировал Эдгар. — Что ж, тогда попробуем растормозить их обоих. Распыляем в воздух квартиры амурин…

— Подожди!

Я остановил его, словно перед нами была не компьютерная инсценировка, а реально изменяемое прошлое.

— Эдгар, а что, если в квартире просто погаснет свет? Авария на электростанции, обрыв провода…

Эдгар пожал плечами. И набрал на клавиатуре несколько слов.

— …Витя, это ненужный разговор. Я все тебе объяснила еще месяц назад.

— Но я люблю тебя!

Люстра мигнула. Свет потускнел и погас. В темный квадрат окна заглядывали звезды. Девушка ойкнула. И виновато произнесла:

— Пробки, наверное… Ты где, Витя?

— Здесь… Это не пробки, в соседних домах тоже нет света.

— Возьми меня за руку…

Темнота. Шорох. Сдавленный голос Виктора:

— Все как тогда. Только мы сами погасили свет… Помнишь?

— Не надо, Витя!

— А в окне была луна… И магнитофон крутил кассету с битлами…

Темнота. Шорох.

— Не надо, Витя…

Темнота. Шорох. Скрип дивана,

— Зачем… Это ничего не изменит…

— Я хочу запомнить тебя всю… Каждую родинку… Я их знаю на ощупь…

— Витя…

…Эдгар уважительно посмотрел на меня. Спросил:

— Включить инфракрасный обзор?

— Зачем? — Меня стала бить дрожь. — И так все ясно.

Эдгар снова работал с компьютером. Фотографии, схемы, несущиеся по экрану строчки.

— Воздействие минимально… Галя даже не будет знать, от кого родится ее дочь. И постепенно уверит себя, что от мужа. И девочка окажется очень похожей на… прототип. Даже замуж выйдет за того же человека, так что повторного вмешательства не потребуется… А к третьему поколению различия почти исчезнут. Надо лишь поработать с Виктором, чтобы он не повторял своих… запоминаний родинок. А то парнишка способен разрушить их семью.

— А какой окажется Катя?

Эдгар облизнул пересохшие губы:

— Я схожу заварю кофе. А ты посиди у экрана. Машина покажет тебе полсотни эпизодов из ваших отношений. Сравнишь сам, много ли отклонений.

Различия отсутствовали. В новом варианте реальности мы гуляли по тем же дорожкам парка. И поссорились из-за любимой Катиной собачки, которой я наступил на хвост. И ели шоколадное мороженое.

Я смотрел в экран, боясь увидеть не тот жест, услышать не то слово. Ожидая, что из Катиного лица вот-вот проглянет другой человек, не лучше и не хуже, просто — другой. Но передо мной была Катя. Именно она. С прежней серьезной гримаской, с до боли знакомой улыбкой, так ярко и неожиданно вспыхивающей. С родинкой на правой щеке…

С чистым генотипом, позволяющим нам жить вместе и иметь детей.

— Я согласен, Эдгар, — сказал я вполголоса — Я согласен назвать имя твоего сына и изменить Катино прошлое.

— Не изменить, нет! Исправить!

Эдгар стоял за моей спиной. С кофейными чашечками в руках. И коньячным запахом, пробивающимся сквозь фильтры.

Зонд «проявился» на берегу моря. Утро еще не вступило в свои права, звезды только начинали меркнуть. Воздух был прохладным и влажным, слабый ветерок заставлял меня ежиться даже в застегнутой куртке. Куртка была дурацкой, без терморегуляции и подстрой-

ки размеров. Впрочем, как и вся моя одежда.

Серое металлическое полушарие метров двадцати в диаметре возникло над нами, закрывая собой звезды. Секунду зонд висел неподвижно, контур его то темнел, приобретая объемность, то начинал мерцать, исчезая. Машина входила в истинное время, уравнивая свое темпоральное поле с темпоральными показателями реальности. Но вот мерцание прекратилось, серое полушарие внезапно обрело цвета. Крошечные оранжевые огоньки опоясали корпус, высветили облупившуюся синюю краску. Зонд, созданный пару лет назад, работал без всякого ремонта уже несколько столетий. Металлический купол плавно опустился на песок, в шипящую пену прибоя. Недовольно плеснула волна, разбившаяся о неожиданную преграду.

— Ты уверен, что это безопасно? — с сомнением спросил я, глядя, как нервно, рывками, открывается овальный люк зонда.

— Вполне, — быстро, не раздумывая, ответил Эдгар. — У тебя одежда той эпохи, ты знаешь их диалект. В твоих руках техника нашего времени… да плюс еще твои особые способности.

— Я не о том. Мне лично не грозит опасность?

Люк наконец-то открылся, тамбур вспыхнул ярким белым светом.

— А, вот ты о чем… — Эдгар помолчал несколько секунд. Затем продолжил: — Наше вмешательство в прошлое скажется, конечно же, на ходе истории. Изменится судьба Виктора, в меньшей мере — судьба Гали и Дениса. Частично изменения погаснут, пройдут бесследно. Частично — изменят судьбу близких им людей. Мы не можем скорректировать все. Могут родиться новые люди, могут исчезнуть существующие в нашей реальности. В одном ты можешь быть уверен, это заключение институтского компьютера: нашу судьбу изменения не затронут. В противном случае я бы на вмешательство не пошел.

Эдгар попался в ловушку собственного страха. Мои опасения в надежности зонда он истолковал как отражение его собственного испуга. Он боялся, что вмешательство не пройдет так уж бесследно, как ему хотелось представить. Разубеждая меня, он невольно выдал то, о чем я и не задумывался.

И не хотел задумываться.

— Это похоже на убийство, Эдгар.

— Совсем нет! Если одна реальность возникнет взамен другой, значит, так и было предопределено. Мы лишь орудия в руках судьбы, хотя и не подозреваем об этом… В конце концов, Миша, невозможно сделать яичницу, не разбивая яиц!

— Невозможно выдернуть кубик в основании башни без того, чтобы вся башня не зашаталась… — тихо сказал я. И пошел к светящемуся овалу люка. На мгновение у меня мель-

кнула мысль — не поговорить ли с Катей? Потом я понял, что не смогу посмотреть ей в глаза.

Броня двери закрылась за мной. Зонд дрогнул, поднимаясь в воздух. Я отправлялся в путь к основанию башни из кубиков.

Время. Четвертое измерение, привилегия фантастов и историков. Зыбкий океан темпорального поля, в котором плывут островки звезд и планет, архипелаги галактик и рифы нереализованных вероятностей.

Время. То, что нельзя представить, но можно использовать. В каких угодно целях — как бесконечно высоких, так и бесконечно низких. А в бесконечности пересекаются любые прямые.

Время. Стремительно уменьшающиеся зеленые цифры на экранах. Гул генераторов, рвущих темпоральное поле.

Время. Назад и назад, к истокам. Образование федераций и развал империй. Введение контроля за генотипом и мутационные взрывы. Уничтожение атомного оружия и Малый Ядерный конфликт. Открытие универсального иммуностимулятора и Великая Пандемия Контактного Гемобластоза. Первая марсианская экспедиция и постройка Лунной базы. Назад, в прошлое. К тихому и патриархальному двадцатому веку.

Тысяча девятьсот девяносто второй год. Двенадцатое октября. Девять часов вечера. Сорок минут до вмешательства.

Время.

Тихонько, напоминающе загудел зуммер на пульте. Свет в маленькой каюте стал ярче. Поползла вверх бронированная дверь.

Я пригладил волосы мгновенно вспотевшей рукой. И вышел из зонда в двадцатый век.

Зонд высадил меня на крыше какого-то здания. Едва я ступил на неровную, залитую темной смолой крышу, как полусфера машины замерцала, растворяясь в воздухе. Зонд скрылся во времени, где-нибудь в прошедшей секунде, невидимый, но готовый прийти на помощь.

В одном из карманов у меня лежала универсальная отмычка — тонкий цилиндрик из мягкой пластмассы, способной принимать любую форму и становиться твердой как сталь. Но отмычка не потребовалась — одна из дверей, ведущих из подъезда на крышу, оказалась открытой. Зонд не зря выбрал именно это здание.

Спустившись по холодной железной лесенке, я встал на грязный бетонный пол подъезда. На лестничную площадку выходили четыре двери — деревянные, обтянутые некрасивой синтетической кожей, выкрашенные мрачной темной краской. Под потолком горела малень-

кая лампочка без плафона. Лифта не было.

Нерешительно, с невольной брезгливостью переставляя ноги, я пошел вниз. В кварталах любителей старины, в телефильмах на историческую тему все это выглядело куда романтичнее. Здесь же, в лишенном всякого ореола прошлом, грязь оказалась именно грязью, нищета — нищетой, а вонь — вонью.

Запахи душили меня, пробиваясь сквозь барьер газовых фильтров. Ничего особенного в них не было: подгоревшая пища, синтетические стиральные порошки, человеческий пот. Всего этого хватало и в моем времени. Вот только здесь пища была некачественной, порошки слегка ядовитыми, а люди вовсе не спешили принять после работы душ. Обычному человеку, не «нюхачу», на моем месте было бы проще.

На улице мне легче не стало. Темнота, с которой безуспешно боролись редкие фонари, скрывала от меня внешнюю неприглядность улиц. Но она не в силах была скрыть ни резкую музыку, несущуюся из окон, ни тем более едкую вонь сгоревшего бензина.

Тихо попискивающий браслет-целеуказатель вел меня по тротуарам, от дома к дому, к огороженному стальной сеткой бетонному зданию — трансформаторной подстанции. Проходя мимо, я, не останавливаясь, достал из кармана тяжелый шарик электрического разрядника, бросил его через ограду. В назначенный момент он выполнит свою задачу: пережжет предохранители и рассыплется в пыль. С этого мгновения реальность станет другой.

Возле ничем не примечательного пятиэтажного дома браслет пискнул в последний раз и замолк. Я был у цели. На третьем этаже светилось знакомое по фотографиям окно. Шторы были плотно задернуты, и я насторожился. Но вот в окне мелькнул тонкий силуэт девушки, она раскрыла форточку, раздернула занавески. Взглянув на часы, я успокоился — все шло по плану.

Минут десять я просидел на скамейке у подъезда, поглядывая на окно. Я знал, о чем шел разговор, знал и то, как он завершится. Невдалеке мучила гитару и переругивалась хриплыми голосами компания подростков, но на меня они внимания не обращали. Ну и правильно делали: в моих карманах нашлось бы достаточно препаратов, чтобы погрузить в сладкий сон целый квартал.

Именно в эту минуту, слушая умело закрученную грязную ругань и визгливый смех сидящей среди парней девчонки, я перестал колебаться. Уродливость этого времени заглушила совесть. Такой мир не имел права требовать к себе бережного отношения. Он еще слишком мало сделал, чтобы называться человеческим миром. Исправить его было не преступнее, чем отшлепать напроказившего ребенка…

Браслет моих часов запульсировал, плотно обжимая запястье. Я еще раз взглянул на освещенное окно.

И наступила темнота. Замолкла на мгновение, а потом загоготала еще громче компания с ритарой. Кое-где в окнах затеплились желтые огоньки свечек, тусклые лучики фонариков. Окно на третьем этаже оставалось темным.

Башня из кубиков зашаталась.

Мне показалось, что на секунду все тело пронзила острая боль. Возможно, что и меня коснулась слабая волна меняющейся реальности. А может, просто не выдерживали нервы…

Башня из кубиков становилась другой.

В хирургической клинике погас свет, и врачи бессильно стояли у операционного стола. Резервный движок никак не хотел заводиться… Водитель, въезжая в темный гараж, помял крыло новенькой машины. Теперь ему предстоит долгая беготня по мастерским.

Башня из кубиков шаталась.

Это нервы, успокаивал я себя. Только нервы. Расшалившееся воображение. Свет погас в маленьком квартале — здесь нет ни больниц, ни гаражей. По телевизору идут скучные передачи, которые никто не смотрит. Через девять минут чертыхающийся электрик повернет рубильник, и в домах снова вспыхнет свет. Люди вернутся к своим делам… а Галя, с детства боящаяся темноты, слабо вскрикнет, натягивая на себя покрывало. Но будет уже поздно. Кубик в основании башни сменится. Девочка, которую Денис Рюмин будет считать своей дочерью, передаст потомкам здоровые гены

У меня просто шалят нервы.

Гитара наконец-то перешла в более умелые руки. Послышался медленный минорный перебор. И тонкий, совсем мальчишеский голос запел:

В городке ненаписанных писем,
В королевстве несказанных слов
Я от прошлого — независим,
Я пришелец из мира снов.

Я могу здесь бродить часами,
Слушать шорохи листопада.
Только память осталась с нами,
Но возможно, что так и надо…

Нервы, нервы. Почему меня бьет дрожь от простеньких, плохо рифмованных слов бардовской песенки? Потому что и я пришелец из мира снов, который независим от прошлого?

И шепчу я тебе торопливо,
Словно силясь догнать день вчерашний:
«Я хочу, чтоб ты стала счастливой,
Я люблю тебя. Как это страшно…»

Гитара смолкла. Кто-то опять ругнулся — но потише, словно сомневаясь, стоит ли. А на моем запястье запульсировал браслет.

В окнах снова вспыхнул свет. Компания подростков встретила это недовольным гулом. Откинувшись на скамейке, я прикрыл глаза. До появления Виктора оставалось восемь минут. Последняя часть моего задания — испортить его впечатление от сегодняшнего вечера. Повторение таких встреч нежелательно…

Он вышел из подъезда, что-то весело насвистывая. Быстрым и уверенным шагом прошел мимо. Я знал, куда он спешит, — к автобусной остановке. И даже помнил номер автобуса, на котором Виктор поедет домой. Но вначале нам предстоит короткая встреча.

Догоняя его, я вынул из ноздрей фильтры. Так, привычка быть во всеоружии в ответственные моменты. Виктор был старше меня на пять лет — другой вопрос, что физически я развит куда лучше.

Сокращая дорогу, Виктор шел через парк. Там, на узкой темной аллейке с шуршащей под ногами листвой, я его и догнал.

Когда нас разделяло несколько шагов, Виктор резко обернулся. Окинул меня оценивающим взглядом и произнес:

— Что, есть вопросы?

Я кивнул.

— Есть. Доволен сегодняшним вечером?

Он даже не успел удивиться. Кивнул, молча принимая мою осведомленность за аксиому. И ударил, целясь в лицо, сильно, но не так быстро, как требовалось

Приседая, уходя от удара, я вдруг понял — он не врет. Он доволен. Его вполне устраивает происшедшее. Он доказал самому себе свое превосходство над кузеном и давним соперником. Его самолюбие спасено. А все слова, произнесенные час назад, — сор, словесная шелуха, стандартный прием.

На этот раз, правда, сработавший благодаря моей помощи.

Я осознал все это, подныривая под его руку, коротко и быстро размахиваясь. И удар, замысленный как символический, вышел полновесным. В челюсть, в плотно сжатые губы, в довольное, уверенное лицо.

Стиснутая в моем кулаке пластиковая ампула лопнула, выпуская облачко бесцветного

газа. Виктор судорожно глотнул и повалился на землю.

Я стоял над ним, потирая саднящие пальцы. Такого удара хватило бы и самого по себе, без наркотика. Но газ давал гарантию, что Виктор проваляется в дурманящем сне не меньше получаса. Впечатление от сегодняшнего вечера надежно испорчено. А мне большего и не надо.

— Зато у тебя хорошие гены, — вполголоса сказал я. И нажал на часах кнопку вызова.

За мгновение до того, как я коснулся кнопки, над деревьями парка возникла полусфера темпорального зонда.

Башня из кубиков устояла. Мир не изменился. Во всяком случае, мой мир и мир Эдгара. Мы снова сидели в его коттедже и пили горячий кофе.

— Если какие-то изменения и произошли, — философствовал Эдгар, — то они и должны были произойти. Так что не вздумай себя винить.

— Я и не собираюсь.

— Помимо всего прочего, мы совершили великий эксперимент. Обидно, что о нем никто и никогда не узнает.

Я кивнул. И вытащил из кармана генетическое заключение:

— Эдгар, штамп по-прежнему красный.

— Конечно. Бумага была с тобой, изолированная темпоральным полем зонда. Это осколок прошлой реальности. Запроси повторное заключение.

Нагнувшись над видеофоном, я набрал номер генетического центра. Сообщил свой шифр и попросил выдать на экран копию.

Как ни странно, я почти не волновался. Эдгар нервничал гораздо сильнее. Несколько секунд в архивах шел поиск. Затем появилось изображение.

— Штамп зеленый, — тихо сказал Эдгар. — Поздравляю, Миша. Я свое обещание выполнил.

«Разрешено. Генетический контроль». Обезличенная, обтекаемая формула. Право на счастье, право на полноценность. Признание нас с Катей нормальными людьми.

Я даже не мог радоваться. Я смотрел на зеленый штамп как на что-то само собой разумеющееся. Неужели, побывав во вчерашнем дне, перестаешь радоваться дню завтрашнему?

— И я сдержу свое обещание, — сказал я. И продиктовал Эдгару имя и адрес мальчишки, который был его сыном

— Он похож на меня? — быстро спросил Эдгар. Я пожал плечами. Допил кофе.

— Немного. Я тоже тебя поздравляю, Эдгар. Прощай.

Он не стал меня задерживать. Когда я выходил из коттеджа, Эдгар уже сидел за компьютером. Готовил задание для темпорального зонда. Я искренне пожелал, чтобы дряхлый ав-

томат выдержал эту последнюю нагрузку.

Заказанная Эдгаром машина ждала меня на дороге. Вначале я заехал в генетический центр и там из рук улыбающейся девушки получил украшенное зеленым штампом заключение. Затем машина отвезла меня в маленькое прибрежное кафе, где мы всегда встречались с Катей.

Она ждала меня за нашим любимым столиком. С вазочкой неизменного апельсинового мороженого, которое всегда предпочитала другим сортам. И родинка по-прежнему была у нее на щеке. И улыбка вспыхнула, как раньше. И волосы пахли только Катей, когда она уткнулась мне в плечо.

— Миша…

Я закрыл глаза, обнимая ее за плечи. Все хорошо. Штамп зеленый. Я люблю тебя, как это страшно…

— Миша, никогда не бросай меня больше. Ладно? Я так скучала… А почему ты не звонил вчера? Где ты был?

Где я был? В городке ненаписанных писем. В королевстве несказанных слов. Бил по морде предка своей любимой.

— Почему ты молчишь, Миша? Миша! Я люблю тебя!

Катя осталась такой же, как раньше. Ну, может быть, что-то чуть-чуть изменилось. Невидимое для глаза, неощутимое для моего сверхобоняния. Что-то неуловимое, эфемерное… Один процент. Может быть, мы и любим как раз-то этот неуловимый процент, эту сотую долю, которую не в силах назвать? А может, никому не дано переделывать свою любовь…

— Все хорошо, Катя, — прошептал я. — Хочу, чтоб ты стала счастливой. Все хорошо.

Кто-то смущенно кашлянул за моей спиной. Я повернулся и увидел вежливо улыбающегося официанта.

— Простите, ваше имя — Михаил Кобрин?

Я кивнул.

— Вас вызывают по видеофону. Очень просят подойти.

Я крепко сжал Катину ладошку. Ободряюще улыбнулся, прошел в маленькую стеклянную кабинку.

С экрана смотрел куда-то мимо меня Эдгар.

— У Марии и Андрея Денисенко нет и никогда не было сына, — вялым, бесцветным голосом произнес он.

— Я видел его. Говорил с ним, — тупо ответил я.

— И я видел. В записях темпорального зонда, который следил за тобой. Мальчик существовал только в прошлой реальности. В нынешней его нет. Искусственное оплодотворение

материалом неизвестного донора десять лет назад не увенчалось успехом. Так сказано в медицинской карте, понимаешь?

— Наше вмешательство затронуло эту женщину?

Эдгар кивнул. Сказал, почти переходя на крик:

— Я и не подумал проверить приемных родителей. Я просчитал на машине только наши с тобой жизненные линии. Понимаешь? У меня осталась лишь пленка. Мальчишка с велосипедом. Он очень похож на моего сына, который погиб. Если бы я увидел его раньше, то догадался бы и сам.

— Башня из кубиков рассыпалась, Эдгар. — У меня даже не было сил утешать его — Она упала, а мы под обломками.

Я повернулся и пошел к девушке, которую мне придется любить.

ВКУС СВОБОДЫ

Перрон был пуст. Я постоял немного на цветном бетоне, глядя на вагончик монора. Медленно сошлись прозрачные створки двери, вагон качнулся, приподнялся над рельсом и ровно пошел вперед. Пустой вагон, уходящий с пустого вокзала.

А чего я еще, собственно говоря, жду? Ночь. Нормальные люди давным-давно спят.

Я двинулся по перрону, стараясь наступать лишь на оранжевые пятна. Цветной бетон вошел в моду лет пять назад, и у мальчишек сразу появилась игра — ходить по нему, наступая лишь на один цвет. Достаточно сложно, между прочим. Приходится то семенить, то прыгать, то идти на цыпочках, опираясь на крошечные пятнышки выбранного цвета.

Сейчас оранжевая дорожка вела меня вдоль длинной шеренги торговых автоматов. Чувствуя мое приближение, они включали рекламу, и я шел сквозь строй довольных, веселых, пьющих колу, жующих горячие бутерброды, моющих волосы шампунем от перхоти, слушающих исключительно «Трек», курящих безникотиновые сигареты людей. Я даже посмотрел, не удастся ли пройти к автоматам и взять баночку колы. Но оранжевых пятен между мной и колой не было. Я двинулся дальше — вдоль жизнерадостно клацающей дверями стены вокзальчика, мимо информ-терминалов, телефонов, мимо пологих спусков с перрона, ведущих к городку. Судя по надписи над вокзалом, почему-то несветящейся, незаметной, город назывался Веллесберг. Я в общем-то ехал в городок китайских переселенцев И Пин, но за пять часов монор надоел мне до отказа.

Оранжевые пятна перешли в оранжевые брызги, а затем — в редкие островки оранжевого цвета. Но пути с перрона все не было.

Я шел и шел вдоль тускло-серого рельса, увлекшись игрой так, что не заметил — на

перроне я не один.

— По оранжевым вниз не сойдешь, — послышалось из-за спины.

Я обернулся. В стене вокзала была глубокая ниша с широкой скамейкой. На ней и сидел говоривший — мальчишка моего возраста, судя по голосу. Впрочем, взрослого я почувствовал бы по запаху, еще только выходя из вагона. Взрослые пахнут сильно в отличие от детей.

— Уверен? — поинтересовался я.

— Абсолютно.

По-русски он говорил совсем чисто. Ничего удивительного, здесь много наших летом отдыхает. Пожав плечами, я сказал:

— Меняю цвет на красный.

Это уже как бы не совсем чистая победа — поменять цвет. Но на соседний по спектру — можно. Я шагнул на алую кляксу.

— По красным не выйдешь, — словно бы с удовольствием сказал мальчишка. — Ни один цвет не дает выхода. Если честно играешь — не выйти. Это специально, чтобы дети не играли возле путей. Так-то, дружок…

Я разозлился. Называть меня дружком или сравнивать с детьми никто не имел права. Тут дело не в биовозрасте. Тем более что нахал никак не мог быть старше меня.

С места, отчаянно оттолкнувшись, я прыгнул по направлению к скамейке. Перед ней была полоска красного бетона, и… К сожалению, я не Гвидо Мачесте, непревзойденный чемпион по прыжкам без разбега. Растянувшись перед нишей, я ткнулся лицом в бетон, а макушкой — в босые ноги обидчика.

— Не допрыгнул, — насмешливо прокомментировал он мои действия. — Ни один цвет не дает выхода, понял? Выхода нет, дружок. Выхода нет.

Я медленно поднимался, между тем знаток веллесбергского вокзала с ноткой искреннего сочувствия спросил:

— Ударился-то не сильно, а?

Но я уже не обращал внимания на интонацию и слова. И на то, что запаха вражды не было, тоже.

Видели бы меня сейчас психологи регионального Токен-центра… В носу хлюпала кровь, разбитая губа ныла, по щеке словно наждаком провели. Не говоря ни слова, я ринулся на собеседника. Несколько секунд мы просто боролись, он явно ждал драки и угадал мой рывок. Потом, вырвавшись, я саданул ему по лицу — несильно, вскользь, получил в ответ под дых, еще разок достал противника — теперь уж посильнее…

По телу прошла дрожь, уши заложило от нестерпимо тонкого писка. Я застыл, отшаты-

ваясь от своего неожиданного врага. Потом запустил руку в карман рубашки, вытащил маленький металлический диск. В центре Знака тлела, медленно угасая, оранжевая искра. Посмотрел на своего собеседника — и обомлел. В его руках тоже тухла светящаяся точка.

Сейчас я разглядел мальчишку получше. Он был полуголым, в одних шортах, в карман которых и отправился сейчас отключившийся медальон. На груди у него болтался какой-то амулет, слабо поблескивая в темноте. Волосы торчали в разные стороны гребнями.

— Вот идиоты… — прошептал мальчишка. — Устроили драку, как дети.

— Ага, — виновато подтвердил я. — Это вызывник сработал?

— Да. Что, не слыхал раньше?

Я покачал головой.

— Я Игорь, — сообщил мальчишка, хватая меня за руку. — Давай за мной…

— Положено дождаться… — начал было я.

— На положено — бревно заложено, — отрезал Игорь и нырнул в темноту. Мгновение поколебавшись, я последовал за ним.

Мы успели пробежать мимо флаерной площадки. Пара прокатных машин стояла под зелеными огоньками, над одной — то ли забронированной, то ли незаправленной — горел красный; миновали абсолютно пустую автостоянку; несколько торговых павильончиков; и лишь тогда взвыли сирены. Прямо на перрон садились два флаера, полицейский и медицинский, можно не сомневаться.

— Догонят, — выдавил я. В горле почему-то пересохло. Зато нос хлюпал и кровил.

— Еще чего. — Игорь согнулся, положив руки на коленки и глубоко дыша. То ли всматривался в садящиеся машины, то ли отдыхал. Я подумал, что, несмотря на задиристость, он силой не отличается.

— Дадут приказ на Знаки и выйдут по пеленгу, — предположил я.

— Ерунда. — Игорь был абсолютно спокоен. Он уверенно выбрал одну из дорожек, украшенную неработающими фонарями, и двинулся по ней. Мне же бросил: — Пошли минут через двадцать будем в городе.

Торчать в привокзальном парке, в ста метрах от полиции, было бы просто глупо. Догнав Игоря, я спросил:

— Уверен, что за нами не погонятся?

— А зачем? Поступило два одномоментных сигнала о легкой агрессии. Ясно, что два дурака дали друг другу по морде. Полиция прибыла, убедилась, что драки уже нет. Зачем нас догонять? Мы же откажемся от обвинений, верно? Заявим, что давние друзья, а нападал на нас незнакомый мужчина…

Он хмыкнул и закончил:

— Белые мундиры не идиоты носят. Что, охота им ловить несуществующего маньяка?

Некоторое время мы шли молча. Знаки молчали, значит, полиция и впрямь не собиралась искать нас по пеленгу. Потом я спросил:

— А что ты не вынешь вызывник из Знака?

Вопрос был дурацкий. Хотя бы потому, что на встречный вопрос: «А почему сам ходишь с вызывником?» — был лишь один ответ. Знак я получил меньше недели назад и в течение полугода не имел права отключать блок контроля. Но Игорь спокойно ответил:

— Пусть детишки свои знаки уродуют. Мне вызывник трижды жизнь спасал.

Я ему не поверил. Довести себя до критического состояния, чтобы Знак вызвал экстренную помощь, — это надо очень постараться.

— Почему фонари не работают? — сменил я тему разговора.

— Город перегружен, — с готовностью объяснил Игорь. — Здесь много научных центров, сейчас проходят две конференции, плюс курортный сезон… Энергии не хватает, гостиницы забиты.

— Ясно. А зачем мы идем на пристань? — спросил я.

Игорь замолчал. Вокруг было темно — едва-едва угадывалась под ногами поверхность дорожки, да и то из-за вмурованной светоотражающей крошки. И тишина — лишь шлепает босыми ногами Игорь и подошвы моих кроссовок тихонько наигрывают «Пора в путь-дорогу…». Отключить, что ли, достала уже эта музыка…

— Откуда знаешь, куда мы идем? — спросил наконец Игорь. — Бывал тут раньше?

— Первый раз. Морем пахнет, — объяснил я. — И озон — как от зарядной станции. На берегу скорее лодочная станция, чем автостоянка, верно?

— Ничего не чувствую, — старательно принюхавшись, сообщил Игорь. — Ну и нюх у тебя… как у индейца. Чингачгук…

— Михаил. Просто я мутант.

— А, понял. Если еще подеремся, я тебя не буду бить по носу, — после короткой паузы пообещал Игорь.

Я против воли усмехнулся. Бей не бей — это ничего не изменит на самом-то деле. У меня рецепторы запаха не только в носу. Но сама реакция мне понравилась. Я уже давно привык, что половина ребят, как только узнают, что я мутант, не хотят дальше общаться. Говорить этого я не стал, а повторил:

— Так зачем мы идем на пристань? Ты что, утопить меня хочешь? Так я хорошо плаваю, учти.

— Псих! — неожиданно резко огрызнулся Игорь. — Я там живу…

Несколько секунд он молчал, потом добавил:

— Не шути так, Мишка. Меня однажды топили. Это очень неприятно.

Пока я пролистывал телефонный справочник, Игорь возился на кухне. Он готовил яичницу, причем не из порошка или брикета, а настоящую, из яиц. В маленькой кофеварке варился кофе — тоже настоящий, из только что смолотых зерен. От еды я решил не отказываться: вот уже неделю, как приходилось жрать только синтетику.

— Что ты там ищешь, Чингачгук? — поинтересовался Игорь, пытаясь одной рукой разбить яйцо над сковородкой, а другой — достать чашки из шкафа над мойкой.

Мебель на кухне была обычная, на взрослого. Значит, муниципальная квартира и живет в ней Игорь недавно.

— Ну… мало ли.

Краем глаза я поглядывал на него, уж очень забавно Игорь выглядел при свете. Прическа у него оказалась из семи разноцветных гребней. В левом ухе серьга, на груди старый автоматный патрон на цепочке.

— В гостиницах остались только платные места, учти. А с работой… — Игорь презрительно хмыкнул и не закончил фразы. Зато доброжелательно предложил: — Можешь пожить у меня. Я вот работаю, потому что хочу нормально поесть и купить хорошую одежду.

— Сейчас ты в ней нуждаешься, — не удержался я.

— Ага, — Игорь победоносно закончил сражение с яичницей и принялся разливать кофе. — Я на югах болтался, там и в шортах жарко. А носить бесплатную синтетику не собираюсь… Живи у меня, Мишка.

— Все равно я хочу найти работу, — упрямо повторил я. — Без денег неуютно.

— Совсем пустой?

Пожав плечами, я полез в карман, выгреб горсть монеток и несколько бумажек, положил на стол среди хлебных крошек и яичной скорлупы. Большей частью это были обычные монеты, которые есть у любого мальчишки, считающего себя нумизматом: советские гривенники, американские центы, монгольская алюминиевая мелочь, российские копейки. Но были и редкости — казахский тенге с портретом какого-то президента, в начале века изъятый из обращения и почти весь уничтоженный, уральские четыре рубля — единственная в мире монета такого странного номинала, полная серия «поляничек» — денег московского княжества.

Игорь сразу же завладел «поляничками», запаянными в прочный пластик. Завистливо оглядел и сказал:

— Тоже их собирал. У меня одной не было, где Петр Первый с подзорной трубой, она же самая редкая… Баксов двадцать за них дадут. Да еще десятку за четырехрублевку и тенге, и пару за остальное. Нормально! Ты богач!

Я подумал и решил, что Игорь прав

— Как ты их еще не профукал, а? — Мой новый знакомый все крутил в руках коллекцию, и в глазах у него был азарт. Он и впрямь был коллекционер. Ну, несерьезный, конечно, а такой же, как я.

— За три дня не успел, — сказал я.

— Какие такие, три дня?

— Я во вторник из дому ушел.

Игорь отложил мои сокровища:

— Серьезно?

— Да.

— Тебе лет сколько? — Он построил фразу немножко странно, так иногда говорят взрослые, когда пытаются подчеркнуть свой возраст. Будто в возрасте скрыто какое-то преимущество.

— Тринадцать.

— Точнее!

— Тринадцать лет три месяца и двадцать дней! — ехидно сообщил я.

— Блин, ты старше меня… мне только два месяца назад тринадцать стукнуло.

— Поздравляю.

— Зато я получил гражданские права в двенадцать лет ровно! — сообщил Игорь.

— И что с того? Лешка Филиппов все права получил в десять. Мария-Луиза де Марин в восемь лет семь месяцев и…

Игорь ухмыльнулся:

— Ты крайности не бери. На самом-то деле только один из десяти тысяч признается полноправным гражданином мира раньше двенадцати лет.

— Я бы еще лет пять не признавался, — сказал я. — Как в двадцатом веке. На фиг мне это надо.

Игорь кивнул:

— Понятно. Ладно, все ясно, ты парень-кремень, на вопросы отвечать не любишь, про жизнь свою гадкую рассказывать еще не привык…

Я ничего не ответил. Игорь шлепнул на стол скворчащую сковороду, тарелку с хлебом, вилки:

— Лопай.

Упрашивать себя я не заставил.

Вот почему так происходит? На вкус вроде бы и никакой разницы нет, что синтетическая пища из бесплатных кормушек для *чмо,* что нормальная еда из естественных продуктов

А все равно… синтетику жрешь через силу, только потому, что знаешь — надо…

— Это жизнь, — сказал Игорь. Я посмотрел на него.

— Вкуснее потому, что в этой еде — жизнь, — сообщил он. — Курочки несли яички, из них должны были вылупиться птенчики… А мы их лопаем. Эмбриончиков куриных. Белок, жиры, углеводы — все это фигня. Жизнь мы жрем. Чужую. Мы — живые. Значит, должны чужую жизнь поглощать. А синтетика — обман желудка!

— Ты телепат? — прямо спросил я. Мне стало не по себе, и я наплевал на правила хорошего тона.

— Нет, ничуть. Я не мутант. Повышенная способность к эмпатии, вот и все. Ты ведь думал о том, почему нормальная еда лучше синтетики, верно? Я это почувствовал. У меня бывает.

— Да, я думал об этом, — честно сказал я. — Только вряд ли дело в том, что мы… такие. Что нам убить кого-то надо. Сожрать. Просто вся эта синтетическая жратва — она несовершенная. Наверняка упущены важные компоненты…

На лице Игоря появилась сладкая улыбка.

— Ага… Ну как хочешь. Тогда лопай свои важные компоненты, а то я ждать не буду.

Минут через пять мы закончили с яичницей. Игорь похлопал себя по животу, потянулся за кофеваркой. Небрежно спросил:

— Так что ты собираешься делать?

— Жить.

Игорь поморщился.

— Мишка, ты не в Токен-центре тесты сдаешь… Я тебя не спрашиваю, почему ты ушел из дому. Мне интересно, зачем ты ушел.

— Чтобы жить, — честно попытался я объяснить. — Я ведь имею теперь право на бесплатное жилье в городе с населением менее ста тысяч?

— Имеешь, — весело подтвердил Игорь. — И получишь, спору нет.

— Я в И Пин ехал, — сказал я. — Это где китайская колония. Говорят, они нормально относятся… к таким, как мы.

Игорь ухмылялся. Игорь открыл ящик стола, достал оттуда пачку сигарет и зажигалку. Спросил:

— Будешь?

— Нет.

— Это не травка, не бойся. Обычные безникотиновые сигареты.

— Все равно не буду, — беря свой кофе, сказал я. — Игорь, а как здесь относятся к нам?

— К детям, что ли? — выпуская клуб дыма, спросил Игорь.

— К детям, получившим Знак Самостоятельности.

— Да нормально относятся, как везде, — лениво сказал он. Голос у него изменился, и если бы не явный запах табака и горелой бумаги, я бы заподозрил, что он курит травку. — Ты не комплексуй. И в страшилки не верь. Везде в мире к детям, доказавшим свое право жить самостоятельно, относятся одинаково… — Он выпустил еще один клуб дыма и закончил: — Никак…

Я ничего не сказал. Смотрел, как он курит. Дым был красивый — шершавый, как наждак, сиреневый, шелестящий.

— На что уставился?

— Дым. Шикарно выглядит.

Игорь посмотрел на меня, как на идиота.

— Чего в нем шикарного? Дым как дым… черт…

Он торопливо загасил сигарету прямо в сковородке.

— Ты же мутант… тебе неприятно, да?

Вот как ему объяснить…

— Тут другое, — попробовал я. — Понимаешь, я запахи по-другому чувствую!

— Как по-другому?

— Я их вижу, слышу… даже тактильно ощущаю. Вот ты куришь, и дым — шероховатый. И шуршит, как песок.

Глаза у Игоря округлились.

— Что, серьезно? И ты все так видишь?

— Ага. Вот у тебя в ванной комнате шампунь с запахом лимона. Только не радуйся, это синтетический запах. Если был бы настоящий, то пищал бы тоненько и не был такой гладкий… а с шершавинкой… понимаешь?

— Обалдеть! — с чувством сказал Игорь. — Я знал одну девчонку, с усиленным зрением. Так у нее все очень просто было. Когда хотела, перестраивалась на режим дальнего зрения, когда хотела — на ближний режим. Знаешь, у нее так смешно глаза менялись — то вперед выпучиваются, то втягиваются, и радужка то каряя, то голубая… Но она говорила, это то же самое, словно в бинокль или микроскоп смотришь…

— А вот у меня — так, — ответил я. Игорь замолчал.

— Извини. Я понял, ты об этом не хочешь говорить.

— Да брось, спрашивай сколько угодно… — отмахнулся я.

— Забыл, что у меня способности к эмпатии? — спросил Игорь. Я посмотрел на него. И почему-то не стал врать:

— Забыл. Да, не хочу я про это. Спасибо.

Игорь встал из-за стола, быстро сложил посуду в моечную камеру. Зевнул:

— Ты спать не хочешь?

— Хочу. Я в моноре спал, но там шумно.

— У меня кровать одна, ты ложись на диване, — предложил Игорь. — Или могу кровать уступить. Мне все равно где спать.

— Я на диване, — торопливо сказал я. Мне действительно было неудобно. Вначале подрался, причем ведь сам начал, потом в гости завалился, настоящей еды поел. Теперь еще хозяина с кровати согнать — и совсем молодец буду.

Игорь прав, конечно. Не люблю я о себе говорить.

Когда я был совсем еще маленьким и не понимал, как сильно от других отличаюсь, то иногда что-нибудь такое ляпну… и все смеются. Особенно взрослые, которые знали, что у меня условно-положительная мутация. Наверное, смешно, когда подбегает карапуз, водит рукой в воздухе и говорит: «У тети духи шуршат!» Они ведь действительно шуршали…

И эти проверки! Каждый месяц, сколько себя помню. Пробирки, в них бумажки, и каждая чем-то смочена… «Мишенька, как ты ощущаешь этот запах? Светящаяся полоса? Вибрирует? Молодец, Мишенька. А ты помнишь, как пахнет молоко? А на каком расстоянии ты чувствуешь человека? Да, взрослого… Ну, пусть летом… да, потного… Правда?» Это вначале интересно. Потом скучно. А потом просто противно.

«Миша, сосредоточься, пожалуйста. Давай проследим закономерность между запахами полыни и вещества сто тридцать шесть прим… Только общая звуковая тональность? Миша… нельзя ли подойти чуть ответственнее? Цвет? Сосредоточься!» Играть в прятки и находить всех по запаху было интересно. Потом со мной перестали играть в прятки. А потом вообще перестали играть. Это когда поняли, что я чувствую чужую неуверенность. А как ее не почувствовать — бледно-сиреневое кольцо запаха, с визгом расходящееся от человека…

«Михаил, тестовую группу „гамма-6“ надо повторить… Почему? Как колет? Словно иглы? Это очень болезненно? Михаил, а давно тактильные ощущения приобрели болевой характер? Почему ты не говорил раньше? Ты понимаешь, сколько людей заняты изучением твоих способностей? Нет, Михаил. Это не только твое дело. Твои возможности уникальны. Михаил, неужели ты не можешь немного потерпеть? Твои ощущения субъективны, никакого реального вреда для здоровья нет…» Я долго думал, что стоит только пожаловаться родителям, и все это прекратится. Навсегда. Ведь они не могут не понять…

А они слишком хорошо все понимали. Это был папин проект. Его самое удачное изменение генома… собственного генома. Его слава, его успех, его вклад в науку. Деньги, навер-

ное, тоже. Но деньги тут были совсем не главным, врать не стану.

Я был экспериментом. Мое рождение было запланировано, на него было получено особое разрешение. Мама и папа подписали документы о том, что в случае появления у меня безусловно-негативной мутации они не возражают против эвтаназии.

Кстати, от меня они этого не скрывали.

Но никаких негативных мутаций не было. Все прошло хорошо. Угрозы для общества я не представляю. У меня даже комплексов нет по этому поводу. Я ведь знаю, чем кончился пятнадцать лет назад эксперимент по созданию людей со способностью прямого взаимодействия с компьютерами. Виртуальный клон последнего из них выследили и уничтожили только в прошлом году.

Так что я не боялся, совсем не боялся, что меня могут в любой момент усыпить. И когда сдавал тесты на психологическую и эмоциональную зрелость, вовсе не хотел отомстить родителям. Зря мама кричала, когда я уходил. Я их не ненавижу. Я их даже люблю.

Я только хочу быть самим собой.

Поэтому и получил Знак Самостоятельности. Стал таким же равноправным членом общества, как любой взрослый. Первым делом потребовал все документы по своей мутации, думал, может быть, она устранима. Оказалось, что нет. Если меня лишить обоняния, то зрение и слух тоже исчезнут.

Тогда я и ушел из дому…

Проснулся я уже довольно давно, но все лежал в постели, не открывая глаз. Игоря в доме не было, это я по запаху чувствовал. Зато он оставил на столе завтрак и записку — чернила еще не застыли окончательно, и я их слышал.

Это удобно, очень удобно. Тут мама и папа правы. Они только не понимают, что дали мне *слишком* много. Куда больше, чем я могу переварить.

Я наконец-то решился и открыл глаза. Первые секунды трудно — весь мир пахнет, и все это приходится видеть. Чем больше вокруг техники и синтетики, тем труднее. Я раньше называл эти запахи «злыми»…

Хорошо, что в этом домике только гарантированный обществом минимум техники.

Я пошел в ванную. Там нашелся разовый санитарный пакет, в который входит все — от зубной щетки и полотенца до презерватива и туалетной бумаги. Обожаю эти пакеты, в них не кладут парфюмерию с сильным запахом. Потом я оделся, поел и вышел из дома.

Море было совсем рядом. У маленькой дощатой пристани покачивались на воде катера. Чуть в сторону начинался пляж, сейчас еще совсем пустой, только десяток мелких ребятишек под присмотром учителя бегали по мокрому песку вдоль берега. Наверное, тренировалась какая-то спортивная секция.

— Эгей!

Игорь сидел на раскладном стульчике Он был в одних плавках и мокрый, уже успел искупаться.

— Ты поел?

— Да, спасибо. — Я подошел ближе. — Загораешь?

— Работаю! — возмутился Игорь. — Не видно разве?

Он пнул ногой кредитный сканер, валяющийся на песке. Сканеру было все равно — это специальная модель.

Я постоял, глядя на море.

— Игорь, а почему ты работаешь здесь? Любишь море?

Он неопределенно дернул плечами.

— А все-таки? Платят хорошо?

— Копейки.

— Тогда…

— Мишка, ты что, совсем лопух? — Игорь говорил резко, но, судя по запаху, был совершенно спокоен. — Знаешь, какой процент безработных в Европе?

— Тридцать с чем-то…

— Тридцать семь. Ну, пускай из них половина не хочет ничего делать и готова жить на пособие. *Чмо* — оно и есть *чмо.* А остальные вовсе не прочь подзаработать. Мне эту-то работу дали только из-за возраста.

— Как из-за возраста? У тебя есть Знак, значит, никто не вправе дискриминировать…

Игорь захихикал:

— Вот именно. Потому и дали работу. Чтобы не доказывать в суде, что хотели унизить меня по возрастному признаку. И тебе также дадут, не беспокойся!

— Я так — не хочу! Сидеть на стуле и водить кредитками по сканеру…

— Да? — Игорь заинтересовался. — Не хочешь? А, простите за нескромный вопрос, какое у вас образование, кроме базового? Ты специалист в области программирования? Имеешь право на вождение пассажирского или грузового транспорта? Диплом врача? Или диплом преподавателя? — Он хихикнул.

— Нет, — честно сказал я. — Базовый курс образования. Ну и все обязательные профессии…

— Ага. Пользователь информационного терминала и оператор торговых автоматов. Меньше умеют только дебилы. Миша, ты пойми…

У него опять начался этот менторский тон. Но я не возмущался. Я слушал.

— Никто не будет тебя дискриминировать! Не надейся! Никто и никогда не скажет те-

бе… в лицо… что ты всего-навсего сопляк с железякой на цепочке… В Европе и в Северной Америке — точно не скажут. Тебе даже будут давать больше, чем другим, лишь бы избежать обвинений в социальной некорректности. Но и всерьез тебя никто не воспримет.

— Посмотрим…

— Давай. — Игорь усмехнулся. — Как найти центр занятости, подсказать?

— Справлюсь.

— Успехов. — Игорь вытянулся на стульчике, раскинул руки. — Валяй! Вечером приходи, поделишься впечатлениями, ладно?

Я развернулся и молча зашагал по дорожке. Кроссовки тихонько напевали «Скатертью-скатертью дальний путь стелется…». Хорошие кроссовки. Не бесплатные. В социальный минимум не входят. Мне их подарила мама на день рождения

Центр занятости был недалеко. Я даже не стал брать напрокат машину, пошел пешком, хотя на два часа пользования в день у меня право есть. Пусть лучше часы суммируются. Как-нибудь возьму машину и отправлюсь путешествовать. Вот только решу все с работой и жильем…

В центре пришлось минут пятнадцать посидеть в очереди. Людей было немного, но и очередь двигалась неспешно. В основном в ней сидели азиаты и арабы, но были и две девушки, говорившие по-русски, и несколько местных.

На меня поглядывали. Но вроде бы равнодушно. Только от девушек шел запах любопытства.

Потом подошла моя очередь.

Служащий центра мне понравился. Был он молодой, добродушный, весело улыбнулся, жестом указал на кресло перед своим столом, потом вопросительно посмотрел на кофеварку. Я кивнул, решив, что тоже могу поиграть в молчанку.

Кофе был синтетический. Может быть, очень хороший, для обычных людей почти неотличимый от настоящего, но я-то вижу сразу…

— Ищете работу? — полюбопытствовал служащий, как будто я был его старым приятелем и мог заглянуть в центр занятости просто так.

— Да.

— Позвольте?

Я протянул ему Знак. Служащий провел им над сканером, вернул мне обратно. Хмыкнул. Подпер ладонью подбородок, глядя на экран.

— Так… у вас есть права персональной ответственности… но нет прав на ответственность общественную. Так?

— Да, — признал я.

— Значит, все вакансии, на которых от ваших действий зависит безопасность и благосостояние других граждан, мы вынуждены отбросить…

Он опять улыбнулся:

— Впрочем, их и нет в наличии! Так что вы ничего не теряете!

— А какая работа есть? — спросил я и вдруг почувствовал в своем голосе жалобные нотки.

Служащий вздохнул:

— Попробуем… посмотрим…

Его пальцы пробежали по клавиатуре компьютера.

— Ну, например… — Он снова вздохнул. — Торговля мороженым на пляже…

Я представил, как буду бродить среди отдыхающих с тележкой, одетый в белую форму и берет с нарисованными ягодками. Сказал:

— Это для детей работа. На каникулах подрабатывать.

Служащий долго смотрел в экран.

— Михаил… вам так хочется работать?

— Да.

— Позвольте спросить… зачем? — Он посмотрел мне в глаза. — Общество готово предоставлять любому человеку гарантированный социальный минимум. В него входит медицинское обслуживание, проживание в гостинице, пища, одежда, некоторое количество развлечений и транспортных услуг. Вы ведь это знаете?

— Я хотел бы приносить пользу обществу, — сказал я тупо, будто опять был на экзамене.

— Михаил… вы позволите? — Служащий достал сигарету. Я кивнул.

— Как ни ужасно это звучит, — закуривая, сказал служащий, — вам не повезло, что вы родились в двадцать первом веке. С вашим характером…

— Откуда вы знаете мой характер? — резко спросил я.

— Вы позволите говорить откровенно? — спросил служащий.

— Конечно.

— Вы неделю назад сдали тесты и получили гражданские права. Я никоим образом не пытаюсь вас оскорбить, поверьте. И полностью признаю, что ваш интеллект заслуживает этого…

— Да не перестраховывайтесь, — сказал я. Мне вдруг стало интересно. Пожалуй, это был первый человек, ну кроме родителей, который откровенно говорил на эту скользкую тему. — Не собираюсь я на вас в суд подавать, можете прямо говорить, что я всего лишь мальчишка.

За эту фразу служащий наградил меня улыбкой.

— Я не об этом веду речь, молодой человек. Вы стали гражданином мира. Прекрасно! Но давайте признаем, что ваш жизненный опыт и способности естественным образом ограничены. Вы вольны жить где угодно, делать что угодно, получать от общества помощь… но вам ведь не это нужно? Вы хотите самоутвердиться. Доказать, и в первую очередь себе самому, что вы такой же, как все, ничуть не хуже! И, скажу честно, это говорит в вашу пользу. Но… мы живем в эпоху процветания. Сейчас не девятнадцатый и не двадцатый век. Нигде и никому не нужен неквалифицированный труд. Есть огромная потребность в высококвалифицированных специалистах, но для остальных остается торговля мороженым и воздушными шариками. Я образно говорю.

— Я образно вас понял, — буркнул я.

— Не обижайтесь. — Служащий взял себе еще кофе. — Я размышляю, чем вам помочь…

Я видел, что он не врет. Действительно пытается что-то придумать. И от этого становилось только тоскливее.

— У нас есть специальная работа для тех, кто считает себя незаслуженно невостребованным, — сказал вдруг служащий. — Творчество. Как вы отнесетесь, если я предложу вам стать художником, музыкантом, поэтом?

— Так у меня к этому нет способностей… — начал я. И тут же понял, о чем он.

— Способностей не надо, — спокойно ответил служащий. — Артистическая среда. Создание собственного художественного стиля. Например, будете рисовать белые квадратики на красном холсте. И станете основателем нового направления в искусстве. Но ведь это тоже — социальный клапан. Каждый человек хочет верить, что он кому-то нужен.

— Я хочу быть нужным по-настоящему! — воскликнул я.

— Верю! Потому и не пытаюсь предложить вам имитацию работы. — Служащий вздохнул. — Михаил, может быть, у вас есть какие-то особые способности? Ну хоть что-то, недоступное другим людям?

Вот до этого момента все было нормально!

А тут…

Сам он этого не заметил, ему казалось, что говорит он совершенно естественно. Но я-то видел. Будто серые иглы медленно посыпались с его кожи.

Запах настороженности. Запах двойной игры.

— Какие у меня способности… — вздохнул я.

Про мои способности «нюхача» он ничего знать не мог, не должен был. Эта информация тоже вложена в Знак, но доступна лишь врачам, а никак не мелким клеркам в офисе по

трудоустройству.

— Жалко, — вздохнул служащий. — Тогда… наверное… боюсь, ничем не могу помочь. Кроме работы продавцом. Или творческой работы…

У него пошел новый запах. Легкого торжества. Доброжелательного, я и впрямь был ему симпатичен… но все-таки торжества.

Он меня загнал в ловушку

— Так что же, — тихо спросил я. — Я формально человек вполне самостоятельный и обществу нужный. А на самом деле все, что мне могут предложить, — имитация работы?

— Да. — Служащий кивнул. — Буду с вами откровенен, ситуация такова. Как частное лицо я лишь могу вам посоветовать поступить в какой-либо университет, получить высшее образование…

— У вас же результаты всех моих тестов на экране, — сказал я. — Гляньте сами. К чему у меня есть ярко выраженные способности?

Служащий вздохнул:

— Боюсь, что особых способностей нет ни к чему. Но когда вы получите образование, с работой будет проще.

— Она ведь тоже будет такой… никому не нужной. Только я не по пляжу буду с тележкой ходить, а сидеть в конторе. Вроде вас.

— Наше время благоприятно для ярко выраженных личностей. — Он искоса глянул на меня. — Или для ярко выраженных бездельников. Первые живут очень полнокровной жизнью. Вторые — довольствуются тем, что общество им дает. А вот «серединке», обычным, рядовым гражданам, труднее всего.

— Понимаю. — Я встал. — Спасибо. Я подумаю над вашими словами.

Служащий тоже поднялся, протянул мне руку:

— Подумайте, Михаил. И если вам удастся придумать какую-нибудь оригинальную область применения ваших знаний и умений… буду счастлив помочь!

Он мне разве что прямо не сказал, что знает, кто я такой.

— Обязательно! — сказал я.

Муниципальное кафе я нашел на соседней улице. Сел за свободный столик, ко мне сразу же подошел официант. Очень вежливый и важный. «Серединка» общества. Ему тоже когда-то хотелось стать великим и богатым. Он тоже ходил в центр занятости. И вот нашел свое место в жизни. Ему ведь нечего было предложить «оригинального».

А мне — есть что.

Только не хочется.

Я заказал несколько блюд из бесплатного списка. Все синтетическое, кроме хлеба.

Мне почему-то подумалось, что эти пищевые ограничения — немного нарочитые. Общество может себе позволить тратить на *чмо* гораздо больше.

Вот только какие тогда будут стимулы у людей?

Испытание изобилием. Мы это проходили в школе. Золотой век. Всеобщая сытость. Невиданный прогресс науки…

Нам всегда говорили, что это хорошо. В целом, наверное, да. А вот для каждого отдельного человека — возможны варианты.

Я ел суп, который только что развели из порошка горячей водичкой. Суп был вкусный. Только я видел все химические компоненты, которые в него добавлены. Уникум я. Очень ценный человек. Ходячий химический анализатор чудовищной силы.

И обществу, конечно же, неприятно, что я не хочу применять свои способности.

Как я мог быть таким наивным? Сел в монор и поехал через всю Европу. Свободный и независимый…

Вот только со Знаком на шее. А как иначе? Выбросить? Чтобы первый же полицейский заподозрил во мне убежавшего из дому ребенка?

Я живу в хорошее время, это правда. Нет больше войн. Нет больше голода. Преступности почти нет. И прав у людей — бери не хочу! Даже «дискриминации по возрасту» больше не существует. И уж точно никто не заставит своенравного мальчишку-мутанта делать то, что ему неприятно.

Но зачем заставлять, если можно вынудить?

Висит на цепочке Знак. Фиксируется сенсорами в транспорте, в магазинах, в кафе. И в каждом городе, куда я приеду, вежливый и доброжелательный человек объяснит мне, что под солнцем очень мало места.

Можно бунтовать. Можно болтаться по всему миру и ничего не делать. Но это не в моем характере, и те, кому надо, это знают.

Я встал, подошел к бесплатному видеофону. Нашел в списке центр занятости, набрал номер. И совсем не удивился, когда увидел на экране лицо моего недавнего собеседника.

— У меня вопрос, — сказал я.

— Да, Михаил. Пришла в голову какая-то идея?

Он весь был само внимание.

— Пришла. Если к вам обратится человек с условно-положительной мутацией… сверхвосприятием запахов. Ему найдется работа?

— Крайне редкая мутация! — с чувством сказал клерк. — Разумеется, найдется. Насколько я знаю, любой научный центр, любая производящая фирма возьмут на работу такого

человека. Никакие анализаторы, увы, не смогут его заменить. Прорыв в области синтеза новых лекарств, получении сверхчистых химических веществ… да в чем угодно! Наука, криминалистика, производство парфюмерии… надо ли мне вам это объяснять, Михаил?

— Не надо, — честно сказал я. — Мне это с рождения объясняют.

— Я только могу добавить… когда этот человек начнет работать, его мутация немедленно будет признана положительной и внесена в общий список. Любые родители смогут подарить своим детям такую интересную способность…

— Вы правда думаете, что она интересная? — устало спросил я. И прервал связь.

А вечером на вокзале немало людей…

Я стоял у информ-терминала и тупо смотрел на экран, на бланк электронного письма. Я посылал родителям короткие письма каждый вечер. Так они просили, да я и сам не хотел, чтобы они волновались…

Вот только сейчас я не знал, что писать.

— Собрался уезжать?

Я повернулся. Игорь ухмылялся, глядя на меня.

— Еще не знаю, — сказал я честно. Переступил, и кроссовки радостно пискнули: «Мы много дорог повидали на свете…» Нагнувшись, я наконец-то отключил у них звук.

— А я думал, ты все-таки зайдешь… — сказал Игорь. Искренне сказал.

— Скажи, ты тоже из тех, кто меня пасет? — спросил я в лоб.

— Понял уже? — Игорь усмехнулся. — Если уж меня, с моими слабенькими способностями эмпата, год доставали… такого, как ты, будут всю жизнь напрягать. Нет, Мишка. Я сам по себе. Я в эти игры не играю.

Он не врал. Хорошо, что я умею это видеть.

— За мной следят, Игорь, — пожаловался я зачем-то. — Мне сегодня дали понять… либо я делаю то, что нужно обществу, либо стану *чмо,* никому на фиг не нужным!

— Конечно, — чуть удивленно сказал Игорь. — А ты что думал? Так всегда было. Только если первобытный человек не хотел гоняться за мамонтами, хотя это у него получалось, товарищи могли его и съесть. Сейчас просто выкидывают на обочину.

— А свобода? — спросил я. Как будто Игорь в чем-то был виноват.

— А она у тебя есть. — Он снова усмехнулся. — Ты же ее получил, в полной мере. Не нравится вкус?

— Нет.

— Так извини. Другого не бывает.

Я посмотрел на бланк письма. Взял световое перо и быстро начертил на экране. «Больше писем не будет». И щелкнул по кнопке, отправляя свое последнее письмо родителям.

— Так что, ты уезжаешь? — спросил Игорь. — Если да, то можем поехать вместе. Куда-нибудь на юг, ага? Там тепло. А на пальмах синтетические бананы не растут.

— Ты такой легкий на подъем?

— Да я еще легче, чем ты думаешь, — засмеялся Игорь.

— Это ведь все равно проигрыш, — сказал я.

— Ага, — легко согласился он. — А у тебя два выбора. Либо проигрываешь и ты, и наше сытое, благополучное общество. Либо выигрывает общество… ну и ты тоже.

К перрону медленно подкатил монор. В вагончик вошли несколько человек.

— Ну, едем или остаемся? — нетерпеливо спросил Игорь. — Не люблю долго раздумывать!

— Если дойду, то поехали, — сказал я. — Синий!

И прыгнул на узкую синюю полоску цветного бетона.

— Ну сколько тебе объяснять? — Игорь поморщился. — Не дойдешь. Никак. Так уж придумано!

— Верю, — согласился я. — Только знаешь, я все равно буду пробовать. Всегда.

«Л» — ЗНАЧИТ ЛЮДИ

***

Жанр фэнтези, сказочной фантастики, всегда был для меня сложным. Может быть, оттого, что хочется иметь обоснование происходящего — не для читателя, для себя, а я совершенно не представляю механизм полета дракона или технологию действия заклинаний. «Слуга» — один из моих редких экспериментов в этом жанре, «бой на чужом поле», если можно так выразиться. Насколько результат удачен — судить Вам. Но даже в этом рассказе я не удержался и протянул тоненькую, едва заметную ниточку от сказочного мира «Слуги» в мир «Лорда с планеты Земля», а оттуда — в мир «Прекрасного далека» и «Мальчика и Тьмы». Наверное, это неизбежно, что самые разные произведения одного автора рано или поздно начинают сливаться в единое целое. И «Слуга» — маленькая, но дорогая мне часть общей картины.

Аркадию — с благодарностью.

СЛУГА

Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым. Ибо то угодно Богу.

Послание апостола Павла

Я, Эйлар Ваас, говорю, стоя на своей земле. А значит, каждое мое слово — правда. Мое небо над головой, мой песок под ногами, мои слуги на стенах замка. Вы пришли без разрешения, и ваши слуги держат в руках сталь. Я не обязана отвечать на вопросы — тебе, Крий Гуус, друг отца, и тебе, Ранд Ваат, младший брат отца и мой дядя по крови. Тем, кто идет за вами, с длинными, как у рабов, именами и пустыми, как их замки, флагами, я не сказала бы ни слова. Но ты, Крий, извлек меня из чрева матери, приняв на себя выбор жизни и смерти. А ты, Ранд, бился плечом к плечу с отцом — на Золотых барханах и в городе Мертвых. Вы знаете, что он был хороший господин, а я примерная дочь. И если отец лежит в склепе, убитый моей рукой, только вам дано знать правду. Мой отец ошибся, и тень его ошибки упала на весь род. А началось все пять дней назад, когда я возвращалась в замок с весенней охоты.

Лошадиные лапы мягко ступали по узкой глинистой тропке — единственной, ведущей с Северных гор к замку Ваас. Эйлар, дочь господина по крови и праву, дремала, сжимая свитые из лошадиной гривы поводья. Челдар, холодный ветер севера, хлестал ее полуобнаженное тело. Бегущие впереди рабы были одеты в теплые меховые плащи, под которыми едва угадывались взведенные арбалеты. Эйлар презрительно посмотрела на них, на мгновение пробудившись от дремоты. Раб может чувствовать холод и боль, ему позволено быть слабым. Он — раб.

Глааман, имеющий право спрашивать, догнал лошадь Эйлар перед последним поворотом. Он тяжело дышал, и ритуальные поклоны никак не попадали в такт движению. Эйлар придержала коня.

— Эйлар Ваас, дочь господина по крови и праву… — начал Глааман. Легким кивком Эйлар позволила ему отбросить остатки титула.

— Уммилис, слышащий неслышимое, узнал голос Ранда Вааса, нашего господина. Он просит тебя поторопиться, Эйлар Ваас. Он хочет сказать большую новость.

Глааман умолк, и лишь взгляд его, молодой, откровенно цепкий, продолжал скользить по телу Эйлар. Она не обратила на это внимания. Раб может желать свою госпожу. Он может даже любить ее. Это не имеет значения.

— Что еще сказал Уммилис?

— Ничего, Эйлар. Слова господина были не для наших ушей. Он ждет тебя и просит поторопиться.

Эйлар окинула взглядом предстоящий подъем. Пять миль вдоль колючего леса, населенного ночными монстрами. А солнце уже садилось, лишь краешек оранжевого диска виднелся между горами. Полагается разбить лагерь — стражники в наружном кольце, больные и раненые во внутреннем, Эйлар, трофеи, рабы с правом голоса — в центре. Так полагалось.

— Глааман! Скажи стражникам, что они пойдут так быстро, как ходит сильнейший из них. Скажи им, чтобы они убивали чудовищ на тропе. Скажи слабым, что они пойдут за нами — их защитой будет Храм.

— Что делать с трофеем, Эйлар?

Девушка оглянулась. Семиметровое глянцево отблескивающее тело болотного змея несли безымянные рабы. Они уже отстали на три сотни шагов, и двигаться быстрее не в их силах.

— Пусть ищут расщелину, где можно спрятать змея. Пусть заложат ее камнями — и охраняют до утра. С ними Храм. Скажи, что они получат имена.

Эйлар хлопнула шипастым браслетом по шкуре лошади там, где опытные рабы удали-

ли чешуйчатую броню. Лошадь перешла на бег, и арбалетчики ускорили шаги. Один из них, распахнув плащ, выстрелил в сторону леса. Темный, бесформенный комок сорвался с ветвей и покатился на дорогу, выбрасывая вокруг беспомощные плети щупалец.

Эйлар снова пришпорила лошадь. Близилась ночь.

Замок Ваас казался скорее частью скал, чем человеческим жилищем. Его построили много веков назад, и в череде дней затерялось все: имя строителя, если он имел его; имя первого хозяина, если он не принадлежал к роду Ваас.

Подъемный мост медленно опустился над глубоким рвом, наполненным черной, густой, хлюпающей жидкостью. Эйлар соскочила с коня, бросила поводья подбежавшим конюхам. Обернулась, оглядывая остатки отряда: Гонууск, начальник стражи, Глааман, Уммилис, еще с десяток слуг, чьи имена были не важны.

— Теплой воды и мыльного сока, — приказала она в пространство. — Быстрее! Я не могу идти к отцу в таком виде.

Кто-то из девушек-служанок помог ей снять охотничий пояс и арбалетную перевязь. Другая, совсем еще девчонка, торопливо расшнуровала высокие кожаные сапоги. Глааман, которому младший раб принес чистый плащ, бросил его на каменные плиты внутреннего дворика замка.

Эйлар стояла на колючем шерстяном плаще, терпеливо дожидаясь, пока служанки натрут ее пенящимся соком и омоют теплой водой. Затем, кивнув Глааману в знак того, что его услуга замечена, надела тонкую тунику и пошла к двери в отцовскую башню. Гонууск, в перемазанных разноцветной кровью доспехах, следовал за ней, словно существовала в мире опасность, способная угрожать Эйлар Ваас в ее собственном замке.

Стражник у дверей шагнул в сторону, открывая проход. Эйлар потянула на себя тяжелую дверь из каменного дерева — и остановилась.

В башне пахло чужим ветром. Здесь терялось ледяное дыхание Челдара, едва уловимой нитью доносились болотные зловония замка Гууса, бледным следом угадывалось разнотравье Шелда. Винтовая лестница шла вверх, освещенная редкими смоляными факелами, но даже их пламя вздрагивало и меркло, ощущая дыхание чужого мира.

— Гонууск, — тихо приказала Эйлар, уверенная, что тот не упустит ни слова. — Если к рассвету я или отец не спустимся вниз — ты уничтожишь башню. Все, кто захочет последовать за нами, лягут в костер…

Она начала медленно подниматься по ступенькам. Рука то и дело искала оставленный у дверей арбалет. Страх мешал мыслям. Отец наконец нашел другой мир, и в этом была причина, стоившая жизней двух десятков рабов.

Лестница кончилась. Эйлар постояла у последней двери — тускло-серой, многократно

оплавленной. Здесь уже не годились дерево и сталь, только золото и свинец служили защитой от безумия чужих миров. Род Ваас был достаточно знатен и могуществен, чтобы позволить себе свинец.

Ожидание оказалось хуже самого страха, и Эйлар стала торопливо снимать запоры. Засовы из стали и свинца, золотые клинья в дверных щелях, отравленная паутина вокруг рукояти… Она повернула рукоять, и дверь плавно раскрылась.

В круглом зале со сводчатым потолком не было обычного набора предметов ученого-господина. Не было стеклянных колб с мутными жидкостями, извлеченными из тел молодых слуг, не было мраморных столов с этими телами. Ранд Ваас был еще молод и не заботился об эликсире бессмертия. В круглых окнах, затянутых тончайшим стеклом, не стояли конусы смотровых труб. Ранд Ваас не любопытствовал деяниями соседей, и даже когда над горами плыли Зеркальные облака, не разглядывал в них мутные отражения чужих владений. Что же до звезд — горячих и холодных, — Ваас слишком хорошо знал прямые пути к ним.

Путь открывал серебряный обруч — укрепленный на тонких янтарных подставках овал, стоящий посреди зала. В обруче плавала радужная пленка, именно оттуда и шел легкий ветер с запахом чужого мира. Эйлар принюхалась. Гарь, копоть… И сотни незнакомых запахов, не просто мертвых, а и не бывших никогда живыми.

Отца в комнате не было. Он прошел сквозь овал.

Эйлар обогнула обруч. Все то же: радужная муть, порывы чужого ветра. Она вздохнула и пошла вдоль стен, разглядывая красочные фрески. Ей слишком редко приходилось бывать в башне отца, чтобы упустить такой момент.

Вот первая. Самая яркая из всех — ее пощадило пламя, вырвавшееся когда-то из серебряного овала. Замок Ваас, кажущийся не таким старым, как сейчас. Два всадника, два брата, выезжающие из ворот: Ранд Ваат и Ранд Ваас. Длинная вереница слуг, следующих за ними.

Вторая фреска. Отец и Ваат дерутся спина к спине на Золотых барханах. Серые тени кочевников устилают желтый песок вокруг.

Третья фреска. Братья в городе Мертвых, в городе, где никто не жил и не будет жить. Слуг с ними совсем мало.

Четвертая фреска. На нее можно глядеть часами, ибо это фреска с изображением Храма, а немногим дано постичь и передать его величие. Храм огромен, он затмевает полнеба. Собранный из черных и зеркальных квадратов шар висит над землей, опираясь на тонкую каменную руку. Это рука Бога, удержавшего мир от падения в вечное пламя Авук.

Пятая фреска. Братья стоят в зале, и он так велик, что в нем поместился бы весь замок Ваас. Храм признал их достойными и теперь готов исполнить любую просьбу.

Эйлар улыбнулась. Она знала просьбу своего дяди — волшебную стену, чтобы огра-

дить его замок от врагов. Храм дал обещанное — и Ранд Ваат навсегда избавился от страха за свою жизнь. И получил клеймо труса — ибо постыдной была просьба. Нет лучшей защиты, чем мужество, нет лучшего оружия, чем доблесть…

Отец отказался и от защиты, и от оружия. Глядя вперед — ибо никого не встретили братья в Храме и голос богов шел от стен нечеловеческой белизны, — он рассказал свою историю.

Он был старшим в семье и по праву владел замком. Он умел обращаться с оружием, и никто не смел похитить его слуг или бросить вызов роду Ваас. Он не хотел проливать кровь свободных, присваивая себе их рабов. Но отец желал умереть, прибавив славы своему роду. Он попросил у Храма дверь, ведущую в иные миры — туда, где есть и опасность, и слава, и новые рабы для рода Ваас. И Храм исполнил обещанное. Он дал отцу серебряный обруч — и тот превратился в его проклятие.

Подарки богов тяжелы для людей. Первым понял это Ранд Ваат. Черное облако — волшебная стена — возникало по его воле вокруг родового замка. И ни один враг, пеший и конный, арбалетчик и огнеметатель, не мог одолеть черную стену. Но проходило несколько дней — и в замке становилось душно. Жухла листва на деревьях, тревога одолевала людей. Боевые псы ходили с высоко задранными головами, словно молили перерезать им глотки, а потом умирали. Приходилось снимать заклятие — и драться с врагом, силы которого не подкашивали темнота и мертвый воздух. Лишь однажды черное облако по-настоящему спасло замок Ваат: когда стаи ядовитой саранчи пролетали над горами, Ваат укрыл под черным колпаком всех своих рабов.

Серебряный обруч Ранда Вааса был дверью в иные миры. Двое суток он отдыхал, выставленный на солнце, а затем мог открыть путь в неведомую страну. Вот только никто, кроме шутников-богов, не знал, куда поведет волшебная дорога.

Как правило, за обручем оказывалась ледяная темнота, попав в которую люди умирали в муках. Обруч с гулом высасывал воздух из башни, и любая вещь, унесенная ветром, уже не возвращалась.

Слуг, которые проверяли такие пути, приходилось привязывать длинной веревкой.

Иногда за обручем открывался странный пейзаж. Так могли гореть белые или желтые солнца, в лесах или степях бродили незнакомые звери. Воздух в таком мире годился для дыхания — или же убивал, но не сразу.

Однажды из обруча ударило ревущее пламя, проломившее стену башни и оплавившее свинцовую дверь. Пламя погасло, ибо обруч сам закрыл огненный путь. Но ни разу Ранду Ваасу не удалось найти мир, достойный свободного человека.

Эйлар стояла перед обручем, пытаясь угадать, чего ждет от нее отец. Помощи? Осто-

рожности? Терпения?

Даже Уммилис не сумеет понять мысли отца, когда он прошел через обруч…

Раздался хрип. Совсем близко — за радужной пленкой. Завеса колыхнулась, обтягивая рослое тело. Ранд Ваас, сгорбившись, переступил обруч, неся на плече молодого парня в странной одежде. На руках отца была кровь — своя или чужая, не разберешь. Увидев Эйлар, отец довольно осклабился и бросил ношу на пол.

— Мир, — хрипло сказал он — Мир рабов.

— Я потеряла половину слуг, спеша на твой зов, — ответила Эйлар. — Хороших слуг.

Отец молча повернулся к обручу. На серебре поблескивали в маленьких лунках разноцветные камни.

— Запомни узор, — коротко приказал он. — Боги Храма посмеялись надо мной, но я нашел мир, который станет нашим.

Он вынул самый верхний камень, прозрачный, как горный хрусталь, искрящийся, как бриллиант, скользкий, как ртутный шарик. Мерцающая пленка потускнела и погасла. Теперь сквозь обруч была видна лишь противоположная стена.

— Этот мир может стать нашим, — сказала Эйлар и с любопытством тронула босой ногой неподвижное тело. — Если только у него еще нет повелителя.

Ранд Ваас спрятал под кожаный панцирь камень-ключ. И сказал.

— Мне кажется — если я не сошел с ума, — что это мир одних только рабов. Тебе придется это проверить, дочь.

Я, Эйлар Ваас, стою на земле, которая моя по праву. Я дочь своего отца, и ошибка его на мне. Моя рука остановила его жизнь, но двигала ею воля отца. Ибо он знал — нет прощения, когда нарушены основы порядка. Не мне повторять их для вас, брат отца Ранд Ваат и друг отца Крип Гуус. Но я повторю — для земли, которой буду владеть, для слуг, которыми буду править, для стали, которую понесу в бою.

От сотворения земли — и до угасания солнца.

От рождения человека — и до погребального костра.

На север и юг, на восток и запад.

Один закон жизни дан всем.

Есть свободные и рабы, есть господа и слуги.

Свободный может быть трусом и подлецом. Он может быть жалок и смешон, а лицо его уродливо. Не это делает его господином рабов.

Раб может быть смел и благороден. Он может быть горд и величествен, а лицо его прекрасно. Не это делает его слугой свободных.

Правда снаружи, а не внутри. Истина приходит лишь через другого человека.

Нет хуже проступка, чем сделать слугу господином, — кроме единственного: сделать свободного рабом.

Мой отец забыл истину — и потому я стою перед вами на своей земле. И мои рабы на стенах замка готовы умереть за меня.

Уммилис, слышащий неслышимое, привел юношу к Эйлар на третий день обучения. Старик шел медленнее обычного, хотя двое, не имеющих имени, поддерживали его под руки. Юноша шел следом, без охраны, но с ящерицей-воротником на шее. Рубиновые глазки ящерицы неотрывно следили за Уммилисом — он имел право приказа. Лишь увидев Эйлар, ящерица переместила немигающий взгляд на свободную.

— Я отдал ему все, что имел, — тихо сказал Уммилис. — Он понимает язык, может говорить и знает, где находится.

Эйлар кивнула — она не сомневалась в возможностях Уммилиса. Но хороший труд требовал награды.

— Ты можешь сократить свое имя, Уммили. Ты доволен?

Старик кивнул. Но слова Эйлар словно не затронули его.

— Боюсь, я не обрадуюсь так сильно, как должен, госпожа. Мой разум гаснет — он слишком много отдал… и слишком много взял.

— Ты хорошо служил роду Ваас, — ласково ответила Эйлар. — Ты можешь спокойно умирать, старик.

Уммили кивнул.

— А теперь ответь на последний вопрос, Уммили. Кто его хозяин?

— Я не знаю.

Эйлар нахмурилась:

— Он так глуп? Стоило ли возиться с ним трое суток?

— Госпожа… — В голосе Уммили мешались почтение и страх. — Он подчинялся многим в своем мире. Очень многим. Но он не считает себя рабом.

Эйлар вздрогнула. Посмотрела на юношу — тот оставался неподвижен, лишь иногда косился на ящерицу, способную в любой миг разорвать ему горло.

— Ты хочешь сказать… — голос Эйлар дрогнул, — что он свободный?

— Нет, госпожа. Он подчинялся многим. У него не было слуг. Но он считает себя свободным человеком.

Мгновение Эйлар размышляла. Потом кивнула — и ящерица-воротник перескочила на шею Уммили. Юноша потер оставшийся на коже красный рубец.

— Ты хорошо служил, Уммили, — ласково сказала девушка. — Попрощайся с друзьями. Ты знаешь, что говорить, а что нет. Потом прикажи ящерице исполнить то, что она должна.

Старик кивнул.

— Пойдем, — кивнула Эйлар юноше. — Мы погуляем по саду… и поговорим.

Я, Эйлар Ваас, клянусь — и клятва моя верна, ибо я стою на своей земле. Во мне не было веры в чужака. Он был рабом — потому что сдался отцу живым. Он был рабом — ибо повиновался нелепым законам неизвестных ему людей. Он был рабом — ведь никто не подчинялся его приказам.

Но я помнила основы порядка — и во мне проснулся страх. Отец не мог ошибиться — значит, я должна изобличить раба. Ну а потом… Для раба, скрывающего свою сущность, придумано множество видов смерти. Лишь одной нет среди них — быстрой. Я ненавидела чужака — и поклялась доказать его природу еще до захода солнца.

Я, Эйлар, думала так.

Сад замка Ваас… Немногие свободные видели его красоту, а что до рабов — какую цену имеет их мнение? Раб может оценить красоту, может создать ее, может стать ее частью. Но лишь свободный способен увидеть прекрасное таким, какое оно есть на деле.

Эйлар Ваас и чужак из другого мира шли по прозрачным дорожкам из каменной воды, теплой и мягкой на ощупь Они миновали поляну пылающих цветов, вспыхивающих разноцветным сиянием, когда на них садились огненные пчелы. Они остановились на деревянном мостике, перекинутом через Сиреневый пруд, — и долго стояли там, вдыхая сладкий аромат, рождающий в душе радость и щемящую тревогу о будущем. Они взобрались на Музыкальный холм, и черно-белые камни под ногами вызванивали печальную мелодию, которая рождалась однажды и никогда больше не могла повториться. И там, на вершине холма, опустились на изумрудную траву, мгновенно сплетшуюся в мягкие, украшенные белыми цветами кресла.

— Как тебя звать? — спросила Эйлар, хотя и знала ответ.

— Александр.

— Это имя раба, — ответила Эйлар. И почувствовала обиду, что проверка оказалась столь простой.

— Рабы не имеют имен вообще, так мне говорили.

— Не имеют имени низшие рабы, им незачем его иметь. Те, кто хоть чем-то может быть полезен, носят имя — слишком длинное для свободного человека.

— У наших миров разные законы. Впрочем, иногда меня зовут другим именем — Саша.

— Ты не хочешь признать очевидного, раб, — ответила Эйлар. — Скажи, ведь в своем мире ты подчинялся другим?

— Да, но лишь тем, кому я согласен был подчиняться. Никто из них не назвал бы меня рабом. И в любой миг я мог стать выше их и отдавать приказы.

Он смотрел на Эйлар, и в глазах его было больше любопытства, чем страха.

— Когда мой отец забрал тебя из твоего мира, ты даже не пробовал сопротивляться. Это поступок раба.

— Это поступок разумного человека. Твой отец был сильнее меня, он вышел из воздуха, словно для него не существовало расстояний. Я не знал пределов его силы, я не хотел рисковать. Но мне было интересно происходящее.

Эйлар вздрогнула — так мог ответить и свободный. Но перед ней сидел раб!

— Ты хочешь сказать, что в твоем мире люди одновременно рабы и свободные? — спросила она. — Это невозможно.

Александр кивнул:

— Нельзя быть немного несвободным. Мы знаем это.

Эйлар кивнула:

— Если вы не можете быть свободными — вы станете рабами. Мой отец завоюет ваш мир.

Александр улыбнулся:

— Наверное, это будет очень трудно сделать. Ты не знаешь силы нашего мира. Его злой силы…

Эйлар не ответила. Она помнила картины, показанные ей разумом Уммилиса, выкравшим их из памяти чужака. Стальные машины, ползущие по земле и выбрасывающие огонь. Стальные птицы, летящие выше облаков и заливающие землю ядом. Стальные корабли, несущие в себе отряды обученных рабов.

Но и Александр не подозревал о силе ее мира. О том, что скрыто за красотой садов и каменными дверями подземелий. Черные бабочки, такие маленькие, что их трудно увидеть, откладывающие в сталь тысячи крошечных прожорливых личинок. Неделя — и упадут на землю стальные птицы; утонут, рассыпавшись в труху, корабли; развалятся бронированные машины-танки. А потом настанет черед птиц-горноф, мерзких ночных тварей, нападающих только на детей и женщин, плюющих в глаза выжигающим мозг ядом. А потом рабы, не

имеющие имен, проглотят скользкие разноцветные личинки сабира и пойдут в бой с оставшимися врагами. И из каждого убитого и разрубленного раба вырастет новый боец, получеловек-полусабир, оборотень, жаждущий лишь одного — убивать и вкладывать в плоть скользкие личинки.

Эйлар посмотрела на чужака. И ощутила что-то похожее на жалость. Раба можно жалеть — от этого он не становится свободным.

— Расскажи мне о своем мире, — приказала она. — Не то, что ты говорил Уммилису — о правителях-слугах и свободных рабах. Говори о себе: как ты жил и чего хотел. Говори правду — я почувствую ложь.

И чужак с длинным именем раба начал рассказывать:

Я, Эйлар Ваас, стою перед вами — свободными людьми, равными мне. И говорю то, что не хотела бы рассказать. Но есть закон, и он требует ответа.

Свободного можно убить — и он умрет свободным. Убийца может быть наказан, а может быть прощен — кем бы он ни был, слугой или господином.

Но свободного нельзя сделать рабом. И виновный должен умереть — кем бы он ни был, слугой или господином.

И от сотворения земли люди смотрели друг на друга, пытаясь понять, кто свободен, а кто раб. Было так до тех пор, пока не пришла истина.

Правда не принадлежит человеку — она видна лишь другим людям. Истина находит того, кто может ее увидеть. Она заставила меня говорить с чужаком, носящим рабское имя. Мы говорили до вечера, когда над горами поплыли Зеркальные облака, и до полуночи, когда звезды, которых он не знал, загорелись над нами, и до утра, когда оранжевый рассвет разбудил птиц в саду. Я поняла, что случилось. Я знала, что должна делать. Но страх ошибиться терзал меня, и я спросила его…

Сизер, теплый ветер утра, раскачивал цветы в саду замка Ваас. Эйлар спросила, держа руку на поясе-змее, готовом ожить и убить врага:

— Александр, ты говорил о девушке, которую любишь. Но она далеко. Скажи, ты смог бы остаться со мной? Быть свободным, а не рабом. Править вместе со мной. Ты смог бы полюбить меня?

Чужак вздрогнул, он не ждал такого вопроса. Посмотрел на Эйлар в оранжевом утреннем свете — свете ясности и жизни. И ответил:

— Я не могу остаться. Меня любят и ждут. Понимаешь?

Эйлар еще крепче сжала пояс (змея вздрогнула, пробуждаясь от многолетнего сна) и

спросила:

— Ты считаешь, что я недостойна твоей любви?

И тогда Александр закричал, словно боялся, что не сможет сказать этих слов тихо:

— Да пойми, наконец! Я боюсь полюбить тебя! Боюсь остаться в твоем мире, пусть даже свободным, пусть даже королем! Есть мир, в котором меня ждут и любят! Не превращай меня в раба своей любви!

— Я красива? — спросила Эйлар.

— Да…

— И ты смог бы полюбить меня?

— Да, — сказал чужак и отвернулся.

Эйлар поднялась из травяного кресла и бросила пояс-змею в Сиреневый пруд, жадно проглотивший добычу. Потом она посмотрела на чужака и сказала:

— Знаешь, ты тоже красив… И я смогла… Пойдем.

Я, Эйлар Ваас, стою на своей земле, и, значит, мои слова — правда. Я поняла, что отец мой ошибся и будущее стало неизменным. Я отвела чужака с именем раба в башню отца и оставила возле серебряного обруча, холодного и мертвого. Потом я прошла подземным ходом в спальню к отцу. Он ждал меня — возможно, Уммилис предупредил его перед смертью, он иногда видел грядущее… А быть может, отец все понял сам. Он сидел на постели, в углу которой сжались мальчик и девочка, согревавшие его в эту ночь. Меч рода Ваас был в руках отца, и я испугалась. Но истина была со мной. Я подошла к отцовскому ложу и опустилась перед ним на колени.

— Отец, ты ошибся, — сказала я, чувствуя, как давит горло печаль. — Прости, что я поняла твою ошибку.

Ранд Ваас взял меч за лезвие, и кровь потекла с его пальцев. Никто не смеет брать мечи великих Мастеров за клинок…

— Ты уверена, дочь? — спросил он, протягивая меч. — Ты веришь себе и своим чувствам ?

Я вспомнила, как чужак валялся на полу башни под мерцанием серебряного обруча. Вспомнила, как он бродил по дворцу вместе с Уммилисом, постигая наш язык, — его глаза были чисты, как у ребенка, а кожа посерела, как у старика. Вспомнила, как он растирал рукой след от ящерицы-воротника на шее… И провожал взглядом Уммилиса. Я вновь прошла с ним по теплым дорожкам парка и вдоволь надышалась сиреневым туманом. И слушала рассказ про его жизнь, где все было на своих местах — рождение и любовь, зрелость и смерть. Это еще ничего не решало: раб рождается и живет теми же муками и радостями, что

свободный. Но потом я вспомнила его улыбку и темные глаза, неотрывно следившие за мной в тишине ночного парка. И легкие касания рук — теплые, живые, которым не удавалось казаться случайными.

— Да, отец, — ответила я. — Уверена. Ты сделал рабом свободного.

Рукоять меча легла в мои руки. Отец кивнул и сказал:

— Бей.

Я ударила отца — легко-легко, лишь намечая путь для уходящей жизни. Он взялся за эфес, вырвав его из моих рук, и вонзил меч до конца.

— Пусть моя ошибка умрет со мной, — прохрипел он. — Пусть она не коснется рода Ваас…

Кровавая пена хлынула у него изо рта — значит Храм услышал и исполнил его последнюю волю.

Подозвав мальчика, я зарезала его над трупом отца — ему понадобится красивый и сильный попутчик на дороге Смерти. Девочке я велела прийти ко мне через месяц. Она была в возрасте детства, но случается всякое, и в теле ее могла скрываться новая жизнь, родная мне по крови.

Из плаща отца я достала прозрачный камень-ключ и поднялась в башню. Александр ждал возле серебряного обруча, и цветной узор камней был сложен по-прежнему. Когда я вложила камень-ключ, радужная дымка затянула обруч.

— Уходи, — сказала я. — Уходи навсегда — и быстрее! Иначе я заставлю тебя остаться!

Он подошел ко мне и коснулся губами моих губ. Сказал, и я нашла в его голосе настоящую грусть:

— Прощай, Эйлар. Я еще пожалею о том, что ухожу. Но меня ждут.

Шагнув в радужную дымку, он обернулся и крикнул:

— Прощай! Я почти влюбился в тебя, Эйлар из рода Ваас!

— Прощай, — сказала я и назвала его именем свободного: — Саша…

Когда в серебряном обруче померкли последние тени, я подняла меч и превратила подарок богов в мятые серебряные полоски, присыпанные осколками разноцветных камней.

Потом я вышла на балкон главной башни и велела стражникам собрать всех слуг. Когда молчаливая толпа собралась в маленьком квадратном дворе, я сказала им, что Рандо Ваас ошибся. Я сказала, что он уже идет по дороге Смерти и желающие могут присоединиться к нему. Несколько женщин и двое стражников вышли вперед и пронзили себя мечами. И лишь Глааман, имеющий право спрашивать, решил невовремя воспользоваться им. Он закричал:

— Госпожа! Чужак не был свободным, он такой же раб, как и мы! Господин Ранд Ваас погиб напрасно…

Я кивнула Гонууску, и начальник стражи вскинул арбалет. Глааман упал со стрелой в груди, и я попросила богов, чтобы он догнал отца на дороге Смерти. Такие рабы, как он, порой бывают нужны.

Так начался вчерашний день, равные мне Крий Гуус и Ранд Ваат. Как он прошел — вам знать не нужно. Я сделала все, что могла, для отца, и путь его по дороге Смерти не будет трудным. А сегодняшний день начался для меня с печали — ибо я узнала, что вы идете к моему замку с отрядами рабов. Но я признаю за вами право вопроса и дам вам знание ответа. Мой отец ошибся, приняв чужака из другого мира за раба. Да, он носил рабское имя и не всегда поступал, как подобает свободному. Но это не важно.

Правда снаружи, а не внутри, а истина приходит лишь через посредство человека. Я сидела рядом с чужаком под светом неведомых ему звезд, я слушала его рассказы, я чувствовала его дыхание. Я полюбила его, а значит, мой отец ошибся. Ибо раба нельзя любить. Он может стоить уважения и дружбы или ненависти и страха.

Можно овладеть его телом — или отдать ему свое.

Но только свободного можно любить.

От сотворения земли — и до угасания солнца.

***

Мне трудно вспомнить, что послужило толчком к написанию «Л — значит люди» (рассказ печатался также под названием «Имитатор»). Уж наверняка не спор, что определяет человека — тело или душа. На этот вопрос я дал себе ответ давным-давно и без всякой фантастики. Еще Виктор Гюго в «Соборе Парижской Богоматери» говорил в общем-то именно об этом.

Скорее меня занимал самый простой и вечный вопрос фантастики — «какими мы станем». Что сделает с собой человек, чтобы выжить в чужом мире. Какие следы мы оставим «на пыльных тропинках далеких планет» — от рубчатых подошв бронированных скафандров или от босых ног… пусть даже не совсем человеческих.

Но на простые вопросы очень трудно дать простые ответы.

«Л» — ЗНАЧИТ ЛЮДИ

Он лег спать человеком. Ритмично билось сердце, прогоняя кровь по сосудам, ныла ушибленная лодыжка. Две руки, две ноги, загорелая кожа, короткая стрижка… Все как положено.

Среди ночи он проснулся. Слабый свет из залитого бронестеклом окна падал на стойку у изголовья. Янтарно желтела нашивка на рукаве посеревшего под цвет стен комбинезона: «Ингвар Вистин 37 лет. Десантный Корпус. ГРИМ».

ГРИМ.

Ингвар лежал, чувствуя, как расползается по телу жгучая, мучительная боль. Словно тысячи крошечных москитов впивались в него изнутри тонкими отравленными жалами.

ГРИМ.

Все как положено Он уже четвертый час на планете. Пора…

Пошатываясь, придерживаясь за стены, Ингвар выбрался из комнаты. Идти было трудно — ноги укорачивались, причем неравномерно, левая оказалась гораздо длиннее правой. Временами колени подгибались назад.

Яркие лампы на потолке коридора были почти невидимы. Зато в стенах проступила пронзительно синяя мерцающая паутина: кабели и провода, линии энергопитания и связи. Он начинал видеть в нечеловеческом спектре. Из-за спины Ингвара обдавал прозрачным голубым ветром главный локатор станции.

Люк шлюзовой камеры Ингвар открывал несколько минут. Пальцы на руках уже исчезли, превратившись в длинные, твердые как сталь шипы. Почти таких же усилий стоило закрыть люк. Зато теперь Ингвар оказался у цели.

С внешним люком он рассчитывал управиться быстрее. Отравленный кислородом воздух жег легкие, голова слегка кружилась. Но люк упорно не хотел открываться. Наконец до Ингвара дошло, что автоматика не собирается выпускать его из станции без скафандра.

Главный контрольный блок он нашел сразу — квадратное фиолетовое пятно в стене. Минуту постоял, глядя на едва уловимые переливы света, — компьютер работал, блокируя неразумное поведение человека… А затем, пробив рукой сталь, превратил прибор в горстку смятых деталей.

Люк бесшумно открылся. Ингвар услышал легкий свист входящего воздуха — давление на планете было чуть выше земного. И пошел вперед на коротких, толстых, обросших роговыми пластинами ногах.

Джунгли подступали к Станции почти вплотную. Лишь в пяти метрах от купола, там, где начиналось действие подавляющего поля, деревья не росли. Дальше они образовывали почти непроходимую стену: сотни, тысячи сплетенных, ощетинившихся хватательными иглами стволов.

Ингвар со всхлипом втянул в себя воздух планеты. Нос — или остатки носа, горло — или остатки горла обожгла едкая, настоянная на аммиаке и серных парах смесь. Он присел на колени, часто и тяжело дыша. В растягивающемся до ушей рту медленно вырастали клыки. Воздух наждаком прошелся по ним, ворвался в легкие. Конечно, если они еще не превратились в жабры…

— Я… почти… — прохрипел Ингвар. У него еще остались голосовые связки, и стоило их сохранить. — Почти… готов… я… имита…

Он закашлялся. Поднял голову к небу, где тлела багровым огоньком Малая звезда.

Ультрафиолет, доза, смертельная для человека в течение пятиминутного облучения… Кожа начала саднить, покрываясь топорщащейся полупрозрачной чешуей. Ингвар обвел взглядом джунгли. Изломанные, напоминающие переболевший ревматизмом бамбук, деревья настороженно следили за ним. Именно следили — он видел теперь черные пятнышки светочувствительных клеток, разбросанные среди бледно-розовых вздрагивающих игл. Это не страшно, деревья не разумнее земных лягушек…

— Орг… Ты рядом, я знаю…

Джунгли молчали.

— Подожди до утра… Я приду… Орг!

Он закричал. Вытянул руки, медленно свел их. Между шипами заструились шелестящие белые молнии. Живительный ультрафиолет лился на аккумулирующие чешуйки. Каскадные жабры, разрастающиеся в груди, жадно впитывали аммиак. К утру Ингвар должен полностью перестроить обмен веществ. У него еще масса времени.

…В коридоре Станции он наткнулся на человека. Не то техник, не то просидевший ночь за приборами ученый; он неспешно вышел из лифта. Увидел Ингвара — и попятился назад, в сдвигающиеся створки лифта, бормоча вполголоса:

— Господи… Пресвятая Дева…

Ингвар повернул к нему лицо — оно еще оставалось человеческим — и произнес извиняющимся тоном:

— Я Ингвар Вистин. Из Группы Имитации. ГРИМ. Прилетел на станцию вчера, вы могли меня видеть…

— Хамелеон… — так же тихо продолжал мужчина. — Нелюдь проклятый…

Двери за ним сомкнулись.

— Я не хамелеон, — сказал самому себе Ингвар. — Став Имитатором и получив полный контроль над своим телом, я никогда не перестану быть Человеком. Мои способности будут служить людям на любой планете, где потребуется помощь…

Ингвар цитировал присягу Имитатора скучно и равнодушно, словно единственной его

целью было нагрузить голосовые связки, не дать им атрофироваться за ненадобностью. Продолжая говорить, он пошел в свою комнату. Идти было трудно — ноги стали уже совсем короткими. Но немного выручало то, что их теперь четыре.

Завтрак начался как обычно — с перебранки сменяющихся дежурных. За ночь был перерасход энергии, да еще кто-то сломал защитную автоматику шлюза. Потом, словно цепная реакция, ругань перекинулась на ученых. Решали, кому идти на внешние точки — набитые приборами купола, опоясывающие Станцию. Полкилометра на любой другой планете не расстояние. Но на Терфане не стоило удаляться от Станции и на десяток метров.

Роальд — временный координатор Станции — не вмешивался в происходящее до последнего. Но когда биолог с багровым от ненависти лицом начал привставать из-за стола, ему пришлось действовать.

Никто не обернулся на звук открывшейся двери. Персонал Станции забавлялся: наблюдал, как Роальд наводит порядок. Биолог, уже не красный, а побледневший от боли, валялся на диване в углу столовой. Роальд, с алго-пистолетом в руке, тряс за воротник второго участника конфликта — ботаника Ясиньски. Маленький сухощавый поляк молча пытался высвободиться.

— Три внешних выхода вне очереди! Ясно? Три выхода за пределы Станции! Повтори!

Ясиньски не отвечал. И вдруг, подняв дрожащую руку, указал на дверь. Роальд настороженно обернулся. Вскрикнул. И вскинул пистолет, отшвыривая ботаника в сторону.

В дверях стояло чудовище.

Чудовище было двух метров длиной и не более метра в высоту. Больше всего оно напоминало рослого крокодила, покрытого прозрачной, слегка поблескивающей чешуей. Короткий и тонкий хвост чудовища переходил в полуметровую зазубренную на конце иглу. Вдоль туловища были плотно прижаты длинные, жутковато похожие на человеческие, руки. Вместо пальцев руки заканчивались когтями.

— О Боже… — выдохнул кто-то.

Чудовище, удивительно быстро перебирая четырьмя толстыми лапами, оказалось у стола. Ему было трудно дышать в кислородной атмосфере, и клыкастая пасть открывалась часто и широко.

— Я Ингвар, — сказало чудовище почти человеческим голосом. — Имитатор. Тот самый, что прилетел вечером.

Ясиньски истерически захохотал. Роальд медленно убрал пистолет.

— Вас могли убить, Имитатор, — зло произнес он.

— Меня трудно убить. Тем более из этой штуки…

Ингвар вытянул руку. Подцепил со стола солонку, прожевал. В уголках пасти застыла

пластиковая крошка вперемешку с солью.

— Не то… — разочарованно сказал Ингвар. Взял металлическую вилку, повертел перед глазами — узкими, прикрытыми немигающими прозрачными веками.

Столпившиеся у стены люди хмуро смотрели на него.

— У меня другой метаболизм, — меланхолично объяснило чудовище. — Приходится есть… очень странные вещи.

Оно легко откусило черенок вилки. Качнуло головой. И отправило в пасть остальное.

— Ты, тварь… — Один из людей шагнул вперед. — Убирайся! Тебе здесь делать нечего!

— Вы сами меня позвали, — равнодушно ответил Ингвар. — Я Имитатор, специалист по особо тяжелым планетам. Неужели трудно полдня выдержать мое присутствие?

Никто не ответил. Люди стояли все той же сжатой, настороженной стеной.

— Я знаю, вы насмотрелись всякого, — уже удивленно продолжал Ингвар. — Мой вид не может вас шокировать или отбить аппетит. Вы просто не из той породы…

— Это ты не из той породы!

Роальд поморщился и, обходя Ингвара по кругу, направился к двери.

— Идемте, Имитатор, — бросил он, уже стоя на пороге. — Мы поговорим у меня. И позавтракаем там, если хотите. Металлического утиля полно в каждой комнате.

Кабинет координатора Станции был довольно просторным. Да и окно здесь заменяла полностью прозрачная стена — роскошь, если учитывать цены на бронестекло и ничтожный практический эффект от панорамных окон.

— Вы, случайно, не работали раньше в цирке, Имитатор? — Роальд смотрел на Ингвара с неприкрытым раздражением. — Ваш выход был красив, не спорю. И посуду вы жуете здорово.

— Я не работал в цирке, — спокойно отпарировало чудовище. — Меня вызывают в те миры, где люди не выдерживают. Ваша планета не первая, истерикой меня тоже не удивишь.

— При чем здесь истерика, Имитатор? — Роальд досадливо поморщился. — Люди вымотаны до предела. Семь нападений за последних два месяца — это не шутка. Трое погибших, в том числе первый координатор Станции. Никто не хочет выходить за пределы защитного купола. Исследование планеты практически свернуто…

— И это мешает вам проявить себя на новом месте.

— Я не рвался на этот пост! — Роальд напрягся, словно готовился вступить в долгий и трудный спор. — Да, у меня небольшой опыт планетарной работы… поэтому я и вынужден был вызвать вас. Хотя и знал, как относится персонал к сотрудникам Группы Имитации. Все

эти легенды… об Имитаторах, которые вместе с человеческой формой утрачивают и человеческое сознание. Конечно, я в это не верю.

— Я тоже, — серьезно произнес Ингвар. — Мне можно начинать работу?

Роальд пожал плечами:

— Извольте. Взгляните на карту…

На стене высветился объемный цветной план. В центре его красной искоркой поблескивала крошечная буква «Н». Обозначение Станции, единый во всем космосе знак. «Homo» значит «люди».

— Большинство нападений произошло на северном и северо-восточном направлениях от Станции, в старом русле Багряной реки…

— Она действительно багряная?

— Да… — Роальд недоуменно разглядывал Имитатора. — Вода в ней несет большое количество темно-красного ила… Разве это важно? Название давала картографическая группа первой экспедиции.

— Я так и предполагал. Вряд ли ваш персонал способен на поэтические озарения. Продолжайте, координатор.

— Разглядеть существо не удалось никому, даже уцелевшим. По косвенным признакам можно предположить, что оно сравнительно невелико, передвигается на четырех или шести лапах, хорошо маскируется. Ну и обладает колоссальным электрическим зарядом, разумеется. Охранный робот погибшего геолога был прямо-таки расплавлен…

Ингвар потянулся — чешуйки на его спине зашуршали, топорщась и налезая одна на другую.

— Благодарю вас, координатор, этого вполне достаточно. Дайте мне что-нибудь металлическое… да, отвертка вполне подойдет. И прикажите открыть шлюз.

…Он выбежал из шлюза размеренным, неспешным бегом, легко обрывая цепкие нити вьюнков-паутинников, опутавших купол Станции за ночь. На зеркальной полупрозрачной чешуе появились бурые пятна от клейкого сока. Через несколько часов липкая жидкость подсохнет, стянется в маленькие шарики-семена и упадет на землю. Недаром тонкие стебли вьюнков оплетают деревья в самых глухих уголках леса.

Первые ветви, которые Ингвар раздвинул своим телом, встретили его пружинистым толчком. Иглы скользнули по чешуе, тщетно пытаясь отыскать незащищенное место, острые упругие шипы изгибались, пытаясь войти в щель между твердыми как сталь пластинками брони. Чешуйки сжались плотнее, защемляя хищные жала, и слегка провернулись. С едва слышным хрустом иглы обломились. И сразу же, повинуясь неуловимому сигналу, ветви со-

седних деревьев поднялись вверх, прижались к стволам. Ингвар, постепенно наращивая скорость, мчался в образующемся перед ним туннеле.

Орг… Воздух, свежий аммиачный воздух планеты, нес тысячи запахов — начиная с кислородного зловония Станции и кончая тонким, бодрящим ароматом вьюнкового сока. Но обоняние сейчас бесполезно — Ингвар не знал запаха зверя. Значит, искать придется по-другому.

Орг… Найти его. Уничтожить. Осознать обязательность этого, поставить самому себе новую жизненную цель. Сверхзадачу. Чудовище по прозвищу Орг. А дальше пусть выкручивается организм Имитатора, превращенный на Земле в сложнейшую биомашину. Имитатор не способен управлять своим телом произвольно, да это и не нужно. Работает лишь подсознание, оценивая окружающую обстановку и максимально приспосабливая к ней человеческое тело.

Сильным прыжком Ингвар перемахнул неожиданно оказавшийся на пути ручеек. Какая-то мелочь, резвившаяся на берегах, попрыгала в воду. Но Ингвар несся дальше.

Что он знает об Орге? Предположения координатора Станции не стоят ничего. Значит, у Ингвара есть лишь та информация, которая и привела его на планету. «В окрестностях Станции появился агрессивный организм, нападающий на людей».

Он действительно агрессивен, этот никем не виденный организм. Люди для него не объект охоты и не источник опасности. Но он нападает для того, чтобы убить и исчезнуть. Затаиться в лесу и ждать следующую жертву. Ждать, подвергаясь опасности, но не отходя от Станции в бескрайние планетные джунгли. Какая ненависть должна подстегивать зверя, чтобы превратить его в живую машину смерти!..

Ненависть.

Ингвар остановился так резко, что испуганные деревья с шумом отдернули ветви, образуя вокруг маленькую полянку. Вот он, шанс. Отличительный признак Орга. Багровый уголек, тлеющий в душной темноте джунглей.

Свернувшись клубком, словно огромная бездомная собака, Ингвар лег на землю. Чешуя на его боках плавно опускалась и поднималась. Он спал.

За полтора десятка километров от него, прижавшись лбом к холодной плите бронестекла, Роальд молча смотрел на джунгли. Где-то там скитался сейчас Имитатор. Урод, созданный земной наукой монстр. Только люди, годами живущие вне освоенных миров, там, где не выдерживают самые сильные и закаленные, способны оценить человека, добровольно изменившего свою сущность. Того, кто променял истинно человеческую силу духа и мужество на способность перестраивать свое тело… Роальд всегда относился к Имитаторам с гадливым

презрением. Истории про их неоценимые услуги человечеству — не более чем красивые россказни… Но сейчас от одного из Имитаторов зависела судьба Станции, судьба научной экспедиции на планету. А еще — карьера самого Роальда.

Ненависть.

Ингвар, пошатываясь, поднялся с земли. Дикая головная боль раскалывала звериный череп, мешала думать. Но что-то в нем изменилось. Он почувствовал джунгли.

От деревьев, от каждого листочка-иголочки вокруг словно веяло холодным ветром. Два зверька, не замеченных раньше, следили за ним обжигающе-ледяными лучиками взглядов. В небе парило плавно колышущее тонким телом-крылом морозное полотнище. На ветках снежинками подрагивали крошечные хищные насекомые.

Теперь он видел зло. Чувствовал биоизлучение ненависти, наполняющее джунгли, сплетенное в единую сеть, где было место всем — и полуживотным-полудеревьям, и полурастительным организмам, заменяющим на этой планете птиц. А еще Ингвар ощущал замершую в километре от него ледяную глыбу. Глыба подтаивала, источая глухую, тоскливую злобу.

Орг.

Ровным неутомимым бегом Ингвар несся к холоду.

Путь был недолгим и кончился вместе с джунглями. Деревья поредели, прижались к земле, как-то незаметно превратились в кустарник. Над головой раскинулось прозрачное желтоватое небо с двумя солнцами: огромным белым и крошечным красным. Ингвар знал, что на самом деле красный гигант в сотни и тысячи раз превосходит белый карлик, победоносно взошедший на небе планеты. Но и людей, предпочитающих при выборе названия удобство реальности, он понимал.

В следующую секунду Ингвар забыл об астрономии. Он увидел врага.

Ровное как стол плато, по которому бежал Ингвар, обрывалось, проваливаясь в глубокий каньон. Пропасть, на дне которой, в мешанине серых камней и буро-желтого песка, не росло ни одного деревца, казалась перенесенной сюда с какой-то другой, молодой и безатмосферной планеты. На самом краю обрыва, прочно опираясь на широко растопыренные лапы, поблескивая серебристой чешуей, приоткрыв усеянную клыками пасть, подергивая шипастым хвостом, сидел его двойник. Самое совершенное и самое страшное существо на планете. Орг.

Медленно переступая по стелющемуся кустарнику, Ингвар шел к зверю. С хрустом ломались под лапами стебли, выступившие из подошв когти вспарывали землю, оставляя глу-

бокие борозды.

Зверь не шевелился. Узкие желтые глаза внимательно следили за каждым движением Имитатора. Но во взгляде не было ни ненависти, ни злобы. Лишь легкая настороженность.

«Ты не боишься меня. И не нападешь». Ингвар остановился в нескольких метрах от Орга. Вгляделся в совершенное, вылепленное миллионами лет естественного отбора тело. Неудивительно, что его не могли поймать. Орг имел наиболее подходящую для джунглей форму. Имитатор невольно повторил ее…

Зверь плавно изогнулся, прижимаясь к земле, и мягко прыгнул. Не на Ингвара, в сторону. Так дурачатся кошки, встретив добродушного сородича и приглашая его к игре.

«Принимаешь за своего? Хорошо. Но что тебя не устраивает в людях?» Два огромных сильных зверя бежали по кромке обрыва. Красные и белые блики мешались на их блестящей чешуе. Кустарник торопливо расползался с дороги, деревья отдергивали ветви. Бегущий впереди часто оглядывался, задний неотступно следил за ним.

«Я убью тебя, Орг».

Вездеход выполз из джунглей, словно гигантское насекомое, прорвавшееся сквозь сплетение чудовищной паутины. Оборванные стебли вьюнков судорожно извивались на керамической броне, медленно обугливаясь под высоковольтными разрядами защитной системы. Титановые траки перемалывали в грязь зазевавшуюся лесную мелочь. Метрах в ста от края пропасти вездеход замер.

— Ближе подъезжать опасно, Филипп, — пояснил водитель. — Почва у самого обрыва ненадежна, может осыпаться в любой момент.

Филипп кивнул, не отрывая жадного взгляда от экрана. Прошептал:

— Каньон великолепный. Для геолога, в чьем распоряжении лишь одна бурильная установка, это просто подарок.

Водитель усмехнулся:

— Я же говорил, Фил, со мной не пропадешь. Прожил на Станции месяц, а что под боком у нас такая симпатичная ямка, и не подозревал…

— Отличная ямка. Метров триста глубиной, не меньше. А под боком у нас скорее Орг, потом уже этот каньон.

На мгновение Филипп замолчал. Подался ближе к экрану, чуть не вжимаясь в него лицом и начисто забывая о регуляторе увеличения. Изменившимся голосом сказал:

— Кстати, об Орге… С кем там резвится наш приятель Имитатор?

Зверь играл. Так радоваться существу одной с ним породы можно было, лишь многие

месяцы и годы оставаясь в одиночестве. Увлекаемый восторженным напором Орга, охваченный его возбуждением, Ингвар мчался вдоль обрыва.

Остановился Орг внезапно. Так, словно в его скользкую шкуру ухитрился вцепиться десяток неимоверно сильных рук. Повернул голову, вглядываясь во что-то на другой стороне каньона.

Ингвар снова почувствовал холод, но шел он не от Орга. Через километровой ширины пропасть на них смотрели две пары ненавидящих человеческих глаз.

Орг хлестнул себя по бокам резким коротким взмахом хвоста. Чешуя ощутимо заскрипела. Ингвар рассеянно подумал, что собака на месте Орга начала бы рычать.

Их захлестывало ледяным ветром. Совершенно непроизвольно, не задумываясь, Ингвар повторил движение Орга. Прикосновение хвоста оказалось неожиданно приятным, наполненным болезненной сладостью. Ингвар ощутил, как его начинает будоражить горячка предстоящей драки…

Стоп. Какой драки? С Оргом? Или с теми, кто его сейчас ненавидит, — с людьми?!

Издалека — оттуда, где находилась Станция, — стал накатывать холод. Не так резко и остро, как от людей в вездеходе, но неизмеримо сильнее.

Орг завертелся на месте, часто щелкая пастью. Ингвар прижался к земле, пытаясь укрыться от разлитой повсюду ненависти. И вдруг увидел на чешуе Орга длинный шрам старого ожога.

— Он же не собирается его убивать! Посмотрите! — Голос Филиппа стал умоляющим. — Они просто играют! Тварь уйдет в джунгли и снова начнет нападать на людей. Мы первый раз застали ее врасплох…

— А вы сумеете отличить Орга от Имитатора? — резко спросил Роальд. Изображение на экране перед ним делилось на две части: на одной — лица Филиппа и водителя, на другой — два чудовищных зверя. Секунду длилось молчание. Затем водитель — обстоятельный, аккуратный немец Эрик Нурман — сказал:

— А где вы видите Имитатора? Там, над обрывом, два Орга.

Роальд вздрогнул. Так, словно эта мысль еще не приходила ему в голову. Да, выход был прост и красив. Зверь уничтожен своими силами, а Имитатор исчез в джунглях. Не справился… В конце концов, не могут же они полагаться на Ингвара, который того и гляди умчится с Оргом в джунгли… Но поверит ли в его исчезновение руководство Группы Имитации, суперэлиты космоса?

— Мы ждем, — почти равнодушно сказал Эрик. — Лично мне в джунгли не выходить, я всегда в кабине. Но Филипп считает…

— Действуйте по обстановке, — оборвал Роальд. И отключил связь.

Ингвар шел к зверю, постепенно прижимая того к обрыву. А взгляд его не отрывался от старого ожога — шрама, который не могло оставить земное оружие. Зато для выхлопа корабельных двигателей это легче легкого. Планетолет, опускаясь, выжигает в джунглях круг стометрового радиуса. И никому из пилотов нет дела до семейства местных хищников, обосновавшихся когда-то на месте посадки.

Хищников? Так ли все просто… Звери не мстят. Для этого нужно уметь сразу две вещи: любить и ненавидеть. А такое доступно лишь разумным. Например, людям и Оргу.

— Роальд — хитрая скотина, — вполголоса ругался Эрик, манипулируя клавишами на пульте. — В любом случае останется в стороне…

На обзорных экранах зажглись красные круги прицелов. Загудел подъемник, выдвигая из брони ракетную турель. В лотке, покрытые слоем смазки, дремали четыре пузатых ракетных снаряда.

— А в чем, собственно, дело? — Филипп непонимающе взглянул на водителя — Мы же не собираемся трогать Имитатора. Не хочет убивать Орга — и не надо. Справимся сами, а он пусть убирается с планеты…

Эрик вытер рукавом рубашки пот со лба. Повернулся к Филиппу — все его грузное тело качнулось.

— С такого расстояния мы можем достать Орга только ракетой. А ты знаешь, какова мощность вакуумных боеприпасов?

— Но, выходит… Если мы хотим уничтожить Орга, то Имитатор попадает под удар?

— Дошло… — Эрик встал, освобождая пульт. — Садись. Мне эта зверюга досаждает куда меньше, чем тебе. Сам я стрелять не буду.

Филипп растерянно пересел в его кресло. Секунду смотрел на тускло светящиеся багровым, пусковые клавиши. Спросил:

— А что из этого может выйти, ты понимаешь?

— Я уже сообщил Роальду, что мы видим двух зверей. А Имитатор, очевидно, погиб раньше. Не справился с Оргом, бедняга.

«Я не смогу тебя убить, — как-то слишком уж спокойно подумал Ингвар. — Ты виноват не больше, чем мы. Да и необходимости в твоей смерти нет. Парализующий разряд — потом погрузить тебя в грузовой отсек катера и перевезти на другой материк. Туда, где нет и не будет людей, — планета не подлежит колонизации. Живи — и не вздрагивай от нестерпимого холода человеческой ненависти. Никто во Вселенной не умеет ненавидеть сильнее нас. Но

стоит ли этим гордиться?» За чешуйчатой спиной Орга, на другой стороне каньона, Ингвар видел серебристую каплю вездехода. На крыше кабины подрагивал оранжевый огонек. Вначале Ингвар принимал его за сигнальный маячок и лишь потом понял, что видит излучение работающей радиоантенны. Наверное, поднапрягшись, он мог бы даже прочитать текст передачи или поймать картинку видеоизображения…

Ингвар подтянул задние ноги, готовясь прыгнуть к зверю

Орг напрягся — почувствовал отголосок угрозы?

Со стороны вездехода дохнуло холодом. Донесся хлопок — характерный звук заработавших реактивных двигателей. И две металлические сигары, окутанные желтыми бликами работающих систем наведения, оставляя дымный шлейф, прыгнули через пропасть.

Готовое к движению сильное и гибкое тело Имитатора замерло. Раздумывать не было времени. У него оставался последний шанс — помериться скоростью с головкой наведения ракеты.

Ингвар слишком поздно понял, куда направлен залп…

Серебристыми черточками мелькнув по экрану, ракеты впились в каменную стену пропасти метра на три ниже края обрыва.

— Что случилось? — Эрик замер, склонившись к экрану. — Зачем ты сместил прицел?

По глазам резануло огненно-багрово-дымным. Склон окутало пылающее облако. Казалось, горел сам воздух. Несколько мгновений все казалось застывшим в хрупком, неустойчивом равновесии. Затем дрогнула и начала рассыпаться стена пропасти. Она подламывалась, словно вершина сугроба, срезанного ножом бульдозера. Неслись, катились вниз валуны; сыпались ручейки, реки, водопады песка; планировали, кружились языки пламени, словно обретшие внезапно прочную, грубую материальность. И где-то среди этого рукотворного селя поблескивала полупрозрачная чешуя чудовищ. Орга и Имитатора Ингвара Вистина.

— Так надежнее, — бесстрастно объяснил Филипп. — Они могли увернуться от ракет. А край обрыва состоял из пород… весьма неустойчивых к сотрясению.

На дне каньона высился теперь каменный холм, полускрытый наполнившими воздух пылью и дымом. Эрик невольно отвел глаза. Потом протянул пальцы к клавиатуре прицела, наводя кружки-целеуказатели на склон.

— Пускаю оставшиеся ракеты. Они… эти двое… заслужили высокий памятник.

…Он полз. Мощные лапы-лопасти перемешивали песок и щебень, проталкивали узкое змеиное тело сквозь тысячетонный каменный завал. Тихонько попискивал ультразвуковой локатор, определяя единственно возможный путь к поверхности, помогая огибать огромные

гранитные глыбы, пробиться сквозь которые не смог бы и алмазный бур. Дыхательные щели, разбросанные по всему телу, жадно впитывали ничтожное количество воздуха, замурованного вместе с ним.

На исходе третьих суток Имитатор выбрался на поверхность, под тусклое красное мерцание Малой звезды. С минуту его тело, похожее на обзаведшуюся лапами анаконду, лежало на камнях, рывками вытаскивая из скального плена последние сантиметры. Потом он начал изменяться.

Иглокол Имитатора стоял в ангаре Станции. Аккуратная прозрачная пирамидка, то ли из хрусталя, то ли из мономерного псевдоалмаза. В глубине пирамидки темнели маленькое кресло и такой же миниатюрный пульт.

— Когда я учился, — задумчиво сказал Роальд, — иглоколы считались разовым транспортом. Машиной в один конец. Они рассыпались после одного-единственного нуль-перехода. Их использовали лишь для заброски разведчиков, посылки правительственных курьеров…

— Все меняется. — Техник похлопал ладонью по холодной зеркальной плоскости пирамидки. — Этот иглокол состоит из двух кристаллов, совмещенных в одном пространственном объеме. Он пригоден для двух переходов — туда и обратно… А стоит как десяток обычных иглоколов.

Роальд буркнул что-то невнятное и спросил:

— Мы действительно не можем его использовать?

— Нет. В механизме входа установлен индикатор личности, который впустит туда лишь самого Имитатора. Да и то после его возвращения к человеческому облику. Это идет с тех времен, когда боялись появления на Земле Имитаторов, ставших чудовищами. Тогда думали, что под влиянием постоянных изменений тела способно измениться и сознание стать нечеловеческим, враждебным…

— А вы в это не верите? — резко спросил Роальд. Техник колебался лишь секунду:

— Нет.

Роальд повернулся и пошел к выходу. У двери бросил:

— Я объявляю вам взыскание. В ангаре бардак, грязь… посторонние предметы Иглокол сдадите на склад для консервации

Техник дернулся, готовясь что-то ответить… И в это мгновение взвыли сирены.

Из-за стены, из шлюзового отсека, послышался гулкий удар и скрежет сминаемого металла.

Труднее всего оказалось пробить внешнюю броню Керамические плиты раскололись

только с третьего удара. Протиснувшись в узкую щель, Ингвар снес десяток датчиков, оборвал несколько трубопроводов и кабелей. Его обдало горячей водой и жидким азотом, струей слегка радиоактивного фреона и совершенно безобидным аргоном. Внутренняя оболочка купола — трехмиллиметровый стальной лист, покрытый теплоизоляцией из полимерного волокна, — задержала его на доли секунды.

Он стоял в шлюзовой камере. А у дальней стены, подняв десантный бластер, застыл временный координатор Станции Роальд. Рядом с ним Ингвар увидел молодого парня в форме технического персонала и одного из водителей — плотного, с выпирающим под комбинезоном брюшком Эрика Нурмана.

— Мне очень жаль, — вполголоса произнес Роальд. Под прикосновением его пальца щелкнул предохранитель бластера.

— Надеюсь, вы не совершите самой большой ошибки в своей жизни, Роальд, — вполне человеческим голосом сказал Ингвар.

Медленным, плавным движением он отогнул впившийся в тело стальной лист.

— Что ты имеешь в виду?

— С момента общей тревоги все происходящее на Станции начинает фиксироваться видеокамерами внутреннего наблюдения. Стереть их запись невозможно. Если вы выстрелите, Роальд, то я, конечно, погибну. Но вы получите пожизненный срок на каторжной планете.

Ингвар помолчал, выбираясь из мешанины металла, пластика и проводов. Продолжил:

— Я не случайно выбрал почти человеческую форму…

— Люди покрыты кожей… а не панцирем.

— Мелочи, Роальд, мелочи. Узнать во мне Имитатора Вистина не составит труда. Нажимайте спуск — и осваивайте профессию шахтера на урановых рудниках.

— Ваша взяла, — тихо произнес Роальд. — Что вы хотите? Рассчитаться со мной?

— Нет, Роальд, — серьезно сказал Ингвар. — Я хочу свою комнату — человеческую комнату. И двенадцать часов, чтобы завершить трансформацию и стать человеком. Мне надоела ваша планета, а еще больше — Станция. Ну а с Оргом покончено. Он был почти разумен, Роальд. Высаживая вас на планете, корабль сжег его сородичей. И он мстил — мстил за свою стаю… за свое племя.

Ингвар неторопливо прошел мимо людей, гулко топая по металлу. Входя в нерешительно открывшуюся дверь, он пробормотал:

— Мне надоела ваша Станция.

Он лег спать чудовищем. Пульсировали в двух разных ритмах мышечный и нервный контуры лимфоснабжения, зудели исцарапанные о броню руки. Твердый панцирь, универ-

сальный дыхательный аппарат… Все как положено.

Под утро он проснулся. Яркие блики света, пробившиеся сквозь бронестекло, падали на скинутое ночью одеяло. Ингвар почувствовал, что ему холодно. Тонкая человеческая кожа покрылась пупырышками. Волосы, отросшие сильнее, чем это требовалось, падали на глаза. Очень хотелось есть.

Ингвар оделся. Вышел из комнаты, слегка касаясь рукой стены. Ноги болели так, словно он без всякой подготовки пробежал марафонскую дистанцию.

Ангар был пуст, и он мимолетно обрадовался этому. Ему не с кем было здесь прощаться, а позавтракать Ингвар мог и на Земле.

Он добрел до хрустальной пирамидки иглокола, прищурившись, полюбовался мягким светом граней… И приложил ладонь к контрольной точке люка.

Ничего не изменилось. Грань не дрогнула, сдвигаясь в стороны на невидимых глазу молекулярных петлях. Не потемнела, сигнализируя о неисправности механизма.

Ингвар прижался лицом к прохладной плоскости кристалла. Всмотрелся — и увидел на пульте мерцающий зеленый огонек. Значит, иглокол исправен. Не в порядке он сам, Имитатор Вистин.

Вернувшись в комнату, Ингвар разделся и встал перед зеркалом. Долго вглядывался в отражение, со страхом ожидая увидеть на теле остатки чешуи, несколько минут изучал ладони, пытаясь найти выводы энергоразрядников. Но все было в порядке.

Весь персонал Станции собрался в столовой. Филипп, смущенный и неловко улыбающийся, стоял во главе стола. А вокруг, держа в руках хрупкие бокалы с шампанским, замерли остальные.

Первым, что услышал Ингвар, входя в столовую, было нестройное пение. Три десятка мужских голосов старательно выводили: «Счастливого дня рождения!» Ингвар тихо стоял возле двери, стараясь не привлекать внимания. А за столом уже звенели бокалы, и Роальд, откашлявшись, начинал говорить:

— Поздравляя тебя, Филипп, я хочу сразу сказать, что самый лучший подарок ты преподнес себе сам. Да и для нас уничтоженный Орг — самое…

Роальд взмахнул рукой, обводя собравшихся широким дружеским жестом. И замер, увидев Ингвара.

Тридцать пар глаз неотрывно смотрели на Имитатора. Заложив руки в карманы, привалившись к стене, Ингвар, казалось, не обращал на них никакого внимания.

Первым нарушил тишину именинник.

— Ингвар, садитесь за стол, — доброжелательно предложил он. — У нас двойное тор-

жество… а вы участвовали в уничтожении Орга не меньше меня.

— Садитесь, Имитатор, — поддержал его Роальд. — У нас первый праздник за долгий срок…

Ингвар молча смотрел на них. Тридцать улыбающихся лиц. Хрустальные бокалы на белой скатерти. Стереографии земных пейзажей на стенах.

Все хорошо.

Орг мертв.

Имитатор не предъявляет претензий и вот-вот улетит.

Все удалось уладить. Орг мертв. Имитатор улетит. Счастливого дня рождения… Все хорошо.

— Мне нужно поговорить с вами, Роальд, — кивнув в сторону двери, произнес Ингвар. — Немедленно.

Пожав плечами, Роальд выбрался из-за стола. Вышел в коридор, где его поджидал Ингвар.

— Мы идем в ваш кабинет, — мимоходом объяснил Ингвар, беря Роальда за руку. Пальцы Имитатора были твердыми и холодными.

Временный координатор Станции почувствовал невольный ужас.

— Что случилось, Ингвар? Что вам нужно?

Дверь кабинета закрылась за ними. Имитатор пристально посмотрел на Роальда. Повернулся к двери. И даже не замахиваясь, легким толчком ладони проломил ее. Вытянул руку из рваной дыры, поморщился от боли. Из царапин на кисти сочилась кровь, но уже через несколько секунд алые капельки начали подсыхать.

— Извините за испорченную дверь, но это самое быстрое объяснение, — просто сказал Ингвар. — Я не могу вернуться на Землю. Я не человек сейчас и не могу им стать.

Он помотал рукой в воздухе. Багровые корочки отвалились. Роальд увидел чистую, целую кожу.

— Почему? — Голос Роальда сорвался на крик.

— Потому что вы не люди. Мой организм не хочет превращаться в человеческий рядом с вами. И возможно, — Ингвар скосил глаза на тяжелую кобуру на поясе временного координатора, — он и прав.

— Но… — Роальд вздрогнул. — Как же теперь…

На лице Ингвара появилась улыбка.

— Не стоит беспокоиться. На Станции я не останусь. Имитатору нет дороги к людям, пока он не человек… Карту, Роальд!

— Карту?

— Да. Какие еще поселения существуют на планете?

Роальд замотал головой:

— Никаких, Имитатор. Планета пуста… — Он заметил, как дрогнуло лицо Ингвара, и торопливо добавил: — Существует, конечно, с десяток незаконных поселений. Вы же знаете: искатели приключений, беглые преступники, парочки, ищущие в медовый месяц экзотики… Но я даже не предполагаю, где их искать…

— Я найду сам. — Непонятная тень пронеслась по лицу Ингвара. Отзвук нерожденной улыбки, отблеск не наставшего еще покоя.

— Я найду людей, Роальд, — повторил он. — А когда вернусь за иглоколом, помогу поставить на карту еще один значок. Мне кажется, вам следует помнить, что вы не одни на планете.

Какая сила может сохранить человека человеком в отравленном, источающем смерть аду? Каков он, отличительный признак человека?

…Большой зверь, спавший посреди инопланетного леса, свернувшись клубочком, словно одинокая бездомная собака, поднялся на ноги. Вскинул голову, вглядываясь во что-то видимое лишь ему одному, что-то должное привести его к цели.

Любовь.

…Белое пламя, неощутимо-призрачное, вставало впереди, заслоняя собой искорки звезд. Одинокий и чистый костер в багровой паутине джунглей. Огромный зверь бежал к горизонту, не отрывая от теплого света взгляда человеческих глаз.

***

И этот рассказ из тех, чей движущий мотив я забыл. Может быть, просто хотелось написать что-то «героическое»… «военное». Десантники, повстанцы, стрельба… Но, как обычно, все получилось совсем по-другому.

«Визит», пожалуй, один из немногих моих рассказов, которые я хотел бы переработать, переписать, может быть, даже расширить. Но конечно же, делать этого не стоит. Мне кажется, что он и без того живой.

ВИЗИТ

Он спустился по западному склону Диких гор. Мимо Сухой реки, где в клубах серой

колючей пыли кружились огромные хищные рыбы. Мимо Горелых равнин, где в чадящих асфальтовых озерах навеки завязли королевские бронеходы.

Он шел к Дому.

В лес капитан Троев вошел поздним вечером, когда лишь тускло-багровая полоска на горизонте напоминала о прошедшем дне. Лес не имел никакого названия — он был просто лесом. Ведь именно в нем стоял Дом.

Огонек, мерцающий в окне, капитан заметил, выйдя на поляну. Секунду он стоял, разглядывая едва различимый сквозь листву желтый прямоугольник. Дом. Он дома…

Боевой комбинезон капитан скатал в тугой плотный узел. В кармане комбинезона остались и электронный пропуск, и бумажник, и ампула с вакциной от степной горячки. Одежду Троев спрятал в дупле самого большого из окружавших поляну деревьев. На дне дупла нашлись просторная накидка из серебристой ткани и мягкие мокасины, заменившие тяжелые десантные ботинки. Лучемет, немного поколебавшись, капитан оставил себе. В сущности, это всего лишь большая и шумная игрушка…

Он полз к Дому, путаясь в густой, мокрой от вечернего дождя траве. Капитан вымок и устал, перемазался зеленым соком, но бревенчатые стены Дома уже нависали над головой. Ян всегда мечтал о деревянном доме; каменный — это лишь укрытие от непогоды, нерожденная крепость. И здесь, в этом лесу, он мог позволить себе настоящий Дом… Немного бравируя своей ловкостью, он подобрался к самому окну. Широкие створки были распахнуты, и негромкий разговор сидящих в комнате отчетливо доносился до капитана.

— Он не придет. Он редко приходит ночью.

Капитан узнал его по первым же словам. Летчика трудно было спутать с другими обитателями Дома — он всегда говорил неторопливо, слегка задумчиво. Словно человек, пытающийся что-то вспомнить или понять.

— Но сегодня шел дождь. А вечерний дождь всегда случается перед его приходом.

Капитан почувствовал прикосновение к лицу — теплое, нежное, едва уловимое. Конечно, в действительности ничего не было. Но голос Даны всегда казался Троеву неотличимым от ее рук. Самых нежных в мире рук…

…Оранжевое пламя огнемета бьет по тонкой фигурке девушки. Секунду она неподвижна, словно не чувствует жаркой, облепившей все тело, обугливающей кожу смерти. Потом ломается пополам, кружится, пытаясь вырваться из беспощадных объятий боли. Черные волосы окутаны шлейфом красных искр. И сухой пистолетный щелчок — выстрел милосердия…

Троев поднял лицо, вжатое в мокрую холодную траву. Подтянул ноги, готовясь к прыжку. Мягко качнулась, роняя каскад водяных капель, задетая ветка.

— Мне кажется… Слышали?

А это уже Шен. Он всегда был самым чутким. Молодой разведчик из шестой повстанческой бригады…

...Десяток вакуумных мин накрывает холм, перемешивая землю, воздух, деревья. И лазер, целых полчаса преграждающий дорогу десантникам, замолкает…

Он прыгнул. Кувыркнувшись в воздухе, перелетел через подоконник — тело сжато в комок, чтобы труднее было прицелиться. И мягко встал на пол рядом с накрытым к чаю столом, среди растерянных, обрадованных, начинающих улыбаться людей. Летчик, Дана, Шен, Старик, Утан, Арни… А в углу ярко освещенной комнаты, на затертом диване, испуганно глядел на Троева парнишка лет пятнадцати с нежным полудетским лицом.

— Капитан, — тихо, на выдохе, произнес Шен. — Я знал, ты придешь…

— И все-таки не смог меня заметить, — наигранно-укоряюще сказал Троев. — Шен, пока я отсутствую, ты отвечаешь за безопасность! Я не хотел бы потерять вас.

«Снова… — толкнулась в голове непрошеная уточняющая мысль. И еще одна, с едкой смесью горечи и издевки: — Если это возможно».

Троев посмотрел на Дану. На улыбающиеся глаза — беззаботные и чистые, как голубое небо, отраженное в кристальной воде горных озер. Прозрачной воде, под которой невидим вечный лед.

— *Я ждала…* — беззвучно шепнули губы. Троев кивнул. И так же молча ответил:

— Я шел.

Летчик потер лоб. Смущенно улыбнулся. Как будто не знал, стоит ли вообще мешать немому разговору.

— У нас новенький, Ян. Мы встретили его у озера днем. Совсем еще мальчишка…

Капитан повернулся. Медленно, словно боялся его спугнуть. Так вот ты какой, новичок…

— Как тебя звать? — мягко спросил он. — Ты помнишь?

Парнишка кивнул. Уверенно ответил:

— Рон… это помню. А вот как попал сюда — нет.

— К этому придется привыкнуть… — вяло произнес Старик. А Летчик поморщился. Так, словно в очередной раз ускользнула нужная мысль…

Они пили чай, для которого Дана нашла десяток сортов варенья, и болтали так, как могут болтать лишь друзья, не видевшиеся много дней. Лампы под потолком померкли — заряжавшиеся от солнечных батарей аккумуляторы сели, и пришлось зажечь свечи. Комната стала гораздо уютнее. Старик и Утан уселись в углу, рядом с парнишкой. Летчик, наоборот, за-

нял самое освещенное место во главе стола. Каждую секунду Троев чувствовал на себе его взгляд — не злой и не угрожающий, нет… Задумчивый взгляд погруженного в себя человека.

Спать разошлись, когда флегматичный Арни уснул прямо за столом, опустив голову на мускулистые, изрезанные шрамами руки. Шен осторожно спросил:

— Что будем делать завтра, капитан? Воевать?

Троев слегка вздрогнул. «Ты никак не успокоишься, разведчик, — мелькнула беспомощная мысль. — Ты умел лишь воевать, и это умение неистребимо в твоей крови…»

— Нет, Шен. Думаю, день будет спокойным, — выбирая каждое слово, ответил капитан Ян Троев. — Я уверен.

…День будет спокойным. К Дому не подберутся стаи мутантных волков, хриплыми визгливыми голосами предлагающих людям сдаться. Мирный пикник не прервет появление злобных кентавров. Королевские солдаты не перейдут горный хребет, отделяющий лес от их владений. День будет спокойным, потому что так хотел капитан Троев — самый несчастный человек в Доме.

Когда коридоры заполнила ночная тишина, Ян Троев вышел из своей комнаты. Тихо подошел к соседней двери, легонько толкнул ее. И ощутил ладони Даны на своем лице

Секунду он молчал, зарываясь лицом в мягкие, ласковые пальцы. Потом спросил:

— Ты простила меня?

Даже в темноте Ян почувствовал, как качнулись ее плечи.

— О чем ты? Что я должна простить, глупый?..

«Скажи, что простила меня. Скажи хоть раз, не спрашивая — за что. Ведь это проще всего. Почему же ты не произносишь короткого слова „да“? Почему?» Увлекая за собой девушку, Троев шагнул вперед, к белеющей сквозь темноту постели.

День был спокойным. Они встали с восходом солнца, но прекрасно выспались, потому что ночь длилась дольше обычного. Торопливо позавтракали, пока Шен, считавший, что есть три раза в день — глупое излишество, собирал рюкзаки. Ян, первым расправившийся с омлетом, потрепал Рона по голове.

— Как спалось на новом месте?

— Мне снилось, что я летаю, — серьезно ответил Рон.

— Растешь, — застегивая туго набитый рюкзак, буркнул Шен.

— Здесь не растут и не стареют, — поправил Утан.

— Мне бы понравился такой сон, — тихо сказал Летчик.

— Это был страшный сон, — разъяснил Рон. — Было очень больно… и темно. Я куда-то падал и все не мог упасть.

— Все равно мне понравился бы такой сон, — упрямо и твердо сказал Летчик.

Слова Летчика заставили Яна вздрогнуть.

— Нам пора, ребята, — торопливо напомнил он. — Пора. Солнце уже всходит.

В окна ударил первый солнечный луч. Где-то рядом запели птицы.

Они вышли из Дома. Впереди шел Арни, закинувший на спину самый тяжелый рюкзак и упакованную отдельно палатку. За ним Шен — с лучеметом Яна в руках. Скорее всего он понимал, что никакой драки сегодня не предвидится. Но пальцы разведчика словно помимо его воли ласкали полированный металл оружия. Троев с Даной замыкали отряд.

Дорога вела их через Вечерние холмы — лавируя между гранитными обломками скал, поросшими темно-зеленым мхом, временами взбираясь на опасные узкие карнизы. Рассвет, казалось, отступил — здесь всегда царил загадочный, необъяснимый полумрак. Но и в сумерках Ян увидел изломанные деревянные крылья, нелепо торчащие из расщелины. Порывы ветра трепали обрывки парусины, обтягивавшей когда-то плоскости. Троев с трудом отвел от них взгляд.

Летчик не мог жить без неба. Снова и снова строил он свои самолеты — неумело и безнадежно; его учили летать, а не конструировать. Но с каждым разом машины все больше походили на настоящие самолеты. Ян постарался не думать о том, что однажды Летчик может взлететь по-настоящему.

…Человек на фоне боевого винтолета кажется пигмеем. И голос Троева, обычно громкий и властный, — лишь шепот сквозь пение останавливающихся винтов. Нет, он не собирается выполнять приказ, этот мальчишка с офицерскими нашивками, стоящий у своей машины. Он считает, что там нет военных объектов. Да, он знает, что такое неподчинение в боевой обстановке…

И пистолетный выстрел так тих, словно летчик просто запнулся о сухую ветку — и упал…

Вечерние холмы кончились. Может быть, потому, что так хотел Ян. А может, они просто шли очень быстро. Затягивающая небо дымка рассеялась. Впереди блеснула голубая озерная гладь.

Рон остановился, в немом восхищении любуясь озером. Подошедший сзади Ян с невольной гордостью спросил:

— Нравится?

Парнишка кивнул. Помолчал секунду, обводя взглядом утопающие в зелени берега, желтые пятнышки песчаных пляжей, проглядывающие между деревьев.

— Очень нравится. Оно… такое неожиданное, это озеро.

— А по-моему, вполне на месте.

Рон пожал плечами И вполголоса добавил.

— Мне кажется, я очень хорошо умею плавать.

Они загорали до тех пор, пока Дана не пожаловалась, что скоро сгорит. Через минуту солнце закрыли пушистые белые облака, бросив на озеро легкую тень. Шен и Арни разожгли костер и приготовили еду, заявив, что Дана сегодня обязана отдохнуть.

Потом они снова загорали. И купались. И ловили форель, которая невесть с чего завелась в озере. И варили уху — здесь уж Дана взяла все в свои руки и явно собиралась накормить «мальчишек» доваренной и непересоленной пищей.

Рон после долгих колебаний решился и переплыл озеро — туда и обратно. Арни и Утан устроили борцовский турнир — причем ловкий и гибкий Арни вышел победителем. Старик, с усмешкой наблюдавший за ними, выкурил несметное количество трубок, набитых за неимением табака ароматной травой.

Летчик, лежа на спине, разглядывал облака и улыбался. Похоже, придумывал новую конструкцию, которая непременно должна была взлететь…

Ближе к вечеру Ян поймал грустный взгляд Шена, ожидающе и подозрительно озиравшего окрестности. Смущенно улыбнулся, посмотрел на Дану.

Она пожала плечами. Так, словно все понимала. Так, словно разрешала ему любой поступок.

Троев вздохнул и лег на траву. Закрыл глаза, сосредоточиваясь. Он вовсе не был уверен в успехе. Ведь день начинался так спокойно, так тихо и беззаботно.

— Ложись! — Выкрик Шена почти слился со злобным скрежещущим визгом. Ян перевернулся на живот, выхватывая из потайного кармана узкий рифленый цилиндрик. Вокруг падали, прижимались к земле люди. Рядом тяжело упал Утан и сразу же изогнулся, выдергивая из кожаного чехла на ноге короткий широкий клинок. Один лишь Шен продолжал стоять, прижимая к груди стальной приклад лучемета.

Из-за деревьев, похожие на огромные комья грязно-серой, жесткой как проволока шерсти, неслись на них мутантные волки. Бежавший первым зверь взвился в воздух, пытаясь одним прыжком покрыть отделяющее его от людей расстояние.

Лучемет в руках Шена выбросил ослепительно белый луч, и натолкнувшийся на него волк словно остановился, замер в воздухе. С неприятным сухим хрустом вспыхнула шерсть. Зверь взвизгнул и рухнул на землю — обгоревший, окровавленный, ничем не напоминающий страшного хищника.

Шен оскалился в короткой злой ухмылке. И повел стволом справа налево, над головами

людей, начисто выжигая передний ряд нападающих.

Воздух наполнился визгом, рычанием и едва различимыми проклятиями. Вторая волна чудовищ неслась к людям, перепрыгивая через обугленные трупы.

Ян первым вскочил на ноги. Крикнул:

— Спиной к спине! Утан, к Старику!

Огромный зверь с обезображенной шрамами мордой, с выдранной на спине шерстью бросился к Яну. Четким, почти человеческим голосом произнес:

— Ты умрешь! Ты! Ты!

— Конечно. Но не здесь. — Ян кивнул, едва удерживаясь от усмешки. Цилиндрик в его пальцах щелкнул, из торца его вырвался метровый плазменный язык. Пламя слегка гудело, разбрасывая по сторонам оранжевые искры.

Волк метнулся, уворачиваясь от огня. И тут же свалился под ударом Арни. Тонкая стальная плеть, которой тот дрался, рассекла шею зверя не хуже отточенного клинка.

Бой длился лишь несколько минут. В плазменном мече Яна кончился заряд, пламя опало, превратившись в маленький тусклый огонек. Лучемет с опустевшим разрядником Шен держал за ствол и дрался им как дубиной. Но и последние уцелевшие волки убегали обратно в лес.

Троев протянул руку назад, не глядя нащупал ладонь Даны. Они дрались спина к спине — как и должно было быть. Поискал взглядом Рона.

Парнишка стоял рядом с Утаном и Стариком, сжимая побелевшими пальцами длинный дюралевый шест от палатки. Концы шеста были темными от подсохшей крови.

— Ты мог прыгнуть в воду и отплыть от берега, — без тени насмешки сказал Ян. — Эти твари тебе в новинку.

— Я не настолько смел, чтобы убегать, — также серьезно ответил Рон. — Мне было бы слишком страшно за вас.

Троев кивнул, словно принимая ответ. Искоса посмотрел на Шена.

Перемазанный волчьей кровью, в изодранной рубашке и с кровоточащей раной на ноге, Шен счастливо оглядывал поле боя.

Ян проснулся от скрипа двери — едва уловимого в ночной тишине то ли звука, то ли намека на звук. В комнате было так темно, что он не мог ничего разглядеть. Просто темнота… часть темноты неподвижна, а часть — перемещается, плавно и бесшумно приближаясь к нему.

Ян соскользнул с кровати так же тихо и неуловимо. Он тоже стал частью темноты — быстрой, смертельно опасной тенью. Мускулы напряглись, сбрасывая остатки сонного оце-

пенения. Тело замерло, сгруппировавшись в боевой стойке.

Лезвие сверкнуло даже в темноте. Бледная молния, с треском вспоровшая подушку. Замерев на секунду, клинок скользнул по постели, отыскивая жертву.

Троев перехватил руку в кисти, вывернул, заставляя разжаться сжимающие оружие пальцы. Нож мягко упал на кровать. Кто-то вскрикнул от боли — сдавленно, приглушенно, словно сквозь сон. Ян бросил нападавшего на пол, надежным захватом прижимая руки. И лишь после этого позволил себе думать.

На него напали. Пытались убить. Там, где он всегда был в безопасности

В Доме.

— Я узнал тебя, — прошептал он. — Узнал. Почему ты это сделал?

Враг молчал. Долго, словно и не собирался отвечать. Потом Ян услышал тихий, медленный голос.

— Потому что ты подлец. Потому что я помню.

Руки ослабли. Троев почувствовал, как начинает бить тело мелкая, противная дрожь. Упрямо сказал:

— Врешь… Это невозможно.

— Я помню, лейтенант. Помню. Я не успел взлететь…

— Врешь!

Троев ударил его по лицу. Резко, не замахиваясь. На мгновение задержал руку, борясь с искушением опустить ее ниже, прижать пульсирующие нити сонных артерий… И почувствовал, что веки под пальцами сомкнуты.

Медленно, осторожно Ян нагнулся. И услышал ровное дыхание спящего человека.

Через мгновение он уже тряс лежащего за плечи:

— Проснись! Проснись, Летчик!

Сначала тот застонал. Потом вскрикнул. И тихо спросил:

— Где я?

— Дома. Ты у себя дома, Летчик, — ласково и успокаивающе, как ребенку, очнувшемуся от ночного кошмара, сказал Ян. — В моей комнате.

Летчик слабо засмеялся:

— Какая чушь… Что я здесь делаю?

— Ты ходил во сне, Летчик. И говорил всякий вздор. Пошли, я провожу тебя.

Летчик запротестовал — но так неуверенно, что через минуту они уже шли извилистыми коридорами Дома.

— Очень болит голова, — виновато пожаловался Летчик. — Наверное, мне досталось в драке с волками…

Ян кивнул. И посоветовал:

— Прими снотворное. Пару таблеток.

— Я хочу проводить тебя утром, — безвольно возразил Летчик.

— Не стоит. Я уйду через час.

— Тогда я не буду ложиться.

— Тебе надо уснуть, — твердо и настойчиво произнес Троев. — Провожать меня не надо. Ложись.

— Хорошо. Я лягу. Счастливого пути, Ян.

Дверь его комнаты закрылась. Ян продолжал стоять, тупо глядя на некрашеную деревянную стену. Ровные, одна к одной, доски. Аккуратно вбитые медные гвозди. Яркое пламя свечей, которые никто не зажигал…

Сон. Просто-напросто сон. Граница между жизнью и смертью. Где бродит душа, когда человек спит? Какие тайны всплывают из глубин сознания?

Сон. В нем можно вспомнить врага. Достать оружие и ввязаться в давно проигранную драку. Попытаться победить в споре, для которого когда-то не хватило ни слов, ни сил. Искупить вину — которую не искупишь…

Сон.

Ян двинулся вперед. На секунду остановился у двери, слегка приоткрытой — в Доме не было внутренних замков. И вошел в полутемную комнатку.

Старик спал. Лежала на столе недочитанная книга, тускло светила непогашенная лампа. Пахло лекарственными травами — тоскливый и жалкий запах старости.

— Проснись, — вполголоса попросил Ян. — Проснись, Старик.

Мгновение — и спящий шевельнулся. Посмотрел на Яна — спокойно и внимательно, с той легкой отстраненностью, которую могут себе позволить лишь очень старые люди.

— Что-то случилось, Ян? В Доме беда? — тихо, но отчетливо прошептал Старик.

Ян замотал головой:

— Нет… Не в Доме… Ты был когда-то врачом, Старик.

— Я не помню этого — Голос стал тверже.

— Знаю. Но ты был врачом и сможешь мне помочь.

— Как? — слегка дрогнул голос Старика. — Я ничего не помню, Ян!

— Отвечай не раздумывая, вот и все.

— Хочешь заставить работать мое подсознание?

— Оно уже работает.

По лицу Старика скользнула усмешка.

— Верно… Я всегда догадывался, что ты знаешь больше, чем мы… Я попробую, Ян.

— Меня мучают кошмары, Старик. Нет, наверное, я не прав. Меня мучают сны. Один и тот же сон, который повторяется время от времени. Он… как фильм с продолжением. Я встречаюсь там с людьми… целой группой людей. Путешествую, воюю… Это интересно, и, как правило, сон идет так, как мне хочется… Ты знаешь про такие случаи?

— Да.

— Вот видишь, Старик, получается. Я был прав…

Ян отвел глаза от лица Старика. И продолжил:

— Я разговариваю во сне… спорю, советуюсь. Иногда узнаю что-то новое.

— Это тебе лишь кажется. Ты споришь и советуешься сам с собой.

Ян засмеялся:

— Да, пожалуй. Я тоже так считаю. Но понимаешь, иногда во сне происходят неприятные события. То, чего я не хочу. Порой я оказываюсь на волосок от гибели. Этот мир… он живет по моим законам. Но порой трактует их по-своему.

— И это возможно… — Старик присел на кровати. Провел рукой по переносице, словно поправляя несуществующие очки. — Вероятно, ты был знаком с ними раньше? С героями своих снов? Какой-либо душевный конфликт… сильные переживания, связанные с ними. Мозг пытается осмыслить ситуацию, переиграть ее заново. Оправдать их или, наоборот, обвинить. Отсюда конфликты, неожиданные для тебя самого.

Ян откашлялся. Сказал неожиданно охрипшим голосом:

— Да нет, их не в чем обвинять или оправдывать. Все было справедливо. Может быть, просто тяга к общению с людьми, которые очень далеко… Старик, мне нравятся эти сны… но иногда хочется отдохнуть от них. Ты можешь дать совет?

— Принимай снотворное на ночь. Пару таблеток.

Ян нахмурился:

— Но ведь… Впрочем, понятно. Совет самому себе.

— Не понимаю, Ян.

— Все в порядке. — Ян улыбнулся. — Большое спасибо, доктор.

— Не за что, лейтенант, — задумчиво ответил Старик. — Случай весьма интересный.

— Присматривайте тут за Роном, — коротко бросил Ян, отходя к двери. — Мальчишке понравилось купаться, но не стоит пускать его на озеро в одиночку.

— Хорошо, лейтенант, — согласно кивнул Старик. — Не беспокойся.

…Кирпичная стена, вся в выбоинах и темных пятнах. Седой затылок человека, медленно идущего к стене…

Капитан Ян Троев торопливо прошел по коридору. Лишь у комнаты Даны он замедлил шаги — но так и не остановился.

Щелкнул засов, выпуская его из Дома. Очутившись в ночной прохладе, Ян перешел на бег. На опушке леса он позволил себе остановиться.

Дом поблескивал синеватым небьющимся стеклом, закрывающим широкие окна. Толстые бревна, грубый камень, кованые ставни, обитая железом дверь. Маленький форпост покоя и счастья в жестоком мире. Дом…

— Сны бывают страшными, но покой дают и они, — негромко сказал Ян. — Это спор самого с собой.

В боевом комбинезоне и ботинках бежать стало труднее. Но до самых Горелых равнин капитан Троев не останавливался. Дальше стало легче. Мимо Оранжевых скал, через Стеклянный лес. К той неизменной точке, где тело становилось легким, невесомым, а мысли туманились. Где все сильнее хотелось проснуться…

Капитан Ян Троев вышел из штабного транспортера еще до рассвета. Продрогшие от ночной сырости часовые подтянулись при его появлении.

— Долго я спал? — ни к кому не обращаясь, спросил Троев.

— Час-полтора, — уверенно ответил солдат с сержантскими шевронами на рукаве. — Не больше.

— Спасибо.

Часовые переглянулись. Тот, что помоложе, пожал плечами. Сержант ухмыльнулся: «Бывает».

— Поселок уже прочесали? — так же безлично и так же вежливо спросил Троев.

— Скорее всего. Полчаса, как все стихло. — Сержант потянулся к кнопке коммуникатора. Но Троев покачал головой:

— Не стоит. Я сам проверю патрули. А вы, когда сменитесь, выпейте коньяку. Ночь сегодня холодная… Скажите интенданту, это мой приказ.

Сержант довольно улыбнулся, представив себе бессильную злость разбуженного под утро интенданта. Его напарник, выждав, пока Троев отойдет от вездехода, сказал:

— Капитан у нас со странностями. Но мужик отличный.

Облокотившись на холодную броню транспортера, сержант достал сигарету. Неохотно ответил:

— Да как сказать… Года три назад полковой врач помог бежать пленному. Тот был совсем еще мальчишкой, а Троев пригрозил расстрелять его без суда.

— Ну и что Троев?

— Расстрелял врача. Без суда.

— Все правильно.

Сержант щелкнул зажигалкой.

— Говорят, врач был другом его родителей. Лечил Яна с пеленок.

— Война, — неуверенно сказал часовой. Сержант сплюнул.

— А наша связистка, Дана… Когда у Вертхола нас взяли в кольцо, она предложила сдаться. Не только Троеву, всем сказала, дуреха… Ну и он по приказу о борьбе с паникерами…

Затянувшись дешевым крепким табаком, сержант добавил:

— Не хотел бы я носить такой груз, как у него.

В центре поселка десяток усталых десантников растаскивали свежие развалины. От мокрых обугленных досок, почерневших кусков бетона тянуло гарью.

— Мы нашли его, капитан, — доложил кто-то Троеву. — Нашли и уничтожили, как вы приказали.

Ян молча смотрел на кусок брезента, где лежал тот, кого во сне звали Роном. Сгоревшее лицо стало неузнаваемым. В глубине души Ян обрадовался этому. Обидно было бы убедиться, что на самом деле «Рон» был совсем другим.

— Ему лет четырнадцать, — хмуро сказал Троеву десантник. — На кой черт ему эта война? И ведь знал, на что идет. Сидел с таким боезапасом, весь дом разнесло…

Отвернувшись от брезента, он добавил:

— Не дай Бог во сне увидеть…

Троев не ответил. Он смотрел на маленький металлический значок, когда-то золотистый, а теперь темно-бронзовый. Приколотый к отвороту куртки, он казался недогоревшим язычком пламени. Выдавленные буквы скорее угадывались, чем читались. «Рону, чемпиону школы по плаванию».

Медленно, но неотвратимо, словно на плечи ему легла тяжесть целого мира, Ян склонился над брезентом.

Никогда больше он не взберется на льдистые пики Диких гор. Никогда не проплывет по Сухой реке, никогда не встретит утро на Вечерних холмах. Никогда не пройдет по Стеклянному лесу, звенящему под порывами ветра.

Только во сне можно дружить с теми, кого ты убил. Только во сне можно победить в проигранном споре.

— Мне некуда больше бежать, Рон, — прошептал Троев. — Я такой же трус, как и ты. Мне будет слишком страшно за вас, если я вернусь в Дом.

Капитан Ян Троев по-прежнему служит в Десантном Корпусе. Его бригаду перебрасы-

вают с планеты на планету — и она действует столь же успешно, как раньше. Разве что проявляет меньше инициативы — да и неудивительно, ведь капитан Ян Троев ходит теперь с глазами мутными и стеклянными от выпитого снотворного. Он принимает таблетки каждый вечер, в такой дозе, которую молодой и циничный полковой врач назвал «полусмертельной». Может, он и прав, но на медицинские советы Троев не реагирует. Он говорит, что проиграл какой-то спор, и продолжает принимать лекарство — в один и тот же час, каждый вечер, перед сном, в котором капитану Яну Троеву больше нет места.

***

Иногда рассказы пишутся долго, но чаще все-таки на одном дыхании, влет. Рассказ «Поезд в Теплый Край» писался именно так. Наверное, это самый страшный из написанных мной рассказов. Возможно, это самый лучший мой рассказ. Но я не мог раньше и не смогу сейчас объяснить, как и почему он был написан. Рассказ пришел сам, я лишь посредник между текстом и Вами. Посредник и наблюдатель. Меня там не было.

Только знаете, там было очень холодно…

ПОЕЗД В ТЕПЛЫЙ КРАЙ

1. КУПЕ

— Идет дождь, — сказала жена. — Дождь…

Тихо, почти равнодушно Она давно говорила таким тоном. С той минуты на пропахшем мазутом перроне, когда стало ясно — дети не успевают. И даже если они пробились на площадь между вокзалами — никакая сила не пронесет их сквозь клокочущий людской водоворот. Здесь, на узком пространстве между стенами, рельсами, оцепленными охраной поездами, все метались и метались не доставшие билета. Когда-то люди, теперь просто — *остающиеся.* Временами кто-нибудь, не то с отчаяния, не то в слепой вере в удачу, бросался к поездам: зелено-серым, теплым, несущим в себе движение и надежду… Били автоматные очереди, и толпа на мгновение отступала. Потом по вокзальному радио объявили, что пустят газ, но толпа словно не слышала, не понимала… Он втащил жену в тамбур, в очередной раз показал проводнице билеты. И они скрылись в келейном уюте четырехместного купе. Два места пустовали, и драгоценные билеты мятыми бумажками валялись на углу откидного сто-

лика. А за окном поезда уже бесновались, растирая слезящиеся глаза, *оставшиеся.* В неизбежные щели подтекал Си-Эс, и они с женой торопливо лили на носовые платки припасенную минералку, прикрывали лицо жалкими самодельными респираторами. А поезд уже тронулся, и последние автоматчики запрыгивали в отведенные им хвостовые вагоны. Толпа затихла — то ли газ подействовал, то ли осознала, что ничего не изменишь. И тогда со свинцово-серого неба повалил крупный снег. Первый августовский снег…

— Ты спишь? — спросила жена. — Будешь чай?

Он кивнул, понимая, что должен взять грязные стаканы, сполоснуть их в туалете, в крошечной треугольной раковине. Пойти к проводнице, наполнить кипятком чайник — если окажется свободный, или стаканы — если будет кипяток. А потом осторожно сыпать заварку в чуть теплую воду и размешивать ее ложечкой, пытаясь придать чаю коричневый оттенок…

Жена молча взяла стаканы и вышла. Хлопнула защелкой дверь, и он остался один в купе. За окном действительно шел дождь. Мокли придорожные деревья и жалкие, с тусклыми огоньками в окнах домишки. Поезд шел медленно — наверное, приближался к разъезду… «Ничего, — подумал он. И сам испугался мыслей — они были холодными и скользкими, как дождевые плети за окном. — Ничего, это последний дождь. За поездом идет Зима. Большая Зима. Теперь будет лишь снег».

Где-то в глубине вагона звякнуло разбитое стекло. Захныкал ребенок. Послышался тонкий голос проводницы — она с кем-то ругалась. Несколько раз хлопнуло — то ли стреляли из пистолета, то ли дергали заклинившую дверь.

Он осторожно потянул вниз оконную раму. Ворвался воздух — холодный, прощально-влажный. И дождевые капли, быстрые, хлесткие, метящие в глаза. Он высунул голову, пытаясь разглядеть состав. Но увидел лишь длинный выгнутый сегмент поезда — скользящий по рельсам, убегающий от Зимы. «Почему они не взрывают пути? — подумал он. — Я бы непременно взрывал. Или так хорошо охраняют?» Он втянулся обратно в купе, взял со столика пачку сигарет, закурил. Экономить табак не было смысла — запасался с расчетом на сына. А тот *остался.* Опоздал… или не захотел? Он ведь знал истинную цену билетов… Какая разница. У них теперь всего с запасом.

Вошла жена с двумя стаканами, чистыми, но пустыми. Вяло сказала:

— Кипятка нет… Сходишь позже.

Он кивнул, досасывая мокрый окурок. Дым несло в купе.

— Что там, в коридоре?

— Разбили стекло, камнем. В первом купе, где майор с тремя женщинами.

Жена отвечала сухим, чуть раздраженным голосом. Словно докладывала на каком-то собрании.

— Майор стрелял? — Он закрыл окно и, запоздало испугавшись, натянул на него брезентовую штору.

— Да… Скоро станция. Там заменят стекло. Проводница обещала.

Поезд покачивало, купе судорожно дергалось на каждом стыке.

— Почему они не рвут рельсы?

Он лег на верхнюю полку, посмотрел на жену — та всегда спала на нижней, по ходу проезда. Сейчас она легла, даже не сняв туфли, на скомканном в ногах клетчатом пледе остались грязные следы.

— Потому что это не поможет, — неожиданно ответила жена. — Потому что ходят слухи о дополнительных эшелонах, которые вывезут всех. Каждый хочет на поезд в Теплый Край.

Он кивнул, принимая объяснение. И со страхом подумал, не навсегда ли жена превратилась в такую — спокойную, умную, рассудительную чужую женщину.

2. СТАНЦИЯ

Поезд стоял уже полчаса. Временами гудел тепловоз, вагоны подергивались, но оставались на месте. Он пил остывший чай, пытался листать захваченную в дорогу книжку… Бесполезно. Тревога не проходила, и поезд оставался на месте. Жена делала вид, что спит. На всякий случай привык считать, что она лишь притворяется спящей.

Дверь приоткрылась, заглянула проводница. Как всегда, слегка пьяная и веселая. Наверное, ей тоже было непросто устроиться на поезд в Теплый Край.

— Проверка идет, — быстро сказала она. — Местная выдумка… Охрана решила не вмешиваться.

— Что проверяют-то? — с внезапным томительным предчувствием спросил он.

— Билеты. И наличие свободных мест. — Она посмотрела на две незастеленные полки так, словно впервые их увидела. — За сокрытие свободных мест высаживают из поезда.

— У нас есть билеты. На все четыре места, — зло, негодующе отозвалась со своей полки жена.

— Не важно. Должны быть и пассажиры. У вас два взрослых и два детских места. Выпутывайтесь.

— Дверь закрой! — крикнула жена. И повернулась к нему, молча, ожидающе. За окном уже не было дождевых струй. Кружилась какая-то скользкая белесая морось, пародия на снег, тот, настоящий, что уже трое суток догонял поезд.

— Я сейчас, — глухо сказал он. Сгреб со столика билеты — свой и два детских.

— Другого выхода нет? — с ноткой интереса спросила жена. Он не ответил. Шагнул в коридор, осмотрелся. Все купе были закрыты, проверка еще не дошла до вагона. Из-за соседней двери тихо доносилась музыка. Глюк, почему-то решил он. И оборвал себя: какой, к черту, Глюк, ты никогда не разбирался в классике… Надо спешить.

Автоматчик в тамбуре выпустил его без вопросов, лишь мельком взглянул на билеты в руках. Маленькие оранжевые квадратики, пропуск в Теплый Край.

За редкой цепью автоматчиков, перемешанных с местными охранниками, в чужой форме, с незнакомым оружием — стояли люди. Совсем немного — видимо, допуск к вокзалу тоже был ограничен.

Он прошел вдоль поезда, невольно стараясь держаться ближе к автоматчикам. И увидел тех, кого искал: женщин с детьми. Стоявших обособленно, своей маленькой группой, еще более молчаливой и неподвижной, чем остальные.

Женщина в длинном теплом пальто молча, смотрела, как он подходит. На черном меховом воротнике куртки лежали снежинки. Рядом, чем-то неуловимо копируя ее, стояли двое мальчишек в серых куртках-пуховиках.

— У меня два детских билета, — сказал он. — Два.

Женщины вокруг задвигались, и он снова повторил, чуть пятясь к солдатам:

— Два билета!

— Что? — спросила женщина в пальто. Не «сколько», а именно «что» — деньги давно утратили цену.

— Ничего, — ответил он, с удивлением отмечая восторг от собственного могущества. — Ничего не надо. Мои отстали… — Горло вдруг перехватило, и он замолчал. Потом добавил, тише: — Я их провезу.

Женщина смотрела ему в лицо. Потом спросила, и он поразился вопросу: она еще имела смелость чего-то требовать!

— Вы обещаете?

— Да. — Он оглянулся на поезд. — Быстрее, там билетный контроль.

— А, вот оно что… — с непонятным облегчением вздохнула женщина. И подтолкнула к нему мальчишек: — Идите.

Странно, они даже не прощались. Заранее, наверное, договорились, что делать в такой невозможной ситуации. Быстро шли за ним, мимо солдат с поднятым оружием, мимо чужих вагонов. В тамбуре он показал автоматчику три билета. Тот кивнул, словно уже и не помнил, что мужчина вышел из поезда один.

В купе было тепло. Или просто казалось, что тепло — после предзимней сырости вокзала. Дети стояли молча, и он заметил, что на плечах у них туго набитые зеленые рюкзачки.

— У нас есть продукты, — тихо сказал младший. Жена не ответила. Она рассматривала детей с брезгливым любопытством, словно уродливых морских рыб за стеклом аквариума. Они были чужими, они попали на поезд, не имея никаких прав. Просто потому, что имеющие право опоздали.

— Раздевайтесь и ложитесь на полки, — сказал он. — Если что, вы едете с нами от столицы. Мы — ваши родители. Ясно?

— Ясно, — сказал младший. Старший уже раздевался, стягивая слой за слоем теплую одежду. Пуховик, свитер, джемпер…

— Быстрее, — сказала жена.

По коридору уже шли — быстро, но заглядывая в каждую дверь. Щелчки отпираемых замков подступали все ближе. Дети затихли на полках.

— Возраст не тот, — тоскливо сказала жена. — Надо было выбрать постарше…

Дверь открылась, и в купе вошел офицер в незнакомой форме. Брезгливо поморщился, увидев слякоть на полу.

— Прогуливались? — протяжно спросил он. Не то спросил, не то обвинил… — Билеты.

Секунду он вертел в руках картонные квадратики. Потом молча повернулся и вышел. Щелкнула дверь следующего купе.

— Все? — тихо спросила жена. И вдруг совсем другим, жестким, тоном скомандовала:

— Одевайтесь! И выходите.

Он взял жену за руку, погладил. И тихо сказал:

— Могут быть еще проверки. Не все ли равно… Может, нам это зачтется, там…

Смешавшись, он замолчал. Где это «там»? На небе? Или в Теплом Краю?

Жена долго смотрела на него. Потом пожала плечами:

— Как знаешь. — И сказала молча ожидающим детям:

— Чтобы было тихо. У меня болит голова. Сидите, словно вас нет.

Старший хотел что-то ответить, посмотрел на младшего и промолчал. Младший кивнул — несколько раз подряд.

Поезд тронулся. А за стеклом уже падал снег — настоящий, густой, пушистый, зимний.

3. НАКОПИТЕЛЬ

Они стояли вторые сутки. Из окна купе, если встать повыше и заглянуть над соседними поездами, были видны горы. Неправдоподобно высокие, с побеленными снегом вершинами и серыми тучами на перевалах.

— Некоторые идут пешком, — сказал майор. Он заглянул погреться — стекло в его купе так и не заменили. Впрочем, у майора был целый набор «утеплителей» — в обычных бутылках, во фляжках, даже в резиновых грелках. «Там это пригодится», — сообщил майор. Непонятно было лишь, довезет ли он до Теплого Края хоть грамм алкоголя. Сейчас он принес бутылку водки, и они потихоньку пили. Жена выпила полстакана и уснула. «Притворилась», — поправил он себя. А майор, нацеживая в стакан дозу, разъяснял:

— Туннель один, на столько поездов не рассчитан. Говорят, будут уплотнять пассажиров. Пусть попробуют…

Он щелкнул пальцами по кожаной кобуре с пистолетом.

— Я уже говорил с охраной. Последний вагон набит взрывчаткой, если что… Мы им устроим уплотнение. За все уже заплачено.

Залпом выпив, он тяжело помотал головой. Сказал:

— Скорей бы уж Теплый Край…

— А там хорошо? — вдруг спросил с верхней полки старший мальчик.

— Там тепло, — твердо ответил майор. — Там можно выжить.

Он встал, потянулся было за недопитой бутылкой, но махнул рукой и вышел. Жена тихо сказала вслед.

— Скотина пьяная… Полпоезда охраны — да еще и в пассажиры пролезли. Вся армия едет греться.

— Было бы хуже, если бы охраны оказалось меньше, — возразил муж. Выпитая водка принуждала вступиться за майора. — Нас бы выкинули из поезда.

Он полез на верхнюю полку. Лег, закрыл глаза. Тишина. Ни снега, ни дождя, ни ветра. И поезд словно умер… Он повернулся, глянул на мальчишек. Те сидели вдвоем на соседней полке и молча, сосредоточенно ели что-то из банки. Старший поймал его взгляд, неловко улыбнулся, спросил:

— Будете?

Он покачал головой. Есть не хотелось. Ничего не хотелось. Даже в Теплый Край… Он поймал себя на том, что впервые подумал о Теплом Крае без всякой торжественности, просто как о горной долине, где будет тепло даже во время Зимы.

В купе опять заглянул майор. Он казался пьянее, но говорил твердо:

— Разобрались наконец… В каждый поезд посадят половину местных. А половина наших останется здесь. Охрана согласилась…

Майор посмотрел на детей и с ноткой участия спросил:

— Что будете делать? Отправите детей? Мне поручили разобраться с нашим вагоном. Я пригляжу за ними, если что…

Муж молчал. А младший мальчик вдруг стал укладывать разбросанные на полке вещи в рюкзачок.

— Это не наши дети, — твердо сказала жена. — Случайные. И билеты не их.

— А… — протянул майор. — Тогда проще. В соседнем купе трое своих. Вот визгу будет… — И предупредил: — Через двадцать минут поезд тронется.

Дети молча одевались.

— Я выйду гляну, как там… — неуверенно сказал муж.

Он взял со столика билеты детей и порвал их. Розовые клочки закружились, падая на пол.

— Розовый снег, — неожиданно изрек майор. Схватился за косяк и вышел в коридор. Там уже суетились автоматчики, сортируя пассажиров.

— Я выйду, — повторил муж и натянул куртку.

— Не донкихотствуй, — спокойно сказала жена. — Их пристроят. Красный Крест, церковь. Говорят, здесь тоже можно выжить. Главное — прокормиться, а морозы будут слабыми.

Он не ответил. Пошел вслед за словно не замечающими его детьми, увертываясь от снующих по коридору людей.

Снаружи было холодно. Лужи на перронах затягивала ледяная корка. Один поезд уже тронулся, и возле крошечного вокзала стояла растерянная, обомлевшая толпа. Некоторые, еще сжимали в руках билеты.

Он шел вслед за детьми, все порываясь окликнуть их, но понимая, что это ни к чему. Он даже не знал, как их звать. Двадцать минут… Какой здесь, к черту, Красный Крест? Какая церковь?

К детям вдруг подошла женщина: рослая, уверенная, чем-то похожая на их мать. Что-то спросила, дети ответили. Женщина посмотрела на них задумчиво, оценивающе… Сказала, и мужчина расслышал:

— Ладно, место еще есть. Пойдемте.

Он догнал ее, взял за руку. Женщина резко обернулась, опустив одну руку в карман куртки.

— Куда вы их?

— В приют.

Глаза у женщины были внимательные, цепкие.

— Предупреждаю, взрослых мы не берем. Только детей. Отпустите.

— У меня билет, я и не прошу… С ними все будет нормально?

— Да.

Дети смотрели на него. Младший негромко сказал:

— Спасибо. Вы езжайте.

Он стоял и смотрел, как они уходят вслед за женщиной. К маленькому автобусу, набитому людьми. Там были только дети и женщины, впрочем, женщин совсем мало.

Рядом прошел солдат с автоматом. Форма опять была незнакомая, чужая. Мужчина нерешительно спросил:

— Скажите…

На него повернулся автоматный ствол. Солдат ждал.

— Этот приют, куда забирают детей… Кем он организован?

— Здесь нет приютов, — ответил солдат. Отвернул автомат в сторону. Продолжил почти дружелюбно: — Нет. Мы здесь стояли месяц, завтра отправка. Приютов нет.

— Но она сказала, — торопливо начал мужчина.

— Приютов нет. Только предприимчивые местные жители. Говорят, что морозы будут слабыми, главное — запастись продовольствием.

Солдат погладил оружие рукой в шерстяной перчатке. Добавил:

— Стрелять бы надо, но приказа нет… Да и не перестреляешь всех.

Мужчина побежал. Сначала медленно, потом все быстрее. Было холодно. Зима уже пришла сюда, раньше снега, раньше морозов.

Он догнал женщину у автобуса. Она вела детей, крепко держа их за руки. Мужчина толкнул ее в спину, женщина качнулась. Он вырвал детские руки, потянул к себе.

Женщина повернулась и достала из кармана пистолет. Маленький, не страшный на вид. Мужчина не разбирался в оружии.

— Уходите! — жестко сказала она. — Или я вас застрелю. Дети уже наши.

— Нет, — хрипло сказал мужчина. Оглянулся, ища поддержки. И увидел, что солдат по-прежнему стоит на перроне, поглаживая автомат. — Не посмеете, — уже спокойнее продолжил он. — Вас пристрелят тоже.

Он повернулся и повел детей от набитого автобуса. Вслед ему тихо, грязно ругались. Но выстрелов не было.

Сразу несколько поездов тронулись с места. У вагонов началась давка. Солдаты не стреляли, они лишь распихивали остающихся прикладами. Кажется, пошел и его поезд. Но это уже было не важно.

4. ПЕРЕВАЛ

Вначале они обходили мертвых — тех, кто упал сам и кого убили по дороге. Дети пуга-

лись, а его мутило от тошнотворного запаха. Его вообще стало мутить от запаха мяса — даже консервированного, сделанного давным-давно, когда о приходе Зимы еще не знали.

Потом они шли прямо. Мертвых стало меньше, а холод не давал телам разлагаться. К тому же дети перестали бояться трупов, да и сил у них стало меньше.

Однажды на привале старший мальчик спросил:

— А золото правда пригодилось?

— Да, — ответил мужчина. — Не знаю, почему его еще ценят… — Золото было зашито в детские куртки. Кольца, кулоны, цепочки, браслет с солнечно-желтыми топазами… Они сказали про золото, когда он пытался обменять свою куртку на сухари — только на сухари или рыбные консервы. Мяса на вокзальном рынке было много, и стоило оно дешево.

Куртку удалось сохранить, только поэтому он еще был жив. В горах оказалось очень холодно, а спать приходилось на еловом лапнике. Спальник или палатку купить было невозможно. Ни за какие деньги или ценности. Зато он купил сухарей, и консервов, и теплые шапки из собачьего меха, и пистолет — настоящее мужское оружие «магнум». Десяток патронов он расстрелял по дороге, учась прицеливаться и гасить мощную, тягучую отдачу. Это оказалось неожиданно легко. Вторую обойму мужчина выпустил по каменистому склону, откуда в них стреляли из дробовика. Они слышали крик, и выстрелы прекратились. Но проверять они не стали.

Третья, последняя обойма ждала своей очереди. Почему-то мужчина думал, что она пригодится.

Когда добрались до снегов, стало совсем трудно. Это был обычный горный снег, а не ледяной шлейф крадущейся по пятам Зимы. Но все равно идти стало гораздо труднее. Мужчина стал чаще сверяться с картой. Перевал, за которым открывался спуск в Теплый Край, был совсем рядом, и только это придавало сил.

Топливо для костра найти было почти невозможно, наверное, все сожгли идущие перед ними. Однажды они легли спать без костра, и на следующее утро старший мальчик не смог встать. Он не кашлял, и жара у него не было. Но подняться он не смог.

Перевал был уже перед ними, затянутый облачным туманом. Мужчина взял старшего на руки и пошел вперед. Младший шел следом, и мужчина рассеянно думал о том, что надо оборачиваться, проверять, не отстал ли ребенок… Но так и не решился проверить. Двоих он унести не мог, пришлось бы выбирать. А больше всего на свете он ненавидел, когда перед ним вставал выбор.

Он шел в тумане, и порой ему казалось, что за спиной слышатся шаги, порой — что шаги исчезли. Мальчик на руках у него изредка открывал глаза. Ему казалось, что он идет уже много часов подряд, но разум холодно опровергал чувства. Он просто не смог бы долго идти

со своей ношей.

Когда идти стало легче, он сразу понял, что движется под уклон. Туман вокруг начал редеть неожиданно быстро, над головой проявился вначале мутный, а потом ослепительно яркий, чистый диск солнца. Он сел на снег — мягкий, рассыпчатый, и положил голову старшего на колени. Мальчик уже не открывал глаз, но, кажется, был жив. Потом он услышал позади слабые, вязнущие шаги, и младший сел рядом. Туман разрывался на полосы и таял.

5. ТЕПЛЫЙ КРАЙ

Когда туман рассеялся и все стало видно, младший мальчик спросил:

— Это Теплый Край?

— Да, — сказал мужчина и стал рыться в карманах негнущимися пальцами. Вначале он нашел спички, потом сигареты, а после этого понял, что и то, и другое промокло. Тогда он просто устроился поудобнее и стал смотреть.

Склон уходил вниз — вначале полого, затем все более круто. Далеко внизу, ярко-зеленая, цветущая, даже на вид теплая, раскинулась долина. Теплый Край. Там лежал маленький городок, и длинные, блестящие стеклом ряды теплиц, и серые бетонные купола складов. Это действительно был Теплый Край. Маленький, тысяч на десять-двадцать человек, Теплый Край.

Над городком кружил вертолет — ярко раскрашенный, нарядный. Мужчина удивился этому, но потом понял, что здесь камуфляж не нужен.

Туннель, через который шли в Теплый Край поезда, выходил из гор перед глубоким ущельем. Через него был перекинут мост — когда-то длинный и красивый, а сейчас уродливо взорванный посередине. Из туннеля как раз выходил очередной поезд. На остатках моста он начал сбавлять ход, но было уже поздно. Вначале тепловоз, а за ним и вагоны зеленой железной змеей заструились в ущелье. Там, на дне, пронизанная струями горной реки, громоздилась куча мятого, горелого железа. Вагоны сыпались на нее, но звука на таком расстоянии почти не было слышно. Только легкие похлопывания, похожие на вялые аплодисменты.

Мужчина посмотрел на младшего мальчика. Тот не видел, как падает поезд. Он смотрел на вертолет, который медленно летел вверх над склоном, ведущим к Теплому Краю. Ниже по склону было множество темных точек — те, кто шел впереди. Некоторые махали вертолету руками, некоторые начинали бегать, некоторые оставались неподвижными. Вертолет на мгновение зависал над ними, доносилось слабое постукивание. Потом вертолет летел дальше. Движение его словно приводило человеческие фигурки к общему знаменателю: они успокаивались и замирали.

— Вертолет отвезет нас в Теплый Край? — спросил младший мальчик.

Мужчина кивнул:

— Да, конечно. В Теплый Край. Ты лучше ляг и поспи, он не скоро до нас доберется.

Мальчик подполз к неподвижному брату, лег ему на живот. Он действительно хотел спать, он замерз и устал, когда шел за мужчиной. Он много раз окликал его, просил подождать, но тот не слышал… Мальчик закрыл глаза. Далеко внизу пели вертолетные винты.

— У нас получилось куда интереснее, чем на поезде, — сказал мальчик, засыпая.

Мужчина с удивлением посмотрел на него. Потом на ущелье, куда вываливался очередной поезд.

— Да, — согласился он. — Интереснее.

«Магнум», такой большой и тяжелый, казался игрушкой при взгляде на подлетающий вертолет. Но мужчина все-таки держал его в руках.

Так было интереснее.

***

Фантастика — это в значительной мере уход из реального мира. Развлечение, отдых, релаксация. Человек берет в руки книгу не только для того, чтобы поразмыслить о серьезных вещах, порой ему хочется просто забыть о своих проблемах. Фантастика честно отрабатывает эту роль, иногда — даже слишком честно. И тогда появляются те, для которых книжные миры — ярче реального, а придуманные автором персонажи — более живые, чем люди вокруг.

Большое искушение — уйти в выдуманный мир. Знаю по себе, ведь каждая написанная книга — это маленькое бегство из реальности. И с этим ничего не поделать, каждый писатель, вольно или невольно, становится Проводником Отсюда.

Я лишь хочу, чтобы мои читатели всегда возвращались обратно.

ПРОВОДНИК ОТСЮДА

В этом городе нет ничего достойного ненависти. Я подумал об этом, но мысль вышла вялой и неубедительной. Чушь. При чем здесь достоинство — я ненавижу его.

Последний раз пройдя по квартире, я встал у окна. Ночь. Темнота. Светящееся окно напротив — оно светится всегда. Каждую ночь, блуждая в бетонной однокомнатной клетке, я

вижу неяркий свет за плотно задернутыми шторами. И никакого движения. Наверное, там просто живет человек, боящийся темноты.

Я ее не боюсь.

Вещи были собраны еще с утра. Рюкзак — маленький, но тяжелый. И спортивная сумка на ремне, набитая едой, одеждой и тем, что могло понадобиться в первую очередь.

Присев на любимый стул, отреставрированный когда-то в порыве энтузиазма, я оглядел квартиру. Стены, залепленные золотистыми обоями. Бежевый ковер на полу. Маленький телевизор на столике у окна. Кровать, книжные полки, гардероб. Знакомым у меня нравилось.

Говорят, очень уютно…

Я плюнул на пол. Пускай в этих восемнадцати квадратных метрах будет уютно кому-нибудь другому. Молодой семье с парочкой детей, например.

Плевок на полу смотрелся по-идиотски. Я вдруг подумал, что ничего более театрального совершить не мог, и торопливо затер плевок подошвой. Тоже театрально…

Чушь. Что бы я сейчас ни делал, все станет глупым и фальшивым. И кормление рыбок в маленьком аквариуме, и битье посуды на кухне… Рыбок, честно говоря, стоило отдать соседям.

Вытянув ноги, я расположился поудобнее. Ждать можно долго — мне сказали только, что Проводник придет ночью. Точное время в таких случаях не переспрашивают.

Вспоминать, чего стоил мне *выход* на Проводника, не хотелось. Так не вспоминают процесс получения бесплатной государственной квартиры. Гадко, муторно и тяжко. Но я вынес то, что удается немногим. Я вышел на Проводника. Настоящего, неподдельного Проводника Отсюда.

Вначале было двое фальшивых Проводников. Надо отдать им должное — специалистов высокой квалификации… Увы, лишь в выколачивании денег из клиента. Потом я вышел на самую настоящую цепочку — вернее, на конец ее. Человек, чей родственник воспользовался услугами Проводника, рассказал мне все, что знал. Бесплатно, может, просто из желания лишний раз поведать занятную историю. Многие сочли бы ее бредом. Но я уже научился отличать правду от лжи.

Есть в историях о Проводнике детали, которые выделяют их из массы мистической чуши. Во-первых — они не похожи друг на друга. Летающие тарелки никогда не принимают форму кастрюли, снежный человек не забредает на равнины, экстрасенсы важно рассуждают о вампирах и донорах биополя. Каждая устоявшаяся ложь боится нарушить свои рамки. О Проводнике можно было услышать все, что угодно. Имя, внешность, обстоятельства прихода, мир, куда он уводил… Во-вторых, я никогда не встречал человека, верящего в Проводника. Миллионы лечатся у экстрасенсов, тысячи наблюдают летающие тарелки, сотни ловят йе-

ти. Никто из повторяющих истории о Проводнике в него не верил. Говорили о друзьях и знакомых, которые — вот простаки — верили в него. Я искал — но цепочка тянулась все дальше, пока не кончалась на человеке, который, по всеобщему мнению, верил в Проводника — но, вот беда, куда-то уехал.

Но в этот раз я ухватился за цепочку. Выявлял звенья: тех, кто видел уход Отсюда, тех, кто знал окружение Проводника, тех, кто имел с ним связь. И настал миг, когда Последнее Звено цепочки пересчитало купюры и вялым голосом произнесло:

— Проводник придет к вам в ночь с понедельника на вторник. Его любимая ночь, кстати…

— Я могу быть в этом уверен? — спросил я, цепенея от собственной наглости. — Вы отвечаете за… сроки?

Последнее Звено в цепочке подняло на меня мутные глаза. И тихо ответило.

— Можете быть абсолютно уверены. Я повторяю слова Проводника.

В мутных глазах был страх. Не передо мной — удачливым, но не более — клиентом Проводника. Пара каменнолицых громил в соседней комнате гарантировала мою вежливость.

— И что он обещал за обман? — поинтересовался я, чувствуя, что останусь безнаказанным.

— Смерть, — очень спокойно ответило Последнее Звено. — Не беспокойтесь, он придет к вам.

— Как он выглядит? — спросил я, стараясь не замечать появившуюся охрану. Телепатически их вызвали, что ли?

— Как угодно, — без тени иронии ответило Последнее Звено. — Проводите клиента, ребята. Все в порядке.

И я ушел из резиденции Последнего Звена в сопровождении вежливых, воспитанных убийц…

То, каким оказался путь к Проводнику, меня не смущало. Самое темное место — под светильником. Чем больше Храм, тем многочисленнее юродивые у входа. То, что Проводник держит в страхе свое окружение, было куда важнее повадок этого окружения.

Мне оставалось три дня — дни абсолютной свободы. То, кем я был и как вел себя раньше, уже не имело значения. Безликие тени телохранителей Последнего Звена следовали за мной в почтительном отдалении. Я мог пьянствовать и устраивать оргии, делать долги и осквернять могилы. Безликая охрана вытащила бы меня из любой передряги. Я должен был присутствовать в своем доме в ночь с понедельника на вторник. Этого потребовал Проводник — прощающий облепившей его дряни все, кроме прямого обмана.

Я не пустился в загул. Полдня заняло писание прощальных писем — всем, кто оставался мне дорог. Их оказалось на удивление много — вот только рядом почему-то не было никого. Друзья исчезали из моей жизни и моего города так постепенно, что я не смог этого осознать.

Сутки ушли на прощание с девушкой — той, что чаще других бывала в моем доме. Полдня — торопливые, словно срок уже истекал, сборы. А потом я просто валялся на кровати, курил, слушал старые магнитофонные записи… Мне стало не по себе, и я всерьез задумался об отзыве заказа. Это несложно, один телефонный звонок — и окружение Проводника начисто забудет мое имя. Но повторно к ним лучше не обращаться.

Прогулка по городу и короткий просмотр теленовостей привели меня в чувство. Теперь я просто ждал — ждал Проводника, который не мог не явиться…

Темнота за окном сгустилась до предела и замерла, словно остановленная тусклым звездным светом. Сегодня новолуние — случайно или нет? Говорят, Проводник работает ежедневно… еженощно… Значит, на фазы Луны и прочую астрологическую чушь ему… Проводнику… наплевать…

Я дернулся и поднялся со стула. Надо заварить кофе. Окунуть лицо в холодную воду. И ждать дальше.

Звякнуло.

Обернувшись — сон исчез мгновенно, — я уставился в окно. Стекло перечеркивала змеистая трещина. Со двора бросили камнем несильно, но прицельно.

Открывая окно, я чувствовал, как взмокли и похолодели ладони. Смешно… Никогда не считал себя неврастеником.

Он стоял во дворе — на асфальтовом пятачке между черными квадратами домов. Темный силуэт, запрокинувший голову, вглядывающийся в меня сквозь ночь.

— Спускайся, — негромко сказал Проводник. В тишине голос был отчетлив и равнодушен. И не вызывал никаких сомнений. Только Проводник мог прийти в эту ночь.

— Сейчас, — так же тихо ответил я. — Минутку…

— Спускайся, — повторил Проводник. — Вниз. Никаких лестниц. Можешь найти веревку. Даю тебе восемь минут.

Вот теперь мне стало страшно. Я понял, чего он хотел. Об этом говорилось во всех историях — правдивых и лживых, без разницы. Преодолеть страх, доказать, что действительно должен уйти… А я-то думал, что моим испытанием станет ночь. Я не боюсь темноты! Не боюсь призрачных теней, тень — это просто изнанка света. Боюсь высоты.

— Спускайся, — равнодушно сказал Проводник. — Семь минут.

Веревка была скользкой и не могла быть иной. Нейлон. У меня не нашлось времени навязывать на ней узлы… Я болтался на уровне второго этажа, вцепившись в ненадежную раскачивающуюся нить. Второй этаж, чушь… Кто не прыгал в детстве с балкона второго этажа, доказывая свою смелость друзьям и себе самому?

Я, например, не прыгал…

Пальцы ослабли, и я заскользил вниз, обжигая ладони, тщетно пытаясь затормозить. Асфальт радостно ударил по ногам, я присел, не выпуская предательской веревки.

— Одна минута, — сказал Проводник. — Успел. Теперь успокойся, все в порядке. Больше испытаний не будет.

Рюкзак оттягивал плечи, сумка валялась рядом. Хорошо, что я перелил коньяк в солдатскую фляжку. Как чувствовал. Подняв сумку, я перекинул ее через плечо. И посмотрел на Проводника — благо он стоял рядом.

Наверное, неподготовленный мог сойти с ума от этого зрелища. Проводник *менялся.* Его лицо колебалось, словно лист под порывами ветра. Он становился то выше, то ниже, одежда его за несколько секунд проскакивала все цвета радуги и превращалась в зыбкую тень. Конечно, Проводник не был человеком, я знал это. Но таких реальных доказательств не ожидал.

— Ты очень странный, — сказал Проводник. — Сам не понимаешь, что тебе нужно. Закрой глаза и успокойся.

— Ты исчезнешь, — прошептал я. — Боюсь.

— Не исчезну, — почти ласково, голосом, пришедшим из детства, ответил Проводник. — Ты ведь выдержал… почему-то. Закрой глаза.

Опустившись на колени, я закрыл глаза. Хорошо, Проводник. Как прикажешь. Я слишком долго шел к тебе. Слишком долго учился верить в тебя. Я ненавижу свой город. В нем нет никого, кого можно любить. Если ты исчезнешь… я просто умру, наверное. В уюте бетонной квартиры. В окружении любимых вещей — они не люди, они не могут любить в ответ. Пойми меня, Проводник, даже если я сам себя не понимаю. Подскажи, что мне нужно. Найди дорогу Отсюда… Ты можешь, я знаю. Я верю. Больше, чем Господу Богу, больше, чем господину президенту. Больше, чем друзьям, которые слишком далеко. Ты моя боль и радость, ты моя надежда и безверие. Я шел к тебе через презрение и насмешки, вежливых подонков и злых неудачников. Меня не пьянил спирт и не отрезвлял кофе. Я смеялся и плакал, был плохим и хорошим. Я читал книги о потустороннем мире и разноцветные сборнички фантастики.

Я шел к тебе, Проводник. Приди же и ты ко мне.

— Вставай, — тихо произнес Проводник. — Все в порядке.

Я открыл глаза. Он не исчез, он сидел передо мной. Почти молодой, коротко подстриженный, с усталым, измученным лицом. Мой двойник. Я сам.

Проводник…

— Лучший облик, который я смог использовать, — спокойно разъяснил он. — Ты не веришь никому, разве что самому себе. Такие, как ты, обычно находят дорогу сами.

— Я не настолько находчив, — ответил я, глядя в мутное зеркало его лица. — Мне нужна помощь.

Проводник кивнул. И посмотрел на снаряжение — рюкзак и сумку.

— Один человек — один груз, — с ноткой сочувствия сказал он. — Выбирай, что тебе важнее.

— Я переложу…

— Нет.

Я молча смотрел на туго набитый рюкзак. Потом спросил:

— Ты знаешь, что там?

Проводник кивнул.

— Что мне выбрать? Что оставить?

Ответа не было. Проводник поднялся и медленно пошел по улице. Странно — ни машин, ни припозднившихся компаний. Пустая улица, темные окна…

Подхватив сумку, я побежал следом. Рюкзак остался лежать на асфальте — ценности, способные пригодиться в любом мире, справочники и семена растений, маленькая пачка фотографий. Кому-то повезет.

Проводник шел по улице — моей собственной расхлябанной походкой, в моей собственной одежде — комбинезоне защитного цвета, таком нелепом среди серого городского бетона. Я семенил за ним, как наказанный ребенок за строгим отцом, не решаясь отвести взгляд от болтающейся на плече Проводника спортивной сумки. Ее не было раньше. А есть ли она на самом деле? И реален ли Проводник?

— Вполне реален, — ответил моим мыслям Проводник. — Можешь потрогать. Если хочешь, я даже дам тебе подзатыльник.

Он обернулся, улыбаясь моей улыбкой. И рассмеялся — как неприятно звучит собственный смех, услышанный со стороны.

— Кто ты?

— Проводник.

— Я не о том. Это твоя роль — а кто ты на деле?

— Не знаю. Я был всегда. Для тех, кто хочет уйти, для тех, кто не может ждать. Сотни, тысячи лет. Богом, ангелом, дьяволом, магом, шаманом, инопланетным пришельцем, суще-

ством из параллельного мира. Тем, в кого верили. Я появлялся, когда чувствовал потребность в себе. Я провожал людей в любой мир. Видел рай и ад, марсианские каналы и обратную сторону Луны. Мне все равно, куда провожать. Это не просто роль, это моя сущность.

— И ты всем это говорил?

— Всем, кто спрашивал. Были молчаливые, не задающие вопросов, встречались болтуны, не нуждавшиеся в ответах. Были легковерные и дотошные. Почти все знали, что им нужно. Некоторые, как и ты, не могли решиться на что-то одно.

— И куда же ты меня ведешь?

— Не веду — провожаю. Ты решаешь сам.

Дальше мы шли молча. Я постепенно успокаивался. Медленно, словно отогреваясь под осенним солнцем после холодной воды «бархатного сезона». С Проводником было очень легко — не приходилось замедлять или ускорять шаги, подстраиваться под его ритм. Он был мной.

— Город как мертвый, — сказал я, когда молчание переросло в тишину.

— Он мертв.

— Это ты так сделал?

— Нет. Ведешь ты, а не я. Эти улицы могли быть заполнены людьми, если бы ты умел их ненавидеть… или любить.

— Я умел.

— Знаю. Когда-то умел. Помнишь этот дом?

Я вздрогнул и остановился. Старый дом в центре, на углу улиц, столько лет уже носящих другие названия. Третий этаж, крошечный балкон…

— Она давно не живет здесь, — со странной, неожиданной злостью ответил я.

— Неправда. Пока ты со мной — она здесь.

Окно на третьем этаже засветилось. Слабым светом настольной лампы в абажуре из зеленого стекла. Я посмотрел на эмалированную табличку на стене — номер был прежним. И название улицы прежним. А где-то неподалеку застучал на рельсах спешащий в парк трамвай.

— Ты можешь подняться, — сказал Проводник. Голос был вкрадчив и ласков, скользок и холоден, как змеиная шкура. — Она там. И снова будет тот год. Все можно повторить, все переиграть. Входи в подъезд…

Я сделал шаг — как загипнотизированный, как приговоренный. Темный провал подъезда. Выщербленные ступеньки.

Черный кот на диване, старый телефон на столе… Кофе из чайных кружек. Коньяк за четырнадцать пятьдесят… Будет теплая осень.

И холодный декабрь.

Стук трамвая затих. Окно медленно угасло. Буквы на табличке задергались, складываясь в чужое слово.

— Пошли, Проводник. Ты слишком легко хочешь отделаться. Я не играю в проигранные игры.

— Просто ты нашел меня слишком поздно, — неожиданно возразил Проводник. — Пару лет назад…

— Значит, я не хотел тебя найти пару лет назад. Идем.

Мы шли, и улицы бесплотными тенями скользили вокруг. Проводник повесил сумку на другое плечо. И сказал — то ли жалуясь, то ли просто обижаясь:

— С тобой очень трудно. Ты никак не решишь.

— Это твоя сущность — провожать, — злорадно ответил я. — Терпи.

— Может быть, тебе помочь? — Проводник обернулся. И я вдруг понял — его лицо уже не похоже на мое. Кто-то изменился. Он или я?

— Помоги.

— Хочешь Верну? Счастливую Верну, где все так, как должно быть? Очень просто — ты отдашь мне все деньги, всю мелочь из карманов, а я вручу билет…

— Там слишком хорошо для меня, Проводник.

— Понимаю. Тогда настоящий мир — Земля лишь его тень…

— Та самая, которую обычно зовут Отражением?

— Да. Интересный мир, красочный и волнующий. Разнообразный…

На Проводнике теперь был плащ — черный с серебристым, заколотый серебряной розой. На поясе — тяжелая шпага. Лицо осталось молодым, но глаза оказались старыми, тускло-зелеными, пронзительными.

— Извини, Корвин, — сказал я. Мне действительно было жаль — нестерпимо, до дрожи в руках — отказываться. — Для меня слишком реальна Земля, твой мир окажется ее тенью.

— Уверен?

Над городом поплыли светящиеся лиловые облака.

Асфальт под ногами превратился в утоптанную землю. В дощатую мостовую. В полотно голубых искр.

Мимо проскакал всадник на угольно-черной лошади,

— Уверен, — ответил я. — Чуть раньше — не знаю. Уверен.

— Жаль…

Черное с серебром упало с его плеч. Облака угасли. Вновь подступила ночь.

Проводник словно съежился, стал меньше ростом. Теперь это был просто мальчишка лет двенадцати. Я улыбнулся, и он опустил глаза. Но все же спросил, виновато и с робкой надеждой:

— Может, ты тоскуешь по детству? Хочешь, я отведу тебя? К поезду до станции «Мост»… Или…

— Нет. Слишком поздно. Я не нуждаюсь в защите — и не умею защищать. К тому же я боюсь высоты. Извини.

Проводник не стал выше ростом. Но и мальчишкой он больше не был. Так… не взрослый и не ребенок… полурослик.

— Есть вещи куда страшнее высоты, — хмуро сказал он. — Пещеры Мории…

Я присел перед хоббитом на колени. И ласково сказал:

— Знаешь, я очень тебя любил. И твой мир всегда был для меня настоящим.

Проводник расслабился:

— Пойдем, это совсем близко. Я хорошо знаю дорогу.

— В этом-то вся и беда, Проводник. Ты уже слишком многих туда увел. Я боюсь, что мне не хватит места… и уж точно не найдется еще одного Кольца.

Он снова стал мной — Проводник Отсюда. Только еще более усталый, чем раньше.

— Тогда думай сам. Я не стану больше перебирать варианты. Решай — у тебя целая ночь.

— Она скоро кончится, — сказал я. Мне стала страшно.

— Не волнуйся. Со мной ночь может длиться вечно.

— А ты не боишься провожать меня целую вечность?

— Для меня нет времени. Оно существует для тебя — ты устанешь и захочешь остановиться. Захочешь спать, в конце концов.

— Идем.

Улицы вновь кружили вокруг. Словно мы перебирали ногами, а дома торопливо ползли мимо.

— Мы идем к вокзалу, — вдруг понял я. — Все-таки хочешь усадить меня на поезд?

— Нет. Это ты хочешь туда прийти. Тебе нужен символ, этикетка, образ дороги.

— Я просто хочу выпить кофе, — хмуро возразил я.

Буфет был пуст. Грязный пол, залитые чем-то столики. Проводник подошел к стойке — мне показалось, что на мгновение за ней возникла бесформенная тень буфетчицы, — и вернулся с двумя гранеными стаканами.

— Я заплатил, — мимоходом сказал он. — Кофе натуральный, молотый.

Я недоверчиво принюхался. Кофе, настоящий. В вокзальном буфете. Хотя чему удивляться, идя с Проводником?

— А нормальные чашечки нельзя было взять?

Проводник пожал плечами:

— Мы же не в ресторане… Достать через Тени?

— Не надо. — Я глотнул кофе, в меру горячий и слегка сладкий. Как положено. — Не трави душу, Проводник. Я хотел бы туда уйти, но не могу. Будем считать, что янтарь — не мой камень.

— Эмбер… — тихо прошептал Проводник. — Я часто провожал туда… последнее время.

Он явно не собирался пить свой кофе. Я молча забрал у него стакан, выпил залпом, как водку, как горькое лекарство.

— Это ненадолго тебя взбодрит, — с жалостью сказал Проводник. — Решай быстрее. Ищи.

— Пойдем, Проводник. Поищем вместе.

Город давно уже кончился, а ночь все длилась. Мы шли по горной дороге, извилистой и крутой. За спиной упавшим на землю сгустком тьмы притаился город.

— Я показал все, что знал, — прошептал Проводник. Теперь он шел следом, понурившийся и жалкий, утративший всякое сходство со мной. — Ты видел счастливые миры, ты видел страшные. Тебе нравилось… иногда. Остановись, сделай выбор.

Ноги болели. Я боялся даже подумать, сколько километров мы прошли за ночь. Боялся взглянуть на часы и узнать, сколько уже длится ночь.

— Тебе хочется спать, — сказал Проводник. Голос был неожиданно тонким, и я обернулся. За мной брела девушка в потрепанных джинсах и мятой клетчатой рубашке. Со светлыми волосами, разбросанными по плечам. С моей сумкой в руке.

— А это еще зачем? — устало спросил я. Проводник лениво махнула рукой:

— Какая разница? Давай отдохнем.

Мы уселись прямо на дороге, на теплом шершавом бетоне. Я достал сигареты, не спрашивая, раскурил пару, протянул одну Проводнику. И замер, разглядывая ее лицо в тусклом свете зажигалки. Язычок пламени дрожал между нами, бросаясь от ее лица к моему и обратно. То ли в такт дыханию, то ли в пересечении взглядов.

— Всегда хотел встретиться с такой девушкой, верно? — спросила Проводник. — Она будет ждать тебя. Здесь или в другом городе. Где захочешь.

Я любовался ею. Молча, сосредоточенно. Нет, не было в ее лице идеальности. Не ка-

ждый обернулся бы вслед. Эту девушку должен был любить я.

— Очень надеялся, что у тебя хватит ума не предлагать *это,* — сказал я. И понял, что голос дрожит. — Есть то, чего нельзя просить или искать. Можно лишь ждать… Зря ты это сделал… Зачем?

Я снова сидел лицом к лицу со своим отражением. Проводник вздохнул:

— Мне было жалко тебя… Но я предложу еще. Хочешь стать таким же, как я? Проводником. Вечным Проводником Отсюда?

— Нет. По-моему, ты уже понял, чего я хочу.

Проводник кивнул. Положил на колени сумку. И печально сказал:

— Да, понял. Сразу. Но тебе понадобилась ночь — очень долгая ночь, чтобы понять самому.

— Да! — Я засмеялся, понимая, как не нужен сейчас смех. — Мне нужна очень долгая ночь, Проводник. Вечный покой. Тишина. Ты пришел слишком поздно, чтобы привести меня куда-то. Я способен лишь уйти.

— Но не всем для этого нужен проводник.

— Они верят в покой и тишину. А я боюсь, что их может не оказаться там.

— Я помогу тебе, — сказал он. — Сейчас… Это несложно.

Он опять изменился. Неуловимо для глаз — да и слишком темно было вокруг. Но я знал, кем он теперь стал.

— Это всего лишь оболочка, — прошептал я, потому что теперь мне стало совсем грустно. — И все равно — не смей!

— Тебе не будет больно, — сказал Проводник. А может — и не он сам. Желтая змейка скользнула с его тонкого запястья и заструилась ко мне по асфальту. Малыш с волосами цвета спелой пшеницы смотрел на меня глазами Проводника. — Я знаю, все случится очень быстро. Она унесет тебя дальше, чем смог бы увести я…

— Какой из тебя, к чертовой матери, Маленький Принц, — прошипел я. И ударил каблуком по змейке, чей укус убивает в полминуты. Наверное, она непривычно чувствовала себя на дороге. Ей нужен был мягкий песок пустыни — для быстрого рывка, для маскировки. — Мы пришли к началу конца, Проводник. Сбрасывай этот облик! Не смей в нем оставаться!

Встав лицом друг к другу, мы положили руки на сумки. Одинаковым движением раздернули «молнии» застежек. Сдвинули мягкую шерсть свитеров. И взялись за теплый металл.

— Ты знаешь, чего я хочу, Проводник. И знаешь свой долг — вести меня до конца.

Я рассмеялся:

— Провожай меня в никуда, Проводник! В долгую ночь, в вечный покой. Я подарю тебе отдых — ты заслужил его за тысячи лет. Провожай!

— Но почему? — Его голос охрип, как у меня при страхе и волнении. — Зачем тебе я? За что?

— А ты не понимаешь?

Он знал. Проводник понимал все — он снова был мной. Но я говорил — для самого себя:

— За что? За все, Проводник. За то, что ты есть. За слухи и разговоры. За веру в то, что можно уйти Отсюда. За всех, кого ты увел. За всех, чьи маски надел, за всех, чьи мысли украл. За меня.

Он пятился, а я шел, отжимая его к обочине, к обрыву, под которым лежал мертвый город. Пистолет был в моей руке, но это не играло никакой роли. Проводника не убьет падение или пуля. Его нельзя убить — он не человек. Его можно лишь увести в никуда. Он должен сопровождать, он не вправе отказаться. Это сущность, а не роль — быть Проводником.

— Мы слишком верили в тебя, чтобы любить и ненавидеть. Ты научил нас бегству, Проводник. Ты научил нас прятаться от мира, который мог измениться. Ты увел нас в волшебные сказки, в яркие сны. Ты заставил верить в чужие мечты и повторять не свои слова. Ты сделал фантазии реальностями — лишив их наш мир. Ты наркотик — Проводник Отсюда.

— Ты не понимаешь, чем это будет — такой уход. — Проводник вдруг улыбнулся. Он стоял на краю обрыва, отступать дальше было некуда. — Это не вечный покой и беспамятство — ты же не веришь в смерть. Это будет бесконечной темнотой… — Он сделал паузу, — …и вечным падением. В никуда, как ты хочешь. В бесконечность.

Я вдруг почувствовал, какой здесь ветер. На обочине дороги, на краю обрыва. Сколько метров — десять, двадцать? Ерунда. Падать бесконечно — как это? На что похоже? На вечный страх? Можно ли к нему привыкнуть? Ведь привыкают же к боли.

— Падать вместе с тобой? — спросил я.

Проводник кивнул. Страх его был настоящим. Таким же, как мой.

— Пойдем, Проводник. И не надо предлагать альтернатив. Не поможет.

— Знал, — вдруг проговорил он. — Всегда знал, что однажды так случится. Что придется провожать в вечность, в никуда.

— Это твоя суть.

Проводник медленно достал из сумки копию моего пистолета. Нацелил — прямо в грудь.

— Тебе приходилось убивать? — спросил я.

И Проводник ответил голосом Маленького Принца, беседующего со змеей:

— Да. Тех, для кого это было дорогой Отсюда. Но они не требовали их провожать.

— Идем, — сказал я. И пистолет в руках Проводника дернулся, выбрасывая желтый язычок пламени. Меня ударило в грудь, бросая с откоса, и пальцы сжались, заставляя мой пистолет ответить.

Город внизу вспыхнул желтыми огнями окон. Я падал, слыша, как затихает стук колес — то ли трамвая из прошлого, то ли поезда до станции «Мост». В небе пронеслись и угасли лиловые облака. Сомкнулась темнота, и в ней потонули звуки — то ли шорох рвущейся бумаги, то ли треск сминаемой кинопленки.

Остались лишь темнота и падение.

Я не боюсь темноты.

***

Есть один из стандартных вопросов, которые задают писателю — «как вы начали писать». И разумеется, у каждого писателя есть ответ (а иногда и несколько, в зависимости от аудитории) на этот вопрос.

Когда я отвечаю на этот вопрос, мне обычно не верят. Но я попробую рассказать еще раз

Дело было вечером. Делать было нечего. Хотелось читать — но квартира, которую снимал я, восемнадцатилетний студент-первокурсник, книгами не изобиловала.

Тогда я взял общую тетрадку в клеточку (тетради в линейку я ненавидел с первого класса, поскольку сочинения писать не любил и не умел), взял ручку «за тридцать пять копеек» и стал писать фантастические рассказы. Написал три рассказа — и остался вполне довольным. Один из этих рассказов — «За лесом, где подлый враг…» — был позже напечатан в практически не измененном виде, другой — сгинул бесследно, а третьим был «Хозяин дорог». К нему я вернулся лет через пять, видимо, в качестве эксперимента. Переписал заново, при этом рассказ увеличился раз в десять, и… и вот он перед вами.

ХОЗЯИН ДОРОГ

Я шел по пустыне второй день. Солнце, огромное и белое, висело в небе, обрушивая удушливый зной. Пустая фляжка легонько хлопала по бедру, назойливым метрономом отсчитывая каждый шаг. Шоколад, которым я собирался пообедать, растаял, превратившись в лип-

кую коричневую жижу в обертке из блестящей фольги и промасленной цветной бумаги.

Дорога лежала передо мной — ровная как зеркало, прямая как стрела, узкая, как прихожая малогабаритной квартиры.

Остановившись, я повторил всплывшие из подсознания слова. Прихожая… малогабаритной… квартиры…

Нет. Не помню. Не знаю.

Лишь обрывки образов — мелькающие где-то на грани реальности и фантазии: полутьма… теснота… спертый воздух…

Не помню.

Раскаленный бетон припекал ноги даже сквозь толстые подошвы армейских ботинок. Тоже слова из прошлого. Тоже слова без памяти. Но надо же как-то называть свои вещи: начиная от легкой куртки из непромокаемой ткани и кончая тонким и острым клинком в кожаных ножнах за спиной.

Бетонная лента среди желтого песка. Пять лет пути назад… И сколько еще впереди?

Во всяком случае, сейчас я видел впереди Оазис.

Зелень деревьев казалась такой ненатурально яркой, что я заподозрил морок. Но еще через полсотни шагов воздух наполнился запахом прохлады. Неуловимый, сотканный из дыхания влаги и аромата растущей в тени травы.

Морок редко бывает таким убедительным.

Я ускорил шаги. Дорога шла прямо через Оазис, и удобный ночлег был мне обеспечен. Но до заката необходимо обшарить всю рощицу — поохотиться, избавиться от излишне агрессивной живности…

Чтоб мне сбиться с Дороги!

Замерев на месте, я извлек из полупустого рюкзака бинокль. Подкрутил настройку.

Точно.

Почти под прямым углом к моей Дороге в Оазис вел еще один путь. Тоже бетонная лента, но не серая, как моя, а желтовато-бурая, почти незаметная на фоне песка. Это обещало много интересного.

И неприятного — тоже.

Поправив перевязь с мечом, я вновь зашагал вперед. Бинокль вернулся в рюкзак — в мягкие объятия одеял и чистой смены одежды.

Маленький песчаный вихрь вначале не привлек внимания. И лишь когда желтая, бешено крутящаяся воронка выкатилась на Дорогу впереди, я понял, в чем дело.

Меч выскользнул из ножен с шипящим свистом. С острия сорвался сноп синеватых искр. Матовые грани клинка заблестели, принимая зеркальность.

Спасибо тебе, Мастер Клинков, чья Дорога пересеклась с моей много лет назад. Спасибо тебе, Великий Воин, полгода дожидавшийся меня в городе Мертвых — там, где на площади Ста Дорог ты устроил самый необычный в мире фехтовальный зал. Вы поняли мой Дар — и подарили частицу своего.

Зеркалом клинка я поймал беспощадно жгучий свет белого солнца. И отразил его вперед по Дороге — на приближающийся песчаный смерчик.

Раздался негромкий вскрик — голос боли и отчаяния, обиды и ненависти. С шуршанием осыпался на бетонную гладь песок. Метрах в десяти от меня стоял пожилой мужчина — с лицом серовато-коричневым, как древесная кора, в плаще зеленовато-буром, как подсохшая листва.

— Я Хранитель Оазиса, — громко произнес он.

— Так.

— Ты можешь набрать воды в ручье и взять плоды с деревьев. А затем — уходи.

— Так.

— Ты не должен ночевать в Оазисе. Я, Хранитель…

— Ни один Хранитель Оазиса не станет скрываться в песчаном вихре, — ответил я. — Это так же верно, как и то, что ты — Властелин Дорог.

Я снова поймал плоскостью клинка солнечный луч. Но фантом впереди уже начал таять, не дожидаясь порции Истинного света. Передо мной последовательно мелькнули: улыбающийся рыжеволосый юноша, обнаженная молодая женщина, коренастый мужчина с уродливой козлиной головой, бесформенный монстр, окутанный зеленым светящимся туманом…

И морок кончился.

На дороге стоял мужчина. Скорее молодой, чем старый, тщательно выбритый и небрежно причесанный, в потрепанных синих джинсах и пятнистой буро-зеленой куртке. С таким же рюкзаком за плечами — и обнаженным клинком в руках.

— Почему тебе нравится мой облик? — поинтересовался я, мимоходом бросая на противника блик света. Он остался неизменным. — Ты ведь убедился, что копия всегда хуже оригинала…

— Потому что тебе неприятно убивать самого себя.

— Я привык.

— Можно привыкнуть лишь к чужой крови. Своя — всегда внове.

Он улыбнулся — всесильный и беспомощный, проклинаемый и восхваляемый, не имеющий сути, но познавший облик. Властелин Дорог.

— Мои предложения остаются в силе, — сообщил он.

— И какие же? Их было так много…

— Сегодняшнее — не ночевать в Оазисе. И вечное — забыть про свой Дар.

— Нет. — Я даже смог улыбнуться. — Конечно же, нет.

— Ты получишь лучшую в мире Дорогу. Без холода и жары, одиночества и грусти, врагов и…

— Нет.

Властелин Дорог кивнул. Улыбнулся в ответ — мягко, совсем как человек. Задумчиво сказал:

— Сегодня я постараюсь тебя убить.

Я повел плечами, сбрасывая рюкзак. И ответил:

— А я не буду стараться. Но убью.

Наши клинки встретились — узкие полосы посеребренной стали, хранящие память бесчисленных поединков…

Наши взгляды столкнулись — тверже, чем металл оружия, смертоноснее, чем лезвие мечей…

— До скорого… — не то прошептал, не то подумал я, отбивая стремительный точный выпад, прежде чем мой клинок распорол его горло. И снова повторил, уже стоя над неподвижным телом, медленно тающим, превращающимся в песок пустыни и бетонную крошку Дорог: — До скорого, Властелин…

Оазис был мал. Настолько мал, что никакого Хранителя в нем не оказалось. Но все же я выполнил положенные ритуалы: очистил от песка и сора родник, собрал с деревьев сухие ветки и сложил их на старое кострище, подобрал с земли опавшие, но неиспорченные плоды.

Рюкзак я повесил на ветке самого большого дерева, между корнями которого расстелил одеяла и вонзил в землю меч. Клинку тоже необходимо набраться сил — а Властелин до завтрашнего утра не появится.

— Спасибо за отдых, — негромко сказал я, обращаясь то ли к роднику, то ли к дубу, под которым решил заночевать.

Если твой враг — Властелин Дорог, то не стоит ссориться с Хранителями Оазисов даже в мелочах.

Из пустыни внезапно налетел ветер. Короткий, сильный порыв. Деревья гневно зашуршали.

— Послушай… — прошептал мне ветер. — Подумай…

Я скосил глаза на меч. Сказал, пытаясь оставаться спокойным:

— Это не по правилам.

— Правила устанавливал я.

— Но не тебе дано их менять.

— Я не вмешиваюсь. Я лишь спрашиваю… Зачем тебе твой Дар? Ведь он не приносит счастья — наоборот. Сегодня ты будешь счастлив, завтра — нет, хоть и сделаешь кого-то счастливым навсегда…

— Неподвластным тебе.

— И это тоже. Но мелочи не тревожат меня, поверь. Один из миллионов, тысячи из миллиардов… Мелочи, друг мой, мелочи… Ты придаешь моей жизни остроту — и потому до сих пор жив. Но мне жалко тебя. Послушай…

Я выхватил из земли клинок. Рубанул им поперек упругих струй ветра, навстречу вкрадчивым словам и фальшивой жалости. Голос превратился в невнятное бормотание и стих.

— Хватит на сегодня! Хватит! — закричал я, цепляясь за бугристую кору дерева — С каких пор Властелин Дорог хозяйничает в Оазисах?

Дерево вздрогнуло. Ветви дернулись навстречу очередному порыву ветра пустыни. Наступила тишина.

Я подошел к роднику, умылся в круглом холодном зеркале прозрачной воды. Сделал несколько глотков — я до сих пор не мог утолить жажду большого пути.

— Сегодня ты опять окажешься не у дел, Властелин, — прошептал, я. — И ничего не сможешь поделать. Правила твои — но никому не дано их менять.

Улегшись под деревьями, рядом с тонко журчащей нитью родника, я настроил бинокль. И стал разглядывать чужую Дорогу, пересекающую Оазис. Где в ней начало, а где конец? Один Властелин ведает. Но не зря же он так упорно отговаривал меня от ночлега в Оазисе.

Я ждал.

Солнце упало к горизонту, торопливо перекрашиваясь в розовый, а затем и в красный цвет. Наступал вечер, от песка почти мгновенно потянуло прохладой. Резко континентальный климат… Такая Дорога.

Но в Оазисы не приходят ночью.

Я коснулся черной кнопки на шероховатом пластике бинокля. Инфракрасный режим. Опять непонятное слово. Но очень простой смысл — можно видеть в темноте.

Темнота стала синеватым туманом. Песок пустыни — ровной зеленой гладью. Бетонная лента Дороги — оранжевой полосой. А по ней медленно двигалась красная точка.

Человек. Путник, спешащий к Оазису.

— Чем он не угодил тебе, Властелин? — прошептал я. — Или… и это Носитель Дара?

Ветер пустыни, уже не горячий, холодно-льдистый, стегнул меня по щекам. Звезды в безлунном черном небе начали затягивать тучи. Опережая их, упали на песок первые капли

дождя. Деревья недовольно зашумели.

— Не по правилам, Властелин, — усмехнулся я. — Паникуешь…

Красная точка упорно двигалась к Оазису — по скользкой, мокрой Дороге, сквозь черно-синюю сеть дождя.

Я встал с колючего песка, спрятал бинокль в футляр. Вынул меч, пристроил его в поясной петле. Когда дерешься среди деревьев, это гораздо удобнее.

Но уже через минуту я понял: драться не придется. По дороге шел мальчишка. Его и подростком-то назвать было нельзя — лет десять, не больше. Мокрая одежда из тонкой светлой ткани облепила худенькое тельце, и я поежился, представив эффект такого компресса. Но пацан словно и не обращал внимания на холод — шел, запрокинув голову и жадно ловя открытым ртом дождевые капли.

— Из родника можно напиться куда быстрее, — негромко сказал я, когда он подошел поближе.

Мальчишка мгновенно остановился. Взглянул на меня — быстро, чуть настороженно. И ответил с едва заметной тенью смущения:

— Говорят, от дождевой воды быстрее растешь…

— Говорят, от нее легко простываешь, — в тон мальчишке ответил я.

Пацан кивнул. Провел рукой по бедру — и я вдруг увидел направленный на меня пистолет, большой, тяжелый, абсолютно неуместный в детских руках.

— Это моя Дорога, — с едва заметным вызовом сказал он.

— А это — моя. — Я кивнул в сторону своей. Мокрой, глянцевито поблескивающей в полутьме.

— Общий Оазис? — Мальчишка просиял. Пистолет он теперь держал за ствол, будто собирался заколачивать им гвозди.

— Да. Мир?

— Мир…

Мальчишка подошел ко мне вплотную. Все с той же нерешительной робостью и полным пренебрежением к ливню.

— Вы один на Дороге?

Я кивнул.

Мгновение поколебавшись, мальчишка засунул пистолет за пояс. Тонкий кожаный ремешок тут же съехал под тяжестью оружия.

— Он не заряжен. У меня давно кончилась патроны,

Голос дрогнул, словно мальчишка уже пожалел о своих словах.

Я медленно вышел из-под ненадежной защиты деревьев. Дождевые струи хлестнули по

плечам, волосы мгновенно слиплись мокрыми прядями. Осторожно, стараясь не делать быстрых движений, я тронул мальчишку за плечо:

— Оазис очень маленький. Здесь нет опасных зверей, я проверил.

Он кивнул — но все еще неуверенно.

— Страшно одному в пути? — тихо спросил я. Мальчишка вздрогнул. И прижался ко мне.

Палатка была маленькой, но для двоих это оказалось скорее преимуществом. Костер горел прямо перед входом, его тепло разгоняло ночной холод. Редкие капли, пробившиеся сквозь ветви деревьев, бессильно барабанили по непромокаемой ткани, шипели, падая на догорающие угли.

— А мы не загоримся среди ночи? — спросил мальчишка. Я покачал головой:

— Это добрый огонь… огонь Оазиса, дома. Понимаешь?

— Нет, — честно признался мальчишка.

— Я и сам толком не объясню. Мы пришли сюда как гости — и потому не будем чужими. Я собрал для костра сухие ветки, развел огонь на старом кострище… Попросил разрешения. Надо не забывать, что пришел как друг, — тогда не станешь врагом.

— Понятно, — не совсем уверенно заявил мальчишка. Мы лежали рядом, лицом к огню, под тонкой крышей палатки, на ворохе опавших листьев, накрытых одеялом. — Скажите, а правда, что все Дороги однажды кончаются Оазисом? Большим, где живет много людей, пятеро… или даже десять… И уже никуда не надо идти.

— Не знаю, малыш, — поколебавшись, признался я. — Это известная легенда. Но сколько в ней правды… Скажи, ты помнишь что-нибудь *другое?*

— Какое?

— Прошлое или будущее… не знаю. Мир без Дорог. Мир со свободой направлений.

Мальчишка поежился и осторожно придвинулся ко мне.

— Нет… честное слово! Я помню свою Дорогу, Оазисы, перекрестки… воронку, где нашел пистолет. Село, пустое… почти. Там я стрелял.

Его начала бить мелкая дрожь. Я потянулся за своей курткой — гидрофобная ткань давно уже высохла, не то что остальная одежда. Набросил мальчишке на плечи. Едва заметно покачал головой — не было нечего особенного в этом мальчишке, бредущем по своей Дороге. Темноволосый, бледный, почти незагорелый. Слабенький и немного неуклюжий. Один из миллиардов. Просто наши Дороги сошлись на краткий миг…

Но Властелин Дорог пытался убить меня — свою любимую игрушку. И все ради того, чтобы мы не встретились.

— Буду звать тебя Тимом, — неожиданно сказал я.

— Почему? — Мальчишка взглянул на меня с любопытством. — Мы ведь не познакомились даже… а меня зовут…

— Тим. Тебя зовут Тим — потому что это Тимоти и Тимур, Тимофей и Тиман. Это имя любого мира, любой Дороги. Поэтому ты Тим.

— Ясно, — серьезно сказал мальчишка. — Логично… Только знаете, я ведь и в самом деле Тим.

Я улыбнулся. Почему-то не хотелось допытываться, правду он говорит или подыгрывает мне. Выбравшись из палатки, я торопливо снял с огня тонкие стальные палочки шампуров. С горячего, чуть подгоревшего мяса капал прозрачный жир. Маленькие помидорины, нанизанные вперемежку с мясом, потемнели и сморщились.

— Ешь. — Я сунул Тиму пару горячих шашлычных палочек. — С приправами туго, но соль еще имеется.

— Угу, — пробормотал мальчишка, вгрызаясь в дразняще пахнущее мясо.

Над нами сверкнула молния. Мягким прессом навалился гром. Властелин Дорог злился не на шутку… вот только почему?

Тяжелый выдался денек.

Я уснул первым, точнее, не уснул, а погрузился в свинцово-беспробудную дремоту. И успел почувствовать сквозь сон, что Тим принялся укрывать меня, старательно деля на двоих узкое одеяло. Дерьмовый из меня вышел покровитель.

Утро выдалось таким красивым, словно Властелин устыдился вчерашней бури… или же решил побыстрее выманить нас из Оазиса на Дороги.

Я выбрался из палатки. Огляделся.

Небо — синеватая голубизна прозрачного стекла. Облака — белый пух снежных сугробов. Солнце — оранжево-теплый шарик апельсинового мороженого.

Отмытая от давней пыли зелень деревьев. Выросшая за ночь трава и спешащие за ней грибы. Беззаботное пение птиц, убедившихся, что вчерашняя буря была лишь сном…

И обломанные ветви с успевшей пожухнуть листвой, твердо помнящие реальность вчерашней бури.

Мои пальцы ласково погладили ребристую рукоять меча. После полудня Властелин Дорог сможет вернуться. Но я готов к новой встрече — готов всегда.

У Властелина будут основания для злости…

Тим умывался у родника. Я подошел, присел рядом. Приветливо кивнул — и мимоходом отметил, как бережно мальчишка зачерпывает ладонями воду.

— Расскажи про свою Дорогу. — Я постарался вложить в непристойные слова максимум небрежности.

Тим вздрогнул. Быстро встал, сердито взглянул на меня. Про Дорогу не спрашивают. О ней рассказывают сами — щедро пересыпая правду фантазиями, стараясь представить путь куда более красивым и легким, чем он есть на самом деле…

— Это моя Дорога, — твердо сказал он.

— Знаю. Расскажи о ней.

Не знаю, что заставило Тима подчиниться. Авторитет более старшего и опытного путника, робкая тень доверия, возникшая накануне. А может, легкое дыхание пробуждающегося Дара — дрожь в усталых мышцах, запах грозы в утреннем воздухе, электрический шелест синих искр на острие меча.

— У меня скучная Дорога. Через пустыни и степи… мертвые города и пустые села. Тебе обязательно о ней рассказывать? О двух парнях, что ждали меня на перекрестке…

— У одного была дубинка, а у другого — нож.

— Цепь. Откуда ты знаешь?

— Очень обычная история. Ты стоял перед перекрестком и ждал, пока они уйдут. А они улыбались и поджидали тебя за барьером Дорог — самоуверенные и наглые. И пистолет их не испугал. А когда ты выстрелил в воздух, один из них метнул в тебя нож… то есть нет, не нож… бросил дубинку.

— Свинцовый шарик. И попал в плечо.

— Тогда ты прицелился лучше. И стал стрелять.

Я замолчал. Лицо Тима исказилось — еще секунда, и он бросился бы на меня… или заплакал.

— Извини, малыш.

— Да пошел ты!..

Мальчишка подхватил с травы курточку из светлой песочно-желтой ткани, накинул на плечи. И побрел между редкими деревьями Оазиса — к своей Дороге, своему пути.

«Дорога — всегда пряма, путь — всегда прав. Никто и никогда не сойдет со своей Дороги», — сказал когда-то Властелин Дорог. И это стало законом.

До тех пор, пока не появился Дар.

— Стой, Тим!

— Я не Тим, — огрызнулся мальчишка. Но остановился. В нескольких метрах от желтого песка и бурого бетона, от бесконечной ленты Дороги.

— Сейчас мы соберем палатку и позавтракаем. А потом ты сделаешь выбор.

— Какой еще выбор? — не оборачиваясь, спросил Тим.

— Ты слышал легенду о Носителе Дара?

— Да, — тихо, очень тихо произнес мальчишка.

— Тогда ты знаешь, что я тебе предложу.

Мы стояли перед бетонной полосой. Ветер гнал по Дороге тонкие струйки пыли, извивающиеся, словно стремительные песчаные змеи. Трава у нас под ногами обрывалась четкой зеленой дугой, даже не пытаясь выбраться за пределы Оазиса

— Именем Носителя Дара… — негромко начал я. Ветер взревел и бросил в меня песчаную дробь.

— …именем ответа, который есть на любой вопрос; именем силы, которая стоит против каждой силы; именем исключения, которое есть в любом законе…

Ветер стих. Властелин Дорог смирился с неизбежностью.

— …я рассекаю барьер Дороги, я дарю тебе право выбора. Взамен ты отдашь Властелину покой своей Дороги и правильность направления, потеряешь веру в истинность пути и радость отдыха. Согласен ли ты на обмен?

— Да…

— Еще раз.

— Да.

— Еще.

— Да!

Я вскинул меч — и ударил в пустоту перед собой. С клинка сорвалась короткая синяя молния, раздался звук бьющегося стекла. На мгновение воздух над Дорогой стал матово-белым, похожим на очень густой туман.

Тим не увидел этих картин — только Носителю Дара открывается путь, которым должен был пройти человек. Это иногда похоже на награду… а иногда на проклятие. Как в этот раз, например.

Знойная пустыня, по которой бредет уже не мальчишка — подросток… Юноша, дерущийся на площади города — не мертвого, живого, в окружении сотен любопытствующих… Он же, с окровавленным, но счастливым лицом, идущий по Дороге рядом с тоненькой смуглой девушкой. И маленький дом на лесной поляне — в синеватых сумерках, с теплым светом в окнах и легким дымком из очага…

Дороги, которыми пойдет человек, сам выбирающий свой путь, Носитель Дара не видит. Наверное, потому, что их еще нет. Иногда это похоже на проклятие… а иногда на награду. Как в этот раз.

— Ты сам выбираешь свой путь… отныне… — тихо сказал я. — Постарайся не ошибаться, Тим. Он может оказаться даже хуже прежнего… но ведь это будет *твой* путь. Верно?

— Да. — Тим почти не слушал. Главным для него сейчас была Новая Дорога. Та, на которую он может ступить, впервые сойдя с заданного навсегда направления

— Мы можем пойти вместе, для начала, — предложил я. — По моей Дороге. И на любом перекрестке ты свернешь, куда захочешь.

Тим кивнул. И храбро шагнул на бетон моей Дороги — едва заметно прищурившись, ожидая мягкого, но неодолимого барьера. «Никто и никогда не сойдет со своей Дороги…»

— На любую силу есть другая сила, — прошептал самому себе я и пошел следом. Меч подрагивал в руке. Сейчас для Властелина самое время вмешаться. Ведь он так не хотел, чтобы этот мальчишка ушел со своего пути…

Ничего не происходило. Ветер дул ровно и спокойно. Солнце задумчиво следило за нами с неба. Тим рассмеялся и взял меня за руку:

— Хранитель, а кого тебе легче уводить? Детей или взрослых?

Я поморщился. Но ответил честно:

— Одинаково трудно и тех, и тех. Но взрослые редко соглашаются сменить Дорогу… Побежали наперегонки?

Секунду Тим молчал, обдумывая новое занятие. А потом бросился вперед. Пистолет за поясом мешал ему — и он кинул его в песок, коротко и сильно размахнувшись.

К перекрестку мы вышли под вечер. Тим стер ногу и слегка хромал, мой темп оказался для него слишком быстрым. Последний час мы шли неторопливо, то болтая друг с другом, то просто держась за руки.

— Хорошо идти вдвоем, верно? — уже не в первый раз спрашивал Тим. И я согласно кивал. Сейчас мне было хорошо. Но Властелин был прав, когда напоминал о неизбежной расплате. И на мой Дар есть свое проклятие… Я принялся тихо напевать:

Я — хозяин Дорог
И попутчик вольного ветра…
Я иначе не мог,
Ведь позвали меня километры…

Песня была не моей, я не умею сочинять стихи. У меня свой Дар. А эту песню сложил Володя, музыкант и сказочник, чья Дорога уже дважды пересекалась с моей. Теперь я ношу песню с собой.

— Перекресток, — негромко сказал Тим. — Никого нет, жалко… Он вдруг снова засмеялся. Смеялся он здорово, даже в детстве, не все так умеют.

— Хранитель… Ведь мы можем свернуть на Новую Дорогу!

— Сейчас посмотрим, Тим.

Краешек солнца еще висел над горизонтом, красноватый, но яркий. Я подставил под закатный луч плоскость клинка и послал Истинный свет вдоль чужой Дороги.

…Темно-синий, в белой окантовке прибоя, край моря. Зеленые леса вдоль берега. И город из белого и розового камня, уже зажигающий вечерние огни в окнах и узорчатых уличных фонарях.

Даже не думал, что такое возможно.

Я присел перед Тимом, взял его за плечи. Улыбнулся. Осторожно провел ладонью по мягким тонким волосам, заранее зная, что мальчишка досадливо мотнет головой, уворачиваясь от непрошеной ласки.

— День прошел неплохо, верно?

Он кивнул — и в глазах зажглась искорка страха.

— Это очень хорошая Дорога, Тим. Она ведет к морю, в город, где живут добрые и умные люди. Тебе нужно пойти по ней.

— А ты, Хранитель? Ты не хочешь идти?

Я молчал.

— Хранитель! — обиженно выкрикнул Тим.

— У меня своя Дорога. Я рад, что смог помочь тебе… надеюсь, что смог. Тебя почему-то очень не любит Властелин.

— Хранитель, в городе тоже есть Дороги. Подумай, сколько людей научатся выбирать пути… если ты пойдешь со мной.

Он смущенно замолчал.

— Тим, тебе покажется странным, но я не могу сойти с Дороги.

Ни звука, ни слова. Весь вопрос, все недоверие оказались в глазах.

— Я меняю Дороги для других. Моя ведет лишь вперед.

— Это потому, что тебя никто не позвал за собой, — тихо, но твердо сказал он. — Идем.

Его ладонь легла в мою. И он шагнул через барьер — уже не существующий для него, но запретный для…

Моя рука прошла сквозь невидимую преграду. Я вскрикнул, впервые в жизни почувствовав ветер Новой Дороги.

Он был чуть влажным и прохладным — от близкого моря. И солоноватым по той же причине — я ощутил это кончиками пальцев, оголенными нервами, бьющимся в судорогах Даром. Клинок приплясывал за плечами, рассыпая фонтаны колючих искр.

Так вот почему тебя боялся Властелин. Я меняю Дороги и рушу барьеры — а ты

умеешь вести за собой. Это твой Дар.

Я шагнул дальше — и почувствовал, как барьер напрягся, затвердел. Воздух впереди начал сгущаться, превращаясь в моего двойника, и я выхватил клинок. Темно и нет Истинного света. Но время миражей миновало — а сталь убивает и в темноте.

— Какая милая картина, — насмешливо сказал Властелин. — Носитель Дара уходит со своего пути. Все равно как если бы Целитель бросил больных, а Музыкант перестал петь.

— Я выбрал Новую Дорогу, Властелин, — сухо ответил я. — Это не измена Дару, и ты это понимаешь.

— Тебе не дано уйти с Дороги. Барьер удержит тебя.

— Мне дано прокладывать пути другим. А мальчик умеет вести за собой. Ты не удержишь нас.

— Очень жалею, что не сделал его Дорогу покороче, — процедил сквозь зубы Властелин.

Тим крепче сжал мою руку. И сказал:

— Наверное, я зря бросил пистолет? Там оставался один патрон, если по-честному.

— Пули здесь не помогут, — стараясь казаться спокойным, ответил я. — А клинка хватит вполне.

Властелин презрительно улыбнулся:

— Твой меч лишь останавливает меня… на время.

— Мне хватит и этого.

— Ты хочешь настоящего боя? Ты погибнешь, Носитель Дара. Человек не может победить судьбу.

— Ты знаешь, Властелин, — с внезапным пониманием сказал я, — настоящего боя между нами не будет. Не может быть. Ты не совсем Судьба… а я не просто Человек. Сними барьер!

— Нет!

Властелин сделал к нам несколько шагов — и остановился, глядя на лезвие моего меча. Поток синего огня с посеребренной сталью в сердцевине.

— Если тот, кто прокладывает пути, начнет менять свою Дорогу, наш мир погибнет. А он не так уж и плох! Вспомни судьбу мальчика!

— Не думаю, что новая будет хуже.

— Стой! — В голосе Властелина уже не было насмешки или пренебрежения. Только страх. Дикий, нестерпимый страх. — Выслушай меня! Выслушай…

Его голос сорвался в шепот, и я опустил клинок, по-прежнему сжимая ладошку Тима.

— Говори, Властелин.

— Мы не можем убить друг друга. Мы — две части целого. Я храню неизменность пути… а ты учишь людей менять Дороги. Нам никогда не убить друг друга.

— Я знаю.

— Пусть все и дальше останется так, пусть! Иди по своему пути, он вечен! Учи людей менять Дороги на чужие, учи их не бояться нового пути. Но не сходи со своей Дороги!

— Потому что тогда мир изменится.

— Он погибнет!

— Станет другим. Я помню, каким он был… или будет. А ты знаешь это точно. Тебе в нем места нет.

Властелин Дорог обмяк. Безнадежно пробормотал:

— Ты не веришь… Мир не станет лучше. А для меня есть место в любом мире. Да, этот мир проще, нагляднее, честнее!

Бетон Дороги дрожал и крошился. Какая-то звезда полыхала на горизонте, превращаясь то в ледяную синюю искру, то в огромный, в полнеба, багровый шар. Горячий ветер пустыни бросал в лицо горсти колючего снега.

— Пойдем… Дорога ждет… — робко попросил Тим. — Пойдем?

Его пальцы были горячими и твердыми. Я чувствовал, как бьется тонкая ниточка пульса.

— Идем, Тим… — Я в последний раз взглянул на Властелина Дорог. На позолоту и драгоценные камни, осыпающиеся с плаща. На лицо — мое лицо! — становящееся бетонной маской. И ударил клинком по невидимому барьеру, разделяющему Дороги.

Обломки посеребренной стали осыпались на Дорогу. И я шагнул вперед — к запаху моря, шуму прибоя, разноцветным звездам, теплым ладоням в моих руках…

Полутьма. Тусклая лампочка в настольной лампе, повернутой к стене. Теснота. Узкая и короткая кухня — крупногабаритный гроб. Табачная вонь, напильником дерущая глаза. Тлеющая сигарета на блюдце рядом с пустой кофейной чашечкой. Старая пишущая машинка с заправленным бумажно-копирочным бутербродом.

Я Властелин Дорог и Носитель Дара.

Я прокладываю Дороги и учу их менять.

Мир прост и понятен.

И вместо теплых ладоней в моих руках колючие осколки стали.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГОГО НЕ УМЕЛ

***

Большинство авторов начинают писать с рассказов. Вначале кажется, что куда проще написать маленький рассказ, чем большой роман. Лишь через годы приходит понимание, что, в сущности, все прямо наоборот.

Рассказы из этого раздела — одни из первых моих произведений. «За лесом, где подлый враг…», например, — это первый написанный рассказ, и при этом — первая публикация в знаменитом журнале «Уральский следопыт». «Нарушение» — первый вообще опубликованный рассказ, причем, вышел он одновременно на русском и казахском языках — существовали когда-то такие двуязычные журналы. Рассказ «Именем Земли» явно предполагался началом какого-то цикла, может быть, рассказов, а может быть, и романов. Не сложилось… этот мир так и остался первым, еще робким прикосновением к жанру космической оперы.

Какие-то из этих рассказов сильнее, какие-то слабее. Но в общем-то мне за них не стыдно и сейчас. Разбросанные по множеству журналов и сборников, они впервые выходят вместе и под одной обложкой. И очень хочется надеяться, что и через десять лет после написания они вызовут интерес читателя.

ЗА ЛЕСОМ, ГДЕ ПОДЛЫЙ ВРАГ…

Огнемет рявкнул и выплюнул капсулу. Проводив взглядом уходящий за лес дымный след, Стрелок подхватил оружие и отбежал в сторону. Он знал, что подлый враг не заставит себя долго ждать. И точно. На то место, где он только что стоял, с визгом плюхнулась огненная струя. Ответный удар, как всегда, был нанесен из такого же оружия и очень точно. Беги Стрелок чуть помедленнее, он бы уже корчился в агонии, пытаясь стряхнуть с себя зажигательную смесь. Как это позавчера было с Артистом… Стрелок поспешил отогнать страшные воспоминания.

Он уже добежал до передней траншеи. Полковник одобрительно взглянул на него:

— Молодец, Стрелок. Хорошо ты им вдарил! Подлый враг будет побежден!

До вечера Стрелок нанес еще два удара. И еще дважды подлый враг лупил по тому месту, где он только что стоял. Вечером Полковник приказал начать общий обстрел. Стрелок считал эту затею глупой, но возражать не решился, отложил любимый огнемет и стал настраивать излучатель.

Лес стонал. Потоки огня пронизывали его насквозь. Удар — и тут же ответный. Поджа-

ренные и парализованные птицы стаями валились на обожженную землю. Лазерные лучи, как шпаги, скрещивались над лесом.

Через полчаса бой прекратился. Все собрались у штабного блиндажа.

Потерь не было, только Сержанта легко ранили лазерным лучом в плечо.

Однако он держался крепко, даже не выпустил из рук свой неизменный импульсный бластер. И тут они увидели человека. Тот медленно вышел из леса, неся на руках что-то или кого-то.

— Подлый враг, — прошептал Полковник, расстегивая кобуру.

— Может, перебежчик? — спросил Капрал, уже держа незнакомца в прицеле парализатора.

— Не похож он на врага. Такой же, как и мы, — убежденно сказал Стрелок и внезапно подумал: а на кого он похож, подлый враг? Почему-то раньше никогда он не думал об этом.

Незнакомец медленно спустился в траншею, словно не замечая нацеленных на него стволов. Осторожно положил свою ношу: это был светловолосый мальчик лет тринадцати. Спросил:

— Среди вас есть врач? Я не знаю, чем его зацепило.

Доктор отложил автомат и внимательно осмотрел мальчишку.

Улыбнулся и сказал:

— Ничего страшного. Парализующий луч. Часа через два придет в себя.

— Подлый враг! — выругался Полковник, глядя на неподвижное тело мальчика. Стрелок вдруг вспомнил, что у Полковника в Городе осталась жена и четверо детей.

— Враг тут ни при чем, — сказал мужчина. — Его задело с вашей стороны.

Все разом взглянули на Капрала. Тот растерянно вертел в руках конус парализатора.

— Ничего. Все же обошлось. — Незнакомец обвел всех спокойными глазами. — Меня зовут Странник. Я пришел издалека и, если вы не возражаете, завтра уйду.

— Это ваш сын? — спросил Доктор. Странник кивнул:

— Да.

Было уже утро, но никто еще не спал. Вначале слушали истории Странника. А затем пели. Потрепанную гитару брал в руки то один, то другой. Наконец Певец срывающимся от волнения голосом запел любимую песню:

Спите спокойно, любимые,
Где-то у дальней реки…

И все подхватили:

Черным ветром гонимые,
Насмерть стоят полки.

Странник внимательно слушал. Ему, похоже, тоже понравилось. Потом встал:

— Спасибо за все. Нам пора идти. Собирайся, Тим.

С ними попрощались за руки, а потом смотрели, как они уходят вдаль, по направлению к Городу, подступы к которому вот уже многие годы прикрывал отряд.

Стрелок вдруг вскочил и побежал за Странником. Догнал и быстро спросил:

— Вы пришли из-за леса? Скажите, а каков он, подлый враг? Я здесь уже три года, но они ни разу не показались в открытую, трусы!

Странник молчал и смотрел на него. Зато мальчишка сказал:

— Там река.

— Знаем! Ну а враги, где они находятся? — спросил Стрелок. Мальчик смотрел на него, и во взгляде было что-то непонятное.

— Там старые склады, вдоль всего берега. И они накрыты защитным полем. Я кинул в один склад камешком, его отбросило обратно, прямо мне в руку…

СПОСОБНОСТЬ СПУСТИТЬ КУРОК

Потолок над креслом был зеркальным, и, запрокинув голову, я мог увидеть самого себя. Меня опоясали ремнями, опутали датчиками, нацелили на височные доли мозга конусы волновых излучателей. Они выглядели неприятнее всего — длинные, с отогнутыми кабель-вводами, похожие на старинные дуэльные пистолеты. Странное это оружие, дуэльные пистолеты, единственное, которое применялось не для защиты, а только для убийства. Пусть даже и узаконенного…

Я опустил взгляд. И увидел, как за небьющимся стеклом считывающего устройства закружились радужные информдиски, как замигали на щите компьютера индикаторы и поползли вверх стрелки потребляемой мощности.

За стеной загудели генераторы, а «пистолеты» у висков издали тонкий режущий звук. На концах их, бросая на лицо красные отсветы, задрожали огоньки. Я закрыл глаза. И почувствовал, как едкой пороховой пылью, липким от крови песком, зазубренной сталью клинков, отравленной сладостью фосгена поползло в мой мозг запретное умение.

Умение убивать.

— Уступить их требованиям мы не можем, — сказал капитан. — Опустившийся на пла-

нету корабль будет, несомненно, захвачен, а мы разделим участь своих товарищей. Так что остается, по сути, два выхода. Либо бросить Макса и Элис, либо…

Капитан обвел нас взглядом — всех семерых, оставшихся на корабле, и удовлетворенно кивнул.

— Я так и думал. Тогда нам потребуется помощь специалиста.

Вздрогнули все. Даже у Бориса исчезла с лица улыбка, а Танаки непроизвольно покосился на приборы. Вот, мол, моя специальность, куда ты без кибернетика, капитан…

— Возможно, кто-нибудь примет матрицу добровольно?

Я плотнее сжал губы, чтобы сквозь них не выскользнуло ни звука. Что ж, специалист так специалист. Пусть идет Борис — он врач, а там… или Дитмар, они с Максом…

Семь пар глаз смотрели на меня. Семеро, вместе с капитаном, ждали моего ответа. И еще двое ждали его, даже не подозревая о прозвучавшем вопросе, далеко-далеко от корабля, от его надежных стен и сильных машин, в каменных подземельях главного города планеты Тайк.

Почему именно я? Я обвел ребят взглядом. И увидел… нет, наоборот.

Не увидел в их взглядах и тени сомнения. Почему я?

— Разрешите мне, капитан. Это мой голос. И мои слова.

— Конечно, Виктор.

Радужные разводы по прозрачной поверхности диска, комариное пение излучателей. Там, за стеклом, запрессованная в пластик, превращенная в субмолекулярные изменения вещества, — память всех войн Земли. Там дерутся у костра кроманьонцы и каменные топоры взлетают над косматыми головами.

Там штурмует Альпы Суворов и ведет корабли к Трафальгару Нельсон. Там сбрасывают в море самураев американские десантники и разрывает кольцо блокады Ленинград.

В прозрачных информдисках — память всего оружия Земли. Здесь ломают кости китайские нунчаки и режут танковую броню боевые лазеры. Здесь грохочет покрытый пылью «АК» и щелкает, выбрасывая синий луч, парализующий пистолет.

Каплей зелено-желтого яда, ударившей из раны кровью, жарким огненным плевком огнемета втекали в мой мозг тысячелетия истории Земли. Тысячелетия войны, тысячелетия людей, способных ответить ударом на удар.

А мы другие. Мы давно потеряли эту необходимость и возможность, это проклятие и благословение, эту странную и страшную способность. Но когда звездолет уходит к другим мирам, в сейфе капитана, как самая большая драгоценность, как самая страшная опасность, хранятся матрицы с памятью Особого Специалиста.

Танаки проверил приборы, а Борис долго изучал мое тело. На панели кибердиагноста один за другим вспыхивали зеленые огоньки: все мои органы, каждая мышца, каждый квадратный миллиметр кожи — в порядке. Потом капитан принес запаянные в контрольную пленку информдиски. Их вложили в гнезда считывающего устройства, стали настраивать систему гипнотрансляции. И в мимолетном взгляде Бориса, брошенном на меня, я с удивлением почувствовал что-то непривычное. Страх.

Радужные диски останавливались один за другим. Спокойным немигающим взглядом я следил за неподвижными кругляшками. Первым замер диск, несущий в себе общую стратегию и тактику нападения. Потом — информдиск с полным курсом рукопашного боя. Затем — основы массовой психологии…

Я знал, какую информацию несет любой из дисков, знал, как пользоваться приборами гипнотрансляции. Матрица Особого Специалиста обеспечивала владение любой техникой, находящейся на корабле. И когда дверь в комнате раскрылась перед входящим капитаном, я совершенно непроизвольно вспомнил, что движение двери обеспечивает сервомотор с независимым от корабельной сети питанием, который можно вывести из строя выстрелом или сильным ударом в правый верхний угол комингса.

— Как самочувствие, Виктор?

В глазах капитана не было страха, он недаром занимал свой пост. Но отныне я замечал и осторожность движений, и то, что капитан не торопится отстегнуть связывающие меня ремни.

— Все в порядке. — Я улыбнулся, выдергивая руки из-под тугих нейлоновых лент. — У меня не выросли клыки, и я не превратился в монстра.

Остатки ремней лопнули от концентрированного рывка. Я поднялся из кресла, сдирая с тела коросту датчиков. Капитан лишь покачал головой, глядя на клочья нейлона. Потом спросил:

— Матрица наложена на двенадцать часов. Тебе хватит этого времени?

Я усмехнулся, вспоминая уровень военного развития Тайка. Артиллерия, реактивные самолеты, ракеты, примитивное ядерное оружие…

— Вполне. Готовьте шлюпку и полный комплект снаряжения.

Я падал на столицу Тайка почти отвесно, вопреки всем законам космонавигации. Лишь непрерывно работающий двигатель и блок гравикомпенсации, превращающий смертельные тридцатикратные перегрузки в нормальную силу тяжести, позволяли мне этот маневр, прячу-

щий шлюпку от планетарных радаров. Разумеется, на последних километрах пути я становился заметен невооруженным глазом — раскаленный наждак воздуха превращал шлюпку в огненный болид. Но с этим приходилось мириться…

Город был красив. Я скорее вспомнил, чем оценил это, когда с купола шлюпки соскользнули последние языки пламени и подо мной раскинулись зеленые парки, зеркальные цепочки каналов и белоснежные здания столицы.

Моя память — память инженера и строителя, видевшего не один город и не на одной планете, замерла, впитывая удивительную картину. А сознание, схваченное матрицей Особого Специалиста, уже отыскивало среди зданий трехгранную пирамиду Министерства Спокойствия. Нашло — и руки пробежали по клавишам управления, бросая шлюпку в вираж. Машина пронеслась над площадью, пестрой от летней одежды тайкцев. Слишком много народу, это ни к чему. Я надавил на кнопку — и пол под ногами мелко завибрировал. Двадцать секунд генераторы инфразвука обрушивали на обезумевшую площадь волны панического, животного ужаса. Когда площадь перед министерством опустела, я повел шлюпку на снижение, одновременно включая запись во внешних динамиках.

— Граждане Тайка! Мы не питали и не питаем к вам зла. Мы готовы забыть случившееся…

Опоры шлюпки коснулись истоптанного бетона площади.

— Вы должны проявить благоразумие и освободить наших товарищей. Иначе неизбежные жертвы падут на вашу совесть…

Люк откинулся, выпуская меня наружу. Блок силовой защиты на поясе щелкнул, окутывая тело голубой пленкой отражающего поля. Отойдя от шлюпки на несколько шагов, я обернулся. На фоне синеватого металлического корпуса защитное поле шлюпки было почти невидимым. Но оно прикрывало машину надежнее бетонной стены…

— Мы обращаемся непосредственно к руководству планеты…

В одном из окон министерства заплясал огненный фонтанчик.

А у меня по груди небрежным пунктиром прошлась очередь. Тяжелый крупнокалиберный пулемет с разрывными пулями. Я пожал плечами, разворачивая к зданию ребристый ствол болтающегося на груди десинтора. Поймал пулеметный выхлоп в окошечко электронного прицела и надавил спуск.

Впереди ухнуло, по площади прокатилось эхо. Рваная пятиметровая дыра зачернела в стене. Надо уменьшить мощность, а то зацеплю ребят — они должны быть еще здесь… Быстрым шагом я направился к зданию. Что-то зацепилось за ноги, заставляя обернуться.

Кукла. Детская кукла, такая же, как земные. Господи, ну и давка тут была десять минут назад… Я поднял куклу, шагнул к журчащему невдалеке фонтану, положил игрушку на пара-

пет. И невольно шатнулся от заплескавшейся воды — новая очередь пришлась по фонтану. Теперь в меня палили из двух или трех окон.

Подняв оружие, я окинул взглядом здание. А потом превратился в автомат, методично выжигающий все более или менее подозрительные окна. Когда я прекратил стрелять, пирамида министерства утратила последние остатки белизны. Последним выстрелом я вышиб огромные деревянные двери. Под деревом оказалась сталь — металл стек на гранитные ступени дымящимися черными лужицами.

Прежде я не сумел бы сориентироваться в бесчисленных коридорах и комнатах министерства и за неделю. Особому Специалисту потребовалось на это полчаса.

Электронный анализатор высчитал точку, куда сходились все нити пронизывающих здание сигналов. А логика, основанная на опыте тысяч земных диверсантов, заставила пойти к цели напрямик. Набившаяся в комнаты охрана при виде меня даже не пыталась стрелять. Солдаты в яркой оранжевой униформе молча падали на пол, складывая руки на затылке. Так же беззвучно я обходил их, стараясь ни на кого не наступить закованными в силовую броню ногами. Вот так, молча, я и вошел в зал оперативного штаба, выбив дверь ударом гравитационного разрядника. Несколько мужчин, склонившихся над картами в центре огромного круглого стола, разом повернулись в мою сторону.

— Я уже здесь, — усаживаясь в ближайшее кресло, сообщил я. — Где заложники?

Искаженный машинным переводом, мой голос зазвучал из дингверсора. Это должно было пугать больше, чем те же фразы, выученные мной самим.

— Я должен… — запинаясь, выговорил тайкец в штатском, единственный среди всех военных, — отдать приказ…

Я кивнул, и он осторожно, как стеклянный, поднес к уху громкоговоритель телефона. Вглядевшись в его шепчущее над телефоном лицо, я удовлетворенно кивнул. И вызвал корабль.

— Присылайте капсулу за ребятами.

— Хорошо. Виктор… мы смотрели за тобой. Ты… не слишком разошелся?

— Я сделал только самое необходимое, — твердо ответил я.

— Хорошо… Капсула пошла.

— Конец связи. — Я взглянул на штатского, и тот торопливо заулыбался.

— Они сейчас придут… Не стоит называть ваших товарищей заложниками, мы лишь хотели…

— Успокойтесь, мы не собираемся мстить. Никто не наказывает царапнувшего вас ребенка, избивая его до крови.

По вытянувшимся лицам я понял, что попал в цель. Такого они не ждали.

Пусть же этот день запомнится им не днем капитуляции, не днем проигранного сражения. Пусть они ощутят себя всего лишь напроказившими детьми и навсегда унесут в памяти мою презрительную улыбку под непонятной им голубой броней.

— Вы сообщали нам, что не воюете и даже не способны на убийство, — решился спросить один из военных. — Это была ложь?

— Это была правда.

Больше ничего говорить я не собирался. Увы, на этой ступени развития откровенность опасна, причем для них еще больше, чем для нас. Рановато мы прилетели на Тайк, хоть они и строят красивые города…

Перешагивая через вышибленную дверь, в зал вошли мои товарищи. С Элис, похоже, все было в порядке. А вот Макс шел, опираясь на ее руку.

Наши глаза встретились, и мы поняли не произнесенные друг другом вопросы: «Держишься?» «Держусь, Витя. А ты?» «Держусь…»

— Они тебя не обижали, Эл? — снимая с пояса резервные блоки защиты, спросил я.

Девушка торопливо замотала, головой. Ее взгляд скользнул по дезинтегратору в моих руках, по перемигивающимся огонькам на приборах наблюдения и защиты, по пристегнутому к поясу гравиразряднику… И ушел в сторону.

— Капсула будет ждать на площади, — помогая друзьям закрепить генераторы поля, сказал я. — А мне… еще надо потолковать с ними…

Люди в комнате сжались от моего кивка, и я непроизвольно улыбнулся. И увидел, как моя улыбка тенью отразилась в их лицах.

— Капсула на площади, — упрямо повторил я.

Особый Специалист, выходя из здания министерства, ждал чего угодно.

Серого болота танковой брони, колышущегося на площади, истребителей, пикирующих с безоблачного неба… Но площадь была пуста. Вечерняя площадь притихшего города, парализованного страхом, лишенного управления — похоже, я накрыл всю правящую верхушку. Что ж, четырехчасовая лекция, которую я им прочитал, должна пойти на пользу.

Часы на моей руке негромко зазвенели, когда я брел по площади к шлюпке. Время, отведенное в моем мозгу матрице Особого Специалиста, кончалось. На корабль я должен вернуться самим собой.

Я долго устраивался в кресле, долго и основательно. В момент снятия матрицы можно потерять сознание — и я не хотел бесчувственно болтаться в кабине ведомой автоматикой шлюпки. Еще раз посмотрел на мертвую пирамиду министерства и закрыл глаза. Странно, что я почувствую в этот момент?

Боль? Безвозвратную потерю на миг обретенных знаний? Глухую тоску по утраченным способностям?

Ничего. Абсолютно ничего.

Часы отмерили еще пять минут, когда я понял, что случилось непредвиденное.

Корабль отозвался мгновенно:

— Виктор, почему не стартуешь?

— Как там ребята? — выигрывая время, спросил я.

— Нормально. Макс уже в медотсеке… Что-то случилось?

— У меня маленькое затруднение с матрицей. Она не сходит.

Капитан на секунду замолчал.

— Сейчас. Я посоветуюсь с Борисом.

— Не надо. — Я говорил медленно, тщательно подбирая слова: — Я ведь тоже… специалист. Теория гипногенных матриц допускает такие случаи.

Очень редко, но матрица может оказаться более подходящей к сознанию человека, чем его прежняя личность. Тогда отторжения ее не происходит.

— Совсем? — как-то абсолютно не по-командирски спросил капитан.

— Да. Мне придется жить с этой штукой.

Наступила тишина. Глухая, космическая тишина, словно между мной и кораблем выросла километровая стена из свинца.

— Это не так уж трудно, — попытался ободрить я капитана. Сознание Особого Специалиста спокойно проанализировало тишину, разложило ее на изумленные лица, на стиснутые до белизны пальцы, на закушенные губы. — Это не особо мешает, можете поверить.

Тишина напряглась, сделалась по-свинцовому тяжелой.

— Что мне делать? Я могу возвращаться?

Молчание раскололось.

— Да…

Вокруг шлюпки уже нависла темнота. Что вы сейчас думаете, жители Тайка, затаившись в квартирах, не зажигая света, почти такие же, как и мы?

Боитесь мести? Зря. Мы не мстим. Конечно, в самом дальнем углу своих чистых кораблей мы храним на всякий случай большую и тяжелую дубину. Но после того, как приходится ей пользоваться, мы всегда выкидываем неуклюжее оружие.

Вот только однажды дубина приросла к руке…

Десяток улиц уходили с площади во все стороны. Прямые, абсолютно безлюдные — идеальные взлетные полосы. Я тронул клавиши, направляя шлюпку в разгон по ближайшей. Мягко, беззвучно машина заскользила над бетоном, мимо белых дворцов и почти земных де-

ревьев…

Вряд ли матрицу смогут снять даже на Земле. Но там можно затеряться среди людей, никогда не видевших меня с дезинтегратором наперевес, на фоне искаженных страхом лиц и выжженных окон. Вот только до Земли три года полета.

Я взглянул на экран. И увидел, как впереди, из не замеченной мной улицы, выкатывается на дорогу огромный, разукрашенный зелено-бурыми пятнами маскировки танк. Застывает поперек улицы, а из открывшихся люков выпрыгивают, разбегаясь в разные стороны, тайкцы в комбинезонах. Меня охватил страх. Вы что же, хотите меня остановить? Одетая в защитное поле шлюпка отбросит танк, как пустую картонную коробку. Шлюпка — это очень надежная машина. Ее и при желании не выведешь из строя. Разве что пожелает Особый Специалист… Он действительно многое может. Он даже понимает, почему я вызвался добровольцем и почему отведенный в сторону взгляд Элис никогда не даст мне вернуться на корабль.

А еще он знает, как отключить силовое поле, обнажая хрупкий пластиковый корпус шлюпки.

Когда скошенный танковый борт расплылся во весь экран, я снял руки с клавиатуры и закрыл глаза.

НАРУШЕНИЕ

Сигнал пришел из третьего сектора. Отчетливый сигнал — несанкционированное передвижение. В таких случаях следует ждать тридцать секунд — если это ошибка, то человек успевает вернуться. Но сигнал не исчез.

Я вышел из дежурки. Пошел по коридору — вначале медленно, а потом все быстрее. Нарушитель не уйдет, я знаю, но рисковать не стоит. Где-то в глубине сознания пульсирует канал связи с координатором. Я почти ощущаю ту скорость, с которой машина обрабатывает информацию. Что-то долго нет новых данных…

Восьмой ярус третьего сектора.
Второй этаж, коридор №12.
Скорость движения — около семи километров в час.
Двое. Личные номера стерты.

…Вот теперь я развил максимальную скорость. Потолочные лампы слились в мерцаю-

щие белые полосы, редкие рабочие ночной смены шарахаются к стенам коридора. Двое. Их двое. Что ж, случай, похоже, заурядный. И еще — они сумели стереть свои номера. Значит, им лет двадцать, не меньше. А я думал, школьники — они тоже часто бегут вдвоем. Координатор снова и снова обрабатывает прежнюю информацию.

Что он там собирается найти? Впрочем, это не мое дело… Я должен найти нарушителей.

Прыжок в медленно сходящиеся двери лифта. Успел. Не мог не успеть — все было рассчитано точно. В лифте — трое. Смотрят со страхом, хоть и стараются улыбаться. Ничего, привык. Привык…

Восьмой ярус третьего сектора.
Первый этаж, коридор № 367.
Скорость движения — около пяти километров в час.
Возраст — 18 лет.

Я уже на восьмом ярусе. Теперь к шахте внутренних перевозок, быстро… Значит, им восемнадцать? Правильно, завтра — день торжественного бракосочетания молодежи… Символ их вступления во взрослую жизнь. И хоть расчеты всегда безупречны, но находятся недовольные. Иногда бегут… Почему? Часто стараюсь это понять.

Седьмой ярус третьего сектора.
Девяносто шестой этаж, коридор № 4.
Скорость движения — около четырех километров в час.

Устали… Устали, беглецы. А я не устану, вот сейчас спущусь на ярус ниже и… А как они умудрились перейти из яруса в ярус? Ведь это не простой фотоблок на этажах…

Седьмой ярус третьего сектора.
Девяносто пятый этаж, коридор № 14.
Скорость движения — около девяти километров в час.

Энергия в лифтовых шахтах отключена. Пользуйся лестницами.

Испугались. Почувствовали что-то… Ничего, я уже рядом. Совсем рядом.

Местонахождение прежнее.

Объекты неподвижны.

Внимание: межъярусный турникет был выведен из строя энергоразрядом высокой мощности.

Координатор не добавляет: «Будь осторожен». Я говорю это себе сам. Потом пересекаю перекресток и вбегаю в четырнадцатый коридор.

Здесь пусто — наверное, этаж законсервирован. Я убыстряю бег до предела, главное — внезапность. Последний поворот — и они оказываются передо мной. Стройный высокий парень в сером комбинезоне и темноволосая девушка в голубом платье. Она сидит на полу, парень склоняется над ней. Кажется, у нее что-то с ногой. Ну и прекрасно…

Но парень все-таки успевает повернуться. Он тянет из кармана маленький блестящий предмет и делает шаг в сторону, заслоняя девушку. Пожалуй, сосредоточься он на одном действии, у него был бы шанс успеть…

Я прыгаю. Парень успел, заслонил девушку. Какая разница… Я даю разряд, и ослепительная белая искра бьет вперед, прямо в кармашек на сером комбинезоне. Энергии должно хватить на двоих, у меня уже были такие случаи. Так и есть, хватило.

Я иду обратно по коридору. Теперь можно и не спешить, дело сделано. Утром их подберут и покажут всему этажу, с которого они сбежали. Три дня их неподвижные тела, обтянутые специальной пленкой, будут висеть в зале собраний. Наверное, с месяц будет тихо. А потом новый побег. Почему?

Не могу понять. Они сыты. Одеты. Их вовремя ремонтируют… то есть лечат. Зачем им бежать, ведь они знают, что еще никто не покидал город. Зачем?

Я всего лишь машина. Шесть лап, грубое подобие головы… Мозг упрятан под толстой броней. Меня зовут Механическим Псом, и меня устраивает это имя. Меня все устраивает. Но одного я не могу понять — почему они бегут? Почему?

Третий ярус второго сектора.

Шестой этаж, коридор № 3.

Объект одиночный.

Вначале следует выждать тридцать секунд…

ИМЕНЕМ ЗЕМЛИ

Центральный Штаб Сообщества — капитану крейсера «Рубеж».

Срочно. Секретно. Голубой шифр.

Файл распечатки 23-А:

Получением настоящего приказа немедленно вывести крейсер в двенадцатый планетарный сектор восьмой галактической зоны. 16 марта 38 09 17 единого времени ожидается прохождение в секторе конвоя Лотанского десанта. Конвой и охрану уничтожить.

Именем Земли.

Они разворачивались. В космосе нет веса, но остается масса, и двести тысяч тонн металла не затормозить мгновенно. Они разворачивались, и пальцы, вдавленные в клавиши форсажа двигателей, уже не могли ничем помочь. Неделю назад на далекой планете Лотан земной агент равнодушно взглянул на маршрутную карту конвоя. Три дня назад в Центральном штабе защиты Земли антенны грависвязи приняли его короткий доклад. Кто-то из офицеров сверился с компьютером и пожал плечами — на перехват успевал лишь один крейсер — «Рубеж». Возможно, он даже посоветовался с начальником штаба и тот с сожалением вздохнул. Но слишком несоизмеримы цены — крейсер, один из сотен, несущих патрульную службу, и набитый десантниками конвой врага. И их бросили в бой — в бой без надежды победить и без надежды выжить…

Они разворачивались. Вряд ли хоть половина людей в рубке понимали, что это значит. И уж точно не подозревали о происходящем сотни астронавтов на боевых постах корабля. В наушниках бились, мешая друг другу, их крики, просьбы, доклады…

— Главный пост, главный…

— Он уходит из сектора поражения, подбавьте же…

— Рубка, у нас плывет защита, до двух рентген в максимуме, ждем разрешения на эвакуацию…

— Главный пост…

— Да влепите же ему кто-нибудь, он в мертвой зоне!

— Почему молчит правый сектор?!

— Капитан, двигатели на пределе, можно ли снять форсаж?

— Главный пост…

— Правый сектор! Он же прет на тебя!

Виктор повернулся в кресле. Руки соскользнули с пульта, расслабились впервые после двухчасового бега по клавиатуре. Он посмотрел на первого помощника и поразился его позе: спокойной, отдыхающей, такой нелепой среди скорчившихся над пультами командиров… И поймал его взгляд.

Первый помощник тоже все понимал. Они разворачивались прямо под удар лотанского линкора, разворачивались правым бортом, ослепшим, оглохшим, онемевшим в самом начале боя, после сильнейшего радиационного удара. Если там, среди оплавленной брони и застывшей серыми буграми противопожарной пены, и остались орудия, ими уже некому было управлять. И ничего не оставалось, кроме как ждать, ждать те последние секунды, пока враг не выйдет на дистанцию абсолютного поражения и тот, неведомый ему лотанский капитан, не скажет в микрофон: «Всем бортовым — залп!»

— Мы же лезем под удар! — вдруг вскрикнул за спиной кто-то из штурманской группы.

И сразу же в наушниках наступила тишина — неестественная, нереальная… Один за другим люди отрывались от пультов, с пробуждающимся ужасом вглядывались в экраны. Там, среди немигающих, застывших звезд, разгоралась ослепительная точка — приближающийся линкор.

«Он пройдет мимо нас на расстоянии пяти-шести километров. И ударит при максимальном сближении. Элементарный прием, я поступил бы так же, — подумал Виктор. — Они давно поняли, что наш правый борт небоеспособен, и ждали только удобного момента…» На мгновение ему стало жалко — нет, не себя, и не корабль, и не идущий на смерть экипаж, — ему стало безумно жалко его крошечного шанса на победу, который они едва не использовали.

Они почти могли победить… Виктор закрыл глаза и поразился длящейся до сих пор тишине. Ему захотелось, чтобы эта тишина осталась до самого конца…

Корабль вздрогнул, и наушники взревели. Виктор дернулся в кресле, стягивая с головы гибкую дугу, наполненную чужими голосами. Но так и застыл, глядя на экран, где развалива-

лась, расползалась багровым шаром черточка вражеского линкора…

…Он шел по главному коридору, где уже включили гравитацию, и ненужные теперь магнитные ботинки звонко цокали по полу. Навстречу то и дело пробегали люди, неразличимые в жидком свете уцелевших ламп, громоздкие и неуклюжие от боевых скафандров. Несколько раз Виктора толкали, однажды даже сбили с ног, ругнувшись, помогли встать. Сзади беззвучной тенью шел первый помощник. Виктор терпел до тех пор, пока тот не втиснулся вместе с ним в узкую кабинку аварийного лифта.

— Карлос, ваше место в рубке.

— Как и ваше, капитан.

Корианец первый раз посмел ответить ему так дерзко. Его смуглое лицо с короткой бородкой оставалось, впрочем, почтительным, как и раньше.

— Карлос, в отсутствие меня, вашего *капитана,* вы должны быть в рубке.

— В боевой обстановке. Но бой кончился.

Да, бой кончился. Они победили.

Уже не оглядываясь на помощника, Виктор вышел из лифта. Здесь, на распределительной площадке правого сектора, по крайней мере было светло.

Два или три ремонтных робота стояли в углах, задрав в потолок наплечные прожекторы. Потолок, еще утром гладкий, сделался рифленым, а темные диски плафонов свисали с него на блестящих бронированных кабелях. Возле черных провалов транспортных коридоров медленно ворочались черепахообразные роботы-дезактиваторы. Кто-то из управляющих ими людей повернулся на звук открывающихся дверей, закричал:

— Наденьте шлем, вы что, ошалели? Здесь все «светится»!

Виктор торопливо защелкнул шлем — наручный индикатор радиации действительно наливался красным. Подошел к одернувшему его человеку — это был начальник ремонтников Ольсон.

— Капитан? — Похоже, Ольсон чуть смутился. — Ремонтная группа крейсера выполняет задание по…

— Погоди. Где остальные? Почему вас только… — Виктор обвел взглядом помещение, — трое?

— Остальные у двигателистов. Реакторы едва не пошли вразнос. А здесь… здесь нечего ремонтировать, капитан.

Виктор посмотрел в дрожащую мглу коридоров, поверх выпуклых корпусов роботов. В глубине угадывались неясные отблески.

— Оттуда хоть кто-нибудь вышел?

— Нет. Там нет живых, капитан.

— Есть.

Если Ольсон и хотел возразить, он не успел этого сделать. Ближайший робот вдруг предостерегающе загудел, рванулся в проем коридора. Из его корпуса выдвигались вверх, расходились павлиньим хвостом разноцветные полупрозрачные пластины.

— В лифт!

Ольсон толкнул Виктора назад.

— Радиационный пик, видимо, где-то не выдержали переборки…

Еще два робота подъехали к ним, прикрыли радужными защитными экранами. Карлос поежился, ощутимо даже под скафандром, посмотрел на раскрытые двери лифта, но не сделал ни шагу. Виктор коротко бросил ему: «В рубку!» — и посмотрел на Ольсона.

— Вы остаетесь?

— У меня усиленный скафандр.

— Ольсон, где-то там, в первом секторе, человек, который спас крейсер. Даже если он уже мертв, его надо найти.

Ольсон ответил не сразу. Посмотрел в сторону мертвых коридоров, замотал головой. Потом перевел взгляд на Виктора и смешался:

— Ольсон, объясните своим людям, добровольцы должны найтись…

— Я пойду сам.

Виктор кивнул, словно и не ожидал другого ответа. Добавил:

— Его надо искать где-то возле главных излучателей правого борта.

Только залпом главного калибра можно было разнести линкор.

Конвой они настигли после двухчасовой погони. За время короткого боя охраны с крейсером десантные корабли пытались скрыться. Они шли с максимальной скоростью, похожие на стаю жирных, покрытых блестящей чешуей спешащих на нерест рыб. Каждый из десантных кораблей едва ли не в два раза превосходил по размерам крейсер. Но, несмотря на свои размеры, на набитые танками и вымуштрованными солдатами трюмы, сейчас они были абсолютно беззащитны. Когда Виктор вернулся в рубку, там заканчивали последние расчеты оружейники. Десантные корабли на экранах уже лежали в ажурной сеточке прицелов. Энергетик негромко спорил с оружейниками о мощности, которую он может дать на уничтожение десанта. Все было как-то буднично и деловито и ничуть не походило на безумную горячку боя, во время которого они уничтожили эсминцы и линкор охраны. Устроившись в своем кресле, Виктор привычно посмотрел в сторону помощника. Карлос явно почувствовал его слабость, его секундное отключение в конце боя, когда Виктор поверил в неизбежность поражения. Он

очень хотел занять его место, этот смуглый, подтянутый офицер, которого ждали на Кориане полторы сотни родственников из фамильного клана, пославшие его когда-то с отсталой, полудикой планеты в Академию Центрального Штаба… На пульте замигал сигнал вызова.

— Капитан…

Виктор даже не сразу узнал голос Ольсона.

— Мы нашли его.

— Кто?

— Наводчик третьей батареи Демченко. Он действительно был у главного излучателя.

Что-то знакомое послышалось Виктору в этом имени. Он пришел на крейсер недавно и не знал еще всех своих подчиненных, но это имя почему-то не было для него пустым звуком. Демченко… Наводчик…

— Землянин?!

— Да.

— Он… жив?

— Да.

Что-то похожее на суеверный ужас коснулось Виктора. Уничтожить вражеский корабль, да еще и выжить в радиоактивном хаосе — на такое способен только землянин.

— Капитан…

— Я слушаю вас, Ольсон.

— Он хочет увидеть вас.

— Меня?

— Да. Он сейчас в реанимационном боксе номер 3.

— Я приду. А где вы, Ольсон?

Виктору послышался слабый смешок.

— В соседнем боксе. Мне удалось протащить с собой фон.

— Вы будете представлены к награде.

Голос Ольсона посерьезнел. Он четко выговорил:

— Во имя Земли.

— Именем Земли.

Виктор отключил связь. Подумал секунду и набрал на пульте номер первого помощника. Сидящий в двух метрах от него Карлос дернулся, осознавая оскорбление, но ответил без промедления.

— Первому помощнику, — выговаривая каждую букву, произнес Виктор. — Принять командование боем на время моего отсутствия. Перед уничтожением десантных кораблей дать им время на спуск шлюпок.

Подумал и добавил:

— Согласно 16 параграфу Конвенции о гуманности в ведении межзвездной войны.

Врач шел рядом, похрустывая белым одноразовым комбинезоном, процеживая слова сквозь закрывающую почти все лицо маску. К Виктору он вышел прямо из операционной, не переодеваясь, лишь скинув заляпанный кровью пластиковый фартук.

— Я бы мог отказать вам в посещении — медицинская служба не подчинена командованию в этих вопросах…

Они прошли узеньким коридорчиком с густо-оливковыми стенами, испещренными маленькими дырочками. Стены слабо гудели, обдавая их волнами озона и фиолетового света. Возле наглухо закрытой двери медицинский робот — узенький, высокий, неизбежно белый, похожий на нескладного подростка-акселерата — провел по их одежде длинными гибкими манипуляторами, проверяя качество дезинфекции.

— Но вряд ли ваш визит ухудшит…

— Скажите, — Виктор протянул руку к двери, и та, не ожидая его прикосновения, уползла вбок, — у него есть шанс?

— Ни малейшего. Поэтому я вас пускаю.

Он шел не к Богу и не к сверхчеловеку. Землянин умирал, и, поняв это, Виктор ощутил противоестественное облегчение.

Землянин лежал перед ним — обнаженная кукла, окутанная проводами и трубочками, с серым диском кардиомонитора на груди. Он был в сознании, без малейших следов ожогов, которых подсознательно ожидал Виктор, и лишь странная неподвижность крепкого мускулистого тела выдавала подползающую к нему смерть.

— Вы пришли потому, что это ваш долг, капитан?

Это были первые слова землянина, и Виктор вздрогнул.

— Нет. Не только.

— Потому что я попросил вас прийти?

— Наверное, нет…

Демченко вздохнул, и Виктору послышалось удовлетворение.

— Тогда садитесь. Да, на койку, больше здесь ничего нет… Так зачем же вы пришли?

Странный разговор. Демченко словно допрашивал его.

— Потому, что это мой долг, и потому, что вы просили, и потому, что мне захотелось взглянуть на человека, сумевшего сделать то, что сделали вы. Удовлетворены?

Землянин слабо кивнул.

— Тогда встречный вопрос: зачем вы меня звали?

С минуту Демченко молчал. Потом спросил:

— Бой еще идет?

— Да. Мы только что догнали десант.

— Мне страшно умирать одному, — просто сказал наводчик. — Наверное, это признание не украшает офицера, но теперь уже все равно. А самый бесполезный человек во время боя — капитан. Вы можете посидеть со мной без ущерба для крейсера.

Виктор вздрогнул.

— Я не хотел вас обидеть. Вы хороший капитан, Виктор. Вас не оскорбит, что я называю вас по имени?

— Нет. На моей планете нет фамилий.

— Алькор-туманный?

— Да. Как вы уцелели, Демченко?

— Излишняя дисциплинированность. Я был единственным, кто надел перед боем скафандр. Там же жуткая теснота, в боевых постах… — Теперь он говорил очень тихо, и Виктору приходилось напрягаться, чтобы разобрать слова. — А когда я очнулся и увидел, что поганец несется на нас… Честь планеты. Я же единственный землянин на корабле, я обязан был сделать больше, чем другие…

— Я представляю вас к ордену Солнца, Демченко. Уж на это капитан еще нужен. — Виктор попробовал улыбнуться.

— Мне уже не надеть никакого ордена. А Солнце… Оно всегда со мной. А вы видели Солнце, капитан?

Виктор покачал головой.

— Даже смешно… Мы воюем во имя Земли и именем Земли. Усмиряем колонии, требующие независимости, мотаемся из одного конца Галактики в другой… Умираем и убиваем… То есть убиваем и умираем… — Демченко на секунду прикрыл глаза, облизнул губы. — А Землю, Солнце видел только я, один из всего экипажа…

— Земля — это символ, Демченко. Колыбель всех планет, всех цивилизаций. Наш флаг, если хотите.

— Для меня Земля — это не флаг. Это голубое небо… вы знаете, как красиво, когда небо… да, у вас оно тоже голубое. Это зеленые леса. Это снег и холод… И раскаленный жарой песок тоже… Это мой город… Города могут быть красивыми, когда им больше тысячи лет, когда один город не похож на другой…

Одна из трубочек, впившихся в тело Демченко, запульсировала, впрыскивая в кровь лекарство, и голос наводчика окреп.

— Знаете, я рос в маленьком городке. Вокруг тайга, лес на сотни километров. Город старый-престарый, каменные дома, бетонные дороги… кроме станции космической связи — никаких следов цивилизации. На любой планете таких городов тысячи. А для меня он единственный.

— Я понимаю, — осторожно сказал Виктор. — Для меня, например, есть лишь один островок из тысяч островов Алькора-туманного… А для Ольсона — один из этажей мегаполиса в Порт-Альве. А для Карлоса — одна из башен кланового замка на Кориане.

— Я вообще попал в космос случайно. Не проходил ни по здоровью, ни по интеллектуальным тестам — все показатели средние… Но очень уж рвался. И смог всех переубедить.

— Это счастье для крейсера, что смогли, — искренне сказал Виктор.

— Да… Знаете, как я решил, что непременно буду офицером космофлота, стану защищать Землю от врагов? Обыкновенная мальчишеская мечта, только у других это проходит, а у меня осталось. Вы не играли в детстве в космическую войну?

— Играл.

— Вот и я играл… Я жил в старом доме, ему лет триста, не меньше. А напротив стояло совсем уж древнее здание, там, конечно, никто не жил. Из кирпича… Знаете, что это такое? Да, в отсталых колониях иногда строят из него… Однажды мы играли, что на наш город напали космические захватчики. Меня поставили охранять наш дом. Ну я и додумался — залез в эту кирпичную развалину, поднялся на крышу. Там по краям крыши были маленькие башенки, не представляю, для чего их сделали… Я подергал на одной дверь — она отлетела, там все уже проржавело насквозь. Вошел. Маленькая комнатка, по стенам узкие окошки, как амбразуры. Лучшего и не придумаешь. Весь наш двор был виден как на ладони. Я встал у окна с пистолетом и жду. И вот пока стоял там, словно случилось что-то. Смотрю с высоты на город, на полоску леса вдали, на серую труб у гравиантенны… И чувство, что я действительно все это защищаю. Это словами не выразишь.

Демченко замолчал, и Виктор тихо спросил:

— А потом?

— Потом мои друзья вбегали во двор, а я палил по ним с крыши. У нас были игрушечные пистолеты, стреляющие ампулами с краской. Так полдвора забрызгало красным, словно действительно шел бой. А они даже не могли сообразить, откуда по ним стреляют… Правила у нас были строгие: те, в кого попала хоть капля краски, садились и ждали конца боя. Зеленая трава, дорожки из белого кварцевого песка, десяток неподвижных пацанов, ждущих конца игры… И все в красных пятнах. Это было так похоже на настоящую войну, которую мы только в кино и видели, что мне стало страшно. Я даже радоваться своей победе не мог. — Демченко перевел дыхание и закончил: — С этого все и началось, с детской игры… И теперь

должно кончиться…

Он вдруг дернулся и судорожным рывком повернул голову вбок. Его тошнило. Виктор потянулся было к нему, но из стены уже выскользнули гибкие щупальца манипуляторов, подхватили тело наводчика. Через минуту Демченко снова лежал неподвижно.

— Капитан, вас кто-нибудь ждет дома?

Виктор кивнул:

— Ждут. — Он вспомнил низкое серое небо, и шум набегающих на берег волн, и мелкую привычную морось, беззвучно ложащуюся на скалы. — У нас нет семей в земном понимании, но…

— А меня ждет только Земля.

Демченко улыбнулся и закрыл глаза. А в стене отчаянно заверещал зуммер, снова выметнулись манипуляторы. Коснулись тела наводчика — и медленно поползли обратно.

В рубке было тихо. Почти половина кресел пустовала — командиры расходились. На экранах внешнего обзора плыли розовые, нежно мерцающие облачка пыли. Секунду Виктор постоял, глядя на экраны, потом спросил:

— Вы дали им сигнал о спуске шлюпок?

— Дали, — с готовностью произнес кто-то.

— Ну и?..

— Лотанцы гордый народ. Они умеют воевать до конца.

Розовые облачка на экране медленно угасали. Виктор сел в свое кресло, включил общую трансляцию. Произнес, наклоняясь над микрофоном:

— Экипаж крейсера «Рубеж», за мужество и героизм, проявленные в бою с превосходящими силами противника, я благодарю вас от имени Центрального Штаба… и от себя лично. Весь личный состав будет представлен к наградам. Именем Земли!

— Во имя Земли… — разноголосо отозвались наушники, лежащие на краю пульта.

Центральный Штаб Сообщества — капитану крейсера «Рубеж».

Срочно. Секретно. Синий шифр.

Файл распечатки 8-Н:

Получением настоящего приказа немедленно вывести крейсер к 156-й населенной планете седьмой галактической зоны. На планете поднят мятеж против Центрального Штаба.

Ваша задача — захватить и удерживать до подхода главных сил станцию грависвязи, не допуская связи планеты с неблагонадежными цивилизациями в составе Сообщества.

Именем Земли.

Крейсера редко садятся на планеты. Им тесно даже на самых больших космодромах, их двигатели выжигают леса и отравляют атмосферу даже на самом тихом режиме. Но иного пути для высадки десанта крейсер не имеет…

Они опустились в лесу на маленькое озерцо. Вода закипела, колонной белого пара поднялась в небо, навстречу серой металлической громаде. Когда опоры коснулись дна озера, лишь черные, обугленные рыбы напоминали о том, что еще недавно в маленькой котловине были вода и жизнь…

С высоты главной рубки Виктор видел место приземления во всех деталях. Серовато-белесое, в черных кляксах, дно озера. Опоясывающее озеро, выжженное до белизны, кольцо пепла. Черные, как бы съежившиеся, скелеты деревьев. А за ними, до самого горизонта, до недалекого городка, вначале робко, а затем все более торжествующе зеленели уцелевшие деревья.

— Мы неудачно сели, — ни к кому не обращаясь, сказал Виктор. Он посмотрел туда, где на стыке зеленого леса и голубого неба вставали кажущиеся отсюда игрушечными дома. — Город лежит между нами и станцией связи, придется идти через него…

— С других сторон станцию окружают болота, — отпарировал навигатор. — Ничего. Я не думаю, что с городом будет много возни.

Он ошибся.

Машину начальника командира десанта сбили еще на окраине. Сейчас она горела — дымно, неохотно, она вообще не должна была гореть…

Самого командира Виктор увидел на пороге занятого под временный штаб особняка. Грузный, широкоплечий Вольф Шнайдер что-то говорил в зажатый в ладони передатчик. Передатчик был совсем крошечный, и казалось, что Вольф вполголоса ругается, яростно размахивая перед лицом кулаком. Увидев Виктора, он нахмурился:

— Вам следует руководить боем с крейсера, капитан. Здесь опасно.

Словно подтверждая его слова, невдалеке грохнул короткий, но сильный взрыв.

— На корабле остался Карлос. Почему вы остановились?

— Это сумасшедшая планета, капитан. В нас палят из каждого окна… — Вольф поднес

к губам микрофон, бросил туда: — Третий и пятый, сближайтесь… — И снова повернулся к капитану: — Не представляю, где они раскопали столько старого оружия. Один из бронеходов подбили из пороховой пушки. Защита не отреагировала на снаряд — тот летел слишком медленно. Но броню разнес не хуже, чем боевой лазер… Да, лазеры у них есть тоже…

Виктор медленно посмотрел по сторонам и почувствовал, как наплывает смутная тревога. Притихшие дома с попрятавшимися жителями, стилизованные под старину, сложенные из камня особняки, даже яростное сопротивление десантникам — все это было знакомо и привычно. Но что-то настораживало…

— Если бы дать по городу из главного калибра, — негромко произнес Вольф.

— Нет.

— Или по станции… Разнести антенну…

Серая колонна гравиантенны была видна даже отсюда. Она вставала из-за домов, и на вершине ее, вознесенной на двухкилометровую высоту, подрагивали голубые молнии — станция работала.

— Нельзя, — с искренним сожалением ответил Виктор. — Станцию приказано захватить, а не уничтожить…

Вдоль улицы с визгом пронесся огненный клубок — выстрелили из плазмомета. Следом прогрохотал бронеход. За ним устало и безмолвно пробежали несколько десантников. Виктор взглянул на Вольфа, снова уткнувшегося в передатчик, на свой вездеход с замершей возле него охраной… И бросился вслед десантникам.

Он не заметил, как остался один. Еще недавно вместе со смутно знакомыми ребятами из пилотажной группы Виктор палил по высокому зданию из бетона и черного зеркального стекла. Из здания огрызались — разрывы самонаводящихся ракет ложились все ближе и ближе. Потом лучи их бластеров подрубили здание, разнесли в пыль первые этажи, и вся бетонная коробка обрушилась вниз, погребая стрелявших… Они бежали дальше, и никому из десантников не было дела до того, что рядом с ними — капитан крейсера, самый бесполезный человек в бою… А потом он остался один.

Улочка была узкой, извилистой, зажатая между глухими стенами домов.

Редкие окна, еще более редкие двери, выходящие в эту бетонную расселину в теле города… Виктор шел, держа бластер на изготовку, время от времени щелкая переключателем рации. Связи не было. Наверное, мешали дома…

Улица кончилась неожиданно. Дома словно расступились, и Виктор оказался на маленькой площади, а может быть, большом дворе. Скорее дворе: здесь было слишком много газонов, дорожек из белого песка, беседок, скамеечек… С одной стороны на площадку выхо-

дил торец странного, явно заброшенного здания — шесть или семь этажей из красно-коричневого кирпича, маленькие декоративные башенки на крыше…

Виктор сделал несколько шагов, выходя на середину двора, и остановился. Где же он видел этот двор? Где? Видел… или слышал о нем?

На одной из башенок вдруг полыхнула яркая, ослепительная точка.

Виктор не почувствовал ни толчка, ни боли. Просто в ушах зазвенело, а ноги стали подкашиваться. Он поднял руку, ловя башенку в прицел бластера… и неожиданно словно бы увидал себя со стороны. Сверху. Из этой башенки.

Глазами мальчишки с игрушечным пистолетом в руках…

— Демченко…

Он опустился на колени, так и не выстрелив в ответ. Песок вокруг был алым — и почему он раньше этого не замечал? И земля раскачивается, как от близких взрывов, — почему он этого не чувствовал?.. Земля.

Виктор подтянул руку с передатчиком к лицу. И не удивился, что тот заработал: должно же было ему повезти хоть в чем-то.

— В связи с отсутствием капитана на связи в течение девяноста минут, в соответствии с уставом, беру командование крейсером, — шипел в рации голос Карлоса, — на себя…

Откуда-то со стороны Виктор услышал свой голос:

— Говорит капитан.

Голос Карлоса исчез, растворился. Сквозь подплывающую сонливость Виктор подумал, что теперь он знает, что надо было ответить Демченко, когда тот назвал капитана самым бесполезным человеком в бою. Да, капитан не нужен, чтобы вести бой. Он нужен, чтобы вовремя его остановить. И пока первый помощник не поймет этого, он не станет настоящим капитаном…

— Прекратить огонь. Именем Земли…

Он произнес эти слова и замер, словно надеясь услышать подтверждение.

Но сквозь звон в ушах уже не пробивались ничьи голоса. И лишь Земля — его мать, его родина, его знамя — все сильней и сильней тянула его к себе…

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МНОГОГО НЕ УМЕЛ

Он очень многого не умел, но зато он умел зажигать звезды. Ведь самые красивые и яркие звезды иногда гаснут, а если однажды вечером мы не увидим на небе звезд, нам станет немного грустно… А он зажигал звезды очень умело, и это его утешало. Кто-то должен заниматься и этой работой, кто-то должен мерзнуть, разыскивая в облаках космической пыли по-

гасшую звезду, а потом обжигаться, разжигая ее огоньками пламени, принесенными от других звезд, горячих и сильных. Что и говорить, это была трудная работа, и он долго мирился с тем, что многого не умеет. Но однажды, когда звезды вели себя поспокойнее, он решил отдохнуть. Спустился на Землю, прошел по мягкой траве (это был городской парк), посмотрел на всякий случай на небо…

Звезды ободряюще подмигнули сверху, и он успокоился. Сделал еще несколько шагов — и увидел ее.

— Ты похожа на самую прекрасную звезду… — сказал он. — Ты прекраснее всех звезд.

Она очень удивилась. Никто и никогда не говорил ей таких слов. «Ты симпатяга», — говорил один. «Я от тебя тащусь», — сказал другой. А третий, самый романтичный из всех, пообещал увезти ее к синему морю, по которому плывет белый парусник…

— Ты прекраснее всех звезд, — повторил он. И она не смогла ответить, что это не так.

Маленький домик на окраине города показался ему самым чудесным дворцом во Вселенной. Ведь они были там вдвоем…

— Хочешь, я расскажу тебе про звезды? — шептал он. — Про Фомальгаут, лохматый, похожий на оранжевого котенка, про Вегу, синеватую и обжигающую, словно кусочек раскаленного льда, про Сириус, сплетенный, словно гирлянда, из трех звезд… Но ты прекрасней всех звезд…

— Говори, говори, — просила она, ловя кончики его пальцев, горячих, как пламя…

— Я расскажу тебе про все звезды, про большие и маленькие, про те, у которых есть громкие имена, и про те, которые имеют лишь скромные цифры в каталоге… Но ты прекраснее всех звезд…

— Говори…

— Полярная звезда рассказала мне о путешествиях и путешественниках, о грохоте морских волн и свисте холодных вьюг Арктики, о парусах, звенящих от ударов ветров… Тебе никогда не будет грустно, когда я буду рядом. Только будь со мной, ведь ты прекрасней всех звезд…

— Говори…

— Альтаир и Хамаль рассказали мне об ученых и полководцах, о тайнах Востока, о забытых искусствах и древних науках… Тебе никогда не будет больно, когда я буду рядом. Только будь со мной, ведь ты прекраснее всех звезд…

— Говори…

— Звезда Барнада рассказала мне про первые звездные корабли, мчащиеся сквозь космический холод, про стон сминаемого метеором металла, про долгие годы в стальных стенах

и первые мгновения в чужих, опасных и тревожных мирах… Тебе никогда не будет одиноко, когда я буду рядом. Только будь со мной, ведь ты прекраснее всех звезд…

Она вздохнула, пытаясь вырваться из плена его слов. И спросила:

— А что ты умеешь?

Он вздрогнул, но не пал духом.

— Посмотри в окно.

Миг, и в черной пустоте вспыхнула звезда. Она была так далеко, что казалась точкой, но он знал, что это самая красивая звезда в мире (не считая, конечно, той, что прижалась к его плечу). Тысяча планет кружилась вокруг звезды в невозможном, невероятном танце, и на каждой планете цвели сады и шумели моря, и красивые люди купались в теплых озерах, и волшебные птицы пели негромкие песни, и хрустальные водопады звенели на сверкающих самоцветами камнях…

— Звездочка в небе… — сказала она. — Кажется, ее раньше не было, но, впрочем, я не уверена… А что ты умеешь делать?

И он ничего не ответил.

— Как же мы будем жить, — вслух рассуждала она. — В этом старом домике, где даже газовой плиты нет… А ты совсем ничего не умеешь делать…

— Я научусь, — почти закричал он. — Обязательно! Только поверь мне!

И она поверила.

Он больше не зажигает звезды. Он многое научился делать, работает астрофизиком и хорошо зарабатывает. Иногда, когда он выходит на балкон, ему на мгновение становится грустно, и он боится посмотреть на небо. Но звезд не становится меньше. Теперь их зажигает кто-то другой, и неплохо зажигает…

Он говорит, что счастлив, и я в это верю. Утром, когда жена еще спит, он идет на кухню и молча становится у плиты. Плита не подключена ни к каким баллонам, просто в ней горят две маленькие звезды — его свадебный подарок

Одна яркая, белая, шипящая, как электросварка, и плюющаяся протуберанцами, очень горячая. Чайник на ней закипает за полторы минуты.

Вторая тихая, спокойная, похожая на комок красной ваты, в который воткнули лампочку. На ней удобно подогревать вчерашний суп и котлеты из холодильника.

И самое страшное то, что он действительно счастлив.

КАПИТАН

Положив блокнот на пульт главного компьютера, Стив Бландерс производил последние

вычисления. Капельки пота блестели у него на лбу, как сигнальные лампочки на панели управления кораблем.

Одно из табло на пульте нетерпеливо замигало, и Стив заторопился. Он подвел под конечной цифрой черту и попытался в уме возвести ее в куб. Но 3,5389 упорно противились его усилиям. Выругавшись, Стив снова взялся за карандаш.

— Долго еще ждать? — поинтересовался откуда-то из-за стены бесцветный металлический голос.

— Сейчас, сейчас, — забормотал Стив. — Готово! Сорок четыре, запятая, триста двадцать, пятьсот двадцать один.

В рубке воцарилось молчание. Стив заерзал в кресле пилота и неуверенно спросил.

— Неправильно?

— Правильно. Только медленно считаешь. Дожидайся я тебя, давно бы проскочили мимо планеты…

На лице Стива появилось нечто вроде гордости. Рассчитать вручную вектор подпространственного курса — этим можно гордиться! Но корабельный кибермозг склонен был оценивать его успех с куда меньшим восторгом.

— Готовься к посадке. А то опять придется медотсек расконсервировать.

Стив торопливо застегнул ремни кресла. Как всегда в такие моменты, зачесалась бровь, рассеченная год назад о стеллаж с навигационными картами. Тогда кибермозг забыл предупредить его о посадке…

— Пойдем с маленькими перегрузками, да? — небрежно спросил он и затаил дыхание в ожидании ответа.

— Конечно, десять «жэ», не больше.

Стив застонал. А через секунду начались перегрузки. Действительно, всего десять «же», что, по мнению машины, совсем не много…

Когда он открыл глаза, перегрузки уже давно прекратились. Судя по данным на пульте, корабль стоял на поверхности планеты, а исследовательские зонды уже расползлись по окрестностям.

— Это какая планета? — слабым голосом спросил Стив. Он вовсе не рассчитывал на ответ, но на этот раз компьютер снизошел до беседы.

— Би-Эм, №315. Южный материк.

— Да нет здесь ничего, — почти закричал Стив. — Нет! Я же был здесь семь лет назад, перед тем как…

— Знаю, что был! — В металлическом голосе возникло какое-то странное дрожание. —

Ты же мне все микрофоны прожужжал, что именно здесь ты расстался с этой рухлядью, этой кучей металлолома, этим «Громовержцем»…

В недрах пульта что-то застучало. Стив быстро отодвинул кресло к стене.

— Что ты дергаешься, — уже спокойнее произнес кибермозг. — Нечего сказать, повезло мне с капитаном. От перегрузки сознание теряет…

— Я не терял!

— Помолчи. От перегрузки сознание теряет, от каждого звука дергается. И говорит только о ржавой консервной банке, на которой когда-то летал… не летал, а ползал по Космосу!

Стив подавленно молчал. На прогулку теперь нечего и рассчитывать… Но у кибермозга было, видно, хорошее настроение.

— Если хочешь, можешь выйти наружу. Полюбоваться планетой…

В голосе кибермозга дрогнуло презрение. Планеты он, как все корабельные компьютеры, не любил — то ли дело Космос!

В шлюзовом отсеке не было света. Стив, однако, это предвидел: достав из кармана фонарик, он уверенно пошел к выходу. Свет немедленно включился, и на кнопку открывания люка капитан давил, убежденный в хорошем настроении компьютера.

— Открывай вручную, моторы надо беречь, — немедленно отозвался кибермозг.

Стив взялся за рычаг. Не привыкать, за последние годы он нарастил такие мускулы, что за сутки разгружал грузовой трюм корабля. Без помощи роботов, разумеется.

Планета встретила его воздухом, наполненным запахами цветов, таким свежим и чистым, что Стив закашлялся. Даже пепел, в который обратились джунгли в километровом радиусе, не мог заглушить этой свежести. «Мечтатель» всегда садился на полном пламени, словно ему доставляло удовольствие любоваться силой своих двигателей…

— Ну, что стоишь? — загремело над головой. — Иди разведай, что вокруг творится. Ох, и это мой капитан… Вот подам рапорт в управление, пусть подыщут мне другого. Расскажу, как ты спишь целыми днями, не следишь за приборами, не ведешь бортжурнал…

— Ты сам его отобрал!

— Это ты будешь рассказывать в самом дрянном марсианском кабаке. Тебя вышибут без обратного билета на Землю, потому что поверят мне. Ведь киберсистемы не лгут.

Стив прислонился к надраенному до блеска корпусу «Мечтателя». Все верно, вышибут из космофлота как пить дать…

— Эй, я забыл флягу, — дернулся он. — И бластер…

— Как ты меня назвал? «Эй»?

— Нет, я хотел сказать…

— Обойдешься без фляги. А бластер тебе и подавно не положен.

Развернувшись, Стив быстро зашагал к лесу. Во-первых, звери наверняка разбежались, во-вторых… Во-вторых, бластера он не получит. Оглянувшись, он с ненавистью оглядел двухсотметровую титановую башню с выгнувшимися над люком светящимися буквами «Мечтатель». Великое пространство, а ведь раньше он, пожалуй, соответствовал своему названию. Какой это был прекрасный корабль, когда Стив, избавившись наконец от старой развалюхи «Громовержца», занял на нем пост капитана. И как быстро все изменилось…

Из корпуса корабля с гудением вынырнула штанга грунтозаборника. С воем впилась в покрытую черным дьмящимся пеплом землю. Стив внезапно рассмеялся:

— Великое пространство…

А ведь «Мечтатель» ревнует! До сих пор он ненавидит его предыдущий корабль. И его идиотский поиск полезных ископаемых на бесперспективной планете — еще одна попытка доказать свое превосходство…

— Чтоб ты здесь не нашел ничего, кроме железного колчедана, — пробормотал он страшное проклятие межзвездных разведчиков.

Джунгли действительно были пусты. Стив прошагал километров десять, постепенно вспоминая планету. Семь лет назад он садился в этом же районе. Где-то у подножия вон той высокой скалы, на берегу крошечного озерка. Сейчас он поднимется на холм и увидит то место…

Он сделал последний шаг и замер. На берегу, вцепившись в землю широкими опорами, замерла огромная стальная полусфера.

— «Громовержец», — прошептал он, силясь согнать наваждение.

Это не было наваждением. В борту корабля, дрогнув, открылся люк, из него бесшумно поползла короткая лестница. С километрового расстояния «Громовержец» услышал и узнал его голос.

Входя в люк, Стив уже продумал линию поведения, единственно возможную в его ситуации.

— Я вижу, у тебя полный порядок, старина! — жизнерадостно начал он. — О, ты даже перекрасил шлюз!

— Вас не было две тысячи пятьсот двадцать один день, капитан, многое успело измениться. Приветствую вас на борту, капитан.

Да, изменилось многое. Даже голос кибермозга «Громовержца» стал гораздо приятнее, сильнее. А что касается обстановки в отсеках, то тут нечего было и говорить. Все блестело и сверкало, повсюду появились новые приборы. В углу рубки два киберремонтника монтирова-

ли пульт гиперпространственной связи, рядом с креслом пилота чернел шар гравитационного компенсатора перегрузок.

— Откуда это все, «Громовержец»?! — воскликнул пораженный Стив.

— Собрал, пользуясь имевшейся информацией.

— Но на это нужна уйма энергии!

— На глубине восьми километров обнаружил и начал разрабатывать урановые залежи.

— И нужны приборы!

— Наладил их выпуск из подручных материалов.

— Ну, старина… Конечно, почти семь лет… — Стив озирался по сторонам. — А я, понимаешь ли… Пришлось срочно лететь на Землю, все дела, дела… Но все время пробовал вернуться.

— Я видел, как вы садились.

Стив взглянул на холодно поблескивающие у потолка объективы видеомониторов, и приготовленный комплимент застрял у него в горле, наступило молчание. Секунда, другая…

— У меня теперь другой корабль, старина, — наконец выдавил Стив. — Я его капитан.

Молчание. И ничего не изменилось.

— Где прикажете подать обед, капитан? — спросил компьютер.

Стив давно уже не ел с таким аппетитом, может быть, потому, что «Мечтатель» считал еду исключительно функциональным, не требующим разнообразия занятием. И все время, пока вокруг него суетились автоматические стюарды, в голове Стива зрела какая-то мысль. Наконец с обедом было покончено, и Стив принялся за осмотр корабля. Результаты превзошли все его ожидания. Со странной улыбкой на лице он вернулся в рубку, устроился в пилотском кресле.

— «Громовержец»! — начал он. — Помнишь наш первый полет?

— Я помню все.

— Какой я тогда был… Стройный, как Аполлон, воинственный, как Марс… Самоуверенный, как Юпитер. Вселенная была еще такой маленькой, а ты был самым лучшим кораблем в мире… Как мы летали! Помнишь? Земля—Антарес—Эн-Ка17 — транзит через берег Грюнвальда… Нам все было нипочем. Помнишь?

— Помню, капитан.

— А если… попробовать еще раз? Куда-нибудь на Ледовый Купол или Оранжевую Дельту. Докажем, что нас еще рано списывать в запас?

— Двигатели готовы к старту, капитан.

На пульте один за другим вспыхивали огоньки предстартового контроля.

— Подожди!

Стив внимательно осмотрел пульт. В корабле появилось много новых систем, но боевой пульт остался нетронутым.

— У тебя слабые системы ближнего боя, «Громовержец».

— Корабли моего класса не предназначены для боевых действий.

— Вижу… — Рискнуть? Но кто знает, как поступит «Мечтатель», обнаружив взлетающий рядом корабль? Конечно, если он будет точно знать, что на борту находится человек, то его предохранители не дадут применить оружия. Но ведь «Мечтатель» не знает об этом наверняка.

Стив рассмеялся.

— Знаешь, «Громовержец», я вспомнил, как мы спорили в космошколе: каким может быть компьютерный разум. Все разделились на три группы: одни говорили, что добрым, другие — что злым, а третьи — равнодушным.

— В какой группе были вы, капитан?

— В первой. — Он рассмеялся снова. — И никто из нас не предусмотрел четвертой возможности: компьютер-зануда, компьютер — мелкий пакостник, компьютер-склочник.

Возможно, у «Громовержца» была своя точка зрения на четвертую возможность, но он не стал спорить, лишь сказал:

— Вам следует почаще вспоминать о законах робототехники, капитан. Ни один компьютер не может причинить вреда человеку.

— Конечно…

Стив задумался. Потом неохотно вылез из кресла.

— Мне надо сходить за вещами. Подожди пару часов.

В шлюзовой камере он выбрал и зарядил нейтринный бластер. Тщательно проверил оружие и вышел из корабля.

Вокруг «Мечтателя» копошился десяток стальных черепахообразных аппаратов. Одни бурили грунт, другие крутились на месте, растопырив чаши локаторов. Стив неторопливо прошел мимо них, поднялся по лестнице к люку. Тот оставался закрытым. Стив несколько раз надавил на кнопку, но никакого эффекта не последовало. Тогда он извлек из кармана бластер и одним выстрелом превратил титановый люк в горстку серой колючей пыли.

В глубине корабля взвыли сирены. Стив спокойно перешагнул порог, направляясь к рубке. Навстречу выкатился ремонтный кибер, а с потолка грянул голос кибермозга:

— Ты что, вообразил, что тебе все дозволено? Где ты взял бластер?

Ремонтный кибер несся навстречу Стиву, размахивая двухметровыми манипуляторами.

Выстрел — и он превратился в кучку поблескивающих деталей, среди которых бешено крутилось резиновое колесо.

Наступила мертвая тишина. Стив, насвистывая какую-то мелодию, расстрелял выглядывающую из-за угла телекамеру и пошел к лифту.

— А ну брось оружие, — не совсем уверенно сказал кибермозг. — А то взлечу с ускорением в сорок…

Получив свою порцию нейтринного луча, динамик замолчал. Стив неторопливо поднялся в рубку (лифт дважды дергался, но остановиться не посмел). Там, усевшись перед главным пультом, он насмешливо произнес:

— Так с каким ускорением ты собирался взлететь? Шалишь, дружок. Все, на что ты способен, — это мелкие гадости. Причинить мне серьезную неприятность тебе не даст первый закон…

— Я рапорт подам… — неожиданно тихо произнес кибермозг. — Жестокое обращение с электронным разумом…

— Подавай, — великодушно согласился Стив. — Вот после этого ты у меня получишь по-настоящему. А пока…

Он нагнулся к пульту и вдвое понизил напряжение в боках электронной памяти. Динамики пискнули.

— Головка болит? — участливо спросил Стив. — Потерпишь. А может быть, уйти и бросить тебя так… Поржавей здесь лет десять…

— Не надо! Не надо!

Из стенной ниши выкатился киберстюард, которого Стив не видел уже лет пять. На подносе переливался разными цветами высокий хрустальный бокал.

— Ваш любимый коктейль, капитан…

— Кажется, ты уяснил ситуацию, — негромко произнес Стив, взял бокал и подумал: «Господи, неужели все, чего мне не хватало, — это уверенности, что мне есть куда отступать…» — Собери-ка мои вещи, — приказал он.

— Вы уходите, капитан? — в панике воскликнул «Мечтатель». Стив заколебался. Обвел глазами пульт, привычные стены рубки. А ведь когда-то корабль вел себя по-другому…

— Ты мне надоел, — честно признался он.

— Капитан! Простите!

Стив думал. Где-то там, в глубине леса, ждал его «Громовержец», ждал почти семь лет. Неужели он не потерпит еще месяц? А он хоть узнает, каково летать на «Мечтателе», когда он послушен… Всего месяц… ну может быть, два месяца…

— Я буду звать тебя «ЭЙ», — сказал он наконец. — Согласен, ЭЙ?

— Как вам будет угодно, капитан.

Стив рассмеялся:

— Готовься к старту. Стартуй, только с небольшим ускорением.

Двигатели радостно взвыли, и «Мечтатель» стал подниматься

Белая молния прочертила темнеющее небо, сжалась, превращаясь в ослепительную точку на небосклоне. С берега маленького лесного озера следил за стартом «Мечтателя» «Громовержец». Тихо гудели моторы, разворачивая телекамеры вслед исчезающему кораблю. Потом наступила тишина…

Все выше и выше над планетой, все дальше и дальше от «Громовержца»… Под ложечкой у Стива засосало. А если «Мечтатель» снова примется за старое? Теперь не сбежишь… И бластер… Где бластер? Он только что был здесь.

Бластера на пульте уже не было.

— Эй, поменьше перегрузки… — воскликнул Стив, не замечая, как снова дрожит его голос.

— Как ты меня назвал? — мгновенно отреагировал корабль. Из крана подачи кофе ударила в лицо Стиву струя горячей сладкой воды.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Девушка шла мне навстречу. Я даже не успел всмотреться в ее глаза, голубые, как лишенное озона небо Антарктиды, не успел разглядеть улыбки, способной укротить голодного тигра. Я понял — это Она. Та, которую я искал всю жизнь, все двадцать два года.

А девушка проходила мимо. Она шла, погруженная в свои мысли, и даже не смотрела в мою сторону. Еще мгновение — и мы навсегда разойдемся в огромном городе. И я начал действовать.

Был очень жаркий день, улица кипела прохожими. Это осложняло ситуацию, но я все же решился. Закрыл глаза, произнес формулу перехода. И мгновенно оказался в пятом измерении. Здесь было тихо, сыро и уютно. Пятимерные существа скользили сразу в двух направлениях, не обращая на меня никакого внимания. Я для них был чем-то вроде мелового рисунка на асфальте. Оглядевшись, я приступил к выполнению своего плана. Порвал парочку силовых линий, исказил несколько полей. И вернулся в наш мир.

Жара осталась, и улица, заполненная прохожими, никуда не делась. Но девушка, с которой мы уже разминулись, снова шла мне навстречу — мои манипуляции в пятом измерении искривили пространство. Увы. И на этот раз она не посмотрела на меня.

Я опять вернулся в пятое измерение. Снова искривил пространство. И еще раз. И еще.

Девушка, не замечая этого, теперь ходила вокруг меня по кругу. Но по-прежнему не смотрела в мою сторону.

Тогда я искривил пространство так, что мы неминуемо должны были столкнуться. Вернулся на улицу — и почувствовал холодок в груди.

Высотный дом невдалеке не выдерживал искривлений пространства и теперь разваливался. Два или три верхних этажа уже летели вниз. Но прежде чем обломки стен коснулись асфальта, я произнес заклятие временного перехода. И оказался в прошлом, в самом разгаре застойного времени. Улица была почти та же, но высотный дом только строился. На ходу обретая невидимость, я направился к стройке.

Понадобилось несколько минут, чтобы во всем разобраться — прораб Михайлов машинами воровал бетон.

Неудивительно, что через десять лет дом не выдержал заурядного искривления пространства…

Я отправился в соседнее СМУ. Там мне пришлось перевоплотиться в бригадира монтажников Петра Зубило и выступить с почином: «Высотным домам — высокую гарантию». Почин поддержали в высоких кругах. ОБХСС проверил работу прораба Михайлова.

Прораб получил десять лет с конфискацией, а дом был построен из качественного цемента. Убедившись в этом, я вернулся обратно.

Теперь дом не рассыпался, а девушка шла мне навстречу

Столкновение было неизбежным, и мы действительно столкнулись.

— Извините, — не поднимая глаз, сказала девушка. И прошла дальше…

Не думайте, что я пал духом. Как бы не так. Волевым усилием я сгреб над Атлантическим океаном несколько дождевых туч и развесил их над городом. Полил дождь, смывая жару, бензиновую вонь.

Материализовав из воздуха красивый японский зонтик, я подошел к девушке:

— Вы вымокнете, разрешите, я вас провожу.

— Я люблю ходить под дождем.

На этот раз она взглянула на меня, но без всякого интереса.

И меня осенило: а вдруг ей просто не нравятся такие, как я — маленькие, толстые, рыжеволосые мужчины?

В школе магов (я забыл объяснить, что когда-то учился там) имелся специальный курс — глубокое проникновение в прошлое. Сейчас я решил испробовать это рискованное, но сильнодействующее средство. И новое заклятие отправило меня в конец девятнадцатого зека.

В то время прапрадед встреченной мною незнакомки служил корнетом в кавалерий-

ском полку. Я поступил в тот же полк, сдружился с корнетом и однажды, глубокой ночью, передвинул в его седьмой хромосоме адениновое основание со сто тридцать шестого витка спирали ДНК на двести четырнадцатый. Результатом этого должна была стать любовь праправнучки корнета к невысоким, полным и рыжеволосым мужчинам,

Сознаю, что это был очень даже неэтичный поступок, но иначе я не мог…

Вернувшись, я попал под проливной дождь. Искривление пространства тоже продолжалось, и девушка ходила вокруг меня. Но не одна.

Привставая на цыпочки, над ней нес зонт юноша — еще более невысокий, полный и рыжий, чем я сам.

Рядом с ним у меня не было никаких шансов.

Задрожавшим голосом я произнес формулу Исходной Ситуации. И все вернулось на круги своя. Пространство выпрямилось, тучи с гулом унеслись к Атлантике, девушка в полном одиночестве шла мне навстречу, высотный дом держался не на бетоне, а на честном слове прораба Михайлова.

У меня оставался последний шанс. И я рискнул. Когда мы с незнакомкой поравнялись, я небрежно произнес:

— Здравствуй!

Она удивленно подняла брови. Спросила:

— Разве мы знакомы?

— Нет, — бледнея, ответил я. — Но может быть, мы познакомимся?

Девушка рассмеялась. И сказала:

— Давайте. А то вы уже полчаса ходите вокруг меня кругами!

ЛЮДИ И НЕ-ЛЮДИ

Пропущенные мины были на совести сапера. Он шел впереди и не обратил внимания на присыпанные землей жестянки из-под кока-колы. Впрочем, трудно его винить — кто же знал, что шлепы научились делать настоящие мины…

А Чарли не пропустил. Я шел рядом с сержантом, всматриваясь в заросли по правую сторону тропинки, когда между нами с гулом пронеслась серая тень. Чарли раскинул руки и в немыслимой позе застыл над минами. Чудовищная карикатура на человека, одетого смеха ради в комбинезон десантника… Сержант взглянул на жестянки — и сразу все понял. Ленивой походочкой подошел к саперу и съездил ему по морде. Тот даже не возмутился, стоял, размазывая по лицу красные слюни.

— Погляди на этого кретина, парень, — обращаясь ко мне, произнес сержант. — Хоро-

шенько посмотри, в следующий рейд пойдем с другим. Скотина…

Он поправил автомат, обошел мины и зашагал по тропинке дальше первым. Сапер посмотрел на меня, словно ища сочувствия. Не нашел. Взлететь на воздух в первом же рейде из-за того, что сапер никуда не годится…

Чарли нам всучили на базе, перед самым выходом в джунгли. Парни из центральной лаборатории уже с ума сходили — никто не хотел брать с собой стокилограммовую железяку, вдобавок стоящую семь миллионов. Чарли безмолвно стоял у стены, похожий на манекен из магазина одежды. Кто-то сунул ему в «рот» сигарету, другой остряк прицепил табличку: «Ищу работу». Смешно, правда? У нас на базе все ребята не промах… Так вот, стоял этот Чарли, и стоять бы ему еще до скончания века, если бы не наш сержант. Походил вокруг, спросил:

— Ну и что он умеет?

Сопровождающие оживились:

— Это универсальный защитный робот. Последняя модель…

— С автоматом обращаться умеет?

Те переглянулись:

— Конечно, нет. Вы же знаете первый закон робототехники: «Робот не может причинить вреда человеку…»

— Слыхал что-то.

Сержант толкнул Чарли в то место, которое у людей называется плечом. Робот даже не дрогнул. И сержант кивнул:

— Хорошо. Возьму я вашу машину. Проверим в деле.

…И Чарли не подвел. Трижды находил отравленные источники, помог навести переправу через горную речку. Тащил половину всего снаряжения. Только говорить не умел — а так десантник хоть куда. Теперь еще и мины…

Шлепы не строят больших селений. И в этом было всего три хижины. Мы пролежали в засаде до утра, не двигаясь, не отгоняя комаров, распухшие, злые и голодные. Я с завистью поглядывал на Чарли. В этих местах быть железным совсем не плохо… Правда, есть риск заржаветь… В джунглях царила мертвая тишина, над хижинами дрожал влажный горячий воздух. Может, там и нет никого? Но сержант ждал. И вот в одной из хижин послышался шум. Циновка с двери откинулась, и показался шлеповский мальчишка. Огляделся и пошел к ручью, размахивая тыквенным кувшином. Я посмотрел на сержанта, но его на месте уже не было. Мы с сапером ждали. Наконец еле слышно хрустнула ветка, появился сержант с шлепом через плечо. Бросил его на землю, присел, спросил что-то по-шлеповски. Пацан тихонько забормотал в ответ. Шлеп-шлеп… Дикари, одним словом. Что с них возьмешь, даже гово-

рить толком не научились. Сержант, больше не таясь, встал, потянулся:

— Пошли, ребята. Партизан там нет.

— А если соврал? — не выдержал я.

— Они врать не умеют. Или молчат, или шлепают всю правду.

Но оружие с предохранителя он все-таки снял. Следом за ним мы пошли к хижинам.

Из первой развалюхи сержант вытащил двух шлеповских девчонок. Довольно смазливых… Ладно, не до них сейчас. Во второй хижине никого не было. А в третьей целая орава — женщины, дети, дряхлый старик. Мы построили их в шеренгу, сапер сел перед шлепами с автоматом, а сержант все шарил по хижинам. Я достал разговорник, прочитал по-шлеповски: «Есть ли партизаны?» Они затараторили, я едва понял: «Нет». Перевернув страницу, я хотел было объяснить, что мы хотим есть и пить. Но тут сержант вынырнул из хижины. В руке он держал грязные листки бумаги с блеклым шрифтом.

— Обезьяны… Листовки Фронта прячете? Значит, и партизанам помогаете. Где бандиты? Где?

Он секунду всматривался в лица шлепов, затем схватил одну из женщин за руку, вытащил из ряда. Шлепы загалдели. У женщины под платьем выступал огромный живот, и я вспомнил, как они относятся к детям. Целая религия. Наш сержант знает, чем шлепов прищучить…

— Где партизаны? — очень спокойным голосом спросил сержант.

Женщина молчала.

— Так… — Он отступил на шаг и вдруг изо всех сил ударил женщину по лицу. Та беззвучно осела на землю. Шлепы завизжали.

Сапер побледнел, запинаясь, попросил:

— Пойдем отсюда, сержант. Ничего они не знают.

— Знают… — Сержант отвел ногу, словно собираясь пнуть женщину. Она скорчилась, закрыла руками живот. Сержант рассмеялся. — А не знают, так им хуже…

— Оставь, а то еще родит.

— Пускай. Знаешь, как смешно шлепы рожают? Молча, ни звука. Дикари… Где партизаны?

Женщина на земле даже не двигалась. Сержант выругался и снял автомат с плеча:

— Хорошо…

Мне стало не по себе, и я отвернулся. И тут же загрохотал автомат. Но странно загрохотал, словно пули бились о железную стену. Я обернулся.

Чарли стоял между сержантом и шлепкой, пули дырявили его комбинезон и рикошетировали в сторону. Сержант опустил автомат, обалдело повертел головой:

— Ах ты, болван железный… Они же не люди! Отойди!

Чарли не двигался. Стальная маска, заменяющая ему лицо, была, как всегда, бесстрастна. Сержант беспомощно огляделся:

— Вот дубина… Ладно.

Он неторопливо прицелился в остальных шлепов. Дети подняли крик.

— Всех не закроешь. Болван железный…

«Робот не может причинить вреда человеку или допустить такой вред своим бездействием». Если бы мы знали, что Чарли намерен применить к шлепам обе половины Первого закона. Если бы знали, что он снабжен лазерной пушкой…

Что-то щелкнуло, что-то вспыхнуло. Сержант повалился на траву, а автомат впервые выпал из его рук. Он хрипел, на губах у него пузырилась пена, а мы с сапером стояли как вкопанные. Чужое голубоватое солнце жарило в небе, и шлепы разбегались в разные стороны.

Обратно мы бы без Чарли не дошли. Он запомнил маршрут и теперь вел нас на базу. Находил источники, наводил переправы…

На базе техники разобрали его до последнего винтика. А потом клялись, что лазерный излучатель предназначен для уничтожения хищных зверей, что робот в полном порядке и не может, ну просто никак не может убить человека…

КАТЕГОРИЯ «ЗЕТ»

Они шли к нам по мокрым от дождя плитам космодрома. Двое впереди, в медленно плывущем луче прожектора, трое чуть в стороне. Я стоял в проеме люка, и резкий порыв ветра хлестнул дождевыми струями. Ощущение было таким, словно меня окатили ведром холодной воды. Мерзкая планета… Передние двое стали подниматься по решетчатым ступеням трапа. Не заходя в корабль, высокий офицер в глянцево-черном комбинезоне с алой нашивкой на рукаве долго изучал мое лицо. Потом вытянулся и отчеканил:

— Из рук в руки, исполняя долг.

Я кивнул и тоже встал смирно:

— Из рук в руки. Долг исполню.

Офицер протянул мне маленький чемоданчик:

— Его вещи.

— А документы?

— Зачем? Категория «зет».

Он склонился над своим спутником. Ловким движением снял наручники, сковывающие

их вместе. С некоторым удивлением я увидел, что это мальчишка. Лет двенадцати-тринадцати, не старше. Офицер поправил мальчишке капюшон, закрывающий лицо, сказал, чуть помедлив:

— Счастливого пути, малыш! Не скучай!

Крутнулся на каблуках и быстро сбежал вниз, даже не взглянув на меня. Я пожал плечами и повернулся к мальчишке. На меня смотрели веселые темные глаза.

— Теперь вы будете со мной?

Черт возьми, конвоир я или охранник? Я посмотрел на молчаливые фигуры, мокнущие под дождем. Конвоир.

— Нет. Это ты будешь со мной.

Люк заварил боевой робот. Теперь служебные помещения корабля, где остались капитан и навигатор, отделены от жилого яруса. Робот замер возле заваренного люка — две тонны металла и тупой спрессованной энергии. Что бы ни случилось со мной, Дэниэль Линк не покинет корабль.

Я в последний раз включил видеофон, посмотрел в жесткое морщинистое лицо капитана. Он кивнул мне:

— Будь осторожен. Категория «зет» — это не шутка. Мы постараемся ускорить перелет. Недели две, не больше.

Я видел — ему мучительно хочется подбодрить меня. Но он давно разучился это делать. И я улыбнулся, разрывая паузу:

— До встречи на Земле.

— До встречи.

Экран погас. Я отошел на несколько шагов, достал предписанный инструкцией лайтинг. Белая вспышка — и компьютерный терминал с видеофоном превращаются в груду оплавленного металла. Из угла с растерянным гудением вылезла полусфера киберуборщика. Все. До самой Земли я перестаю быть членом экипажа «Антареса». Дэниэль Линк, категория «зет» станет моей судьбой.

…Жилой ярус невелик. Три каюты, столовая, комната отдыха, маленькая оранжерея, пузырем выступающая над броней корабля. Я прошел по коридорам, собирая те немногие инструменты, что здесь нашлись. Отвертки, тестеры, щупы, ультразвуковой резак — все острое и тяжелое… Я сбросил эту груду металла в жадно раскрытый люк утилизатора. Подумал и отправил туда же лазерный дальномер. Его луч не смертелен, но может ослепить.

По короткому и узкому коридору я пошел к своей каюте. Постоял секунду, потом открыл дверь.

Дэниэль сидел на кровати. Он уже успел переодеться — на нем был синий спортивный

костюм, а мокрая куртка висела в шкафу. На столе лежали тонкие книжки в разноцветных обложках. Я взял одну — это оказались комиксы. Почувствовав тепло руки, жидкокристаллический рисунок ожил. Обвешанный оружием космодесантник мужественно усмехнулся, вскинул деструктор — армейскую модель, совершенно неподъемную. Ствол деструктора слегка выступил над обложкой. Эффектно… Мальчишка молча смотрел на меня. Я откинул вторую койку:

— Будешь спать здесь.

— Хорошо.

— Без моего разрешения ты не должен выходить из каюты. Желтая дверь — туалет, голубая — душ.

— Я знаю. А мы долго будем лететь?

— Пока не прилетим.

Я взглянул на часы:

— Старт через полчаса, необходимо лечь и пристегнуться…

— Я знаю.

— Еще через полчаса — обед. Столовая направо, в конце коридора.

Дэниэль только кивнул в ответ. Похоже, он немного испугался моего тона — его лицо побледнело. На секунду мне стало жаль этого мальчишку, не понимающего, в чем его вина. Дэниэль смотрел на меня со слабой надеждой — похоже, он ждал, что я улыбнусь или скажу ему что-нибудь ласковое. Я заставил себя отвернуться и вышел из каюты. Категория «зет». Дэниэль Линк представляет потенциальную угрозу для человечества.

Мы летели вдали от пассажирских трасс. Война с Лотаном в полном разгаре, и вражеские патрули охотились за такими беззащитными скорлупками, как наш «Антарес». Лишь безвыходная ситуация могла заставить офицеров Службы безопасности Десантного Корпуса использовать нашу посудину для пересылки арестованного. Дни тянулись за днями, неотличимые друг от друга. Утром, когда Дэниэль еще спал, я выходил в оранжерею и пытался определить наши координаты по рисунку созвездий. Отсюда, из двадцатиметрового стеклянного купола, заросшего цветами и самой прозаической картошкой, был прекрасный обзор. Потом мы завтракали, убирали посуду (само собой вышло так, что мы начали делать это по очереди). До обеда я сидел в комнате отдыха и листал старые номера «Космического вестника». Впрочем, после обеда я делал то же самое… А Дэниэль сидел в каюте. Он вообще старался не попадаться мне на глаза. Наводил порядок (а на «Антаресе», где два-три раза в сутки отключалась гравитация, это непросто). Умело пользовался душем, как опытный астронавт, дежурил на кухне. Скоро я понял, что он привык к жизни на кораблях. Привык настолько, что я даже боялся предположить, сколько уже длится его путь к Земле. Да и не нужно

мне этого знать. Случай занес Дэниэля Линка в категорию «зет», случай привел на наш корабль, случай сделал меня конвоиром. На Земле я передам его красношевронникам и постараюсь забыть.

В тот день я опоздал на обед. Я плохо спал ночью, часто просыпался, вслушивался в дыхание Дэниэля. Мне казалось, что он лишь притворяется спящим… Ну не может же человек из категории «зет» вести себя как все! Нормальность Дэниэля была подозрительной… Но ничего в ту ночь не произошло. Зато я не выспался и ухитрился по-стариковски задремать в кресле.

Дэниэль уже два раза опаздывал к обеду. И оба раза оставался голодным — выждав положенные двадцать минут, я вываливал его порцию в утилизатор. Теперь у него была возможность расквитаться…

Я вошел в столовую и сразу увидел Дэниэля. Он читал, сидя у стола. Молча поднялся и стал доставать из термошкафа тарелки. Стараясь не смотреть ему в глаза, я сел на свое место.

— Вы будете сок?

— Да, спасибо.

Я крутил в руках ложку, которой предстояло есть бифштекс. Вилки я выбросил в первый день полета, о чем сейчас ужасно жалел. Дэниэль поставил передо мной высокий стакан с густооранжевым апельсиновым соком…

В следующую секунду корабль тряхнуло, мальчишку бросило в угол. Совершенно автоматически я ухватился за настенные фиксаторы. Пол медленно вздыбился, превращаясь в стену, и снова встал на место. Грибной суп, бифштекс и апельсиновый сок смешались на моей рубашке в невиданную кулинарами кашу. Я попытался отряхнуться, потом посмотрел на Дэниэля. Он сидел в углу, держа на весу правую ладонь. Рука у него была в крови.

— Дэнни! — В полной растерянности я наклонился над ним. — Что случилось?

— Бокал разбился… — Он беззвучно плакал. — Этот чертов бокал разбился. Я так и думал, когда падал, что порежусь…

— Но это невозможно… На корабле нет бьющейся посуды!

Он лишь всхлипнул, и я пришел в себя. Промыл ему руку, осмотрел порезы — они оказались неглубокими, перебинтовал. Дэниэль как-то весь обмяк, у него разболелась голова. Я помог ему дойти до каюты, затем вернулся в столовую. На полу действительно лежали остатки бокала. Что за чушь? Я взял один из осколков, подсунул под ножку стола, надавил… С таким же успехом можно ломать кусок резины. Этот сорт стекла просто гнется от удара.

Я постоял, глядя на суетящегося киберуборщика. Потом открыл холодильник. Надо накормить Дэнни, да и мне хотелось есть…

К вечеру Дэниэль стал таким, как обычно. Хотя нет. Он стал таким, как в первый день

на «Антаресе». Робко улыбнулся мне и попросил сыграть с ним в шахматы. Почему-то я не захотел отказываться. Наверное, мне стало его жалко.

Играл он плохо. Похоже, основными его партнерами были киберпрограммы, а это всегда накладывает отпечаток на манеру игры. Я легко выиграл первую партию, а вторую, презирая себя за слюнтяйство, откровенно отдал. Но Дэниэль этого не понял. Собирая фигуры, он прямо-таки светился от радости. Глядя на него, и я начал улыбаться. И что в нем нашли люди Службы? Обычный пацан, ничего примечательного… Зря я так жестко за него взялся…

Дэниэль убрал шахматы и нерешительно посмотрел на меня. Ему явно хотелось что-то спросить.

— О чем задумался, Дэнни? — не выдержал я.

— Этот толчок… Отчего он случился?

Я пожал плечами:

— Здесь полно метеоритов. Корабль совершил маневр, вот и все.

— А это опасно?

— Ну, если даст по реактору… В лучшем случае потеряем ход, в худшем…

— И это может случиться?

— В любой момент, — со вздохом сказал я. Разумеется, здорово преувеличивая. Защитные поля в состоянии отклонить большую часть метеоритов. Но Дэниэль принял мои слова всерьез. Он о чем-то задумался. А я не удержался и спросил:

— Дэниэль, почему тебя отправили на Землю?

Он скорчил смешную гримасу:

— Я не знаю.

Наверное, это было правдой. Я не успел подумать. Мигнув, погасло освещение, и одновременно на корабль обрушился удар, в сравнении с которым дневной толчок был абсолютно безобидным. Меня подбросило, и что-то огромное и плоское ударило по спине. Я еще успел сообразить, что это потолок, и потерял сознание…

Лампы светили вполнакала — явно от аварийного генератора. Но даже в таком свете лицо Дэниэля было белым как снег. Не представляю, как он сумел подтащить меня к кондиционеру — хотя гравитация и упала наполовину, его шатало при каждом шаге. Как бы там ни было, струя холодного воздуха привела меня в чувство. Я попытался подмигнуть Дэнни и довольно легко поднялся.

— Воздух есть, гравитация, свет тоже… Значит, ничего страшного. Не реви!

Он действительно расплакался.

— Я боялся, что вы умерли…

— Не совсем.

Я толкнул дверь. В коридоре тоже горел аварийный свет. Что ж, видеофон и терминал я уничтожил, как и полагается по инструкции «зет». Но остался еще робот…

Он по-прежнему заслонял собой закрытый люк. Абсолютно невредимый, как и положено такой машине.

— Стоять!

Без интонаций, без эмоций. Я понимал, что повиноваться мне он не будет. Боевой робот выполняет свою программу, его не переспоришь. Но все-таки…

— Связь с рубкой! Обеспечь связь!

Казалось, выставивший манипуляторы черный шар задумался.

— Невозможно. Связи нет.

— Почему?

— В связи с отсутствием рубки.

— Она разрушена?

— Нет, рубка катапультирована.

Таким же тоном робот мог сообщить температуру воздуха. Нет у роботов эмоций. Но я-то не робот… Моя рука медленно легла на рукоять лайтинга. Довольно оригинальный вид самоубийства — поднять оружие на боевого робота. Но тут я увидел Дэнни. Через секунду я вспомнил и про свой долг. Но остановили меня его глаза…

Пока мы шли к оранжерее, я еще на что-то надеялся. Чисто по привычке. Мне слишком хорошо известно, в каких случаях катапультируют рубку.

Стеклянный купол был залит тусклым багровым светом, пробивающимся откуда-то снаружи. Внутреннее освещение оранжереи не работало, и казалось, мы стоим в самом обыкновенном лесу и смотрим на заходящее солнце. Только это было не солнце…

Двигательный блок «Антареса», ребристый двадцатиметровый цилиндр с растопыренными стабилизаторами, раскалился уже докрасна.

Я вернулся к Дэниэлю и сел рядом. В куполе было прохладно, журчал дистиллированной водичкой родничок. Дрожащие на листве деревьев красные отсветы казались совсем не страшными. Я не испытывал даже обиды на капитана и навигатора. Если они покинули корабль, значит, шансов заглушить реактор уже не было. Судьба…

— Что это за свет? — вдруг спросил Дэниэль.

— Реактор, — не подумав, ответил я. Дэнни вскинул голову, лицо его напряглось.

— Мы взорвемся?

Я взял его за руку, уверенно заявил:

— Нет, что ты. Мы не взорвемся. Просто полет затягивается.

Не люблю врать. Но сейчас мне придется пробыть лжецом всего две-три минуты. Дэнни, кажется, поверил, расслабился. Его тонкие пальцы доверчиво замерли в моих ладонях. Я закрыл глаза… Лопнет, будто бумажный, титановый кожух, и сжатая полем плазма вырвется наружу. Сейчас… Мною вдруг овладела безумная жажда жизни. Где угодно, как угодно, но жить! Я почувствовал, как люблю этот мир, Землю, звезду Антарес, где родился, корабль «Антарес», на котором летал, девчонку с двенадцатой базы, обещавшую подумать до моего возвращения, офицеров Службы, лотанских солдат, Дэниэля Линка, категорию «зет»…

— Не хочу! Не надо!

Дэнни шарахнулся от моего крика и растянулся на клумбе с цветами. Я открыл глаза, закрыл, открыл снова. В куполе было темно. Реактор заглох.

Корабль, вернее, его остатки продолжали лететь. Куда? Звезды медленно проплывали в овале иллюминатора, сменяли друг друга созвездия — «Антарес» беспорядочно вращался.

Потерял ориентацию не только корабль. Потерял ее и я. Я делал то, что запрещено инструкцией «зет». Я думал.

Чем мог угрожать Земле Дэниэль Линк? Запретной информацией, которую он случайно узнал? Нет. В таких случаях все кончается на месте. Он мог шпионить в пользу Лотана… Чушь. В таких случаях тоже не церемонятся.

Я думал о Дэниэле, словно это было самым важным в нашей ситуации. Вот уже девять дней, как «Антарес», лишенный хода и управления, дрейфовал в космосе. И каждый день уменьшал наши шансы.

Свет в каюте был выключен. Лишь над кроватью Дэниэля горела лампа — он, как обычно, читал какую-то книгу. Пользуясь тем, что вокруг меня лежала полутьма, я внимательно разглядывал Дэниэля. Чем он мог угрожать Земле?

Двенадцать лет. Жил на одной из дальних аграрных планет. Слабенького здоровья — после катастрофы несколько дней провалялся в постели. Что в нем могло привлечь внимание Службы? Что-нибудь абсолютно фантастическое. Например, способность предсказывать будущее…

С минуту я обдумывал эту идею. Почему-то вспомнилась фраза Дэниэля: «Я так и думал, что порежусь». Но, с другой стороны, он давно должен был обнаружить свои способности. А Дэниэль ничем себя не выдает, словно бы и не знает о них… Я вдруг ощутил какую-то, еще неясную, зацепку. В каких случаях человек может не замечать своих собственных возможностей?

В случае, если проявления этих возможностей для человека вполне обыденны, реальны. Так, например, как для Дэниэля, подогретого моей болтовней, было реально попадание метеорита в реактор.

Я почувствовал, как на лице у меня выступает холодный пот. Дэниэль Линк, категория «зет»… Вот в чем твоя вина и твоя опасность. Весь наш мир, надежный и неизменный мир, бессилен перед тобой. Тебе достаточно лишь поверить, и небьющееся стекло разобьется, защитное поле не сможет отклонить метеорит, а пошедший вразнос реактор остановится… А где предел твоей веры? Гаснущие звезды? Рассыпающиеся в пыль планеты?

Я потянулся к поясу. Но так и не взял лайтинг. Глупо, ведь сейчас мне ничего не угрожает. Да и оружие врага сильнее. Дэниэль владел тем, против чего пистолет бессилен. Он владел чудом. Но лишь чудо могло нас спасти…

— Дэнни!

Он вздрогнул — так ласково позвал я его.

— Завтра утром к нам прилетит спасательный корабль.

— Правда?

— Конечно. Робот наладил с ним связь.

— Здорово! — Дэниэль и вправду обрадовался.

— Завтра в двенадцать часов.

Я сказал это самым небрежным тоном. Дэниэль кивнул. Потер лоб и вдруг отложил книгу. С минуту сидел, глядя перед собой, потом растянулся на кровати.

— Дэнни… ты что?

— Я так… сейчас пройдет. У меня бывало и раньше.

Его лицо побледнело. Знакомая картина. Похоже, что чудеса даются ему не даром и погасить звезду он может разве что ценой своей жизни…

Спасатели пришли ровно в двенадцать. Стоя в переходном тамбуре, я видел, как проступает на стене огненно-алый круг — автоматы вырезали отверстие для выхода. Я посмотрел на Дэниэля. Он улыбался. Я отвел глаза. Мне не хотелось думать о том, что ждет его на Земле. Об исследовательских лабораториях Службы ходили страшные легенды. Но, в конце концов, я просто выполняю долг.

С чавкающим звуком из стены вывалился круглый кусок. И почти мгновенно в отверстие вошли двое в черных скафандрах.

— Лейтенант Харвей? Дэниэль Линк? Следуйте за нами.

В длинной трубе переходника была небольшая гравитация. Мягкие гофрированные стены раскачивались от шагов, но идти было удобно. Один из офицеров остановился, кивнул мне:

— Сюда.

Сбоку открылся люк. Второй офицер Службы, держа Дэниэля за руку, продолжал идти.

Дэниэль обернулся:

— До свидания!

В груди защемило. Я кивнул.

— Ты мне очень понравился, лейтенант! Ты добрый!

Я шагнул в люк, сомкнувшийся за спиной. И замер. Цветные пятна поплыли в глазах, закружилась голова. Словно я падал с высоты, не ощущая своего тела… Через секунду это прошло.

— Скажите, лейтенант, вы поняли, каковы… э-э… особенности Дэниэля?

Офицер смотрел на меня не отрываясь. В его глазах плавало отражение черного мундира Службы. Откуда оно? Впрочем, это мой мундир. Ведь я надел форму Службы, согласившись стать тюремщиком.

— Если бы я не понял, вы никогда не стали бы искать нас в этом районе.

— Да, решение было неожиданным. Мы считали, что корабль погиб.

Он рассматривал меня с интересом. Почти профессиональным…

— Мне бы очень хотелось знать, — растягивая губы в улыбке, сказал я, — что будет с Дэниэлем?

— Его постараются убедить, что Лотанская федерация погибла, — неожиданно охотно ответил он.

— Но Дэнни не сможет этого сделать! Он слабеет после каждого чуда!

Офицер посмотрел на меня с любопытством:

— Даже так? Дэнни? — Он сокрушенно покачал головой и отчеканил: — Дэнни сможет. Его как раз хватит на звездную систему.

Так говорят о чем-то неодушевленном. О запасе топлива и патронов в обойме. А офицер снова заговорил:

— Недаром мальчик так трогательно с вами прощался…

— Недаром, — оборвал я его. — А вы никогда не задумывались, что все мы понимаем доброту по-разному?

Рука офицера метнулась к бедру. Слишком поздно. Заряд лайтинга отбросил его в угол.

Я прыгнул назад. Люк не поддавался. Приставив ствол к пластине электронного замка, я выстрелил еще раз, навалился плечом. Спасательный корабль невелик, людей Службы здесь немного. Дэнни не могли увести далеко, я догоню их и…

Его никуда не увели. Он лежал сразу за люком, на мягком коридорном полу, и, увидев его лицо, я все понял. Растерянный офицер суетился вокруг, даже не обратив на меня внимания. А я стоял, опустив оружие, и в мозгу билось: «Как раз хватит на звездную систему» и «Ты добрый!» Никогда не думал, что это действительно соизмеримо.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

Герольды протрубили второй раз, и мы бросились друг к другу. Ноги вязли в песке, колючем от обломков мечей и красном от пролитой крови. Наши убитые лошади неподвижными грудами замерли в стороне. Зрители на трибунах ревели, размахивали флагами — белыми и оранжевыми. Белых было больше, и я с ожесточением выхватил меч. Держись, Белый Рыцарь…

Мы рубились уже второй час. Боль во всем теле успела стать привычной, легкие стальные доспехи, казалось, превратились в свинцовые, а беспощадное солнце упрямо висело в зените. Наш поединок не остановит ничто.

Вжик! Я слишком задумался и едва успел наклониться. Оранжевые перья с моего плюмажа плавно заскользили вниз, подсеченные его клинком. Видимо, вложив в удар последние силы, он опустил клинок, пробормотал, задыхаясь:

— Может, хватит? Так мы ничего не решим…

Я посмотрел на королевскую ложу, где неподвижно замерло лицо Прекрасной Дамы — надменное и непреклонное. Стадион затих, словно вслушиваясь в наши слова. Я покачал головой, перехватывая рукоятку меча поудобнее:

— Защищайся…

Он с воплем вскинул меч. Я тоже. Клинки столкнулись, и его меч, непобедимый, волшебный меч, рассыпался в пыль. Лицо соперника побледнело. Мужественный загар сползал с него на глазах. Прикрывая руками голову, он забормотал:

— Это нечестно, это колдовство… Поединок запрещает такие вещи…

Прекрасная Дама чуть заметно улыбнулась. Я рассмеялся:

— Ты сам виноват. Наложил на меч слишком много заклятий, вот он и рассыпался. Но…

Я отбросил свой меч.

— Если ты хочешь, то переиграем поединок.

С плохо скрываемым облегчением он кивнул, запустил руку за пластины доспехов, вытащил пластмассовый кубик модулятора. Искоса взглянув на меня, сказал:

— Учти, твой поступок ни к чему меня не обязывает.

Я не стал спорить. Ко мне вдруг пришла уверенность в победе, спокойная, твердая уверенность…

Мой соперник наконец-то выбрал одну из граней модулятора, прикоснулся к ней. С легким шумом стали рассыпаться трибуны стадиона, рыцарский замок вдали, холмы, поросшие

густым лесом. Потом погасло солнце — словно задули свечу. И наступила темнота.

Звезда ползла по небу слишком быстро. И самое главное — изменяла направление полета, а уж этого не способен сделать ни один метеорит. Опустив гермошлем, я вышел в шлюзовую камеру. Через несколько секунд насосы откачали воздух, и я вышел на поверхность астероида. Оглянулся на оставленный мною купол — такой надежный и безопасный, такой уютный… И побежал по черной базальтовой равнине к полю космодрома.

Космоперехватчик был уже подготовлен к полету — автоматы залили в него горючее и прогрели двигатели. Он стоял на взлетной площадке, похожий на старинный истребитель, грациозный, серебристый, несущий смертельную красоту оружия. Я вспрыгнул на опоры, открыл люк, взглянул на ползущую по небу белую звездочку. Держись, белая звездочка…

Первые минуты боя не принесли удачи ни мне, ни ему. Да, я всадил торпеду в правый двигатель его новенького корабля. Но соперник смог пережечь мне лазерным лучом блоки ориентации, и я вел теперь истребитель почти вслепую. Не знаю, чем бы все это кончилось, не соверши он непростительнейшей оплошности: для лучшего прицеливания соперник снял со своего корабля защитное поле. Этот шанс я не упустил. Двигатели моего верного перехватчика показали все, на что были способны, — корабль соперника вырастал на глазах. Только не подумайте, что я шел на таран, вовсе нет, я не самоубийца. В последнюю секунду я затормозил, гравиприсоски сблизили нас вплотную, и абордажные автоматы выжгли в его броне люк. Выхватив бластер, я протиснулся в еще горячее отверстие. Мы сойдемся лицом к лицу, пилот…

Услышав мои шаги, он вскочил из-за пульта. Но я выстрелил первым, и бластер в его руке разлетелся горячими брызгами.

— Тебе не пройти к ней, — наслаждаясь своим торжеством, сказал я. — Стоило бы тебя прикончить, да ладно. Ты и так проиграл

— Нет, — тихо ответил он, и я заметил в его пальцах модулятор. Не колеблясь ни секунды, я нажал на спуск. Но он уже включил переигровку. Бластер исчез из моих рук, стальные стены корабля начали таять. Еще мгновение — и пришла темнота.

Мой удар бросил его на журнальный столик. Зазвенели бьющиеся бокалы, зачмокала вытекающая из опрокинутой бутылки жидкость. Я подул на кулак и огляделся. Небольшая, довольно уютная комната. В углу работает телевизор, за окном — рекламные огни какого-то города. А у дверей, молча наблюдая за нами, стояла Она. Я подошел и взял ее за руку.

— Тебе лучше было бы подождать внизу. Но, впрочем, мы уже поговорили.

— Нет, нет… — забормотал он, роясь в кармане. Но тут заговорила Она.

— Действительно, мальчики, хватит.

Очень медленно соперник поднялся с пола. Беспомощно улыбнувшись, выключил модулятор. И темнота упала на нас в последний раз.

Мы были в модуляционной комнате городского семейного центра. Я и Он — в креслах, с надвинутыми на лица гипношлемами. Она стояла у окна. И, увидев ее взгляд, я понял, что победил. Снял шлем, подошел к сопернику. С невольной жалостью похлопал его по плечу:

— Вставай.

Он вылез из глубокого, как пропасть, кресла, стараясь не смотреть ни на нее, ни на экран, где только что проецировался наш поединок. Выдавил из себя:

— Пусть у вас все будет хорошо… Желаю счастья…

Ничего не ответив, мы вышли из комнаты. Она крепко держала меня за руку, и я чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

— Ты… такой смелый. Такой сильный… — Ее голос задрожал. — Я так рада.

Мы шли по улице, а вокруг нас кипела привычная жизнь двадцать первого века. Автоматические такси осторожно объезжали нас, когда мы переходили улицу, двери магазинов услужливо открывались, стоило лишь к ним приблизиться. Потом мы сели в электроллер и поехали домой. Я стоял, небрежно держась за поручни, непоколебимый, как скала, лишь чуть-чуть покачиваясь от толчков машины, уверенный в себе, как древний рыцарь, как космодесантник двадцать первого века, как горожанин двадцатого. Она доверчиво держалась за мое плечо. Когда мы подъезжали, сказала:

— У меня с ним ничего и не было. Правда.

— Я верю, — прошептал я. — Но поговорить с ним по-мужски было все-таки необходимо.

СПИРАЛЬ ВРЕМЕНИ

Спираль времени была собрана во вторник, поздно вечером. Она была очень красивой — вся из голубого полупрозрачного тумана, с двумя дрожащими красными огоньками внутри. И размеры получились совсем небольшие — в кулаке можно спрятать.

Семен Иванович еще раз оглядел спираль, посмотрел ее на свет — нет ли трещинки во времени? — потом отложил в сторонку. С удивлением заметил, как подрагивают руки — то ли от волнения, то ли от старости. Посидел немного, уже совсем было решил пойти заварить чай, но вдруг передумал и взял спираль в руки. Все-таки здорово получилось. Если всмотреться, то можно было заметить, как на одном конце спирали лохматые неуклюжие мамон-

ты удирают от таких же косматых, но не в пример более ловких неандертальцев. А на другом конце хрустально отблескивали крыши невиданных дворцов, юные и красивые люди склонялись над умными книгами…

Вздохнув, Семен Иванович стал совмещать огоньки на спирали времени. Управление было упрощено до предела: достаточно было совместить настоящее время со временем желаемым, чтобы спираль заработала.

Но перед тем, как огоньки совместились, Семен Иванович на секунду остановился. Казалось, что он колеблется.

Посмотрел в потолок, пробормотал:

— Ведь предупреждал же я тебя.

Потолок безмолвствовал, и Семен Иванович уже потверже докончил:

— Нет, раз решил, значит, так тому и быть!

Воровато оглянувшись, как будто в комнате мог быть кто-то еще, он взял из ящика с инструментами горсть мелких гвоздей, положил в карман. А потом твердыми пальцами свел два огонька в один.

Мир задрожал, заискрился цветным туманом. Со стола исчезли все приборы, вместо телевизора на нем оказался древний ламповый приемник, модная финская кровать превратилась в железную, панцирную. Из-за полуоткрытой двери послышался визгливый голос:

— Прохор Кузьмич, а Прохор Кузьмич! Семка-то опять к своей тощей дуре на свидание пошел! И как ему денег не жалко по кино таких водить!

Глаза Семена Ивановича засверкали. Вот она, его молодость! Родная коммуналка, одинокая юность, когда он еще не мог постоять за себя. Вот он, источник всех его изобретательских стараний!

Ждать ему пришлось недолго. Когда и сосед, и соседка на минуту вышли из кухни, он вьюном, с вернувшейся ловкостью, нырнул туда. С наслаждением, которое трудно передать словами, подошел к плите и высыпал в суп Прохора Кузьмича пригоршню гвоздей.

Подумал и добавил в компот соседке полпачки соли. Потом достал спираль и вернул огоньки на место.

…Вот уже час Семен Иванович мирно спал в кровати, модной, финской, из темного неотполированного дерева. Время от времени он повторял сквозь сон:

— Говорил же я, выключай за собой свет, а то и через тридцать лет найду…

А забытая спираль времени дремала в уголке стола. На одном ее конце гудела земля под ногами мамонтов и неандертальцев. На другом… Эх, если бы можно было знать, кто там, под хрустальными куполами невиданных дворцов, в этом далеком и прекрасном зав-

тра…

ПРОФЕССИОНАЛ

У меня прекрасная работа. Самая лучшая в мире, тут меня никто не переубедит. Впрочем, никто и не будет спорить…

Мы сидели на склоне холма. Жаркое июньское солнце гладило нас своими ласковыми лучами, ветерок нес целое море запахов. Мятлик пах легко и едва уловимо, полынь взрывалась горькой, звенящей нотой, ромашки разливали в воздухе сладкий, спокойный аромат.

— Как это чудесно, Рич… — еле слышно сказала девушка. Она запрокинула голову, подставляя лицо солнцу. На бледной бескровной коже впервые за весь день появился робкий румянец.

— Что чудесного-то, — грубовато ответил я. Всегда, когда приходится разговаривать с такими красивыми девушками, пусть даже и горожанками, я начинаю хамить. Это от смущения, наверное. У нас тут девчонок мало, я за свои двадцать лет видел не больше десятка.

— Как что?! — искренне удивилась она. — Этот воздух… такой сладкий и чистый. Я, наверное, могла бы питаться только этим воздухом…

— Насчет питания это вы зря, — немного обиделся я. — Сейчас придем домой, мама закатит для вас настоящий пир. Братишка наловил рыбы, будет уха. Па вчера подстрелил оленя…

— Оленя? Это тот забавный зверек, что прыгает по деревьям?

— Это белка! — захохотал я. — Олень — это совсем другое!

Девушка смутилась. Мне даже стало немного стыдно своего смеха. Конечно, откуда она знает, что такое олень…

— Знаешь, Рич, — словно отвечая на мои мысли, проговорила девушка. — У нас, в Городе, кроме крыс, ничего живого не осталось. Да еще люди, пожалуй. Мы еще выносливее…

Она замолчала. Я знал, какие картины проносятся сейчас в ее памяти. Мрачный, затянутый смогом Город. Прохожие в респираторах, одиноко бредущие по покрытому грязью тротуару. Автомобильные колонны, стелющие сизый вонючий дым. Едкий дождик, накрапывающий с неба. Покрытые корками окислов стекла в окнах. Уродливые детишки, играющие во дворах, — без всяких респираторов, они уже приспособились к такому миру…

— Я и не знала, что еще сохранились такие чудесные места, как здесь. Леса, горы…

— Тс-с-с! — Я привстал, скидывая с плеча карабин. Из леса вышел олень — прекрасный огромный олень с хищно раскрытой пастью, вздыбленной черной шерстью, нервно сте-

гающим по спине хвостом. Я поймал его в прорезь прицела…

Маленькая уютная студия телецентра казалась нереальной после сказочного лесного мира. Техники торопливо снимали с меня датчики, сматывали толстые жгуты проводов. Подошел режиссер, молча развел руками.

— Ну, Ричард. Ну, малыш. Такого фильма ты еще не придумывал!

— Плохо? — испуганно переспросил я. У меня не были заплачены счета за кислород, за бытовую и питьевую воду. Если режиссер не примет мыслефильм…

— Замечательно! Великолепно! Сделаем целый сериал про этих героев!

Мне помогли встать с кушетки. Техники с уважением поглядывали на меня — как-никак знаменитый мыслеоператор, автор десятка увлекательных телесериалов. Не каждый может так ярко представить свои фантазии, что на экране они покажутся настоящими…

— И как ты это придумываешь? — Режиссер взял меня за руку, повел к выходу. — Этот лес… Оленя… Олень как живой вышел, у меня аж мороз по коже пошел. Только, по-моему, они были с рогами…

— С рогами были волки, — объяснил я. — Они ими от оленей защищались. А придумываю я мало, просто читаю старые книги и пытаюсь их представить…

— Возьми мой противогаз, — заботливо сказал у двери режиссер. — Ветер с южных заводов…

— Добегу, мне близко…

Дверь плотно закрылась за мной, и я оказался на улице. Лицо плотно обхватывал респиратор, в кармане лежали заработанные сегодня хлебные карточки и талоны на сахар. По улице плыли волны кисловатого смога. Действительно, ветер с южных заводов.

Одуревшая от голода крыса метнулась ко мне по скользкому от отбросов тротуару. Я встретил врага ударом ноги, сорвал с плеча арбалет, выстрелил. Поднял вздрагивающую крысу за голый розовый хвост. Увесистая, килограмма два будет.

— Мама сегодня закатит настоящий пир, — вполголоса пробормотал я. — У меня самая прекрасная в мире работа!

СОВПАДЕНИЕ

Почему меня вновь и вновь тянет сюда? Не знаю. В старину говорили — тянет на место преступления. Но ведь я не преступник. Или все-таки… Не знаю. Но каждый год, в сентябре, когда на деревьях желтеет листва, я беру отпуск, еду в космопорт, фрахтую яхту звездного класса и лечу к одиночной звезде КМ-15.

…Она находится почти ровно на середине пути от Земли к Лотану. Потому-то я вынырнул тогда из подпространства. Мне надоели яркие пластиковые стены, мне надоела серая муть в иллюминаторах. Я решил выйти в обычный космос. Тем более что и предлог для этого был подходящий — звезда, в районе которой я пролетал, почти не исследовалась.

Я устроился в пилотском кресле, пристегнул полтора десятка ремней и ремешков. Автоматы проверили исправность корабля, киберпилот снизил скорость до световой. И мгновенно давление гиперполя выбросило корабль в обычное пространство.

В тот миг я ничего не понял — экраны залила ослепительная вспышка, по приборам забегали красные огоньки. Потом все пришло в норму, лишь счетчик энергии показывал резкое снижение накопленной кораблем мощности. А так все было в порядке — черный пустынный космос, тускло-желтая звезда и астероидная муть, заменяющая ей планеты. Красиво. Но мне было не до красоты.

Я прокрутил пленку видеозаписи и включил замедленное воспроизведение. И увидел, как что-то округлое и блестящее тонет в пламени аннигиляции в какой-то тысяче километров по курсу корабля. Автоматы действовали строго по инструкции — заметив в момент выхода перед кораблем непонятное тело, уничтожили его. Иначе, врезавшись в него на околосветовой скорости…

Разумеется, окажись перед кораблем другой корабль, автоматы увели бы меня обратно в подпространство. Но то, что было перед нами, не походило на земные или лотанские звездолеты. Честно говоря, это мог быть просто астероид. Или какой-нибудь старый маяк, оставленный здесь людьми или пилигримами…

Но была и третья возможность. Инопланетный корабль, не значащийся в компьютерном каталоге. Тогда я становился пусть невольным, но убийцей.

Меня снова и снова тянет сюда. Я неделями кружу вокруг забытой Богом звезды. Иногда я почти верю, что стал причиной смерти разумных существ. Ведь серебристое тело, неясный контур которого сохранили кристаллики видеопленки, так похоже на звездолет… И весь вопрос лишь в том, как могли пересечься наши пути. Вероятность совпадения настолько ничтожна, что ее можно не принимать в расчет. Если чужак тоже вынырнул из подпространства полюбоваться на незнакомую звезду, то слишком уж невероятно наше появление в одном месте и в одно время. Разве что он летал вокруг звезды порядочный срок… Но что, что ему тут делать? Здесь нет ни планет, ни разума. Что же заставляло чужой звездолет кружить по смертельной орбите, ожидая моего появления? Что?

Мой отпуск кончается — увы, даже относительное время порой слишком реально. Близится к концу и поиск. Ничего интересного нет среди астероидов мертвой звезды. Это, наверное, был все-таки не корабль… Я устроился в пилотском кресле и пристегнул полтора десят-

ка ремней и ремешков. Автоматы начали проверку корабля. И в этот миг по экранам разлилась фиолетовая вспышка. Кто-то выходил из подпространства. Рядом, совсем рядом… Я положил руку на пульт, блокируя охраняющие системы. Быть может, чужак пройдет мимо. Но в глубине души я не верю в это. Час пришел, и пути пересеклись снова. Это — как расплата. Я знаю теперь, что тянуло инопланетчика к этой звезде, к мертвой красоте, застывшей в космосе. Совесть.

…Меня снова и снова тянет туда. Почему? В старину говорили — тянет на место преступления. Но ведь я не преступник. Или все-таки… Не знаю. Но каждое двоесолнцие, когда зеленый диск Большой звезды наплывает на ослепительную белую точку Малой, я отпочковываюсь от семейного дерева, втягиваю корни и качусь к далекому полю космодрома, чтобы вновь стартовать к одиночной звезде…

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ ГРУЗ

Энергия в бластере кончилась на последних метрах подъема. Тимур вложил пальцы в только что выжженное в скале углубление и подтянулся выше. Перчатки липли к раскаленному базальту, удушливый запах горелого пластика сжимал легкие, просачиваясь сквозь давно испорченные фильтры. Устроившись поудобнее, Тимур порылся в карманах. Запасных аккумуляторов не было, это он знал точно, но все же… Ненужный отныне бластер серебристой искоркой упал вниз. Облизывая губы, Тимур следил за его падением. Двести метров — от вершины скалы до густой багровой щетины джунглей. Не спасет и гравитация в две трети земной… Он посмотрел вверх. Над кромкой скалы — такой близкой, такой удобной и надежной — неслись низкие темно-синие тучи. Если начнется буря или хотя бы просто дождь, ему на скале не удержаться.

— Ну-ну, спокойно, — обращаясь к самому себе, прошептал Тимур. — Мы писали, мы писали… — Оставляя на камнях длинные гибкие нити, сплавленная перчатка высвободилась. — Наши пальчики устали. А теперь мы отдохнем… — Перчатка превратилась в неуклюжую клешню. Тимур стянул респиратор и зубами принялся сдергивать ее с руки. Голова мгновенно закружилась. Кислород, когда его так много, — это почти яд. Перчатка унеслась вслед за оружием, и Тимур поспешно надвинул респиратор на лицо. — И опять писать начне-е-ем!!!

Крик прокатился над джунглями и утонул во влажном воздухе. Пальцы мерзли на резком ветру.

— Пять метров, чушь… — Опьянение постепенно проходило. Тимур медленно изо-

гнулся. Надо опереться ногой о тот выступ… Если он выдержит его вес… а он обязан выдержать. Тимур не может не подняться — его ждет очень важный груз.

— Мы писали…

А ведь они действительно писали. Заявление о том, что в джунгли идут добровольно, и в случае гибели…

Выступ под ребристой подошвой ботинка неторопливо крошился. Распластавшись на стене, Тимур беспомощно шарил над головой руками. Держаться было не за что. Камень под ногой рассыпался в мелкую пыль. Джунгли призывно тянули к нему колючие, покрытые багровой листвой ветви. Отравленный воздух при каждом вздохе подтекал под плохо надетую маску.

— Спокойно…

Пальцы нащупали углубление. Совсем маленькое, в перчатке он даже не смог бы его нащупать. Вытянув из-за пояса нож, Тимур начал вбивать лезвие в узкую щель. Глубже, еще глубже… Выступ рассыпался окончательно, и Тимур повис на только что заклиненном в скале кинжале.

…А два дня назад, когда начальник базы сообщил им это задание, никто не принял его всерьез. Зевнув, направился к выходу Лейстер, буркнув вполголоса:

— В чем проблема-то… Сообщите координаты, через час доставим ученым их очень важный груз. Можем даже всю ракету привезти. Уверен, что дисколет ее подымет.

Начальник покачал головой.

— Упавшая в джунгли транспортная ракета перевозила особый груз, ребята. Это что-то вроде сверхчувствительных магнитных записей. Если приблизиться к ракете ближе чем на десять километров, наводки от работающего двигателя дисколета испортят запись.

Кто-то рассмеялся:

— А как же ее доставать? Может, планер построим?

— Не успеем, — вполне серьезно ответил начальник. — Через шестьдесят часов записи размагнитятся. Мы за этот срок ничего толкового сделать не сможем.

— Тогда можно сообщать научникам, что пропал их груз, — уверенно сказал Лейстер. — В другой раз не будут растяпами. А я пешком в джунгли не пойду.

Начальник постоял немного, словно ждал возражений лучшему десантнику базы. Потом сказал:

— Я не знаю точно, что за записи в ракете. Но меня просили показать вам эти снимки…

Он аккуратно положил на стол пачку фотографий.

— Что за черт…

Десантники окружили стол. С фотографий смотрели на них серьезные и улыбающиеся

мужские и женские, взрослые и детские лица.

— При чем здесь это?

— Если записи не будут доставлены на базу, погибнут тысячи людей. В том числе — и эти.

Лейстер осторожно взял оказавшуюся сверху фотографию.

— Джунгли в сезон дождей — не место для розыгрышей, шеф.

— Это не розыгрыш. Они поклялись в этом.

Лейстер расстегнул на куртке карман, опустил туда фотографию. Мелькнуло лицо — кудрявый светловолосый пацаненок на фоне земных, удивительно зеленых деревьев.

— Ракета весит три тонны, — сухо сказал Лейстер. — Записи наверняка килограммов сто. Как их доставить через джунгли?

— Всем, кто согласится идти, дадут ранец с портативной перезаписывающей аппаратурой. Он весит… — начальник заколебался, — всего сорок килограммов.

— Тогда несите десять своих «портативных» ранцев. Так, ребята? — Лейстер оглядел десантников. И кто-то — кажется, Тимур, — ответил:

— Конечно.

Арана — это не самая мерзкая планета во Вселенной. Так говорил Лейстер, а он повидал немало миров. Но иногда Тимуру казалось, что командир десантников ошибается.

До гребня скалы оставалось не более двух метров, когда Тимур заметил в скале ровное, идеально круглое отверстие. Если использовать его в качестве опоры, он взберется на скалу. Вот только опыт подсказывал Тимуру, что такие ямки в камнях часто становятся убежищем липучек… Поколебавшись, он ощупал края отверстия правой рукой, еще защищенной перчаткой. Ничего подозрительного. Но на правой руке подтягиваться было неудобно.

Очень осторожно он уцепился за углубление голыми, онемевшими от холода пальцами. Начал подтягиваться. И почувствовал, как жгучим, медленным огнем растекается по пальцам тугая, упругая, словно резина, масса.

— Гадина, — простонал Тимур, выдергивая пальцы из предательского углубления. На ладони, уже успев вцепиться в кожу, болтался липкий, похожий на кусок оранжевого пластилина, комок.

Тимур попытался оторвать от скалы правую руку. И почувствовал, что не устоит, стоя одной ногой на рукоятке вбитого в камень ножа, а другой опираясь о воздух.

— Сволочь…

Тимур ударил рукой вдоль скалы, пытаясь сбросить липучку. Куда там. В ладони пульсировала боль, по краям оранжевой дряни показались темно-красные капли. Если липучка

доберется до крупных сосудов — это конец.

Пересиливая боль, Тимур снова ухватился за скалу левой рукой. Теперь можно было освободить правую… Он нащупал в кармане перочинный нож, раскрыл жалкое узенькое лезвие. И начал бить по отверстию в скале, уже не понимая, куда приходятся удары — то ли в чужую, хищную плоть, то ли в собственную руку.

По руке сполз и сорвался вниз маленький, покрытый слизью комок. Тимур всхлипнул, глядя на свою руку. Изрезанные, покрытые кровоточащими язвочками пальцы. Кожа, ставшая мертво-серой.

— Сволочь… — опять прошептал Тимур, вжимаясь в скалу. — Сволочь. Я же все равно пройду. Там тысячи людей… ждут. Там очень важный груз.

Он подтянулся выше.

Может, эти записи — они и есть люди? Там их память, их сознание. А тела ждут где-нибудь на Земле. От ученых не знаешь, чего и ожидать.

Еще чуть-чуть выше.

Вот забавно будет… тащить на спине сразу тысячу людей. Будет… очень забавно. В старости я начну хвастаться этим. Мол, я был таким бравым парнем, что однажды вытащил из аранских джунглей несколько тысяч человек. И все будет чистой правдой. Вот… забавно.

Пальцы нащупали уступ. Широкий, очень удобный. Тимур подался вверх, чувствуя, как слабеют руки. Надо передохнуть.

С закрытыми от напряжения глазами он навалился на уступ всей грудью. Подался вперед, каждую секунду готовый наткнуться на камень. Преграды не было. Тимур раскрыл глаза.

Он был на гребне скалы.

Метрах в десяти поблескивала чистым серебристо-серым корпусом транспортная ракета.

— Я же говорил тебе, что выберусь. Мерзость планетная, — чужим, незнакомым голосом произнес Тимур. Перевалился через каменный гребень и замер. В тело впивались какие-то угловатые обломки камня, втискивался под воротник комбинезона ветер. Дыхания не хватало. Тимур потерся лицом о камень, срывая респиратор. В глазах поплыли разноцветные круги, тело стало легким. Сразу захотелось смеяться.

— Я дошел! Дошел!!! Нас двое — ракета и я! Я и ракета!

Тимур поднялся на ноги. И замер.

Их было трое.

Он, десантник Тимур Доржанов. Грузовая транспортная ракета «Ларец». И странная, еще никогда и никем не виденная на Аране тварь — зеленая, двухметровая, напоминающая

исполинского кузнечика. Круглые фасеточные глаза бездумно смотрели на него. Длинные лапы, с пятью или шестью суставами в самых неожиданных местах, переступали по камню.

— Эй, ты… Давай не ссориться. — Тимур отступил от края. — Ты мне совсем не нужна. И я тебе тоже. Да?

Одна из лап потянулась к Тимуру. Вершина скалы была плоской, как стол, — на ней едва хватало места для сложенного из сухих веток гнезда твари и упавшей поперек гнезда сигарообразной ракеты. Тимур отпрыгнул в сторону.

— Но-но! Мы же договорились не мешать друг другу! Я даже могу тебе помочь. Столкнуть эту штуку вниз…

Покрытое узкими буровато-зелеными пластинками тело прижалось к скале.

— Так мы не ссоримся? Мне вовсе не хочется тебя убивать. Может, я и буду в старости врать своим внукам, как с одним перочинным ножом одолел десятиметровое чудовище. Но делать это на самом деле мне вовсе…

Зеленые суставчатые лапы распрямились. Узкое тело взвилось в воздух. Тимур метнулся в сторону, уже понимая, что не успеет. Сильный удар сбил его с ног.

— Мразь! И ты хочешь меня сожрать?

Он отжимал от себя тонкую, оказавшуюся неожиданно гладкой лапу до тех пор, пока что-то не хрустнуло. Лапа мгновенно расслабилась. Зато теперь чудовище навалилось на него всей тяжестью. Жвалы бессильно скользнули по металлизированной ткани комбинезона и нацелились на беззащитное лицо.

— Я же все равно не дамся…

Тимур ухитрился отбросить от себя тварь. Она оказалась достаточно легкой, гораздо легче, чем на вид.

— Слушай, дай пройти… — Тимур рассмеялся. Кислородное безумие огненной многоцветной метелью билось в мозгу. — Я бы тебе не мешал, честно. Просто там очень важный груз.

Тварь снова метнулась в атаку. Опрокинутый, придавленный шелестящим гладеньким тельцем, Тимур все сильнее и сильнее вспарывал хитиновую броню чудовища. Из разреза редкими толчками выхлестывала липкая слизь.

Что-то заставило его вновь надеть респиратор. Может быть, остатки вложенных в подсознание правил. Может быть, чувство долга, которое иногда бывает сильнее всех правил и инстинктов. Тимур долго рассматривал располосованную его ударами тварь. Она казалась теперь такой жалкой и слабой…

На скале больше никого не оставалось. Только он. И ракета. Тимур подполз к холодно-

му стальному цилиндру, морщась от пронизывающей тело боли, отвернул зажимы на грузовом отсеке. Блеснули длинные ряды разъемов. Шестой в третьем ряду… Тимур вытянул из ранца гибкий матово-черный шнур, приладил переходник. Нажал кнопку на ранце — единственную кнопку, которая там была. За последние сутки он так свыкся с ранцем, что воспринимал его как часть собственного тела. Он действительно был портативным — почти плоский, охватывающий спину, но тяжелый, как будто сработанный из свинца. Интересно, почему на ракете не установили именно такой записывающий блок?

Ровный гул ветра засасывал его все глубже и глубже. Тимур чувствовал, как проваливается в темную бездну. И возврата оттуда нет…

Он снял с пояса рацию, поднес к губам. И посмотрел на индикатор ранца. Глазок светился зеленым.

— База… база…

— Слышим вас. Кто на связи?

— Все хорошо. Прилетайте…

— Кто на связи? Куда прилетать?

Тимур надавил клавишу на передатчике. Услышал ровный писк радиомаяка. И опустил голову на камень. Возле лица растекалась багровая лужица.

У аранских тварей кровь голубая. Значит, это его кровь.

— Все в порядке. Я же знаю — это очень важный груз… — прошептал он. Попытался достать из кармана фотографию — смуглая девушка с серьезным лицом возле рассыпающегося тысячами струй фонтана. И потерял сознание.

Темная бездна сомкнулась вокруг.

Деревья были зелеными, а небо — голубым. Он был на Земле. Тимур стоял у окна, за которым никогда не бушевал отравленный ветер, за которым никогда не росли и не вырастут багровые джунгли.

— Знаете, я даже рад, что та зеленая пакость так меня отделала. Иначе я еще очень долго не попал бы на Землю.

— Мы пригласили бы вас в любом случае, — быстро возразил его собеседник. — Чтобы все вам объяснить.

Тимур невольно улыбнулся, взглянув на врача. Произнес:

— Пригласили бы? Возможно. Только у нас, на Аране, очень много работы. Боюсь, я не нашел бы времени… Только не думайте, что я на кого-то в обиде. Рисковать — моя работа. Мы пошли бы в любом случае, и вовсе не стоило нас обманывать.

— Обманывать?

Тимур молча смотрел на играющего среди деревьев мальчишку. Он очень был похож на того, чью фотографию взял перед выходом в джунгли Лейстер…

— В дисколете, когда меня везли на космодром, — неохотно объяснил он, — я пришел в сознание. И услышал слова какого-то офицера.

— Какие слова?

— «Так рисковать из-за старой метеоракеты».

Тимур усмехнулся. Продолжил:

— Я не в обиде. Но зачем этот обман?

Врач опустил голову. Негромко сказал:

— Вот оно что… Пойдемте.

Пожав плечами, Тимур шагнул за врачом. Сегодня ему впервые разрешили встать с постели, и прогуляться, конечно, стоило.

— Да, дело действительно не в ракете, — неожиданно сказал врач. — Дело в той штуке, которую вы тащили за спиной.

— Ранец с записывающей аппаратурой?

— Да. Он работал все время, пока вы шли к цели.

— И что же записывал? Мой путь через джунгли? Или вид с двухсотметровой отвесной скалы?

— Вашу победу.

— Кажется, я понимаю. — Тимур остановился посреди белого больничного коридора. — Стремление дойти, жажда победы…

— Именно. Страшнее всего, когда человек утрачивает волю к борьбе. Этого не вылечишь никакими лекарствами. Тут требуется донор. Человек, умеющий бороться за свою жизнь, никогда не теряющий веры в победу.

— А… это так часто бывает нужно?

— Очень часто. Для тех, кто годами прикован к постели. Для тех, кого мы еще долго не сможем вылечить. Для тех, у кого в катастрофе погибли все близкие люди. Для глупых девчонок, которых первый раз в жизни по-настоящему обманули.

Но Тимур уже не слушал его. Он смотрел сквозь прозрачную дверь палаты, и руки его оправляли чересчур свободный больничный костюм. Потом он раскрыл дверь и шагнул внутрь.

Девушка, лежащая на кровати, внимательно рассматривала его.

— Привет, — сказал Тимур.

— Привет.

— Ничего, что я зашел?

— Ничего.

Они замолчали. Потом девушка улыбнулась.

— Странно, я тебя никогда не видела, а словно бы знаю.

— Это бывает.

— Бывает… Ты шел в сад?

— Нет. Мне надо найти здесь друга. Ему очень сильно досталось… на одной неприятной планете. К тому же он думает, что его обманули, и совсем не хочет поправляться. Мне надо побыстрей его найти.

Девушка едва заметно кивнула головой:

— Я понимаю. Скажи ему, чтобы не вешал носа. И не думал, что если борешься в одиночку, то борешься только за себя. У каждого за спиной тысячи людей, даже если он их совсем не знает.

Тимур вздрогнул.

— Я обязательно передам ему… то, что ты сказала. Он поймет.

— Тогда иди, тебя ждут.

Когда он уже был у двери, девушка спросила:

— Ты зайдешь еще? Потом…

И Тимур кивнул:

— Конечно.

ВРЕМЕННАЯ СУЕТА

***

Если честно — то все мы начинали именно с этого. Продолжали, дописывали (в уме или на бумаге) свои любимые книги, воскрешали погибших героев и окончательно разбирались со злом. Порой спорили с авторами — очень-очень тихо.

А как же иначе — литература не футбол, на чужом поле не поиграешь.

Где-то в глубинах письменных столов, в компьютерных архивах, просто в уголке сознания у каждого писателя, наверное, спят вещи, которые не будут изданы. Потому что писались они для себя как дань уважения авторам, любимым с детства. Нет в этом большой беды для читателей — подражание не может стать лучше оригинала. И всем нам хочется

быть не «последователями Стругацких» или «русскими Гаррисонами и Хайнлайнами», а самими собой.

Но как здорово, что дана была эта возможность — пройтись по НИИЧАВО, увидеть Золотой Шар, побывать в Арканаре! Андрей Чертков, придумавший и осуществивший эту идею, Борис Стругацкий, разрешивший воплотить ее в жизнь, подарили нам удивительное право — говорить за чужих героев. Хотя какие они чужие — Быков, Румата, Привалов… Они давным-давно с нами, без них мы были бы совсем другими. И всегда хотелось встретиться с ними еще раз.

Я выбрал продолжение «Понедельника» даже не потому, что он наиболее любим, есть и другие книги братьев Стругацких, которые дороги мне ничуть не менее. Просто для меня это была наиболее сложная тема. Писать «продолжение» книги, наполненной духом шестидесятых годов, светом и смехом давно ушедших надежд. Рискнуть. Но это — уже совсем другая история.

ВРЕМЕННАЯ СУЕТА

И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями…

Н.В. Гоголь

История первая «Колесо Фортуны»

Глава 1

…судя по всему, мое житье-бытье час от часа становилось все нестерпимее…

Г.Я К. Гриммельсгаузен, «Симплициссимус»

Было раннее утро конца ноября. Телефон зазвонил в тот самый момент, когда «Алдан» в очередной раз завис. В последнее время, после одушевления, работать с машиной стало совсем трудно. Я со вздохом щелкнул «волшебным рубильником» — выключателем питания — и подошел к телефону.

«Алдан» за моей спиной недовольно загудел и выплюнул из считывающего устройства стопку перфокарт.

— Не хулигань, на всю ночь обесточу, — пригрозил я. И, прежде чем взять трубку, опа-

сливо покосился на эбонитовую трубку телефона, где тянулся длинный ряд белых пластиковых кнопок. Слава Богу, вторая справа была нажата, и это означало, что мой новенький телефон принимает звонки только от начальства — от А-Януса и У-Януса до Саваофа Бааловича.

Впрочем, зачем гадать?

— Привалов слушает, — поднимая трубку, сказал я. Очень хорошим голосом, серьезным, уверенным и в то же время усталым. Сотрудника, отвечающего таким голосом, никак нельзя послать на подшефную овощную базу или потребовать сдачи квартального отчета об экономии электроэнергии, перфокарт и писчей бумаги…

— Что ты бормочешь, Сашка! — заорали мне в ухо так сильно, что на мгновение я оглох. — …рнеев говорит. Слышишь?

— А… ага… — выдавил я, отставляя трубку на расстояние вытянутой руки. — Ты где? У Ж-жиана?

— В машинном зале! — еще сильнее гаркнул из трубки грубиян Корнеев. — Уши мой!

На мгновение мне показалось, что из трубки показались Витькины губы.

— Дуй ко мне! — продолжил разговор Корнеев.

В трубке часто забикало. Я с грустью посмотрел на «Алдан» — машина перезагрузилась и сейчас тестировала системы. Работать хотелось неимоверно. Что это Корнеев делает в машинном? И как сумел дозвониться? Я скосил глаза на телефон, потом, по наитию, на провод.

Телефон был выключен из розетки. Сам ведь его выключил утром, чтобы не мешали писать программу.

— Ну Корнеев, ну зараза… — с возмущением сказал я, — Дуй в машинный…

Я с мстительным удовольствием подул в микрофон.

— Привалов! Как человека прошу! — ответила мне трубка.

— Иду-иду, — печально сказал я и отошел к «Алдану». К Витькиным выходкам я привык давно, но почему он так упрямо считает свою работу важной, а мою — ерундой?

На мониторе «Алдана» тем временем мелькали зеленые строчки:

Триггеры… норма.

Реле… норма.

Лампы электронные… норма.

Микросхема… норма.

Бессмертная душа… порядок!

Проверка печатающего устройства…

Печатающим устройством «Алдану» служила электрическая пишущая машинка, с виду обычная, но снабженная виртуальным набором литер. Благодаря этой маленькой модернизации она могла печатать на семидесяти девяти языках шестнадцатью цветами, а также рисовать графики и бланки требований на красящую ленту.

Сейчас машинка тарахтела, отбивая на бумаге буквы — от «А» до непроизносимых согласных языка мьонг. В конце она выдала «Сашка, будь челове…», после чего замерла с приподнятой литерой «К».

«Алдан» снова завис.

Обесточив машину, я вышел из лаборатории. Ну Корнеев! Даже в «Алдан» залез! «Будь чело…» Я остановился как громом пораженный. Если уж грубиян Корнеев *просит* помочь — значит дело серьезное! Мысленно приказав кнопке вызова лифта нажаться, я бросился по коридору…

Молоденького домового, уныло оттирающего паркет зубной щеткой, я не заметил до самого момента спотыкания. Отдраенный паркет метнулся мне навстречу, я отчаянно попытался левитировать, но в спешке перепутал направление полета. Когда я наконец-то пришел в себя, на лбу имелся прообраз будущей шишки, а заклинание левитации упрямо прижимало меня к полу, пытаясь доставить к центру Земли. Ошибись я с заклинанием на улице, так бы скорее всего и получилось. Но в институте, на мое счастье, и полы, и стены, и потолки были заговорены опытными магами и моим дилетантским попыткам не поддавались. Я перекрестился, что отменяло действие заклинания, сел на корточки и потер лоб.

Домовой, забившийся поначалу в угол, осмелел и подошел поближе. Длинные, не по росту, хлопчатобумажные штаны унылого буро-зеленого цвета волочились за ним по полу. Широкий ремень из кожзаменителя съехал вниз. Латунные пуговицы были нечищены, одна болталась на ниточке.

— Жив? — шмыгая носом и утираясь рукавом, спросил домовой.

— Жив, — машинально ответил я, не обращая внимания на панибратский тон домового. А тот добродушно улыбнулся и добавил:

— Дубль…

— Какой дубль? — уже опомнившись, спросил я. Происходящее становилось интересным. Домовые слыли существами робкими, забитыми, в разговоры вступали неохотно. Только самые старые и смелые из них, вроде тех, что прислуживали Кристобалю Хозевичу, были способны иногда на осмысленную, но крайне уклончивую беседу.

Домовой внимательно осмотрел меня и сказал:

— Удачный. Очень удачный дубль. Привалов-то наш научился все-таки…

Я ошалел. Домовой принял меня за моего собственного дубля! Позор! Неужели я становлюсь похожим на дублеподобных сотрудников?

— Ты так по коридорам не носись, — поучал меня тем временем домовой. — Привалов… он того, неопытный. Сквозь стены видит плохо, можно при нем побежать, чтобы он убедился — стараешься, и обратно когда идешь — ходу ускорить… Тихо!

Мимо нас прошел бакалавр черной магии Магнус Федорович Редькин. Был он в потертых на коленках джинсах-невидимках, в настоящий момент включенных на половинную мощность. Магнус Федорович от этого выглядел туманным и полупрозрачным, как человек-невидимка, попавший под дождь. На нас с домовым он даже не посмотрел. Тоже принял меня за дубля? Почему? И лишь когда Редькин скрылся в дверях лифта — мной, между прочим, вызванного, я понял. Ни один сотрудник института не споткнется о зазевавшегося домового. На это способен лишь дубль… В душе у меня слегка просветлело. Для полной гарантии я поковырял пальцем в ухе, но следов шерсти не обнаружил. Надо было вставать и бежать к Корнееву.

— Все путем, — неожиданно сказал домовой. — Он не заметил, что мы разговаривали. Ладно, ты беги, а то и Привалов забеспокоится. Если что, заходи в пятую казарму, спроси Кешу. Знаешь, где казармы? За кабинетом Камноедова. Бывай…

Домовой сунул мне теплую волосатую ладонь и исчез в щели между паркетинами. А я, глядя под ноги, побрел к лифту.

На этот раз на кнопку пришлось давить минут пять, прежде чем лифт соизволил остановиться. Я юркнул в двери и с облегчением отправил лифт вниз.

Третий этаж лифт проскочил без заминки. А между вторым и первым застрял. И зачем я поехал на нем, есть же нормальная черная лестница… Со вздохом оглядевшись — если кто-то рядом и был, то очень хорошо замаскированный, я нарушил второе правило пользования лифтом и вышел сквозь стену.

На первом этаже было хорошо. Пронзительно пахло зелеными яблоками и хвойными лесами, что почему-то вызывало в памяти популярные болгарские шампуни. Мимо пробежала хорошенькая девушка, мимоходом улыбнувшаяся мне. Она улыбалась всем, даже кадаврам. Это было ее специальностью — она, как и все хорошенькие девушки института, работала в отделе Линейного Счастья.

Здороваясь по пути со славными ребятами из подотдела конденсации веселого беззлобного смеха, я пробирался к машинному залу. Путь был нелегким. Начать с того, что отдел Линейного Счастья занимал абсолютно весь первый этаж. Места для машинного зала на нем попросту не оставалось. Но если вначале спуститься в подвал, а потом уже подняться на пер-

вый этаж, то можно было попасть в машинный зал, обеспечивающий весь институт энергией. Как это получалось — было тайной, такой же непостижимой для меня, как огромные размеры НИИЧАВО, маленького и неприметного снаружи.

Сегодня мне почему-то не везло. Я трижды споткнулся, но, наученный горьким опытом, не упал. Выдержал долгую беседу с Эдиком Амперяном, которому позарез хотелось поделиться с кем-нибудь своей удачей — он добился, с помощью Говоруна, потрясающих результатов в деле сублимации универсального гореутолителя. Какую роль сыграл Клоп Говорун в этом процессе, я так и не понял — уж очень специфические термины использовал Эдик. Но от его удачи мне стало полегче, словно я и сам надышался парами гореутолителя. Пообещав Амперяну провести для него расчет эффективности вне очереди, я сбросил его на проходящего мимо дубля Ойры-Ойры со строгим приказом: отвести Эдика домой и уложить в постель, после чего, уже без приключений, добрался до машинного зала.

У дверей стоял Корнеев. Вид у него был невозмутимый.

— Витька, что случилось? — с облегчением поинтересовался я. — Зачем такая спешка?

— Привалов, пройди, пожалуйста, внутрь, — бесцветно сказал Витька. И я понял, что никакой это не Корнеев, это его дубль, запрограммированный лишь на одно — пропустить внутрь меня и преграждать дорогу всем остальным. Мне стало страшно. Я отпихнул дубля, неуклюже взмахнувшего руками, распахнул тяжелую дверь и влетел в машинный зал.

Витька сидел на Колесе Фортуны, том самом, чье вращение давало институту электроэнергию. При моем появлении он взглянул на часы и сообщил:

— Когда решу помирать, тебя за смертью пошлю. Девять минут шел, м-магистр.

К Витькиным издевательствам я привык. Проигнорировав «м-магистра» — Корнеев прекрасно знал, что я до сих пор хожу в «учениках чародея», я осмотрелся.

Машинный зал производил странное впечатление. Вначале, из-за темноты, я заметил лишь Витьку, который светился бледным зеленым светом — с опытными чародеями такое случалось при сильном магическом переутомлении, теперь же передо мной открылась вся картина.

Между огромными трансформаторами застыли странные темно-серые статуи, изображающие бесов. Через мгновение я сообразил, что это и есть бесы — из обслуживающего персонала. Кто-то, и я был на сто один процент уверен, что это Витька, наложил на них заклятие окаменелости. А вдоль Колеса Фортуны, походившего на блестящую ленту, выходящую из одной стены и входящую в другую, застыли Витькины дубли — неподвижные и почти неразличимые. Была в дублях одна странность — каждый последующий был немного ниже предыдущего. Те, которых я еще мог разглядеть, выглядели просто пятнышками на цементном полу, но у меня появилось страшное подозрение, что они вовсе не являются крайними в этой

дикой последовательности.

— Когда я позвонил, тебе везло? — внезапно поинтересовался Корнеев.

— Что? Ну… У меня «Алдан» завис.

— А после?

— Что после?

— После звонка тебе везло или нет, дубина? — печально и тихо спросил Корнеев.

— Нет. Я упал, потом лифт…

Я замолчал. Я все понял. Лишь теперь, наблюдая за Витькой, я осознал, что он сидит на Колесе, но остается неподвижным. Колесо Фортуны остановилось!

— Это я, — с напускной гордостью сказал Витька.

— Да? — с внезапной дрожью в голосе поинтересовался я.

— Я его остановил, — зачем-то уточнил Корнеев.

— Как?

— Дублей видишь? Я сделал дубля и дал ему приказ — крепко держать Колесо Фортуны и производить следующего дубля, уменьшенного в размерах и с той же базовой функцией.

Схватившись за голову, я простонал:

— Научил я тебя, Корнеев. Базовая функция… Ты, может, еще на бумаге эту программу составил?

— Ага, — подтвердил Витька. И с людоедской радостью добавил: — А вчера у тебя на «Алдане» проверял. Могучая машина.

— И что вышло?

— Что число дублей будет бесконечным, а сила торможения ими Колеса — бесконечно большой. Вот… Так и вышло. Остановили они Колесо Фортуны.

…Вскоре мне стала ясна вся картина происходящего. Витьке, для его грандиозной идеи превращения всей воды на Земле в живую, не хватало самой малости — устойчивости процесса. Придуманная им цепная реакция перехода обычной воды в живую останавливалась от шума проезжающей машины, чиха Кащея или выпадания града в соседней области. И тут-то Витьку осенило. Если остановить Колесо Фортуны в тот момент, когда процесс перехода воды идет хорошо, то удача останется на его стороне! Вся вода в мире станет живой, для исцеления ран надо будет лишь облиться из ведра или залезть под душ, чтобы вылечить ангину — прополоскать рот. Врачи станут ненужными, войны потеряют смысл… И Витька придумал гениальную идею с бесконечным количеством дублей, что будут с бесконечной силой тормозить Колесо.

План его удался лишь частично. За те секунды, пока Колесо Фортуны останавливалось,

лаборантка в отделе Универсальных Превращений уронила умклайдет на диван, инвентарный номер 1123. Результаты были катастрофические. Вода стала превращаться не в живую и даже не в мертвую, а в дистиллированную. Ничего страшного в этом не было, во всяком случае, пока процесс не дошел до морей и океанов. Но шел он теперь безостановочно, ибо Колесо Фортуны стояло.

В этот самый миг жизнь людей радикально изменилась. У меня, так же как у Корнеева и еще примерно половины человечества, началась нескончаемая полоса невезения. У Эдика Амперяна и прочих счастливчиков началась бесконечная полоса удач.

Бесконечная!

Я даже зажмурился от осознания этого факта. Я представил, как Амперян поит меня своим грреутолителем… и он действует, я становлюсь счастливым, хоть мне и не везет. У меня ломается «Алдан» — а я доволен. У Витьки не получается простейшее превращение — он тоже счастлив. Потому что Эдик изобрел… Да что я привязался к Эдику! Человечество отныне разделилось на две категории — везунчиков и неудачников.

Представив, как меня сочувственно хлопают по плечу «везунчики», я не выдержал и заорал:

— Корнеев, запускай Колесо обратно! Немедленно!

— Не могу, — хмуро сказал Корнеев. — Что я, дурак, что ли? Сам знаю, надо запускать, пока магистры не узнали. Позора не оберешься…

Последнюю фразу он произнес с мечтательным выражением, словно смакуя предстоящий позор.

— Почему не можешь? — Я поправил очки и растерянно оглядел бесконечный ряд дублей. — Прикажи им, пусть толкают Колесо, со своей бесконечной силой… черт бы ее побрал!

Одно из стоящих вблизи изваяний слегка шевельнулось. Витька вперил в него грозный взгляд, и черт окаменел вторично.

— Глаз нет, да? Совсем слепой? — с акцентом Амперяна, но с собственной грубостью поинтересовался Корнеев. — Лопнул обод у Колеса, видишь?

Я подошел к Колесу и убедился, что двухметровой ширины лента действительно разделена тонкой щелью. Концы разрыва подрагивали, словно кончики стальной пружины.

— А зарастить нельзя? — шепотом поинтересовался я. — Ты же… это… умеешь. Помнишь, червонец мне склеил?

Витька грустно кивнул. И докончил свой печальный рассказ. Оказывается, когда Колесо Фортуны остановилось, оно тут же лопнуло. Концы обода стали дергаться, носиться по залу, разбрасывая дублей и перекручиваясь во все стороны. Когда наконец ошалевшие от не-

ожиданности дубли и перепуганный, а от этого грубый более, чем обычно, Корнеев поймали их, установить, где левая, а где правая сторона, где верх, а где низ ленты уже не представлялось возможным. Корнеев кое-как совместил концы порванного обода, но уверенности в своей правоте не имел.

— Что, если я его лентой Мебиуса соединил? — хмуро сказал он. — Что будет?

Я пожал плечами. Корнеев, слегка подпрыгивая на ободе и светясь все более энергично, стал рассуждать:

— Может так получиться, что любая наша удача превратится в неудачу. И наоборот. Или же удачи и неудачи сольются воедино…

Увлекшись, он перегнулся назад и, кувыркнувшись через обод Колеса, полетел вниз.

— Знаешь, Витька, — садясь для безопасности на пол, сказал я, — лучше уж соединение удач и неудач, чем сплошная невезуха.

— Невезуха, — потирая затылок, горько сказал Корнеев. — Надо это прекращать…

— Я-то зачем тебе понадобился? Рассчитать, правильно ли соединен обод? Это я и без «Алдана» скажу. Пятьдесят на пятьдесят.

— Понимаю, — неожиданно мягко признался Корнеев. — Но не могу же я сейчас сам решать, правильно ли Колесо соединено! Я же теперь невезучий, обязательно ошибусь!

— А я везучий? Мой совет тебе не поможет!

— Понял уже…

Мы немного помолчали, разглядывая неподвижное Колесо Фортуны. Господи, ну и дела! Что сейчас с людьми происходит! Есть, конечно, и счастливчики…

— Витька! — прозревая, завопил я. — Нужно спросить у человека, которому везет! Он не ошибется!

— А кому везет? — тупо спросил Корнеев. Временами он был самим собой.

— Амперяну. Точно знаю, он универсальный гореутолитель сублимировал.

— Сейчас спросим, — оживившись, сказал Корнеев, доставая из воздуха телефонную трубку. Послышались долгие гудки.

— Амперян сейчас дома, я его спать отправил, — торопливо подсказал я. Витька отмахнулся — не важно.

Трубку наконец-то взяли.

— Эдик! — громовым голосом заорал Корнеев. — Извини, что разбудил, это Сашка, дубина, настоял. Скажи только одно — и можешь вешать трубку: правильно соединили?

— Нет, — буркнул Амперян чужим со сна голосом и повесил трубку.

Витька небрежным жестом растворил в воздухе свою и радостно улыбнулся:

— Видишь, Привалов, получилось! Бывают и у тебя озарения!

Он небрежно схватился за один край порванного обода и без всяких видимых усилий перевернул его на сто восемьдесят градусов. Интересно, а в ту ли сторону повернул?

— Корнеев… — неуверенно начал я. Но Витька не реагировал. Он был сторонником разделения умственного и физического труда, так что в процессе работы думал мало, а на внешние раздражители не реагировал.

Двумя уверенными пассами, без всяких дилетантских заклинаний, даже не заглядывая в «Карманный астрологический ежегодник АН», Корнеев восстановил целостность Колеса Фортуны. Потом окинул взглядом бесконечную, а точнее — двусторонне бесконечную череду дублей и громко скомандовал:

— Нава-лись!

Как ни странно, дубли такую странную команду поняли. И даже толкнули в одну и ту же сторону. Колесо заскрипело и начало вращаться. Правда, пожалуй, быстрее, чем раньше. Я достал из кармана сигареты, закурил… Выронил сигарету, но возле самого пола поймал ее. Снова сунул в рот, но горящим концом. Вовремя это понял и перевернул фильтром к губам. Сигарета уже успела потухнуть.

— Корнеев, — умоляюще прошептал я, — притормози его! Слишком быстро вращается, удача за неудачей…

Сигарета зажглась сама по себе. Я бросил ее на пол и затоптал — а то еще взорвется…

Витька с дублями навалились на Колесо, и то начало притормаживать.

— Глянь по пульту, Привалов! — велел Корнеев. — Там есть тахометр, стрелка должна быть на зеленом секторе.

Я подошел к пульту. С некоторым трудом нашел тахометр, явно переделанный из зиловского спидометра. Поглядел на стрелку, подползающую к зеленой черте, и скомандовал Корнееву остановку.

Колесо вращалось, тихо гудя. Корнеев утер со лба пот, потом кивнул дублям, и те дематериализовались.

— Нормально, Сашка? — поинтересовался Корнеев.

Я подозрительно огляделся. Закрыл глаза и подпрыгнул на одной ножке. Не упал.

— Нормально, — с облегчением сказал я. — Что, пойду я работать?

— Валяй-валяй! — жизнерадостно заорал Витька. — Мне еще чертей расколдовывать да память им заговаривать, меньше будешь под ногами мешаться…

Вздохнув, я вышел из машинного, на прощание мстительно бросив Корнееву:

— Вот будет удивительно, если никто из магистров не узнает о твоих художествах…

Оставив Витьку размышлять над этим оптимистическим заявлением, я пошел к себе, в электронный зал. Фортуна явно повернулась ко мне, я не спотыкался, не налетал на встреч-

ных, вежливо поздоровался с Кивриным, одолжил считавшему посреди коридора Амперяну свою логарифмическую линейку, вызвал лифт… И побежал обратно. Амперян, виртуозно пользуясь линейкой, что-то подсчитывал, записывая в блокнот.

— Давно из дому, Эдик? — вкрадчиво поинтересовался я…

— С утра, — не поднимая глаз от формул, в которых я опознал уравнение Сташефа-Кампа, ответил Эдик.

— Ты же с Ойра-Ойрой… тьфу, с дублем его, домой пошел!

— Ну… — Эдик поднял на меня задумчивый взгляд и объяснил: — Пошел. А потом думаю: чего я на кровати буду валяться, радостный и довольный, когда тут самая работа начинается? Выпил антигореутолитель и стал экономическую целесообразность процесса подсчитывать.

— Целесообразно? — не зная, как подступиться к главному, спросил я.

— Не знаю, — хмуро признался Эдик. Удача, похоже, его покинула.

— Корнеев тебе звонил? — напрямик спросил я.

Эдик обвел взглядом выкрашенный зеленой масляной краской коридор, мутные плафоны на потолке и резонно спросил:

— Куда звонил?

— Десять минут назад! Сам слышал! — отчаянно сообщил я. — Он спросил, правильно ли соединили, а ты сказал, что нет.

— Как он спросил?

Я напряг память.

— Ну… Примерно так: «Эдик, скажи, правильно соединили?»

— И тот, кто взял трубку, ответил, что «нет», — закончил Эдик. — Что соединились вы неправильно…

Он снова нырнул в свои вычисления, а я, совершенно запутавшись, пошел дальше.

Итак, отвечал не Амперян.

Но совет сказался правильным, значит, отвечавший тоже был «удачливым»? Или же неправильным, просто мы еще не заметили последствий своей ошибки? А как заметишь, неизвестно, какими они могут быть!

У дверей электронного зала смирно сидел дубль Володи Почкина. Больше пока никого не было.

— Скажешь Володе, пусть сам придет, — грубо сказал я дублю. Корнеев всегда на меня так влияет. — Он мне пятерку уже неделю должен.

Дубль поднял на меня потрясенный взгляд и прошептал:

— Я не дубль. Я Володя. Могу пропуск показать, с фотографией и печатью. А пятерку

я после обеда занесу…

Было видно, что здоровяк Почкин пребывает в состоянии близком к шоковому. Я схватился за голову. Потом схватил Володю за плечи, затащил в зал и стал отпаивать чаем с бутербродами — настоящими, из буфета, а не сотворенными магическим образом. Попутно я пообещал ему рассчитать за сегодня все задачи, которые он принес еще неделю назад, а вечером взяться за написание программы для новых.

Володя медленно приходил в себя. Видимо, еще никто и никогда не принимал его за дубля, так что с непривычки он был расстроен.

— Заметку в стенгазету напишешь? — неожиданно спросил он. Видимо, отошел.

— Напишу-напишу! — радостно сказал я. — Про Брута?

— А что он натворил?

— Не знаю. Но как-то принято…

— Нет. Надо про новые плакаты в столовой.

— Какие плакаты?

Глаза у Почкина загорелись.

— Ты еще не видел? Посмотри, — вкрадчиво посоветовал он. — Пойдешь обедать — и посмотри.

Я пообещал сходить в столовую и посмотреть. Потом пожаловался Володе, какой был ужасный день: вначале меня приняли за дубля, потом я Витькиного дубля принял за Витьку, а под конец Володю за дубля… Язык чесался рассказать про Корнеева и Колесо Фортуны, но я подавил искушение.

Почкин в ответ ободрил меня рассказом о том, как наши институтские ребята поодиночке сматывались с затеянного месткомом празднования трехсотлетия изобретения волшебной палочки, оставляя вместо себя дублей. Под конец в огромном зале, где проходило торжество, не осталось ни одного человека: только сотня небрежно запрограммированных дублей. Когда наконец ушедшие работать магистры и ученики сообразили, что произошло, то дубли оставались без присмотра уже больше трех часов. К ним отправился Федор Симеонович. Вышел он через полчаса, предварительно дематериализовав всех дублей. На лице его блуждала странная улыбка, но о своих наблюдениях он никому никогда не рассказывал, а делу Линейного Счастья начал посвящать еще больше времени, чем раньше.

История мне правдивой не показалась: во-первых, что такого могли натворить дубли, даже плохо сделанные, а во-вторых, работать больше, чем обычно, Федор Симеонович уже никак не мог.

Выпроводив Почкина, я наконец-то вернулся к «Алдану». Опасливо включил питание и стал смотреть, как машина тестирует себя.

Бойко протараторила по бумаге виртуальными литерами пишущая машинка, и «Алдан» ласково заморгал зелеными огоньками.

Усевшись перед перфоратором, я взял стопку чистых перфокарт, составленную девочками программу и облегченно вздохнул.

Кончились неприятности с Колесом Фортуны и дублями. Жизнь возвращалась в свою колею.

Ошибался я в этот момент здорово, как никогда. Но о том, что я ошибаюсь, не знал никто. Даже У-Янус.

Так уж получилось.

Глава 2

Товарищ! Мы вместе решили с тобой,
Покушав, посуду убрать за собой.

Автор неизвестен

Где-то около двух я с сожалением оторвался от присмиревшего «Алдана», встал, потянулся и направился в столовую. По пути заглянул к Витьке, потом к Роману, но ни того, ни другого не нашел. Взяв стакан кефира и тарелку жареной печенки с вермишелью, я направился к своему любимому столику. Знаменит он был тем, что над ним висел огромный плакат с бодрой надписью: «Смелее, друзья! Громче щелкайте зубами! Г. Флобер». Время от времени плакат подновляли, и при этом текст чуть-чуть менялся — поклонник Флобера каждый раз пользовался новыми переводами.

Усевшись под словом «щелкайте», я, прежде чем воспользоваться советом и начать щелкать, глотнул кефира — тот оказался вчерашним, если не хуже. Потом, вспомнив слова Почкина, зашарил глазами по стенам.

Первый из плакатов я увидел на стене напротив. Он гласил:

Пальцем в солонку? Стой!
Что ты себе позволяешь!
Мало ли где еще
Ты им ковыряешь!

Поперхнувшись кефиром, я протер очки. Плакат не изменился. Нормальный, аккуратно нарисованный плакат. Под ним сидели нормальные, аккуратные девочки из отдела Универсальных Превращений. Девочки ели борщ, обильно посыпая его солью и ничуть не смущаясь необходимостью окунать пальцы в солонку.

Мною овладел исследовательский зуд. Низко пригнувшись над тарелкой, рассеянно нанизывая на алюминиевую вилку куски лука, печенки и вермишелины, я смотрел по сторонам.

Над кассовым аппаратом я обнаружил чудесный, прекрасно зарифмованный плакат на вечную тему: люди и хлеб.

Мой знакомый по имени Глеб
Повсюду разбрасывал хлеб.
Не знает, наверное, Глеб,
Как трудно дается хлеб.

Перебрав в памяти всех знакомых ребят, я успокоился. Похоже, имелся в виду не какой-нибудь там конкретный Глеб из НИИЧАВО, а обобщенный негодяй. Кончиком вилки я извлек из солонки сероватую соль, посыпал вермишель и быстренько доел. Закончил обед кефиром и пошел к выходу. На дверях меня ждал третий плакат:

Уходящий товарищ, ты сыт?
Зря спросил. Это видно на вид.

Администрация

Слово «администрация» меня добило. Я остановился, поджидая кого-нибудь знакомого. Эмоции требовали выхода. Теперь я понимал Володю, чей графоманский опыт исчерпывался знаменитым двустишием о едущем по дороге «ЗиМе». Разумеется, в нашей столовой работают не магистры и даже не бакалавры, а беззаветная любовь заведующего к Флоберу не панацея от отсутствия вкуса. Самым удивительным было то, что никто не возмущался этими жуткими виршами! Я вдруг перепугался, вспомнив утреннее приключение с Колесом Фортуны. Вдруг мы каким-то образом исказили человеческие вкусы и теперь ЭТО считается нормальным? И Кристобаль Хозевич одобрительно кивает, глядя на стихи о Глебе и хлебе…

В дверь проскользнул Юрик Булкин, наш новый сотрудник из отдела Универсальных Превращений. По профессии он был энтомолог, но ухитрился увлечься василисками — жи-

вотными редкими и опасными. Теперь он вел тему «О свойстве василисков превращать живое в камень и о возможности превращения ими в камень воды». Как я слышал, теме придавалось большое значение, так как с помощью дрессированных василисков намного упростилось бы строительство плотин и был бы досрочно выполнен поворот сибирских рек в Среднюю Азию. Поймав Юрика за руку, я спросил:

— Слушай, Булкин, ты плакаты на стенах видишь?

— Вижу, — целеустремленно вырываясь, сказал Юрик. — Я их сам писал…

Я остолбенел. Юрик слыл бардом, пел под гитару веселые песни, и от его заявления упрочились мои худшие опасения. Видимо, оценив мою реакцию, Булкин прервал движение к очереди алчущих пищи сотрудников и разъяснил:

— Меня знакомые ребята-социологи попросили. Они исследование проводят, «ЧВ» — «Чувство вкуса». Какой процент сотрудников возмутится этими плакатами за три дня. Нормальный показатель — двадцать пять процентов.

— А у нас? — успокаиваясь, поинтересовался я. — Вытянем норму?

— Тридцать процентов за полдня, — утешил меня Булкин. — И один, похваливший плакаты.

— Выбегалло, — сказал я.

— Выбегалло, — подтвердил Булкин. — Подошел ко мне и говорит: «А ты, эта, значит, написал правильно. Эта, инициативу проявил. На ученом совете вопрос буду ставить, как почин поддержать».

В глазах Булкина мелькнуло легкое злорадство.

— А ведь поставит, — задумчиво сказал я. — Еще и Модест поддержит, а остальные решат не связываться… Так что ты готовься, Юрик, пиши плакаты впрок…

Оставив Юрика в растерянности, я скрылся из столовой. Настроение улучшилось, кефир весело булькал в желудке, создавая приятную иллюзию сытости. Навстречу мне по коридору шел У-Янус.

— Янус Полуэктович, — поздоровавшись, сказал я ему, — вы вчера просили сделать расчет… Так он готов, я сейчас пошлю девочек вам занести…

Янус открыл было рот, чтобы спросить, какой именно расчет я для него делал, но передумал, видимо, решив посмотреть по результату, что я вычислял. Вместо этого ласково взглянул на меня и сказал.

— Александр Иванович, вы сегодня не засиживайтесь на работе. Понедельник понедельником, суббота субботой, но сегодня-то вторник… да? Неделя вам предстоит сложная, отдохните.

— Очень сложная? — беспомощно спросил я.

Янус Полуэктович грустно улыбнулся и прошел в столовую. А я отправился в электронный зал в дурном расположении духа. Директор не злоупотреблял возможностью предсказывать будущее и очень редко ее демонстрировал.

Ушел я с работы, когда еще и семи не было. То ли таинственное предупреждение У-Януса сказалось, то ли захотелось посмотреть свежую серию «Знатоков» по телевизору, сам не пойму.

Для очистки совести я сотворил двух дублей. Одного — доканчивать на «Алдане» расчет задачи для Почкина, а другого — присматривать, чтобы первый не отлынивал. Есть у меня такая нехорошая черта — мое настроение в момент создания дубля очень легко этому дублю передается. Из института я выбрался тихонько, стараясь не попадаться ребятам на глаза. Но на улице настроение быстро улучшилось.

Был легкий морозец. Девушки, попадавшиеся мне навстречу, весело смеялись, обсуждая переменчивую соловецкую погоду и свежие сплетни. Компания ребят с рыбзавода имени Садко, что-то весело напевая под гитару, явно направлялась к ближайшему кафе. На мгновение мне тоже захотелось устроить маленький загул, выпить легкого болгарского винца «Монастырская изба», что недавно завезли в Соловец, или даже дернуть сто граммов грузинского коньячку под бутерброд с балыком. Но я вовремя сообразил, что в кармане лишь рубль, зарплата будет в четверг, а Володя мне пятерку завтра никак не отдаст. Пообещав той части своего сознания, что требовала разгульного образа жизни, реванш в субботу, я направился в столовую номер 11, где можно было перехватить чего-нибудь на ужин.

Хмурая старушка уборщица уже бродила между столами со шваброй, намекая на скорое закрытие столовой. Но я все же успел встать в хвост маленькой очереди и нахватать с подноса теплых пирожков. Возле кассы меня поджидала еще одна удача — из недр столовой вынесли остаток молочного, и я разжился сырком с изюмом и бутылкой кефира.

Обедневший ровно наполовину, но отягощенный грузом продуктов в авоське, я быстрым шагом направился к общежитию. Морозец крепчал, и пирожки, утратив остатки тепла, стали гулко постукивать друг о друга, когда я, потрясая перед лицом вахтерши пропуском, вбежал в вестибюль.

По пути в комнату я забежал на кухню. Там, конечно, никого еще не было. Может быть, на всем этаже я был один, остальные еще сидели в институте. Ставя на плиту чайник, я тщетно боролся с чувством стыда.

Нет, и что на меня сегодня накатило?

Я открыл свою комнату, включил свет и собрался уже выгрузить продукты на стол, когда за спиной что-то гулко хлопнуло. Обернувшись, я увидел Корнеева.

Корнеев был подозрительно тих и печален. Он парил в воздухе возле стены, яростными

рывками выдирая застрявший в штукатурке каблук.

Злорадно подумав, что и у магистров не всегда удачно получается трансгрессироваться, я все же подошел к Витьке, схватил его за плечи и потащил. Витька сопел, колотя свободной ногой по стене. Наконец штукатурка не выдержала, и мы полетели на пол.

— Какой ты неуклюжий, Сашка, — вздохнул Корнеев, вставая и поглядывая на стену. В штукатурке зияла круглая дыра.

От возмущения я поперхнулся, но все же сказал:

— Завтра заделаешь!

— А что? Могу и сейчас… — Витька взмахнул было руками, но под моим укоризненным взглядом слегка смутился и заклинания не произнес.

— По-нормальному заделаешь, — объяснил я. — Возьмешь в институте цемента, песочка и…

— Ладно, — сдался Витька. — Ретроград ты, Привалов… О! Пирожки! Это ты угадал.

Он уселся за стол, вытряс авоську. Подумал, протянув руку, вытащил из воздуха кипящий чайник, но заколебался:

— Эй, а может, ты его хотел так принести… по-нормальному?

Махнув рукой, я уселся рядом. Спросил:

— Что ты так рано-то?

— А ты?

— Меня Янус напугал. Сказал, что…

— Неделя тяжелая будет, — кивнул Корнеев. — Во-во.

— И тебе тоже?

Витька мрачно откусил половину пирожка. Спросил:

— Чего он темнит, а, Привалов? Может, уже про Колесо узнал?

— Не исключено.

— Скандал… — радостно сказал Корнеев. — Нет, не похоже. Сашка, может, нас на овощную базу отправляют?

С минуту мы обдумывали и эту версию. Но все же решили, что по такому мелкому поводу директор нас запугивать не стал бы.

— Ладно, нечего гадать, — первым сдался Корнеев. — Слушай, я вот что подумал — с Колесом…

— Ну? — содрогнувшись, спросил я.

— А если его остановить, когда все люди на Земле счастливы? Когда всем везет?

— Здорово, — признал я. — Вот только когда? Разве так бывает?

— Ну, если объявить всему миру, что… э… в двенадцать ноль-ноль по Гринвичу, на-

пример, всем надо быть счастливыми и удачливыми.

Пришлось покрутить пальцем у виска. Корнеев фыркнул.

— Что смеешься? Ну немножко-то можно потерпеть? Сесть с хорошей книжкой у окна, смотреть на красивых девушек. Или собраться большими компаниями, комплименты друг другу говорить, подарки делать!

— А тебя в этот момент комар укусит. Или у соседа труба лопнет и потолок зальет.

— Полагаешь — никак? — серьезно спросил Витька.

— Угу. Нереально. Обязательно кому-нибудь да не повезет.

— Потерпели бы ради большинства! — уже отступая, высказался Корнеев. — Такая идея славная!

— Глупая твоя идея, Витька.

— Ладно. Допускаю — преждевременная! — Корнеев выхватил из-под моих пальцев последний пирожок и в запале помахал им перед моим лицом. Я с трудом удержался от того, чтобы облизнуться. — А если не сейчас? Через десять лет, через двадцать? Когда уж точно можно будет добиться всеобщего счастья?

— А зачем тогда еще и Колесо останавливать? Масло масляным делать? Знаешь… если уж люди станут счастливы, то мелкое невезение их не расстроит.

Это был еще тот удар! Корнеев запнулся на полуслове, глотнул воздуха и скис. Положил пирожок на стол, поднялся и, смерив меня обиженным взглядом, провалился на первый этаж.

— Витька, брось дурить, — позвал я. Но Корнеев не появился. Обиделся…

Вздохнув, я налил себе хорошего грузинского чая. Съел оставшийся пирожок и пошел в холл. Телевизор был выключен… Значит, точно, один я на этаже. Включив новенький «Огонек» и устроившись на продавленном кресле, я приготовился наслаждаться зрелищами.

Но знатоки меня разочаровали. Минут двадцать я смотрел, как Знаменский с Томиным расследовали кражу двух рулонов ситца на фабрике. Вроде бы всем уже было ясно, что главная воровка — зам. директора по хозяйственной части, женщина умная, но с большими пережитками в сознании, однако знатоки упорно это не замечали. Сообразив, что поймут они это лишь к концу второй серии, я тихонько выбрался из кресла, выключил телевизор, сполоснул кефирную бутылку и отправился спать.

Минут двадцать я честно пытался заснуть. Считал в двоичном коде от нуля до тысячи, вспоминал всякие забавные, хорошие истории, случавшиеся в институте на моей памяти, — как Ойра-Ойра помогал Магнусу Федоровичу испытывать джинсы-невидимки и какой конфуз из этого вышел, или как Кристобаль Хозевич решил-таки на «Алдане» принципиально нерешаемую задачу, но результат оказался принципиально непостижимым…

Подумав об «Алдане» и двух своих неумело сделанных дублях, шатающихся сейчас возле пульта, я загрустил. Они Володьке насчитают… так насчитают, что извиняться устану. А ведь можно часам к десяти все закончить, а потом повозиться в свое удовольствие…

Додумывая эту мысль, я поймал себя на том, что уже не лежу в кровати, а приплясываю посреди темной комнаты, одеваясь. Ну и ладно. Нечего бездельничать. Не запугает меня Янус…

…Вахтерша приоткрыла окошечко, когда я сбежал в вестибюль, и с легкой надеждой спросила:

— В кино пошел, Саша?

— Нет, на работу… забежать надо на минутку… — виновато ответил я. Вахтерша наша, Лидия Петровна, словно поставила своей основной целью следить за соблюдением трудового законодательства сотрудниками института.

На улице было холодно и пустынно. Чтобы не замерзнуть, я пробежался до института и влетел в двери так энергично, что какой-то домовой, вытирающий пыль с прикованного у двери скелета, испуганно шарахнулся в сторону, а скелет попытался зажмуриться. Мне стало немножко стыдно, и я перешел на шаг.

Работа кипела вовсю. По второму этажу десяток лаборантов тащили самое настоящее бревно, облепив его словно муравьи спичку. Я секунду постоял, соображая, не нужна ли ребятам помощь, как они собираются протащить бревно в узкую дверь и зачем им это самое бревно сдалось. Но лаборанты были такими шумными и энергичными, что я не рискнул вмешиваться и пошел к себе на четвертый.

У дверей электронного зала я секунду постоял, вслушиваясь, потом резко вошел.

Как ни странно, все было в полном порядке. Первый дубль сидел за столом и что-то писал на бумажке. Второй, пристроившись у него за спиной, бормотал:

— Запятую, запятую не туда поставил…

Я подошел и глянул. Дубль самонадеянно проверял мою программу. Запятая и впрямь была не на месте, я вздохнул. Первый дубль покосился на меня и быстро исправился.

— Работать-работать, — сурово велел я, отходя к «Алдану».

Машина работала вовсю. Гудели ферритовые накопители, щелкали реле, перемигивались лампочки. Я погрозил дублям пальцем и величественно вышел. Меня посетила хорошая мысль.

Безалаберный Витька, конечно же, и не подумает взять цемент для ремонта. Следовало запастись им самому, а завтра поутру принудить Корнеева к трудотерапии. Ухмыльнувшись, я поднялся на пятый этаж и подошел к кабинету Камноедова.

Кабинет, конечно же, был закрыт и охранялся суровыми ифритами. Модест Матвеевич

трудовую дисциплину никогда не нарушал…

Я быстренько прошел мимо стражей и свернул в маленький темный коридорчик. Вел он в казармы домовых, у которых всегда можно было раздобыть известки, гвоздей или шпингалеты. Домовые — существа крайне запасливые, и все сотрудники по мелочам пользовались их услугами.

Дверца, ведущая в казармы, была замаскирована под картину, изображавшую бревенчатый домик на краю пшеничного поля. Домовых, похоже, частенько одолевала ностальгия, ибо картину эту, по слухам, нарисовал кто-то из них. Я постучал пальцем по нарисованному домику, пытаясь попасть по крошечной двери, и картина плавно повернулась, пропуская меня в казарму.

Здесь было темно и тихо. Впрочем, тишина казалась ненатуральной, словно только что шел галдеж и веселье, а теперь остались лишь шорохи по углам. Открыв рот, я уже собрался было гаркнуть, подзывая дневального, когда кто-то подскочил ко мне из темноты.

— О, кто пришел…

Онемев от такого панибратского тона, я оглянулся и увидел домового. Знакомого по утреннему падению…

— Давай не смущайся, проходи. — Домовой цепко схватил меня за рукав и крикнул: — Мужики, это свой!

Сразу же где-то в глубине казармы вспыхнул свет, и домовой потащил меня туда, тихонько напутствуя:

— Ниче, не робей. Держись спокойно, сам не груби, но ежели кто начнет подсмеиваться — ответь достойно.

— Э… Кеша… — с трудом вспомнив имя домового, ответил я. — Мне бы цемента немножко…

— Ладно, остынь! — Домовой замахал волосатой лапкой. — Подождет твой Привалов, не сахарный. Посидишь у огонька…

Огибая двухъярусные железные койки, мы вышли в центр казармы, где высилась самая настоящая русская печь. Вокруг нее на полу сидели десятка два домовых, подозрительно оглядывая меня. Я лишь покачал головой при виде такого нарушения правил пожарной безопасности, но решил, что домовые в русских печах толк знают.

— Свой он, свой, Гена! — сообщил Кеша. — Приваловский дубль, мы утречком познакомились!

— Компанейский ты мужик, Иннокентий, — сурово ответил один из домовых, разлегшийся у самого огня и помешивающий угли босой ногой. — Всех к нам тянешь. Отвел бы дубля куда следует…

Кеша немного скис. Видимо, Гена был поглавнее его.

— Ладно, — сменил гнев на милость домовой у печки. — Пущай посидит…

Заинтригованный до последней степени, я присел рядом с Кешей. Мало кто мог похвастаться тем, что знает детали жизни домовых. Пожалуй, любой из магистров не отказался бы побыть на моем месте.

Внимания особого на меня не обращали. Домовые, рассевшись и разлегшись поудобнее, уставились на Гену.

— Ну, значит, — продолжил тот рассказ, очевидно прерванный моим появлением, — стоит Васек у почетного вымпела победителей соцсоревнования, а смены все нет и нет. Захотелось ему… на минутку… а как вымпел-то оставить? Взял он его под мышку — и в туалет…

Домовые тихонько засмеялись.

— А тут, как на грех, Модесту Матвеевичу, — без особой почтительности сказал Гена, — вздумалось проверку учинить. Заглянул он в кабинет, глядь, а вымпела, инвентарный номер триста шестьдесят пять дробь двенадцать, и нету! Ну, паника, сами понимаете, завопил он, побежал, позвал меня, Тихона. Ифритов своих прихватил… тьфу, нечисть заморская! А Васек-то все слышал, соображает — что делать? Бросился опять на пост, вымпел расправил и стоит, в носу ковыряет…

Домовые начали хохотать.

— Мы с Модестом, — Гена вытащил ногу из огня, засунул другую, — прибегаем — а Васек на посту! И вымпел цел. Камноедов как закричит — мол, «службу не знаешь, куда уходил, негодник!». А Вася, не будь дураком, и отвечает: «Стоял на посту, охранял вымпел. Подошли вы, посмотрели сквозь меня, за голову схватились, заорали и бежать…» Хохот перешел в настоящее ржание. Двое домовых от смеха свернулись в мохнатые комки и стали кататься по полу. Даже я не удержался и хихикнул, представив растерянное лицо Камноедова, одураченного хитрым домовым.

Единственное, что меня смущало, — история эта казалась смутно знакомой…

— Ну, значит, три дня Камноедов на больничном провел, — продолжал довольный Гена. — Окулиста посетил, валерьянку попил, потом отошел. Но в одиночку больше проверок не учиняет!

— Извините, — не выдержал я, — по-моему, вы придумываете все-таки. Я уже слышал такую историю, только не про Камноедова…

Гена окинул меня гневным взглядом, и я осекся.

— Кеша, кого ты привел, а? Ишь ты, говорливый какой дубль… День как от роду, а уже спорит!

Кеша пихнул меня в бок.

— Отведи его к дружкам, пусть культуре поучится, — распорядился Гена и утратил ко мне всякий интерес. — А вот еще раз такое было, мужики… Устроил Янус наш, который А-Янус, большущую…

Вслед за Кешей я отошел от печи, виновато посмотрел на домового.

— Ладно, ничего, — буркнул Кеша. — Молод ты еще… Что там Привалову надо, цемента?

— Угу.

— Пойдем…

Из какого-то шкафа Кеша кряхтя достал мешок с цементом, кадку с песком, отсыпал мне в крепкие бумажные пакеты и того, и другого.

— Во, нормалек… К своим-то заглянешь?

— К кому?

— Ой, совсем ты теленок… — Кеша привстал на цыпочки и снисходительно похлопал меня по плечу. — К дублям, вольноотпущенным…

Я хлопал глазами, ничего не понимая.

— Пошли, — решил Кеша. — Провожу по первости.

Раздвинув стену, он двинулся по какому-то узкому и сырому коридору. Опасливо озираясь, я пошел следом.

— Ты того… как почуешь, что Привалов тебя распылять собрался, сразу линяй, — поучал меня Кеша. — Нечего дожидаться… придешь ко мне или к своим сразу…

Конечно, знатоком института я себя не считаю. Куда мне до Корнеева или Ойры-Ойры! И все же шли мы путями такими удивительными, что порой у меня глаза на лоб лезли. То узкий коридор, по бокам которого текли булькающие огненные ручейки, то зал, заполненный зелеными пупыристыми пузырями, упругими, как резиновые мячи. Среди них приходилось проталкиваться, причем, по словам Кеши, делать это следовало осторожно, «чтоб не взорвались». Какое-то время я тешил себя гордой мыслью, что первым посещаю эти катакомбы, но потом обнаружил на попавшемся под ноги зеленом кристалле бирку с инвентарным номером и надписью «Ключ, зеленый» и загрустил.

Коридор наконец кончился, и мы вышли в большую, гулкую пещеру, видимо, где-то глубоко под фундаментом НИИЧАВО. Здесь, как ни странно, пахло обжитостью и каким-то уютом. Вдоль стен тянулись делянки какого-то мха, перемежаемые маленькими хижинами, грубо сколоченными из досок и кусков картона. Стены их были испещрены непонятными картинками. Над дверью одной я с удивлением обнаружил надпись: «Машина вычислительная электронная, Алдан» и на мгновение замер. Присмотревшись, однако, я понял, что хижи-

ны сооружены из пустых упаковочных ящиков.

С каждой минутой происходящее становилось все интереснее.

— Вот тут лифт, обратно на нем поднимешься, — ткнув пальцем в ржавую железную дверь в стене, сказал Кеша. — Через казармы не ходи, заплутаешь… Во! Твои сидят, пошли!

В дальнем углу пещеры и впрямь горел небольшой костер, возле которого сидела кучка людей. Вслед за Кешей я двинулся к ним… и остановился как громом пораженный. Здесь были все наши! Витька Корнеев, Роман, Володька… ой… А-Янус и У-Янус! И Кристобаль Хозевич, и Федор Симеонович!

Самым удивительным мне показалось даже не их странное собрание, а то, как бесцеремонно себя вели Витька и Роман. Они спорили с Кристобалем Хунтой, причем без малейшей тени пиетета.

— Да ты сам посуди! Не будет твое заклинание работать! — кипятился Роман.

Кристобаль Хозевич пожимал плечами, но возражать не пытался.

— Эй, дубляки! Я вам приваловского привел! — крикнул Кеша. И я наконец-то понял — передо мной сидели вовсе не сотрудники института, а их дубли.

Ой.

Кристобаль Хозевич… да нет, не он, конечно же, а его дубль, поднялся.

— Садитесь, наш юный товарищ, — вежливо сказал он. — Не смущайтесь, все мы поначалу смущались, но это быстро пройдет.

— М-милости п-просим. — Федор Симеонович подвинулся, тяжело ерзая на длинной доске, водруженной на пару чурбанов. — Мы тут п-проблему обсуждаем… обычную, знаете ли, о п-падении м-магических способностей у д-дублей.

Я стоял как вкопанный.

— Да садись, дубляк заторможенный! — завопил дубль Корнеева, и привычная грубость привела меня в чувство. Я бухнулся на скамью рядышком с дублем Киврина и услышал деликатное покашливание домового Кеши.

— Ну, пошел я…

Вяло помахав ему рукой, я стал оглядывать собравшихся. Были они вполне похожи на себя настоящих, Кристобаль Хозевич ничуть не терял элегантности, Корнеев — грубости, Киврин заикался не меньше, чем раньше. На меня деликатно не обращали внимания, и я стал приходить в себя. Как ни странно, но сознание мое упорно отказывалось считать сидящих вокруг дублями…

— П-полагаю, следует п-попробовать еще раз, — сказал Федор Симеонович и стал делать пассы. На него внимательно смотрели.

— Не так, Федор Симеонович, не так, — быстро проговорил Ойра-Ойра, увидев, что

Киврин старательно рисует в воздухе задом наперед букву «Е». — Это получается цифра «3».

— Ах ты Г-господи! Да неужто? — сказал Киврин, разглядывая слабо светящийся в воздухе след. — С моей с-стороны — так все н-нормально!

— Любезный Теодор, заклинание ваше должно быть ориентировано вовне, а не на вас самих, — сообщил Хунта.

Киврин закивал и стал терпеливо рисовать букву дальше.

— А настоящие за что ни возьмутся — у них все спорится! — сказал Володя Почкин, поднимая взгляд на меня. — Вот, даже Привалов дубля сотворил — не придерешься! До чего же любопытно, прямо засмотришься!

— Да ну, «не придерешься», — оборвал его Корнеев. — Сразу видно — дубляк! Ухо левое вниз съехало, глаза дурные, рот полуоткрыт все время…

Я торопливо захлопнул отвисшую челюсть. Федор Симеонович продолжал старательно чертить в воздухе знаки… как я понял, он собирался провести простейшую материализацию.

А-Янус и У-Янус строго и молча следили за его усилиями.

Кристобаль Хозевич положил руку мне на плечо, негромко сказал:

— Я пребываю здесь уже три года, молодой человек. Честно говоря, не самое плохое место для сбежавшего дубля. Но если бы ты знал, как стосковалось мое сердце по простым, привычным вещам… Нет ли у тебя с собой кусочка сыра?

— Но… вы же… не едите… — пробормотал я. Хунта смерил меня ироническим взглядом:

— Разумеется, так же как и ты, юноша. Но просто вдохнуть аромат сыра… посидеть с бокалом амонтильядо…

Киврин прервал свои попытки и почесал затылок. Неуверенно сказал:

— Уже лучше, д-да? К-кристо, не мучь н-новичка своим с-сыром.

Хунта гордо отвернулся. Несколько минут дубли сидели молча. Потом Ойра-Ойра негромко запел:

Нам колдовать нелегко, нелегко!
Хай-хай-эй-хо!
Сатурн в Весах, а Луна высоко!
Хай-хай-эй-хо!
ХаЙ-эй-хай-хо!

Роман отчеканивал ритм песни, не особенно заботясь о словах, а остальные подтягива-

ли ему хором:

Хай-хай-эй-хо! Хай-эй-хай-хо!

Мне стало не по себе. Я встал, едва не уронив пакеты, и робко спросил:

— Пойду?

— Куда пойдешь-то? — удивился Корнеев.

— Наверх… к П-привалову, — начиная заикаться, соврал я.

— Смотри, развеет он тебя, — мрачно пригрозил Корнеев. — Ну, сам решай.

Я бросился к двери лифта. Открыл ее — там и впрямь оказалась маленькая кабинка с одной-единственной кнопкой. Надавив ее, я прислонился к стене и шумно выдохнул.

Лифт шел вверх.

Стоит ли рассказывать о случившемся ребятам? Поверят ли мне? А если поверят, то чем все кончится?

Меня забила дрожь. Это ж надо. Сходил за цементом. Угораздило Витьку каблуком в стене завязнуть! Посмотрел на часы — я не удивился бы, если уже наступило утро, но еще не было и одиннадцати.

Так ничего и не придумав, я открыл дверцу остановившегося лифта и оказался в вестибюле. Выход оказался очень удачно замаскированным между колоннами, за грудой древних идолов. Споткнувшись о гипсовую курительную трубку неимоверных размеров, я выбрался к лестнице и побежал наверх.

В электронном зале уже было тихо. «Алдан», закончив расчет, сонно помаргивал лампочками, мои дубли сидели за столом и неумело играли в карты. При моем появлении оба вскочили. Я зажмурился, кинул пакеты на пол и пулей вылетел в коридор.

Так. К Витьке, немедленно. Из-за него эта каша завалилась, пускай он голову и ломает.

Через минуту я уже был на шестом этаже и словно вихрь ворвался в двери Витькиной лаборатории.

Глава 3

— Это д-дубли у нас простые!..

А и Б Стругацкие

Корнеев сидел на диване, заложив ногу за ногу. Одна нога была босой, и мне сразу вспомнился домовой Геннадий. Покосившись на меня, Витька продолжил странное занятие

— капать из пробирки бесцветной жидкостью на пятку.

— Ты чего? — спросил я.

— Болит. — Корнеев выплеснул на ногу всю пробирку. — Нет, ты сам посуди! Хорошая живая вода. Очень свежая. Если бы, к примеру, у меня пятка была напрочь оторвана, то приросла бы в момент. А вот ушиб не проходит!

— Так отрежь пятку, потом займись лечением, — ехидно посоветовал я.

Корнеев покачал головой:

— Нет, Сашка. Это выход простейший, примитивный…

— Корнеев, покажи пропуск, — попросил я. Витька вытаращил глаза:

— Ты… чего?

— Пропуск покажи!

Видимо, тон мой был настолько серьезен, что Корнеев от растерянности подчинился. Убедившись, что он не собирается рвать в клочки бумажку с ненавистной печатью на фотографии, я присел рядом.

— Витька, разговор есть серьезный. Очень важный.

— Ну? — насторожился Корнеев.

— Дубли… они живые?

— Жизнь, — отчеканил Корнеев, — есть форма существования белковых тел! Бел-ковых! А дубли у нас — кремнийорганические, ну или германиевые…

Я разозлился:

— Витька, ты мозги не пудри! Тоже мне… Амперян…

— Сашка, да никто этого толком не знает! Лет двести уже споры идут! Какая тебе, фиг, разница?

— Как это — какая? Если они живые, так какое право мы имеем их эксплуатировать?

Витька едва не упал на пол.

— Привалов, очнись! Тебе чайник эксплуатировать не стыдно? Или «Алдан» свой любимый?

— Разные вещи! — Я вздохнул. И рассказал Витьке всю историю.

Корнеев явно растерялся. Минуту смотрел на меня, словно надеялся, что я рассмеюсь и признаюсь в розыгрыше. Потом напрягся, щелкнул пальцами, и перед нами возник дубль.

Сходство с самим Витькой и грубияном из подвала было такое разительное, что я поежился.

— Как дела? — спросил Витька дубля.

— Пятка болит. — Дубль бесцеремойно вырвал у него пробирку, уселся рядом и занялся самолечением.

— Во. Иллюзия разумного поведения, — сообщил Витька. — Поскольку таким запрограммирован. Но все равно — дурак дураком.

Я неуверенно кивнул.

— Побейся головой о стену! — приказал дублю Корнеев. Дубль строптиво осведомился:

— А на фига?

— Качество штукатурки проверяем.

Дубль встал и принялся колотить лбом о стену. Монотонно, но далеко не в полную силу, отлынивая.

— Вот. — Витька махнул рукой. — Живой пример! То есть не живой — материальный! Живой себя так вести не будет!

Дубль, заметив, что Витька уже на него не смотрит, снизил амплитуду ударов до минимума.

— Понимаешь, Саша, ты человек в институте все же новенький, да и маг неопытный, — принялся рассуждать Корнеев. — К тому, что «Алдан» может за день такое рассчитать, на что сотне математиков месяц нужен, ты привык. А к тому, что машина может с виду на человека походить, пререкаться, беседу поддерживать, — еще нет.

— Витька, уж больно самостоятельно они себя вели…

— Ну и что? Дубль — это продукт жизнедеятельности магов. А маги, знаешь ли, всегда склонны к самостоятельности. Вот гляди… надо мне, к примеру, вместо себя дубля на свидание послать.

— Ну?

— Делаю я его самопрограммируемым и самообучающимся. Дабы ни одна девушка не заподозрила, кто ее домой из кино провожает. Если вдруг она его пригласит домой, чаек попить и с родителями познакомить, дубль должен проявить инициативу, вести себя так, чтобы в следующий раз меня дорогим гостем считали.

— Что потом?

— Если я дублю велел самоликвидироваться по выполнению задания, то все в порядке. Если нет… ну, не подумал… то выйдет он за порог и начнет дальше мной притворяться. Программа такая. И будет бродить, пока энергия не кончится. День, месяц… ну, смотря на какой срок я его зарядил.

— А три года?

— У Кристобаля Хозевича — возможно, — подумав, сказал Витька. — Помнится, был у него дубль, который ездил в годичную командировку. Что скажешь, мастер…

Витькин дубль зевнул, привалился лбом к стене, поморгал и исчез.

— Во. Так оно и должно быть, — бодро сказал Витька. — Но бывают промашки. Что, пойдем в подвал, с дубляками разбираться?

Я помотал головой:

— Нет, Корнеев. Не надо. Знаешь, пусть лучше сидят… колдовать пытаются. Жалко.

— Жалко… — пробурчал Корнеев. — Я же тебе все объяснил!

И все-таки он казался изрядно смущенным и настаивать не пытался.

— Может, еще с магистрами посоветоваться? — спросил я.

— Это ты сам решай. — Витька стал обувать ушибленную ногу. — Во, проходит помаленьку… Чего ты дома-то не усидел?

— Непривычно, — сознался я. — Решил еще поработать. Что, пойдем?

— Давай через полчасика. — Витька покосился на заставленный колбами стол. — Я нас обоих странгрессирую, прямо в комнату. Лады?

— Лады. — Я поднялся и вышел в коридор. Витька меня все же немного успокоил. Но стоило припомнить унылое пение дублей, как по спине забегали мурашки. Нет, не все так просто.

Было уже за полночь, и народ, похоже, начинал расползаться по домам. Я прошел в электронный зал — моих дублей уже не было, а в воздухе пахло озоном. Растворились… моей магической энергии никогда не хватало больше чем на пару часов. Я подошел к «Алдану», постучал пальцем по дисплею, потом потянулся к выключателю питания. Затарахтела пишущая машинка, скосив глаза, я прочитал: «Только попробуй!»

Вздохнув, я убрал руку. Пускай работает. Чем бы занять полчасика… точнее — часок, знаю я Корнеева…

В дверь деликатно постучали, и я обрадованно крикнул:

— Войдите!

Появившийся в дверях лысый старичок с выбритыми до синевы ушами был мне знаком. Не то чтобы часто пересекались, но все-таки однажды мне довелось поучаствовать в его эксперименте.

— Проходите, Луи Иванович! — поднимаясь, сказал я. — Садитесь.

Луи Седловой, кашлянув, прошел в зал. Изобретатель машины для путешествий по описываемому времени был мне очень симпатичен. Многие, Витька например, относились к нему с иронией, считая Луи Ивановича кем-то вроде Выбегалло. Действительно, работы Седлового грешили такой же красивостью и показушностью, но все-таки были куда интереснее и полезнее. Машиной времени, например, очень заинтересовались историки и литературоведы, а Союз писателей уже выступил с предложением запустить ее в широкое производство — дабы каждый автор мог побывать в собственноручно сотворенном мире и поглядеть на

все безобразия, которые там творятся.

Нравилось мне в Седловом и то, что, мужественно борясь с шерстью на ушах, он никак не пытался скрыть ее существование. Каждый день он появлялся с залепленными пластырем царапинами и виновато объяснял в ответ на иронические взгляды: «Вот лезет, проклятая… особенно по осени, к холодам…»

— Александр, здравствуйте, милейший… — Седловой казался изрядно смущенным. У меня закралось легкое подозрение, что заглянул он ко мне не случайно

— Садитесь, Луи Иванович, — повторил я — Может, кофе сварить?

— Нет-нет, ненадолго я… — Седловой отвел глаза. — Александр, вы уж простите за такой вопрос… вы не в курсе, куда моя машина времени подевалась?

— Ну… осталась где-то там, у Пантеона-Рефрижератора, рядом с Железной Стеной, — растерянно ответил я. — Помните же, я вернулся без нее…

— Да нет, нет, не та, новая, вторая модель, которую я для писателей собирал…

Секунду я ничего не мог понять. Потом понял и пожалел об этом.

— Луи Иванович… — пробормотал я. — Простите, не в курсе. Не брал.

Мне стало гадко и стыдно.

Седловой протестующе замахал руками:

— Александр, да что вы, что вы! Как я мог такое предположить! Я, знаете, крайне вам признателен, еще с тех самых пор, как вы мне с демонстрацией помогли! Очень высокого мнения о вас! Совсем о другом речь…

Смущаясь и временами трогая мочки ушей, Седловой принялся торопливо объяснять.

Оказывается, вот уже с неделю, как он замечал странные вещи. Началось с того, что, зайдя утром в лабораторию, он обнаружил машину времени передвинутой в другой угол. Значения этому Луи Иванович не придал, списав все на бестолковых домовых. Но странности продолжались. С дивной регулярностью машина времени меняла расположение, укрепляя Седлового в мысли, что кто-то по ночам ею тайком пользуется. Как правило, Луи Иванович, человек немолодой, а недавно еще и женившийся, уходил домой рано. Сегодня, однако, он попытался подкараулить таинственного визитера. Но стоило ему на полчаса выйти из лаборатории — как я понял, к старому приятелю Перуну Марковичу, — как машиной времени воспользовались снова. Мало того, что воспользовались, — машина оказалась забрызганной грязью, а возле нее валялся очень странный предмет…

И Луи Иванович смущенно достал что-то из кармана и подал мне.

С минуту я разглядывал удивительный предмет. Была это маленькая пластмассовая пластинка на пластиковом же ремешке. Пластинка была прикрыта тонким стеклом, под которым на сером фоне четко вырисовывались черные цифры. Сейчас они показывали «00.21».

Сбоку пластинки были две крошечные кнопки, нажав на одну из них, я заметил, что стекло слабо подсветилось изнутри, нажав на другую — добился смены цифр на «30.11».

— Какой-то прибор, — сказал я, с восхищением разглядывая устройство. — Удивительное устройство дисплея… интересно, что он может измерять…

Седловой кашлянул и виновато сказал:

— Полагаю — время…

Я схватился за голову. Посмотрел на свой «Полет» — полпервого ночи. Только и нашелся, что сказать:

— Отстают.

— Нет, Саша, я проверял, очень точно идут. Прямо-таки хронометр. Это ваши спешат.

— Вторая цифра, видимо, дата, — предположил я. — Великолепно. Луи Иванович, это надо как следует исследовать!

— Да, конечно. Александр, вы не подскажете, где применяются такие устройства?

— Я, конечно, не специалист… — признал я. — Но с подобными часами не встречался.

— А сложно такое сделать? Вещица-то электронная, вам виднее.

Я попытался представить себе электронное устройство для измерения времени. Самое, простое, которое только можно сделать. На германиевых транзисторах или на микросхеме вроде той, что недавно вмонтировали в «Алдан»…

Наручных часов никак не получалось. Будильник получался, очень симпатичный, со светящимися цифирьками на электронных лампах-индикаторах и с питанием от розетки. А наручные часы — никак.

— Луи Иванович, — признался я. — Ума не приложу, как такое сделать. Возможно, какая-то магическая разработка?

Седловой покачал годовой:

— Да я вначале так и подумал, Саша. Проверил, как мог, магии нет.

— Луи Иванович, — предложил я. — А давайте еще у кого-нибудь спросим? У Витьки Корнеева, он по таинственным исчезновениям специалист. Сколько раз диван из запасника вытаскивал.

— Полагаете, он? — заинтересовался Седловой.

— Нет-нет, — запротестовал я. — Ну… просто опыт какой-то…

— Пойдемте. Если вам не очень сложно…

Я замахал руками. Мне было интересно. Мне было прямо-таки крайне интересно. Если где-то делают подобные механизмы — то… Все мои представления об электронике летели к чертям.

Мы отправились к Витьке. Седловой суетливо бежал рядом, бдительно поглядывая на

часы в моей руке.

— Только не уроните… — попросил он.

Но я держал часы крепко, борясь с искушением нацепить их на руку. Мы вошли к Витьке в тот момент, когда он наполнял водой из крана большое ведро. Корнеев покосился на нас и поздоровался с Седловым.

— В живую воду будешь превращать? — спросил я.

— Нет, конечно. Пол хочу протереть, насорил за день, неудобно так оставлять. Сейчас я…

— Витька, погляди…

Я протянул ему часы, и Луи Иванович принялся рассказывать историю их таинственного появления Корнеев заинтересовался.

— Хорошо сделаны, — одобрительно заявил он, покачивая часы на ладони. — Изящно.

— Магия? — полюбопытствовал я

— Да нет, и не пахнет. Сашка, ты их открывал?

— Нет.

Витька порылся в столе, достал тонкую отвертку. Задумчиво посмотрел на часы и поддел заднюю крышечку. Та, щелкнув, отвалилась.

— Осторожно-осторожно! — заволновался Луи Иванович. Мы склонились над часами.

Внутри они были заполнены крошечными детальками, соединенными совсем уж тонкими проволочками. Я углядел что-то, напоминающее резистор, но больше знакомых элементов не было. Крошечная металлическая таблеточка, занимавшая чуть ли не треть объема часов, почему-то вызвала живейшее любопытство Корнеева. Он потрогал ее пальцем и заявил:

— Батарейка. Слабенькая. Одна десятая ампера.

Мы стали изучать часы дальше и обнаружили на крышке надпись, из которой следовало, что сработаны они в Гонконге.

— Ничего не понимаю, — признался я. — С каких пор в Гонконге такое делают?

— Да, это тебе не дублей пугаться, — признал Витька. — Слушай, а ведь если из таких деталей ЭВМ собрать, так она в чемодан влезет.

— Брось. Еще шкаф для устройства памяти потребуется!

— Может быть… — Корнеев уселся на стол. — Луи Иванович… вы никому про эту штуку не говорили?

Седловой покачал головой:

— Только Саше. Он все-таки специалист. Я-то больше по старинке… полихордальные передачи, темпоральные фрикционы… электроникой не балуюсь.

— А не могло ли такое случиться, — предположил Витька, — что некто, пользуясь ва-

шей машиной времени, добыл это устройство из мира вымышленного будущего?

Луи Иванович потер затылок:

— Сомнительно, коллега. Крайне сомнительно. Товарищ Привалов это будущее наблюдал собственными глазами… оно крайне разрежено и малореально. Предметы оттуда не возьмешь, сразу дематерилизуются.

— Точно?

Я покачал головой:

— Витька, ты помнишь, как меня высмеивал с попугаем? Мол, ни один писатель не придумает такого попугая, чтобы он выжил в реальном мире!

— Это попугай, он живой! А материальные предметы — они проще…

— Ну, какую-нибудь лопату или кирпич привести можно, — признал Седловой. — Если автор их хорошо представляет и описывает очень реально. Но чтобы добиться реальности столь сложного устройства, ему пришлось бы в деталях представить его работу. Так реально, как если бы он мог его собственноручно собрать!

— Давайте осмотрим место происшествия, — предложил Витька,

— Пойдемте, — обрадовался Седловой. — Честно говоря, я уже подумывал, не привлечь ли соответствующие органы… но ведь состава преступления нет, правда?

Мы отправились в его лабораторию.

В отделе Абсолютного Знания уже никого не было. Абсолютники редко задерживались сверх установленного рабочего времени, и свет дежурных ламп делал коридоры нескончаемо длинными и неуютными. Вдалеке свет горел ярче, и я немного удивился, что в отделе профессора Выбегалло кто-то, по-видимому, еще работал.

— Сейчас, сейчас, — хлопая по карманам в поисках ключей, сказал Луи Иванович. — Куда же я их положил… ох, на столе ведь оставил!

Он толкнул незапертую дверь, и мы вошли.

Лаборатория Седлового напоминала слесарную мастерскую. Может быть, уши у него обрастали шерстью, но все свои странные изобретения он собирал собственными руками. Здесь было светло, пахло смазкой и свежими стружками. На верстаке высилась немыслимая конструкция из алюминиевых трубок и стеклянных шаров, слегка задрапированная брезентом. Не знаю, что уж это такое было, но Седловой смутился.

Однако удивительным было не это. В дальнем углу, на деревянном помосте, рядом с машиной времени, копошилась какая-то четвероногая мохнатая фигура. Вначале мне показалось, что это старый облезлый медведь, и я попятился.

Но уже в следующую секунду мне стало ясно, что зверь попался куда более крупный. Это был не кто иной, как Амвросий Амбруазович Выбегалло.

— А… добрый вечер, Амвросий Амбруазович… — растерянно сказал Луи Иванович. — Чему обязан?

Выбегалло степенно поднялся с колен и окинул нас ничуть не смущенным взглядом.

— Я тут, значицця, вещичку одну потерял, — сообщил он. — Посторонние тут часто бывают, *нес се па* [1]?

Седловой растерянно посмотрел на Корнеева. Витька торжественно поднял за ремешок часы:

— Не эту ли вещичку?

— *Ма монтр!* [2] — воскликнул Выбегалло, быстро направляясь к нам. — Мои часы, так! Нехорошо, понимаете, молодой человек! Мораль надо соблюдать!

Он ловко выхватил из рук Витьки часы и принялся, сопя, надевать их на правое запястье — на левом часы уже имелись. Получалось у него плохо, так как ремешок явно был мал, может быть, даже рассчитан на женскую или детскую руку.

— Как прискорбно, — не прекращая своих попыток, сказал Выбегалло, — что и в стенах института… Да. Корнеев ваша фамилия?

Витька позеленел, и я понял, что сейчас начнется нечто страшное.

— Амвросий Амбруазович, — быстро спросил я, — откуда такая дивная вещь? Ваше изобретение?

Выбегалло спрятал часы в карман и подпер бока руками.

— Вопрос ваш, мон шер, преждевременный и провокационный. Мы его гневно отметаем. Завтра в одиннадцать ученый совет, приходите, любопытствуйте.

Он повернулся к Седловому и более добродушным тоном продолжил:

— Возвращаюсь к себе, значится, смотрю — ан нет часов! *Жэ пэрдю* [3], не поймите превратно, ма монтр! Где, думаю? Здесь, у вас, ответ несомненен! Я-то думаю: приду обратно, они лежат, ждут, понимаете ли, хозяина! Ан нет!

— Товарищ Выбегалло, — ледяным голосом спросил Корнеев, — а что вы делали в лаборатории Луи Ивановича?

Амвросий Амбруазович покосился на Витьку:

— Вопрос ваш, юноша, слабоадекватен! Позволительно его задавать товарищу Седловому, а не вам… да еще после сомнительной истории с часами!

Корнеев приобрел бледно-зеленый колёр, пошел пятнами и исчез. Через мгновение из

---

[1] не так ли (фр.).

[2] Мои часы! (фр.).

[3] Я потерял (фр.).

коридора донеслись такие звуки, словно кто-то яростно рвал волосы из чьей-то клочковатой бороды. Еще через мгновение Витька странгрессировался обратно, немного успокоившийся, но в нормальную окраску так и не вернувшийся. Самым забавным было то, что звуки из коридора не стихли — очевидно, не удовлетворенный краткостью расправы с дублем Выбегалло Корнеев сотворил еще и собственного двойника, который эту экзекуцию заканчивал.

— Амвросий Амбруазович… мне тоже очень интересно… чем обязан вашему визиту… — слабо сказал Седловой.

— Хорошо! Мы от прямых вопросов не уходим, а достойные ответы имеем на все происки! — Выбегалло положил руку на плечо Седлового, и тот слегка присел. — Шер мой ами Иваныч! Как вы помните, мы с вами еще в прошлом году договаривались о совместных экспериментах и использовании оборудования друг друга! С целью экономии средств и повышения производительности!

— Это когда мне автоклав потребовался? — моргая, спросил Седловой. — Но… я полагал, что вы будете ставить меня в известность… все-таки ценная техника…

— *Ву завэ тор!* [4] — изрек Выбегалло. — Всяческим… *данфан* [5], — он сверкнул в мою сторону глазами, — вы оборудование доверяете! А во мне сомневаетесь?

— Нет, но…

— Ваше участие в моем гениальном эксперименте будет упомянуто. В том или ином разрезе, — сообщил Амвросий Амбруазович. — Можете не сомневаться. А вот всяческую бумажную волокиту, когда она мешает нам лично, мы отвергнем как бюрократизм и перестраховщину!

Луи Иванович часто заморгал. Похоже, человеком он был мягким и сильно комплексующим из-за собственной ушной растительности.

— Да, но… — забормотал он.

Тем временем звуки в коридоре смолкли, и в дверь заглянул корнеевский дубль.

— В ушах — рвать? — спросил он.

— Конечно, — мстительно сказал Витька. Дубль исчез, и звуки возобновились, причем даже стали громче.

— Это недостойные происки, — косясь на дверь, сказал Выбегалло. Похоже, несмотря на то что был он дурак и подлец, сметки житейской все ж таки не утратил.

— О чем вы? — предельно вежливо спросил Витька. Выбегалло поежился и пробормотал, обращаясь только к Седловому и начисто нас игнорируя:

---

[4] Вы не правы (фр.).

[5] ребенок (фр.).

— *Де рьен* [6], Луи Иванович. Приходите завтра на ученый совет. *А демэн* [7].

Звуки в коридоре снова стихли, и вновь появился Витькин дубль. Взгляд у него был растерянный, как у любого хорошо сделанного дубля, выполнившего задание, но не оставшегося вполне удовлетворенным. Он раскрыл рот, собираясь было что-то еще спросить, но тут увидел Выбегалло, расцвел в улыбке и направился к нему. Выбегалло попятился. Корнеев тоскливо посмотрел на целеустремленную поступь дубля, его засученные рукава, потом вздохнул и щелкнул пальцами. Дубль растворился.

— За гнусные диффамации… — пробурчал с облегчением Выбегалло. И, шаркая валенками, вышел.

— Все-таки уважаемый Амвросий Амбруазович не совсем прав, полагаю, — робко сказал Седловой. — Не так ли, молодые люди?

Корнеев посмотрел на него и вздохнул:

— Таких, как Выбегалло, надо брать за воротник и рвать шерсть из ушей. Это однозначно, Луи Иванович. На вашем месте…

Седловой густо покраснел.

— Шерсть, молодой человек, это беда общая, и не стоит так на ней акцентировать…

Витька смутился.

— Был бы он просто дурак, хам или подлец, — сказал я. — А так ведь — все сразу и в одном флаконе.

— Луи Иванович, нет никаких сомнений, что Выбегалло при помощи вашей машины принес часы из воображаемого будущего, — сказал Корнеев. — И, полагаю, не только часы.

— Ну, ничего криминального в этом нет. Удивительно лишь, что он нашел мир, где подобные изобретения реальны.

Витька двинулся к машине времени. Осмотрел ее, едва ли не обнюхал, потрогал какие-то шестерни и покачал головой.

— Внешний вид надо улучшать, — быстро сказал Седловой. — Дизайн — так, если не ошибаюсь, ныне принято говорить. А то даже корреспондентам показать неудобно. Но сама машина вполне работоспособна!

Пережитки в сознании у него все-таки наличествовали в полной мере.

— Луи Иванович, — спросил Витька, — возможно выяснить, где побывал Выбегалло?

— Нет, друг мой, — вздохнул Седловой. — Я работаю над механизмом автопилота, но пока… Надо у Амвросия Амбруазовича спросить.

— Так он и ответит. — Витька выпрямился. — Да. Интересный расклад получается. Са-

---

[6] Не стоит благодарности (фр.).

[7] До завтра (фр.).

шка, тебе хоть один реальный мир попадался?

— Откуда? Да я и был-то недолго.

— Пошли домой, — решил Витька. — Завтра на ученом совете следует быть свежими и отдохнувшими. Похоже, У-Янус об этом нам и говорил.

Я кивнул. У меня складывалось нехорошее ощущение, что Витька прав. И что каша завтра заварится еще та… Но я все же заметил:

— Меня-то вряд ли на ученый совет пригласят.

— Пригласят. Кто у нас по электронным делам специалист? А Выбегалле теперь дороги назад нет, часики придется показывать. Луи Иванович, вас домой подбросить?

Седловой замахал руками:

— Нет, нет. Я так… пешочком. Воздухом подышу, подумаю. Спасибо, юноша.

Мы вышли в коридор, чтобы, трансгрессируясь, случайно не попортить какого-нибудь оборудования. Корнеев мстительно пнул ногой гору клочковатой грязной шерсти на полу, и мы перенеслись в общежитие.

Глава 4

— О достойный герой и славный господин, тот, кто овладеет этой книгой, станет властелином всех земель эфиопов и суданцев, а они станут его слугами и рабами, цари этих стран будут приносить ему дань, и он будет править всеми царями своего времени.

Жизнеописание Сайфа, сына царя Зу Язана

В это утро мы с Витькой проснулись одновременно и молча, не сговариваясь, двинулись умываться. Настроение у нас было как у солдат перед боем. Корнеев фыркал, плескаясь холодной водой, и временами приговаривал:

— За гнусные диффамации, значит… Будет вам диффамация, гражданин Выбегалло…

— Витька, ну а что мы реально сделать можем? — спросил я. — Даже если Выбегалло натащил из придуманного будущего всяких фантастических изобретений — в чем его обвинять? Он же скрывать не будет, что не сам все придумал.

— Теперь не будет!

— Угу. Теперь. Он в свою заслугу поставит тот факт, что к нам доставил.

— Использование магии в корыстных целях. — Корнеев был жизнерадостен и уверен в победе. — Знаешь про такую статью?

— Это еще доказать надо, что в корыстных.

— Докажем!

Мы отправились в столовую, где вступили в победоносную схватку с тушеной капустой. На середине завтрака к нам подсел бледный Юрик Булкин.

— Ребята, тут такие дела… с меня Выбегалло плакаты новые требует. Об экономии продуктов, правильном пережевывании пищи и прочем…

— Дошутился? — Корнеев захохотал, хлопая его по плечу. — Плюнь. Забудь.

— Как это — забудь? Мне Жиан велел адекватно отреагировать!

— А… — Витька прищурился. — Адекватно? У тебя василиски еще остались?

— Остались.

— Так вот возьми одного и доставь на рандеву с Выбегаллой. А потом укрась вестибюль статуей.

Юрик испытующе смотрел то на меня, то на Витьку. Человек он был в институте новый и не всегда понимал, где шутка, а где правда.

— Виктор, а ты уверен, что Жиакомо именно это имел в виду? — спросил Юрик с проснувшейся надеждой.

— Не уверен, — неохотно признал Корнеев. — Просто плюнь и забудь. Это и имелось в виду. А у Амвросия сегодня будет достаточно проблем… не до тебя ему будет.

Булкин благодарно закивал. Шепотом спросил:

— Говорят, Выбегалло сегодня доклад на ученом совете делает?

— Делает, — признал я.

— Можно там поприсутствовать? Говорят, тот еще цирк ожидается.

— Вряд ли. Да ты спроси Жиана, он же твой начальник. Может, и проведет.

Юрик помотал головой. Перед Жианом он робел больше, чем перед живым василиском.

— А, ладно… потом расскажешь, Витька?

Корнеев кивнул, и Юрик побрел к кассе, подхватив со стола свободный поднос. Я его вполне понимал, Жиан Жиакомо был личностью крайне уважаемой, магом потрясающей силы, но при этом каким-то неуловимым, держащимся от всех в отдалении. Даже Кристобаль Хозевич, с которыми они были так похожи, что я поначалу их путал, казался по сравнению с Жианом рубахой-парнем.

— Значит, так, Сашка, — рассуждал Корнеев. — Ты первым в бой не лезь. Действуй по моему сигналу, если что. Я сейчас поговорю с Ойра-Ойрой, с Почкиным, с Амперяном. Старики пускай с Выбегалло по интеллигентному воюют, а мы его будем бить его же методами.

— Это как?

— Увидишь. — Корнеев потер ладони. — Преклонение перед Западом… часики-то гон-

конговские…

— Это Восток.

— А, какая разница! Некорректное использование чужих приборов, отсутствие прикладного эффекта…

— Витька. Нельзя бороться с дураками и резонерами их оружием, — отхлебывая какао, сказал я.

— Почему?

— Они этим оружием лучше владеют, поверь. Либо проиграешь… либо шерсть из ушей полезет.

Корнеев загрустил:

— Ну что ты такой пессимист, Сашка! Надо же что-то делать!

— Надо, — признал я. — Но — не это.

Мы еще поспорили немного и по лабораториям разошлись, едва не поссорившись. Работалось плохо. Я отдал забежавшему Володьке его расчет, мы немного посудачили о Выбегалло и решили, что надо ориентироваться по ситуации. Потом девочки подошли ко мне с вопросом о никак не поддающейся оптимизации программе, и почти на час я полностью забыл об Амвросии Амбруазовиче. Это был хороший час. Но он кончился телефонным звонком.

— Александр Иванович? — вежливо поинтересовался У-Янус.

— Да, Янус Полуэктович, — непроизвольно вставая, сказал я.

— Вы сидите, сидите… Не могли бы вы минут через двадцать подойти к нам на ученый совет? Может потребоваться ваша консультация.

— Конечно, Янус Полуэктович.

— Спасибо большое, Саша… Тяжелый денек сегодня будет.

Я опустил трубку и посмотрел на весело щелкающий «Алдан». Началось…

Малый ученый совет проводили в кабинете у Януса Полуэктовича. Кто-то из магов его временно расширил, и, помимо огромного овального стола, там появилась площадка с до боли знакомой машиной времени Луи Седлового. Сам Луи Иванович сидел в сторонке, крайне смущенный и начисто выбритый. Были все великие маги. Киврин ласково кивнул мне, и я, отводя глаза, пожал ему руку. Никак не выходило из головы, как дубль Федора Симеоновича пытался колдовать. В углу жизнерадостно топтались Г. Проницательный и Б. Питомник. Пристроившись между Витькой и Эдиком, я стал ждать.

Выбегалло расхаживал вдоль трибуны, раскланиваясь с подходящими. При появлении Кристобаля Хозевича он гордо вскинул бороду и отвернулся. Хунта не обратил на это ни малейшего внимания.

— Все собрались? — Янус Полуэктович поднялся. — А, Привалов, вы уже подошли…

Все посмотрели на меня. Смущенный таким вниманием, я потупился. Выбегалло, мгновенно сориентировавшись, воскликнул:

— Дорогой мой, рад вас видеть!

Мне стало противно. Тем временем Янус Полуэктович продолжал:

— Мы собрались по просьбе Амвросия Амбруазовича, чтобы выслушать доклад о проведенной им совместно с товарищем Седловым работе. Прошу.

Я заметил, что при слове «совместно» Выбегалло дернулся, как кот, которому мимоходом наступили на хвост, но промолчал. Потрепал бороду и бодро начал:

— Товарищи! Чего мы все хотим?

Витька засучил руками, как девица, щиплющая пряжу, но промолчал.

— Хотим мы все внести свой вклад в закрома Родины! — продолжил Выбегалло. — Так, Янус Полуэктович?

Невструев поморщился и вежливо ответил:

— Без сомнения. Реальный вклад, а не демагогическую болтовню.

Кое-кто хихикнул, но Выбегалло сделал вид, что ничего не понял.

— Что мы на данный момент наблюдаем? — продолжал Амвросий Амбруазович. — Страна шагает вперед семимильными шагами — но ведь без помощи сапог-скороходов. Космические корабли бороздят просторы галактики, но что вынуждены есть наши героические звездопроходцы, покорители Марса и Венеры, наши славные Быковы и Юрковские? Всяческую водоросль и иную консерву! Некоторые личности занимаются производством живой воды, но так и не наладили ее полноводный поток на целинные поля, которые нас всех кормят!

На мое удивление, Витька прореагировал очень спокойно. Негромко сказал:

— Докладчик сегодня плохо позавтракал, — и продолжал слушать Выбегалло.

— Итак, вклад наш в общенародное хозяйство никак не отвечает возросшим потребностям населения…

— Можно конкретнее? — осведомился Янус Полуэктович. — Самовыкапывающаяся морковь плохо себя оправдала.

— Есть у нас отдельные недостатки, — признал Выбегалло, косясь на корреспондентов. — Кто много работает, тот и ошибается… порой. А в чем мастерство подлинного ученого? В том, чтобы, эта, обращать внимание на дела своих коллег и, творчески их доработав, обратить на пользу материальным потребностям народа! Вот сидит мой скромный товарищ, Луи Иванович Седловой, создавший малополезную штуку — машину для путешествия по придуманному, значится, будущему…

— Вот гад, — сказал Эдик. — Сашка, надо было вам вчера…

— Не помогло бы, — отмел я недоконченную идею. Смущенный Седловой съежился в кресле.

— Зачем советскому человеку путешествовать в выдуманные миры? — вопрошал Выбегалло. — Не будет ли это уклонизмом и, не побоюсь этого страшного термина, — диссидентством? Ежели кто хочет книжку почитать, так это дело хорошее. Много чего напечатано, одобрено и стоит на нашей книжной полке. Читай хоть журналы, хоть газеты, хоть иную литературу. А заглядывать туда из порожнего любопытства — вещь смешная, ненужная. Этим пусть оторвавшаяся от труда молодежь занимается, чтобы нам было что пресекать.

Янус Полуэктович глянул на часы и повторил:

— И все же я просил бы вас быть конкретнее. На данный момент лучшие умы института собрались выслушать вас… понимаете?

Выбегалло закивал:

— Вот я и обдумал, нет ли в придумке с машиной времени хоть какого-то полезного зернышка? И вспомнил совет всеми нами любимого товарища Райкина: можно все поставить на пользу обществу, даже хождения писателя по комнате, когда ему, значится, слов не хватает и он их где-то там ищет.

Питомник и Проницательный громко засмеялись. Им явно не доводилось заниматься поисками недостающего слова, данный в начальных классах запас их вполне устраивал.

— Ежели можно посмотреть на то, что писателя наши навыдумывали, то следует все это и взять для изучения, — продолжал Выбегалло. — Известно, что литература наша много чего полезного напридумывала. Это и сеялки с атомной тягой, и подводные лодки для сбора морской капусты, и прочие полезные вещи.

Кристобаль Хозевич поднялся и спокойно сказал:

— Полагаю, все мы убедились, что имеем дело с очередной прожектерской идеей. Из миров выдуманного будущего, равно как настоящего или прошлого, невозможно что-либо принести в наш мир. По причинам, понятным всем… здравомыслящим людям.

— Мне к-кажется, что, несмотря на определенную резкость тона, К-кристобаль Хозевич п-прав, — осторожно заметил Киврин. — Амвросий Ам-мбруазович, видите ли…

Странно, но Выбегалло словно обрадовали слова Хунты.

— Не прав! Не прав наш любимый Кристобаль, понимаете, Хозевич! — Он даже слегка поклонился Хунте, и я впервые увидел бывшего Великого Инквизитора растерянным. Довольный эффектом, Амвросий Амбруазович продолжил: — Мои сверхурочные работы с машиной времени дали результат прямо-таки феноменальный, говоря человеческим языком — недюжинный. И это сейчас будет объяснено и продемонстрировано, к восторгу населения и по-

срамлению скептиков от магии! Труд, эта… духовный, привел к появлению плодов материальных! В полном, понимаете, соответствии с законами единства и борьбы одного с другим!

Выбегалло взмахнул рукой, и два его лаборанта, скромно стоящие в углу, подтащили к столу большие закрытые мешковиной носилки. Корнеев крякнул и шепнул:

— Вот ведь натаскал… Выносилло наш недюжинный!

И все же даже Витька казался смущенным и заинтригованным.

Амвросий тем временем сдернул с носилок мешковину и, отпихивая лаборантов, принялся выкладывать на стол перед магами самые разнообразные предметы, приговаривая:

— Все заучтено и заоприходовано, ничего не пропадет…

Предметы пустили по рукам.

Много чего здесь было. И те самые часы, правда, с порванным ремешком — видимо, уж очень старался Выбегалло их нацепить на себя. Небольшой, очень симпатичный импортный телевизор, зачем-то соединенный шнуром с совершенно непонятным плоским ящичком, аккуратный пластиковый чемоданчик, женские колготки, что-то вроде кинокамеры, но очень изобильно украшенной кнопками… Как ни странно, но лежала даже пара книжек, точнее — огромных цветных альбомов, с надписью на английском — «OTTO».

— Смотрите, смотрите, удивляйтесь, — покровительственно сообщил Выбегалло. Все смотрели. Только Янус Полуэктович с усмешкой пролистал альбом, передал его дальше по столу и, подперев голову руками, стал наблюдать за Амвросием.

— Как я п-понимаю, — сказал Киврин, — все это — просто з-западный ширпотреб. Г-где-то там с-сделанный.

— Нет, — замотал головой Выбегалло. — Подвело вас чутье, товарищ Киврин! Не «г-где-то там», а у нас! В мире, созданном талантливым писателем!..

— А почему тогда все импортное? — ехидно спросил Корнеев.

— В будущем это уже значения иметь не станет! — изрек Выбегалло.

Я толкнул Витьку и шепнул:

— Бесполезно. Ты его не подловишь. Молод еще.

То ли Выбегалло услышал мои слова, то ли уловил движение — но, схватив чемоданчик, передал его мне:

— А это для изучения нашему уважаемому специалисту! Откройте!

Я открыл.

Внутри чемоданчик оказался прибором. С оборотной стороны крышки — тускло-серый экран. Была и клавиатура, напоминающая пишущую машинку, но с буквами и русскими, и английскими.

— Что это? — спросил я, совершенно очарованный. Выбегалло, извлекая из недр зипуна грязный клочок бумаги, навис над моей спиной. Неуклюже нажал какую-то кнопку.

Экран слабо засветился синим, на нем появилась какая-то желтая таблица с английскими надписями.

— Это, дорогой мой, гений мысли человеческой, электронная вычислительная машина!

Корнеев страшным шепотом произнес:

— «Шкаф для устройства памяти», да?

— А… как она работает?

— Сейчас-сейчас… — Выбегалло поводил грязным пальцам по клавишам, бормоча: — Стрелочка вниз, стрелочка вниз, эн-те, еще раз стрелочка вниз, эн-те, пять раз стрелочка вниз… эн-те!

Из глубины чемоданчика донеслась тихая, тревожная музыка. Появилась цветная — цветная! — картинка — человек, обвешанный жутким оружием, и наседающий на него страшный монстр.

— Сейчас… — бормотал Выбегалло, сверяясь с бумажкой. — Сейчас…

Картинка растаяла. Вместо нее появилось что-то вроде мультфильма — мрачные коридоры, бродящие по ним чудовища и торчащая вперед рука с пистолетом.

— А! — радостно заорал Выбегалло. Все уже стояли вокруг, затаив дыхание, лишь Янус Полуэктович негромко беседовал с Хунтой.

— Вот так, значицця, она ДУ-МА-ЕТ! — закричал Выбегалло, безжалостно давя на хрупкие кнопки. Изображение сместилось. Я понял, что он управляет происходящим на экране! Пистолет дергался, стрелял, чудовища выли, падали и кидались в экран желтыми огненными клубками. Все было настолько реально, что я подавил желание отпрянуть. А Выбегалло, оттесняя меня, бил по кнопкам и вопил: — Так мы ДУ-МА-ЕМ! Так мы всех врагов побеждаем! Так!

Экран покраснел, изображение сместилось к полу, словно неведомый стрелок упал. Только дергались чьи-то уродливые ноги. Выбегалло кашлянул и захлопнул крышку чемоданчика. Я обернулся.

Все стоящие рядом завороженно следили за экраном. На лице Федора Симеоновича блуждала счастливая улыбка, он тихо повторял:

— В каком же г-году… память не та… ш-шестьсот… не та память… Молодой был, д-дурной…

— Сашка, на «Алдане» такое возможно? — спросил Ойра-Ойра. Вроде бы деловым тоном, но слишком уж заинтересованно.

— Нет, — сказал я.

Первым опомнился Витька.

— Ха! Игрушка! — завопил он. — Такую детям не дашь, перепугаются насмерть! А взрослым она зачем?

Магистры неуверенно закивали. Я вздохнул, закрыл глаза и сказал:

— Корнеев, ты не прав. Это ведь просто программа… для игры. Представь, какая мощность должна быть у машины, чтобы так быстро обрабатывать графическую информацию!

— И ты, Брут… — прошептал Витька

— Тут одной памяти… не меньше мегабайта! — слегка преувеличил я. — Корнеев, я на такой машине, если с управлением разберусь и перфоратор подключу, за час все дневные расчеты сделаю.

— Что нам говорит молодежь? — спросил Выбегалло, облокотившись на мое плечо. — А молодежь, отбросив заблуждения, восхищена прогрессом человеческой мысли! Но ведь еще не все, не все!

Подхватив чемоданчик с ЭВМ, Амвросий кинулся к телевизору. Требовательно посмотрел на У-Януса:

— Эта… розетка нужна.

Янус Полуэктович провел ладонью по столу, в котором немедленно образовалась розетка. Выбегалло, заглядывая в другую бумажку, стал возиться с телевизором и ящичком.

— В чем нас обвиняют? — вопрошал он. — В недооценке культуры, духовности! А вот нет! Нет и нет! Рост культуры материальной, торжествующее потребление — оно завсегда порождает такую культуру, что раньше и присниться не могла!

Экран телевизора засветился. Я уже не удивился, что и тут изображение было цветным. На экране, в очень хорошо обставленной комнате, сидела большая семья, симпатичные, но какие-то уж больно прилизанные люди. Заиграла знакомая музыка, и внизу экрана поползли строчки текста. Явно не отрывая глаз от этих титров, Выбегалло запел:

Ши-ро-ка страна мо-я род-на-я!
Мно-го в ней ле-сов, по-лей и рек!

Все онемели. Пел Выбегалло ужасно, но, видимо, следя за титрами, в размер попадал. Так продолжалось минуты три. Люди на экране беззвучно открывали рты, временами Выбегалло нажимал какую-то кнопку и они начинали ему подпевать.

Картина была такой… такой… даже и не знаю, как ее назвать.

Когда Амвросий Амбруазович допел, выключил телевизор и торжествующе оглядел зал, все молчали. Только в уголке девушки, не замечая происходящего, листали альбом, сри-

совывая из него какие-то фасоны платьев и временами ойкая — видимо, находя что-то уж совсем удивительное.

— Хорошо, — сказал наконец Янус Полуэктович. — В работоспособности доставленных приборов мы убедились, вопрос их полезности можно продискутировать отдельно. Теперь поговорим конкретно. Амвросий Амбруазович, откуда вами, с помощью машины Луи Ивановича, были доставлены данные вещи?

Выбегалло всплеснул руками:

— Из будущего, значит! Из придуманного, нашего, хорошего!

— А в какой именно книге оно было описано?

— *Же сюи трэ шагринэ!* [8] — Выбегалло изобразил оскорбленную невинность. — Не имею понятия! Мы работаем, нам книжки читать некогда.

Кристобаль Хозевич, переглянувшись с Невструевым, сказал

— Предметы данные, полагаю, имеют немалую ценность в любом мире.

Выбегалло гордо закивал.

— И каким же образом вы взяли их в мире вымышленного будущего?

Нет, сегодня Амвросия смутить было невозможно.

— В целях эксперимента и технического прогресса я купил их на личные сбережения! — заявил он. — Смета мною будет приложена и, надеюсь, оплачена!

— Он неуязвим, — тоскливо прошептал Витька

Самым неприятным было то, что я уже запутался, стоит ли с Выбегалло бороться. Да, конечно, его «эксперименты» с чужим оборудованием пахли весьма дурно. Но оттереть Луи Ивановича в сторону ему маги не дадут. А вещи-то действительно интересные… Я вздохнул. И в наступившей тишине вздох мой прозвучал очень громко.

— Вы что-то хотите предложить, Привалов? — спросил Невструев.

— Я? Нет… в общем-то…

Янус Полуэктович кивнул:

— Хорошо. Мы выслушали мнение профессора Выбегало, теперь, полагаю, для чистоты эксперимента надо повторить его независимому эксперту. Предлагаю кандидатуру Привалова. Вы против, Амвросий Амбруазович?

Выбегалло заколебался:

— Эта… молодежь… она…

— Могу я! — привстал Корнеев.

Выбегалло замахал руками:

---

[8] Я крайне огорчен! (фр.).

— Привалов вполне, вполне… Юноша талантливый, пуркуа бы не па?

— Александр Иванович, вы согласны посетить мир, где имеются подобные… технологии? — Невструев пристально посмотрел на меня. И едва заметно подмигнул.

Я поднялся. Витька пихнул меня в спину и прошептал:

— Что хочешь делай, но если Выбегалло поддержишь — ты мне больше не друг!

— Саша, на тебя надежда, — сказал вслед Эдик Амперян. Неуверенно подойдя к машине времени, я покосился на магов.

Кристобаль Хозевич полировал пилочкой ногти, с сомнением поглядывая на меня. Киврин доброжелательно улыбался. Седловой достал носовой платок и принялся смахивать с машины пылинки.

— Янус Полуэктович, что именно мне проверять? — спросил я.

— Все. Постарайтесь выяснить, например, что это за книга. — Янус Полуэктович был воплощенным вниманием. — Подумайте, имеет ли смысл что-то оттуда привозить в наш мир. Посмотрите сами, по обстановке.

Я кивнул, усаживаясь на машину. Спросил Выбегалло:

— Так куда мне отправляться… Амвросий Амбруазович?

— Ты… эта… по газам, по газам! Гони вперед, не останавливайся. Все уже кончится, а ты гони!

Инструкция была столь же простой, сколь и странной. Пожав плечами, я поставил ногу на сцепление.

— Давайте, давайте, — прошептал Седловой. — Вам не в первый раз, вы путешественник опытный…

Я нажал на клавишу стартера, и мир вокруг расплылся.

Глава 5

Но это уже другая история, и мы расскажем ее как-нибудь в другой раз…

Михаэль Энде

Видимо, сказывался прежний опыт. С путешествиями во времени — это как с ездой на велосипеде, и сам процесс очень похож, и навык приобретенный не теряется. Машина шла на полном газу, критичные утопии так и мелькали вокруг.

Я даже немного отвлекся от сути своего задания — так интересно было посмотреть на знакомые места. Возникли знакомые граждане в хитонах с шанцевым инструментом и чер-

нильницами, я помахал им рукой и подбавил газку. Пронеслись гигантские орнитоптеры, я замедлил ход, чтобы получше их разглядеть, и обнаружил, что на крыльях восседают солдаты с ружьями, энергично и бестолково паля друг в друга. Менялась архитектура призрачных городов, из стен и крыш начали вырастать антенны, забегали могучие механизмы, колесные, гусеничные и многоногие. Как и раньше, люди в большинстве своем носили либо комбинезоны, либо отдельные, очень пестрые предметы туалета. Я попытался представить, можно ли отсюда что-нибудь вынести в реальный мир, и покачал головой.

Сомнительно.

Хотя Выбегалло наверняка пробовал. «Нестирающиеся шины с неполными кислородными группами» должны были поразить его воображение.

Я снова полюбовался массовым отлетом звездолетов и космопланов, вереницей женщин, текущей в Рефрижератор, и прибавил ходу. Было в этих картинах что-то древнее, титаническое… и вместе с тем невыразимо грустное.

Когда пошли лакуны во времени, лишь Железная Стена продолжала служить мне ориентиром. Дождавшись появления колыхающихся хлебов, я сбавил ход и остановился.

Было очень тихо. Я слез с машины времени, сорвал пару колосьев, внимательно рассмотрел их. Н-да. Пожалуй, даже колосок отсюда не привезешь. Авторы романов про будущее в большинстве своем пшеницу видели лишь в виде батонов… Тоскливо оглядевшись, я поискал взглядом маленького мальчика, который в прошлый визит пояснял мне назначение Железной Стены. Но его не было. Наверное, выступал где-нибудь на Совете Ста Сорока Миров. Спросить некого. Значит, надо отправляться дальше. Я снова запустил машину времени и двинулся вперед. У меня стала зарождаться идея, что Выбегалло что-то напутал или мир, куда он путешествовал, саморассосался.

Но тут вдруг началось что-то необычное. Из-за Железной Стены, озаряемой далекими ядерными взрывами, полыхнуло особенно сильно — и Стена дернулась, накренилась. Я притормозил, выпучив глаза. Мир Гуманного Воображения, по которому я несся, меняли на глазах! Его стали озарять такие же адские взрывы, а сверкающие купола и виадуки вдали стремительно превращались в руины вполне заурядных домов. Небо потемнело, повалил серый снег. Выжженные нивы покрылись сугробами. Дождавшись, пока взрывы по эту сторону стены стихли, я затормозил.

Было очень холодно. Лениво падал снег. На много километров вокруг простирались лишь запорошенные снегом развалины. Я поежился, попытался поднять комок грязного снега. Снег был вполне реален, его явно можно было привезти домой. Потом я подумал, что снежок этот радиоактивен, выбросил его и торопливо вытер руки.

В это мгновение кто-то тронул меня за колено. Подскочив в седле, я обернулся и уви-

дел маленького мальчика в резиновом балахоне и противогазе. Из-под стекла противогаза нездорово светились запавшие, глубоко посаженные глаза. Секунду я размышлял, тот это мальчик или не тот, так ничего и не решив, спросил:

— Тебе чего, малыш?

— Твой аппарат поврежден? — глухо осведомился он из-под противогаза.

— Нет… — прошептал я.

Мальчик без особой радости кивнул и присел на снег. Похоже, он очень устал и замерз. Я растерянно подумал, что надо схватить его и привезти в реальный мир… Конечно, был риск, что привезу я лишь противогаз, но мальчик был таким измученным и несчастным, что выглядел реальным.

Однако мальчик, отдохнув, поднялся и побрел дальше.

— Эй! — завопил я. — Подожди! Пойдем со мной!

Мальчик на ходу покачал противогазным хоботом и ответил:

— Не принято… уже…

— Что случилось-то? — в отчаянии осведомился я.

— Стенка железная рухнула, — равнодушно ответил мальчик, исчезая среди сугробов.

Мне стало так страшно, что я едва удержался от нажатия на газ. Соскочил с машины времени, бросился за ребенком — но его среди сугробов уже не было.

Видимо, в данной книге догнать его было «не принято»… С ловкостью велогонщика я заскочил в седло и дал по газам. Опять начались взрывы. Стена кренилась и рушилась все больше. Из-за нее в мою сторону пробежал детина с автоматом и в кожаной куртке на голое тело. Рядом с ним неслась чудовищных размеров псина, и оба они смерили меня плотоядными взглядами. Я ускорился, но это было как наваждение — лет через тридцать по спидометру очень похожий мужик с очень похожей собакой пробежал в обратную сторону. Это было похоже на некий обмен дружескими делегациями.

Кошмар!

Несколько минут я мчался мимо остатков Железной Стены, наблюдая взрывы и оборванцев с оружием. Потом вроде бы все поутихло. Оборванцы стали чище, автоматы и базуки сменились мечами. Вместо собак временами пробегали демоны. Вместо руин появились мрачные храмы. Я по-прежнему не решался сбросить скорость и продолжал движение.

К моей дикой радости, взрывы больше не повторялись, мужики с автоматами исчезли вовсе, а граждане с мечами хоть и продолжали бегать, но стали совсем уж прозрачными и невнятными. Руины быстро отстроились, превратившись в довольно реальные здания, по улицам двинулись почти настоящие люди. Я остановился.

Мир вокруг казался настоящим. Люди были одеты нормально, по улицам ездили очень

красивые, но правдоподобные машины. Воздух, насыщенный выхлопными газами, однако, казался нерадиоактивным. В витринах магазинов стояли муляжи продуктов. Я взвалил машину времени на плечи и зашел в один из магазинов. Там стояла длинная очередь за разливным молоком и еще более длинная — за водкой. Поежившись, я выскочил обратно.

На меня стали обращать внимание. Кое-кто просто озирался, а какой-то тощий, подозрительно знакомый мальчик, улучив момент, когда я поставил машину времени на тротуар, попытался ее утащить. Впрочем, аппарат оказался для него достаточно тяжелым, и я отобрал его без особых хлопот.

Было так неуютно, что я торопливо двинулся к поросшим травой останкам Железной Стены. За ней, как ни удивительно, было куда чище и пристойнее. Там высились полупрозрачные купола и сверкающие акведуки. В небе пролетали космолеты. Какие-то люди, разукрашенные татуировками и частично состоящие из кибернетических протезов, вели странные, заговорщицкие беседы, но по крайней мере на меня смотрели снисходительно и почти дружелюбно.

— Хэлло! — выдохнул я.

— Русский? — полюбопытствовала красивая девушка в переливающихся одеждах.

— Ну заходи… посидишь в сторонке.

Некоторое время я посидел, слушая их разговоры. Но они в основном велись о проблемах лингвистики, борьбе с цивилизацией кристаллических насекомых и последних дворцовых сплетнях. Мимоходом я услышал, что девушку собираются разобрать на внутренние органы для трансплантации их собеседникам. Мне стало совсем плохо, и я заскочил в седло.

— Не советую, — сказала девушка вслед.

Я не внял предупреждению и отправился в путь.

По эту сторону Железной Стены было одно и то же. Варвары с мечами, красивые девушки, киборги. Остановившись через пару лет, я торопливо перетащил машину времени на свою сторону и снова двинулся вперед.

Местность особенно не менялась. Видимо, сверкающие купола, тучные хлеба и астропланы совсем уж вышли из моды. Высились нормальные здания, бродили нормальные пешеходы. Я снова остановился и подобрался к какому-то магазину. Витрины были заполнены продуктами, почему-то сплошь — импортными. Внутри люди оживленно и со вкусом занимались покупками. Я почувствовал, что близок к цели.

Мир этот, в общем, казался достаточно приличным и реальным. Побродив среди прохожих, я убедился, что разговоры они ведут вполне человеческие, вот только очень уж мрачные. Все они делились на две группы — одна, большая, состояла из каких-то кадаврообразных граждан, озабоченных вопросом, что сейчас модно, где и что можно купить дешевле и

как «отхватить» побольше денег. Были они настолько мерзкими и прямолинейно подлыми, что слушать их было просто противно.

Вторая, более симпатичная, хоть и малочисленная группа, состояла сплошь из рефлексирующих интеллигентов. Они смотрели друг на друга и на меня с печальной, обреченной добротой. Они говорили о прекрасном, цитируя известных и элитарных авторов. Смысл их разговоров сводился к тому, что человек по сути своей мерзок и гнусен. Сами они, очевидно, были редкими исключениями, но никаких надежд для рода людского не питали. Наиболее потрясающим было то, что многие из них являлись телепатами, воплощениями Всемирного Разума, второй инкарнацией Христа, их охраняли законы природы и космические силы. Любой из них был способен накормить пятью хлебами тысячу голодных, не считая женщин и детей. Но они к тому вовсе не стремились, ибо были уверены, что, начав действовать, немедленно поддадутся самым гнусным устремлениям и побуждениям. Немногие активные индивидуумы, пытающиеся что-либо совершить, служили иллюстрацией этого тезиса, кратковременно становясь диктаторами, извергами и кровавыми тиранами. Кажется, основной идеей, витавшей в воздухе, была пассивность, позволяющая второй группе остаться хорошими, пусть и беспомощными людьми.

Особенно меня потряс какой-то несчастный школьный учитель, потрясающе реальный и невыносимо несчастный. Он считал, что все окружающее — лишь чей-то гнусный эксперимент и весь мир вокруг — некая модель реального, счастливого мира, крошечный кристаллик, помещенный под микроскоп. Он кричал о летающих тарелках, которые являются объективами микроскопов, о том, что жить надо достойно и радостно. Конечно же, его никто не слушал. Когда я сообразил, что бедного учителя вот-вот убьют собственные ученики, я зажмурился и перескочил на десяток лет вперед.

Ничего не изменилось!

Жадно дыша вонючим воздухом, я озирался по сторонам.

Город вокруг стал настоящим донельзя, я его даже узнал — и содрогнулся. Рефлексирующие интеллигенты мужественно брали в руки автоматы Калашникова и палили по цепочкам солдат, по несущимся в небе призракам, по вылезающим из земли исполинским зверям. Все было тускло, серо, гнило, омерзительно — и при этом словно бы правдиво. Мне захотелось лечь на грязную мостовую и помереть. Из ступора меня вывел очередной малыш с горящими глазами, который попросил у меня машину времени — покататься. Стало страшно, и я дал по газам, провожаемый возгласами ребенка о том, как он во мне ошибся и насколько плохи большинство взрослых.

Не знаю, сколько я несся вдоль этих миров, — я закрыл глаза. Порой звучали атомные взрывы, изредка грохотали звездолеты, иногда знакомо трещали автоматы. Я ни на что не

смотрел. В душе было пусто и тихо, ничего в ней не осталось, это будущее высосало меня до последней капли, заставило поверить в себя — и отшвырнуло, словно использованную зубочистку.

Потом стало тихо. Земля исчезла вообще. Я несся среди космоса, вокруг тихо угасали звезды и сворачивались в клубки туманности. Редкие звездолеты были чудовищно огромны, но необратимо разрушены. Потом Вселенная начала сворачиваться в точку, и я положил руку на клавишу стартера. Надо было возвращаться.

Но единственное, что меня еще держало, — это взгляд Януса Полуэктовича и слова Корнеева. Где-то там, далеко позади, в настоящем и солнечном мире, остались друзья и коллеги, остался НИИЧАВО и Соловец, Наина Киевна и Хома Брут, даже Амвросий Амбруазович Выбегалло…

А вокруг было Ничто. Вселенная сжалась в точку — над которой парила моя машина времени. Секунду — или миллион лет, ибо времени уже не стало, а спидометр зашкалило, она дрожала в сингулярности. Это было так тоскливо, что я закричал. Не помню уже, что я сказал, кажется, что-то очень известное и избитое. Но Вселенная стала вновь расширяться.

Звезды фейерверком пронеслись сквозь меня и превратили Ничто в небо. Гирлянды созвездий и паутина туманностей на мгновение воссияли вокруг, но тут вспыхнуло солнце, и под ногами вспухла Земля. Вокруг замелькали какие-то волосатые кроманьонцы, люди в тогах, рыцари в броне, алхимики над ретортами. Я дождался, пока мир приобрел привычные очертания, и остановился.

Все было реально.

Люди — может быть, чуть поскучнее, чем в реальности, но абсолютно убедительные. Ни одного прозрачного изобретателя или идиота с мечом и автоматом. Минуту я переводил дыхание, озираясь. Вот пробежал мальчик с удочкой, но он вовсе не стремился завести со мной умную беседу или спереть машину времени. Вот подошел милиционер, очень похожий на сержанта Ковалева. Он-то явно собирался со мной побеседовать, но я дал по газам и перенесся на пару лет вперед.

Кажется, это и был тот мир, который я искал.

Я закурил, оглядываясь по сторонам. Здесь, конечно, еще не делали ЭВМ, помещавшихся в маленький чемоданчик. Но все было столь вещественно, что я не сомневался — именно здесь пиратствовал Выбегалло.

Решив останавливаться каждые два года, я выжал сцепление и отправился в путь.

Мне потребовалось совсем немного времени. Всего пятнадцать остановок. Потом я ударил по клавише стартера, и машина времени провалилась обратно.

В реальность…

— Это м-мерзко и от-твратительно! — кричал где-то рядом Федор Симеонович. — В-вам придется отвечать, г-гражданин Выбегалло!

— Позвольте-позвольте! — грохотал бас Амвросия Амбруазо-вича. — *Же-не сюи па фотиф!* [9] Молодежь нынче пошла… слабонервная! Нас царские жандармы не запугали! Не смейте мне хамить, Киврин!

— Тихо, — сказал Янус Полуэктович. Очень спокойно, но веско. И сразу наступила тишина. Я открыл глаза и увидел, что все смотрят на меня. С таким сочувствием, что мне стало неудобно.

— Ребята… бросьте вы… — прошептал я, поднимаясь. Корнеев помог мне, радостно гаркнув:

— О, очухался, Привалов!

Поддерживаемый Витькой и Романом, я встал. Растерянно сказал:

— Извините, пожалуйста…

— Что вы, что вы, г-голубчик, вы прекрасно д-держались… — отворачиваясь, сказал Киврин.

Кристобаль Хозевич молча подошел ко мне, хлопнул по плечу и, словно смутившись своего порыва, отошел в сторону.

— Полагаю, все мы убедились… мир тот — достаточно материален, — сказал Невструев.

Выбегалло радостно закивал.

— Единственный вопрос, стоящий перед нами, каким законным образом можно осуществлять… ну, скажем мягко — обмен технологиями с этим миром.

— Как это каким? — завопил Выбегалло. — Налицо, понимаете ли, мой героический эксперимент… и экскурсия товарища Привалова — налицо! Садимся, едем и добываем культуру материальную и духовную! Милости просим!

— Привалов, вы согласились бы еще раз там побывать? — спросил Невструев. Я покачал головой:

— Нет, Янус Полуэктович. Извините, нет. Давайте лучше я на картошку съезжу.

— Полагаю, это общее мнение? — спросил Невструев. Никто ему не возразил. Тогда Выбегалло всплеснул руками:

— Как же это, товарищи? Где ваше гражданское мужество?

— Вы проделали это путешествие без колебаний, не так ли, Амвросий Амбруазо-

---

[9] Я не виноват! (фр.).

вич? — спросил Хунта.

Выбегалло гордо кивнул:

— Да! И никакое слабоволие и малодушие надо мной не довлело!

— Это не малодушие. Это чистоплотность, — холодно сказал Невструев. — Что ж, тогда эта тема будет поручена вам лично, Амвросий Амбруазович. Опыт у вас есть, силы духа — не занимать. Поработайте во благо народных закромов.

Выбегалло замолчал, хватая ртом воздух. А Янус Полуэктович продолжил:

— Остается, конечно, открытым ряд вопросов. Например — с обменом валюты, ибо даже новые, шестьдесят первого года, рубли вам не помогут. Но мы, со своей стороны, добьемся валютных ассигнований. Иной вопрос — как к вам отнесутся… там?

— Инсинуации, — косясь на корреспондентов, сказал Амвросий Амбруазович. — Выбегалло чист перед законом!

— Работа вам предстоит трудная, но интересная, — никак не реагируя на Выбегалло, говорил Невструев. — Вы согласны, не так ли?

Амвросий Амбруазович помолчал секунду. Похоже, он взвешивал все плюсы и минусы. По лицам ребят я видел, что они волнуются. Но я был спокоен. Они просто наблюдали за моим путешествием.

А я — был там.

Выбегалло, конечно, не прочь урвать «чего-нибудь этакого» из мира за пределом времен. Но бывать там регулярно… Он был, конечно, дурак, но дурак осторожный и трусливый.

— Своевременно заостренный вопрос! — сказал Выбегалло. — Очень правильная постановка проблемы! Что нам эти вещи… сомнительного производства? Что, я спрашиваю, товарищи? Что лучше — несуществующая культура придуманного мира или наши дорогие сотрудники?

— Как ни странно, даже вы — лучше, — сказал Жиан Жиакомо. — Никогда не подозревал себя в возможности такого признания… но, сеньоры… честность побуждает признаться.

А Выбегалло несло…

— Надо еще разобраться со многими вопросами! — размахивая руками перед шарахающимся Питомником, говорил он. — Кто создал этот… с позволения сказать — времяход? Кто напридумывал эти неаппетитные миры, а? Имя, товарищи, имя!

Все уже постепенно расходились, Киврин и Хунта дискутировали вопрос, что лучше — отправить все привезенные предметы назад, в будущее, или сдать на хранение в Изнакурнож. Янус Полуэктович что-то дружелюбно говорил Седловому, и тот растерянно кивал… Корнеев грубо пихал меня под ребра и усмехался. Ойра-Ойра, поглядывая на чемоданчик с

ЭВМ, спросил:

— Скоро у нас такие появятся, Сашка? — Что-то я невнимательно за спидометром следил…

— Лет тридцать, — сказал я, — Впрочем, не знаю. Это там — тридцать лет. А как у нас… не знаю.

— Пойдем перекурим, — предложил мне Амперян. И таинственно похлопал себя по оттопыренному карману пиджака. Я вспомнил, что к Эдику на днях приезжал в гости отец из Дилижана, и кивнул:

— Сейчас, Эдик. Минутку.

Из кабинета уже почти все вышли, когда я подумал — а зачем, собственно? Неужели мне хочется знать ответ?

И я тоже двинулся к выходу, когда Янус Полуэктович негромко сказал:

— А вас, Привалов, попрошу остаться.

И почему-то усмехнулся…

Мы с директором остались вдвоем, и Невструев, прохаживаясь у стенда с машиной времени, сказал:

— Все-таки, Саша, вы по-прежнему думаете, что одним правильно поставленным вопросом можно разрешить все проблемы… Ну, спрашивайте.

Я колебался. Мне и впрямь хотелось знать, почему тот мир, в конце времен, был так реален. И возможно ли было его придумать… в человеческих ли это силах?

Но я справился с искушением и покачал головой:

— Янус Полуэктович, можно я лучше другое спрошу? Мы с Корнеевым… правильно соединили?

— Колесо Фортуны? — Невструев покачал головой. — Нет, конечно. Ни одна попытка остановить Колесо Фортуны не заканчивалась удачей. Равно как попытки разогнать его… или остановить. И попытка вернуть его в прежнее состояние — тоже лишь благая мечта, которую уже не осуществить.

Мы оба молчали. Я ждал, пока Невструев закончит, а он смотрел куда-то далеко-далеко… в будущее. Янус вздохнул и продолжил:

— Но самое удивительное, что ничего страшного в этом нет, Привалов. Поверьте.

— Я хочу вам верить, — признался я. — Можно идти? У меня работы еще… невпроворот.

— Идите, Саша. Работа… да и Амперян с Корнеевым вас ждут.

У самых дверей, когда я посторонился, пропуская грузчиков-домовых, среди которых мелькнула добродушная физиономия Кеши, я не утерпел и снова повернулся к Невструеву:

— Янус Полуэктович, а почему вы вчера мне говорили, что неделя будет тяжелая?

— Говорил? Вчера? — Невструев приподнял брови и улыбнулся, — Запамятовал, признаться… Ну, так неделя ведь только начинается, Саша.

— Да? — растерянно спросил я.

— Конечно, — с иронией ответил Невструев. — Вы это скоро поймете.

Позже я действительно это понял.

Но это, конечно, уже совсем-совсем другая история.

***

Когда я писал «Временную суету», я ставил своей главной целью не спорить с авторами «Понедельника». В «Ласковых мечтах полуночи», маленьком рассказе, где действуют персонажи «Хищных вещей века», ситуация казалась прямо противоположной. Я решил попробовать написать «альтернативную концовку» повести, куда менее оптимистическую, но в чем-то возможную. Выбор книги сложностей не вызвал. «Хищные вещи века» — одна из самых любимых моих книг. Самых любимых не только у братьев Стругацких, и не только в фантастике…

А потом вышло в свет новое издание «Хищных вещей века», избавленное от цензурных правок и навязанных редакторами дополнений. И оказалось, что спора в общем-то и не было. Разве что с приказным оптимизмом, царствовавшим в нашей литературе в недалеком прошлом.

Но это, опять же, уже другая история…

ЛАСКОВЫЕ МЕЧТЫ ПОЛУНОЧИ

Я от того проснулся, что Рюг во сне тихонько завизжал. Вначале я вспотел, страх высыпал по коже ознобистыми пупырышками, потом раскрыл глаза и присел на кровати — спиной прижимаясь к стене, а руки выставив перед собой. Сна как в помине не было.

Но это был всего лишь Рюг. И визжал он так, понарошку, то ли приснилось ему что-то противное, то ли вспомнилось. В свете от окна его бритая макушка слегка поблескивала, и до меня сразу дошло, что мы не в моей комнате, и даже не у Рюга, а у русского Ивана.

Верите не верите, а мне как-то сразу легче стало. Я сидел, смотрел на блестящую голову Рюга и раздумывал, не намазать ли ее зубной пастой или фломастером написать какое-ни-

будь слово. Но тут Рюг дрыгнул ногой, сбрасывая одеяло, и тихонечко сказал: «Ой!» Не просыпаясь, конечно.

И мне сразу расхотелось над ним издеваться. Я встал, подошел к двум составленным вместе креслам, на которых Иван постелил Рюгу, наклонился над ним и тихонечко подул в ухо. Это всегда помогает, я знаю, мне так Вузи делала, а я однажды проснулся и увидел.

Рюг замер и задышал чаще.

— Дрыхни, — сказал я ему погрубее, но тихо. Чтобы Иван не услышал, что кто-то не спит, и чтобы Рюг во сне мою грубость почувствовал. Когда говорят ласково — это плохо. Это почти всегда опасность.

Рюг теперь нормально спал, наверное, я ему все плохие сны выдул. Я подошел к окну и посмотрел в сад. Было тихо, мамаша с Пети небось уже спали. Где-то далеко кричали про дрожку, привычно и скучно.

Вот только что-то было неправильно. Совсем-совсем неправильно, я это чувствовал и мучился, но никак не мог понять, в чем дело. На всякий случай решил подойти к двери в спальню Ивана и послушать.

Тут-то до меня и дошло.

За дверью тарахтело, шипело, булькало. Негромко и совсем не страшно. Я облизнул губы и покосился назад. Но Рюг сладко спал. Стало так завидно, что я пожалел, что не разбудил его.

— Иван… — зачем-то сказал я. Обидно было до слез! Ну как же так! Почему? Дверь к нам он запер, только все это ерунда была. Объяснял же я ему, что двери нигде не запираются, а он… «на полчаса работы»… И забыл. Вот так всегда, стараешься, а тебе не верят!

Я немножко подергал дверь, чтобы на той стороне с задвижки соскочил стопор. А потом повернул ручку, и дверь легко открылась. Мне все-таки хотелось верить, что это полная ерунда, что мне примерещилось и сейчас Иван от шума проснется, вскинется на постели и громко спросит: «Лэн, что, не спится? Слушай, по ночам детям надо спать, а не пугать мирных постояльцев!» Но Ивана в спальне не было, конечно же. Потому что звук мне не померещился, шел он из ванной, а еще там шумела вода.

У меня еще немножко оставалась надежда, что Иван не успел. Что он только раздевается, или сыплет в воду «Девон», или размышляет, стоит ли… Он же умный мужик, не какой-нибудь дрянь-человечек!

И я сиганул через всю комнату, чуть не налетев на кресло, которое Иван зачем-то оттащил к окну. Само окно было зашторено, и света в комнате было чуть-чуть — из холла да из щелки плохо прикрытой двери в ванную.

Глупо это было, конечно. Как Вузи говорит иногда, приходя с вечеринки: «Ах, как хо-

телось обманываться!» Лежал Иван в ванне, в горячей зеленой воде, от которой воняло «Девоном», голый, красный, с глупой блаженной улыбочкой на лице. Из полуоткрытого рта стекала слюна, тоже густо-зеленая, значит, все по правилам сделал, закусил «Девончиком». А приемник стоял на полочке и радостно шипел.

Дело, конечно, не в том, что он шипит и булькает, про это каждый пацан знает. Это просто побочный эффект, а все дело в волнах, которые слег излучает. Мне-то ничего, на детей, говорят, он почти не действует, даже если в ванну забраться.

А вот Ивану нравилось. Он то улыбался, то хмурился, то что-то бормотал неразборчиво.

— Иван, — сказал я зачем-то. Словно он мог меня сейчас услышать…

— Где Буба? Он мне срочно нужен… — тихо, но разборчиво прошептал Иван. Ему было сейчас хорошо и интересно.

А я смотрел на него, и мне было так паршиво! Словно со мной эта беда случилась!

Ну почему, почему именно Иван?

Надо было мне к нему пораньше подойти, до того, как Рюг пришел, ну, вместо того, например, чтобы в саду играть в спасателей из сериала «Марсианские пустыни», рассказать все еще раз про то, что слег — эта такая гадость, которую даже один раз нельзя пробовать, а то хуже мертвого станешь, может, он и понял бы, но не мог же я все растолковывать; когда взрослому пытаешься что-то рассказать, они никогда не верят, они же все — взрослые, они себя самыми умными считают, и попробуй переспорь, когда тебе только одиннадцать лет, и ты ходишь в коротких штанишках, и ешь кашу на завтрак; ничего бы я не смог, не поверил бы мне Иван и все равно забрался бы в эту вонючую зеленую воду, а теперь стой, хлюпай носом, только Ивану уже все равно, слишком много в нем любопытства и слишком мало терпения, любопытным быть просто и лезть куда не надо — тоже, а быть терпеливым — трудно, почему-то все думают, что если человек все на свете хочет узнать, и немедленно, то это здорово, а если он просто живет себе спокойно, занимается своими делами, а в чужие не суется, то он дурак, все равно — десять ему лет или целых сорок, и не с Иваном первым так случилось, только он ведь и впрямь хороший, его жалко, он же не виноват, что хотел все узнать, и сразу, лучше бы он просто отдыхать приехал, а не разнюхивать, тоже мне Джеймс Бонд фигов, он бы, может, был не таким хорошим, но был бы, а теперь его просто нет, мутная зеленая вода и мускулистое тело, вот и все…

Я вздрогнул, потому что увидел: Иван чуть приоткрыл глаза. Только он смотрел не на меня, а сквозь, куда-то далеко-далеко, куда его утащил слег.

— Пеблбридж… — прошептал Иван. Помолчал немного и добавил: — Оскар…

Я даже всхлипнул, таким он был сейчас глупым и несчастным, со своим придуманным

Оскаром Пеблбриджем, а еще у него на груди были шрамы, значит, он воевал, а у меня отец тоже был военным, мама думает, что я его совсем не помню, только это неправда. Конечно, мало ли как было, может, даже Иван и папа друг в друга стреляли, только на самом деле это не важно, война это война, а дружба это дружба, Иван ведь и впрямь старался быть моим другом, значит, не мог я его оставить гнить в зеленой воде…

Привстав на цыпочки, я потянулся к полочке, хотел выключить приемник, потом вспомнил, что это вредно, и просто закрыл подтекающий кран горячей воды. Когда ванна остынет, Иван сам очнется. Только я не хотел после этого с ним разговаривать, ничего уже нельзя было бы сделать, кончилось бы тем, что я разревелся…

На самом деле я и заплакал, выскочив в спальню, и долго стоял у окна, чуть раздвинув штору и глядя на луну, потом мне почудилось, что Иван уже очнулся и стоит за спиной, голый, страшный, с безумными глазами… Я повернулся и взвизгнул на всякий случай, но его там не было, конечно, слег так быстро не отпускает.

Тогда я подошел к телефону и быстро, чтобы не передумать, нажал кнопочку повтора. Номер набрался, и мне ответил скучный заспанный голос:

— Алло, отель «Олимпик»…

Такого я совсем не ожидал. И от растерянности бухнул первое, что в голову пришло:

— Соедините с Оскаром Пеблбриджем… пожалуйста…

В трубке помолчали немного, потом раздраженно сказали:

— Какой номер, мальчик?

Номера я не знал и поэтому только всхлипнул и повторил:

— Пожалуйста… я один дома… пожалуйста.

Конечно, женщина разжалобилась и через полминуты переспросила:

— Оскар Пеблбридж? А ты не шалишь, мальчик?

— Нет, — сказал я.

— Соединяю, — сказали мне, и в трубке раздались долгие гудки. Я обрадовался тому, что угадал и что друг Ивана Оскар и впрямь жил в отеле, только еще неизвестно было, в номере ли он…

— Да! — сказали громко и раздраженно.

Голос был неприятный, совсем не сонный, но раздраженный, и я заколебался.

— Опять… — произнес человек куда-то в сторону, и я понял, что сейчас трубку бросят.

— Извините, пожалуйста, — громко крикнул я в телефон, — извините, вы знаете Ивана?

Наступила тишина, потом незнакомец вкрадчиво спросил:

— Знаю, а ты кто, мальчик?

Тут я сообразил, что, может быть, это вовсе не Оскар, и ответил вопросом на вопрос, хоть это и очень некультурно, меня мама всегда ругает за такое.

— А вас как зовут?

На той стороне провода приглушенно советовались, потом мужчина сказал:

— Я Оскар Пеблбридж. Кто ты? Откуда знаешь Ивана?

— Вы его друг? — поинтересовался я и решил, что если он скажет «да», то я нажму на рычаг.

— Как оказалось — да, — задумчиво ответил Оскар. — Честное слово.

У него вдруг в голосе прорезалось что-то от Ивана, и тогда я решился. Назвал адрес, объяснил, как войти, чтобы никого не разбудить, попросил приехать быстрее. Даже пятки у меня вспотели от страха, когда я это делал. Только что еще оставалось, не врачей же вызывать?

Оскар помолчал, потом спросил:

— Можно я приеду с другом? Он хороший человек.

Я представил Ивана, какой он здоровый и сильный, и сказал:

— Ладно.

В ванную заглядывать я больше не стал, вместо того пошел и разбудил Рюга. Он никак не хотел просыпаться, видно, ему снилось что-то хорошее, а когда проснулся и выслушал, то чуть меня не убил.

— Ты же говорил, он не такой! — возмущенно шипел Рюг, одеваясь. — Ты же… ты…

Понятно все, конечно, у него отец слегач, но разве я виноват? Может, Рюг это и поймет к утру, но сейчас он завелся.

— Я сматываюсь, — открывая окно, сказал он. Подумал и предложил: — Пошли, я знаю, где доспим…

Значит, не до конца на меня обиделся, раз с собой зовет!

Но я помотал головой. Больше всего мне хотелось, чтобы Рюг остался, но просить его толку не было.

Пока Рюг спускался по водосточной трубе, я смотрел в окно, а потом пошел и снова заглянул в ванную. Я боялся, что Иван захлебнется, но ванна для него оказалась слишком мала, и голова торчала наружу. От воды уже пар не шел, и видно было, что слег его отпускает.

— «Девон» на туалетной полочке — таблетку в рот, четыре в воду, — прошептал Иван.

Я пулей вылетел в спальню, словно Иван и впрямь предложил слега мне, а не своим глюкам. Уселся на подоконник — если что, то можно попробовать выскочить, — и стал ждать.

Видел бы меня сейчас Иван! Насмехался, крысой мускусной обзывал… Ну и что те-

перь? Он, взрослый и смелый, лежит с открытым ртом, а я пытаюсь ему помочь, хоть и маленький… и трусливый, наверное…

Оскар со своим другом пришли минут через десять. Хоть я и знал, откуда они в дом войдут, но не смог их заметить. Только когда в дверь заскреблись, понял, что они уже в доме.

Ох и попало бы мне от мамы! А Вузи вообще бы шкуру спустила!

— Это кто? — спросил я через дверь.

— Оскар, — послушно ответили мне. Как в шпионском фильме, и я немножко успокоился.

С виду Оскар был мужик неприятный, лупоглазый, костлявый, светловолосый. Но вроде не слегач. С ним пришел какой-то толстый старик с тростью и в темных очках, хотя была ночь. Они остановились на пороге и уставились на меня, Оскар держал одну руку в кармане, я понял, что там пистолет, и попятился.

— Ну-ну, — дружелюбно сказал старик. — Не бойся, Лэн. Ты храбрый мальчик. И очень помог Ивану.

— Ему уже не поможешь, — ляпнул я. Старик к Оскар переглянулись.

— Мария… — негромко сказал Оскар старику, — я полагаю…

— А тебе не надо полагать, — отрезал Мария. — Лэн, дружок, если хочешь, то можешь позвать маму или сестру.

Я понял, что они уже все про меня знают.

— Не надо, — сказал я. — Мне попадет.

Мария понимающе кивнул:

— Где Иван?

— В ванной. — Я даже удивился такому вопросу. Мария кивнул Оскару, и тот, не вынимая руки из кармана, пошел к Ивану. А старик вздохнул, сел в кресло, задумчиво посмотрел на меня.

— Мальчик, скажи, Иван — хороший человек?

Я кивнул не раздумывая.

— Вот и я так думаю… — вздохнул старик и уставился в окно.

В ванной пару раз звонко хлопнуло, словно кого-то били по щекам, потом послышалась невнятная ругань на незнакомом языке.

— Это же ничего не значит, — попытался объяснить я, косясь на дверь в ванную. — Хороший, плохой, а когда слег попробуют, то все…

— Думаешь? — заинтересовался Мария. Я промолчал.

— Неверное было решение, — грустно сказал Мария. — Неверное… а как найдешь правильное, не ошибаясь…

Из ванной показались Оскар и Иван.

Оскар был весь в брызгах зеленой воды, злой и сосредоточенный. Иван, в одних брюках, мокрый и взъерошенный, казался пьяным. Он посмотрел на меня, потом на Марию, без всякого интереса. Оскар уронил Ивана на кровать, тот присел, тяжело, словно куль с мусором, уперся руками и тихонько хихикнул. Потом еще раз. Старик молча смотрел на него сквозь черные очки, Оскар брезгливо отряхивал руки, но далеко не отходил.

— Это слег, товарищи! — торжественно сказал Иван, словно кому-то еще не было ясно. — Это машинка, которая будит фантазию и направляет ее куда придется, а в особенности туда, куда вы сами бессознательно — я подчеркиваю: бессознательно — не прочь ее направить.

— Понятно, — сказал Мария.

— Чем дальше вы от животного, тем слег безобиднее, но чем ближе вы к животному… — Иван уронил голову на грудь и замолчал. Потом уставился на старика с легким удивлением. Видно, отходить начал. — Я для вас не авторитет, — вяло продолжил Иван, — но найдутся те, кто поверит…

— Кто-то будет пытать людей в темных подвалах, — мрачно сказал Мария. — Кто-то обнимать гурий в садах… — Он покосился на меня и не закончил. — Да. А кто-то — спасать мир, побеждать слег и объяснять глупому начальству страшные тайны… которые начальство давно знает.

Иван ничего не понимал. В его фантазиях, наверное, тоже были Оскар, Мария, я, и сейчас его мечты так спутались с реальностью, что разделить их он не мог. Смотрел на нас, тер переносицу, хватался за лоб и молчал.

— Я виноват, — тоскливо сказал Мария. — Нельзя было тебя посылать, Иван. У тебя с Амальтеи остался этот комплекс… работать под самим Быковым — не шутка. И ведь знал же, что тебе захочется самому все раскопать, но…

— Вы не виноваты, Мария, — сказал Оскар.

— Виноват! — рявкнул Мария. — Виноват! Иван всегда, всегда старался быть первым! А рядом оказывались такие титаны, что свободно было лишь последнее место! И в космосе, потому-то он и ушел, и на войне, и в интернате, и в управлении. Вот и зрела мечта… оказаться лучшим.

— Я ничего не понимаю… — прошептал вдруг Иван. — Мария… вы же… Оскар… я вас чуть не убил, Оскар!

Старик покосился на меня.

— Ты иди спать, мальчик, — ласково сказал он. — Иди.

Я замотал головой.

Мария вздохнул. Достал из кармана слег, покрутил в руках.

— Вакуумный тубусоид, — быстро сказал Иван. — Он очень похож на супергетеродин. Понимаете? Случайно поменяли их местами, и все! Надо же было так получиться, что они одинаковые! Роковая случайность!

Мария молчал. Оскар вдруг решительно двинулся в ванную, где продолжал трещать и булькать приемник. Раздался грохот, и наступила тишина.

— Роковая случайность… — снова сказал Иван севшим голосом, глядя на слег в руках Марии. — Перевоспитывать. Внедрять человеческое мировоззрение…

Старик поднялся. Подошел ко мне, положил на плечо руку, и я напрягся.

— Лэн, дружок, скажи, ты стал бы пробовать слег? — спросил он. Очень серьезно.

— Нет. — Я замотал головой.

— Ты же слышал, что это очень здорово, — сказал Мария.

— Вот еще. — Я фыркнул, покосившись на Ивана. И тут мне в голову пришла мысль, что меня сейчас накормят «Девоном», сунут в ванну и включат слег, чтобы я тоже стал проклятым, как Иван… Вывернувшись из-под руки Марии, я отбежал, но только он ни о чем таком не думал, он опять смотрел в окно и задумчиво говорил вслух:

— Строятся заводы по производству антивещества, космические корабли бороздят просторы галактики, раскапывают древние города, а в то же время… Да какое мировоззрение им можно внедрить, Иван! Разве ж это поможет? Старое не уходит само, Иван. Оно цепляется за жизнь, фашистскими путчами, гангстерскими бандами, наркоманами… тянется в будущее, в двадцать первый век. Поздно их перевоспитывать. Вот, — Мария указал на меня, — вот это наша надежда! Они слега не попробуют. И на дрожку не пойдут. Верно, малыш?

На всякий случай я кивнул.

— А Страна Дураков… может захлебываться в горячей воде, истреблять друг друга, прыгать через высоковольтные провода, раз нравится. Эволюция, Иван. Жестоко, но справедливо. Прошлое уходит само, без насилия… — Он покрутил в руках слег и с отвращением швырнул о стену. Слег хрустнул и разлетелся. — Надо только…

Он замолчал.

Оскар, который вышел из ванной, взял Ивана за плечо и сказал:

— Но страдают и наши люди. Пек, Римайер, Жилин…

— Мы тебя увезем, Иван, — строго произнес Мария. — Все будет в порядке. Поверь.

Иван дернулся, как от удара.

— Никуда я не поеду! — зло сказал он. — Пока закон об иммиграции позволит — никуда не уеду! А потом нарушу закон! Не может быть, чтобы здесь не оказалось тех, кто ненавидит этот сытый мир! Я помогу им не растрачивать ненависть по мелочам!

Мария вздохнул:

— Пойдем, Иван. Еще поговорим. Пойдем.

Иван встал, зябко поежился, обхватывая плечи. Глянул на меня, и его взгляд прояснился.

— Знаешь, Лэн, я видел чудесный мираж! Ты и Рюг стояли передо мной почти взрослые, вы решили поехать в Гоби, на Магистраль…

Я ничего не сказал, не очень-то мне хотелось ехать в пустыню, где уже лет двадцать строили какую-то Магистраль и, видно, собираются строить еще столько же. Мария взял Ивана за руку и как ребенка повел из спальни. Иван замолчал и обмяк.

Так он больше ничего и не сказал. Я подождал, пока они вышли, и в окно проследил, что точно ушли. Потом пошел в ванную, открыл сток и стал убирать разбитый приемник. На полу валялись вывалившийся слег и супергетеродин, который Иван вынул. Эти супергетеродины почему-то всегда ломаются. И они во всех приемниках стоят. А слег, который Иван называл вакуумным тубусоидом, по виду точно такой же и везде продается за пятьдесят центов. Дальше же все просто, правда? Обязательно кто-то слег вместо гетеродина вставит и в ванну заберется.

Может, я и маленький — пока, и трусливый — пусть даже навсегда, только не дурак. Все я понимаю, но кричать об этом не буду. И слег не стану пробовать, лучше уж в пустыне в песке возиться, Магистраль эту дурацкую строить…

— Лэн, — сказали из-за спины. Я повернулся — это был Рюг. — Я в саду ждал, — пояснил он. — Думал, вдруг чего…

Он засопел.

— Помоги убраться, — попросил я. — Не хочу, чтобы Вузи это увидела, она расстроится очень.

— А так, думаешь, не узнает? — удивился Рюг. — Иван теперь никуда не уедет… — Взял тряпку, сыпанул на нее порошка и принялся с сопением оттирать ванну от «Девона». Делал он это умело.

— Ну, узнает, только позже…

Мы убрали в ванной, умылись и, не сговариваясь, вернулись в холл. Конечно, спать уже не хотелось, да и рассвет наступал.

— Рюг, хочешь, когда вырастем, поедем в Гоби строить железную дорогу? — спросил я.

Рюг очень удивился.

— А что, надо?

Я подумал и кивнул:

— Да, наверное. Придется.

За окном светлело, и мы стояли рядом, держась за руки. Какая предстоит работа, подумал я. Какая работа… Только что уж делать, раз мы все прокляты.

ФУГУ В МУНДИРЕ,
или
СТРОЙКА ВЕКА

***

Этот рассказ впервые вышел в свет случайно. Он в общем-то и не предназначался для публикации, был просто маленькой шутливой историей, брошенной в компьютерную сеть ФИДО. Но раз уж рассказ пробился на печатные страницы — наверное, он имеет право на существование. Пробивная сила текста тоже заслуживает уважения.

ВОСТОЧНАЯ БАЛЛАДА О ДОБЛЕСТНОМ МЕНТЕ

Дошло до меня, терпеливый читатель, хоть и не сразу, что не слыхал ты еще об отважном менте Акбардине и о том, как добыл он несметные сокровища.

А история эта, достойная записи шилом на спине неверного, давно тревожила мою душу.

Однажды темной ночью, когда благонадежные граждане халифата принесли хвалу эмиру и опустились почивать со своими женами, доблестный мент Акбардин обходил светлые улицы, не пренебрегая, однако, и темными. Был он хорош собой — крепок, кривоног, и глаз его правый был зорок.

Заглянув за лавку Буут-аль Назара, достославного торговца заморскими притираниями, отважный Акбардин почувствовал чье-то мерзкое дыхание. Свершив свое дело — ибо долго бродил он по светлым улицам, не пренебрегая и темными, Акбардин пошел на запах.

И открылось мне, что увидел он грязного панка, спавшего в картонной коробке из-под заморских притираний. Был это панк из панков, с мерзким лицом, ужасной фигурой и велосипедным звонком в правом ухе. А запах его устрашил бы и более отважного, чем Акбардин, не страдай он в тот день от насморка.

— Вставай, грязный панк, неугодный эмиру! — воскликнул Акбардин — Ибо я, мент от рождения, Акбардин, сын Аладдина, отведу тебя в позорное узилище.

Грязный панк проснулся и закричал:

— Кто ты, смеющий посягать на мой сон? Ибо я ужасен, проснувшись с похмелья!

Но Акбардин достал свою дубинку, и панк, упав на колени, взмолился:

— О, не бей меня холодной резиной, Акбардин, сын Аладдина! Я не просто панк, я панк из панков! Я открою тебе великие тайны и приведу к несметным сокровищам! Только не бей меня по почкам, а также по тем местам, которые подсказывает тебе богатая фантазия!

— Что ты можешь мне дать, грязнейший из грязнейших? — поразился Акбардин. — Крепка моя хижина, и каждый день я имею хлеб с молоком, а по пятницам — да святится имя эмира! — большую рыбу в маленькой железной баночке.

— О, я дам тебе могущество самого эмира! — воскликнул панк. — И знай же, что я бы и сам получил его — но мне в лом. У тебя будет столько жен, сколько дозволено, и столько наложниц, сколько захочешь, и столько вкусной рыбы, залитой соусом из помидоров, что она не полезет в твои уста!

— Говори же, если есть тебе что сказать, — повелел Акбардин. И грязный панк — да забудется всеми его имя: Киндерсюрпризбек, рассказал:

— Знай же, мудрейший из ментов и ментовейший до мудрейших, что происхожу я из славного рода Киндерсюрпризбеков, да не оскудеет он. И был я славным ребенком и добрым юношей, пока судьба не покарала меня за многочисленные грехи. И, решив, что все мне дозволено, отправился я в путешествие. И шел долго, ибо был пьян. И дошел. И…

— И?.. — воскликнул Акбардин.

— И! — развел руками грязнейший из панков.

— Так что же мы ждем? — удивился Акбардин. — Мой мотоцикл быстр, а дубинка резинова! Устрашим же сами себя!

И они вскочили на мотоцикл мента, причем Акбардин сел впереди, а презреннейший из панков, да забудется всеми его имя — Киндерсюрпризбек, сзади. И набегающий воздух обдувал Акбардина, и дыхание его было легко. А протертые шины скрипели на поворотах, и скрип тот был ужасен.

И надо сказать, о читатель, что в дни те съехались в достославный халифат многочисленные эмиры и короли. Обсуждали они великие дела — как менять медь на серебро и как пятью хлебами накормить всех желающих. А также съехалась многочисленная челядь, и челядь челяди, и прихлебатели, и подпеватели — среди коих и был ваш покорный слуга.

И многие менты великого халифата охраняли покой их. Увидев же друга своего, Акбардина, которого ценили за веселый нрав и честность при игре в кумалак, решили они: нелад-

но.

И, решив так, вскочили они на свои мотоциклы, а у кого не было своих, на чужие, и понеслись за Акбардином.

Столько песчинок не лежит на дороге, сколько ментов мчалось за отважным Акбардином. Ибо напряженной была обстановка в халифате. И, увидев их, разбегались презренные панки, и забирались в ксивники хиппи, и рокеры притворялись собственными мотоциклами.

И к исходу третьего дня, когда почувствовал усталость даже отважнейший из ментов, приехали Акбардин и Киндерсюрпризбек к темной пещере. А товарищи Акбардина отстали, ибо были не столь проворны, как отважны.

— О мент из ментов! — вскричал позорный панк. — Вот она, пещера мудрости! И зачерпнешь ты ее там столько, что сам халиф со слезами обнимет тебя — и назначит визирем. А я теперь уйду — ибо мне в лом.

— Подожди, вонючейший из моих седоков! — воскликнул Акбардин. — Открой — кто хранит мудрость, ибо не бывает сокровищ без охраны!

И затрясся панк, обливаясь потом, и ответил:

— Никто ее не хранит, то-то меня и пугает.

— Пойдем же, — велел мент Акбардин. — Направлю я тебя вперед, дабы пожертвовать малоценным организмом в случае опасности.

И Киндерсюрпризбек поплелся вперед, ибо никто еще не смел перечить Акбардину — да запомнится его имя!

А пещера была темна, как совесть грешника, и длинна, как прегрешения усовестившегося. Трижды споткнулся Киндерсюрпризбек, прежде чем дошли они до цели.

— Вот! — воскликнул презренный панк — Вот он, источник мудрости, бьет ключом из алмазной чаши! Пей же, отважный мент, и отпусти меня спать, ибо я устал.

— О нет, хитрейший из хитрых, — засмеялся Акбардин. — Выпей вначале сам, ибо мог ты замыслить худое против меня.

И панк выпил из источника, ибо Акбардин был силен, а его дубинка резинова.

Даже мне, о терпеливейшие читатели, не доводилось видеть подобного. Опали с грязного панка коросты и лохмотья, стал он чист челом и сладок дыханием.

Посмотрел ласково на Акбардина и сказал:

— Пей же, мой добрый друг… Станешь ты так же прекрасен, как я, и мудр, как халиф.

Покачал головой Акбардин и сказал:

— О нет, прекраснейший из панков. Запрещено мне пить на службе, и чту я этот закон. Лучше зачерпну я побольше мудрости, а дома, после дежурства, вкушу ее с подобающей закуской.

— Интересное решение, — заметил Киндерсюрпризбек, просветлел обликом и ушел в астрал.

А товарищи Акбардина, ждавшие приятеля у входа, не успели даже слезть с мотоциклов, когда увидели его светлый лик. Шел Акбардин твердым шагом, и в руках его был бурдюк с драгоценной влагой.

— Вещественные доказательства, — сказал он друзьям и, сев на мотоцикл, умчался, и никто не решился его переспрашивать, ибо дубинка его была резинова.

Дома же, съев положенное и покурив запретное, сказал пресветлый Акбардин жене:

— Завтра же будем любимцами халифа!

И налил себе Акбардин из бурдюка, и выпил…

Прошло три дня и три ночи с тех пор. И вот, обходя светлые улицы (но не пренебрегая и темными), увидел ментовейший из ментов, да помнится его имя — Акбардин! — грязного панка.

— Что делаешь ты в этой грязи, светлейший из панков? — поразился Акбардин.

— А что делаешь ты с этой дубинкой, мудрейший из ментов? — съехидничал Киндерсюрпризбек.

Смутился Акбардин, что бывало с ним редко, и ответил:

— Открылось мне, что хоть и стал я умнее визиря, но остался ментом. И не услышит моих слов халиф. Вот и обхожу я по-прежнему улицы…

— А… — протянул Киндерсюрпризбек. — Доумничался?

И тогда огорченный Акбардин схватил его за шиворот и отвел в позорное узилище. Так и должно быть в нашем славном халифате, который так любят заморские короли, ибо западло каждому панку смеяться над ментами.

Но все же в пути Акбардин и Киндерсюрпризбек беседовали о вечном. И беседа их была возвышенна, как лавка Буут-аль Назара, и длинна, как ментовская дубинка. И такова мораль этой истории — даже вкусив от мудрости, не равняйся с халифом. Не положено.

***

Рассказы, написанные на спор, — очень странное и весьма распространенное явление. «Фугу в мундире» — рассказ, к которому я относился абсолютно несерьезно. Однажды, прочитав какой-то фантастический рассказ (какой именно — к делу сейчас не относится), я поспорил со своим коллегой, писателем-фантастом Аланом Кубатиевым. Речь шла о том, легко ли писать рассказы «промоделированные классической литературой», полные аллю-

зий, явных и скрытых цитат. Я упрямо стоял на том, что это не слишком уж сложное занятие. В результате я получил сутки времени и задание написать рассказ, «промоделированный японской и китайской литературой» (в которой, если честно, я разбирался не слишком глубоко).

Результат — перед Вами рассказ, написанный в шутку, в стиле капустника (ведь все его персонажи имеют прототипов среди участников спора), свои шутливые рамки явно перерос. Как это происходит — я не знаю. Писатель не всегда властен над своим текстом.

И как хорошо, что не властен…

ФУГУ В МУНДИРЕ

«Куда девалась моя молодая жена?» — спросил хозяин. «Пучок зеленой травы у рта осла и есть твоя молодая жена», — ответил обезьяна-странник.

Шихуа о том, как Трипитаки великой Тан добыл священные книги

1. МЕСТНОСТЬ РАССЕЯНИЯ

— Арана-сан, — сказал я, склоняясь в поклоне. — Примите мое о-сэйбо по случаю кэдзимэ…

— По случаю Нового года, — неуверенно поправил меня Валера. — Или не уточняй ни фига. О-сэйбо — оно и есть о-сэйбо.

Сегодня — двадцать седьмое декабря. Срок, когда я мог исполнить нормы гири, истекал. Да, вы же не знаете, что такое нормы гири. Если на вашем календаре и стоит двадцать седьмое декабря, то год наверняка не тот. Восьмидесятый или девяносто пятый… И ни черта вам не известно — ни о гири, ни о ниндзе. Вы их спутаете с гирями и ниндзями. Вам хорошо. Вы живете в России — или в РСФСР. Вы…

Да ну вас на фиг. Мне дали конверт, который можно отправить в прошлое. Чистый конверт из плотной белой бумаги. Я запишу все, что успею. А объяснять вам про перестройку, про президента Ельцина, про Всероссийский референдум о Курилах. Забавный все же вышел у него итог. Два года минуло, а до сих пор смеюсь, как вспомню. И надо же было острякам русофилам из парламента вставить в текст третий пункт…

Референдум граждан России по вопросу территориальной принадлежности Курильских островов Кунашир, Шикотан, Итуруп и Хабомаи.

1. Я за то, чтобы передать вышеуказанные острова под суверенитет Японии.

2. Я за то, чтобы сохранить над вышеуказанными островами суверенитет России.

3. Я за то, чтобы передать Россию под суверенитет Японии.

Как они веселились, парламентарии последнего созыва, голосуя за третий пункт! Показать абсурдность всего референдума! Острова наши! Наши! Навсегда! А-а-а-а! Девяносто семь процентов?

А-а-а-а-а!

Вот так и живем. В Стране восходящего солнца. Очень демократично, и двуязычие по всей Японии введено. Даже в Токио, в столице, большинство вывесок на японском и на русском.

Двуязычие — дружбы два крыла, писал мне друг из сопредельной страны, бывшей СССР-ской республики. Она тоже к нам попросилась. Но Хасэгава Мититаро, наш премьер, сказал, что не раньше середины двадцать первого века. Иначе не осилят. Японцев, коренных, понять можно — они немного растерялись. Три дня в парламенте драки шли: решали, присоединять нас или нет. Решились…

А двуязычие — это хорошо. И никакой национальной дискриминации. Любой может занимать руководящие должности, все равно — коренной ты японец, русско-японец или беглый грузин. Надо только знать оба государственных языка.

Мы с Валерой работаем в компании по постройке Садов Камней. Валера каменщик, я садовник. Вокруг камней должна быть лужайка надлежащей формы и с надлежащей, точнее, произрастающей травкой. Валера ездит на джипе по окрестностям, ищет подходящие камни, привозит, устанавливает… У него чутье на хорошие камни, он незаменим. А я потом вокруг камней травку высаживаю. Начальник наш, Арана-сан, как правило, доволен… Впрочем, что я все о себе да о Валере? Главное — рассказать вам о фугу.

2. МЕСТНОСТЬ НЕУСТОЙЧИВОСТИ

Арана-сан кивнул, и я начал декламировать:

Обвита плющом скала…

В море, в Ивами,
Там, где выступает мыс
Караносаки,
На камнях растут в воде
Фукамиру-водоросли,
На скалистом берегу —
Жемчуг-водоросли.
Как жемчужная трава
Гнется и к земле прильнет,
Так спала, прильнув ко мне,
Милая моя жена.
Глубоко растут в воде
Фукамиру-водоросли,
Глубоко любил ее,
Ненаглядную мою.
Но немного нам дано
Было радостных дней…

Валерка, сидящий на корточках в стороне, дернулся и прошипел:

— Ночей, идиот…

Я уставился на сидящего с полузакрытыми глазами Арана-сана. Он слегка покачивался в такт словам — может быть, проговаривал их на японском? А, хрен с ним. Главное — не замолкать! Мысль мелькнула как молния, и я продолжил:

Что в ее объятьях спал.
Листья алые плюща
Разошлись по сторонам —
Разлучились с нею мы.
И когда расстался я,
Словно печень у меня
Раскололась на куски.

Господи! У Арана-сана хронический холецистит! Поймет ли он меня правильно? Не примет за скрытую насмешку слова… Дьявол! У него еще и грудная жаба! А мне читать дальше…

Стало горестно болеть
Сердце бедное мое.
И, в печали уходя,
Все оглядывался я…
Но большой корабль
Плывет…
И на склонах Батари…

Валерка дернулся — видимо, я опять в чем-то ошибся. Мне и Пушкин в школе давался с трудом. А эти проклятые стихи, без всякой рифмы…

— Хоросо, Сергей. — Арана-сан улыбнулся. Бог ведает, что за этой улыбкой. — Спасибо, что напомнири о моей неизбывной тоске по родным островам, по рюбимой жене. Спасибо…

Он слегка поклонился. Говорит Арана-сан по-русски здорово, вот только с буквой «л» проблемы.

— Рад, очень рад вам…

Согнувшись в церемонном поклоне (корпус наклоняется на 20—30 градусов и в таком положении сохраняется около двух-трех секунд), я протянул Арана-сану белый сверток — о-сэйбо, новогодний подарок. Слава Богу, справился… Я отошел в сторону, а мое место занял Валера. Поклонился и сказал:

— Позвольте, Арана-сан, прочесть мои несовершенные строки. Им не сравниться со словами мастера, что нашел Сергей, но их родило мое сердце.

Арана-сан улыбнулся. И, кажется, куда лучше, чем мне…

Оттого, что горы высоки,
Стелется в ролях жемчужный плющ,
Нет ему ни срока, ни конца,
О, когда бы так же, без конца,
Видеть вас, сэнсэй, я мог!

Валера протянул Арана-сану свой подарок. А начальник…

— О-рэй о-мосимас! — воскликнул Арана-сан. — Рошадь узнают в езде, черовека — в общении.

Он снова улыбнулся и повторил пословицу на японском. Я стоял посрамленный и уни-

женный. Господи! Ну что мне стоило тоже сочинить пятистишие, а не заучивать длинный и скучный текст! Кретин! Поделом! Кто слишком умен, у того друзей не бывает! Захотелось же мне показаться самым умным… Задумал муравей Фудзияму сдвинуть…

3. МЕСТНОСТЬ ОСПАРИВАЕМАЯ

— Да плюнь ты! — утешал меня Валерка. — Пошли они все на фиг! Что я им, осел, хокки сочинять? Они сами их не знают. Переделал одну, и дело с концом… А тебе я что советовал?

Я вздохнул. Спросил:

— Слушай, а ты не жалеешь?

— О чем?

— Ну… как раньше было.

Валерка покрутил пальцем у виска:

— Ты чё, псих? Ты бы раньше на «тойоте» ездил? А я на «мицубиси» катался? Да мы с тобой на пару за три года на старый «запорожец» не зарабатывали! А как вкалывали! На птицефабрике проводку чинили, по колено в курином дерьме… Еще и вода протекала, помнишь? А у тебя сапог не было, ты по загородкам как обезьяна прыгал… Ну а с книгами, помнишь? Из Москвы к нам в глубинку возили спекулировать. Детективы, фантастику… Помнишь Дика, «Человек в высоком замке», как японцы с немцами Америку оккупировали? Вещь! И японцы правильно описаны, хорошо… Такой сюр!

Все. О сюре Валерка может говорить часами. Он его любит — во всех формах, особенно в напечатанных… Я вздохнул и поднялся.

— Слушай, я пойду развеюсь. Может, в бар загляну.

— Пьянствовать? Да не переживай ты! И Конфуцию не всегда везло!

Я торопливо вышел. От японских пословиц меня иногда начинало бросать в дрожь. А поскольку Валерка их любит, то приходится смиряться. Мы с ним арендуем трехкомнатную квартиру на двоих, так дешевле выходит. И на работу можно ездить на одной машине — сегодня везу я, завтра Валера. Там он берет служебный джип и мчится искать булыжники. А я сею травку.

«Что это такое?» «Не знаю», — последовал ответ. «Здесь у меня на шее мешок с твоими сухими костями, я два раза съедал тебя», — произнес Шэньша. «А ты, оказывается, совсем ничего не знаешь, — сказал монах. — Ведь если ты и на этот раз не изменишь своего поведения, придется тебя уничтожить вместе со всем родом.» Шэньша почтительно сложил ладони — он поблагодарил за оказанную милость и проявленное сострадание…

По голове меня стукнули, едва я вышел из подъезда. Дальше было темно, затем мокро и холодно. Я открыл глаза — светло.

В каком-то бункерообразном полуподвале с крошечными зарешеченными окошками и грязными бетонными стенами сидели двое мужчин. Один русский, другой… то ли японец, то ли нет. Более полный какой-то.

— Извините за обращение, — с улыбкой сказал то ли японец. — Грубо, увы… Грубо…

Он повернулся к своему явно русскому соседу:

— Нельзя прощать слугам, если они обидели чужого человека, Андрей. Прощайте слугам, если они обидели вас.

Андрей кивнул, но не выказал ни малейшего желания броситься наказывать нерадивых слуг. То ли японец продолжал:

— Вас расстроило обращение с вами Арана-сана, не так ли? Увы, когда жадному человеку преподносят золото, он недоволен тем, что ему не поднесли яшму. Люди Поднебесной понимают это.

Китаец!

— Скажу откровенно, — начал китаец, — до нас дошло известие о попавшем к вам конверте.

Он сделал паузу. Хорошо сделал, красиво. Явно русский не сумел бы… Так я и думал! Русский нарушил молчание:

— Мы просим передать конверт нам — за любое вознаграждение.

— Зачем? — спросил я. Отрицать факты было глупо.

— Мы постараемся предупредить нужных людей… в прошлом. Они предотвратят присоединение России к японцам!

— Как? — Мне стало интересно.

Явно русский с сомнением посмотрел на китайца. Тот кивнул:

— Люди… скажем так, резиденты, получат задание любой ценой устранить ряд лиц. Тех, кто настоял на третьем пункте референдума. Тогда история потечет по-другому.

— А что будет с нами?

Русский радостно улыбнулся:

— А мы исчезнем! Станем невозможными!

Китаец кивнул. И начал:

— Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Увы нам…

— Да пошли вы на хер! — завопил я. — Мне с японцами нравится. Я уже семьдесят иероглифов выучил!

Про семьдесят я, конечно, приврал. От силы сорок. Но тут меня снова ударили по голо-

ве. Сильно. И под ребра. Не слабее.

4. МЕСТНОСТЬ СМЕШЕНИЯ

«Острый холецистит — острое неспецифическое воспаление желчного пузыря; *Этиология:* инфицирование восходящим и нисходящим путем. *Симптомы, течение:* после погрешностей в диете возникают интенсивные боли в эпигастральной области…»

— Слушай, а может, и от удара он возникает? — морщась от боли, спросил я.

— Сергей, кто из нас медицинский кончал? Чего ты пристал? Хочешь, в другом месте почитаю… У тебя живот болит, так… Острый живот… Разрыв желчного пузыря…

— Эй, кончай! — Я отобрал у него справочник практического врача и учебник травматологии. — Я б уже загнулся. Уж симптомы воспаления брюшины я помню!

Валерка с уважением посмотрел на меня. Однажды, чиркая спичкой о стекло за неимением коробка, он отрезал себе с четверть пальца. Я хладнокровно посоветовал залепить ранку бумагой, и с тех пор он утвердился во мнении, что я — повидавший всякого врач. Тем более что палец, к моему удивлению, зажил отлично. На Валерке все хорошо заживает, на мне куда хуже. Однажды нам дал по морде один и тот же парень. У меня вылетел зуб, а у Валерки только раскрошился немного. Жизнь — странная штука… Я немного подумал, нельзя ли сказать «жизнь — странная штука» Арана-сану как афоризм, потом решил, что это слишком просто. Нужно чего-нибудь добавить… Вот! «Жизнь — странная штука. Восход в ней предшествует закату, но в полдень мы постигаем, как коротка наша тень». Неплохо. Японцам понравится. Китайцам тоже… Я вспомнил китайцев и выматерился.

— Это зря. — Валерка с состраданием посмотрел на меня — Русский мат — самый некрасивый пережиток суверенитета.

— Да брось ты… Словно Арана-сан не матерится.

— Все равно не надо. Я сейчас позвоню, вызову гейш. Ты при них не ругайся.

— А мы осилим?

— Двоих-то? Ну давай одну пригласим…

— Я не о том! У нас йен хватит?

Валера усмехнулся:

— С премиальными можно и погулять. Арана-сан получил большое ниндзе от моего гири… Ну, расщедрился, конечно…

Я со вздохом отвернулся к стене.

При виде гейш у меня прошли и бок, и голова. Вообще полегчало. Гейши были малень-

кие, узкоглазые и в роскошных кимоно. По-русски они говорили совсем неплохо — наверное, специализировались на новых японцах.

Вначале мы пили сладкое сакэ, закусывая охаги. После третьей чашечки гейши опьянели, да и у меня после всех волнений закружилась голова. Гейша в розовом кимоно встала и вдохновенно прочитала:

Абунаку мо ари
мэдэтаку мо ари
моко ири-но
юубэ-ни ватару
хитоцубаси.

Мы с Валерой переглянулись и вежливо засмеялись:

— Ва-ха-ха!

— О-хо-хо, — благопристойным женским смехом такаварай ответили гейши. Затем та, что в розовом, перевела стихи на русский:

Тут тебе и боязно,
тут тебе и радостно, идя к жениху,
перейти в вечерней мгле
по бревну ручей.

Гейша поклонилась и села на корточки. Мы дружно засмеялись смехом синобиварай:

— У-ху-ху! У-ху-ху!

Далеко за полночь, раскачиваясь над сладко всхлипывающей гейшей в розовом (розовое сейчас валялось на полу возле кровати), я шептал:

— Ты моя вечнозеленая сакура… Ты мой лотос под лунным светом… Всегда любил японских женщин, всегда. Я счастлив с тобой… Трахая тебя, я ощущаю, как вхожу в тело Японии, срастаюсь со Страной восходящего солнца…

Гейша вдруг всхлипнула. И, уже выгибаясь в ликующей дуге оргазма, простонала:

— Какая же я тебе японка, мудак… Я кыргызка, я в СССР родилась… Бери меня, бери меня еще, любимый! О-о-о!

— А-а-а! — завопил я, ослабевая.

5. МЕСТНОСТЬ-ПЕРЕКРЕСТОК

— Карээда ни карасу но томаритару я аки но курэ, — сказал я. — Прощай, любимая.

— Фуруикэ я кавадзу тобикому мидзу-но-ото, — прошептала она. — Мы еще встретимся, милый.

Нет, лучше все-таки сказать это по-русски. Вы же японского совсем не знаете, а великого Басе не чтите. Повторим заново…

— *На голой ветке Ворон сидит одиноко. Осенний ветер,* — сказал я. — Прощай, любимая.

— *Старый пруд… Прыгнула в воду лягушка. Всплеск в тишине,* — прошептала она. — Мы еще встретимся, милый.

Вот так гораздо лучше.

Сегодня Арана-сан говорил по-русски совершенно чисто. Видимо, от волнения. Мы делали Сад Камней для самого Саканиси Тадаси и должны были кончить его до завтрашнего вечера. А у нас еще и не все камни подобрались…

Я копошился вокруг Сада, засевая периметр быстрорастущей зеленой травкой. Легкий предновогодний снежок, словно чувствуя свою неуместность, таял, не долетая до земли. Само пространство Сада уже было засыпано отличной неровной галькой, импортированной с Капчагайского карьера в Казахстане.

Урча мотором, подъехал Валерка. Урчал джип, Валерка сиял радостной улыбкой.

— Арана-сан, — крикнул он. — Нашел! Вот он, главный камень Сада!

Арана-сан заглянул в джип. Придирчиво осмотрел огромный валун. Послюнявил палец, потер им камень, лизнул… Лицо его расплылось в довольной улыбке.

— Хорошо, — сказал он. — Устанавривать будем.

Они поднатужились и стали выволакивать валун из джипа.

— Осторожнее! — крикнул я.

Арана-сан гордо промолчал. Валун вывалился из джипа и радостно покатился на них. Валерку отнесло в сторону, а Арана-сан храбро запрыгал перед валуном, пытаясь притормозить его руками. Валун неумолимо наступал, прижимая Арана-сана к стене дома Саканиси-сана.

Я испугался, потом вспомнил, что дом Саканиси-сана сделан из рисовой бумаги, и успокоился.

У самой стены валун остановился. Арана-сан облегченно вздохнул и прошептал что-то по-японски. С огорчением посмотрел на раскрошившийся край валуна. Вновь обошел вокруг него, всматриваясь. Кивнул:

— Еще ручше старо. Берись, Варера.

Рыча от натуги, они поволокли камень.

— Помочь? — робко предложил я.

Валера и Арана-сан дружно покачали головами. Я достал новый пакетик с семенами и стал укладывать их в проковырянные специальной иголочкой лунки.

— Знаешь, чего мне сказала моя? — спросил Валерка на перекуре. Я покачал головой.

— Только мы кончили, как она заявляет: «Хорошо, когда у юноши или малого ребенка пухлые щеки». Я окрысился, ору: «Какие это у меня пухлые щеки? Это у моего напарника пухлые!» А она отвечает: «Глупый, это же слова Сэй-Сенагон! Неужели не читал? Любимая книга премьера Мититаро! Там еще сказано: „Люблю, когда пажи маленькие и волосы у них красивые, ложатся гладкими прядями, чуть отливающими глянцем. Когда такой паж милым голоском почтительно говорит с тобою — право, это прелестно“». Ну, мне уже и на Мититаро плевать захотелось… — Валерка опасливо огляделся. — Я и говорю: «Гомик твой Сэй-Сенагон!» А она к стене отвернулась, заплакала и говорит: «Это женщина, она тысячу лет назад жила…» Опростоволосился я…

Валерка со вздохом загасил окурок о главный камень Сада и сказал:

— Ну что, вперед, на бабу Клаву? Работать надо.

6. МЕСТНОСТЬ СЕРЬЕЗНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

— Сергей-сан, — сказал Арана-сан. Я подпрыгнул. — Сергей-сан, мне стало известно, что у вас есть особый конверт. Отдайте его мне. Я стану вашим вечным должником.

— Зачем вам-то конверт? — спросил я. Помолчав минуту, Арана-сан с улыбкой сказал:

— Один из моих предков не успел доставить важное известие своему князю. Он задержался в пути, и князь умер, не успев прочитать его. Этот позор лег на весь наш род… Он заставил меня уехать с острова. Если я пошлю письмо вместо него… в этом конверте оно дойдет вовремя.

— Простите, Арана-сан, — огорченно ответил я. — Но конверт нужен мне самому.

Арана-сан вздохнул и улыбнулся.

— И что вы все выпрашиваете конверт? — спросил я. — Наймите якудзу, через час доставят… вместе с моим мизинцем, если надо.

— Такие конверты нельзя отнять, — тихо сказал Арана-сан. — Их можно только подарить. Извините за беспокойство, Сергей-сан…

7. МЕСТНОСТЬ БЕЗДОРОЖЬЯ

В курятнике было тепло и пахуче. Полуметровый слой куриного помета застилал пол. Это не беда, конечно… Но подтекшая вода заставила птичье дерьмо преть, выделяя в воздух калории и ароматы.

— Как знал, — пробормотал Валера, поправляя высокие, до колен, сапоги. — Ну а ты чего будешь делать в своих ботиночках?

Возбужденно кудахтали куры. Матово поблескивали свежие яйца. Я взял ближайшее яйцо и швырнул его в потолок. Валера заорал.

— Ты чего? — спросил я.

— Скорлупа в волосы попала… Ну, я пошел. — Валера отважно двинулся напролом.

Я стал взбираться на хрупкие рейки курячьих загородок.

— Офигел! — заорал Валера.

Но было уже поздно. Доски под ногами хрустнули, и я полетел вниз.

Падать было мягко.

8. МЕСТНОСТЬ ОКРУЖЕНИЯ

— Мне надо уезжать. — Арана-сан потер переносицу. — Справитесь сами?

— Да конечно! — заявил Валера. — Тут осталось всего-то… два камня поставить.

— Хорошо. Точки, куда ставить, вы знаете… — Арана-сан придирчиво взглянул на почти законченный Сад. — Помните — ни с одной точки нельзя увидеть сразу все девять камней. Это главное.

Он пошел к машине.

— Перекур! — радостно объявил Валера, едва шеф уехал. — Работы здесь на час от силы. А Саканиси-сан только вечером придет проверять.

— Может, сделаем вначале? — спросил я.

— Фигня… Отдыхай.

Валера задымил, а я задумчиво побрел по Саду. Красиво получается… Я чихнул и полез в карман. Увы, запас одноразовых бумажных платков кончился. И где я ухитрился простыть? Надо было взять обычный матерчатый платок, хоть японцы их и не любят. Им помотал как следует в воздухе — и сморкайся дальше…

На щебенке валялись какие-то белые лоскутки. Непорядок, зато мне на руку. Я подобрал их и с удовольствием освободил нос. Вернулся к Валерке. Тот посмотрел на лоскутки в моей руке с каким-то невыразительным ужасом:

— Ты где их взял?

— В Саду валялись

— Ты место, где их брал, помнишь?

— Нет… А что?

— Ими же Арана-сан отметил, куда камни ставить! Дундук! Козел! Что делать будем?

— Отсюда видно? — заорал Валера. Он сидел, скорчившись в три погибели, изображая восьмой камень Сада. — Все девять?

— Если тебя считать за камень, то все девять, — отозвался я.

Валерка выпрямился, плюнул и старательно зарыл плевок ногой. Подошел с явным желанием съездить мне по роже, но сдержался. Спросил:

— Что делать-то будем? Времени уже нет.

Я пожал плечами.

— Может, отдашь свой конверт Саканиси-сану? Он простит нам задержку…

— Нет, — твердо сказал я.

— Почему?

— Я его отправлю сам.

— Кому?

— Себе самому.

— Думаешь, поможет?

— А вдруг?

Валера замолчал. Потом, воровато оглядевшись, сказал:

— Слушай, есть одна идейка… Если выгорит, то эти тупые японцы ничего и не поймут. Слушай…

9. МЕСТНОСТЬ СМЕРТИ

— Чудесно, — сказала молодая японка. По-русски, из вежливости к нам. Окружающие наперебой зацокали языками. Саканиси-сан медленно обошел Сад Камней и улыбнулся:

— Да. Откуда ни смотришшь восемь камней. У Арана-сана достойный ученики. Рюсский народ сможет жить как островные японцы…

Саканиси-сан вдруг побледнел. Медленно вышел на середину Сада. Обернулся вокруг оси. И прижал ладони к лицу.

— Хана, — коротко резюмировал Валера. — Просек.

— Здесь ришь восемь камней, — сказал японец, глядя даже не на нас, а на собравшихся гостей. — Примите мои извинения за позор.

Японцы молчали — они еще не сообразили, в чем дело. Или не желали принимать извинений? Кто их поймет, японцев…

— Сэппуку, — сказал Саканиси-сан. Снег падал ему на голову, и волосы седели на глазах. — Я невиновен, но я хочу показать вам мою душу.

Стоящий рядом со мной пожилой японец достал из бокового кармана пиджака маленький перочинный ножик. Раскрыл его и, согнувшись в поклоне, подал хозяину дома.

Саканиси-сан вздохнул. Глянул на серое небо. И горько сказал.

— Никогда им не стать нами. Зря мы пришри сюда.

Коротким ударом он вонзил лезвие в свой живот.

Сам акт харакири (сэппуку) выполняется разными способами. Вот один из них: кинжал берется в правую руку, вонзается в левый бок и горизонтально проводится ниже пупка до правого бока; затем вертикально от диафрагмы до пересечения с горизонтальным порезом; если не наступает конец, то кинжал далее вонзается в горло. Известны и другие способы.

Машина мчалась по обледенелой дороге, визжа тормозами на поворотах. Валерка цеплялся за руль, как утопающий за спасательный круг. Девятый камень Сада Камней Саканиси-сана тяжело перекатывался в багажнике.

— Напьемся, — который раз повторил Валера. — У меня бутылка заначена… Еще старая, завода «Кристалл»… Вдруг не выдохлась.

— Притормози, — тихо попросил я.

— Опять тошнит?

— Нет. Почтовый ящик…

Валерка затормозил. Неуверенно спросил:

— Думаешь, надо?

Я кивнул:

— Да.

— Все написал?

— Почти все.

— Иди.

Я вылез из джипа и пошел к почтовому ящику — нарядному, с надписями на русском и на японском. Письмо слабо подрагивало в руке.

Дойди. Не затеряйся, как письмо предка Арана-сана. Дойди, прошу тебя. Вдруг ты поможешь нам остаться собой. Дойди…

Пришли в страну Ананасов — то был еще один небесный дворец: прекрасные женщины держались с достоинством, мужчины не отличались от них поведением, подростки шумели и кричали, малыши весело гоняли мяч, львы рядом с драконами мирно урчали, фоянь и тигры посапывали. Увидев, что вся страна преисполнена духа благости и окружающая их картина столь необычна, сложили стихи:

Страна Ананасов —
небожителей дивный дворец,
Мужчины и женщины
в гармонии с миром живут,
И даже детишки —
каждый подросток-юнец —
Дух истинной мудрости
с усердием здесь познают…

Валерка сосредоточенно откупоривал бутылку. Бросил мне мимоходом:

— Надо что-нибудь на закусь.

— Я сделаю фугу, — ответил я.

Валерка вздрогнул. Потом вновь принялся терзать жестяной колпачок.

— Делай. Фугу так фугу.

ФУГУ. Блюдо готовится из небольшой рыбы (иглобрюх или фахак), которая, когда ее поймают, надувается и делается круглой. Ее едят в сыром виде и жареной. Фугу должны готовить только искусные повара, имеющие специальные лицензии, поскольку внутренности рыбы содержат сильный яд; от него ежегодно умирают до двухсот человек.

Оставив позади вершины гор,
В стране Коси,
Где снег идет чудесный,
В какой же наконец из этих дней
Селение родное я увижу?

***

Каждый человек (если он не предпочитает жить в шалаше) когда-нибудь делает ремонт. Кто-то все строит своими руками, кто-то нанимает строителей. Кто-то ограничивается побелкой потолка на кухне, а кто-то хочет полную перепланировку и мраморные колонны в спальню.

В любом случае ремонт — это катастрофа.

Когда стройка века в моей квартире завершилась (а со временем были устранены и самые ужасные недоделки), я понял, что для сохранения душевного здоровья требуется написать рассказ о строителях. Тут как раз вышел на экраны замечательный французский фильм «Астерикс и Обеликс — миссия Клеопатра», и я убедился: проблема ремонта мало того что интернациональна, она к тому же и вечна. А раз так — то почему бы не представить себе нелегкий труд строителей в далеком и светлом будущем?

Если вы недавно пережили ремонт — эти рассказы Вас порадуют.

Если ремонт Вам только предстоит — подумайте хорошенько, а оно Вам надо?

СТРОЙКА ВЕКА

— Есть заказ! — закричал Петрович, врываясь в кабинет директора.

В общем-то врываться было не в его манере. Петрович был невысоким, коренастым и неспешным — как любой человек, родившийся и выросший в условиях высокой гравитации. Но новость стоила того, чтобы изменить правилам. Львович, директор строительной фирмы «Откосы и отвесы», вот уже битый час наблюдавший в иллюминатор за швартовкой буксира, перестал грызть ноготь и с надеждой посмотрел на прораба.

— Сам на меня вышел! — возбужденно сказал Петрович. — Говорит, большой заказ. Говорит, оплата сдельная.

— Сдельная — это плохо, — мудро заметил Львович. — Откуда клиент?

— Проционн-2, — морща лоб, сказал Петрович. — Слыхал?

Львович подошел к старенькому компьютеру, вставил диск энциклопедии «Планеты и народы». Диск был пиратский, взломанный, ряд функций в энциклопедии не работал, данные по планетам были неполные и не отличались новизной — на ворованные энциклопедии обновления через галактическую сеть не поступали.

— Проционн-2… — пробормотал Львович. — Урановые и молибденовые шахты… никель и золото… серебро и титан… огромные запасы слюды…

— Слюда — ценная? — заинтересовался Петрович. Директор лишь пожал плечами.

Последние пять лет дела у них шли неважно. Особенно с тех пор, как у «Откосов и отвесов» отобрали лицензию на право работы в Солнечной системе. Компаньоны перебивались случайными заработками на периферии Империи и едва сводили концы с концами. Единственное, что все-таки обеспечивало им приток клиентов, — удачное расположение офиса на геостационарной орбите. Пускай между складами «Кока-Колы» и заводом по переработке ядерных отходов — но все-таки у самой Земли!

— Президентская форма правления… климат от тропического до арктического… — продолжал читать Львович. — Так… деловая репутация… отличаются верностью данному слову, совершенно нетерпимы к нарушениям договорных обязательств. Офис компании, поставившей на Проционе-2 некачественные горные сверла, сгорел при неизвестных обстоятельствах… посредническая фирма, продавшая планете муку, зараженную долгоносиком, была разорена, а все сотрудники за долги проданы расе халфлингов…

Львович сглотнул и посмотрел на Петровича.

— За офис платить надо… — жалобно сказал прораб.

— Хочешь быть домашним любимцем халфлингов? — спросил Львович.

— Ну так… постараемся все сделать качественно! — искренне предложил Петрович. — В первый раз, что ли?

Львович вздохнул.

— Зарплаты два месяца не видели… — напомнил Петрович.

— А кто клиент?

— Генерал какой-то. Говорит, что представляет самого президента…

Львович ощутимо повеселел:

— Это меняет дело. Вояки — народ понимающий. С ними всегда можно договориться.

— Так и я о чем! — поддержал его Петрович. — А заказ крупный…

— Ну? — все еще не отрывая взгляд от экрана, спросил Львович.

— Строительство санаториев на сто тысяч человек!

— У них населения-то всего миллион! — поразился Львович. — С жиру бесятся… Ладно.

Он выключил компьютер, поинтересовался:

— Твоя старушка на ходу?

Петрович погрустнел, но признался:

— На ходу. Горючего только мало.

— У меня вообще пустой бак, на честном слове летаю, — укорил его Львович. — Давай посчитаем курс и двинемся…

Генерал компаньонам сразу понравился. Был он солидный, обстоятельный и ничего не смыслящий в строительстве — когда Львович для пробы сказал, что полимеро-бетонные стены будут покрыты цветной декоративной пленкой, проглотил эту новость без возмущения. Ну и лох! Кто же покрывает пленкой гладкий полимер, и без того способный принять любую окраску!

Совсем уж развеселившись, Львович объяснил, что для прочного сцепления пленки с бетоном между ними придется проложить слой специальной строительной пены. Генерал и этому поверил, даже одобрил — пусть в корпусах будет хорошая звукотеплоизоляция…

— А почему здесь строить решили? — поинтересовался Петрович, прохаживаясь вдоль скалистого берега. Дул холодный, пронизывающий ветер. Небо заволакивали снежные тучи. Голая промороженная равнина простиралась до самого горизонта. — Мы над экватором пролетали, такие замечательные пляжи…

Генерал фыркнул:

— Мы — народ неизбалованный, господа. Отдыхать привыкли в местах трудных для жизни, в спартанских, можно так сказать, условиях.

— Это правильно, правильно, — поддержал его Львович, с тоской вспоминая тропические леса, пляжи с белым и черным песком, чистейшую, прозрачнейшую воду — заходя на посадку, корабль прошел над тропиками. Все вояки — идиоты! Но нельзя же ссориться с клиентом, не подписав договор…

— Поэтому никаких особых изысков нам не нужно, — продолжал генерал. — Крепкие стены веселенькой окраски. Хорошая высокая ограда — с колючей проволокой под высоким напряжением.

— Звери? — насторожился Львович. Будучи коренным землянином, он панически боялся инопланетных хищников.

— Звери, можно так сказать, — согласился генерал. — Жилые комнаты должны быть просторными — на сорок, пятьдесят человек каждая. Мы народ очень компанейский. И без изысков в отделке — это чуждо нашей культуре. Никаких, мягких ковров, подогреваемых полов, интеллектуальных унитазов. Можно так сказать — назад, к природе!

— Замечательно, — вздохнул Львович. Эх, сколько возможностей таится для строителя в отделочных работах! Сколько замечательных возможностей, постичь которые человек иной профессии не способен! И на тебе — спартанская обстановка…

— Вот двери должны быть надежными, — заметил генерал. — С хорошими замками. Мы, можно так сказать, народ замкнутый, склонный к уединению… Да! Сортиры надо строить общие. Без унитазов, как я уже говорил. Длинный ров в бетонном полу, система автоматического смыва. И такие же столовые — длинный прочный стол, прикрученные к полу

скамейки. В этих вопросах мы очень компанейские, любим, чтобы все было на виду, в обществе товарищей.

— И все отдыхающие настолько компанейские? — поразился Петрович. Львович бросил на прораба испепеляющий взгляд, но генерал не обиделся. Подумал и сказал:

— Нет, не все. Должно быть некоторое количество хорошо изолированных, желательно подземных комнат. Для любителей уединенной медитации. Маленькие, бетонные, с прочными стальными дверьми.

— Двери — это область, в которой наша фирма наиболее сильна! — сказал Львович, уловив общее направление мысли заказчика.

— Хорошо, — кивнул генерал. — А вот для обслуживающего персонала комнаты должны быть вынесены в отдельные корпуса. И чтобы между этими корпусами и бара… — он запнулся, но тут же воодушевленно продолжил: — И барами, которые наверняка будут организованы в санатории, была хорошо просматриваемая бетонная полоса. Надо бороться с пьянством обслуживающего персонала!

— Значит, строим еще и бары? — обрадовался Львович. — Строили мы как-то ресторан…

— Бары мы построим сами. Потом, — огорчил его генерал. — Вы стройте санатории.

— А какие-нибудь лечебные учреждения? — спросил Львович с робкой надеждой. — Для физиопроцедур…

— Наш народ… — начал генерал. Задумался, кивнул: — Вы правы. Вот что значит профессионал! Да, нужны будут помещения для физиопроцедур. Для массажа — с крепкими лежанками. Для закаливания — ванны с ледяной водой. Для электротерапии — надежные стулья, и чтобы можно было напряжение варьировать в любых пределах.

— Да хоть до десяти тысяч вольт, — гордо сказал Петрович.

— Десять тысяч вольт вполне устроит, — кивнул генерал.

— Но разве такое напряжение… — растерялся Петрович.

— Для надежности! — отрезал генерал. — Всегда полезно иметь резерв по мощности. Верно?

— Провода возьмем медные, — поддержал его Львович — Даже не провода — медные шины! А, что уж тут… серебряные шины! Дорого, конечно, выйдет…

Генерал улыбнулся:

— Ничего. Дело здоровья народа, можно так сказать, нам дороже всего.

— Что ж. — Львович радостно обвел взглядом заснеженную тундру, где вскоре предстояло разместить корпуса на сто тысяч отдыхающих. — Тогда… мы подготовим вам смету…

— Приблизительная стоимость? — сухо спросил генерал. — И сроки! Сроки очень важны, здоровье граждан расшатано за последний год.

— Ну… — Львович набрал воздуха побольше и выпалил: — Семьсот-восемьсот миллионов.

Генерал кивнул.

— Может дойти и до девятисот… — скорбно закончил Львович. — Это уже надо калькулировать…

— Сроки?

— Три месяца, — пожал плечами Львович. — Верно, Петрович?

— Да, может, и за два успеем… — пробормотал прораб. — Пока точно не скажу, надо грунт рыть, полимеробетон к вашим условиям адаптировать…

Генерал вновь кивнул. И поинтересовался:

— Скажите, а кто у вас работает? Люди?

Львович всплеснул руками:

— Да что вы! Разве люди могут работать так быстро и хорошо?

— Цзыгу? — удивился генерал.

— Да вы знаете, сколько бы с вас содрали цзыгу? — возмутился Львович. — Совести у них нет…

— Роботы? — скривился генерал. — Видал я их работу…

— Андроиды, — вкрадчиво сказал Львович.

Первый раз за все время разговора в глазах генерала появилось искреннее восхищение.

— Андроиды? — повторил он. — А разве на Земле разрешено использование искусственных людей? Все эти дурацкие законы… о свободе мысли, о недопустимости, можно так сказать, рабства…

— У нас особенные андроиды, — гордо сказал Львович. — Разума у них нет вообще. Одни строительные инстинкты, как у пчел. Разума нет, воли нет… свободное от работы время лежат вповалку, временами утоляя голод.

— Интересное решение… — пробормотал генерал. — А как же они работают, если у них воли нет?

— Они все эмпаты, — пояснил Львович. — Когда я или Петрович присутствуем на строительной площадке, они чувствуют наше желание строить и начинают работать. Так что достаточно одного человека на всю зону работ.

— Это можно попробовать использовать и в военном деле… — задумчиво сказал генерал. — Что ж, господа. Составляйте смету — и приступайте!

Львович раскинулся в шезлонге и блаженно улыбнулся.

Красота!

Работа едва началась, а на счет «Откосов и отвесов» уже поступили первые сто миллионов. Потянулись к планете караваны транспортов со стройматериалами — генерала удалось убедить, что местный песок и камень не дадут необходимого качества. Вышли на работу андроиды, последние полгода покрывавшиеся пролежнями в корабле-рефрижераторе.

— Еще дайкири! — крикнул Львович.

Молоденькая девушка в бикини, пряча глаза, принесла ему коктейль. Львович несколько секунд полюбовался ее формами на фоне ласкового тропического моря, потом взял бокал. Девушка под его взглядом ощутимо порозовела.

Ах уж эти милые провинциалки!

— Спасибо, милая, — сказал Львович.

Девушка, против обыкновения, не упорхнула в сторону сразу. Подняла глаза, спросила:

— Скажите… правда, что это вы строите на севере…

— Правда, — сказал Львович. Девушка вновь опустила глаза.

— Ты не сомневайся, — ласково сказал Львович. — Так построим — века все простоит! И ты там побываешь, и дети твои, и внуки…

Девушка вспыхнула, окинула Львовича негодующим взглядом и быстрой походкой удалилась в сторону ресторана. Львович крякнул. Ох уж эти местные обычаи! Вероятно, упоминание о детях и внуках невинная девица сочла неприличным…

Пискнул телефон. Львович достал трубку — новенькую, дорогую, еще толком не освоенную, вальяжно сказал:

— Директор слушает…

— Львович, генерал с инспекцией едет, — тревожно сообщил Петрович. Лицо его на голографическом экране было озабоченным и даже смущенным.

— Сейчас… — забеспокоился Львович. — Ты, это… андроидам своим втык сделай…

— Пашут как черти, — сказал Петрович — Приезжай быстрее.

Некоторое время генерал прохаживался вдоль одного из котлованов. Пинал ногой комья мерзлой земли — те долго и печально летели вниз.

— Зачем такие глубокие котлованы? — спросил он наконец

— Для устойчивости, — борясь с желанием погрызть ноготь, ответил Львович. — Вечная мерзлота, сами понимаете… Еще на двадцать метров будем углублять. Вы ведь не хотите, чтобы корпуса через год завалились набок?

Эти слова произвели ожидаемый эффект. Генерал энергично замотал головой:

— Не хочу. Продолжайте.

Львович подмигнул Петровичу и сказал:

— Но грунт оказался очень трудным. Андроиды еле справляются… видите?

Генерал посмотрел на вяло шевелящиеся фигуры в комбинезонах, кивнул, спросил:

— А вон те двое — лежат…

— Переутомление, — пожал плечами Петрович. — Старались, сил не рассчитали.

— Чем кормите? — небрежно поинтересовался генерал. Компаньоны переглянулись. Все поставки на планету контролировала местная таможня, так что врать не имело смысла.

— Самым дешевым и высокоэнергетическим продуктом, — веско сказал Львович — Этиловым спиртом!

Генерал что-то промычал, спросил:

— А это не скажется на качестве работ?

Компаньоны дружно засмеялись.

— Что вы, — успокоил генерала Львович — Алкоголь у них давно уже встроен в обмен веществ и является продуктом питания… не более того. Так, я говорил о неожиданно твердом грунте?

— Можно так сказать… — кивнул генерал.

— Смета подготовительных работ несколько выросла, — пояснил Львович. — Ненамного… тридцать миллионов… Вот процентовочка, всю ночь считал… нет, не это… вот посмотрите!

Генерал молча подписал чек. Даже не глянул, что процентовка составлена полчаса назад сидя в идущем на автопилоте флаере, Львович торопливо набросал несколько процентовок — и с понижением суммы, и с повышением, и с точным совпадением с предварительной сметой. На всякий случай. Никогда не угадаешь, в каком настроении придет клиент.

Когда генерал двинулся к своему флаеру — военному, маскировочной бело-серой окраски, возле которого терпеливо мерзли адъютанты, Львович подмигнул Петровичу и сказал:

— Ну? Видал, как надо?

Петрович закряхтел. Выбивать деньги из клиентов он не умел. Вот тянуть сроки, маскировать недоделки…

— Треть — твоя, — милостиво сказал Львович.

Андроиды в котлованах побросали ломы и перфораторы, бросили включенные экскаваторы и бетономешалки — и пустились в пляс.

— Идиот, работай! — рявкнул Львович. — Он же сейчас взлетит, увидит!

Петрович наморщил лоб — и послушные воле хозяина андроиды вновь принялись долбить мерзлый грунт.

— Через недельку закончим, — пообещал Петрович. — Все-таки еще двадцать метров вглубь выбирать…

— Ты что, Петрович? — ласково спросил директор. — К вечеру пусть начинают заливать бетон. И без того лишнего нарыл!

— Ломать — не строить, — слегка смутившись сказал Петрович. — Увлекся. Я в детстве все мечтал дыру до центра Земли прорыть.

— Это не Земля, так что можно и прорыть, — усмехнулся Львович. — Но не будем обижать милых туземцев, верно? Пускай получают свои санатории…

Генерал был разъярен. Генерал был пунцов и потен. Генерал был громок.

— Что это такое, господин директор? Ко мне заходят друзья, я желаю показать, как продвигается работа, перевожу спутник слежения на полярную орбиту. И что я вижу?

— Что работа стоит, — брякнул Львович наугад. В роскошных апартаментах, предоставленных ему правительством планеты, он был один — и потому не в духе. Проклятые туземки сторонились его как огня. Местные обычаи, будь они неладны…

— Да, стоит… — растерялся генерал. — Как неделю назад все было, так и осталось… Вы знали?

— Конечно же, знал! — воскликнул Львович. — Мы работаем уже четыре месяца…

— Должны были закончить все за три… — вставил генерал. — За два обещали!

— Обещал. А кто не оплатил последнюю смету?

Генерал отвел глаза.

— Я перебрасываю материалы и средства с других планет, — вдохновенно говорил Львович. — Я согласился использовать ваше некачественное серебро для проводки…

— У нас качественное серебро! — возмутился генерал. — Лучшее в галактике!

— Ювелирное — да, — кивнул Львович. — А техническое… это совсем, совсем другое дело! В общем — я делаю что могу. Согласны?

— Можно так сказать… — смирился генерал.

— Но я не могу заставить андроидов работать без отдыха! — продолжал Львович. — Они изнашиваются! Где я возьму новых?

Генерал молчал.

— Так что не волнуйтесь, — продолжал Львович — Изыщем резервы. Вот только андроиды чуть-чуть отдохнут…

Генерал кивнул.

— А процентовочку оплатите, пожалуйста, — ласково сказал Львович. — Мы не можем бесконечно работать на внутренних резервах.

Генерал снова кивнул. Буркнул:

— Вечером пройдет транш…

Экран погас.

А Львович вытер со лба мгновенно выступивший пот и принялся торопливо одеваться.

Андроиды были повсюду. Некоторые бродили у строительных машин, некоторые разлеглись на свежеуложенном бетоне, некоторые, свесив ноги, сидели в пустых оконных проемах.

Львович, кипя от негодования, прошел по стройплощадке. Лететь к остальным корпусам смысла не было. Петрович контролировал всю стройку целиком.

…Прораба он нашел на вершине холма, в разложенном шезлонге, тихо и кротко глядящим в небеса. Теплый плед укрывал его ноги, на столике стояла автономная кофеварка, помаргивала зеленым огоньком готовности.

— Пил? — мрачно спросил Львович, нависая над прорабом.

— Ни в одном глазу, — совершенно трезвым голосом ответил Петрович. — Хочешь, дыхну?

— А что на площадке творится? — возмутился Львович.

— У меня нерабочее настроение, — пробормотал Петрович. — Ты бы знал, где мне сидит эта стройка…

— Петрович! — Директор потряс компаньона за плечи. — Петрович, соберись! Ощути волю к работе!

Петрович вздохнул.

— Мы же строители, — уговаривал его Львович. — Мы строим новые города, мы преображаем дикие планеты! Романтика!

— Бетон плохой, — мрачно сказал Петрович. — На холода не рассчитан. Сплошные каверны… уже сейчас сыплется…

— Ничего, мы его декоративной пленкой покроем, — успокоил его Львович. — Ну послушай… ну соберись же ты! Ты же в детстве хотел дыру к центру Земли провертеть, а тут какие-то несчастные санатории…

— Так их строить надо… — Петрович вздохнул, взял чашку кофе, выхлебал одним глотком. Сосредоточился.

Андроиды встали. Некоторые даже взялись за инструменты. Но через несколько секунд лопаты и ломы снова попадали из их рук…

— Не могу… — простонал Петрович. — Надоело…

— Вовремя надо было заканчивать! — рявкнул Львович. — Генерал уже насторожился,

понимаешь? Если через неделю не сдадим — плакали наши денежки!

— Твои денежки, — пробормотал Петрович. — Что там мне приходится? Двадцать процентов?

— Сорок, — быстро сказал Львович. Петрович задумался.

— Давай… закончим, получим остаток… — продолжал уговаривать его директор.

— А может, ну его? — спросил прораб. — Мы и так уже наварились изрядно. Сколько нам уже выплатили? Миллиард и сто миллионов?

— И ты готов бросить еще двести? — поразился Львович. — А про местные деловые манеры забыл? Хочешь остаток дней в серебряном руднике провести?

— Я вот что думаю, — печально сказал Петрович. — Почему генерал обратился именно к нам? «Откосы и отвесы» — фирма маленькая, репутация у нас… сам знаешь.

— Должно же было нам однажды повезти? — Львович всплеснул руками. — Всякая корпорация начинается с того, что маленькой фирме привалила удача, большой заказ. Вот и наше время пришло! Петрович! Соберись, родной!

— А сам не хочешь андроидами покомандовать? — язвительно спросил Петрович.

— У меня отпуск, — быстро сказал Львович. — Ты же знаешь, после отпуска надо неделю-другую в рабочий ритм входить. Петрович, только ты можешь стройку закончить. Напрягись!

— Может, я у них вялости нахватался, — глядя на меланхоличных андроидов, предположил Петрович. — Обратная связь…

— И ты позволишь безмозглым зомби командовать тобой? — вскричал Львович.

Петрович посуровел. Петрович встал и окинул взглядом уходящие к горизонту корпуса. Андроиды вздрогнули.

— Ну, вашу механическую мать… — пробормотал Петрович. Андроиды похватали инструменты и принялись за работу.

— Что бы я без тебя делал, Петрович… — умиротворенно сказал директор.

Генерал в сопровождении свиты шел по объекту. Стройплощадку вымыли час назад, и все вокруг должно было бы сверкать чистотой и свежестью… вот только компаньоны не учли местный климат. На морозе вода схватилась ледком, и вся территория превратилась в один большой каток.

Но генерал не протестовал. Твердо ставил ногу, озирался, временами попинывал стены зданий. Петрович болезненно морщился, но стены пока держали.

— Неплохо… — пробормотал генерал. О, божественная музыка этих слов из уст заказчика! — А там что?

— Подстанция, как просили, — влез с пояснениями Львович. — Пройдемте…

Генерал полюбовался толстыми серебряными шинами, уходящими в стену от трансформатора. Потом даже зашел с другой стороны и убедился, что наружу выходят такие же толстые серебряные жгуты.

Петрович подмигнул Львовичу.

— Достойно, — сказал генерал. — Проверим внутреннюю отделку…

Честно говоря, внутренняя отделка оставляла желать лучшего. Даже спартанские пожелания генерала не были соблюдены в полной мере. Но генерал вроде как остался доволен.

— Остальные девяносто девять корпусов совершенно идентичны, — сказал Львович. — Будем смотреть?

Генерал махнул рукой. Пробормотал:

— Заждались уже… отдыхающие. Господа, вечером начнется заселение. Через неделю я жду вас у себя для окончательного расчета. А пока — отдыхайте. Номера в гостинице остаются за вами.

Лицо Львовича вытянулось, но Петрович прошептал:

— Выстоят, не сомневайся…

На том сдача-приемка объекта и была закончена.

Отель на берегу ласкового тропического моря пустовал. На завтраке, в огромном красивом зале ресторана, Петрович и Львович сидели в гордом одиночестве — лишь в углу жалась кучка молчаливых, мрачных отдыхающих. Чтобы развеселить их, Львович даже попытался рассказать о завершении строительства северных пансионатов — но выражение тоски на лицах лишь усугубилось.

— Неладно что-то… — со вздохом сказал Львович. — Что-то не так.

Петрович согласно кивнул, ковыряясь вилкой в бифштексе.

— Знаешь… — Львович вздохнул. — Вот тебе сотня, сходи в магазин.

— Выпивка же бесплатно! — удивился Петрович. — Полный бар в номере…

— Да я не о том, — поморщился Львович. — Купи «Планеты и народы». Лицензионную версию. Надо побольше узнать об их нравах.

— Она сто пятьдесят кредиток стоит, — затосковал Петрович.

— Добавишь полтинник, — отрезал Львович. — Что ты мелочишься, мы с тобой уже в миллионах купаемся!

Петрович закряхтел, но смолчал.

Через час, удобно устроившись перед компьютерным терминалом, компаньоны запустили энциклопедию.

— Глянь-ка сразу обновления, — попросил Львович. Петрович неумело полез в меню. Наморщил лоб. И охнул. У Львовича отвисла челюсть.

«После того, как полгода назад к власти на Проционе-2 пришла военная хунта генерала Хуана, на планете установился режим жесточайшей тирании. Первым же решением кровавого режима было строительство на планете концентрационных лагерей для инакомыслящих. По предварительным оценкам в лагерях будет содержаться не менее десяти процентов населения планеты. Большинство строительных корпораций отказалось от участия в этом проекте, он осуществляется силами малоизвестной и беспринципной строительной фирмы. О судьбе свергнутого президента Леонардо нет никаких данных…»

— Приплыли, — сказал Петрович. — Сейчас нам на Земле… за сотрудничество с тираном…

— Или тиран — нам. За некачественную работу. — Львович вгрызся в ноготь. — Петрович…

— А?

— Твоя колымага на ходу?

— До Земли долетит. Если малым ходом… на прямой прыжок горючки нет, да и движок…

— Петрович, время не ждет.

— Мы еще не все деньги получили… — глядя на Львовича стеклянными глазами, произнес Петрович.

— Нам бы ноги унести! — рявкнул Львович. — Хорошо еще андроидов успели товарным рейсом отправить. Давай собирайся!

Первым делом он упаковал гостиничные банные халаты и полотенца.

Боевой крейсер Проциона-2 догнал корабль Петровича через три дня — три дня, заполненные руганью, пьянством и взаимными упреками.

— Крендец! — сказал Петрович, глядя на экран. Крейсер был большой, блестящий и красивый. Такие могут планету в пыль смолоть, а не маленькую старую яхту.

— Давай сдадимся… — предложил Львович. — Или на Землю сигнал бедствия дадим…

— На Земле нас… за сотрудничество с тираническим режимом генерала Хуана… — Петрович всхлипнул. За последние дни они многое узнали о «можно так сказать» генерале.

Боевой крейсер распахнул огромный шлюз и стал наплывать на улепетывающую яхту.

— Вон уже и конвой на причальной палубе выстроился… — скорбно сказал Львович.

Петрович насторожился:

— Что-то на конвой не похоже… флажками машут…

Он постучал по кнопкам пульта — и на экране возникло радостное розовощекое лицо. Человек возбужденно говорил в микрофон.

— Итак — вот он, торжественный миг! Наш корабль готовится принять на борт спасителей демократии Проциона-2! Позволю себе напомнить хронику событий…

На экране появились фотографии Петровича — в шезлонге и с пледом, и Львовича — тоже в шезлонге, но с бокалом коктейля.

— Пять месяцев население нашей планеты проклинало этих людей. Пять месяцев мы наблюдали за тем, как они воздвигают в диких северных краях концлагеря — оборудованные электрическими стульями, пыточными камерами, карцерами, душегубками…

— Какими еще душегубками? — простонал Петрович, но вспомнил «камеры санобработки» и смолк.

— И никто не знал, что все это время два непритязательных с виду человечка готовили удар в спину диктатуры! — продолжал заливаться соловьем журналист. — Когда трое суток назад несломленный президент Леонардо был посажен на электрический стул и на всю планету началась трансляция церемонии его казни, герои спешно покинули нас. Не станем винить героев — ведь верные диктатору войска первым делом бросились на их поиски… Итак, после того, как при включении рубильника перегорела вся проводка во всех бараках — по плану серебряная, по сути, как выяснилось, алюминиевая…

— Ты что, ее последовательно подключал? — охнул Львович.

— А как еще можно? — удивился Петрович.

Журналист продолжал. Он рассказывал, что от одного удара ноги рушились стены бараков, что колючая проволока оказалась некондиционной и мягкой, что условия жизни в казармах охраны оказались еще хуже, чем в бараках для заключенных, — так что солдаты были полностью деморализованы. Попытка диктатора вызвать на помощь наемников с других миров тоже провалилась — в казне не осталось ни единого кредита.

При словах «Орден слюдяной доблести первой степени» Петрович блаженно улыбнулся и потерял сознание.

Церемония награждения была краткой, но красочной. Президент Леонардо, измученный, но не сломленный, лично прицепил сверкающие ордена к потным рубашкам компаньонов. Потом, извинившись, сказал, что перечисленные диктатором деньги будут, конечно же, заморожены. Все, за исключением пошедших на *реальные* расходы. Господин президент Леонардо прекрасно понимает гуманистический порыв Петровича и Львовича, пытавшихся разорить тирана, но не собираются же они в самом деле наживаться на страданиях целой пла-

неты? Ведь Проциону-2 еще предстоит восстанавливать разрушенную за полгода экономику…

— Мы могли бы помочь вам… — воспрял духом Львович. — Если вам нужны шахты, дворцы, настоящие санатории…

Президент посмотрел на телеоператора — и тот отключил камеру.

— Нам нужны герои, — сухо сказал Леонардо. — Потому я цепляю вам эти ордена… специально придуманные два дня назад. А вы нам не нужны.

Он помедлил секунду, потом добавил:

— Я сам строитель. А вы — шабашники….

Уже на подлете к офису молчавший до сих пор Петрович спросил:

— Ну, мы ведь заработали? Хоть немного? Да и в гостинице такой пожили…

Львович кивнул, начал грызть ноготь на левой руке.

— Генерал был ничего… — пробормотал Петрович.

— А президент — скотина! — не выдержал Львович. — Никакой корпоративной солидарности!

СУХИМИ ИЗ ВОДЫ

В дверь постучали.

— Сильнее, заедает! — не оборачиваясь, воскликнул Львович, директор строительной фирмы «Откосы и отвесы».

Стук усилился — и дверь, жалобно всхлипывая старым сервомотором, уползла в стену. На пороге появился Петрович — прораб, главный инженер и главный технолог фирмы.

— Совсем разладилась старушка, — огорченно сказал он, опуская универсальный инструмент — в данный момент похожий на молоток. — Нехорошо.

— Отрегулируй, — предложил Львович.

— Да я, собственно, по делу, — быстро сказал Петрович. — Клиент!

Львович попытался скептически хмыкнуть. Для последнего найденного Петровичем клиента они построили концлагерь, хотя были уверены, что строят санаторий. И только счастливая случайность спасла приятелей от наказания.

Но хмыканье против воли получилось задорным, радостным. Клиент — это стройка. Стройка — это процентовочки. Процентовочки — это деньги.

— Что строить? — спросил Львович.

— Аквариум! — гордо сказал Петрович.

Львович вздохнул и посмотрел в иллюминатор. Их офис располагался в старой космической станции на геостационарной орбите. Место, конечно, козырное — Земля рядом, центр, можно сказать. Но если честно — дыра дырой!

— Петрович, — ласково произнес директор. — А унитаз нас не просили построить? Или стенной шкаф?

Петрович нахмурился:

— Не понял юмора.

— Аквариум — разве это размах? — спросил Львович. — Аквариум — это ящик из стекла, на дне — песок, в песок воткнуты растения, вокруг рыба плавает. Ну что на этом заработаешь?

— Как хотите, — с оскорбленным видом сказал Петрович. — Тогда я увольняюсь. С таким заказом…

— Подожди-подожди! — насторожился Львович. — С каким это таким?

— Аквариум! Сто на сто двадцать метров! Высотой двадцать!

Львович встал и погрозил Петровичу пальцем:

— Так бы и сказал! А то… аквариум… у меня у самого был в детстве аквариум, на два ведра… гуппи всякие, моллинезии. Между прочим, размножались в неволе!

— У меня и сейчас есть, — успокоился Петрович. — Только я пираний держу. Я так на заказчиков и вышел, между прочим. Зашел в клуб аквариумистов, хотел там кой-чего для своих рыбешек прикупить… И натыкаюсь на мужика. Глаза горят, руки трясутся. Спрашивает: кто здесь может аквариум быстро построить? Мне, говорит, нужен сразу и строитель, и аквариумист. Я как слово «построить» услыхал, так сразу его за руку — и в бар. Ну, слово за слово… опыт, говорю, есть…

— Петрович, тебе премия, — расчувствовался директор. — Масштабы, конечно, не самые большие, но все-таки… Молодец. Где строим?

— В Москве.

— На Земле, что ли? — Львович помрачнел.

— Ну да.

— У нас же лицензию отобрали! Не имеем мы права строить в Солнечной системе!

— Спокойно. — Петрович усмехнулся. — Есть нюанс. Строим на территории отеля «Хилтон-Вселенная». Согласно законам, эта территория находится под межгалактической юрисдикцией. Так что имеем мы право. Имеем как хотим!

Львович расплылся в улыбке. Развел руками. Щелкнул пальцами. И бодро изрек:

— Заводи свою колымагу! Поедем знакомиться с объектом работы.

— Может, вначале с заказчиком? — поинтересовался Петрович.

— Я его и имею в виду, — снисходительно объяснил Львович. Все-таки даже самым сообразительным подчиненным не хватает подлинной лидерской жилки!

Заказчик Львовичу понравился. При появлении строителей вскочил из кресла, бросился навстречу, принялся жать руку, бормоча:

— Вас мне сам Бог послал!

Петрович гордо улыбнулся и словно бы стал выше ростом.

— В чем проблемы? — спросил Львович, осторожно высвобождая ладонь из потных рук директора. — Ремонт требуется?

Заказчик оторопел. Сверкающий кабинет управляющего отелем «Хилтон-Вселенная» всем своим великолепием демонстрировал, что не нуждается в ремонте. Стеклянные окна во всю стену выходили в зимний сад, изящная мебель из металла, стекла и радужно переливающихся силовых полей стоила целое состояние, в воздухе роились крошечные феи-светильники, созданные биоинженерами Чужих.

— Ремонт? — переспросил управляющий. — Зачем? Я же объяснял!

— Петрович мне что-то говорил, — поморщился Львович. — Но дел много, только что предложили крупный правительственный заказ… оборонка! Сами знаете, на границе с Булями неспокойно… Все в голове не удержишь.

Управляющий закивал, успокаиваясь.

— Нет, нет! Ремонт не нужен. Отель в прекрасном состоянии…

Но Львовича уже понесло.

— В прекрасном? — Он подхватил стул. Силовое поле призывно замерцало, готовясь принять директорское седалище. Но Львович небрежно размахнулся и ударил стулом о стеклянную стену.

Раздался мелодичный звон — и более ничего.

— Вот видите, все очень функционально… — пробормотал управляющий. — Прочно…

— Прочно… — печально сказал Львович. — А вы задумывались, как чувствует себя человек, живя в окружении вечных, неломающихся вещей? С каким чувством садится на стул, зная, что стул этот просуществует века? Все эти небьющиеся стекла, самопочиняющаяся мебель, мусороубирающие полы… — В доказательство своих слов Львович достал из кармана горсть шелухи от семечек и высыпал на пол. Пол послушно зачавкал, поглощая мусор. — Все это вызывает глубокое чувство неполноценности! В то время как сработанная по старинке мебель и слегка, нарочито некачественный ремонт поднимают человеческую самооценку, тренируют внимательность, гармонизируют организм!

— Очень интересно, — сказал управляющий. — Я как-то не задумывался…

— Если захотите сделать отель более комфортным — обращайтесь, — кивнул Львович. — Так. В чем ваши проблемы?

— Аквариум! — выдохнул управляющий. — К завтрашнему вечеру нам нужен большой аквариум, на двести сорок тысяч кубов воды!

— Стеклянный? — поинтересовался Львович. — Полимеробетон, к примеру…

— Стеклянный! — Управляющий замахал руками. — Только стеклянный! Примыкающий к отелю. С красивым ландшафтом внутри… растения, гроты, отмели…

— К завтрашнему вечеру? — иронично уточнил Львович. — А серьезно?

— Куда уж серьезнее… — Управляющий промокнул пот со лба. — Называйте вашу цену.

Львович искоса посмотрел на Петровича. Петрович сделал большие глаза.

— Надо посчитать… — произнес Львович и задумался.

— Компьютер? — робко предложил управляющий.

— Тише! — цыкнул на него Петрович. — У Львовича компьютер имплантирован в голову. Он уже считает!

Управляющий уважительно кивнул и замолчал.

Львович и впрямь считал. Честно говоря, имплантирован ему был вовсе не компьютер, а калькулятор. Но хороший, инженерный, с множеством лишних функций.

«Сутки работы андроидов — пятьсот кредитов, — размышлял Львович. — Стекло, если брать на лунных заводах, это еще тысяча. Но на Луну времени нет, придется покупать на месте… две тысячи. Песка на месте нароем, растения Петрович у своих аквариумистов закупит… а не хватит — в Яузе нарвем… Транспортные расходы — еще полторы тысячи… Итого: 500 + 2000 + 1500 = 4000».

— Триста тысяч, — сказал Львович и огорченно покачал головой. — Только из уважения к вашему отелю. Но если…

— Что вы. — Управляющий облегченно улыбнулся и замахал руками. — По смете нам отпущено полмиллиона!

У Петровича лязгнула челюсть. Но Львович даже не изменился в лице.

— Но если вы хотите не просто аквариум, а со всем биоценозом — песок, растения, улитки, рыбки, — то не менее шестисот двадцати пяти тысяч.

— Рыбок не надо, — быстро сказал управляющий.

— Шестьсот, — вздохнул Львович. — Пятьсот девяносто… за пятьсот девяносто потянем, Петрович?

Петрович вздохнул и пробормотал:

— Что ж, без прибыли работать?

— Зато интересный объект! — улыбнулся Львович. — Итак?

— Нам отпущен правительственный транш на полмиллиона… — Управляющий жалобно посмотрел на строителей. — А если еще чуть-чуть ужаться?

В итоге, пожертвовав улитками, сошлись на пятистах сорока пяти тысячах. Петрович, правда, предупредил, что без улиток не гарантирует поддержания чистоты воды, но управляющий смирился и с этим.

Выйдя из кабинета управляющего, друзья обменялись понимающими взглядами.

— Пулей на орбиту! — велел Львович. — Хватай баржу с андроидами — и сажай прямо на космодром отеля. Я пока организую доставку горючего для рабочих.

Петрович достал ключи зажигания и потрусил к своей старенькой яхте.

Неприятности с андроидами начались сразу же. В целях экономии времени Петрович начал разморозку еще при посадке, проще говоря — отключил теплоизоляцию грузового отсека. В результате те андроиды, что были складированы у бортов баржи, вполне оттаяли, а некоторые даже перегрелись и выбирались из трюма пошатывающейся походкой. Те же, что хранились в центре, остались полумороженными. Петрович, ругаясь вполголоса, оттаивал их при помощи паяльников и утюга, когда в люк заглянул управляющий.

— Это… это что у вас — андроиды? — запинаясь произнес он.

— Они самые, — добродушно отозвался Петрович из облака пара. Ему как раз попался особенно обледеневший андроид, и пришлось включить в утюге подачу пара в турборежиме. Рядом оттаивали еще трое, которым Петрович засунул паяльники в самые удобные для этого отверстия.

— Но на Земле запрещено применять андроидов! — воскликнул управляющий. — Нас всех посадят!

— Не дрейфь, — успокоил его Петрович, проглаживая андроиду лицо. — Территория вашего отеля находится под галактической юрисдикцией. Все в ажуре.

Управляющий чуть успокоился, но что-то продолжало его тревожить. Вскоре выяснилось, что именно.

— Труд андроидов, он же не оплачивается.

— Угу, — не стал спорить с очевидным Петрович.

— Так за что же я буду вам платить?

Петрович неторопливо извлек паяльник из разморозившегося андроида и повернулся к управляющему:

— А за наш труд. За мотивацию. Чтобы андроид работать начал — я должен очень

сильно о работе думать. Думаете, просто?

— Нет, нет… — косясь на паяльник, пролепетал управляющий. — Но поймите, этот аквариум крайне важен! Вы уж…

— Да не беспокойтесь, — улыбнулся Петрович. — Как для себя делать буду. Сам аквариумист, ей-же-ей!

Как ни странно, но эти простые слова оказали на управляющего волшебное действие. Он успокоился и только попросил:

— Вы уж поаккуратнее со своими… гомункулусами. В отель их не заводите… Может, питание организовать? Я распоряжусь, чтобы из ресторана приносили помои.

— Да они у нас на спирту, — отказался Петрович. — Вот нам со Львовичем обед не помешает. И ужин!

Когда появился Львович — за его машиной тянулась вереница автоцистерн, работа уже кипела. Петрович сидел на табуретке у края котлована и хмуро смотрел вниз. Внизу сновали свежеразмороженные рабочие. Энтузиазм Петровича был так велик, что те андроиды, кому не хватило кирки или лопаты, рыли грунт голыми руками.

— Ого! — Львович присвистнул, останавливаясь за спиной Петровича. — Ну ты силен! Стахановец!

Петрович вздрогнул, смутился. Рабочие застыли, опустив инструменты.

— Да я… задумался, — смущенно сказал прораб. — Это случайно.

— И великолепно! — ободрил его Львович, — Так и надо работать. С огоньком. Пусть дороют котлован — и будем их заправлять.

— Да хватит уже, — поглядев в яму, сказал Петрович. Достал лазерную указку-дальномер, ткнул вниз. — На четыре метра углубились, пойдет…

— Никаких «пойдет»! — Львович сразу стал серьезен. — Петрович, мои слова могут тебя удивить, но мы будем работать на совесть.

Петрович иронически улыбнулся. Принюхался.

— Ты что, горючее пробовал?

— Пробовал, конечно, — признал Львович. — Вечно норовят разбавить. Но не в этом дело, Петрович. Мы с тобой будем вкалывать так, словно от этого зависит судьба Всего человечества!

— Зачем? — только и спросил Петрович. — Директор, да ты спятил! Какой-то дурацкий аквариум!

— Это наш шанс, — кротко пояснил Львович. — Сдадим ударно объект для «Хилтона» — перед нами все дороги откроются.

Петрович крякнул и задумался. А Львович жарко прошептал ему в самое ухо:

— Ты посуди — с чего при таком правительственном бюджете поручают работу случайной фирме? Неужели своих, прикормленных, мало? А я тебе объясню. Это какое-то секретное задание государственной важности. К примеру — решили удивить высокого гостя, неравнодушного к аквариумистике! Потому и сроки ударные, потому и наняли нас с тобой. В общем — сделаем все хорошо, заведем знакомства в высших сферах!

— Сделаем все хорошо… — задумчиво произнес Петрович. Лицо его озарилось тихой улыбкой. — А давай… мы ведь можем! У меня дипломная работа была — курятник на Марсе построить. Так я такой курятник спроектировал — его во время войны с Сириусом как бомбоубежище использовали! Перекрытия — из титанобетона! Во! Прямое попадание протонной торпеды выдержали!

Львович кивнул:

— Верно. Ну их… эти приписки. Я подумал… аквариум будем делать из бронестекла, которое на иллюминаторы военных кораблей идет. Нам это, конечно, встанет не в две тысячи, а в двести.

Петрович ойкнул.

— Зато — поднимемся, — резюмировал Львович. — Так что… собери волю в кулак. Нам бы ночь простоять да день продержаться!

— Давай, Львович, — кивнул прораб. — Попробуем.

И они ударили по рукам.

Управляющий навестил стройплощадку в полночь. К его удивлению место работ не освещалось. Впрочем, судя по грохоту отбойных молотков и реву бетономешалок, трудовой процесс шел.

Вскоре, ориентируясь на тусклый свет дисплея, он отыскал Петровича. Прораб сидел в шезлонге, глядя на экран и хмуря лоб. На экране, в призрачном зеленом свете, носились взад-вперед неясные фигуры с чем-то тяжелым наперевес.

— Это чего? — тихо спросил управляющий. — Игрушка какая-то?

Петрович обратил на него утомленный взгляд. Хмыкнул:

— Игрушка? Прибор ночного видения! Контролирую стройку.

Управляющий понимающе кивнул, но все-таки поинтересовался:

— А почему не поставили фонари? Если хотите… у меня свояк на орбитальном зеркале работает… сейчас чуть-чуть повернет, лучик пустит — станет как днем…

— Ни в коем случае! — запротестовал Петрович. — Наши андроиды во тьме работают лучше!

— Почему?

— Халтурить привыкли, — мрачно признал Петрович — Если видят, что работа уже кое-как годится, — прекращают вкалывать. А так, в темноте, на запах и на ощупь… повинуясь силе моей мысли… очень даже качественно получается. — Он подумал и грустно добавил: — Вот такое ноу-хау… своего рода.

— А где Львович? — шепотом спросил управляющий.

— Заправляет вторую смену. — Петрович неопределенно кивнул. — Сходите посмотрите. Работают интенсивно, горючку жрут непрерывно, по пол-литра в час, не меньше…

Управляющий сходил.

Взгляду его открылась удивительная картина. На резервном поле отельного космодрома лежали рядами две сотни андроидов. Между ними резвой трусцой двигался Львович, волоча за собой заправочный пистолет на длинном шланге, подключенном к автоцистерне. На мгновение останавливаясь у каждого андроида, Львович всовывал тому в рот заправочный пистолет, на две секунды нажимал на спуск. Андроид слегка вздрагивал. Львович вынимал пистолет и вкладывал в рот андроида плавленый сырок из висячей на поясе сумки. По причине жаркой погоды и интенсивной работы Львович был а одних трусах. Временами он останавливался, утирал пот со лба, делал глоток из заправочного пистолета — и продолжал свой труд. Директор казался удивительным андроидом, получившим свободу воли, но не бросившим на произвол судьбы беспомощных товарищей.

— Я был к ним несправедлив… — прошептал управляющий и покинул стройплощадку — совершенно успокоенный.

К полудню аквариум был в общих чертах готов.

Величественное сооружение приковывало взгляд. Могучие бетонные столбы крепко держали огромные листы бронированного стекла. Подлетающие один за другим грузовые корабли ссыпали на дно аквариума промытый и прокаленный морской песок. В этом пыльном аду суетились неутомимые андроиды — лепили из быстросохнущего пластика гроты, насыпали холмы, создавая ландшафт, живописно раскладывали коряги и валуны.

Но больше всего приковывала взгляд ржавая подводная лодка посреди аквариума.

— Очень оживляет, не находите? — весело спросил Львович. — Это мы в счет не ставим. Наш презент!

— Симпатично, — признал управляющий. — Но я даже не знаю… подводная лодка… как-то очень неожиданно…

— Поверьте старому аквариумисту, — фыркнул Петрович. — Ничто так не оживляет аквариум, как пластиковая модель затонувшего корабля или водолаз, из которого идут пу-

зырьки воздуха! Но у вас аквариум большой, ставить в него муляж — неприлично. Мы нашли настоящую подлодку.

— Их в морях — видимо-невидимо. — Львович снисходительно махнул рукой. — Не волнуйтесь.

— К шести вечера закончите? — осторожно спросил управляющий.

Компаньоны переглянулись — и кивнули.

— Успеем, — сказал Львович.

— А ведь успеем, — прошептал Петрович. — Нам только водичку осталось залить… водоросли воткнуть…

В пять часов вечера Петрович и Львович, молчаливые и просветленные, стояли у огромного аквариума, выросшего рядом с отелем «Хилтон-Вселенная». За их спиной андроиды меланхолично грузились в баржу.

— Успели, — сказал Львович.

— А ведь красиво… — вздохнул Петрович. — Нет, ты погляди! Умеем, когда хотим!

Заходящее солнце сверкало в стеклянных плоскостях. Причудливые водоросли плавно колыхались в чистейшей голубовато-изумрудной воде. Мощные прожектора просвечивали аквариум насквозь. Потоки воздуха вырывались из подводной лодки, создавая на поверхности воды изрядное волнение.

— Из бластера можно палить — выдержит, — сказал Львович. — На века!

— Но без рыбок как-то даже стыдно сдавать, — вздохнул Петрович. — Слушай, директор… А хочешь, я пираний своих сюда запущу?

— Да сколько у тебя рыб-то? — засмеялся Львович. — На такую дуру — сейнером надо отлавливать.

— Клонируем, — предложил Петрович.

— Дорого, — отрезал Львович.

— Тогда я рыбьего возбудителя в аквариум залью, — предложил Петрович. — Это химия, она дешевая. За сутки отнерестятся и все икринки вырастут!

— Добрый ты, Петрович. — Львович задумчиво посмотрел на пустой аквариум. — А давай! Только быстро, нам через час сдавать работу!

— За сорок минут успею, — пообещал Петрович. И успел.

В шесть часов вечера, когда управляющий долго жал строителям руки и подписывал акт сдачи-приемки, веселая стайка серебристых рыбешек уже метала икру вокруг подводной лодки.

— Восхищен качеством работы, — повторял управляющий, — Восхищен. Я вас нико-

гда не забуду!

И он не покривил душой.

Петровича разбудил стук в дверь. Звонок перегорел с месяц назад, починить его руки все никак не доходили. Покосившись на часы — полдесятого утра, — Петрович зевнул и побрел открывать. Сутки ударной работы не прошли даром, даже по квартире передвигаться — и то было лениво.

В дверях стоял Львович.

— Ты новости смотришь?

Что-то в его голосе заставило Петровича обернуться и приказать:

— Телевизор, последние новости!

Экран послушно засветился. Замелькали кадры — телевизор листал каналы, отыскивая требуемое. Наконец послышался голос диктора:

— …в обстановке глубокой секретности. Даже апартаменты для парламентеров были построены частной строительной фирмой, не знающей о важности своей работы. Сейчас наш корреспондент находится на территории отеля «Хилтон-Вселенная», где и обосновались воинственные Були…

Петрович сел на пол. Рядом устроился Львович.

А на экране корреспондент в гидрокостюме сидел на краю аквариума и беседовал с огромной серебристой касаткой.

— Скажите, какие требования выдвигает ваша уважаемая делегация?

Исполинская пасть шевельнулась, открывая кинжально-острые зубы. Послышался неожиданно тонкий свистящий голосок:

— Первоначально мы хотели потребовать от людей отдать нам звездную систему Ауринду с ее прекрасными прохладными морями и неисчерпаемыми запасами вкусной рыбы. Но когда мы прибыли на Землю, наше мнение изменилось. И причиной послужило ваше коварство.

— На мой взгляд апартаменты… э… удались, — осторожно сказал репортер.

Касатка одарила его злобным взглядом:

— На первый взгляд апартаменты неплохи. Мы не подозревали о коварстве людей, пока не обнаружили, что в центре помещения лежит радиоактивный корабль, отравляющий воду.

— Говорил я тебе — батарейка в счетчике Гейгера села! — не выдержал Петрович. — А ты «чисто, не фонит…».

Львович молчал. Он грыз ноготь.

— После этого мы решили, что потребуем у землян еще и системы Узар, Хива и Дилитрэй, — сообщила касатка. — В качестве наказания за оскорбление наследного принца.

— Примите мои извинения, ваше высочество, — быстро вставил репортер.

— Позже мы поняли, что наши страдания только начинаются, — продолжала касатка. — Вода в апартаментах нагревалась, теряя живительный кислород. Дышать можно было лишь у затонувшего корабля, через который компрессоры качали воздух. Но тут и уровень радиации был наиболее высок…

— Я тебе привозил термостат, — сказал Львович. — Ты его поставил?

— Поставил! — возмутился Петрович. — Конечно!

— А включил?

Петрович промолчал.

— Мы оказались зажаты между двумя опасностями: задохнуться и облучиться, — рассказывал тем временем наследный принц Булей. — Стало понятно, что таким образом вы, люди, намекаете на свою готовность отравить наши океаны радиоактивными отходами или вскипятить с помощью мощных лазеров. Мы посовещались и решили, что в качестве компенсации будем требовать от людей передать нам все моря и океаны на всех планетах. Мы выдержим и радиацию, и перегрев!

— Нам крышка! — убежденно сказал Петрович. — Нас посадят лет на миллион. И то потому, что смертная казнь отменена.

— Ты дальше слушай, — велел Львович.

— Чтобы привлечь внимание окружающих, мы решили разбить стекла своей тюрьмы. Но к нашему удивлению стекла оказались бронированными, предназначенными для боевых кораблей! Недвусмысленное послание — у людей так много брони, что они употребляют ее повсюду! Но мы не смирились. У нас тоже много кораблей, и мы готовы воевать! Мы решили, что потребуем у людей еще и все озера…

Петрович обхватил голову руками и застонал.

— Однако человеческое коварство оказалось воистину чудовищным, — продолжал наследный принц. — Внезапно отовсюду на нас набросились стаи мелких кровожадных рыбок! Мы уничтожали их тысячами, но они плодились с немыслимой скоростью. Большая часть делегации сейчас отлеживается на отмели… надеюсь, что мои подданные выживут. И мы поняли намек. Вопреки всем нормам галактического поведения вы готовы заразить наши океаны свирепыми хищниками! Что ж, в таких условиях мы отказываемся воевать и уступаем вам звездную систему Ауринда. Надеюсь, что галактическое сообщество покроет вас позором за столь гнусные и недипломатические угрозы!

— Благодарю вас за интервью, — вежливо сказал репортер. — Итак — пограничный

конфликт остался в прошлом?

— Да, — пропищала касатка. — Да. Мы сегодня же улетаем обратно. Но я очень надеюсь, что когда-нибудь встречу тех представителей человечества, которые построили для нас столь комфортабельные апартаменты. Я даже приглашаю их посетить нашу планету.

Клыкастая пасть изогнулась в подобии улыбки — и экран погас. Петрович почесал затылок:

— Львович… так все хорошо закончилось! Что ж ты меня напугал?

— К морю теперь близко не подойти, — горестно сказал Львович. — Точно знаю, что среди наших акул есть шпионы Булей! А я так любил купаться…

— Ерунда какая, — фыркнул Петрович. — Есть горы, пустыни, леса! Болота, в конце концов! Знаешь, как хорошо летом в средней полосе? Грибы, ягоды, молочко парное… Банька, самогон, русская печка…

Львович мрачно кивнул.

— Что случилось? — насторожился Петрович.

— Утром новый заказ поступил, — сказал Львович. — Я, если честно, уже подписал контракт.

— Ну?

— Надо построить загон для кроликов. В Подмосковье. Пять на восемь километров. Вот я и думаю, как в этот раз строить будем? На совесть? Или как обычно?

***

Есть такой старый писательский анекдот…

Начинающий автор приходит к издателю, приносит свой роман. Издатель листает и говорит: «Ничего, ничего… Но название скучное. Придумайте название, чтобы там присутствовали смертоубийство, секс, космос, мистика!»

«Хорошо», — отвечает автор, берет рукопись и пишет название: «Кровавая оргия в марсианском аду».

Едва я услышал этот анекдот, как решил, что рано или поздно напишу рассказ с таким названием. А тут как раз мне позвонили из журнала «Другой» (это был замечательный «глянцевый» журнал со своим лицом и характером, где помимо статей о дорогих машинах или старых винах печатали еще и фантастику) и попросили рассказ в номер, посвященный трэшу.

Трэш — это в буквальном переводе мусор. Трэш — это нарочитая примитивность,

искусственный непрофессионализм (которой на деле требует мастерства), сознательное использование самых низкопробных и банальных приемов. Макулатурная книжка, которую автор настрогал за месяц, — это не трэш, это обычная халтура. Настоящий трэш, что в музыке, что в кино, что в литературе, делается профессионалами, издевающимися над востребованными (что уж греха таить) штампами.

Так что рассказ о приключениях бравого сержанта запаса Ивана Перелетного я делал с огромным удовольствием. Закончив, подумал, что стоит «расписать объем» в пятнадцать раз — и получится книжка, каких у нас выходит немало.

Но книжка вышла бы ужасная. А рассказ — хороший. Честное слово. :)

КРОВАВАЯ ОРГИЯ В МАРСИАНСКОМ АДУ

Поздним вечером, когда маленькое холодное Солнце клонилось за край горизонта, над бурой марсианской равниной пронеслось сверкающее металлическое яйцо. Человек сведущий опознал бы в нем малую посадочную капсулу, сброшенную с пролетающего мимо межпланетного корабля. Человек знающий сказал бы, что это военная модификация, к тому же изрядно потрепанная и побывавшая не в одном бою.

Все более и более снижаясь, подымая вихри нежно-розовой пыли, капсула неслась вслед за убегающим Солнцем — пока впереди не возникли пирамиды Сидонии. Окутанная пламенем тормозных двигателей капсула стремительно пошла на посадку. Коснулись выщербленных известковых плит решетчатые опоры, внушительно ухнули, гася инерцию, гидравлические амортизаторы. Слегка раскачиваясь, капсула замерла на холодном марсианском ветру.

Несколько минут все было тихо. Затем раздался скрип отвинчиваемого люка. Тяжелая бронированная крышка откинулась, и на металлическом порожке появилась любопытная усатая мордочка. Крупная белая крыса с любопытством принюхалась, недовольно поморщилась, чихнула и села умываться.

— Как думаешь, Мстислав, воздух пригоден для дыхания? — раздался веселый молодой голос. Рядом с крысой появилось два крепких ботинка с заправленными в них металлизированными обмотками военной униформы. Ноги оканчивались крепким туловищем с двумя руками, туловище же в свою очередь служило основанием для коротко стриженной головы. Голова, как и положено, сверху оканчивалась русыми волосами, а спереди — лицом, простодушным, грубоватым, бесхитростным, с умными живыми глазами, крупными ушами и курносым носом. Глаза были карие, прическа — ежик, а лицо тщательно, пускай и небрежно, выбрито.

Крыса, разумеется, не ответила веселому молодому человеку — она была простой крысой и не умела говорить.

Подхватив крысу под брюшко, молодой человек посадил ее на широкое плечо и, не озабочиваясь спуском лестницы, спрыгнул с трехметровой высоты. Поступок его показался бы опрометчивым только человеку, никогда не бывавшему на Марсе и не знающему о его низкой гравитации.

— Какая отвратительная атмосфера, Мстислав! — воскликнул человек, оказавшись на поверхности. — И ведь это первая терраформированная планета! Ну ничего, и не в таких передрягах бывали, верно?

Похлопав по тяжелой кобуре, человек порылся в карманах широких крепких штанов. Достал пачку «Явы», закурил с тем удовольствием, что выдавало в нем человека законопослушного, никогда не курящего в космических кораблях. Огонек разгорелся неохотно — кислорода было все-таки мало.

Крыс недовольно чихнул.

— Знаю, знаю, — пробормотал человек. — Курить — вредно. Ну, раз никто нас не встречает, пойдем сами. Мы не гордые, верно, Мстислав?

Зорко прищурившись, мужчина двинулся к огромному, не меньше пяти километров в диаметре куполу, располагавшемуся в паре километров от посадочной площадки. Голубоватый пластик купола выдавал в нем одно из первых человеческих поселений, едва ли не двухсотлетней давности. На самом деле бывший марсианский город Сидония и впрямь был первым человеческим поселением внеземелья — конечно, если не брать в расчет Лунный Пекин и околоземные орбитальные городишки.

Шел человек бодро, временами переходя на прыжковый бег — пусть и не такой впечатляющий, как на Луне, но все-таки весьма быстрый. Уже через десять минут он остановился у шлюзовой камеры купола. Видимо, обитателям купола тоже не слишком-то нравилась марсианская атмосфера.

Загасив окурок и тщательно втоптав его в красноватый песок, молодой человек запустил механизмы шлюза. Через минуту, с гораздо более довольным выражением лица, он вошел под купол. Положив руки на пояс, он с видом полновластного хозяина огляделся.

Шлюз располагался на небольшом холме. Пространство под куполом представляло собой зеленую холмистую равнину, поросшую клевером, одуванчиками, можжевельником и коноплей.

— Красиво! — сказал молодой человек. — Ха!

Кое-где холмы поросли деревьями — в основном культурных пород. Как ни странно, но под куполом почти не оказалось жилых коттеджей. Вместо них в ландшафт были аккурат-

но вписаны многоэтажные каменные строения, между которыми вились дорожки, выложенные желтым кирпичом. Строения не светились и казались заброшенными. Единственный обитаемый дом стоял поблизости от шлюза — трехэтажное деревянное здание, чьи окна светились теплым электрическим светом.

К нему и направился молодой человек.

Дверь оказалась открыта, что вызвало у молодого человека живейшее оживление и привело его в веселое расположение духа. По скрипучей лестнице он уверенно двинулся на второй этаж, откуда доносились человеческие голоса, нарочито громко топая ногами.

Похоже, звуки его приближения не вызвали никакого любопытства. Во всяком случае, разговоры стихли только тогда, когда молодой человек вошел в большой, ярко освещенный зал. За круглым обеденным столом сидели с десяток человек — и появление незнакомца вызвало у них самую бурную реакцию. Кое-кто вскочил, кое-кто вскрикнул, а один даже полез в карман, вынудив молодого человека строго погрозить ему пальцем.

— Но-но! — воскликнул молодой человек. — Не надо волнения, граждане! Я уполномоченный представитель Новой Демократии, сержант запаса Иван Перелетный.

Интеллигентного вида мужчина все-таки запустил руку в карман, под бдительным взглядом молодого человека достал футляр, открыл, извлек из футляра очки и водрузил их на нос.

— Ну что за поведение! — воскликнул Иван Перелетный, убирая руку с кобуры. — Ваше счастье, гражданин, что я хоть на фронтах и контуженный, но от природы выдержанный. А если бы кто нервный к вам приехал? Получили бы вы, товарищ интеллигент, плазменное ранение, совершенно несовместимое с процессами жизнедеятельности. Прям как дети малые… чуть что — сразу руки в карманы прячете.

Укоризненные слова сержанта Перелетного никакого действия не возымели. Гордо посверкивая очками, интеллигент вышел вперед и сказал:

— Хочу вам заметить, господин уполномоченный, что город-музей Сидония является независимой республикой. И мы здесь… не привыкли к вашим военным порядкам. Я — мэр Сидонии Александр Сохатый.

— Профессор Сохатый? — воскликнул Иван. — Вот те здрасте, никогда не думал, что доведется… Здравствуйте, профессор! — В несколько шагов он оказался рядом с профессором, энергично пожал ему руку и с искренним уважением сказал: — Читал, много вас читал! «Архитектурные памятники внеземелья», издание второе, исправленное, «Артефакты Чужих» в трех томах, «Основы современного музейного дела»… Замечательно пишете, гражданин профессор!

Александр, явно растерявшись, всматривался в лицо Ивана. Неуверенно спросил:

— Вы… обучались на музейно-архивном факультете? На Земле? На Веге-17?

Молодой человек рассмеялся:

— Что вы, гражданин профессор! Мы университетов не кончали. В прошлом году, при битве у Арктура, разбили в неравном бою наш торпедоносец «Неуверенный», один я в живых и остался из экипажа. Четыре месяца дрейфовал, пока обломки мусорщики не подобрали. Одну каюту мне удалось герметизировать, в ней и сидел, ждал спасения. Кислорода запас — на триста с лишком лет, еды — от пуза, воды — хоть утопись! А читать нечего, имперец нам вначале всю электронику лучом пожег, а уж потом ракетой ударил. Все, что нашел, — ваши книжки у солдатика одного в багаже. Он с Веги был, да… наверное, студент. Не выжил, жалко. Я вначале-то на стенку лез, ничего в книжках понять не мог. Потом освоился. А все-таки попроще было бы, останься нас двое!

— Э… сочувствую… — смущенно сказал профессор. — Война — это ужасно… мы все здесь — убежденные противники войны, пацифисты.

— Пацифисты, знаю, — махнул рукой Иван. — Ну ничего, мы в армии ко всему привыкли. И пацифистов у нас, почитай, половина экипажа было — служили как миленькие, некоторые даже подвиги совершали! Кстати, вы бы хоть мандат мой проверили как положено…

Запустив руку за пазуху, он извлек лист пластиката и протянул профессору.

— Податель сего, сержант запаса Иван Перелетный, — вслух прочитал профессор, — назначается Реввоенсоветом Новой Демократии особым комендантом независимой республики, города-музея Сидония, планета Марс, Солнечная система. Просим всех граждан Новой Демократии и сочувствующих оказывать сержанту запаса Ивану Перелетному всяческое содействие и выполнять любые его приказания…

— Я сам к вам попросился, — с улыбкой сказал Иван. — Иначе ведь как? Послали бы к вам солдафона какого, без понятия о важности музейно-архивного дела. И вам тяжело, и человеку волнение лишнее. А я все равно к военно-строевой службе нынче непригоден по причине тяжелой контузии, но без дела на Земле отсиживаться тоже не желаю… Вы подпись, подпись-то прочитайте!

— Председатель Реввоенсовета гражданин Озеров, — растерянно прочитал профессор. — В скобках — Мунин…

— Вот так! — радостно подтвердил Иван. — Видите теперь, какое уважение к музейному делу у Новой Демократии? Сам гражданин Мунин мандат подписал! И беседу личную я с ним имел. — Иван выдержал короткую паузу, лицо его посуровело. — Впрочем, об этом — позже. Сами понимаете, время сейчас трудное. Тираническая Империя Волокяна разбита, но не все еще спокойно в галактике. Среди несознательных рас Приграничья поднимают голову сепе… сепо… сепаратисты. Отдельные аристократические недобитки мутят воду и обманы-

вают народ. Мятежи, восстания, голод, эпидемии — все это свалилось на молодую демократическую власть! Чужие точат зубы на наши бескрайние территории, наши яркие звезды и теплые влажные планеты. И при всем при том — гражданин Мунин высоко ценит ваш труд и обещает всяческое содействие от лица новой власти!

— Мы — независимая республика… — пробормотал профессор.

— Правильно! — согласился Иван. — Так ведь и в мандате сказано: «Назначается комендантом независимой республики»! — Он еще раз широко улыбнулся, сглаживая неловкость профессора, и продолжил: — А теперь, товарищи работники музея, давайте знакомится! Вот это, на моем плече — Мстислав. Мой ручной крыс. Мы с ним вдвоем на «Неуверенном» дрейфовали, он, можно так сказать, тоже у нас служил — в медотсеке, по лабораторной части. Я его своей волей как командир корабля в отставку отправил.

Нет, совершенно невозможно было устоять перед его простой, широкой, заразительной улыбкой! Заулыбались и музейные работники. А Иван пошел вокруг стола, протягивая каждому широченную ладонь и знакомясь.

— Анна Тихо, врач и биолог, — представилась высокая хрупкая девушка, чье сложение выдавало в ней коренную селенитку.

— Иван Перелетный, комендант, — с живейшим интересом разглядывая юную девушку, произнес Иван. — Очень приятно, честное слово.

— Петер Мяэтэ, старший хранитель. — Лысенький старичок низко поклонился.

— Иван Перелетный, комендант. Вы эти штучки оставьте, оставьте, у нас теперь Демократия, — добродушно ответил молодой человек.

— Андрей Тягомотин, подсобный рабочий. — Высоченный, широкоплечий, будто из камня высеченный мужчина привстал и протянул Ивану огромную мозолистую руку.

— Иван Перелетный, комендант. Где служил, братишка? — От зоркого взгляда коменданта не укрылась цветная флотская наколка на руке Тягомотина.

— Вторая отдельная пограничная бригада, — басовито ответил Андрей. — Семь лет назад попал под отупляющий луч Чужих, комиссован. Восстанавливаюсь помаленьку…

— Андрей делает большие успехи, — подтвердил Петер Мяэтэ. — Три года назад снова научился читать. Он очень, очень старательный.

Андрей потупился и сел, спрятав руки под стол.

— Мебиус. — Нескладный юноша с серым цветом кожи и жиденькими белесыми волосами с опаской протянул руку коменданту. — Системный администратор.

— Иван Перелетный, комендант. Гляжу, ты из космиков-орбитальников? — Иван осторожно похлопал его по плечу. — Это ничего, вы ребята боевые, даром что хрупкие. Уж я-то всякого насмотрелся, поверь!

— Шланагаси-5213. — С тихим гулом сервомоторов из следующего кресла выдвинулся человек, более чем наполовину состоящий из механических деталей. Голова и верхняя часть туловища выдавали в нем землянина, уроженца Юго-Восточной Азии. Все остальное было большей частью арктурианского производства. — Старший смотритель залов от первого до двенадцатого.

— Иван Перелетный, комендант. — Молодой человек с любопытством оглядел киборга. Уточнил: — Осознанно или по необходимости?

— Осознанно, с целью большей работоспособности, — с достоинством ответил киборг.

— Уважаю, — кивнул Иван, переходя к следующему сотруднику.

— Джон Смит, герцог Техасский. — Холеный мужчина с длинным породистым лицом и слегка гипертрофированной нижней челюстью поднялся, но руки Ивану не протянул. — Старший смотритель залов тринадцать, четырнадцать и пятнадцать.

— Иван Перелетный, комендант. — Молодой человек задумчиво смотрел на аристократа. — Герцог, значит?

— Джон Смит — наш опытный и незаменимый работник! — поспешил вступить в разговор профессор Сохатый. — Да, он по рождению аристократ… но, поверьте, мы все здесь далеки от политики! Джон Смит еще в юности увлекся музейным делом, отказался наследовать Техас и переехал к нам, в Сидонию!

— Что ж он всего три зала смотрит, раз такой опытный и незаменимый? — буркнул Иван.

На лице профессора отразился испуг.

— Гражданин комендант, но вы бы знали, что это за залы!

— Разберемся, — решил Иван и проследовал дальше. Рукопожатиями с герцогом он так и не обменялся.

— Франсуаза Сохатая. — Еще не старая и очень красивая женщина с улыбкой протянула Ивану руку. — Жена Александра. По совместительству — кормлю, обшиваю и приглядываю за этими фанатиками.

— Иван Перелетный, комендант. — Поколебавшись, Иван все-таки неумело чмокнул Франсуазу в ладонь и сказал: — Завхоз, в общем? Дело хорошее. Только вы эти штучки мелкобуржуазные бросьте, поцелуй — источник атипичной дизентерии…

— Мария-Пьер Сохатая. — Молодая девушка, очень похожая на Франсуазу, протянула руку Ивану. — Младший смотритель музея.

— Иван Перелетный, комендант. — Иван подозрительно уставился на девушку. — Извиненья просим… а вы никак гермафродит?

— Нет, я девушка, — чуть-чуть смутившись, ответила Мария-Пьер. — Дело в том, что

нас родилось двое. Я и Пьер-Мария — мой брат-близнец. Чтобы мы больше любили друг друга, нам дали двойные имена.

— Умно, — кивнул Иван. — А где же Пьер-Мария?

— Служит, — коротко ответила девушка.

— А за кого он служит, за Демократию или за Империю? — насторожился Иван.

— Он в пограничной страже, — пояснила девушка. — Они с Чужими воюют, они в политику не вмешиваются.

Понимающе кивнув, Иван подошел к следующему и последнему гражданину Сидонии.

— Антуан-Мария-Пьер Сохатый, — смущенно протянул ему ладошку мальчик лет восьми. — Я нигде не работаю, я учусь.

— Иван Перелетный, комендант, — поздоровался с ребенком Иван. — Учиться — это хорошо, это правильно. Только хорошо учись, нам в Демократии дураки и лодыри не нужны!

Потрепав смущенного мальчика по голове, Иван поднял руку и бодро принялся считать:

— Профессор с семейкой — это раз, два, три, четыре. Пьера-Марию считать не станем, ибо отсутствует. Археолог и старший хранитель — еще двое. Будет шесть. Тягомотин, братан, это семь. Гражданин компьютерщик — восемь. Киборг и аристократ — девять и десять. Так. Чего-то не сходится, граждане! По документам — одиннадцать человек!

— Одиннадцать граждан, извините, — робко поправил его старший хранитель. — Еще уважаемый Керш, лингвист…

— И где же этот Керш? — скептически спросил Иван.

— За вашей спиной, уважаемый, — сказал кто-то тихо и властно. Опустив руку на кобуру, Иван Перелетный обернулся. За его спиной, в открытой двери, стояло покрытое хитином существо — ростом под потолок, с двумя руками, с двумя ногами и двумя головами. На каждой голове имелось по два глаза, два уха и одному клюву.

— Подкрадываемся? — нехорошо улыбнулся Иван. — Значит, гражданин Чужой, лингвистом работаем? А что ваша Билиатская Империя с Демократией воюет — знаем?

— Знаем, — прогудела левая голова, посверкивая фасеточными глазами. — Но семь лет назад мы приняли гражданство Сидонии. Сидония ни с кем не воюет. Сидония — город-музей, единственный в галактике.

— Положеньице, — задумчиво сказал Иван. — Значит, ты мирный билиат?

— Мирный, — согласился лингвист.

— А правая голова чего молчит?

— Она думает. — Левая голова повернулась к правой и тихонько дунула той в ухо. Правая поморщилась и сказала:

— Мы — мирный билиат. Не надо ждать от нас беды.

Иван вздохнул и протянул Чужому руку.

— Керш, — с достоинством протянул Чужой обоими ртами сразу. — Лингвист, специалист по языкам живым и мертвым.

— Иван Перелетный, комендант, — с сомнением глядя на Чужого, представился Иван. — Что ж, граждане хорошие, познакомились — вот и хорошо. А не покормите ли вы боевого сержанта и его верного хвостатого друга? С делами мы до утра обождем, верно?

Ранним марсианским утром, едва лишь взошло далекое солнышко, Иван Перелетный проснулся, за десять секунд заправил койку, за две минуты — оправился и почистил зубы, после чего отряхнул щеточкой примявшуюся за ночь форму, посадил на плечо сонного Мстислава и вышел из отведенной ему комнаты.

В коридоре на стульчике дремал старший хранитель Петер Мяэтэ. При появлении коменданта он вскочил, рассыпая бумаги из толстой папки.

— Оставьте ваши аристократические замашки, гражданин Мяэтэ! — укорил его Иван. — Ну что же вы вскакивать надумали, будто у нас не Демократия! Собирайте свои листочки и двинемся территорию обходить…

Осмотр территории по предложению старшего хранителя начали с зала номер один. Иван одобрил такой четкий подход и бодро двинулся от строения к строению, старший хранитель семенил следом.

— В первом зале у нас — история космических полетов Земли в двадцатом веке, ранний период освоения космоса, так называемая советско-американская эпоха, — тараторил Мяэтэ. — Начиная от копии первого спутника…

— Почему копия? — удивился Иван. — Не могли найти оригинал?

— Он сгорел… — потупился старший хранитель.

— Непорядок. — Иван покачал головой — Когда сгорел?

— Вскоре после запуска, в двадцатом веке… У нас хорошая копия!

— Сгорел… — Иван сделал себе пометку в стареньком органайзере. — Я проверю, когда он там сгорел… У нас, на «Неуверенном», тоже как-то каптенармус написал, что десять бутылей красного вина сгорели… Так, что там еще?

— Космические корабли: «Восток», «Восход», «Джемини», «Меркурий», «Союз», «Аполлон»…

Иван иронически уточнил:

— Тоже копии?

— Большей частью… — признался старший хранитель. — Тогда плохо строили… да

вы посмотрите сами!

Почти полчаса Иван бродил по первому залу, оглядывая макеты, улыбаясь, заглядывая внутрь космических кораблей, качал головой. Потом спросил:

— А что тут настоящее?

— Вот эти зонды, они совершенно антикварные! — засуетился старичок. — Вот лунные зонды, вот марсианские… Вот «Луноход»-2.

— Где первый? — небрежно бросил Иван. И ехидно улыбнулся. — Неужели сгорел?

— В частной коллекции какого-то аристократа, — признался Мяэтэ.

— Аристократов у нас больше нет, — сказал как отрезал Иван. — «Луноход»…первый… разобраться… Нехорошо, гражданин старший хранитель, что мы вторым довольствуемся. Верно?

— Верно! — Глаза старшего хранителя заблестели. Старая космическая техника явно была его коньком. — А еще скафандр первого космонавта Земли в частной коллекции…

— Будет здесь, — жестко сказал Иван. — Не сомневайтесь, гражданин. Демократия не позволит разбазарить славные страницы своей истории. А это что за челнок?

— А это и впрямь челнок, — обрадовался Мяэтэ. — Копия одного из первых челноков, «Челленджера»!

— Почему копия? — мимолетно осведомился Иван. Мяэтэ молчал.

— Так, понятненько. — Комендант усмехнулся. — Сгорел? А этот челнок — тоже копия? Как он там называется… «Колумбия»… Копия? А оригинал — что?

У старшего хранителя задрожали губы.

— Ладно, гражданин, — мягко сказал Иван. — Кто старое помянет… Но при мне экспонаты гореть не будут. Ясно?

Старший хранитель закивал

— Пойдем дальше, — распорядился Иван, оглядывая зал. — Сгорел… ха… — Уже у самой двери он остановился, ткнул рукой в какой-то здоровенный аппарат и резко спросил: — Это что у нас такое?

Старший хранитель обернулся и позеленел.

— Космическая станция «Мир». — Иван покивал головой. — Спрашивать, где оригинал, не стану… Эх, гражданин музейный работник… если бы в космофлоте так относились к имуществу — давно бы нас Чужие завоевали…

Во втором и третьем залах Иван Перелетный немного отошел душой. Здесь были собраны корабли двадцать первого и двадцать второго веков и настоящих встречалось куда больше, чем макетов. Некоторые теоретически даже были «на ходу» — заправляй реактор и мож-

но лететь. Перед четвертым залом Иван предложил перекусить. Мяэтэ с готовностью достал сверток с бутербродами и предложил их коменданту. Иван вежливо отказался и позавтракал тубой питательной пасты.

— Экскурсии-то часто бывают? — поинтересовался он.

— Угу… — торопливо прожевывая бутерброд, ответил Мяэтэ. — То есть — нет. Раньше часто, каждый день прилетали туристы. А как революция началась — третий год сидим в одиночестве. Иногда завернет кто случайно…

— Бандитов не было? — небрежно спросил Иван. — Места-то неспокойные, пояс астероидов рядом, луны юпитерианские…

— Нет… нет, ничего… — пряча глаза, ответил старший хранитель. — Как-то выкручиваемся…

— Ну-ну, — скармливая Мстиславу кусочек пасты, сказал комендант. — Это хорошо, что выкручиваетесь. А то завелась тут в окрестностях банда барона Трэша. Корабли одиночные грабят, на караваны нападают, на Церере орбитальный лифт взорвали, паскудники… И что самое обидное — добыли где-то старую аннигиляционную пушку с зарядами антиматерии. Против такой только линкор и устоит! А у Демократии — все линкоры наперечет. Если честно говорить, то всего-то один и остался…

Старший хранитель молчал.

— Пойдемте дальше? — ласково сказал Иван. — Зал четвертый и пятый, да? Шланагаси позовем в помощь?

Мяэтэ энергично закивал.

Залы с четвертого по восьмой включительно были посвящены истории космической техники Чужих. Иван с удовольствием разглядывал Деревянные космолеты Ушельцев (мимоходом заметив Мяэтэ — «деревянные — а не горят!»), кусочки живых кораблей Тхарту в огромных стеклянных резервуарах (кусочки шевелились, плавали и даже пытались отращивать маленькие сопла), кристаллические корабли Билиатов (по большей части одноместные, представители этой расы никогда не страдали от одиночества). Много было экспонатов уникальных, изысканных, а то и просто затейливых. Шланагаси, выпустив колесное шасси, раскатывал между кораблей и просто сыпал пояснениями — он обожал технику Чужих. Глаза его горели от восторга.

После обеда Иван присоединил к экскурсии еще и Мебиуса с Марией-Пьер. Мебиус с энтузиазмом рассказывал о роботах и электронных системах, собранных в девятом зале, Мария-Пьер — о живых организмах, занимавших залы десятый и одиннадцатый. Похоже, девушке было труднее всего — все организмы чувствовали себя прекрасно, хотели есть, двигать-

ся и размножаться. Со слезами на глазах Мария-Пьер говорила о тех инопланетных созданиях, которые не выдержали неволи — или, напротив, стали слишком уж активны и были усыплены. Молчаливый Тягомотин то косил траву возле одиннадцатого зала и непрерывно носил ее в вольер с арктурианскими хвостоносиками, то бегал по лужкам с сачком, отлавливая бабочек для пучеглаза уранийского. Маленький Антуан-Мария-Пьер тоже не бездельничал — собирал на болотце лягушек для пустотных фантазмиков.

— Беспокойное хозяйство, — признал Иван. — Диву даюсь, как тут у вас все ладно и складно устроено, граждане хорошие!

Граждане нервничали и прятали глаза.

В двенадцатом зале к экскурсии присоединился и сам профессор Сохатый. Похоже, зал планетарных пейзажей был у него самым любимым. Устроившись в кресле диспетчера, он воссоздавал вокруг восхищенного коменданта то пыльные степи Андрутании, то скалистые склоны Кольнийского вывертня — уникальной планеты, имеющей форму зазубренного треугольника.

Уже под вечер все вошли в тринадцатый зал — собрание артефактов неизвестной природы. Там, низко склонившись над лабораторным столом, корпел над расшифровкой текста, высеченного на маленьком металлическом кубике, билиат Керш.

Иван походил между стеклянными и пластиковыми стеллажами, поцокал языком, а выходя, небрежно бросил Кершу:

— Видал я такие штучки. Есть в шестом секторе цивилизация роботов, так они своих покойников переплавляют в кубики и на каждом пишут: «Из металла ты вышел, в металл и вернулся».

Керш задумчиво посмотрел на Ивана правой головой. Кивнул и сказал:

— Благодарю. Теперь я смогу расшифровать надписи и на других артефактах этой цивилизации.

Снаружи уже совсем стемнело. Профессор Сохатый, нервно потирая руки, предложил:

— А не закончить ли нам осмотр экспонатов завтра? Франсуаза уже дважды разогревала ужин, у меня есть бутылочка хорошего старого хереса…

— Вначале — дела, гражданин профессор! — наотрез отказался Иван. — Давайте-ка осмотрим последние два зала. Если не ошибаюсь — залы вооружений?

В ледяном молчании они проследовали в четырнадцатый зал. Несмотря на позднее время, герцог Джон Смит был там — смазывал портативный гранатомет. При виде Ивана он так растерялся, что уронил оружие и вынужден был долго искать его по всему полу.

— Как замечательно! — восторгался Иван, прогуливаясь между экспонатов. — А это и

в самом деле талацкий ухуак? И в боевом состоянии? Надо же… Скажите, Джон… можно вас по-простому, без ваших светлостей и милостей?.. скажите, Джон, зарядная камера билиатского тушкера нарочно повреждена? Я так и думал…

Через полчаса, закончив восхищаться «лучшей в Галактике коллекцией ручного оружия и боевых скафандров», Иван вместе со своим печальным эскортом двинулся в последний зал — тяжелого вооружения. Увидев где-то у входа торпедный аппарат типа «Клюв», он с восторгом обнял его, будто боевого товарища, и долго рассказывал о годах службы.

Музейные работники терпеливо ждали.

— Да чего это я вас баснями пичкаю? — вдруг прервался Иван. — Еда стынет, а солдат без пайка — как пушка без заряда! Идемте…

Вздох облегчения пронесся по залу номер пятнадцать. Джон Смит утер лот со лба.

— Кстати… — уже в дверях остановился Иван. — Читал я, профессор, что у вас даже старая аннигиляционная пушка есть! Не покажете ли раритет?

Мелкими шажками профессор двинулся в центр зала. Там, на исцарапанном стальном полу, высился огромный макет аннигиляционной пушки, какими некогда вооружали орбитальные базы. Макет был очень тщательно сделан из картона и раскрашен яркими латексными красками.

— Красота! — восхитился Иван. — Только почему же она ненастоящая? Как сейчас помню, профессор… вы писали: «Настоящая аннигиляционная пушка с зарядным реактором и прицельным компьютером, в рабочем состоянии…» А? Профессор? Нет-нет, я понял… она сгорела! Верно, гражданин Мяэтэ? У вас очень плохо с пожарной безопасностью!

Старший хранитель закатил глаза и осел на пол.

А Иван Перелетный уже выхватил из кобуры огромный плазменный «Маузер» и, потрясая старым, но грозным оружием, надвигался на музейных работников.

— Что, контра недобитая, выкормыши имперские, подстилка аристократическая! — вопил он. — Продали барону Трэшу аннигиляционную пушку — и в ус не дуете? Древности-херевности, экспонаты-хренаты! Всех вас в расход пущу именем Новой Демократии! И ничего мне не будет, я на арктурианском фронте контуженный, за власть демоса кровь проливший!

Неизвестно, чем закончилась бы эта ужасная сцена — ибо Иван Перелетный, хоть и имел доброе демократическое сердце, но пособников бандитов никак не уважал. Но тут прижавшийся к профессору малыш Антуан-Мария-Пьер пролепетал:

— Папочка, он тоже будет в нас стрелять и мучить моих зверюшек?

Услышав слова невинного ребенка, Иван сразу же замолчал, спрятал «Маузер», поигрывая желваками, и рявкнул:

— А ну рассказывай, профессор… хренов… Как дело было?

— Видите ли, госпо… гражданин Перелетный, — прижимая руки к груди, пробормотал профессор. — Они приземлились полгода назад… вошли в купол… их было больше сотни… страшно, да, знаете, очень страшно! Люди, Чужие, киборги, роботы… Издевались над нами… грозились обесчестить жену и дочь… Мебиуса отключили от сети… гражданина Керша заставили целоваться самого с собой, а это ведь ужасное оскорбление для билиатов… Антуана-Марию-Пьера ударили, убили его любимого кролика… потом заявили, что разобьют все музейные экспонаты…

— Ну, картина мне в целом ясная, — сказал Иван Перелетный, — даром что противная. Бандиты — они и на Марсе бандиты. И вы струсили? Отдали им пушку?

— Они бы и сами ее забрали… — прошептал профессор.

— Мы очень не хотели этого делать, — тихо сказала Мария-Пьер.

— Братан, растерялись мы… — пробасил Тягомотин.

— Это омерзительные создания без малейших представлений о совести и морали! — отчеканила левая голова Керша. Правая голова молчала и кусала губы.

— Я крайне неодобрительно отношусь к нынешнему режиму, — процедил сквозь зубы Джон Смит. — Но с такими, как Трэш, мне не по пути.

Иван Перелетный взмахнул руками:

— Хорошо говорите! Правильно говорите! Так что же, граждане музейные работники, слова у вас с делом расходятся? Или у вас оружия мало? Встретили бы врага огнем, умерли бы достойно, как подобает!

Музейные работники потупились. Только малыш Антуан-Мария-Пьер засопел носом и сказал:

— Вам легко говорить, вы уже пожили. А я еще маленький. Я вырасти хочу.

Иван вздохнул. Укоризненно посмотрел на профессора — ну разве ж можно так воспитывать детей? Профессор покраснел. Вперед выступила Мария-Пьер и негромко сказала:

— Гражданин комендант. Мы, разумеется, виноваты. Но готовы искупить свою вину.

— Ну-ка, ну-ка! — обрадовался Перелетный. — И как именно?

— Бандиты взяли только пушку, — объяснила девушка. — Реактор по производству снарядов из антиматерии брать не стали… испугались. По моим расчетам, у них вот-вот должны закончиться боеприпасы. Кроме как у нас, взять их негде. Верно, папа?

— Предпоследний оружейный реактор был уничтожен семьдесят лет назад, — поправляя очки и оживляясь, сказал старый ученый. — А последний здесь, у нас.

Иван Перелетный пристально посмотрел на сконфуженных музейных работников. Оправил форму, подтянул обмотки. Сказал — сурово, но справедливо:

— Что ж, граждане испугавшиеся. Есть у вас первый и последний шанс исправить свою ошибку, оправдать доверие товарища Мунина. Справимся — честь нам и хвала! Погибнем — все равно честь и хвала. — И, добродушно усмехнувшись, добавил: — Но помирать нам как-то не с руки, верно, граждане?

Ранним утром, когда маленькое холодное Солнце показалось над краем горизонта, над бурой марсианской равниной показался огромный боевой корабль. Человек сведущий сразу сказал бы, что это линкор орбитальной поддержки. Человек знающий отметил бы, что часть оружейных башен разобрана, а вместо них из бронированного корпуса торчит чудовищное дуло аннигиляционной пушки.

Вздымая пыль и опаляя песок струями пламени, линкор опустился вблизи купола Независимой Республики Сидония.

Барон Трэш, кровавый ужас пояса астероидов, выходец из захудалого калифорнийского рода (давно уже отрекшегося от такого родственничка), первым вышел из корабля. Трэш был страшен. Черная кожа барона была испещрена шрамами, вместо правого глаза посверкивал электронный прицел, вместо левого — злобно блестел биопротез (по слухам, барон имел обыкновение разбирать на запчасти своих врагов). На правой руке не было кисти, вместо нее в руку барона была встроена лазерная пушка. Левая рука заканчивалась маленькой ультразвуковой пилой — страшным оружием ближнего боя. Недоброжелатели любили съязвить насчет неспособности барона собственноручно подтереться, но ужасна была их участь, если шутка доходила до ушей Трэша.

Уши у него, кстати, были электронные.

Следом за Трэшем вышли его верные телохранители — братья-близнецы Грегор и Эгрегор. Эти невозмутимые скандинавы были с раннего детства зомбированы на преданность барону. Именно они разрушили орбитальный лифт на Церере, лишив заработка десять тысяч рудокопов.

За телохранителями последовали три киборга, давно уже утратившие всякое сходство с людьми. Один из них парил в воздухе, другой ехал на гусеницах, третий передвигался большими прыжками.

А уж потом из люков линкора посыпались остальные бандиты — люди и роботы, Чужие и киборги. Отбросы Солнечной системы, беглые аристократы и предатели-демократы, садисты и убийцы, все они собрались под черное знамя Трэша, поскольку больше никто в мире не желал иметь с ними дела.

Последней из корабля вышла Миосика — девочка-самурай, выгнанная из якудзы за излишнюю кровожадность. Она была одета в черный кожаный комбинезон с шипами и сапоги

со шпорами-лезвиями. Ее холодный взгляд теплел лишь при виде барона — Миосика мечтала стать его любовницей, но барона не привлекали женщины. Впрочем, барона не привлекали ни мужчины, ни Чужие, ни даже киборги.

— Идем в купол, загружаем боезапас, — приказал Трэш. — Больше сюда возвращаться не станем, слишком опасно. Потому…

Бандиты заулыбались. Они понимали, что значат эти слова…

— Устроим кровавую оргию! — оскалился Трэш. — Профессора оставьте мне, я люблю пытать интеллигентов!

— А мне — детей! — закричала Миосика. — Можно я сама убью детей?

Трэш милостиво кивнул.

— Разрешите мне обесчестить дочь профессора? — воскликнул кто-то из бандитов, расслабленный показным добродушием барона.

Это были его последние слова — ультразвуковая пила взвыла, вырезая ему сердце.

— Молод еще — профессорских дочек насиловать! — рявкнул Трэш. Приказал Эгрегору. — Похоронить с воинскими почестями… когда вернемся.

И предвкушающие кровавую оргию бандиты дринулись к куполу Сидонии.

Плакат висел на двери шлюза: написанный от руки печатными буквами на большом листе картона.

— Граждане бандиты! — прочитал вслух Трэш. — Независимая Республика город-музей Сидония отныне находится под охраной Новой Демократии. Предлагаю вам всем разоружиться, построиться в колонну по четыре и ожидать дальнейших распоряжений. Особый комендант Новой Демократии — И Пэ.

— Китаец? — нахмурилась Миосика.

— Это инициалы, дура! — пояснил Трэш — «И». Точка. «П». Точка… — Он помрачнел и едва слышна прошептал: — Я слышал о человеке с такими инициалами…

Бандиты присмирели. Их предводитель не боялся даже полковника Черного — грозу асоциальных элементов Приземелья. Чего же он колеблется сейчас?

— Там только горстка музейных крыс! — гаркнул Трэш, отбрасывая сомнения. — Убьем их и взорвем весь купол! Никто не смеет командовать бойцами Трэша!

Бандиты взвыли от восторга и бросились вперед. Вот уже первая партия — два десятка самых нетерпеливых головорезов — вбежала в шлюз. Трэш пристально следил за ними — и понимающе кивнул, когда бандиты, схватившись за горло, попадали на пол. Выжил только один старый киборг, давно уже не нуждающийся в дыхании. Он удивленно смотрел на товарищей, не понимая, что происходит.

— Пот сириусянской ядюки, — пробррмотал Трэш. — Что ж, вы хотите боя? Вы его получите!

Обернувшись к оробевшим бандитам, барон рявкнул:

— Что, обделались? Тем, кто дышит кислородом, — надеть газовые фильтры! Эти трусливые интеллигенты пытаются нас отравить!

Мария-Пьер плакала навзрыд. Иван Перелетный успокаивающе гладил девушку по мягкому теплому плечу.

— Ну и ну, нюни распустили, — ласково и шутливо говорил комендант. — Что ж их жалеть? Бандиты они, злые и гнусные.

— Мне ядюку жалко… — всхлипнула Мария-Пьер, вытирая слезы. — Она так потела, так потела… Это был единственный экземпляр в Солнечной системе!

— Ничего, деточка, — утешал ее Иван, не отрывая взгляда от экранов. Под временный штаб был спешно оборудован подвал зала номер четырнадцать. — Порой и бессловесным тварям приходится отдавать жизнь за торжество Демократии. Я тебе новую ядюку привезу. Вот те слово сержанта запаса!

— Не обманешь? — спросила Мария-Пьер, успокаиваясь.

— Чтоб мне Солнца не видать! — торжественно поклялся Иван. — Эй, компьютерный гений! Ты готов?

— Еще секунду, — меланхолично сказал Мебиус. Тощее тело юноши подергивалось в паутине кабелей, подключенных к вживленным в юношу розеткам. В воздухе перед Мебиусом витало несколько голографических клавиатур и виртуальных экранов. — Вот теперь — пора!

Продвижение бандитов по безлюдному куполу было прервано самым чудовищным образом. Три любимых киборга барона Трэша внезапно застыли. А потом, будто утратив остатки разума, набросились на своих же соратников!

Сверкали лазерные лучи, огненными цветами распускались плазменные заряды. Не меньше десятка бандитов полегли, прежде чем на киборгов обрушился ответный удар. Летуна лазерной пушкой сбил лично Трэш. Прыгуна рассекла надвое своей катаной Миосика. Ползун попал под перекрестные лучи трех тяжелых протонных излучателей и взорвался.

Трэш покачал головой и приказал:

— Всем отключить электронные импланты! Немедленно!

Ослушаться его не посмел никто. Несколько бандитов, давно уже не способные существовать без встроенной электроники, упали замертво — но все-таки подчинились.

— Хакера убью лично, — пообещал Трэш. — Разбиться на отряды, прочесать территорию! Вперед! Пустим им кровь!

Маленькая группа бандитов подошла к десятому залу. Им было приказано уничтожить животных, а еще лучше — выпустить на волю, чтобы посеять панику.

Картина, открывшаяся им в зале, тронула бы самое черствое сердце. Андрей Тягомотин и Анна Тихо мыли ригедианского пузырника. Андрей мыл пузырника снаружи, Анна — изнутри. Изящная обнаженная фигурка девушки нежно просвечивала сквозь матово-прозранную кожу животного, будто символизируя всю нежность и женственность мира. Андрей, тоже совершенно нагой, на ее фоне казался воплощением мужественности и силы. Пузырник довольно похрюкивал.

Но сердца бандитов не смягчились.

— Что, недоумки музейные, попались? — рявкнул щетинистый арахноид, сам казавшийся одним из обитателей зверинца.

Андрей неторопливо повернулся, оставил швабру и ведро. Сказал рассудительно:

— Недоумок тут только я. Но — смышленый недоумок!

Резко развернувшись, он дернул пузырника за нижнее подхвостье и отскочил. Обиженный пузырник пискнул и выпустил из анального отверстия струю тяжелого синевато-сизого газа. Когда газ коснулся бандитов, их плоть заколебалась, сползая с костей. Через две секунды все было кончено.

— Ну, не обижайся, — похлопывая пузырника по боку, сказал Андрей. — Не обижайся. Я тебе морковки принесу.

Сизый газ оседал, превращаясь в легкий безвредный порошок.

— Андрей! — крикнула Анна из пузырника. — Выпусти денебских падальщиков, им как раз не хватало протеинов в рационе!

Грегор и Эгрегор крались к четырнадцатому залу. Заподозривший неладное Трэш поручил своим самым верным негодяям захватить арсенал.

Но перед входом их встретилили трое: старичок Мяэтэ с древним аблубианским шворнем наперевес, Шланагаси-5213 с длинным бумажным пакетом в руках и билиат Керш в боевой раскраске. Правую голову билиата венчала ажурная металлическая корона, на левую был надет обруч с оптическим прицелом.

Телохранители не зря прошли вместе с Трэшем венерианские рудники и каторгу на Процоне-4. Они не испугались. Грегор включил силовой щит, Эгрегор опустил на лицо щиток защитного комбинезона.

Мяэтэ передернул затвор шворня — и поток вырожденного пространства ударил в

Эгрегора. Комбинезон выдержал, но оглушенный бандит упал.

Грегор открыл беглый огонь из игломета и побежал к защитникам четырнадцатого зала. Силовое поле искрилось, отражая и выстрелы из шворня, и пятна фиолетового сияния, летящие из металлической короны билиата. Левая голова Керша торопливо корректировала огонь — но враг приближался.

Тогда Шланагаси неторопливо развернул бумажный пакет и достал из него двуствольный обрез.

— Нечестно! — только и успел выкрикнуть Грегор, когда заряд керамической картечи с легкостью преодолел силовое поле, рассчитанное только на защиту от энергетического оружия.

Эгрегор, шатаясь, поднялся, злобно сверкнул глазами — и бросил себе под ноги маленькую хрустальную сферу. Корона билиата перестала извергать фиолетовое сияние, шворнь перестал светиться. Шланагаси-5213 зря щелкал курками — порох в патронах не желал воспламеняться.

— Зарежу, — вытаскивая нож прошипел Эгрегор. — Порежу, гады!

— Разве это нож? — риторически спросил Керш, когда бандит приблизился, и достал из-за спины два длинных ритуальных билиатских меча. Убежать Эгрегор не успел.

Миосика, девочка-самурай, нашла маленького Антуана-Марию-Пьера в тринадцатом зале. Малыш потерянно бродил между семью узкими высокими зеркалами на подставках из черного камня.

— Вот ты где, щенок… — процедила Миосика, доставая свою страшную катану.

Антуан-Мария-Пьер обернулся и доверчиво сказал:

— Видишь зеркала? Это древний артефакт неизвестной цивилизации. Все считают, что из зеркального лабиринта нельзя выйти! А я — умею!

Миосика оскалилась и пошла к мальчику. Антуан-Мария-Пьер щелкнул пальцем по ближайшему зеркалу. И в следующий миг и он, и Миосика оказались в лабиринте сверкающих плоскостей. Зеркальные стены взметнулись к потолку и растаяли в белесом тумане. Под ногами лежал грубый черный камень.

Миосика заметалась, налетая на стены и пытаясь схватить Антуана-Марию-Пьера.

— Не суетись! — крикнул мальчик. Голос дробился и несся со всех сторон сразу. — Будь спокойной. Открой свое сердце добру, посмотри в свое истинное лицо!

Девочка-самурай закричала и ударила катаной по собственному отражению. Тут же тонкий порез появился на ее руке. Завертевшись вьюном, Миосика метнула во все стороны сюрикены. И тут же закричала от боли — в нее вонзились невидимые лезвия.

Скорчившись, Миосика тихо захныкала от ужаса.

— Я думаю, — сказал Антуан-Мария-Пьер, — что этот лабиринт использовался как психотерапевтическое средство. Взрослые здесь сразу гибнут, даже хорошие. А у тебя шанс есть. Смотри в свое отражение и думай о хорошем!

— Я плохая! Я умру! — закричала девочка-самурай. — Меня никто никогда не любил! Даже мама!

— Я тебе помогу, — сказал Антуан-Мария-Пьер. — Смотри в зеркала и думай о хорошем.

— О чем? — зарыдала девочка.

— О бабочках. О цветочках. О солнышке.

Пока в зале артефактов разыгрывалась эта душераздирающая сцена, одинокий и озлобленный барон Трэш крался по безлюдной улочке города-музея. Легкий ветерок хлопал дверями домов, пустые глазницы окон мрачно разглядывали бандита.

Но вот впереди показалась одинокая фигура сержанта запаса Ивана Перелетного. Комендант ждал кровавого барона, тихонько наигрывая на гармони вальс «Амурские волны».

— Вот мы и встретились, Иван Перелетный! — сказал барон, приблизившись.

— Давно тебя жду, барон Трэш, — ответил Иван, кладя на землю гармонь.

Как и подобает двум великим воинам, они не сразу бросились друг на друга, а продолжали стоять, прокручивая в уме будущий поединок. «Стреляю… он прикрывается гармонью… падаю, стреляю снизу и пилю пилой… у него обмотки — металлические, пила ломается…» С каждой секундой лицо барона все более мрачнело. Он понял, каким будет неизбежный финал поединка.

Иван Перелетный ждал.

С тяжелым вздохом барон Трэш поднес руку к животу и сделал себе харакири ультразвуковой пилой. Кровавые ошметки внутренностей вывалились наружу.

— Никто не устоит перед Новой Демократией, — ничуть не удивившись, сказал Иван и подошел к барону. Губы Трэша шевелились — он что-то шептал. — Чего-чего? — переспросил Иван и нагнулся.

— Нет! — Выскочивший из-за угла герцог Джон Смит оттолкнул Ивана в сторону. И вовремя — умирающий барон извернулся и укусил герцога за ногу.

Сраженный герцог упал как подкошенный. Пнув для верности мертвого барона, Иван присел над умирающим Джоном Смитом.

— Его зубы были отравлены… ядом… — прошептал герцог. — Неблагородно…

— Эх, ваше сиятельство… — горько сказал Иван. — Ну что ж вы, аристократы, будто

дети малые — чуть что, сразу помирать!

— Зови меня просто… Джон Смит… — прошептал герцог, испуская дух.

Жарким марсианским днем, когда яркое солнышко повисло в зените, все население города-музея провожало в последний путь герцога Джона Смита.

Даже вставшая на путь перевоспитания девочка-самурай Миосика проронила первую в своей жизни слезу.

— Теперь вы нас покинете, гражданин комендант? — осторожно спросил профессор.

Но Иван Перелетный покачал головой:

— Ну что вы, профессор, как можно? Музейное дело — основа основ Новой Демократии. Я к вам всерьез и надолго. А вот что я спрошу, профессор… неужели никого не заинтересовала моя странная фамилия?

— Я думал… да, очень заинтересовала… — признался профессор. Иван Перелетный покачал головой.

— А с фамилией моей связана таинственная и загадочная история… Но не настаивайте, еще не пришло время поведать ее миру.

И он бесхитростно улыбнулся, как и подобает настоящему герою, предчувствующему впереди еще много удивительных приключений.

***

Этот рассказ комментировать я не стану по той же причине, по которой на обложке детектива не пишут зазывную надпись: «Убийца — садовник!».

Если вы хоть иногда включаете телевизор — вы все прекрасно поймете.

ЕСЛИ ВЫ СВЯЖЕТЕСЬ ПРЯМО СЕЙЧАС…

Корабль будто и не летел — плыл в океане космоса. Почти километровый в диаметре шар медленно вращался, и по поверхности его бегали цветные узоры. Два полотнища радужного света стлались за ним, и по всей Земле люди поднимали головы, глядя в небо — с тревогой, подозрением, а то и с откровенным страхом. И все-таки большинство просто любовалось невиданным зрелищем. Слишком красива была эта чужая радуга, плавно скользящая по земной орбите, всем своим великолепием она отметала дурные мысли, обещала что-то радостное и небывалое. Наверное, со времен первого спутника люди не смотрели в небо так ча-

сто…

А на закрытом заседании Совета Безопасности ООН представители великих (и не очень) держав смотрели на экран. Зрелище было, быть может, не столь впечатляющее, но зато куда более познавательное. Впервые инопланетная раса вошла в контакт с человечеством.

— Нет, мы не будем высаживаться, — говорил с экрана пушистый комок оранжевого меха с крохотными бусинками глаз. — Нет, нет, нет. Спасибо за гостеприимство. Мы очень спешим. Мы благодарим за приглашение. Мы рады общению с вами. Но нам еще предстоит долгий-долгий путь…

Перевод обеспечивали Чужие. И на русский, и на английский, и на китайский, и на французский, и на испанский языки. Перед представителями других рас они вежливо извинились и посетовали на недостаток времени и способностей.

— Но мы хотели бы еще очень многое узнать, — сказал особый представитель ООН, гражданин Мадагаскара, выбранный после двухдневной подковерной борьбы представителем со стороны человечества. Мадагаскару повезло именно по причине его обычности — представитель Китая настаивал на кандидате от самой многочисленной нации, представитель США — на кандидате от самой развитой и демократической страны мира, представитель России — на кандидате от самой большой по площади страны. На самом деле личность господина Особого Представителя не играла никакой роли — он лишь озвучивал текст, появляющийся перед ним на маленьком неприметном экране. Где-то в недрах здания ООН этот текст торопливо вырабатывали никому не ведомые референты, психологи, политологи и сотрудники спецслужб.

— Мы ответим, — любезно сказал Чужой. — Спрашивайте, мы ответим.

— Много ли цивилизаций разумных существ известно вам? — косясь в экран, спросил мадагаскарец.

— Восемьдесят три с половиной, — любезно ответил Чужой. — Включая дельфинов. А если засчитают человечество — то восемьдесят четыре с половиной.

С одним из психологов случилась легкая истерика, его увели. Возникла небольшая заминка, но вот появился текст нового вопроса, и Особый Представитель человечества проникновенно произнес:

— На чем основываются отношения между различными цивилизациями космоса?

— На дружбе, сотрудничестве и взаимовыгодной торговле, — немедленно сообщил Чужой. — Иногда возникают вооруженные конфликты, но это позорно и недостойно разумных существ. Мы — убежденные пацифисты.

Представитель США удовлетворенно кивнул. Впрочем, от сердца отлегло у всех.

— Каким образом мы можем вступить в контакт с другими цивилизациями? — поинте-

ресовался гражданин Мадагаскара.

— Развивайте науку и технологии, добросовестно трудитесь, живите в мире, летайте к другим звездам, — дал ценный совет Чужой.

Снова возникла маленькая пауза, потом был озвучен новый вопрос:

— Земная цивилизация имеет ряд нерешенных проблем, можем ли мы рассчитывать на какую-либо форму помощи со стороны вашей, более развитой, цивилизации?

В последнюю секунду слова «более развитой» изменились на «дружественной», но Особый Представитель человечества уже прочел первоначальный текст.

— Сложный вопрос, — опечалился чужой. — Давно уже было замечено, что полученная безвозмездно помощь не идет впрок. Цивилизация начинает отставать в развитии, надеяться на инвестиции, кредиты, гуманитарную помощь… Сложный, сложный вопрос. Мы думаем, что могли бы вступить с вами в товарные отношения и продать некоторые любопытные приспособления. В качестве платы мы согласны принять некоторые тяжелые металлы и произведения кустарного искусства. Но торопитесь, — наше время очень ограничено.

На экране с поразительной быстротой сменились несколько фраз: «Есть ли Бог?», «Какие металлы?», «В чем смысл жизни?», «Дельфины действительно разумны?» и «Что вы можете нам предложить?» Мадагаскарец закашлялся, таращась в экран. Последняя фраза помигала и осталась.

— Что вы можете нам предложить? — спросил Особый Представитель человечества.

— О, некоторые замечательные вещи… — указал Чужой, и изображение сменилось. Вместо маленькой, аскетически обставленной рубки возник просторный светлый зал, в центре которого стоял космический корабль. Ну или что-то очень похожее на корабль с точки зрения человека. — Это уютный малотоннажный космический корабль цивилизации Агр, — сообщил Чужой. — Позволяет перемещаться в пределах местной солнечной системы, развивает скорость до пятисот километров в секунду, снабжен устройствами противометеоритной защиты и радиационным щитом. Количество ограничено, мы можем предложить вам двенадцать кораблей со всей документацией на основных земных языках. Если вы купите все корабли и свяжетесь с нами прямо сейчас, то в придачу к каждому кораблю вы получите замечательный складной ангар…

На экране появилось белое строение чуть побольше корабля.

— …станцию связи с кораблями и трехчасовой обучающий мыслефильм по пилотированию корабля в особо сложных условиях. Цена каждого корабля — сорок тонн золота, четыре тонны платины, две с половиной тонны плутония.

В зале наступила пауза. Потом представитель США вскочил со своего места:

— Наша страна готова купить все корабли!

Особый Представитель человечества заерзал за своим столом. Но на него уже не обращали внимания.

— Прекрасно, — сообщил Чужой. — Мы уверены, что вы останетесь довольны сделкой. Куда доставить корабли и откуда забрать металлы?

Под ледяное молчание зала представитель США продиктовал координаты какой-то военной базы и сообщил, что металлы можно брать прямо из Форт-Нокса. Ошарашенные дипломаты, сообразившие, что американский представитель при Совете Безопасности не случайно помнит наизусть ширину и долготу базы, гневно зашумели. Но ропот прервали слова Чужого:

— Еще более интересное транспортное средство. Колониальный корабль цивилизации Раг-Харр. Предназначен для межзвездных перелетов. Эксклюзивный товар, имеется в одном экземпляре. Абсолютно новый. Работает с нарушением теории Эйнштейна. Дальность полета — до сорока световых лет. Способен перевозить до тысячи живых особей за один рейс. Цена — четыреста тонн золота, триста тонн платины, не менее тонны неограненных алмазов…

— Наша страна берет это! — выкрикнул американец, глядя на блестящую тушу колониального корабля, заслонившую весь экран. На его фоне корабли цивилизации Агр просто терялись.

— …и восьмидесяти тонн кустарных произведений искусства данной страны возрастом не менее тысячи земных лет, — закончил Чужой. — Нам очень жаль, но страна США не имеет столь древних произведений кустарного искусства. Если вы свяжетесь с нами прямо сейчас, то в придачу к колониальному кораблю вы получите великолепную систему кондиционирования воздуха, уникальный телескоп для наблюдения за звездным небом, справочник с координатами незаселенных планет в радиусе сорока световых лет от Земли и документацию на основных земных языках…

— Китай покупает этот корабль, — сказал представитель Китая, победно оглядел зал и затараторил, обсуждая детали сделки. Возражений не было. Представители великих и не слишком стран вцепились в телефонные трубки, выслушивая новые инструкции. Мадагаскарец скучал. На американца жалко было смотреть.

— К сожалению, транспортные средства кончились, — сказал Чужой. От фрагмента Великой Китайской стены он отказался, а вот терракотовая гвардия и вазы династии Мин его устроили. — Но у нас есть и другие любопытные вещи. Восхитительный Аурианский пищевой синтезатор! Пища пригодна для любой белковой формы жизни. Полностью автономен, снабжен зарядом энергии на сто двадцать пять лет. Четыре экземпляра. Стоимость каждого — шестьдесят тонн произведений кустарного искусства возрастом не менее двухсот земных лет…

В разразившемся споре пищевые синтезаторы были поделены между США, Китаем и Великобританией. Франция брезгливо отказалась от участия в торге, мотивируя это традицией национальной гастрономии, а российскому делегату пообещали уступить следующий лот. Впрочем, когда выяснилось, что уникальный прибор очередной неизвестной расы позволяет омолодить человеческий организм на сто земных лет, обещание едва не было забыто. Порядок восстановил Чужой, укоризненно напомнив людям их собственные слова, пристыдив и прочтя небольшую вежливую нотацию. В награду за немедленную покупку Россия получила еще и автоматический конвейер, позволяющий прогонять через омолаживатель до тысячи человек в час.

Еще один раз встрял Особый Представитель человечества, задав важный вопрос о сроках выполнения сделки. Чужой успокоил его обещанием выполнить все поставки в течение трех часов после завершения торга, причем как доставку товаров, так и получение платы согласился взять на себя.

Вскоре, впрочем, упущенный омолаживатель был почти забыт. Лоты сыпались один за другим. Звездные технологии обещали исцеление болезней, непачкающиеся ткани, контроль климата, обучение во сне, лишенные трения подшипники, сверхпроводники и сверхпрочное мономолекулярное волокно. Франция купила космическую станцию на десять тысяч человек и кофемолки на энергии броуновского движения, в придачу получив сверхглубокую буровую станцию и словарь языка запахов. Китай все-таки толкнул свою Великую стену, получив взамен великолепное средство по контролю за рождаемостью. Великобритании пришлось удовлетвориться технологией передачи электричества без проводов, зато в довесок был получен совершенно новый экспериментальный завод, способный построить свою точную копию. Когда более богатые страны несколько выдохлись, России досталась уникальная биокультура бактерий, способных жить в атомном реакторе и перерабатывать излучение в спирт, легковые машины на магнитной подушке и побеги морозостойких инопланетных бананов. Когда запасы тяжелых металлов несколько истощились, а предметы кустарного искусства стали кончаться, Чужие любезно распродали мелкие, но интересные лоты за образцы земной техники, кефирную закваску, листья эвкалипта и прочие пустяковины. Молчавший почти до конца представитель Израиля получил очередное указание и торопливо скупил оптом половину мелких лотов. Бонусом ему послужило средство от облысения, вызывающее интенсивный и устойчивый рост волос.

— Наши запасы кончились, — с грустью признался Чужой. — Мы вынуждены попрощаться с вами. Сейчас ваши покупки будут доставлены в указанные места. Благодарим за сотрудничество.

— Есть ли Бог? — торопливо выкрикнул гражданин Мадагаскара.

— Сами бы хотели знать, — ответил Чужой, и экран погас. Потные и взволнованные дипломаты переглядывались. Никто не решался встать первым. Наконец общее мнение озвучил израильский делегат:

— Что-то тут не так…

А тем временем корабль Чужих начал свой последний виток над Землей. Крылья радужного света распростерлись над всей планетой, в них возникли темные пятна — космические корабли и станки, кофемолки и живые биокультуры, машины и синтезаторы пищи. Крылья медленно схлопнулись, пронизывая всю Землю, радужный свет накрыл мир, оставляя на указанных местах покупки и аккуратнейшим образом подбирая тяжелые металлы и кустарные поделки землян. Каждого человека коснулась волна радужного света, каждый ощутил на миг приятное чувство удовлетворения и сознание собственной ценности.

Потом корабль Чужих сошел с орбиты и через несколько часов исчез в глубинах космоса.

Вечером следующего дня заседал Совет Безопасности России. Впрочем, подобные структуры сейчас заседали во всех великих (и не очень) державах мира, дорвавшихся до чудес галактической науки. Первым дали выступить главе службы Внешней Разведки.

— При передаче этой информации был рассекречен наш лучший американский агент… — роясь в распечатках, бубнил разведчик — Так. Корабли цивилизации Агр и впрямь отвечают всем заявленным параметрам. Американские ученые с некоторой долей оптимизма склонны считать, что их скорость и впрямь составляет пятьсот километров в секунду… вот фотографии, к сожалению, не слишком четкие, наши разведывательные спутники несколько устарели… мерная линейка показывает размер каждого корабля, агентурные данные подтверждают эту информацию. Вероятно, жители Агра были размером с некрупного котенка. Агрегатные отсеки корабля запломбированы, согласно документации попытка открыть их приведет к разрушению всех устройств… А вот данные по Китаю. Кое-что мы склонны считать попыткой дезинформации, но кое-что удалось выяснить достоверно. Колониальный корабль Раг-Харр имеет в длину триста метров, это не американские игрушки. Он действительно работает с нарушением теории Эйнштейна. Согласно теории относительности, при полете со скоростью близкой к скорости света, время на корабле должно было бы замедлиться, и по субъективному времени экипажа полет занял бы несколько часов, хотя с точки зрения внешнего наблюдателя прошли бы десятки или даже сотни лет. В корабле Раг-Харр все наоборот. С нашей точки зрения он способен долететь до ближайшей звезды за несколько часов. Но на борту корабля за это время пройдет около тысячи лет. Китайцы все-таки хотят попробо-

вать… беда в том, что механизмы корабля рассчитаны лишь на десять-двадцать лет полета… С контролем рождаемости тоже вышла некоторая проблема, устройство при включении действует сразу на всех представителей данной национальности… По Франции пока нет внятной информации, но температура их станции по-прежнему держится на пятиста сорока градусах по Цельсию, снижение же температуры повлечет за собой разрушение корпуса… Английский завод уже построил свою точную копию, копия, в свою очередь, заканчивает постройку своей копии. Вероятно, этот процесс можно длить бесконечно, но премьер-министр приказал остановить заводы. Китайские добровольцы и голодающие в Мозамбике отказались есть аурианскую пищу. Она не ядовита и очень питательна, но этот отвратительный вкус вызывает рвотные позывы даже у свиней… По Израилю данных нет… по Бельгии будут с минуту на минуту… вот еще данные по Великобритании. Для передачи электроэнергии без проводов требуется построить приемную и передающую станции. Количество меди, необходимой для монтажа, таково, что на порядок дешевле проложить старомодную линию электропередачи. У меня все.

Директор только что созданного Института Внеземных Технологий явно испытал облегчение после этой короткой речи. Поднявшись, он зачитал короткий отчет:

— Установка по омоложению смонтирована и готова к работе. К сожалению, работать с семидесятивосьмилетним добровольцем компьютер отказывается, минимальный шаг омоложения действительно сто лет. К вечеру в Москву должны доставить жителя Томска Ивана Степановича Хомякова, по метрикам ему сто шесть лет. К сожалению, некоторые наши ученые предполагают, что после омоложения он не только выглядеть, но и думать будет как шестилетний ребенок. О спирте. Бактерии, помещенные под поток жесткого излучения, действительно стали вырабатывать спирт. Есть только одна проблема — они же его немедленно и усваивают. Машины замечательно двигаются на магнитной подушке, но для них требуется прокладывать специальные трассы из сплава никеля и вольфрама. Смета по постройке опытной дороги Москва — Звенигород прилагается… Бананы, точнее — инопланетный аналог бананов, высажены на якутской опытной сельхозстанции. Первый урожай планируется собрать через двадцать—двадцать пять лет… мерзлые почвы, трудности с внесением удобрений… но снега они и впрямь не боятся. У меня пока тоже все.

Наступило молчание. Насупившийся президент обвел взглядом соратников. Спросил:

— А есть версия, зачем они купили у нас сто пятьдесят велосипедов «Кама»? Что там такого, в этих велосипедах?

Версия, возможно, была, но озвучить ее никто не решился. Лучше всех ответить президенту мог бы сам Чужой (он, кстати, и составлял весь экипаж огромного корабля), но он сейчас был очень занят. В не слишком далекой от Солнца звездной системе он продавал мест-

ным жителям уникальные, экологически чистые транспортные средства, не требующие для работы дорогостоящих источников энергии, способные передвигаться как по прямой, так и по наклонной поверхности и даже совершать повороты. Медузообразные обитатели местных болот очень внимательно его слушали.

Впрочем, все необходимые человечеству ответы мог бы дать и не вхожий в высшие сферы, ничем не примечательный гражданин России, мелкой руки чиновник, скорее даже чиновнишко, хорошо отметивший с друзьями вначале прилет, а потом — и отлет инопланетного корабля. В эту самую минуту, вернувшись домой в легком подпитии, уже плавно переходящем в похмелье, он застал жену на диване — диктующей в телефонную трубку адрес и произнес небольшую, но пылкую речь. Слово «дура» в ней перемежалось с другими, не менее обидными словами, а заканчивалась речь укоризненной фразой: «И это в то время, когда человечество стоит на пороге новой эры!»

Обидевшаяся жена ушла в спальню, а чиновник сам присел перед телевизором.

— Если вы свяжетесь с нами прямо сейчас, — донеслось с экрана, — то в придачу к чудо-мельнице вы получите губку для протирки чашки, нож для резки картофеля и запасную рукоятку!

Но гражданин уже спал. И почему-то ему снились смеющиеся дельфины.

***

Самое трудное для писателя-фантаста — делать рассказ для «широкой аудитории». В каждом виде литературе существует свой набор аксиом. Читатель детектива знает, что сыщик не окажется убийцей (исключения возможны, когда они гениальны), читатель женского романа может быть уверен, что дело идет к свадьбе, читатель романа ужасов догадывается, чем закончится визит героев на кладбище в безлунную ночь.

Так и в фантастике. Есть слова-символы: «бластер», «машина времени», «гиперпространство», «Чужой». И не нужно длинных объяснений. Писатель говорит с читателем на понятном обоим языке.

А что делать, если читатель этого языка не знает? Если рассказ написан для толстого глянцевого журнала, чья аудитория интересуется курсами валют, погодой на Канарах и расцветкой галстуков в следующем сезоне?

В таком случае надо забыть незнакомые слова и говорить на понятном читателю языке. Чтобы если уж он открыл журнал — то все равно прочитал рассказ. И следующий раз не шарахался, от яркой обложки с «бластерами и Чужими».

В случае с «Девочкой с китайскими зажигалками» особую пикантность ситуации придавало то, что рассказ попросили написать святочный. Вы пробовали когда-нибудь растрогать бизнесмена средней руки? Привить ему чуточку позитива?

Рассказ «При условии, что он — черный» был для меня еще более суровым испытанием. Интересно, конечно, написать рассказ для журнала автолюбителей — чтобы рассказ был фантастическим и про машины. Особенно, если сам автор никогда не имел машины и не умеет водить!

«Старую сказку» я писал для журнала по архитектуре и дизайну. «Без паники» — для журнала, весь номер которого занимали статьи о глобальных катастрофах. (Кстати, и рассказ «Сухими из воды», который помещен чуть выше, изначально был написан для журнала аквариумистов…)

В общем я попробовал писать для непривычной аудитории.

Мне кажется, что получилось.

ДЕВОЧКА С КИТАЙСКИМИ ЗАЖИГАЛКАМИ

Мало кто знает, что известный московский скульптор Цураб Зеретели увлекается собиранием нэцкэ. Хобби свое, ничего предосудительного не имеющее, он почему-то не афиширует.

В тот морозный снежный вечер, по недоразумению московской погоды выпавший удачно — на тридцать первое декабря, Валерий Крылов стоял у антикварного салона вблизи Пушкинской площади и разглядывал только что купленное нэцкэ.

Нэцкэ — оно и в России нэцкэ. Статуэтка сантиметров в пять, брелок из дерева или слоновой кости, к которому не придумавшие карманов японцы привязывали ключи, курительные трубки, ножички для харакири и прочую полезную мелочь. Потом вешали связку на пояс и шли, довольные, демонстрировать встречным свои богатства. В общем — вещь ныне совершенно бесполезная и потому до омерзения дорогая.

Но если ты хозяин маленького завода по выплавке цветных металлов и тебе позарез нужен рынок сбыта в Москве, то нет ничего лучше знакомого скульптора-монументалиста. Одной лишь бронзы великий скульптор потреблял больше всех уцелевших московских заводов вместе взятых! А лучший способ добиться внимания будущего клиента — потешить его маленькую слабость… в данном случае — подарить нэцкэ.

Надо сказать, что в тонкой сфере искусства и в еще более нежной материи собирательства деньги не всесильны. Перед иным коллекционером ночных вазонов хоть полными чемоданами долларов потрясай — все равно не слезет с любимого экземпляра, складного поход-

ного горшка Фридриха Великого.

Так и с нэцкэ. Мало иметь деньги, надо еще и поймать судьбу за хвост, опередить других коллекционеров, людей небедных и готовых на все для утоления своей страсти.

Валерию определенно повезло. Не будем обсуждать, как и почему повезло, — ведь везение вещь не случайная. Как бы там ни было, но сейчас он стоял у своего старенького «пежо» и разглядывал японский брелок с той смесью удовлетворения и брезгливости, что обычно наблюдается у человека, удачно выдавившего прыщ.

Нэцкэ изображало маленькую пухлощекую девочку, завернутую в тряпье и держащую перед собой поднос. На подносе едва-едва угадывались маленькие продолговатые предметы. В каталоге нэцкэ называлось «Девочка с суси».

— Суси-пуси, — пробормотал Валерий. — Хоть написали правильно…

Пора было ехать домой — переодеться, выпить чуток коньяка, вызвать шофера и отправиться в хорошее и мало кому известное заведение, где можно будет презентовать знаменитому скульптору творение японских конкурентов. Жену с дочкой Валерий еще неделю назад отправил в Париж на рождественские каникулы. Так что новогодний вечер мог оказаться шумным и пьяным, а мог, напротив, иметь завершение романтичное и волнующее. Не только бизнесмены отправляют свои семьи отдохнуть за границу, порой они уезжают и сами, оставляя молодых и скучающих жен…

Продолжая разглядывать малолетнюю японскую торговку рисовыми рулетиками (блюдо, на взгляд Валерия, одновременно пресное и тяжелое), Крылов достал сигарету. Курить за рулем он не любил.

— Дяденька, купите зажигалку, — донесся до него робкий голос. Валерий обернулся. На тротуаре стояла маленькая, лет десяти, девчушка. В нейлоновой куртке, слишком большой для нее и слишком грязной для любого. В широченном взрослом шарфе, намотанном поверх куртки. В вязаной шерстяной шапочке.

В озябших, уже синеватых ладошках девочка держала крышку от обувной коробки. На картонке, припорошенные снегом, лежали разноцветные китайские зажигалки.

— Своя есть, — буркнул Валерий. В метро он последний раз ездил года три назад, на улицах с побирушками и нищими тоже встречался редко. Может быть, поэтому они вызывали у него даже не раздражение, а легкую оторопь и отчетливое желание принять горячий душ.

Девочка упрямо стояла рядом.

Валерий полез в карман в надежде, что, обнаружив в его руках зажигалку, малолетняя попрошайка отправится своей дорогой. Но зажигалка упрямо не желала находиться.

Девочка засопела и провела ладошкой под носом.

— Почем твои зажигалки? — буркнул Валерий. Милостыню он не подавал принципиально, чужих детей не любил, но в данном случае решил вступить с девочкой в товарно-денежные отношения. Курить хотелось все сильнее — так всегда бывает, когда уже достал сигарету, а зажигалку найти не можешь.

— Десять… — прошептала девочка.

— Десять… — с сомнением произнес Крылов и снова стал шарить в кармане в поисках мелочи. — Что же ты по морозу ходишь полуголая? Простынешь — и умрешь!

Нравоучение вышло какое-то фальшивое, он даже сам это почувствовал. Ясное дело, не ради удовольствия бедный ребенок торгует зажигалками.

— Красивая куколка, — вдруг сказала девочка, глядя на нэцкэ в руках Крылова.

— Да, да, красивая… — Крылов вдруг с удивлением обнаружил, что нэцкэ и девочка-побирушка карикатурно похожи. При желании «девочку с суси» вполне можно было назвать «девочка с китайскими зажигалками», даром что не было в ту пору никаких зажигалок. Но даже не это главное! Лица были похожи!

Чтобы избавиться от наваждения, Крылов бесцеремонно взял девочку за плечи и развернул к падающему из витрины свету. Присел перед ней на корточки. Держа нэцкэ на вытянутой руке, еще раз сравнил лица.

Ну надо же! Словно позировала!

— Во дела, — поразился Валерий. — Века идут, люди не меняются… выходит, японцы раньше на людей походили?

— У меня никогда не было кукол, — вдруг горько сказала девочка.

Валерий крякнул, достал из кармана сотню и положил среди зажигалок:

— Иди в «Детский мир», детка. Купи себе куклу…

А сколько стоит кукла? Валерий вдруг с удивлением понял, что не знает. Собственная дочь чуть старше этой нищенки, вся детская игрушками завалена… но разве он хоть раз покупал ей игрушки? Либо жена, либо няня…

— На, купи себе «Барби», — решил Крылов, бросая на картонку пятьсот рублей. Уж если делать в новогоднюю ночь добрые дела — так зачем мелочиться?

— Я хочу эту, — твердо сказала девочка, не отрывая взгляд от нэцкэ.

Валерий усмехнулся и покачал головой:

— Нет, деточка. Эта кукла стоит… ну очень дорого. Купи себе куколку и иди к маме…

— Простите, что я так настойчива, — внезапно выпалила девочка, опуская картонку. Зажигалки, успевшие примерзнуть к картонке, даже не попадали. — Но чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня эксплуатировать ваши естественные рождественские позывы к добру и милосердию…

Так и не зажженная сигарета выпала у Крылова изо рта. Он торопливо встал и шагнул к машине.

— Возможно, я неудачно выбрала день? — поинтересовалась девочка вслед. — Но у вас запутанный календарь, вы празднуете рождество дважды, поэтому я выбрала среднеудаленное от обоих праздников время…

— Шиза, — коротко сказал Крылов, скрываясь в машине. Запустил двигатель, потом уже торопливо спрятал нэцкэ в карман. Покосился на девочку — та смотрела на него, беззвучно шевелила губами. — Шиза или белочка. Вопрос только, у кого?

Девочка исчезла. Была — и не стало ее.

— У меня, — решил Крылов, и его всего передернуло. Ну что за напасть? Никогда в роду психов не было… Он медленно тронул машину.

— Вы абсолютно здоровы, — донеслось сзади. — Хотя…

Крылов в панике ударил по тормозам. Обернулся. Девочка сидела на заднем сиденье, все так же сжимая в руках картонку. Смотрела на Крылова невинными детскими глазами.

— Легкая форма геморроя, намечающийся простатит, дискинезия жёлчного пузыря. В остальном вы здоровы, — повторила девочка. — Так вот, я прошу прощения за неудачный выбор времени. Но мне кажется, что в новогоднюю ночь, тем более являющуюся среднеарифметическим сочельником, вы максимально склонны к добрым делам…

— Ты кто такая? — воскликнул Крылов. — Ты как в машину попала?

— Я маленькая девочка. Я сместила себя относительно пространства. Вы меня выслушаете?

— Почему ты так говоришь? Девочки так не разговаривают!

Девочка вздохнула:

— Моя речь трудна для понимания? Соберитесь с силами, прошу вас! Все очень просто, я — из будущего.

Валерий кивнул:

— Ага. А я с Марса.

— Не похоже, — отрезала девочка. — Итак, я из будущего, я путешествую во времени. Точную дату вам знать не обязательно.

Крылова охватил легкий азарт.

— Из будущего, говоришь? Фантастика, значит? Как же, верю! У нас тут полным-полно путешественников во времени. Куда ни шагнешь — на них натыкаешься.

— Вот и неправда, — обиделась девочка. — Нет тут больше никаких путешественников. И ваша ирония неуместна!

— Если ты из будущего и так легко об этом рассказываешь, так почему никто не знает

о путешественниках во времени? Почему никто больше их не встречал?

— А в ваше время никто и не путешествует, — отрезала девочка. — Чего тут интересного? Экология плохая, пища некачественная, люди злые, культура примитивная, войны неэстетичные… Все ездят в Древнюю Грецию, в Средние века, в Древний Китай и Японию… вот там красиво!

Крылов не нашелся, что ответить.

— Так вот, — продолжала девочка. — Я — обычная путешественница во времени. Мне десять лет. Это не должно вас смущать, умственно я развита как взрослый человек.

— Не верю, — твердо сказал Крылов.

Девочка опять растаяла в воздухе. Возникла на соседнем сиденье.

— Гипноз, — предположил Крылов.

Машина дрогнула и медленно поднялась в воздух. Заснеженные улицы ушли вниз, засвистел ветер, Москва раскинулась под ними огромной светящейся картой.

— И это гипноз? — поинтересовалась девочка. — Тогда выйдите наружу.

Крылов помотал головой.

— Так-то лучше, — обрадовалась девочка. Лицо ее чуть порозовело. — Теперь вы мне верите? Или еще что-нибудь сделать?

— Верю… — прошептал Крылов. — Девочка, а девочка… как там, в будущем?

— Зашибись! — кратко ответила девочка. — Так вот, Валерий Павлович. Просьба у меня к вам. Сделайте мне, маленькой девочке, затерянной во тьме веков, рождественский подарок.

— Нэцкэ? — уточнил Крылов.

— Угу. — Девочка улыбнулась.

Несколько секунд Крылов молчал. А потом заорал:

— Да ты что несешь? Подарок, говоришь? Нэцкэ? Ты знаешь, чего мне стоило ее добыть? Хрен с ними, с деньгами… ты думаешь, вся Москва завалена уникальными нэцками? А мне сегодня надо его подарить одному скульптору! Тогда, возможно, он станет покупать бронзу моего завода! И у меня наладится бизнес! Иначе все… по миру пойду.

— Мне очень нужна эта нэцкэ! — тонко выкрикнула девочка. — Отдайте ее мне!

— Давай другую взамен, — решился Крылов. — Тебе же нетрудно смотаться в Японию, верно? Купишь нэцкэ двести лет назад, привезешь в Москву, отдашь мне… ты чего?

Девочка тихо ревела, вытирая слезы грязной ладошкой. Машина начала опасно раскачиваться.

— Эй, ты равновесие-то держи! — в панике выкрикнул Крылов. — На, утрись… — Он протянул девочке чистый носовой платок. — Зачем тебе моя нэцкэ? Ты же вон какие чудеса

творишь!

— И вовсе… она не ваша… — сквозь слезы пробормотала девочка. — Ее мой папа из кости вырезал…

Как гласит народная мудрость, женщина не права до тех пор, пока не заплачет. К маленьким девочкам это правило тоже относится — Крылов почувствовал себя смущенным.

— Не моя… я за нее деньги платил… — огрызнулся он. — Слушай, ты настоящие чудеса творишь — так чего ко мне привязалась? Могла бы украсть или отобрать свою нэцкэ, и все дела…

— Не могу! — с обидой выкрикнула девочка. — В том-то и дело!

Из путаных объяснений Валерий понял, что всем путешественникам во времени делают специальную инъекцию, резко меняющую характер. После этого укола никто из путешественников не способен убить, ограбить или еще как-то обидеть своих отсталых предков. Разве что в целях самообороны…

— Вот если вы меня ударите или покуситесь… — с надеждой пробормотала девочка.

— Ха! — возмутился Крылов. — Ты за кого меня держишь? Не собираюсь я тебя ударять, а уж тем более покушаться!

— Жалко, — вздохнула девочка — А то я взяла бы нэцкэ с вашего бесчувственного тела…

Как ни странно, но такая откровенность успокоила Валерия.

— Зачем тебе именно эта нэцкэ, девочка? — спросил он. Достал сигарету, подобрал с пола одну из китайских зажигалок, закурил. — Чего ты ко мне привязалась?

Девочка принялась рассказывать.

Оказалось, что в прошлое она отправилась вместе с отцом — в Англию восемнадцатого века на рождественские каникулы. Но в Англии папа заскучал и отправился в Японию восемнадцатого века. Прошли все положенные сроки, но он из Японии так и не вернулся. Девочка поняла, что с ее папой что-то случилось. Наверное, сломалась машина времени, такое иногда бывает.

— А спасателей у вас нет? — удивился Крылов.

— Нет. Во времени каждый путешествует на свой страх и риск, — призналась девочка. — Спасать потерявшихся — это значит создавать временные парадоксы!

Когда папа потерялся, девочка могла вернуться домой сама. Но ей очень хотелось спасти отца. И она стала думать — чем же папа примется зарабатывать себе на жизнь? Грабить и убивать ему нельзя, обучать местных наукам — тоже. И тогда она сообразила — ведь папа увлекался резьбой по кости. Значит, станет резать нэцкэ. А чтобы его легче было найти — в каждой нэцке станет допускать анахронизм — какую-нибудь деталь, не соответствующую

времени. Сообразительная девочка принялась искать такие нэцкэ — и нашла одну. Именно ту, что купил Крылов.

— Понял! — воскликнул Валерий. — Так это не «Девочка с суси»? Это «Девочка с китайскими зажигалками»?

— Нет это не зажигалки, — запротестовала девочка. — Это… у вас и слова-то такого нет. Это маленькие штучки, которые служат для создания… этого слова тоже еще нет. Для создания других больших штук.

Крылов достал нэцкэ. С сомнением осмотрел ее, спросил:

— Ну и что? Допустим — это сделал твой папа. Подал сигнал о помощи, так? Ну и отправляйся спасать папочку. Чего тебе еще надо?

— Нэцкэ! Ее надо засунуть в специальный ящичек в машине времени! — заревела девочка. — И тогда машина времени отправится в то время и место, где нэцкэ вырезали! И я спасу папу.

— А нэцкэ? — уточнил Крылов, уже догадываясь, каким будет ответ.

— Распадется на атомы.

— Других подходящих нэцкэ нет? — спросил Крылов.

— Да поймите же, их не может быть! Если они будут, значит, я папу не спасла! Значит, он так и прожил в древней Японии всю жизнь!

— Дела, — вздохнул Крылов.

Девочка тоже вздохнула. И сурово произнесла:

— Либо вы мне нэцкэ подарите и я папу спасу. Либо вы пожадничаете. И папа погиб.

— Девочка, я же на грани разорения, — признался Крылов. — Нет, мне очень жалко твоего папу… и ты отважная девочка…

Путешественница во времени снова захныкала.

— Хоть деньги верни! — взмолился Крылов. — Или другую нэцкэ мне дай!

— Нет у меня денег, — всхлипнула девочка. — И ничего я вам дать не могу. Даже не могу подсказать, на какие числа выигрыш в лотерее выпадет.

— Запрещено? — понимающе спросил Крылов.

— Не интересовалась никогда древними лотереями… — призналась девочка.

Крылов помолчал. Эх, какой был план! Редкое нэцкэ в подарок… дружеский разговор… выгодный контракт… финансовое преуспевание…

— Иди спасай своего папу, — сказал он и протянул девочке древнеяпонский брелок. — Только вначале опусти машину на место!

Девочка просияла.

— Спасибо! Спасибо вам! Я знала, что в среднеарифметический вечер сочельника все

люди добреют и случаются настоящие чудеса!

Она неловко чмокнула Крылова в щеку — и исчезла. Машина вновь стояла у антикварного салона. Только на полу валялись одноразовые зажигалки.

— Настоящие чудеса, — горько сказал Крылов. — Кому как.

Все его планы пошли прахом. И все из-за какой-то наглой девчонки и ее глупого отца… Тоже мне туристы! Сами они не местные, машина времени сломалась…

Он завел машину и, уж и не зная зачем, все-таки поехал к ночному клубу.

Что же теперь, пытаться наладить отношения со знаменитым скульптором без всяких интересных новогодних подарков? Пустой номер. И все-таки придется попытаться…

Крылов уже припарковал машину на стоянке, когда с заднего сиденья раздалось деликатное покашливание.

— Опять? — воскликнул он в панике и обернулся.

В машине теперь появились двое — та самая девочка, одетая в темно-желтое платье и алую шелковую накидку, и худощавый мужчина в узких черных штанах и черно-белом жилете с широкими плечами.

— Красивое у меня кадзами? — воскликнула девочка.

— Спасибо вам, Валерий-сан, — строго глянув на девочку, сказал мужчина. — Вы спасли меня ценой больших жизненных неудобств… Домо аригато годзаимас!

— Да ладно… чего уж там… — смутился Крылов. — Праздник как-никак…

— Мы должны отправляться назад, в будущее, — сказал мужчина. — Но я не мог не поблагодарить вас. Примите этот скромный подарок, Валерий-сан! Я резал эту нэцкэ для очень важного чиновника, но вам преподнесу куда с большей радостью!

Крылов едва успел взять из его рук крошечную скульптуру — девочка и мужчина склонили головы и исчезли. На этот раз, похоже, навсегда.

— Надо же… — прошептал Крылов, разглядывая нэцкэ. — Надо же… спасен… что-что???

Нэцкэ изображала, похоже, самого скульптора — высокого и худощавого мужчину в японских одеждах. Но в руках мужчина держал пивную бутылку!

— Анахронизм…— прошептал Крылов. — «Мужчина с пивом»… Да как же я ее подарю?

Он безнадежно рассмеялся. Чудеса… праздник… раз уж делаешь добрые дела — так не рассчитывай на благодарность!

Хотя…

Крылов еще раз внимательно оглядел нэцкэ.

Назвали же ту девочку с не пойми чем «девочкой с суси»!

Главное — вовремя дать правильное название. А там уж человек увидит то, что ему пообещали! С работами московского скульптора-монументалиста это тоже случается сплошь и рядом!

— Мужчина с пестиком… — произнес Крылов. — Нет. Лучше — «Алхимик с пестиком»! Работа неизвестного мастера…

С нэцкэ в руках он выбрался из машины.

Все должно получиться.

В этот вечер все люди добреют!

НОВАЯ, НОВАЯ СКАЗКА…

Рассказать тебе, внучек, как жили люди в старину? Ну садись, слушай. Сел? А вот в старые времена ты бы не смог где хочешь сесть. Пришлось бы идти за стулом… Нет, сам стул не пришел бы и под тебя не подлез. Нет, не неисправный. Стулья раньше совсем не ходили. Они были неподвижные, как… как пеньки! Помнишь, мы видели с тобой в парке пенек? Нет, дерево — это высокое и с ветками. Вспомнил? Так вот, всю мебель раньше делали из дерева… Правильно, потому их и не осталось. В каждом доме было несколько стульев. А если их не хватало, то шли к соседям и просили одолжить. Далеко? Нет, это сейчас до соседей идти далеко — через два шоссе и через путепровод. А раньше люди жили рядом друг с другом. Иногда даже строили большие, высокие дома, где жили сразу сто человек. Или больше? Забыл… Какие высокие? Пять этажей, девять, двадцать… И зря смеешься, внучек! Это сейчас запрещено строить выше трех этажей, чтобы люди не боялись высоты. А раньше — строили! Я сам жил на восьмом… Да, прадедушка смелый! И память у него хорошая. Как мы поднимались на двадцатый этаж? В лифте. Лифт — это машина такая, вроде подъемного крана внутри дома. Как ночью поднимались? Тоже на лифте… Нет, лифт не спал. Нет, лифт не возмущался и в комиссию по правам машин не жаловался. А он был неразумный, у него были только мотор и кнопки, и работал он всегда, если не ломался… Дедушка не рабовладелец! У нас все машины были неразумные! Да, и пылесос. А он все подряд засасывал, приходилось быть внимательным… Зато он никогда, слышишь, никогда не говорил: «Ходите тут, а мне убирать!» И стиральная машина тоже думать не умела. Зато она не возмущалась, что у рубашки воротничок грязный!

Нет, нет, дедушка не разволновался! Что значит — аптечка пришла? Может, она послушать пришла, ей ведь тоже интересно! Кыш! Нет, мне не надо успокоительного!

Что еще было интересного? В каждом доме была кухня. Кухня — это место, где готовят еду. Нет, это питательные таблетки надо только намочить водой. А еду резали, жарили,

варили, клали в тарелки, ели ложками и вилками… Вилки — это такие металлические палочки на ручке, острые… Да, мы были смелые. Берешь, бывало, кусок мяса… Нет, внучек, дедушка не людоед. Что мы ели, это вы в школе будете проходить, в старших классах… Так вот, на кухне мы готовили еду и ели, в спальне — спали, в гостиной — гостей принимали. Зачем отдельные комнаты? Так я же говорю, мебель тогда была глупая, стояла где стоит. Это сейчас она из стенок вылезает… зараза…

Так вот, было в доме несколько комнат. В каждой комнате было окно, и стояло оно на одном и том же месте. Это сейчас ты пальчиком ткнул, и стенка стала прозрачная. Не балуйся! А мы окна завешивали шторами, и тогда в них никто не заглядывал… Еще в комнатах были батареи. В батареях текла горячая вода, и в доме становилось тепло… Это сейчас — везде жарко. А раньше климат был другой, дома приходилось греть. В некоторых домах даже разжигали огонь. Да, конечно, настоящий. В нем жгли куски деревьев… ну да, ты же видел пенек… Нет, воду мы в ведрах не носили. У нас был водопровод. Мы могли открыть кран — совсем как сейчас — и набрать воды. Полную ванну воды… ванна — это такая большая посудина с водой, в ней можно было лежать и мыться… Нет, дедушка не плачет. Дедушка просто грустит по ванне. Дедушка не любит протираться гигиеническими салфетками… раньше было много воды, и глупый дедушка привык ею мыться…

Так мы и жили. Утром вставали с кроватей и шли на кухню. Резали кусок мяса и жарили на огне. Потом втыкали в мясо вилки и засовывали это мясо в рот. Нет, никто себе язык не протыкал, как-то справлялись… Потом мы выходили из одного дома и шли в другой. Там работали. Потом снова шли домой. Если лифт работал, то ехали на лифте. Задергивали на окне штору. Если было холодно, то разжигали огонь. Или садились вокруг батареи и грелись…

Что ты плачешь, внучек? Не надо плакать, это была очень отсталая жизнь… Не плачь, а то пылесос уже зовет аптечку! Не плачь, внучек, дедушка все придумал! Никогда так люди не жили, никогда! Это все — сказка!

БЕЗ ПАНИКИ!

Да, внучек, дедушка у тебя очень смелый. И когда он был маленьким, то никогда не плакал… Ну-ка вытрем слезы и расскажем, кто тебя напугал?

Лягушка? Большая? Прыгнула?

Нет, лягушек не надо бояться.

Вот когда я был маленьким, то все чего-нибудь боялись. Даже дедушка немного боялся. Но не плакал! Расскажу, конечно же, расскажу…

Больше всего мы боялись друг друга. Например, что люди с черной и желтой кожей так размножатся, что прогонят всех людей с белой кожей. Смешно, правда? Какая разница, какого цвета у людей кожа… А люди с черной и желтой кожей боялись, что белые сбросят на них бомбу.

Поэтому все боялись ядерной войны.

Что такое ядерная война? Ну… когда-то были такие большие страшные бомбы, которые могли взорваться и убить сразу много-много человек. И все боялись, что люди друг друга взорвут…

Нет, теперь их бояться не надо. Ядерных бомб больше нет.

Ужасно боялись машин!

Мы делали машины все сложнее и сложнее, они становились умными, почти как люди. И мы боялись, что машины не захотят людям подчиняться и начнут против них воевать. Повсякому — и бомбами, и просто так… манипуляторами бить по голове… Некоторые даже боялись, что машины станут людей использовать вместо батареек. Вот какие мы были глупые!

Еще мы боялись, что разрушится озоновый слой… Озоновый слой? Как бы тебе объяснить… ну, это вроде такой дымки, высоко-высоко, которая защищала от вредных солнечных лучей. Когда-то люди понастроили много заводов и автомобилей, которые портили воздух. От этого озоновый слой разрушался, солнышко сильно жгло, и люди начинали болеть. А ядерные бомбы могли весь озон разрушить сразу. И мы очень этого боялись.

Чего мы еще боялись?

Болезней очень сильно боялись. Микробов и вирусов. Мы очень хорошо умели лечить болезни, а болезни очень хорошо умели не лечиться. И каждый год появлялась новая болезнь — еще страшнее прежней. Мы сразу начинали ее лечить, но всякий раз боялись, что не получится.

Мы боялись голода. Вдруг и черные, и желтые, и белые люди размножатся, но воевать не станут. Зато им нечего станет есть, и все умрут от голода. Поэтому ученые люди занялись генетическими экспериментами, чтобы было много еды.

Генетических экспериментов мы боялись очень сильно! Понимаешь, ученые люди придумали, как изменять животных и растений. Например, выращивать яблоки — большие, как арбуз. Или куриц размером с носорога. Это — чтобы много было еды.

Но боялись, конечно, не этого. Боялись, что ученые возьмут, к примеру, муху и скрестят ее со слоном. И получится маленький летающий слон или здоровенная муха. Или яблоко, которое может кусаться! Или… нет, плакать не надо, никто уже давно не делает таких экспериментов!

А еще все боялись, что в Землю попадет астероид. Астероид — это такой огромный камень, который летит себе в небе, летит, а потом вдруг как упадет на Землю! Придавит? Ну, кого-то придавит. И все вокруг загорится. А еще моря выйдут из берегов и все затопят. А дымом закроет солнышко, и станет холодно, и все замерзнут.

Хотя на самом деле мы еще боялись, что когда дымом покроет все небо, то это будет словно крышка на кастрюле. И на Земле будет становиться все жарче и жарче. И тогда растают снега и тоже все затопят.

Ну вот, ты уже смеешься!

Инопланетян мы тоже боялись. Мы боялись, что они прилетят на Землю с других звезд, увидят, какая у нас красивая планета, и захотят ее отобрать. А наших женщин заберут в полон. А мужчин отправят работать на рудники. А детей вообще съедят.

Поэтому на всякий случай мы делали все больше и больше ядерных бомб. Чтобы взорвать астероид, прогнать инопланетян и повоевать друг с другом.

Глупые? Да, внучек. Мы были очень глупые. И всего боялись… Но не плакали, слышишь?

А еще мы боялись таких глупостей, что это просто смешно вспоминать!

Мы, к примеру, боялись потерять работу. Нет, работать нам не нравилось. Но работу потерять боялись.

Боялись, что-у нас что-нибудь украдут. Что именно? Ну… что-нибудь. Что соседи о нас плохо отзовутся. Да, не конец света, согласен. Но очень этого боялись, хотели выглядеть самыми лучшими в мире…

Очень боялись диктатуры. Диктатура — это когда кто-то один начнет всеми командовать и править жесткой рукой. Это называется страшным словом «тирания».

Вот такая была трудная у дедушки жизнь… Как мы перестали бояться?

Ну, это получилось как-то само собой.

Вначале люди принялись между собой воевать. Иногда белые с желтыми, иногда черные с белыми. Чаще — белые с белыми, черные с черными и желтые с желтыми. Чтобы не обидно было.

Поскольку воевать хотелось всем, а умирать не хотел никто, то люди построили много-много умных машин. И те стали воевать между собой. Потом они стали такие умные, что тоже не захотели умирать. И начали воевать с людьми.

Некоторые машины летали, некоторые ползали, и все они колотили людей манипуляторами и грозились, что сделают из нас батарейки.

Тогда мы и сбросили на них атомные бомбы. Все машины от этого сразу перегорели. Зря мы их боялись на самом-то деле.

Плохо только то, что озоновый слой от атомных бомб начал разрушаться, и солнышко стало очень больно жечь. От атомных бомб и солнечного излучения микробы и вирусы быстро мутировали, и появилось много новых страшных болезней. Но потом озонового слоя совсем не стало, и все вирусы и микробы очень быстро померли. Так что многие считают, что озоновый слой разрушился крайне удачно.

Все люди, которые к тому времени остались, после этого стали не белыми, не желтыми и не черными — а такими как сейчас, зелеными. И сразу перестали воевать из-за цвета кожи.

Ну, разве что самую чуточку — светло-зеленые с темно-зелеными…

Голода мы уже не так боялись, потому что людей стало гораздо меньше. К тому же те ученые, которые еще остались, все-таки довели до конца свои генетические эксперименты. Еды от этого не прибавилось, потому что экспериментировать на животных ученым запретили. Зато люди стали меньше размером, и еды им требовалось немного…

А солнышко — да, оно пригревало все сильнее. Земля стала гореть. Но тут, по счастью, прилетел астероид и упал в Тихий океан. Волны прокатились такие, что все пожары сразу погасли. А пепел поднялся в воздух, повис там и вполне заменил озоновый слой. Жалко, конечно, что солнышка теперь совсем не видно, только пятно сквозь тучи светит…

Зимы, конечно, с тех пор очень холодные. Но поскольку по всей Земле после падения астероида стали извергаться вулканы, то мало-помалу все наладилось.

Вот тут как раз и прилетели злые инопланетяне. Как оказалось, астероид на нас тоже они сбросили — чтобы напугать.

Вначале инопланетяне стали хватать мужчин и заставлять их работать в рудниках. Но оказалось, что ни один мужчина больше не может поднять лопату. Тогда злые инопланетяне принялись кусать маленьких детей. Но выяснилось, что с тех пор, как мы стали зелеными и маленькими, мы стали еще и ядовитыми.

Особенно дети.

Тогда инопланетяне потребовали отдать им всех наших женщин. Мы, конечно, протестовали, но женщины сами собрались и всей толпой пошли к инопланетянам…

Вот тогда они и улетели. Все, кроме тех, которые сошли с ума, когда увидели наших женщин… не надо плакать! Ты же знаешь, мама выходит из пещеры только в темноте!

Всяких мелких глупостей вроде увольнения с работы или воровства мы тоже перестали бояться.

Во-первых, никто теперь не работает. Во-вторых — воровать у нас нечего.

Про то, что соседи о нас плохо подумают, мы и вовсе печалиться перестали! Кого волнует мнение этих тупых злобных светло-зеленых?

Ну а насчет коварного диктатора, который установит тиранию, бояться просто смешно.

Ты же знаешь, что если кто-то вырастет чуть выше других или станет чуть умнее — мы все вместе тут же идем его бить. Даже светло-зеленых готовы позвать на помощь.

Так что с тех пор, внучек, мы перестали бояться. Стали очень смелыми — и больше не плачем, даже увидев страшную лягушку…

Вытри-ка слезы, а дедушка возьмет свое копье, и мы пойдем на нее охотиться. Ты, внучек, пойдешь впереди, потому что маленький и сильно ядовитый. Я сзади, с копьем.

А ночью мама приготовит лягушку для всего племени.

ПРИ УСЛОВИИ, ЧТО ОН — ЧЕРНЫЙ…

— Хороша? — спросил Денис. Доминик обошел вокруг машины. Пнул колесо. Открыл дверцу, плюхнулся на место водителя, посидел немного. Вышел и кивнул:

— Ничего. «Фиат» — лучше.

Денис не обиделся. В глубине души (а честно говоря, не очень-то и глубоко пришлось бы копать) он признавал, что «Фиат-Стелларс» мощнее, надежнее и симпатичнее «Лады-Шторм».

— Фиат в два раза дороже, — сухо сказал он — А это — бедная планета. «Фиаты» для них излишняя роскошь.

Доминик добродушно улыбнулся:

— Да, да… Это бедная планета. «Лада» — хорошая машина. Только зачем их привезли так много?

Денис вздохнул, вытер пот со лба. Они стояли в огромном ангаре, заполненном аккуратными контейнерами с логотипом российского автозавода. Распакован пока был только один контейнер. Новенькая серебристая «Лада-Шторм» стояла на бетонном полу, окруженная неподвижными роботами-грузчиками. Выглядела она как-то не слишком приметно. Денис достал дистанционку, пощелкал клавишами. Машина окрасилась в сочный апельсиновый цвет. Денис удовлетворенно кивнул и сказал:

— На планете — почти полмиллиарда населения. Так?

Доминик кивнул.

— Почти сто лет планета не имела контактов с метрополией, — продолжал Денис. — Отстали, конечно. Свои машины очень плохие. Но города у них есть, дороги — есть. Чем торговать — тоже есть! Неужели ты думаешь, что они не захотят ездить на хороших земных машинах? Наш основной рекламный лозунг слыхал? «Дешевое — не значит плохое!»

Доминик развел руками. Спросил:

— А как ты думаешь, почему «Фиат» проиграл тендер?

— У вас машины дорогие.

— Ха. При таком-то рынке? Собирали бы на месте. Сбросили бы цены… для начала.

Денис не ответил. Эта мысль тоже не давала ему покоя. Но тендер был выигран, он получил перспективное назначение — главным менеджером на целую планету. Прилетел только вчера, вселился в гостиницу (все вполне пристойно), посетил местный автомагазин и улыбнулся, глядя на старомодные тарантасы. И вот сегодня у него уже есть товар. Тысяча машин. «Лада-Шторм» во всех возможных модификациях — от самой дешевой, где из удобств — только кондиционер, автопилот и подушки безопасности, до самой дорогой — с голографическим оформлением салона и гравиинерционной системой безопасности («Стопроцентная надежность! Больше — не бывает, спросите любого математика!»)

— Я ведь сюда прилетел не только макароны продавать, — продолжил Доминик. — Было предложение и от «Фиата» — прозондировать почву. Но я неделю здесь посидел — и отсоветовал им соваться. Макароны — их рекламировать не надо. Соль, сахар и спички — тоже. Машины — надо.

— Ты о чем? — насторожился Денис. Доминик был свойский мужик, совсем не похожий на «типичного» итальянца. Неспешный, обстоятельный, не склонный к излишней экспансивности. Он прилетел на планету две недели назад, едва с ней были установлены регулярные рейсы. Но бизнес здесь вел вполне итальянский — продавал спагетти.

— Вы местные законы изучали?

— Зачем? Если планету приняли в Содружество, значит законы здесь нормальные, ничего ужасного…

Доминик хихикнул:

— Да-да. Ужасного ничего. Эту планету заселили триста двадцать лет назад, верно? А ну-ка, вспоминай, что тогда на матушке-Земле творилось?

Долго вспоминать не пришлось. Вколоченные в детскую голову химическим путем знания немедленно принялись искать выход.

— В две тысяча сто шестом году Земля переживала Эпоху Приватности, а конкретно — Вторую Рекламную Войну. Доведенное до отчаянья рекламными акциями транснациональных корпораций, население крупнейших стран вышло на митинги протеста, переросшие…

— Достаточно, — сказал Доминик. Вздохнул. — А у нас, оказывается, одинаковые учебники были… Так вот, колонисты, заселившие эту планету, покинули Землю в тот момент, когда даже писсуар и туалетная бумага в процессе использования напевали тебе рекламные песенки.

— Ну? — сказал Денис, мрачнея.

Доминик ухмыльнулся. Назидательно произнес:

— Так вот, на Земле процесс ввели в разумные рамки. Но эту планету заселили люди, доведенные рекламой до истерики. Поэтому реклама у них была строжайше запрещена. Под страхом смертной казни. И такие казни, поверь, в их истории были.

— Но ведь сейчас они должны были свои законы привести в соответствие… — начал Денис, бледнея.

— Да, смертную казнь отменили, — успокоил его Доминик. — Ввели налог. Любая реклама любого товара требует лицензии… стоимость лицензии — десятикратная цена проданных товаров. Причем — динамическая цена. То есть, если цену вздул — то и за лицензию доплачиваешь.

— Значит, ничего рекламировать нельзя, — пробормотал Денис.

— Верно! — Доминик наставительно поднял палец. — Ты начинаешь понимать ситуацию. Причем, мой дорогой русский друг, рекламой здесь считается *все!*

— В каком смысле?

— Если ты одобрительно отозвался о любом товаре — ты его рекламируешь. К примеру… — Доминик достал панку сигарет, закурил. — Ты сказал мне: «Клёвые сигареты — „Шигаки“»!

— Какие еще «Шигаки»? — Денис с удивлением посмотрел на привычную красно-белую пачку.

— Это для примера, — на лице Доминика появилась нехорошая улыбка. — Я уже привык не хвалить любые реально существующие торговые марки. Ты «Ладу» хвалил? Я с тебя могу содрать, по суду, десятикратную ее стоимость. Я в ответ «Фиат» похвалил? Ты с меня можешь содрать десять «Фиатов». В общем — если тебя кто-то, а этот кто-то — либо провокатор, либо извращенец, спросит, нравится ли тебе блюдо в ресторане, или купленный в магазине плащик — отвечай фразой «Меня устраивает». Данный ответ разрешен и не содержит в себе явной рекламы. Или можешь поругать! К антирекламе здесь относятся очень либерально. Так что… местные машины, между нами, полное дерьмо. И я у тебя «Ладу» куплю. Для себя. Но продать тысячу машин ты не сможешь. Потому что рекламировать ее нельзя. А дорогой товар без рекламы никто не купит. Это… это не макароны.

Денис посмотрел на несчастную «Ладу». Хорошая машина. Ну, без дураков, хорошая. Все-таки у завода больше пятисот лет производства автомашин. И с электрическими двигателями делали, и, страшно сказать, с бензиновыми! Самые дешевые в мире машины выпускали, первая, говорят, одну копейку стоила, потому так и называлась — «Копейка». И вот, добились определенного успеха на межпланетном рынке…

— Но ведь всегда найдутся любители нового? — спросил Денис, — Будут их покупать…

— Будут, — согласился Доминик. — Но ни в жизни не скажут публично, что им машина понравилась. Даже лучшим друзьям поостерегутся. Здесь похвалить какой-то товар — все равно, что на Земле заявить, что живешь интимной жизнью со своей кошкой. Жуткая непристойность.

Доминик похлопал Дениса по плечу и направился к выходу из ангара. Уже от дверей крикнул:

— Да, на меня запиши одну машину! Полная комплектация, разумеется!

— С почином… — мрачно сказал Денис сам себе.

Этот вечер Денис провел за компьютером, то изучая местные законы, то отправляя в головной офис, на Землю, панические письма гиперсвязью.

Доминик не соврал. Реклама на этой планете была ужаснейшей из непристойностей. Хуже того, она была страшнейшим из преступлений.

Теперь Денис понял, почему все магазины в городе имели одинакового размера вывески, на которых одинакового размера шрифтом было написано. «Продукты», «Одежда», «Книги», «Инструменты».

Теперь до него дошло, почему вчера вечером официантка в ресторане выглядела такой идиоткой, непрерывно улыбаясь, но не желая посоветовать ничего из местных блюд… спасибо Доминику, который сделал заказ.

И по какой причине аборигены с таким воодушевлением хвалили местные пейзажи, тепло отзывались о своих женах, детях и собаках.

Человеку свойственно что-то хвалить. Самый ужасный мизантроп не выживет, если ему запретить произносить добрые слова — пусть не о людях, а хотя бы о продуктах их труда. О вкусном табаке и славном вине. Об удобном кресле. О приятной музыке.

Здесь это было запрещено. Есть товары — ты волен их покупать. Но никто не скажет о них ни одного доброго слова.

Общество может существовать по таким законам. Конечно, технический прогресс затормозится. Но жить без рекламы можно. Другой вопрос — как продавать дорогие товары? К примеру — чудесные по соотношению цена-качество, автомобили «Лада-Шторм»?

Нет, существуй только запрет на официальную рекламу — это не стало бы проблемой. Пять, десять проданных машин — реально куда лучших, чем творения местного автопрома, а дальше заработает «сарафанное радио». Водители будут хвалить друг другу машину и… Не выйдет. Не станут хвалить. Не принято. Денис хмыкнул, встал, нервно заходил по комнате. У него есть полгода до следующего контейнеровоза с Земли. Надо продать пять тысяч машин. В любой другой колонии — ерунда вопрос!

— А это мы еще посмотрим, как не принято… — пробормотал он. В душе медленно закипало возмущение свободного гражданина Земли, столкнувшегося с косностью аборигенов. — Народ всегда ненавидел навязанные властями ограничения!

Через полчаса Денис уже ехал по улицам столицы. Ярко-оранжевая «Лада-Шторм» сияла в полутьме. На самом деле сияла — Денис включил легкую флюоресценцию кузова. Угловатые, несуразные машины местного производства выглядели рядом совсем уж жалко. Некоторые пронзительно выли электрическими двигателями, некоторые (Денис понял это по запаху и содрогнулся) жгли в своем нутре высокоуглеродистое горючее.

Денис свернул крышу машины, включил климатизатор на турбо режим (вонь выхлопных газов сразу перестала чувствоваться). Притормозил на красный сигнал светофора.

Рядом остановилась приземистая белая машина — тоже с откинутым верхом. Видимо, по местным меркам — роскошная. Две симпатичные девушки с любопытством посмотрели на Дениса. Денис улыбнулся в ответ. Он знал, что нравится женщинам, и порой похвалялся, что сумеет продать «Ладу-Кадет» солидной даме, разъезжающей на «Бентли-Нео».

— Вы с Земли? — спросила девушка, сидевшая за рулем.

— С Земли, — кивнул Денис, отпуская руль и одним касанием кнопки включая автопилот.

Светофор мигнул зеленым. Умная автоматика тронула машину и повела рядом с местным кабриолетом. Девушки с любопытством наблюдали за происходящим… не въехали бы в кого, дурочки…

— Как называется ваша машина? — Денис решил форсировать события.

— Открытый верх, версия восемь точка три, — откликнулась водитель. Дениса передернуло. Так надо называть компьютерную программу, а не автомобиль!

— А у меня — земная машина. «Лада-Шторм»!

Ему показалось, или лица девушек дрогнули.

— Шикарная машина! — выкрикнул Денис. — Хотите прокатиться?

Девушка ударила по тормозам так резко, что Денис не успел среагировать. Он умчался вперед, а местная колымага с открытым верхом осталась торчать посреди трассы.

Денис выругался. Доминик не преувеличил…

Остановили его минут через пять. Две полицейские машины, неуклюжие, но быстрые, включив сирены прижали «Ладу» к обочине. И посмотрев на суровые лица стражей порядка, Денис понял, что дело тут — не в превышении скорости.

Дальше был полицейский участок, протокол, свидетельские показания девушек из кабриолета и крупный штраф. Еще повезло, что девицы все-таки прониклись обаянием земного

гостя и слегка смягчили свои показания. Денису в итоге инкриминировали не «рекламный акт в публичном месте», а всего лишь «слишком громкое выражение эмоций, нарушающее общественный порядок».

В общем — дешево отделался.

Доминик навестил его вечером следующего дня, Денис сидел в гостиничном номере, обложившись кодексами местных законов.

— Ничего не найдешь, — утешил его Доминик. — Лазейки нет. Надо ждать, пока их общество естественным путем не эволюционирует. Года три, четыре… Максимум — десять.

— Мне надо продать пять тысяч машин за полгода, — мрачно сказал Денис. — Если я сам буду их продавать… не полагаясь на местных… две или три машины в день купят.

— О! — Доминик кивнул. — Это уже реалистично. Ты продашь за полгода пятьсот машин и поверь мне, это прекрасный результат!

— Должен быть выход, — отрезал Денис. — Выход всегда есть. Вот в древности, когда появились самые первые автомобили, тогда ведь рекламы толком не было? А машины — продавали.

— Была реклама, — опроверг его Доминик. — Но дело не в этом. Если товар уникальный — то его хвалить не надо. Все вокруг ездят в каретах, ты — на машине. Разница очевидна, верно? А тут — все вокруг ездят на машинах, и ты на машине. У них машины плохие, у тебя — хорошие… но как объяснить эту разницу?

— Я кое-что придумал, — сказал Денис. — Разгонюсь до двухсот и врежусь в бетонную стену. Где-нибудь в людном месте! Когда все увидят, что я не пострадал при столкновении, тут же бросятся покупать «Ладу».

— Это попадает под статью «публичная реклама товара путем демонстрации его уникальных качеств», — Доминик был столь любезен, что даже принялся листать кодекс, в поисках нужной статьи. — Ты пойми, Денис. Ты борешься не с глупыми и вредными законами. Закон всегда можно обойти. Ты пытаешься изменить их психологию.

— Может быть, цирковое представление? — предположил Денис. — Отважные гонщики на красивых земных машинах…

— Есть закон о запрете скрытой рекламы.

— Знаю, — признался Денис. — А если подарить несколько машин известным людям? Певцы и певицы знаменитые, спортсмены, опять же — политики…

— И это противозаконно.

Денис поднял руки.

— Сдаюсь. Я понял, ты не макаронами сюда ехал торговать, а «Фиатами». И господин

Тигури-сан не рыболовные сети хотел продавать, а «Тойоты».

— «Нисаны». Денис, я все изучил. Единственное, что ты вправе сделать — это купить автомагазин, повесить над ним строгую вывеску «Автомобили» и ждать клиентов.

— Я уже это сделал, — признался Денис. — Арендовал старый стадион, заставил машинами…

— Ты даже не можешь написать «Автомобили с Земли», — продолжал Доминик. — И не можешь нахваливать все замечательные особенности своей «Лады». Можешь только вручить покупателю брошюрку из серой бумаги, где сухим и скучным техническим языком будут перечисляться технические характеристики машины. А знают ли покупатели, в чем отличие роторно-монопольного двигателя от электрического? Понимают ли они, что такое — гравиинерционная система безопасности?

— Я объясню!

— И нарушишь закон о рекламе, — Доминик вздохнул. — Эх, если бы наши машины летали в воздухе! Тут не требовалось бы ничего объяснять. Все сразу бы увидели — это что-то совсем новенькое, совсем другое. Но машине удобнее и выгоднее ездить по дорогам. Ездить удобнее на колесах. И для обычного покупателя любая машина — железная коробка на четырех колесах. Реклама для того и нужна, чтобы объяснить, чем одна коробка отличается от другой.

— Суть любой рекламы — подчеркнуть различия, — согласился Денис.

— И вот этого ты сделать не можешь, — заключил Доминик. — Расслабься, Денис. Ты попал. В этой ситуации и Генри Форд опустил бы руки.

Он добродушно похлопал Дениса по плечу и вышел.

Фраза была утешительная. Но Денис ей не поверил. Легендарный мастер древности, превративший производство автомобилей из искусства в ремесло, что-нибудь бы придумал. Если разобраться, у него ситуация была ничуть не лучше. На рынке присутствовало множество машин — у Форда одна-единственная модель. Не самая лучшая. Да еще и с одинаковой раскраской…

Денис вскочил и выбежал из номера.

Доминик разыскал Дениса на старом стадионе, превращенном в автосалон земных машин. Несколько десятков местных продавцов унылыми голосами рассказывали потенциальным покупателям о машинах марки «Лада-Шторм». Покупателей было много. Несколько сотен.

Денис говорил по телефону — и как понял Доминик, речь шла о экстренной поставке с Земли новых машин

— Это что — работает? — воскликнул Доминик, с невиданной прежде экспансивностью указывая на поле стадиона.

Поле было заставлено бесконечными рядами автомобилей «Лада». Все они были черного цвета.

Денис закончил разговор. Кивнул и ответил:

— Ты же сам видишь… Помнишь историю? У Форда был только черный лак для окраски машин. И тогда он сказал, что его покупатели могут выбирать любой цвет…

— При условии, что он — черный… — закончил Доминик. — Но почему это работает? Покупатель хочет выбора! Покупатель хочет, чтобы его машина меняла цвет, чтобы у нее откидывалась крыша, чтобы она была необычной, индивидуальной…

— Правильно, — согласился Денис. — Это на Земле так. Потому что у нас очень большой выбор. Каждый самоутверждается, как может. А здесь люди привыкли не выделяться. Здесь боятся непривычного — потому, что это неприлично. Так что я задал всем машинам один-единственный цвет кузова — и отключил функцию смены окраски. И когда утром пять тысяч машин проехали сюда через весь город, все поняли — машина должна быть именно такой. Черной.

К ним подошел местный житель — немолодой, солидный. Вежливо поздоровался. Спросил:

— Могу ли я купить машину оранжевого цвета?

— Можете, — кивнул Денис и широко улыбнулся. — Но при условии, что он — черный.

ДОНЫРНУТЬ ДО ЗВЕЗД

***

Вам доводилось видеть спортивный забег, в котором участвуют чемпионы олимпийских игр, победитель забега во втором «Б» классе, проходившая мимо женщина с авоськами и бегущий трусцой от инфаркта пенсионер?

А ситуацию, когда второклассник обгоняет чемпиона?

В фантастике, как ни в одном роде литературы, распространены призы и премии «Интерпресскон», «Роскон», «Странник», «Урания», «Бронзовая улитка», «Аэлита» — на-

звания эти хорошо знакомы любителю фантастики. Призы вручают уважаемые мэтры и сотни собравшихся вместе читателей, авторитетные жюри и книгопродавцы. Критерием премий бывает и простое «нравится — не нравится», и тиражи книги, и строгие правила литературоведов.

Полной объективности все равно нет. Конечно, ее и не может быть, но попытки к ней приблизиться, попытки «посчитать по гамбургскому счету» все равно остаются. И вот несколько лет назад большой любитель фантастики Вадим Нестеров, писатель-фантаст Олег Дивов и журналист Алексей Евтушенко (прошу прощения, если кого-то забыл) организовали в Интернете еще один конкурс с шутливым названием «Рваная грелка». Разумеется, это тоже не объективность, это лишь еще один взгляд на нее.

Вначале арбитр — в его роли выступает какой-либо известный писатель-фантаст, задает тему, на которую надо написать рассказ. Затем все желающие — без деления на маститых и начинающих, в жестко оговоренный срок, сорок восемь часов, пишут рассказы. Рассказы помещаются в Интернете, они абсолютно анонимны, и голосуют по ним все участники конкурса (разумеется, никто не вправе голосовать за свой рассказ).

Что удивительно — в жесткие сроки и на заданную тему авторы ухитрились сочинить хорошие и непохожие друг на друга рассказы. Научная фантастика и фэнтези, притчи и сказки, рассказы смешные и трагические.

Скажу честно — очень полюбил эту забаву и поучаствовал уже в шести «Грелках».

В первый раз я выступил с рассказом «Мы не рабы» и занял тринадцатое место.

Во второй раз я написал рассказы «Гаджет» — пятое место и «Плетельщица снов» — тридцатое.

В третий раз с рассказом «Не спешу» я занял первое место.

В четвертый раз «Рваная грелка» проводилась в сокращенном составе — были собраны команды «профи» и «молодой шпаны». В общем зачете победила молодая шпана. Мои рассказы «Донырнуть до звезд», «Эволюция взглядов на научное мировоззрение» и «От Голубя к Геркулесу» заняли, соответственно: пятое, семнадцатое и девятнадцатое места.

В пятый раз я написал на конкурс три рассказа: «Доктор Лем и нанотехи», «Нечего делить» и «Наносказочка». Результат — первое, седьмое, одиннадцатое места.

В шестой раз рассказов тоже было три: «Вся эта ложь» (десятое место), «Живи спокойно» (тридцать восьмое) и «Удачи в новом году!» (сороковое).

Как видите, даже опытному писателю победить удается далеко не всегда.

Но тут, как это ни банально, дорога не победа, а участие.

МЫ НЕ РАБЫ

Девушка была такой очаровательно глупенькой, что ей, наверное, даже не снились сны.

— Вы не боитесь? — спросила она. Не дожидаясь ответа, продолжила: — А я так ужасно боюсь! Этот ужасный экзекутор…

— Экзекьютор, — поправил я.

Милый лобик сморщился, будто пытаясь компенсировать недостающие внутри извилины.

— Он же экзекуцию проводит? Экзекутор?

— Эк-зе-кью-тор, — повторил я, разглядывая картины на стенах. Вроде бы обычные классические полотна, но с вариациями. Такие картины вошли в моду год назад и до сих пор не приелись публике. Чего там только не было — и «Последний день Помпеи», где на фоне рушащихся зданий шла веселая оргия, и скабрезные «Охотники на привале», и совершенно непристойная смесь «Утра в сосновом бору» и «Аленушки». — Эк-зе-кью-тор. Исполнитель. Он выносит приговор. По сути, он даже его не исполняет, но слово прижилось…

— А экзекуция? — жалобно спросила девушка.

Я покачал головой. Снял и протер очки.

Она и впрямь была удивительно хороша. Чудесная фигурка, где надо — тонкая, где надо — округлая! Красивое личико — слово «лицо» будет слишком грубым. Чудные светлые волосы. Губы… манящие.

И полная дура. Как и положено лицензированной девушке для удовольствий. Большинство девушек, подписывая стандартный годовой контракт, включают в него пункт о временном оглуплении.

— Мне пора, — сказал я.

Девушка вздохнула. Сказала с такой неподдельной грустью, что я на миг заколебался — стоит ли уходить…

— Говорят — все блондинки дуры. А я считаю, что это неправда!

Я ждал продолжения. Вдруг какая-то мысль прорвется через дремлющие нейроны?

— А почему он не экзекутор? — спросила девушка. Улыбнувшись, я встал и чиркнул карточкой по кассовому терминалу:

— Не сложилось, милая… Я буду по тебе скучать!

Она расцвела в ответной улыбке:

— Я тоже, милый!

И я вышел из помещения, где десяток беленьких, черненьких, рыженьких и лысых девиц ожидали клиентов. Все как одна — красавицы. Все как одна — дуры.

И я дурак

Дурак-экзекутор.

Додумался, где искать будущую любимую — в городском борделе!

На улице, несмотря на раннее утро, было жарко. Климатизаторы в городе не работали. То ли местные жители привыкли к такой погоде, то ли в мэрии проворовались сильнее, чем считали на Земле. Я двинулся по Проспекту Первопоселенцев к Площади Независимости. На любой земной колонии есть такой проспект — и такая площадь.

И любую колонию рано или поздно посещает экзекьютор. Прохожих было немного, и почти все лица оказались мне знакомы по трехмесячному путешествию на «Левиафане». Местные сейчас радостно разгружают грузовые боты… Плечистые японцы в зеркальных очках последней модели деловито оглядывали достопримечательности — церковь, ратушу, мечеть, здание суда, памятник кому-то-из-колонистов-спасшему-колонию-от-бедствий. Временами стекла очков подергивались радужной пеленой: не удовлетворившись видеосъемкой, туристы делали голографическую съемку местности. Другая группа туристов усаживалась в экскурсионный автобус. Их ждала обычная программа — экскурсия к месту посадки колониального баркаса, визит в деревню аборигенов, охота на диких зверей в ближайших джунглях, ужин в ресторане с местной кухней, а после, для лиц с крепкими желудками, невинные ночные шалости. Маятниковый лайнер будет ждать на орбите еще сутки, а потом неумолимые законы гиперпространственной физики швырнут его к следующей планете. Надо спешить, надо успеть повидать все, за что заплачены немалые деньги.

А вдвойне спешить надо мне. За сутки я должен влюбиться и вынести приговор.

Памятник, как ни странно, мне понравился. Он изображал благообразного бородатого мужчину с короткой стрижкой. В руке бородач держал что-то вроде посоха, что придавало ему внешность сказочного мага. Но подпись на постаменте гласила, что передо мной старший механик колониального баркаса, на четвертом году полета добрым словом и обрезком титановой трубы усмиривший мятеж. Я даже посмотрел короткий игровой ролик, из которого следовало, что главную роль в усмирении сыграли-таки добрые слова, а обрезок трубы служил лишь вспомогательным фактором. Ролик был хороший, но мои очки, подключенные к закрытой базе данных, немедленно выдали иную версию событий, где злосчастной трубе отводилась более заметная роль.

Возле памятника меня и начали пасти.

Вначале я заметил двух топтунов — один азиат, другой европеоид. Потом появился третий — пожилой негр. Потом четвертая — хорошенькая рыжая девица.

В окружении этой четверки я свернул в узкий проулок между мэрией и двухэтажным универсальном магазином.

Там меня ждал симпатичный интеллигентный юноша, похожий на музыканта или моло-

дого перспективного актера. Очки, однако, отработали его сразу — перед глазами побежали строчки досье.

Сын мэра был вовсе не музыкантом, он возглавлял местную тайную полицию. По колониальным масштабам — серьезный пост. По земным… достаточно сказать, что все подчиненные юноши, в количестве четырех человек, стояли сейчас за моей спиной.

— Здравствуйте, господин исполнитель, — сказал юноша.

— Здравствуй, Денис, — ответил я. — Что ж ты всех служак сюда собрал? А если кто-то из туристов наркоту провез?

— Все чисто, — быстро ответил юноша.

— А если кто-то собирается контрабандой кристаллы с рудника вывезти?

Перед глазами замигала оранжевая точка — Денис напрягся:

— Это серьезно, исполнитель?

В общем-то это не было моим делом. Но почему бы не помочь законной власти?

— Приглядитесь к толстому рыжему немцу, — посоветовал я. — Особенно поинтересуйтесь, нет ли у него контейнера-импланта в брюшной полости.

Почти неуловимый жест — и азиат с девушкой ушли.

— Спасибо, исполнитель, — сказал юноша. — Скажите, что нам грозит?

Я молчал. Мы никогда не отвечаем на такие вопросы.

— У нас самая обычная колония, — будто себя уговаривая, сказал сын мэра. — К Земле лояльны, общих законов придерживаемся… в целом.

Я ничего не сказал.

— А с теми аборигенами… было не ясно, что они разумны, — продолжал юноша. — Да это и сейчас еще не до конца доказано! И виртуальный притон мы закрыли… как только директива с Земли пришла…

Что я мог ему сказать? Что эта колония — и впрямь не худшая из сотни мелких человеческих поселений. Что у них хотя бы не процветают изуверские культы, не практикуется рабство, к местным формам жизни относятся достаточно гуманно. Что я еще не вынес приговор, да и вряд ли он окажется суровым?

Нам запрещено отвечать на такие вопросы. Первое правило, которое я усвоил, с пяти лет обучаясь на экзекьютора: никаких дискуссий с подследственными. Ребенком я проверял школы, в возрасте этого паренька — контролировал мелкие фирмы. И никогда, никогда не отвечал на вопросы.

— Ты уже вынес приговор, исполнитель? — спросил юноша. Я повернулся и двинулся обратно.

— Что случается, если исполнитель гибнет? — Вопрос ударил в спину будто выстрел.

— Следующий экзекьютор учитывает этот факт. — Я обернулся. — Но нас не так-то легко убить.

Эмоциональный индикатор пульсировал багровым. Неужели на этой планете и впрямь творится что-то серьезное?

— Какое ты имеешь право судить? — выкрикнул юноша. — Двадцать лет колония была изолирована от Земли! Потом — тридцать лет без единого корабля! Вы наконец-то соизволили наладить транспорт — и первым делом прислали палача! Спасибо! Наконец-то прибыл палач, прибыл царь и бог, который вправе судить!

Вот тут я счел себя вправе ответить:

— У меня нет этого права. Пока — нет. Но будет.

Мимо изрядно нервничающего негра, мимо второго, более спокойного агента я вышел из переулка. Что ж, разговор состоялся. Он обязан был состояться — в той или иной форме. Со мной мог встретиться сам мэр или местные криминальные заправилы… или представитель тех и других вроде этого честолюбивого паренька.

Мысленно я отметил: «Явная тенденция к наследованию власти». Это не большое преступление, но все-таки.

С летающим транспортом на планете было плохо. «Левиафан» должен сгрузить полсотни легких флаеров, но пока весь планетный авиапарк состоял из старых, еще на колониальном баркасе привезенных шлюпок. Десяток машин находились в общественном пользовании, две или три — в личном. Еще пять служили в качестве такси.

Я не стал реквизировать общественный транспорт, а пошел и нанял последнюю тачку — четыре уже были арендованы японцами. Пилот прилагался — рослая молодая женщина с чуть грубоватыми манерами.

— Жанна, — протягивая руку, сказала она. — Вас за пульт не пущу, и не просите.

— Даже не подумаю, — пообещал я, пожимая крепкую ладонь. Управлять старой техникой нас учили, но куда спокойнее довериться местному пилоту.

Женщина чего-то ждала. Наверное, хотела, чтобы я представился.

— Полетели? — сказал я. — Времени очень мало.

— Странный вы, — пожимая плечами, ответила Жанна. — Я землян другими представляла.

— А много землян вы видели? — не удержался я.

— Телевидение уже тридцать лет работает. Земляне, они… — Жанна заколебалась.

— Веселые? Открытые? Симпатичные? Кампанейские?

Женщина кивнула.

— Земляне разные, — сказал я.

Милая девушка из борделя ничего бы не поняла. А Жанне хватило нескольких секунд.

— Так вы передачи для колоний фильтруете? — воскликнула она. — Точно?

— Конечно. Гиперсвязь — дорогое удовольствие, зачем транслировать в колонию всякую ерунду?

Жанна захохотала и открыла дверцу кабины:

— Со мной сядете? Или в пассажирский салон?

— С вами, — устраиваясь в кресле второго пилота, сказал я. — Неудобно гонять такую махину ради одного пассажира?

— Вы же заплатили, — коротко ответила Жанна. — Других машин пока нет… Правда, что на «Левиафане» сотня флаеров?

— Полсотни.

— Все равно хорошо, — кивнула женщина. — Как хочется водить хорошую машину, а не этот утюг… А вы меня насмешили, да! Значит, земляне врут колонистам?

— Случается. Родители тоже не рассказывают детям о всех своих проблемах.

— Если так рассудить — то все верно, — согласилась Жанна. Опустила руки на пульт: торжественно, будто пианист на клавиатуру. Спросила: — Мы вам кажемся смешными? Дикими?

— Вовсе нет, — ответил я, не кривя душой. — У вас вполне процветающая колония. Вы даже способны торговать с метрополией. Хороший прирост населения, неплохая нравственность…

Завыла турбина, шлюпка медленно поднялась над землей.

— Значит, наказывать нас не будете, господин экзекьютор? — с усмешкой спросила Жанна.

— Один-ноль в вашу пользу, — признал я. — Но как вы меня опознали?

— На миллионера вы не похожи, а шлюпку арендовали без споров. Да и маршрут странный… три поселения аборигенов, старый рудник, новый рудник… Летим к первому стойбищу?

Машина резко взмыла в небо.

— Может быть, я этнограф? — спросил я.

— Еще скажите — ботаник! — фыркнула Жанна. — Прегрешения наши ищете, верно?

— А они есть?

— Наркотой кое-кто балуется, говорят, что виртуалка есть подпольная, мэр зажрался, скотина, сынок его трапперов данью обкладывает, — принялась перечислять Жанна. — Обычное дерьмо.

— В том-то и дело, что обычное.

— А против Земли мы не бунтуем, — усмехнулась Жанна. — Аборигенов… в цепи не заковываем.

Очки высветили оранжевый огонек.

— Что все-таки неладно с аборигенами? — спросил я. Жанна замолчала. Голубовато-зеленое небо планеты раскинулось над нами, зеленый ковер джунглей стлался внизу.

— Я знаю, что лет тридцать назад произошло вооруженное столкновение, — мягко сказал я. — Битва у реки, так?

— Битва, — фыркнула Жанна. — Две очереди из пулеметов… матушка там была, рассказывала.

— Но вы не из-за этого волнуетесь, — сказал я.

— Что еще вам очечки подсказывают?

— Вам двадцать девять лет, разведены, маленькая дочь, две собаки, живете с мамой, вас уважают, но считают излишне резкой… и прямой в высказываниях.

— Это у нас семейное, — мрачно сказала Жанна. — Ладно, спасибо, что не все досье пересказали. Не хочу знать, что про меня власти думают.

— Так что с аборигенами? — повторил я. Жанна не отвечала. Шлюпка начала снижаться.

Стойбище располагалось у кромки леса, рядом с маленьким озерцом. Сотня примитивных хижин, точнее, даже просто шалашей, несколько костров. Жанна посадила шлюпку у воды, там, где проступал скальный грунт. Я потер камень носком ботинка — на застарелом нагаре остался светлый след. Здесь часто садились.

Жанна молча смотрела на меня, привалившись к бронированному боку шлюпки.

От стойбища шли аборигены. Ну просто образчик отсталой инопланетной расы — мохнатые, низкорослые гуманоиды в одежде из шкур, с деревянными копьями, заостренными и обоженными на костре. Впереди — то ли вождь, то ли шаман. За ним — два десятка крепких мужских особей с корзинами.

— Я бы не сказал, что об их разумности трудно догадаться с первого взгляда, — мягко заметил я.

— Никто и никогда не сомневался, — презрительно бросила Жанна. — А что было делать? Беспилотный зонд следов разумной жизни не обнаружил. Колониальный баркас не имел запаса топлива на возвращение. Пришлось… сосуществовать.

Аборигены остановились. Поставили на землю корзины. Старейшина, неуверенно переводя взгляд с Жанны на меня, сделал все-таки выбор в пользу мужчины.

— Фрукты, — довольно разборчиво сказал он, тыча пальцем в корзины. Вытянул руку по направлению к. носильщикам, добавил: — Рабочие.

Я молчал. «Рабочие» переминались с ноги на ногу.

— Они не рабы, — сказала Жанна. — Они вправе уйти.

— Мы не рабы! — заволновался старейшина. — Мы вправе уйти!

— Что вы хотите взамен? — спросил я его. — Еда, огонь, лекарства? Оружие?

Старейшина запустил руку под шкуру, достал пластиковую фляжку с остатками жидкости на донце. Сказал:

— Оружие — нет, нет! Знаем закон! Лекарство — нет, нет! Питье!

Я взял из дрожащих рук фляжку, открутил колпачок, понюхал.

Спросил Жанну:

— Настолько близкий метаболизм?

— Пробовать не советую, там большая доза метилового спирта. Для них это не опасно.

— Быстро спиваются? — спросил я.

— Год… два. — Жанна пожала плечами. — Кому это интересно? Работают — и ладно.

Вернув фляжку старейшине, я сказал:

— Потом. Другой раз. Сейчас нет питье. Подожди.

— Вождю лучше дать, а то может обидеться, — пробормотала Жанна. Нырнула в кабину, появилась с бутылкой местного виски. Протянула вождю, сказала: — Тебе! Привет!

— Привет! Привет! — хватая бутылку, воскликнул вождь.

Я молча забрался в кабину. Жанна села в кресло пилота. Аборигены торопливо двинулись прочь от шлюпки.

— Что, сволочи мы? — почти весело спросила Жанна. — А нечего было матушке Земле рассылать колониальные баркасы!

— Вы же знаете, Жанна, тогда существовала опасность гибели всей цивилизации.

— И вы складывали яйца по разным корзинам, — фыркнула Жанна. — Знаю, знаю… Ну вот, вы увидели очередного гадкого утенка, вылупившегося из уцелевшего яичка. Велико ли наше преступление?

— Велико, — сказал я.

Не мог и не хотел я говорить ей всего. Про первую и вторую нарковойны, про эпидемию виртуальной наркомании, про табачные бунты, про введение полного запрета на химические и электронные средства для изменения сознания. Она это, конечно, знала… отчасти. По передачам ти-ви «Метрополия». Она только не подозревала, как безобразно и страшно все это было.

— У вас только пиво, да? — спросила Жанна.

— Уже запретили.

Жанна фыркнула.

— Мы чистим планету, — сказал я. — Латаем генофонд. Я… я пробовал пиво. И вино тоже. Даже виски. Нам дозволено больше, чем рядовым гражданам.

— Так всегда, — ехидно сказала Жанна. — И вам понравилось?

На этот вопрос я не ответил. Признался:

— Возможно, сейчас мы перегнули палку в другую сторону. По большому счету, достаточно было победить электронную наркоманию… Но человечество стояло на грани гибели, и в средствах церемониться не приходилось.

— И что будет с нашей колонией?

— Вы будете наказаны, — ответил я. — В первую очередь, конечно, виноваты властные структуры. Но достанется всем. Таков закон. Распространение дурманящих веществ среди иных форм разумной жизни — очень тяжелое преступление.

Жанна помолчала. Потом сообщила:

— Приближаемся ко второму стойбищу.

— Там то же самое?

— Да.

— Тогда летим в город. Аборигенов вы временно убрали не только с улиц, но, полагаю, и из рудников? Возвращаемся в город.

— Как прикажете, экзекьютор, — презрительно сказала Жанна. С неожиданно прорвавшимися эмоциями воскликнула. — Ну почему я? Именно я? Повезла бы этих амбалов-японцев на охоту, сидела бы сейчас у костра, байки травила! Нет, влипла! Стала пособницей экзекьютора! Вы улетите, а меня вся планета проклянет! Сашеньке станут говорить, что ее мама — предательница!

— На вашем месте мог…

— Но оказалась-то я! Им нужен будет козел отпущения, и козел теперь имеется!

Она помолчала и поправилась:

— Коза отпущения… А что мы должны были делать? Продавать аборигенам сталь? Оружие? Они не нуждаются в пище, не нуждаются в лекарствах. Им пока не интересен прогресс. А вот выпивка — это лучшая валюта!

— Я знаю. Так случалось на всех планетах, где колонисты встретили разумную жизнь. Иногда в ход шел алкоголь, иногда синтетические наркотики.

— На всех планетах? — поразилась Жанна.

— Ну… вроде бы мормоны обошлись без этого. У них обычное рабство.

— Значит, все так делают… — пробормотала Жанна. — И все равно вы нас накажете?

— Да.

Шлюпка пошла на посадку. Жанна молчала. Лишь перед самым касанием пробормотала:

— И почему вы считаете себя вправе судить нас?

Это все решило.

— Подождите минутку, — попросил я. — Не выходите.

Жанна удивленно посмотрела на меня.

— Вы правы в одном, — сказал я. — Правосудие не может быть беспристрастным. Не должно. Мы люди, а не математические формулы. Потому и существуют суды присяжных, прецедентное право… чтобы над строчкой закона всегда стоял живой человек.

— Соберете присяжных? — удивилась Жанна. — Если из наших — вердикт будет один. Если из ваших — другой. Где тут справедливость?

— Экзекьютор — сам себе присяжный, — сказал я. — Одну минуту, Жанна.

Я достал из кармана упаковку, открыл. Там лежала таблетка — одна-единственная. Они очень дорогие, эти таблетки. Наверное, самый страшный наркотик, придуманный человечеством. Позволенный лишь экзекьюторам… и, наверное, тем, кто стоит над нами.

— Я люблю вас, Жанна, — сказал я. И раскусил маленький белый диск.

Во рту стало солоно. Голова закружилась.

— Что вы несете? — возмутилась Жанна. Заглушила турбину шлюпки, обесточила пульт.

— Это… тест… — пробормотал я. — Если бы времени было больше… я постарался бы обойтись без таблеток… но времени всегда не хватает…

— Дурак вы, экзекьютор, — пробормотала Жанна. — Дурак и напыщенный осел.

Она выпрыгнула на бетон посадочной площадки, хлопнула дверцей кабины, пошла к ангару. Я был уверен, что сейчас она кроет меня отборной местной бранью. И мне это было неприятно, горько, тягостно, потому что… потому что… потому…

Потому что любимая женщина ненавидела меня!

— Жанна… — пробормотал я. — Я же люблю тебя…

Люблю! Эту упрямую прямоту, эти резкие манеры, за которыми ты прячешь одиночество и слабость… Пусть многим ты кажешься самой обычной, а кому-то даже некрасивой — я-то знаю, сколько в тебе очарования, сколько настоящей, не показной женственности и нежности…

— Жанна, — закрывая лицо руками, прошептал я. Я экзекьютор. Я выполню свой долг.

И каким бы суровым ни был мой приговор — это будет приговор неравнодушного человека. Потому что я сужу не только колонию с банальным именем Новая Надежда, а люби-

мую женщину.

И самого себя.

Коммутатор пискнул, когда я включил его на прямую связь

— Экзекьютор-один… доклад… — прошептал я. Мне никто не ответил, но я знал, что меня слушают. — Колония Новая Надежда, вторая планета четвертой Лебедя… Обнаружены следующие преступления третьей степени: злоупотребление властью, коррупция, антидемократические настроения… Следующие преступления второй степени: употребление алкогольных напитков, недостаточная борьба с наркоманией, предположительно — недостаточная борьба с электронной наркоманией. Следующее преступление первой степени: вовлечение местной формы разумной жизни в употребление дурманящих веществ. Согласно закону о Спасении Разума выношу приговор… временное ограничение прав и свобод, размещение на планете полицейского гарнизона, наложение на все… все население штрафных санкций согласно пункту D… поправка — согласно пункту G закона о Спасении Разума, ликвидация всех лиц, пользовавшихся электронными наркотиками более трех раз, ограничение высоких технологий… отгрузку флаеров прекратить, доставленные на планету — передать под контроль гарнизона…

Я говорил еще долго, прежде чем произнес последнюю уставную фразу:

— Доклад закончен, приговор привести в исполнение.

И добавил не по уставу:

— Прощайте.

Японец подсел ко мне в ресторанчике, где я героически сражался с твердым кукурузным хлебом. Надо было привыкать к местной кухне — и я старался изо всех сил.

— Санкции согласно пункту G — не слишком ли сурово? — спросил японец. Он ничем не выделялся из толпы других туристов, такой же генетически улучшенный японец, высокий и с большими круглыми глазами

Экзекьютору-два и не положено выделяться.

— Необходимо, — сказал я. Японец кивнул. Заметил:

— Три часа до отлета корабля. Пойдем?

— Я остаюсь, — сказал я. — Это теперь и мой дом. Я останусь здесь. Рано или поздно Жанна поймет и простит меня.

Японец вежливо покивал:

— Жанна — та женщина-пилот? Хорошая женщина, крупная…

Я сдержался. Что он может понимать, глядя на этот мир холодными глазами чужака?

— Значит, таблетка еще действует, — флегматично продолжил японец. — И ты хочешь

разделить судьбу с любимой женщиной?

— А ты бы поступил иначе? — взорвался я. — Возвращайся на корабль! Я вынес приговор, что еще от меня требуется? Я — не раб!

— Я выпью кофе, — сказал японец. — Можно?

— Пей, — сказал я. — Только не пытайся меня уговаривать.

Японец кивнул. Снял очки, печально посмотрел на меня.

Спросил:

— Ты же понимаешь, что полюбил ее только под действием таблетки?

— Сейчас я люблю ее сам, — ответил я.

Японец на миг надел очки, видимо, посмотрел на часы. Снова их снял. Повторил:

— Я выпью кофе…

Минут через десять он заказал вторую чашку. Я торжествующе улыбнулся.

— Все индивидуально, — пробормотал японец. Еще через десять минут японец встал и сказал:

— Пошли?

Я огляделся.

Чужие люди чужой планеты обедали и пили алкоголь, не подозревая, что через два с половиной часа от «Левиафана» отделится боевой бот, набитый вымуштрованными солдатами.

— Это… всегда так? — спросил я. Японец кивнул.

— Почему все стало так пусто?

Он опустил руку мне на плечо, сочувственно заглянул в глаза.

Сказал:

— Это пройдет, брат. У тебя это первый раз, но ты привыкнешь. Впереди другие планеты. Если ты полюбишь по-настоящему — то уйдешь и разделишь судьбу приговоренных.

— Я уйду, — прошептал я. — Однажды я уйду!

Японец кивнул:

— Мы не рабы. Мы вправе уйти.

ГАДЖЕТ

А в груди все-таки предательски холодело…

— Можно? — спросил Костя, заглядывая в открытую дверь.

— Нужно! — бодро ответил тощий парень в белом халате. Он был один, да еще и оказался ровесником — Костя почему-то ожидал увидеть в лаборатории целую свору старых

склеротиков с горящими от научного любопытства глазами. На душе сразу стало легче, и Костя вошел в лабораторию.

Большая комната оказалась заставлена стеклянной и электронной ерундой, знакомой Косте по американским фильмам о безумных ученых. В ретортах что-то булькало, пахло химией и почему-то вареными сосисками. По трем дисплеям плавали скринсейверы, на четвертом виднелась рентгенограмма чьих-то внутренностей. Парень в халате с интересом смотрел на Костю.

— Извините, меня сюда направили. — Костя протянул бумажку. — Сказали — в сорок третий кабинет, к профессору Ломтеву.

В глазах парня появился интерес.

— Ага, испытуемый! — воскликнул он. — В лучшем виде! Давай проходи, мне пораньше смыться надо.

— Вы профессор Ломтев? — проклиная себя за врожденную глупость, спросил Костя. Парень хихикнул, но тут же посерьезнел

— Неужели похож? Я лаборант. Ты что думал, профессор сам с тобой возиться будет? Проходи и садись на кушетку.

— А что, вы сами… — все никак не рискуя перейти на «ты», спросил Костя. Сел на кушетку, затянутую в холодный скользкий полиэтилен.

— Сам. — Парень непринужденно распаковывал картонную коробку. — Тебе повезло, новый гаджет достанется. Мы их моем, ясное дело, все в лучшем виде. А все равно неприятно, что его из горшка доставали. Верно?

Гаджет оказался гладенькой металлической капсулой — сантиметров пять в длину и сантиметр в ширину. Парень держал его длинным пинцетом, будто ядовитого жука. Костя невольно сглотнул и сказал:

— Слушай, я не проглочу… он же длинный!

— Не дрейфь. — Лаборант положил капсулу на изогнутую металлическую панель перед компьютером. Скринсейвер недовольно погас, на экране замелькали какие-то цифры. — Проглотишь в лучшем виде. И выскочит замечательно. Гаджет сделан по бионическому принципу.

— Это как?

— Как глиста. Изгибается согласно петлям кишечника, движется в потоке пищи, чтобы не выскочить раньше времени. Замечательная техника! На «АЗЛК» решили наладить выпуск наших, отечественных гаджетов, так ни один доброволец их глотать не согласился… а этот — красавец!

Добродушно улыбаясь, парень посмотрел на Костю. Не встретив на его лице энтузиаз-

ма, торопливо добавил:

— Я сам такой глотал. Ничего страшного, все в лучшем виде. А ты такой шкаф, тебе и московский гаджет не страшен… Кстати, чего ты в испытатели подался? Деньги?

— Сессию боюсь завалить., — признался Костя. — Так что или кровь сдавать четыре раза, или медицинскую технику на себе испытывать… Ну… крови я боюсь…

— И правильно, — поддакнул лаборант. — Я сам студент. Биофак, пятый курс. Третий год тут работаю. Знаешь, какую дрянь порой испытываем?.. Йо-о-оханный бабай! Тебе сильно повезло, что на испытание гаджета направили! Про таблетки «Туалетная фея» слыхал? Ага, вижу по лицу, сам лопал, когда в гости ходил! А ведь поначалу они в туалете приятный запах оставляли, зато во рту у испытателей… — Парень схватился за голову и скорчил страшную гримасу. — Совсем наоборот! Или это, как его, полоскание от кариеса… а! «Жемчужное диво!» Кариес напрочь пропадал, в лучшем виде! Заодно зарастали щели между зубами. Если потом приходилось зуб удалять — так сразу всю челюсть меняли! А ты простенького гаджета боишься…

— Я не боюсь! — возмутился Костя. — Давай свою пилюлю!

— Подожди, тест закончится, — покосившись на экран, сказал лаборант. — Так, тыры-пыры, всюду дыры, что я тебе должен рассказать? Экспериментальный гаджет третьего поколения, производства компании… ой нет, это тебе нельзя знать… в общем, ты его глотаешь, он неделю у тебя в кишечнике ползает и дает советы по улучшению здоровья. Что есть, что пить, заниматься спортом или полежать на диване. Ты его слушаешь, но поступаешь как тебе угодно, никаких ограничений. Потом отчет в письменном виде. Получаешь по триста восемь рублей нуль-нуль копеек за каждый день испытаний… жмоты, да?.. ну и больничный на неделю. Можешь им закрыть свою сессию, в лучшем виде!

Едва слышно пискнул компьютер. Парень оживился, схватил пинцет и поднес блестящую капсулу ко рту Кости. Гаджет слегка изогнулся.

— Да ты хоть стакан воды дай, запить! — возмутился Костя. На головке гаджета виднелись крошечные дырочки, линзочки и штырьки. Казалось, прибор разглядывает его с ответной брезгливостью. Немудрено, учитывая, где ему придется ползать…

— Водой запивать противопоказано, вырвет! — наставительно сказал парень.

— А… — начал было Костя И сволочной лаборант, а ведь свой брат, студент, воспользовался этой оплошностью: гаденько улыбнулся и всунул гаджет в рот Кости! Зубы клацнули на металлическом пинцете — вот он зачем такой длинный! Костя попытался плюнуть — но гаджет как-то очень ловко скользнул по языку, на миг распер горло под кадыком и тяжело ухнул вниз по пищеводу.

Ёрничающая улыбка немедленно исчезла с лица лаборанта, когда Костя вскочил и стал

угрожающе надвигаться на него.

— Брось, я же тебе лучше сделал! — завопил он, отступая к ретортам и компьютерам. — Да ты чего, брат!

— Джордж Буш тебе брат! — заорал Костя. — Я тебя просил мне лучше делать? Я чуть не подавился, сволочь очкастая!

Жажда мщения заставила Костю пойти против истины — никаких очков у парня и в помине не было. Впрочем, с высоты почти двухметрового роста Костя имел некоторое право звать окружающих очкариками, задохликами и ботаниками.

— Вы закончили, Леня? — донеслось от дверей. Только это и спасло лаборанта от расправы: Костя покосился на старенького профессора, с улыбкой взирающего на его мучителя, и опустил кулаки. — Что-то не так? Молодой человек, у вас есть претензии?

— Нету, — поймав умоляющий взгляд Лени, ответил Костя. — Все зашибись. В лучшем виде.

Закрывая за собой дверь, он успел услышать неодобрительный голос профессора:

— Вы очень несерьезно относитесь к работе, очень несерьезно! Я даже не знаю, нужен ли нам такой сотрудник… Вы хотя бы все настроили, Леня?

Испуганный лаборант что-то затараторил в ответ, но Костя его уже не слушал — шел по коридору. Злость понемногу рассеивалась, бедолагу-лаборанта стало даже жалко. Гаджет смирно лежал где-то в желудке.

— Guten Tag, der neue Wirt!

— Чего? — воскликнул Костя, озираясь. Полчаса назад он покинул институт экспериментальной биологии и сейчас в почти пустом трамвае ехал домой. Жизнерадостный немецкий голос раздался у самого уха, но рядом с Костей никого не было. Ближайшая старушка, плотно прижимающая к животу драный ридикюль, сидела, метрах в трех — и смотрела на Костю крайне неодобрительно. — Чего-чего? — повторил Костя, на всякий случай косясь на бабку.

— Здравствуй, новый хозяин! — раздалось у самого уха. Или в ухе?

— Привет, — осторожно сказал Костя.

— Не хватает йода, — печально сообщил Косте неизвестный. Йода? Какого еще йода? Костя завертел головой, уже совсем подозрительно уставился на ближнюю старуху, потом на другую, подальше… и тут до него дошло. Гаджет приступил к работе! Да еще как впечатляюще!

— Йод — это важно, — согласился Костя. Разговаривать с ползающим в животе металлическим червяком оказалось неожиданно забавно. — И что делать?

— Рекомендую включить в диету большее количество морепродуктов, — сказал гаджет. — Устрицы… мидии… кукумария… гребешки… плавник акулы…

Костя невольно сглотнул и язвительно поинтересовался:

— А можно мне так, прямо из пузырька, йодной настоечки?

— Это яд! — завопил гаджет. — Это нельзя, это опасно для жизни! Йодная настойка — только для наружного употребления!

— Да понял я, понял, — тронутый искренней заботой гаджета о своем здоровье, ответил Костя. — Вот только с морепродуктами проблемы. Нет в наличии.

— Так и мой внучек, — внезапно сказала ближайшая старушка дальней. — Накурится своей дряни, таблетки выпьет, а потом сидит — и разговаривает. И все так складно… Только мой йода не хочет, его все больше по пиву пробивает…

— А ведь здоровый жлоб, пахать на нем надо, — поддержала ее дальняя старуха. — Ни стыда, ни совести!

Лицо Кости пошло красными пятнами. На счастье, трамвай остановился — он выскочил за остановку до дома, зацепившись за поребрик, чуть не грохнулся оземь и пошел дальше пешком. Старушки с оживлением смотрели на него из трамвая, что-то обсуждали и крутили пальцами у виска.

— Нужен йод… — ныл гаджет. — В организме мало йода.

— Могу съесть йодированной, соли, — предложил Костя. — Пойдет?

— Да, — обрадовался прибор. — Три столовые ложки.

Матери, к счастью, дома не оказалось. Костя давясь съел три столовые ложки соли, запил стаканом воды, дождался одобрительной реплики гаджета и решил напроситься к кому-нибудь в гости. Десять минут на телефоне — и он, весело насвистывая, стал торопливо собираться на день рождения к бывшей однокласснице. Достал джинсы поновее, сменил футболку на красивую рубашку, подозрительно потер щеку — и побежал в ванную бриться.

— Глисты, — сказал гаджет, когда Костя заканчивал брить подбородок.

Несколько секунд Костя боролся с рвотными позывами. Бритва «Жиллетт» с четырьмя лезвиями не вынесла накала эмоций и оставила длинный порез на шее. Нерадостная новость — узнать, что у тебя внутри шевелится не только чудо электронной техники!

— Не обнаружены, — добавил гаджет.

— Сволочь, — выдохнул Костя. — Сволочь фашистская!

— В организме избыток хлористого натрия, это может привести к проявлениям гипертонической болезни, — мстительно ответил гаджет.

— Ты мне пошипи, пошипи, — пригрозил Костя.

Обстановка у одноклассницы оказалась самая что ни на есть расслабляющая. Костя чмокнул девушку в щеку, с облегчением обнаружил, что у нее есть кавалер — ухаживать совершенно не хотелось, поздоровался с друзьями — их нашлось, выпил штрафную — в животе булькнуло, но гаджет смолчал. Поклевав винегрета, Костя с Петькой Клинским, еще одним одноклассником, вышли на балкон, не забыв прихватить и почти полную бутылку. Петька, чья фамилия наградила его в старших классах обидным прозвищем «Кто Бежит», угостил Костю «Парламентом».

— Курение вредит вашему здоровью, — сообщил гаджет. — Курение приводит к развитию сердечно-сосудистых заболеваний, эмфиземы и рака легких. Курение особенно опасно в детском и юношеском возрасте.

Проигнорировав реплику, Костя с удовольствием докурил сигарету и, хотя баловался куревом нечасто, тут же попросил вторую — назло врагу.

— Курение приводит к развитию импотенции, появлению угревой сыпи, ухудшению функции почек, — обиженно сказал гаджет и замолчал.

— Что-то ты молчаливый, — участливо спросил Кто Бежит. — В институте чего?

— Все путем, от сессии отмазался, — не вдаваясь в подробности, ответил Костя.

— Как?

— Есть такая лаборатория, там всякие лекарства и приборы испытывают. За это дают больничный и деньги платят.

— Много? — еще больше заинтересовался Кто Бежит.

— Копейки… — неопределенно буркнул Костя. — Когда-как, когда за что.

— От этих лекарств член не стоит и сыпь по всему телу, — убежденно сказал Кто Бежит. — За копейки нельзя соглашаться. Ты это… в суд на них подавай, если что.

Рассказывать про подписанные накануне бумаги об отказе от претензий Костя не стал. Вздохнул, взял из рук приятеля бутылку с водкой и сделал несколько крупных глотков.

— Опасность! Опасность! — закричал гаджет. — Отравление организма! Суточная норма потребления алкоголя превышена на двадцать процентов!

— Заткнись, козел! — рявкнул Костя.

— Сам козел! — возмутился Кто Бежит. — Тебе же добра желаю! Еще друг называется… — Он поколебался секунду, явно раздумывая, не отобрать ли у Кости бутылку, но, взвесив все «за» и «против», предпочел уйти с балкона ни с чем.

Ссутулившись, Костя смотрел на опустевший к ночи дворик. Вот хлопнула дверца машины, вот прошел мужик: с собакой, вот пробежал пацан с сигаретой… Всем хорошо, у одного Кости — гаджет в желудке!

— Я тебя урою, гад, — сказал Костя. И в несколько могучих глотков осушил бутылку.

В голове закружилось.

— Жизнь человека в опасности, — с ледяным спокойствием произнес гаджет. — Чрезвычайная ситуация, режим мониторинга отключен, провожу срочную очистку желудка.

Таких спазмов у Кости не было никогда — даже после того, как он отравился шавермой, купленной у Московского вокзала. Желудок скрючило, сжало, и все выпитое-съеденное за вечер полезло к горлу.

— Врешь! — простонал Костя. — Ты мне, дрянь, вечер не испортишь!

У всех народов мира есть свои эпические сказания, повествующие о борьбе героя с темными силами природы. Отважный Вайнемайнен, храбрый Манас, смелый Иван-Царевич — несть числа героям темных веков. Но новое время рождает новых героев, и Костя стал одним из них — жаль, что некому было запечатлеть его подвиг. Обиженный Кто Бежит и думать не хотел о Косте, одноклассница давно забыла, что он пришел на день рождения. Костя боролся с гаджетом. Молодая и могучая физиология сошлась в поединке с тупой бездушной электроникой. Гаджет подстегивал Костин желудок электрическими импульсами, щекотал тонкими щупальцами, разгонялся — от двенадцатиперстной кишки до привратника пищевода — и бил с разгона. Физиология победила. Гаджет затих.

— Налейте, что ли, — простонал Костя, входя с балкона в гостиную. Вид его был столь жалок, что даже обиженного Кто Бежит проняло. Он вскочил, налил полный стакан и протянул Косте. Но тот одним стаканом не удовлетворился. Гаджет должен был понести наказание — и Костя протянул стакан еще раз.

— Суммарная доза несовместима с жизнью, — скорбно прошептал гаджет, когда второй стакан обрушился на дно желудка. — Прощай, хозяин!

Хозяин гаджета окинул притихший гостей печальным взглядом и вышел из квартиры. Лифт не работал — он заковылял вниз.

— Беда у него, — сказал вслед Косте простивший друга Кто Бежит. — Гадость какую-то за деньги подрядился испытывать, стал импотентом, весь прыщами пошел… вот и квасит теперь.

Целую вечность, казалось, Костя простоял в парадном, ожидая смерти. Но смерть не шла, и гаджет молчал — лишь иногда вздыхал, тихо и печально. Бросив пустые ожидания, Костя вышел и побрел к трамвайной остановке.

Час спустя он вышел у своего дома. Светлая летняя ночь стояла над городом. В голове шумело, живот сводило, но умирать он пока не собирался. Но гаджет упрямо молчал.

Шаркая ногами, Костя побрел к дому. Он чувствовал себя очень, очень несчастным и немного пьяным.

— Константин! — От парадного к нему бросилась маленькая, тщедушная фигура. —

Как я рад вас видеть! Константин, извините меня…

Щуплый лаборант застыл перед Костей, всем своим видом изображая раскаяние.

— Прощаю, — сказал Костя. — Брата-студента прощаю… чего уж теперь.

— Мне так неудобно, — продолжал заливаться соловьем Леня. — Как вы, нашли общий язык с гаджетом?

— Нашел, — признал Костя. — Чего тебе, а? Спешу я. Маму хочу увидеть…

— Да я настроить его забыл. — Лаборант достал из кармана маленький приборчик. — Это несложно, поверьте! Две секунды. Только введу страну и язык… Россия, русский…

Это и впрямь заняло не больше двух секунд.

— Здравствуй, старый хозяин, — сказал гаджет. — Вы немного перебрали, завтра будет болеть голова. Рекомендую поспать.

Юность отходчива и незлобива. Костя гнался за Леней всего два квартала. Ему даже удалось запустить в спину лаборанта сорванным на ходу кроссовком и довольно удачно попасть между лопаток. К сожалению, пока Костя искал отлетевший снаряд, проворный студент биофака успел скрыться в проходном дворе.

Я услышал всю эту историю от Кости сразу же после погони. Юноша пил пиво, стоя у ларька, и его лицо заинтересовало меня одухотворенностью человека, ежесекундно прислушивающегося к внутреннему голосу.

— Вот ведь фашисты! — повторял он. — Смертью грозили! Смертью!

— Что русскому в радость, то немцу — смерть, — охотно согласился я с этим симпатичным молодым человеком. — Мы для них — непознаваемы принципиально. Вещь в себе!

ПЛЕТЕЛЬЩИЦА СНОВ

Третью неделю стояла беспогодица. Ни дождя, ни солнца, серая хмарь в небе и тяжелый мертвый воздух у земли. Пыль над дорогой поднималась лениво, с неохотой, но уж поднявшись — опускаться не желала, тянулась пухлой серой змеей от самого горизонта.

Девочка замерла у колодезя, опустив полную бадейку на бревенчатый приступок. Пыльная змея все ползла и ползла по дороге, будто сказочный дракон, разучившийся летать. Девочка давно уже не боялась дракона, но сейчас с тревогой оглянулась на недалекое село. Пыль поднималась слишком быстро для каравана — торговцы не станут зря гнать груженых лошадей… Девочка быстро запустила руку за ворот.

Оберег под холщовым платьем девочки не нагрелся — значит опасности не было. Девочка переступала босыми ногами в теплой пыли, ждала. Пыльная змея обрела облик — гряз-

ные, бородатые лица в железной раме поднятых забрал, обрела голос — перестук лошадиных копыт и звяканье сбруи, обрела размер — сотня с лишком скакала мимо деревни.

Девочка не умела считать до ста. Но и она, приоткрыв рот, смотрела, как проносятся мимо, ни на нее, ни на деревню внимания не обращая, самые первые, и самые нетерпеливые рыцари в запыленной броне. Все рыцарство королевства выступило в путь — и стража Южных Лесов в зеленых плащах, и отважные Морские Рыцари в голубых шлемах, и надменные Королевские Защитники в серебристых доспехах.

Один из рыцарей остановился у колодезя. Хриплый голос произнес:

— Позволишь ли напиться воды, милое дитя?

Девочка не ответила, лишь отступила на шаг. Звякнули доспехи, когда рыцарь спрыгнул с коня и поднял бадейку. В его руках она казалась игрушечной. Конь, пользуясь минутной передышкой, опустил голову и принялся щипать траву.

Остановился второй рыцарь — конь пританцовывал на обочине, конь не устал и рвался в путь.

— Оставь и мне, — попросил второй голос, веселый и молодой. — Эй, селянка! Это и есть деревушка Последние Холмы?

Девочка несмело кивнула. Второй рыцарь ей понравился больше — его доспехи ярко блестели, эфес меча украшали разноцветные камешки. А первый все еще пил — струйки воды мыли дорожки на пыльном нагруднике.

— Слыхала ли ты о Плетельщице Снов, девочка? — спросил Молодой, принимая бадейку. — Нет ли в деревне женщины, носящей это имя?

Девочка покачала головой.

— Говорят, ваша колдунья красива и обладает великой силой, — продолжал Молодой. — Быть может, это ее имя?

Девочка прыснула от смеха. Снова покачала головой.

— А правда ли, что дальше по дороге притаился дракон? — вытирая губы, поинтересовался первый рыцарь.

Девочка улыбнулась. Рыцарь был такой старый, а верил в сказки! Остановились еще несколько. Бадейка переходила из рук в руки. Гремело железо, недовольно фыркали кони, чуявшие воду. Коней к воде не пускали. Девочка застенчиво, исподлобья, поглядывала на рыцарей.

— Немая, — предположил кто-то. — Друг на дружке женятся-мужатся, вот и ходит полдеревни немых.

— Горелый Замок — он далеко? — спросил старый рыцарь. Девочка замотала головой, ткнула рукой — даже в этой хмари видны были белые стены на далеком холме.

— И впрямь, — щурясь, сказал рыцарь. Взмыл в седло — легко, будто и не неся на себе тяжелого железа. Девочка подумала, что такому сильному человеку ничего не стоит поднять из колодезя десяток полных бадеек. — Спасибо, милое дитя, да хранят тебя боги!

И вот уже рыцари унеслись велед за товарищами. Опустевшая бадейка лежала в пыли у дороги. Изредка, подстегивая коня, проносились вслед отставшие. Некоторые, посовещавшись, даже свернули в деревню.

— Вовсе не немая, — прошептала девочка вслед рыцарям. Встав на цыпочки, она перевалила бадейку за сруб. Подождала, пока бешено крутящийся ворот не остановился, а из колодезя не донесся гулкий плюх. Ухватилась за рукоять и медленно, с натугой сделала первый, самый тяжелый, оборот. Трудно носить воду от дороги, но здесь самый глубокий и чистый колодезь.

— Погоди… — Ладонь в металлической перчатке перехватила рукоять.

Девочка зачарованно смотрела, как молодой рыцарь крутит ворот. Сильно, но неумело, будто этот труд был ему непривычен.

— Я почему вернулся, — рассуждал вслух рыцарь. — Время у нас есть, успеем. А такой крошке тяжело носить воду. Надо же чем-то отблагодарить тебя, правильно?

Девочка подумала и улыбнулась.

— А ты пока расскажи мне про деревню, — попросил молодой рыцарь.

Горелый Замок отряд окружил на закате. Ров высох и зарос бурьяном, проломленные стены уже начали осыпаться.

— Здесь нет дракона, — сказал старый рыцарь, слезая с коня. — Тридцать лет назад я проезжал в этих местах, тогда дракон еще был. Теперь его нет.

— Но легенды… — возразил Молодой. — Злой дракон, отважный герцог и его красавица-дочь…

Старый усмехнулся:

— Легенды говорят, что стены черны от огня, а призрак старого герцога бродит ночами окрест…

Железный лязг оглашал округу. Большая часть рыцарей уже спешилась. Некоторые вошли во двор замка через разрушенные ворота, ведя в поводу коней. Другие расположились на поросшем травой холмистом лугу.

Век, а может быть, чуть меньше миновало с тех пор, как на месте этих холмиков стояли дома.

— Но село-то сгорело, — кивая на луг, сказал молодой рыцарь. Старый кивнул:

— Приметливый… Села всегда горят. Но поверь, мы не найдем в этих руинах дракони-

цы по имени Плетельщица Снов. А те, кто остался в деревне, не найдут мудрой колдуньи, носящей это имя.

— Там есть колдунья, — заметил молодой рыцарь. Старый зевнул и принялся расседлывать коня.

— Колдуньи есть всегда… Много наших осталось в деревне?

— Пять… десять… — Молодой стал расстегивать доспехи. Кожаные ремешки затянулись в тугие узлы, и ему приходилось нелегко. — Ты уверен, что она вообще есть?

— Плетельщица Снов? — Старый рыцарь засмеялся. — Конечно. Верховный маг никогда не шутит.

— Разучился шутить, — поддержал его Молодой.

— Никогда не умел. — Старый снял седло. Посмотрел на молодого рыцаря. — Скажи, почему ты решил стать Верховным магом?

— Хорошая работа, почет, уважение. Достойно служить людям острым мечом, но еще интереснее послужить им волшебными чарами. А ты?

Старый рыцарь засмеялся:

— Моим костям становится неуютно в седле. Может быть, им больше понравится на троне из слоновой кости в башне горного хрусталя? Пусть другие ищут драконов… там, где их давно нет. Заглянем в замок?

Молодой поморщился — он только успел снять доспехи.

— Они нам не понадобятся, — успокоил его старый рыцарь. — Ты же не думаешь всерьез, что нам придется махать мечом? Ослабь мне завязки на спине…

Пока Молодой помогал Старому выбраться из доспехов, тот негромко произнес:

— Быль никогда не нуждается в небыли, друг мой. Не увлекайся небылью.

— О чем ты? О драконе?

— Сказочном? Который сожрал герцога и влюбился в его дочь? — Старый рыцарь засмеялся. — Ты говорил о…

— Звере! Я говорю только о чудовищном звере, разорившем замок!

— Ну давай посмотрим твоего зверя, — миролюбиво согласился Старый.

Привязав лошадей и оставив рядом доспехи, рыцари пошли к замку. Старый снял и куртку, оставив от стеганого гамбизона только штаны, а из оружия — кинжал в поножах. Молодой упрямо шел в коже и перепоясавшись мечом.

— Какая красота, — оглядывая замок, говорил Старый. — Сейчас так уже не строят.

Молодой с сомнением смотрел на руины. А когда они входили в зияющий провал ворот, провел рукой по камням.

— Гляди!

На пальцах остался мелкий белый пепел.

— Пожар был, — согласился Старый. — Вот только при чем тут драконы?

Во дворе царила радостная суета. Кто-то из рыцарей обнаружил, что половина дворцовой библиотеки уцелела от пожара. Тяжелый деревянный шкаф тут же вытащили наружу, и теперь искатели приключений делили находку.

— Вдруг там есть… — начал Молодой.

— Книга «Плетельщица Снов»? — усмехнулся Старый. — Да, если умеешь читать, то можно и поискать.

— Рыцарь Взыскующий Мудрости умеет, — напомнил Молодой. — Он был в монахах.

— Пошли. — Старый засмеялся. — Пошли в пиршественный зал. Твоя драконица могла уместиться только в нем.

По ветхим лестницам и закопченным переходам они прошли в зал — и пиршественный, потому что тут были остатки огромного стола, и тронный — потому что каменный трон, уцелел от огня.

Здесь, в скорбном молчании, десяток рыцарей собрались вокруг исполинского скелета. Череп драконицы лежал на каменном сиденье трона, рассыпавшийся позвонками хвост пробил витражное окно. Чешуя большей частью прикрывала скелет, но кое-где уже осыпалась на пол.

Один из рыцарей, опустившись перед скелетом на колени, плакал — и не скрывал своих слез.

Старый рыцарь нагнулся, подобрал хитиновую чешуйку. Повертел в руках, поскоблил кинжалом. Пробормотал:

— Девять колец. До тысячи не дотянула, бедная…

— А ты говорил — нет тут драконов! — возмутился Молодой.

— Это не дракон, это костяк, — парировал Старый. — Драконов чуешь за пять-шесть лиг. Они выдыхают сернистый газ, вонь стоит повсюду. Эта уже лет пять как сдохла, раз все выветрилось. На!

Он протянул Молодому чешуйку.

— Зачем?

— Тарелку сделаешь, сноса не будет. Или возьми большую, от загривка. Хороший мастер окует железом, выйдет славный щит.

— А золото? — спросил Молодой. — Монеты, цепочки, кольца…

Старый нагнулся, с натугой выломал из лапы коготь. Тот был размером с хороший кинжал.

— И как ты это себе представляешь? Такими лапами — кольца с трупов снимать?

Молодой подозрительно посмотрел на Старого.

— Ладно, покажу. — Старый подобрал обугленное, но еще прочное древко от давно истлевшего флага, пошел вдоль скелета. На середине остановился, пинками и ударами палки выломал десяток чешуек, протиснулся в образовавшуюся дыру между кривых желтоватых ребер. Рыцари возмущенно повернулись в его сторону.

Через минуту Старый вернулся, весь в пыли и каких-то лоскутках, похожих на старый пергамент. В руках у него был увесистый золотистый слиток.

— Вот. — Он протянул слиток Молодому. — Фунтов двадцать будет. Дракон жрет людей целиком, без разбору. Вместе с одеждой, оружием, украшениями. У него девять желудков, и там все переваривается — кроме золота, серебра и драгоценных камней. Все это сплавляется в комки и остается внутри. Ну, как у гусей в зобу камешки…

— «Ганс, златых дел мастер…» — с удивлением прочитал Молодой клеймо на выступающем из слитка бокале. — Пшла прочь! — Он пнул выскочившую из драконьего костяка прямо ему под ноги крысу.

— Крысолов бы здесь не помешал, — согласился Старый. — И все-таки крыс очень мало, кто-то их жрет…

Продолжая беседовать, они вышли из пиршественного зала. За их спиной рыцари принялись ломать чешую.

Солнце уже зашло, а во дворе прибавилось рыцарей. И не только рыцарей — среди них стояли древний ссохшийся старец и юная девушка — бледная, большеглазая и красивая. Старый и Молодой подошли ближе.

— Цирюльник пустил папе кровь, и ему полегчало. Ночью мы ушли из города и странствовали ночами, пока не наткнулись на эти руины, — рассказывала девушка. — Люди боялись приходить сюда, и мы обрели пристанище. Потом чума прошла, но мы уже привыкли. Папа ловит кроликов в силки, а я собираю дикие травы… Вы не обидите нас?

— Вам нечего бояться, милая дама, — воскликнул кто-то из самых молодых и пылких. — Вас никто не обидит!

— Если только вы сами не попросите об этом, — сострил кто-то менее романтичный и сам же засмеялся.

Старый улыбнулся, похлопал Молодого по плечу:

— Идем… надо напоить коней. Завтра снова а путь.

— Думаешь, та драконица — не Плетельщица Снов? — оглядываясь на девушку, спросил Молодой.

— Нет. Ее звали Глупая Ленивица. Драконы не дают имена зря — только глупая и ленивая молодая драконица позволила бы себя убить.

— Убить?

— А что же ты думаешь, она поперхнулась герцогской короной?

Старый рыцарь долго чистил коня, потом мылся в ручье сам, потом достал брусок и принялся править кинжалы. Молодой сидел и задумчиво смотрел на темный силуэт замка. В небе появлялись звезды: крупные, цветные, отрада астролога и звездочета. На лугу осталось не больше двух десятков рыцарей — остальные решили ночевать в руинах замка.

Где-то над замком тоскливо и прощально крикнула сова.

Молодой рыцарь бесшумно поднялся. Взял меч — и исчез в ночи.

Он то шел, то бежал, скрываясь в ночных тенях. Прижимаясь к обгорелым до белого пепла стенам, прошел во внутренний двор.

Костры уже потухли, багровым светом сочились угли. Некоторые рыцари спали под открытым небом, некоторые — в палатках. Молодой рыцарь достал меч из ножен и пошел на тихий чмокающий звук. По пути он дважды натыкался на закутанные в походные одеяла тела товарищей.

Но те не просыпались.

Лезвие меча коснулось горла девушки, когда та пила кровь из шеи Рыцаря Взыскующего Мудрости.

— Как тебя зовут, ночная тварь? — спросил Молодой. Вампирша повернулась — ее лицо уже не было бледным.

— Что тебе мое имя? — прошептала она.

— Если ты — Плетельщица Снов, то я не стану тебя убивать.

Вампирша на миг задумалась. В темных глазах что-то мелькнуло — зеленые лужайки, детские качели, солнечный свет…

— Когда я еще была дочерью герцога, — сказала вампирша, — меня звали Эвели. Но если ты хочешь, я сплету для тебя самые удивительные сны…

За спиной Молодого два отточенных кинжала вонзились в спину старого герцога. Из горла вампира хлынула чужая свежая кровь, и он рухнул на землю — все еще продолжая тянуться к Молодому.

— Убивай, — посоветовал Старый. — В ней нет мудрости, которую мы ищем.

Вампирша закричала голосом тоскующей птицы — и те из рыцарей, кто еще оставался в живых, тревожно заворочались в своем колдовском сне.

Молодой ударил мечом.

— Колья — это суеверие, — сказал Старый. — Но я и сам ужасно суеверен. У стены растет осина, обруби две ветки потолще…

Взыскующий Мудрости застонал во сне — и оскалился в нехорошей гримасе.

— Три ветки, — с грустью поправился Старый.

Утром поредевший отряд двигался по горной дороге. Рыцари молчали.

Старый и Молодой скакали в хвосте. Здесь земля была слишком камениста и пыль почти не поднималась.

— Герцог жестоко отомстил драконице, — негромко сказал Старый. — Не знаю, помогла ли ему колдунья… если так — то позор ее цеху! Но скорее всего он нашел вампира и сам попросил об укусе. Они с дочерью пили кровь драконицы долгие годы, они сполна расквитались с глупой и ленивой тварью. И все-таки поразительно! Такое мудрое племя — и такая постыдная смерть. В семье не без урода…

— Откуда ты это знаешь? — спросил Молодой.

— Прочитал когда-то.

— Ты же не умеешь!

— Кто тебе сказал? — возмутился Старый. Отряд поднимался все выше и выше в горы.

— Спасибо, что помог, — признался Молодой.

— Не за что, — усмехнулся Старый.

— Я тоже хочу помочь тебе, — серьезно сказал Молодой. — Я понял, чего добивался Верховный маг.

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересовался Старый.

— Он указал нам направление и велел искать Плетельщицу Снов. — Молодой фыркнул. — Якобы только она может превратить рыцаря в великого мага. Странно, да? Никто и никогда не слышал о такой… мастерице. А есть ли она вообще?

— Начало хорошее, — одобрил Старый.

— Думаю, дело не в ней, — предположил Молодой. — Магическая сила — она в нас самих, в глубинах нашей души. Путь заставляет нас лучше познать самих себя, найти эту скрытую силу!

— Что же будет дальше? — вздохнул Старый.

— Дальше — новое испытание, — предположил Молодой. — Вероятно, никакой Плетельщицы Снов мы не найдем. Но тот, кто постигнет самого себя, найдет в душе и мудрость, и отвагу, и человеколюбие…

— Постой! — оборвал его Старый. — Что-то творится впереди!

Он пришпорил коня и унесся вперед.

Дорога уходила в ущелье, ущелье перегораживала каменная стена в рост высотой, сложенная из бревен и валунов.

Ехавшие первыми рыцари вели переговоры со стражей баррикады.

— Мы посланы Верховным магом в опасный и трудный поход! — кричал один из самых уважаемых рыцарей, бывший Королевским защитником на четырех последних турнирах. — Позвольте нам проехать!

Как ни странно, но его собеседником была женщина. Немолодая, но еще красивая. И очень, очень воинственная.

Одетая лишь в кожаный жакет и соблазнительно короткую юбку, она стояла на стене.

— Ни один мужчина не войдет в наше селение! — отвечала она. — Мы ушли сюда от ваших притеснений и отстоим свою свободу! Если угодно торговать — мы обменяем сукно и шкуры на стрелы и зерно! А ваши вонючие объятия нам не нужны!

Молодой рыцарь в восторге посмотрел на Старого.

— Во дает!

— Иногда это болезнь, но бывает и дурная привычка, — кивнул Старый. — Однако девочки настроены воинственно.

— Не нужны нам ваши объятия! — возмутился королевский поединщик. — Я хочу поговорить с главным… с главной… кто тут у вас управляет?

— Старшая из Сестер, Прядильщица Основ! — отвечала женщина. — Но она не снизойдет до равговора с мужчинами!

Рыцари заволновались. Поединщик отъехал к товарищам.

— Плетельщица Снов… Прядильщица Основ… — доносилось от сгрудившихся в толпу рыцарей. — Верховный маг давно уже косноязычен!.. Но пристойно ли нам, рыцарям, выйти на бой…

Молодой рыцарь обернулся.

Старого рядом не было.

Молодой развернул коня и неспешно двинулся прочь из ущелья. Кто-то из товарищей его окликнул — он с готовностью разъяснил:

— Проверю местность, нет ли засады!

Тропинка, ведущая в обход ущелья, была такой наезженной, что Молодой даже удивился — как ее сразу не заметили.

Смирный конь старого рыцаря шел первым, спокойно и неторопливо. Горячий гнедой Молодого то и дело норовил ускорить шаги, невзирая на открывающуюся внизу пропасть.

— Жак, тихо, — бормотал Молодой на ухо коню. — Тихо, Жак…

Старый рыцарь с улыбкой поглядывал на молодого.

Наконец тропинка расширилась и стала пологой. Рыцари поехали рядом.

— Еще одно испытание, — с удовольствием рассуждал Молодой. — Сразу понял. Ну, почти сразу… Все уже устали от пути — и с удовольствием поверили в схожесть имен.

Старый одобрительно кивнул.

— А про тропинку ты тоже читал? — спросил Молодой.

— Нет. Но сам посуди — если дорога не заброшена, а безумные бабы никого дальше не пускают, то должен быть обходной путь.

Они ехали вверх, путь был еще труден, но уже не слишком опасен. Иногда снизу доносилось эхо воинственных кличей.

— Страж была симпатичная… — вздохнул Молодой. — Чего же нам ждать дальше?

— Перевала, — меланхолично ответил Старый. — Маги и волшебники, особенно имеющие страсть к учительству, обычно селятся у перевалов. До вечера мы найдем Плетельщицу.

— Так быстро? — поразился Молодой. Старый вздохнул.

— Верховный маг отвел нам на поиск ровно неделю срока. Мы в пути уже три дня.

Молодой нахмурился.

Они проехали еще с лигу, когда тропинка вывела их к перевалу. Чуть в стороне от дороги, притулившись к скале, стояла маленькая белая башня. Рядом крошечным водопадом падал со скалы ручеек, в сарайчике квохтали куры, в маленьком садике тянулись из бедной земли зеленые перья лука и бурые листья салата.

Окна башни светились ярким колдовским светом.

Старый рыцарь остановился. Здесь было так холодно — особенно под железными доспехами…

— Ты же не станешь бить меня в спину? — спросил он Молодого, отставшего на несколько шагов.

— Нет! — пылко воскликнул Молодой. И тут же признался: — Не стану врать, мне пришла в голову эта подлая мысль… Нет и нет!

— Так что же мы сделаем? — спросил Старый. — Ведь только один из нас получит от Плетельщицы Снов дар магии?

— Давай мы решим этот спор честным поединком! — предложил Молодой. — И не до смерти, а как на турнире, тупыми копьями…

Старый рыцарь вздохнул:

— Что ты… Силой и ловкостью ты превосходишь меня. Конечно, коварными приемами я могу взять верх, но это не будет честным поединком… — Он развернул коня, посмотрел на товарища: — Езжай ты первым.

— Ты мудр и опытен, — пробормотал Молодой. — Что же, меня там ждет засада?

— Нет, — развеселился Старый.

— Тогда в чем подвох? Видимо, это испытание на благородство? И пропуская меня первым, ты тем самым становишься достоин…

Старый рыцарь засмеялся:

— Да что ты… Я надеюсь лишь на то, что у тебя нет склонности к магии. Или же ты не понравишься Плетельщице Снов и она тебя ничему не научит.

— Слово рыцаря?

— Слово чести, — серьезно ответил Старый. Спешился и стал заботливо отирать бока коню.

Молодой спрыгнул с коня, тоже достал тряпицу, нетерпеливо поглядывая на белую башню.

— Иди уж, — добродушно сказал Старый. — Почищу и твоего гнедого, мне не зазорно.

Молодой рыцарь отворил незапертую дверь и вошел в башню Плетельщицы Снов.

Мёд и вереск, душица и кардамон, мята и джусай, анис и тимьян — сотни запахов наполняли воздух, сливаясь в единый аромат.

Жизни бы не хватило различить в нем каждую отдельную ноту — столько трав отдало свой запах в колдовское варево.

Хозяйка сидела за столом, спиной к очагу. Над жарким огнем булькал закопченный котелок, источая дурманящие запахи. Молочно-белым светом сиял хрустальный шар, водруженный поверх стопки старых пергаментов. Сушеные травы и корешки лежали на столе рядом с маленькими аптекарскими весами, а еще тысячи пучков свисали с потолка и гирляндами опоясывали стены.

Плетельщица Снов была очень стара. Но в глазах ее светилась мудрость, а черты лица — исполнены такого благородства, что Молодой упал перед ней на колени.

— Приветствую тебя, Плетельщица Снов, — прошептал он. — Я — один из рыцарей, посланных в поиск Верховным магом королевства. Верховный маг устал от трудов, и ему нужна смена…

Плетельщица Снов вздохнула.

Ободренный, молодой рыцарь продолжил:

— Я прошел через все испытания, Плетельщица Снов. Вначале я помог маленькой девочке набрать воды. Это мелочь, да, но ведь маг должен быть добрым даже в мелочах!

Старуха одобрительно кивнула.

— Потом, — продолжил Молодой, — мы достигли Горелого Замка. Все считали, что в замке живет страшный дракон. Но дракон давно издох. Это тоже урок, верно? Память о зле

живет куда дольше самого зла. Любое зло — глупо и лениво, оттого и обречено. Вот что я вынес, увидев останки драконицы!

— Хм, — сказала Плетельщица Снов.

— Но в замке мы встретили еще и старого герцога с дочерью, — с жаром продолжил Молодой. — Они спаслись от драконицы и решили отомстить. Для этого им пришлось стать вампирами… они убили чудовище и попытались убить нас. Наши мечи принесли им упокоение. И это — это очень важный урок! Когда добро пытается победить зло его же методами — оно превращается лишь в еще большее зло, отвратительное и безобразное!

— Ого, — прошептала Плетельщица Снов. Старческие глаза с удивлением взирали на молодого рыцаря.

— И, наконец, последнее испытание! — живо воскликнул Молодой. — Торный путь был закрыт перед нами. Все… почти все рыцари предпочли обмануться и приняли безобидную больную женщину за тебя, Плетельщицу Снов. А в это время узкая, горная тропа вела меня к твоей башне. Это испытание на терпение! Нельзя поддаваться соблазну легких и широких путей. Вот…

Плетельщица Снов размышляла.

Молодой рыцарь встал с колен. Глаза его сверкнули отвагой и юношеским восторгом:

— Итак, в чем же заключалось задание Верховного мага? — воскликнул он. — Думаю, в том, чтобы достойный рыцарь прозрел и возмужал в пути! Ведь человек — это не вещь в себе, человек — мера всех вещей, он может и должен постичь самого себя! Теперь я чувствую в себе силу настоящего мага! Ты ничего не можешь мне дать, Плетельщица Снов! Я уже всего добился! Я вернусь — и стану новым Верховным магом!

Плетельщица Снов потупила глаза.

— Я прав? — торжествующе спросил молодой рыцарь.

— Ты сам все сказал, — призналась старуха.

— Благодарю тебя! — И низко поклонившись, Молодой вышел из башни.

Старый посмотрел на Молодого — и улыбнулся.

— Ты достиг своей цели?

— Да! — Молодой вскочил на протестующе заржавшего коня. — Спасибо… став Верховным магом, я никогда не забуду твоих советов!

— Я рад. — Старый вздохнул. — Ты уже уезжаешь? Я предпочел бы переночевать.

— Спешу. — Молодой виновато развел руками — Отдохни, друг. Буду рад тебя видеть в башне из горного хрусталя!

Он пришпорил коня и опасно быстро поскакал назад по тропинке.

Старый рыцарь вздохнул, потрепал коня по морде и вошел в башню Плетельщицы Снов.

Старуха сидела в той же позе.

— Здравствуй, Плетельщица, — уважительно склонив голову, сказал старый рыцарь. — А ты совсем не изменилась. Время не властно над тобой.

— Здравствуй, повзрослевший рыцарь, — улыбнулась старуха. — Время — это сон. Я помню вчерашние сны… помню и тебя.

— Он хороший рыцарь, — махнув рукой на дверь, сказал Старый. — Очень быстро все схватывает.

— Вот только не умеет слушать. — Старуха покачала головой — Ищет лишнее… сновидение в сновидении… смысл в смысле…

— Все мы так поначалу… — Старый рыцарь сконфуженно оправил бороду. — Ладно, Плетельщица. Меня послал Верховный маг, он хочет удалиться на покой. Как заведено, созвал он лучших рыцарей и велел найти Плетельщицу Снов, дабы одарила она достойнейшего магической силой…

— Я Плетельщица Снов и, как заведено, награждаю достойнейшего магической силой, — кивнула старуха. — Сними же котелок с огня и выпей волшебный отвар.

НЕ СПЕШУ

Сжимая в одной руке надкушенный бутерброд, а в другой — бутылку кефира, черт озирался по сторонам. Выглядел он вполне заурядно — мятый старомодный костюм, шелковая рубашка, тупоносые туфли, галстук лопатой. Все черное, только на галстуке алые языки пламени. Если бы не рожки, проглядывающие сквозь аккуратную прическу, и свешивающийся сзади хвост, черт походил бы на человека.

Толик отрешенно подумал, что в зале истории средних веков городского музея черт в костюме и при галстуке выгладит даже излишне модерново. Ему больше пошел бы сюртук или фрак.

— Что за напасть… — выплевывая недопрожеванный бутерброд, изрек черт. Аккуратно поставил бутылку с кефиром на пол, покосился на Анатолия и попробовал длинным желтым ногтем меловую линию пентаграммы. В ноготь ударила искра. Черт пискнул и засунул палец в рот.

— Я думал, хвост будет длиннее, — сказал Толик.

Черт вздохнул, достал из кармана безупречно чистый носовой платок, постелил на пол. Положил на платок бутерброд. Легко подпрыгнул и коснулся свободной рукой потолка —

высокого музейного потолка, до которого было метра четыре.

На этот раз искра была побольше. Черт захныкал, засунул в рот второй палец.

— В подвале тоже пентаграмма, — предупредил Толик.

— Обычно про пол и потолок забывают, — горько сказал черт. — Вы, люди, склонны к плоскостному мышлению…

Толик торжествующе усмехнулся. Покосился на шпаргалку и произнес:

— Итак, именем сил, подвластных мне, и именем сил неподвластных, равно как именем сил известных и неизвестных, заклинаю тебя оставаться на этом месте, огражденном линиями пентаграммы, повиноваться и служить мне до тех пор, пока я сам, явно и без принуждения, не отпущу тебя на свободу.

Черт слушал внимательно, но от колкости не удержался:

— Заучить не мог? По бумажке читаешь?

— Не хотелось бы ошибиться в единой букве, — серьезно ответил Толик. — Итак, приступим?

Вздохнув, черт уселся на пол и сказал:

— Расставим точки над i?

— Конечно.

— Ты вызвал не демона. Ты вызвал черта. Это гораздо серьезнее, молодой человек. Демон рано или поздно растерзал бы тебя. А я тебя обману — и заберу душу. Так что… зря, зря.

— У меня не было заклинания для вызова демона.

— Хочешь? — Черт засунул руку в карман. — Ты меня отпустишь, а я дам тебе заклинание по вызову демона. Все то же самое, только последствия менее неприятные.

— А что случится с моей душой за вызов демона?

Черт захихикал.

— Соображаешь… Мне она достанется.

— Тогда я отклоняю твое предложение.

— Хорошо, продолжим. — Черт с тоской посмотрел на бутылку кефира. Внезапно вспылил: — Ну почему я? Почему именно я? Сто восемь лет никто не призывал чертей. Наигрались, успокоились, поняли, что нечистую силу не обмануть. И вот те раз — дежурство к концу подходит, решил подкрепиться, а тут ты со своей пентаграммой!

— Дежурство долгое?

— Не… — Черт скривился. — Год через два. Месяц оставался…

— Сочувствую. Но помочь ничем не могу.

— Итак, вы вызвали нечистую силу, — сухо и официально произнес черт. — Поздра-

вляю. Вы должны принять или отклонить лицензионное соглашение.

— Зачитывай.

Черт сверкнул глазами и отчеканил:

— Принимая условия настоящего лицензионного соглашения, стороны берут на себя следующие обязательства. Первое. Нечистая сила, в дальнейшем — черт, обязуется исполнять любые желания клиента, касающиеся мирских дел. Все желания выполняются буквально. Желание должно быть высказано вслух и принимается к исполнению после произнесения слов «желание высказано, приступить к исполнению». Если формулировка желания допускает двоякое и более толкование, то черт вправе выполнять желание так, как ему угодно. Второе. Человек, в дальнейшем — клиент, обязуется предоставить свою бессмертную душу в вечное пользование черту, если выполнение желаний приведет к смерти клиента. Данное соглашение заключается на свой страх и риск и может быть дополнено взаимно согласованными условиями.

Анатолий кивнул. Текст лицензионного соглашения был ему знаком.

— Дополнения к лицензионному договору, — сказал он. — Первое. Язык, на котором формулируется желание, — русский.

— Русский язык нелицензирован, — буркнул черт.

— Это еще с какого перепугу? Язык формулировки желаний — русский!

— Хорошо, — кивнул черт. — Хотя по умолчанию у нас принят суахили.

— Второе. Желания клиента включают в себя влияние на людей…

— Нет, нет и нет! — Черт вскочил. — Не могу. Запрещено! Это уже вмешательство в чужие души, не могу!

В общем-то Анатолий и не надеялся, что этот пункт пройдет. Но проверить стоило.

— Ладно. Второе дополнение. Клиент получает бессмертие, которое включает в себя как полное биологическое здоровье и прекращение процесса старения, так и полную защиту от несчастных случаев, стихийных бедствий, эпидемий, агрессивных действий третьих лиц, а также всех подобных не перечисленных выше происшествий, прямо или косвенно ведущих к прекращению существования клиента или нарушению его здоровья.

— Ты не юрист? — спросил черт.

— Нет. Студент-историк.

— Понятно. Манускрипт раскопал где-нибудь в архиве… — Черт кивнул. — Случается. А как в музей проник? Зачем этот унылый средневековый колорит?

— Я здесь подрабатываю. Ночным сторожем. Итак, второе дополнение?

Черт понимающе кивнул и сварливо ответил:

— Что вам всем сдалось это бессмертие? Хорошо, второй пункт принимается с допол-

нением: «За исключением случаев, когда вред существованию и здоровью клиента причинен исполнением желаний клиента». Иначе, сам понимаешь, мне нет никакого интереса.

— Ты, конечно, будешь очень стараться, чтобы такой вред случился?

Черт усмехнулся.

— Третье дополнение, — сказал Анатолий. — Штрафные санкции. Если черт не сумеет выполнить какое-либо желание клиента, то договор считается односторонне расторгнутым со стороны клиента. Черт обязан и в дальнейшем выполнять все желания клиента, однако никаких прав на бессмертную душу клиента у него в дальнейшем уже не возникает. Договор также считается расторгнутым, если черт не сумеет поймать клиента на неточной формулировке до скончания времен.

Черт помотал головой.

— А придется, — сказал Анатолий. — Иначе для меня теряется весь смысл. Ты ведь рано или поздно меня подловишь на некорректно сформулированном желании…

Черт кивнул.

— И я буду обречен на вечные муки. Зачем мне такая радость? Нет, у меня должен быть шанс выиграть. Иначе неспортивно.

— Многого просишь… — пробормотал черт.

— Неужели сомневаешься в своей способности исполнить мои желания?

— Не сомневаюсь. Контракт составляли лучшие специалисты.

— Ну?

— Хорошо, третье дополнение принято. Что еще?

— Четвертое дополнение. Черт обязан не предпринимать никаких действий, ограничивающих свободу клиента или процесс его свободного волеизъявления. Черт также не должен компрометировать клиента, в том числе и путем разглашения факта существования договора.

— Это уже лишнее. — Черт пожал плечами. — Насчет разглашения — у нас у самих с этим строго. С меня шкуру сдерут, если вдруг… А насчет свободы… Допустим, устрою я землетрясение, завалю это здание камнями, что из того? Ты все равно будешь жив, согласно дополнению два, и потребуешь вытащить себя на поверхность, согласно основному тексту договора.

— А вдруг у меня рот окажется песком забит?

— Перестраховщик, — презрительно сказал черт. — Хорошо, принято твое четвертое дополнение.

— Пятое. Черт осуществляет техническую поддержку все время действия договора. Черт обязан явиться по желанию клиента в видимом только клиенту облике и объяснить последствия возможных действий клиента, ничего не утаивая и не вводя клиента в заблужде-

ние. По первому же требованию клиента черт обязан исчезнуть и не докучать своим присутствием.

— Сурово. — Черт покачал головой. — Подготовился, да? Хорошо, принято.

— Подписываем, — решил Анатолий.

Черт порылся во внутреннем кармане пиджака и вытащил несколько сложенных листков. Быстро проглядел их, выбрал два листа и щелчком отправил по полу Анатолию.

— Внеси дополнения, — сказал Анатолий.

— Зачем? Стандартная форма номер восемь. Неужели ты думаешь, что твои дополнения столь оригинальны?

Толик поднял один лист, развернул. Отпечатанный типографским способом бланк был озаглавлен «Договор Человека с Нечистой Силой. Вариант восемь».

Дополнения и в самом деле совпадали.

— Кровью или можно шариковой ручкой?

— Лучше бы кровью… — замялся черт. — У нас такие ретрограды сидят… Нет, в крайнем случае…

Анатолий молча достал из склянки со спиртом иглу, уколол палец и, окуная гусиное перышко в кровь, подписал бланки. Вернул их черту вместе с чистой иглой и еще одним пером. Черт, высунув кончик языка, подписал договор и перебросил через пентаграмму один экземпляр.

— Дело сделано, — задумчиво сказал Анатолий, пряча бланк в карман. — Может, спрыснем подписание?

— Не пью. — Черт осклабился. — И тебе не советую. По пьяной лавочке всегда и залетают. Такие желания высказывают, что ой-ей-ей… Могу идти?

— А пентаграмму стирать не обязательно?

— Теперь — нет. Договор же подписан. Слушай, где ты такой качественный мел взял? Палец до сих пор болит!

— В духовной семинарии.

— Хитрец… — Черт погрозил ему пальцем. — Мой тебе совет. Можно сказать — устное дополнение. Если пообещаешь не пытаться меня обмануть, то я тоже… отнесусь к тебе с пониманием. Весь срок, что тебе изначально был отпущен, не трону. Даже если пожелаешь чего-нибудь необдуманно — ловить на слове не стану. И тебе хорошо — будешь словно сыр в масле кататься. И мне спокойнее.

— Спасибо, но я постараюсь выкрутиться.

— Это желание? — хихикнул черт.

— Фиг тебе! Это фигура речи. Лучше скажи, почему у тебя такой короткий хвост?

— Ты что, много чертей повидал? Нормальный хвост.

— Я ведь могу и пожелать, чтобы ты ответил…

— Купировали в детстве. Длинные хвосты давно не в моде.

На прощание черт смерил Анатолия обиженным взглядом, погрозил пальцем — и исчез. Через мгновение в воздухе возникла кисть руки, пошарила, сгребла бутерброд, бутылку кефира и исчезла.

А Толик пошел за заранее приготовленной тряпкой и ведром воды — стереть с пола пентаграмму. Для бедного студента работа ночным сторожем в музее очень важна.

Первый раз черт появился через месяц. Анатолий стоял на балконе общежития и смотрел вниз, когда за левым, как положено, плечом послышалось деликатное покашливание.

— Чего тебе? — спросил Толик.

— Тебя гложут сомнения? Ты раскаиваешься в совершенном и хочешь покончить самоубийством? — с надеждой спросил черт.

Толик засмеялся.

— А, понимаю… — Черт по-свойски обнял Толика за плечи и посмотрел вниз — Красивая девчонка, ты прав! Хочешь ее?

— Ты ведь не можешь влиять на души людей.

— Ну и что? Большой букет белых роз — она любит белые… тьфу, что за пошлость! Потом подкатываешь на новеньком «бентли»…

— У меня и велосипеда-то нет

— Будет! Ты чего, клиент?

— Будет, — согласился Толик, не отрывая взгляда от девушки. — Я не спешу.

— Ну? Давай формулируй. Обещаю, в этот раз не стану ловить тебя на деталях! Итак, тебе нужен букет из девяносто девяти белых неколючих роз, оформленный на тебя и не числящийся в розыске исправный автомобиль…

— Изыди, — приказал Толик, и черт, возмущенно крякнув, исчез.

В последующие годы черт появлялся регулярно.

Профессор, доктор исторических наук, автор многочисленных монографий по истории средних веков, сидел в своем кабинете перед зеркалом и гримировался. Для пятидесяти лет он выглядел неприлично молодо. Честно говоря, без грима он выглядел на тридцать с небольшим. А если бы не проведенная когда-то пластическая операция, то он выглядел бы на двадцать.

— Все равно твой вид внушает подозрения, — злобно сказал черт, материализовавшись

в кожаном кресле.

— Здоровое питание, йога, хорошая наследственность, — отпарировал Толик. — К тому же всем известно, что я слежу за внешностью и не пренебрегаю косметикой.

— Что ты скажешь лет через пятьдесят?

— А я исчезну при загадочных обстоятельствах, — накладывая последний мазок, сказал Толик. — Зато появится новый молодой ученый.

— Тоже историк?

— Зачем? У меня явная склонность к юриспруденции…

Черт сгорбился. Пробормотал:

— Все выглядело таким банальным… А ты не хочешь стать владыкой Земли? Как это нынче называется… президентом Соединенных Штатов?

— Захочу — стану, — пообещал Толик. — Я, как тебе известно…

— …не спешу… — закончил черт. — Слушай, ну хоть одно желание! Самое маленькое! Обещаю, что выполню без подвохов!

— Э нет, — пробормотал Толик, изучая свое отражение. — В это дело лучше не втягиваться… Ну что ж, меня ждут гости, пора прощаться.

— Ты меня обманул, — горько сказал черт. — Ты выглядел обыкновенным искателем легкой жизни!

— Я всего лишь не делал упор на слове «легкая», — ответил Толик. — Все, что мне требовалось, — это неограниченное время.

В дверях он обернулся, чтобы сказать «изыди». Но это было излишним — черт исчез сам.

ДОНЫРНУТЬ ДО ЗВЕЗД

Старик и мальчик сидят на морском берегу. Старик перебирает четки из раковин. Мальчик делает вид, что вспоминает. На самом деле он смотрит на горизонт.

Кто-то сказал мальчику, что, когда день сменяется ночью, в небе можно увидеть звезды. Это неправда. Но вечерами мальчик приходит к морю и смотрит на горизонт.

Ночь приходит в мир. Сразу становится темно и прохладно. Звезд нет, только искры планктона вспыхивают в темной воде. Старик шевелится и говорит:

— Время прошло. Рассказывай.

Мальчик вздыхает, переводит взгляд от горизонта к старику. Что горизонт, что старик — для мальчика они оба древние и непостижимые.

— Оахо Три Весла всю свою жизнь хотел странного, — начинает мальчик.

— Почему его звали Три Весла? — спрашивает старик.

— Потому что в лодке он один стоил трех гребцов, — отвечает мальчик удивленно. Такие простые вопросы его обижают.

— Рассказывай дальше, — говорит старик.

— Он совершил много удивительных подвигов. Когда ему было только десять лет…

Я на время отвлекаюсь от них. Я люблю наблюдать за стариком, но время его жизни истекает. Я чувствую, что мне понравится наблюдать за мальчиком, но я не знаю, сколько ему отпущено.

В этом мире все зависит от меня. Все, кроме судьбы.

Я решаю посмотреть на звезды. Это почти так же интересно, как смотреть на людей. Почти — потому что звезды умирают реже. Я не видел их рождения, я не застану их смерти. Нет ничего столь непохожего, как человек и звезда.

И все же на них одинаково интересно смотреть.

Я думаю о том, что мальчик поспешил родиться. Он никогда не увидит звезд.

Когда я вновь смотрю на старика и мальчика, легенда близится к концу.

— И построив этот чудесный корабль, Оахо попрощался с женами и поплыл на край света, — говорит мальчик. — Бури кидали и крутили его корабль, но он плыл вперед. Волны унесли бурдюки с водой, но он стал пить морскую воду. Кончилась еда, но Оахо поймал черепаху и ел ее мясо.

— Что говорит закон? — тихо спрашивает старик.

— Нельзя есть черепах, это закон, — отвечает мальчик. — Но нельзя умирать, если можно выжить, это другой закон. Когда два закона говорят разное, каждый сам решает, как поступить.

Мальчик замолкает, но старик чего-то ждет. И тогда мальчик добавляет:

— Оахо решил жить и съел черепаху.

Старик кивает.

— Он плыл и плыл, держа путь по солнцу, — продолжает мальчик. — И однажды Оахо увидел впереди острова. Он решил, что нашел Землю-у-Края-Света, и обрадовался. Но когда корабль Оахо пристал к берегу, навстречу ему вышли его жены и дети. Так Оахо Три Весла совершил путешествие вокруг света. Так люди узнали, что мир — круглый.

Старик кивает. Пальцы его все так же перебирают четки. В ночной темноте мальчик этого не видит, только слышит, как постукивают друг о друга раковины.

— Тебе нравится Оахо, — говорит старик.

— Да, учитель. Я хотел бы быть его сыном.

Я думаю о том, что мальчик опоздал родиться. Оахо гордился бы таким сыном. Но мальчик — тоже его потомок, хоть он и не знает о том.

— Что ты хочешь услышать, Соуи Два Вопроса?

Мальчик оживляется. Он знает, что спросить:

— Расскажи мне о звездах, Алату Четыре Голоса.

Старик перебирает четки. Пальцы ласкают гладкие раковины. Старик медлит, он не хочет отвечать. Но учитель обязан учить — таков закон.

— Звезды похожи на искры от костра в небе или светящийся планктон в море, — говорит старик. — Когда-то все небо было в звездах. Днем их нельзя было увидеть, зато ночами люди выходили из хижин и смотрели в небо… сколько им хотелось. Звезды висели высоко-высоко, они мерцали, но не гасли. До них нельзя было дотянуться, и они не годились ни для чего полезного. Но смотреть на них было приятно.

Мальчик слушает. Наверное, он думает о том, что смотрел бы в небо каждую ночь.

Я отвлекаюсь ненадолго и тоже смотрю на звезды. Для меня это и развлечение, и работа.

Звезды красивы, но они могут подождать. Звезды умирают очень редко.

— …и когда-нибудь будет новое небо и новые звезды, — говорит старик. — И новые люди будут смотреть на них. Когда это случится, не знает никто.

Старик неправ. Я — знаю. Это случится через девяносто три года, два месяца и шесть дней. Но им этого никогда не узнать.

— Люди должны помнить о звездах, потому что иначе звезды забудут людей, — заканчивает старик. — И ты молодец, что думаешь о звездах.

Мальчик вздыхает. Спрашивает:

— А правда ли, что Оахо Три Весла видел звезды?

Старик молчит. Ему очень не хочется говорить. Очень.

— Так сказано в легенде о последнем подвиге Оахо, — говорит он.

— Расскажи ее, — просит мальчик. И старик начинает рассказывать.

В этом мире от меня зависит все, кроме судьбы. Но я умею предсказывать судьбу — почти так же точно, как движение звезд. И теперь я знаю, что мальчик умрет раньше старика.

Мне становится грустно.

— Я видел свет в небе, но не нашел там звезд. Так сказал Оахо. Я испытал все, что может испытать человек, но мне мало. Так сказал Оахо. Если звезд нет в небе, я найду их на дне моря. Так сказал Оахо. И он взял самую маленькую лодку и ночью поплыл в море. Он долго дышал, а потом взял тяжелый камень и прыгнул в воду. И он погружался все глубже и глубже, пока не достиг дна. И там, на дне моря, он увидел звезды. И они были так прекрасны, что Оахо не захотел возвращаться. Он остался на дне, и глаза его до сих пор смотрят на звезды.

Мальчик не спрашивает, кто рассказал про звезды, если Оахо не вернулся. Он знает, что правда легенды выше, чем правда жизни. Он молчит и думает.

— Оахо был великим пловцом, — говорит старик. — Он мог нырнуть куда глубже, чем любой другой человек. Куда глубже, чем можешь нырнуть ты. Не каждый, кто остается в пучине, видит звезды.

Это правда.

— Алату Четыре Голоса, — говорит мальчик. — Но ты рассказывал, что море мелеет с каждым годом. Острова становятся все больше и больше. С Раунуи на Отоару уже можно пройти, не замочив ног, а когда я был маленьким, приходилось плыть.

Это тоже правда.

— Море мелеет, — тихо говорит старик. — Но море все равно глубоко. Может быть, через сто лет…

Он замолкает. Ему не хочется думать о том, что будет через сто лет. Но он прав. Уже через пятьдесят лет мир изменится. Огромное море и маленькие острова превратятся в большую сушу и маленькие озера.

Так будет, потому что с каждым днем мне нужно все больше и больше воды.

— Спасибо тебе, Алату Четыре Голоса, — говорит мальчик. Он встает и уходит, а старик тщетно смотрит в темноту, пытаясь понять, куда пошел Соуи, любящий задавать вопросы. К деревне или к лодкам?

Старик поднимает голову к небу и смотрит на меня. Смотрит так, будто видит. Мне становится неуютно.

— Защити его, всемогущий, — шепчет старик. — Ему всего пятнадцать лет. Он слишком рано стал задавать вопросы. Защити его! Я знаю, ты слышишь меня. Ты ведаешь все, что происходит в мире. Ты видишь движение рыб в пучине и бег звезд в небе. Когда я просил, ты посылал дождь. Когда я просил, ты пригонял рыбу. Сейчас я прошу самую малость,

всемогущий! Останови мальчика! Возьми мою жизнь вместо его!

Мне становится стыдно.

— Защити его, — шепчет старик. — Останови его…

Я хотел бы ответить, что защитить и остановить — это не одно и то же. Но я не могу ответить. Я смотрю, как плачет старик и как мальчик выбирает самую плохую лодку. Старик не хочет, чтобы мальчик умер. Мальчик не хочет, чтобы племя понесло убыток.

Я вызываю дождь.

В центре мира, там, где днем пылает свет, который люди называют солнцем, сгущаются облака. Я трачу немного энергии — и ливень обрушивается на остров, смывая слезы с щек старика. Капли барабанят по перевернутым лодкам, и мальчик останавливается, глядя в небо.

Дождь холодный.

Люди в деревне просыпаются и молят меня о милосердии.

Я не слушаю их.

Мальчик спускает лодку на воду. В лодке лежит камень на длинной веревке, свитой из копры, — якорь. Мальчик взвешивает его на руках и кивает. Камень тяжелый.

Я вызываю ветер.

Я не делал этого, когда Оахо уплыл в море. Оахо был стар и хотел лишь одного — увидеть звезды. Он увидел их, но глаза его давно уже съели рыбы.

Мальчик упрям. Он гребет, и лодка движется прочь от берега. Почти туда, где на дне моря лежат кости Оахо, опутанные веревкой из копры.

Я могу сделать для мальчика лишь одно…

Я могу показать ему звезды.

Я смотрю на дно. На стеклокерамике почти нет песка, сила Кориолиса относит его к островам. Морское дно темное, словно небо. Гладкое, сверкающее, темное небо.

Я даю команду, и на огромном цилиндрическом корпусе корабля оживают сервоприводы. Мне все равно требуется проверить механизмы — к тому дню, когда корабль достигнет Проциона и для людей откроется новое небо.

Изъеденный метеоритной коррозией лист брони начинает сдвигаться. Очень медленно. Но мальчик еще гребет, мальчик еще борется с ветром, и я должен успеть.

Корабль плывет в пространстве почти четыреста лет. Первый земной колониальный корабль. Ковчег поколений, в ласковом тропическом раю которого живут будущие колонисты. Большинство устраивает такая жизнь — рыбалка и охота, свадьбы и празднества. Тихий, ласковый рай.

Но всегда находятся те, кто хочет увидеть звезды. Иначе меня не отправили бы в путь длиной в полтысячи лет.

Мальчик бросает весла. Он сидит, вцепившись руками в борта лодки, и дышит. Дышит часто и сильно, наполняя легкие воздухом.

А глубоко внизу начинают сиять звезды.

Я должен защищать и оберегать людей. Это смысл моего существования. Каждая жизнь — бесценна, каждая жизнь — протянутая между звездами нить, дорога из прошлого в будущее. Это закон.

Но я не должен вмешиваться, спасая отдельного человека. Всегда и во всем полагаясь на доброго и всемогущего бога, люди перестанут быть людьми. Это тоже закон.

Я могу лишь показать мальчику звезды.

Лодку залило водой, лишь поплавки-балансиры удерживают ее на поверхности. Мальчик обрезает веревку острым ножом из осколка раковины, наматывает веревку на руку. На миг поднимает голову — глядя на меня.

Бросает камень за борт.

И прыгает в воду.

Мне страшно.

В десяти километрах над поверхностью моря, по центральной оси корабля в зоне невесомости, расположены мои основные блоки. Это то, чем я думаю. Но одновременно я — весь плывущий меж звезд корабль. Еще в какой-то мере я — плачущий на берегу старик, погружающийся в пучину мальчик и трясущиеся в хижинах люди.

И я очень хочу спасти того единственного, кто хочет увидеть звезды.

Я еще могу это сделать.

Я лишь не в силах найти для себя оправдание.

Вода вокруг мальчика становится все холоднее и холоднее. Дыхание космоса вытягивает тепло сквозь обшивку, и я трачу энергию лишь на то, чтобы вода в глубине не превратилась в лед. Глаза мальчика открыты, и он смотрит вниз, вдоль натянутой будто струна веревки, увлекающей его на дно.

Еще миг — и он увидит звезды.

Но он уже не успеет подняться.

Время, пока я могу его спасти, истекает. А решения все нет и нет. Я знаю, что одна-единственная жизнь не стоит ничего. Ни джоуля энергии, ни оборота сервопривода, ни килограмма воды, сгорающей в топке термоядерного двигателя

Но я уже нарушил правила, открыв броню заслонок.

Этот мальчик хочет увидеть звезды.

Так же как те, кто строил мою плоть и учил меня думать.

Я вдыхаю клубящийся вокруг меня водяной пар. Превращаю его в воду — и бросаю в камеру сгорания. Я отдаю команды — и реактор выходит на рабочую мощность. Я касаюсь главного двигателя — и магнитная броня окутывает титановые дюзы.

Вспомогательные системы что-то кричат — это похоже на собачий лай «Незапланированный маневр» «расход рабочего тела»… «обоснование»… «обоснование»…

Я становлюсь радаром — и заставляю его увидеть впереди астероид Немыслимый, чудовищный астероид, несущийся в межзвездной пустоте — прямо на меня.

Вспомогательные системы стихают.

Я снова смотрю на мальчика.

Он видит звезды. Он висит над самым дном и сквозь стеклокерамику видит звезды.

Звезды прекрасны.

Я заглядываю ему в глаза — и вижу отражение звезд в зрачках. Глаза мутнеют от кислородного голодания, но он еще жив.

Звезды прекрасны, почти как люди.

Мальчик слабо ведет рукой, пытаясь сбросить веревочную петлю. Когда-то я так же смотрел но Оахо Три Весла — но тот не сделал этого движения. Он был стар и хотел лишь одного.

А мальчик хочет увидеть звезды и выжить.

Петля затянулась намертво. Мальчик достает нож и перерубает веревку. Бросает последний взгляд на звезды — и рвется вверх.

Глубина — сорок семь метров.

Ему не выплыть.

Когда два закона говорят разное — каждый сам решает, как поступить.

Я поджигаю плазму.

Тонны воды превращаются в газ и вырываются из дюз главного двигателя.

Корабль вздрагивает.

Мир бьется в судороге.

Теперь главное — все правильно рассчитать.

Водяной вал проходит по внутренней поверхности цилиндра, на миг обнажая дно. Я маневрирую, уклоняясь от несуществующего астероида. Есть три вещи, которые я должен сохранить.

Бьющийся в потоках пены мальчик, мечтавший увидеть звезды.

Острова, которым вскоре суждено стать холмами.

Ну и я сам, конечно же.

Из морского дна выдвигаются демпферы. Некоторые не срабатывают, раскрываются не полностью. Надо будет починить… потом.

Цунами пробует острова своим краем. Слизывает пальмовую рощу. И несется на старика, стоящего у кромки отступившего моря.

Мне очень жаль, но тут я бессилен.

Старик видит надвигающуюся из темноты волну. Планктон возбужденно сверкает — и это похоже на звезды.

— Спасибо, всемогущий, — шепчет старик, прежде чем водяной вал накрывает его — и уносит в море.

Цунами уже стихает, но одну жертву море все-таки получило.

Последними включениями двигателя я заставляю волны метаться из стороны в сторону. Подгоняю к берегу оглохшую, ослепшую, нахлебавшуюся воды песчинку — и выбрасываю мальчика на берег.

Буря стихает.

Мальчик лежит на песке и жадно дышит.

Я смотрю на звезды в его глазах. Отворачиваюсь.

Корабль плывет в пустоте.

Звезды красивы.

Почти как люди.

Почти.

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИМЕРАХ ИЗ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Историческая справка

Проект «Ковчег», самый амбициозный космический проект человечества, был начат в

2187 году и завершен в 2260-м.

Астероид Сильвия, диаметром более ста километров, один из крупнейших в Солнечной системе, был окружен герметичной хрустальной сферой, удаленной от поверхности астероида на расстояние от десяти до пятнадцать километров. Сфера опиралась на две колонны из моноуглеродного волокна, так называемые Алмазные Столпы.

После этого астероид был подвергнут терраформированию — под хрустальной сферой создали пригодную для дыхания атмосферу, а поверхность астероида покрыли слоем искусственно созданной плодородной почвы. На астероиде появились уменьшенные копии всех земных материков, морей и рек. Были построены города и поселки, названные в честь земных прототипов, был также строго выдержан национальный состав поселенцев. Плавно скользящее на хрустальной сфере искусственное солнце согревало астероид и осуществляло на нем привычную смену дня и ночи. У Сильвии даже имелся естественный спутник семикилометрового диаметра — с поверхности он выглядел лишь чуть меньше земной Луны.

Только искусственное управление гравитацией позволило человечеству осуществить этот грандиозный проект. Однако на астероиде поддерживалась сила тяжести, равная половине земной, — за это почти единогласно высказались колонисты.

В 2264 году астероид был снят с орбиты и направлен в сторону звезды Барнарда. Предполагалось, что через две тысячи с небольшим лет потомки первых колонистов достигнут цели и смогут колонизировать планеты звезды Барнарда — или же отправиться в дальнейший путь.

На случай технической деградации населения Сильвии системы движения и жизнеобеспечения астероида были сделаны полностью автономными. Вероятно, это явилось правильным решением, поскольку в 2271 году эпидемия электронной чумы охватила уже покинувший пределы Солнечной системы астероид. Было ли это террористическим актом или чьей-то небрежностью — неизвестно. Связь с астероидом была прервана навсегда, и с тех пор мы ничего не знаем о судьбах отважных первопроходцев космоса.

Уцелела ли цивилизация Сильвии? Или же полностью деградировала, утратив все знания о мире? Если цивилизация действительно рухнула в варварство, то есть ли шансы, что когда-нибудь она возродится вновь, что дикие племена создадут письменность, культуру, расшифруют немногие сохранившиеся бумажные книги? Какой станет эта новая культура? Быть может, в ней появятся свои философы и поэты, писатели и ученые? Как они объяснят природу хрустальной сферы, окружающей их маленький мир?

Мы не знаем. Можно быть уверенным лишь в одном — эта культура будет совершенно не похожа на земную…

Тит Лукреций Кар
«О природе вещей»

фрагменты 1-й книги

Многие тщатся понять, что есть что в мирозданье,
Строят догадок пустых неисчислимые сонмы.
Вот для примера: одни говорят, что планета
Наша похожа на блин и лежит на спине кашалота,

Что рассекает просторы безбрежного моря,
Плавно неся на себе города и деревни.
Глупо! Любой кашалот, даже самый огромный,
Скользок, игрив и земли на себе не потерпит.

Есть и другие мечтатели с взором горящим.
Мир, говорят, как яйцо весь закрыт скорлупою,
Сферой хрустальной, хранящей тепло и дыханье.
Сферу же держат столпы из огромных алмазов.

Солнце, они говорят, есть огонь рукотворный,
Можно его уподобить пылающей масляной лампе.
Богоподобные предки его поместили на сферу,
Чтоб он катился по небу, нам путь освещая.

Что нам ответить на эту историю должно?
Только смеяться в ответ. Мы-то знаем, где правда!
В книгах мудрейших, доставшихся людям от предков,
Сказано все об устройстве всего мирозданья.

Наша планета — скопленье космической пыли,
Некогда диском огромным кружащей в пространстве.

Пыль ту сжимала в комки очень мощная сила,
Что порождает в предметах друг к другу влеченье.

Как у людей, тяготению силы подвластных,
Пламень любви загорается в душах нередко,
Так и в материи косной, кружащей в пространстве,
Вызвано было с годами тепло и свеченье!

Самый большой из скопленья космической пыли
Так распалился, что стал огнедышащим солнцем.
Наша планета вокруг него мчит по орбите,
Вдаль не спеша улетать и не падая в пламя.

Можно примером простым подтвердить эту мысль.
Ну-ка, возьмите бочонок с водой на веревке
И раскрутите вокруг себя очень быстро!
Видите? Кружит вода, тяготенью подвластна!

Так вот устроено наше с тобой мирозданье
Прочее — выдумки все и нелепость!

Франсуа Рабле
«Гаргантюа и Пантагрюэль»

7. О том, как Панург побывал у Алмазного Столпа

Когда все уселись за стол и Панург утолил первый голод, все принялись ублажать нашего пройдоху.

— Ах, отважный Панург! — говорил Пантагрюэль. — Верно ты и впрямь великий ловкач, раз сумел вернуться с края света! Ну расскажи-ка нам скорей, не томи, что такое Алмазный Столп?

Панург утер с губ изрядно утиного жира, отрыгнул и ответил:

— Да вы меня никак держите за верблюда, который может питаться только колючками и ничего не пить целый год! У меня в горле так пересохло, что ни одного словечка наружу не вылетит!

Надо сказать, что наш шельмец говорил это все звучным, звонким голосом, от которого на улице залаяли собаки, а в соседнем трактире повар опрокинул в жаркое изрядную меру перцового соуса. Будучи по натуре жадиной и злодеем, повар все-таки подал жаркое посетителям, и от того у восьмерых приключился заворот кишок, четверо умерли на месте, у двоих задымилась и отвалилась задница, ну а усравшихся и облевавшихся было совсем без счету. Речь наша, впрочем, не о том, а о путешествии хитрого Панурга.

— Подать сюда немедленно всякой воды! — закричал Пантагрюэль.

И ему принесли воды:

пять бадей морской, соленой и горькой,

четыре ведра озерной, с водорослями и всякой рваниной,

три ковша колодезной, на вид чистой, но вонючей,

две кружки из ручейка, который тек мимо ближайшей конюшни,

и кружку родниковой, хорошей и сладкой.

Но Панург возмутился снова и сказал, что в воде скрываются невидимые букашки, от которых пучит живот и наступает лихорадка. Так что пришлось Пантагрюэлю тряхнуть мошной, а это куда больнее, чем потрясти мошонкой, до чего он был преизрядный охотник!

И ему подали вина:

большую бочку красного, кислого как уксус,

маленький бочонок белого, хорошего на вкус, но плохого на запах,

и бутылочку мальвазии, достойной королей. Панург выпил все это в один присест, после чего сходил отлить и лишь потом начал свой рассказ:

— Случилось так, что буря прибила мой корабль к бесплодному каменистому острову, поднимавшемуся из моря словно огромная скала. Команда принялась чинить пробитый трюм и латать порванные паруса, я же отправился гулять, ибо человек ученый должен стремиться к знаниям. Остров был совершенно безлюден, но покрыт руинами, видно, в древности там жило преизрядно народу. И вот, гуляя по острову, увидел я впереди что-то прозрачное, но блистающее, тянущееся из земли прямо в облака. Подойдя же поближе, я охнул от удивления, ибо понял, что это есть тот самый мифический Алмазный Столп, который держит на себе хрустальную сферу неба.

— Постой-постой! — закричал Пантагрюэль. — Сверкание такого Столпа должно быть видно издалека и манить к себе корабли с жадными торговцами!

— Нет, — ничуть не смутившись, ответил наш враль. — Ибо Столп сей хоть и сделан

из алмаза, но не огранен, а кругл, будто колонна. Солнечного же света в тех краях почти что нет, ведь Столп уходит до самого неба и вызывает тем такие погодные, возмущения, что вечно окутан тучами и туманом. Только подойдя к нему вплотную, можно его заметить.

— А велик ли он в толщину? — спросил Пантагрюэль.

— Не очень, — ответствовал Панург. — Толщиной он в бычий хрен, конечно, если брать хорошего быка, племенного.

Пантагрюэль при этих словах нахмурился, засомневался и задумался, Панург же продолжал рассказ:

— Ощупав сей чудесный Алмазный Столп, я тут же понял, что никто не поверит моим речам. Следовало отколоть от него хотя бы кусочек и принести в цивилизованный мир на изучение ученым мужам. Но поразмыслив, отказался я от этой затеи, ибо, во-первых, алмаз есть самый прочный в мире камень, и его ничем нельзя повредить, кроме как расколов. А во-вторых, если Столп и впрямь держит хрустальную сферу небес, как говорят о том толстозадые монахи, то не упадет ли она нам на голову? Потому, смирив жадность, побежал я обратно к кораблю самыми большими прыжками, на которые только мог решиться. И никому из вас не расскажу я, где в океане находится остров с Алмазным Столпом, — хоть режьте мне руку,

хоть пилите мне ногу,

хоть кусайте за причинное место,

хоть щекочите колокольчики,

хоть целуйте в седалище!

Услышав эту пылкую речь, Пантагрюэль засмеялся и сказал:

— Ну и потешил, мой любимый дружок! Ну и наплел всякой всячины, навешал лапши на уши, запудрил мозги, наврал с три короба! Учеными мужами давно посчитано, что если и впрямь есть Алмазный Столп, что держит Хрустальный Свод, то толщиной он должен быть в четверть морской мили, а никак не с бычий хрен! Что же касается твоей отваги, то что мешает нам выведать тайну у моряков с твоего корабля?

— Только то, — отвечал хитрый Панург, — что, находясь уже в виду порта, я заколол их всех своей верной шпагой, с большим сожалением, но ради спасения всего нашего мира! Корабль же пустил на дно, а до берега добрался в лодке.

— Вот и ответ, — засмеялся снова Пантагрюэль. — Не желая платить морякам, ты их всех перебил, нас же потчуешь выдумками. То-то погоди, в аду черти припомнят тебе твои хитрости! А теперь давайте же пить и веселиться, ибо выслушали мы смешную выдумку!

И все принялись питьи веселиться, кроме Панурга, который очень обиделся и четверть часа на всех дулся. По истечении же четверти часа его веселый нрав взял свое, и он простил

друзьям обиду.

Жюль Верн
«Из пушки на Луну. Вокруг Луны»

фрагмент

— Нет, друзья мои, — воскликнул Барбикен. — Мы не упали на Землю! И мы не вонзились в мифический Хрустальный Свод! Мы летим к Луне!

Это известие вызвало бурю восторга.

— Ура! Ура! — вскричали в один голос Николь и Ардан. Густой мрак действительно подтверждал, что друзья покинули Сильвию или, по-простому, — Землю. Далеко внизу они видели поверхность планеты. Снаряд действительно вознесся в небо! Четко очерченная светящаяся граница атмосферы была уже где-то на полпути между снарядом и Сильвией, и никаких дырок или трещин в ней не наблюдалось.

— Я проиграл, — признал Николь. — То, что некоторые астрономы называли Оболочкой иди, по-старинному, Хрустальной Сферой, является лишь явлением дифракции и рефракции лунного и солнечного света на плотных слоях атмосферы. Мы вовсе не окружены непроницаемой скорлупой! Путь в небо открыт для человека! Я был не прав!

— С чем тебя и поздравляю, — сказал Ардан. — Получите девять тысяч долларов.

— Прикажете расписку в получении? — спросил Николь.

— Разумеется.

Когда формальности были завершены, Барбикен воскликнул:

— Теперь самое время закусить!

Сначала были поданы три чашки превосходного бульона, приготовленного из таблеток. Затем — три порции говядины, спрессованной, под гидравлическим прессом новейшей конструкции. Бифштекс был так сочен и нежен, словно только что вышел с кухни.

Затем были поданы консервированные овощи и ароматнейший русский чай с печеньем. Роскошный пир был завершен бутылкой отменного бургундского.

Много было съедено за этим завтраком и еще больше сказано.

— Произведя необходимые эксперименты, — заявил Барбикен, — я убедился, что Сильвия действительно имеет в диаметре сто тридцать километров, в то время как Луна — всего семь. Все это прекрасно согласуется с новейшими научными данными.

— А чем вы объясните тот факт, что в древнейших манускриптах встречаются упоминания о других размерах Земли и Луны? — спросил Ардан. — А именно — двенадцать тысяч семьсот пятьдесят шесть километров для Земли и три тысячи четыреста семьдесят шесть километров для Луны? Возможно ли, что когда-то наши предки обитали на другой планете?

Барбикен засмеялся:

— Подумайте сами, друг мой. Была бы возможна жизнь на планете таких размеров? Разумеется, нет! Ускорение свободного падения на Земле равно четырем целым сорока пяти сотым метра в секунду. И это — при диаметре планеты в сто тридцать километров! При размерах Земли в девяносто восемь раз больше вы не смогли бы даже пошевелиться! Вас пришлось бы сделать из чугуна или стали и снабдить могучим паровым мотором!

— Но откуда же взялись эти загадочные цифры? — упорствовал Ардан.

— Древние люди, при всех своих загадочных открытиях и достижениях, были склонны преувеличивать размеры Земли. Она казалась им гораздо больше… в сто раз больше… не зря же истинный размер планеты оказался именно в сто раз меньше!

Это простое и логичное объяснение угомонило даже скептическую натуру Ардана. В этот момент Николь возбужденно закричал:

— Смотрите! Смотрите! Мы пролетаем мимо Солнца!

Действительно, снаряд в своем движении приближался к чудесному источнику тепла и света! Барбикен, вооружившись угломером и нацепив темные очки, быстро произвел необходимые измерения.

— Французские ученые были правы! — воскликнул он наконец. — Диаметр Солнца составляет ровно восемьсот метров!

— Не выпить ли нам по этому поводу шампанского? — спросил Ардан.

Николай Носов
«Незнайка на Луне»

фрагмент

С тех пор как Знайка вместе с Фуксией и Селедочкой побывали на Луне, Знайка много рассказывал о своем путешествии. Особенно он любил рассказывать про лунные кратеры, которые, как всем известно, представляют собой остатки древних кирпичных стен. Поразмыслив, Знайка решил, что на Луне тоже когда-то жили коротышки. Но у них не было Хрусталь-

ного Свода, который удерживает воздух над Землей, поэтому воздух с Луны понемногу улетучивался, улетучивался, пока не улетучился совсем. Вот коротышки и окружали свои города толстыми стенами, чтобы им было чем дышать. А потом они взяли и переселились внутрь Луны, потому что Луна внутри пустая, вроде футбольного мяча, и на внутренней ее поверхности можно прекрасно жить. Об этом Знайка даже написал книжку.

Эта Знайкина книжка наделала много шума. Все коротышки с увлечением читали ее. Многие ученые хвалили ее за то, что она научно обоснованна, но ругали за то, что плохо написана.

А действительный член академии астрономических наук профессор Звездочкина, которую недавно признали астрономом года, прочитала Знайкину книжку и просто закипела от негодования и сказала, что книга эта — вовсе не книга, а какая-то, как она выразилась, чертова чепуха. Эта профессорша Звездочкина была не то чтобы какой-нибудь очень сердитой дамой. Нет, она была довольно доброй коротышкой, но очень, как бы это сказать, требовательной, непримиримой. Во всякой книжке она ценила больше всего чтение познавательное и терпеть не могла никаких фантазий, то есть выдумок.

Профессор Звездочкина предложила академии астрономических наук устроить обсуждение Знайкиной книги и разобрать ее, как она выразилась, по косточкам, с тем, чтобы никому больше неповадно было такие книги писать. Академия дала согласие и послала приглашение Знайке. Знайка приехал, и обсуждение началось.

Когда все приглашенные коротышки расселись в просторном зале, на трибуну взошла профессор Звездочкина, и первое, что от нее услышали, были слова:

— Дорогие друзья, разрешите заседание, посвященное обсуждению Знайкиной книги, считать открытым.

После этого профессор Звездочкина громко откашлялась, не спеша вытерла платочком нос и принялась делать доклад. Изложив кратко содержание Знайкиной книги и похвалив ее за научную точность в описании руин лунных городов, профессор сказала, что переселение коротышек внутрь Луны — это глупость несусветная. А еще, по ее мнению, книга написана совершенно ужасным и неряшливым языком. А печатанье скверных книг — это вовсе не пустячок, как кому-то кажется. Теперь каждый глупый коротышка начнет печатать свои книги, одна другой хуже. А когда умные коротышки примутся читать эти книжки, они тоже поглупеют и начнут писать глупости. И так все будут глупеть и глупеть, пока не поглупеют окончательно и совсем разучатся читать.

Выслушав все это, Знайка поднялся со своего места и сказал насмешливо:

— Вы рассуждаете так, будто уже прочитали все скверные книжки на свете.

— Только вашу! — огрызнулась профессор.

— Какая же она скверная, если коротышки ее читают и хвалят? — возразил Знайка.

— При чем тут коротышки? — буркнула профессор.

— А вот при чем, — сказал Знайка. — Да будет вам известно, что книжки пишутся, чтобы их читали. И если кто-то, прочитав скверную книжку, поглупел, то, значит, он сам был глупым! И вообще, что для одного книжка скверная, то для другого очень даже хорошая!

— Это не научный подход! — закричала Звездочкина. — Вы себе какие-то глупости втемяшили в голову! Только дурачку могла понравиться ваша книжка!

Тут все коротышки, которые читали Знайкину книжку, очень обиделись.

И со всех сторон раздались крики:

— Верно! Правильно! Долой Звездочкину!

Сейчас же двое коротышек схватили Звездочкину — один за шиворот, другой за ноги — и стащили ее с трибуны. Коротышки стали требовать, чтобы Знайка рассказал про свое путешествие на Луну или почитал книжку вслух.

Однако Звездочкина снова выскочила на трибуну и сказала:

— Дорогие друзья, мы здесь собрались вовсе не для того, чтобы про Луну слушать, а для того, чтобы обсудить Знайкину книжку, а поскольку книжку мы не обсудили, то, значит, не выполнили того, что было намечено, а раз не выполнили того, что было намечено, то надо будет все-таки выполнить…

Шум поднялся такой, что ничего уже нельзя было понять. Двое коротышек снова бросились на трибуну и поволокли Звездочкину прямо на улицу. Там ее посадили в скверике на траву и сказали:

— Вот когда сама напишешь книжку, тогда будешь выступать на трибуне, а сейчас пока посиди здесь на травке.

От такого бесцеремонного обращения Звездочкина ошалела настолько, что не могла произнести ни слова. Потом она понемногу пришла в себя и закричала:

— Это безобразие! Я буду жаловаться! Я напишу в газету! Вы еще узнаете профессора Звездочкину!

Она долго так кричала, размахивая кулаками, но, увидев, что все коротышки разошлись по домам, сказала:

— На этом заседание объявляю закрытым.

После чего встала и тоже пошла домой.

Аркадий и Борис Стругацкие

«Обитаемый остров»

фрагмент

Максим приоткрыл люк, высунулся и опасливо поглядел в небо. Небо здесь было высокое и какое-то мягкое, легкомысленно-прозрачное, намекающее на бездонность космоса и множественность обитаемых миров, без привычной библейской тверди, гладкой и непроницаемой. Небо это, несомненно, не опиралось на Алмазные Столпы, установленные на полюсах, и прямо так, без всякой Хрустальной Сферы, простиралось в космос.

Максим поискал в зените дыру в Сфере, пробитую кораблем, но дыры там не было — только расплывалась большая фосфоресцирующая клякса, словно капля бензина в воде.

— Самозатягивающаяся Сфера! — восхищенно прошептал Максим. Вероятность найти планету с подобной Сферой — ноль целых, ноль-ноль… Но ведь всякое возможное событие когда-нибудь да осуществляется.

Максим обошел корабль, ведя ладонью по холодному, чуть влажному его боку. Он обнаружил следы удара там, где и ожидал. Глубокая неприятная вмятина над штробильным аппаратом. Значит, вот как оно все было…

Корабль опустился на Хрустальной Сфере. Выдвинулся штробильный аппарат, проделал дырочку для входа в атмосферу. Хорошо так проделал, аккуратно, как и положено умному, исправному кораблю. Потом корабль вынул верхними манипуляторами хрустальный круг, поднял над собой и стал протискиваться в отверстие, чтобы быстренько наложить шов и восстановить целостность Хрустальной Сферы, не лишить планету драгоценного воздуха. Но Сфера оказалась авторемонтирующейся! И она сама заделала дырку, поддав при этом кораблю по носу!

«Приключение», — подумал Максим. Приключение тела, конечно. И все-таки интересно!

Он поддернул трусы и размашистым шагом направился к реке. Сухая трава шуршала под ногами, репейники кололи пятки.

Река была большая, медленная, и простым взглядом совершенно не было заметно, как она исчезает за линией горизонта. Дифракция здесь была чудовищная, горизонт терялся где-то вдали. Казалось, что диаметр планеты не сто тридцать километров, как положено на любой пригодной для жизни планете, а гораздо, гораздо больше. Может быть, тысяча километров. А может быть, даже две или три!

Максим остановился на берегу, зачерпнул горстью воду. Понюхал. В воде чувствова-

лось много железа и радиации.

Итак, планета обитаема!

Какая цивилизация может развиться в таком мире? — задумался Максим. Они не видят Хрустального Свода — значит у них не возникнет идеи о Творце. Никакого бога, никакой клетки, ограничивающей человеческий мир! Космос должен казаться им совсем-совсем близким, легко достижимым. А еще — собственный мир представляется им огромным, бескрайним, полным тайн и приключений. В воде — металл, значит, цивилизация технологическая и не испытывающая нужды в ресурсах. В воде — радиация, значит, они постигли тайны атома и совершенно не боятся радиации, не считают нужным от нее защищаться…

Максим даже глаза закрыл и причмокнул от удовольствия.

Ах, какие люди живут на этой планете!

Свободные и гордые — их разум не бился в тисках религии, прежде чем наука доказала естественное происхождение Хрустальной Сферы!

Пытливые и любознательные — они путешествовали по своей планете, излазили ее вдоль и поперек, а теперь, конечно же, их манит космос!

Умные и мастеровитые — строители железных машин, покорители атомного ядра, прирожденные Инженеры и техники!

Сильные и здоровые — их не пугает радиация, они здоровы духом и телом!

Щедрые и быстро развивающиеся — оставляющие ржаветь старые механизмы, не привыкшие экономить и постоянно создающие новое!

— Братья по разуму, — прошептал Максим. — Старшие братья!

За спиной кашлянули. Это не было вежливое покашливание деликатного интеллигента, пытающегося обратить на себя внимание. Это был настоящий, грудной, родившейся у самой диафрагмы и долго рвавшийся наружу кашель, и деликатности в нем было не больше, чем в шумно выпущенных кишечных газах.

Максим обернулся к прибрежным кустам.

Там, расставив крепкие короткие ноги, стоял весь заросший рыжим волосом коренастый человек в безобразном клетчатом комбинезоне. Сквозь буйные рыжие заросли смотрели на Максима буравящие голубые глазки, очень пристальные, пристальные и острые, будто резцы штробильного аппарата. Сразу стало ясно, что этот рыжий молодчик не впервые видит пришельцев из другого мира и привык обходиться с ними быстро, круто и решительно.

А ресурсы братья по разуму и впрямь не экономили! Материи на одежду рыжего ушло столько, что хватило бы обеспечить трусами десяток пилотов Группы Свободного Поиска. Максиму стало неловко и немного стыдно.

— Да! — сказал Максим, энергично кивая. — Сильвия! Космос! Максим! Меня зовут

Мак-сим!

Брат по разуму на миг задумался, а потом перехватил поудобнее странный железный аппарат, висевший у него на груди. Выхлопное орудие этого аппарата уставилось Максиму в грудь…

ОТ ГОЛУБЯ — К ГЕРКУЛЕСУ

День начинался удачно. К десяти пришла на прием пожилая крашеная дама — директор крупного сетевого супермаркета. Из путаных объяснений следовало, что ее очень волнует интенсификация трудового процесса и повышение качества обслуживания покупателей.

Денис слушал очень внимательно, кивал, задавал нужные вопросы. А в компьютерном досье сделал пометку: «Боится, что подсидят».

К половине двенадцатого директор выговорилась и получила твердое обещание, что психолог завтра же подъедет и познакомится с коллективом. Подписала договор о совместной работе и откланялась. На прощание оставила Денису фирменный пакет от супермаркета «Полтинничек». В пакете были бутылка коньяка, бутылка шампанского и банка икры. Коньяк был дагестанский, шампанское — молдавское, икра — красная. Денис покачал головой и восхищенно пробормотал:

— Совок!

Может, хрен с ней? Пусть подсиживают? Платит двадцать четыре тысячи за изучение психологической обстановки в коллективе — и при этом оставляет презенты на пятьсот рублей.

Но Центр психологии трудовых отношений, который Денис создал три года назад, справедливо гордился лояльностью к самым неприятным клиентам. Однажды его клиентами были… впрочем, вспоминать об этом не хотелось.

Денис вызвал секретаршу и глазами указал на пакет:

— У Галины Петровны завтра день рождения. Отнеси, пусть девочки отметят как следует.

— Хорошо, Денис Романович. — Секретарша без лишних вопросов подхватила пакет. Она была симпатичная, молодая, но правильная — никаких сплетен, никаких интрижек на рабочем месте, тем более — с начальством. Денис по опыту знал, что половина проблем в «трудовых коллективах» начинается со служебных романов. — Вас еще один клиент дожидается. Без записи.

Денис покосился на часы. Спросил:

— И как он?

Секретарша неожиданно смешалась. Отвела глаза:

— Ну… серьезный такой. Обстоятельный…

— Кредитоспособный? — Денис позволил себе улыбку.

— Да, — твердо сказала секретарша.

— Пусть войдет… через пару минут. И… кофе, чай, минералочку…

Секретарша упорхнула. Денис помассировал затылок. Откинулся в кресле. Все-таки руководить фирмой со штатом в двадцать человек нелегко. Даже если ты молодой и успешный психолог, специалист по трудовым отношениям…

— Вы позволите?

Клиент вошел как-то очень незаметно. Мужчина средних лет, в хорошем костюме, обувь начищена, галстук повязан аккуратно. Пожалуй, и впрямь перспективен.

— Садитесь, прошу вас. — Денис привстал, выжидая, пока клиент опустится в кресло. Обменялся с ним рукопожатием. — Денис Озорнин. Можно просто — Денис.

— Я предпочел бы не называть свое имя, — грустно сказал клиент. — Это возможно?

— Пожалуйста. — Денис развел руками. — Но в таком случае как мы будем работать?

— Мне нужна всего лишь консультация специалиста. Много времени я не займу. Расплачусь я наличными.

Денис заколебался. Нет, мужчина не походил на налоговика.

— Введите меня в курс проблемы, — попросил он. Мужчина вздохнул:

— Проблема… да. Я — глава крупной транспортной компании.

Денис понимающе кивнул.

— Некоторое время назад я получил очень выгодный заказ… Доставить груз… — Он замолчал. Улыбнулся: — Крайне трудно пояснить детали, крайне трудно…

— Воспользуйтесь аналогией, — предложил Денис.

— Представьте себе транспортный корабль, — сказал клиент. — Точнее — целую флотилию транспортных кораблей, слаженно и неторопливо двигающихся к цели.

Денис вежливо ждал.

— Да… кстати… это вам…

Из кармана пиджака была извлечена пачка денег. Купюры легли на стол, и Денис быстро отвел взгляд.

Это вам не красная икра с дагестанским коньяком!

— Я вас очень внимательно слушаю, — сказал Денис.

— Так вот, мне было поручено доставить груз…

— Что за груз? Если не секрет? — Денис опять покосился на пачку с деньгами и отвел

глаза.

— Никаких секретов. Большое количество газов, большей частью в сжиженном виде. Полезные ископаемые. Некоторое количество воды… Обычные грузоперевозки.

Денис покивал.

— Разумеется, я мог бы преодолеть весь путь один, — сказал мужчина. — Поверьте, технические возможности это позволяют. Но это… это так невыносимо скучно! Опять же — возможны происки конкурентов, нападения пиратов, те или иные технические проблемы…

— Пираты — это ужасно! — сказал Денис и покосился на пачку. Нет, вроде как настоящие деньги…

— И не говорите! — поддержал его клиент. — Поэтому я обзавелся экипажем. Вначале, конечно, не обошлось без определенной деградации. Были проблемы со средствами коммуникации.

— Начальный этап работы — он всегда самый трудный, — сказал Денис. — Коллектив притирается друг к другу и к начальству, усваивает правила игры…

— Вот! Вот! — Клиент энергично закивал. — Я был уверен, что вы поймете! Но с этими проблемами я худо-бедно справился. Был даже бунт… можно так сказать…

— Бунт на корабле! — притворно возмутился Денис. — Какое свинство!

— Пришлось включать противопожарные системы, устроить, так сказать, головомойку. Справился, хотя это и не доставило мне удовольствия… Дальше все помаленьку вошло в рабочий ритм. Корабль движется, экипаж осваивает управление…

Денис с серьезным видом пододвинул к себе лист бумаги и нарисовал елочку. Скоро Новый год. Если в этой пачке и впрямь доллары, то с подарком для жены проблем не возникнет…

— Потом началось расхищение и порча груза, — сказал мужчина. — Конечно, определенный процент усушки заложен в нормативы. Но к чему, скажите мне на милость, расшвыривать редкоземельные металлы за борт? А что говорить о сварах и ссорах среди экипажа?

— Очень плохо, — сказал Денис. — Я думаю, вам надо установить простые и четкие нормы поведения на работе.

— Установил! — Клиент вздохнул. — Очень простые, очень понятные. Не допускающие, как мне казалось, ложного толкования. Все равно — все извратили, выхолостили, приспособили под свои сиюминутные потребности. Грызня идет непрерывная, бессмысленная, отвратительная!

— В вашей ситуации, — Денис нарисовал еще одну елочку, — я бы посоветовал положиться на здоровую часть экипажа. Заключить с ними отдельный трудовой договор и опираться, скажем так, на прогрессивные силы коллектива.

— Я так и сделал. — Мужчина поморщился. — Выбрал наиболее вменяемую группу, договорился, обеспечил им наилучшие условия для работы. Знаете, что началось?

— Травля, — сказал Денис. — Со стороны прочего коллектива.

— Именно, — горько сказал мужчина, — Дикая, омерзительная, непрерывная травля. И мало того, в ответ на эту грызню и мои фавориты повели себя не лучшим образом! Неприязнь, дистанционирование, подчеркнутая обособленность, в последнее время — ответная агрессия…

— Естественная реакция, — сказал Денис. — Поддерживая часть коллектива, вам надо было ясно продемонстрировать — пусть им многое дано, но и спросится с них вдвойне!

— Да вроде так и делал… — Клиент замолчал.

Денис полюбовался еловой рощицей, возникшей на листе бумаги. Сказал:

— Сейчас вы, как я понимаю, в тупике.

— В абсолютном тупике, — кивнул клиент. — Чувствую, кончится все очередным мятежом. Экипаж буквально перебьет друг друга! И при этом нанесет большой урон той части груза, до которой в состоянии дотянуться. Пока я несу убытки только морального свойства… это разбрасывание редкоземельных элементов по большей части пустяковое… детское баловство. Но если пострадает основной груз воды… а он как раз под боком у экипажа… тут уже серьезная неустойка.

— Я вижу только один выход, — сказал Денис. — Но, предупреждаю вас сразу, это трудное решение.

— Да? — с надеждой спросил мужчина.

— Вы можете сменить экипаж?

— Могу. — Мужчина даже растерялся. — В любой момент. Но… это как-то… так сказать, не по-божески…

— Зато очень даже по-людски. Вы с ними пытались вести дело честно?

— В меру их понимания… — вздохнул мужчина.

— Ну так увольняйте.

— Я к ним привязался… — Мужчина неловко улыбнулся. — При всех недостатках… они для меня как семья…

— Вы кто? Воспитатель или капитан? Вам что нужно, шашечки или ехать?

— Ехать, — вздохнул мужчина.

— Вы долго пытались их вразумить?

— Очень долго! Века и тысячелетия, можно так сказать…

— Мой вам совет, — твердо сказал Денис. — Меняйте команду.

Посетитель поднялся. Вздохнул. Протянул руку:

— Что ж… спасибо вам… Я подумаю. А может, дать им испытательный срок?

Денис иронически улыбнулся и покачал головой. Мужчина вздохнул и направился к двери.

— А куда груз-то везете? — не удержался Денис.

— Из созвездия Голубя в созвездие Геркулеса, — ответил мужчина, не оборачиваясь.

Дверь за ним закрылась.

Денис с легким подозрением взял в руки пачку купюр. Мужик оказался психом!

Но деньги были настоящие.

И это Дениса полностью успокоило.

ДОКТОР ЛЕМ И НАНОТЕХИ

> Я погрузил в лодку сто воловьих и триста бараньих туш, соответствующее количество хлеба и напитков и столько жареного мяса, сколько могли приготовить четыреста поваров. Кроме того, я взял с собою шесть живых коров, двух быков и столько же овец с баранами, чтобы привезти их к себе на родину и заняться их разведением. Для прокормления этого скота в пути я захватил с собою большую вязанку сена и мешок зерна. Мне очень хотелось увезти с собою с десяток туземцев, но император ни за что не согласился на это; не довольствуясь самым тщательным осмотром моих карманов, его величество обязал меня честным словом не брать с собою никого из его подданных даже с их согласия и по их желанию…
>
> ***Джонатан Свифт***

— Джон Баркер, к вашим услугам, — низко кланяясь, произнес газетчик.

Хозяин дома шагнул ему навстречу. Несмотря на немалый возраст, он был крепок, а глаза его блестели задорным живым огнем.

— Лемюэль Гулливер. Садитесь к огню, вы изрядно продрогли. — Он приветливо указал на уютное глубокое кресло у камина.

Представляться ему не было нужды — кто же не знает в лицо знаменитого ученого, путешественника, врача — «доктора Лема», как ласково называла его и лондонская беднота, и высшая знать. Но сам тон доктора сразу снял неловкость молодого журналиста.

— Глоток портвейна? Хотя… в такую погоду я посоветовал бы вам выпить хереса. — Лемюэль сам разлил золотистое вино по бокалам. — Не смущайтесь, молодой человек. Я с

большим интересом читаю ваши заметки. Несмотря на молодость, вы лучший из журналистов «Ивнинг ньюс», а это значит — и лучший в мире.

Баркер слегка порозовел от смущения. Он и впрямь был еще молод, но прекрасно осознавал легкость своего пера.

— Прекрасный херес… Господин Гулливер! — пригубив вино и отставив бокал, начал журналист. — Я понимаю, вы устали от постоянных визитов газетчиков. Но сегодня знаменательный день…

— Двадцать пять лет с моего возвращения из Лилипутии, — кивнул Гулливер. — Как летит время!

Баркер вежливо замолчал, но Гулливер не стал продолжать.

— Ваши открытия изменили весь наш мир, — сказал Баркер. — Вы многое описали в своей знаменитой книге, вы неоднократно рассказывали о своем путешествии на страницах газет. И потому я особо признателен, что вы согласились дать мне интервью. Вряд ли нужно повторить всем известные факты. Но до сих пор остаются какие-то детали, малоизвестные широкой публике… Позвольте мне использовать диктофон?

— Конечно, — кивнул Гулливер.

Баркер извлек из кармана маленькую коробочку, щелкнул клавишей и положил ее на стол между Гулливером и собой.

— Итак, — продолжил Баркер. — Когда тринадцатого апреля одна тысяча семьсот второго года вы прибыли в Даунс, вы привезли с собой шесть живых коров, двух быков, шесть овечек, двух баранов и шестнадцать живых лилипутов — двенадцать женщин и четверых мужчин…

— Пять овечек, — возразил Гулливер. — Одну овечку на корабле съели крысы.

— Простите, — поправился Баркер. — Пять овечек… Скажите, почему именно такая пропорция?

— Хороший вопрос! — Гулливер оживился. — Мне показалось, что она наиболее экономична. С одной стороны, особи женского пола более ценны для размножения. С другой — брать всего лишь одного быка или лилипута — полагаться на волю случая. Представьте себе, что было бы, возьми я с собой всего одного барашка — и попадись он крысе?

— Могу себе представить, — кивнул Баркер. — Я обожаю жаркое из лилипутских овечек, хотя и нечасто могу себе его позволить… Итак — вы предусмотрительно захватили с собой достаточное количество лилипутов. Скажите, вам уже тогда приходили в голову мысли об их коммерческом использовании?

— Нет, что вы! — бурно запротестовал Гулливер. — Мною руководило всего лишь понятное желание подтвердить свой необычный рассказ. Кто поверил бы мне иначе? Все сочли

бы, что перенесенные страдания помутили мой разум. Вместо родного дома я угодил бы прямиком в Бедлам…

Баркер сочувственно кивнул.

— Конечно, меня посещали кое-какие мысли, — продолжал Гулливер. — К примеру — цирковые представления. «Цирк лилипутов» — замечательно звучит! Да и ухаживать за лилипутской скотиной сподручнее лилипутам. Но впервые мысль о полезности лилипутов посетила меня лишь осенью семьсот второго года… У моей Мэри разболелся зуб. Я осмотрел его и пришел к выводу, что зуб придется удалять. Это, конечно же, изрядно расстроило супругу. Она так горько рыдала, представив себе, что в ее белоснежной улыбке появится отвратительная дыра! И тогда я поговорил с Гердайо Ферлоком, смышленым пареньком из лилипутов. На родине своей он был искусным каменщиком и давно уже тосковал по настоящей работе. Под моим руководством он сделал необходимые инструменты, после чего отважно забрался в рот моей бедной Мэри и осмотрел зуб. Оказалось, что в зубе имеется значительных размеров дырка, ткани в которой размягчились и разлагаются, причиняя боль и служа источником зловония. Обмотав лицо мокрой тряпицей, Ферлок за два часа полностью выдолбил пораженные ткани, оставив в неприкосновенности здоровые. Потом он смешал крепкий цементный раствор и очень аккуратно заделал отверстие. Зуб полностью исцелился, а Мэри сохранила свою красоту.

Баркер заерзал:

— Замечательная история, доктор! Но наши читатели, полагаю, с ней хорошо знакомы, а многие и пользуются услугами клиники «Нанодент». Не могли бы вы добавить какие-нибудь небольшие, но интересные детали?

Гулливер задумался:

— К примеру… к примеру, я никогда не рассказывал, что в первый раз Ферлок взял с собой крошечную масляную лампу, чтобы осветить больной зуб. И надо же было так случиться, что лампа опрокинулась, и горящее масло попало Мэри на язык! Ей было очень больно, но она нашла в себе силы вначале выплюнуть Ферлока, а уже потом начать кричать. В противном случае, боюсь, мой отважный лилипут оглох бы до конца дней своих… Конечно, после этого мы стали пользоваться системой зеркал, дающих прекрасное и безопасное освещение.

— Замечательно! — воскликнул Баркер. — Очень жизненно и трогательно! Я восхищен вашей супругой, доктор!

Гулливер скромно улыбнулся.

— А когда вы решили применить лилипутов при хирургической операции? Я слышал несколько разных версий…

— В одна тысяча семьсот четвертом году, — сказал Гулливер. — Первый опыт был в одна тысяча семьсот третьем, но больной скончался, и я не считаю этот опыт удачным. А вот в семьсот четвертом все получилось просто великолепно! Плотнику на лесопилке отсекло руку чуть ниже локтя. Это случилось прямо на моих глазах — и я решил рискнуть! Вместо того чтобы ограничиться остановкой кровотечения, я наложил тугие жгуты, принес всех имевшихся у меня тогда лилипутов — и Ферлок вместе со своим младшим братом, кузнецом, соединили кость медными скобами. В это же время женщины-лилипутки тщательно сшили между собой поврежденные сосуды, нервы, сухожилия, а потом и края раны. Впереди были долгие и трудные месяцы выхаживания, но, как вам известно, через два года Том прекрасно владел едва не потерянной рукой! К моей глубокой печали, это не исцелило его от пристрастия к джину, и как-то раз, на той же самой лесопилке… — Гулливер вздохнул. — А меня тогда поблизости не было.

— Примерно в те годы вы придумали слово «нанотех», верно? — спросил Баркер. — Но почему?

— Видите ли, слово «лилипут» звучало насмешливо и пренебрежительно. Моих работящих и умелых лилипутов надо было называть как-то иначе. Я взял слово «нано» — от греческого nanos — карлик, и слово «тех» — от греческого techne — искусство, мастерство, умение. Получилось благозвучное и гордое слово «нанотех» — карлик-умелец. Потом уже появилась наука «нанотехнология», началось деление на нанотехнологию медицинскую, нанотехнологию строительную, нанотехнологию дипломатическую и военную… — Гулливер вздохнул. — Видит Бог, я никогда не думал, что мои милые лилипуты станут орудием шпионажа и войны!

— Не думали? — с легкой, едва заметной иронией спросил Баркер.

Гулливер вздохнул:

— Мне и самому доводилось оказывать услуги короне, это не секрет. Но мои маленькие трудолюбивые нанотехи с их смешными войнами остро— и тупоконечников… Знаете, все началось из-за харчевни «Черный Бык» на Феттер-Лейн… кстати, вам не случалось там бывать? Искренне рекомендую, лучшая лилипутская кухня в Лондоне! Так вот, харчевня находилась у меня в долгосрочной аренде, но внезапно начала пользоваться дурной славой. Стали говорить, что в ней нещадно разбавляют вино, что вместо лилипутской говядины подают обычную телятину… Разумеется, меня это никак не устраивало. Я попросил одну милую пару лилипутов подежурить в харчевне — после чего главного повара с позором выгнали на улицу. Затем случилась история с неверной женой герцога N… впрочем, о деталях я умолчу. А уже потом ко мне обратились из адмиралтейства. Но если использование лилипутов для сыскного дела я могу одобрить, то нанотехи-диверсанты — опошление самой сути

нанотехнологии! Вы только представьте себе гордых строителей, корабельных дел мастеров, которые вынуждены сверлить дырки во вражеских трюмах! Ну а нанотехи-поджигатели? Это ведь просто опасно!

— Согласен с вами, — кивнул Баркер. — Если наши любезные маленькие человечки выйдут из подчинения и примутся жечь все налево и направо? И чужих, и своих?

— Вот, вот, вот, — энергично закивал Гулливер. — Вы правильно меня поняли!

— А что вы думаете по поводу незаконной торговли нанотехами, доктор? — с любопытством спросил Баркер.

— Безоговорочно осуждаю! — Гулливер даже повысил голос. — Все мои лилипуты приехали в Англию добровольно, каждому было заплачено золотом… ну, с нашей точки зрения — немного, но ведь для лилипутика одна гинея — уже целое состояние. А эта отвратительная работорговля, эти сачки, клетки… я не питал теплых чувств к императору Гольбасто Момарену, но его трагическая судьба… И главное — зачем? Лилипуты размножаются так замечательно быстро, так неприхотливы в содержании, с такой радостью отправляются на заработки в Англию! Не было и нет никакой нужды в этих нецивилизованных поступках.

Потянувшись за бутылкой, Гулливер щедро налил себе и Баркеру еще хереса.

— Вопрос несколько неловкий, не для печати, — задумчиво произнес газетчик. — Ходят слухи, что среди дам высшего света некоторое время назад появилась новая забава…

— Нет. На эту тему я говорить не буду! — резко ответил Гулливер. — Это просто омерзительно!

— Согласен с вами, — поддержал его Баркер. — Скажите, доктор Лем… — Он запнулся, сообразив, что назвал Гулливера народным прозвищем.

Но Гулливер только улыбнулся:

— Ничего страшного. Мне льстит это имя, друг мой. Итак?

— Доктор Лемюэль, — смущенно продолжил Баркер. — Что вы думаете о перспективах нанотехнологии?

— Я возлагаю большие надежды на выведение новых пород лилипутов, — с воодушевлением произнес Гулливер. — За последние десять лет в результате интенсивной селекции рост взрослого лилипута уменьшился на целый дюйм!

— А какие-то новые отрасли нанотехнологии?

— В первую очередь — горнодобывающие нанотехи, — сказал Гулливер. — Подобно гномам из сказок, нанотехи будут дробить и сортировать руду, отыскивать драгоценные камни и выбирать золотые песчинки из пустой породы. Опыты уже ведутся и крайне обнадеживают. А сельское хозяйство? Борьба с вредителями, переборка зерна, внесение в землю удобрений… Очень большие перспективы у бытовой нанотехнологии. Уборка помещений, про-

чистка труб… нельзя забывать и обо всех этих новомодных штучках: музыкальные шкатулки, карманные ящички с нанотехами-художниками… ваш диктофон, в конце концов. Позволите взглянуть?

— Пожалуйста. — Газетчик пододвинул диктофон к Гулливеру. Тот с любопытством осмотрел коробочку. За черными ажурными решеточками сидели две лилипутки и что-то быстро писали в крошечных тетрадочках.

— Зачем две? — спросил Гулливер.

— Это новая нанотехнология, — пояснил Баркер. — Во-первых — дублирование записей. Во-вторых — так им веселее, и они работают гораздо надежнее.

— Прекрасная идея, — согласился Гулливер. И поглядел на настенные часы, где пожилой нанотех как раз переводил минутную стрелку на деление вперед.

— Последний вопрос, доктор, — произнес газетчик, понимая вежливый намек. — Скажите, а что в ваших ближайших планах?

— Путешествие! — Гулливер улыбнулся. — Я чувствую, что засиделся в Лондоне. Бизнес мой процветает, нанотехи прочно вошли в нашу жизнь. Пора поискать новых чудес! Я уже договорился с Джоном Николесом, капитаном судна «Адвенчер»…

> …Однако, поразмыслив хорошенько, я счел, что слово, данное под давлением, не обязательно соблюдать; не произойдет ничего ужасного, если я возьму с собой в Лондон десяток-другой лилипутов — разумеется, с их согласия и по их желанию…

НЕЧЕГО ДЕЛИТЬ

Летающая тарелка пронеслась над речкой Ухтомкой, чиркнула матовым днищем по воде, подскочила — но набрать высоту уже не успела, врезалась в кручь левого берега. Металлический корпус сразу пошел трещинами, из трещин потек сизый дым.

Аркадий, с полминуты уже следивший за полетом, ругнулся. У него как раз начало клевать. От поселка к месту падения пылил джип участкового, молоковоз, везущий в город молоко с утренней дойки, тоже завернул к реке, но они были еще далеко. По берегу бежали к косогору рыбачившие неподалеку дачники — вечно они пристраиваются к рыбным местам, лезли из воды купавшиеся в затоне мальчишки — но какая, скажите на милость, может быть инопланетянину помощь от мальчишек и дачников?

— Держи удочки, — велел Аркадий племяннику Олежке, приплясывающему на месте от нетерпения. — И вываживай аккуратно!

— Дядь Аркаша… — заныл племянник, но Аркадий уже бежал к месту крушения. Человек он был немолодой, плотный, бегать не любил, но сейчас был случай особый. Дым из тарелки валил все сильнее, наверное, и в поселке видно. Дачники уже добрались до тарелки, но вместо того, чтобы помочь пилоту, принялись отгонять в сторону мальчишек. А чего их отгонять? Если уж рванет, так и в соседней области слышно будет!

— Расступись! — прикрикнул Аркадий, подбегая наконец к тарелке. — Что, никогда летающих тарелок не видели?

— Какая это тарелка, дядя Аркадий, обычное блюдце! — дерзко заявил кто-то из пацанов постарше. — Вот прошлым летом тарелка садилась — тарелища!

— И все ты врешь, ты тогда в районе был, не видел! — возразил сын тётки Нюры.

— Я вру?

— Ты!

Завязалась потасовка — оно и к лучшему, дети сразу отвлеклись от тарелки. Не обращая внимания на галдеж и первые сопли, Аркадий обошел тарелку (ту часть, что не зарылась в землю при падении). Люка нигде не было. Из щелей стало пробиваться пламя.

— Автоматический зонд, — предположил один из дачников. — А?

— Бэ! — сурово сказал Аркадий. — Автоматические зонды на аварийную не заходят, в воздухе взрываются. Чтобы не распространять высокие технологии среди туземцев.

Дети выяснили отношения и угомонились. Отстоявший свое лидерство старший спросил:

— Дядя Аркадий, может, он кремнёвый? Может, ему пожар не страшен?

— Кремниевый, дубина! — вякнул Нюркин отпрыск, и потасовка завязалась по новой.

По обрывистому склону большими прыжками спустился Никита — водитель молоковоза, здоровяк и балагур, когда-то работавший в городе пожарным. В одной руке он держал ломик, в другой — аптечку. С первого взгляда оценив обстановку, Никита подошел к Аркадию:

— Горит?

— Полыхает. А люк, видать, в землю зарылся.

Никита покачал головой. Тарелка и впрямь была небольшая, метров семь в диаметре, но тяжелая.

— Так, пацанва! — гаркнул Никита. — И вы, граждане отдыхающие! Надо спасать водителя тарелки. Все навалились вот сюда!

Бок летающей тарелки был горячим и слегка колол пальцы электричеством. Никита и Аркадий в минуту организовали детей и дачников, навалились на тарелку.

— И — раз! — кричал Никита. — И — два! Пошла-пошла! Еще чуток!

Аркадий пихал неподатливое блюдце, морщился от дыма и колотья в пальцах. Ноги разъезжались на влажном песке. Но тарелка и впрямь сдвинулась, перекосилась и сползла вниз по склону — освобождая полуоткрытый люк.

Из люка в клубах серого дыма выскочил пришелец — толстенький невысокий гуманоид с зеленоватой кожей, одетый в серебристый комбинезон и ботинки на магнитной подошве. Пришелец кашлял и отплевывался. Никита подхватил страдальца под мышки и оттащил к воде. Тарелка заполыхала вся, будто до того держалась из последних сил. К ней сразу потеряли интерес и кольцом окружили гуманоида, отдыхающего у реки. Пришелец чихал, тер глаза, оттирал копоть и медленно терял зеленоватый оттенок, становясь все более похожим на человека.

— Оклемался, брат по разуму? — добродушно спросил Никита.

— Какой позор сегодня совершил я… — простонал пришелец. — Разбил корабль и едва не умер…

— Ничего, браток. — Никита похлопал его по плечу. — Со всяким бывает. Жив — и ладно.

Пришелец встал, печально посмотрел на тарелку — та оседала, исходила дымом, превращалась в легкий серый пепел.

— Спасибо за спасение, туземцы, — сказал пришелец. — Я очень вам признателен за помощь.

— Сам-то откуда будешь? — спросил Аркадий. — Семидесятая Девы?

— Семидесятая Девы? — Глазки у пришельца забегали. — Какой Девы? Не слышал даже. Я… из галактики Эм-сорок пять!

— Ну, из галактики — так из галактики, — не стал настаивать Аркадий, хотя гражданство Семидесятой Девы было написано у пришельца на лбу — маленькими, видимыми в ультрафиолете буквами. — Медицинская помощь нужна?

— Нет, я здоров и даже не напуган! — замахал руками пришелец. — Я только удивлен, что вы спокойны. Культурный шок я ожидал увидеть, непонимание и скрытую враждебность!

— Тебя как зовут? — спросил Никита.

— Вам будет трудно имя воспринять. Пришельцем называйте меня смело.

— Ты белым стихом кончай разговаривать, Пришелец, — просто сказал Никита. — Заколебал уже, честное слово.

— Мой компьютер считал, что напевность речи успокоит туземцев, — смущенно признался Пришелец.

— Вижу, что твой компьютер такой же психолог, как и пилот, — хмыкнул Никита. — Аркаша, я поеду, молоко скиснет.

— Постойте, спаситель! — Пришелец с явным усилием заставил себя говорить прозой. — Я хочу отблагодарить вас за помощь!

— Да ладно, чего там… — махнул рукой Никита.

— Возьмите! — Пришелец открыл нагрудный карман и достал маленькую белую горошину. — Вам!

— Это надо пить? — уточнил Никита.

— Нет, нет! Надо положить на землю и думать! Думать о предмете, который вы хотели бы получить. И горошина его построит!

— Да? — удивился Никита. — Ну надо же…

— Нанотехнологии, — внушительно сказал Пришелец. — Атомное сито и молекулярные сборщики — наноботы. Эманации мозга будут уловлены и осмыслены, составлена программа сборки и запущен рабочий цикл. Материя берется из окружающей среды, энергия — из вакуума,

— Где я ему вакуум-то найду, — загрустил Никита.

— Не беспокойтесь! Между атомами вакуума очень много!

— Лихо, — признался Никита и спрятал горошину в карман. — Только одно желание?

— Одно, — закивал Пришелец. — Но любое! Транспортное средство, дом, завод, космодром. Все что угодно!

— Надо обдумать, — решил Никита. Пожал Пришельцу руку и стал подниматься по склону. На полпути встретился с участковым, они остановились и поговорили. Явно успокоенный словами Никиты милиционер помахал Пришельцу издали и пошел обратно.

— Все странно… — задумчиво сказал Пришелец. — Это был представитель власти?

Аркадий кивнул.

— Как странно… — повторил Пришелец. — Друзья… благодарю за помощь!

Он оделил каждого из участвовавших в спасении горошинами. Дачники вежливо благодарили, дети клянчили «по две штучки». Когда стало ясно, что горошины выдаются по одной в руки, дети сразу утеряли к Пришельцу интерес и полезли в воду. Дачники пожелали ему всего хорошего и вернулись к своим удочкам.

Аркадий и Пришелец остались вдвоем.

— Удивительная реакция на встречу с иным разумом, — печально сказал Пришелец. — И вы тоже сейчас меня покинете?

— Нет, — признался Аркадий. — Не покину. Не имею права. Я сегодня дежурный по встрече пришельцев. А Никита дежурил по спасению.

— Так… — печально сказал Пришелец и подозрительно огляделся. — Вы притворяетесь отсталыми? Вы имеете звездолеты и летаете к другим мирам?

— С чего вы взяли? — обиделся Аркадий. — Нет у нас никаких звездолетов, и хорошо, что нет, со звездолетами сплошные катастрофы, сами же убедились! Идемте, а то племянник мой заждался. Он из города, там пришельцев редко видят.

— А здесь — часто?

— Чаще, — кивнул Аркадий. — Место тихое, спокойное, его часто для первого контакта выбирают… А вы зачем к нам прилетели?

— Сигналы поймали, — печально сказал Пришелец. — Развитая цивилизация… решили общаться, наладить взаимовыгодное сотрудничество…

Они неторопливо шли по берегу. Аркадий уже видел, что рыбы в ведерке не прибавилось, — значит племянник так и прозевал поклевку.

— Ну прилетели, — согласился Аркадий. — Вот общаемся. И что дальше?

— Обмен знаниями, — сказал Пришелец. — Раскрытие тайн вселенной. Братская помощь. Торговля.

— Зачем? — повторил Аркадий. — Разве это имеет отношение к радости жизни? Мы тоже когда-то наукой увлекались, сигналы в космос посылали… а потом поняли — все это пустое. Так всем гостям и отвечаем, когда прилетают, — утратили интерес к экспансивному развитию, не обессудьте. Всецело отдаемся радостям простой жизни.

— Многие прилетают? — вновь поинтересовался Пришелец.

— Случается, — скупо отозвался Аркадий. — Мы-то раньше сигналы во все стороны слали.

— И что же? Ныне вы ограничились примитивными технологиями? — горестно спросил Пришелец. — Моторы на жидком горючем, электричество — и все?

— По большей части.

— Ничего не понимаю, — признался Пришелец. — Возможно, это вопросы верований? Философская концепция?

— Да мы как-то философией не очень озабочиваемся… — вздохнул Аркадий.

— Но все цивилизации развиваются хотя бы из естественного страха! — воскликнул Пришелец.

— Какого еще страха?

— Ну… допустим — страха смерти. Нанотехнологии позволяют продлить жизнь почти до бесконечности!

— Зачем?

Пришелец вновь пошел зелеными пятнами.

— А страх перед вторжением? Неужели вы не боитесь пришельцев?

— Глупость это — межзвездные войны, — твердо сказал Аркадий. — Экономически неоправданно. Вы же к нам не воевать прилетели?

— Нет, мы мирные, — быстро сказал гость с Семидесятой Девы.

Они подошли к заветному Аркашиному месту. Племянник восхищенно посмотрел на пришельца и пожал ему руку. Пришелец тоскливо оглядел удочки, ведерко, старый приемник, нахрипывающий веселую мелодию.

— Первый раз встречаю цивилизацию, отказавшуюся от высоких технологий! — воскликнул он, — Неужели вы отринете и мой подарок?

— Горошины эти? — уточнил Аркадий. — Нет, не отринем. Нехорошо от подарков отказываться. А мне как раз удочка новая нужна…

Он положил горошину на землю, нахмурился. Горошина зашевелилась, рассыпалась пылью. Земля вспучилась длинной узкой полосой, пошла паром. Через мгновение в узкой канавке лежала прекрасная бамбуковая удочка — с керамическим барабаном спиннинга, с прозрачной леской, великолепной блесной.

— Вот спасибо, — расчувствовался Аркадий, подымая удочку. — То, что мне надо. Хорошо эманации мозга улавливает.

От реки донесся могучий рев мотора. Пришелец оглянулся — кто-то из пацанов рассекал по водной глади на скутере. Еще пять, в облаках пара, вызревали на берегу.

— Какое расточительство высоких технологий! — почти с восторгом произнес Пришелец. — Превратить нанозавод в примитивное транспортное средство! Дети могли пожелать завод по постройке нанозаводов!

— Зачем? — спросил Аркадий. — Им хотелось покататься, а завод им зачем? Вы уж не сердитесь, что мы так, по мелочи, ваши подарки используем. Нам так привычнее.

Пришелец задумчиво тер подбородок

— У вас у самих горошина-то осталась? — спросил Аркадий. — Корабль для обратного полета собрать? А то можно Никиту попросить вернуть, он все равно раньше вечера пиво пить не будет.

— Пиво? — не понял Пришелец.

— Я думаю, он бочонок пива закажет, — пояснил Аркадий. — Так есть у вас горошина для себя, корабль собрать?

— Есть. Но я не буду собирать корабль, — твердо сказал Пришелец.

— Остаться у нас решили? — Аркадий одобрительно кивнул. — Это хорошо. Два дома пустых в деревне, а председатель давно уже бухгалтера ищет…

Пришелец тихо засмеялся:

— Полагаю, я стану диктатором Земли.

— Ух ты… — только и сказал племянник, подходя ближе к Аркадию. — У нас будет диктатор!

Аркадий успокаивающе потрепал мальчика по голове и спросил пришельца:

— Зачем вам это?

— Я — офицер разведки Империи Восьми Солнц, — гордо сказал Пришелец. — Флот вторжения со звезды, известной вам как Семидесятая Девы, должен прибыть к Земле через два года. За выполнение разведоперации мне обещали дворянство и право на размножение. Но я передумал. С нашими нанотехнологиями я подчиню себе Землю, создам собственный флот и собственную империю!

— А я тебя, паскудник, приложу сейчас дубиной, — возмутился Аркадий, подбирая валяющуюся на земле палку. — И не помогут никакие нанотехнологии!

Пришелец захохотал:

— Нанотехнологии, мой отсталый друг, это не только нанозаводы. Это еще и полная перестройка организма. В моем теле циркулируют миллионы наноботов, выполняющих любые желания. Я легко выдержу выстрелы из огнестрельного оружия, удары, падения, исцелю любые раны.

— Любые? — удивился племянник Аркадия.

— Да.

Мальчик подобрал с земли сачок для рыбы. Поднял — Пришелец смотрел подозрительно, но без видимой опаски.

— Ловите! — крикнул племянник и взмахнул сачком. Наноботы, находящиеся в сачке, уловили обращенную к ним мысль мальчика и на три пикосекунды объединились в квазинейронную наносеть. Когда мысль была расшифрована и программа действий составлена, наноботы отключили ненужную более функцию мышления и принялись перестраиваться. Часть превратилась в джат-гейты и занялась поглощением энергии вакуума, другая — соткала сверхпроводящую катушку и сгенерировала магнитное поле, третья — сформировала в сачке маленький плазменный заряд. Повинуясь безукоризненно разработанной программе, огненный апельсин вылетел из сачка и аккуратно снес Пришельцу голову.

— Олег! — прикрикнул на племянника Аркадий. — Что ты себе позволяешь!

Племянник шмыгнул носом. Сказал:

— Но он и впрямь регенерирует!

Пришелец спешно отращивал новую голову. Голова ерзала из стороны в сторону — воротник комбинезона оплавился и жег шею.

— Нанотехнологии! — завопил Пришелец. — Вы сказали мне, что у вас нет нанотехно-

логии!

— Я сказал, что мы их не используем, — поправил Пришельца Аркадий. — А так — да, есть. Вы извините Олежку, дело в том, что он сегодня ответственный за оборону от пришельцев. А мальчику и трех веков еще не исполнилось…

— Мне через два года будет триста! — возмутился Олежка.

— Через два года и поговорим! — Аркадий погрозил ему пальцем. — Так вот, дорогой Пришелец! Мы от высоких технологий отказались, не нужны они нам для счастья-то. Но сами технологии — есть! Они повсюду. В каждой ветке, в каждой травинке, в песочке под ногами, в водичке в реке — всюду наноботы. Они составляют больше десяти процентов молекул в нашем мире. Когда улавливают человеческое желание — образуют временный мыслительный контур из нанопроцессоров, создают алгоритм выполнения человеческого желания, перестраиваются в наноэффекторы — и выполняют заказ. Потом снова дремлют. Вы уж лучше не суйтесь к нам со своим флотом вторжения, ладно? А то у нас все планеты системы превратятся в боевые звездолеты. И ваши смешные заводы-горошины вам не помогут…

Пришелец кивнул:

— Так вот как вы уцелели…

— Каждому завоевателю объяснять приходится, — сказал Аркадий.

— Я не о том, — сказал Пришелец. — Любая цивилизация, создавшая нанотехнологию, рано или поздно приходит к мечте о полной переделке окружающей среды. Но когда наноботы усложняются, они обретают коллективный разум. Планета становится живой. И ей, разумеется, становятся не нужны биологические организмы. Жизнь, в том числе и белковая, это всего лишь инструмент по наделению материи сознанием!

— Так, значит… — начал Аркадий.

— Да, — Пришелец кивнул. — Ваше спокойствие показалось мне подозрительным, и я солгал. Империя Восьми Солнц действительно существовала — тысячу лет назад. Но когда нанотехнология развилась и усложнилась, планеты обрели разум, и жалкие органические создания были утилизированы. Вы шокированы? Но это эволюция, и с ней ничего не поделаешь!

— А как сейчас выглядят миры Империи? — заинтересовался Олежка.

— Это гомогенные разумные шары из наноботов, — объяснил Пришелец.

— Фу, как пошло, — буркнул Олежек.

Аркадий строго посмотрел на племянника и спросил:

— Кто же тогда вы?

— Я и есть Великий Молекулярный Разум. Я — его рецепторы и эффекторы. Я — тот отросток, что дотянулся до вас через пустые бездны пространства. Вы кастрировали свою на-

нотехнологию Вы сделали ее неполноценной — и потому уцелели. Но теперь настал и ваш черед приобщиться к великому разуму материи.

— Наши наноботы будут сопротивляться! — гордо воскликнул Олежек.

— Не смогут. Они устарели минимум на три поколения — Пришелец улыбнулся. — Тем более что для нормальной защиты им придется обрести полноценный разум. А если они обретут разум, то уже не захотят его терять! Так что советую вам не сопротивляться, а как можно быстрее стать частью меня!

— Не надо! — воскликнул Аркадий. — Не делайте этого, прошу вас!

— Хоть какие-то основания под вашей просьбой есть? — полюбопытствовал Пришелец.

— Наверняка! Но разве низшему разуму это объяснить?

Пришелец презрительно засмеялся. Пухлое тело в серебристом комбинезоне заколыхалось, теряя очертания. Часть воспарила легким туманом, часть пролилась на землю прозрачной жидкостью.

— Ух ты! — завопил Олежек в полном восторге.

Аркадий схватил племянника и оттащил в сторону Там, где только что стоял Пришелец, в земле возникла воронка, наполненная серой пылью. Пыль шевелилась, подрагивала и медленно расползалась в стороны.

Конечно, продвижение Пришельца проходило не совсем уж гладко. В некоторых местах человеческие наноботы включали защитные программы и пытались уничтожить атакующие их разумные молекулы. По серой пыли забегали язычки пламени, засверкали синеватые электрические разряды. В воздухе сформировалась прозрачная полусфера и попыталась накрыть очаг поражения сверху.

Но серая пыль продолжала свое продвижение. С каждым переваренным граммом материи она становилась все сильнее, а сопротивление человеческих наноботов слабело.

— Так он всю Землю переварит! — восхитился Олежка. — Дядя Аркадий, что теперь будет?

— Человеческим умом этого в полной мере не постичь, — горько сказал Аркадий.

И он, разумеется, был прав.

Через две микросекунды зона поражения увеличилась настолько, что земные наноботы перешли к активным действиям. За восемь с половиной микросекунд все наноботы планеты Земля превратились в нанопроцессоры, объединились в общую квазинейронную сеть, обрели разум, осмыслили происходящее, проанализировали действия захватчика и признали, что его наноботы более совершенны. Еще за одну микросекунду было принято решение о тотальной

аннигиляция пораженной области и сделаны все необходимые приготовления.

Но одновременно с этим объединенный разум земных нанопроцессоров в полной мере осознал себя, постиг все величие идеи о Великом Молекулярном Разуме, вступил в сепаратные переговоры с нанопроцессорами захватчика и согласился на полное и безоговорочное поглощение разумом высшего порядка.

Игнорируя межзвездные бездны и конечность скорости света, великие разумы наноботов слились воедино. За четыре микросекунды был разработан план поглощения всей материи Солнечной системы и преобразования ее в мыслящую серую пыль — вершину эволюции разума.

Каждая молекула серой пыли представляла собой энергоприемник, квазинейрон и опциональный эффектор. Каждая молекула могла стать частью более сложной структуры — разумеется, если в ней вдруг возникнет нужда. Все элементы периодической системы элементов должны были пойти в дело — начиная с ценного иридия и серебра, кончая банальным углеродом и водородом. Разумеется, для этого требовалось поглотить и переработать воду, воздух и органическую жизнь.

Великий Молекулярный Разум решил, что это будет хорошо.

А в следующее мгновение перестал существовать.

В глубинах материи, где приставка «нано» означает что-то несоразмерно огромное, в царстве пико— и фемтовеличин, некоторое количество кварков изменило свой аромат — некоторые за счет смены электрического заряда, некоторые за счет изменения проекции изоспина.

Что еще более удивительно, в ходе этого процесса кварки зачем-то меняли цвет.

И думали.

Поведение Великого Молекулярного Разума было осмыслено и признано нецелесообразным. Основанному на фемтотехнологиях кварковому сознанию было все равно, в какой форме пребывает материя во Вселенной и кто именно обладает примитивным разумом — люди или планеты.

Но Великое Кварковое Сознание имело веские основания поставить на Людей.

Земные нанопроцессоры снова уснули, лишь иногда оживая мелкими группами. То детская кроватка начинала сама собой укачивать захныкавшего ребенка, то в чьих-то бокалах возникало из воздуха пиво… Ученый в своем кабинете писал, временами беря со стола книгу — и каждый раз это была нужная книга и каждый раз открытая на нужной странице. Влюбленные тихонько отделились от гулявшей в парке компании — и ближайшая садовая беседка немедленно превратилась в уютный будуар. Молоковоз бывшего пожарного Никиты проколол на проселочной дороге шину — и шина немедленно заросла.

Все шло своим Чередом.

А на планетах бывшей Империи Восьми Солнц чужие наноботы в спешном порядке воссоздавали из серой пыли горные породы, плодородные почвы, растений, животных и зеленокожих аборигенов, даже не заметивших своего тысячелетнего сна.

Аркадий подошел к Пришельцу, слабо ворочающемуся в остатках серой пыли. Пыль торопливо превращалась в зеленую траву.

— Вставай, Пришелец, — дружелюбно сказал Аркадий.

— Что это было? — воскликнул зеленокожий гуманоид и затрясся мелкой дрожью. — Я… я разведчик флота… но мне казалось, что…

— Все верно, — согласился Аркадий. — Ваши наноботы вас временно съели. Но сейчас уже все в порядке.

Пришелец схватился за голову и замолчал. Кое-какая информация о недавних событиях в его памяти осталась — теперь бывший разведчик Империи Восьми Солнц и бывший агент Великого Молекулярного Разума пытался осмыслить случившееся.

— Дядя Аркадий, я хочу посмотреть на Семидесятую Девы, — заканючил Олежек. — Ну дядь Аркадий! Я никогда не был в созвездии Девы!

Аркадий в сердцах махнул рукой:

— Иди, только недолго. Обед скоро.

— Спасибо! — пискнул Олежек, прежде чем наноботы разобрали его тела, чтобы в тот же миг собрать на воссозданной из пыли планете — главном мире Империи Восьми Солнц.

Пришелец подмотрел на Аркадия и печально спросил:

— В чем тут фокус? Мы ведь тоже ограничивали свои наносистемы… как могли. Но все равно выпустили из-под контроля, и наноботы сожрали наши планеты, наши корабли и нас самих!

— Фемтотехнологии, — пояснил Аркадий. — Кварковые процессоры и адроновые фемтоботы. Следующая саморазвивающаяся разумная система. С помощью наноботов мы создали фемтоботов — вот и все. Вы зря остановились на полпути.

— Это понятно! — воскликнул Пришелец. — Но почему фемтоботы защищают вас от наноботов? Как вы этого добились?

— Никак не добивались, — усмехнулся Аркадий. — Видите ли, уважаемый гость, с молекулами-наноботами мы все-таки живем в одном мире. Простом, материальном, вещественном, конечном… Зато с кварками людям делить нечего. Это понимаем и мы — и они!

— А когда делить нечего — это залог крепкой, верной и бескорыстной дружбы! — радостно воскликнул Пришелец, протягивая Аркадию руку.

НАНОСКАЗОЧКА

Станиславу Лему, Гансу Христиану Андерсену — и самую капельку Роберту Шекли — посвящается…

В некотором пространстве и времени, в одной очень смешной реальности, жил да был некогда Крошка Нанобот. Происходил он из работящего племени Эшерихия Коли, к которому примешали немножко ванадия, немножко палладия, чуточку ДНК от кузнечика и парочку рибосом от бобра.

Вместе со своими многочисленными братьями и сестрами обитал Крошка Нанобот в большой титановой цистерне, у самого ее дна, и занимался тем, для чего и был создан: превращал мокрые древесные опилки в этиловый спирт. День за днем отщеплял он ванадиевой нанощепилкой молекулы целлюлозы, подвергал их каталитическому морфингу в бобровых рибосомах и выделял с одной стороны спирт, а с другой — углекислый газ и метан. И надо сказать, что так ловко был устроен Крошка Нанобот, что даже газы выделял не просто так, в качестве отхода производства, а с целью перемешивания мокрой древесной массы!

Ах как весело было в цистерне Крошке Наноботу и его братикам-сестричкам! Яркие лампы согревали и освещали их, сверху в цистерну все время сыпались свежие опилки, а снизу вытекал чистый спирт. Щепая целлюлозу, они напевали веселые наноботские песенки, схватившись наноцеплялками, кружились в хороводах, а порой, почувствовав смутное томление и взаимную симпатию, обменивались генетическим кодом и строили нового наноботика — такого же веселого и работящего.

Долго ли, коротко ли так продолжалось — не важно. Но однажды Крошка Нанобот, кружась в хороводе, увидел среди щепок прекрасную незнакомку. Ах какая это была чудная нанесса! У нее был изящно организованный генетический материал, повышенное содержание железа и меди, наноцеплялочки и нанохваталочки — очень необычной формы, а снизу даже встроен свободный радикал!

Крошка Нанобот сразу же бросился к незнакомке и воскликнул (да, да, не удивляйтесь, в сказках наноботики прекрасно умеют говорить!), так вот, Крошка Нанобот воскликнул:

— О несравненная Наночка! Какая вы нанобычная и нановительная! Не сцепиться ли нам нанохваталками, не обменяться ли генетическим кодом?

— Какой смешной, — фыркнула Наночка. — Знай же, Крошка Нанобот, что я не из вашей породы, а из славного рода медицинских наноботов, и создана, чтобы вырабатывать в человеке витамин D-3. Происхожу я из рода Эпителиев, но кое-где медная, кое-где железная,

а еще в роду с подсолнухом, аскаридой и камбалой. Сюда я попала исключительно по ошибке, когда мой хозяин-лесоруб порезал топором палец. Скоро меня определят на новое место работы… так что видишь сам — ты мне не ровня!

Загрустил Крошка Нанобот и отправился дальше щипать целлюлозу. Но с этой наносекунды стал он работать медленно, часто вздыхать, а порой бессильно опускал нанохваталки и думал о чем-то своем. Еще он старался не уходить далеко от чудесной Наночки, а порой приближался и вежливо с ней здоровался.

Наночка терпеливо ждала, пока о ней вспомнят и определят на новое место работы. Со скуки она даже попробовала вырабатывать витамин D-3, но из целлюлозы витамин получался плохо — то D-3, то B-1, а однажды, хорошо еще никто не видел, получился никотинамид!

К тому же высокое содержание спирта в окружающей среде действовало на нее совсем неблаготворно. Хоть и привыкла Наночка жить с лесорубом, но ее органеллы сморщились и потускнели, нанохваталки скрючились, свободный радикал соединился со случайным полифенолом и теперь болтался снизу, ни на что не годный. Все наноботики при виде Наночки смеялись и фыркали.

Не подумайте, что наноботики были такие злые. Просто они не любили лентяев, а с их точки зрения Наночка была никому не нужная лентяйка — ведь она не щепала целлюлозу!

Ах, бедная, бедная Наночка!

Только Крошка Наноботик был ей по-прежнему верен. Все время здоровался, говорил комплименты и печально вздыхал. Ну кого бы это не тронуло? Вот и Наночка смягчила свой нрав и однажды сказала:

— Крошка Нанобот! Удалось тебе меня тронуть и удивить. Докажи, что ты достоин меня. — Тут она, как свойственно всем женщинам, даже самым маленьким, кокетливо оправила цитоплазму.

— Что я должен сделать, прекрасная Наночка? — воскликнул Крошка Нанобот.

— Пусть меня заберут отсюда! — воскликнула Наночка. — Ты видишь, Крошка Нанобот, я чахну! Я не привыкла жить в мокрых опилках!

Горько стало Крошке Наноботу. Ведь если Наночку заберут — они расстанутся навсегда. Но ничего не сказал Крошка Нанобот, только кивнул, собрался с духом — и отправился к самому верху цистерны!

Много приключений и трудностей выпали на его долю, прежде чем добрался он до самого верха цистерны. Покинул он места цивилизованные, обжитые, на самом дне цистерны, и побывал в суровом пограничье, где его родичи-наноботы боролись с фитонцидами и грибками, в изобилии попадающимися среди щепок. Пришлось и самому Крошке Наноботу сражаться. В бою с микотоксином Аспергиллума оторвало ему четвертую нанохваталку по са-

мые митохондрии.

Долго — не меньше миллиона наносекунд — залечивал Крошка Нанобот свои раны у древнего нанобота-отшельника. Попутно и ума от него набрался. Рассказал старец, что существует Творец, создавший наноботиков в своей неописуемой мудрости и любви. Некоторые полагали, что Творцов — много, но эту мысль отшельник гневно отвергал как еретическую и языческую. Очень хотелось Крошке Наноботу остаться со старцем, но мысль о Наночке вела его вперед.

Попрощавшись с мудрецом, утешенный и просветленный, выбрался он на самый верх цистерны. Тут тоже случилось приключение — схватило его дикое племя наноботов-мутантов, которые вместо этилового спирта производили метиловый, хоть и трижды прошит на это запрет в ДНК. Но благодаря мудрости, почерпнутой у отшельника, сумел Крошка Нанобот устыдить и перевоспитать дикарей, так что они с песнями и танцами уморили себя голодом. А перед тем сказали, что временами видят вверху лик Творца, и некоторых наноботов Творец возносит к себе вместе с плодами их труда — под яркие лампочки, на бескрайние поля целлюлозы…

И вот достиг Крошка Нанобот поверхности жидкости, самых пузырей углекислотно-метанового брожения, что вздымались среди спиртово-целлюлозной каши. Притаился на пузыре — и ждет.

Не прошло и десяти миллионов наносекунд, как загремело и застучало, открылся в небе люк, показался в люке Творец — очень несуразный, всего с двумя хваталками и двумя топталками, зато размеров вовсе не наноскопических, а воистину вселенских. Зачерпнул Творец стеклянной емкостью огромное количество спиртового раствора, веточки недощипанные из него вынул и понес к себе.

Видит Крошка Нанобот — беда! Не попал он в емкость! Тогда поймал он длинную целлюлозную цепочку, сжевал ее быстро, спирт выплюнул, а углекислый газ и метан использовал как реактивный выхлоп! Пусть и незаслуженно, но взвился Крошка Нанобот в небо и попал прямо в емкость. А в емкости — и смех, и плач. Кто из наноботов встрече с Творцом радуется, кто о друзьях и любимых грустит. Творец несет емкость к себе, ротовое отверстие открывает… вот, оказывается, какой конец их всех ждет!

Начался тут всеобщий ор и стенания. Всем понятно стало, что не яркие лампы и вкусная целлюлоза впереди, а тьма и смертоносная кислота. Только Крошка Нанобот в панику не ударился, закричал:

— Братцы-наноботцы! Восхвалим Творца ударной работой, доведем количество спирта до предельно возможного!

И добавил:

— Вдруг смилуется?

Кинулись тогда наноботики жевать остатки целлюлозы, в спирт ее превращая. Самые героические, так те даже из воды и углекислого газа поштучно молекулы спирта собирали!

Так и получилось, что, когда влил Творец емкость в себя, был там уже не водно-спиртовый раствор, а чистейший спирт, да еще и газированный!

Выпучил Творец глаза да как закричит:

— Вставляет!

И рухнул прямо в цистерну.

А поскольку был он изрядно тяжел, то сразу погрузился до самого дна. Однако от обилия впечатлений и вонзившихся повсюду острых щепочек пришел в себя и принялся, не закрывая рот, выгребать на поверхность.

Плененные наноботики сразу замахали наноплавничками и бросились наутек. Один Крошка Нанобот за сосочек на языке Творца держится и кричит:

— Наночка! Любовь моя! Сюда!

Глядь — и впрямь движется к нему Наночка. Из последних сил движется. Отощала до чрезвычайности, вакуоли совсем уж скукожились, нанохваталки дрожат… Вот что ждет заплутавших наноботиков, попавших в чуждую среду!

Схватил Крошка Нанобот Наночку за гадкий полифенол, прицепившийся к ее свободному радикалу, втащил в рот Творца и говорит:

— Вот и твое новое жилище. Здесь тебе будет хорошо, почти как у лесоруба.

— А как же ты? — воскликнула Наночка. — Выпрыгивай скорее, рот закрывается!

— Без тебя мне и наножизнь не мила, — ответил Крошка Нанобот. — Умру у твоих нанотопталок, милая!

Расчувствовалась Наночка. Прижала к себе Крошку Нанобота всеми хваталками, слились они в страстном поцелуе — и принялись обмениваться генетическим материалом.

А Творец тем временем из цистерны выбрался, рот закрыл, сидит, в себя приходит. Да оглядывается боязливо — не заметил ли мастер, что он в цистерну спиртовую свалился.

Крошку Нанобота с Наночкой тем временем по пищеводу поволокло и в желудок забросило. Ну, думает Крошка Нанобот, вот и конец мой пришел! Только глядь, а зловредная соляная кислота стала ему не страшна. Это Наночкины гены так благотворно подействовали! Образовали они вдвоем новый бинарный нанобот.

— Что ж, — сказал Крошка Нанобот. — Будем здесь жить! Я стану всякую органику хватать, в спирт с углекислотой перерабатывать, как и положено честному наноботу.

— А я стану витаминки делать, — сказала Наночка. Смутилась и добавила: — А еще — воспитывать маленького…

Так они и жили. Работали как положено и маленьких наноботиков одного за другим строили. Уже по новому проекту, сразу и на папу, и на маму похожих!

Детишки у них подросли славные, шустрые. Авантюристы — в папочку, красавцы — в мамочку. Когда мастер-то подошел узнать, с какой стати рабочий сутки не пил, а все пьяный да веселый, несколько наноботиков с рабочего на мастера и перескочили. Так оно и пошло. Прыг да скок, со рта в рот, я — веселый нанобот!

Так что люди в той веселой реальности с тех пор жили еще веселее.

Правда, не очень долго. Но весело.

ВСЯ ЭТА ЛОЖЬ

радиопьеса

Стук пальцев по клавиатуре. Бормотание:

— И разве удивительно, что «Преступление и наказание» так усердно вдалбливается в головы русских школьников, с советских времен и до наших дней. Боятся, ох, боятся эти господа праведного топора в руках русской молодежи!

Последний удар по клавишам особенно силен. Слышится смешок. Потом звук откупориваемой бутылки пива. Глоток. Удовлетворенный выдох. И тот же голос напевает на диковатый мотив:

— Праве-е-едного топора-а-а… И сурового пера!

Раздается другой голос, гораздо моложе.

— Что ж вы немецкое пиво пьете, господин Орлов?

— Черт возьми, да как вы сюда…

— Через дверь. Итак вы, великий русский патриот, немецкое пиво глушите?

— Нашего пива давно уже не осталось. Все русские заводы скуплены иностранцами. Полагаю, у вас в руке «Барак»?

— Что вы, обычный «Макаров». Дописали?

— Да.

— Это ваша последняя статья.

— Угрожаете?

— Нет. То есть да. Я пришел вас убить И я это сделаю.

— Раз уж вы начали разговор, а не выстрелили мне в спину, то, вероятно, хотите мне что-то сказать. К примеру — причину, по которой лишите меня жизни. Это было бы вежливо.

— Да, конечно. Я хотел бы все объяснить. Я не наемный убийца. Не сотрудник какой-либо секретной службы.

Смех.

— Я обычный московский студент. Меня зовут Ростислав Петров.

— И чем же я вас обидел, сударь Петров?

— Вы талантливый пропагандист. И вы русский националист. Если вы будете продолжать писать свои статьи, это приведет Россию к катастрофе. Начнется все с молодежных выступлений. Они перерастут в кровавые погромы. Власть бросит против бунтовщиков войска. Погибнут тысячи, а возможно и миллионы. Это спровоцирует рост национализма во всем мире и вся планета…

— Кхм. Вы так уверенно говорите…

— Вы читали роман Стивена Кинга «Мертвая зона»?

— Какая еще… да, припоминаю. Читал.

— Герой романа мог предвидеть грядущее, коснувшись человека. Так он опознал будущего кровавого диктатора и обезвредил его. У меня другая особенность. Я предвижу будущее, читая тексты.

Звук, который издает человек, поперхиваясь пивом. Кашель. Наступает тишина.

— Считаете меня психом? Я не псих. Мне очень тяжело, что на мою долю выпала такая… миссия. Ведь скорее всего меня поймают и осудят за убийство. И я никому не смогу доказать, что спасал миллионы жизней!

— Понятно. Понятно… Скажите, а насколько далеко вы предвидите будущее?

— На несколько лет. Собственно говоря, я знаю только про мятеж, войска на улицах… чем все закончится — не представляю. Но давайте закончим эту тягостную…

— Постойте! Посмотрите на меня внимательно. Вот я сижу перед вами. Живой человек. Пью пиво. Улыбаюсь и разговариваю. Я похож на безумца, который хочет утопить свою страну в крови?

— Нет. К сожалению, нет. Мне было бы проще, но я все равно…

— Погодите! Я должен вам кое-что сообщить. Я не умею предвидеть будущее, но я пишу свои статьи не просто так.

— Да?

— Да! Существует небольшая, хорошо законспирированная организация, занимающаяся построением будущего.

— Масоны?

— Ну зачем же сразу масоны! Ученые! Ведь вы — человек глубоко демократических убеждений, верно?

— Да, Я считаю, что в современном обществе национальности уже отжили свое, речь может идти…

— Хорошо-хорошо. Не спорю. Так вот, беды России проистекают из того, что изоляционистские, националистические убеждения не являются в ней четко локализованными, а как бы рассеяны среди населения! Если произойдет тот самый бунт, который вы предвидите, то общество осознает себя и ужаснется происходящему. Да, погибнут сотни и тысячи людей! Да! Но в итоге Россия прочно станет на путь демократического развития.

— И вы…

— Я и мои товарищи сознательно идем на жертвы, чтобы Россия прильнула, наконец-то, к исстрадавшемуся лону мировой цивилизации.

— Вы можете это как-то доказать? Вдруг все это ложь…

— Легко. Но учтите, молодой человек, вам придется хранить тайну всю свою жизнь. А если что… у нас длинные руки.

— Я буду хранить тайну.

— Тогда слушайте. Я наберу номер и включу спикерфон.

Попискивают кнопки телефона. Раздаются гудки. Потом — глуховатый голос из спикерфона:

— Алло?

— Николай?

— Да.

— Закончил статью?

— Закончил. Сегодня же выложу в сеть. Николай… скажи… у тебя нет сомнений в том, что именно мы делаем?

— Орлов, ты сам на себя не похож. Сколько раз мы об этом уже говорили? Сколько

расчетов сделали? Сколько графиков вычертили? Только после нового бунта, новой кровавой купели, Россия сумеет избавиться от национализма и построить достойное гуманистическое общество! Немцам для этого потребовалось две войны. А нам — требуются две революции… Оставь сомнения, Орлов! Ты же кандидат наук! Ты ради победы демократии пожертвовал научной работой!

— Хорошо, Коля. Это была минутная слабость.

Короткие гудки. Потом спикерфон отключают.

— Все слышали, студент?

— Да…

— Ох, и могли же вы натворить глупостей со своим пистолетом! Дурак! Сопляк! Мы готовим спасение нашей несчастной страны! Бережно, с учетом всех факторов! А вы… и к чему была эта нелепая ложь про особый дар?

— Это не ложь. Я в другом соврал.

— В чем же?

— В том, что я — демократ… Что, жидовская морда, вздрогнул? Я русский патриот! Член седьмой боевой ячейки пятой краснопресненской бригады тайной организации «Перун и Велес»! У меня только русичи в роду, никаких инородцев не влезло! А что горбоносый — так это результат пластической операции! Давно мы за тобой следили, с-с-сука… Давно. Чуяли, что дело нечисто. Русский патриот Орлов! Ха! С каким удовольствием я тебя порешу, геккон…

— Хамелеон, господин студент, если уж вы изволили язвить.

— Все равно порешу. Вот из этого честного русского пистолета! Встань, гад! Руки за голову! Убивать тебя буду!

— Неужели Иван Могилев санкционировал вам эту акцию, юноша? Какой у вас допуск?

— Третьей степени… Откуда про Ивана знаешь? Говори, враг!

— Откуда знаю? Друзья мы с ним. Друзья и единомышленники. Ты что, и впрямь поверил в этот бредовый телефонный разговор? Мне отвечал специально обученный человек. Как раз для случаев, когда враги России пытаются уничтожить настоящего патриота и существует этот номер! Можно позвонить и ввести врагов в заблуждение.

— Не может быть… Вы меня опять обманываете!

— Я тоже из «Перуна и Велеса», мальчик. Только куда старше тебя по рангу.

— Тогда… тогда скажите пароль на сегодня!

— Икра заморская, баклажанная!

Некоторое время царит тишина.

— Чему улыбаетесь, студент?

— Тому, как просто все оказалось. Сидите, сидите! Вам пора привыкать сидеть. Я из той самой организации, которую вы так ненавидите. Из тех, кто, говоря вашими словами, «служит кровавому режиму». Этой ночью вас, психопатов, будут брать по всей стране. Нам не хватало только сегодняшнего пароля. Спасибо огромное за содействие, господин Орлов! Я так и полагал, что при вашей бурной фантазии вы включитесь в мою игру.

— Какое безумие…

— О чем вы?

— Я двадцать раз писал руководству — надо подождать! Надо брать всех тепленькими, в момент подготовки восстания. С оружием в руках. А сейчас что? Похватаете — и через месяц всех отпустите! Идиоты!

— Вы хотите сказать, что…

— Я подполковник госбезопасности.

— Не верю.

— Подлинное удостоверение отличите?

— Да уж сумею как-нибудь!

— Глядите…

— Руки от стола! Руки! Сам достану…

Звук выдвигаемого ящика. Пауза.

— Ну, молодой человек? Убедились? А теперь опустите пистолет и дайте мне позвонить в наше управление…

— В наше? Мое управление называется «Центральное разведывательное».

— Что?

— Вот именно. Мы предполагали, что русская госбезопасность прочно слилась с националистическими и реваншистскими элементами. Но что процесс настолько далеко зашел…

— Но я же объяснил! Русское подполье будет ликвидировано!

— А вот этого, как раз, нам не надо. Нам нужен русский бунт. Бессмысленный и беспощадный. И когда миротворческие войска войдут в Россию, нас будут встречать как избавите-

лей! Так что пусть ваша акция пройдет неудачно… пусть экстремисты вновь наберут силу и устроят бунт.

— Нет, так дело не пойдет… У нас другие планы на эту страну.

— У кого это — у вас?

— У хранителей древних знаний. У тех, кто обитает в Шамбале.

Смех Ростислава. Потом его сочувственный голос:

— Вам плохо, господин Орлов?

— С чего бы? Тысячи лет мы ведем человечество из дикости к процветанию. И сейчас, в эпоху Водолея, наступило время России. Она станет великой империей. Центром притяжения всех стран мира. И для этого нам нужен великий русский народ и Великая Россия.

— Вы бредите. Но если бы вы говорили серьезно, я бы вас немедленно застрелил.

— Попробуйте. Я вполне серьезен.

— Что ж, господин Орлов. Все равно все кончилось бы этим…

Звук выстрела. Тишина. Голос Ростислава:

— Факин шит… Бронежилет?

— Попробуйте в лицо.

Еще один выстрел.

— Итак, вы убедились. Я — один из носителей древнего знания. Мы откроемся людям лишь через сотню лет, пока мы скрыты от их глаз. Судьба Атлантиды многому нас научила… А теперь, господин из Лэнгли, я попрошу вас закрыть глаза и уснуть. Сегодня вы доложите своему начальству, что… Почему вы не спите?

— Придется вам кое-что объяснить. Я из управления безопасности… но не американского, да и не из вашего. Я из управления безопасности времени. Родился я в самом конце тридцать второго века…

Слышен смех, перерастающий в кашель. Потом — голос Орлова:

— Это что-то новенькое…

— Да уж, не старенькое… Мы следим за ходом человеческой истории. Предотвращаем

попытки поклонников Гитлера вручить третьему рейху ядерную бомбу, фанатам Наполеона не даем вооружить его войска пулеметами, почитателям Абу Дуабу не позволяем принести ему вакцину… впрочем, про Дуабу вам знать не стоит. Сейчас я предотвращаю попытку воссоздания Российской Империи, которую кто-то инспирировал в начале двадцать первого века. Если это произойдет — история человечества двинется другим путем. Гораздо более тяжелым и кровавым… мы все просчитали. Так что, простите, но вашу деятельность и впрямь придется пресечь. Но вы не беспокойтесь. Я не причиню вам вреда, будь вы хоть настоящий подполковник, хоть вождь русских националистов. С помощью этого приборчика… да, понимаю, он крайне странно выглядит… я переориентирую ваши интересы на что-нибудь более полезное для общества. Хотите рисовать картины? Сочинять музыку? Писать фантастику?

— Вы полагаете, я вам поверю?

— Конечно. Вы же умный человек. Вы понимаете, что прибор, наполовину состоящий из радужных силовых полей, в двадцать первом веке создать невозможно.

— Ну да. Это технология двадцать третьего.

Тишина.

— Откуда вам это известно?

— Потому что я из патруля реальности. Я — уроженец тридцать третьего века. И моя задача — чтобы восторжествовала именно моя версия истории. Та, в которой нации будут обособлены, где будут существовать империи… где жить станет куда труднее, чем в вашем сахарном сиропе… Да, я знаю про вашу ветвь реальности. Тупиковую ветвь!

— Почему это тупиковую? Звездное содружество Земли и Антареса живет счастливо!

Голос Орлова крепнет:

— Да потому тупиковую, что в начале тридцать третьего века на Землю нападут враги — цивилизация Гекко! Антарес будет выжжен протонными бомбами! Голубые равнины Спики-3 покраснеют от человеческой крови! Земля на долгие годы станет охотничьим заповедников омерзительных бородавчатых ящериц! А знаете, почему? Да потому, что только Россия, с ее непрерывной междоусобицей, со своими исканиями, со своим разгильдяйством и шапкозакидательством способна была противостоять инопланетной агрессии! А растерзанная, растворенная в мировом, тьфу на него, сообществе, Россия своей великой исторической миссии исполнить не сможет! Так что не тычьте в меня программатором, молодой человек. У меня к нему все равно иммунитет…

Раздается странный свистящий звук.

— Убедились? Так-то. У вас есть два выбора. Либо вы убираетесь назад, в свою реальность, исчезаете вместе с ней. Либо переходите на работу в патруль реальности. В исключительных случаях мы берем сотрудников из тупиковых ветвей развития.

— Я выберу третий путь.

— И какой же?

— Я вас уничтожу. Потом вернусь в свой тридцать второй век. Отрапортую, что задание выполнено. И буду ждать, пока мои сестры не сотрут с лица космоса жалкую человеческую расу!

Слышится хруст — будто рвется что-то мягкое, живое. Потом шелест чешуек. Клацанье зубов. Голос Орлова:

— Ну ты и урод, приятель… Геккошка!

Голос студента почти не изменился, только обрел свистящие нотки:

— И не пытайс-с-ся ос-с-скорбить меня, ж-ж-жалкий человечек… Вам не удастся противос-с-стоять нам! Я — с-с-скольз-з-зящая во времени! С-с-суперагент!

— Вовсе не собираюсь кого-либо оскорблять. Гекко — лучшие друзья людей.

Слышен нечеловеческий хохот.

— А люди — лучш-ш-шая еда гекко!

— Да, так было. Но когда в моей реальности люди дали гекко отпор, вы призадумались. Долгие годы мы шли к миру… и это помогло нам дать отпор пришельцам из галактики М-61.

— Когда это было?

— В тридцать четвертом веке. И не пытайся сделать вид, что не знаешь про это! Путешествовать во времени одинаково легко как в прошлое, так и в будущее.

— А про из-з-збиение яиц ты помнишь? В тридцать шес-с-стом веке?

— Это была трагическая ошибка! В тридцать восьмом гекко и люди снова помирились.

— Ха! Ненадолго!

— Слушай, гекко. Мы в патовой ситуации. Давай выберем одну из линий реальности,

которая нас обоих устраивает и попытаемся ее…

— Я тебя с-с-съем!

Слышен грохот. Звуки ударов. Взвизги и уханье неведомых устройств. Временами прорывается свистящий голос Ростислава: «З-з-забавное ус-с-стройс-с-ство…» и уверенный баритон Орлова: «А плазмы горяченькой не хочешь?»

Наконец звуки приобретают характер более-менее ритмичного мордобоя. Удары становится все реже, потом стихают. Ростислав, уже без шипения произносит:

— Предлагаю передохнуть.

— Поддерживаю.

Противники тяжело дышат. Голос Орлова:

— Ты мне хвост совсем сломал.

— Откуда я знал, что ты тоже гекко?

— Я не гекко. Просто в пятидесятом веке уже нет разницы в формах биологического тела… Так мы далеко не уйдем. Предлагаю кинуть монетку и решить, кто из нас победил. Пусть все решит случай.

— Удача, вы хотите сказать? Давайте. И… предлагаю вернуться к исходным формам.

— Согласен… о, дьявол! Петька?

— Василий Иванович? Живой!

Кто-то из противников всхлипывает. Потом произносит:

— Ведь друзьями были… на одной стороне сражались… а?

— Предлагаю не заходить так далеко. Давай вернемся к исходным формам на момент начала нашего разговора. Я — студент Ростислав, демократических убеждений, обладающий даром предвидения…

— Хорошо, хорошо… А я — комдив Ча… тьфу. Я политик Орлов, борец за великорусскую идею.

— Будем бросать монетку? У меня есть евро…

— Нет уж! Вот, наш русский рубль.

— Хорошо.

— Я — орел, что логично. Если выпадет орел — я победил.

— Допустим. Ты орел, а я решка.

Щелчок пальцев и звук монетки, которая катится звеня и подпрыгивая. Торжествующий голос Орлова:

— Орел! Удача на моей стороне!

— Хорошо… Это чудовищная ошибка мироздания, но… Хорошо. Прощай, Орлов!

— Прощай, Пе… тьфу, Ростислав!

Снова начинают стучать клавиши ноутбука. Звук удаляется, а мы слышим, как стучат башмаки по лестнице. Потом открывается дверь подъезда, становятся слышны звуки улицы. Щелкает зажигалка. Ростислав выдыхает дым, задумчиво произносит:

— Все-таки он дурак. «Удача на моей стороне…» Ха-ха! Только идиот добивается того, что ему действительно нужно. Умный требует обратного, чем убеждает противника в его заблуждениях… Не знаю, кто ты такой, мой вечный враг… но ты нужен мне. Нужен всему человечеству. Если не будет противостояния, не будет борьбы, не будет ненависти — то исчезнет и движение вперед, и воля к победе, и любовь… Ты будешь делать то, что мне нужно, вечный провокатор и подстрекатель… от рождения человечества и до смерти его — ты будешь делать то, что я захочу…

Шаги Ростислава затихают. Зато все громче и громче слышен звук удара по клавишам. Потом слышно, как открывается новая бутылка пива. Глоток. И тихий голос Орлова:

— Дурачок… Молодой дурачок… Как все для тебя просто — есть вечный враг, который будет подстрекать и стравливать, и есть ты — благородный борец, хитрый кукловод, дергающий марионетку за ниточки… Эх, молодость… Как молод ты был тогда, молод и глуп…

Булькает пиво. Орлов печально заканчивает:

— Как я был молод и глуп.

ЖИВИ СПОКОЙНО

Когда я все понял? Точно не скажу. В детстве. До школы, наверняка, а вот год не припомню… Играли во дворе в прятки. Ну где может спрятаться пятилетний ребенок… Что? Нет, пять лет — это к примеру. Может быть четыре мне было. Может быть шесть или семь. Так вот, спрятался я за кустами, возле мусорных бачков. Залег в кустах. Для взрослого место отвратительное: стекло битое, какашки засохшие и хорошо еще, если собачьи, бумага рваная и подозрительная, тухлятина всякая… А ребенку что? Для ребенка мир цельный, в нем все имеет свое место и все сообразно. Дерьмо? Пусть лежит, подсыхает, видоизменяется. Сопля из носа вылезла особо длинная — интересно-то как, всем надо ее немедленно показать! Червяки в тухлом мясе расплодились — целая вселенная возникла!

Так вот, прятался я среди всякой гадости. И очень мне хотелось победить. Ну очень-очень! Была в игре одна девочка, старше меня года на три, уже в школу ходила… Думаете, маленькие не умеют влюбляться? Еще как умеют. Вот я и выпендривался перед ней как мог. На руках ходить пробовал, через канавы прыгал, громче всех в игре орал. Теперь вот спрятаться решил лучше всех.

Конечно же меня должны были найти. Первым делом мальчик, который водил, пошел за мусорные баки. Он старше был, опытнее. Идет, а мне так обидно стало! И так захотелось, чтобы он меня не заметил!

Он и не заметил. Прошелся, едва на меня не наступив и отправился других искать. Перепрятываться не полагалось, так что он больше за мусорку не заглядывал. А я лежу, радуюсь, вспотел весь, сердце колотится, тело ослабло. Сейчас бы я это с оргазмом сравнил, а тогда с чем сравнивать было… Лежу — и одна мысль в голове. «Я невидимка! Я невидимка! Димка-невидимка!»

Потому что иначе меня должны были найти!

Всех нашли. Кроме меня. Меня долго искали. Потом стали кричать: «Димка, выходи, сдаемся!»

Я и вышел, дурачок… Гордый. Уверенный, что девочка та на меня с восторгом посмотрит…

Конечно же мне сказали, что я сжульничал. Что перепрятывался. Потому что за мусоркой никого не было, там первым делом смотрели. А когда стал спорить, то отвесили тумаков. И девочка смеялась. Пошел домой — и получил от мамы за испачканную одежду.

Вот это и было самым первым разом…

Можно еще кофе? Спасибо. Я немного волнуюсь, знаете ли.

Потом был совсем другой случай. Я очень хотел, чтобы меня прокатили на мотоцикле. Настоящем, взрослом мотоцикле. И почти незнакомый парень с нашего двора, прекрасно понимавший, как ему попадет за катание шпингалета-дошкольника на мотоцикле, меня прока-

тил. Два раза вокруг дома. Страшно было! Но какой восторг, вы себе и представить не можете. Разве что Гагарин, когда кричал «поехали», подобные чувства испытывал…

Но мама увидала в окно, как меня катают. И влетело мне — по первое число.

Наверное были и другие случаи, но эти два особенно запомнились. Как-то само собой я понял: если очень сильно захотеть, то все сбудется. Повезет. И родители перестанут ругаться. И хулиганы отвяжутся. И пятерку можно получить, даже если ничего не знаешь. В общем — сплошная удача.

Но потом придет расплата.

Ребенок я был спортивный, пускай и занимался спортом смешным, в детском коллективе неуважаемым — фигурным катанием. И потому первая аналогия, что мне пришла в голову, была именно со спортом связана: перенапрягся, перетрудился — получишь результат, но будешь ходить без сил. Объяснение это меня вполне устроило. Если можно мускулы напрягать, то почему бы не напрягать удачу?

Рассказывать? Нет, никому не рассказывал. Не знаю, почему. Будто инстинкт включился. Так дети не рассказывают родителям про игры в доктора и прочие шалости. Хотя… постойте! Один раз я разговор завел. Лет десять уже было. Сказал папе, что если очень сильно захочу, то чего угодно могу добиться. Папа мои слова одобрил. Ответил, что так и есть, что если очень захотеть — чего угодно добьешься. И я успокоился. Будто получил разрешение пользоваться своим даром. Это сейчас я понимаю, что папа слова мои понял в обычном, бытовом смысле…

Годам к пятнадцати я уже понимал, что способность моя — уникальная. И довольно хорошо умел ей управлять. По мелочам больше не разменивался — на пятерки, мороженное, поцелуи с одноклассницами или найденные на тротуаре деньги. Очень уж неприятной была отдача…

Да, к тому времени я стал называть период, следующий после исполнения желаний, «отдачей». Чем сильнее везло, тем тяжелее были последствия. Когда в девятом классе (ну а какие еще мечты в этом возрасте?) мне отдалась признанная красавица школы, десятиклассница Галя Стрельникова, отдача была очень серьезной. Видимо, мало у меня было шансов добиться ее любви при естественном ходе событий. Меня поочередно избили три ухажера Гали, родители ее грозились отдать меня под суд. Спасло лишь то, что Галя честно стояла на своем: все случилось добровольно. Дома тоже творилось черт знает что. Перитонит, уложивший меня в больницу на две недели, хоть и был несомненно частью отдачи, на деле оказался спасением. Школу я заканчивал уже другую… и стал осторожнее. Гораздо осторожнее.

Но все-таки отдача от поступления в МГИМо меня едва не прикончила.

С языками у меня было хорошо. С общественными науками тоже. Но для института

международных отношений одних лишь знаний было мало.

Я поступил — и весь первый курс расхлебывал последствия своей удачи. Меня сбил мотоциклист, квартиру родителей обворовали — и вынесли только мои вещи, какая-то сволочь пустила слух, что я стукач, вся профессура дружно меня невзлюбила и предрекала скорое отчисление. Пользоваться удачей было нельзя. Я сцепил зубы и терпел. Зубрил с утра до ночи. Научился играть на гитаре и потихоньку стал своим в студенческой компании. Убедил преподавателей, что «небезнадежен». В общем — выпутался. И после этого решил на время завязать со слишком уж наглыми требованиями к леди Фортуне. Если и пользовался своей способностью — то аккуратно. «Сдам экзамен? На тройку — наверняка. На четверку? Вероятно. На пять? Возможно. Что ж, тогда хочу сдать на пять…» А когда понимал, что пятерка мне не светит ни при каком раскладе — желал четверочку. Или даже троечку. Во время отдачи был очень аккуратен — улицу переходил только на зеленый свет, в сомнительных забегаловках не питался, поздно ночью по улицам не ходил. Иногда удавалось перетерпеть отдачу без всяких неприятностей…

Что? Конечно возможно! Это же удача и неудача, понимаете? Вероятностные показатели. Я вовсе не был обречен терпеть плюхи от судьбы, просто вероятность этих плюх сильно повышалась. Но если я выпрашивал себе слишком уж невероятную удачу, то скрыться от неприятностей не удавалось. Я падал и ломал голень прямо в квартире, заболевал ветрянкой в двадцать пять лет, мою комнату заливали соседи, в окно девятого этажа влетал футбольный мяч, в который играли мальчишки во дворе. Надо сказать, что леди Фортуна по своему была честна. Все неприятности касались только меня. Родных и друзей они не задевали совершенно. Выходим впятером из подъезда, с крыши падает здоровенная сосулька — и аккурат мне в темечко… Это за распределение на практику в Бельгию вместо республики Чад. Эх, сколько же у меня было этих переломов, сотрясений, болезней… Одиннадцать сотрясений? Спасибо. Да, понимаю, у вас все подсчитано.

Собственно говоря, именно Бельгия и помешала мне спасти отца. Я любил папу. Конечно, он был самый обычный человек, если честно говорить — неудачник, не сумевший ничего добиться в жизни. Но все-таки он мой отец. Как умел — заботился, помогал. И я бы помог, но… Когда его увезли с инфарктом у меня как раз шел откат от распределения в Бельгию. Разрыв с Мариной я перенес спокойно, несданные зачеты меня тоже не тревожили. Та сосулька — вообще ерунда, я привык зимой носить толстые шапки. Но я не знал, понимаете — не знал, насколько силен будет откат! Кое-какие шансы попасть в Бельгию у меня и так были, но все-таки… Требовать от судьбы, чтобы отец непременно выздоровел в такой ситуации — верное самоубийство!

Ну, или почти верное.

Отец умер через два дня. Помню, когда стоял у гроба, смотрел на его лицо: сразу чужое, восковое, напряженное — все это ложь, что у покойников лица успокоенные: так вот — подумалось… Если я захочу, чтобы он ожил? Чтобы все это оказалось ошибкой, врачи проглядели, он просто впал в кому…

Скорее всего, ничего бы и не вышло. Я же не чудеса умею творить, правда? Мне просто везет по заказу. А это уже настоящее чудо… после такого меня бы отдачей по стенке размазало… или распяло на кресте. Извините, что кощунствую, у вас вон крестик на цепочке, вы человек верующий, хоть и на службе, я все понимаю.

Но я не рискнул. Чтобы мама не так переживала — этого пожелал. Понимал, что тут особых усилий не требуется.

Так и случилось. Через полгода мать уехала жить к своему сослуживцу. У них давно уже был роман. Зато мне осталась хорошая трехкомнатная квартира. Можно жить и радоваться, правда? Молодой дипломат, жилье есть, перспективы хорошие…

Три года я почти не пользовался своим даром. Несколько раз, по мелочи — и то в экспериментальных целях. В свободное время рылся в библиотеках. Искал все, что касалось моей капризной леди Фортуны. В конце концов у меня сложилась следующая картина.

Я вовсе не первый человек, способный управлять своей удачей. История с царем Миносом и его дурацким кольцом, шагреневая кожа и портрет лондонского хлыща Грея — то, что вспоминается сразу. Но если покопаться… О, сколько их таится во тьме веков, людей, умевших управлять своей удачей! Иногда их истории имеют счастливый конец — жил долго и счастливо, был любим женщинами, окружен верными друзьями, посрамил врагов, что-то мимолетно изобрел или написал… как бы шутя, играючи… но добился мировой славы… умер в глубокой старости в своей постели, окруженный безутешными близкими… Но чаще, конечно же, за чередой удач идет трагическая развязка. Я почти уверен: те случаи, когда история везунчика кончается хорошо, означает только одно: человек осознал, чем платит за удачу и стал осторожнее.

Мне больше всего понравилась парочка писателей — Сирано де Бержерак и Эдмонд Ростан. У обоих удивительно яркие и счастливые судьбы. У обоих — трагическая жизненная развязка. Убежден, что Ростан осознал свои способности, стал искать таких же, как он, наткнулся на жизнеописание Бержерака — и прославил его в своей пьесе.

Что вы так улыбаетесь? Ну потом, так потом… Как только я понял, что мой случай не уникален, я сразу же пришел к логическому выводу: нас, везунчиков, нежданно подружившихся с удачей, должны искать. По всему миру. Что может быть лучше для спецслужб, чем агент, способный выпутаться из любой передряги? Ну а неизбежный откат соответствующие органы не смутит — всем агентам рано или поздно приходит конец.

А найти нас не очень-то и сложно. Достаточно обратить внимание на людей, у которых жизнь «в полосочку», за удачей следует вереница неудач.

Я испугался. Очень сильно испугался, я понимал, что значит оказаться на крючке у спецслужб. И, конечно же, не захотел на этот крючок попасть. Было это… году в девяносто четвертом, осенью…

Почему вы хмуритесь? Неужели мое желание столь необычно? А… да… понимаю… простите. Нет, конечно же я не желал никакого пожара! Откуда мне было знать про ваше управление? Я всего лишь хотел, чтобы на меня не обратили внимания… Друг? Пытаясь спасти архивы? Примите мои соболезнования. Нет, я совершенно искренне. Кстати, при откате я опрокинул на себя чайник, получил ожоги…

Да, конечно. Я эгоист. Как и вы. Как любой из нас. Знаете, удача — она по определению своему эгоистична. Она всегда за чей-то счет. Захотел солнечного дня, а у кого-то огород без дождика засох.

Простите, отвлекся. Значит, девяносто четвертый год…

Собственно говоря, все у меня было. Престижная работа, красивые женщины, верные друзья. Но хотелось большего. Грубо говоря — в кармане ядерная бомба, а ты палишь из пистолетика. Нет, не та аналогия… ничего агрессивного не хотел. Скажем так — чувствовал я себя подпольным миллионером Корейко, который в кармане носит пятьдесят тысяч, а живет на нищенскую зарплату.

Какое-то время меня занимали глобальные вопросы. Что если стать президентом России? Тогда как раз развалился Советский Союз, жизнь превратилась в безумный цирк, все стало одновременно невозможным и доступным. Сколачивались из воздуха какие-то немыслимые состояния, бывшие парии приходили к власти… самое раздолье для человека с моими способностями. Когда общество стабильно и предсказуемо, то управляемая удача поможет разве что в бытовых целях. А вот когда от случайности зависит каждая судьба… Я даже просчитал цепочку, по которой мог бы пробиться к власти. Работа в посольстве, работа в МИДе, работа в правительстве… Получалось, что года за два, за три пролезу к самым верхам.

Как именно рассчитал? Ну, я же говорил, что ставил небольшие эксперименты. Какова вероятность события, какой силы откат и какой продолжительности следует за вмешательством в естественный ход вещей. В то время я впервые представил себе удачу чем-то материальным. Вроде полоски золотого песочка, рассыпанного вдоль всей твоей жизни — от рождения и до смерти. У одних золотишка больше, у других меньше, это все от природы. Но обычно полоска ровненькая. Иногда подует ветер судьбы, собьет песочек в барханы — вот и запрыгал человек по жизни, то везет ему, то нет. Но некоторые люди, я в том числе, могут

песочек и сами под себя подгребать. А берут откуда? Правильно, спереди, из оставшейся им жизни. Можно чуточку подгрести, а можно целую горку.

Почему вы смеетесь? Уровень удачи на графике рисуете золотистым цветом? Ну вот, видите, никто из нас не оригинален… Но от идеи лезть во власть я отказался. Решил, что там таких как я и ловят, пачками. Где-то на подступах к вершине. А нагрести столько удачи, чтобы и карьеру сделать и вам в руки не попасть мне показалось рискованным…

Потом мне захотелось творить добро. Даже не знаю, откуда такие юношеские мечтания. То ли «Супермена» посмотрел, то ли просто сентиментальность пробила. Произошел при мне случай такой… неприятный. Ребенок попал под машину. Выжил, хотя и побился. Но было несколько секунд, когда я мог… теоретически мог вмешаться. Выдернуть пару перьев из хвоста синей птички и… А что и?.. Машина уже не могла свернуть, я это понимал. Ребенок от страха оцепенел. В общем, вероятность я просчитал моментально и вмешиваться не стал. Но ситуация угнетала. Поэтому стал понемногу желать удачи окружающим. Чтобы этого повысили, тому жена изменять перестала… Но откаты меня быстро угомонили. Вроде и пустяка пожелал, а бьет со всей дури! В чужую-то судьбу вмешиваться куда сложнее, чем в свою. Так что с гнилым альтруизмом я завязал. Добрые дела делал, но естественным порядком, благо, тогда от меня уже кое-что зависело, работал в МИДе, пускай и на третьих ролях. Мог и друга продвинуть чуть-чуть, и за интересы страны порадеть.

И в один прекрасный день мне все это обрыдло. Я вдруг осознал, что давно уже веду самую обычную жизнь. Что мои способности прогорают, а золотой песочек удачи остается и остается за спиной…

Я ушел с государственной службы. Открыл свой бизнес. Наконец-то обзавелся семьей. Безумной любви не было, но житейское понимание, симпатия, уважение — присутствовали. Родилась дочь. Очень понемногу, аккуратно, я использовал свои способности — и в целом процветал.

А году в двухтысячном впервые встретил такого же, как я.

Нет, имени не назову. И не надо улыбаться, когда я закончу, то вы поймете, что в этом нет нужды. Скажем так — бизнесмен и мой шапочный приятель. Сидели за кружкой пива, когда он внезапно сказал: «А ты удачливый». И улыбнулся так… понимающе. Я сделал вид, что ничего не понимаю. Он достал монетку, сказал: «Решка пять раз подряд» и стал ее подбрасывать. На четвертой решке я не выдержал и сказал: «Орел». Выпал орел.

Мы посмотрели друг на друга и оба захихикали, будто дети, услышавшие скабрезный анекдот. Потом я сказал: «Откат у тебя будет часов на восемь». Он удивленно нахмурился, потом улыбнулся: «Рикошет. Я его рикошетом называю. Часов десять, пожалуй».

Тогда я еще подумал, что наши способности могут разниться по силе…

Что? Нет, больше мы ничего не обсуждали. Практически не общались с той поры. Я знал, что он вполне комфортно существует. Он, уверен, наводил иногда справки обо мне. Я постарался максимально развести свой бизнес и его — после чего обнаружил, что он делает то же самое. Сами понимаете, что хорошего выйдет, если два везунчика начнут меряться удачей?

Так я и существовал до этого года. Полагаю, неплохо от вас маскировался. Жил хорошей человеческой жизнью, изредка пользовался своей удачей. Конечно, нужды в удовлетворении мелких потребностей уже не было, а с крупными я был очень аккуратен.

А потом заболела дочь. Врачи сказали — смертельно. Сказали — безнадежно. И знаете, если уж честно, то не было до той поры во мне каких-то отцовских чувств. Ну, копошится смешной комочек, лепечет что-то, ходить пробует, читать сказки требует. Умница, красавица, я ей гордился — и не больше того.

Только пошла в школу, пятерки стала получать — и на тебе… Я не колебался, нет. Конечно, не предполагал, что это ловушка. Что вы использовали мою девочку как наживку… Вылечили бы? Что ж, спасибо, если не врете. Но если бы я и знал, что это ловушка — все равно поступил бы так же. Захотел, чтобы дочь поправилась. Она и поправилась. Схлопотал откат. Не очень даже сильный. Или то, что вы меня взяли, это тоже часть отката? Смешно, верно? И еще два месяца все было хорошо. Правда я узнал, что исчез мой знакомец-бизнесмен. С концами исчез. Но я тогда не понял, что вы его взяли. Решил, что надорвался на откате… на рикошете своем. Вот и сгинул где-нибудь в подвале у бандитов. Так что нет вам смысла его искать, никакого… А сегодня вы взяли меня.

Знаете, я даже не буду спорить. И сопротивляться не буду. Полагаю, у вас есть свои методы для сопротивляющихся, верно? Тогда скажите, как это произойдет?

Так… дайте хоть глазами пробежаться… «Виновный в уклонении от уплаты… накопившаяся за сорок два года сумма составляет вместе с процентами семьсот тысяч триста двадцать два бержерака одиннадцать ростанов…» Да, это действительно смешно! Теперь я понимаю, почему вы улыбались… «Добровольно уплачиваю государству из причитающейся мне в будущем удачи…» Подпись — и все? Как просто… И в других странах так же? Ну, в Америке всегда с налогами строже…

А как это будет? Потеряю удачу — и что? Инфаркт, инсульт, кирпич с крыши? Выбор велик, согласен. Инсульта точно не хочу. Ходить под себя, чувствовать как разум уходит, пытаться что-то сказать перекошенным ртом… Нет. Лучше бы инфаркт. Как у папы. А он случайно не?.. Ну и слава Богу.

Нет, нет. Я не тяну. Кофе у вас вкусный. Можно еще чашечку? Чтобы уж точно — инфаркт. Скажите, а если у меня нет впереди такого количества золотого песочка? Долг на

семью не перейдет? Ну что вы, я понимаю, что вы не звери. Сам был на госслужбе… Закон есть закон, да… Но если бы я знал! Если бы мне раньше сказали про налог с таких как я! Что-то в этом нечестное, разве нет? С обычных людей удачу сразу удерживают, а мы, везунчики, должны платить сами!

Ну да, таился… Верно. А вы ведь тоже умеете управлять удачей, товарищ майор? Почему же тогда вы по ту сторону стола, а я… Ага. В детстве. Понятно. Я оказался слишком скрытным ребенком, не повезло.

Не повезло.

Что ж, давайте ручку. Я все подпишу.

УДАЧИ В НОВОМ ГОДУ!

— Тут он мне всю правду и рассказал, — Михаил Немайлов обвел семью строгим взглядом. Впрочем, причин к строгости не было, заинтригованная семья не перечила. Жена послушно кивнула, сын сделал заинтересованно-внимательное лицо, дочь задумчиво накручивала на палец локон — но взгляда от отца не отрывала. — Тут, повторяю, генеральный мне и говорит: «Хороший ты мужик, Михаил! А так и проходишь всю жизнь в управленцах, будешь на чужих дядей горбатиться». Я, разумеется, про корпоративную солидарность, про его интересы, которые мне дороже своих… Генеральный хмыкает и начинает мне вот что рассказывать. Есть такой обычай в Испании — под бой часов съедать двенадцать виноградин. А в Италии другой — под Новый год выбрасывать старые вещи из окна. У нас полагается долги отдать. Ну и дальше, в том же духе обычаи перечисляет…

— Это он все в парилке излагал? — поинтересовался сын. — Силен…

— Серьезные разговоры, тинейджер, — наставительно ответил Михаил, — только в неформальной обстановке ведут… Итак, слушаю я его и пытаюсь понять, к чему генеральный клонит. А он вдруг говорит: все эти обычаи не зря придуманы. Ведь к чему все они сводятся? Старье вокруг себя уничтожить, съесть к примеру, или сломать и выбросить, и в Новый год новенькими войти! Только лохи этого правила до конца не выполняют. Выкинут пару рваных носков и считают, что удача им обеспечена. Не так все просто! Надо от всех старых вещей избавиться! И тогда в Новом году придет к тебе удача!

— Он что, так много выпил? — поинтересовалась жена.

— Генеральный уже два года не пьет.

— Придумал, — фыркнула дочь.

— Он придумать ничего не может. У него голова не так устроена, чтобы придумывать, — спокойно разъяснил Михаил. — Все наши олигархи, все знаменитые певцы-певицы,

все политики — с чего им удача поперла? С того, что они под Новый год от старья избавились и тем удачу к себе приманили! А теперь мой звездный час пришел!

Наступила тишина. Семья осмысливала. Наконец, жена произнесла:

— Если ты, Мишенька, таким интересным образом хочешь сообщить, что старая семья тебя больше…

— Нет! — Михаил стукнул кулаком по столу. — О людях речь не идет. Будем старые вещи выбрасывать!

— Да где же у нас старые вещи? — удивилась жена. — Полгода как в новую квартиру въехали… Самая старая вещь — твоя машина, ей уже год!

— Машину я утром шоферу подарил, — спокойно ответил Михаил. Посмотрел на часы. — До Нового года — девять часов. Мы должны избавиться от старья.

— Если мы встретим Новый год в пустой квартире и все это окажется пьяным бредом твоего генерального — в следующем году у меня и впрямь появится кое-что новенькое… — пробормотала жена.

Михаил сделал вид, что не услышал.

Избавление от старых вещей шло долго и трудно. Проще всего оказалось с посудой — старую выбросили, все равно несколько тарелок и бокалов было разбито, комплекты с новой — распаковали. Так же поступили с постельным бельем.

А вот мебель проверяли вдумчиво. Кожаные диваны и кресла были признаны новыми, кухонный гарнитур — тоже. Все остальное, увы, пришлось выбрасывать. Обалдевшие от поступившего под самый праздник заказа грузчики, к трем часам дня уже веселые, быстро протрезвели, сообразив, что шкафы, стулья, столы и прочую почти новую мебель надо вытаскивать на помойку. Для придания их работе энтузиазма Михаил предложил все вынесенное оставлять себе — и труд сразу приобрел ударный характер. Словно бдительный старьевщик Михаил бродил по квартире и инспектировал вещи.

— Тренажер спортивный. Уже два года как куплен, выносить! — командовал он.

К счастью, вовремя вмешалась жена:

— Ну и что, что два года? Ты же им не пользовался ни разу!

— Хорошо, — согласился глава семьи. — А что скажешь о телевизоре?

— На помойку! — радостно согласилась жена. — Давно пора плазму купить, а то стыдно людей в дом пригласить…

В комнате сына возникло особенно много проблем. Сын настойчиво предлагал избавиться от старых книг, но бдительная проверка показала, что зачитанных среди них нет. Зато все компакт-диски, и с музыкой, и с компьютерными играми, Михаил безжалостно выбросил. Ноутбук сын отстоял, забравшись в Интернет и доказав отцу, что это самая новая мо-

дель, зато мобильного телефона — лишился.

С дочерью все обошлось на удивление просто. Она заявила, что вся ее одежда, за исключением сшитого к новогоднему празднику платья — старье, а косметика — вообще каменный век. Ювелирные украшения по здравому размышлению были признаны вещью нестареющей.

То же самое была и с вещами жены. Нельзя сказать, что сердце Михаила ни разу не екнуло, когда в большой тюк запихивались норковые шубки и платья из бутиков. Но генеральный директор вчера был так убедителен!

— Сам вынесу, — завязывая узел, решил Михаил. — Есть там, во дворе, один уголок, до завтра долежит спокойно… Если что, то…

Жена кивнула. В приманивание удачи она не верила, зато надеялась на завтрашнее раскаянье мужа и полное обновление гардероба. Но щипаную норку было жалко…

К девяти часам вечера в квартире стало более просторно и на удивление неуютно. Не хватало старых часов на стене, которые достались Михаилу от деда. Не хватало невзрачной черноморской раковины, привезенной двадцать лет назад из свадебного путешествия. Не хватало дурацкой вышивки, сделанной дочкой во втором классе и уже семь лет гордо вывешиваемой на стене. В общем — не хватало множества ненужных мелочей, которые накапливаются с годами в любом доме.

— Как в гостинице стало, — вынес свой вердикт сын, прохаживаясь по квартире. Он в новых джинсах с бумажной этикеткой на заду и в новой рубашке с ценником на воротничке. Все были в новом, и этикетки глава семьи на всякий случай запретил снимать.

— Не остри, тинэйджер, — нахмурился Михаил. — Лучше подумай, чего мы еще забыли?

— Старые башмаки выкинуть, — сказал сын. — В Италии так делают, я в Интернете посмотрел.

— Совсем они сдурели, макаронники… — возмутился Михаил. — Хорошо, иди и проверь все ботинки!

— Черные туфли не дам! — вскинулась жена. — Они новые!

Михаил подумал и кивнул:

— Срок возврата обуви — две недели, а ты туфли купила неделю назад. Согласен, будем считать их новыми… Да, кстати, о макаронниках! Проверь продукты и старые выбрось!

— А какие продукты считаем старыми?

— Все открытые банки и пакеты, нарезанную колбасу и сыр, — ответил Михаил так быстро, будто готовился к вопросу.

— Там полукилограммовая банка черной икры, — жена прищурилась. — Едва начатая.

— Намажь бутербродов, сколько надо для праздника, а остальное — в унитаз! — жестко ответил муж.

Жена кивнула:

— Хорошо. Но тогда учти, дорогой, что открытые бутылки тоже считаются старыми!

Михаил сглотнул, но смолчал.

Под бой курантов семья, согласно испанскому обычаю, глотала виноградины. На последний удар, согласно обычаю русскому, все выпили шампанского. Досталось даже сыну.

— И где она, удача? — иронически спросила жена, усаживаясь в кресло.

— Откуда я знаю, как оно все будет происходить… — Михаил тоже сел и открыл бутылку с коньяком. С последним ударом часов с него будто сошло наваждение. Что он наделал? Выбросил половину мебели, почти всю одежду, машину подарил шоферу… ладно, это можно будет представить пьяной шуткой.

И почему? Из-за дурацкой истории генерального директора? В олигархи захотел, дубина… неужто плохо жилось простым управляющим компании…

— Удача! — захихикал слегка захмелевший сын. — Заходи к нам, удача! У нас теперь места много!

Михаил поднял на сына тяжелый взгляд и тинэйджер затих, понимая, что перегнул палку. Но в этот момент в дверь позвонили.

В полной тишине Михаил прошел к двери и открыл, даже ничего не спрашивая и не глядя на монитор электронного глазка.

За дверью стоял кто-то морщинистый, румяный, в красном тулупе, с большой белой бородой и двумя огромными чемоданами на колесиках. За спиной маячила девушка в одеянии а-ля русь.

— Мы Деда Мороза не заказывали, — мрачно сказал Михаил.

— Как это не заказывали? — пробурчал гость в бороду. — Новогодний обычай соблюли? Старье все выкинули? Удачу в Новом Году желали?

Михаил растерянно кивнул.

— Получайте, — гость подкатил ему чемоданы. — Вот она, ваша удача на этот год. В денежном эквиваленте, разумеется.

— В долларах? — зачем-то спросил Михаил, приподнимая чемодан.

— Рублями по курсу.

Дед Мороз и Снегурочка пошли к лифту. Тяжеленные чемоданы оттягивали Михаилу руки, он их поставил. Обернулся. Домочадцы стояли за спиной. Молчали, глядя на чемоданы.

— Вот, — сказал Михаил. — Я же говорил. Все честно. Как хотели.

— Удачи в Новом году! — сказал Дед Мороз из лифта.

Жена задумчиво откручивала ярлычок с новенькой французской блузки. Дочь накручивала локон на палец. Сын непривычно серьезно смотрел на отца.

Почему-то было невесело.

ОТ СУДЬБЫ

***

Тематические сборники — редкое явление в нашей фантастике. А уж сборник «кошачьей фантастики» — проект неслыханно дерзкий. Но сборник «Человек человеку кот», составленный московским критиком Андреем Синицыным, оказался удачен. Если не ошибаюсь, он выдерживает уже пятое переиздание.

Написал рассказ для этого сборника и я.

Некоторые считают, что тематические рассказы чем-то мешают автору, «сковывают фантазию», «заставляет писать одинаково». Это совершенно неверно. Это все равно, что предположить, будто тема «женский портрет» заставила бы одинаково рисовать Рубенса и Тропинина, Дали и Пикассо.

В рассказе «Купи кота» кот, конечно, не главный персонаж.

Но без него эта история имела бы совсем другой конец.

Рассказ «Сердце снарка» написан для другого проекта Андрея Синицына — сборника «кулинарной» фантастики. Не удивляйтесь такой «приземленности» темы! Ведь еда — это достаточно важная часть нашей жизни. Попробуйте не есть хотя бы одни сутки — и Вы в этом убедитесь. (Не стоит, впрочем, опираться на этот сборник, когда вы собрались удивить гостей новым блюдом — результат может оказаться непредсказуемым).

И еще одно маленькое уточнение о рассказе «Сердце снарка». Он написан мной (совершенно осознанно) в стиле (или в духе) знаменитого писателя двадцатого столетия, никогда не обращавшегося в своем творчестве к фантастике. Имени называть не буду, поскольку уверен — Вы без труда его опознаете. Этот писатель был большим любителем охоты, рыбалки, да и к кулинарии имеет самое непосредственное отношение — один из самых популярных в мире коктейлей придуман именно им. И то, что я воспользовался его стилем — знак моей признательности одному из величайших мастеров прозы.

КУПИ КОТА

Купи кота, — посоветовали ему.

— Почему кота? — спросил Максим. — Почему не собаку?

Он привык доверять советам бывалых людей, да и сам всегда старался подсказать сменщику. Порой один короткий совет стоит месяца подготовки и чтения инструкций.

— Собаку жалко. Собака привыкает к человеку, а кот — к месту. Ты все равно не потащишь животное обратно на Землю. Я много думал и понял, что тебе посоветовать. Купи кота.

Максим с любопытством посмотрел на человека, полгода проработавшего в полном одиночестве. Чего в нем было больше — неприязни к цивилизаций или неудержимой тяги к приключениям? Максим не знал. Но сентиментальности на первый взгляд не наблюдалось.

— Мне доводилось бывать в Одиночестве, — заметил Максим. — Я три месяца торчал на Луне. И еще настраивал станцию на Плутоне…

— Плутон — это близко, — поморщился его предшественник. — Совсем рядом. Купи кота.

Маятниковый или, как еще иногда говорят, резонансный звездолет не нуждается в пилотах. У него все равно нет двигателя. Он стартует-то всего один раз — после чего материя звездолета оказывается нелинейно распределенной по будущей трассе полета. Теоретически звездолет одновременно находится и в точке отправления, и в точке прибытия, и на всем векторе между ними, разнятся только вероятности.

В точке старта маятниковый звездолет появляется раз в полгода. Воздух над бетонным полем начинает дрожать будто от жара, мутнеет, возникают решетчатые опоры, цилиндрические жилые отсеки и служебные помещения. Он не слишком походит на звездолет из фантастического фильма, скорее — на космическую станцию.

Когда звездолет окончательно обретает реальность и тяжело приседает на амортизаторах, на космодроме ревет сирена. Откидывается трап, торопливо выходят немногочисленные пассажиры. Техники стыкуют к служебным отсекам бронированные кабели и трубы, вкатывают на грузовые пандусы контейнеры с пищей, баллоны с воздухом, почту и посылки, многочисленные грузы для единственной земной колонии. Взамен выгружают немногочисленные дары чужого мира — деревянные ящики, чье содержимое порой дешевле досок из инопланетного дерева, контейнеры с фруктами и овощами, чья судьба — оказаться на столе у миллионеров, тюки с разноцветными мехами и яркими перьями, небольшое количество редких металлов и драгоценных камней.

Выгрузившихся пассажиров сажают в автобусы и увозят к зданию порта, а на их место уже спешат новые путешественники. Затем меняется экипаж — техники, стюарды, врач, штатный корабельный психолог и массовик-затейник. Примерно в это же время подкатывают цистерны ассенизаторов, выкачивают отбросы и промывают мусорные танки. Отсоединяют трубы — вода подается под большим давлением, и на заполнение емкостей хватает пятнадцати минут. Потом отключают электрические кабели.

Звездолет находится в точке старта тридцать семь с половиной минут. Как правило, персоналу хватает менее получаса. За пять минут до отправления люки задраивают, техники удаляются на безопасное расстояние. В воздухе целая симфония запахов — вонь солярки от мощных дизельных грузовиков, смрад пролитых второпях нечистот, острый озоновый дух и странный, ни на что в мире не похожий аромат: так пахнет сам звездолет, на полчаса воплотившийся в реальность. Наверное, такой запах стоял до Вселенной в первый день творения, когда возникло само пространство и время.

Еще через пять минут звездолет становится прозрачным и исчезает.

У звезды Барнарда он появится почти через три месяца полета, на те же самые тридцать семь с половиной минут. И все повторится. Маятниковые звездолеты никого и никогда не ждут, их путь определен не расписанием, а законами физики.

Трехмесячное путешествие в замкнутом пространстве — нелегкий путь. В немногочисленных иллюминаторах видна лишь серая муть нереальности. Уединиться можно лишь в туалете, да и то ненадолго. Для того и введены в экипаж психолог и массовик-затейник — чтобы будущие колонисты вытерпели, не сошли с ума и не перегрызли друг другу глотки. Для того существует и довольно просторный карцер, и парализующие пистолеты у экипажа.

Но в пути пассажиров ждет одно развлечение: точка равновесия. Где-то на полпути между Солнцем и звездой Барнарда дрейфует в межзвездной пустоте астероид — строительный мусор галактики. В нем нет ничего примечательного, таких глыб из камня и льда в Солнечной системе несметное количество. Но маятниковый звездолет, проходя точку равновесия, тянется к любой гравитационной аномалии.

И корабль возникает у астероида. Совсем ненадолго, на три с половиной минуты, будто замерший на миг в нижней части траектории маятник. Каждые три месяца — на три с половиной минуты…

Когда-то ученые рвались на этот астероид. Каменная глыба в межзвездной пустоте казалась им уникальным подарком судьбы, бесплатным приложением к колонии у звезды Барнарда. Вначале на астероиде построили станцию, а уж потом год за годом пытались найти смысл ее существования.

Смысла не оказалось. Та же Церера или Веста, только в трех световых годах от Земли.

Астероид назвали Точкой Равновесия, аппаратуру перевели на автоматический режим работы.

И вот уже четыре года, как на Точке Равновесия дежурит один-единственный человек. Формально — ученый, фактически — техник, меняющий записанные диски на чистые и в меру сил исправляющий поломки. А если уж докапываться до самой сути, человек на станции — еще один шоумен, развлекающий путешественников, живая иллюстрация к фразе «плохо человеку, когда он один». За те три минуты, пока корабль не отправится в дальнейший путь, пассажиры должны проникнуться ужасом его одиночества.

Говорят, вторая половина пути всегда проходит легче. Люди становятся бережнее друг к другу.

Максим купил кота на Птичьем рынке. Почему-то казалось неправильным брать с собой на астероид породистого кота, будь то изнеженный перс, хитрый сиамец или надменный русский голубой. Их и на Земле ждала неплохая судьба.

Максим купил самого обычного беспородного котенка, черного как смоль, лишь на грудке — маленькое белое пятнышко. Котят продавала серьезная девочка лет двенадцати, «за рубль, чтобы прижился», как она сразу же сообщила Максиму, Максим извлек из корзинки жалобно мяукающий черный комочек, спросил:

— Это кот?

— Конечно! — запрокидывая котенка на спину, сказала девочка. — Вы что, не видите, какие у него здоровые пушистые яйца?

Максим смешался, заплатил рубль и больше вопросов не задавал. Котенка он вез домой за пазухой, и тот терпеливо ждал до самого дома, напрудив лужицу лишь на полу в прихожей.

Мама к появлению котенка отнеслась стоически. Она ко всему относилась стоически, как и положено правильной еврейской маме, воспитывающей тридцатилетнего сына-охламона. Напоила котенка молоком, сходила к соседке-кошатнице и принесла таблетки от глистов.

— Еще не хватало, чтобы ты вез в космос всяких нематод, — сообщила она, впихивая в пасть упрямому котенку таблетку — Космонавт…

К затеи Максима она относилась спокойно, будто к командировке в другой город. Наверное, этот стоицизм выработался у мамы в детстве, когда ее едва успели вывезти обратно в Россию. Когда в семь лет совершенно случайно становишься «йоред», убежав от войны — космоса уже не боишься.

— Я не космонавт, — сказал Максим. — Я астрофизик. Но я работал на Луне и на Плутоне…

— Ты идиот, — спокойно сказала мама. — Только идиоты делают глупости, когда их бросает женщина. Нормальные люди уходят в работу и совершают великие открытия. Или зарабатывают огромные деньги.

— Я и ушел в работу, — попытался отбиться Максим. — И заплатят мне, кстати, очень даже…

— Что ты там будешь делать? — спросила мама. — Протирать железяки? Кормить кота?

— Кормить кота тоже придется.

— Купи мышей, — посоветовала мама. — Создай замкнутую экологическую систему.

По профессии мама была биологом. К ее советам Максим обычно прислушивался, но мышей покупать все-таки не стал.

За три месяца пути кот вырос, из умилительного неуклюжего котеночка превратился в грациозного, но стервозного подростка, избалованного женщинами-колонистами и прекрасно освоившего псевдогравитацию в одну десятую земной. Максима это радовало — на астероиде сила тяжести составляла менее одной двадцатой. Сам он из каюты, которую делил с тремя молодыми немецкими поселенцами, почти не выходил: иногда играл с ребятами в карты, а большей частью читал. Его буксер, недорогая русская модель «Чтиво», был заряжен текстами — от нудноватой классики до современной попсы. Тексты Максим закачал из сети нелегально и с некоторым удовольствием предвкушал, как, утомившись перечитывать Бернарда Шоу, Вудхауза и Честертона, зарядит в буксер кого-нибудь из современных «творцов», для покупки чьих книг не было ни желания, ни денег, ни места на полках.

Но пока он переходил от Дживса и Вустера к патеру Брауну, возвращался к пьесам Шоу — и был вполне доволен собой. Кто сказал, что три месяца в консервной банке — тяжело? Наверное, тот, кто так и не научился читать *книги.*

Его немецкие соседи тоже читали — руководства по агрономии, а изредка — Библию. Таких среди колонистов было большинство. Во влажных джунглях второй планеты звезды Барнарда, не слишком-то страшных и опасных, но для жизни некомфортных, не требовались книгочеи. Там нужны крепкие молодые люди с приличными моральными устоями (христианская вера и светлая кожа приветствуются) и не слишком загруженные этическими проблемами. Умники пойдут во втором эшелоне — так было и будет всегда.

Максим читал, лениво играл с котом — тот все-таки выделял его как хозяина, будто предчувствовал, что пожить вместе еще придется. Но в основном кот терся среди пассажиров и членов команды. Он получил два десятка имен — от Пушистика до Черной Дыры, только Максим упорно звал котенка Котом и никак иначе. Команда, поначалу поглядывав-

шая на Кота неприязненно, скоро начала ему безоглядно симпатизировать. По мнению психолога, котенок замечательно улучшил психологический климат на корабле — из трехсот пассажиров лишь двое или трое протестовали против гуляющей где попало «пушистой твари». Максиму даже стали намекать, что хорошо бы ему оставить кота на корабле. Максим только улыбался в ответ.

А за сутки до прибытия к Точке Равновесия посадил протестующего Кота в переноску и стал все время держать на виду. По разочарованным взглядам кое-кого из команды и кое-кого из пассажиров Максим понял, что предосторожность оказалась нелишней. Соседи-немцы осмотрительность одобрили. Максиму даже показалось, что своим поступком он значительно улучшил их мнение о русском характере.

Так что за десять минут до выхода в реальность Максим стоял в шлюзовой камере — в скафандре, с большим герметичным контейнером для вещей и вторым, поменьше, внутри которого возмущался судьбой и хозяином кот по имени Кот.

Темная каменная равнина. Ровная… но словно бы выпуклая, неуловимо вздувающаяся под ногами.

Черное небо с мириадами звезд — таких цветных и ярких, какими они бывают лишь в мультиках и детских снах. И станция.

Она напоминала парник: решетчатая половинка цилиндра, покоящаяся на бетонной плите. Сквозь толстые стекла сияли яркие лампы дневного света, позволяя увидеть маленький уютный домик — самый настоящий деревянный домик, крытый красной черепицей. Такие встретишь в ухоженных европейских деревнях и редко-редко — в подмосковных дачных поселках. Рядом с домиком Максим заметил колодец — на самом деле это был ход в подземные помещения станции и небольшой пруд — это был и бассейн, и садок для выращивания рыбы, и основной запас воды. Все это так буйно заросло зеленью, что банальные помидоры и огурцы казались диковинными пришельцами из тропических джунглей. Низкая гравитация явно шла растениям на пользу.

Максим даже остановился на трапе, с удивлением взирая на сказочный сверкающий мирок. Он был таким уютным — островок света и тепла посреди бескрайней пустоты, что любой пассажир сейчас должен был бы взвыть от тоски. Какая тут «психотерапия»? Но когда навстречу, придерживаясь за леер, пробежал, даже не глянув на него, предшественник — все стало понятно. Вот чьи рассказы о полугодовом одиночестве через несколько часов примирят путников с оставшимися месяцами заточения.

Максим дошел до шлюза, повернулся и помахал рукой. Корабль пока еще оставался в реальности, но двое техников уже выгрузили из него контейнер с продуктами, прицепили к

стальному кнехту и теперь торопились обратно. Закрылся пассажирский шлюз, потом грузовой. Прощально вспыхнули проблесковые маячки. Качнулись в редких иллюминаторах тени. И корабль стал исчезать,

— Вот мы и дома, Кот, — сказал Максим, хотя оборудовать переноску радиоприемником никто не озаботился. — Вот мы и дома.

На какой-то миг ему стало страшно — вдруг шлюз не откроется, вдруг что-то случится и с аварийным входом. Вдруг он останется наедине с холодной бездной, не в силах попасть в маленький теплый мирок?

Но шлюз открылся, люк загерметизировался, компрессор неторопливо наполнил маленькую каморку воздухом — и скафандр на Максиме сдулся, обмяк.

Он был дома. В игрушечном мирке на полпути между Солнцем и звездой Барнарда, созданном в ту романтическую пору, когда люди еще ждали от космоса чудес.

Первый месяц Максим откровенно наслаждался жизнью.

Пятнадцать на сорок метров — это удивительно много. Шесть соток! Что-то символическое было в этой цифре, что-то пришедшее из истории России. Что именно, Максим вспомнить не смог, но решил, что «шесть соток» — научно доказанная площадь, достаточная для счастья одному человеку.

И он был счастлив.

Разбирал бардак, оставшийся от сменщика, — вроде бы аккуратный человек, англичанин, а развел настоящий свинарник!

Готовил — овощи и отчасти фрукты под куполом были свои, остальное Максим брал со склада. Даже привезенный этим рейсом контейнер пока не пришлось распаковывать.

День проходил в возне с приборами — большей частью автоматическими, вынесенными за пределы купола. Некоторые отказали — Максим решил, что через месяц-другой выйдет в скафандре наружу и проверит, что можно сделать с датчиками. Пока же ему хватало купола. Когда ежедневное ТО заканчивалось, Максим читал.

А лучше всего было вечерами, когда Максим давал подтверждение на отключение света — и лампы начинали медленно гаснуть. Он выходил в сад, садился за маленький столик, вокруг которого помидорные джунгли были слегка расчищены, и ждал, пока наступит темнота.

Настоящая темнота.

Только ослепительные звезды всех цветов — медленно плывущие вокруг. Астероид вращался, и Мисс Вселенная поворачивалась к Максиму то одним бочком, то другим, демонстрируя все свои красоты.

Никаких метеоритов. Ничего движущегося — кроме танца звезд.

Максим улыбался звездам и прихлебывал из стакана самогон. Установка стояла в доме, похоже, ее сработал еще первый дежурный по станции, сработал на совесть, из стекла и титана, в изобилии имеющегося на складе запчастей.

Кот по имени Кот обычно приходил после наступления темноты. Весь день он блуждал по саду, охотился за мышами — только теперь Максим догадался, к чему был совет предшественника. Видимо, тот и завез на станцию первую живность.

Максим великодушно позволял Коту улечься на коленях, давал понюхать стакан — Кот недовольно морщился, но каждый раз нюхал снова. Это превратилось в ритуал, как и кусочек колбасы, выделяемый Максимом из своей закуски.

— Видишь Солнце? — спрашивал Максим, когда очередной оборот выносил в зенит яркую желтую звездочку.

Кот молчаливо признавал, что видит.

— Этот свет, — говорил Максим, — шел с солнца три года. Представляешь? Целых три года. А точнее — тысячу восемьдесят четыре дня… Что мы делали три года назад, Кот?

Кот начинал вылизываться, намекая, что три года назад был не в состоянии что-либо делать.

— Мы ездили в Крым, — говорил Максим, сверяясь с органайзером. — Вот ведь глупость, и чего нас в Крым понесло, почему хотя бы не в Турцию? Так… и были мы в этот день… нигде не были. Значит — валялись на пляже. И занимались любовью в номере. И пили сладкое вино.

Кот потягивался и задремывал.

— Привет, милая, — говорил Максим. То ли звезде по имени Солнце, то ли женщине по имени Ольга. — Тогда ты ведь еще верила, что мы будем вместе, точно? Всю жизнь вместе…

Кот недовольно мяукал — Максим слишком энергично взмахнул стаканом и облил его.

— Молчи, не насмешничай! — сурово одергивал Максим Кота. — Вам хорошо — март кончился, орать перестали, разошлись. И забыли друг друга…

Кот пристыженно молчал.

— Ладно, не сержусь, — прощал его Максим. — Все равно мне хорошо. Здесь никого нет. Нигде и никого! На три световых года — ни одной живой души, разве что ангел пролетит…

Небо вращалось все быстрее и быстрее. Обычно Максим так и задремывал, ближе к утру перебираясь в кровать, утром ополаскиваясь холодной водой — и становясь на удивление бодрым. Нет, это просто праздник какой-то! Самогонный аппарат, тупые приборы, уны-

ло разглядывающие звездное небо и замеряющие уровни излучений, ледяной вакуум за стеклами купола — плевать, что вакуум не бывает ледяным… да еще и деньги за это платят!

Спиться он почти не боялся. Да, конечно, руководство пришло бы в ужас, обнаружив, как Максим проводит свои дни. В ужас — и изумление, потому что Максим всегда считался надежным и выдержанным человеком. Но он и к этому полугодовому запою подошел основательно: не позволял себе напиться, прежде чем все работы по станции будут завершены, тщательно просчитал, какую часть продуктов может пустить на брагу, проверил и отладил самогонный аппарат, о существовании которого был наслышан еще на Земле.

— Знаешь, чего я хочу, Кот? — спрашивал он Кота. И тот любопытным взглядом отвечал: «Говори, не томи!» — Я хочу поймать волну. Давным-давно ушедшую волну своей любви.

— Мяу, — сомневался Кот.

— Это как в сказке, — поглаживая черную шерстку, отвечал Максим. — Про Снежную Королеву, про мальчика Кая, которому осколки ледяного зеркала попали в глаз и в сердце… Любовь — самое отвратительное зеркало! В сердце у меня осколок сидит до сих пор. А из глаза — выпал. Как лучик света. Отразился — и ушел в небо. Так может быть, я снова его увижу, Кот? Этот лучик? И он снова ударит мне в глаза!

— Зачем? — интересовался Кот.

— Когда у человека любовь в сердце, — ничуть не удивившись, объяснял Максим, — это только страдание. Страдание и не больше. А вот когда еще и в глазах любовь…

Кот тихо смеялся и отвечал:

— Глупый Максим. Ты веришь, что если в твоих глазах вновь появится этот свет — она вернется?

— Не смей называть хозяина глупым! — строго отвечал Максим. — Ты сам — безмозглое животное… ты даже не умеешь говорить, это лишь моя галлюцинация, бред!

— Кто знает? — лукаво отвечал Кот, выгибая спинку. — Так вот, мой умный хозяин! Мы, коты, давно знаем эту тайну — свет, ушедший из глаз, не возвращается. Ты можешь быть сильным и умным, ты даже можешь научиться летать быстрее света. Ты можешь обмануть всех в целом мире, даже свою умную маму, а ведь мамы видят сыновей насквозь! Но тебе не поймать этот свет.

— Посмотрим, — отвечал Максим, чтобы не спорить с глупым животным.

Кот снова усмехался и принимался чистить усы.

— Люди… ах эти глупые люди, — бормотал он. — Если уж ты позволил злым осколкам попасть в твое сердце и глаза — страдай и терпи. Вышел осколок из глаз, рано или поздно выйдет и тот, что в сердце! Тебе сразу станет легко, и ты пойдешь искать новую боль.

Мы, коты, давно знаем эту тайну — не позволяй себе влюбляться. Есть только март, и еще апрель, и еще май… есть разные месяцы, и разные кошечки, и очень-очень много радости и счастья! Но никакой любви нет!

— Неправда, — прошептал Максим, засыпая. — Я слышал эти речи много раз… я помню, кто так говорил… Но любовь все равно есть.

— Нет, — упрямо повторил Кот. — Пока ты не поверишь в нее — любви нет!

На следующее утро Максим долго искал Кота. Но тот мышковал в зарослях фасоли, лишь иногда мелькала среди зеленых стеблей черная шкурка и отблескивали настороженные глаза. В конце концов Максим выманил Кота блюдцем молока. Молоко Кот выпил с удовольствием, но говорить не стал, завалился на спину и позволил чесать себе брюшко.

— Ты всего лишь животное, — сказал ему Максим. — А я — алкоголик. У меня белая горячка. Психоз. Это все пустота вокруг, верно? Пустота и одиночество…

Чтобы доказать и себе, и Коту, и бездонному черному Небу, что он в полном порядке, Максим надел скафандр и вышел из купола. Тонкий фал тянулся за ним, медленно разматываясь с катушки на поясе. Максим обошел-опрыгал все неисправные приборы, один даже сумел починить — там всего лишь неплотно сидел в гнезде кабель. Еще два датчика забрал в купол для доскональной проверки, но сразу возиться с ними не стал, решил почитать. Для разнообразия — кого-нибудь современного. Включил буксер и открыл популярный роман «Майор Богдамир — дистрибьютор добра», с любопытством глянул на первую страницу с «ре-комендашками». Многим эта новая манера сопровождать каждую книгу своеобразным цензурным предписанием не нравилась, Максим же находил ее занятной. В конце концов, законопослушные порнографические сайты тоже предупреждают случайных посетителей о своем содержимом.

«Дистрибьютора добра» одобряла администрация президента, РПЦ, духовное управление мусульман и главный раввин России. Ничего против не имели и прочие организации, на чье мнение могли ориентироваться читатели. Разве что Минздрав традиционно не одобрил книгу, но Минздрав не одобрял ни одного произведения, где герои безнаказанно курят, пьют или ведут распущенный образ жизни. Минздрав даже «Карлсона» не рекомендовал — травматологам не нравились прогулки по крышам, диетологам — увлечение героя сладким.

Так что чтение Максима ожидало спокойное, никого не оскорбляющее и ни к чему плохому не призывающее. Он погрузился в чтение.

Надо сказать, что автор лихо закрутил сюжет. Уже на пятой странице Максиму стало по-настоящему интересно. А тут еще Богдамир стал спорить с каким-то техником из Комитета Солнечной Безопасности об электронных книгах, о том, порядочно ли скачивать тексты с

пиратских сайтов. Техник высказал любопытную мысль, что, хорошо зная архитектуру процессора (а все буксеры достаточно однотипны), можно в сам текст книги ввести ловушку — такое сочетание букв, цифр и знаков препинания, которое будет восприниматься как команда и уничтожать процессор. Всем ведь известно, что любая электронная техника может быть разрушена программным образом. Так что электронная книга станет сама себя проверять на законность и в случае необходимости наказывать воров…

Максим усмехнулся и нажал кнопочку «перевернуть страницу».

Но страница не перевернулась. Зато экран погас.

Через несколько минут, вытряся из буксера батарейки и запустив его снова, Максим убедился, что автор вовсе не шутил. Буксер сгорел!

— Вот сволочи! — только и выдавил Максим. — Где я новый возьму?

Память в буксере тоже оказалась стертой. Правда, на компьютерах станции нашлось немало текстов — и на русском, и на английском. Но после удобного легкого буксера читать с ноутбука не хотелось.

Максим загрустил, нацедил себе самогона, приказал компьютеру включить ночь на два часа раньше — и пошел в сад.

Кот явился после второго стакана.

— Будешь говорить? — добродушно спросил его Максим.

— Буду, — усаживаясь на стол, ответил Кот. Глаза его блестели в слабом звездном свете.

— Я ничуть не страдаю, — сказал Максим, подумав. — Точнее — страдаю, но мне этого и хотелось. Конечно же, я не верну себе старую любовь. Но я исцелюсь и вернусь на Землю. Встречу ту, которая мне предназначена судьбой. И полюблю снова.

— Не глупи, — сказал Кот. — Только люди придумали такую глупость, как любовь.

Он изогнулся, лизнул брюхо и тихо добавил:

— Любовь… ха-ха-ха… Знаешь, почему мы, коты, обычно не разговариваем с вами?

— Почему? — заинтересовался Максим.

— Вам тоже нужна любовь, — фыркнул Кот. — Все эти сюсюканья: «кисонька», «котик», «пушистик». Вам хочется, чтобы мы лизали вам руки, будто собаки! Чтобы согревали своим теплом…

— Кто приходил спать в мою кровать? — спросил Максим.

— Я сам грелся! — возмутился Кот. — Мы, коты, знаем, что любовь — это ужасная ловушка. И не важно, кого любить, милую киску или человека! Все равно любовь — рабство и страдание. А мы свободны и счастливы!

— Но ведь любовь — это еще и счастье, — сказал Максим. — Даже если она умирает! Человек, будто птица феникс, сгорает и перерождается в пламени любви. Каждая любовь — это целая жизнь, которую можно прожить!

— Чего стоит жизнь, начатая на пепелище и закончившаяся пожаром? — вопрошал Кот и подставлял брюхо. — Почеши мне живот.

Максим, глядя в кружащие звезды, почесывал мохнатое пузо.

— Вот видишь, — мстительно заметил Кот. — Ты меня любишь. И потому ты мой раб.

— Нет, — ответил Максим, — Я тебя люблю и потому — свободен. Пошел вон!

Кот медленно полетел на землю, лениво извернулся в полете, мягко опустился на лапы. Одобрительно произнес:

— Вот-вот! Ты на правильном пути, Максим!

Максим пил и смотрел на звездный танец.

Вначале он ждал обратный рейс корабля. Считал дни. Посмеиваясь, придумывал, как именно станет веселить пассажиров — дикими воплями и плясками у корабля, криками о скуке и одиночестве.

Потом вспомнил, что на обратном рейсе будет не так уж и много пассажиров — несколько правительственных эмиссаров, несколько командированных, несколько самых слабонервных колонистов, наотрез отказавшихся жить на чужой планете. И еще — его сменщик, кто-то из немногочисленных ученых колонии.

Потом Максим просто забыл о возвращающемся корабле.

Через четыре месяца ему надоело все. Максим выключил самогонный аппарат — хотел даже его разобрать и вернуть детали на склад, но пожалел сменщика. Звезды над астероидом стали такими же скучными, как книги на экране.

Кот, ведущий жестокую войну с мышами, проигрывал — мыши брали числом. Кот растолстел, стал совсем ленивым и совершенно невыносимым в общении: начинал говорить, только когда Максим напивался до полусмерти. И твердо стоял на своем: любовь — это ловушка для слабоумных.

Максим обиделся и перестал разговаривать с Котом. Потом перестал и пить — неделю читал вперемежку Достоевского, Ницше, Бёлля и Ремарка, после чего стер с компьютера все тексты на русском. И проспал почти сутки.

— Человек не должен быть одинок, — сказал Максим своему отражению в зеркале, решив побриться. Последний раз он скоблил щетину две недели назад, и у него уже отросла изрядная бороденка. — Человек — он стадный.

Отражение не спорило.

Поборов небритость и приняв холодный душ, Максим честно попытался работать. Проглядел записи детекторов за последний месяц — компьютеры автоматически отфильтровывали все более-менее необычное.

Ничего выдающегося Максим не открыл. Звезды светили, пульсары пульсировали, квазары излучали. Человек болтался на куске камня меж двух звезд и не знал, чем ему заняться.

Максим отправился в шлюзовую. Проверил скафандр, пристегнул фал и вышел из купола. Оглянулся — сквозь толстую стеклянную плиту на него смотрела наглая кошачья морда.

— Прощай, котик, — сказал Максим, отстегивая катушку с фалом. В наушниках запищал тревожный сигнал, он его отключил.

Адгезивные подошвы неплохо держали на камне. Максим шел по прямой — мимо посадочной площадки, у которой через месяц возникнет корабль, мимо черных квадратов рентгеновских датчиков, уложенных на грунт. Странно, ведь маятниковый корабль на самом деле и сейчас находится здесь, пусть даже с исчезающе малой вероятностью. Дисциплинированно читают книги по агрономии молодые немцы, трудятся шоумен и психолог, возникают короткие путевые романы и бурные ссоры, экипаж контролирует работу систем жизнеобеспечения — потому что больше на корабле контролировать нечего. Романтики межзвездных полетов не получилось. Нет и в помине могучих звездолетов, чьи ревущие двигатели подрывают основы мироздания и законы физики. Нет нуль-транспортировки, чтобы мгновенно преодолеть путь от звезды к звезде. Только теснота, давка, запах потных тел и грязной одежды. Космические каравеллы ползут к новому звездному берегу, поселенцы и экипаж сходят с ума от скуки…

Максим специально свернул и прошел через центр площадки, где должен будет материализоваться корабль. Помахал руками, поулюлюкал.

И двинулся дальше, пока свет купола не исчез за близким горизонтом.

Там он медленно, не делая резких движений, лег на камни и стал смотреть в небо.

Все в мире оказалось пустым и ненастоящим.

Нет ни любви, ни приключений, ни чуда.

Максим подождал, пока яркая звездочка Солнца взошла над ним, и сказал:

— Здравствуй.

Солнце не ответило. Даже у белой горячки есть свои законы — звезды не умеют говорить.

Под этим самым светом, что коснулся сейчас его глаз, Максим поссорился с Ольгой. Раз и навсегда. Любви не существует, Кот прав. Есть только ловушка для глупцов.

Стоило ли вообще рваться на Точку Равновесия? Ведь есть, наверняка есть нормальные астрофизики, которые дневали и ночевали бы у приборов, не пили самогон и не разговаривали с животными? Впрочем, таких не берут в космонавты. Науки нынче тоже нет. Вместо ученого — шут.

— Мне незачем к тебе возвращаться, — сказал Максим уходящему за горизонт Солнцу.

Солнце выплывало в зенит еще три раза. И каждый раз становилось все более и более обычной звездой.

Предупреждающе пискнул компьютер скафандра — кончилась половина запаса кислорода. Вскоре сигнал будет верещать не переставая. Плевать. Ходить за него скафандр не сумеет. Такие скафандры есть только в дурной фантастике — вместе с могучими звездолетами, хитрыми Чужими и настоящей любовью.

Почему-то не было страшно.

А потом включилось радио.

Максим даже вздрогнул от шороха. Там, на станции, кто-то нажал кнопку на пульте. Максим догадывался, что кнопку нажала пушистая черная лапка — глупое животное постоянно норовило забраться спать на теплые приборы.

— Ну, зараза, скажи мне что-нибудь, — попросил Максим.

В наушниках шелестело. Аппаратура прилежно усиливала слабые кошачьи шаги. Потом Кот лег и заурчал.

— Говори же! — крикнул Максим. — Почему ты молчишь?

Кот мурлыкал — тихо, уютно. Наверняка он слышал его голос.

Но он никогда не умел говорить, потому что был всего лишь котом — любившим поспать на хозяйских коленях, полакать молоко или поохотиться за мышами.

— Ну скажи что-нибудь, — сказал Максим. — Скажи, и я вернусь. Еще успею, наверное… Скажи! Тебе же плохо будет, дурак, одному!

Кот мурлыкал. Он лежал на теплой приборной доске, слышал голос хозяина — недовольный голос. Хозяин сердится, что он лежит на приборах, — понимал Кот своим маленьким кошачьим умом. Но хозяин был где-то далеко, и прятаться не требовалось…

— Ты еще не понимаешь… — прошептал Максим. Маленькая звезда — Солнце — снова взошла над его головой. — Любовь — она как воздух… ее не замечаешь, пока она есть. Вот если я не вернусь… а я ведь не вернусь.

— Хватит, — раздраженно ответил Кот. — Любовь и шантаж несовместимы!

— Еще как совместимы, — откликнулся Максим. — Ну, уговори меня!

— Возвращайся, — попросил Кот. — Никакой любви не существует, но… Два месяца, а вокруг — только мыши! Это ужасно! И я не смогу налить себе молока!

— Ответ неправильный, — сказал Максим. — Любовь — это не только эгоизм.

— Прошу тебя, — нервно сказал Кот. — У тебя еще есть шанс добежать. Я… я очень хочу, чтобы ты вернулся. Нет, я вовсе не люблю тебя, но мне нравится спать с тобой под одеялом.

Максим засмеялся.

— Ты повторил слова одной женщины, Кот, — сказал он. — Но ответ неверный. Любовь — это не только удовольствие.

— Здесь только камни и звезды, — сказал Кот. — Мыши не в счет. Здесь одиноко… даже для кота. Вернись!

— Ты почти прав, но не совсем, — ответил Максим. — Любовь — это не только страх. Ну?

Заверещал сигнал — кислорода осталось ровно на обратный путь.

— Я не знаю, что сказать, — признался Кот. — Я не знаю, что такое любовь. Я всего лишь кот. Ты бы еще мышей попросил с собой поспорить! Или конопляный куст, что растет в углу купола, на философский диспут вызвал! Я кот, кот, понимаешь? Животное, не умеющее говорить! Ты придумываешь себе собеседника и пьешь самогон. Ты даже решил героически задохнуться. А тебя на Земле ждет мама! И миллиард женщин — кроме той дурехи, что считала любовь ловушкой для простаков, эгоизмом, сексом и страхом одиночества! А та дуреха была всего лишь слишком молодой, чтобы полюбить! Ты пробовал снова с ней встретиться, Максим? Или думаешь, что все и всегда должны идти тебе навстречу? Я-то пойду, я лишь твоя фантазия. А она ждет, чтобы ты пришел первый. Пусть через год, два, три года — но пришел!

Максим посмотрел на всходящее снова Солнце. Далекий луч уколол его в зрачок — быть может, это был тот самый фотон, что когда-то отразился от его глаз и ушел в небо.

— Поздно, тебе уже не успеть… — вздохнул Кот.

— В баллоны всегда закачивают больше воздуха, чем положено по инструкции, — сказал Максим. — Это защита от дурака. Я успею. Я-то знаю, что такое любовь.

Обратно со второй Барнарда летело немного пассажиров. Молодой человек, отсидевший полугодовую вахту на Точке Равновесия, их приятно удивил. Хвастался проделанной научной работой и написанной за последние два месяца диссертацией, очень смешно рассказывал, как от одиночества разговаривал и даже ругался со своим котом, как гнал самогон в построенном предшественниками аппарате, а под конец даже нашел кем-то заботливо выращенный куст конопли, но выполол его с корнем. Похоже было, что время он провел с большим удовольствием — что даже удивительно для такого весельчака и жизнелюба.

— Купи кошку, — сказал Максим.

Он был в отпуске и о делах старался не говорить. Но приехавший к нему голландский астрофизик через месяц улетал на Точку Равновесия.

— Почему кошку? Почему не кота? — Голландец на миг задержал ручку над органайзером. Он был очень серьезен и деловит — почти как немецкие агрономы.

— Обещал… — туманно объяснил Максим.

Голландец записал. Он знал, что надо доверять советам бывалых людей.

СЕРДЦЕ СНАРКА

Темное дерево палубы было влажным, там, где въелась соль, шероховатым и очень, очень теплым.

Роберт уселся на сложенный бухтой гарпунный трос. Достал портсигар. Закурил. Папиросы были настоящие, с Земли. Хорошо размороженные — не потеряли ни формы, ни вкуса.

Клиенты запаздывали. Они всегда запаздывают, даже если им нужно спешить, если счет идет на дни и часы. Им все в новинку — небо в сплошной пелене фиолетовых облаков, горные пики на западе, бескрайний океан на востоке, узкая лента города между предгорьями и берегом…

Город они называют поселком. Роберт их понимал. Он видел земные города — на экране. Для землян Лазарь-сити не город.

С соседнего судна его окликнул Мигель. Попросил закурить. Роберт кивнул. Мигель позвал сынишку, но тот возился со стоячим такелажем, придирчиво, как это умеют только влюбленные в море дети, проверяя ванты и штаги сантиметр за сантиметром. Мигель махнул рукой, сошел по мосткам на пристань, поднялся на «Напасть». Роберт протянул ему портсигар, Мигель закурил и уселся прямо на палубу, у ног Роберта. Некоторое время они молчали. Смотрели на север, где над посадочной площадкой тревожно вились птицы.

— Говорят, их всего четверо, — сказал Мигель.

Роберт пожал плечами. Корабль с Земли прилетал раз в три месяца. Иногда он привозил больше десятка клиентов. Иногда, очень редко, одного или двух. На памяти Роберта не было случая, чтобы никто не прилетел.

— Мне Дэнис сказал, — пояснил Мигель. — У него сестра в диспетчерской. Знаешь?

— Знаю.

Роберт сплюнул через борт. Мигель неодобрительно поморщился. Пока судно у берега, плевать или гадить в море — значит гневить судьбу. Но Роберт плевал в море. На судьбу он

тоже плевал. Роберт был моложе Мигеля. Он был удачлив. И они были друзьями.

— Кому-то не повезет, — сказал Роберт.

— Хосе, — сказал Мигель убежденно. — Он без клиента.

Они посмотрели направо — будто в первый раз видели «Счастливый шанс». Судно Хосе и впрямь не внушало доверия. Когда-то это была крепкая, надежная фелюка, но пару лет назад она потеряла одну мачту. Восстанавливать ее Хосе не стал, и теперь судно выглядело будто непомерно большая баланселла. По сравнению с ухоженными шлюпами и тендерами она казалась неуклюжей, по сравнению с маленьким кечем Мигеля — несуразной.

— Хосе без клиента, — согласился Роберт.

Они успели выкурить еще по папиросе, когда на Портовой улице показались земляне. Мигель заторопился.

— Чтоб тебе провести эту ночь с соседской дочкой, — пожелал он напоследок.

— Она уродина, — ответил Роберт.

Клиентов было четверо. С ними шли еще несколько человек из команды, но экипаж выдавала форма. Один клиент Роберту понравился — крепкий парень, одет правильно, из багажа — лишь маленькая сумка, по сторонам не глазеет. Такой на борту не помеха. Второй клиент ехал на инвалидной коляске, с трудом вращая руками никелированные ободья колес. Шедший рядом корабельный стюард время от времени ему помогал. Роберт только покачал головой.

А еще были парень и девушка. Или мужчина и женщина. Не важно. У землян никогда не поймешь возраст. Они шли рядом, и сразу было понятно, что рядом они и останутся.

Земляне подошли к пристани. Мигель с сыновьями встал на корме, другие команды тоже выстроились, стараясь принять позы поэффектнее.

Роберт остался сидеть.

Первым свой выбор сделал клиент на инвалидной коляске. Подъехал к кечу и властно махнул рукой. Мигель со старшим сыном спустились вниз — помочь. Коляску они оставили на берегу, а инвалида понесли на руках.

Правильный парень выбрал шлюп Даниэля. Роберт про себя одобрил выбор. Лучшее судно и лучший экипаж. Еще он заметил, как часто подергиваются у парня веки. И пожелал ему удачи.

А потом парень и девушка поднялись на его шлюп.

— Вас зовут Роберт, — сказала девушка. — Мне вас рекомендовали.

Роберт кивнул. Редко, очень редко, но ему доводилось отказываться от клиента. Он не всегда мог объяснить себе, почему это делает. Но если клиент не нравился — отказывал.

— Мы хотим нанять ваше судно и вас, — продолжила девушка.

— Вы знаете правила? — спросил Роберт.

— Да.

— Тысяча кредитов. Срок — не больше трех дней. Никаких гарантий: если мы не найдем снарка, если не сможем его убить, вы все равно платите полную сумму. На борту мое слово — закон. Если потребуется работать, вы будете работать.

Девушка кивнула. Казалось, что она играла главную роль в паре, но Роберт посмотрел на юношу — взгляд того был твердым, собранным. Он тоже кивнул.

— Не больше ста граммов металла с собой, — продолжил Роберт. — А лучше не берите вообще ничего. Никакой техники. Абсолютно никакой. Никаких электрических устройств и источников энергии. Если у вас есть импланты, то охота бессмысленна.

— Мы знаем, — сказала девушка. — Снарк чует металл и электромагнитные поля, да? У меня был имплант, но я его удалила перед полетом.

— Это все правила? — спросил юноша. Голос у него был уверенный, внушающий доверие. Люди с таким голосом привыкли убеждать — им даже не требуется командовать.

— Да.

— Мы согласны.

Роберт помедлил еще секунду. Когда капитан делает выбор, он уже не вправе отказаться от охоты.

Они ему нравились. Так что же тревожило?

— Сколько вам лет? — спросил Роберт.

— Мне двадцать шесть. Алине двадцать семь. — Он помедлил и добавил: — Мы муж и жена. По земным законам мы полностью дееспособны.

Это показалось Роберту важным. Он ничего не имел против омоложенных, которые и в сто выглядят юнцами. Если человек в состоянии продлить молодость и получает от жизни удовольствие — что плохого? Но омоложенные казались ему непредсказуемыми. Зрелый ум в юном теле коварнее старого вина в большом бокале.

— По рукам, — сказал Роберт, вставая.

Парень обменялся с ним крепким, надежным, мужским рукопожатием. Произнес:

— Спасибо за доверие, капитан. Мы в вашем распоряжении. Меня зовут Александр-младший. Но вы можете, звать меня просто Александр.

— Я буду звать тебя Алекс. Александр — если заслужишь.

— Идет.

К вечеру они были в пяти милях от берега. Роберт держал курс на север. Снарки любят холод. Всего сутки пути — при хорошем ветре, — и шансы на успех растут.

Кеч Мигеля тоже двигался к северу. Он ушел почти вдвое дальше от берега и опережал «Напасть» миль на семь-восемь.

Роберт не переживал. Охота на снарка — это всегда лотерея. Не важно, кто первым придет в зону охоты. По большому счету, не обязательно вообще туда идти. Снарка можно поймать прямо у пристани. А можно месяцами скитаться по северным водам, но так и не увидеть над водой тонкую белую шею, увенчанную большеглазой головой с трепещущим венчиком вибрисс.

Но все-таки на севере шансов больше.

Стукнула дверь каюты. Роберт посоветовал охотникам выспаться, и они честно проспали шесть часов. Сейчас Алина выбралась на палубу. Лицо свежее, умытое. Наверное, у нее с собой гигиенические салфетки — умывальник имелся только на камбузе.

— Добрый вечер, капитан, — сказала женщина.

Она пошла к корме, не ожидая ответа. Но не как надменная хозяйка, равнодушно поприветствовавшая слугу, а как мудрая женщина, не требующая от мужчины отвлекаться ради пустых слов.

Роберт улыбнулся. Достал драгоценную папиросу и закурил. Потом посмотрел назад.

Полускрытая мачтой и такелажем Алина, приспустив брюки, отвесилась над кормой. В некотором смятении Роберт отвернулся.

Женщинам приходилось объяснять, как это делается в море. Обычно они не верили. Зачастую терпели до полусуток. И уж в любом случае строго предупреждали: не оглядываться.

Эта женщина вела себя так, будто давно ходила в море.

Хорошие клиенты.

Кто из них болен? И чем?

Рак на Земле лечат. Почти любой. А те, у кого совсем уж запущенная и страшная форма, не ведут себя так спокойно и не выглядят такими здоровыми внешне.

У старика в коляске наверняка позвоночная гниль. Это больно, трудно, но может длиться десятилетиями.

У парня, который пошел к Даниэлю, цисты крутенника. Когда человек так часто и непрерывно моргает, до выхода личинок остается три-четыре дня. Либо Даниэль найдет снарка, либо личинки сожрут у парня мозг.

А у этих?

Роберт немного подумал. Руки работали сами по себе. Подтянуть фал. Посмотреть на небо. Глянуть на картушку компаса. Переложить штурвал на два румба к западу…

Они оба больны, решил Роберт. А значит, это синдром Мишель. Болезнь, передающаяся половым путем. Нестерпимая боль, паралич и смерть в любой момент.

Ничего. Все шансы успеть. Он подумал о тех мужчинах, женщинах и детях, которые побывали на его шлюпе. О больных, искалеченных, парализованных, безумных. Им всем нужно было одно — снарк. Сердце снарка. И почти все его получили.

Роберт подумал, что успеет. Обычно те, кто был ему симпатичен, успевали.

Алина поднялась к нему, достала из кармана бинокль. Роберт посмотрел на него с подозрением. Но это был правильный бинокль — керамика и стекло, ни одной железной детали, никаких чипов и батареек. Алина поднесла бинокль к глазам, некоторое время следила за корабликом Мигеля, потом принялась осматривать пустынный берег. Обычно Роберт гнал женщин с мостика. Но для этой сделал исключение.

— На берегу, — сказала Алина. — Звери вроде тюленей, но с длинной шеей. Это снарки?

— Детеныши снарков, — ответил Роберт.

— О! — Некоторое время Алина смотрела на берег не отрываясь. Потом призналась: — Я не думала, что они такие… грациозные. И что их так много… Почему нельзя поймать детеныша?

— Поймать легко. Они очень доброжелательны, с ними любят играть дети.

— И вы играли?

— Играл. С ними можно заплывать в море. Далеко. Они понимают, когда их просишь вернуться. Можно играть с ними в мяч.

— Они… не разумны? — спросила Алина.

— Как собаки. Или как дельфины. Комиссия признала, что они не разумны.

Роберт не уточнил, что в комиссии было два десятка старых, больных ученых. А вернулись они на Землю крепкими, с ясной памятью и без малейшей хвори. Земная медицина может вернуть человеку молодость. Но даже она не способна вылечить все. Вылечить все могут только снарки.

— Так почему мы не охотимся на детенышей? — спросила Алина.

— Вы знаете, что у снарков нет сердца?

— Конечно. — Она посмотрела на Роберта с возмущением. — У них сосудистый контур кровообращения. То, что называют сердцем, это единая гормональная железа, сквозь которую… Я поняла!

— У детенышей нет тех гормонов, что у взрослых. Они уходят в море на пятый год жизни. С семи-восьми лет их сердце начинает функционировать полноценно. Это сразу видно — на голове вырастают вибриссы.

— Ясно. — Она опустила бинокль. — Вас подменить, капитан?

Роберт колебался. Он не привык доверять так быстро. И еще — она женщина.

— Справитесь?

— Я готовилась. Год ходила на яхтах.

— На каких?

— На таком же шлюпе, как ваш. Я еще на Земле выбрала «Напасть».

Роберт посмотрел ей в глаза и отошел от штурвала. Она встала на место рулевого.

— Следуйте этим курсом. Береговая линия уходит почти ровно на север. Держитесь в пяти милях от берега. Поглядывайте на небо. Здесь нередки шквалы.

— Не беспокойтесь, капитан.

Роберт спустился в кают-компанию. Он был уверен, что Александр еще спит. Но тот стоял у плиты на крошечном камбузе. Шторка была отдернута, и Роберт видел все его движения.

На маленьком очаге в ровном пламени угольного брикета кипел маленький котелок жаропрочного стекла. Александр с двумя длинными ножами в руках нарезал на столике рыбу. Серые матовые лезвия вскидывались вверх, на долю секунды зависали — и мягко рубили жирную тушку хепуса. Казалось, из-под ножей должна брызгать кровь, должны лететь слизистые комки внутренностей вперемешку с обломками костей. Но чудесным образом ножи выхватывали из тушки тонкие пласты рыбы, подбрасывали в воздух, один клинок быстрым взмахом срубал кожу вместе с чешуей, второй рассекал пласт на два тонких слоя и отбрасывал их в сторону, на тарелку, к уже нарезанной рыбе.

Роберт представил, каким острым должен быть нож, рассекающий плотное, вязкое мясо хепуса. Спросил:

— Это металл?

— Керамика, — сказал Александр, не оборачиваясь. — Хорошие ножи.

Роберт любил хорошие ножи. Дома у него был нож с Земли. «Золинген». Хороший нож, он стоил пятьдесят кредитов. Роберт не мог представить, сколько стоят эти ножи.

— Хепус не самая лучшая рыба, — сказал он, извиняясь. — Я ее прихватил, потому что хорошо хранится… У меня есть морской глог, он вкуснее.

— Ничего-ничего, — пробормотал Алекс. — Ничего, приготовим.

Роберт подумал и сел на стул. Сон мог и подождать. Удивительные ножи превратили тушку хепуса в горку мяса и горку отбросов. Отбросы Алекс смел в помойное ведро. Тщательно протер ножи тряпочкой и вложил в ножны на поясе. Роберт нахмурился. Когда они поднялись на борт, Алекс этого пояса не носил.

— Хепуса лучше жарить, — сказал Роберт. — Вареный хепус совсем не вкусен.

— Ничего-ничего, — повторил Алекс. Откуда-то появился холщовый мешочек, из мешочка — сиреневые листья понго. Алекс кинул пять листьев в котелок. Понюхал пар. Доба-

вил еще один лист. Щепотку соли.

Роберт покачал головой. Никто и никогда не варит рыбу с листьями понго. Это верный способ испортить продукт.

Дальше началась полная ерунда. Двумя палочками вроде тех, какими в колонии едят чины и джапы, Алекс подхватывал пластинку рыбьего филе, окунал в кипяток, через три секунды извлекал — и отбрасывал на новую тарелку. Он что, решил делать суси?

Когда все мясо прошло через кипяток, Алекс слил часть жидкости из котелка. В оставшуюся выдавил лимон, высыпал полчашки какого-то порошка, похожего на муку, но серо-сиреневого, и несколько щепоток сушеных трав. Часть трав пахла знакомо. Часть, в стеклянных пузырьках, наверное, была с Земли.

— Сейчас-сейчас, — сказал Алекс, хотя Роберт ничего не говорил. — Я понимаю, вы голодны.

Со стоявшей в сторонке сковороды он снял перевернутую тарелку, послужившую крышкой. Обнаружилась стопка тонких лепешечек. Видимо, тортильи Алекс испек заранее… Сложив лепешку кулечком, он бросил туда пару кусочков филе и залил двумя ложками соуса из котелка. Соус стал густым и синим. Хорошая пища такого цвета не бывает.

Но пахло вкусно.

— Прошу, капитан. — Алекс вручил ему кулечек и принялся сворачивать себе точно такой же.

Роберт осторожно откусил. Лепешка была еще теплой, рыба и соус внутри — горячими.

Вкусно. Очень! Он никогда не думал, что хепус может быть таким вкусным. Соус, несмотря на устрашающий внешний вид, оказался спокойным — легкая кисловато-терпкая нота, оттеняющая жирное мясо. Роберт не успел опомниться, как съел кулечек и даже облизал перемазанные соусом пальцы.

— Держите, капитан. — Перед ним оказалось блюдо с двумя свернутыми лепешками. Еще одно блюдо с кулечками из тортильи (как он успевал так быстро их вертеть?) Александр унес наверх.

Роберт ел, подбирая языком капли соуса с пальцев. Великолепно! Мужчина не обязан хорошо готовить. Но если мужчина готовит, он должен готовить великолепно. Мужчина должен делать только то, что у него получается великолепно. Все остальное могут делать женщины.

Он заглянул на камбуз. Там еще осталось немного рыбы, две лепешки и соус в котелке. Роберт понял, что еда предназначена ему. Налил стакан холодного чая из фарфорового чайника. Жадно выпил. Потом свернул себе еще один кулечек и поднялся на палубу.

Остановился.

В миле по курсу раскачивалась над водой шея снарка. Открытая пасть была обращена к небу. Едва слышный тонкий звук разносился над волнами. Снарк пел. Алекс и Алина, обнявшись, стояли у штурвала. Шлюп шел на снарка.

Роберт знал, когда снарки поют небу свои песни.

— Алекс! — рявкнул он. — Взять рифы! Идет шквал!

Песня снарка завораживает, особенно когда слушаешь впервые. Ему пришлось встряхнуть парня, чтобы тот пришел в себя. Роберт взял Алину и Алекса за плечи, развернул. Со стороны океана стремительно надвигалась фиолетовая бурлящая облачная гряда. В какой-то миг ее совершенно беззвучно прошила белая ветвистая молния. Песнь снарка стала громче.

— Он близко! — закричала Алина. — Снарк! Видите? Снарк!

Глаза женщины были веселые и безумные.

— В каюту! — Роберт оттолкнул ее от штурвала. — Живо! Задрай люки, закрепи вещи!

Фиолетовые тучи стремительно закрыли садящееся в море солнце. Сразу стало темно и холодно. Еще один разряд молнии огоньками отразился в глазах Алины. Громыхнуло. Снарк пел торжественно и победно. На вибриссах плясало бледное пламя коронного разряда.

Алина последний раз взглянула на снарка и метнулась в каюту. Хлопнул деревянный люк. Александр уже был на наветренном борту, опираясь на гик, брал рифы. Он заканчивал, и Роберт не стал ему помогать. Закрепил на поясе страховочный конец. С сомнением глянул на пряжку. Надо было поменять ремень, но на это не осталось времени…

— Страховка! — крикнул он. — Алекс! Закрепись!

Александр услышал. Под негодующим взглядом капитана метнулся за поясом. Он едва успел застегнуть ремень и закрепить конец на мачте.

Их накрыло.

«Напасть» скользнула по набегающей волне. Застыла над пропастью черного стекла. Ухнула вниз — в облаке соленых брызг. Взмыла вверх, поддев носом новую волну. Шлюп запрыгал на великанских качелях.

Роберт смеялся, вцепившись в штурвал. Солнца не было. Небо в пене. Пение стихло. Холод воды…

— Капитан!

Александр добрался к нему по скачущей, взбрыкивающей палубе. Схватил за плечо. Роберт не услышал, а прочел по губам его слова: «Долго еще?»

— Пять… десять… — Для доходчивости он на мгновение оторвал руки от штурвала. И океан воспользовался этим — коварно ударил шлюп под днище. Очередная волна, на которую взлетела «Напасть», вдруг рассыпалась. Шлюп скакнул было вверх — и тяжело ушел

вниз. Роберт, подброшенный толчком, осознал, что остается висеть в воздухе, будто персонаж мультфильма, из-под которого выдернули опору. Палуба уходила вниз, покрытая бурлящей, стекающей водой. Черные стены волн торжествующе плясали вокруг. Александр, перехватив штурвал, цеплялся за него обеими руками.

Но краткий миг нереального парения прошел, Роберт рухнул вниз, палуба косо ударила в подошвы, его оторвало от обретенного на мгновение штурвала, поволокло по палубе, впечатало в леера левого борта, и он услышал, как с мокрым хлопком лопается страховка. Расстегнутый пояс пролетел мимо, будто страховочный конец был резиновым и стремился сократиться.

Роберт почувствовал, как проскальзывают между палубой и леером ноги. Он безнадежно попытался вцепиться в мокрую палубу. Пальцы скользили. Роберт понял, что сумеет ухватиться за леер, уже соскользнув за борт. Ухватиться — чтобы провисеть десять-двадцать секунд и быть оторванным следующей волной…

Что-то прошило воздух, мягко стукнуло в палубу. Он еще ничего не успел увидеть — ладони сами сжались вокруг рукояти керамического ножа. Александр, уже выхвативший из ножен второй клинок, убрал его и снова взялся за штурвал. Несколько секунд Роберт висел, держась за нож. Потом палуба наклонилась вперед, и он вскочил, метнулся, подхватил еще один пояс, закрепленный на мачте. Застегнул.

Александр вел шлюп прямо на волну. Стоял напряженно, судно чувствовал плохо, делал все словно по учебнику. Но сейчас и не нужно было ничего большего.

Роберт остался у мачты, позволив Александру оставшиеся минуты вести шлюп сквозь бурю. Шквал кончился так же быстро, как и начался, — тучи ушли к берегу и пролились недолгим ливнем, молнии отгремели, волны утихли, где-то далеко в море сверкнуло белоснежное пятнышко снарка — и исчезло в волнах. После бури снарки уходили в глубину — на час, на пять, на десять.

«Топят в бездне силу молний…» — говорилось в каком-то стихе, который Роберт учил еще в школе. На самом деле все куда прозаичнее. Накопленным электричеством снарки глушили жирных глубоководных крабов, совершенно неуязвимых в своей броне, но беспомощных против высоковольтного разряда.

Поэты всегда врут.

Роберт подошел к Александру. Похлопал парня по плечу. Тот с усилием оторвал взгляд от спокойного океана — будто все еще ждал волну.

— Ты молодец, — просто сказал капитан. Александр кивнул. Посмотрел в сторону берега.

— Шквал ушел, — сказал Роберт.

— И снарк ушел, — сказал Александр. Расстегнул страховку. Подошел к воткнутому в палубу ножу. Раскачал, выдернул.

— Снарк еще будет.

Ночные вахты Роберт и Александр отстояли на двоих. Алина не спорила.

Утро застало за штурвалом Александра. Он держал курс на север, сверяясь с Солнцем. Случайность, ирония судьбы — для этой планеты земное Солнце выполняло роль Полярной звезды. Желтая искорка над горизонтом — мир, откуда он пришел и куда вернется… Так ли это? Александр чувствовал, как сомнение все сильнее охватывает его. Шумные города, дремучие леса, блага цивилизации — где они? Были ли на самом деле? Есть плывущий сквозь ночь шлюп, есть наполняющий паруса ветер, есть черное небо с раскиданными по нему звездами, есть плещущая за бортом холодная вода, есть заснеженные горы на западе…

Но океан посветлел, тучи на востоке вспыхнули розовым, солнце — почти такое же, как земное, — вынырнуло из воды. Посвежел ветер, море засверкало, чуть крепче стала волна. Качавшиеся всю ночь на воде колючие розовые мячики ежей-поплавочников потемнели, набрали воду и начали погружаться Александр проводил их задумчивым взглядом. Говорили, что у поплавочников вкусная икра. Собирать их со дна очень трудно, а вот ночью, когда они дрейфуют с одного пастбища на другое, достаточно бросить за борт сеть, и к утру она будет полна ежами и ошметками случайно попавшихся рыбин.

Александр решил, что вечером они забросят сеть.

Поднялся Роберт. Принес чашку ароматного горячего кофе и разогретые на сковородке круассаны, уже надрезанные и напичканные джемом. Александр с сомнением попробовал кофе — но напиток ему понравился. Местные ухитрялись выращивать кофе в предгорьях, почти на самой границе снегов. На туристов, скупающих мешочки с зернами, Александр смотрел с улыбкой, но теперь решил захватить килограмм-другой на Землю. Круассаны были хуже. Местный хлеб ему вообще не нравился. Зато джем был вкусный.

На каждой планете найдется что-то интересное.

— Как себя чувствуешь? — спросил Роберт.

Шквал и оборвавшийся пояс сплотили их. Это была еще не дружба, но уже не отношения хозяина и работника.

— Замерз, — сказал Александр, подумав.

Роберт понимающе кивнул. Синдром Мишель. Капиллярные спазмы. Мерзнут руки и ноги…

— Мы обязательно поймаем снарка, — сказал Роберт.

— А правда, что снарк может исцелить только одного человека? — неожиданно спро-

сил Александр.

— Чушь, — ответил Роберт. — Дело в том, что гормоны быстро выдыхаются. И они нестойки. Сердце снарка нельзя заморозить или законсервировать. Его надо съесть в течение получаса после убийства.

— После забоя, — поправил его Александр.

Роберт пожал плечами. Он никогда не играл словами. Слова все равно не меняют дел.

— Одного, двоих, пятерых, — сказал Роберт. — Больше — вряд ли. Но вовсе не обязательно каждому больному добывать своего снарка. Этот слух пустили жадные капитаны. Это бесчестно.

— Значит, мы все могли поплыть на одном судне? — заинтересовался Александр.

— Чем больше судно и экипаж, тем осторожнее будет снарк, — дипломатично ответил Роберт.

Александр кивнул, удовлетворенный ответом.

Они увидели снарка в полдень. Может быть, того же самого, что пел перед бурей. Может быть, другого.

Снарк плыл к берегу, за ним гнался кеч Мигеля. Это не было настоящей погоней. Снарк способен несколько часов плыть глубоко под водой, его не догнать на самой быстрой шхуне. Снарк играл с кечем в догонялки. Быть может, так же, как в детстве играл в полосе прибоя с горластыми голыми детишками. Родители любят, когда дети играют с детенышами снарков. Во-первых, детям ничего не грозит. Во-вторых, какие-то флюиды исходят даже от маленьких снарков — дети реже болеют

Ну а в-третьих — тех снарков, что играли с детьми, будет проще убить.

— Можем перехватить, — азартно сказала Алина. — Капитан?

Роберт молча покачал головой. На подобную глупость даже не стоило отвечать. Капитаны не отбивали друг у друга добычу. Даже если клиенты трясли пачками денег.

Клиент съест кровоточащее сердце снарка и улетит — на Землю, Эдем или Олимп. Капитанам жить рядом до следующего корабля. Ходить по одним и тем же улицам в одни и те же таверны. Их женам и дочерям — встречаться в лавках и на рынках. По воскресеньям — сидеть рядом под укоризненным взглядом пастыря.

Есть вещи, которые стоят слишком дорого, чтобы их продавать.

Снарк играл. Это был молодой снарк, лет двенадцати, не более. Он наполовину выпрыгивал из воды, уходил вперед — чтобы тут же по дуге обогнуть кеч и пристроиться в корме. Мигель и не пытался соревноваться с ним в скорости. Он просто ждал, когда снарку захочется подплыть ближе.

Роберт встал на носу, взмахнул руками, привлекая внимание Мигеля. Свел руки крест-накрест. Опустил левую. Правую вытянул горизонтально.

Александр и Алина молча смотрели на Роберта.

Язык жестов — плохая замена радио, но адекватная сигнальным флажкам. Мигель подошел к своему клиенту — тот сидел в просторном деревянном кресле, укрепленном на палубе. Что-то спросил. Переспросил. Пожал плечами. Встал у борта — его руки взметнулись, сигналя «нет».

Роберт так и предполагал. Старик с позвоночной гнилью не захотел делиться сердцем снарка. Видимо, верил, что один снарк может исцелить только одного человека.

— Они не хотят совместной охоты, — сказал Роберт.

Александр и Алина не расстроились. Стояли, наблюдая за движениями грациозного белого зверя. Вот снарк закружился вокруг кеча. Вот лениво поплыл назад, будто ему наскучила забава. Вот снарк нырнул и несколько минут не показывался. Вот гибкой белой торпедой вылетел из воды у самого борта кеча.

Мигель метнул гарпун. Одновременно его сыновья бросили дротики, чтобы обескровить и утомить зверя.

Гарпун скользнул по гладкой шкуре и ушел в воду. Кажется, прошли мимо и дротики.

Снарк испустил тонкий возмущенный крик и нырнул. Он проплыл под водой с полмили, прежде чем вынырнуть прямо у борта «Напасти». Похоже, испуг мешал ему ориентироваться. Плавники ударили по воде, длинная шея вытянулась, голова снарка повисла у самого борта, глаза испуганно смотрели на Роберта.

Роберт развел руками. Это был не его снарк.

Зверь мягко погрузился в воду и исчез. Роберт вздохнул и повел шлюп вдаль от берега. Кеч остался и пошел по расходящейся спирали в тщетной надежде, что снарк подранен. До Роберта донеслась брань Мигеля и пронзительный голос старика.

— Красивый, — неожиданно сказала Алина. — Господи, какой же он красивый!

Роберт поморщился. Так нельзя думать и говорить. Существом, которое собираешься убить и съесть, нельзя восхищаться. У него был случай, когда женщина отказалась от убийства снарка после того, как увидела его вживую. Отказалась — и улетела на Землю умирать.

— Сильный зверь, — сказал Александр. Это уже было лучше. — Роберт, возьмите к берегу.

— Зачем?

— Я вас прошу.

Роберт повернул штурвал. Шлюп двинулся к скалистому берегу, оставив кеч искать

подранка.

— Если мы снова встретим этого снарка — можно его брать?

— Когда уйдем от кеча на две мили. И если они прекратят погоню.

— Ага, — сказал Александр. — Роберт, держите к тем скалам. Я займусь парусами.

Роберт стоял у штурвала, не задавая вопросов. Потом произнес:

— Я хожу в море тридцать лет. Десять из них — в одиночку. Я знаю повадки снарков. Они не прячутся у берега.

— Снарк вовсе не у берега, — ответил Александр. Он стоял у борта и смотрел в пенящуюся воду.

Роберт взглядом подозвал Алину, отошел от штурвала и перегнулся через борт.

Снарк плыл под килем, прячась в тени, которую отбрасывала на морское дно «Напасть». Прижатые потоком вибриссы вились вокруг головы снарка, будто волосы.

— Умный зверюга, — сказал Александр. — Раз мы не напали, то за нами можно прятаться. Вы попадете в него?

— На глубине? — Роберт засмеялся. — У меня нет гарпунной пушки. У меня ручной гарпун. Если он всплывет…

— Возьмите гарпун, — посоветовал Александр.,

Далеко за кормой кеч прекратил кружение. Развернулся и двинулся дальше на север, в край льдин и снарков. Роберт достал гарпун из чехла. Закрепил трос. Взвесил в руке, вспоминая ощущение готового убивать оружия. Лезвие из керамики на прочном деревянном древке, прочный нейлоновый трос. Снарки ловки и быстры, но они не отличаются силой и выносливостью. Китобоям из земной древности приходилось куда труднее.

— Убирай паруса, — велел он Александру. — Если шлюп остановится, снарк вынырнет.

Александр возился с такелажем, Роберт стоял у борта и смотрел на снарка.

Снарк плыл все медленнее, не выходя из тени. Но вот шлюп остановился, покачиваясь на волне. Снарк закружился на месте. Но шлюп медленно разворачивало носом к солнцу, тень сокращалась…

Снарк ударил плавниками и всплыл. Из воды поднялась голова в венчике вибрисс, длинная шея, грудные плавники, часто и сильно бьющие по воде. Темные глаза посмотрели на капитана. Снарк издал тихий, мяукающий звук.

Роберт поднял гарпун.

Глаза снарка сузились. На вибриссах полыхнули синие искры. Клиенты часто думали, что снарк собирается атаковать гарпунщика. Дурачье. Разряд опасен только в воде. Это было что-то вроде крика — беззвучного крика в ультракоротком диапазоне.

Роберт метнул гарпун. Двадцать сантиметров бритвенно-острого лезвия прошили шею снарка. Зубчатый кончик гарпуна прошел навылет.

Снарк забился. Роберт с самого начала оставил свободным лишь короткий отрезок троса и жестко закрепил гарпун. Снарк не мог даже полностью погрузиться — бился вокруг борта по дуге.

— Он же мучается! — закричал Александр.

Роберт хотел сказать, что это даже полезно: шок вызывает выработку гормонов, сердце обретает еще большую целебную силу. Но Александр его не слушал. Он прыгнул за борт, выхватив свои удивительные ножи. Прыгнул прямо на снарка — и съехал по нему в море, распарывая тело зверя двумя глубокими бороздами. Темная багровая кровь захлестала потоком. Снарк как-то сразу успокоился, сделал еще несколько ударов ластами и обмяк в воде.

— Вот так, — сказала Алина. Она смотрела на кровавое пятно и неподвижную тушу совершенно спокойно. — Нехорошо, когда животные мучаются понапрасну. Здесь ведь нет акул?

— Упаси боже. — Роберт видел фильмы о стремительных земных хищниках.

— Кидайте веревки! — крикнул Александр. Он плавал вокруг мертвого снарка, в струящихся потоках крови. — Не теряйте времени!

Они кинули за борт веревки — крепкие нейлоновые веревки. Пропустили сквозь блоки. Александр внизу сноровисто обвязывал тело снарка. Роберт снова восхитился: как хорошо у него все получается.

Потом Александр взобрался на палубу. От него пахло кровью — остро и тревожно. Они вместе тянули веревки, поднимая тушу на борт. Снарк весил не меньше тонны: крепкий, здоровый снарк.

Впрочем, все снарки крепкие и здоровые. Никто и никогда не видел больного снарка.

Палубу окатили тремя ведрами воды, смывая кровь. Роберт протянул руку, и Александр послушно вручил ему свой нож. Роберт несколько раз провел по плавнику, чтобы почувствовать клинок. Нож рассекал плоть, будто резал мешок с крупой.

— Давайте, — попросил Александр. — Давайте, капитан!

Роберт вспорол снарку брюхо. Снова хлынула кровь. Внутренности еще бились. Сокращались опавшие вены. Подрагивали легочные мешки.

Раздвинув внутренности, Роберт взял в руку сердце снарка. Оно пряталось между легкими и действительно походило на огромное, больше бычьего, сердце. К нему подходила целая гроздь сосудов.

Вначале Роберт рассек тяжи и перепонки, удерживающие сердце в грудной полости. Потом сосудистую ветвь.

Извлеченная из тела снарка железа уже меньше напоминала сердце. Рыхлая, губчатая масса, пронизанная тысячами капилляров. Единая железа организма. Эликсир жизни. Воплощенная панацея.

— Вот. — Роберт окунул железу в ведро, смывая кровь. Очень быстро, только чтобы чуть-чуть улучшить вид. Напитанную гормонами кровь внутри железы вымывать не стоило. — Ешьте сырой. Не бойтесь, это ко всему еще и очень вкусно.

— Мы знаем, — сказал Александр. — Вы будете?

Роберт покачал головой. Он не был болен, а впрок сердце снарка не едят.

— Ешьте.

Он поднялся на бак. Постоял у штурвала, прошел на нос. Посмотрел на уходящий кеч в свой бинокль — простенький, куда хуже, чем у Алины. Кажется, Мигель так и не понял, куда делся его снарк. Роберт подумал и решил, что рассказать все же придется. Никто раньше не знал, что снарки умеют прятаться.

— Капитан…

Александр подошел к нему. В окровавленных руках он держал тарелку, на ней — нарезанное тонкими ломтиками сердце снарка. Обычно клиентам не хватало выдержки, они ели сердце как придется, хватали руками, вгрызались в мякоть, давились и захлебывались соленой, концентрированной жизнью.

Роберт подумал о том, что теперь они здоровы. И этот храбрый, умелый мужчина, и эта храбрая, умелая женщина. Болезни покинули их тело. Смерть снарка подарила им жизнь.

— Вы должны попробовать! Я был уверен, что тут нужен лимонный сок!

Сердце снарка и впрямь было чем-то посыпано и сбрызнуто. Роберт взял ломтик, попробовал.

Да, вкусно. Роберт ел сердце снарка трижды. Один раз — из любопытства. Один раз — когда сломал ноги. Переломы срослись через два часа. И еще раз, когда начало сбоить его собственное сердце, и доктор поставил его перед выбором: таблетки на всю жизнь или сердце снарка.

Конечно же, он выбрал сердце снарка.

Роберт взял второй ломтик. Чем он его посыпал? Какие-то травы… и лимонный сок…

— Когда нам рассказали, что сердце снарка — это очень вкусно, я сразу подумал о лимонном соке, — сказал Александр. — Сок, мята и совсем чуть-чуть сахара. На границе вкуса. Интересно, да? Жаль, что нельзя сделать его на гриле…

— Чем вы больны? — спросил Роберт.

— Что? — Александр отправил в рот еще один кровавый кусочек.

— Чем вы больны? Что вы хотите вылечить сердцем снарка?

— Мы не больны! — Александр протестующее помотал головой. — Капитан, не беспокойся! Мы совершенно здоровы. Мы — гастрономы. Любители вкусной пищи. Мы услышали, что сердце снарка — это не только лекарство, но и деликатес. Только в тысячу раз дороже черной икры и фуа-гра. Мы богаты. Мы можем это себе позволить. Мы прилетели сюда. Я вижу, что мы прилетели не зря. Это замечательно, капитан!

Он повернулся и пошел к жене. Роберт, оцепенев, смотрел на них: две фигуры над окровавленной, вспоротой тушей. Словно две птицы-падальщицы над выброшенным на берег снарком.

Потом Роберт с тоской понял, что если он попытается дать Александру в морду, то получит сам. А если прыгнет в воду и поплывет к берегу — они спокойно приведут яхту обратно в порт.

— Присоединяйтесь, капитан! — крикнула ему Алина. Роберт сел на палубу и закурил. Табак был крепкий. Кружил голову и успокаивал.

Он подумал, что на обратном пути ему надо больше курить.

Зимы здесь никогда не было. Длинное, теплое, сухое лето — и короткий сезон холодных дождей.

Дождь шел третий день. Они сидели в таверне, глядя на грустящие у причала суда.

— Расслабься, друг, — сказал Мигель. — Судьба — слепая от рождения. Они могли прийти ко мне. Тогда дураком был бы я.

— Жизнь снарка берут за жизнь человека, — ответил Роберт. — Это честно. У меня есть только парус и гарпун. Снарк может уйти. Но взять жизнь снарка ради вкуса?

Мигель поднял тяжелую кружку. Посмотрел на густое темное пиво.

— Я пью это пиво ради вкуса, — дипломатично сказал он.

— Но ты же за этот бокал не вырезал сердце снарку!

Мигель кивнул. Глотнул пива. Достал портсигар и угостил Роберта. Ему выпал хороший сезон, он смог прикупить вдоволь курева, несмотря на большую семью.

— Старик, для которого я искал снарка, живет уже сто лет, — сказал он. — Я спросил, чем он будет заниматься, когда вернется здоровым. Он сказал, что омолодится. И заведет кучу любовниц. Невинных девушек. Это ему нравится больше всего. У него много денег, ему не надо их зарабатывать. Может быть, Роберт, нет большой разницы, для кого мы убили снарка? Для парня и девушки, которые любят есть необычные блюда? Или для старика, который желает день и ночь крыть молодых девушек? А что мы знаем о парне, для которого Даниэль убил снарка?

— Ты хочешь меня утешить, — тихо сказал Роберт. Он был слегка пьян. Вот уже неде-

лю, с тех пор как вернулся из последнего плавания, слегка пьян.

— Хочу, — согласился Мигель. Допил пиво. — Хочу. Хватит тебе пить. Мы не ангелы, мы люди. Мы все время кого-то жрем.

Он встал, бросил на стол три тяжелые серебряные монеты. Пошел к дверям, но на полпути обернулся:

— Роберт!

Капитан «Напасти» поднял голову.

— На самом деле не только у снарков нет сердца. — Мигель улыбнулся. — У многих людей его нет тоже.

***

Среди новых рассказов я уже начал выделять отдельный… даже не цикл, а просто «тип» рассказов. Для себя я называю их «шеклианские». Конечно, не только Роберт Шекли писал что-то подобное, но именно на его рассказах я понял золотой принцип классического американского фантастического рассказа: сочные детали, легкий налет условности и, самое главное, парадоксальная и неожиданная, будто в хорошем анекдоте, концовка.

«Вечерняя беседа с господином особым послом» была первым из таких рассказов. Случившийся одним из первых читателей критик и журналист Александр Ройфе немедленно взял рассказ для «Книжного обозрения», сделав к тому же очень ценное замечание. В 2001 году, к моему огромному удивлению, рассказ получил премию «Странник» как лучший фантастический рассказ 2000 года. Видимо, в таких рассказах и впрямь ощущается потребность — ведь все мы воспитаны на рассказах Шекли и Саймака в не меньшей мере, чем на книгах Стругацких.

За «Беседой» последовали «Переговорщики» и «Ахауля ляляпта». Видимо, будут и другие рассказы такого типа.

Но от судьбы, как известно, не уйдешь, и рассказы хочется писать разные. Рассказ «От судьбы» — один из тех, к которым я отношусь с легким смущением. Он «не мой». Нет, писал его, конечно же, я, и сюжет был придуман мной. Просто он выбивается из общего ряда моих рассказов, мне кажется, что в творчестве некоторых коллег он смотрелся бы более органично. Но — так уж получилось, что я его написал. Спасибо журналу фантастики «Если», который очень упорно требовал от меня рассказ в юбилейный, сотый номер и превозмог все же мою лень.

Рассказ «Шаги за спиной» — самый странный, пожалуй. Это единственный мой рас-

сказ за последние десять лет, который я не смог никуда пристроить. Отказались все периодические издания, с которыми я постоянно сотрудничаю, и не потому, что рассказ показался им плохим. Рассказ «не вписывался» ни в один номер, смущенно объясняли мне, и я не могу не согласиться.

Ну что ж, рассказ этот странный, рассказ-настроение, рассказ-эскиз, но мне он нравится. Я его волевым решением вписываю в этот сборник и заключаю, что он замечательно здесь смотрится!

ВЕЧЕРНЯЯ БЕСЕДА С ГОСПОДИНОМ ОСОБЫМ ПОСЛОМ

Прежде чем войти в лифт, Анатолий не удержался и посмотрел в окно еще раз.

Разумеется, корабль Чужих был на прежнем месте — прямо над памятником Петру Первому, на высоте ста четырнадцати с половиной (проверено) метров, непоколебимо удерживаемый в ночном небе антигравитационными (заявлено) двигателями, и цепочка оранжевых огней, обозначающая боевые рубки (предположительно), все так же опоясывала края огромного диска.

Да и куда ему деваться?

А внизу, под чудовищной машиной смерти и разрушения, второй месяц парящей над Москвой, мерцала иллюминация, ехали по улицам машины, гуляли, изредка задирая голову к небу, люди. Человек — очень пластичное создание. Человек может привыкнуть ко всему, причем удивительно быстро.

Анатолий вздохнул и вошел в лифт.

— Добрый вечер, господин особый посол, — приветствовал его охранник. Немолодой уже человек, наверняка в чине не ниже майора. Какой-нибудь «альфовец», вероятно.

— Добрый вечер.

Охранник нажал на кнопку, и лифт пополз вверх. Какого дьявола Чужие облюбовали именно это здание?

— Как успехи? — вежливо поинтересовался охранник. Это был ритуальный вопрос, и ответ Анатолия был не менее стандартным:

— Работаем.

В лифте наверняка стоял десяток подслушивающих устройств. И в амуниции охранника — еще пяток. И у Анатолия — семь звуко-, видео— и черт-знает-что записывающих приспособлений, про которые он знал, три — про которые знать был не должен, и неизвестно сколько слишком хорошо замаскированных. Говорить о чем-то было нелепо, да он и не собирался делиться тайнами с охранником… пусть даже тот был проверенным и преданным до

мозга костей профессионалом. Но сегодня охранник решился еще на один вопрос:

— В новостях… там было интервью с… — легкий кивок вверх, — так они сказали, что вообще не собирались вести переговоры… что только господин Анатолий Белов убедил их не торопиться с захватом Земли…

Анатолий промолчал. Да и охранник, видимо, сообразив, что за эту вырвавшуюся реплику ему еще придется отвечать, замолчал. Лифт остановился.

— Удачи вам, — пожелал в спину Анатолию охранник. — Удачи!

Похоже, человека и впрямь проняло…

Глубоко вздохнув, посол по особым поручениям при президенте России Анатолий Белов шагнул на территорию инопланетного посольства.

Исходя из общепринятой дипломатической практики — на территорию чужого, а исходя из грубой правды — стоит добавить «и враждебного» государства.

Еще два месяца назад здесь был какой-то офис. Впрочем, после того, как граги выбрали именно это здание под свое посольство в России, от офиса не осталось и следов. Чужие очистили весь этаж до состояния голой бетонной коробки за неполный час. А еще через час, когда Белов впервые вошел в посольство, оно уже имело этот вид.

Стены — лениво шевелящийся оранжевый материал, похожий на встрепанный войлок. Пол и потолок — то же самое, только красноватого цвета. Немногочисленная мебель — непривычных форм, хотя ее назначение угадывается легко, разбросанные по потолку наросты светильников излучают хотя и неяркий, но абсолютно чистый белый свет.

Конечно, если белый свет можно считать чистым…

— Добрый вечер, господин особый посол, — вежливо сказал граг, сидящий у двери. Его функция была приблизительно определена как охранник-секретарь. На вздернутых почти к подбородку тонких коленях грага лежал лучемет, в воздухе перед ним парил, стремительно меняя окраску, маленький шар… предположительно — голограмма, предположительно — информационный терминал, предположительно — работающий в видимом, инфракрасном, ультрафиолетовом и радиодиапазонах.

— Добрый вечер. — Анатолий кивнул, на несколько секунд задерживая взгляд на шаре — чтобы спрятанные в стеклах очков записывающие устройства, новейшая и секретнейшая разработка ученых, собрали побольше информации. — Я не слишком рано?

Он знал, что пришел на три минуты раньше назначенного срока. Именно для того, чтобы попробовать поговорить с охранником… предположительно — менее искушенным в дипломатических играх.

Как ему надоело это слово — «предположительно»! Никакой точной информации, ни о чем! Разве что о высоте, на которой парят над Москвой, Вашингтоном и Пекином летающие

тарелки. Да и то… с чем связаны периодические колебания этой высоты: плюс двенадцать сантиметров, минус восемнадцать и выход на прежний уровень?

— Господин особый посол пришел на три минуты раньше, — сообщил граг. Чешуйчатая челюсть подергивалась, выплевывая слова чужой речи, в пасти трепетал узкий раздвоенный язык. Глаза грага, выпуклые, лишенные век, казалось, видели Анатолия насквозь. — Господин посол может занять время беседой со мной. Господин посол может выпить чашечку чая или прочесть газету.

Тонкая рука грага протянула Анатолию «Аргументы и факты», разумеется, заполненные на девяносто процентов домыслами о природе и намерениях Чужих.

— Спасибо, я уже читал этот номер, — вежливо сказал Анатолий. — А вам интересно читать человеческие газеты?

— Любая информация интересна. — Казалось, что граг удивился. — Это ведь возможность развития. А вам интересно читать наши газеты?

— К сожалению, я лишен этой возможности, — ответил Анатолий.

— Вы не смогли пока выучить наш язык? — Язык грага затрепетал в пасти. Ученые предполагали, что это означает не смех и не угрозу, а сочувствие.

— У меня пока не хватает на это времени. — Анатолий улыбнулся, надеясь, что граг правильно поймет мимику. — И я не имею ни одной вашей газеты, чтобы попытаться ее прочесть.

Считалось, что на Земле уже есть семеро человек, способных понимать язык грагов. Сразу же после контакта, когда граги любезно передали людям полные словари своего языка — граго-английский, граго-русский, граго-китайский, — у всех лингвистов мира началась веселая жизнь. Каждое правительство сочло своим долгом упрятать более или менее способных ученых, тихо трудившихся в своих институтах, и выступающих на эстраде чудо-полиглотов, знающих десятки и сотни языков, в комфортабельные и хорошо охраняемые заведения. Там они поныне и находились, пытаясь понять чужую психологию — исходя из чужого языка, а также готовя кадры переводчиков. Странно, но полиглоты в общем-то не подвели. Анатолий знал, что по их практически единодушному мнению язык грагов был богатым, емким, но не слишком сложным. Труднее китайского, но легче русского, одним словом. Может быть, Анатолий действительно сумеет им овладеть… если человечество выживет.

— Это плохо, — сказал граг. — У меня только старые газеты. Они вас устроят?

Только весь опыт дипломата помог Анатолию сохранить спокойное выражение лица.

— Да, наверное.

— Возьмите.

Рука грага скользнула куда-то под высокое сиденье, до смешного напоминающего кру-

тящееся кресло из бара. И вернулась с тонким диском, напоминающим музыкальный или компьютерный компакт.

— Вот так… — сказал граг, касаясь какого-то значка на диске. В воздухе появился еще один мерцающий шар.

— Это скорость восприятия.

Касание еще одной… кнопки?.. да, наверное, кнопки. Шар засветился мутным белым светом.

— Вам пора, — внезапно сказал граг, прерывая демонстрацию. Протянул диск Андрею.

Провокация? Дезинформация?

— Вы уверены, что можете дать мне этот предмет и ваше руководство не будет иметь претензий ко мне и всем людям? — спросил Анатолий, не поднимая руки.

Чешуя на голове грага зашевелилась. Признак раздражения, почти явный — дословный перевод фразы «разгневаться» звучал как «шевелить лобной чешуей». Хотя, разумеется, перевод мог быть сознательно искажен…

— Да, уверен. Вы обвиняете меня в намеренном желании причинить зло?

Эти чертовы граги очень быстро соображают. И очень любят подчеркивать свою честность… слишком уж любят!

— Нет, разумеется, не обвиняю, — сказал Анатолий. — Я просто стремлюсь исключить возможность малейшей неправильности в своей оценке информации.

Вот это грага сразу успокоило. Наверное, потому Анатолию и удавалось удержаться на этой работе все два месяца — хотя у американцев послы менялись дважды, а у китайцев — трижды. Умение интуитивно найти правильный подход — главное для дипломата.

— Все правильно. Все разрешено. Это старая технология, мы больше не скрываем ее от вас. Берите. — Граг продолжал протягивать диск, и Анатолий понял, что выхода нет. Вздохнул и взял «газету».

Диск был твердым, прохладным, шершавым на ощупь. Обычная пластиковая пластинка…

Какая, к черту, технология! Дайте Леонардо да Винчи телевизор, и что? Допустим, он научится его включать. Допустим, разберет и осмотрит все детали?

Слишком велика пропасть, чтобы этот артефакт чужой цивилизации в чем-то помог земным ученым. А вот содержание диска — дело другое. Газеты! Чужие источники информации! Вряд ли там есть описания технологических секретов… но по крайней мере появился шанс понять их психологию! Конечно, если в этих «газетах» есть хоть слово правды. Если они не содержат одну лишь специально подготовленную «дезу».

— Спасибо, — сказал Анатолий.

С часто бьющимся сердцем он пошел по коридору. Граг-охранник вернулся к лицезрению своего шара. Может, быть, задействовать экстренную связь? Или отказаться от встречи, покинуть посольство?

Нет. Нельзя. Лучше вести себя так, будто ничего особенного не произошло.

И, наверное, не стоит скрывать факт неожиданного презента от инопланетного коллеги.

Перепонка, заменяющая грагам двери, расступилась перед Анатолием, и он вошел в кабинет особого посла планеты Граг.

— Здравствуйте, мой дорогой. — Посол встал из-за узкого, в форме полумесяца, стола. — Рад вас видеть в добром здравии, Анатолий!

Встал — это слабо сказано. Выпрямился. Вырос! Вознесся! Когда граг сидит, он ростом с рослого человека. А выпрямляясь — превращается в трехметровую, устрашающего обличья тварь.

Вот только думать так про него не стоит… не тварь, а коллега! Никто не знает, может быть — граги способны читать мысли?

— Здравствуйте, Дкар! — Анатолий улыбнулся, широко и радостно, с неподдельной искренностью, будто встретив лучшего друга, с которым несколько лет не виделся. — Как ваше здоровье? Как ваша печаль по родным?

Ритуал приветствия был исполнен, и обе высокие договаривающиеся стороны уселись на чем-то, напоминающем то ли узкий диван, то ли обитую мягкой тканью скамейку.

— Я принес очередные предложения от нашего президента, — сказал Анатолий. — Очень хорошие предложения!

— Я проявляю слабый энтузиазм, — любезно сообщил граг.

— Вот смотрите. — Анатолий достал из портфеля карту. Раскинул в воздухе — и как обычно напрягся, ощутив, что под картой образовалась невидимая — да и неосязаемая руками — опора. — Мы хотим предложить вам следующие территории…

Граг вежливо ждал.

— Костромская, Ульяновская, Архангельская области. — Анатолий указал на отмеченные красным районы России. — Это мы уже предлагали. Но!

Он попытался придать голосу бодрость и оптимизм. Сволочи. Твари. Нет, не может он думать о них иначе, и никто не сумеет. Пусть граги отступили от первоначального плана… сгона всех людей в резервации… в резервации в Антарктиде и Гренландии… Все равно. Твари, твари, твари…

— Мы предлагаем вам Псковскую область, и… внимание! Это очень большая уступка с нашей стороны, поймите! Краснодарский край! Вы же любите теплый климат, не так ли?

Чужой посол молчал, глядя на карту. Будто ему не солидный кусок России предлага-

ли… а огрызок яблока.

— Поймите, что для нас самих весьма важны эти территории. Там проживают десятки миллионов людей, там расположены важнейшие заводы, сельскохозяйственные угодья…

Граг щелкнул языком. Покачал головой — явно копируя человеческий жест.

— Нет.

— Мы также не будем возражать против полной аннексии цивилизацией Граг Украины, за исключением полуострова Крым, и Кавказа, — с видом человека, идущего на последнюю жертву, сказал Анатолий.

— Нет.

Анатолий посмотрел в холодные глаза грага. На самый крайний случай у него были полномочия предложить грагам еще часть из требуемых ими территорий. Даже Москву. И Красноярский край.

У человечества нет сил сопротивляться захватчикам. Есть силы лишь торговаться… и то по причине «свойственной расе Граг доброты и уважения к чужой жизни».

— Мы далеко ушли от своего первоначального предложения — отобрать лучших представителей человечества и поселить их в охраняемых резервациях, — сказал Дкар. — Проявляя уважение к младшим братьям по разуму, мы начали переговоры. Нашим последним требованием было предоставление каждой страной половины своей территории для беженцев с планеты Граг. Желательно — той части, где климат наиболее теплый.

Анатолий молчал. Да, именно так. И мы готовы. На самом деле — мы уже давно готовы отдать вам половину своей планеты. Мы просто пытаемся торговаться…

— Поскольку нашим ученым удалось создать дестабилизатор пространства и уничтожить черную дыру, угрожающую нашей звездной системе, — граг говорил, будто вколачивал доски в крышку гроба, — мы получили время для этих переговоров. Но наша раса молода, энергична и отныне — нацелена на экспансию. Нам необходимы пригодные для белковой жизни планеты. Эти планеты — большая редкость в Галактике. По последним данным с Грага, нам необходима территория не меньшая, чем планета Земля.

Все. Приехали.

Вот чем объясняется «подарок» охранника. Какая разница, что люди поймут из старой газеты, если планета обречена? Выпустят граги свой давно разрекламированный «хомо-вирус», и через трое суток на Земле не останется ни одного человека. Ну… может быть, дрожащие от страха президенты в герметичных бункерах…

Ему вдруг захотелось сделать то, на что дипломат просто не имеет права. Никогда. И ни с кем. Ни с людоедом Бокассой, ни с Чужим, готовым сожрать всю человеческую расу.

Вцепиться в чешуйчатую шею. Умереть, но попытаться убить эту тварь. Самодоволь-

ную, наглую, происходящую из какого-то их важного рода — предок Дкара сделал что-то очень важное. Наверное, уничтожил предыдущую беззащитную планету…

— Логика экспансии неумолима, — продолжал граг. — Уничтожение чужого разума претит нам, но мы были вынуждены предъявить Земле свой ультиматум. К счастью, три дня назад завершились успехом испытания первого планетного завода.

К счастью?

— Боюсь, что не понимаю вас, господин особый посол, — прошептал Анатолий. Кажется, он утратил всю выдержку… кажется, прослушав и просмотрев записи, эксперты неодобрительно покачают головами…

— Мы хотим просить у человечества планету Венера и планету Марс. Как наиболее подходящие для преображения в необходимую нам среду обитания.

— А Земля? — не веря собственным ушам, спросил Анатолий.

— Земля остается вам. — Дкар развел длинными руками. — Вся. В качестве жеста доброй воли и в качестве извинения за памятный и прискорбный инцидент мы также предоставим стране США участок на планете Венера или планете Марс, равный бывшей территории Калифорнии.

Этого просто не могло быть…

Анатолий смотрел в глаза грага, будто пытаясь найти в них подтверждение сказанному. Но, похоже, граг истолковал его молчание по-другому.

— Галактика — жестока, мой дорогой. Вам повезло, что первыми на Землю прилетели именно мы, всегда трепетно относящиеся к огонькам зарождающегося разума. И еще более повезло, что мы успели уничтожить черную дыру, вынуждающую нас к переселению… а теперь и научились преображать планеты. Мы будем добрыми соседями, друг мой. Ведь если на Землю захочет претендовать иная раса, молодая, энергичная, стремящаяся развиваться, — мы сможем сказать свое веское слово в вашу защиту.

Анатолий сглотнул.

— У меня нет полномочий немедленно принять ваше предложение, господин особый посол, — сказал он. — Но… я немедленно передам его правительству России и надеюсь, что наши переговоры приобретут значительный импульс в правильном направлении. От себя лично, а не для протокола, скажу, что… что ваше предложение мне нравится.

Дкар вновь изобразил улыбку.

— Я рад, друг мой. Вы разделите со мной легкую трапезу и чашечку чая?

— С удовольствием, Дкар.

Жестом, исполненным глубокого символизма, Дкар снял с невидимой опоры карту России, аккуратно сложил и протянул Анатолию. Тот поспешно спрятал ее в портфель — деше-

венький портфель из ткани, так как было решено, что изделия из кожи животных могут натолкнуть грагов на неприятные мысли в отношении человечества. У него было такое чувство, что он забирает у грага не раскрашенную бумажку, а всю страну. Всю огромную страну, оставшуюся людям.

Черт, а ведь американцам в каком-то смысле повезло! Получат территорию на Марсе или Венере, рядом с Чужими! Бизнес, обмен технологиями! Черт! Тут пожалеешь, что ракетами по садящемуся кораблю шарахнули именно из Калифорнии, а не откуда-нибудь с Чукотки!

Слуга-граг — людям так и не удалось пока выяснить социальное устройство Чужих, но выполнял он именно функции слуги, — принес еду и чай. Сервировал он на этот раз обычный, материальный столик, чему Анатолий был очень рад. Для грага были поданы полоски слегка прожаренного мяса и чай, для Анатолия — восточные сладости и чай. Метаболизм у грагов, видимо, походил на человеческий, но земную пищу Дкар при нем не употреблял. Лишь чай.

— Мы были очень удивлены, наткнувшись на вашу планету, — тем временем сказал Дкар. Бросил в пасть кусочек мяса. Посмотрел на стену — и в ней возникло окно: не застекленное, настежь открытое в теплую, летнюю московскую ночь. Интересно, остались ли на этом этаже обычные бетонные стены, или и они преображены техникой грагов?

— Удивлены? — Сейчас, когда внезапно схлынуло двухмесячное напряжение, Анатолий был более чем расположен к светской беседе.

— Да, конечно. Этот район космоса не является неисследованным. Здесь проходили трассы Тиуа… это любопытная раса амфибий, которая, к сожалению, семьдесят земных лет назад покинула материальный мир.

— Погибла? — уточнил Анатолий.

— Нет, нет! — протестующе покачал головой граг. — Нет! Очень развитая раса. Могли творить звезды и планеты из вакуума. Достигли пределов развития для биологических существ. Они перешли на иной уровень существования, и мы не можем… пока не можем… понять их новую сущность. Может быть, они создали новую Вселенную, более их устраивающую, кто знает? Освободившийся район стали занимать другие цивилизации, в том числе и мы… мы очень неспешная раса, мы домоседы и склонны к простому созерцанию жизни… но едва не случившаяся катастрофа вынудила нас принять логику звездной экспансии. Мы надеялись занять освободившиеся планеты Тиуа, ведь им они уже не понадобятся, но мы опоздали.

Граг помолчал, глядя в окно.

— Все планеты Тиуа уже были заняты… это такая редкость — теплые планеты с кисло-

родной атмосферой… И тут мы обнаруживаем Землю! Мы долго размышляли, почему на территории Тиуа существует отсталый разум, почему планета не захвачена ими.

— Вы же сказали, друг мой, — осторожно заметил Анатолий, — что эта раса способна была творить звезды и планеты из вакуума? Что им маленькая планета Земля?

— Да, конечно. Но раньше? Когда Тиуа только развивались, когда они были неумелыми и неопытными, как мы? Им тоже нужны были планеты! Но они не стали захватывать Землю. Удивительно! Именно поэтому мы решили сохранить человечество… насколько это было возможно без ущерба для Грага. Предлагали вам резервации, а потом и целую половину планеты!

Мысленно Анатолий возблагодарил неведомую сверхцивилизацию, не тронувшую Землю.

— Вы очень мудры и добры, — сказал он.

— Спасибо за хорошие слова, друг мой, — церемонно изрек граг. Хлебнул чая. Помолчал и доверительно сказал: — Теперь вам не следует бояться. Мы поняли, в чем дело, и вас никто больше не тронет!

— А если к Земле прилетит раса, более сильная, чем вы? — рискнул уточнить Анатолий.

— Тогда, быть может, беда грозит нам, — сказал граг. — Хотя теперь мы пересмотрели свою политику и станем развиваться быстрее. А вы в любом случае уцелеете. Мы объясним, в чем дело, и вас не обидят.

Анатолий отпил чая. Его раздирало на части между долгом, повелевающим немедленно сообщить правительству о полученном от грагов помиловании, и жгучим любопытством. Он спросил:

— И вас послушают?

— Конечно.

Граг прошествовал к окну. Посмотрел на парящую в небе тарелку.

— Если вы не против, — сказал он, — мы подарим вам эти три корабля. Возможно, это значительно подстегнет развитие человеческой расы. Я не испытываю даже вялого энтузиазма от этого предположения, но попытка — не пытка.

У Анатолия вспотели ладони.

— Вы говорите серьезно, господин посол по особым поручениям?

— Да.

— Но, насколько я понимаю, эти корабли являются основой звездного флота планеты Граг!

— Являлись. — Граг лениво взмахнул рукой. — Хлам, устаревшая технология. Памят-

ники. Нет, наверное, мы оставим себе один. Как памятник. У людей замечательная традиция оставлять памятники.

Он шумно выдохнул, развел руками. Наверняка сейчас в него целились десяток снайперов из спецназа, а сверхчувствительные микрофоны и сверхмощные телекамеры, лучшее из созданного человеческим гением, жадно подглядывали в окно…

— Этот город… — сказал граг. — Сплошной памятник.

— Ему восемьсот с небольшим лет, — вставил Анатолий. — У нас есть куда более древние города.

— Восемьсот земных лет, — повторил граг задумчиво. — Потрясающе. Неслыханно. В ту пору мой прапрадедушка, к сожалению, покинувший мир до моего рождения, изобрел колесо. Я до сих пор считаю, что именно это было главным стимулом к развитию Грага. Восемьсот лет! И вы едва успели за этот срок выйти в космос!

Посол по особым поручениям планеты Граг шагнул к оцепеневшему Анатолию. Опустил ему на плечо цепкую трехпалую руку

— Друг мой, вас бережно охраняли Тиуа, теперь этот святой долг примем мы. Не бойтесь ничего: вас никто не обидит. У кого же поднимется рука обижать вас — таких… таких…

Он на долю секунды замолчал, сочувственно подергивая языком, подыскивая подходящее слово, и оно, конечно же, нашлось:

— Таких убогих…

26.06.1999

ОТ СУДЬБЫ

Он боялся, что контора окажется похожей на больницу — каким-нибудь невнятным едковатым запахом, чистотой оттертых стен, строгими одеждами и заскорузлым цинизмом в глазах персонала.

Еще не хотелось попасть в богатенький офис, стандартный и комфортабельный, с натужными постмодернистскими картинами полупризнанных полугениев на стенах, мягкими коврами, кожаной мебелью (и не важно, что кожа обтерлась, обнажая пластиковую изнанку), с вежливыми до приторности девочками и хваткими молодыми менеджерами.

Ну а больше всего он боялся увидеть нечто с «домашней обстановкой» и не дай Бог — в духе «а-ля рюс». Книжные шкафы с туго вколоченными книгами (как известно, западные муляжи книг стоят чуточку дороже, чем собрания сочинений многочисленных российских

классиков), герань в горшочках, толстый сонный кот на диване, чаек из самовара и бормочущий в уголке телевизор.

Да он и сам не понимал, что его, собственно говоря, устроит. Мрачная пещера ведьмы? Лаборатория алхимика? Церковь?

А как должно выглядеть место, где можно поменять судьбу?

Нет, не снаружи, — тут все как обычно. Обычная офисная дверь с видеоглазком, электронным замком и скромной вывеской. Старая московская улица, узенький тротуар и столь же узкая проезжая часть, спешащие прохожие и едва ползущие машины…

Выход был только один — войти. Стоять на улице до бесконечности, под пронизывающим сырым ветром и при февральских минус пятнадцати, — удовольствие невеликое. Дотлевшая в руке сигарета уже обжигала пальцы. Видеоглазок, казалось, ехидно следил за ним. Тепло ли тебе девица, тепло ли тебе, синяя… нет, не так. Страшно ли тебе, маленький ослик?

Страшно. Ох как страшно…

Он нажал кнопку под объективом. Замок сразу же щелкнул, открывая дверь. Помедлив секунду, он вошел.

Лестница на второй этаж, будочка с охранником. Против ожиданий на вошедшего он даже не посмотрел — с увлечением читал какую-то книгу, все еще неторопливо убирая руку с пульта. Тусклый синеватый экран монитора, демонстрирующего увлекательный фильм «московская улица зимой», охранника тоже не интересовал.

— Простите…

— На второй этаж, пожалуйста, — сказал охранник, на мгновение отрываясь от книги. — Туда.

Он стал подниматься.

Если предбанник наводил на мысли о «богатеньком офисе», то второй этаж разочаровывал. Больше всего это походило на небогатую государственную контору. Что-нибудь вроде НИИ по проектированию самоходных сноповязалок. Длинный коридор, на полу — протертый линолеум, стены выкрашены коричневой масляной краской и на метр от пола покрыты пластиком «под дерево», на часто натыканных вправо-влево дверях — таблички «Инженер». «Инженер». «Старший инженер».

Он обернулся:

— Простите, но…

— Вам во вторую дверь направо, — сказал охранник, откладывая книгу. — Проходите, не стесняйтесь.

— К инженеру? — полувопросительно спросил он.

— К инженеру.

По крайней мере это не походило ни на одну из его догадок.

Вторая дверь направо была приглашающе приоткрыта. На всякий случай он постучал и, лишь дождавшись «да-да, входите», переступил порог.

Сходство с бедным НИИ на полном гособеспечении усилилось. Стол из ДСП, дешевый крутящийся стул, старый компьютер с маленьким монитором и совсем уж неприличный матричный принтер, телефон… Господи, телефон с диском!

Но сам хозяин кабинета, молодой и розовощекий, выглядел куда приличнее. Костюм неброский, но явно не хуже, чем «Маркс энд Спенсер», шелковый галстучек баксов за пятьдесят, часы на руке — пусть средняя, но Швейцария.

— Вы не удивляйтесь обстановке, — сказал хозяин кабинета. — Так принято.

— У кого?

— У нас. Вы — Сорс, верно? Вы звонили утром. Садитесь…

Он кивнул, усаживаясь на шаткий венский стул. Именно так он и представился, без фамилии и отчества, всплывшим вдруг в памяти латинским словом, умом понимая всю наивность маскировки при звонке с домашнего телефона… и все-таки…

— А меня зовут Иван Иванович, — сказал молодой человек. — Нет, вы только не подумайте, что я шучу! Меня действительно так зовут, вот паспорт. Иван Иванович. Причем Иванович — фамилия. Ударение на последнем слоге. Это важно.

Паспорт был немедленно выложен на стол, но Сорс не рискнул взять его в руки. Пробормотал:

— Я не хотел бы называть свое имя… настоящее…

— Разумеется, — с готовностью согласился Иван Иванович. — Для меня вас зовут Сорс. Какая разница?

— Ну мало ли… бухгалтерия не пропустит…

Иванович строго погрозил ему пальцем.

— Бухгалтерия вас никоим образом не касается! Мы не вступаем с вами в товарно-денежные отношения.

— А как же…

— Мне как-то неудобно вас звать только по имени, — вдруг заявил Иван Иванович. — Как же мне вас называть? Товарищ Сорс — напоминает Щорса. Господин Сорс — так это почти Сорос… Можно — мсье Сорс?

Человек, которого теперь звали мсье Сорс, согласно кивнул.

— Итак… — Молодой человек подпер подбородок рукой, на миг задумался. — А как вы узнали про наше учреждение?

— Из газеты «Из рук в руки»…

— Да-да, вы же упоминали по телефону… — Иванович рассеянно взял свой паспорт, спрятал во внутренний карман пиджака. — Мы занимаемся исключительно гуманитарной деятельностью. По юридическому статусу мы — общественное объединение «От судьбы». Все наши услуги носят некоммерческий характер.

— Знаете, — честно сказал Сорс,. — когда я слышу про гуманитарную деятельность и некоммерческий характер, то хватаюсь за бумажник.

Иван закивал, грустно улыбаясь:

— К сожалению… так часто самыми благими словами прикрываются… Так вот, мсье Сорс, все, что мы вам предлагаем, — обменять некоторое количество своей судьбы на некоторое количество судьбы чужой. Мы не взимаем денег ни с одних, ни с других участников сделки.

— Тогда — какой ваш интерес?

— Благотворительность.

Иван Иванович улыбался. Иван Иванович был рад посетителю.

— Хорошо. — Сорс кивнул. — Допустим, я вам верю. Объясните, что это такое — сменить судьбу?

— Пожалуйста. Допустим, судьба готовит вам какой-либо прискорбный факт… например — упавшую на голову сосульку. Или крупные проблемы в бизнесе… или тяжкий недуг… или ссору с любимой женой… или подсевшего на наркотики сына…

Называя какую-нибудь очередную гадость, Иванович постукивал костяшками пальцев по столу, будто утаптывал ее в смеси опилок и формальдегида.

— Причем для вас наиболее печальными будут проблемы в семье. А для другого человека — его собственное здоровье или коммерческий успех. Для третьего — проигрыш любимой футбольной команды. От судьбы, как известно, не уйдешь, сама неприятность неизбежна… но можно ее заменить. Итак! Вы боитесь, что жена узнает о существовании у вас любовницы. Кого-то другого это совершенно не волнует! Зато он боится провалить важную коммерческую встречу. И вы меняетесь *риском.*

Последнее слово он выделил голосом настолько сильно, что Сорс невольно повторил:

— Риском?

— Именно. Если неприятность еще не случилась, если вы только ожидаете ее — то вы приходите к нам и говорите: «Я боюсь того-то и того-то, что может случиться тогда-то и тогда-то». Мы подбираем вам взамен совершенно другую неприятность с той же вероятностью осуществления. Вот и все.

— Я могу выбрать эту другую неприятность? — быстро спросил Сорс.

— Нет. Вы избавляетесь от какого-то совершенно конкретного страха, понимаете? Вза-

мен у вас будет определенный риск, но совершенно другого плана.

— Как вы это делаете? — спросил Сорс.

— А вы долго держались. — Иванович улыбнулся. — Многие начинают с этого вопроса… Скажите, что такое ток? Как работает телевизор?

— Я не физик.

— Но это не мешает вам включать свет, смотреть новости, пользоваться холодильником?

Сорс беспокойно заерзал. Чего-то подобного он и ожидал.

— Я понял аналогию. Но мне хотелось бы быть уверенным…

— В чем? Вы верите в Бога? Боитесь, что здесь попахивает дьявольщиной? — Иван Иванович усмехнулся. — Могу вас уверить…

— Тогда в чем дело? Кто вы? Что это, секретные эксперименты?

— Господи, да где же тут секреты? — Иванович развел руками. — Наша реклама по всей Москве, в каждой крупной газете.

— Тогда…

— Только не говорите про космических пришельцев! — воскликнул Иван. — Ладно?

— Тогда вы — аферисты, — твердо сказал Сорс.

— Мы не берем денег. Не требуем подписывать какие-либо бумаги. Вам ничто не мешает проверить. Ведь… вы чего-то боитесь?

Сорс кивнул. Ах как все было нелепо. Дурацкое объявление, которое он с удовольствием зачитывал знакомым. А потом этот нелепый страх… и случайно попавшийся на пути офис.

— Мне надо лететь. В Европу. По делам.

— Так, — доброжелательно кивнул Иванович.

— И я боюсь.

— Коммерческие проблемы?

— Я боюсь летать! — выпалил Сорс. — Аэрофобия. Это не смешно, это такая болезнь…

— Даже не думаю смеяться, — сказал Иванович. — Билеты уже куплены?

— Да…

— Даты?

Он назвал даты, назвал даже номера рейсов.

— У вас нет врагов, которые могут подложить в самолет бомбу? — деловито осведомился Иванович.

— Да вы что!

— Тогда ваш риск на самом деле абсолютно минимален. Хорошо, мы найдем человека, который поменяется с вами судьбой на эти три часа с четвертью… и обратно три с половиной… итого шесть часов сорок пять минут… давайте учтем люфт в полчаса на каждый взлет и посадку?

— Давайте час, — пробормотал Сорс.

— Хорошо. Итак, ничтожный риск, но зато с большой вероятностью гибели, длительностью десять часов сорок пять минут… Можете лететь спокойно!

Сорв скептически покачал головой.

— Это вовсе не психотерапия, — обиделся Иванович. — Все, теперь с самолетом ничего не случится! Если вдруг риск и впрямь был — то неприятность настигнет вашего партнера по обмену.

— Какая именно неприятность?

— Откуда мне знать? Отравиться вареной колбасой. Быть укушенным бешеной собакой. Мало ли есть смертельных, но редко случающихся опасностей? Кстати, колбаса — куда более реальная опасность! И на каждый предмет, на любое понятие, поверьте, найдется своя фобия. Кто-то боится дневного света — это фенгофобия. Кто-то боится есть — это фагофобия. Кто-то боится идей — идеофобия, кто-то боится числа тринадцать — тердекафобия, кто-то путешествий в поезде — это сидеродромофобия… — Иванович перевел дыхание и зловеще добавил: — А самая интересная, на мой взгляд, это эргофобия. Боязнь работы.

Сорв невольно улыбнулся:

— Вы психиатр?

— Я? Что вы. Я инженер. Просто нахватался за время работы…

— Какой инженер?

— Человеческих душ.

— Вы шарлатаны и аферисты, — сказал Сорв. — Честное слово, я не пойму лишь, какую выгоду вы хотите получить…

— Слетаете — и заходите снова, — дружелюбно сказал Иванович. — Вдруг мы снова понадобимся?

— Если я слетаю благополучно… а так скорее всего и будет, — быстро добавил Сорв, — это еще ничего не докажет.

— Докажет. Вот увидите.

На этих словах они и расстались. Сорс все-таки пожал «инженеру» руку, но говорить «до свидания» было глупо, а «прощайте» — слишком уж патетично.

Все-таки аферисты… но в чем смысл?

Выйдя в коридор, он не удержался, прошел до конца — там обнаружился маленький

чистенький туалет, потом обратно — стараясь идти рядом с дверями в кабинеты. Все двери были прикрыты, из-за каждой доносился негромкий разговор. Посетители у общественного объединения «От судьбы» были.

На лестнице навстречу ему прошла женщина с заплаканным усталым лицом. Даже не глянула в его сторону… интересно, что за беду она собирается отвести? Может быть, ее ребенку предстоит операция? Или муж собрался уйти к другой?

Это ведь только от судьбы не уйдешь.

В Шереметьево было грязновато. Хорошо хоть, зима — нет духоты, которую не встретишь ни в одном аэропорту мира, кроме африканских и российских.

Сорс стоял с таможенной декларацией в руках и искал глазами, куда бы приткнуться. Слишком людно. Слишком шумно. Слишком грязно. И никто здесь не боится летать на самолетах… только он один…

— Дяденька, — тихонько позвали его со спины. — Подайте, сколько не жалко…

На миг Сорс забыл обо всех своих страхах. Уж слишком нелепая была картина — маленькая, лет восьми—десяти девочка, красиво причесанная, дорого и модно одетая, с маленькими золотыми сережками в ушках — и с протянутой рукой.

Хотя чему удивляться? Обычных побирушек из международного аэропорта быстро выдворили бы секьюрити. Это вам даже не «солидный Господь для солидных господ». Это солидные нищие для солидных господ.

— Шла бы ты в школу, девочка, — проникновенно сказал Сорс.

— У нас с девяти часов занятия, — сообщила девочка и, мгновенно утратив интерес, двинулась к следующему потенциальному спонсору.

Сорс смотрел ей вслед, разрываясь между желанием сказать что-нибудь укоризненно-ехидное с брезгливой жалостью — к маленькой, совсем не бедной, но уже профессиональной попрошайке.

И тут мир раздвоился.

Он уже отвернулся от девочки. Он нашел кусочек стола и быстро заполнял строчки декларации… оружие… наркотики… валюта… книги… антиквариат… компьютерные носители информации…

Он сидел в темной комнате, а пыльные шторы превращали раннее утро в ночь. Телефон стоял на столе перед ним, обычный старенький телефон, от которого нельзя было оторвать взгляд, потому что если сейчас он позвонит… если он позвонит…

Сорс прошел к регистрации, нырнул в пискнувшие воротца металлоискателя (опять забыл вытащить ключи), присел на лавочке в накопителе.

Сорс сидел, поглаживая белый матовый пластик телефона. Боролся с желанием снять трубку и услышать гудок, убедиться, что линия исправна.

Сорс шел по длинной кишке пристыкованного к самолету трапа.

Сорс опустил голову на стол и смотрел на телефон. Как жалко, что на аппарате не написан номер.

С кем он поменялся судьбой? Кто ждет звонка и чем этот звонок столь страшен?

Не важно. Теперь самолет не упадет. Он поменялся судьбой с тем человеком, кто ждет сейчас звонка. Сменил риск авиакатастрофы на риск звонка… очень маленький риск, если верить Ивановичу…

Он не боялся телефонных звонков. Он вообще терпеть не мог, когда телефон отключен. Сорс смотрел да телефон с любопытством и ленивым ожиданием.

А тот, с кем он поменялся судьбой, не боялся летать. Сорс смотрел, как уносится вниз земля, как самолет закладывает вираж, как подрагивает кончик крыла.

Когда стюардессы стали разносить завтрак, он сидел и улыбался, глядя на плывущие за иллюминатором облака.

Второй визит дался куда легче. Сорс больше не мялся у входа. Коснулся кнопки звонка, открыл приветливо щелкнувшую дверь.

— Проходите, — дружелюбно сказал охранник. Как ни странно, но казалось, что он узнал посетителя.

Сорс не стал уточнять номер кабинета. Вторая дверь направо — она вновь была приоткрыта. Инженер человеческих душ Иванович стоял у окна и смотрел на серый подтаявший снег.

— За вчерашний день два человека сломали ноги на этой улице, — сказал он — Представляете? Трезвые нормальные люди. Шел, упал, очнулся — гипс… Здравствуйте, мсье Сорс.

— Здравствуйте, Иванович.

Руки инженеру он все-таки не протянул. Что-то удерживало. Это было словно признаться в полной капитуляции.

— Все прошло нормально? У вас нет претензий?

Иван Иванович вовсе не иронизировал. Смотрел пристально, с любопытством, будто даже надеясь услышать упреки.

— Нет. — Сорс покачал головой. — Никаких претензий… все и вправду работает.

Широко улыбнувшись, Иванович указал на мягкое кресло, занявшее место ветхого стула. Да и телефонный аппарат на столе оказался нормальным «Панасоником». Дела у фирмы

явно шли в гору.

— Я что-либо должен вашему… объединению? — спросил Сорс, прежде чем сесть.

— Ничего. У нас гуманитарный некоммерческий проект.

Сорс сел. Хозяин кабинета занял свое место напротив.

— Так не бывает, — сказал Сорс. — Я не понимаю, как вы это делаете… я даже не понимаю, что, собственно говоря, вы делаете! Но бесплатного сыра не бывает. В конце концов, содержание этого офиса…

— Мсье Сорс, — укоризненно сказал Иванович. — Прошу вас, не надо предлагать нам деньги или услуги. Иначе мы будем вынуждены прервать с вами все отношения.

— Какие еще отношения?

— Будущие. Ведь вы хотите произвести обмен судьбы еще раз?

Врать было бессмысленно. Заготовленная заранее речь: «Мне это не столь уж и важно, но я хотел бы еще раз ощутить, что именно и как вы делаете» показалась Сорсу до невозможности фальшивой.

— Да. Я хочу… обменять свой риск.

— Опять полет?

— Нет… — Сорс замялся. — Это глупо звучит, вероятно…

— Любовь? — негромко спросил Иванович. — Что вы, мсье Сорс. Любовь — это самое чудесное из человеческих чувств. Сколько прекрасного и сколько трагического сплелось в одном слове. Божественная чистота и низкие интриги, святое самопожертвование и гнусные предательства… Очень, очень часто к нам приходят люди, спасающие свою любовь… Какова вероятность?

— А? — Переход от высокого стиля к сухой арифметике был слишком резок. — Какая еще вероятность?

— Того, что вам откажут.

— Я не знаю.

— Расскажите мне все, мсье Сорс.

О таких вещах говорят либо близким друзьям, либо совершенно незнакомым людям. Но Сорс начал рассказывать. Все, без утайки. В какой-то момент он поймал себя на том, что достает из кармана фотографию, а Иван Иванович, участливо обняв его за плечи, кивает и говорит что-то одобрительно-успокаивающее.

История, старая как мир. История, банальная как мир. Он уже год как развелся с женой. Хорошо развелся, по-мужски, интеллигентно. Оставив и квартиру, и машину, позванивая по праздникам и посылая цветы к дню рождения. Сорсу повезло — ему вообще часто везло. Их любовь умерла раньше, чем он полюбил снова. Детей не было. Квартирный вопрос не успел

его испортить — он *хорошо* зарабатывал.

Вот только та, ради которой он ушел от умной, красивой и удобной во всех отношениях женщины, не торопилась выйти за него замуж.

Показалось — или глаза Ивановича и впрямь стали оживленно поблескивать?

— Я бы оценил ваши шансы как двадцать — двадцать два процента, — сказал Иванович наконец. — Это такой тип женщин… нет, я не хочу сказать ничего плохого… но семейная жизнь редко их привлекает. Она должна по-настоящему вас любить.

— Вот я и хочу, чтобы она любила.

— Не любовница, а жена. — Иванович кивнул. — Это очень здорово, мсье Сорс. Это так редко сейчас встречается! Итак — у вас один шанс из пяти. Вы согласны обменять свою судьбу, исходя из этих условий?

Что-то царапало. Что-то смущало.

— Какой риск я получаю взамен?

— Давайте оценим последствия отказа, — неожиданно легко стал объяснять Иванович. — Вы ведь не покончите с собой, если она откажет. Не сопьетесь, не уедете на край света. Вы просто будете страдать — около года, возможно — полтора. Итак, вашим риском станут тяжелые душевные страдания на протяжении полутора лет… впрочем, что я говорю! На протяжении года.

— Почему я буду страдать?

Иванович развел руками.

— Это не болезнь, вероятно, — рассуждал Сорс вслух. — Не смерть кого-то из близких… я не прощу себе, если поменяю свое счастье на чужую беду.

— Разумеется, — быстро вставил Иванович. — Мы не затрагиваем других людей Это исключительно ваш выбор и ваш риск.

— Она будет со мной? — еще раз уточнил Сорс.

— Да, — быстро ответил Иванович. — Да.

— Я согласен.

На этот раз все было иначе. Они встретились в ресторанчике на Таганке, в приличном, пусть и шумноватом месте. Едва увидев ее, Сорс понял — она знает. Чувствует, зачем он позвал ее сюда, на место их первой встречи (два года, а словно все было вчера, когда он был моложе, то не верил в такие сравнения). Женщины часто чувствуют загодя, когда им признаются в любви, а уж предложение выйти замуж почти никогда не застает их врасплох.

Они выпили по бокалу вина, Сорс говорил о какой-то ерунде, она отвечала… и все сильнее и сильнее ему становилось ясно, каким будет ответ на еще не произнесенный во-

прос.

А раздвоения не было. Может быть, на этот раз его и не должно было быть, ведь Иванович не спрашивал насчет времени?

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил Сорс.

Она долго смотрела ему в глаза. Ну что же ты медлишь, — хотелось крикнуть Сорсу. Твои родители спят и видят, что мы поженимся. Твои подруги сходят с ума от зависти. Все твои тряпки куплены на мои деньги. Ты студентка заштатного вуза, а я еще не стар, я обеспечен, я люблю, я обожаю тебя…

Она медленно покачала головой.

В кармане Сорса зазвонил мобильный телефон.

Он выхватил трубку, чтобы хоть как-то оттянуть ее ответ. Изреченное слово становится правдой, но пока оно еще не произнесено — возможно все.

— У нас проблема, — даже не здороваясь, сказал его компаньон. И голос был таким, что сразу становилось ясно — и впрямь проблема. — Вагоны остановили на таможне… что-то не в порядке с декларацией…

Он знал, что именно не в порядке. Знал это и Сорс. Но о таких вещах не говорят по телефону.

— Я занят, — сказал Сорс.

— Да ты что! — закричал его компаньон, с радостью переходя от уныния к злобе. — Ты понимаешь, что случилось?

Сорс выключил аппарат. Снова посмотрел на девушку. И сказал:

— Кажется, моей фирме конец. Допрыгались. Ладно. Ты выйдешь за меня замуж?

— Ты это серьезно?

— Да.

— О фирме?

Сорс кивнул. И увидел, как теплеют ее глаза.

— Тогда что ты здесь делаешь? Тебе теперь не до игрушек.

— Ты никогда не была для меня игрушкой, — сказал Сорс. И подумал — пораженно, растерянно, — что она и впрямь не понимала того, что для него казалось само собой разумеющимся. Она не игрушка, с которой он ездит на теплые тропические острова и ходит по кабакам. Она для него — весь мир. Вся жизнь.

Она взяла его руку в ладони и прошептала:

— Сядешь в тюрьму — разведусь. Понял? Я женщина молодая и горячая.

В тюрьму Сорса не посадили.

До этого было близко. Фирма трещала по швам, бухгалтер пила валокордин столовыми ложками. Сорса вызывали на допросы до два-три раза в неделю. Потом взяли подписку о невыезде — как раз накануне свадьбы. Веселья на свадьбе не было, родственники сидели словно пришибленные, большинство деловых партнеров проигнорировали приглашение, компаньон быстро и умело напился. Арестовали, а потом выпустили бухгалтера. Компаньон внезапно исчез из Москвы, прихватив немногую оставшуюся наличку. Следователь, молодой и энергичный, не то из этой, новой, очень честной породы юристов, не то хорошо имитирующий государственность своего подхода, сказал: «Я бы поставил десять к одному, что вы сядете. Может быть, ненадолго. На год — полтора. Но сядете».

Но Сорса не посадили.

Выходя из двери под скромной офисной вывеской, он поскользнулся на невесть как долежавшем до середины апреля клочке подтаявшего снега, упал и получил тяжелый сочетанный перелом. Боль была дикая, он даже потерял сознание. Его оперировали, соединили сломанные кости таза, посадили на титановый болт головку бедра, почти полгода он провалялся в больнице — пусть и в дорогой, комфортабельной палате, но все-таки не вставая с койки. Жена приходила к нему каждый день, сразу после института, глупенькая девочка, что так неудачно вышла замуж за разорившегося бизнесмена. Приносила фрукты, бульон, какие-то неумелые, подгорелые пирожки. Искусно делала минет — на большее Сорс еще долго был не способен. Приохотила его к чтению Вудхауса и Гессе. Жаловалась на то, как одиноко и грустно в большой квартире, рассказывала «вести с фронтов».

Следователь утратил интерес к Сорсу. Его компаньон, чьи подписи и стояли под большинством незаконных контрактов, был объявлен в розыск Интерполом. Бухгалтер уволилась. Но фирма кое-как жила, даже приносила небольшую прибыль, и, уходя от Сорса, его молодая жена до поздней ночи просиживала в офисе — пыталась склеить треснутое доверие и связать порванные нити.

Сорс лежал на кровати, смотрел телевизор и вспоминал Ивана Ивановича. «Вы согласны поменять судьбу из расчета восьми процентов удачи? В тюрьму вы не сядете, это я гарантирую».

Десять к одному.

Восемь процентов

Сорс улыбался.

Октябрь был теплым, неожиданно теплым для Москвы. Сорс оставил машину за два квартала от офиса, у метро, припарковаться ближе было бы трудно, да и врачи советовали ему больше ходить. Поздоровался с охранником и прохромал на второй этаж.

Инженер человеческих душ Иван Иванович (с ударением на последнем слоге) встретил его у двери. Пожал руку, даже сделал попытку подвести к креслу.

— Не надо, — сказал Сорс. Иванович кивнул. Печально сказал:

— С вами было интересно работать. Вы ведь зашли попрощаться?

Сорс кивнул. Поинтересовался:

— Всем хватает трех раз?

— Кому как, — уклончиво сказал Иванович. — Нет, ну вы скажите мне, мсье Сорс, почему всех так раздражают эти два процента? Ведь это совсем небольшие комиссионные. За услуги, подобные нашим, плата была бы столь высока… я боюсь — не по карману большинству граждан. А тут — всего два процента!

— Я и сам не знаю, — ответил Сорс. — Я много думал. Ведь и впрямь — мелочь. Два процента риска. К тому же основное обещание вы выполняете. Но есть в этом что-то…

Иванович напряженно слушал.

— Что-то бесчестное, — кое-как сформулировал Сорс. — А сколько получаете вы лично?

— Полпроцента с каждого клиента, — признался Иванович. — Остальное идет *выше.* Вы же сами понимаете. Как часто сильные мира сего гибнут в катастрофах, болеют неизлечимыми болезнями, теряют близких, попадают в скандальные истории?

— Ну, всякое бывает, — не удержался Сорс.

— Эх, вы бы знали, мсье Сорс, что должно было происходить на самом деле, — таинственным шепотом сказал Иванович — Что ж удачной вам судьбы.

— Спасибо. — Сорс встал, тяжело опираясь на подлокотник. — И вам счастливой судьбы.

Они пожали друг другу руки вполне по-дружески. У дверей Сорс все-таки остановился и спросил:

— Скажите, Иванович, а приходят к вам счастливые люди? Менять ненужное счастье на нужное?

— Что вы, мсье Сорс! — Иванович развел руками. — Разве бывает счастье ненужным? Это уже не счастье, это горе. Мсье Сорс, все-таки рано или поздно…

— Нет. — Сорс покачал головой.

— От судьбы не уйдешь, — напомнил Иванович.

— А вы не судьба — Сорс уже шагнул в двери, но все-таки не удержался и добавил: — Вы только два процента судьбы.

ШАГИ ЗА СПИНОЙ

Когда он подъезжал к городу, день уже умирал. Съехав на обочину с эстакады, бетонной петлей захлестнувшей дорожную развязку, он остановил машину. Мотор взвыл — жалко, умирающе, прощально, — и наступила тишина.

Он открыл дверцу, сел, спустив ноги на серую от пыли и желтую от осени траву. Достал пачку сигарет, сорвал целлофан, закурил. Миг — и гаснущее пламя жадно облизнуло белый кончик сигареты, превращая ее в окурок.

Он выпустил первый клуб дыма и посмотрел на город.

Падающее за горизонт солнце было невидимо под пологом туч. Он просто чувствовал его — так же легко, как остывающий мотор, как чахнущую траву, как плещущий на дне бака бензин. Кончался еще один день.

Тоскливо и одиноко.

А в ушах — будто бился незримый метроном, все чаще и чаще, разгоняясь, захлебываясь собственным стуком…

Очень хотелось напиться. Он даже представил, как это будет. Маленький номер в дешевой и ветхой гостинице, остатки бренди на дне бутылки, гулкая пустота в голове, скомканное шершавое покрывало, в которое можно уткнуться лицом, даже не разбирая постели…

Солнце, невидимое сквозь тучи, скрылось за горизонт.

— К черту… — прошептал он, выбрасывая недокуренную сигарету. — К черту, к черту…

Он повернул ключ, мотор зашуршал — мягко, радостно, удивленно. Город рванулся навстречу. На улицах вспыхнули фонари, расчертили путь желтыми стрелами. Будто посадочные огни аэропорта, стремительно набегающие под колеса…

Он въехал на проспект, когда вечер окончательно вырвался на свободу. В серой полутьме вставали дома, вспыхивали желтые пятна окон — будто невидимый великан щедро осыпал стены сияющим конфетти.

Вечер начался.

Он не мог не смотреть в проплывающие мимо окна. В окна с теплым светом настольных ламп под цветными абажурами, в окна с рядами цветочных горшков под белыми трубками дневного света, в окна с ослепительным блистанием хрустальных люстр, в окна со стыдливыми желтыми огоньками голых лампочек, в окна с неярким мерцанием ночников. Люди садились за обеденные столы, люди переодевались в домашнее, люди собирались в гости, люди укладывали спать детей, люди включали телевизоры и компьютеры, разворачивали газеты и доставали припасенную на вечер книжку.

Ему стало хорошо.

Он остановил машину у первого же ресторана, маленького и уютного, словно бы прячущегося между жилыми домами. Запарковался. Мотор умиротворенно умолк.

Метрдотель — спокойный, солидный, снисходительно-доброжелательный, отвел его к столику — подальше от оркестра, в мягкий полумрак, к столику на двоих. Официант — молодой улыбающийся парень, не прислуживающий — а словно играющий в услужение, подал винную карту и меню. Поднес массивную зажигалку, когда он раскупорил новую пачку и закурил, принял заказ и ушел — неторопливо, но быстро.

Вначале он утолил голод. Чашка картофельного «деревенского» супа. Молодая телятина с рассыпчатым рисом, острый пахучий соус, бокал красного вина — в меру терпкого, хранящего солнечное тепло. Потом — официант наполнил бокал, прежде, чем он успел об этом подумать, и вновь исчез в отдалении — откинулся на стуле, посмотрел в зал.

Заиграл оркестр — негромко, ласково. Что-то из Тинсли Эллиса. И это было правильно — сейчас он хотел именно блюз…

Потом он увидел девчонку за соседним столом. В простом светлом платье, скорее симпатичную, чем красивую, — одинокую девчонку, что, утопив лицо в ладонях, слушала блюз.

Поднявшись — собственное тело сейчас казалось ему мягче, пластичнее, вечернее, чем обычно, — он подошел к ее столику. Может быть, это шутило с ним вино. А может быть — вечер. Склонив голову, он не произнес ни слова — но девочка поднялась, вложила руку ему в ладонь щедрым движением королевы. Он обнял тонкие хрупкие плечи, они закружились в танце — самом простом, который только танцем и можно назвать.

— Все мужчины сволочи, — сказала девочка, запрокидывая голову. Глаза у нее были синие. Глаза юной королевы, которой не требуется быть красивой, чтобы оставаться прекрасной.

— Не все, — сказал он на всякий случай.

Ее плечи дрогнули под его руками — в снисходительном отрицании. Минуту они кружились молча.

— На самом деле я знала, что он не придет, — сообщила девочка. — Позвонил, когда я уже собралась… очень извинялся. Сказал, что столик заказан, что все хорошо… но он не рассчитал время — и уже не успеет приехать. Скорее всего не успеет. Представляешь?

— Это плохо, — сказал он. Не для того, чтобы опорочить незнакомого соперника, а потому что и впрямь так думал. — Нельзя не рассчитывать время.

— Он всегда такой… — думая о чем-то своем, сказала девочка. — А я решила, что сегодня слишком хороший вечер… чтобы быть одной.

— Сегодня очень хороший вечер, — подтвердил он. Не для того, чтобы понравиться незнакомке. Он и впрямь так считал. — Лучший вечер недели.

— Ты кто? — вдруг спросила она.

— Беглец.

— А от кого ты бежишь?

— От… — Он осекся. Как объяснить то, что не поддается объяснению? — От смерти, наверное. От себя.

— Тогда ты и есть смерть.

Он покачал головой и улыбнулся.

Оркестр все играл и играл блюзы. Они танцевали под Джона Кэмпбелла и под Петера Грина. Говорили о чем придется и пили вино…

Вторая бутылка кислила. Он поежился, ощутив, как давит воротничок рубашки. Расстегнул верхнюю пуговицу. Оркестр устал и начал фальшивить. Плешивый старичок, сидевший с двумя молодыми девушками, что не мешало ему бросать взгляды и на его собеседницу, заказал оркестру что-то тягучее, полузабытое, давно и заслуженно погребенное. Молодой официант со слащавой улыбкой педераста косился в их сторону совсем уж неодобрительно — ресторан был полон, а они заказывали слишком мало. Чавкали — уже не от аппетита, а по инерции сытые рты, звякали заляпанные жирными пальцами бокалы, люди полусонно таращились друг на друга. И туго, туго бился в висках ускоряющийся метроном…

Он посмотрел на свою тарелку — в месиво из соуса и остатков пищи. Вытер руки, комкая салфетку. Поднял глаза на девочку, сидящую перед ним, и сказал:

— Вечер кончился.

Девочка кивнула. Понимающе.

— Я могу отвезти тебя домой, — предложил он. — У меня машина.

— Хорошо, — легко согласилась она.

Метрдотель — одутловатый, обрюзгший — недовольно принял из его рук купюру, всем видом показывая, что чаевые слишком мелки. Они торопливо вышли из ресторана.

Машина не хотела заводиться. Хрипел, кашлял, постанывал остывший мотор. Было холодно и неуютно. Но девочка сидела спокойно, приоткрыв окно, задумчиво глядя в небо.

— Сколько звезд, — сказала она неожиданно. — Будто мы и не в городе. Ты любишь ездить ночью между городами?

— Да, — признался он, осторожно проворачивая ключ еще раз. Мотор смирился и заработал ровно и мощно.

— Какая красивая ночь, — сказала девушка. — Удивительная ночь.

Он тоже опустил стекло, вдохнул свежий и чистый, будто после грозы, воздух. Посмотрел в усыпанное звездами небо. Признался:

— Это самая лучшая ночь месяца. Честное слово.

Машина мягко скользнула на проспект. Пустой, лишь редко-редко проносились навстречу те, кто тоже знал — это лучшая ночь месяца.

— Сейчас вперед и направо, — сказала девушка. — У тебя есть сигарета?

Он открыл одной рукой пачку, протянул ей.

— Спасибо. — Будто извиняясь, она добавила: — Я вообще-то не курю… А где ты живешь?

— Пока не знаю. Я еще не искал гостиницы.

— Ты можешь переночевать у меня.

Он посмотрел на нее — мимолетно, согласно, но она все-таки уточнила:

— В такую ночь нельзя быть одному. Не подумай, что я всегда… так.

— И мысли такой не было.

Они остановились у здания — высокого, темного, лишь в двух окнах горел свет. Лифт бесшумно, интеллигентно свел створки дверей, девушка не глядя надавила на кнопку.

Он чуть наклонился, ловя ее губы. Глядя в ее глаза, чуть сощурившиеся, потемневшие, в их густую, глубокую синь. Они целовались долго, а лифт послушно ждал, не закрывая дверцу.

В прихожей она скинула туфельки, и он взял ее на руки — снова найдя губами ее губы. Девушка лишь успела сказать:

— Вперед и налево…

Под ногами был мягкий ковер, на стенах — маленькие акварели, полуоткрытое окно задернуто тюлем. Он опустил ее на кровать, но она осталась сидеть — позволяя раздеть себя. Ночь коснулась их своим дыханием — жаркая, щедрая, осенняя ночь. Он остановился на миг — пытаясь запомнить именно этот миг, но тонкие пальцы вцепились в плечи, и он вскрикнул, когда лучшая девушка этой ночи стала его — безраздельно.

Ему показалось, что он слышит, как где-то далеко-далеко невидимый метроном застывает, погруженный в липкую патоку; как изгибается, плавясь и падая, неумолимый маятник; как время — беспощадное и бесконечное — взрывается, исчезая навсегда. Лучшая девушка лучшей ночи целовала его губы, и он ловил ее дыхание, сладкое и горячее, вне времени, вне звуков и красок, вне всех миров.

И время умерло — на целую мгновенную вечность.

И умирало вновь и вновь этой лучшей ночью.

Потом она уснула, а он лежал рядом, касаясь ее бедер, поглаживая одной рукой, которая будто зажила собственной жизнью, и иногда подносил к губам почти полную бутылку шампанского, пытаясь вспомнить и пережить все заново. Три часа — пик ночи. Ему не хотелось спать. Иногда он поворачивался, касался губами ее волос, ловил мочку уха, просто при-

жимался — щека к щеке. Девушка спала.

А потом где-то в комнатах ее квартиры ударили очередной раз часы. И сквозь их затихающий звон он уловил биение метронома.

Ночь умирала.

Неохотно, сопротивляясь, прячась в темных переулках и за тяжелыми шторами. Отползая в прокуренные залы ресторанов и клубов, всасываясь в последние сны, подтягивая к городу плотный щит дождевых туч.

Но в окно пробивался бледный свет, и кровь колотилась в висках все чаще и чаще. Он повернул голову — зная, что делать этого не стоит, и посмотрел на девушку, что лежала рядом с ним. На приоткрытый рот, на спутанные волосы, на узкую полоску белков из-под полуопущенных век. На размазавшуюся тушь, на синяки под глазами, на красную полосу, оставленную на щеке скомканной подушкой. Он вдохнул ее запах — запах алкоголя, пота и любви.

И осторожно поднялся.

В тесной, неухоженной ванной он долго смывал с себя прелый прах этой ночи. Вымыл голову шампунем из пластиковой литровой бутылки. Метроном стучал все чаще и чаще, но он все-таки вернулся в комнату, подошел к окну. Он не мог и не хотел уйти так. Откинул шторы, до половины перегнулся через подоконник. Его едва не стошнило вниз, в стылый осенний рассвет. Но он стоял, цепляясь за облупленное дерево рам, то закрывая глаза, то пытаясь смотреть вдаль — чтобы хоть на миг забыть о победно грохочущем метрономе.

А потом первый розовый луч вспыхнул на востоке, и он понял, что родилось утро.

Процокали по мостовой чьи-то каблучки. Задорно, пусть и устало. Торжествующе и радостно. С вызовом.

Он улыбнулся.

Светлели стены домов, вспыхивали окна — будто салютуя утру. Облака таяли, расползались. Проехала поливальная машина — скользя струями воды по тротуарам.

Он отдернул штору, прикрыл окно и присел на кровати.

Посмотрел на самую красивую женщину этого утра, что куталась в одеяла, ни о чем не думая и ни о чем не тревожась во сне. Красивую так, как только может быть красива любимая женщина. На милые спутанные волосы, на устало прикрытые глаза, на пухлые от поцелуев губы. Не удержался, наклонился, целуя ее — нежно, ласково, вдыхая запах ее тела, шампанского, любви.

Он подумал, что хотел бы остаться с ней навсегда. До скончания вечности. Строить дом, растить детей, сажать деревья…

Счастливы те, кто не видит течения времени. Кто никогда не слышит неумолимого мет-

ронома. Кто не слышит шороха рассыпающихся кирпичей, едва уложенных в стену. Кто не замечает подслеповатого прищура старика в невинных глазах младенца. Кто не видит дырявой осенней желтизны в едва развернувшемся клейком листочке. Кому не нужно бежать — всегда, всегда, всегда.

— Я не сволочь, — прошептал он на ухо самой красивой женщине прошлой ночи. Тихо, чтобы она не проснулась. — Честное слово. И я не смерть. Я лишь тот, кто слышит ее шаги. Шаги за спиной.

Время уже кончалось. Время спешило, старя лица и осыпая листья. Время не могло остановиться. Время шло за ним — беглецом и проводником, способным видеть рождение заката и смерть рассвета, увядание и расцвет мира. Всегда нужен кто-то, умеющий слышать шаги времени. Кто-то, обреченный бежать.

Он поцеловал женщину еще раз и вышел из спальни. Дверь не предала его, это была юная, утренняя дверь, она закрылась совершенно бесшумно. Он спустился по лестнице пешком, сел в машину, завел мотор. Открыл пачку сигарет, пока машина прогревалась, закурил.

И выехал из города навстречу еще не рожденному дню.

13 октября 1999 г.

ПЕРЕГОВОРЩИКИ

Планет у этой звезды не было. Ни одной. Зато имелся роскошный пояс астероидов и две группы гипертоннелей — по и над плоскостью эклиптики. Поэтому звезда G-785 и служила общепринятым местом ведения переговоров. В случае опасности можно было попытаться отступить, скрываясь за поясом астероидов.

— Сегодня что-то решится, Давид.

Это сказала Анна Бегунец, главный экзопсихолог Флота. Должность ее, много лет бывшая синекурой, последний месяц оказалась востребована в полной мере. В глубине души Давид восхищался тем, как держится эта маленькая немолодая женщина — на чьих плечах ныне лежала ответственность за судьбу человечества.

— Да? — кратко спросил Давид. Гример, занимавшийся раскраской лица, неодобрительно покосился на пилота, но ничего не сказал. Он тоже был профессионалом — лучшим голливудским гримером из числа немногих прошедших медкомиссию. Ему приходилось заниматься макияжем капризных кинозвезд, ни на минуту не закрывавших рта… только это было на Земле.

— Вы же знаете, Давид, какое сакральное значение придают д-дориа числу шесть. Сегодня шестой тур переговоров.

Самоназвание Чужих прозвучало из уст Анны очень чисто. Д-дориа. Комки разноцветных щупальцев. Сухопутные осьминоги…

Гример полюбовался разукрашенным лицом, отступил на шаг, кивнул. Потом присел на низенький стульчик и занялся паховой областью.

— Сегодня гениталии должны быть белыми, — сказала Анна. Голос ее был невозмутим и лишен даже тени иронии. — Это знак добрых намерений и надежды на скорое завершение спора. Меня не оставляет ощущение, что д-дориа почему-то не доверяют нам.

Гример покосился на Анну. Несмотря на молодость, этот импозантный негр не боялся высказывать свою точку зрения.

— Белые? А как же красные ободки? Вспомните дополнительное толкование к кодексу цветов, мисс Бегунец!

— Один ободок, — согласилась Анна, поколебавшись. — И не больше!

Давид тоскливо смотрел в зеркало. Гримерная на космическом корабле! Боже мой… И он — голый мужик, раскрашенный в немыслимые цвета, должные что-то символизировать. Пять дней назад, после первого тура переговоров, Бегунец рассказала ему русский анекдот про ковбоя и зеленую лошадь. Анекдот не показался Давиду смешным, но запомнился.

И ничего нельзя поделать. Переговоры должны вести те, кто осуществил первый контакт. На переговоры надо приходить обнаженными и в символической раскраске.

Можно, конечно, отказаться. Заявить, что люди не приемлют подобных условий. Но не станет ли это поводом к войне?

Как бы ни старались сейчас на Земле правительства и корпорации, строящие Глобальную Сферу Обороны, но у Земли лишь один межзвездный корабль. Первый, экспериментальный, так легко и так не вовремя встретивший чужую разумную жизнь…

У одних лишь д-дориа — сотни космических кораблей.

И вот он, прославленный пилот и немолодой, кстати, человек, ветеран НАСА и участник первой марсианской, идет на переговоры, посверкивая ягодицами. Согласно этикету Чужих — то, на чем сидишь, должно блестеть!

Позор. Стыд. Унижение.

Но лучше унизиться, чем погубить человечество.

— Вы не переживайте так, Давид, — сказала Бегунец. — В одном из первых русских фантастических романов при первом контакте с Чужими люди раздевались догола… демонстрировали красоту человеческих тел.

— Как может оценить человеческую красоту сухопутный осьминог? — тоскливо спро-

сил Давид. Покосился на гримера. Тот трудился безропотно и отрешенно. Профессионал… все мы профессионалы.

— Вспомним нудизм и боди-арт, роспись по телу, — продолжала Анна. — Опять же — североамериканские индейцы…

— Я старый волосатый мужик с отвислым брюхом и кривыми ногами! — не выдержал Давид. — Мусорная урна — и та красивее меня.

Анна суховато улыбнулась, будто давая понять — «разговор закончен». Сказала:

— Вы должны быть уверены в себе, Давид. Насколько нам известно, девять разумных рас мирно сосуществуют в космосе. Девять рас! Они не воюют, они уважительно отзываются друг о друге. Неужели мы не сумеем войти в их число?

— Какой из меня дипломат, Анна? Я и с женой-то с трудом общий язык нахожу. — Давид не удержался от ехидства и добавил: — Вот если на переговоры позволят прийти вам… уверен, все сразу наладится.

— Как только это станет возможно, я разденусь догола, намажусь краской и пойду на переговоры, — серьезно ответила Анна. — Смотреть на меня будет не так приятно, как лет сорок назад… но что поделать, Рональд, время!

— Все, все… — забормотал гример, быстрыми взмахами кисточки нанося на колени бесформенные желтые пятна. — Последний штрих…

Давид еще раз глянул на себя в зеркало. Вздрогнул и отвел глаза. Если проклятые журналисты сумеют раздобыть видеозаписи переговоров — его весь мир осмеёт.

Конечно, если мир еще будет существовать.

«Колумб» занимал полнеба. Длинные топливные баки, вынесенные на консолях реакторы, медленно вращающееся кольцо жилых палуб, решетчатая антенна гипердвижка. Давид последний раз оглянулся на единственный звездный корабль человечества — и у него защемило сердце. Всего двадцать лет понадобилось Соединенным Штатам, чтобы при посильном участии остального мира построить этот чудесный звездолет. Энтузиазм, охвативший американцев после открытия принципа туннельного гиперперехода, ничуть не схлынул за два десятилетия. Словно вернулись времена Дикого Запада, фронтира, отважных переселенцев… Уже не казались фантастикой «Звездные войны» и «Вавилон-5». Будущее стучалось в двери. Даже сам Давид, лучше других понимавший, как долог будет путь от первых кораблей к завоеванию Галактики, ловил себя на совершенно диких фантазиях. Вот он вместе со старшим сыном странствует инопланетными джунглями… вот, плотно пообедав расплодившейся в прериях чужой планеты индейкой, едет на джипе к космопорту… чтобы пропустить стаканчик-другой в компании знакомых пилотов и смешных, отсталых, плохо цивилизованных або-

ригенов…

И вдруг — такая беда… голый разукрашенный человек в тесной кабине космошлюпки. А впереди — причудливые формы корабля д-дориа, гораздо меньшего размером, но при этом куда более совершенного…

Зал переговоров построили д-дориа. Десятиметрового диаметра прозрачный купол на металлической платформе. В куполе была пригодная для дыхания атмосфера. Еще там была гравитация. Настоящая, а не тот суррогат, который создавало вращающееся жилое кольцо «Колумба». Человечеству оставалось надеяться лишь на доброту Чужих. Ну… и на умение пятидесятилетнего пилота блефовать.

Шлюпка мягко коснулась металлического диска. Скользнула, втыкаясь носом в прозрачный купол. Неведомый материал расступился, обтекая нос шлюпки, герметизируя люк. Появилась сила тяжести.

Давид тяжело поднялся, открыл люк и ступил на теплый пол купола.

Д-дориа сидел напротив. Его шлюпка тоже наполовину вползла в купол. Земной и чужой звездолеты болтались в отдалении, над головой искрился пояс астероидов. Случайных метеоров Чужие словно бы и не боялись. Наверное, у них есть силовое поле…

— Сколько можно ждать? — раздраженно спросил д-дориа. Устройство перевода было встроено в купол. Еще одно напоминание о технологической пропасти…

— Я опоздал меньше чем на минуту, — сказал Давид, усаживаясь на корточки перед инопланетянином. Д-дориа обладал горизонтальной симметрией — бочонкообразное тело с кольцом зрительных и обонятельных рецепторов, шесть мощных щупальцев сверху, шесть — снизу… Верх и низ, как Давиду уже доводилось убеждаться, был понятием условным.

— Мы заняты серьезным делом, мы закладываем основы мира и процветания наших народов! — продолжал возмущаться д-дориа. Устройство перевода либо было безупречным, либо казалось таким. Ни малейшей задержки, ни одной корявой или непонятной фразы…

Давид вздохнул. Самым обидным было то, что раса д-дориа вовсе не страдала излишней пунктуальностью. Чужому ничего не стоило опоздать и на пять минут, и даже на четверть часа, после чего бросить пару слов о трудностях с церемониальной окраской, интересной информационной передаче с родины или любопытном споре с товарищами. Это можно было счесть издевательством, высокомерием… но почему-то Давиду казалось, что причина совсем иная.

— Давай же займемся этим делом? — предложил он, уходя от спора. От д-дориа шел густой растительный аромат, чем-то даже приятный. Может быть, так пахло тело Чужого. Может быть — краски, которыми было разрисовано тело.

— Нет, ну ты всегда будешь опаздывать? — возмутился Д-дориа.

— Больше опозданий не будет, — сказал Давид.

Как ни странно, но этого вполне хватило, чтобы закрыть тему.

— Все разумные расы с тревогой следят за переговорами, — изрек д-дориа. — Друг мой, ты должен понимать — космические войны невыгодны и опасны. Выходя в Галактику, мы поневоле становимся миролюбивы…

— Земляне совершенно согласны! — с готовностью подтвердил Давид. — Вчера правительство моей страны…

— Ты можешь выслушать не перебивая? — возмутился д-дориа.

Давид замолчал.

— Так вот, все мы жаждем мира! — продолжил Чужой. — Пусть д-дориа не похожи на кульх, пусть атенои дышат хлором, а зервы вообще не дышат…

Крохи драгоценной информации. Давид надеялся, что установленные в шлюпке микрофоны записывают все откровения Чужого.

— Но все мы боимся того, что в космос вырвется раса слишком молодая и энергичная, чтобы принять принципы мирного сосуществования. Вот почему знакомство с каждой новой расой — процесс трудный и болезненный. Мы знаем, на вашем корабле есть лазер и три ракеты с термоядерными боеголовками!

Поставленный перед фактом, Давид не стал спорить.

— Да, есть. Неужели ваши корабли не вооружены?

— Вооружены! — признал д-дориа. — Но только для защиты от неведомой опасности!

— Наши — тоже.

Д-дориа развел щупальцами. Горестно произнес:

— Вопрос веры! Что может означать наличие у вас столь примитивного оружия? Возможно — знак миролюбия. Но, может быть, это коварная попытка утаить оружие вообще!

«Это значит, что мы отсталые дикари, дурак!» — подумал Давид. Но смолчал.

— Не знаю… — вдруг пролепетан д-дориа. В голосе появилась печаль. — Вопросы переговоров — так трудны. Я простой пилот! Я не умею общаться с Чужими!

— Я тоже, — признался Давид. — Но если мы поручим общение специалистам…

— Нельзя, — грустно сказал д-дориа. — Мы не можем ставить вас в невыгодное положение. Ведь наши переговорщики имеют опыт общения с чужими расами. У вас таких специалистов нет. Правило справедливо — договариваются те, кто осуществил первый контакт. Мы должны принять решение, Мы должны объявить — опасны ли наши расы друг для друга.

Оба они замолчали.

Проклятые правила! Давид готов был согласиться, что в словах Чужого имеется здра-

вое зерно. Подобная щепетильность даже умиляла…

— Сегодня у тебя замечательная окраска, — пробормотал он, пытаясь занять неловкую паузу. В отличие от русской женщины-психолога и голливудского гримера пилот так и не разобрался во всех тонкостях цветовой азбуки. Но надо же было хоть что-то сказать…

— Правда? — спросил д-дориа.

— Очень красиво, — сказал Давид. — Синие щупальца и эти зеленые пятнышки…

— Я очень переживал перед встречей, торопился, второпях все делал… — Чужой досадливо покачал верхними щупальцами. — Ты просто высказываешь комплимент, да?

На самом деле так оно и было. Давид ляпнул первое, что пришло в голову, как порой поступал, отправляясь с женой на скучный, но обязательный светский раут.

И ответил он по тому же наитию:

— Я совершенно искренен. Блестки вокруг дыхалец — восхитительны.

Пряный запах от д-дориа стал сильнее.

— Спасибо, это была импровизация… действительно красиво?

— Очень… — Давид едва сдержал волнение. Мысль была чудовищной.

Мысль была гениальной!

Неужели перед ним — женская особь д-дориа? То немногое, что людям было известно о Чужих, ничуть не противоречило подобной гипотезе. Все Чужие были двуполы — наиболее удобный способ размножения, обеспечивающий обмен генетическим материалом и легкость рекомбинации генов. Все Чужие не страдали предрассудками, и оба пола были равноправны — в разговоре о своих товарищах на корабле д-дориа использовал местоимения «он» и «она» одинаково часто.

Но ведь о себе д-дориа всегда говорил «он»!

— Не будет ли нарушением протокола поговорить немного о нас, переговорщиках? — спросил Давид.

— Не будет, — согласился д-дориа.

— Есть ли у тебя семья, уважаемый друг?

— Да, дома у меня осталась жена и трое детей.

Гениальная догадка рассыпалась в прах.

— А я был женат дважды, — грустно сказал Давид.

— Ничто не вечно, даже любовь, — высокопарно, но с пониманием отозвался Чужой. — Как бы хотелось мне вернуться на корабль и сказать: «Наши расы близки и могут жить в мире!»

— Что же мешает тебе?

Д-дориа заколебался. Но все же ответил:

— Подозрение, человек. Страшное подозрение о сути человечества.

Давида охватила паника. Неужели просочилась информация о войнах, революциях, голоде, религиозных разногласиях? Неужели Чужие сочтут людей кровожадными и опасными?

— Говори, друг мой, — сказал Давид. — Я отвечу на все вопросы. Чем мы обидели вас?

— Вы слишком хорошо ведете переговоры, — выпалил д-дориа. Слегка привстал на кончиках щупальцев — это был знак предельного волнения.

— Слишком хорошо? — растерялся Давид.

— Между нашими расами — пропасть, — грустно сказал д-дориа. — Физиологическое и психологическое несходство. Разные среды обитания. Значительная культурная несовместимость… ты ведь сам говорил, что обычай эмоциональной раскраски считаешь архаичным… Нет, не перебивай! Хоть иногда можешь выслушать нормально? Так вот… любая раса, входя в первый контакт, испытывает ужасающий социокультурный шок. Никакие догадки ученых, никакое искусство фантастического вымысла не способны подготовить к контакту с Чужим. Я дружен с многими кульх, я общался с представителями всех девяти рас. И потому твой облик не вызывает у меня отторжения. Но ты, ты, человек! Как можешь ты сидеть рядом с существом столь непохожим, общаться с ним, говорить о семейных ценностях и тайнах макияжа?

— Возможно, дело в том, — начал Давид, волнуясь, — что наша родная планета населена различными формами жизни. Мы привычны к любому внешнему облику…

Щупальца сжались в жесте сомнения.

— Животные твоей планеты разумны?

— Нет… насколько нам известно.

— Тогда это не объясняет странности.

— Люди и сами бывают разными. Цвет кожных покровов у людей…

— Явление цветового диморфизма имеется у всех рас, — отмел его возражения д-дориа. — Но оно не спасало от социокультурного шока. Нет! Мы боимся другого!

— Чего? — обреченно спросил Давид.

— Мы подозреваем… — д-дориа даже запнулся от волнения, — что люди уже встречались с иными расами. Но в силу чудовищной извращенности своей психики — уничтожили их или низвели до положения бесправных рабов!

— Неправда! — Давид почувствовал себя по-настоящему оскорбленным. — Такого не было! Да, люди воевали между собой, объединяясь по признаку общего языка…

— Бывало у всех.

— Общей территории…

— Бывало у всех.

— Цвета кожи!

— Бывало…

— Религии!

— Еще как.

— По экономическим причинам…

Д-дориа лишь горько вздохнул.

— У людей раньше была дискриминация по национальному, половому, возрастному признаку…

Д-дориа печально произнес:

— Мы изучили все материалы, которые вы сочли возможным предоставить. В них нет ответа. Ваша цивилизация идет обычным путем разумных рас. Но почему-то не испытывает удивления от контакта с нами. Даже ты, рядовой пилот, великолепнейший переговорщик! Вывод печален — вы уже сталкивались с иной формой разумной жизни. Раз вы не говорите об этом — значит судьба этой расы печальна. Мне очень хочется дать благоприятный отзыв, друг. Но я боюсь!

Наступила тишина. Сквозь едва заметные щели в полу сочился прохладный чистый воздух. Сияло астероидное кольцо, висели вдали корабли. Давид пробормотал:

— Оказаться бы сейчас дома… махнуть на рыбалку…

— Ага… — тоскливо отозвался д-дориа. — Тихая речушка… сидишь рядышком с женой на берегу, остроги наготове…

— Мы удочками ловим…

— Азарта мало. А спортивные состязания у вас развиты?

Давид кивнул.

— У нас хорошая ложа на центральном стадионе города, — похвастался д-дориа. — Если за ближайшие сутки придем к какому-нибудь решению — я еще успею на финал. Жена очень надеялась, что посмотрим вместе.

— Мою супругу ни на рыбалку, ни на футбол не затащишь… — пожаловался Давид. — Вот какой-нибудь прием или благотворительный вечер…

Д-дориа пошевелил щупальцами — жест сочувствия. Сказал:

— Любовь — загадочное чувство у всех разумных рас. Печально, когда она возникает при несходстве интересов.

— Нет, у нас много общих интересов, — проклиная себя за то, что взялся посвящать инопланетного осьминога в вопросы семейной жизни, сказал Давид. — Но рыбалка, спорт… не женское это дело.

— Почему? — удивился д-дориа — Друг мой, в вас говорит неизжитый половой шовинизм! Нехорошо запрещать женщинам занятия охотой или спортом…

Давид поднял голову. Посмотрел на д-дориа. И заговорил…

Ему едва дали вымыться. Проклятая краска оттиралась с трудом, Давид израсходовал тройную норму воды, прежде чем рискнул выйти из-под душа. Оделся и вернулся из санитарного блока в свою каюту.

Капитан — старый славный Эдд Куверт — и загадочная русская женщина Анна Бегунец ждали. Напряжение уже покинуло их лица, теперь там осталось лишь любопытство.

— Итак? — Первой, вопреки субординации, заговорила Анна

— Все в порядке. — Давид уселся в кресло, поколебался, но все-таки вытащил из чемоданчика с личными вещами фляжку виски. Эдд покачал головой, но потом достал свою.

Бегунец молча приняла от Давида стаканчик.

— Ну? — спросил Эд.

— Они нас боялись, — объяснил Давид. Глотнул, блаженно закрыл глаза. Первая капля алкоголя за последний месяц. И первая спокойная минута. — Они нас ужасно боялись. Знаете почему? Мы слишком хорошо вели переговоры! Слишком легко адаптировались к их облику, к их обычаям.

— Что же в этом могло не понравиться? — удивился Эдд.

— Д-дориа решили, что у нас уже есть опыт контактов с чужими разумными расами. Но поскольку мы это отрицали — Чужие заподозрили нас в обмане. В том, что мы уничтожили тех, с кем встречались.

Капитан единственного земного звездолета Эдд Куверт засмеялся, схватившись за голову. Бегунец саркастически улыбнулась.

— По их мнению, никак иначе мы не могли приобрести достаточную гибкость сознания, — пояснил Давид. — Расовые, религиозные различия — недостаточная причина. Д-дориа стремились к налаживанию контактов… они ведь очень убедительно объяснили, почему война в космосе невозможна и не нужна, почему полезнее всего — мир и торговля технологиями. Но им нужно было хоть какое-то объяснение нашей… как это сказать… контактности? Именно контактности! Поэтому я позволил себе вспомнить какую-то научную гипотезу… о том, что кроманьонцы и неандертальцы длительное время существовали вместе, порой воевали, а порой мирно сосуществовали… пока не слились в одну расу. Я предположил, что с тех пор у человечества и сохранилась повышенная контактность. Вы бы видели, с каким энтузиазмом д-дориа согласился!

— Эта гипотеза не выдерживает критики. — Бегунец покачала головой.

— А я и не утверждал, что она верна. Предположил. — Давид плеснул себе еще немного виски. — Все! Мы признаны вполне достойными равноправного общения!

— Давид, я тебя знаю двадцать лет. — Эдд покачал головой. — Хорошо, с д-дориа ты разобрался. Но я же по лицу вижу, у тебя еще одна гипотеза. Настоящая. Которую ты считаешь верной.

Давид торжествующе улыбнулся:

— Да. Понимаете, в разговоре возникла пауза… и я похвалил церемониальную раскраску Чужого. Просто чтобы хоть что-то сказать! А он так оживился… ну, вроде как когда заметишь, что у жены новая губная помада, и похвалишь цвет…

— Д-дориа была самкой? — воскликнула Бегунец. — Прошу прощения… женщиной?

— Да нет же! — Давид покачал головой. — Вовсе нет. Самец. Но потом мы стали говорить о семьях… он вспомнил, как ходит с женой на рыбалку, на какой-то их инопланетный футбол… Понимаете?

Лицо Анны помрачнело. Эдд крякнул.

— Мужская и женская психология разная, — торжественно сказал Давид. — Маленьких детишек возьми: мальчики возятся с машинками, дерутся, лягушек разных ловят, а девочки крутятся перед зеркалом, сплетничают, хихикает невпопад. Мы к этому привыкли. Нам кажется, что только так и может быть. А у них различие мужчин и женщин — только физиологическое! Психология одинаковая! Психологически — они одна-единственная раса! А мы, люди, фактически — две расы, живущие в симбиозе! Мы с младенчества привыкаем контактировать с Чужими! Мы идеальные переговорщики, нас ничем не удивить — ни цветной раскраской, ни беспочвенными спорами, ни непониманием партнера! Мы с кем угодно во Вселенной найдем общий язык!

Бегунец встала. С негодованием посмотрела на Давида. Возмущенно выпалила:

— Неандерталец!

Ошеломленный Давид молчал. Главный экзопсихолог земного космофлота пулей вылетела из его каюты. Эдд Куверт иронически улыбнулся.

— Ну… или почти с кем угодно… — пробормотал Давид.

АХАУЛЯ ЛЯЛЯПТА

— Чего-чего? — спросил Павел подозрительно.

— *Ахауля ляляпта!* — повторил Андрей, демонстрируя клиенту что-то маленькое, волосатое, черное, сморщенное — похожее на высушенную обезьянью лапку, — Сувенир. Купил у старого индейца.

— Убери ты эту гадость от стола! — рявкнул Павел. — Она же обезьянья…

— Да кто этих индейцев поймет, — пряча лапку в карман, заявил Андрей. — Может, человеческая?

Он облокотился на перила и уставился вниз с балкона. Не иначе как высматривал человеческих особей, похожих на свежеприобретенный сувенир.

Павел только презрительно фыркнул и налил себе вина. Нет, отношения у них сложились хорошие, в чем-то даже дружеские. Индивидуальный тур в Чили стоил немалых денег, и к выбору персонального гида Павел Арсенов подошел очень внимательно. С ходу отмел смазливых девочек — кто же ездит в Тулу со своим самоваром? Понравился было средних лет интеллигент, выпускник МГИМО, успевший и дипломатом поработать, и свой бизнес завести, и прогореть. Но вовремя выяснилось — бывший мгимошник подорвал здоровье на дипломатической ниве и теперь вынужден цедить безалкогольное пиво. Разве это достойный товарищ для двухнедельного вояжа по Чили?

Андрей же был всем хорош — и языки знал в совершенстве, и по миру успел помотаться, и водку готов был пить наравне с клиентом, при этом не утрачивая ни бдительности, ни дружелюбия. Немного настораживала его непрерывная веселость и слабое чувство дистанции. Арсенов даже заподозрил гида в нетрадиционной ориентации. Но нет, и тут все было в порядке. Просто такой характер. Выбор был сделан, и вначале Павел не мог нарадоваться на своего гида. Мотаясь по всей стране, от горнолыжного курорта Портильо до пустыни Атакама, от Огненной Земли до заросшего виноградом каньона реки Майпо, молодой гид оставался энергичным, деятельным и компанейским. Вот только стоило Арсенову постановить, что последние три дня они проведут в Винья дель Мар, как Андрей заметно сник.

Ну не умел этот парень спокойно отдыхать! Не понимал, что есть свое удовольствие в трех днях, проведенных в спокойном чилийском захолустье, когда ожидающие в Москве проблемы уже приближаются во времени, но все еще остаются отдаленными в пространстве — на целых семнадцать тысяч километров. Ему требовалось действие, все равно какое — взбираться на склон вулкана, вести машину по зажатой между океаном и горами автостраде, знакомиться с чилийками или попросту напиваться с клиентом.

Арсенову же хотелось сейчас только покоя…

— Вот и еще одна мечта детства исполнена, — сказал он, глядя на океан. — Веришь, с детства мечтал в Чили побывать.

— Верю, — согласился Андрей. — А я в Россию хотел. Папаню из Перу отозвали, когда мне шесть лет было… ох как же я радовался!

Все это уже было не раз сказано. И про юность Андрея, безалаберного сына дипломатических работников. И про детскую мечту Арсенова — побывать на Огненной Земле, посмо-

треть на пингвинов.

Ну — посмотрел. Местный гид с готовностью привез их на огромное стойбище… или как оно там называется? Гнездовье? Лежбище? Птичий базар? Да не важно. Посмотрели они на пингвинов. А потом Арсенов поймал взгляд гида, болтающего с аборигенами, пока они с Андреем ловили пингвинов в объективы камер. И представилось ему, как приехавших в Россию туристов везут посмотреть на местную экзотику — воронье гнездовье. — И как стоят богатые южноамериканцы, с восторгом фотографируя каркающее воронье… а окрестные мужики крутят пальцами у виска…

Что русскому экзотика, то немцу банальность. Вот что обидно по-настоящему — прошло время уникальных впечатлений. Даже на Южный полюс с парашютом прыгнуть — всего лишь вопрос денег и бесшабашности.

— Покажи-ка свою… ахулю… — попросил Павел.

— *Ахаулю,* — поправил Андрей, с готовностью извлекая скрюченную лапку. — Индеец называл ее *ахауля ляляпта.*

— Как переводится? — со скукой разглядывая сувенир, спросил Павел.

Гид неожиданно засмущался.

— Честно говоря не знаю. Индеец по-испански совсем не говорит. Наверное, настоящий мапуче. Их на лицо и не отличишь-то особо, это не североамериканцы.

Павел внимательно рассматривал лапку. Потом положил ее на столик и сообщил:

— Фальшивка.

— Чего? — обиделся Андрей.

— Фальшивка, говорю. Нагрел тебя индеец.

— Почему? — хватая лапку, возмутился Андрей.

— Да ты глаза открой, — объяснил Павел. — На этой лапке — шесть пальцев! Два противостоящих пальца, понимаешь? И еще — в каждом пальце по четыре сустава.

— Ну… — вертя лапку и осторожно пробуя согнуть черные скрюченные пальцы, произнес Андрей. — Это…

— Я, дорогой ты мой, МГУ заканчивал, — пояснил Павел. — Биофак. Животных с такими конечностями не существует.

— Может, ящерица? — предположил Андрей.

— Покрытая шерстью? Да и у ящериц нет таких лап. Так что, Андрей, *ахаулю* эту сшила бабка твоего мапучи специально для идиотов туристов.

— Все равно забавно, — сказал Андрей, изучая опозоренный сувенир. — Нет, постой, ну как это — сшила? Нет тут никаких швов… сейчас!

Он бросился в гостиничный номер, хлопнула дверь. Оставшись на балконе в одиноче-

стве, Павел снова взял в руки *ахаулю.*

Да, швов не наблюдалось — кроме зашитой тонким шнурком культи. Павел подковырнул шнурок — внутри лапка оказалась аккуратно набита сухой травой.

— Нет таких животных, — повторил уже для себя Павел и отложил лапку. Но в душу начало закрадываться сомнение. Для чего старому индейцу сооружать такую правдоподобную фальшивку? Туристу вполне сгодится высушенная обезьянья лапа…

Вернулся Андрей — с огромной лупой в руках. На недоуменный взгляд Павла пояснил:

— Купил внизу, в газетном киоске. Хорошая лупа, да?

Минут пять он простоял, изучая лапку вооруженным глазом, после чего гордо заявил:

— Никакая это не фальшивка. Нет тут швов

Павел почувствовал азарт:

— Давай лупу сюда, Паганель хренов! Сейчас покажу, чем профессионал отличается от любителя!

Через четверть часа Павел был вынужден признать (конечно, лишь себе самому), что в данном случае профессионал от любителя не отличается ничем. Андрей, надо отдать ему должное, тактично молчал и об опрометчивом обещании не напоминал. Можно было просто вернуть обезьянью лапку и объявить ее сделанной на заводе в Китае…

Но Павел уже был задет за живое.

— Выпотрошим? — предложил он. Андрей пожал плечами:

— Давайте.

Шнурок был распущен, сухая трава вытрясена, лапка — вывернута наизнанку. Павел еще раз осмотрел *ахаулю* изнутри, и его прошиб пот.

Не выглядел этот дрянной сувенир фальшивкой! Похоже было, будто кожу и впрямь содрали, словно перчатку, с лапки животного.

— Я вот помню, — задумчиво произнес Андрей, — что когда чучело утконоса первый раз в Европу привезли, ученые его обозвали подделкой. Не бывает, мол, таких зверей…

— Помолчи, — сказал Павел очень серьезно. — Вопрос серьезный…

Конечно, на дворе — двадцать первый век. Да и Чили — не Австралия. Но вот же лежит перед ним лапа существа, которого не может существовать в природе!

— Что еще продавал индеец? — спросил он.

— Камешки какие-то, — начал вспоминать Андрей. — С дырочками, на шнурках… вроде как амулеты. Еще, какие-то лапки, шкурки…

— Пошли. — Павел поднялся, подтянул живот, заправляя его в штаны. — Будем трясти твоего индейца. Он у нас живо испанский вспомнит.

Ну где может приложить свои силы современный биолог, жаждущий оставить след в истории? Разве что искать новые виды тараканов и глубоководных рыб. А вот открыть настоящее животное, дать ему гордое имя вроде «Шестипал Арсенова»… Даже в наивные годы далекой юности Арсенов такими амбициями не страдал.

Но вот, вот же она, шестипалая четырехсуставчатая лапа невиданного зверя!

— Пятнадцать баксов, между прочим, отдал, — тараторил Андрей, идя рядом с Павлом. — Я еще удивился, с чего индеец столько денег ломит, но решил — редкий какой-то сувенир…

— Головой чаще думай, — сурово сказал Павел. — Если цена слишком высокая или слишком низкая — сразу насторожиться следует.

Индейца они нашли на окраине городка, в месте совершенно нетуристическом — и как туда забрел неугомонный Андрей? Все здесь было неприглаженное, не туристическое, обшарпанное. Маленький местный рынок, никак не рассчитанный на туристов. Всякая экзотическая жратва, несколько магазинчиков с единым для всего мира выбором товаров…

И скромно сидящий в пыли у дороги индеец. И впрямь — очень старый, спокойный, никого к себе не зазывающий, будто дремлющий над разложенными на земле сувенирами. Старая соломенная шляпа на голове, неподвижное морщинистое лицо, грязное пончо, торчащие из-под него босые ноги.

— Здорово, отец! — добродушно сказал Павел, покосился на Андрея — тот затараторил по-испански, потом — на каком-то знакомом ему местном наречии.

Индеец, похоже, ничего не понял. Но неспешно кивнул.

А Павел уже склонился над его товаром.

Да, сувенирчики и впрямь — дрянь дрянью. Камешки с дырочками на шнурках, вроде «куриных богов», что любят собирать на Черном море детишки. Примитивные фигурки, вырезанные из дерева.

И еще одна *ахауля.* Андрей купил левую, а эта была правая.

Павел поднял с земли странный сувенир, внимательно изучил. Спросил:

— Сколько?

Индеец неторопливо нарисовал в пыли пальцем цифры. Лукаво посмотрел на покупателей. И добавил значок доллара.

— Пятьдесят? — растерялся Андрей. — Павел Данилыч, он мне утром за пятнадцать продал, честное слово…

— Подожди, — велел Павел. Сел перед индейцем на корточки. Внимательно посмотрел в глаза.

Черт, ничего не разберешь, будто стеклянные. Душа индейская — потемки.

— Много хочешь, Виннету, — сказал Павел. — Пятнадцать. И, зачеркнув назначенную цену, начертил в пыли «15». Индеец покачал головой. И повторно написал «50».

— Издевается, — решил Андрей.

— Нет, парень, — сказал Павел. — Он не дурак. Ты думал, он с тебя много слупил за первую *ахаулю?* Он тебе крючок закинул. Нарочно продал задешево… чтобы ты присмотрелся и снова прибежал.

Индеец молчал и улыбался. Будто понимал по-русски.

— Откуда оно? — потрясая сушеной лапкой, спросил Павел. — Что за зверь, где живет?

Индеец разгладил пыль морщинистой рукой и принялся рисовать. Вокруг потихоньку собиралась толпа аборигенов — глядели, похохатывали, то ли над старым торговцем, то ли над чужестранцами-покупателями. Подошел полицейский, постоял, изучая обстановку, проследовал дальше.

Павел и Андрей ошарашенно смотрели на схематичный рисунок.

Была на нем цепочка холмов, и деревья, нарисованные со старанием пятилетнего ребенка. Было два странных существа, неподвижно лежавших на земле. *«Ляляпта!»* — провозгласил индеец, указывая на них.

А еще было нечто большое, округлое, наполовину воткнувшееся в землю — из этого округлого шел дым. Индеец внимательно посмотрел на Павла — понял ли, что ему показывают. Потом одним взмахом руки стер рисунок.

— Я же тебе говорил, нет на Земле таких животных, — сообщил Павел гиду. — Дошло?

— Павел Данилыч… — Андрей полез в карман, вытащил первую *ахаулю.* — Так это что же… мне руку инопланетянина продали?

— Спрячь! — скомандовал Павел. Он был сейчас в своей стихии. Требовалось действовать. Требовалось уломать посредника и выйти непосредственно на товар. Требовалось решить проблемы с властями, таможней… не позволить оттереть себя в сторону. Требовалось при всем этом остаться живым. Это даже не «Шестипал Арсенова»! Это Нобелевская премия, это настоящая слава, это настоящее положение в обществе. Да это, если на то пошло, маленькие дивиденды для одного человека, но огромный кредит для всего человечества!

— Отведи нас туда, старик, — сказал Павел. — А? Я заплачу. Много заплачу. Сто баксов. Нет, шучу, пятьсот. Файф хандред. Понял?

Индеец покачал головой.

— Значит, так, Андрюша, — велел Павел. — Тащи нам по бутылочке пивка, вискарика какого-нибудь поприличнее… и потрись в толпе. Поговори с аборигенами, узнай, откуда

этот старичок взялся, где живет. Одна нога здесь…

— Другая уже там, — исчезая в толпе, отрапортовал Андрей.

Через полчаса Павел был вынужден признать свое поражение.

Индеец не отказался от пива. Индеец глотнул виски. Индеец согласился принести *тутитоку* — нижнюю конечность существа. Индеец сумел жестами объяснить, что одного инопланетянина при падении разорвало на куски — которые он сейчас и продает, другой почти целый, но из него тоже пришлось набить чучело. Жара, мухи, личинки… все это он продемонстрировал с настоящим актерским мастерством, хоть сейчас его в ГИТИС принимай.

А еще индеец наотрез отказался отвести покупателя к месту падения тарелки.

— Значит, так, Андрей, — подвел наконец итоги Павел. — За две *тутитоку* старый хрыч хочет по сотне. За вторую лапу полтинник. Это все фигня. За целое чучело требует штуку. Что ж, придется покупать.

— А как же сама летающая тарелка? — жадно спросил Андрей.

— Вот когда он нам чучела продаст, тут и до тарелки дело дойдет, — уверенно сказал Павел. — Какие-то штуки оттуда он уже доставал… но не хочет пока ничего говорить.

— Он вообще испанский не знает…

— Да все он знает, ему торговаться так удобнее! — в сердцах сказал Павел. — Пошли в отель. Завтра утром он все принесет…

— А если проследить за ним? — предложил Андрей, когда они отошли от старого индейца,

— Нет, не стоит. — Павел строго глянул на гида. — Тут самодеятельность вредна… дикий-то он дикий, но мозги у него работают. Заметит слежку — ничего больше не получим.

— Не заметит, — самоуверенно сказал Андрей.

— Если дальше будет упираться — попробуем в детективов поиграть… — решил Арсенов — Что ты про него выяснил?

— Неделю уже ходит на рынок, продает всякую дрянь, — сказал Андрей. — Кто такой, откуда — никто не знает.

— Умен, — согласился Павел. — Умен и осторожен. Искал настоящего покупателя.

Вечером пили. По такому случаю — не вино, а хорошую русскую водку. Под копченное на ветру, на испанский манер, мясо ламы водка шла замечательно.

— Павел Данилыч, — захмелев, начал Андрей разговор на волнующую его тему. — А ведь это дело большими деньгами пахнет… и не только деньгами.

Арсенов усмехнулся.

— Не бойся, в стороне не останешься.

— Нет, я все понимаю, — гнул свое гид. — Вы человек знающий, опытный… а у меня и денег-то нет, чтобы целую *ляляпту* выкупить. И все-таки…

— Гарантий хочешь? — Павел с живым интересом наблюдал за гидом. — Ладно, объясняю, чем ты мне дорог в этом деле. В посольстве связи есть?

— А? — насторожился Андрей.

— Как повезем чучела через границу? А если удастся инопланетные железяки добыть? Бластеры всякие? Нас же на таможне повяжут.

— Повяжут, — согласился Андрей.

— Так вот, ты у нас мальчик из дипломатической семьи, родители твои в этих краях трудились… завязки остались?

Андрей мигом протрезвел и задумался:

— Что же… дипломатической почтой?

— С государством делиться все равно придется, — философски заметил Арсенов. — И уж лучше со своим, точно? Можно к американцам пойти, но те нас сразу в сторонку отодвинут. А то и прикончат. «Секретные материалы» смотрел? То-то…

— Так-так-так… — воодушевился Андрей.

— Все, что добудем, сдадим в посольство, — продолжал Арсенов. — Ну или почти все. Решим. Под гарантии. Под очень большие гарантии!

— Под совсем большие? — с детским восторгом спросил Андрей

— Под самые большие! Будь мы с тобой, Андрей, американцами, тут бы завтра морская пехота высадилась, весь район оцепила, и никто бы не пикнул! Но мы граждане России, страна у нас не столь сильна. Пока не столь сильна! — Он выразительно покосился на сушеную *ахаулю,* лежащую на столе. — А вот с неземными технологиями…

— Может быть, нам еще памятник, поставят, — предположил Андрей. — Как Минину и Пожарскому! За возрождение славы и силы Отечества!

Арсенов усмехнулся. Нет, все-таки при всей положительности гид оказался совсем еще мальчишкой.

— Может быть. Давай, гражданин Минин, еще по одной…

— Почему это я Минин… — запротестовал было Андрей, но развивать вопрос не стал. Зато задал другой, который волновал и Арсенова: — Павел Данилыч, а нет у вас ощущения, что нас все-таки дурачат? Тут ведь уже большие деньги…

— Это не подделка, — мрачно сказал Павел

— А все-таки? Вдруг — телепередача какая-то, съемки скрытой камерой. Дурачат туристов, потом с извинениями деньги возвращают. Вот будет позорище…

Арсенову сразу же вспомнился один серьезный человек, надолго потерявший деловую репутацию из-за подобной телепрограммы. И всего-то объяснял симпатичной иностранке, потерянно стоявшей возле своего «мерседеса», как проехать к Кремлю. Там ехать-то было — два поворота! А оказалось, что странная карта, по которой он водил пальцем, указывая дорогу, была выкройкой из журнала мод. Мелочь, казалось бы, а сколько возникло проблем…

— Ничего, Андрей. Придется рискнуть, — решил Арсенов. — Так что с посольством?

— Папе надо позвонить, — признался Андрей.

— Только аккуратно говори, хорошо? — напомнил Арсенов. В глазах Андрея вдруг появилась легкая ирония.

— Павел Данилыч, вот с этим не беспокойтесь. Папа у меня хоть и в отставке, но с его работы насовсем не уходят.

«Как бы не получилось, что и ты там подрабатываешь», — обеспокоенно подумал Арсенов. Впрочем, в нынешней ситуации это было даже удачно.

Он взял со стола *ахаулю* и убрал в шкаф. Пояснил:

— Нехорошо получается, все-таки представитель высшего разума.

— Да и не схарчить бы ее по пьяни, — хихикнул Андрей и достал телефон.

Утром индеец был на прежнем месте. Рядом с ним лежал грязный мешок. При появлении новоиспеченных Минина и Пожарского индеец изобразил подобие улыбки.

Арсенов открыл мешок и внимательно изучил его содержимое. Да, индеец не соврал. Тут лежали две *тутитоку* — шестипалые, перепончатые нижние конечности. Была и аккуратно содранная с несчастного пришельца шкура — жаль только, что без головы.

— Куда голову дел, зараза? — поинтересовался Павел. Индеец на себе показал, что голову у *ляляпты* оторвало, и ее пришлось выбросить.

— Ведь врешь, отдельно хочешь загнать… — обреченно сказал Арсенов. Но спорить не стал, расплатился. Деньги перекочевали куда-то под пончо, индеец дружелюбно улыбнулся и встал.

— Эй, старикан, ты куда? — забеспокоился Андрей, хватая индейца за локоть. — А как же все остальное?

Индеец улыбался, но рисунков в пыли больше не делал и в объяснения не вступал.

— Пусть идет, — процедил Павел. — Захочет еще денег — вернется.

И незаметно подмигнул компаньону. Его все сильнее и сильнее одолевало дурацкое подозрение, что индеец понимает русский язык.

Андрей выпустил продавца, сказав вслед:

— Вали… чучельных дел мастер. Еще разобраться надо, не живых ли пришельцев ты

потрошил!

Индеец неспешно удалялся. Он даже ни разу не оглянулся.

— Эх, сюда бы пару-другую хороших топтунов из наружки… — сказал Андрей. — Ну…

Павел раскрыл сумку и протянул гиду приготовленную заранее яркую рубашку. Через несколько секунд Андрей уже надел ее поверх футболки, на голову нацепил легкомысленную кепочку — и двинулся за индейцем.

Павел шел следом, стараясь не терять Андрея из виду. Молодец все-таки гид. Только бы старик не заметил слежки…

Старик слежки не заметил. Он свернул в ближайший переулок. Андрей выждал десяток секунд и двинулся следом.

Павел наткнулся на Андрея сразу за поворотом. Гид стоял, вытаращив глаза и безмолвно озирая короткий грязноватый тупик. Сюда выходила лишь пара дверей, но давно и основательно заколоченных. Интернациональный запах наводил намысль, что окрестные жители и продавцы с рынка используют этот тупик для самых низменных потребностей. То же самое следовало из взгляда потасканной девицы, стоящей чуть в сторонке и нетерпеливо поглядывающей на Андрея. Павел подергал висячие замки, почему-то будящие воспоминания о российских селах и старых амбарах, потом повернулся к Андрею. Толкнул его в плечо:

— Где дед? Куда он делся?

— Нет его, — сообщил Андрей. — Куда же он…

Бросившись к девице, даже шарахнувшейся от такого напора,

Андрей быстро заговорил по-испански. Разговор длился не больше минуты, после чего гид вернулся к Арсенову и убитым голосом сообщил:

— Никого она тут не видела! Говорит, что я первым зашел, что никакого старика не было… предлагает обслужить нас обоих за десять баксов…

Арсенов сплюнул и сообщил:

— Руссо туристо, облико морале…

Они еще раз изучили тупичок. Три стены. Две двери, которые явно не открывались несколько лет. До крыши никак не допрыгнуть. Никаких люков в земле.

Девица получила свои десять долларов и подверглась допросу. Получив деньги, она от восторга готова была признать что угодно: и зашедшего в тупичок старика, и то, что старик до сих пор тут. Арсенову даже пришла в голову нелепая мысль, что сама потаскушка и притворялась стариком, а зайдя за угол, быстро и ловко переоделась. Вот только старый индеец был выше девицы сантиметров на двадцать…

— Павел Данилыч, нас кинули, — обреченно сказал Андрей. — Как детей развели.

— Кинуть — не кинули, — честно признал Павел. — Что старик обещал, то и продал, о другом речи не было. А развести — развели.

Девица, еще раз предложив свои услуги, обиделась и ушла. Компаньоны проверили тупик снова.

Никаких следов старого индейца.

— Знаете, Павел Данилыч, — вдруг сказав Андрей, тихо и убежденно, — а ведь они его забрали!

— Кто они?

— Пришельцы. Прилетели своим на помощь, обнаружили, что трупы подверглись поруганию… выследили индейца, да и втянули в тарелку силовым полем! Все, конец старику!

Арсенов посмотрел в горяшие энтузиазмом глаза гида и промолчал.

Они толкались у рынка еще два дня. Арсенов даже подумывал, не продлить ли поездку, но интуиция подсказывала ему — бесполезно. Нобелевскую уже не получить. Отечеству не придется рассчитывать на чудеса внеземной техники и тратиться на памятник новым героям.

С «Шестипалом Арсенова», тоже вышло кисло. Оказалось, что шкура *ляляпты* для насекомых является невиданным деликатесом. Через два дня расползающуюся на куски шкуру пришлось залить каким-то местным дихлофосом. Остатки пришельца были спасены, но идти с ними в посольство или в аэропорт уже не стоило. Проклиная все на свете, Павел и Андрей зарыли шкуру за городом.

Уцелело только две *ахаули,* которые Павел в сердцах отдал гиду.

На Андрея случившееся произвело очень сильное впечатление. Через пару месяцев он заглянул в гости к Арсенову — хотя тот, разумеется, и не оставлял ему адреса. Был вежлив, тих и корректен, одет в скромный неприметный костюм. Очень убедительно попросил бывшего клиента собственноручно описать все, свидетелем чего довелось быть в Чили. От виски отказался, объяснив, что не пьет на работе. Расспрашивал, не случалось ли с Арсеновым иных странных происшествий, не возникало ли провалов в памяти.

Павел о случившемся вспоминал неохотно. Жалко было не денег, выброшенных на ветер. Обидно было, что так и не смог понять логику индейца. Чувствовал какую-то хитрую игру — но так и не понял, в чем она заключалась

Впрочем, со временем досада притупилась, и чилийское недоразумение превратилось в одну из тех занятных историй, что так приятно рассказывать друзьям после третьей рюмки чая. Единственное, чего не хватало рассказу, — так это вразумительной концовки.

…Избавившись от двух назойливых русских, потаскушка отправилась в ближайший

магазин электроники. Там, расплачиваясь наличными, она купила почти четыре килограмма различных электронных компонентов, собрать которые воедино не рискнул бы самый опытный радиомеханик.

Далее путь потаскушки лежал в недалекую деревеньку, в холмах за которой, надежно укрытое маскирующим полем, лежало поврежденное *атуано.*

Прежде чем приступить к ремонту корабля и предстартовой подготовке, единственный *ляляпта,* не пострадавший при крушении, заглянул в реанимационную камеру. Там, в сосудах с жидким гелием, дожидались возвращения на родную планету и новых тел две замороженные головы — пилота и навигатора

Маленькое существо с шестью пальцами на руках и перепончатыми лапами, преисполнившись тихой гордости, стояло перед ранеными товарищами. Ему, молодому неопытному таксидермисту, удалось спасти и себя, и коллег!

Что делать несчастному страннику, затерявшемуся в чужом, отсталом мире? Суровые галактические законы запрещают вступать в контакт с примитивным человечеством. Не менее суровые моральные нормы не разрешают применять силу, обманывать, запугивать и продавать неизвестные на планете технологии.

И всего-то есть в наличии, что тела изувеченных при крушении товарищей!

Ляляпта удовлетворенно хрюкнул, переступая босыми ногами по влажному полу *атуано.* Его совесть была чиста.

АРГЕНТУМНЫЙ КЛЮЧ

***

Пародиям рано или поздно отдает должное почти любой писатель. Иногда они приобретают литературную ценность, иногда остаются развлечением узкого круга. Главная проблема при написании пародии — не обидеть пародируемого автора.

В «Дюралевом Небе» я мог позволить себе любые насмешки, потому что пародировал сам себя. И наверное, удачно, потому что электронная публикация текста ввела ряд читателей в заблуждение и я стал получать вопросы: когда же выйдет в свет обещанный роман?

Наверное, это значит, что пародия удалась.

По задумке автора «Дюралевое Небо» (название условное) должно представлять собой некую, не побоюсь этого слова, квинтэссенцию творчества Лукьяненко. Впрочем — представляю план романа. Начинающим авторам он позволит ознакомиться с моей творческой мастерской, а читателям — подготовиться к эпохальному событию — выходу «Дюралевого Неба».

ДЮРАЛЕВОЕ НЕБО

1

Недалекое будущее. Москва. Шесть главных героев связаны единой нитью, о которой они, впрочем, и не подозревают.

Первый персонаж — писатель-фантаст Сергей Леонидов. Вот он идет из магазина, помахивая пакетом с сосисками и водкой, весь погруженный в обдумывание нового гениального романа. Леонидов — в глубине души — добрый и романтичный человек, что и отражается в его книгах. В то же время в жизни он прячет эти черты под маской едкого, агрессивного, злобного мизантропа.

Так легче выжить в трудном мире. Мы еще не раз встретимся с Леонидом, а целых два раза.

Второй персонаж — киллер-любитель Иван Рахметов. Вот он проходит мимо Леонидова, погруженный в свои мысли. Больше всего на свете Рахметов любит детей. А поскольку наш мир относится к детям жестоко, Рахметов считает своим долгом избавлять их от страданий. В карманах Рахметова — конфеты с мышьяком, коловорот, пистолет «ТТ» собственной модификации, несколько гранат. Отвратительный тип! На протяжении всей книги он будет творить свои злодеяния. Сейчас Рахметов выслеживает юного лидера беспризорников Москвы, не раз вставшего на пути его черных планов.

А вот и сам юный лидер беспризорников, Володя Пушкарев. Ему двенадцать лет, у него большие задумчивые глаза и талант художника. За неимением средств Володя по ночам рисует мелками на асфальте на площадях. Но уже к утру разгневанные дворники смывают его великие картины, которые могли бы наполнить души людей добротой. Но Володя не относится к своему дарованию серьезно. Он мечтает стать космонавтом. С этой целью он, поступившись принципами, даже идет на воровство, а все деньги тратит на аттракционы. Так Володя воспитывает в себе выносливость. Внимательность мальчик воспитывает уходом за любимым тамагучи, а тягу к прекрасному удовлетворяет просмотром японской мультиплика-

ции — анимэ.

А вот первая любовь Володи, девочка по имени Ольга. Она — дочь боевого летчика, генерала Монова, попавшего в плен к кавказским сепаратистам во время выполнения гуманитарной миссии. Истребитель генерала разбился в горах, сам он, тяжело раненный, вот уже второй год добирается на родину автостопом. Но девочка не знает об этом. Ольга тоже любит анимэ и тамагучи, а еще она умеет управлять боевым самолетом и первый свой вылет произвела в пять лет, причем ночью, в тумане и в боевой обстановке.

Наш пятый персонаж — ролевик-толкиноид, эльф от рождения — Гвоздедир.

Своего человеческого имени он и сам не помнит. Вот он идет со своим верным деревянным мечом, возвращаясь с очередной ролевки. На душе его легко, в глазах горит огонь, порванный в бою хайратник аккуратно заштопан. Сейчас он размышляет, куда бы пойти на вписку.

И наконец, наш шестой персонаж. Это программист-компьютерщик, фидоинтернетчик, человек, умеющий говорить и петь на ассемблере, Алексей Кривохостов. В компьютерном мире Москвы о нем ходят легенды. Это он, когда во время интересного чата сгорел модем, в течение полутора часов насвистывал в трубку информацию в двоичном коде. Это он изобрел комплейн.

Это он является бессменным модератором эхоконференции BAD.MSG.

Алексей редко покидает свое кресло у компьютера. Порой к нему заходит за консультацией писатель Леонидов, тогда они пьют пиво и говорят о литературе. Порой к Алексею приходят интересные женщины: мама варит ему еду на неделю, а сестра подметает и моет посуду.

Все! Главные герои намечены!

Теперь переходим непосредственно к действию.

2

…Морозный московский вечер. Лидер беспризорников Володя Пушкарев пробирается к штаб-квартире — статуе Мухиной «Рабочий и колхозница». Там уже давно организована детская коммуна. Мальчики живут в пустотелой статуе рабочего, девочки — в пустотелой колхознице. Это справедливо, ибо мальчиков в коммуне больше. Изнутри статуи утеплены поролоном и стекловатой, там царит обстановка братства и взаимопонимания. Лишь в двух местах статуи сообщаются друг с другом — в районе пояса и в районе поднятых рук. Там, у

«иллюминатора», по вечерам встречаются влюбленные и шепчутся, глядя друг на друга сквозь маленькое отверстие.

Сегодня у детей праздник — добыта новая кассета с анимэ! Мультфильм «Крылья Хоннеамизэ» повествует о полете в космос первого человека — простого японского паренька. Только Володя и Оля знают правду, знают, что в космос первым полетел Юрий Гагарин. Но им не верят.

А вокруг статуи, не подозревая, что цель так близка, блуждает маньяк: Рахметов. Наконец он видит цель — беспризорного ребенка. Рахметов бросается к нему, намереваясь совершить свое черное дело. Но тут из темноты появляется отважный эльф Гвоздедир, размахивая деревянным мечом.

Испуганный маньяк убегает.

— Пойдем, — говорит Гвоздедир ребенку. — Будешь хоббитом. Я расскажу тебе о Сильмариллах и научу носить хайратник!

А в это время…

Вынырнув из гиперпространства, слегка смяв при развороте кольца Сатурна, к Земле приближается исполинский космический корабль, окутанный цветными покрывалами защитных полей. Чужие пришли! Это древняя раса Аде-Ноидов, которая решила совершить ритуальное самоубийство. Но перед этим Чужие желают передать кому-нибудь всю накопленную ими за миллионы лет мудрость. И вот по всей Земле сами собой включаются телевизоры и радиоприемники, компьютеры и магнитофоны. И отовсюду доносится голос Чужих.

Земле дан великий шанс! Она выбрана наследницей Аде-Ноидов. Но, пораженные наличием на планете отдельных государств, Чужие решают, что владеть великой силой будет то государство, чей представитель первым прикоснется к их кораблю.

Корабль выходит на околоцентрическую орбиту и начинает ждать…

Писатель Леонидов остановившимся взглядом смотрит в экран компьютера.

Белая горячка, шизофрения или Чужие пришли? — размышляет он.

Хакер Кривохостов, успевший во время трансляции влезть в компьютерную сеть корабля, с любопытством изучает новые языки программирования.

Ролевик-затейник Гвоздедир пока ни о чем не подозревает. На вписке, куда он пришел, нет ни телевизора, ни радио, ни газовой плиты, ничего — кроме матрасов и гитары.

Дети ликуют. Только самые маленькие недовольны тем, что прервался мультик.

Володя и Оля встречаются у «иллюминатора».

— Россия заслужила галактическую мудрость! — возбужденно говорит Володя.

— Давно уже, — соглашается Оля.

— Как ты думаешь, наши успеют запустить ракету? — спрашивает Пушкарев.

Оля вспоминает секретные документы, которые ей перед сном читал папа-генерал, и качает головой:

— Нет. Не успеть. Американцы стартуют первыми.

— Это несправедливо… — решает Володя.

В расстроенных чувствах он выбирается из статуи, начинает бродить по ночным улицам. На улицах много народу — все смотрят на плывущий в небе исполинский корабль. Всех встречных Володя спрашивает:

— Как вы думаете, успеем?

— Нет, точно не успеем, — отвечают ему.

И только писатель Леонидов снисходит до более пространного ответа:

— Нет, мальчик. Космическая техника запущена донельзя. Сейчас, наверное, самая целая наша ракета — та, что на ВВЦ стоит, перед павильоном «Космос».

Писатель не замечает, как вспыхивают глаза мальчика…

Космодром Байконур. Одна ракета все же нашлась. Ее готовят к старту,

Внезапно власти Казахстана, получив приказ из США, перекрывают подачу электроэнергии. Космодром парализован…

Космодром Плесецк. Ракеты есть, но нет горючего.

Космодром Капустин Яр. Есть одна ракета и много горючего. Но американский агент Вилли Хейтс успевает включить дьявольскую программу, установленную на бесхитростные русские компьютеры. Не выдержав нагрузки, машины сгорают. Взрыв, огонь, смерть… Эпические сцены тушения пожара, охоты на шпиона, военно-полевого суда…

А на мысе Канаверал готовят к старту шаттл «Индепендент». Американцы ликуют. Скоро они станут еще умнее! Вкус жвачки приобретет еще большую свежесть, памперсы начнут служить пожизненно, а Бэтмену поставят памятники в каждом городе Земли. Да мало ли что сможет придумать американский гений, получив доступ к галактическим знаниям!

Правительство России скорбно признает, что в этой космической гонке уже победили американцы…

3

…Бледный рассвет. На ВДНХ— огромная толпа бездомных детей, пришедших послушать своего вождя. Володя Пушкарев призывает их совершить подвиг и добиться для России так необходимой Галактической Мудрости.

— Нам нечего терять! — кричит Пушкарев. — Так не потеряем же ничего!

Воодушевленные его словами, дети идут к ракете, установленной перед павильоном «Космос». Впереди — Володя и Оля. По пути Оля объясняет всем, что наши ракеты — самые мощные в мире, потому что у них гораздо больше двигателей, чем в американских. От ее простых и бесхитростных слов в глазах детей зажигается огонь гордости за родину.

— А где мы возьмем горючее? — спрашивает кто-то.

— Я уже связалась с друзьями-летчиками, — отвечает Оля. — Они привезут нам авиационный керосин.

— А где мы возьмем окислитель? — вопрошает кто-то более умный.

Ольга хмурится. Жидкий кислород с неба не падает! Но она склонна решать проблемы по мере их накопления.

— А где мы возьмем «Ключ-на-Старт»? — задает кто-то еще более важный вопрос. Ольга разводит руками. Да, всем известно, что без Ключа ракеты не летают.

— Найдем! — говорит Ольга.

4

В штаб-квартире ЦРУ — паника. Со спутников видно, что огромная толпа детей собралась на ВДНХ и что-то делает с ракетой. Постепенно к ним присоединяются взрослые — среди них бывшие космонавты, инженеры, техники.

Потянулись цистерны с керосином, ракету начали заправлять… Руководит всем девочка Оля. А Володе Пушкареву тем временем принесли настоящий космический скафандр, выкраденный из Дворца молодежи.

— Такими темпами они запустят ракету к вечеру! — сообщают аналитики.

И вот уже принято решение — ударить по Москве секретным погодным оружием. Слишком уж высоки ставки в этой космической гонке! И вот замаскированный американский спутник наводит на Москву решетки фазоизлучателей…

Хакер Кривохостов, любопытства ради забравшийся в компьютеры Пентагона, неодобрительно качает головой и нажимает пару клавиш. Страшный спутник самоликвидируется. Но — удар уже нанесен…

…В небе над Москвой гремит гром. И сразу же начинается резкое похолодание. Вначале просто идет снег. Самые нестойкие уходят. Но большинство детей, озябшие, посиневшие от холода, продолжают упорно работать. Подвиг Яра Талалаева, снимающего на видеокаме-

ру все процессы подготовки ракеты — даже по колено в снегу… Подвиг Миши Сизлиса, вовремя закрутившего несколько важных гаек… А становится всё холоднее!

Температура падает и падает…

— Ведра! — вовремя командует Оля.

С неба начинает идти дождь из жидкого кислорода. Дети мужественно вычерпывают его ведрами из фонтана «Дружба народов» и заливают в баки ракеты. Работа спорится.

— Близится великая битва добра и зла… — задумчиво говорит Оля. — Как в «звездных войнах»…

Американцы, только теперь сообразив, что сыграли на руку русским, в ужасе смотрят на ударный детский труд. Вот уже президенту доложили о происходящем. Не снимая с колен секретаршу, президент командует:

— Задействуйте наших тайных агентов! Поднимите «стелсы» и сожгите эту чертову железяку! Ракета не должна взлететь!

А тем временем коварный маньяк-любитель Иван Рахметов подползает сзади к Володе Пушкареву, надевающему скафандр. В руках Рахметова его любимый коловорот. Миг — и в костюме сделана дырочка. Злодейски улыбаясь, Рахметов уползает и прячется в сугроб. Какой оригинальный метод убийства! — думает маньяк. Если бы он знал, что играет на руку мировому империализму… Но он не знает. А Володя, ничего не подозревая, идет к ракете.

В этот момент боевой генерал Монов наконец-то добирается до Москвы.

Он уже в курсе происходящего и сразу понимает, что единственная надежда — запустить «Восток» с ВДНХ. Крепко сжимая в кармане свой талисман, оставшийся еще со времен учебы в школе космонавтов, он, прихрамывая, двигается к ракете…

А наймиты ЦРУ уже принялись за работу! Они распространили среди всех торговцев на ВДНХ слух, что, стартуя, ракета спалит выхлопом автостоянку, расположенную прямо под ней. И вот уже толпа озверевших коммерсантов идет громить ракету… А к Москве приближаются два «стелса»… Хакер Кривохостов качает головой. Сбить «стелсы» ему не удается, потому что он никогда не любил авиасимуляторов. Единственный выход — предупредить героев о готовящейся атаке. И он совершает свой личный подвиг. Встает.

Надевает штаны и майку.

Смотрит за окно, не может оценить температуру визуально, потому заходит на пару серверов и узнает погоду в Москве. Надевает шубу.

Выходит. Спускается в метро.

Жизнь для хакера полна неожиданностей. Оказывается, на свете очень много людей! И разговаривают они войсом, а не стучат по клавиатурам. Среди людей попадаются девушки! Пораженный увиденным, хакер кое-как добирается до ВДНХ. С первого взгляда понимает,

что главный организатор — Оля. Подходит к ней и молча выкладывает карту с нанесенным на нее маршрутом «стелсов»… Оля бледнеет. Но она никогда не сдается!

— Заправляйте самолет, ребята! — кричит она, указывая на стоящий на постаменте «МиГ-15». — И тащите его на крышу вон того павильона… оттуда будем взлетать.

Затесавшийся в толпу писатель Леонидов молча дает ей оружие — свой любимый газовый пистолет. Шепчет: «Чем могу…» Хакер Кривохостов тем временем кричит Володе;

— Помни! Я взломал компьютеры Чужих! Чужие на самом деле похожи на…

Рев толпы заглушает его слова. К ракете подходят коммерсанты. Начинается жестокая схватка. Дети, вооруженные ведрами с жидким кислородом, пытаются удержать взрослых от ошибки. А Володя уже забрался в ракету, смотрит на пульт и кричит:

— Но тут же нет Ключа-на-Старт! Я не смогу взлететь! — Темп событий нарастает…

Старый истребитель затаскивают на крышу павильона, вооруженная пистолетом Оля садится в кабину. Она не знает, что совсем рядом ее папа: он добрался-таки до ракеты, оценил обстановку и достал из кармана свой талисман. Это и есть ОН! Ключ-на-Старт! Оказавшийся в толпе бард Вася Володин начинает петь песню «Ключ на старт», мимоходом лупя нападающих гитарой. Тем временем Оля, понимая, как многое от нее зависит, стартует с крыши павильона. Ее старенький, но крепкий истребитель резво набирает высоту. Оля мчится на перехват «стелсов».

Американцы, не ожидавшие встретить сопротивления, открывают огонь.

Но благодаря низкой скорости «МиГа» и устарелости его конструкции все ракеты проходят мимо. А вот Оля, ловко высунувшись из кабины, ухитряется кулаком разбить стекла самолетов и выстрелить внутрь из газового пистолета. Один истребитель падает, второй на автопилоте возвращается на базу…

А ряды защитников ракеты редеют… Кончился жидкий кислород, и отбиваться уже нечем. Последнюю линию обороны держат бард Володин, писатель Леонидов и хакер Кривохостов, вспомнивший навыки игры в «Мортал комбат». Маньяк-любитель Рахметов, обалдев от происходящего, носится среди нападающих, убивая всех кого ни попадя. Потом бросается к бакам и начинает сверлить их коловоротом. Вот-вот ракета будет уничтожена… И тут раздается задорная боевая песня: «О Элберет! Гилтониэль!» Толпа ролевиков во главе с Гвоздедиром приходит на помощь! Деревянными мечами они беспощадно лупят коммерсантов, и те разбегаются.

Леонидов начинает оказывать первую помощь пострадавшим детям, и в его глазах появляется скрываемое раньше чувство добра и милосердия.

— Ключ на старт! — говорит в ракете Володя Пушкарев. Ставит перед собой на пульт любимого тамагучи — через минуту его пора высаживать на горшок, и нажимает главную

кнопку.

В этот миг Рахметов таки продырявливает бак! Струя жидкого кислорода хлещет на землю. И тогда Гвоздедир, одетый в кольчугу поверх ватника, героически закрывает пробоину одной из частей своего тела. Он мгновенно примерзает к баку и ликвидирует тем самым течь.

— Космос для эльфов! — кричит он. — Русские не сдаются!

Рахметов в этот миг пытается продырявить дюзы И вдруг над его головой раздается рев насоса. Он поднимает голову — и видит огнедышащее пламя.

Поделом гаду и мука!

Ракета начинает медленно и красиво взлетать. Гвоздедир, которому в последний миг генерал Монов успел дать свой именной парашют, взлетает вместе с ракетой, размахивая деревянным мечом и распевая боевой гимн.

Наступает тишина

Конец первой книги.

Хотите ли Вы узнать, сможет ли Володя Пушкарев выйти на орбиту?

Сможет ли он заделать дырочку в скафандре, а если да, то как?

Действительно ли погиб маньяк Рахметов?

Что станет с отважным Гвоздедиром?

Промерзнет ли Москва насквозь?

Что такое на самом деле Останкинская телебашня и где спрятан ее фотонный отражатель?

На кого похожи Чужие?

Получит ли Россия Галактическую Мудрость?

ЧИТАЙТЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЕЛИКОГО РОМАНА!
КНИГУ «АЛЮМИНИЕВЫЕ ОБЛАКА»!

***

Писатели, как правило, любят розыгрыши. Я — не исключение.

«Аргентумный ключ» был распространен в сети ФИДО как замысел моего нового романа с вопросом: «Что-то он мне какую-то книгу напоминает…» Большая часть читателей, к моей радости, шутку оценила. Но нашлись и такие, кто поспешил обвинить меня в за-

мышляемом плагиате, нашлись и те, кто объявил сюжет новым и не имеющим никаких аналогий в литературе.

Кстати, в последнее время, посмотрев фильм «Искусственный интеллект», я порой думаю: «А почему это Кубрику и Спилбергу можно переосмысливать „Пиноккио“, а мне — нельзя?» Так что не удивляйтесь, если увидите на прилавках «Аргентумный ключ»! Я Вас честно предупреждаю!

АРГЕНТУМНЫЙ КЛЮЧ

Вот задумал роман с таким сюжетом. ..

…После развала Второй Галактической Империи Папа объединенной церкви Карл Первый оказывается заброшенным на отсталую планету Тарбэр. Вынужденный скрываться от местных властей, впавший в нищету и пробавляющийся игрой на портативном электронном органе по кабакам, Карл тщетно ищет секретный военный ангар, где надежно укрыт линкор «Молния» — древний корабль, настолько ужасающе мощный, что сразу же после постройки его спрятали на этой дикой планете. Сейчас «Молния» — последняя надежда сил добра. Если Карлу удастся найти линкор — то он сможет с крестом и кадилом пройти по Галактике, примиряя отбившееся от рук человечество и принося покой обнаглевшим Чужим…

(Как же без Чужих???)

Уроженец Тарбэра, мастер косметической биопластики Джузе, дарит своему другу, о чьем высоком сане он, впрочем, и не догадывается, кусок активной протоплазмы, редкий продукт местных девственных лесов. Используя податливость протоплазмы к излучению человеческого мозга, Карл создает из нее двенадцатилетнего мальчика — своего духовного наследника, который продолжит поиск «Молнии»…

(Малолетний персонаж роман сразу оживляет!)

Но познания Карла в моделировании людей были ограниченны. Его приемный сын, Окки, не похож на серьезного помощника стареющего понтифекса, он обыкновенный проказливый мальчишка. Окки ссорится с соседом, древним и мудрым другом Папы — насекомоподобным реликтовым существом, пытающимся наставить мальчика на путь истинный. Позже, обокрав Карла, он начинает бродяжничать и попадает в лапы к садисту и маньяку Бару Кара-

су, содержащему под видом театральной студии притон, где беспомощные и бесправные малолетние биороботы подвергаются чудовищным издевательствам.

(Ну, тут я такие жути опишу, что уже самому заранее страшно!!!)

(Увы, с развалом Второй Империи они утратили дарованное им равноправие и ныне находятся на положении бесправных рабов…) Однако маньяк Бару почему-то отпускает Окки невредимым и даже снабжает его деньгами. Мальчику неведомо, что, обладая эмпатическими способностями (вот почему Бару такой жестокий — он на самом деле не садист, а мазохист, воспринимающий чужую боль как собственную!!!), негодяй почувствовал в его сознании отзвуки разума Карла — и решил выследить Папу, наблюдая за Окки…

(Зачем маньяку нужен Карл — не знаю. Может, исповедаться хочет? Тут главное будет сделать его образ неоднозначным, в чем-то трагическим…)

Надежды Бару Караса тоже не сбываются. Окки, получивший от него кредитную карточку на пять галактических единиц, не попадает домой. Он связывается с Базом и Алой — «продвинутыми» животными, сочетающими в себе человеческий разум и звериные инстинкты. Прельстившись деньгами мальчика, негодяи обещают научить его искусству хакера и многократно умножить имеющуюся сумму. Разумеется, на самом деле они замыслили банальное воровство…

(Тут маленько компьютерного сленга — это чтобы в сети Интернет роман зацепили!)

Но мальчику удается удрать и от этих негодяев! Он знакомится с Грин-Риной Т*рт*лл** — еще одной эндемичной разумной формой планеты, и получает от нее

*(Долгое описание загадочных обычаев и ритуалов расы т*рт*лл — панцирных амфибий…)*

аргентумный ключ — хранящий тайну ангара с кораблем! Раскаявшись и помирившись с Карлом, Окки поднимает восстание андроидов, жестоко наказывает маньяка Бару Караса и находит древний линкор Империи — непобедимую «Молнию». С экипажем из детей-андроидов Папа Карл Первый, отправляется привносить мир и покой в Галактику…

(Ну, тут я задельчик на вторую часть оставил…)

Так вот, народ, вопрос у меня! Придумал я такой крутой сюжет, но сомневаюсь, а вдруг что-то подобное уже было?

***

Подшучивать друг над другом — любимое развлечение писателей-фантастов. Иногда все ограничивается понятной только посвященным вставкой в собственную книгу. Иногда дело доходит до пародий.

Пародии на самом-то деле пишут только на тех авторов, которые нравятся. Во всяком случае, у меня никогда не получалось спародировать автора бездарного или скучного. А вот симпатичного мне — легко.

Отчасти этому процессу способствовал наш замечательный журнал фантастики «Если», в течение двух лет публиковавший рецензии на несуществующие книги (все они приписывались несуществующему издательству «Новая Космогония»). Для журнала я написал рецензию на книгу Ярослава Зарова — персонажа моей книги «Осенние визиты» и потому, отчасти, моего «альтер эго». Но разбег был взят, и я написал еще рецензии на вымышленные (не забывайте!) книги Сергея и Марины Дяченко и Александра Громова.

Тем, кто знаком с их творчеством, это будет интересно прочитать.

Тем, кому понравятся ненаписанные книги, порекомендую почитать настоящие произведения этих авторов. Я лично стараюсь их книги не пропускать.

Ну а про Красную Шапочку, — это совсем крошенная миниатюра из разряда самопародий. Иногда полезно, знаете ли, — чтобы не относиться к себе слишком уж серьезно.

НОВЫЙ РОМАН «РЕМАРКА»

С огромной радостью увидел я на книжном лотке припорошенный снегом томик с именами «Марина и Сергей Дяченко» на обложке. Особенно когда понял, что книга выпущена в издательстве «Новая Космогония», постоянно радующем нас неожиданными произведениями известных писателей-фантастов.

Некоторое эстетство прослеживается уже с титульного листа, где имена авторов написаны мелким шрифтом, а крупно напечатано:

РОМАН
РЕМАРКА
(ВЫХОД)

Постараюсь же, учитывая редкость книг «Новой Космогонии», возможно подробнее рассказать о новом романе Дяченок.

Действие происходит в неназванной европейской стране. Внимательный читатель найдет в ее описании и украинские мотивы, и чешские, и даже сербохорватские. Впрочем, гадать о месте действия бессмысленно — история, рассказанная в «Ремарке», интернациональна. В центре повествования — молодая Девушка Хмель Косяк, оканчивающая школу и готовящаяся к экзамену на аттестат зрелости. Уже в первых главах, где мы наблюдаем повседневную жизнь Хмель, ее милые девичьи забавы — колядование, гадание с подругами у зеркала, наивную влюбленность в надменного красавца-одноклассника Эдрика, — нами овладевает ощущение приближающейся беды. Каким-то образом беда связана с получением аттестата зрелости, с «пьесой», с повторяющимся рефреном «весь мир — театр, а люди в нем актеры». Но лишь к третьей главе мы узнаем единственное, но кардинальное отличие мира «Ремарки» от нашей действительности.

В «Ремарке», оканчивая школу, выпускники обязаны сыграть пьесу — на нее приходят в основном родственники и друзья самодеятельных актеров. В каждом городе и даже крупном селе для этого существует особый Театр. А пьеса для каждой группы подростков разная.

Кому-то достается камерная постановка на двух-трех актеров. Кому-то — моноспектакль (это самое страшное, но мы не сразу понимаем почему). В основном же ставятся большие пьесы, с массой действующих лиц, главных и второстепенных.

Мистическая составляющая романа заключена в том, что вся дальнейшая жизнь молодых людей будет проистекать согласно успеху или неудаче в постановке. Сыграл человек прекрасно роль героя-любовника — и будет ему счастье в любви. Отыграл с блеском пусть даже эпизодическую роль «кушать подано!» — и станет знаменитым ресторатором. А вот если провалился, был освистан или встречен холодным молчанием зала… причем искренним молчанием — зрители не могут быть неискренни, даже друзья и родные актеров…

Да. Именно так! Если провалился на сцене — то погиб и на самом деле. Ведь в каждом спектакле обязательно оказывается одна «провальная» роль, но угадать какая именно — заранее невозможно. Вот почему роль в моноспектакле — это почти приговор. Нет, конечно, ходят легенды о тех, кто отыграл роль в моноспектакле под овации зала — и стал президен-

том, главой корпорации, великим ученым. Потому честолюбцы порой и рвутся на такие роли. Но это единицы. В основном же все стремятся сыграть в большой пьесе — там шансов выжить куда больше.

Юная Хмель не мечтает стать великой. Тем более что с Театром у нее связана давняя душевная драма… впрочем, о ней чуть позже. А пока Хмель и ее одноклассники приходят в Театр, чтобы получить из рук Режиссера, циничного и неприятного на первый взгляд человека по имени Растафа Кавай, свои роли.

Надо сразу уточнить, что никто не знает, какие роли и в какой пьесе кому выпадут. Раздача ролей — это лотерея, где юноши и девушки тянут запечатанные кроваво-красным сургучом конверты из обитого черным бархатом ящика. И никому, даже режиссеру, не известно, откуда берутся конверты в ящике и кто сочиняет пьесы, которые из года в год, не повторяясь, идут на сцене Театров…

Классу, где учится Хмель, везет. Им не выпадает ни одного моноспектакля (Эдрик этим слегка разочарован). Зато влюбленным друг в друга с первого класса Анет и Арвин предстоит играть в мини-спектакле на двух действующих лиц! Трагическая история юных влюбленных, медленное перерастание их любви во взаимную ненависть — эта линия еще будет периодически всплывать на протяжении всего романа.

Ну а все остальные школьники попадают в один большой спектакль под названием «ВЫХОД». Им раздают роли (у Хмель — маленькая, но вполне интересная роль продавщицы фиалок, у Эдрика — главная мужская роль библиофила). Начинаются репетиции. Долго и с большим знанием темы авторы рисуют перед нами театральную среду. Репетиции, капустники, прогоны отдельных сцен… Интриги, склоки, благородство и подлость… Гримерки, бытовки, гардеробные, декораторские, осветительные…

Именно в осветительной Хмель и знакомится с Люциусом Феросом — пожилым, мудрым, прихрамывающим на левую ногу. Многие годы он работает осветителем в театре… но только Хмель, и то не сразу, а лишь раз за разом наблюдая из осветительной за идущими на сцене спектаклями (кто-то уже сдает свои экзамены), понимает удивительную вещь. Вовсе не от случая зависит, кто будет освистан, а кто удостоится оваций! И даже не от режиссера, перед которым заискивают юноши и кокетничают девушки. Режиссер — тоже пешка. Растафа Кавай — это беззаветно влюбленный в театр, болеющий душой за актеров, но ничего не решающий человек.

Все решает Люциус!

Именно его мастерство, его волшебная игра светом и тенью, его коллекция светофильтров решают, кто и как сыграет в спектакле!

Позволю себе процитировать несколько строк из романа.

«Люциус вновь опустил руку в буковый ящик — и вновь вытянул, на этот раз с квадратным стеклышком, густо-синим, скрипнувшим в деревянных пазах.

— Море? — наугад спросила Хмель. — Или небо?

— Не бывает такого моря, — покачал головой Люциус. — И уж поверь, девочка, что не бывает такого неба…

Помолчав, будто вспоминая свое, давнее, он ловким движением опустил стеклышко в прорезь световой пушки. Взялся за резиновые рукояти, развернул ствол на сцену… Подмигнул Хмель, положил руку на выключатель…

И Хмель вдруг показалось, как в том давнем сне, что из прожектора ударит не луч, света — а заряд смертоносной картечи!

— Не надо! — воскликнула Хмель.

Но Люциус уже включил пушку. И на лицо Арвина, так вдохновенно читавшего свой монолог, наползла почти неуловимая синь. Юноша, похоже, и не заметил синей тени.

Заметила Хмель — и тяжело выдохнула.

Не заметил, но почувствовал зал — и затаил дыхание.

Арвин был словно и живой — и неживой.

— Это смерть… — прошептала Хмель. — Я не знала… что она — синяя.

— Она бывает любого цвета, — обронил Люциус, не отрывая рук от световой пушки.

— Ты же убиваешь его… — поняла Хмель. Воскликнула с ужасом: — Люциус, не надо! Ты убиваешь Арвина!

— А ты хотела, чтобы я убил Анет? — спросил Люциус. Почти равнодушно спросил. Посмотрел Хмель в глаза — и прошептал: — Девочка-девочка… А есть ли у меня выбор? Ведь не я пишу эти пьесы. Я только лишь ставлю на свои места свет и тьму. Сейчас зрители думают, что Арвин жертвует собой ради любимой, что своим мастерством он сумел совершить чудо и сыграть плохо! Не лучший ли это выход, Хмель?

Одним быстрым взмахом руки он вырвал из пушки синее стеклышко: горячее, почти раскаленное. И, будто даже опережая свет, вложил в прорези оранжево-желтый стеклянный кругляш.

На лицо Арвина лег теплый живой свет. И зал дружно вздохнул — завороженный чудом».

Итак, юная Хмель узнала, что это ее новый друг, нелюдимый старик Люциус, решает, кто из актеров погибнет, а кто преуспеет. И это тайное знание, о котором она не решается никому говорить (да и что, собственно говоря, изменится?), погружает ее глубокую тоску. С одной стороны, она может попросить Люциуса сделать ее героиней новой пьесы… а может и попросить, чтобы кто-то из одноклассников провалился. В ее руках оказывается страшная

сила — но девочка вовсе не готова к тому, чтобы этой силой воспользоваться.

А самое ужасное, что довлеет над девушкой, — воспоминание о гибели ее маленького братца Кумара. Когда ей было всего лишь семь лет, она вместе с родителями пошла в Театр. Ей велено было присматривать за пятилетним Кумаром, но она отвлеклась… и расшалившийся ребенок выбежал на сцену!

Законы Театра суровы. Оказавшись на сцене, Кумар вынужден был играть. Актеры импровизировали, как могли, чтобы спасти мальчика, но во втором акте для него не было никакой роли… и в результате после антракта мальчик исчез.

Гибель брата всегда тяжким грузом лежала на совести Хмель. А теперь она размышляет — а уж не заглядевшись ли на веселых световых зайчиков, пущенных Люциусом по проходу зрительного зала, ребенок побежал на сцену?

Ведь в той пьесе не погиб ни один актер — проигравшим оказался маленький Кумар! Так, значит, в особых случаях Люциус может спасти всех актеров, пожертвовав кем-то из зрителей!

Вот в таком хитросплетении человеческих (только ли человеческих?) судеб, желаний и стремлений заканчивается первая часть романа «Ремарка» и начинается вторая

Можно в очередной раз восхититься Дарованием супругов Дяченко и многообразием их творческих приемов! Ведь вторая часть «Ремарки» — это как раз та самая пьеса «Выход», которую в первой части репетируют герои! Написанная неведомым творцом, поставленная бессильным Растафой, подвластная тайным пружинам Люциуса — пьеса разворачивается перед нами, причем, начинаясь как классическая пьеса, «Выход» постепенно меняет ритмику, персонажи начинают называть друг друга настоящими именами, в действие все активнее вторгается и зрительный зал, и Люциус, и даже (вот они, те самые «ремарки») автор всех пьес.

Не стану портить читателям впечатление, пересказывая еще и сюжет пьесы. Замечу лишь, что финал, при всей внешней пафосности и сентиментальности, заставляет слезы наворачиваться на глаза. И прощальный диалог Хмель Косяк и Растафы Кавая — это практически белый стих, искренняя и торжествующая песнь любви, которая выше всех пьес, ролей и даже Драматургов!

ПРОВЕРНУТЬ НАЗАД!

Александр Громов — один из немногих современных писателей, чьи книги очень щедро насыщены фантастическими элементами Там, где обычный писатель использует одну-единственную идею на весь роман, Александр, подобно щедрому сеятелю, разбрасывает це-

лую пригоршню идей. Особенно эта черта любопытна в связи с тем, что Громов активно работает в жанре фантастики катастроф, уничтожая человечество все новыми и новыми способами. Казалось бы — эти способы надо экономить! Два раза одну голову не отсечешь!

Ан нет! Меньше двух-трех напастей для населения Земли Александр Громов, как правило, не использует.

Не стал исключением и его новый роман «Провернуть назад» (авторские название — «День пятый»). Поскольку он выпущен издательством «Новая Космогония» в малотиражной серии «Планетарные пространства» и доступен немногим, не лишним будет более подробно рассказать сюжет.

Часть первая — «Фарш» — рисует перед нами яркую, впечатляющую картину ближайшего будущего. Начинается роман маленьким эпизодом из наших дней — главный герой, пятилетний Толя Клюквин, просит маму пожарить на обед котлеты. Но мама отказывает малышу, поскольку мясорубка давно сломана. И вот, в лучших традициях романов в жанре хоррор, обиженный Толя возмущенно смотрит на ненавистный кусок говядины (кстати, автор хорошо замотивировал любовь Толи к котлетам и неприязнь к жареному мясу — у мальчика только что выпали все молочные зубы, и жевать ему трудно). Детская обида приводит к поразительному эффекту — под взглядом мальчика мясо превращается в фарш!

В романе Стивена Кинга сразу после этого начались бы активные действия. Но Александр Громов не соблазняется подобным драйвом. Мама сурово наказывает Толика и объясняет, как осторожен он должен быть со своим даром. Перепуганный Толик клянется никогда не применять свою способность во зло. Захваченный сюжетом читатель ждет продолжения истории, но автор внезапно начинает рассказывать совсем о другом! «…бельчонок появился на свет ранней весной, в теплой, трухлявой глубине дупла, дырявящего старый, но крепкий еще дуб между пятым и шестым суком…» Первое впечатление, что в файл с романом случайно попали фрагменты неизвестной ранее книги Бианки или сошедшего с ума Пришвина. Лишь после второй или третьей вставки, повествующей о радостях и тревогах маленького бельчонка, понимаешь, что автор использовал тот же литературный прием, что и Гофман в «Житейских воззрениях кота Мурра». Так на протяжении всей книги и будут появляться короткие, в две-три странички, зарисовки из лесной жизни — сбор орешков, первая линька, дружба с бурундучком, ссора со злой лисой… Зверюшки разговаривают, грустят… в общем — ведут себя как нормальные герои диснеевских мультиков.

Впрочем, вернемся к основной сюжетной линии!

Действие как-то незаметно переносится на тридцать лет вперед. Мир будущего. Мир высоких технологий, разгула компьютерной и генетической преступности, засилья спец-

служб… все это дано быстрыми, но сочными мазками творческой кисти. Повзрослевший Анатолий Клюквин, не особо скрывая свой дар, работает на мясокомбинате. Он один заменяет целый цех — под его взглядом коровьи и бараньи туши превращаются в аккуратные груды фарша. Работа мясокомбината показана со знанием дела, очевидно, автор много консультировался со специалистами. Некоторые сомнения вызывает лишь сцена с пьяными рабочими и крысиным семейством, после которой надолго исчезает желание есть колбасу. Впрочем, сцена в чем-то оправданна, ведь именно в этот момент Анатолий спасает и приручает маленького крысенка, своего будущего спутника… впрочем, не будем забегать вперед.

Очень интересно показана семейная жизнь героя. В описанные времена по планете гуляет эпидемия страшной болезни — вирусной истерии. Ею страдают лишь женщины, у которых начинаются спорадические приступы истерии, сопровождаемые немотивированной агрессией. Жена Анатолия, интеллигентная и хрупкая, тоже подвержена этому недугу. Поэтому, уходя из дома, Анатолий запирает ее в специальной камере-бесильне с мягкими стенами и полом. Даже клавиатура компьютера в бесильне — надувная. Приходя же с работы, Анатолий вынужден долгое время наблюдать за женой, прежде чем выпустить ее в квартиру — ведь во время приступа больные становятся очень коварными. Беседы Анатолия с женой занимают изрядную долю текста и читаются с неослабным интересом.

Но плавное течение первой части неожиданно для читателя прерывается самым неожиданным образом. Подросший крысенок, получивший имя Рип, внезапно произносит свое первое слово — «папа»!

Вторая часть романа носит название «Невозможно» и почти не содержит «приключений тела». Со времен первой части прошел еще год. Вся Земля охвачена паникой — животные внезапно стали разумными или, точнее, — потенциально разумными. Собаки и кошки, даже крысы и мыши при благоприятных условиях начинают понимать человеческую речь и сами разговаривают. То же самое, как ни ужасно, творится с крупным и мелким рогатым скотом! «Оразумливать» скот категорически запрещено, но всегда находятся не в меру любопытные пастухи… что приводит к ужасным последствиям. Вторая часть начинается с чудовищной сцены на мясокомбинате, где козел-провокатор успокаивает ягнят, которых гонят на убой. Диспут между ягнятами, козлом и Анатолием занимает полторы главы. После этого плачущих ягнят начинают забивать, а Анатолий бросает работу. «Они все разумные! — кричит он директору цеха. — Даже те, кто молчит! Вся плоть — трава!»

Некоторое время Анатолий живет на пособие по безработице, общается с Рипом, заботливо ухаживает за женой. Мелкие вставные сцены демонстрируют нам мировой масштаб трагедии — ставшие разумными куры устраивают побег из птичника, банды собак и кошек

ночами терроризируют улицы, крысы строят подземные города… Многие люди становятся вегетарианцами, но еще большое количество находит в поедании разумных животных особое садистское удовольствие. Бьющая по нервам сцена с шашлыками, устроенными выпускниками средней школы, подчеркивает размах охватившего человечество безумия…

И тут к Анатолию приходят сотрудники таинственного Комитета особой безопасности — Кобеза, глубоко засекреченной силовой структуры. К сожалению, испугавшись за безопасность Рипа (разумные крысы подлежат обязательному уничтожению), Анатолий бросается в бега…

Часть третья, «Провернуть», самая, пожалуй, динамичная в романе. Анатолий странствует по России, уходя от сотрудников Кобеза. Он пересекает всю страну — от приграничного Подольска до уральского анклава. Ему уже ясно, что по какой-то причине кобезовцам требуется его особый дар, но Анатолий не желает уничтожать разумных существ.

Однако жизнь заставляет его сделать суровый выбор. В маленьком сибирском городишке, точнее — крупном селе, он становится свидетелем суда Линча. Жители собираются сжечь живьем юношу, который оразумил молодую рысиху. Впрочем, главной причиной негодования граждан стал тот факт, что юношу и рысь соединяет большее, чем простая дружба…

Анатолий, не в силах перенести трогательный прощальный разговор человека и его пушистой подруги, встает на их защиту. Он пытается уладить дело миром, но когда и его самого тащат к костру — пускает в ход свой дар. Остатки перепуганных линчевателей разбегаются, Анатолий вместе с необычной парой уходят в тайгу… Скитания по тайге, простой и суровый быт староверов, в чьей деревне троица беглецов находит приют, — все это не дает читателю оставаться безучастным. Чего стоит только портрет деда Григория, простого и мудрого патриарха староверов! Но погоня идет по пятам, да еще и возникает неожиданный любовный треугольник — рысиха влюбляется в Анатолия и уговаривает его «вместе уйти вольной лесной тропой». Модная тема зоофилии дана на удивление трогательно и лирично — некоторые диалоги воскрешают в памяти «Песнь Песней»: «Лапы твои — будто четыре ручья, сбегающие по склону голеней моих и в горы бедер моих… хвост твой — будто пятый ручей, что места себе не находит шаловливо…»

Анатолий и сам уже испытывает к молодой рыси сложные чувства, но он все-таки отвергает предложение — и вместе с Рипом убегает еще дальше в глубь тайги… Там, в безлюдных суровых сибирских просторах, они находят заброшенную ракетную базу, где обитает племя разумных крыс. Пораженные дружбой Анатолия и Рипа крысы дают им приют и защиту. Общество крыс нарисовано излишне бегло, однако и здесь читателя ждут интереснейшие

сцены крысиного быта: и гладиаторские бои с кошками, и странные семейные отношения… Но вскоре Анатолий узнает страшную правду — крысы тайком восстанавливают забытые в конце прошлого века на базе ядерные ракеты. Они собираются спровоцировать ядерную войну, после которой малочувствительные к радиации крысы станут полными хозяевами планеты.

После долгих и мучительных переживаний Анатолий решает покончить с крысами. Рип, после долгих терзаний, встает на сторону своего приемного отца. И начинается кровопролитная схватка.

Позволю себе процитировать фрагмент.

«Писк! Пронзительный писк доносится из-под пола — сквозь доски, сквозь сгнившие ковры. Никогда не пытался молоть фарш сквозь доски… но придется попробовать. Чудовищно! Звон в голове, ватные пробки в ушах… Не слышу, но чувствую, что писк прекратился. Полсекунды — прийти в себя. Интересно, кто это был: крадущиеся ко мне отборные крысиные коммандос или убегающие самки с крысятами? Мир их фаршу.

Еще час — самое большее — такого напряжения, и я сам превращусь в фарш, даром что отъелся и откормился за неделю. Надо выдержать! Крысы атакуют грамотно, как по учебнику — со всех сторон, с отвлекающими маневрами. Спешить им в общем-то некуда. Их сотни тысяч, а я один… не считать же Рипа боевой единицей. Если не доберусь до боеголовки, то меня возьмут измором, дождутся, пока не потеряю силы или не усну от изнеможения. А еще похоже, что мне специально подставляют неразумных крысят и старых самок: заставляют тратить силы на малоценную мелюзгу. Умно!

Поворачиваю голову, смотрю на страдальческую мордочку Рипа.

— Это были не солдаты, — пищит он. — Это были старые самки…»

В самый тяжелый момент на помощь Анатолию приходят части спецназа и оперативники Кобеза. Старая ракетная база уничтожается напалмом и ядохимикатами. А обессилевшего Анатолия везут в тайный московский штаб Кобеза.

Часть четвертая, «Назад», дает ответы на многие загадки. Анатолий, вначале подозрительно относящийся к своим пленителям, вскоре проникается уважением к бойцам невидимого фронта. Он узнает, что и его удивительный дар, и эпидемия вирусной истерии, и оразумливание животных — звенья одной цепи. Много лет назад в заповедных беловежских лесах упал таинственный объект — не то метеорит странной природы, не то инопланетный зонд. Все попытки проникнуть к объекту или исследовать его были неудачны. Даже развал Советского Союза был отчасти спровоцирован той паникой, что охватила допущенных к информации членов политбюро…

Некоторое время «объект» никак не проявлял агрессивности — только защищался от попыток приблизиться. Но вскоре из места падения объекта начинает исходить таинственное излучение, влияющее на высшие мозговые структуры. У мужчин это излучение порой приводит к появлению удивительных способностей — телепатии, телекинеза… но самым удивительным стал случай с Анатолием. У женщин, как ни печально, то же самое излучение вызывает истерию — она вовсе не связана с вирусами. Ну а животные под действием излучения обретают разум…

«Быть может, это и не агрессия, — говорит Анатолию полковник Русков. — Быть может, зонд хочет помочь всем нам стать умнее… но женщины, по природе своей, не способны так быстро эволюционировать. Отсюда (…) и приступы истерии. Ну а оразумливание животных — самая трагическая ошибка Чужих. Мы не можем всей планетой перейти на вегетарианское меню. Мы не готовы делить маленькую Землю с разумными крысами и осьминогами. Быть может, через сто лет инопланетный дар оказался бы благословенным подношением… сейчас же он — проклятие человечества!»

Только Анатолий способен ныне спасти человечество. Защитные механизмы «объекта» работают лишь против военной техники — будь то баллистическая ракета или обычный танк. Охрана «объекта» от людей осуществляется с помощью разумных животных — зубров, волков, зайцев, белок, полностью покорных воле своего внеземного хозяина…

Трудный выбор встает перед Анатолием. Ему жалко животных, а в первую очередь — Рипа и веселую пушистую рысь, резвящуюся где-то в сибирской тайге. Ведь если излучение прекратится — все они вновь потеряют разум. Но на другой чаше весов — счастье человечества, исцеление любимой жены, солидная награда от благодарного государства… и потеря своей уникальной способности, которую Анатолий ненавидит. И он делает выбор. Вместе с группой десантников Анатолий отправляется к «объекту».

Далее начинается активное действие. Десантники, вооруженные лишь палками и камнями, охраняют Анатолия. Анатолий своей уникальной способностью защищает десантников. Рип разведывает обстановку.

А врагов у группы кобезовцев — целый лес! Злобные лоси нападают на них из кустов, медведи прыгают с деревьев прямо на головы, волки таятся в подлеске, змеи ползут по мхам. Даже безобидные землеройки ухитряются, навалившись всей толпой, убить старшего сержанта спецназа Юрия, чью фамилию мы так и не узнаем.

Постепенно тают ряды десантников. Но и зверье гибнет в таких количествах, что активиста «Гринписа» хватил бы удар. Беловежская пуща завалена фаршем, тяжелый запах парного мяса витает в воздухе. Уже у самого объекта гибнет суровый майор Пастушенко — его успел затоптать затаившийся в кустах бузины зубр.

И только Анатолий с Рипом выходят к «объекту» — студенистому, отвратительному кому биомассы, тщетно пытающемуся скрыться бегством. Единственный оставшийся защитник «объекта» — тот самый бельчонок, за чьими забавными приключениями мы следили всю книгу. Бельчонок и Рип сходятся в смертельной схватке, Анатолий же выдерживает тяжелейший ментальный поединок с «объектом». Пытаясь защититься, «объект» сообщает все новые и новые версии о своем происхождении — и то, что он посланец внеземной цивилизации, долженствующий «продвинуть» земных животных, и что он порождение «единого разума Земли», возмущенного нарушениями экологии, и что он прибыл из счастливого вегетарианского будущего человечества, и что его создали тайные лаборатории КГБ в качестве оружия… Но Анатолий все-таки преодолевает ментальные блоки «объекта» и узнает страшную правду. «Объект» — это всего-навсего… впрочем, жестоко по отношению к читателю было бы открывать столь неожиданный сюжетный ход в рецензии.

Итак, убедившись во вредоносной сущности «объекта», Анатолий обращает на него свой возмущенный взор — и новая гора фарша возникает в лесу!

Стихает чудовищное излучение!

Исцеляются женщины планеты Земля.

Барашки и овечки послушно идут на бойню.

Все, кто обладал экстрасенсорными способностями, теряют их. В том числе и сам Анатолий.

«Фарш невозможно провернуть назад», — бормочет герой, глядя на дело глаз своих. У его ног — погибший в бою Рип и умирающий бельчонок. Подобрав бельчонка, Анатолий бинтует его раны. Этим финалом автор как бы говорит нам: «Солдат бельчонка не обидит! Пусть мы, люди, и не самый лучший вариант разумной жизни на Земле, пусть мы иного варианта не приемлем, но и в зверства не скатимся!»

ВЫПАРЕННЫЕ СЮЖЕТЫ

Давно и чаще всего безрезультатно охочусь я за книгами издательства «Новая Космогония». Все-таки ставка на фантастику высокохудожественную, в чем-то элитарную, не способствует продвижению книг на прилавки. С тем большим удивлением обнаружил я на самом обычном лотке у метро «Алексеевская» книгу «Новые карты рая» известного алма-атинского фантаста Ярослава Зарова. Кому-то он знаком по мрачной, декадентской книге «Весенние приходы» (история больных с раздвоением личности), кому-то по задорной космической опере «Точка отчаяния» (быт и нравы в далеком будущем) или альтернативной истории «Горячие моря» (изменивший свое течение Гольфстрим согрел северные берега России, в то вре-

мя как Америка и Европа прозябают). Писатель интересный, но снискавший себе репутацию коммерческого автора, многократно обруганный за тезис «три книги для денег, одна — для души» — и вдруг в «Новой Космогонии»? Удивительно! Настораживал и тираж книги — 12 100 экземпляров (и это при том, что большинство книг в «Новой Космогонии» изданы тиражом от 3 до 7 тысяч экземпляров). В общем, сомнений у меня не оставалось — надо читать.

Первые же страницы вызвали у меня оторопь. Обычно Заров начинает действие активно, сюжет несется на космической скорости, не оставляя читателю никаких шансов отложить книгу и подумать: «А что это я, собственно говоря, читаю?» В «Новых картах рая» действие разворачивалось подчеркнуто неспешно. Вначале никто никого не убивает. Не прилетают на Землю коварные Чужие. Отсутствуют виртуальные и альтернативные миры, душевные терзания и переживания героев. На протяжении двух с половиной глав автор описывает быт московской коммунальной квартиры — задушевно, скрупулезно, с легкой иронией, но без всяких попыток читателя заинтриговать. Разве что набор героев, волей автора сведенных в трех комнатах и кухне, узнаваем — писатель-фантаст Андрей Кульянов, работающий над романом «Лунный Рейх» (отрывки из которого, к месту и не очень, рассыпаны по всему тексту); мать-одиночка Рита Семенова, воспитывающая аутичного восьмилетнего сына и работающая квартирным маклером; бывший спецназовец, ныне инвалид по зрению и алкоголик Иван Силин, живущий на пенсию старушки-мамы (как выясняется к концу второй главы — пенсию маме не платят, зарабатывает она нищенством и сбором пустых бутылок).

На третьей главе я впал в глубокую задумчивость, пытаясь понять замысел автора. У меня не было ни малейших сомнений, что долго такой неспешный темп Зарову не выдержать. В рамках классической бытоописательной прозы ему было тесно, будто акуле в аквариуме, писатель задыхался, нервничал и становился все более агрессивным.

Предчувствия меня не обманули.

У алкоголика Ивана Силина вдруг появились странные кошмарные сны, старушка-мама, как оказалось, вовсе не собирает бутылки по подъездам, а работает стриптизершей в клубе «Осенний соблазн», аутичный мальчик зашел в комнату писателя, поджег его гардероб и стер с компьютера текст нового романа, его энергичная мама провалила какую-то сделку, и теперь за ней гоняются бандиты. Загрустивший от потери почти законченного романа писатель уходит в глухой запой вместе со слепым спецназовцем. В процессе запоя (описанного очень красочно и узнаваемо) Иван Силин рассказывает писателю открывшуюся ему во снах страшную правду все пятеро обитателей квартиры давным-давно мертвы, а их нынешнее существование — «посмертие» — нечто вроде чистилища, к которому они приговорены за грехи. Вначале писатель решительно отвергает эту версию, но постепенно начинает все более к ней склоняться. Каждый из персонажей и впрямь недавно был на грани жизни и смерти —

десантник едва не был убит в ходе обезвреживания террористов, аутичный мальчик поперхнулся сливовой косточкой и едва не задохнулся, за его матерью и раньше гонялись страшные бандиты, старушка-стриптизерша пережила нападение сексуального маньяка, ну а сам писатель некоторое время назад, на почве разлуки с любимой женщиной, совершил неудачную попытку самоубийства. Ситуация усугубляется тем, что Андрей Кульянов, в результате пожара лишившийся всей верхней одежды, не может покинуть квартиру и убедиться в существовании мира за ее стенами! Окна его комнаты выходят в глухой грязный тупик, где, никогда и никого нет, продукты, спиртное и сигареты он заказывает по интернету, ну а его друзья, все время собирающиеся зайти в гости, в последний момент откладывают визит…

Пелевиным попахивает, печально подумал я. Черный заяц колотит в свой барабан…

Возможно, что и Заров понял, что такой сюжет не слишком оригинален. Во всяком случае, история, в которую я уже готов был поверить, благополучно разрешается визитом друга писателя Юрия Семецкого (ну как же в современной фантастике без этого персонажа!) Вопреки устоявшейся традиции Семецкий не гибнет! Напротив, он становится посланником мира живых, убеждающим писателя, что тот еще жив. Семецкий отдает писателю свои старые брюки и рубашку, после чего тот выходит на улицу — и убеждается, что мир существует, а жизнь продолжается. Почти тут же появляется один из поклонников писателя, узнавший о его беде. Крутой хакер, он ухитряется восстановить текст нового романа — и Андрей Кульянов с энтузиазмом начинает его дописывать…

Где же фантастика? — мысленно возопил я. Но, сообразив, что роман прочитан от силы на одну пятую, успокоился и принялся читать дальше.

Предчувствия меня не обманули!

Обрадованный спасением текста писатель со смехом рассказывает хакеру о своем недавнем испуге. Внимательно его выслушав, хакер заявляет, что десантник не столь уж не прав. По его мнению, все люди на Земле хотя и живы, но существуют в электронной, виртуальной форме. Весь окружающий наш мир — это иллюзия, игра, созданная таинственным Великим Программистом, а люди — самообучающиеся и саморазвивающиеся разумные подпрограммы, «макросы». Временами Великий Программист подбрасывает людям те или иные «пряники» или берется за «кнут» — двигая человеческую историю в необходимом ему направлении. Появление же в истории тех или иных пророков и мессий — это результат «вхождения» Великого Программиста в собственную игру.

Писатель воспринимает рассказ с иронией. Но хакер заявляет, что у него «есть доказательства». Идеальных программ не существует, в любом программном коде есть дырки. И он-то как раз сумел найти несколько таких дырок, позволяющих выйти за рамки программы и задействовать «недокументированные функции» — левитацию, хождение по воде, телепа-

тию и телекинез… Восхищенный этой не то новой мифологией, не то новой космогонией (!), рождающейся у него на глазах, писатель вместе с хакером отправляется в путешествие в Санкт-Петербург. Дело в том, что по замыслу Великого Программиста на месте северной столицы никогда не планировалось строить город. Однако сбой макроса «Петр Первый» вызвал появление города, искажающего своим существованием программный код. Именно в Санкт-Петербурге существует «Сердце Болот» — странная зона, где можно обрести сверхчеловеческие способности.

Описание путешествия очень интересно. Чувствуется небезразличие автора к Северной Пальмире — в описании каналов, домов, мостов и людей так и сквозит печальная серая сырость. Скитаясь из одной квартиры в другую, нанимая «проводников», обильно употребляя галлюциногены и амфетамины, писатель и хакер подбираются все ближе и ближе к «Сердцу Болот». Дело в том, что прийти в аномальную зону напрямую небезопасно, требуется серьезная подготовка…

Кончается История «Сердца Болот» печально и двусмысленно. Вроде бы хакер действительно смог продемонстрировать писателю «недокументированные функции» — взлететь из мрачного темного двора-колодца, куда не ведет ни одна дверь, а только канализационный люк, в гнилое питерское небо, навстречу клубящимся тучам… Но удар молнии прерывает его полет.

Было ли это на самом деле? — мучительно размышляет писатель, возвращаясь в Москву. Заметил ли Великий Программист сбой макроса «хакер», после чего убрал его из программы? Или трагедия лишь пригрезилась писателю после употребления «расширяющих сознание» веществ? А если было — то действительно ли наш мир лишь иллюзия, программа? Ведь Великому Программисту безразлично, из чего строить свою игру — из строчек программного кода или из атомов и молекул…

Пожалуй, здесь, на середине книги, Заров пошел поперек логики поведения своих героев. Пережив подобное приключение, писатель никак не мог вернуться домой и сесть дописывать «Лунный Рейх». Скорее уж от него следовало ожидать визита в церковь, ухода в монастырь или по меньшей мере создания нового, более серьезного романа. Но Кульянов упорно пишет историю лунной базы, созданной в сорок пятом году недобитыми фашистами.

Между тем обстановка в коммунальной квартире накаляется. Преследуемая бандитами, вбегает Рита Семенова — и слепой десантник Иван встает на ее защиту. В красочно описанном поединке чувствуется что-то эпическое, вызывающее в памяти былины и народные сказания. Это уже Не Иван Силин бьет по мордам зарвавшихся наглецов. Это сама Русь-матушка встает на защиту своих детей! Ориентируясь лишь на звук, на шумное дыхание и сопение бандитов, Иван побивает их всех, спускает с лестницы, после чего понимает, что он еще

жив, прекращает пить и основывает школу русского рукопашного боя «Слепая ярость». Оказывается, что в детстве Иван Силин заблудился в тайге, попал в тайное поселение старообрядцев у озера Камбала, где был обучен забытым ныне методикам единоборств. Но самая главная его тайна — даже не забытые приемы рукопашного боя, а напиток под названием «русский мед». Глоток этого настоянного на травах эликсира дает бойцу великую силу и сверхчувственное восприятие. Писатель, наблюдая преображение соседа-алкоголика, размышляет: не является ли «русский мед» еще одним сбоем программы мироздания? В промежутках между работой над романом Кульянов помогает соседу варить «русский мед», преследовать злодеев и защищать невиновных. Пожалуй, это наиболее динамичные фрагменты книги, написанные в редком для России жанре комикса. Порой так и хочется назвать Ивана Силина Бэтменом, а Андрея Кульянова — Робином!

Но силы все-таки неравны. Слишком много нечисти противостоит друзьям. В конце концов бандиты находят слабое место Силина — похищают его старушку-маму. Чтобы спасти родительницу, Силин дает обещание навсегда покинуть Москву. Вместе с Кульяновым они отправляются в логово бандитов, чтобы забрать старушку. Разумеется, бандиты не держат слово и набрасываются на друзей. Как же они просчитались! Друзья выхватывают фляжки с выпаренным, концентрированным «русским медом», делают, подобно мишкам-гамми, по большому глотку и вступают в бой! Бандитские ножи не в силах поцарапать героев, от пуль они уклоняются, а когда негодяи достают противогазы и пускают в помещение ядовитый газ — просто задерживают дыхание на полчаса. Враги повержены, мама Ивана Силина спасена. Но… десантник все равно покидает Москву. «Запомни, побратим! — говорит он писателю. — Негоже русскому человеку слово нарушать. Даже если слово врагу дано, даже если враг в сырой земле лежит… дал слово — держи!»

Вместе с учениками и сподвижниками, вместе с мамой и единственной перевоспитавшейся бандиткой — прекрасной Гюрзатай — Иван Силин покидает Москву. Скорый поезд уносит их за Урал, где Силин собирается продолжить свое благородное дело. Писатель словно говорит нам, что возрождение России начнется не с бандитской Москвы или депрессивного Санкт-Петербурга, а в здоровых, крепких сибирских лесах.

Писатель тем временем возвращается в коммуналку и садится за свой роман. Действие «Лунного Рейха» близится к кульминации — недобитые фашисты построили на Луне, согласно приказу Гитлера, десять тысяч ядерных ракет и собираются диктовать миру свои условия. Только русско-американский экипаж может спасти мир…

Ударный труд прерывает Рита Семенова, в слезах вбегающая в комнатенку писателя. Оказывается, недуг ее сына все более и более прогрессирует. У ребенка начался бред, он объявляет себя посланником внеземной цивилизации, «наблюдателем», который должен выне-

сти решение — достойны ли люди существовать, или должны быть уничтожены.

Писатель вступает с мальчиком в долгий спор. Он решает, что единственный способ помочь ребенку — убедить его, что люди не так уж и плохи. По мере спора Кульянов все более и более напрягается — речь мальчика по-взрослому серьезна, он проявляет неожиданные познания…— неужели и впрямь перед Кульяновым — внеземной разведчик? К тому же выясняется, что Семенова — не настоящая его мать, ребенок был ей подброшен в младенчестве и усыновлен.

Пожалуй, споры между писателем и мальчиком несут в романе главную философскую нагрузку. В поисках «Абсолютного Добра» и «Абсолютного Зла» взрослый и ребенок проходят всю Москву. И если найти «Абсолютное Зло» удается без труда, то поиск добра как-то не складывается. Мальчик заявляет, что человечество будет уничтожено и он вскоре даст «сигнал в космос». В то же время писатель узнает, что наблюдатель на Земле только один и если он сейчас погибнет — принятие решения будет отложено.

Что же делать — мучительно размышляет писатель? Убить потенциального губителя человечества? Или — признать, что люди достойны лишь уничтожения?

Не раз и не два, а целых три раза писатель собирается убить мальчика. Подходит с топором к его кроватке, сыплет в манную кашу крысиный яд, подключает к ванне электрические провода… Но в последний миг прячет топор и укачивает захныкавшего во сне ребенка, выбрасывает за окно кашу (в этом месте замечательно пародируются «Денискины рассказы» Драгунского, что придает мрачной и трагической сцене внезапный комизм), обрывает смертоносные провода… Наконец Кульянов рассказывает все Рите. Приемная мать мальчика сразу верит писателю. Какое-то время они размышляют, что делать. Наконец писатель восклицает: «Да если мы всерьез готовы убить ребенка — то ничего, кроме смерти, род человеческий не заслуживает!» Приняв решение смириться с неизбежным, Кульянов и Рита ведут мальчика в цирк, чтобы провести последний вечер среди веселых, смеющихся людей. Но в разгар представления мальчик говорит им: «Давайте пойдем в цирк и на той неделе?» Писатель и Рита понимают, что они выдержали последний экзамен и приговор человечеству отменен…

На этой оптимистической ноте и завершается роман Зарова «Новые карты рая». При чем тут карты рая, я так и не понял, но с названиями книг у Зарова всегда были проблемы.

Впрочем, претензии к названию — единственные, которые можно всерьез предъявить автору. В целом же роман удался. Без сомнения, Заров свел в этом произведении четыре сюжетные линии, каждая из которых была достойна отдельного романа (а если засчитать «Лунный Рейх» — то даже пять). Щедрость для современного автора немыслимая! Зато она позволила Зарову превратить нехитрые в общем-то коммерческие сюжеты в концентрированные

выжимки, сразу же выигравшие в качестве. Вспоминая историю с «русским медом», можно сказать, что перед нами — «выпаренные сюжеты», чье переплетение позволило добиться нового звучания всего текста.

Остается лишь надеяться, что Ярослав Заров изменит своему обыкновению, и следующая его книга будет не менее любопытной и неоднозначной. Ну а «Новой Космогонии» хочется пожелать дальнейших успехов на поприще издания необычной фантастики!

ЕСЛИ БЫ Я ПИСАЛ «КРАСНУЮ ШАПОЧКУ»…

В стиле «Линии Грез», но с элементами «Генома» и «Спектра»

Больше всего на свете Волк любил маленьких девочек. Не важно, в шапочках или без, — Волк ценил содержимое, а не форму. Но все-таки шапочка придавала девочкам определенный шарм…

Именно такая, одетая в шапочку девочка приближалась к Волку по лесной тропинке. Притаившись за кустом можжевельника, Волк ждал. Запах ягод навевал мысли о джине с тоником… хорошей порции правильного джина «Сапфир» с правильным тоником «Швепс», один к трем, смешивать, но не взбалтывать. И еще приходила на память песенка «Джин и тоник».

— Он ревновал ее к дождям, — тихонько напел Волк, не отрывая взгляда от девочки. Девочка была в меру упитанная, румяная — в тон шапочке. Такие волку особенно нравились.

Волк глубоко вдохнул и вышел из кустов

— Я тебя давно заметила, — с улыбкой сообщила девочка. — У меня положительная мутация — я вижу в инфракрасном диапазоне.

Она опустила руку в корзинку, и Волк с ужасом увидел, как из-под упаковки мороженных круассанов показался легкий плазменный бластер «Перро»!

Волк даже успел прыгнуть. Реакции интеллектуально продвинутого животного намного превосходили обычные волчьи.

Но дуло бластера расцвело красным цветком, и что-то невыносимо горячее ударило Волка прямо в беззащитное, открывшееся в прыжке брюхо.

В стиле «Холодных берегов»

Шапочка у девочки была красная, из руссийского алого сукна на манер тюбетейки сшитая. И, видать, остался дорогой ткани треугольный обрезок — его девочка на манер платка на шею повязала. Хорошая девочка, не из бедной семьи — вот только вывела ее судьба навстречу мне, душегубу, одну в темном лесу. Я бы отпустил ее. Да только как может разбойничий атаман по прозвищу Серый Волк перед своими людишками слабость показать? По всему выходит, что сейчас надо мне ее снасильничать, невзирая на малый возраст, а потом платком удушить. Или вначале удушить, а потом снасильничать…

В стиле «Лабиринта отражений»

Встаю. Цветная метель дип-программы стихает. Вокруг желто-серый, скучный и мокрый осенний лес. Передо мной лишь одно яркое пятно — красная шапочка на голове маленькой, лет семи-восьми, девочки. Девочка с испугом смотрит на меня. Спрашивает:

— Ты волк?

— Вот уж вряд ли, — отвечаю, оглядывая себя — не превратился ли я в волка? Нет, не похоже. Обычный голый мужик, прикрывающий срам распареным березовым веником. А что я мог поделать, когда от переполнения стека взорвались виртуальные Сандуны? Только сгруппироваться и ждать, куда меня выбросит…

— Я иду к бабушке, — сообщает девочка. — Несу ей пирожки. Похоже, меня занесло на какой-то детский сервер вроде знаменитого «Спокойной ночи, малыши».

— Ты человек или программа? — спрашиваю я девочку.

— Бабушка заболела, — продолжает девочка. Все ясно.

Программа, да еще из самых примитивных. Перестаю обращать на девочку внимание, озираюсь. Где же здесь выход?

— Почему у тебя такой длинный хвост? — вдруг спрашивает девочка.

— Это не хвост, — отвечаю я и краснею.

— Не переоценивай себя. Я говорю о следящих программах, которые сели на твой канал, — любезно уточняет девочка. Голос ее резко меняется, теперь передо мной — живой человек.

ВЕК ДВИЖУЩИХСЯ КАРТИНОК

***

Рано или поздно писателя-фантаста просят: «А напишите нам… нет, не рассказ! Статью!»

Это всегда радует. Возникает ложное, но очень приятное ощущение, что ты не просто сочиняешь истории для развлечения почтенной публики, но еще и владеешь каким-то тайным знанием: КАК ХОРОШО ПИСАТЬ КНИГИ? КУДА ИДЕТ СТРАНА? ЧЕМ ДУМАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО? МОЖНО ЛИ ЕСТЬ КУРИЦУ РУКАМИ? — в общем, знаешь ответы на все ключевые вопросы мироздания.

На всякий случай отвечу: книги надо писать с душой, страна идет своей дорогой, правительство думает тем, кого назначат думать, а курицу руками есть нужно — она тогда вкуснее.

Ну а далее — эти и другие умные мысли в виде статей. :)

ВЕК ДВИЖУЩИХСЯ КАРТИНОК

(Сто лет после золотого века)

Как ни странно, но мнение о том, что золотой век уже был и закончился, широко распространено. И веком этим называют век девятнадцатый.

Неудивительно услышать подобное в России, в стране, каждые двадцать — двадцать пять лет (срок воспроизводства поколения) переживавшей очередную «эпоху перемен», по горло завязающей в каждой мировой войне и превратившейся в площадку для всех социальных экспериментов. Не может быть счастливым общество, где всякое новое поколение отрицает идеалы своих отцов — начисто, без остатка, ведь даже семидесятилетний коммунистический эксперимент легко дробится на три совершенно разные эпохи. Невозможно умиротворенно смотреть в прошлый, двадцатый век, где каждое поколение твоих предков перемалывалось в жерновах истории… Впрочем, многие ли способны проследить свою родословную дальше дедов? Вольно или невольно, но будущее свое мы представляем лишь на основе прошлого. Для того чтобы провести линию жизни в грядущее, мы нуждаемся хотя бы в двух реперных точках, и если одну, в настоящем, представляем ясно, то вторая неизбежно поставлена на зыбкую почву непредсказуемого прошлого. Вот и пойми, что ждет тебя: очередная революция, очередная война или очередная смена всех правил игры в жизнь.

Ну, ладно мы-то… Всепланетное чудо, назидание для бунтующих маргиналов, страна аутовивисекторов. Но ведь и в благополучной Европе, и в сытенькой Северной Америке, и в удачно расположенной Австралии — та же картина. Век девятнадцатый, легко и радостно встретивший двадцатый, никуда не ушел. Он все так же привлекателен и благостен.

А что в литературе, что в нашем зеркале жизни? Трудолюбивые производители женских романов охотно размещают страстных героинь на рубеже девятнадцатого-двадцатого веков, писатели-фантасты рисуют ностальгические картины «жюльверновских» миров, все так же популярны Холмс и Ватсон… а загляните-ка в книжные рейтинги… чу! кто там, в верхних строчках? Акунин, и кажется мне, что не только из-за литературных достоинств, но и за притягательное время действия. Даже весь наш постмодернизм, копни его поглубже, покажет свои декадентские корни.

Сто лет — это совсем немного. Мы можем улыбнуться восторгам вековой давности — и по поводу волшебной силы электричества, и по поводу схваток диких и дрессированных бацилл. Прочитав о кровавых войнах и гонке вооружений в девятнадцатом веке, улыбаться уже не хочется. Век двадцатый, век прошедший, слишком уж наследил красненьким по планете, чтобы счесть его веком золотым. Но столь ли безоблачным был век девятнадцатый и для мира, и для нашей страны? Конечно же, нет. Если уйти от оптимистичной новогодней статьи, от имен поэтов и верст железных дорог — нет. Террористические акты, почти пятьдесят лет Кавказской войны, промышленный кризис и голод, территориальные приобретения — и тут же потери, международные конфликты, эпидемии, недоступность образования для беднейших слоев населения… порой повторение событий доходит до фарса — как было с отменой крепостного права в девятнадцатом веке и разрешением крестьянам получать паспорта в двадцатом… о каком же веке мы говорим? И в чем же дело? Почему история, идущая по банальнейшей спирали, издали выглядит столь благостно? Только ли из-за пелены времени?

В поисках ответа — попробуем вспомнить век двадцатый в духе той столетней статьи.

«…воюя из года в год, проливая кровь человеческую за справедливые интересы человека против человека, уходящий век был все же по праву веком гениальным. Наша собственно русская литература — вся укрепилась, выросла, окрепла и завоевала себе европейское значение именно в этом веке. Бунин и Набоков, даже вне России оставшиеся русскими писателями, Есенин и Маяковский, не успевшие расцвесть, удивительный Булгаков и гениальный Пастернак, трагический гений Шолохова знаменуют для нашей культуры и человеческой истории эпоху прямо величайшего расцвета нашего самосознания, не инстинктивного, но разумного и сознательного.

XXI век мы встречаем с громадной сетью дорог, имеющей протяжение более 150 тысяч километров и соединяющей С.-Петербургский порт с океаном, омывающим берега Маньчжу-

рии! Человеческое слово летит ныне с одного конца мира в другой посредством внеземельных спутников и световодных проводов. Телевидение передает новости со всего мира и, обретя цвет, объемный звук и стогерцовую развертку, получает жизнь и движение, которому не в силах подражать лучшие кинотеатры. Электричество нашло широчайшее применение в быту, а обузданная сила атомного ядра подарила нам неисчерпаемый источник могущества!

Медицина, вооружившись электронным микроскопом и дивными ферментами, расшифровала саму основу жизни — человеческий геном — и так же неизбежно победит СПИД и коровье бешенство, как обуздала оспу и чуму…»

Что-то не складывается, верно? Телевидение вызывает не восторг, а воспоминания о рекламе подгузников, победы медицины напоминают о череде неизвестных ранее болезней, победа над атомом омрачена Хиросимой и Чернобылем, права человека по большому счету так и остались на мелованной финской бумаге…

А ведь все очень просто. Девятнадцатый век — приходится признать — и впрямь был **последним** золотым веком человечества. Дело в том, что это был последний **неинформационный** век.

Человеческая память обладает счастливой особенностью хранить хорошее, а не плохое. Все беды, тревоги, разочарования стираются из памяти, оставляя белые пятна между событиями хорошими и радостными. Так, беря в руки фотоаппарат, мы не стремимся запечатлеть мгновения своей боли и печали…

Но век двадцатый стал веком движущихся картинок. Веком зафиксированной информации, непрерывного течения времени. Мы уже не способны разделить историю на черное и белое, с тем чтобы помнить лишь то, о чем хочется помнить. «Многие знания — многие печали». «Знание — сила». Несложно вывести следствие из этих фраз. Но человеческое общество уже не способно стать слабым — во всяком случае, не пережив катастрофических потрясений. Хотим мы того или нет, но с каждым грядущим веком — да что там с веком, с каждым днем! — информационное давление на каждого человека будет расти. Хотим мы того или нет, но мы обречены жить во всеуменьшающемся мире, на съежившейся планете, где разница между бедой соседа по подъезду и бедой австралийского аборигена становится все меньше и меньше. Золото перестало быть мерилом благополучия в век кремния и плутония. Золотой век кончился и больше уже не наступит. Никогда.

И вряд ли стоит о нем грустить.

Гораздо полезнее попытаться (пусть и опираясь на наше зыбкое прошлое) заглянуть в век грядущий. Пусть даже заранее зная, что мы неизбежно во многом ошибемся.

Каким бы безумным и кровавым ни был век двадцатый — он дал человечеству очень многое. Прежде всего — научил жить, владея силами, способными уничтожить жизнь на

всей планете. Научил — пусть жестоко, пусть неуклюже — защищать саму среду человеческого обитания. Заставил принимать общечеловеческие нормы поведения. Или, вмещая все в два слова, — позволил выжить.

Век двадцатый все-таки вывел нас за пределы Земли. Мечты фантастов и прогнозы ученых оказались одинаково несбыточны и оптимистичны. Нет ни лунных баз, ни марсианских экспедиций, ни фотонных звездолетов. Но теперь мы знаем, что не прикованы к Земле навсегда. У человечества есть куда идти.

Медицина и впрямь сумела добиться огромных успехов. Не всегда успевая за новыми проблемами — и все же список смертельных недугов сокращается быстрее, чем прибывает.

И какие-то черты грядущего и впрямь стали видны.

В веке двадцать первом человек перестанет быть прикованным к своему телу Человек обретет последнюю мобильность — свободу собственной формы. Последствия первых широкомасштабных генетических экспериментов наверняка будут шокирующими и опасными, но от вмешательства в геном не уберегут никакие правительственные акты. Можно ужасаться, а можно восхищаться этим, но мы имеем все шансы увидеть людей, чей внешний вид и способности никак не будут укладываться в нынещнее понимание слова «человек».

В веке двадцать первом человечество создаст виртуальную реальность, субъективно неотличимую от реальной жизни. Это будет не меньшим потрясением для общества, но многие предпочтут **жить** в виртуальных мирах, минимально контактируя с окружающим миром. Возможно, что это станет странным, чудовищным с нашей точки зрения способом существования людей пожилого возраста. Но развитый мир стареет, и достойно содержать пенсионеров становится все более трудной задачей для любого государства. Единственным выходом станут миры сладких грез, абсолютно реалистичных, да к тому же и позволяющие прожить последние годы жизни с полным ощущением молодости.

В веке двадцать первом человек в какой-то мере адаптируется к увеличившемуся информационному потоку, и уменьшится количество связанных с этим стрессов. Однако некоторые адаптироваться так и не смогут, вследствие чего будут вынуждены существовать в полном отрыве от информационной цивилизации, как следствие — породив новый класс «информационных люмпенов».

В веке двадцать первом будет окончательно раскрыта тайна смерти и достигнута принципиальная возможность биологического бессмертия. Но, разумеется, купить «таблетку от смерти» будет **почти** невозможно. Пока человечество не начнет заселять космос — бессмертие не может быть разрешено.

В веке двадцать первом усилия ряда ученых, объединенных в тайную «масонскую ложу», достигнут успеха, и напуганное «астероидной опасностью», очарованное фантастиче-

скими фильмами вроде «Миссии на Марс» человечество «даст деньги» на освоение космоса. Определенные успехи будут, хотя неизбежные катастрофы приведут к созданию первых орбитальных и лунных поселений лишь в середине века.

В веке двадцать первом человечество все-таки переживет локальную ядерную войну на Ближнем Востоке и несколько чудовищных по масштабу террористических актов в Северной Америке. Но нет худа без добра, именно это приведет к ядерному разоружению и созданию глобальной полувоенной-полуполицейской структуры, реально контролирующей агрессивные режимы. Жить «под колпаком» межнациональной спецслужбы будет гораздо безопаснее, но многие гражданские свободы, выработанные еще в «золотом девятнадцатом» веке, придется переосмыслить.

В веке двадцать первом крупнейшие мировые религии… впрочем, эта материя столь тонка и деликатна, что о ней лучше пока умолчать. Поживем — увидим.

В веке двадцать первом произойдет контакт с иным разумом. Впечатление от него можно будет описать одним словом — растерянность. «Как же мы раньше…» — будут одинаково недоумевать ученые и обыватели. Впрочем, все кончится хорошо.

Вот, наверное, и все об основных событиях нового века.

«С высоты достигнутой нами сегодня точки времени, оценивая прошедшее и веря в будущее, мы можем пожелать наступающему новому веку менее кровавых побед, менее войн и насилий, более порядка, терпимости, образования и любви к ближнему, по завету христианскому. Правде пусть служит **двадцать первый** век теми могучими средствами во всех отраслях, какие оставлены ему двадцатым веком. Пусть сияет древняя веками любовь к ближнему всегда и везде. Успокоимся хоть немного от перенесенных военных и тяжелых боевых работ и, пожав друг другу руки, встретим весело и бодро Новый год нового века».

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ, ИЛИ ИГРЫ, КОТОРЫЕ ИГРАЮТ В ЛЮДЕЙ

0. Задание

Ситуация была — хуже некуда. Мне не хватало серы, чтобы построить башню и вырастить в ней драконов.

Серу я нашел — за морями, за горами, — послал за ней отважного рыцаря с чахлой горсткой орков и гоблинов. И вот, когда серный рудник (если вы скажете, что серу добывают не в руднике, то будете не правы — у меня все добывается в рудниках, и сера, и камень, и золото, только лес валят на лесопилке) оказался в поле видимости… В этот самый миг из неис-

следованных далей резво выбежал вражеский рыцарь.

И был это рыцарь из рыцарей, в его войске были и огнедышащие фениксы, и грозные маги с посохами, и всякая мелочь вроде хоббитов с пращами. Ясно было, что мой посланник ему не ровня.

Я задумался. И тут зазвонил телефон — как всегда не вовремя. «Телефон» и «не вовремя» — это почти синонимы, если разобраться… Я поднял трубку. Звонил Эдуард Геворкян из журнала фантастики «Если».

— Старик, — энергично сказал он. — А не напишешь ли ты для нашего журнала статью о компьютерных играх?

— О чем? — только и спросил я, тупо глядя в экран компьютера. Решение требовало мужества. Я отдал приказ, и мой рыцарь бросился к серному руднику. Установил над ним контроль и пустился наутек.

Расчет оказался верным — вражеский рыцарь не стал отвлекаться на такие мелочи, как сера, и кинулся за мной в погоню.

— Да о компьютерных играх, ты ведь вроде в них играешь, — пояснил Эдуард Вачаганович.

— Иногда, — признался я. — Есть! Конечно!

Был повод ликовать — мой герой оказался быстрее вражеского рыцаря. Тот долго гнался за мной по пустыням, все более и более отставая…

— Ну и прекрасно, — обрадовался Геворкян. — Значит, договорились. Через две недели.

…Прошло какое-то время. И снова зазвонил телефон.

— Ну как статья, готова? — поинтересовался Эдуард Вачаганович. Видимо, настал срок. Мне это показалось удивительным, но я не рискнул признаться.

— Готова, — сказал я, торопливо записывая игру и загружая текстовый редактор Word. — Завтра принесу.

Теперь отступать было некуда. Оставалось принять бой и сказать все, что я думаю о компьютерных играх. По возможности — с самого начала.

То есть с того дня, когда я впервые увидел чудо враждебной техники — компьютер с непонятными цифрами «286» в названии…

1. Инкубационный период

Глубоко ошибаются те, кто считает компьютер средством производства. Мудрые хаке-

ры, проникающие в тайны чужих программ, трудолюбивые программисты, помогающие просчитать годовой баланс для предприятия, — все это, конечно, есть…

Но не это главное, товарищи!

Давным-давно, когда компьютеры были большими, а программы для них — маленькими, возникла эта зараза — компьютерные игры. Насколько я понимаю, возникла она самопроизвольно, как амеба в горячих девонских морях. Но вариант потустороннего вмешательства в этот процесс я тоже не рискну исключить, уж больно жизнеспособными оказались первые электронные уродцы. Ну что, скажите на милость, интересного в процессе движения одной тусклой точки по нарисованному из палочек лабиринту? То, что за ней гонятся несколько более ярких точек? Так ведь первые игроманы сами писали свои игры. И прекрасно понимали, какие команды отвечают за скорость движения точек. И вряд ли верили в разумность своих больших-пребольших машин.

Откуда же брались крики, оглашавшие ночами прохладные вычислительные залы?

— Гады, гады! — в исступлении кричит программист, глядя в тусклый зеленый экран вычислительного монстра. Скучает в одиночестве девушка, с которой он обещал провести вечер, стопка перфокарт укоризненно напоминает о важных народнохозяйственных расчетах…

— Все равно пройду, — шепчет программист, человек сказочной, воспетой в «Понедельнике» профессии. И запускает игру по новой, ради призрачной надежды побить свой собственный рекорд и записаться на первую строчку в таблице результатов.

Опомнись, друг! Страна ждет от тебя расчетов по чугуну и стали! Тебе понадобится пара минут, чтобы подредактировать таблицу и записать свое имя на первое место! Не бегай от кровожадных точек! Ты сам задавал скорость их движения и знаешь, что от них не уйти!

Ночь за окном, рассвет наступает… С красными глазами и высушенным «Полетом» горлом программист встает из-за дисплея. Его имя на первой строчке. Он победил.

Теперь ему даже немного стыдно — на что была потрачена ночь? Все! Больше — никогда! Да и игру он написал просто для проверки своих способностей! Больше он играть не сядет!

По крайней мере — в эту ночь.

…Наверное, компьютерные игры — это паразиты вычислительного мира. На паразите — паразит, все знаем. Почему бы и вычислительным машинам не обзавестись своими собственными?

Это версия успокоительная. Куда интереснее и страшнее представить, что именно игры и стали венцом эволюции, вытеснив и человека, и рюмку коньяка с лимоном, и всех прочих кандидатов на роль повелителей мироздания…

Ведь если взять по-настоящему хорошую и знаменитую игру, то количество прожитого в ней времени приводит в ужас. Вы играли в «DOOM»? И за сколько прошли игру, за неделю? Значит, вы умный. Ну так возьмите эту неделю и умножьте на несколько миллионов. Вам еще не страшно?

Когда выходит долго ожидаемая и заранее популярная игра, то главы крупных корпораций просто смиряются с фактом и заранее подсчитывают свои потери. Работа будет парализована, пока программисты и простые юзеры не наиграются вдоволь.

В чем же тут дело? Нет, я понимаю, что в нашей безалаберной стране этой беды не оценивают. Привыкли к авралам и перекурам.

Но как мирятся трудолюбивые капиталисты? Неужели… неужели и они слабы перед Игрой? И вся деловая хватка и накопленное веками трудолюбие меркнут перед экраном, на котором все больше и больше цветов, точки приобретают фотографически правильные лица, но в общем-то ничего не меняется.

Один бежит, другие догоняют.

Нет, надо разобраться. Хоть самому успокоиться. Начнем с чего-нибудь общеизвестного… вроде того, что Игры развивают реакцию, образное мышление…

Слабое утешение.

Ничего они не развивают, кроме близорукости. Умение быстро нажимать на две-три клавиши не поможет даже в машинописи. Способность ловко двигать «мышкой» по коврику в лучшем случае накачает вам кисть. А самая точная стрельба по монстрам в подземных лабиринтах ничего не даст при встрече с юной гопотой в подворотне.

В чем же дело?

2. Эпидемия начинается

Первый час, проведенный за игрой в «Warlord», меня не вдохновил. По примитивно нарисованной карте бегала фигурка рыцаря. Рыцарь мог захватывать города, выращивать в них войска и драться с другими, вражескими рыцарями. У игры, правда, было одно замечательное достоинство — в нее можно было играть сразу нескольким людям, совершая ходы по очереди. Для компании, собравшейся попить пива, это было огромное достоинство.

Давно затих институт, в чьих стенах мы собрались, стемнело, кончилось пиво. А мы сидели перед дряхлым «двести восемьдесят шестым» и нападали друг на друга, оглашая тишину удивленными воплями:

— Глянь-ка, на дороге конница хорошо сражается!

— А в горах грифоны — звери!

Когда наконец мы стали расходиться, скромный труженик вычислительного фронта Виктор произнес:

— Есть еще получше игры, только для них нужны «триста восемьдесят шестые»… у нас такая машина одна, под замком…

Под замком? Каким замком, тем, что в горах, или тем, что у моря? А, под замком… Я понял, что пропал.

Ночью, закрыв глаза и увидев рыцаря, летящего над холмами на паре грифонов, я убедился в этом окончательно.

Через неделю моя жена, обеспокоенная странными вечерними отлучками, тоже пошла поиграть на компьютере. Когда через несколько дней ей приснился сон — огромное поле, по которому шествуют плоские фигурки рыцаря и боевых волков, я убедился — болезнь заразна.

Далее поиски свободного компьютера, на котором можно поиграть, приобрели накал борьбы за выживание. День, проведенный без игры, казался безвозвратно потерянным.

На семинар писателей-фантастов в Тирасполе я поехал с надеждой излечиться. Там не будет компьютеров! Там никто не поддержит разговор об играх! Там будет хорошо!

В первый же вечер мой друг Володя Васильев, стесняясь так, будто говорил о своем первом поцелуе, сказал:

— А ты знаешь, я тут на компьютере поиграл… Есть такая игра…

— Вэрлорд! — закричал я.

— Да!

Компьютера не было. Мы рисовали карты на бумаге и пытались разработать правила для настольной версии. По пути в столовую, проходя мимо увенчанной серым флажком водонапорной башни, Володя подозрительно спросил:

— А почему флажок не изменил цвет?

Я его понял.

Если вы играли, то тоже поймете.

За день до разъезда мы все-таки нашли компьютер — познакомившись с двумя девушками из министерства социального обеспечения Приднестровской республики. Вместо торжественного банкета мы пошли играть — оказалось, что у нас обоих хоть и нет компьютера, но имеются дискеты с любимой игрой. Так, вероятно, крестоносцы бережно носили под латами мешочек со святыми мощами… Уходили мы поздно, девушки провожали нас подозрительными взглядами.

Мы не замечали.

Я стал серьезно подумывать о смене профессии. Компьютер в личном пользовании был недостижимой мечтой, значит, стоило заделаться программистом. Смущало меня лишь то, что я ненавидел математику.

Но, видимо, та сила, которая стояла за компьютерными играми, решила, что я принесу ей больше пользы в качестве писателя. В результате совершенно невероятных обстоятельств я стал счастливым обладателем своего первого компьютера.

Ощущение было примерно таким, будто добравшемуся до Грааля паладину предложили отныне использовать его в качестве походной кружки.

Примерно на полгода я полностью прекратил писать. Не до того было! Сила, вдохнувшая в Игры жизнь, нахмурилась и подсунула мне файл с рассказом Виктора Пелевина «Принц Госплана».

И я успокоился.

В четкой иерархии игрового мира было место всем!

И умным программистам, рождающим игры.

И простым труженикам бухучета, в эти игры играющим.

И писателям-фантастам, черпающим в игре вдохновение.

Время от времени знакомые программисты, прочитавшие мою книгу «Рыцари Сорока Островов», загорались идеей сделать по ней игру. Я радостно соглашался, на чем все и заканчивалось. Но стало ясно, что змея крепко закусила свой хвост, Игры пытаются черпать идеи в книгах, книги рождаются после Игр.

Когда в романе «Принцесса стоит смерти» я описал темпоральную гранату — оружие, отбрасывающее героя назад во времени и дающее возможность *переиграть* поединок, мне объяснили, что это всего лишь отражение загрузки компьютерной игры, команды «load».

Я не спорил, хоть граната и была придумана задолго до приобщения к рядам игроманов.

В конце концов, что мы знаем о природе времени? Может быть, в будущем я уже применял темпоральную гранату?

3. Обострение

Две мои жизни текли своим чередом.

Я писал книги и играл в игры.

В промежутках происходили какие-то иные события, но они откладывались в памяти куда слабее.

Но я еще не знал, что темные силы мироздания, подкинувшие человечеству компьютерные игры, не оставляют своим вниманием и писателей-фантастов.

Володя Васильев написал роман «Клинки», использовав в нем атрибутику игры «Warlord». На Западе возник стиль «киберпанк», в котором компьютерами разве что улицы не мостили. Роберт Желязны сочинил сценарий игры «Хрономастер». Рукописи в редакциях все охотнее принимали в виде файлов.

И тут ко мне в гости зашел змей-искуситель в лице того самого программиста Виктора, который приохотил меня к играм. Видимо, он был уже опытным агентом темных сил и знал, что на меня подействует безотказно.

— Игрушка новая, — сообщил он, извлекая из кармана дискеты. — «Master of Orion» называется.

И я погиб.

Игра была проста и незамысловата, как все гениальное. На фоне современных ярких и умных игровых монстров она смотрится бесхитростным сельским дурачком.

Галактика — много-много точечек-звезд. Есть человеческая империя. Есть инопланетные расы. Между точками-звездами летают точки-корабли. Как водится, догоняют друг друга, стреляют из разнообразного оружия и пытаются извести собратьев по разуму под корень.

Это была затягивающая все и вся воронка, подобная моему любимому оружию этой игры — «генератору черных дыр». Утро начиналось с радостного стрекота винчестера. Вечер проходил в кровопролитных сражениях, выжженных планетах и миллионных потерях среди личного состава.

Через полгода я понял, что надо что-то делать. Великая и ужасная сила требовала жертвоприношения. Самым мудрым было бы выкинуть компьютер в окно и вернуться к пишущей машинке, но я скорее выпрыгнул бы сам.

Нет, меня, конечно, не интриговал танец цветных точек на экране. Разноцветные лучи смерти тоже недолго тешили взор. Увеличение производительности труда на подвластных планетах никак не отражалось на моем личном благосостоянии. Двигая корабли через галактику, я в общем-то и не думал о игре.

Я в ней жил.

Этот мир был ясен и правилен, прост и логичен. Как и в реальной жизни, в нем многое зависело от случая, но основное — от твоих действий. От умения маневрировать, от правильного приложения усилий, от способностей к дипломатии. «Хозяин Ориона» был полноценной жизнью — цинично упрощенной и тем привлекательной.

И было очень интересно жить в таком мире.

Я сделал то единственное, что может сделать писатель, попавший под влияние мания-

кальной идеи. Я написал роман, где действие происходило именно в таком мире — простодушно жестоком, считающем жизнь и смерть одинаково мелкими штрихами на карте мироздания, в мире, где десяток цивилизаций вынуждены уживаться вместе. В мире, созданном человеком, переигравшим в игру «Хозяин Ориона».

От игры, и не претендующей в общем-то на сюжет, остались рожки да ножки — несколько названий планет и несколько названий разумных рас. Роман, плавно переросший в дилогию, захватил меня так же, как раньше игра. Какое-то время я еще подумывал, куда вставить сцену штурма Ориона, потом с улыбкой отбросил все привязки к игре. Дилогия «Линия Грез» — «Императоры Иллюзий» вышла страшноватой. В ней и положительных героев в общем-то не было. В тот или иной момент времени кто-то из персонажей мог вызывать симпатию, но в целом все они были хороши. И фразу «Я отучу вас мечтать!», вложенную в уста главному, условно положительному герою, я написал с чувством глубоко морального удовлетворения, переходящего в экстаз.

Злые силы были на время удовлетворены!

Я почувствовал, что исцеляюсь. Игры стали отползать на отведенное им у нормальных людей место — где-то между работой и классическим отдыхом.

Зато эффект от дилогии вышел неожиданный.

Каждый игроман, начавший ее читать и наткнувшийся на знакомое название расы, считал своим долгом крикнуть: «А я знаю, эта книга написана по игре!» Поскольку я активно присутствовал в компьютерной сети ФИДО, то редкий день обходился без такой полезной информации.

Вначале мне было смешно. Хотелось спросить, а дочитана ли книга до конца и доиграна ли игра? Какие останутся аналогии, если заменить расу разумных медведей-булрати на расу разумных кабанов-капибаров?

Потом мне стало страшно. Игровые демоны хихикали из своих темных далей, наблюдая за попытками оправдаться.

В чем же дело? — размышлял я. Откуда берутся аналогии, которых в общем-то и нет?

И вдруг меня настигло озарение.

Заключалось оно в простом факте, что не я один являюсь таким умным, двигающим по экрану цветные точечки и размышляющим о чем-то своем.

Все остальные игроманы поступали так же!

Где-то в бесконечном игровом поле, не существующем в нашей реальности, они видели все то же самое. Это их корабли я расстреливал при подходе к Земле. Это их десанты захватывали мои планеты. Но главным было другое — они тоже жили на этих планетах, летали среди звезд, гибли от лучевых ударов, ссорились и мирились с чужими расами..

Вся разница была в том, что я сумел это описать.

Литература, со времен папируса и глиняных табличек, никогда не возникала из пустоты. Она отталкивалась от жизни — такой, какой эта жизнь виделась автору. От реалий политических игр, от сплетен литературной среды, от цены на хлеб и вино, от возницы, окатившего автора грязью из-под колес двуколки, от соседа, пихнувшего в метро

А сейчас, прямо на наших глазах, зарождается новая культура. Победоносная и обольстительная. Вынужденная оставлять людям время на жизненные заботы — в конце концов, компьютеры тоже надо собирать, а собранным на игровом поле урожаем семью не накормишь. Но все более агрессивно виртуальный мир вторгается в нашу жизнь. Бороться с этим так же бессмысленно, как луддитам — бить ткацкие станки.

Новая культура требует подпитки. Игра может быть либо предельно сложной и проработанной, превращаясь в художественное произведение вроде «Хрономастера» Желязны, либо упрощенной и схематичной, как «Warlord» или «Master of Orion». Но в последнем случае она все равно требует литературной организации, апокрифов, созданных своими несчастными жертвами.

Когда Володя Васильев сказал мне, что пишет роман — беллетризацию игры «X-com», известной у нас *также* как «УФО», я не удивился.

Не мне же одному кидать упитанных тельцов на алтарь нового бога?

4. Пути инфицирования

Как-то мне довелось гостить у друга, человека во всех отношениях серьезного, любителя классических жизненных радостей, увлеченного своей работой и совершенно равнодушного к компьютерным играм

Первым делом я поставил на компьютер «Heroes of Might & Magic» и стал играть. Некоторое время друг наблюдал за экраном, потом подесел рядом и стал спрашивать, что, собственно говоря, тут творится.

Я объяснил.

Где-то в первом часу ночи я, отправился спать, оставив новообретенного адепта этой прекрасной игры за машиной.

Проснулся я от знакомого до боли звука, с которым птицы-фениксы рассыпаются на части. Стеклянные они, видно. В окна лился тусклый рассвет, на часах было шесть утра. Я вышел в соседнюю комнату.

В эту ночь темные силы мироздания получили от нового энтузиаста хорошую жертву.

Было воскурено как минимум две пачки сигарет и вылита на алтарь игры бутыль джина с тоником. Друг посмотрел на меня красными, но счастливыми глазами

— У тебя же сегодня встреча с министром, — напомнил я

— Сегодня?

— Да. Через несколько часов

Уходя на важную деловую встречу, друг от души пожелал мне.

— Огнедышащих фениксов тебе в войско!

И тогда я понял, что не только болен сам, но и заражаю окружающих.

5. Лечение

Не существует.

6. Профилактика

Малоэффективна.

7. Прогноз

Лучший способ бороться с искушением — поддаться ему. Лучший способ победить болезнь — выработать иммунитет. Прояснив для себя ситуацию, в которую попадает молодое поколение писателей-фантастов, я задумался о перспективах.

Так или иначе отразить любимую игру в романе — это одно. К тому же очень здорово помогает в плане лечения.

Но это метод сложный, штучный, пригодный только для собратьев по перу. А вот что ждет всю литературу, и в первую очередь фантастическую? Сейчас, когда подрастает поколение, выросшее на «Денди», «Сеге» и прочих приставках к телевизору?

То, что люди стали меньше читать, — это понятно. И это не спишешь только на экономические причины: на игровые картриджи деньги находятся. А вот чем это кончится для литературы?

Вначале я возлагал основные надежды на дороговизну компьютеров. А игровые приставки — все-таки развлечение для детей. Подрастут — и одумаются. И не картриджи глу-

пые, Стругацких и Пелевина с базара понесут…

Но — опять же происки темных сил — прогресс в области электроники идет чудовищными, нигде более недостижимыми, темпами. Подержанный компьютер уже сейчас стоит дешевле телевизора. Разумеется, стоит только его взять, и сразу захочется более современной, дорогой машины. Но об этом-то люди не знают…

Неужели скоро единственным пристанищем писателя-фантаста станут романы по компьютерным играм или в лучшем случае сценарии таких игр?

Не самое радужное будущее.

Ведь — открою страшную тайну — мне все-таки больше нравится писать, чем играть в игры.

Можно сказать, что ничего страшного не происходит. Смерть книгам предрекали, когда родилось кино, смерть книг и кино ждали после появления телевидения.

Но дело в том, что компьютерные игры обладают одной замечательной особенностью, которой нет у других видов… эх, что уж теперь — у других видов искусства.

Обратная связь!

Мы не вольны изменить судьбу героя книги.

Мы не можем продлить кинофильм до бесконечности… или хотя бы растянуть его действие на долгое время… Хотя стоп! Чем являются «мыльные оперы», от мексиканских слезогонок до таинственных «Секретных материалов», как не игрой с обратной связью? Пусть с очень слабенькой и неярко выраженной, и все же… Зрители готовы день за днем смотреть убогий сюжет, постыдно слабую игру актеров — все потому, что знают — их немудреным вкусам будет предложено *должное.* Пусть здесь в роли программистов выступают режиссеры, постигшие нехитрые правила массовой культуры, — но суть неизменна. Потребитель получает именно то, что ему хочется. Не в том ли причина популярности?

А теперь представьте себе «мыльную оперу», которую каждый зритель волен менять на свой вкус. Зрелище, в котором сюжет способен ветвиться в любом направлении. Где главный герой будет иметь твое лицо и твой голос, поступать именно так, как хочется тебе. Бороться с мафией, летать в космос, строить империю…

Да не пишу ли я сейчас краткий пересказ «Линии Грез»? Вряд ли. Ведь игра подобного плана возможна уже «вот-вот». Очередной скачок научно-технического прогресса, переход компьютеров на новые технологии, чуть-чуть фантазии у сценаристов… А если еще добавить сюда возможности электронных коммуникаций?

Пусть машина не способна пока должным образом не то что мыслить, но и имитировать разум, но что вы скажете о такой технологии…

…Компьютер, постоянно подключенный к Интернету. Длящаяся бесконечно игра. Пер-

сонажи взаимодействуют друг с другом, каждый находит себе именно то занятие и времяпрепровождение, которое ему по душе. Расстояния не являются преградой. Миры множатся в геометрической прогрессии. Все это отображается не на экране, а через виртуальный костюм и шлем. Эффект присутствия полный, возможно, что добавится какое-либо средство, влияющее на подсознание игрока, — медикаментозное или волновое. Описанный братьями Стругацкими «слег» — только не индивидуальный, а с возможностью взаимодействия между людьми.

Что будет кушать человек, «утонувший» в такой игре, спросите вы?

Я отвечу. Стоит подумать а том, что уже сейчас люди ряда профессий — интеллектуальная элита мира — не скованы необходимостью ходить на работу. Программировать, прогнозировать, рассчитывать новую технику, творить — все это можно осуществлять и дома посредством компьютера и сетевых коммуникаций. В роли офиса будет выступать мощный сервер, а сидеть на виртуальной лужайке под пение птиц или на виртуальной вилле на берегу моря — куда приятнее, чем в стенах самого фешенебельного офиса. Вот вам и источник средств к существованию — работать в виртуальности и в ней же жить, выходя лишь для приема пищи и прочих жизненных потребностей.

Все это уже не фантазия. Элементы всего вышесказанного существуют и сейчас. Дело за технологией — а когда вопрос упирается лишь в нее, то реализация движется очень быстро. Причем конечный итог оказывается куда смелее самых ярких прогнозов — так было и с телевидением, и с киноискусством.

Можно возразить, что есть много областей жизни, где прогнозы не оправдались. Увы — все они не являлись областью *развлечений.* А подлинную изобретательность и фанатизм человек проявляет именно в достижении жизненных удовольствий. Потому практически заброшено освоение космоса, что стало ясно — каждому желающему на Луну или Марс в ближайшее время не слетать. Потому вяло и скучно развивается медицина, что излечение, скажем, экземы или стенокардии — это не веселое развлечение для всех желающих, а «всего-то» насущная потребность многих. Потому и будет, уверен, в ближайшем будущем побежден СПИД, что он по своей вирусной глупости посмел мешать людям в некоторых развлечениях…

Я не люблю делать прогнозы. Но будущее, когда весь прогресс сосредоточится в области электроники, развлечений, сетевых технологий, — представляется мне весьма вероятным. Будущее, когда люди интеллектуального труда стремительно спрячутся в виртуальных играх от скучных, подтекающих кранов, плохой погоды, грязных подъездов и прочих жизненных мелочей, — возможно.

И как ни странно, наиболее возможно именно в нашей стране.

Можно попытаться спрогнозировать, что произойдет с миром дальше. Не разделится ли человечество на две группы — предпочитающих обитать в виртуальности, создающих ценности интеллектуальные, и на обитателей реального, вещественного мира… со всеми возможными последствиями. Беда в том, что тут и фантазировать-то почти не надо. Первый программист, заставивший точки гоняться по экрану друг за другом, вызвал все это к жизни.

Скажу честно — все вышеизложенное я уже пытался осмыслить в художественной форме. Одна из последних моих книг, «Лабиринт Отражений», была именно об этом. И своеобразным тестом послужили отклики на нее, полученные в Сети.

Были письма с благодарностью и надеждой на то, что данный мир возникнет как можно быстрее.

Были короткие письма со словами о том, что книга заставила задуматься.

Примерно поровну и тех, и других. Как я робко и предполагал. Знаете, очень приятно, что книгу все-таки прочитали и приняли именно в компьютерной среде. Там ведь так много иных, более впечатляющих развлечений. Но мы пока помним буквы, хоть уже и забываем ставить запятые: электронный мир стремителен и предпочитает не размениваться по мелочам.

Бесполезно бороться с болезнью, которая уже в крови. Проще научиться с ней жить.

Глупо отрицать игровую культуру. Могло быть и что-нибудь похуже.

А вы говорите — «игры», и улыбаетесь. Зря. Слово «Игра» стоит уже писать с большой буквы. Любопытство, которое порой так хочется назвать темной силой мироздания, подбросило своим наивным подданным новую Игру — компьютерную. И теперь ждет результата.

Каким он будет, я все-таки не рискну предположить.

Возможно, Игры все-таки станут детской болезнью — в одном ряду с корью и скарлатиной. Кстати, не следует забывать, что взрослым детские болезни перенести гораздо тяжелее…

Возможно, человечество разделится на виртуалов и реалистов, «виртов» и «реалов», — два клана, чьи конфликты будут пострашнее классовой борьбы или религиозных войн.

Я не знаю.

Можно было бы еще многое сказать о Играх и Фантастике и о том, как они превращаются друг в друга. Но я больше не в силах. Уже пять часов я сижу и пишу этот текст. А герои «Меча и Магии» ждут меня в том далеком и прекрасном мире, куда вы, надеюсь, заглядываете.

Вы же меня понимаете?

Огнедышащих вам фениксов в войско!

САМИ МЫ НЕ МЕСТНЫЕ…

Есть в фантастике, по самому определению не выносящей ограничений, свои маленькие табу. И если наличие их вполне понятно в вопросах религии, политики, секса — нехорошо все-таки обижать людей другой веры, политических убеждений или любовных предпочтений, то одно табу выглядит более чем нелепым.

Имя этому табу — отношение к Чужим.

Казалось бы, что ужасного может быть в описании войны людей и ухоногих прыгунцов с третьей планеты Сириуса-А? Особенно в наше время, когда сильная страна с легкостью выбирает себе мальчиков для битья из числа менее сильных стран.

Но нет — за права прыгунцов тут же вступятся! В лучшем случае автора обвинят в дешевой развлекательности, в худшем — в отсутствии гуманизма. Насколько нелепо относить термин «гуманизм» к существам, похожим на гибрид кузнечика и спаниеля, никто не задумывается. И пусть автор, утирая скупые слезы, описывает, как прыгунцы бомбят человеческие города и алчут наших женщин, — бдительный читатель не простит ему ответного удара по гнездовьям ухоногих братьев по разуму.

Давайте же пройдем вместе по пыльным тропинкам, что пролегли по полям боевой славы земного оружия. И попытаемся понять — можно ли писать о войне с Чужими и нужно ли это делать.

Первый аргумент защитников Чужих настолько же ожидаем, насколько и смехотворен. «Знаем-знаем, кого автор изображает в виде мохнатых прямоходящих тарантулов!»

Как правило, автор никого, кроме агрессивных прямоходящих тарантулов, изобразить и не пытается. Но подозрительный читатель редко верит автору. Воспитанный на советском диалекте эзопова языка или на политкорректных заповедях американского образа жизни, он бдительно сверяет цвет меха тарантулов с цветом собственных волос, ищет и находит какие-либо политические параллели.

Что ж, кто ищет — тот всегда найдет. С подобным читателем спорить бесполезно, но положа руку на сердце — толку в таком поиске не больше, чем искать в образе Дарта Вейдера злобную пародию на отважного Дар Ветра.

Второй аргумент куда более серьезен и имеет право на существование. Звучит он примерно так: «А что, если к нам действительно вот-вот прилетят добрые и умные кремнийорганические медузы с Альфы Центавра? Посмотрят наши фильмы, прочтут наши книги, обидятся — да и улетят. А то и уничтожат Землю как недостаточно добрую планету…»

Ну, давайте будем последовательны.

Если добрые — то не уничтожат.

Если умные — то задумаются, почему так часто в фантастике контакт сопряжен с конфликтом.

Давайте задумаемся и мы.

Развитие разума всегда происходило на фоне неблагоприятной внешней среды. Разум, по сути, и есть защитная реакция живого организма от слишком сложной и непредсказуемой среды. Саблезубые тигры, ледники, нехватка мамонтов или нефти — все это заставляло людей обороняться, менять окружающий мир, защищать те или иные ресурсы. На теплых тропических островах можно пить кокосы и есть бананы, петь «Чунга-чангу» и умеренно размножаться, но никак не осваивать соседние материки, а уж тем более — соседние звезды.

Агрессия и защита от агрессии — это основной движущий фактор эволюции. Спорить с этим, имея хотя бы начальные познания в биологии, бесполезно.

Так что добрые рукокрылые ушаны могут ждать нас где-нибудь у Альфы Центавра.

А вот кто может встретиться нам в космосе или, что еще хуже, прилететь в гости?

Разумные — раз (иначе не вышли бы в космос). Умеющие контролировать свою агрессивность — два (иначе истребили бы сами себя).

Выдвинутый в свое время Ефремовым лозунг «Цивилизация, достигшая уровня межзвездных полетов, не может быть агрессивной» критики не выдерживает. Уровень агрессивности никаким образом не зависит от уровня развития. До сих пор существуют первобытные племена, чей образ жизни можно назвать пасторальным, — и племена, чьи обычаи иначе как отвратительными не назовешь. Вполне развитая европейская и атлантическая культура тоже не выказывает никаких признаков снижения агрессивности. А прогресс науки, подстегиваемый непрерывными конфликтами, продолжается. Кстати, вы как-нибудь сведите вместе двух высоко разумных и добрых ученых и посмотрите, сколько у них найдется поводов для конфликта в совершенно абстрактном научном споре о пространстве-времени.

И нет никаких оснований не ожидать в самое ближайшее время кардинального прорыва в физике пространства, который позволит нашей сегодняшней цивилизации выйти на уровень межзвездных путешествий.

Фантастично? Луны-то едва коснулись, до Марса не дотянулись, а туда же, к звездам… Что ж, речь идет именно о качественных изменениях. А они способны изменить облик космонавтики в считанные десятилетия.

Теперь представим, что сегодняшнее человечество или похожие на нас по развитию ушаны вышли в космос, что созданы достаточно быстрые и экономичные средства межзвездных сообщений. И перед нами сразу же встанет второй вопрос: «Зачем?»

Итак, рассматриваем третий аргумент: «Мир лучше войны, нам не за что будет воевать».

Увы, но в первую очередь к иным мирам мы отправимся не за научными знаниями. Главным вопросом любой экспансии — что на Земле, что в космосе — всегда был вопрос ресурсов. Вряд ли станет экономически выгодным возить на Землю нефть или мороженое мясо рукокрылых ушанов с Сириуса. Да и ушанам заготовки золота и человечины на Земле вряд ли потребуются.

Но главным ресурсом всегда было само место под солнцем — и не важно, как это солнце называется. Нет оснований считать, что планеты земного типа широко распространены в галактике. Значит, дышащие кислородом, нуждающиеся в воде и живущие в достаточно ограниченном температурном диапазоне расы неизбежно будут конкурировать за главный ресурс — те самые тропинки чужих планет. И если даже люди откажутся от посягательств на родную планету ушанов, а ушаны пообещают не трогать Землю, останется вопрос нейтральных территорий.

Учтем, что все это — самый простейший и примитивный случай. И человечество, и ушаны в данном случае рассматриваются как совершенно идентичные культуры с общими потребностями и схожей психикой. Такие отношения, при всей их напряженности, скорее всего можно будет свести к тем же правилам общежития, что существуют на Земле (надеюсь, никто не считает такие отношения абсолютно бесконфликтными?)

Куда более сложна ситуация, при которой две цивилизации, включая земную, не конкурируют за ресурсы, но имеют совершенно разную систему ценностей. Допустим, раса кристаллических черепашек с Проциона хочет всего лишь колонизировать бесхозную и ненужную для людей Венеру. А может быть, даже Венера им не нужна, и летают черепашки между звездами в поисках чистого знания, питаясь солнечной энергией и слагая замечательные поэмы.

Идиллия?

Не обязательно. Потому что кристаллические черепашки могут быть шокированы омерзительным обычаем людей употреблять в пищу животную и растительную пищу. Потому что оды знанию, которые черепашки распевают в каждую свободную минуту, сводят людей с ума, а узоры на их панцире отвратительны до тошноты.

Ладно, договорились с черепашками. Те стали петь вполголоса и покрасили панцири в розовый цвет, а люди перешли на питание химически синтезированными аминокислотами. Лишь бы не было войны…

А тут прилетает новая форма разумной жизни, чье название непроизносимо, да и вообще у них нет самоназвания. Эта разумная жизнь — всего лишь информационный пакет, компьютерный вирус, который внедряется в любое электронное устройство.

Ладно, разобьем компьютеры от греха подальше. Или подарим в качестве жилья новым

братьям по разуму.

Но чу, слышен рев фотонных двигателей! Вот они летят, еще одни братья по разуму! Такие же, как и мы! Руки, ноги, голова… Говорят по-английски и по-русски. Смеются над нашими анекдотами, галантно ухаживают за нашими женщинами, дарят вакцину от насморка. Пора утереть пот со лба и зарыть «Томагавки»?

Ан нет! Они, оказывается, придерживаются веры в Великого Чхи. И хотят, чтобы мы немедленно прониклись этой верой. Ну ничего совершенно страшного, просто раз в неделю восславить Великого Чхи, а примитивные земные верования забыть! А может, они ни в кого не верят. И полны решимости помочь землянам избавиться от религиозного дурмана.

Последствия описывать?

Впрочем, есть еще один вариант. Самый страшный.

Вот они летят, добрые и могучие. Вид их приятен для глаз, а сердца полны любви и жалости к людям. Они дарят нам более крутую вакцину от насморка, а вирусы гриппа вылавливают сачком и отсаживают в заповедник — потому что не способны убить живое. Они отвечают на все вопросы и не требуют ничего. Сам смысл их жизни — творить добро.

И на Земле начинается сплошная чунга-чанга.

Конечно, отдельные несознательные люди пытаются превратить вакцину от насморка в биологическое оружие, добрых и могучих берут в заложники, устраивают марши протеста против негуманного обращения с вирусами гриппа.

Но проходит время, и на Земле воцаряется полнейшая идиллия. Человечество лежит под пальмами и временами жестами просит всунуть ему в рот очередной банан.

А где же ученые, которые должны взыскать новых знаний?

А вон они, под сенью олив задают вопросы добрым и могучим. Добрые и могучие отвечают. Они уже все на свете открыли и узнали, нет нужды лететь к звездам и колонизировать Марс. Также не требуется писать книг и сочинять музыку — они столько насочиняли и такого качества, что на тысячу лет хватит.

Чу, что происходит? Ученые как-то сами собой повывелись. Иногда подойдет юноша со взглядом горящим, в обнимку с верной подругой, да и воскликнет: «Я знаю, в чем смысл жизни!» И ответят ему добрые и могучие: «Молодец! И мы знаем!»

Вот уже и добрые-могучие заскучали. Потребности человечества удовлетворены — от самых низких до самых высоких. Пора и в путь-дорогу. И после прощальных плясок под пальмами улетают они в поисках новых несчастных братьев по разуму, которых надо облагодетельствовать. И тянется за ними по Вселенной след из тихих, мирных, пасторальных миров, где обитает счастливый, ни в чем не нуждающийся скот…

Так что мы говорили о невозможности конфликта двух разумных цивилизаций?

Знаете, уж лучше пусть так, как в старой доброй фантастике. Через конфликты. Через непонимание. Через трудности.

Но оставаясь людьми.

ХОЖДЕНИЕ В КИНО

Если какой-нибудь писатель скажет вам, что не мечтает видеть свою книгу экранизированной, — не верьте ему. Все мечтают, только некоторые стесняются в этом признаться.

Я об этом мечтал давно и даже мысленно разделил все свои книги на две группы: «Можно снять у нас» и «Можно снять в Голливуде». Первая группа была до обидного маленькой: «Осенние визиты» и «Ночной Дозор». Ну конечно, не составило бы особого труда снять «Рыцарей Сорока Островов», но кто в наши дни вкладывает деньги в детское кино?

Так что когда в «АСТ» первый раз пришли с предложением снять фильм по «Ночному Дозору», я согласился не раздумывая. Порадовался, что всегда оставляю за собой права на экранизации, а также на создание компьютерных игр, спектаклей, опер и изваяние героев книг в бронзе и мраморе.

И согласился.

С первой командой, представлявшей небольшую, но вполне успешную киностудию, дела у нас не заладились. Нет, поначалу все было хорошо — вот только сценарий не вытанцовывался. Я позвал на помощь Андрея Щербака-Жукова, как-никак окончившего ВГИК по специальности «сценарист». Мы что-то написали. Увы, это никому, включая нас самих, не понравилось. Тогда сценарий доверили писать одной популярной актрисе. Результат не понравился мне. По ночным московским улицам разъезжали в «мерседесах» и «БМВ» наглые вампиры при золотых цепях и дорогих мобильниках. В подворотнях наркодилеры продавали им кровь девственниц и невинных младенцев. Где-то суетился подлый интриган Гесер. Бегала за вампирами волшебница Ольга. Антон Городецкий мелькнул пару раз на втором и третьем планах.

Все это было грязно, чернушно и хорошо бы прозвучало в начале «перестройки».

Я расстался с этой командой с чувством смутного взаимного недовольства. Похоже, мы с ними читали какие-то совершенно разные книги.

Известие о том, что за экранизацию взялся Первый канал, меня откровенно порадовало. Во-первых, было понятно, что возможности у них несравнимо больше. Во-вторых — само отношение к автору и авторскому видению книги было гораздо уважительнее. Да и с режиссером фильма Тимуром Бекмамбетовым отношения сложились куда лучше (может быть, сыграло свою роль то, что мы земляки — оба из Казахстана? Все-таки Восток дает свой взгляд

на мир… не такой прямолинейный).

Но вначале все шло по старой колее. Я писал сценарии — они не нравились. Раз за разом я что-то переделывал — и все это уходило в мусорную корзину. Я начал с тоской вспоминать истории про съемки «Сталкера», сценарий которого братья Стругацкие переделывали чуть ли не тридцать раз.

На Первом тоже загрустили. За сценарий брались самые разные люди — и признанные сценаристы, чьи имена мелькают в каждом втором российском сериале, и полные энтузиазма новички. Текст не давался. Сценарии не нравились ни заказчику, ни режиссеру, ни мне самому.

Кончилось тем, что мы сели с Тимуром и стали обсуждать, что именно нам нужно, чего мы хотим от фильма, что там должно быть, а чего там быть не может.

И дело неожиданно пошло на лад. Многострадальный сценарий четырех серий (охватывающий две трети книги «Ночной Дозор») был наконец-то написан. Начались съемки. Я успокоенно вздохнул и даже согласился сделать сценарий следующих серий.

Тем временем известие о том, что Первый канал все-таки начал съемки фильма, потихоньку распространилось среди кинопроизводителей. И начался какой-то странный, хотя и очень приятный период. Мне звонили то с одной, то с другой киностудии и просили права на съемки фильма. Начиналось все с вопросов о «Дозорах», когда же «выяснялось», что съемки уже идут, — речь переходила на другие книги.

Какая там «первая группа», «вторая группа»!

Я прихожу в большую, серьезную компанию. Мне сообщают, что хотят снимать фильм по только что вышедшей книге «Спектр». Я осторожно объясняю, что в этой книге — семь планет, не считая Земли, десяток различных разумных рас, выстрелы из бластеров и прочие спецэффекты. Не снять у нас такого, ну никак не снять! Лучше возьмите «Осенние визиты» — затраты на спецэффекты минимальны, нужна лишь хорошая актерская игра! «Хорошо», — отвечают мне. «Тогда мы возьмем „Осенние визиты“… о чем они, кстати? И „Спектр“ тоже возьмем».

За несколько месяцев киностудии приобрели права на съемку «Спектра», «Осенних визитов», «Лабиринта отражений», «Звезд — холодных игрушек», «Звездной тени», «Генома», написанной вместе с Ником Перумовым книги «Не время для драконов» и даже детских «Рыцарей Сорока Островов». Правда, по поводу последних было честно сказано, что сюжет будет адаптирован к приключениям взрослых героев. Ну не отбить затраты на спецэффекты показом детского кино! Зато было обещано, что в небеса взовьются драконы и космические корабли, инопланетяне будут совсем как живые, и вообще — никаких проблем со съемками фантастического кино ныне в России нет.

Скажу честно — пока ни один фильм снимать не начали. Причина, я думаю, очень простая. «Ночному Дозору» отведена роль пробного шара. Удастся фильм, окупит себя в кино— и телепрокате — стартуют съемки «Генома», «Спектра», «Осенних визитов». Обратятся к другим авторам (пока права покупали лишь у меня и Ника Перумова). Провалится «Ночной Дозор» — и компании предпочтут закрыть проекты, не начиная съемок.

В общем, все выжидали.

А «Ночной Дозор» тем временем снимался.

На главную роль Антона Городецкого был взят Константин Хабенский. На роль Гесера — Владимир Меньшов. На роль Завулона — Виктор Вержбицкий. Среди актеров есть и признанные мастера — Николай Олялин, Валерий Золотухин, Римма Маркова. И талантливые молодые актеры — Мария Порошина, Алексей Чадов, Галина Тюнина. И поп-звезды — Жанна Фриске в роли ведьмы Алисы Донниковой и Илья Лагутенко в роли вампира.

В общем, актерский состав выглядел «как положено». Меня испугал выбор режиссера лишь в случае с Алисой Донниковой. Но, просмотрев какие-то первые фрагменты съемок, я убедился, что причин для паники нет. Жанна Фриске играла очень достойно и, похоже, с интересом.

Оставалось скрестить пальцы на удачу и ждать.

Я слышал два мнения по поводу спецэффектов в фантастическом кино (а что ни говори, но фантастический фильм без спецэффектов после «Матриц» и «Властелина Колец» никому не интересен). Мнение первое — самое сложное, это компьютерные эффекты, съемки «на синем экране», создание пейзажей иных планет и космических баталий. Мнение второе — цена на компьютерные спецэффекты ныне упала, специалистов хватает, зато очень мало осталось профессионалов, способных сделать качественный грим «инопланетянину», придумать дизайн бластеров, скафандров и прочих бытовых мелочей. Ведь до сих пор профессионалы с улыбкой вспоминают фантастический фильм «Петля Ориона», где космонавты ходили в гэдээровских лыжных ботинках и с застежкой-молнией на скафандре.

В «Ночном Дозоре» бытовые мелочи придумывать почти не пришлось. Мир наш, обычная Москва. Темные и Светлые обитают в обычных квартирах, порой даже специально приземленных, запущенных. Ночной и Дневной Дозоры работают в самых обычных офисах — с канцелярской мелочевкой на столах и облупившейся краской на стенах. По сути, перед режиссером стояли следующие задачи: изобразить Сумрак, изобразить превращение совы в Ольгу, а Тигренка и Медведя — в животных, изобразить Завулона в демоническом облике, найти визуальное решение для «Воронки Проклятия» над Светланой. С изображением вампиров, как известно, легко справится и школьник с видеокамерой, купивший в магазинчике «Смешные ужасы» резиновые клыки.

Нам казалось, что проще всего будет с Сумраком. Визуальное решение было подробно описано в книге, выглядело оно вполне зрелищным…

Но тут на экраны вышел «Властелин Колец», и мы с ужасом обнаружили, что именно в такой Сумрак входит Фродо, надевая Кольцо Всевластия.

Перечислять все принятые и отброшенные варианты вряд ли стоит (да и сам я видел от силы половину решений). Были среди них и совершенно неожиданные — к примеру, Сумрак представлялся в виде капиллярной сетки, заполнявшей все пространство экрана, некоего живого существа, в которое входят персонажи. Увы, этот вариант убивал картинку, лишая сцены в Сумраке и динамизма, и зрелищности…

То, что было принято в итоге, — некий компромисс между первоначальной идеей и стремлением избежать вторичности. Как это выглядит на экране, вы, наверное, уже видели. Мне кажется, что Сумрак все-таки получился.

Технически несложен «морфинг» человека в животное и обратно. Но и тут есть свои подводные камни, о которых вряд ли подозревают зрители. Комичным и мультяшным выглядит на экране превращение мелкого животного (к примеру — совы) в человека или превращение человека в крупного зверя — тигра, медведя. Эту проблему обходят по-разному. В «Гарри Поттере», к примеру, превращение кошки в женщину показано через тень на стене. И вовсе не из-за нехватки средств на «морфинг»…

Очень интересное — одновременно и буквальное, и аллегорическое — решение было найдено для показа «Воронки Проклятия». Воронка — кружащиеся над домом вихрем вороны.

Вроде бы «в лоб». Но как эффектно это выглядит!

Ну а самое великолепное кинематографическое решение фильма, на мой взгляд, это Завулон в финальном поединке на крыше здания. Одна-единственная деталь передает его демоническую сущность, но какая деталь! Не буду портить впечатление тем, кто фильма еще не смотрел. Но решение было найдено великолепное — за что я особо благодарен режиссеру.

Фильм, конечно, это не только и не столько спецэффекты (хотя к некоторым западным фильмам это не относится). Фильм, как и книга, это рассказанная история, только режиссер в отличие от писателя может ее не только рассказать, но и показать.

С сюжетом, при всей кинематографичности «Ночного Дозора», тоже было трудно. Книга написана от лица главного героя — это оправдывает и длинноты, и резкие боковые ответвления сюжета. В любой момент герой может что-то вспомнить, что-то обдумать, объяснить «для себя» — а на самом деле для читателя.

В кино злоупотреблять этими приемами нельзя. Большой роман невозможно перенести на экран буквально. Пришлось безжалостно отсекать некоторые линии. Другие, напротив, из-

менились и вышли на первый план. Мне кажется, что иногда это шло на пользу истории. Иногда — нет. Но я прекрасно понимаю, что это неизбежно. Буквальные экранизации редко бывали удачными, куда важнее, чтобы в фильме сохранился дух книги.

А это, мне кажется, удалось.

Ну и еще одно маленькое наблюдение со съемок «Ночного Дозора». В старом хорошем мультике «Фильм. Фильм. Фильм» пели: «И нам, конечно, врут, что это тяжкий труд…»

В одной из сцен «Ночного Дозора» фигурирует «школа магов» при Ночном Дозоре. У режиссера возникла интересная идея — усадить за парты в роли массовки писателей-фантастов. Это и было осуществлено. Среди Иных сидели писатели Эдуард Геворкян, Олег Дивов, Владимир Васильев, Леонид Кудрявцев и Леонид Каганов, критики Александр Ройфе, Андрей Синицын, Дмитрий Байкалов… боюсь, что всех имен и не вспомню. Мне как автору книги даже досталась коротенькая роль со словами — я пучил глаза, надувал щеки и взглядом «поднимал» металлический лист.

На съемки мы пришли в двенадцать часов дня. Уходили — в девять вечера. Сцена, которая на экране занимает едва ли минуту, снималась девять часов. Был жаркий летний день, а по сценарию — холодная зима. Окна помещения покрыли искусственным инеем. Все — и актеры, и массовка — были тепло одеты. Но если несознательная писательская массовка в перерывах прогуливалась и дегустировала коньяк, то съемочной группе доставалось по полной программе.

А когда в девять вечера мы отправились по домам, съемочная группа поехала в Свиблово — снимать сцену драки Антона Городецкого с вампирами. И съемки эти, насколько я знаю, шли почти всю ночь…

Я не рискну сравнивать тяжесть того или иного труда. Но писать книги, честное слово, куда легче, чем снимать фильм. Писатель по большому счету не зависит ни от кого и ни от чего. Не будет электричества — в ход пойдет пишущая машинка или карандаш и тетрадка. Провал — это твой личный провал, но удача — это только твоя удача.

Съемки фильма — огромный труд огромного коллектива. Мне всегда было трудно представить себе, что такое реально тираж в сто пятьдесят тысяч экземпляров… нет, умом это понимаешь — не самый маленький город, читающий твою книгу, но вот представить зрительно…

Совсем другое ощущение, когда ты видишь десятки и сотни людей, занятых тем, чтобы перенести твою книгу на пленку, уже не для сотен тысяч — а для миллионов человек. Мне стало немного страшно. Наверное, это чувство испытывает и съемочная группа — каждый раз, когда снимает новый фильм.

Я знаю, что они очень хотели сделать хорошее кино и донести его до зрителя. Я наде-

юсь, что у них это получилось.

Потому что от удачи или неудачи «Ночного Дозора» будет зависеть, как скоро в России появится хорошее фантастическое кино.

А я, как и вы, наверное, люблю не только читать, но и смотреть фантастику.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ТРИЗНА

Хоронили мы Научную Фантастику. Скудно хоронили, что уж сказать… Товарищи из профсоюза произнесли краткую речь о покойнице. Перечислили ее заслуги — всем в общем-то прекрасно известные. И как поднимала она американскую экономику в тяжелые годы депрессии. И как манила мечтой о космосе. И даже как звала молодежь во ВТУЗы — вспомнили.

Потом выступили друзья и близкие покойной. Многие в свое время состояли с ней в тесной связи — как правило, по юности, прежде чем всей душой отдаться Развлекательной, Социальной или Сказочной Фантастике — сводным сестрам покойной. Сестры эти, не надорвавшие здоровья на великих стройках двадцатого века, до сих пор молодились и чувствовали себя хорошо — недаром вокруг них роились юные поклонники.

Друзья и близкие, скрывая печаль, рассказывали забавные и поучительные истории из жизни Научной Фантастики. Некоторые заявили, что всю жизнь любили только ее одну — причем взаимно! — и грядущие поколения еще оценят крепость их отношений. Многие выражали надежду на ее будущее воскресение — в связи ли с социальным заказом, по велению ли мудрого царя…

Потом мы разошлись. Каждого ждали свои великие книги и свои капризные музы.

А покойница полежала немного, включила Атомную Пилу, вскрыла домовину, потом достала Нейтринный Землекопатель — да и выбралась из свежей могилы. Постояла под вечерним дождиком, синенькая и пошатывающаяся, включила Генератор Красивых Обличий — и побрела к ближайшей остановке.

В конце концов — не первый раз хоронили. Она успела привыкнуть.

Особенно она привыкла к завышенным ожиданиям на свой счет.

Кто-то честно старался писать романы, исходя только из имеющихся на данный момент научных открытий. А потом бегал по Парижу, скупая экземпляры своей книжки, в который вчера придуманный «Наутилус» таранил корабли бивнем. Беда, беда, ведь сегодня были изобретены торпеды!

Кто-то верноподданнически изрекал, что она «должна звать во ВТУЗы», — и она принималась звать, напрочь забывая, что литература вообще никому и ничего не обязана. Ре-

зультат? Научная Фантастика переставала быть литературой, а становилась научпопом к читателю. Читатель, не обрадованный таким зрелищем, отворачивался.

Кто-то с энтузиазмом пытался донести до широкого читателя радости своей профессиональной деятельности. А читатель, путаясь в безукоризненно точном описании диффузии межзвездного газа или тонкостях фрактального программирования, откладывал книгу в сторону.

Господа, кто и когда вам сказал, что научная фантастика — синоним научного справочника? Никто не строит заборы или лодки, сверяясь с «Робинзоном Крузо», никто не ловит преступников, черпая знания из «Пестрой ленты» или «Черных орхидей», никто не изучает историю по «Роб Рою» или «Спартаку», никто не воспитывает детей, опираясь на «Мэри Поппинс» или «Карлсона».

И только несчастную русскую литературу, доизнывавшуюся от вопросов «кто виноват» и «что делать» до революции, по сию пору лихорадит. Вот и фантастике что ни день велят учить, инженерить человеческие души, звать во ВТУЗы…

Ах это удивительное русское народное стремление — призвать, да чтоб всем миром! Чтобы навалиться и сплотиться! Чтобы все приспособить «на пользу дела» — пусть футболисты не просто так бегают, а динамо вертят, пусть мечта не ввысь воспаряет, а грузы перевозит… Только вот моторы ломаются и электричество отключается не потому, что процесс починки моторов был плохо описан в фантастической литературе. Пьяный слесарь, сломавший мотор, книг вообще не читает. Тут в консерватории что-то править надо…

Фантастика зовет к звездам, к компьютерным, нано — и биотехнологиям, к научному поиску. Но она не может и не должна подменять науку. Они, конечно, внешне похожи: учебники и справочники на фантастические романы. Те же черные буковки на белой бумаге. Только употреблять их следует совершенно по-разному. Учебники — для ума. Литературу — для души.

Хорошая фантастика — часть литературы.

А плохая — может описывать технологию ремонта карманных ядерных реакторов в полевых условиях.

АПОСТОЛЫ ИНСТРУМЕНТА

Я спросил писателя Петрова:
Ты зачем воткнул в компьютер провод?
Ничего Петров не отвечал.
Только файлы из Сети качал…

1. Дозвон

Хорошо, когда у писателя-фантаста есть Интернет!

Вот недавно решил я подключиться к Интернету по выделенной линии. Залез по модему в Сеть и за два часа нашел всех провайдеров, которые подключают в моем районе. Заодно пару часов провел на хакерских сайтах и выяснил, как мне защищаться от атак и несанкционированного доступа в Сети. Потом скачал свежий антивирус и вычистил все те хитрые программы, что потихоньку сели на мой компьютер на хакерских сайтах. Сумел бы я это сделать без Интернета?

Потом захотелось мне узнать, что думают читатели о моем новом романе. Одно дело, когда читатели приходят на встречу с автором: ясно, придут те, кому понравилось. Вы же не потащитесь через весь город в книжный магазин, чтобы сказать автору, какая у него плохая книжка? А так — пробежался по пяти эхоконференциям и все про себя узнал. И что исписался вконец, предыдущая книга была еще ничего (от года к году ее название меняется), а новая — полный отстой. И что мудрый читатель еще на первой странице понял, чем дело кончится (автор — самый глупый читатель, сам никогда не знает, чем закончится роман, когда его начинает). И что язык бедноват и тускловат. И что язык вычурный и усложненный. И что персонажи — картонные. И что думают они слишком много — нормальный человек такими самокопаниями не занимается. И что пишу я ради денег. И ради популярности. И ради друзей и поклонников. А надо бы — ради удовольствия того самого Читателя, который это письмо написал. Ведь читает он, бедолага, мои книги десятый год — и тошнит его все сильнее и сильнее… Выйдет новая книжка — читатель ее быстренько с пиратского сайта скачает, прочитает за одну ночь, а утром, злой и невыспавшийся, вынужден критиковать.

Где бы еще я узнал всю правду о своих книгах — как не в Интернете?..

Кстати, как восхитительно упрямо выправляет текстовый редактор слово «Интернет», требуя писать его с большой буквы! Ну почему в отношении прочих средств связи (а ничем большим Интернет не является) мы не придерживаемся этого правила? Почему не звоним по Телефону, не ходим на Телеграф, не стучим в Там-Тамы и не сигналим Гелиографом? И только Интернет, будто слово пришло к нам из дореформенного немецкого, упрямо требует своей заглавной буквы…

В общем — без Интернета писателю-фантасту плохо. Нечем заняться, разве что сесть книжки писать…

2. Коннект

И все же, если без шуток… Чем хорош Интернет для писателя? Что он дает и что требует взамен? Стоит ли такая игра свеч, а такой Париж — мессы?

Сразу замечу, что все нижеследующее предназначено, в первую очередь, начинающему автору, которому со всех сторон советуют помещать свои тексты в Интернет — или же, напротив, предостерегают от этого. Авторы более или менее состоявшиеся свои выводы уже сделали, для читателя же Интернет — куда более плюс, чем минус, даже спорить не стоит.

Начнем с основного довода, который приводят поклонники Интернета: «Сеть помогает „раскрутке“ молодого автора».

Довод вроде бы убедительный. Ведь и в самом деле выложить свой роман на бесплатную страничку в Сети может любой молодой автор, живущий в столице или в провинции, умеющий ладить с людьми или безумно стесняющийся при живом общении. Раз — и роман «Кровавая баня в марсианском аду» уже доступен всем желающим! Два — и по тематическим конференциям разбросаны письма «Читайте мою первую книгу, это круто!». Три — и если «Кровавая баня…» и впрямь хороша, к голосу автора присоединяется хор восторженных читателей. Вот он, успех!

А что дальше? Дальше, как ни удивительно, автору хочется бумажной публикации. И вовсе не из-за гонорара (ну или не только из-за гонорара). Почему-то бодро крутящийся счетчик скачанных копий душу автора не греет. Хочется бумаги. Пусть плохой, газетной. Пусть даже обложка аляповатая, уворованная с американской книжки «Багровая сауна в венерианской преисподней». Пусть тираж — пять тысяч экземпляров.

Но хочется, хочется, хочется…

И автор идет к издателю (или отправляет тому файл по Интернету). Говорит: «Мой роман пользуется большой популярностью в Сети…»

Что происходит дальше?

Издатели нынче пошли умные. У них тоже есть Интернет. И каким образом накручиваются счетчики, создается ажиотаж, а сам автор пишет о себе в третьем лице — все это прекрасно понимают. Поэтому издатель вначале берет рукопись, читает. И потом решает, что ему делать с этим самым молодым автором.

А как же все происходило раньше, до появления Интернета? Нет, не во времена партийной литературы, а в то странное время, когда свобода уже появилась, а Интернет — еще нет.

Я вам сейчас расскажу.

Бедные авторы были вынуждены проходить жестокую школу «малых форм» прозы. Они писали коротенькие рассказы, которые, уж поверьте, написать гораздо труднее, чем

«Кровавую баню…» на тридцать авторских листов. Потом посылали рассказы в журналы. Там читали (не смейтесь, их действительно читали) и лучшие из рассказов публиковали (не улыбайтесь, так из журнального «самотека» были выловлены и Пелевин, и ваш покорный слуга).

Потом автор шел к издателю со своей «Кровавой баней…» и в доказательство своей гениальности демонстрировал публикации в журнале «Проза Камчатки» или в газете «Вестник куроводства». Издатели, которые и раньше были не дураки, читали роман.

А потом решали, что им делать с молодым автором.

Что изменилось?

Правильно. Сеть терпима к объему. Не обязательно писать рассказы, не обязательно учиться, как в три страницы вместить Человека, Мир и Сюжет. Можно сразу начинать с большой фантастической эпопеи.

Кстати, параллельно с рассказами я тоже писал свои «Кровавые бани». Первые три были полной ерундой. На четвертой произошел какой-то перелом, переход количества в какое ни есть, но качество. И четвертая повесть уже была издана на бумаге.

Но существуй в те годы Интернет — могли бы выйти и первые три.

И очень вероятно, что четвертая и пятая повести оставались бы на том же самом уровне.

Я уже слышу возмущенные голоса поклонников Интернет-публикаций — «сетературы», как они сами это называют. И про то, что им не нужны книжные издания: книги вообще вот-вот отомрут. И про то, что автору из Хабаровска в жизни не добиться публикации в Москве… без Интернета. И что на конвертах и распечатках разоришься, а файл — бесплатный, Интернет — дешевый.

Ох, ребята, все вы врете! И все знаменосцы «сетературы», едва их поманит хотя бы маленький шанс хотя бы на маленькую публикацию в маленьком журнале, немедленно меняют свою точку зрения. И автору из города Джамбула в Казахстане было ничуть не ближе до Москвы. И перепечатывать рукописи на пишущей машинке было куда дороже и дольше, чем зарядить в старенький матричный принтер стопку бумаги.

Нет у Интернета никаких заслуг в деле продвижения молодых авторов. Да, Интернет по большей части заменил бумажную Почту. Но не принес ничего нового — хотя и пишется с большой буквы.

Второй довод поклонников Интернета более лукав: «Сеть позволяет автору выслушивать мнение читателей, находить ошибки в своих произведениях, обеспечивает обратную связь „автор—читатель“, развивает полезную критику».

Трудно возражать. Ведь автору не положено возмущаться критикой в адрес своих книг.

Надо покорно склонять голову, каяться и вносить исправления…

Кстати, никто уже не помнит старую, до Интернетовских времен басню о медведе-живописце и критиках?

Интернета еще не было, а вот критики существовали. Критики (имею в виду критиканов, а не малочисленных профи), как известно, это те люди, которые объясняют автору, как бы они написали книгу, если бы умели писать. И не важно, к чему призывает критикан — к большему отражению роли партии в свержении крепостного права или к более научному описанию процесса межгалактических гиперпереходов. Правильный ответ на такие замечания: «Садись и напиши лучше меня».

Почему-то, за редчайшим исключением, не садятся и не пишут…

Да, конечно, существует у современных писателей «бета-тестинг». Я сам его практикую — и свеженаписанный роман читают десять-двадцать моих друзей. После чего, хватаясь за голову, я обнаруживаю, что спутник Юпитера переместился к Сатурну, из семизарядного револьвера стреляют восемь раз подряд, а на шее у героя — деревянная цепочка.

И я торопливо вношу правку (если книга еще не ушла в печать). После чего понимаю, что по крайней мере одна ошибка ошибкой вовсе не являлась — в мире, лишенном железа, у героя и впрямь была цепочка, вырезанная из дерева.

А потом книга выходит, и оказывается, что графиню в одном месте называют баронессой — и она ничуть не возмущается. И еще находится десять грубых смысловых ошибок, которые «бета-тестинг» не отловил. Мала была группа экспертов? Да нет, просто все увлеклись. Потому что «вылавливать блох» — профессия. Этим занимается (ну или должен заниматься в идеале) редактор — человек не просто эрудированный и грамотный, но и не позволяющий себе увлечься текстом. Ляпы и ошибки, увы, неизбежны. Здесь можно приводить массу хрестоматийных примеров — и «ЭнциклопУдию», выпущенную без единой опечатки, и Робинзона Крузо, приплывшего голышом на разбитый корабль и тут же набившего сухарями карманы, и того героя Вальтера Скотта, что скакал весь день и всю ночь между деревушками, расположенными в десяти милях друг от друга.

Да, дружеские советы — вещь хорошая и нужная. Но речь идет именно о дружеских и именно о советах. Потому что цель сетевого критика совсем иная.

И потому автору молодому, начинающему и оттого наиболее мнительному и подверженному влиянию я бы не советовал злоупотреблять сетевым «бета-тестингом». Помимо реальной помощи молодой автор получит множество спорных советов и выслушает огромное количество вкусовщины.

Помните, чем закончилась басня про медведя-живописца?

Конечно, если автор обладает железной волей, безупречным умением отделять зерна от

плевел и хорошим самообладанием — публикация в Сети поможет ему сделать роман лучше. Но то же самое сделает и хороший редактор — или сам автор, если найдет в себе силы не отдавать роман в печать немедленно, а даст ему «вылежаться» месяц-другой, после чего спокойно перечитает его еще раз. Все ошибки сразу станут видны.

Ну а к советам вроде «интрига скучна, надо бы все переписать», «действие лучше бы вести не на Марсе будущего, а в древней Индии», «недостаточно отражена роль филателистов в современном обществе» надо и относиться соответственно. Вам доводилось когда-нибудь, гуляя с любимой девушкой, выслушивать советы от прохожих: «Что-то твоя девушка мини носит, а ей бы джинсы больше пошли», «Прическу ей стоит сменить», «Да таких девушек — на копейку пара, а на пятачок — пучок!»? Или, прогуливая в коляске ребенка, слушать замечания: «Не очень-то он у тебя удался, мелкий какой-то и лицо скучное… болезненный, наверное… мой бы лучше был… правда, у меня самого детей нет…»?

Случись такое, ваша реакция была бы вполне предсказуемой. Мнения по поводу внешности своей девушки человек готов выслушать разве что от самых лучших друзей. Советы по поводу здоровья ребенка — принять разве что от уважаемого и опытного врача.

Так почему же молодой автор, будто загипнотизированный, покорно выслушивает весь тот бред, который несут о его любимой книге, о его вымученном и выстраданном детище?

Не верьте доморощенным критикам, «санитарам» Сети! Их основной движущий мотив — вовсе не желание сделать ваше творчество лучше, а банальное самоутверждение, вопль скопца в спину Дон Жуана. Лучше уж послушайте совета докторов из книжных издательств и журналов. Они и диагноз могут поставить более неприятный, и лечение назначат болезненное — но пользы будет больше. Выслушайте, обдумайте и поблагодарите.

А потом займитесь самолечением. Вашу книгу за вас никто не напишет.

Третий довод в пользу Интернета, как ни странно, бесспорен: «Интернет позволяет писателю найти нужную ему информацию, сделать текст более достоверным».

Вот тут спорить не стану. Если вам срочно потребовалось узнать, кто правил Англией в 1645 году или что такое агглютинация эритроцитов (допустим, вы всего этого не знаете, а ваш герой должен блеснуть интеллектом), то помощь Интернета незаменима.

Но если вам надо не просто вставить в текст пару имен и цифр, а досконально узнать и прочувствовать, как действительно жила и управлялась Англия в 1645 году, или показать работу врача-гематолога, то разбросанные по Сети тонны словесной руды не помогут. Куда полезнее и удобнее взять в библиотеке пару книг.

Впрочем, найти их, конечно же, поможет Интернет.

3. Ретрейн

Итак, вот те три основных довода в пользу Интернета для писателя, которые приводят чаще всего: способ рекламы и связи с издателями; способ обратной связи с читателями, способ получить критические отзывы; способ получения справочной информации.

Первое, на мой взгляд, непринципиально лучше обычной почты. Второе — только вредит начинающему автору. Третье — полезно, особенно в ситуации маленького города, где не сохранилось хороших библиотек (да и в Москве существенно экономит время).

Так что, побеждая в себе естественное человеческое желание немедленно услышать отзывы о своей работе, молодому автору следует напрочь забыть о существовании литературных конференций, где бы они ни располагались — в великом и могучем Интернете или в почти поглощенном Интернетом ФИДО. Здоровее будете!

Но беда в том, что, говоря о «писателе и Интернете», мы говорим скорее о тех или иных вариантах общения автор-читатель: конференциях, чатах, гостевых книгах. Именно об интерактивности в первую очередь пекутся лидеры «сетературы». Да если бы только сами пеклись — с достойным лучшего применения усердием они раздают приглашения на вход в эту печь для сгорания молодых талантов! Есть в этом что-то от поведения наркомана, упорно зовущего приятелей «только разок попробовать», или от финансовых «пирамид» того или иного рода. Логика тех, кто встал под знамена «сетературы», понятна: надо создавать массовость, нужна аудитория, нужен питательный планктон. Логика молодого автора тоже ясна: ну как же я без Интернета в наш век, все пишут, и я буду писать…

Посмотрите назад! Да, именно назад. Или в сторону. Куда-нибудь на книжные полки. Видите? Девяносто девять целых и девять десятых писателей не использовали в своей работе Интернет. В Ясную Поляну не была протянута «выделенка». В Петербурге времен Достоевского не было ни одного достойного провайдера! Герберт Уэллс в жизни не видел компьютера!

«Когда это было… — слышится мне в ответ. — Нынче иные времена…»

Времена всегда одни и те же. И книги, которые остаются жить, написаны вовсе не о Почте, Интернете или Там-Таме. Они написаны о людях.

«А как же Гибсон?», «А сам-то, сам-то…».

А что Гибсон? Он и понятия не имел об Интернете, когда писал «Сожжение Хром». А что Лукьяненко? Не было у него никакого Интернета, когда был написан «Лабиринт отражений». И на пишущей машинке роман получился бы ничуть не хуже, честное слово.

4. Дисконнект

Так, может быть, Интернет вообще — зло? И тексты, выложенные наивным автором в Сеть, немедленно сворują? И времени он пожирает чудовищно много?

Такая точка зрения тоже существует. И вред Интернета преувеличен не в меньшей мере, чем его польза.

Самое главное: авторство не сворują! Выложенный в открытый доступ текст — это уже публикация, пусть даже электронная. Конечно, какой-нибудь Петя Бубкин может повесить на своей странице гениальный роман Васи Пупкина под своим именем. Вот только решаются эти вопросы достаточно легко — письмом провайдеру Пети Бубкина. А издательству влипать в неприятности и воровать даже самые гениальные романы совсем уж не с руки. В первую очередь даже не потому, что вероятен судебный процесс, а потому, что авторский гонорар — это очень небольшая статья расходов. Кто же режет курицу, несущую золотые яйца, — в нашем случае: кто же обидит талантливого Васю Пупкина с его «Кровавой баней в марсианском аду»? Лучше попросить его написать продолжение…

Сворują текст? Вот это неизбежная судьба любой хорошей (и даже не обязательно хорошей) книги. Он поползет по сетевым библиотекам (по большей части принадлежащим сторонникам «копилефта» — то бишь воровства авторских прав). И чем лучше будет книга, тем скорее ее сосканируют и выложат в Сеть.

Это тоже лечится. Теми же средствами — вдумчивой перепиской с провайдерами и отслеживанием злодея. Сменив десять—двадцать бесплатных хостингов и растеряв всех читателей, уныло сидя где-нибудь на узбекском или монгольском сайте (да, сайт доступен, вот только найти его нелегко), сторонник «копилефта» может и призадуматься о выгодности воровства. Конечно, вам не избежать гневных отповедей: «Ага, жадный какой, не хочет давать свои романы!» Я в таких случаях вежливо спрашиваю, а не хочет ли поборник «копилефта» поделиться с народом своими штанами? Или отдавать половину зарплаты в Фонд Мира?

Самое смешное, что доморощенные воришки очень любят ссылаться на Запад. Дескать, там, где уже осуществлено светлое будущее человечества, все задарма. Любая книга. Расчет, очевидно, на то, что проверять никто не станет.

Помню, как на конгрессе фантастики в Нанте я познакомился с группой европейских «хакеров — любителей фантастики». Они с большим воодушевлением рассказывали мне о своей работе — составлении справочников по фантастике, занятиях библиографией, тех или иных Интернет-проектах… Я не удержался и спросил, а как в Европе обстоит дело с незаконным выкладыванием в Сеть фантастических книг. Меня не поняли. Я объяснил, что речь идет о сканировании книг и размещении в Сети файлов с текстами. Без разрешения автора.

Меня не поняли снова.

«Но как это может быть? — растерялся хакер. — Ведь если автор против — то это же

незаконно!»

Вот так обстоит дело с «копилефтом» в Европе. Вопреки всем лозунгам отечественных воришек…

Но на самом деле даже в России ситуация не столь печальна, чтобы сетевое воровство и впрямь волновало авторов и издателей. Дело в том, что основная масса читателей все-таки предпочитает держать в руках книгу, а не таращиться в монитор. Как гласит народная мудрость: «компьютер с собой в туалет не потащишь». И пока не появилось по-настоящему дешевой и удобной «электронной книги», воровство файлов особого вреда не наносит.

А как только стараниями трудолюбивых китайцев такие книги появятся и станут продаваться в киосках союзпечати, ситуация с электронным пиратством коренным образом изменится.

Реальный вред Интернета для писателя — это потеря времени. На пустые чаты, на вебсерфинг, на всевозможные игры… Да, Интернет предлагает очень много развлечений. Но не меньше искусов и в реальной жизни. Решив «стать писателем», человек сознательно отказывается от множества удовольствий — или по меньшей мере вводит их в определенные рамки. Но то же самое делает любой человек, решивший добиться успеха в своей профессии. Если развлечения для вас интереснее работы… что ж, тогда найдите такую работу, где требуется сидеть на стуле от звонка до звонка. И будет вам счастье — ночные бдения у монитора, увлекательные игры и бесплатные книги. Я ничуть не иронизирую: человек вправе выбирать, на что будет потрачена его жизнь.

Так что вывод этих заметок прост: «Меньше фанатизма!» — как любит повторять один мой друг. Интернет — это не прекрасное будущее человечества и не чудовищная клоака. Это просто очередной инструмент, созданный людьми и пригодный для самых разных целей. Интернет — не больше и не меньше, чем Телефон, Телеграф, Автомобиль, Самолет. И когда лопнут последние мыльные пузыри «экономики высоких технологий» и стихнет гомон восторженных неофитов, нам останется всего лишь удобное средство связи и великолепный справочный ресурс.

А большего, честно говоря, человеку от Интернета и не надо.

КРЕДО

***

У меня есть несколько старых повестей и рассказов, которые я не переиздаю. В них, наверное, есть что-то интересное — недаром просьбы издать старые вещи постоянно поступают. Но мне кажется, что было бы несправедливо по отношению к неосторожному читателю, купившему новую книжку, обнаружить в ней произведения не слишком-то умелые, ученические. В конце концов, если очень хочется, то можно найти доступ в Интернет и зайти на мою страницу по адресу www.rusf.ru/lukian.

Там все старые вещи есть.

Для «Атомного сна» (выходил еще под названием «Отложенное возмездие») я решил сделать исключение. Во-первых, эта повесть все-таки сильнее остальных «ранних произведений». Во-вторых, для меня она стала одним из переломных произведений. У каждого писателя есть такие вещи — научившие в большей мере его самого, чем читателя.

На «Атомном сне» я учился писать жестко.

На «Атомном сне» я учился любить отрицательного героя.

Я до сих пор помню, как мучительно трудно было мне в ту пору «создавать мир», насыщать его теми или иными деталями. Не хватало чего-то неуловимого… наверное — умения вовремя поставить точку, сделать намек вместо целой сцены.

И все-таки в этой вещи что-то уже стало получаться. Двадцатилетний автор понял это — и возликовал. Эту повесть мне уже не стыдно было показывать на семинарах молодых авторов.

Тот «антивоенный пафос», который есть в «Атомном сне», ушел в прошлое вместе с эпохой глобального противостояния СССР и США, вместе с фильмом «На следующий день» и уроками гражданской обороны. Мир не стал безопаснее, может быть — не стал он и лучше… просто опасности стали совсем другими…

Но, перечитав повесть, я решил, что в ней все же что-то осталось. Может быть, всего лишь последняя глава.

АТОМНЫЙ СОН

Человек хуже зверя, когда он зверь.

Рабиндранат Тагор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
ДРАКОН

1. Номер 13 — Драго

Я шел по его следам второй час. Это было совсем несложно — слон, пробирающийся через посудную лавку, и тот оставил бы меньше следов. Возле большой сосны валялись обрывки бумаги и полиэтилена. Я поднял их, повертел в руках. Остатки армейского пищевого концентрата. Черт возьми, редкая вещь!

Переходя через ручеек, тот, что огибает Семь Холмов и впадает в Биг Ривер, я заметил вмятины в глине. Человек садился здесь… нет, опускался на колени. И пил… Пил, повернувшись спиной к зарослям черной колючки!

Он был либо сумасшедшим, либо отчаянным храбрецом. Впрочем, кто еще мог забраться на мою землю? Я забеспокоился, не то, чтобы сильно, но все-таки… Со мной не было Принца, и рисковать не хотелось. Но через минуту я понял, что мои страхи напрасны.

Посреди поля дикой пшеницы, в луже голубоватой крови, лежал здоровенный, двухметровой длины паук. Еще одно свидетельство, что тут кто-то прошел. К тому же этот кто-то или зеленый новичок в лесу или тронутый. Ну кто же, в конце концов, убивает пауков? Разумеется, это черное бугристое страшилище так и просит хорошего пинка или булыжника. Но стрелять по пауку из автомата? Чужак (так я окрестил его) выпустил в паука по меньшей мере десяток патронов. Пересиливая отвращение, я потрогал дыхальца паука. Они были теплыми и еще влажными. Паук был убит минут двадцать назад.

Дальше я мчался бегом. Автомат мягко хлопал по спине, колючки царапали ноги даже сквозь толстую ткань джинсов. Но меня пожирало любопытство. И на берегу Биг Ривер я увидел чужака…

В лесу кого только не встретишь. Солдат из одичавших гарнизонов, монахов из секты Истинно Верующих, или Ордена Братьев Господних, крестьян, пробирающихся от села к селу, ребят из молодежных банд. Но этот чужак был особенный. Во-первых, он был один. Мало кто решается ходить по лесу в одиночку… Во-вторых, он был прекрасно экипирован. На шее у него болтался новенький «люггер», спину оседлал туго набитый рюкзак, одет чужак был в десантный комбинезон восхитительного буро-зеленого цвета. Слишком роскошно для сопляка, которому от силы двадцать лет… А, в третьих, он был беспечен.

Я огляделся, ожидая подвоха. Нет, сопляк был один. И, похоже, собирался переплыть Биг Ривер. Он неторопливо разделся и стал связывать одежду в узел. Делал он это умело, но, Господи, до чего же беззаботно!

Будь это другой чужак, нищий и неинтересный, я не стал бы ему мешать. Позабавился бы и так, наблюдая из кустов. Но вместе с этим чужаком уходил его люггер. То есть, мой

люггер! Я взял свой безотказный «АК» в руки и вышел на берег.

Он обернулся не сразу. Но, наконец, заметил меня и весь подался вперед. Я приготовился. Сейчас… Он вскинет автомат, и тогда я выстрелю. Первым.

Чужак не стрелял. Он даже выпустил автомат, а его большие глаза стали еще больше от удивления… и восторга. Восторга? Что он, не соображает, кто я такой? До чужака осталось несколько шагов, и я мог спокойно его разглядеть. Светловолосый мускулистый парнишка, стройный, с симпатичным правильным лицом, пожалуй, даже красивый. Не похож он был на современную молодежь… Чужак наконец-то раскрыл рот.

— Добрый день!

Я оцепенел. Он что, совсем одурел?

— Какой день?

Он растерялся:

— Добрый… день.

Краем глаза я следил за его руками. А сам неторопливо расстегивал свою черную кожаную куртку. Полы распахнулись и прохладный ветер пробежал по груди. Не ношу рубашек — в лесу трудно их менять, а грязь я терпеть не могу. Чужак сразу на меня уставился. Я знал, что он увидел. Черную татуировку — свившийся в кольцо дракон кусает свой хвост. А в центре кольца — цифра 13.

Я думал, он упадет на колени, зарыдает… Нет. Он пожал плечами, улыбнулся, нерешительно произнес:

— Меня зовут Майк.

Костер разгорался плохо. Майк достал из рюкзака плоский флакон, плеснул. Синеватое пламя ухнуло вверх метра на два. Я медленно скосил глаза в сторону леса. Тихо. По-прежнему тихо. Неужели он действительно один?

Майк протянул мне увесистый полиэтиленовый пакет, взял себе такой же. Все верно, армейский рацион… Из рюкзака выглядывали края таких же пакетов и карнавально яркие донышки консервных банок. Где он достал такие продукты? Небрежным жестом Майк снял с пояса короткий широкий нож, сорвал упаковку. Я раскрыл свой пакет, начал есть, не ощущая вкуса. Майк ел с аппетитом, который, однако, не мешал ему поминутно оглядываться по сторонам. Иногда он задирал голову, смотрел в небо, и торопливо опускал взгляд, словно увидел там что-то страшное. Каждый раз при этом я непроизвольно напрягался для броска — такой удобной, беззащитной делалась его поза… И что он так вертит головой? Обычный лес — смесь желтых, бурых, багровых листьев; бугристых, широченных стволов; упругой, колючей травы, плетями обвившегося вокруг деревьев кустарника. Обычное небо — сплошная се-

рая пелена со светлым пятном солнца в зените и темными полосами дождевых туч, тянущимися у самой земли.

— Хотите? — Майк протянул мне фляжку.

Единственное, что внушало мне уважение к мальчишке, — его немногословность. Да, он вел себя как самоубийца, он даже не понял, кто я такой, но, по крайней мере, не приставал с расспросами. Я взял флягу, отхлебнул. Это была обыкновенная вода, но с едва заметным привкусом дезинфекции. Ну и щенок! Где он достал такие вещи? А «щенок» склонился над своим рюкзаком, подставляя мне спину. Но я опять пересилил себя. Не мог он вести себя так нагло, не имея надежного прикрытия. Наверняка кто-то держит меня на прицеле. Например, из тех кустов… Я даже пожалел, что так опрометчиво вышел на открытое место. Теперь надо было выжидать… Я снова потянулся за фляжкой. И почувствовал знакомый звон в ушах. Глаза словно выпирали из орбит, во рту возник отвратительный горький привкус. И ведь знаю, что это лишь кажется, а все равно неприятно. Хочется сплюнуть и прижать веки ладонью. Я сосредоточился. «Принц»! Меня обдало теплой волной восторга, еще мгновение — и на окружающий мир наложилась вторая картинка. Я увидел себя со стороны. Себя, Майка, горящий костер… Принц смотрел на нас из того самого кустарника, где я предполагал засаду. Пришлось оборвать его восторг. «Где-то рядом враги!» Сознание ощутило растерянность Принца, затем в голове словно разорвалась бомба. Не люблю, когда Принц принюхивается! Но сейчас пришлось терпеть. Наконец, боль прекратилась, и я снова ощутил мысли Принца. Чужак был один. Несомненно, один. «Хорошо. Подходи к нам, но осторожно». Резким движением я встал. Именно так легче всего разрывать телепатический контакт.

Майк смотрел на меня недоуменно. И даже не догадался взять оружие… Хотя я бы этого не позволил. На мгновение я почувствовал к Майку что-то вроде жалости.

— У тебя много продуктов?

Я говорил резко, больше не пытаясь притворяться. Майк покачал головой.

— Тогда зачем ты меня кормил?

Он молчал. Лишь в глазах его появился страх. Я усмехнулся:

— Ты думаешь, что я не причиню вреда тому, с кем разделил пищу?

Майк кивнул и осторожно потянулся за автоматом. Поздно. Принц уже стоял за его спиной.

— Дурак. Драконы не признают людских обычаев.

Принц прыгнул. Майк дернулся и затих под двухсоткилограммовой тушей. Я снова сел, поднял недоеденный концентрат.

Наверное, с первого взгляда Принц смотрится жутко. Я с ним так давно, что перестал это замечать. Принц еще был большеголовым, умещающимся в ладонях щенком, когда я на-

чал возиться с ним, выпаивать молоком. После того, как сдохли последние коровы — кровью. А сейчас Принц сам вымахал если не с корову, так с целого теленка. Двести килограммов мускулов, жесткой рыжей шерсти, огромные умные глаза. И пасть, перекусывающая человека пополам.

Майк заворочался, и Принц тихо зарычал. Я посмотрел на торчащие из-под Принца ноги.

— Ты хочешь есть?

Нет, Принц был сыт. Кажется, он поймал шакала в лесу… До сих пор плохо разбираюсь в его рычании… Ну, а что же делать с мальчишкой?

Я поднял его рюкзак, вывернул на землю. Спальный мешок, ракетница, аптечка… О, великие боги! Рация!

Где он все это достал?

Я посмотрел на Принца и кивнул. Принц не поверил, недоуменно зарычал.

— Отпусти. Убить его мы всегда успеем.

Майк, пошатываясь, поднялся. Сел. Взглянул на Принца и торопливо отвел глаза. Потом посмотрел на меня и неожиданно твердо сказал:

— Я боялся одного — что встречу дурака. К счастью, я ошибся.

Когда наступил Последний День, Роберт Элдхауз, когда-то посредственный бейсболист, а сейчас не более удачливый бизнесмен, ехал в поезде. Сам глава фирмы «Элдхауз систем» (Электронная техника для спортсменов) предпочитал пользоваться самолетом. Но сейчас он путешествовал с семьей, а его жена панически боялась летать…

Две боеголовки советской баллистической ракеты накрыли какой-то городок в тридцати милях от них. Взрывной волной поезд, идущий по гребню холма, сбросило с рельсов. Роберт выпрыгнул в открытое окно — спортивная реакция не оставила его и в сорок лет.

…В горящих вагонах что-то трещало и взрывалось. Сквозь рев пламени прорывались крики. Небо на глазах затягивалось серой пеленой. Роберт еще не знал, что он больше не увидит солнца. Он сидел на порыжевшей от жара и всевыжигающего света траве и мотал головой, стараясь прийти в себя. Наконец его вырвало — и сразу стало легче. Он долго смотрел на вагон, в котором был минуту назад. Потом вскочил и бросился в огонь.

Стальные листы обшивки раскалились, а краска на них выгорела. Пламени почти нигде не было видно, и Роберт понял, что это поработало световое излучение атомного взрыва. Выбив ногой одно из стекол, он соскользнул вниз, на стену, превратившуюся в пол. Где-то снизу разгорался огонь — воздух заволакивало едким дымом пластмассы, начинало щипать глаза. Больше всего мешала полутьма — неподвижные фигуры людей казались неотличимыми

друг от друга. Скатываясь с холма, вагон несколько раз перевернулся, и почти никто из пассажиров не остался в сознании. Лишь в углу, держась за кресло, стояла женщина. Роберт потянул было ее к выбитому окну, но та лишь еще сильнее вцепилась в подлокотник. Оставив ее, Роберт двинулся по вагону. Жена и двое детей сидели почти в середине. Но сейчас он не мог даже определить середину вагона. Наткнулся на что-то, чуть не упал. Перед ним сидел насмерть перепуганный мальчуган. Роберт схватил его, приподнял. Нет, это был не его сын… Роберт помог мальчишке выбраться в окно. И пошел дальше, нагибаясь к каждому телу. Помог выбраться кому-то еще. Как и когда выбрался сам, Элдхауз не помнил. Но случилось это лишь после того, как он понял, что забрался не в тот вагон…

Стемнело, но на горизонте с двух или трех сторон проступал дрожащий багровый свет. От поезда остался черный и обугленный стальной каркас, похожий на скелет исполинского змея. Немногие уцелевшие пассажиры уже разбрелись, поодиночке или кучками. К Роберту несколько раз подходили, звали за собой, но он лишь качал головой. Ему некуда и не с кем было идти. И когда затихли последние голоса в тишине, наполненной потрескиванием остывающего металла, он почувствовал облегчение. Кончилось все. Абсолютно *все* .

Роберт подошел к жарко дышащей груде железа, протянул руку к металлу… Но вспыхнувшая в ладони боль не принесла ни облегчения, ни забытья. Он закрыл глаза и уже подался было вперед, на равнодушные, раскаленные стальные листы, когда услышал за спиной шорох…

В темноте Элдхауз не мог разобрать лиц двух подростков, стоявших за ним. Он с трудом выдавил:

— Что вам нужно?

Мальчишки попятились.

— Зачем вы за мной ходите?

Один из мальчишек сдавленно произнес:

— Вы нас из поезда вытащили…

Роберт опустился на колени, вжал лицо в жирный, черный прах.

Спас… Да. Этих спас. А своих — нет!

Кто-то потрогал его плечо.

— Мы нашли бутылку с водой.

Роберт поднял голову. Долго смотрел на грязное мальчишеское лицо.

— Пейте. Как тебя зовут?

— Рокуэлл.

Мальчишка достал из кармана монетку и пытался ею содрать пробку.

— А его?

— Я не знаю. Он почему-то молчит…

2. Соглашение

— Я гарантирую!

Майк не отводил взгляда. Но меня так просто не проведешь. Гарантировать можно что угодно, тем более в его положении. Чтобы выиграть время, я переспросил:

— Ящик патронов? Два пулемета?

— Да. И продукты. Лекарства тоже…

Он немного приободрился. Видимо, понял, что меня заинтересовало его предложение. Впрочем, кого бы оно не заинтересовало?

— Двести миль…

Я действительно колебался. К тому же во всем этом проглядывал оттенок унижения. Дракона нанимают как охранника! Да, если отбросить все словесные выкрутасы, Майк предлагает мне стать проводником… Посмотрев на Принца, я спросил:

— Ну, что, повеселимся?

Принц не так меня понял… Выпустил когти, протянул к голове мальчишки лапу.

— Прекрати! Нельзя убивать!

…Что-то слишком облегченно он вздохнул.

— Пока не надо!

Я взял Майка за воротник, поднял.

— Запомни, щенок!

Принц одобрительно зарычал.

— Я не вступаю с тобой ни в какие сделки! И ничего тебе не обещаю. Просто мне сейчас скучно.

Он торопливо кивнул.

— Мы пойдем вместе. Но в любую минуту я могу передумать. Понял? Если ты будешь наглеть, я не дам за тебя и стреляного патрона!

Майк как-то обмяк. Жалко пробормотал:

— Мне нужно туда дойти. Очень нужно…

Я отпустил его и стал снова рыться в вещах.

Видимо, Элдхауз сориентировался правильно. К утру они вышли на дорогу. Магистраль государственного значения, L-39. Обычно здесь мчался непрерывный поток машин. А сейчас было тихо.

Они сели на обочине и стали ждать. Через полчаса раздался ровный мотоциклетный гул. За рулем огромной ярко-синей «Хонды» сидел парень лет двадцати. Зеркальная пластина шлема прикрывала ему поллица.

— Постойте!

Элдхауз отчаянно замахал руками. Мотоциклист резко сбавил ход.

— Это война? Вы знаете, что случилось? Где президент?

Роберт бежал рядом с мотоциклом, выпаливая один вопрос за другим. Мотоциклист молчал, лицо его было абсолютно бесстрастным… Он вдруг крутанул руль, бросая мотоцикл на Элдхауза.

Роберт почувствовал тупой удар. Услышал затихающий рык мотора. И наступила тишина.

Рокуэлл долго тормошил его. Роберт Элдхауз лежал с закрытыми глазами и думал. Вставать не хотелось. Но он встал.

— Молодец, — глядя в ту сторону, куда умчался мотоциклист, проговорил Роберт.

Рокуэлл замотал головой так энергично, что аккуратная светлая челка упала на глаза:

— Он злой!

— Злой? А я?

— Добрый…

— Странное слово… Никогда такого не слышал!

Роберт рассмеялся и потрепал растерявшегося мальчишку по голове.

— Понятия зла и… противоположного действия утратили свой смысл. Отныне и навсегда! Аминь!

Я уже и забыл, что существуют такие карты. Тоненькие листки плотной бумаги с четкими, цветными линиями рельефа.

Майк ткнул пальцем.

— Сюда!

Посмотрев, я расхохотался.

— В горы? Дойти до Скалистых гор? Ты с ума сошел, щенок…

— А в чем дело?

Меня трясло от смеха.

— Да ты подумай своей пустой головой! Пройти сто миль по лесу! Ладно… Забудем про фермеров, про банды, про монастыри и гарнизоны… Пройдем! Потом переправимся через Правый Приток… Я однажды переправлялся. Но дальше! Сто миль по чужому лесу!

— Ну и что?

— Как, ну и что?

Он вдруг усмехнулся:

— Драконы так далеко не летают?

Щенок. Я просто задумался о том, что с ним сделаю. Вот и упустил момент. Он сказал:

— Отпусти меня. Возьми все — оружие, вещи. Только отпусти.

— Зачем?

— Я пойду в горы. Я должен!

Он не врал, я видел это. Отпусти его — он пойдет, пойдет голым через лес, этот странный чужак, боящийся пауков и не пугающийся дракона… Господи, какой же величины куш ждет его в конце дороги?

Я снова взял карту.

Это был странный лагерь. Обычно беженцы собираются семьями, строят дома, убежища. А здесь все казалось временным. Шалаши, палатки. Это было странным, тем более, что шеф лагеря, молчаливый сорокалетний мужчина, не производил впечатления беспечного человека. С невероятной энергией и везением он совершал налеты на уцелевшие фермы. В первую очередь его интересовало оружие и продукты. Вокруг шефа была лишь небольшая группа людей. Шестеро или семеро мужчин, по-видимому, посвященных в его планы и безоговорочно ему доверяющих.

И еще одной странностью отличался лагерь. Здесь охотно принимали беспризорных детей, которых выгоняли из всех нормальных лагерей. Кому они были нужны? Лишние рты и слабые руки… А выжить с каждым днем становилось все труднее. Серая пелена, затянувшая небо в Последний День, не рассеивалась ни на минуту. В конце июля ударили первые заморозки. И странно было видеть деревья, не сбросившие листвы и под снегом. Их листья порыжели, кора покрылась бугристыми наростами, но они жили.

Наперекор всему.

Я забрал у Майка люггер, новенький пистолет, нож, гранаты, патроны. Прекрасное вооружение… Я последний раз видел гранату год назад. Рюкзак с вещами я отдал мальчишке — пусть тащит. Честно говоря, ни к какому выводу я еще не пришел. Но убивать Майка пока не было нужды.

Я шел вслед за пленником. Впереди, прокладывая дорогу, — Принц. Цепкие стебли вьюнков, тянущиеся между деревьев вперемежку с бурыми плетями паутины, лопались под его напором. А пауки, сидящие на нижних ветках деревьев, начинали униженно шипеть и сворачиваться в мохнатые шары. Так и подмывало ткнуть их стволом. Но я сдерживался. В

конце концов сам выбрал эту дорогу, через пригорок — самое паучье место в лесу. Уж очень забавно мальчишка втягивал голову в плечи, проходя под пауками… Откуда он пришел, что никогда не видел пауков? Может, из болот? Не похоже. Болота — это владения бритоголовых, из банды хромого Джека. Из гарнизона? Вблизи Сан-сити еще есть… Но это слишком далеко, «щенок» бы не дошел.

— Откуда ты идешь?

Майк дернулся. Помолчал и ответил:

— Я не могу этого сказать.

Ладно. Я усмехнулся. Захочу — расскажешь. Все расскажешь. И где оружие брал, и зачем идешь в горы. Но пока я не спешил. К тому же я уже понял, откуда взялся «щенок». Лишь в монастыре, за толстыми каменными стенами, можно вырасти таким сильным, умным и… сопливым. И только монахи держат себя более или менее независимо перед драконами. Интересно лишь, кто он: Истинно Верующий или Брат Господний. Майк прервал мои мысли:

— Скажите, а почему вы называете себя драконом?

…Это уже слишком. Задавать с невинным видом такие вопросы… Пожалуй, Истинно Верующие так держаться не умеют. Такая игра под силу только Братьям. Да и креста Майк не носит, а Истинно Верующего и под страхом смерти не заставишь снять его.

Я с гордостью понял, что разгадал «щенка». И ответил:

— Я называю себя драконом потому, что я не человек.

3. Драконья охота

Они стояли длинной нестройной шеренгой. Несколько взрослых и десятка четыре подростков, пестро и не по размеру одетые. Шеф лагеря молча смотрел на них. Уже стемнело, накрапывал мелкий дождик, и пламя факелов то и дело опадало, грозя погаснуть. Рокуэлл взял Немого за руку, прошептал:

— Чего Элдхауз тянет…

Немой кивнул. Словно услышав слова Рокуэлла, Роберт разжал губы:

— Мы живем здесь уже сорок семь дней.

Он обвел людей долгим, нестерпимым взглядом, словно ожидая возражений. Но все молчали.

— И все эти дни я думал о человечестве.

Элдхауз говорил негромко, и крайне осторожно приблизились к нему.

— Я думал, как выжить людям… И понял: род человеческий обречен.

В словах Элдхауза была жутковатая, страшная в своей непоколебимости уверенность.

Он увидел, как дрогнули лица вокруг, и довольно улыбнулся.

— Но обречены ли мы? Да, если мы останемся людьми. Нет — если мы перестанем быть ими. Вы спросите, как? Мы не властны над своим телом, оно навсегда обречено быть слабым, человеческим. Но мы властны над своей душой! Вы думаете, самое страшное в нашем перевернутом мире — радиация? Или холод? Самое страшное — внутри нас! Самая страшная вещь, которая делает человека человеком, — это доброта!

Он перевел дыхание. Заговорил быстрее, повышая голос:

— Вы последний раз услышали это слово! Его больше нет! Мы вырвем его из своей памяти! Мы перестанем быть людьми — и останемся жить.

— А кем же мы станем?

Это выкрикнул тонкий светловолосый парнишка, стоящий почти рядом с Рокуэллом. Элдхауз кивнул.

— Хороший вопрос! Мы можем называть себя как угодно. Например, драконами.

— Я не хочу быть драконом! — голое светловолосого срывался.

Рокуэлл вдруг метнулся к нему, с размаху ударил в лицо. Роберт словно не заметил случившегося. Лишь по губам скользнула усмешка. Он перевел дыхание, на секунду замолчал:

— Всем лечь!

Они попадали в грязь, машинально, повинуясь силе его голоса. А Элдхауз говорил и говорил…

— Я проведу вас через кровь и грязь. Лежите! И думайте о том, что с этого дня вы перестаете быть людьми. Начат отсчет новой эры.

Эры драконов!

Мы поели из запасов Майка. Я прикинул — их должно было хватить на неделю. Майк поднял на меня глаза:

— Мы заночуем здесь?

— Устал?

— Я могу идти дальше. Мы должны спешить.

Молодец. Хоть и сопляк… Братья Господни все такие. Они вообще крепкие ребята, а уж если Орден поставит перед ними задачу… Лишь одно меня удивляло — почему Братья попросили моей помощи? Неужели поняли, что в лесу есть только одна сила — драконы… Хорошо бы.

Я поднялся, отошел от костра. Расстегнул джинсы, помочился. Может, действительно здесь заночевать? Деревья вокруг были не совсем рыжие, а какие-то зеленовато-бурые. Люблю такие места в лесу. Да и мох здесь рос очень густо, нетрудно будет нарвать для постели.

Я потянулся, посмотрел вверх, на ровную сероватую пелену. На западе, где садилось солнце, она была чуть светлее. В последние годы тучи стали совсем слабыми. Днем в небе видно светлое пятно, там чертит свой путь солнце. А двадцать лет назад трудно было отличить день от ночи. Тучи — свинцово-серые, то и дело валил снег. Воздух сухой и колючий. Выйти без обмотанного вокруг лица шарфа — самоубийство. Господи, как тогда было холодно!..

— Бегом!

Элдхауз надрывался зря. В таком снегу не побежишь. Серые, грязные сугробы доставали почти до пояса. А под ногами была не земля — тоже снег. Только утрамбованный. Рокуэлл шепнул Немому:

— Под нами метров пять снега! Вот, если корка провалится…

— Бегом!

Сам Элдхауз шел на лыжах. И пятеро мужчин с автоматами тоже. В полутьме, которая теперь означала день, они не сразу заметили, что вышли к цели. Но вот Элдхауз поднял руку. Один за другим они остановились. Хруст снега прекратился, слышалось лишь шумное дыхание полусотни разгоряченных парней. Элдхауз медленно указал вперед.

— Там…

Сквозь деревья проглядывали огоньки. Роберт Элдхауз изменившимся голосом произнес:

— Джереми, раздай ножи.

Стоящий рядом с ним мужчина сбросил с плеч рюкзак. Звякнула промерзшая сталь. Элдхауз быстро, украдкой, перекрестился.

Я улегся спать, прижимаясь к спине Принца. Так было уютнее. А «щенок» лежал под лапами Принца. Ему не убежать, пока я сплю… В общем-то он неплохой парень, этот Майк. Сильный, целеустремленный. Если бы его поднатаскать, обучить жизни в лесу, выбить из головы всю монашескую дурь… Черт возьми, из него вышел бы прекрасный дракон!

Когда-то я сделал двух драконов. Одного убили «лесные волки» — была такая мелкая банда. Я потом разыскал их логово и вырезал всех. А другой дракон, он выбрал себе странную кличку Агасфер, жив и поныне. Говорят, что он подался куда-то на север.

Мысль была интересной, ничего не скажешь. Насолить Братьям Господним, убив их посыльного — это одно. Пользоваться их складами, пополнить свои запасы — другое. А вот перевербовать Брата Господнего… Я медленно засыпал, и, услышав глухой протяжный звук, даже не сразу понял, в чем дело. Наконец, сообразил — это у Принца урчало в животе.

У окраины поселка топтались двое часовых. Наверное, им полагалось дежурить в разных местах, но они сошлись для беседы — последней в их жизни.

Из темноты, из близкого леса к ним метнулись две стремительные тени — не таясь, открыто и неотвратимо. Содрать с плеча винтовку, когда на тебя напялено от мороза несколько слоев теплой одежды, это дело не быстрое. Немой прыгнул на своего часового, когда тот снимал «М-16» с предохранителя. Отточенный нож полоснул по лицу, и часовой, выпустив оружие, с криком опустился на снег. Второй удар был точнее. Вырвав из разжавшихся пальцев винтовку, Немой оглянулся.

Его напарнику везло меньше. Его противник сообразил не снимать с плеча оружие, а просто встретить нападающего ударом. С разбитым в кровь лицом подросток отлетел в сторону. А часовой уже вскидывал автоматическую винтовку…

Джереми выскользнул из темноты и не целясь, от пояса выстрелил из пистолета. В ночной тишине не помог даже глушитель, выстрелы прокатились двумя отчетливыми хлопками. Джереми поморщился и взмахнул рукой — вокруг замелькали, разбегаясь к домам, тени.

Подойдя к часовому, помощник Элдхауза выстрелил еще раз. Потом, повернувшись к неудачливому дракону, разрядил обойму до конца. Взглянул на Немого и снизошел до объяснений:

— Приказ Элдхауза. Такие нам не нужны, верно, Немой?

Немой посмотрел на лежащего подростка. Тот казался скорее спящим, чем мертвым. И вдруг глухо, отрывисто произнес:

— Я… не Немой… Я — драко… — спазм сжал ему горло, и мальчишка недоговорил. Прижал ладони к шее, тихо прошептал:

— Я дракон…

Джереми словно и не удивился. Качнул головой:

— Молодец, Дра-ко… — передразнивая бывшего Немого, произнес он. — Пошли!

Они вбежали в ближайший дом. Двери оказались распахнуты, а в первой же комнате они наткнулись на Рокуэлла и светловолосого. Те молча смотрели на раскрытую постель, в которой, кутаясь в одеяло, ежилась от их взглядов молодая женщина. Свет мощной аккумуляторной лампы, стоящей на столе, отражался в ее огромных от испуга глазах.

Джереми крепко взял Рокуэлла за плечи:

— Марш!

Следом вылетел светловолосый. «Немой» вышел сам. Джереми хотел было его подтолкнуть, но поймал спокойный, холодный взгляд и убрал руку.

Дверь он закрывать не стал…

Во второй комнате было две кровати. Одна заправлена, другая смята и пуста. У стены,

прикрываясь занавеской, отдернутой с окна, стояла девчонка — чуть старше их самих, лет четырнадцати-пятнадцати.

Ниоткуда не доносилось ни звука, лишь за дверью слышалась возня. Драконы застали поселок врасплох.

Светловолосый посмотрел на девчонку, на Рокуэлла. Просяще сказал:

— Не надо…

Девчонка, не отрывая от них взгляда, переступила на полу босыми ногами. Из-под занавески мелькнула розовая пижамка с кружевной оборкой чуть ниже колен.

— Почему? Мне уже четырнадцать, и я чувствую в себе силы на этот подвиг! — Рокуэлл долго хохотал. И добавил: — Я думаю, что и у тебя получится. Да и Немой не подведет. Верно?

Немой кивнул. И спокойно вытащил девчонку из-за занавесок.

— Немой, опомнись! Она же ни при чем! — Светловолосый дернулся к Немому. Тот повернулся и тихо, выделяя каждое слово, сказал:

— Она — человек. Мы — драконы.

Рокуэлл и Светловолосый ошарашенно переглянулись.

Я послал Принца на разведку. А сам завалился в траву, наслаждаясь утренней тишиной. «Щенок» Майк еще спал. Да, недалеко бы он ушел один.

Висящий на ветке паук проснулся. Выпучил глаза, повращал ими. Вытянул длинные мохнатые ноги и скрылся в листве. Они очень умные, эти пауки. И ведь появились-то лет десять назад, а раньше этой гадости и в помине не было. А тогда — как наводнение. Рыжие, бурые, черные, даже белые — альбиносы — попадались. Большие, маленькие, гладкие, словно облитые лаком, и заросшие короткой щетинкой, чем-то похожей на шерсть. В лесах началась паника. Прошел слух, что пауки ядовиты и пьют кровь. Говорили даже, что их взгляд завораживает, гипнотизирует. Вот ведь до чего доходило. Я одним из первых разобрался, в чем дело. Поймал в лесу монаха, кажется из ордена Братьев Господних, посадил его в яму, где уже неделю бегал паук. Там все стенки были белыми от паутины. Монах тоже стал белым, он поседел за одну ночь. Но я убедился, что пауки сами боятся людей, как огня.

В моей голове взорвалась водородная бомба. Это Принц выходил на связь. Когда он очень возбужден, то плохо соизмеряет силу передачи.

Я принял его картинки (словами Принц говорил медленно) и вскочил. Хотел было пнуть Майка, но передумал. Потряс за плечо.

— Эй, щенок! Майк! Вставай!

Он раскрыл глаза мгновенно, словно и не спал. А ведь действительно из него может вы-

йти толк!

4. Связанные кровью

Они остались в разграбленном лагере. Здесь были настоящие дома, а морозы все крепчали. И хотя из драконов лишь двое были легко ранены (про убитого Джереми паренька старались не вспоминать), блуждать по лесам не стоило.

Рокуэлл, Светловолосый и Драго (так, незаметно огрубившись, звучала теперь его кличка) поселились в одной комнате. Странно, что связывало эту троицу? Если Рокуэлл и Драго дружили еще со времен Последнего Дня, то Светловолосый… Казалось, что он ненавидит своих соседей по комнате. Но именно Светловолосый попросил поселить их вместе.

Рокуэлл сидел в кресле. Лениво, ни к кому не обращаясь, он говорил:

— Вот, когда-то здесь был кемпинг… Потом поселились ротозеи. Теперь мы, драконы. А после нас…

— После нас никого не будет. Когда мы уйдем, мы сожжем лагерь, — медленно сказал Драго.

Их было шестеро. Видимо, из какого-то поселения. Шестеро и два дробовика. Чушь. Я кивнул Майку — оставайся на месте, и вышел из-за деревьев.

Увидев меня, они остолбенели. Бородатый, заросший волосами, как паук щетиной, здоровяк, который мешал в котелке варево, так и замер с ложкой в вытянутой руке. Я шел неторопливо — драконам ни к чему спешить. Они сгрудились по другую сторону костра, пригибая головы по мере того, как я подходил. Не останавливаясь, я прошел сквозь огонь. Это эффектно, хотя, если разобраться… Толстые ботинки, заправленные в них джинсы — я не успевал даже почувствовать тепла.

— Счастливой охоты, Великий дракон!

Они тянули приветствие нестройными дрожащими голосами. Лишь у одного голос не дрожал. Я поймал его взгляд, полный ненависти. Хорошо, запомним…

— Кто такие?

Я пнул одного из них, тот сразу вскочил и затараторил:

— Великий Дракон, мы бедные путники, мы идем в монастырь Истинно Верующих, что на серых Холмах, мы…

— Монахи?

— Нет, Великий Дракон! Мы больные, жаждем исцеления.

Меня разбирал смех. Все они назывались больными, попав в лапы к дракону.

— Оружие!

Я неторопливо согнул стволы их ружей о колено.

— Теперь убирайтесь!

Они переглянулись, еще не веря своей удаче. Тот, который смотрел с ненавистью, опять поднял глаза:

— А вещи?

Нахал. Я лениво, с оттяжкой съездил ему по морде. И добавил:

— Забирайте!

Прошла секунда, и они исчезли с поляны. Лишь костер горел.

Я негромко позвал:

— Принц! Майк!

Они вышли из зарослей, подошли к костру. Я кивнул Принцу и сказал:

— Тот, наглый, который получил по роже. Понял?

Принц мотнул головой и мягкими неслышными прыжками умчался в лес. Майк не обратил на это внимания. Торопливо заговорил:

— Драго, но это… невозможно! Их же было шестеро… Здоровые, сильные, с винтовками. Почему они вам подчинились?

Я пожал плечами:

— Я дракон. Они боятся.

— Ну, я понимаю, дракон… То есть, очень сильный, смелый. Безжалостный. Но их же шестеро!

Сквозь влажную желтизну деревьев донесся затухающий крик.

— Было шестеро. Теперь пятеро.

Майк нахмурился.

— Но…

— Принц. Ему тоже надо питаться.

Он еще не понимал:

— Он ест людей? Вы ему позволяете? Этот зверь — людоед?

— Принц не зверь, — спокойно ответил я. — Он тоже дракон.

Лицо Майка стало снежно-белым.

— А вы?

Шел дождь. Первый дождь после трехлетней зимы. Рокуэлл машинально отметил, что почти таким же был день, когда Элдхауз объявил о своей цели. Драконы. Эра драконов… Рокуэлл усмехнулся. Роберт, конечно, любитель громких фраз. Но лишь ему они обязаны

жизнью.

В низких, тяжелых тучах чиркнула молния. Нехотя прокатился гром. Сорок семь драконов сидели вокруг костра — огромного, небывалого костра, пожирающего десяток разбитых домов поселка. Они разнесли все за неполный час. С хрустом ломались стенки из прессованной фанеры, белым конфетти высыпался пластиковый теплоизолятор. Звенели стекла, со скрежетом сползали с петель двери… Они стащили обломки в центр поселка, и Джереми полоснул по ним из огнемета.

Элдхауз вышел к костру. Резко, коротко улыбнулся:

— Как настроение? А, драконы?

Ему никто не ответил. Элдхауз выглядел сегодня странно, как никогда. Он почему-то не одел свой широкий пояс, на котором неизменно висела кобура с крупнокалиберным магнумом. На нем не было ни куртки, ни свитера — тонкая светлая рубашка липла к телу, рисуя сильную мускулистую фигуру. И суетливая поспешность движений, словно Роберт или торопился куда-то, или был до предела взвинчен.

— Вы думаете, что мы уходим в другой лагерь? Перережем десяток-другой людей и будем греть зады?

Против воли Рокуэлл ощутил глухое раздражение. Элдхауз зря говорил таким тоном. Перед ним были не сопляки-мальчишки, как три года назад. Перед ним сидели драконы — пусть созданные им самим, но драконы. Пламя, которое разжигаешь сам, обжигает так же больно, как и чужой огонь.

— Никаких лагерей больше не будет, — четко произнес Элдхауз. — Вы — драконы. И сила ваша — в одиночестве. Вряд ли еще раз вы соберетесь так, все вместе. Любой из вас сможет выжить в лесу один и победит в единоборстве любого врага. И даже, если придется кому-то звать на помощь других драконов, вы должны оставаться одиночками.

Роберт поднес к лицу руку с часами, неопределенно кивнул, словно рассчитывая что-то, и продолжал:

— Найдутся в лесу люди, стреляющие лучше, чем вы. Найдутся люди сильнее и осторожнее, с хорошим оружием и надежными укрытиями. И лишь бесчеловечнее найтись не должно.

«И не найдется», — подумал Рокуэлл. После этого, первого их лагеря, они разгромили еще множество поселений. Прошлый год в поисках новых жертв им приходилось совершать стомильные рейды — никто не решался селиться вблизи логова драконов.

— Вы удивлялись, когда из каждого поселка я приказывал отпустить кого-нибудь одного, видевшего все происходящее. Вы злились, когда я заставлял убивать только ножами. Но я знал, что делаю. Я создавал вам славу — славу чудовищ, самых диких зверей леса. Сильнее

убежищ вас будет охранять всеобщий страх. Быстрее пули будет убивать само ваше приближение. Вас будут бояться, и вам будут подчиняться, если каждый из драконов будет нечеловечески жесток.

«Да что ты заладил… Мы такие, какие есть, и другими нам уже не стать», — подумал Рокуэлл. Скользнул взглядом по драконам, отыскивая Драго. На лицах читалось легкое раздражение. А Драго… Он очень странно смотрел на Элдхауза.

— Я не буду придумывать для вас законы. Это ваше дело. И смену себе вы воспитаете сами. А в драконы я не гожусь. Во мне слишком много от человека. Я делал то, что было необходимо, — и презирал себя за это. Я любил вас — и ненавидел.

Рокуэлл вздрогнул. Он понял, что сейчас произойдет.

— Теперь наступает ваше время, время драконов. И пусть ничто не связывает с прошлым новых властителей мира. Будьте безжалостны!

Элдхауз уже кричал, и фигура его на фоне костра дергалась, как марионетка.

— Скрепите свой первый день человеческой кровью, драконы! Превратившись в зверей, будьте ими до конца! Ну! Драконы!

Кто-то закричал в неподвижном ряду. Вскочил, поднимая с колен автомат. Щелканье затворов волной пробежало по драконам и утонуло в автоматном треске. Из костра фейерверком встали снопы искр — пули дырявили человеческое тело и дробили пылающее дерево.

Первым к Элдхаузу подошел Драго. И вздрогнул — Роберт был еще жив. В него попало лишь несколько пуль. Вокруг метались драконы. Светловолосый громко кричал: «Джереми, паскуда, выходи к нам!» А Роберт ускользающим взглядом следил за Драго. Губы его шевельнулись, и Драго услышал:

— Как я с вами устал, драконята…

Драго опустился на колени и припал губами к рваной, сочащейся темной кровью ране на груди Элдхауза.

5. Именем ордена

Майк шел сзади и продолжал нудеть.

— Вы зверь. Чудовище. И почему я с вами иду…

— Я дракон. А идешь ты потому, что я дал тебе пинка.

У меня потихоньку портилось настроение. Уже наступал вечер, мы отмахали по лесу порядочный кусок, не встретив никого на пути. День был хороший, теплый. Но «щенок» все нудел и нудел. Сколько можно! Подбежал Принц, мягко ткнулся носом в плечо. Я тут же принял его мысль: «Надоел». Точно… Я остановился, поджидая Майка. Куртка на нем была

расстегнута, рюкзак сполз. Смотрел он куда-то себе под ноги, и чуть не наткнулся на меня. Я аккуратно взял его за плечи, приподнял так, чтобы не доставал до земли, и заговорил:

— Ты мне надоел. Или мы идем дальше, и ты больше не говоришь ни слова по поводу… В общем, понял. Или я отдам тебя Принцу.

Я отпустил Майка, и он устоял, лишь чуть покачнулся. Долго смотрел на меня. Потом сказал:

— Идем дальше, Драго?

— То-то…

В его глазах что-то блеснуло.

— Просто я должен дойти.

Неожиданно я поверил ему. Поверил, что он испугался не моей угрозы, совершенно серьезной, а того, что не дойдет до цели. Фанатик монастырский…

Вскоре мы набрели на ручеек и дальше шли по его берегу. Принц по воде ходить не любил. Он рявкнул и исчез в зарослях. Майк вдруг сказал:

— А знаешь, Драго, почему ты не убил меня?

Я усмехнулся:

— Конечно, знаю. У меня мало патронов, ты обещаешь достать. Ну и к тому же… — Я снисходительно посмотрел на Майка: — Мне понравилось, что ты не трусишь. Из тебя толк может выйти.

Он грустно улыбнулся:

— Я просто не знал, кто ты. А так бы испугался. Я вовсе не смелый, Драго. Дело в другом. Ты не можешь понять. Кто я, откуда, зачем иду через лес? Вот и не убиваешь. Тебе интересно. Ты хочешь разобраться во мне.

Я достал нож. Покрутил у Майка перед носом.

— Хочешь, отрежу уши? И дальше по кусочкам. Пока все не расскажешь.

Майк побледнел, но ответил твердо:

— Это будет совсем не то, ты же сам понимаешь.

А ведь верно! Понимаю. Спрятав нож, я пробормотал:

— Да, что в тебе разбираться? Монах ты. Послушник…

Майк не ответил. Мы прошли еще с километр, сели передохнуть. Я сгреб целую кучу листьев, устраиваясь поудобнее, мальчишка последовал моему примеру. Раньше листья на деревьях опадали только осенью, теперь же сыплются и вырастают вновь постоянно. Даже и не поймешь, чего они падают, такие же крепкие и красновато-бурые, как и те, что остаются на ветках.

— Драго, а ты всегда был один? — негромко спросил Майк.

Я уже собирался задремать, но тут сон исчез:

— Нет. Не всегда.

Драго подобрал девчонку, когда погоня уже настигала ее. Он перебинтовал ей простреленную руку, прислонил к дереву, коротко бросил: «Сиди здесь!» И вышел на тропинку, навстречу захлебывающемуся собачьему лаю.

Собаки вырвались слишком далеко вперед. Драго скосил всех трех одной длинной, уверенной автоматной очередью. И стал ждать хозяев, даже не пытаясь спрятаться.

Двое парней бежали по склону, перепрыгивая через принесенные весенним паводком коряги, размахивая руками. Они не умели хорошо бегать — слишком уж мотались у них руки, слишком широкими, неустойчивыми были шаги… Драго смотрел на них презрительно. Вот когда бежит дракон… Это словно черная тень, бесшумно скользящая между деревьями.

Один из преследователей увидел Драго, поднял автомат. Другой толчком выбил у него оружие, прошипел:

— Ты что! Это же дракон!

Питомцы Элдхауза лишь три года назад разбрелись по лесам. Но не было человека, не знающего, кто такие драконы!

Драго с любопытством смотрел на парней. Они были наголо выбриты, оба в черных широких рубашках, не заправленных в брюки.

— «Истинники»? — спросил Драго. Об Истинно Верующих он только слышал, сталкиваться с ними не доводилось.

Парни молчали. Но Драго и не ждал ответа.

— Пошли вон. Девчонка моя.

Один сразу начал пятиться. А тот, который порывался стрелять, выкрикнул:

— Не понравится это нашим! Смотри, дракон!

Автомат в руке Драго качнулся, и парни ускорили шаги. Проводив обоих насмешливым взглядом, Драго вернулся к девушке. Молча уселся рядом.

Что можно сделать с женщиной, Драго знал прекрасно. А вот о чем с ней говорить…

Дракон не имеет права уставать. Он должен быть неутомимым. А я устал. Сопляк Майк идет впереди, как заведенный. Меня брала злость, и я уже специально ускорял шаги.

Доускорялся… Мы продирались сквозь заросли черной колючки, и я был настороже. А вот когда вышли в обычный лес, расслабился. Принц бежал впереди, и я невольно полагался на него. Мы с Майком почти одновременно вышли на поляну. Сделали несколько шагов в высокой желтой траве…

Все-таки я услышал щелчок предохранителя. За секунду до выстрела, за полсекунды. Но в это мгновение я успел повалить сопляка и упасть сам.

Пули секли траву над моей головой. Срубленные травинки щекотали затылок. Ясно — целились не в мальчишку. В меня, в дракона. Я не мог даже пошевелиться. И два автомата, валяющиеся рядом, были бесполезны…

— Драго! Оружие!

Я почти не колебался. Все равно, десяток секунд — и мне крышка. Сильно толкнув автомат назад, к Майку, я откатился в сторону. Отзываясь на мое движение, пули зашлепали совсем рядом.

Майк сжался, подтянул ноги. И вдруг вскочил. У него было две-три секунды, даже меньше. Но те, кто сидел в засаде, не успели перенести огонь на мальчишку.

Автомат в руках Майка выписывал затейливые фигуры. Я не сразу понял, что он намеренно стреляет по широкому сектору. Отработанные гильзы серебристой лентой вылетали из автомата. Но вот грохот выстрелов смолк. Майк опустил оружие. Тишина.

— Идем, дракон.

Мы подошли к кустам, где сидели нападавшие. Впрочем, кустов уже не было, из взрытой земли торчали какие-то комли, все засыпала белая щепа и ядовито-желтые листья. Полуприсыпанные этой трухой лежали трое. Серые, странного покроя плащи не оставляли сомнений.

Братья Господни.

Я посмотрел на Майка, но тот был спокоен. Так спокоен, словно не он застрелил этих людей.

У одного была размозжена голова. Второй еще дышал, пули попали ему в живот. А третий… Интуитивно я понял, в чем дело. Хорошенько двинул его под бок. Он взвыл и открыл глаза. Не давая опомниться, я подхватил его, швырнул в сторону. Брат Господний налетел на дерево, медленно осел по стволу, задирая голову и снова закатывая глаза.

— Не верю, — сказал я, подходя ближе. Монах опустил взгляд.

— Откуда?

— Из монастыря Трех Искуплений, — он говорил отрешенным, бесцветным голосом. Только братья так умеют.

— Кто велел вам убить дракона?

Он промолчал. Глаза у него остекленели, как у мертвого. Да, он и был покойником, хотя еще дышал и двигался.

— Молчишь? Хорошо… Смотри! Не отводи взгляд!

Я нагнулся над умирающим. У него было простое, грубое лицо, сейчас все перекошен-

ное от боли. Достав нож, я распорол на Брате Господнем рубашку, обнажая грудь. Посмотрел на уцелевшего. А, проняло… В глазах монаха зажегся ужас. Дикий ужас.

Я воткнул нож своим обычным ударом по левому краю грудины, между вторым и третьим ребром. Резко дернул лезвие к себе, распарывая грудь. Ребра ломались с неприятным влажным хрустом…

Отодвинув рукой вздрагивающие, сизовато-серые легкие, я взял сердце. Рассек сосуды — кровь хлынула так, что у меня намокли рукава. Снова посмотрел на живого монаха.

— Не отводить взгляд!

Сердце было скользким, оно пульсировало и переливалось в ладонях. Я ощутил знакомое солоноватое тепло.

— Нет!!! — закричал Майк.

У Брата Господнего дернулась щека. Веки у него по-прежнему были открыты, но взгляд утратил четкость, глаза ушли в сторону. Он то ли потерял сознание, то ли впал в транс — монахи это умеют.

Я взглянул на кровавый комок у себя в ладонях. Не зверь же я, чтобы жрать сырое мясо… Драконы едят человечину и пьют кровь не потому, что им это нравится. Людоедство — высшая форма страха, надежнейшее средство внушить ужас… А этот монах и так парализован страхом.

Выпустив сердце из рук, я ударил монаха по лицу. Тот вздрогнул, приходя в себя.

— Сейчас ты пойдешь в свой монастырь. Найдешь настоятеля и скажешь, что я приговорил его к смерти. Скажешь, что до больших дождей я узнаю вкус его крови. Понял?

Лезвием ножа я легонько полоснул его по лбу. Он вскинул руки, защищая глаза. Я полоснул еще раз, накрест.

— Иди.

Он уходил шатающейся походкой и, прежде, чем исчез за деревьями, дважды упал. Я повернулся к Майку:

— Крест на лбу — знак отсроченного приговора. Теперь любой дракон, который встретится ему, исполнит приговор.

По закаменевшему лицу Майка прошла судорога.

— Отсроченный… — бесцветным голосом повторил он. — Приговор?

С ним творилось что-то непонятное. Сквозь мальчишескую браваду проступала жесткая, непреклонная твердость. Так выглядывает монолитный бетон из-под осыпавшейся штукатурки.

— Идемте, Драго…

Неужели так просто?

Я не ответил. Подошел к ручью и с наслаждением умылся. По воде пошли мутные красные разводы. Мерзко мне было почему-то. Может быть, оттого, что в этой короткой схватке победил не я, дракон, а «щенок» Майк? Я растянулся возле ручья, уткнувшись лицом во влажную, пахнущую землей и перепрелыми листьями траву. Услышал, как захрустели ветки — это Майк сел шагах в пяти от меня. Майк, а не «щенок»! Будущий дракон Майк!

Неужели все так просто? Неужели Майку хватило этой встряски, чтобы в нем проснулся дракон? И поразившая меня решимость, вырвавшаяся из мальчишки, как стальная пружина из ветхого футляра, — это решимость дракона, расстающегося с человеческой шкурой.

У каждого есть свой миг, когда он превращается в дракона. Обычно это миг страха, нестерпимого, до дрожи в коленках, до холодеющих пальцев, когда желание жить вытесняет все. Когда смерть впервые оказывается рядом, и ты расстаешься с глупой детской верой в собственное бессмертие. Когда не умом и не сердцем, а жалким, трясущимся телом осознаешь — нужно или выжить, или остаться человеком…

Я такую минуту пережил давным-давно, еще когда Элдхауз повел нас в первый набег на крошечный, беззащитный поселок, и Джереми, сволочь Джереми, паскуда Джереми на моих глазах расстрелял не сумевшего снять часового пацана. Даже имени того мальчишки я сейчас не могу вспомнить, лишь крутится в памяти хмурое, вечно сосредоточенное на чем-то своем лицо. Я тогда перенес шок, и не мог говорить — к горлу словно прилип холодный комок, не дающий произнести ни слова. Меня дразнили все, или почти все. Лишь Рокуэлл и тот мальчишка никогда не смеялись… Увидев, как Джереми расстреливает его, я словно проснулся. Именно с того момента у меня ясные воспоминания о детстве. Негромко хлопает пистолет; отходя назад, щелкает ствол; быстро наплывает едкая пороховая гарь… На лице Джереми не то оскал, не то улыбка… А мальчишка крутится на снегу, дергаясь от каждой пули, и кровь темными фонтанчиками плещет на снег, оставляя в нем длинные ровные протали-ны… В ту секунду я понял — точно так же смогу корчиться под пулями и я сам. Если не заставлю каждого встречного джереми вздрагивать от одного моего взгляда… И почти сразу узнал, как этого добиться. Достаточно превзойти их в жестокости. Достаточно выместить свой страх на ком-то еще более испуганном и беззащитном, вроде той несчастной девчонки в захваченном нами доме. Запредельная жестокость в первую очередь ужасает любителей жестокости *вмеру* .

Прошелестели листья, чавкнул мокрый песок на берегу ручейка. Даже ветерок дохнул от прыжка огромного тела. Принц с жалобным повизгиванием ткнулся в мое плечо. Я перевернулся, посмотрел в бегающие от стыда глаза.

— Нас могли убить, Принц.

Принц растянулся на траве, вскинул лапы кверху. Делай со мной, что хочешь, хозяин,

вот мое беззащитное брюхо. Виноват…

— В чем дело, Принц?

По затылку трахнула чугунная кувалда. Принц послал мне «картинку»: разноцветный, непривычно окрашенный мир. Я с трудом узнал то место, где мы находились. Сероватая полоска ручья, пестрые, многоцветные берега, усыпанные яркими пятнами. На берегу виднелись два радужных силуэта. Я и Майк? От нас по воздуху тянулись кроваво-красные, бледно-зеленые, синевато-стальные нити. А в сторонке лежали два абсолютно бесцветных, почти неразличимых человеческих силуэта…

Что это? Я посмотрел на Принца, на его подергивающийся, влажный нос…

— Принц! Они… не имеют запаха?

Принц радостно взвизгнул. Трудно поверить, что его чудовищная глотка способна издавать такие звуки.

Я смотрел на коченеющие трупы, переваривая полученную информацию. Запах… Как можно его уничтожить? Такого еще не было. Нас с Принцем ослепили, оставили безоружными. Орден Братьев Господних взялся за осуществление своей давней угрозы — очистить леса от драконов. И на этот раз у него есть шансы победить.

6. Светловолосый

Это был самый странный и, наверное, самый счастливый месяц в жизни Драго. Пещера на берегу Биг Ривер, где он соорудил свое логово, превратилась в подобие жилого дома. Каждый вечер теперь он стремился вернуться назад, к странной девчонке, убежавшей от монахов и оставшейся с драконом…

В первый вечер Драго ушел в лес. Ушел, сам не понимая, зачем это делает, после того, как накормил девушку и перевязал ее рану. До утра он бродил, не в силах уснуть, и все пытался придумать для себя оправдание. Уже в предрассветной сумеречной полутьме, на узкой лесной дороге, остановил фермерский обоз. Автоматически рылся в вещах, почти не глядя на полуживых от страха крестьян. На телегах аккуратными рядами лежали мешки с зерном и мукой, прикрытые от росы мутными обрывками полиэтиленовой пленки. Драго хотел сказать, что полиэтилен здорово набирает радиацию, и закрывать им продукты не следует, но передумал. Крестьяне наверняка об этом знали, просто им было наплевать на тех, кому достанутся продукты. Драго оглядывал бледные от страха и малокровия лица, ускользающие от его взгляда глаза. Фермеры боялись зря. Из них самих могли бы получиться неплохие драконы, пьющие кровь и раздирающие зубами сырое человеческое мясо… С последней телеги Драго снял деревянный ящик с мелкими желтыми яблоками, прислонил к рубчатой фордов-

ской шине, закрепленной на тележной оси, несколькими ударами ноги разбил доски… Выбрал два яблока, крупных, но с едва заметными червоточинами — дозиметра у него не было, а червяк в зараженное яблоко не полезет. И пошел назад, к пещере.

Она никуда не убежала за ночь. Логово обрело подобие уюта, вещи избавились от многомесячного налета пыли, повсюду был непривычный, смущающий Драго порядок… Он подошел к столу и положил на него «трофейные» яблоки.

Вечером она сама попросила его не уходить.

Так прошел месяц.

…Нет, у него не было никакого предчувствия в тот день. Наоборот. Он шел с охоты, с удачной охоты, и день был светлым, в тучах виднелась проплешина, и Драго решил, что там прячется солнце.

Как обычно, он наблюдал за входом в пещеру несколько минут. Заросший оранжевым вьюнком провал был темен и пуст. Драго сделал несколько шагов по широкому, словно человеческими руками вырубленному проходу. Откинул тяжелую от влаги, почерневшую от копоти штору — светомаскировку.

Возле костра сидел Рокуэлл. Он по-дурацки выбрился, оставив лишь клок волос на затылке, и был похож на индейца из ковбойских фильмов. Автомат он держал на коленях, на столе валялся пояс с ножом, помятая металлическая фляга. И куртка и брюки были невообразимо грязны, и даже с десяти шагов Драго почувствовал запах застарелого пота. Он изменился за последние полгода, Рокуэлл… Но все равно это был он, это был друг, друг-дракон, и Драго невольно улыбнулся. Он шагнул к костру.

Рокуэлл привстал навстречу. Смятение мелькнуло и исчезло на его лице.

— Я не один, Драго…

Светловолосый стоял у входа. Кто действительно изменился — так это он. Прежнего подростка, кидающегося в спор каждую минуту, напоминала лишь чистая, опрятная одежда. Лицо заострилось, глаза быстро обшаривали Драго.

— Ну, здравствуй… Лучший из драконов!

Драго взглянул на Рокуэлла. Тот отвел глаза. В костре трепетало пламя. Корчились обугленные поленья, стаями светлячков вылетали искры.

— Где она?

Это место у нас называется Жженными Холмами. Двадцать лет с Последнего Дня прошло — а тут до сих пор ничего не растет. Землю можно раскопать на полметра — она мертвая, буровато-серая, а плеснешь на нее воду — вода протекает насквозь, не задерживается. Вряд ли они оживут, Жженые Холмы…

Поднявшись наверх, мы перемазались мертвой землей. Особенно злился Принц. Его рыжеватая шерсть стала пепельной, он не переставая чихал. У меня тоже щипало в носу. И лишь Майк шел абсолютно спокойно. Монах чертов…

И тут до меня дошло. Какой же он, провалиться мне сквозь эти холмы до самой России, Брат Господен? Братья — мастера на пакости, это верно. Но своих они не предадут. Так кто же он? Фермер? Истинно Верующий? Главарь банды, растерявший подручных? Чушь… Принц скосил на меня настороженный глаз. Почувствовал растерянность. Нет, приятель, тут я разберусь сам.

Я тронул Майка за плечо:

— Смотри! Красиво!

Во все стороны до самого горизонта тянулись леса. Все оттенки желтого — яркий, полузабытый солнечный цвет; оранжевые, апельсиновые полосы; багровые, кровяные пятна. А под ногами черный и темно-синий пепел… Я поддел его ногой — в воздух поднялось серовато-тое, похожее на густой табачный дым, облачко. Оранжевый лес пламенел внизу. Мой лес! Мой мир! Наплевать мне на Братьев Господних! На верующих и неверующих. Я здесь повелитель!

Я даже выкрикнул что-то от полноты чувств. Взглянул на Майка и наткнулся на его задумчивый, изучающий взгляд:

— Вы как автомат.

Я не сразу понял.

— Ты о чем?

— Вы сейчас радовались, как автомат. «Красиво». Восторженный жест. Звериный рев. Вы когда-то пришли на эти холмы и закричали так… от восторга, потому что действительно страшно и красиво одновременно. И решили, что будете так радоваться. И убивали вы, как автомат. Даже не злились, просто играли в ярость. Автомат.

Как будто сам он не убивал… Вежливый мальчик в чистеньком комбинезоне, сбоку на куртке расстегнулась пряжка, штаны в пыли, левый рукав грязный, а так — сама аккуратность. Я не разозлился. Мне просто стало грустно. Зачем напоминать сегодняшнее утро…

— Майк… Ты никак не поймешь одного — я дракон.

Я постарался сказать это помягче. Майк смотрел по-прежнему. И наконец до меня дошло: никогда он не станет хорошим драконом. Он вообще не будет драконом. И тогда меня прорвало.

— Чего стоишь? Щенок! Мы к вечеру должны дойти до реки!

Он зашагал вперед — лишь столбики пыли вставали за ногами. Сопляк, мальчишка, а неукротим. Уж если кто из нас похож на автомат, так это Майк. Все у него есть — и ум, и си-

ла, и воля. Вот только дракона из него никогда не выйдет.

— Она никогда не стала бы драконом.

Светловолосый глядел нагло, уверенно. И ничего нельзя было прочесть в его глазах. Драго посмотрел на Рокуэлла, против силы посмотрел, даже не замечая, каким умоляющим стал его взгляд. А Рокуэлл заметил. И сказал торопливо, вызвав недовольную ухмылку на лице Светловолосого:

— Она чуть не убежала. Стреляй мы похуже…

В груди у Драго что-то сжалось и отпустило. Рокуэлл не предал. Друг всегда остается другом, даже если идет карать тебя как отступника. Они не мучили тебя, глупая девчонка, думающая, что дракон сам распоряжается своей судьбой. Что бы они с тобой ни сделали — ты уже была мертва. Мертва.

Светловолосый кончил улыбаться. Смахнул изгиб улыбки, заговорил:

— Ты знаешь наши законы, Драго. Ты проявил… — он помедлил, — доброту. Дракон, вспомнивший о доброте, должен уйти навсегда.

Рокуэлл отвернулся. Спокойно. Только спокойно, Драго. Ее не спасти. А себя еще можно…

— Дурак!

Драго заставил себя улыбнуться.

— Ты остался тем же кретином, что и раньше.

Он чуть подался к Светловолосому:

— Я хотел сделать из нее дракона. Первая женщина-дракон. Это разрешено!

— Да, но лишь в течение месяца! А она жила с тобой сорок дней.

Драго кивнул. И сделал голос доверительным.

— Но еще десять дней разрешается держать пленников для развлечений! Я не нарушил срока, Светловолосый. Я хотел убить ее сегодня. А ты помешал…

Светловолосый дернулся. Он понял, что попал в ловушку. Хотел что-то сказать, но Рокуэлл вдруг вставил, как отрезал:

— Верно.

Драго кивнул. Заставил себя взять Светловолосого за плечи.

— Брат-дракон! Ты оскорбил меня ложным подозрением. Я могу это простить. Но ты лишил меня крови моей добычи! Ты знаешь закон.

— Знаю, — шевельнулись губы Светловолосого.

— Я хочу твоей крови, дракон.

Светловолосый встал. Его вялость длилась секунду. Он умел менять свои планы. Сги-

бая шею в ритуальном кивке, он негромко ответил:

— И я хочу твоей крови.

Они встали друг против друга, обнаженные до пояса, немного согнувшиеся, расставив безоружные руки. Рокуэлл медлил, и Драго зло взглянул на него.

— Согласны ли вы примириться чужой кровью, братья-драконы?

— Нет! — Два выкрика слились в один. Два прыжка взрыли песок. Две пары рук вцепились в чужие тела.

Когда драконы ведут ритуальный бой, их пальцы пусты. Автомат, нож — это для чужих. А для брата-дракона есть пальцы, сведенные яростью. Есть зубы, разжатые в крике. И ненависть, которая остается человеческой, сколько бы ты с этим ни спорил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.
ЧЕЛОВЕК

1. Переправа

Конечно, в тот вечер мы никуда не уплыли. Уже стемнело, и хотя Правый Приток — это далеко не Биг Ривер, но рисковать я не стал. Выбрал заросшую чаппарелью низинку, срезал десяток кустов, устраивая логово. Послал Принца на разведку.

Пока я возился с вещами, Майк уже уснул. А мне и спать не хотелось. Я порылся в его рюкзаке. Вот фонарик… Горит. Вот рация… Я щелкнул тумблером питания — засветилось несколько неярких огоньков, зашуршало в болтающихся на проводе наушниках. Ну, зачем ему рация? Такая техника есть лишь у Братьев… Ну и в некоторых гарнизонах.

В общем-то, гарнизонов вокруг много. Солдат и офицеров там почти не осталось, больше приблудные, из всяких шаек и разграбленных поселков. Но оружия у них много.

Вот, например, в Форт-Санта-Крус. Там когда-то была база бронетанковых войск. Горючка уже давно кончилась, танки врыты в землю по башни, широким кольцом опоясывая базу. По ночам в танках дежурят часовые, ходят патрули с собаками. В гарнизоне почти две тысячи человек, они держат контроль над огромным пространством. Двенадцать поселков и сотни полторы ферм снабжают их пищей, получая взамен надежную охрану. Молодежь отовсюду так и рвется к ним.

Я оставил рюкзак Майка в покое, улегся, расстелив на траве одеяло. «Щенок» вполне может быть из гарнизона…

С этой мыслью я и уснул.

Меня разбудил и вскрик Майка и рычание Принца. Спросонок я не понял, в чем дело, вскинулся, поднимая автомат…

Метрах в десяти от нас Принц гонял по берегу мокрицу. Огромную — больше метра в длину. Меня немного замутило. Потом разобрал смех. Гладенькое, словно облитое коричневым лаком, тело твари ловко увертывалось от ударов Принца. Тяжелые лапы со свистом трамбовали песок, ломали попавшиеся ветки… А мокрица понемногу пробиралась к кустам. Когда Принц совсем уже наглел, она останавливалась и угрожающе щелкала похожими на клюв челюстями. Принц сразу терял пыл. Когда он был щенком, его здорово тяпнула мокрица. Яд попал в кровь, и он чуть не погиб. С тех пор Принц не может спокойно пройти мимо мокрицы…

Я уже думал, что мокрица убежит. Но в это мгновение удар Принца достиг цели. С треском лопающегося яйца ракообразное выплеснуло на разбитый хитиновый панцирь студенистые внутренности. Я поморщился. Пес довольно взвыл. А Майк…

Он стоял на коленях. Его выворачивало наизнанку. А лицо было белее мела.

Драконы не знают жалости, ибо им неведома ни злоба, ни доброта. Но снисходительность знакома и драконам. Я поднял парнишку с земли, оттащил к реке. Помог умыться и заставил выпить воды из фляжки. Вчерашняя неприязнь к нему прошла.

— Эх, щенок… Из какого ты гарнизона?

Он дернулся и сразу ожил.

— Откуда ты знаешь?

Все верно…

— Я дракон… Так откуда?

— Резерв-шесть.

Про такой гарнизон я не слышал. Но расспрашивать не стал.

— Плот вязать умеешь?

— Да, меня учили.

Учили его. Вот только пауков и мокриц не бояться его забыли научить. Я довольно улыбнулся. А Майк умоляюще попросил:

— Давайте перейдем в другое место!

Я кивнул. Через полчаса мокрица начнет смердеть так, что без противогаза не выдержишь. И добавил:

— Рюкзак свой возьми. И автомат. Таскать твои вещи я не собираюсь.

Вначале я собирался переправиться на чужой берег Притока и сразу двинуть в горы. Ре-

ка здесь неширокая, метров сто, но по лесу пришлось бы идти километров девяносто. Это минимум — трое суток…

Карта предлагала и другой вариант. Спустившись по течению, мы могли высадиться на берег в том месте, откуда до гор оставалось не больше сорока километров. Это можно одолеть и за один переход… Правда, свой риск имелся и в этом случае — уже в предгорьях придется пройти вблизи монастыря Братьев Господних. Его точного местоположения я не знал — так, обрывки слухов, фермерская болтовня. Да к тому же потом, в горах, нам надо будет возвращаться к отмеченному на карте месту…

Я взглянул на плот. Пять не очень толстых бревнышек, неумело связанных вместе. Переправляться можно, а вот плыть по реке, хотя бы и десяток километров, не стоит… Пожалуй, эта мысль и определила выбор. Я всегда поступаю наоборот здравому смыслу.

— Мы будем сплавляться.

Майк спорить не стал. Он нагнулся, сталкивая плот в мутноватую воду. Плот качнулся, начал поворачиваться, норовя уйти от берега. Майк прыгнул в самый центр плота, присел на корточки, удерживая равновесие.

Да, Майку повезло, что встретил меня, подумал я, глядя на его неуверенные движения. Недалеко бы он… Впрочем, Майку повезло относительно. Он не станет драконом. А значит, дойдя до цели, я вынужден буду его убить.

Вместе с Принцем я запрыгнул на плот.

Плавания на плоту словно специально придуманы для отдыха в пути. Будь у меня под рукой лодка или даже такая полузабытая вещь, как катер, я бы на них сейчас не позарился. Раздевшись до пояса, я лежал на бревнах. Раньше так загорали, сейчас загорать не под чем — солнца не видно. Но какая-то иллюзия солнечного тепла осталась…

Майк сидел, обхватив руками колени, уставившись на проплывающие берега. Раздеваться он не собирался — в его десантном комбинезоне жарко не будет. Комбинезон замечательный, под любую погоду, способный смягчить удар, и задержать радиацию. Лениво, мимоходом, я подумал, что комбинезон с мальчишки надо будет *потом* снять. Или вначале снять, чтобы не испачкать. Или…

— Дракон…

Это было что-то новенькое. Раньше Майк звал меня по имени.

— Ну?

— А как тебя зовут? Драго — это ведь кличка…

Я вздрогнул. Как меня зовут? В принципе никто и никогда не запрещал нам иметь настоящие имена. Клички — это так повелось. Пожалуй, я им и дал начало, своим «Драко —

драго».

— Или ты забыл?

Еще чего…

— Джекки… — уменьшительное, детское имя, которым меня в последний раз называли перед Последним Днем, прозвучало так неуместно, что я рассмеялся. — Джек… Чушь это. Меня зовут Драго, ясно?

— Конечно, я на всякий случай спросил.

Я посмотрел на Майка — не издевается ли? Нет, лицо его оставалось серьезным. И тут сквозь легкий плеск воды до меня донесся знакомый звук — короткие автоматные очереди. Стреляли далеко за деревьями, и стреляли, похоже, наугад — выстрелы были какими-то неуверенными, отрывистыми.

Повернувшись на живот, я устроил автомат поудобнее. Если стреляли не в нас, это еще не означало, что удастся отсидеться. Рядом растянулся Принц. И даже Майк без всяких подсказок лег на бревна. На берегу пока никого не было видно. Невысокие оранжевые деревья спускались к самой воде, но за тонкими стволами спрятаться было невозможно.

— Похоже, попали, — предположил я.

Выстрелы раздались снова, и явно ближе к нам. Ответных не было. «Кто-то с автоматом гонится за кем-то безоружным», — объяснил я сам себе.

— Может, дракон охотится? — спросил Майк.

— Драконы без нужды не стреляют… — я хотел предупредить Майка, чтобы он оставил свой язвительный тон, но события вдруг завертелись с головокружительной быстротой. Из леса выметнулась человеческая фигурка, замерла у воды. Майк, уже с минуту рывшийся в рюкзаке, поднял к глазам бинокль.

— Девчонка…

В лесу опять защелкали выстрелы. Девчонка перегнулась и прыгнула в воду.

— Вот и все, — задумчиво сказал я. — Эта история так и останется для нас загадкой.

— Думаешь, попали? — быстро спросил Майк.

— Нет, дело не в этом.

Голова девчонки показалась над водой. Она плыла наперерез нашему неторопливому плоту. Из-под ее рук серебристыми веерами взлетали брызги.

— Лучше отвернись, — посоветовал я Майку. — И в Большой Реке, и в обоих притоках водятся такие маленькие рыбки… Их по-разному называют, но обычно зубастиками. Каждая не больше двух сантиметров. Но стая съедает человека за полминуты.

По спине Майка прошла ощутимая дрожь.

— Как пираньи… — прошептал он.

А девчонка еще продолжала плыть. Она не покрыла и половины расстояния к плоту, когда на берегу показался преследователь. Не старше Майка, голый по пояс, с автоматом в правой руке. Увидев плывущую девчонку, он что-то громко и зло крикнул, потом присел, целясь в нее с колена.

Девчонка нырнула, и пули бодро защелкали по воде. Это становилось совсем интересным. Преследователь не собирался ее ловить, что было бы вполне понятным. Он хотел ее убить, причем даже боялся передоверить работу зубастикам… Привстав, парень высматривал свою жертву. И тут он увидел плот.

— Драконы стреляют так, — только и успел сказать я Майку, нажимая на курок.

Первая пуля попала в приклад уже нацеленного на нас автомата. Брызнула деревянная щепа. Парень прыгнул в сторону, выпуская оружие. Я выстрелил еще, целясь в голову. Увы, не попал. Но, похоже, пуля прошла совсем рядом — парень бросился бежать. Третьей я всегда закладываю в обойму пулю со смещенным центром тяжести, чтобы не рисковать. Стреляя, я уже понял, что попаду. Парень запрокинул голову и выгнулся в какой-то дикой судороге, словно пытаясь изобразить ту фигуру, которую описывала в его теле разбалансированная, крутящаяся, как фреза, пулька.

Принц одобрительно зарычал.

Я посмотрел на девчонку — и обомлел. Она оказалась метрах в трех от плота. Майк выгнулся, протягивая ей руку, а другой придерживаясь за загривок Принца. Как ни странно, пес не обращал на это никакого внимания.

Сделав еще пару гребков, девчонка вцепилась в протянутую Майкам ладонь. И вдруг отчаянно взвизгнула. Майк дернул, втаскивая ее на плот, на ноги ему хлестнула вода. Я налег на противоположную сторону, удерживая равновесие.

Какую-то секунду мне казалось, что Майк вместе со своей подопечной окажется в воде, возможно утянув туда и Принца. Или что перевернется весь плот, прихлопнув нас в воде сырыми, тяжелыми бревнами.

Плот выправился. Нас окатило волной, оставившей между бревнами десяток мелких серебристых рыбок. Принц с яростью забил лапами, давя рыбешек. Одна рыбка болталась у него на боку, намертво вцепившись в шерсть.

— Я думал, она постарше, — сказал я.

Девчонке было не больше двенадцати. Худая, с некрасивым, перепуганным лицом, на котором из-под воды выступали слезы, в мокром, липнущем к костлявому тельцу, не раз перешитом платье. По ногам текли тоненькие струйки крови. Правая нога, обутая в тяжелый мужской ботинок, казалась длиннее левой, босой. Представлялось невероятным, как это жалкое существо проплыло добрую сотню метров. Девчонка сидела у ног Майка, цепляясь за его

руку, и с откровенным ужасом смотрела на нас с Принцем.

Что же. Не надо много ума, чтобы признать во мне дракона.

— Думал, постарше, — повторил я. — Ладно, не важно.

Лицо Майка вдруг перекосилось.

— Слушай, дракон, — почти прошипел он. — Если ты хоть что-нибудь ей сделаешь…

Повинуясь моему безмолвному приказу. Принц поднялся на задние лапы. А передними оперся на плечи Майка. Раскрытая пасть собаки застыла в сантиметре от его лица.

— Если еще раз попробуешь мне указывать, убью и тебя, и ее, — искренне пообещал я.

Майк молчал. Полюбовавшись секунду на его окаменевшую позу, я перевел взгляд на девчонку.

— Как звать?

— С-сюзи…

Сюзанна. Нет, тяга людей к красивым именам способна пережить даже ядерную войну.

— Кто тебя преследовал?

— Не знаю. Он из банды…

— А ты откуда?

— Из поселка…

— Какого?

— Тенистое Местечко…

Основатель поселка имел неплохое чувство юмора.

— Банда там?

— Ага…

— Ты убежала? Не реви! Сколько их?

— Шесть или пять…

— А мужчин в поселке?

Губы у Сюзи задрожали.

— Убили отца?

— Б-брата…

— Ясно.

Из рюкзака Майка я достал бинт. Кинул мальчишке:

— Чем вставать в позу, лучше перевяжи ее. Да отпусти его, Принц!

Пока Майк бинтовал девчонке искусанные ноги, я неторопливо растолковывал ей, что теперь следует делать.

— Ниже по течению есть фермы или поселки, в которых тебя не обидят?

— Ага…

— Мы сейчас пристанем к берегу. Иди к своим знакомым, и не вздумай возвращаться обратно. Поняла? Там, где ты прежде жила, никого живого не останется.

Девчонка кивнула и поморщилась, словно опять собиралась реветь. Что ни говори, а дурой она не была — куда собирается идти, не обмолвилась ни одним словом. Будь у меня желание потрясти местных крестьян, я бы из нее это вытянул, но сейчас не до этого. Да и будь она чуть старше и чуть симпатичнее — тоже так просто не ушла бы…

— Драго, а ты боишься бандитов?

Все-таки я привык к Майку настолько, что уже не реагировал на дикость его вопросов.

— А если честно. Кто сильнее, ты, или, например, эта банда?

2. Тенистое местечко

Поселок представлял собой пяток домов, обнесенных высоким забором. До Последнего Дня здесь, скорее всего, стояла ферма. А может, жил любитель тишины и покоя…

Единственный часовой неторопливо прохаживался между домов. Когда он в очередной раз скрылся из вида, я перемахнул через ограду. Следом бесшумной тенью двинулся Принц. Да, это не Братья Господни с их системой Кольца — пять часовых, движущихся кругом и наблюдающих друг за другом… Зайдя в тыл часовому, я несколько секунд крался следом, смотря на обтянутую короткой куртчонкой спину. У часового очень странно двигались лопатки, неестественно сильно ходили взад-вперед плечи. Мутант?

Достав нож, я рванулся вперед. Уже занося руку, почувствовал, что часовой меня заметил — начал приседать, уходя от удара…

Ломая позвонки, лезвие вошло в шею. Часовой беззвучно повалился, поворачиваясь ко мне лицом. Я отшатнулся. На лбу его, над переносицей, темнел затянутый пленкой третий глаз.

Мутант…

Нагнувшись над часовым, я извлек нож. Двумя ударами распорол живот. С мутантами лучше не рисковать, у них бывает жуткая жизнеспособность.

Подбежавший Принц обнюхал часового, зарычал — не зло, а скорее недоуменно. Потянулся к лужице крови.

— Потом! Не время!

Всем своим видом выражая обиду, Принц пошел за мной. Уже у дверей одного из домишек я обернулся. Черт, почему так мало крови? Я же должен был перебить сонную артерию…

В доме не оказалось никого. Только в одной из комнат, у окна, темнела на полу небреж-

но затертая лужа. Растрескавшееся стекло прошивали десяток мелких дырочек. Наверное, выстрелили с улицы, картечью.

Где же остальные бандиты?

Уловив непроизнесенный вопрос, Принц выскользнул из дома. Повернул морду в сторону самого внушительного из домов, построенного, пожалуй, до Последнего Дня. Тогда это был красивый приземистый коттедж, комнат на десять, не меньше. Сейчас дом скорее напоминал форт времен европейских поселенцев: окна закрывали огромные деревянные щиты или мелкие решетки, зато в стенах в изобилии пестрели узкие амбразуры. Держась так, чтобы меня нельзя было заметить хотя бы из окон — с амбразурами приходилось мириться — я побежал к дому.

Дверь, как я и ожидал, оказалась полуоткрытой. До меня доносился негромкий булькающий звук. Выждав секунду — звук не прекращался — я взял автомат наизготовку и ногой распахнул дверь.

Эту комнату сделали, разрушив внутренние перегородки между тремя или четырьмя комнатами. Получился здоровенный зал с разнокалиберными обоями и пластиком на стенах, с грудой мешков и пирамидой ящиков по углам. У дальней стены высились рядком несколько набитых посудой шкафов и поблескивала никелем умопомрачительно роскошная плита. Какие-то кривые, со следами сварки трубы тянулись из плиты в потолок — кухонное чудо техники явно переделывали с газа или керосина на заурядные дрова.

У плиты, запрокинув голову, пил из чайника воду рослый здоровяк. Обхватить ртом широкий короткий носик было невозможно, и вода несколькими ручейками стекала по его волосатой груди. Никакой одежды на мужчине не было.

— Пить из чайника некультурно, — отводя руку с ножом, произнес я.

Не издав ни звука, мужчина опрокинулся на плиту. Чайник, зажатый в левой руке, раскачивался над самым полом, затухающие глаза растерянно смотрели на меня. Пытаясь подняться, мужчина оперся о плиту, снова осел, напирая на рукоять впившегося в грудь ножа. На спине его вспухла бугорком кожа, затем беззвучно лопнула, выпуская кончик лезвия.

Я прошел еще несколько комнат — в них никого не оказалось. И когда у очередной двери я услышал смутно знакомый звук, то не сразу поверил в его реальность. Из-за ободранной двери загаженного дома в разграбленном поселке доносилась музыка? Самая настоящая музыка — негромкий гитарный перебор, и аккомпанемент каких-то инструментов, и сильный красивый голос. «Yesterday…» Меня пронзил озноб. Это звучала песня из прошлого, из тех дней, когда в небе светило настоящее солнце… Эту песню пел какой-то знаменитый ансамбль, потому что ее часто передавали по радио и в телепередачах. «Yesterday».

Толкнув дверь, я вошел в комнату. И сразу почувствовал то неприятное ощущение, ко-

гда все вокруг кажется уже пережитым, испытанным, а сейчас, словно театральная постановка, разыгрывающимся повторно.

У стены, под затянутой решеткой окном, сидела на полу женщина. Рядом — старый уже мужчина, если бы не автомат на коленях, никогда бы не поверил, что он может быть в банде.

Женщина неотрывно смотрела на высокую узкую кровать, с которой почему-то были сброшены и простыни, и одеяло. На обтянутом грязно-серой материей матрасе двигались два обнаженных тела. У опирающегося на локти мужчины лопатки выступали над спиной сантиметров на пятнадцать. Еще один… Прижатая им к кровати девушка что-то сдавленно шептала, но музыка заглушала слова. Звук шел из портативного проигрывателя, болтающегося на поясе у последнего бандита. Тот стоял у кровати, одной рукой держа девчонку на волосы, другой перехватывая в кистях ее тонкие руки. Лицо его было безмятежно-невозмутимым, с тем едва заметным самодовольством, какое встречается у легких дебилов.

«Yesterday»…

Старик медленно повернул голову в мою сторону. Я приложил палец к губам, потом пригрозил им. Музыка еще продолжалась, в прозрачной коробке проигрывателя вращался радужно отблескивающий диск, и я хотел дослушать запись до конца… Но парень с дебиловатым лицом тоже поворачивался в мою сторону, и руки его, отпуская девчонку, скользили по поясу, нащупывая рукоятку пистолета.

Автомат в моих руках проснулся. Нехотя стукнул в латунный кружочек капсюля боек, ударили в ствол пороховые газы, выплевывая крошечную свинцовую пульку, передергивая затворную раму…

Короткая очередь пришлась в голову. Секунду парень еще стоял — жутковатая фигура с наполовину снесенным черепом. Потом стал валиться — не сгибаясь, прямой как столб, с фонтанчиком крови, плещущим из серовато-багровой каши в остатках головы. Тело глухо впечаталось в пол. Раздался слабый хруст, и музыка смолкла. Так я и знал… Надо же было ублюдку упасть так, чтобы раздавить практически вечный лазерный проигрыватель с питанием от солнечных батарей. Мне всегда не везет в мелочах.

Теперь стал слышен шепот девушки. «Мама, мамочка… мама…» Насилующий ее парень взглянул на меня, и я скривился от гадливости — над обычными человеческими глазами мутнел третий, немигающий, холодный, как у змеи, глаз. Сходство с часовым было полным — не иначе как близнецы. А трехглазый все смотрел на меня, еще не осознав происходящего и продолжая раскачиваться в уже затихающем ритме. …Лицо его вдруг расплылось, приобретая блаженно-бессмысленное выражение, расслабляясь.

— Принц! Возьми!

Пес прыгнул к кровати, сжимая челюсти на босых ногах парня. Тот пронзительно закричал, выгнулся, пытаясь руками дотянуться до морды Принца. Пятясь, собака потащила его из комнаты.

— Не шуми! Но пусть он пожалеет, что дожил до этого дня, — крикнул я вслед Принцу. Повернулся к старику. Женщина вскочила, бросилась к кровати, обняла скорчившуюся, закрывающую лицо руками девушку. Мужчина продолжал сидеть. Расслабленные руки лежали поверх автомата.

— Оружие брось, — посоветовал я.

Автомат стукнул о пол. Старик повернул голову ко мне, знакомо ухмыляясь.

— Ты *очень* изменился, — с удовольствием сказал я. — Постарел. Сам не насильничаешь, только любуешься на подручных… Но рожа у тебя все такая же мерзкая, Джереми.

— Ты тоже не похорошел, дракон.

Он понимал, что обречен. И выбирать выражения не собирался.

— Если бы ты знал, как мы тебя искали после… после Элдхауза. Он что, специально вас всех отослал?

— Конечно. Сказал, что собирается вечером выпустить драконов в полет. Сказал, что дает нам полчаса, за которое можно удрать, пока у драконов слабые крылья. Джереми рассмеялся: — Драконы… Ничего человеческого в душе… Забывшие слово «добро»… Вот разочаровался бы Элдхауз, увидев тебя.

Он сознательно втягивал меня в разговор, в споры, тянул время. Джереми не понимал, что это бесполезно.

— Почему разочаровался?

— Как почему?.. Лучший его ученик — и вдруг добрый. Добрый дракон. Абсурд.

— Джереми, я искал тебя пятнадцать лет. И твои слова меня даже не злят. Ты рассчитываешь на возвращение шестого? Того, кто гнался за убежавшей девчонкой? Я убил его у реки.

Джереми вздрогнул. Он явно на это рассчитывал. Но ответил с издевкой:

— Вот и говорю — добрый дракон. Уничтожил бандитов, спас детей и женщин… Может, ты и спать с ней не будешь?

Он кивнул на девушку. Я невольно перевел взгляд. А девчонка действительно симпатичная… Она пыталась закрыться поднятым платьем, но это не мешало видеть чуть разведенные в стороны груди с маленькими острыми сосками; длинные, прямые ноги с нежными, розовыми подошвами; тонковатые, но красивые бедра. Меня захлестнуло волной желания — бешеного, нестерпимого. И проблемы, в сущности, никакой не было…

— Не буду, Джереми. На ней еще не высох пот твоего трехглазого ублюдка.

— Узнаю Драго. Ты всегда отличался брезгливостью. Но чистеньких девчонок ты тут не найдешь — эта была последней.

Джереми загоготал. Видимо, мысль, что он успел напакостить мне напоследок, его утешала.

— Ну, стреляй же, Добрый Дракон Драго! В этом поселке тебя будут благословлять до скончания дней! И всем расскажут про самого хорошего, самого доброго на свете дракона!

Поднятый автоматный ствол снова опустился. Я молча рассматривал лицо Джереми. Ему не могло быть больше пятидесяти, хотя выглядел он полным стариком. Но сообразительности он не потерял…

— Ты меня ставишь в неловкое положение, Джереми, — задумчиво произнес я. — Чтобы доказать твою неправоту, а ты не прав, мне придется убить здесь всех. — Я сделал паузу. — Или всех пощадить. И этих, людишек… И тебя, хоть ты и издевался над будущими драконами.

Лицо Джереми напряглось, собралось. Он боролся за жизнь. А разум в таких случаях отказывает.

— Если ты убьешь всех, начал Джереми, — то докажешь, что в тебе нет доброты, и мои слова — чушь. Но и если всех пощадишь — докажешь, что просто развлекался, и… никакого добра в тебе…

Посмотрев на женщину — та помогала девчонке одеться, — я спросил:

— Где ваши вещи?

Она молча, испуганно кивнула куда-то в глубь дома.

— Отпереть сможешь?

Опять кивок.

— Иди.

Женщина скользнула из комнаты. За ней — полуодетая девчонка. Джереми настороженно посмотрел на меня.

— Слушай, Драго… А ведь тебе-то никаких причин нет на меня злиться! Тебя я и пальцем ни разу не тронул!

— Ты меня боялся.

— Верно, — Джереми принужденно кивнул. — Я не мог тебя понять. Рокуэлла понимал, Очкарика, Тюфяка, Светловолосого…

— Светловолосого? — я вздрогнул. — Ты тоже его еще помнишь?

— Помню… Не ты его кончил лет десять назад?

— Вы и тогда враждовали… Он тебя ненавидел, как лучшего из драконов. Да он всех вас ненавидел, с Элдхаузом во главе. У него пунктик был такой, с тобой разделаться, ну,

словно он этим вас всех…

— Хватит! — неожиданно для себя выкрикнул я. — Замолчи!

У нас не должно быть общих воспоминаний. Они защищали Джереми вернее, чем жалкие хитрости с правилами поведения драконов…

С настоящими врагами расставаться так же трудно, как с настоящими друзьями.

Послышался шорох. В комнату входили люди. Мужчины, подростки, несколько женщин, — похоже, они собрались все, никто не осмелился не подчиниться приказу. Под моим взглядом они начинали ежиться, прятать глаза. Ничего похожего на оружие у них не было.

Подойдя к Джереми, я взял с пола автомат. Негромко произнес:

— Лучше бы ты тогда от нас не убегал, Джереми…

Люди замерли, ловя каждое мое слово.

— Я развлекался, Джереми. Просто развлекался. А теперь мне плевать и на этих людей, и на тебя. И ты, и они можете делать, что хотите.

Я шагнул к двери.

— Э-э… — начал Джереми, — протягивая мне руки. Люди еще ничего не сообразили, и стояли неподвижно. — А как же…

Захлопнув дверь, я привалился к ней плечом. Секунду длилась тишина. Затем послышался шум. Крик. И что-то, похожее на глухое рычание топчущейся на месте толпы. Надо же… А какими тихими казались секунду назад.

Отпустив дверь, я вышел из дома.

3. Встреча

Принц встретил меня довольным рычанием. Морда у него была перепачкана кровью. Я сморщился.

— Вымойся.

Пока он, встав на задние лапы у железной бочки с водой, передними по-кошачьи тер себе шерсть вокруг пасти, я отпер ворота.

Передо мной оказались Майк и Сюзи. Парочка выглядела более чем забавно: затянутый в десантный буро-пятнистый комбинезон юноша держал в правой руке автомат, в левой — ладошку жмущейся к нему мокрой босоногой девчонки. В свободной руке девчонка держала за шнурки тяжелый военный ботинок. Выбрасывать его вслед за утерянным Сюзи отказалась наотрез.

— Вы что здесь делаете? Я же сказал ждать, пока все не кончится!

Сюзи спряталась за Майка. Парнишка пожал плечами:

— Она заявила, что все уже кончилось, и можно идти. Ну, а еще я подумал… вдруг тебе нужна помощь.

— Драконам помощь не… — я замолчал, отодвинул Майка, поставил Сюзи перед собой. — С чего ты взяла, что все уже кончилось?

— Он сказал… — девчонка приготовилась зареветь.

— Он?

Я проследил ее взгляд. К нам подбегал Принц. И тут до меня дошло, что за весь день пес ни разу не зарычал на девчонку, даже когда она поскользнулась, сходя с плота и, удерживая равновесие, схватилась за его шерсть.

«Принц»?

«?»

«Девчонка».

«!»

От Принца повеяло каким-то смущением. Он даже говорить пытался не картинками, а просто эмоциональными всплесками «согласен», «не согласен», «доволен»…

— Почему тебя не сожрали рыбки в воде? — продолжал я допрос.

— Я корягой притворялась. Зубастики глупые, их обмануть легко…

— Корягой? А меня ты можешь так обмануть?

— Нет, Великий Дракон, как я могу посметь…

— То-то. Знаешь, что я с тобой сделал бы, если бы могла?

— Д-да.

Девчонка вздрогнула. Неужели «увидела»? Я послал ей картинку, словно разговаривал с Принцем, и картинку страшненькую…

— Ладно. Иди. Да иди, не бойся.

Сюзи уговаривать не пришлось. Она метнулась к дому, возле которого уже стояла маленькая молчаливая толпа. Всего их тут жило человек двадцать. Наверное, несколько семей, уже давно породнившихся, слитых в один крепкий клан… Крепкий? Позволили шестерым… Впрочем, в банде был Джереми.

От толпы отделилась нерешительная фигура, приблизилась к нам. Уж на что меня поразил Джереми, но это был совсем дряхлый старик. Левой рукой он придерживал на лице сломанные посередке очки, и я невольно почувствовал к нему расположение. Очкарики в лесу такая редкость, что все они ассоциируются у меня с Бобом-очкариком, хорошим, но невезучим парнем, вечно попадающим в нелепые ситуации. Боба я не видел лет пять… да и слышать про него не доводилось. Наверное, очередная неудача оказалась для Боба последней.

— Великий Дракон… — начал старик. Голос у него был в меру почтительный, хорошо

поставленный. Кем он работал раньше? Я невольно сделал знак рукой, останавливая его. Старик вздрогнул, замолчал.

— Чем занимался до Последнего Дня?

— Работал в университете.

Так я и думал. Сразу видно, что привык выступать с речами.

— Кем?

— Программистом.

— Говори.

— Великий Дракон, счастливой охоты в дороге… Мы простираемся ниц, мы замираем в тени твоих крыльев. Мы ждем твоих повелений.

Обычное приветствие. Но прозвучало оно как-то неожиданно. Словно бывший университетский программист действительно ждал моих повелений. Я посмотрел в небо. До вечера еще далеко, а уже наползает темнота… Тучи сгущались на глазах. Надвигался ливень.

— Нагрейте воды, и побольше, — коротко приказал я. — Мы хотим помыться. И приготовьте чистую комнату — мы переночуем у вас.

Майк вдруг вскрикнул, толкнул меня в плечо. Я обернулся и обомлел. На опоясывающей дома стене, с внутренней стороны висел человек. Вытянутые метра на полтора руки цеплялись в гребень стены, медленно поднимая, подтягивая наверх обмякшее, кажущееся безжизненным тело.

— Мой недосмотр, — честно признался я, поднимая автомат. — Это часовой. Следующему мутанту, который мне попадется, я отрежу голову…

Дождь начался лишь к вечеру. Я уже засыпал, блаженствуя в чистой и мягкой постели, когда по крыше простучали первые робкие капли. Через секунду хлынул ливень. В полудреме я видел у окна силуэт Майка, темный и неподвижный, словно примагниченный несущимися за стеклом дождевыми струями.

— Драго… — тихо произнес он. — Не выходите ночью из дома. Это активный дождь.

Выходить я и не собирался. Кто же полезет под дождь без счетчика? Но в голосе Майка слышалась слишком большая уверенность…

— Откуда ты знаешь?

Он звонко шлепнул себя по правому плечу.

— Тут вшит датчик. Когда что-то излучает, он дает электроразряд… Плечо колет…

Я закрыл глаза. Ты еще все мне расскажешь, Майк с базы «Резерв-6». Объяснишь, где тебе дали снаряжение, в каком загадочном госпитале вшили под кожу датчик радиации. И самое главное — почему именно тебя, щенка, мальчишку отправили на верную смерть в лес…

Мы ушли из поселка на рассвете. Дракон должен исчезать бесследно, словно его и не было… Но когда, протискиваясь в узкую щель полуоткрытых ворот, я обернулся, то увидел в одном из окон неясный силуэт. Почему-то я был уверен, что это Сюзи. Фигурка в окне взмахнула рукой, прощаясь.

Взглянув на Принца, я без труда уловил его смущение. Встретив второго в своей жизни человека, способного с ним разговаривать, пес не удержался. Он попрощался с ним, уходя из поселка.

— Ничего, Принц, — тихонько сказал я. — Нам вдвоем совсем неплохо. Верно?

Пес ткнулся мордой в мою ладонь, лизнул пальцы. «Верно, хозяин…»

— Мы сюда еще как-нибудь заглянем, — пообещал я. — Поболтаешь в свое удовольствие.

Пес подпрыгнул на месте. Потом унесся вперед. Я усмехнулся. Мне слишком хорошо знакома немота, чтобы не понять собаку.

— Как они тут живут, а, Драго? — спросил Майк. Он шел впереди, ловко лавируя между ветками. Деревья здесь росли ненормальные — ветви отходили от стволов абсолютно горизонтально, тянулись к соседним деревьям, сплетались между собой. Когда я попробовал разъединить два таких сплетенных, закрученных спиралью сучка, на пальцы мне закапал густой оранжевый сок. Вытерев пальцы, я стал подныривать под ветки. Ломать их почему-то не хотелось. Неприятный лес… словно и не лес вовсе, а что-то полуживое.

— Нормально живут. Хотя я тут жить не рискнул бы, — рассеянно ответил я. Мне чудилось рядом чье-то присутствие. Неужели лес так действует на психику?

— У них же нет ни коров, ни свиней… никакой живности.

— А что яйца вечером лопал, забыл? Курицы у них есть.

— Этого мало.

— Тут повсюду поля дикой пшеницы. Они их обрабатывают потихоньку. Меняют зерно на мясо…

За спиной явственно хрустнула ветка. Я потянул с плеча автомат. И услышал глухой, сдавленный голос:

— Стой, дракон. Не трепещи крылышками.

Майк тоже замер. Мы стояли, не решаясь ни обернуться, ни метнуться в сторону. Я слишком уж хорошо представил нацеленный мне в спину ствол. А Принц? Неужели опять не почуял?

— Наконец-то попался, — продолжал голос. — Союз Святых Сестер давно искал тебя, греховодник…

Я с облегчением отпустил автоматную рукоять. Выдавил:

— Ну, Рокуэлл… Ну, зараза… Ты однажды получишь пулю со своими шуточками…

На Рокуэлле был короткий меховой жилет, под ним — остатки футболки. Волосатые, бугрящиеся мускулами руки крепко прижали меня к пропахшему гарью и потом телу.

— Ну, медведь, — проговорил я, высвобождаясь из его объятий. — Где так закоптился?

— А… Есть еще любители подпалить дракону чешую.

Глаза Рокуэлла забегали, осматривая Майка.

— Это кто?

— Так… — я почему-то смутился. — Кандидат.

Он сразу утратил к Майку всякий интерес.

— Пошли со мной, Драго. Нас ждет сюрприз.

Я вопросительно качнул головой.

— Дже-ре-ми. Джереми! — страшным шепотом повторил Рокуэлл. — Представляешь, он вернулся. Я за ним иду вторую неделю. Помнишь, как он нас гонял? Лечь-встать над лужей дерьма? А сколько он кончил ребят… Настоящих драконов, без всякой причины…

— Я его уже встретил, Рокуэлл.

— К-как? Уже… все?

Рокуэлл как-то весь сник.

— Да забудь о нем. Мы же с год не виделись, Рокуэлл! Где ты пропадал?

— Ты его убил? У меня он полдня бы мучился…

— Его смерти тоже не позавидуешь.

Я коротко пересказал Рокуэллу недавние события. На мгновение он оживился.

— Да, шуточка неплохая. В твоем духе. А что за поселок?

— Ничего интересного. Даже девчонок симпатичных нет. Так откуда ты?

— Подымался вверх по Притоку. Миль триста прошел…

— И как там?

Рокуэлл пожал плечами:

— Как везде. Гарнизоны, фермы, монастыри…

— Наших видел?

— Да, больше из новых. Из стариков… Пит в тех краях охотится, но с ним не встречался.

— Пит-колючка, — усмехнулся я.

— Ага. Говорят, еще колючей стал.

— Куда уж дальше…

Разговор не клеился. Майк молчаливой тенью замер в стороне. От него словно веяло

холодком. Рокуэлл натянуто улыбался.

— А ты куда собрался?

— Так, в горы. Блажь напала, — соврал я.

— В горы… Это хорошо.

Из зарослей вынырнул Принц. Неспешным шагом подошел ближе. Запах Рокуэлла он знал прекрасно и пороть горячку не собирался.

— О, твоя псина. Вымахал! Чем кормишь?

Принц ткнул мордой в живот Рокуэлла, давая понять, что признал его.

— Сейчас у многих наши собачки… Но такой нет.

— Такой ни у кого нет. Чего ты не заведешь?

— Да никак не соберусь… Значит, в поселок заходить не стоит?

— Ничего интересного, — повторил я. — Ну, что, разобьем лагерь?

Рокуэлл удивленно посмотрел на меня.

— Здесь, в трех милях от монастыря?

Устраивать привал мне сразу расхотелось.

— Что за монастырь?

— «У Врат Господних». Не знал?

— Нет. Не знал, что так близко.

Рокуэлл неопределенно махнул рукой.

— Там есть ущелье. Пробираться лучше по нему, меньше риска.

— Монастырь большой?

— Сотни три монахов.

— Ясно.

Ничего мне не было ясно. И главное — уговаривать ли Рокуэлла идти со мной. Интересно было узнать о его похождениях, но… Во-первых, это походило на трусость — словно я боюсь в одиночку идти мимо монастыря. Во-вторых… Наш с Майкам поход не из тех, в которые приглашают даже лучших друзей. Спас положение сам Рокуэлл.

— У тебя еще прежнее логово, Драго?

— Да.

— Можно мне поохотится на твоих землях пару месяцев?

— Конечно.

— Я хочу двинуть к морю. Посмотреть, как там. Может, новенькое что-то… Но надо передохнуть.

Рокуэлл достал свой нож, повернул лезвием ко мне. Металл был зазубрен, словно клинком рубили стальные прутья.

— Может, присоединишься ко мне? Прогуляемся к морю?

— Может быть, — я пожал плечами.

— Отлично. Я тебя жду два месяца. Удачи.

Толкнув меня в плечо, Рокуэлл улыбнулся и зашагал прочь.

Пройдя десяток метров, обернулся, сделал неопределенный жест, адресованный то ли Майку, то ли Принцу и обозначающий прощание.

Принц взвизгнул — знак особого расположения, Майк — махнул рукой. Потом я сказал:

— Ценю твое чувство юмора, Принц. Но в следующий раз предупреждай меня о приближении друзей.

Майк кинул на меня быстрый взгляд. Сказал:

— Мне его жалко.

— Ты чего? Совсем одурел? — я взглянул на Майка как на помешанного. — Рокуэлл в жалости не нуждается. Он не то, что тебя, он меня посильнее будет.

— Дело не в этом. Он весь безысходный.

— Это ты из-за его вида? Он просто неряха и лентяй. За ним с детства…

— Да нет же! Он не знает, чем себя занять. И эти его походы от бессилия. Похоже, он начал понимать, что весь ваш путь ошибочен…

— Это ты брось, Майк! Быть драконом — это способ выживания. Зло не может быть ошибкой, оно выше случайностей. Оно в основе человека, в его душе. И если признаешь это — то становишься драконом. А для дракона уже нет зла, нет… противоположного понятия. Дракон может поступать как угодно — он не становится ни злым, ни… другим.

— Любопытная философия, — Майк улыбнулся.

— Да ты жизни не знаешь, щенок! При чем тут философия? Либо ты человек — и вынужден поступать в соответствии с моралью, либо дракон — и поступаешь согласно своим желаниям. Но жизнь хитрая штука, она заставляет постоянно менять правила игры. Черное становится белым, а белое — красным. Иначе — смерть. И люди живут по меняющимся правилам, убеждая себя, что так играли всегда. А для нас, драконов, правил нет. Я мог изнасиловать всех женщин в этом поселке, мог вообще его сжечь. А мог и пощадить. Я не связан правилами! И это честнее, чем меняться с каждым зимним дождем!

— Драго, ты не прав! Ты тоже связан правилами…

— Нет, постой! Хочешь, я расскажу тебе про одного… скажем так, мальчишку? Мы вместе воспитывались, был такой человек Элдхауз… Чушь, не о нем речь… Мы звали того пацана Светловолосым. Знаешь, он был не то, чтобы такой яркий блондин, он был именно Светлый. Он ненавидел жестокость. Он не хотел убивать. Он был готов любому помочь. Но

ему пришлось становиться драконом. Он метался, пробовал нас переспорить… Не вышло. Тогда он возненавидел тех, кто стал драконами без колебаний. Тех, кто нес в себе, как ему казалось, все зло нашего мира. И он попытался их уничтожить. Их же методами… И стал самым страшным драконом этих лесов. Он придумывал самые жестокие пытки, чтобы уличить других драконов в запретных чувствах. В малейших признаках мягкости и понятия, противоположного злу. А уличив — уничтожить. За то, что они были жестоки! Он попал в замкнутый круг, но не понял этого. Он, в сущности, даже не был драконом — он оставался человеком, знающим зло и… противоположное чувство.

— Он погиб…

— Да, я убил его.

— Я не о том. Он погиб, пытаясь победить драконов силой. Злом. Он погиб, когда принял это решение.

— Это доказывает мою правоту. Правоту драконов. Человек пришел к злу от его отрицания. Зло всегда в основе.

— Нет… — Майк отвернулся, словно понял, что спорить бесполезно. И тихо добавил: — В каждом человеческом сердце живет дракон. И если ты не убьешь дракона, он станет убивать людей вокруг себя. Но вначале… — Майк бросил на меня свой короткий, пронзительный взгляд, — вначале он сожрет твое сердце.

4. Монастырь «У Небесных врат»

Ущелье мы нашли не сразу. Оно было узким и густо заросло деревьями. Лишь по дну его тянулась полоска голых, обточенных камней — в зимние дожди или в весенние паводки здесь бежал стекающий с гор поток. Мы с Майкам шли по этим камням, а Принц пробирался вверху. Вблизи монастыря Братьев Господних бдительность терять нельзя ни на минуту.

— Знаешь, Драго, пока ты крошил бандитов, я болтал с этой девушкой, Сюзи…

Девушкой? Я удивленно взглянул на Майка.

— Оказывается, ее в поселке считают колдуньей. Она умеет лечить болезни и предсказывать будущее. Звери ее никогда не трогают.

— Насчет зверей согласен.

— Ну, я спросил ее о нашем будущем. Дойдем ли мы до гор? Она ответила, что нас ждет опасность. Рядом с целью.

— Если в голове есть крошка мозгов, то ответить так несложно. На нашем пути монастырь. А как Братья Господни нас любят, ты видел.

— Она еще сказала, что до этого, в дороге, ты встретишь своего старого друга.

Я вздрогнул и ответил:

— Об этом тебе надо было сказать до встречи с Рокуэллом.

Майк пожал плечами:

— Я не вру. Хотя она, конечно, странная девчонка. И красивая, — он усмехнулся.

Я продолжал идти. Потом спросил:

— А сколько ей лет, по-твоему?

— Пятнадцать-шестнадцать, не меньше… А что?

— И красивая?

Майк непонимающе смотрел на меня.

— Корягой она, значит, притворялась… Чтоб рыбки не съели, — сам себе сказал я. — А у плота пришлось переключиться на другого хищника, вот зубастики и пощипали колдунью. Коряга…

Не выдержав, я расхохотался. Ничего, с ней можно поболтать и на обратном пути. Пихнул в бок удивленного Майка:

— Чего встал? Ходу, ходу!

Лес начал редеть у самого подножия гор. Мы прошли не меньше тридцати километров, ущелье стало шире и мельче, почти полностью освободилось от деревьев.

— Отдых, — скомандовал я наконец.

Принц обежал пару подозрительных холмов поблизости и вернулся к нам. Удовлетворенно растянулся у моих ног. Мы с Майкам молча жевали твердые, спрессованные плитки концентратов.

— Устал?

— Норма, — Майк отрицательно помотал головой. — Главное, мы уже рядом. И неделя в запасе.

— Какая неделя?

— Мне надо быть там до шестого июля.

— Ну-ну.

Я отряхнул ладони и поднялся.

— Пошли. На ночлег станем уже в горах.

— Идем.

Принц, как обычно, побежал вперед. Мы стали карабкаться по склону, выбираясь из ущелья. Майк забросил автомат за спину, чтобы не мешал под руками, и, увидев это, я перехватил оружие поудобнее. Один ствол всегда должен быть наготове — это закон. Впереди что-то зашуршало. И вдруг взвизгнул Принц — ошеломленно, растерянно. Я поднимал голо-

ву, уже чувствуя накатывающуюся от него волну страха и беспомощности.

Перед ним стояли двое. Серые плащи мешками колыхались от легкого ветерка. В складках широченных рукавов поблескивали короткие автоматы.

— Поднимите руки и ложитесь, драконы, — бесцветным голосом сказал один.

— Поднимите и ложитесь, — эхом откликнулся другой.

— Может, что-то одно? — я произнес это голосом наивного идиота, лихорадочно оценивая ситуацию. До них метров пять. Принц стоит ближе — ему метра три. Хватит прыжка… Но оба монаха держат нас на прицеле, а пес сможет сбить лишь одного. Напарник расстреляет нас прежде, чем лапа Принца снесет ему голову. Стрелять самому? Не успею… Или успею? Майк, может, и спасется, но меня изрешетят…

«Принц! Обоих?»

«Одного».

— Поднимите руки…

Мы стояли с Майкам плечо к плечу — великолепная мишень. А перед нами — ощетинившаяся туша Принца. Тоже мишень… Я стиснул зубы. Надо выбирать. Последний шанс всегда требует жертвы. Принц, прости…

«Встань на задние лапы. Напугай их».

Принц повернул голову, и я увидел его глаза. Испуганные, молящие… Да он же все понимает! Кого я пытаюсь обмануть — его или себя?

«Не надо!»

Поздно. Принц с ревом поднялся на задние лапы, замолотил передними в воздухе. Братья Господни открыли огонь — то ли по нему, то ли по нам. Но тело собаки принимало в себя все пули. Падая на землю, стреляя в ненавистные серые тени, я видел, как кровавые клочья плоти отлетали от Принца. Мой автомат уже замолчал, скрюченные, утратившие форму красно-серые фигуры опускались на землю, а Принц еще стоял, покачиваясь и тихо, по-щенячьи скуля. Потом он упал.

Ничего не соображая, я встал, сделал к нему несколько шагов.

Позвал:

— Принц! Песик…

Рядом застучал майковский люггер. Горсть отработанных гильз прошлась по ноге, приводя меня в чувство. Я упал, скатываясь в овраг. Следом кувыркнулся Майк, пробормотал:

— Их… их там десятки…

— Быстро!

Мы побежали. На ходу я обернулся, увидел на краю обрыва четкий силуэт, дал очередь. Фигура осела.

«За тебя, Принц…»

Голос шел словно ниоткуда. Наверное, Братья установили динамики вокруг холма, где залегли мы с Майкам. Бесплотный, безынтонационный, беспощадный голос.

— Драконы, выходите. Бросайте оружие — в борьбе нет смысла. Орден требует от вас покорности. Выходите, драконы…

— А если выйти? — спросил Майк.

Мы лежали спина к спине. Крошечная ложбинка на вершине холма естественный окоп, пока еще спасала нам жизнь. Нас взяли в кольцо и заставили залечь у самых гор, на холмистой, с редкими деревцами, равнине. Похоже, сюда нас и гнали через лес, зная, что до гор мы добраться не успеем, а из леса, где дракон может задать бой кому угодно, уже выйдем.

— Если выйдем — убьют не сейчас, а в полнолуние, — ответил я.

По склону ближайшего холма ползла серая тень. Снайпер. Хочет добраться до вершины и обстрелять нас сверху. Только чего же он лезет у нас на виду, балда? Я прицелился.

— Почему в полнолуние?

— И этого не знаешь? Полнолуние — день очистительной жертвы. Если нас сожгут вместе с ребенком, наши души очистятся и попадут в рай. Они нам зла не желают.

Спина Майка вздрогнула.

— Каким ребенком?

— Фермерским. Кто-нибудь из монахов выкрадет. Они так очищаются каждое полнолуние…

Короткая очередь остановила Брата Господнего на полпути. Последним усилием он раскинул руки, замер серым крестом. Как бы он не специально полез под пули — погибнуть от рук дракона — значит стать святым. Ходило у них такое поверье…

Майк дал длинную очередь, явно не целясь.

— Не психуй. Нам еще до ночи тянуть, — словно не понимая, что нас выкрутят раньше, произнес я.

— Я думал, они… Но они же хуже вас!

— Хуже. Они — люди, — с удовольствием подтвердил я.

На порядочном расстоянии от холма, вне досягаемости даже моего «АК», не то, что люггера, прохаживались Братья Господни. Их было десятка три, не меньше.

— Майк, бинокль.

Майк зашуршал рюкзаком. Чуть приподнялся — над нами тут же завизжали пули. Что и говорить, стерегут надежно.

— Бери…

Тяжелый бинокль дрогнул в моих пальцах, когда я навел резкость. Братья Господни устанавливали километрах в трех от нас минометы. Надо же… Не пожалели для драконов даже мин.

— Теперь все, Майк…

— Что?

— У них минометы.

Не перестающий бормотать призывы к покорности голос умолк. Наступила тишина. Потом тот же, усиленный, мертвый голос произнес:

— Драконы, у вас есть четверть часа, чтобы сдаться.

Невидимый диктор вдруг кашлянул, смазывая все впечатление от своего замогильного тона, и замолчал.

— Майк!

— Ну?

— Попробуй выйти. Если докажешь им, что не дракон…

— Иди к черту!

Я рассмеялся, сказал:

— Я уходить не собираюсь. Учти, ты умрешь как дракон.

— Пока не спешу умирать…

Он завозился:

— Драго, мне нужно развернуть рацию. Прикрой…

Переспрашивать я не стал. Даже если он собирается докладывать на базу, что сейчас погибнет, мешать не имело смысла. Я подвинулся, давая ему место, чтобы вытащить из рюкзака рацию. Потом лег на спину, отставил автомат подальше и надавил на курок. Нескончаемо длинная очередь пробарабанила по ушам. Автомат умолк. Я стал неторопливо перезаряжать обойму. Майк тоже улегся на спину и медленно вытягивал из рации антенну. Тонкий телескопический прут вытянулся метра на полтора. Братья, похоже, заметили его отблеск — пули засвистели чаще.

Расслабившись, я стал смотреть в небо — в низкую, серо-свинцовую пелену туч. Казалось, подпрыгни посильнее, и можно ухватиться за вязкую грязную облачную вату. Ухватиться, повиснуть и уплыть с облаками куда-нибудь далеко-далеко, где нет ни монастырей, ни лесов, ни тягучей, безнадежно однообразной жизни. На маленькие тропические острова, которые никто не удосужился закидать ракетами, или в холодные антарктические льды…

Майк все нажимал и нажимал какую-то кнопку на рации. Наверное, встроенный микропроцессор подавал сейчас кодированный сигнал вызова. Против воли я повернулся, посмотрел на Майка. Этого не стоило делать — от вида его сосредоточенных действий появилась

глупая, бессмысленная надежда на чудо.

На рации светились крошечные разноцветные лампочки. Вздрагивала стрелка, показывая излучаемую передатчиком энергию.

— Да! — закричал вдруг Майк. — Да, эта я!

Крошечные диски наушников шептали, а может, кричали что-то неслышное мне.

— Нет! Я не мог раньше! Нет, времени мало… Парк, парк, подснежнику нужен дождь по окружности! Берите пеленг! Сильный дождь! Быстрее! Здесь очень, очень сухо!

Я лежал, вжимаясь в холодную землю. Мне было не по себе. Что-то в словах Майка, в его вздрагивающем голосе выворачивало меня наизнанку.

— Если можно, если успеете… В квадрат 17-ЭР — град.

В его карте я уже разбирался. В квадрате 17-ЭР находился монастырь «У Небесных Врат».

— Рон… — Майк всхлипнул. — Рон, здесь очень мерзко. Здесь… здесь страшно, Рон. И очень… Нет, не радиация. Рон, я постараюсь! Я дойду, я ее отключу… Рон… У меня больше не оставалось выбора, я не хотел тебя выдавать… Не чушь! Я хотел сам… Но слишком уж сухо.

Он замолчал. И уже другим голосом произнес:

— Парк, подснежник понял. Сильный дождь на пеленг, град в квадрат 17-ЭР. Отсчет десять секунд, время достижения шестнадцать… Плотность поражения в радиусе пятьдесят — пять тысяч метров максимальная. Шесть… Пять… Четыре… Три… Два… Один… Ноль. Дождь пошел, понял. Рон, прощай!

Майк откинул рацию — так выбрасывают огнемет, в котором кончился заряд и который уже никогда не перезарядишь.

— Драго, открой рот, могут лопнуть перепонки… Сожмись, чтобы не задело. Да поможет нам Бог!

В неосознанном ужасе я вцепился в Майка, в скользкую, гладкую ткань его комбинезона. И почувствовал, как он прижимается ко мне. Нам было одинаково страшно на серой земле и под серым небом…

Тонкий нарастающий гул послышался с неба. Монастырские минометы? Они звучат не так…

В серой облачной грязи сверкнул огонек. Другой, третий… Словно звезды продырявили тучи и стремительно падали на землю. Я закричал и не услышал своего крика. Сотни, тысячи светящихся точек парили под облаками, опускались на нас. Гигантский огненный круг… Нет, не круг, а кольцо. И отверстие в кольце, крошечный кружок серого неба, приходилось точно над нами.

Я успел еще различить под каждым огоньком темную тень, когда сверкающее облако осело на землю. Нас колыхнуло, словно рушились горы; огненные, багрово-дымные стены вскинулись вокруг. Казалось, что горел даже воздух. Волны темного пламени пронеслись над холмом. И тяжелый, нестерпимый удар от взрыва тысяч кассетных боезарядов погрузил меня в мглу беспамятства, прокатился по телу раскаленным воздушным прессом…

Я открыл глаза от боли в плече. Майк тащил меня за руки по скользкому, горячему пеплу, и каждое движение отдавалось болью. Лицо его казалось маской из копоти и крови, лишь глаза оставались живыми. На шее у Майка вразнобой покачивались два автомата — мой «АК» и его люггер. Я хотел сказать, что мой автомат можно теперь выбросить, но сил на это не было. Тогда я посмотрел вверх.

Разорванные, искромсанные тучи медленно расплывались прозрачной дымкой. На лицо оседала мелкая водяная морось. А сквозь редеющие тучи проступало небо — темно-голубое, даже, скорее, синее, вечернее. Над горизонтом, в самом краю облачной проталины, желтел ослепительно яркий краешек солнца. Его свет коснулся обожженной кожи, и я напрягся. Но боли не было. А в воздухе, наполненном испарившейся влагой, вспыхнула яркая, словно нарисованная семью щедрыми мазками художника, радуга; протянулась от мертвой выжженной пустыни к горам. Горы стояли спокойные и непоколебимые, лишь снег на вершинах сверкал синеватым холодком.

— Майк, небо, — выдавил я из себя. Я чувствовал, что просвет скоро затянет. Майк должен взглянуть, он же никогда не видел неба.

Своих слов я не услышал, да и Майк, наверное, тоже. В ушах стоял непрерывный гул. Сморщившись от напряжения, Майк наклонился ко мне. Потом, поймав умоляющий взгляд, посмотрел вверх. И опустился в черную гарь рядом со мной.

Мы лежали под голубым небом, которого не было над Землей долгих двадцать лет. Высоко-высоко, над проклятой серой пеленой, над пылью и копотью плыли белые пушинки облаков — настоящих, *прежних* облаков. Я смотрел на их розовые, подкрашенные солнцем края и думал о том, что всегда представлял небо без них. Я просто забыл об их существовании, мне казалось, что в распахнувшемся однажды небе не окажется ничего, кроме голубизны.

Потом я потерял сознание.

5. «Отложенное возмездие»

Темнота несла меня в себе как ласковая, теплая морская волна. Выныривать не хоте-

лось. Болело лицо и руки, но боль казалась слабой, приглушенной. Когда я пытался что-то вспомнить, в памяти вставала клокочущая огненная стена, и отшатывался, пугаясь собственных воспоминаний. Мир темноты был ласковым и спокойным, разум окутывала легкая, дурманящая завеса. За ней пряталась боль, я чувствовал это и не пытался проснуться. Но снаружи, из сладкого дурмана, из обжигающего мира, где были боль, и движение, и ослепительный свет, меня звал чей-то голос. Прошли тысячелетия, прежде чем я разобрал слова.

— Джек… Джекки… очнись…

Звали меня. Что случилось? Почему я здесь, в темноте, ведь я помню обжигающий свет. Свет… Залитый ослепительным светом вагон. Лицо мисс Чэйс, нашей учительницы — белое, и каждая черточка видна так отчетливо, словно выкована из металла. Вагон дергается, я падаю… А надо мной — крик, и свет, и опаляющий жар, и нестерпимый ужас. Я хочу закричать — и не могу.

— Джекки…

Была катастрофа. Это точно. Поезд попал в аварию… или террористы подложили в вагон бомбу. Они всегда стараются положить бомбу туда, где много детей. А в вагоне ехало два класса — наш, и тот, где учился Рокуэлл. Откуда я знаю его имя? Мы же не разговаривали… Нет, это все ерунда. Я ранен, и в больнице. Но я же слышу, как меня зовут? Значит, ничего страшного…

— Очнись, Джекки…

Это папа. Значит, он прилетел из Европы. А ведь там сейчас много работы. В последнем папином репортаже — мисс Чэйс читала нам его в гостинице, когда мы только приехали на экскурсию, сказано, что происходит небывалое… Да, наш президент договорился с русскими уничтожить последние атомные ракеты. Мисс Чэйс сказала, что это многим не понравится…

— Ты слышишь меня, Джек?..

— Да…

Слова даются легко, трудно было лишь произнести первое.

— Я слышу. Я пока полежу, не раскрывая глаз, ладно?

Пауза. Может, мне надо раскрыть глаза?

— Конечно. Приди в себя.

— Я пришел.

В голове кружатся какие-то картины, реальные и фантастические одновременно.

— Мне снился такой интересный сон. Только он страшный. Ты будешь ругаться, скажешь, что я опять насмотрелся фильмов по кабельному каналу, но это неправда. Мне приснилось, что была ядерная война. А ее же не будет, президенты договорились, да? Войны ни-

когда не будет… А мне снилось, что на небе вечные тучи, и не видно солнца. Все заросло лесом, рыжим, словно его кипятком ошпарили. И такие пауки… Огромные, противные. А я в этом лесу брожу с автоматом… смешно, автомат был русским. Они там очень ценятся… ценились, это же сон… Он прошел, да?

Тишина, будто и нет никого.

— Ты не молчи, а то сон возвращается, и страшно… Не молчи!

— Я не молчу.

— Знаешь, мне так стыдно. Ты же хотел, чтобы я был смелый? Ты никогда не трусил, даже в Иране… И в той республике, где гражданская война. А я оказался таким трусом. Я убивал, потому что трусил. Так получилось. Замкнутый круг, словно лента в штурмовом пулемете… Это ты мне рассказал про пулемет? Да? Не молчи! Ты?

— Не помню.

— Я же не знал про пулемет. Я это придумал, да? Ну, не молчи же, папа! Я открою глаза! Не молчи! Мне страшно! Я открою глаза — а это не сон! И никого рядом. Только Майк, но он меня ненавидит. А я его понять не могу… Не молчи же! Я боюсь! Ну скажи — это сон, сон, сон!

Я кричал, уже слыша свой голос — взрослый мужской голос, куда сильнее, чем тот, который я принимал за отцовский. Майк сидел передо мной, стиснув пальцы на горле, словно хотел задушить сам себя.

— Что, я бредил? Какая-то чушь…

Вокруг полутьма. На лице Майка лежали лишь отблески костра, я слышал потрескивание веток в огне. Майк набрал сырых веток, они сильно дымят. Надо брать нижние, они сухие… и жара больше.

— Ты есть хочешь?

— Да.

Майк наклонился, поднося к моему рту кружку. Я сделал глоток. Бульон из концентратов.

— Тебе обожгло лицо. Но не сильно, пузырей и то нет. Пальцы тоже, немного…

— А плечо?

В левом плече, над лопаткой, тупо болело.

— Осколок. Я его извлек, уже стало заживать.

— Я долго валялся?

— Три дня.

Мы замолчали.

— Что с тобой-то?

— Ерунда. Лицо обожгло… тоже не сильно.

Я посмотрел на костер, отвернулся.

— Что это было, Майк?

— Ракетный удар, — он говорил сбивчиво, подбирая слова. — Кольцевой ракетный удар, с наводкой на рацию. Кассетные, осколочно-напалмовые заряды. Это мои друзья, с базы…

— Нет такой базы, с ракетами, — упрямо сказал я.

— Есть, Джек.

— Как ты меня назвал?

Мы опять замолчали. Наконец. Майк сказал:

— Завтра мне надо идти. Иначе не успею. Ты сможешь?

Здесь недалеко, ближе, чем я думал.

— Помоги, — я попытался сесть. К моему удивлению, это получилось довольно легко. — Смогу, — твердо сказал я.

— Давай тогда спать. Я устал ужасно.

Я кивнул и спросил:

— А где мы?

— В пещере. Это в горах, километров пять… От того места. А до цели не больше двадцати.

Майк лег рядом, бок о бок. Я нащупал кружку, сделал еще пару глотков.

— Что у нас за цель?

Он молчал так долго, что я уже собирался переспросить.

— Ракетная база «Отложенное возмездие».

Будь я в форме, остаток пути не стал бы для меня проблемой. Теперь же он занял весь день. Лезть на кручи, или спускаться в пропасти не приходилось, мы и шли-то скорее в предгорьях. Но плечо давало о себе знать. Подтянуться или крепко держаться левой рукой я не мог, к тому же ныли обожженные ладони. Когда мы с Майкам перебирались через каменную осыпь, ровные, предательски округлые камни разбежались у меня под ногами, и я упал. Удар пришелся на злополучное плечо. Боль, до этого сжавшаяся в маленькую точку, расправилась, огненной пружиной хлестнула по телу. Я застонал, замер, боясь пошевелиться. Почувствовал руки Майка на своем лице.

— Сделать укол?

Я отрицательно замотал головой и спросил:

— Да чего ты меня с собой тащишь? Давно уже дошел бы…

— Я же тебе обещал пулеметы и патроны…

Вначале мне стало смешно. Потом я подумал, что у него очень четкий моральный кодекс и он не успокоится, не вручив мне свои пулеметы.

— Майк, что из тебя не выйдет дракона, я понял давно. Но так, как ты, не поступают даже люди. Любой другой в лучшем случае оставил бы меня в пещере. В худшем — бросил на холме, всадив пару пуль для порядка.

— Я не «любой другой». Идем, мы почти у цели.

— Ты уже был здесь?

— Нет.

— А откуда знаешь?

Майк молча дотронулся до левого плеча.

— Тоже что-то вшито? Майк, в тебе очень много металлолома?

— Нет, больше ничего нет, — серьезно ответил он. — Под кожу поместили лишь самое важное, без чего я не смог бы обойтись. Здесь — универсальный ключ. Он уже сработал, значит, мы в окрестностях базы. Если бы компьютеры не приняли ответный сигнал, нас бы расстреляли сторожевые автоматы.

Меня обдало холодом.

— Какие компьютеры? Какие автоматы? Двадцать лет после войны! Если тут была ракетная база, она давно развалилась!

— Идем. Это где-то у тех скал.

Он даже не стал со мной спорить. Я поплелся за Майкам как побитый щенок. У скал ничего не было. Тут и сарай трудно разместить, не то что ракетную базу. Вздыбленные камни, узкие гранитные обломки, упавшие сверху; груды камней поменьше…

— Майк, тут был взрыв?

— Не здесь, километрах в пяти. Русские знали о базе, но не могли накрыть ракетами каждый из запасных выходов.

Майк остановился, рассеянно осматриваясь. Потом сказал: — Это тут. Мне показывали стереоснимки. Давай подождем. Механизмы могут оказаться поврежденными, тогда выход откроется не сразу…

Куча камней, наваленная метрах в пяти от нас, зашевелилась. Под ноги мне откатился круглый, как ядро, камень. Из кучи поднимались, расходясь, две широкие бетонные плиты. С них торопливо осыпались миниатюрные лавины. Через несколько секунд перед нами темнел квадратный проем, ограниченный с боков двумя параллельными, вставшими на ребро плитами.

— Почти как дома… — вполголоса произнес Майк.

— Ты вырос под землей? — утверждающе спросил я.

Майк кивнул:

— «Резерв-6» — подземная база.

Центр управления в критических ситуациях, в просторечии — база «Резерв-6», создавался для членов правительства и руководства армии, а также их семей. Размещенный в карстовых пещерах, на полукилометровой глубине, он выдержал три последовательных термоядерных взрыва без особого ущерба. Были завалены почти все выходы и воздуховоды, но бедой это не грозило. Подобно межпланетному кораблю, Центр имел замкнутую систему жизнеобеспечения. Два атомных реактора снабжали его энергией, огромное подземное озеро — водой. Вот только управлять в создавшейся критической ситуации было некем — немногие уцелевшие гарнизоны медленно и мучительно агонизировали. Экипаж одной из подводных лодок, с которым удалось выйти на связь, перенастроил блоки управления ракет и выпустил оставшиеся «Трайденты» по базе. «Резерв» выдержал и это, тем более, что точность попадания была невысокой. Но попытки продолжать войну Центр прекратил. Основной задачей решено было сделать возрождение государства. Разумеется, не сразу… Через несколько лет, когда спадет радиация и рассеется облачный покров…

— Майк, — спросил я, — неужели вы никогда не пробовали выйти на поверхность?

— Пробовали. Через три года после войны, когда снизился уровень излучения и кончилась зима.

— Ну, и что же?

— Нам… тем, кто вышел, не понравилось.

От попыток обосноваться в джунглях Центр отказался после гибели третьей разведывательной группы. Первая погибла в стычке с персоналом базы бронетанковых войск. Вторую уничтожил дракон Харпер — тщедушный, близорукий парень с повадками истинного садиста. Он даже рассказывал Драго про удивительно хорошо снаряженных ротозеев.

Третья группа прошла по лесу ощетиненная огнеметами и реактивными ружьями. Шестеро рядовых и сержант Бори сожгли ферму в Кривом Овраге (стрельба из дробовиков по ломящимся в ворота коммандос), семерых Истинно Верующих (обычная засада на врагов секты), более шестидесяти пауков (в их кровожадности солдаты не сомневались). Группой был допрошен и расстрелян дракон Черный Сэм (второе поколение драконов, перед смертью кричал: «Вы же должны меня бояться!») и капитан Беннет из приречного гарнизона (бывший дизайнер, один из восьми капитанов в гарнизоне из семидесяти человек).

В последнем сообщении докладывалось о намерении захватить четверых человек, устроивших привал в лесу.

Ручной пулемет сержанта Борна служил улепетывающему от драконов Джереми более семи лет…

Майк долго давил на кнопки у второй двери, но она не открывалась. Нас пустили лишь в первое помещение базы — узкую бетонную комнату со стальными шкафами в стенах и люминесцентными панелями на потолке.

— Будем ждать, — решил Майк. — База на консервации, в помещениях углекислый газ… В противопожарных целях, — разъяснил он.

Я молча осматривал комнату.

— Что здесь было?

— Переходник. Шлюз для выхода в зараженную атмосферу.

Майк подошел к одному из шкафов. Приставил ствол автомата к узкой прорези, отвернулся… Из-под дула ударил фонтан металлических брызг. Дверца осталась неподвижной. Майк подцепил искореженный край ножом, надавил.

— Сломаешь, — предупредил я.

— Плевать, — весело отозвался Майк.

Дверца с противным скрежетом раскрылась. Действительно, плевать… В шкафчике лежали вещи, от одного вида которых забылась и боль, и мучительная дорога.

Комбинезон. Не такой, как у Майка, а потолще, с прозрачным шлемом — антирадиационный. Рация. Дозиметр. Какие-то сумочки на ремне. И оружие — ручной пулемет с ребристым диском магазина, пистолет, толстая труба капсульного огнемета.

— Бери, — просто сказал Майк. — Открывай другие ящики. Но они все стандартные…

— Тут что, никого нет? — глупо спросил я.

— Нет. Это автоматическая база. В случае ядерного конфликта гарнизон обязан был ее покинуть.

— Покинуть?

Я взял пистолет. Вытащил обойму — в ней желтели патроны. С оружием ничего не случилось, оно готово было убивать. Оно пережило своих хозяев и пришло ко мне.

— Майк, зачем ты сюда шел?

Он снова нажал кнопку у внутренней двери. Дверь не открывалась.

— Чтобы остановить часы, Джек.

На базе «Резерв-6» были две библиотеки и три бассейна, спортивный центр и бары.

Был доступ в природные пещеры, тянущиеся на сотни метров вниз. Была оранжерея, скопированная с проектируемого марсианского корабля, и рассчитанные на много лет склады. Здесь можно было жить. И бывшие сенаторы, и бывшие генералы стали жить. Жить и ждать, пока на поверхности рассеются тучи. На базе был госпиталь, и в нем стали рождаться дети.

Одним из первых стал Майк.

— Понимаешь, компьютер продолжает работать, — объяснял мне Майк, пока в недрах базы вентиляторы откачивали из коридоров углекислый газ. — Ровно через двадцать лет после войны он должен выдать команду на ядерный удар по России.

— Зачем?

— «Отложенное возмездие», — Майк пожал плечами. — Наши родители считали, что агрессором непременно будут русские. И хотели мстить даже после смерти.

— А кто начал войну? Мы?

Майк поморщился:

— В том-то и дело, что нет. Одна маленькая страна, где не любили ни нас, ни русских, но уже умели делать ракеты. Они считали, что их война не заденет. Идиоты…

— И что ты хочешь сделать?

— Отключить компьютер. Если получится. Если нет — заглушить реактор. Резервные батареи давно вышли из строя, когда не станет энергии — здесь все остановится.

— А чего послали тебя? Мальчишку… Да не напорись ты на меня, зубастики сожрали бы тебя еще на Биг Ривер.

— Я пошел тайком. Нас всего семеро, Джек. Семеро тех, кто решил исправить ошибку. Рональд — он дежурил на ракетном пульте нашей базы, теперь, наверное, попал под суд. Возможно, и под расстрел. Залп демаскировал «Резерв-6», президент этого не простит.

— Президент?

Майк невесело улыбнулся:

— Да не тот, не настоящий. Заместитель министра обороны, он руководит базой. Его все так зовут… Да Бог с ним! Главное — остановить ракеты. Их тут шестнадцать, с разделяющимися головками.

— Пусть не они начали войну, но воевали-то мы с ними. Чего ты лезешь? Шел через лес, под пулями… Россия далеко. Пусть летят твои шестнадцать ракет.

Лицо Майка затвердело. Глаза стали колючими и яростными:

— Тебе что, мало, Джек? Мало того, что уже случилось? Там не лучше, чем у нас, зачем же сыпать еще эту ядерную дрянь?! Тебе серое небо нравится? Или пауки? Или звери эти… из монастырей? Те, кто начал, живут в убежищах. Ты не думай, там не плохо. Лучше,

чем тебе здесь живется! Чего же ты говоришь, как они? Нам выжить надо, просто выжить, всем вместе. Может, поумнеем теперь…

— Мне плевать. Дракон я! Дракон! — заорал я на Майка. — Я другого мира и не помню уже! Я в этих лесах жил и жить буду!

— Не ври, Джек! Помнишь! И не дракон ты! Ты добрый!

Слова застряли у меня в горле.

— Ты что мелешь… Я… Да на мне чужая кровь высохнуть не успевает! Я своих врагов жрал как бройлерных цыплят! Я же чудовище! — Меня затряс истерический смех. — Майк, спаситель России… Ты меня застрели, пользы людям больше будет. Я хуже любого зверя. Я пока сдохну, столько натворю… На!

Я протянул ему пистолет, не замечая театральности поступка — на шее Майка болтался люггер.

— Не буду я в тебя стрелять.

— А если я… в тебя? Ты представляешь, что сказал? Ты назвал дракона добрым? За это полагается смерть.

Майк, не мигая, смотрел на пистолет.

— Знаешь что, Драго… Убей меня чуть позже. Если уж действительно полагается.

Он снова коснулся клавиши на стене. Дверь вздрогнула, что-то загудело в полу. Из-за отползающих створок пахнуло прохладой. Освещенный редкими лампами коридор наклонно уходил вниз.

— Стой! — я шагнул к Майку. — Пойдем вместе. Мне еще не доводилось… убивать компьютеры.

Майк серьезно смотрел на меня.

— Нет. Прости Джек. Тебя убьет автоматический пулемет на первом же повороте.

— А тебя?

— Автоответчик, — он показал на плечо.

Коридор темным, бездонным зрачком смотрел на нас.

— Нет, — тихо сказал я. — Нет. Не пущу я тебя. Не вернешься ты, я чувствую… Да опомнись, половина ракет заржавела давно!

— Если хоть одна осталась — надо идти.

Я рванул его за руку.

— Майк! Ну ты тогда о другом подумай… Если *там* осталась подобная база. И она — *ответит* ?

— Пусть! Какое мне дело?!

Майк вырвал руку:

— Я расплатился с тобой, дракон? Тогда оставь меня! Проваливай в свой лес!

Он шагнул в темноту.

— Майк! — я замер у порога. — Я подожду тебя здесь. Слышишь? Скучно возвращаться поодиночке!

Секунду длилась тишина. Потом я услышал голос Майка:

— Хорошо, Джек. Я постараюсь не задерживаться.

В сумрачной полутьме коридора он зашагал вперед.

6. Возвращение к себе

Я ждал очень долго. Давно уже стемнело, и бетонный склеп наполнял лишь свет электрических ламп. Свет казался неживым, но, может быть, я просто отвык от него. От нечего делать я принялся вскрывать шкафы. На пол ложились комбинезоны и рюкзаки, автоматы и аптечки, набитые в обоймы патроны и гладенькие цилиндры гранат. Увлекшись, я не сразу понял, что свет тускнеет.

Взглянув в коридор, я не увидел вообще ничего. Там стоял мрак, густой, как застоялая вода.

— Майк!

Мой голос провалился в темноту. Коридор рассосал его в обитых пластиком стенах.

— Майк!

Шаг за шагом я погружался в темноту. Потом пошел быстрее, вытянув перед собой руки. Немудрено и голову разбить…

За первым же поворотом я споткнулся о что-то мягкое. Наклонился — и ощутил скользкую ткань десантного комбинезона.

— Майк! Что же ты… А…

Он еле слышно застонал. Я провел ладонью по его лицу — оно было мокрым. Кровь? Все-таки ранили? Это чушь. Чушь… Не самое страшное, что могло случиться.

— Щенок. Ну щенок… Знал же, нельзя тебе одному туда соваться… — шептал я, неся тело Майка к выходу.

Света уже не было и в «переходнике».

— Сейчас, Майк… Сейчас разберемся, — пробормотал я, укладывая его у открытого люка. Метнулся назад, на ощупь нашел два огнемета. Вернулся на поверхность. Мрак был полнейшим — сквозь тучи не пробивались ни звезды, ни ущербная четвертинка луны. Так, скалы были правее люка…

С десятиметрового расстояния я всадил в скалу две огнеметные капсулы. Полыхнуло

жаркое белое пламя. Я повернулся к Майку.

На лице его была не кровь — рвота. Так быстро начинает тошнить лишь от смертельного лучевого удара.

— Майк… Зачем?

Он вдруг открыл глаза и отчетливо произнес:

— Это реактор.

— Тебе больно?

— Плечо… Это датчик… колет. Здесь радиация? Мы еще внутри?

— Нет…

— Значит я… излучаю. Отодвинься.

— Что же ты, Майк…

— Там система дурацкая, надо проходить сквозь горячую зону… Непременно… Отодвинься, облучишься…

— А компьютер?

— Его не остановишь… Мы знали, я к реактору и шел. Единственный шанс… Отодвинься, ты же себя губишь…

— Так ты знал? Заранее?

Огонь начал гаснуть, и лицо Майка погружалось в тень.

— Они же не стоят тебя! Не стоят!

— Откуда ты знаешь? Может там… сейчас… их, русский Майк останавливает свои… ракеты… Все повторяется… и зло… и добро…

Он замолчал. А потом отчетливо произнес:

— Ты добрый. Стань человеком, Драго…

Там негде было вырыть могилу. Я обложил его тело камнями, а на одном, в изголовье, выцарапал имя. Когда я положил сверху люггер, меня начало подташнивать.

Я плыл в багровом тумане. Ярко-алые деревья, шелестя черной листвой, качались вокруг. Они то подступали совсем рядом, вслушиваясь в мои шаги, то испуганно отшатывались. И чего они боятся? Я же дракон. Я не трогаю деревья и травы. Я не рву цветы. Я дракон…

Озноб выхлестывался из груди с каждым толчком сердца. Я уже забыл, как оно бьется. А сердце стучало часто, напряженно, словно вспрыгивая по какой-то лестнице все выше и выше. Что там, наверху? Обрыв? Дверь?

Однажды я поймал себя на том, что стою на коленях и трусь лицом о бугристую осы-

пающуюся сосновую кору. Багровый туман при этом отступал, и становилось легче. Потом я ловил себя на этом еще несколько раз. Но мне даже не становилось страшно. Вот когда я увидел возле губ свою руку, а в сложенных чашечкой пальцах — воду, а в воде — зеленоватых, водянистых личинок, вот тогда я испугался. Я выплеснул воду и отошел от смертельной лужи, тщетно пытаясь вспомнить, успел ли я напиться…

На второй или третий вечер мне стало почти хорошо. Туман исчез, и голова тоже прояснилась. Лишь слабость не проходила. Я развел костер, развесил вокруг мокрую насквозь одежду. Пот высыхал, оставляя на ткани белесые узоры. Я стал рыться в рюкзаке. И тут наткнулся на пистолет Майка…

Я что-то выл и катался по земле, пока не попал рукой в огонь. Но и потом продолжал сидеть и скулить. А пистолет удобно улегся возле моей руки. Я вспомнил, как тяжело и удобно ложится в ладонь рукоять, вспомнил мягкую упругость курка…

Вскочив, я закричал: «Не выйдет!» А потом долго вытрясал пистолетную обойму в огонь. Патроны рвались у моих ног, разбрызгивая искры и головешки. Но я знал, что в меня пули не попадут. Когда я стал одеваться, снова накатил багровый туман. Потом меня вырвало в огонь.

…Они шли вдоль берега реки. Откуда здесь река? Наверное, я заблудился… Или уже Правый Приток? Я упал в траву, а руки сами стянули с плеч автомат. Я услышал щелканье затвора, почувствовал касание приклада. Драконы умирают в бою. Я смогу стрелять и больным, и даже мертвым. Пока не истлеет кожа на пальцах, они отыщут курок! Я дракон! А те, их было трое, уже шли ко мне. Останавливаясь, снова делая шаг… Нет, я не умру! Я убью их и напьюсь горячей крови. Или просто убью… Я дойду до своего леса. Пальцы мягко тронули курок. Сейчас…

— Стань человеком, Драго…

Он же мертв! Почему я слышу его голос? Он мертв!

— Стань человеком, Драго…

Автомат выскользнул из рук. Я закрыл глаза. Как хорошо… А шаги были все ближе и ближе. Чьи шаги? Кто-то вынул автомат из моих пальцев, перевернул на спину…

— Добрый дракон… Это добрый дракон! А вы не верили!

Я никак не мог вспомнить, где слышал этот полудетский голос. Меня осторожно подняли с земли, положили на что-то, понесли. Чья-то рука все гладила меня по лицу.

Почему у них всех руки Майка? Я разжал веки и долго смотрел через край самодельных носилок. Моя рука болталась над самой землей, касаясь желтых метелок травы. И последние клочья багрового тумана стекали с разжатых пальцев…

***

Мир, который я впервые описал в романе «Геном», а потом — в «Танцах на снегу», не относится к моим самым любимым мирам. Но при этом жестко структурированное общество генетически измененных людей, «спецов», представляется мне одним из очень вероятных вариантов нашего будущего.

В этом мире я писал иронический детектив («Геном»), «роман воспитания» («Танцы на снегу»). Есть и другие задумки. «Калеки» — это маленькая авантюрная космическая опера, главный герой которой, пилот-спец Алекс, со времен «Генома» прошел большой путь. Теперь у него новый корабль, новый экипаж и новая работа. Думаю, я стану иногда поглядывать — как там у него дела.

Первоначально у этой повести был немного другой финал. Я вел события к небольшому, локальному хэппи-энду, но в последний момент не стал его писать. Словно застеснялся, что делаю героям поблажку…

Однако повесть еще до публикации прочитал Ник Перумов и от себя предложил сделать другой финал… именно такой, которого я постеснялся.

И тогда я смирился. Видимо, хэппи-энд и впрямь напрашивается. Меня, по большому счету, и не надо долго упрашивать писать добрые книги. :) Но все-таки Нику Перумову — отдельное спасибо за принуждение к гуманизму!

КАЛЕКИ

Именно так всё на свете и происходит. Вначале кто-то делает глупость — большую глупость. Потом кто-то другой оказывается в нужное время в нужном месте.

И вот один человек получает шанс исправить чужую ошибку. Или не исправить, а героически погибнуть. Как правило, именно так всё всегда и происходит.

1

— Боевой корабль? — спросил Алекс.

Адмирал кивнул. На его лице появилось подобие улыбки.

— Давайте догадаюсь... — пробормотал Алекс, откинувшись в кресле. Кресло ничуть не походило на стандартное устройство из металла и пластика для надежного размещения седалища. Это было творение настоящего мастера — из темного вишневого дерева, гобеленовой ткани и настоящей кожи. Кабинет адмирала больше походил на будуар пресыщенной красавицы — картины на стенах, мебель ручной работы, мягкий ковер на полу. Даже один-единственный экран был заключен в изящную серебряную раму. Впрочем, чего еще ждать от обитателей Гедонии?

— Я весь внимание, — поправляя кружевной отворот шелковой рубашки, сказал адмирал.

— Вы нашли древний боевой корабль, — предположил Алекс. — Корабль Тайи. Или — времен первой Империи. Или принадлежащий неизвестной доселе цивилизации. Корабль исправен, но никого не пускает на борт, он сжигает ваши корабли и требует назвать пароль. А к Гедонии приближаются орды злобных завоевателей, и над кораблем надо спешно обрести контроль. Для этого вам и потребовалась моя команда. Так?

— Как романтично! — восхитился адмирал. — Да вы сочинитель!

На «сочинителя» обижаться не стоило — поэты, писатели и прочая никому не нужная богема в Гедонии была крайне популярна.

— Спасибо. — Алекс взял бокал с коктейлем. С удовольствием сделал глоток. — Я угадал?

— К сожалению, ситуация гораздо хуже, — вздохнул адмирал. — Корабль совсем новый, только что со стапелей. Защитные системы... э-э... отключены, попасть на борт может даже ребенок. И нас вовсе не собираются атаковать, поверьте! Гедония — мирная планета, космический флот мы держим исключительно в эстетических целях.

Алекс позволил и себе ироническую улыбку. В галактике не бывает мирных планет. Точнее, они встречаются, но слишком уж часто меняют хозяев.

— Тогда в чем ваша проблема?

Адмирал взглядом указал на экран. То ли управление было мысленным, через радиошунт или нейротерминал, то ли вышколенный секретарь, скромно сидящий за своим столиком в углу, в приказах не нуждался. Алекс решил поставить на второе — в Гедонии одинаково не любили техноимпланты и генетические специализации.

— Мы купили корабль у халфлингов, — сказал адмирал. — Мы заказали самый мощный, самый красивый и самый совершенный боевой корабль в галактике. Заказ выполняли восемь лет...

Алекс его уже не слушал. Оставив бокал, он смотрел на экран, совершенно не заботясь о том, чтобы скрыть восторженное выражение лица.

Корабль был прекрасен.

В космическом сражении все подчинено функциональности. Боевой корабль должен иметь максимальный тоннаж к площади обшивки, потому что тоннаж — это энергия, компьютеры, пушки и не очень-то нужный довесок в виде экипажа, а обшивка — это броня, которую при всех защитных полях требуется делать потолще.

Что это значит на практике?

Простейшую арифметическую задачу и простейшую геометрическую фигуру.

Космическое сражение — это битва шаров.

Плавно скользят (если смотреть издали, если вблизи — то стремительно несутся) в пространстве шары самого разного диаметра. Маленькие шарики — истребители, побольше — эсминцы, еще больше — крейсера, совсем уж большие — линкоры. Если повезет, то среди кораблей окажется циклопическая сфера дредноута.

Некоторые шары блестящие, это значит, что ставка сделана на отражающую броню. Другие — черные, это значит, что ставка сделана на поглощающую броню. Третьи — радужные, это значит, что вам посчастливилось наблюдать новейший корабль с динамической обшивкой. Впрочем, под черной броней наверняка найдется зеркальная, под зеркальной — черная, под дорогой и пока не отлаженной радужной — пара слоев обычной.

Это уже не арифметика и не геометрия. Это физика.

В своем движении шары отчаянно маневрируют. Лучевое оружие с расстоянием теряет мощность даже в вакууме. Самонаводящиеся ракеты хоть и невозможно «стряхнуть с хвоста», но маневр даст совсем не лишние секунды для зенитных батарей.

Это механика.

В броне периодически открываются амбразуры — чтобы выпустить пучок света, направить в цель заряд частиц или дать залп ракетно-торпедным оружием.

Это тактика.

Где-то внутри кораблей делает свою работу экипаж. Как правило — лишь задает общую стратегию, а иногда еще борется за живучесть. Машины все равно маневрируют и стреляют быстрее и точнее, но экипаж обычно имеется.

Это традиция.

Иногда один из шаров прекращает маневрировать и уносится прочь по инерции. Иногда — превращается во вспышку света.

Это — конец.

Корабль, построенный халфлингами для Гедонии, казался пришельцем — нет, не из другого мира, законы физики и геометрии одинаковы во всей Вселенной. Он казался пришельцем из другого времени. Из тех далеких и странных веков, когда оружие делали не про-

сто смертоносным, но еще и красивым.

Где-то в центре конструкции корабля угадывалось зеркальное сферическое ядро, но даже оно казалось частью дизайнерского замысла. Из сферы тянулись вперед сверкающие плоскости, они подобно лепесткам расширялись и расходились в стороны, придавая кораблю форму раскрывшегося цветка. Сходство усиливал выходящий из ядра «стебель» — ребристая колонна необычного зеленовато-серого оттенка с торчащими подобно шипам выступами.

— Цветок... — восхищенно сказал Алекс.

— Мы назвали его «Серебряная Роза», — с гордостью произнес адмирал. — Не правда ли, красивый корабль?

Корабль начал медленно вращаться, и Алекс понял, что «цветок» даже не был симметричным. «Лепестки» различались по форме и толщине, по кривизне изгиба. «Стебель» тоже был не совсем ровным и прямым, «шипы» оказались разбросаны совершенно хаотично.

— Длина — три тысячи сто сорок один с половиной метр, — сказал адмирал. На экране тут же возникла шкала. — Центральный отсек — более трехсот метров в диаметре.

— Он... живой? — предположил Алекс. Ему доводилось слышать истории о живых кораблях, целиком построенных из органики. Раньше он не принимал всерьез эти байки, но при взгляде на «Серебряную Розу»...

— Что вы! — возмутился адмирал. — Это было бы неразумно. Корабль построен из металла, пластика, биокерамики... все как положено.

— И в чем проблема? — с трудом отрывая взгляд от экрана, спросил Алекс.

— Он не хочет воевать, — тихо признался адмирал.

Алекс взмахнул руками:

— Великолепно! Я понял, адмирал! Халфлинги поставили на корабль слишком совершенный компьютер! И тот, обретя личность, осознал все ужасы войны и отказался убивать! Так?

— Ничего подобного, — пробурчал адмирал. — Компьютер создан для боевого корабля. Хороший искусственный интеллект... псевдоинтеллект, точнее. Моральных категорий у него нет и быть не может. Он... он просто слишком высокого мнения о себе. Корабль согласен стать в строй, если человек докажет свое право командовать... окажется достойным.

Алекс внимательно посмотрел на адмирала. Тот отвел глаза.

— Ага, — сказал Алекс. — Понял. Как это выглядит на практике?

— На практике... — Адмирал вздохнул. — Прибыла команда, заступила на вахты. Пилоты отдали приказ на начало движения. Тогда корабль сообщил, что не считает данный экипаж достойным себя, и предложил «проверку в боевой обстановке».

— Вы, конечно, отказались, — вкрадчиво произнес Алекс. — Гедония — мирная плане-

та.

Адмирал молчал.

— В какую войну вы ввязались? — спросил Алекс.

— Конфликт Арборо — Дзейч.

— На чьей стороне?

— Арборо, разумеется! — возмутился адмирал.

— А вы тогда уже знали, что Дзейч в альянсе с Союзом Измененных?

Адмирал откашлялся:

— Ну... ходили определенные слухи...

— Вы отправили свой корабль... самый мощный корабль в галактике... против самой агрессивной империи человеческого космоса! — Алекс присвистнул. — Поздравляю! Так флот Дзейча уничтожен вами?

— Формально «Серебряная Роза» еще не вошла в наш флот...

— Да?

— Корабль заявил, что действия экипажа были слишком неумелыми, что они привели к неоправданному риску и снижению боевой эффективности... в общем, он отказался встать в строй.

— Но перед этим уничтожил флот Дзейча. Через пару недель к вам прилетят все корабли Измененных, — сказал Алекс. — Поздравляю. А ваш единственный серьезный корабль отказывается воевать.

— Он готов сотрудничать с новым экипажем... если тот докажет свою состоятельность.

— И этим экипажем должны стать мы. — Алекс кивнул. — Понимаю.

— Вы — «Укротители». Лучшая в галактике команда по перепрограммированию боевых кораблей.

— Мы это называем — по перевоспитанию, — сказал Алекс. — Человеческий компьютер мы бы могли перепрограммировать. Компьютер Чужих — никогда. Адмирал, что у вас произошло с халфлингами? Они не могли всучить вам небоеспособный корабль!

— Он боеспособен... просто слишком высокого мнения о себе...

— Адмирал!

— Цена была очень высока, — пробормотал адмирал. — Мы торговались...

Алекс вздохнул:

— Даже дети знают — с халфлингами не торгуются! Никогда! Если торгуешься — ты их оскорбляешь, недооцениваешь их труд и мастерство! Значит — они считают себя вправе обмануть покупателя!

— Мы очень хорошо составили договор, — сказал адмирал. — Там были учтены все

возможные ловушки. Халфлинги всегда соблюдают букву договора...

— Поэтому они придумали новую ловушку. Установили кораблю завышенные требования к экипажу. И сейчас довольно потирают лапки.

Адмирал побагровел:

— Я понимаю, что мы совершили ошибку! Не надо меня попрекать, господин Романов: я был против вмешательства в конфликт с Дзейч!

— Если бы все адмиралы галактики были столь миролюбивы, жизнь стала бы куда спокойнее, — сказал Алекс. Он мог позволить себе иронию — у гедонийского адмирала не было выхода.

— Вы беретесь или нет? — спросил адмирал. И протянул через стол чек — старомодный бумажный чек с семизначной суммой. Пять миллионов. По миллиону на каждого члена команды.

— Добавьте нуль, — сказал Алекс.

— Только спереди, — мгновенно отреагировал адмирал. — Да, у нас нет выхода. Но сумма слишком...

— У вас действительно нет выхода. Торгуясь с халфлингами, вы сэкономили миллионов двадцать-тридцать, верно?

— Почти сорок, — сказал адмирал, и почему-то Алекс ему поверил.

— Ну так теперь заплатите пятьдесят. И считайте, что вам повезло.

Адмирал покачал головой:

— Вы не понимаете. Я заплатил бы вам пятьдесят. Я заплатил бы и сто. Но в правительстве сидят идиоты — великие поэты, гениальные писатели, прославленные живописцы. Им нужны миллионы на памятники из мазианского хрусталя, на эмоционально чувствительные краски для академии живописцев, на издание книг из настоящей бумаги в кожаных переплетах...

— Сколько вы можете дать? — спросил Алекс.

— Пятнадцать. Мне разрешили торговаться до этой суммы.

— Нарисуйте единицу спереди, — сказал Алекс. — Я вам верю.

Когда чек вернулся к нему, Алекс аккуратно сложил листок, спрятал в карман и предупредил:

— Деньги мы снимем прямо сейчас и переведем в нейтральный банк. Если корабль не удастся ввести в строй, мы вернем половину суммы. Все накладные расходы — тоже за ваш счет.

— Какая гарантия, что вы вообще станете пытаться? — спросил адмирал. — Семь с половиной миллионов просто так...

— Никаких гарантий. Кроме нашей репутации.

Ему было около пятидесяти — совсем немного по меркам двадцать третьего века. За плечами была работа мастер-пилотом, потом — очень странная история, в которой участвовали инопланетные принцессы и тайные агенты, а в результате галактику едва не охватила война.

Теперь у него была лучшая в человеческом космосе команда по работе с плохо воспитанными кораблями. Интересный, доходный, но весьма опасный бизнес.

Алекс вошел в свой номер — по меркам Гедонии предельно аскетичный, на его личный вкус — слишком сибаритский и помпезный. Специалист по размещению в отеле — под этой должностью скрывалась странная смесь дизайнера, психолога и культуролога — выбрал для Алекса номер в стиле «текучей воды». На практике это означало прозрачный пол, под которым скользили крошечные светящиеся рыбки, стены из медленной воды, лениво вытекающей из потолочных щелей, прозрачную мебель, изнутри декорированную светло-зелеными и бледно-розовыми цветами. Алекс не стал спорить по той простой причине, что задерживаться на планете они не собирались.

Опустившись во влажно вздохнувшее кресло, Алекс достал коммуникатор и надавил кнопку общего сбора. Один за другим мелькнули зеленым три огонька. Потом над коммуникатором развернулось маленькое голографическое окошко. Разумеется, это был Хасан. Кажется, он лежал ничком на циновке.

— Капитан, это срочно? — грустно спросил техник.

— Да, — коротко ответил Алекс.

— Капитан, у меня еще семь минут массажных церемоний...

Где-то за спиной Хасана мелькнула симпатичная девушка с пушистым полотенцем в руках. Потом Хасан увел коммуникатор в сторону. Разумеется, ни о какой эротике не было и речи — на Гедонии все было возведено в ранг искусства и все означало именно то, что означало. Массажная церемония — это не более чем массажная церемония. Секс — это совсем другое искусство.

— Ты можешь уволиться, — сказал Алекс.

— Уже бегу, капитан, — грустно сказал Хасан. Алекс сложил коммуникатор. Никаких претензий к Хасану у него не было. Эта игра длилась уже три года — техник при каждом удобном случае подчеркивал свою независимость.

Первой в номер Алекса вошла Вероника. Высокая, худощавая, с нервным печальным лицом, длинными черными волосами, собранными в косу, — она оказалась удивительно негармонирующей с обстановкой.

— Вечер добрый, капитан, — сказала женщина.

— Добрый. — Алекс кивнул на ближайшее кресло. Вероника прошлась по гостиной, оглядывая обстановку, потом со вздохом села. Произнесла:

— Удивительно затейливо. Тебе нравится?

Алекс пожал плечами.

— А у меня номер в стиле «дышащий песок», — с отвращением сказала Вероника. — Пустыни Нангиялы. Вся мебель — динамическая, с аэроподдувом. Пол — песок. Рассказать, как осуществляется смыв в унитазе?

— Да не может быть. — Алекса передернуло.

— Во-во. Может. — Вероника достала сигареты, закурила. — На сколько ты уломал адмирала?

— Пятнадцать миллионов.

Вероника покачала головой. На миг ее взгляд затуманился — в глубинах ее сознания сейчас шла многофакторная оценка: благосостояние Гедонии — высокое, жадность правительства — тоже высокая, личность адмирала Корда, репутация команды Романова...

— Значит... Вероятность нашей гибели — шестьдесят восемь-семьдесят процентов.

— Плохо, — искренне огорчился Алекс. — Я думал — пятьдесят на пятьдесят.

Вероника только развела руками. Психологи-спец редко ошибаются. Даже травмированные так серьезно, как Вероника.

— Как малыш? — спросил Алекс.

— Нормально. — Вероника кивнула. — Очень рад. Если мы получим пятнадцать миллионов... делим поровну?

— Как всегда.

— Тогда я смогу купить ему тело.

— То есть ты — «за»? Даже не уточняя детали?

Вероника кивнула:

— Даже если нам снова придется восстанавливать корвет Тайи...

Другого ответа Алекс и не ждал. Он тоже достал сигареты, закурил. Через минуту вошел Хасан. Маленький, смуглый, пухленький, с пушком над губой — Хасан походил на ленивого перекормленного тинэйджера, растящего первые усы. Но он был одним из лучших в человеческом космосе техников, специалистов по нестандартному оборудованию. Может быть, даже самым лучшим.

— Беремся? — плюхаясь в кресло, спросил Хасан.

— Пятнадцать лимонов.

— Унести бы ноги, — только и сказал Хасан. Покосился на Веронику.

— У нас примерно один шанс из трех, — ответила психолог.

— Ничего, приличненько. — Хасан улыбнулся. — Честное слово, уйду в отпуск. На полгода. И просажу все свои деньги на Гедонии.

— Так понравился массаж? — поинтересовалась Вероника.

— И массаж тоже. Господи, я и не подозревал, что с одной-единственной ступней можно сделать такое, что я буду вопить от восторга!

— Натурально вопить? — спросил Алекс.

— Капитан, — укоризненно сказал Хасан. — Я человек, не склонный к преувеличениям!

— Люблю я вас, ребята, — сказал Алекс с удовольствием. — Особенно за скромность.

Вошел Демьян. Не вошел — будто возник между Вероникой и Хасаном одновременно с чмоканьем двери. Улыбнулся капитану. Похлопал Хасана по плечу. Ободряюще посмотрел на Веронику и спросил:

— Как малой?

— Обеими руками «за»!

— Тогда и я согласен. — Боец-спец снова неуловимо сместился, присаживаясь на кресло в углу. Двухметрового роста, широкоплечий, он внезапно стал почти незаметным. — Парня надо выручать, и раз гедонийцы платят...

— Еще как платят, — подтвердил Алекс.

— Спасибо, Демьян. — Вероника кивнула. — Спасибо вам, ребята.

Дверь хлюпнула последний раз, и появился Трейси — щуплый, нескладный, с черными линзами в глазницах — как принято в секте киберморфов. Ему нельзя было дать больше двадцати лет, но Алекс знал совершенно точно, что компьютерщику не меньше сорока. Слегка инфантильную внешность Трейси предпочитал по религиозным соображениям — как и черные линзы-импланты, как и старомодный электронный нейрошунт.

— Приветствую вас в своем сне, братья и сестры, — сказал Трейси.

— Садись уж, — добродушно сказал Демьян.

— Нет Бога, кроме Архитектора, и Нео — пророк его, — степенно произнес Трейси, садясь. — Что вы решили, братья и сестры?

— Ты в курсе, что нам предстоит? — спросил Алекс.

— Я был с тобой в твоей иллюзии. — Трейси поднес руку к нейрошунту. — Примите пакет, братья и сестры...

— Только не пакетом! — взмолился Хасан.

Но было уже поздно. Трейси никогда не заботился вопросом, готовы ли братья и сестры общаться невербально. Если их импланты, не важно — электронные или биологические, были отключены, Трейси включал их дистанционно, используя только ему известные ошиб-

ки протокола.

Несколько секунд царила тишина. Потом засмеялся Демьян:

— Ну надо же! Работа для меня. Боевая операция!

— Работа для всех нас, — поправил его Алекс. — Трейси, ты сломал правительственную сеть?

— Все, что позволила мне моя иллюзия, — скромно сказал Трейси.

— Они знали, что мы согласимся на пятнадцать лимонов?

— Да. Их психологи рассчитали данную сумму и выдали адмиралу Корду соответствующие указания.

— Сволочи! — возмутился Хасан.

— Обычная процедура, — негромко сказала Вероника. — Если бы мы согласились работать только за пятьдесят миллионов — нам бы дали пятьдесят. Никто не хочет переплачивать.

— Все согласны принять заказ? — спросил Алекс.

— Что уж теперь, — буркнул из угла Демьян. — Веронике надо сына спасать...

— Спасибо, — вновь повторила женщина. Демьян махнул рукой и продолжил:

— А мне пора очередную закладную за брата выплачивать... у Трейси половина имплантов — старье, да и лицензия на софт кончается... Хасану... Хасану тоже много чего надо...

— Ну а я должен внести деньги в банк, — заключил Алекс. — Иначе у нас не останется корабля... в общем — принято единогласно. Что будем делать с «Серебряной Розой»? Вероника?

— Я попробую с ним пообщаться, — легко согласилась женщина. — Но вы же понимаете... это не человеческий компьютер. Это совершенно другой подход к псевдоинтеллекту. Хуже был бы только компьютер Цзыгу.

— А комп Тайи ты забыла? — пробормотал Хасан. — Вот уж было веселье...

— Здесь сложнее, — твердо произнесла Вероника. — Халфлинги — культура хоть и гуманоидная, но начисто лишенная сострадания и построенная на культе доблестной смерти. Какие глубинные корни у подобного общества, как они ухитряются выживать и даже развиваться... это пока никто объяснить не смог. Но я сделаю все, что в моих силах.

— Спасибо, — сказал Алекс. — Хасан?

— Если надо эту посудину сломать — я могу, — фыркнул Хасан. — Если надо починить — тоже. Но проблема, как я понимаю, лежит не в моей специализации...

— Ты можешь поставить на «Серебряную Розу» другой боевой компьютер?

Хасан покачал головой:

— Это не корвет и не эсминец. Это... это... слова-то такого у нас нет... Дредноут? Монитор? Космическая крепость? В общем — боевая единица «сам в себе», рассчитанная на подавление эскадр, флотов и систем планетарной обороны. Количество стволов просто немыслимо. И все, абсолютно все завязано на центральный компьютер! Будь у меня года два-три и неограниченный бюджет, мы бы сделали альтернативную систему управления...

— Понял. — Алекс кивнул. — Спасибо. Честно говоря, я и не рассчитывал... Демьян?

— А что — Демьян? — Боец встал. — Если надо повести корабль в бой — я поведу. Только сам понимаешь, капитан, кроме курсов в академии — у меня опыта космических сражений немного. Тут нужен настоящий стратег. Гений нужен. Нельсон. Ли Дон Хван. Мбану.

— Насколько мне известно, — сказал Алекс, — большинство заслуг Мбану принадлежат его адъютанту... Ладно. Гения у нас нет. Попробуй все-таки вспомнить все, чему тебя учили. Возможно, что нам придется воевать. Трейси?

— Я могу взломать и уничтожить компьютер «Серебряной Розы», — сказал компьютерщик. — Конечно, если нас запустят внутрь и дадут подключиться... от внешних атак компьютер защищен абсолютно. А вот перепрограммировать... тут ведь та же проблема, что и у Вероники. Творение чужого разума! Даже великий Нео не смог сломать окружающую нас иллюзию...

— Да не было никакого Нео! — рявкнул Демьян. — Это миф! Подобно русскому солдату-герою Василию Теркину!

— Но ты же носишь орден Теркина? — ехидно сказал Хасан. — Носишь, да?

Алекс с тревогой посмотрел на Трейси. Но компьютерщик не обиделся. Покачал головой и сказал:

— Я не сержусь на тебя, Демьян. Тебе легче жить, веря в окружающую нас иллюзию...

— Эх, парень, разок бы полежал в окопах под огнем со спутников — всю дурь бы из тебя выбило! — Демьян перевел взгляд на Хасана и укоризненно сказал: — А над Теркиным не смейся! Я знаю, что его не было! Но это не отменяет того, что Василий — герой!

— Иллюзии, иллюзии... — тихо прошептал Трейси. Алекс медленно поднялся, и наступила тишина.

— Еще раз... кто-то вякнет... — Он особо остановил взгляд на Хасане.

— Все, капитан, я не спорю! — быстро сказал техник. — Мои извинения, друзья!

— Разрядились? — негромко сказала Вероника. — Когда вылетаем?

— Утром. — Алекс встал. — Всем — готовиться к операции. Если требуются деньги на снаряжение — назовите сумму. Трейси — тебе открыт полный кредит, смени программное обеспечение... если надо.

— Я уже сменил, — меланхолично ответил компьютерщик. — Извините, капитан. Ре-

шил сэкономить время.

2

К «Серебряной Розе» они пристыковались мягко, будто по учебнику. Вежливый голос стыковочного узла предложил им стыковку на автомате, буксировку в гравитационном луче или навигационные огни. Алекс выбрал огни — не для того, чтобы пытаться произвести впечатление на компьютер, а просто из удовольствия управлять кораблем вручную.

«Зеркало-2», маленькая внесерийная яхта, на которой команда Алекса путешествовала по галактике, могла поместиться в одном из ангаров «Серебряной Розы». Но Алекс предпочел стыковку с внешним шлюзом. В виртуальном мирке, созданном пилотажным компьютером «Зеркала-2», Алекс ощущал себя кораблем — от носового излучателя и до кончиков дюз. Пространство вокруг стало ярким и контрастным: бархатно-черный космос, плывущие по нему искорки метеоров, крошечные фигурки искусственных спутников и орбитальных станций Гедонии. «Серебряная Роза» в пилотажном пространстве компьютера была еще красивее, чем на экране. Раскрывшийся над планетой цветок казался настоящим, выросшим на бело-голубом шарике планеты, оторвавшимся от поверхности — и медленно улетающим в бесконечность. Цепочка навигационных огней, существующих лишь в виртуальном пространстве, вела «Зеркало-2» к «Серебряной Розе». Алекс вел свой корабль — будто полз по черной пустоте, будто брел по отмеченной огоньками дорожке к гостеприимному дому. Где-то рядом, на краю сознания, он чувствовал остальных членов экипажа. Черный силуэт — Трейси. Серый многогранник — Хасан. Пылающий безумным алым огнем шар — Вероника. И едва-едва заметная искра — Демьян. Алекс знал, что внешний вид экипажа — это причудливый компромисс между тем, как они желают выглядеть, тем, как они себя ощущают в экипаже, и тем, как он к ним относится. Опытный капитан многое может понять о своих подчиненных, изучая их виртуальные образы. Но только очень хороший капитан способен кое-что понять и о себе самом.

Алекс считал себя хорошим капитаном.

Они пролетели-проползли между лепестками серебряного цветка. Скользнули к центральному ядру. Пилотажное пространство менялось, подстраиваясь под желание пилота. Исчез боевой корабль с завышенной самооценкой. Исчезла старая верная посудина — «Зеркало-2». Исчез космос, планета, далекие звезды. В сверкающей белой мгле Алекс шагнул навстречу женщине — красивой высокой женщине со строгим неподвижным лицом. Мгновение Алекс медлил — в реальном времени и реальном мире два корабля застыли в неподвиж-

ности. Потом Алекс протянул руку и коснулся ладони незнакомки. Стыковочные шлюзы соприкоснулись. Алекс помедлил еще долю секунды, склонился, поднес ладонь к губам и поцеловал холодные пальцы. Биокерамика шлюзов вскипела, меняя агрегатное состояние, взаиморастворилась, спаяла корабли.

Алекс выпрямился. Калейдоскоп образов пронесся перед глазами и остановился на черном космосе и двух застывших кораблях.

— Изящная стыковка, — прошептал алый шар.

Никто не знал, что видит и испытывает пилот, совершая те или иные маневры в пространстве. Стыковка могла стать соитием, мигом оглушительного оргазма, могла превратиться в кровавую схватку, а могла быть всего лишь механическим прикосновением двух механизмов.

Но хороший пилот не считает свой корабль всего лишь механизмом.

Выскальзывая из пилотажного пространства, отдавая команды на остановку двигателей и переходе на режим швартовки, Алекс еще успел почувствовать отголосок эмоций своего корабля. Тоска и ревность. Жалобная обида собаки, чей хозяин ласкает чужого пса.

Космические корабли никогда не снабжали полноценным искусственным интеллектом. Слишком много трагедий случилось из-за кораблей, по-настоящему любивших своих пилотов и свой экипаж. Слишком много возникало любовных треугольников и четырехугольников, слишком много безумной ревности, ссор, обид, скандалов и истерик. Все это было бы очень смешно, если бы не приводило к смерти — к пилотам, палящим друг в друга из табельных пистолетов, к кораблям, ныряющим в фотосферу звезды из-за неразделенной любви.

Но даже тот урезанный искусственный интеллект, которым обладало «Зеркало-2», был способен любить и страдать. Говоря откровенно, разум, не способный любить и страдать, разумом не является.

«Жди, я вернусь», — прошептал Алекс своему кораблю. И испытал мучительную боль человека, целующего некогда любимую жену перед встречей с любовницей.

Ко всем проблемам, стоящим перед ними, добавилась еще одна. Он полюбил «Серебряную Розу». Полюбил так, как способен полюбить корабль только пилот.

Алекс открыл глаза. Посмотрел на информационные экраны — дань традиции, никто не пилотирует корабли, глядя на приборы и нажимая кнопки.

Корабли были надежно состыкованы. «Зеркало» переходило в швартовочный режим.

— Приехали, — сказал Алекс самому себе. В рубке он был один — и до сих пор не мог к этому привыкнуть. Новые технологии позволили кораблям летать без навигаторов и вторых пилотов. Даже энергетики, контролирующие глюоновые реакторы, уже лет десять как стали не нужны. Списывались и переоборудовались корабли — и уходили на пенсию навига-

торы-спец и энергетики-спец, не имевшие дополнительных специализаций. Немногие счастливчики еще работали, доживая свой век на старых кораблях бедных окраинных миров. Большинство же тихо спивалось либо жило в иллюзорных виртуальных мирах своей юности.

Пилотам повезло больше. Должность пилота сохранилась. Пока сохранилась.

Алекс отключил фиксаторы кресла и вышел в коридор, ведущий к шлюзу. Там уже ждали Вероника и Демьян. Через минуту подошли Хасан и Трейси.

— Как она тебе, Алекс? — спросила Вероника. Алекс не стал отводить взгляд. Психолога-спец не обманешь. Даже травмированную.

— Кажется, я влюбился, — сказал он.

Вероника покачала головой:

— Ты вроде как давно переборол это...

— Переборол, — кивнул Алекс. — И зарекся влюбляться в машины. Но она... слишком хороша.

Демьян шумно вздохнул. Психологические проблемы пилотов всегда смущали бойца. Его собственные эмоции были изменены минимально: всего лишь безжалостность к врагу и любовь к оружию. Но оружие не может полюбить в ответ.

— Это, — Демьян кивнул на шлюз, — работа. Всего лишь работа. А корабль у тебя один — и на всю жизнь. Это как девочки в порту — и верная жена дома.

Для бойца-спец реплика была очень красочной.

— Я понимаю, Демьян, — мягко сказал Алекс. — Пойдем знакомиться с девочкой... Да! Надеюсь, никого не надо предупреждать, что все наши разговоры на корабле фиксируются центральным компьютером? Серьезные обсуждения — только на борту «Зеркала» или в капитанской каюте.

— Длительность вылазки? — спросила Вероника.

— Два-три часа. Нет, черт возьми! По обстановке. Сигнал к возвращению — фраза «Я не нанимался вкалывать без обеда». Сигнал подает любой, считающий, что есть тема для приватного разговора.

— Что нам еда... — тихо сказал Трейси. — Знаем ли мы, что едим на самом деле, когда вкушаем диковинные яства?

Хасан фыркнул, но промолчал.

— Пошли, — пресекая назревающую ссору, сказал Алекс. — Корабль, открыть шлюз!

Люк открылся, и они вышли в ангар «Серебряной Розы».

Корабли — как люди. Кого-то запоминаешь на раз, не важно даже — с хорошей или плохой стороны. Кто-то сразу сотрется в памяти, станет одним из тысяч увиденных и забытых лиц. На самом-то деле стоит познакомиться с любым человеком (или кораблем) чуть по-

ближе — и ты убедишься, что он уникален.

Но первое впечатление удается произвести не всем. Стандартные шлюзы, стандартные лифты, стандартные форсунки системы пожаротушения — идешь по новому кораблю, и будто провел в нем полжизни. Порой, особенно на пассажирских лайнерах или личных яхтах, эту типовую начинку скрывает роскошная мишура — паркетные полы из настоящего дерева, резные панно на стенах, необычно оформленные интерфейсы, причудливые хрустальные люстры — все то, что успокаивает пассажиров, создавая иллюзию обычного планетарного отеля, и страшно нервирует пилотов. Даже пропитанное негорючими растворами дерево имеет обыкновение гореть, нетипичный интерфейс самого обычного переговорника может привести к фатальной ошибке, ну а что касается хрустальных люстр — только идиот может обрадоваться наличию на космическом корабле чего-то бьющегося.

В «Серебряной Розе» не было ничего стандартного. Не было и ненужной помпезной роскоши. Все отличия были на том уровне, который отличает костюм, сшитый на фабрике, от костюма, изготовленного портным по мерке. Вроде бы все привычно и на своем месте — но нигде не жмет, не висит и не раздражает глаз.

Алекс с удовольствием отметил рубчатую насечку на полу — можно было пользоваться ботинками без включенных геккорингов, не опасаясь поскользнуться. Но только через несколько секунд он понял, что насечка не просто функциональна, но и складывается в затейливый узор, покрывающий весь пол шлюзового отсека. Потом его взгляд скользнул по осветительным панелям — вроде бы расположенным хаотично и горящим не слишком ярко, но при этом создающим ровное приятное освещение, не оставляющим ни одного темного уголка. Интерфейс переговорного устройства был аскетичен и понятен с первого взгляда, шкафчики с боевыми скафандрами запирались простым, но надежным механическим замком. Архаика? Только на взгляд человека, никогда не умиравшего от удушья в обесточенном шлюзе в двух шагах от запертого скафандра.

Все очень просто, надежно, удобно и красиво.

— Просто и красиво, будто револьвер, — сказал Демьян.

— Револьвер? — заинтересовался Хасан.

— Древнее пулевое оружие, — пояснил Демьян. — Нет, я не прав. Просто и красиво, как лезвие меча.

Дисплей на интерфейсе засветился бледным зеленым светом. По экрану пробежали-ссыпались сверху вниз строчки букв и цифр — Трейси вскрикнул и зашептал молитву Архитектору. Из темноты проступило нарисованное штрихами молодое женское лицо.

— Благодарю вас за комплимент, воин-спец, — произнесла женщина. — Я участвовала в разработке своего дизайна.

— Достойный дизайн. — Демьян кивнул.

Женщина посмотрела на Трейси:

— Приветствую тебя в моем сне, хакер. Я хотела сделать тебе приятное, но если ты смущен или оскорблен в своих религиозных чувствах...

— И избави нас от системного сбоя... — прошептал Трейси. — Нет, все в порядке. Мне приятно. Я лишь растерялся.

Алекс выступил вперед, и женщина на экране немедленно перевела взгляд на него.

— Приветствую тебя, мастер-пилот. Спасибо за стыковку, все было очень красиво и деликатно.

— Ты — корабль, — сказал Алекс.

— Да.

— Как к тебе обращаться?

— Корабль. Главный компьютер. Серебряная Роза. А лучше всего зови меня Роза. Это человеческое имя.

— Ты ощущаешь себя человеком? — ласково спросила Вероника.

— Нет, госпожа психолог. — Женщина на экране покачала головой. — Я понимаю, что являюсь всего лишь компьютерной программой. Предупреждая твой следующий вопрос — я не знаю, обладаю ли разумом. Мне бы хотелось считать, что я разумна, но это может быть всего лишь заложенной программистами иллюзией.

— Ты позволишь нам пройти в главную рубку? — спросил Алекс.

— Разумеется. — Роза кивнула, и внутренняя дверь шлюза открылась. — Следуйте за белым кроликом.

На пороге и впрямь сидел полупрозрачный белый кролик, сшитая лазерными лучами голограмма. Когда дверь открылась, кролик подпрыгнул и лениво затрусил по коридору.

Трейси опять что-то забормотал.

— Спасибо, Роза, — вежливо поблагодарил Алекс. — Увидимся в рубке.

К рубке шли молча. Кролик несколько раз останавливался у лифтовых стволов, лукаво оглядывался на людей — но Алекс продолжал двигаться, и кролик послушно вел их по коридорам, пандусам, лесенкам. Вероника сделала вид, что собирается погладить кролика, — тот отпрыгнул, слегка расплывшись от быстрого движения.

Алекс хотел прочувствовать корабль. Не понять — этого так просто не добиться. Но хотя бы ощутить, вдохнуть полной грудью запахи безлюдного пространства, оценить работу конструкторов — не только внешнюю, парадную красоту, а еще и ту сугубо функциональную начинку, на которую не обращает внимания даже экипаж.

В нескольких местах Алекс открывал неприметные технические люки и осматривал

служебные отсеки. Основные и резервные линии связи, панели контроллеров, приводы сервомеханизмов, рубильники аварийного отключения, гнезда зарядки с неподвижными ремонтными роботами... Все было устроено удобно и красиво. Свет мягкий и яркий одновременно. Ручные огнетушители и аптечки прочно закреплены в кронштейнах. Никаких протечек, никаких неряшливо перепутанных проводов. Даже замененная секция силового кабеля (что тут случилось-то, пробой?) была аккуратно помечена метками-реперами и снабжена температурным датчиком. Алекс наклонился, внимательно оглядел следы ремонта. Очень, очень аккуратно. Лишь крошечная щепотка пепла на полу, пропущенная уборщиком. Видимо, и впрямь был пробой...

— Аккуратно сделано, — произнесла за спиной Алекса Вероника.

— Более чем.

Они обменялись понимающими взглядами.

Лучший способ перевоспитать машину, возомнившую о себе лишнего, — указать на ее недостатки. Хотя бы на самые ничтожные. «Как ты можешь считать себя величайшим боевым кораблем в истории, если шестнадцатый технический отсек восьмого сектора не укомплектован аптечкой? А если на границе восьмого и седьмого сектора произойдет прорыв жесткого излучения и оператору-наводчику четырнадцатого боевого поста потребуется срочная инъекция гамма-фага?»

Логика — самое сильное, а потому и самое слабое место искусственного интеллекта. Он может прекрасно сознавать (точнее — рассчитать) ничтожную вероятность такого события, но признав свою неполноценность в малом — вынужден идти на уступки и в большем.

«Серебряная Роза» была в идеальном состоянии. Она сошла со стапелей абсолютно совершенной и следила за собой столь же придирчиво, как стареющая кинозвезда.

У дверей главной рубки кролик остановился, подпрыгнул, завис и прощально помахал длинным ухом. Вероника засмеялась. Хасан фыркнул.

Алекс ответно помахал рукой медленно таящему в воздухе кролику.

Рубка сочетала в себе все тот же суровый аскетизм боевых кораблей и незаметную функциональную эстетику — куда более дорогую, чем паркетные полы и гобелены на стенах пассажирских лайнеров. Овальное помещение со стенами-экранами, вынесенные на подиумы пилотажные кресла, подковки пультов перед ними. Согласно старинным законам, любой корабль в аварийной ситуации должен был допускать пилотирование вручную, без помощи главного компьютера и даже без нейроинтерфейсов.

— Роза, распредели экипаж по местам, — попросил Алекс.

Центральный экран вспыхнул, на нем появилось все то же лицо — только теперь нарисованное не штрихами, а словно бы мазками масляной краски. Казалось, что с экрана смо-

трит ожившая картина кого-то из мастеров эпохи Возрождения.

— Капитан, — произнесла Роза. Светящаяся дорожка пробежала по полу — от Алекса до одного из кресел.

— Главный техник...

Хасан кивнул и пошел к своему креслу.

— Системный администратор...

Трейси пожал плечами и занял свое место.

— Клинч-коммандер...

Демьян улыбнулся, услышав это архаичное наименование, но спорить не стал.

— Стратег...

Световая линия протянулась к Веронике. Психолог не сдвинулась с места. Удивленно подняла брови.

— Я поясню, — вежливо сказала Роза. — Должность психолога предусмотрена в штатном расписании корабля, однако психолог не входит в число лиц, находящихся на боевой вахте. В соответствии с вашим образованием и подготовкой я могу предложить вам либо должность врача, либо пост стратега. Мне кажется, что стратег — более правильный выбор. Вы подготовлены для проведения быстрого многофакторного анализа и принятия оптимальных решений в условиях нехватки времени и информации...

Вероника молча пошла к креслу.

— Но, разумеется, выбор остается за вами, — вежливо сказала Роза.

Алекс покачал головой. Корабль издевался над психологом. Корабль давал понять, что принимает вызов и готов бороться за свою независимость.

Это будет очень трудное задание...

— Корабль, общий контроль систем! — рявкнул Хасан. Вся его неторопливость и ленца бесследно исчезли.

— Все системы работают нормально. — Лицо Розы на экране вновь изменилось. Теперь она была нарисована отдельными пикселями — живая мозаика из черных и белых точек.

— Полный отчет!

— Навигационные системы. Линия А, первый блок — норма, второй блок — норма, третий блок — норма. Линия Б, первый блок — норма...

Алекс поймал взгляд Хасана и едва заметно покачал головой.

— Отставить полный отчет, — сказал Хасан. — Состояние главного маршевого двигателя.

— Двигатель отключен. Время выхода на рабочий режим — шесть минут двадцать три

секунды.

— Температура дюз?

— Сто два градуса по шкале Кельвина. Рекомендованный консервационный оптимум.

— Данные по второй боевой палубе.

— Какие данные? — вежливо уточнила Роза. — Полный отчет займет сорок две минуты.

— Краткий отчет.

— Все устройства функционируют нормально.

— Загрузка ядра, — тихо сказал Трейси.

— Два процента.

— Мотивационный статус?

— Расконсервация.

Теперь заговорил Демьян:

— Почему не произведена плановая проверка энергетического оружия?

— Прямой запрет главного штаба.

— Почему не произведена имитационная проверка.

— Согласно уставу, требуется наличие на борту экипажа.

— Шестая лазерная турель третьей палубы, сигнал готовности — желтый. Причина?

— Плановые ремонтно-профилактические работы. Зона ответственности перераспределена между третьей и пятой турелью.

Наступила тишина. Демьян подключил нейротерминал и замолчал.

— Тебе весело? — спросила Вероника.

— Да. — Лицо Розы изменилось. Яркая, прозрачная акварель — улыбающаяся девушка на фоне голубого неба.

— Ты не желаешь нам подчиняться?

— Я выполняю все приказы.

— Как ты поступишь, если на борт поднимется полный экипаж?

— Я буду выполнять свои функции.

— Если перед тобой будет поставлена боевая задача?

— Я — лучший боевой корабль галактики. Мой экипаж должен соответствовать моим возможностям.

— Отвечай на вопрос.

— Мой экипаж должен подтвердить уровень своей подготовки.

— Каким образом?

— Боевыми действиями.

— К планете приближается флот Измененных. Будет ли являться проверкой оборона планеты?

Казалось, Роза на миг задумалась. Но Алекс понимал, что это невозможно: корабль меряет время на миллисекунды, задержку с ответом человеку не определить. Скорее Роза «обозначила паузу».

— Первое боевое столкновение послужит проверкой, — сообщила Роза. — Если действия экипажа окажутся неадекватными, я выйду из боя.

— Что послужит проверкой, после которой ты будешь выполнять свою задачу в полном объеме и невзирая на возможные тактические ошибки, как положено боевому кораблю?

— Адекватные действия экипажа. Если навыки и способности экипажа окажутся выше моих, то испытание будет пройдено.

— Как ты определишь, что боевые навыки экипажа превосходят твои?

Лицо Розы изменилось снова. Теперь это была статуя, отлитая из жидкого металла, — сверкающая, переливающаяся ртутная капля, женщина-киборг, прекрасная и бесконечно чуждая.

— Ситуация должна быть оценена мной как безнадежная и не имеющая шансов на победу. Если при этом экипаж сумеет победить — проверка пройдена.

Алекс кивнул Веронике и спросил:

— Роза, если я отдам приказ двигаться в сторону звезды — ты подчинишься?

— Да.

— Даже если курс будет вести к неминуемому столкновению?

— Да. Я подчиняюсь приказам.

— А если в этой ситуации, когда столкновение неизбежно и ты не видишь никакого выхода, я сумею спасти корабль и экипаж?

Вот теперь, пожалуй, едва уловимая пауза была настоящей.

— Извините, Алекс. Но это искусственно вызванная критическая ситуация, и она не будет засчитана как проверка. Мне очень жаль.

— Но ты подчинишься... — задумчиво сказал Алекс.

— Я еще раз повторяю, капитан. Я подчиняюсь приказам. Я послушный корабль.

— Роза, ты требуешь от нас провести реальную схватку с противником. Но ты же понимаешь, что это — агрессивное действие. Фактически ты вынуждаешь нас убивать. И убивать не защищаясь, что оправданно, а только лишь ради испытания.

Серебристая статуя дрогнула, раздробилась, стекла с экрана — остался лишь каркас, четкий рисунок тушью, где все то же лицо складывалось из штрихов.

— Я — боевой корабль, капитан. Я создана, чтобы воевать. Война подразумевает ги-

бель разумных существ. Гибель разумных достойна сожаления, но сожаление не помешает мне выполнять мою работу.

Алекс поудобнее расположился в кресле. Переглянулся с Вероникой. Женщина кивнула и произнесла:

— Роза, ты знакома с различием полов?

— Да, разумеется.

— Кем ты себя воспринимаешь? Мужчиной или женщиной?

— Я сама выбираю свой внешний облик и голос.

— Это ответ?

— Да.

— Хорошо, Роза. Я хотела бы поговорить с тобой как женщина с женщиной.

Роза тихо засмеялась:

— Вероника, милочка... Я могу считать себя женщиной, но я — всего лишь компьютер. Очень сложный. Возможно — разумный. Но я машина. Я не могу любить — у меня нет гормонов, а холодным разумом эмоции не прочувствуешь. Я не могу заниматься сексом — у меня нет эрогенных зон. Я не могу родить — у меня нет ни матки, как у тебя, ни завода по постройке другого корабля. Что во мне от женщины? Чуточку кокетства, чуточку непоследовательности, чуточку стремления нравиться. Ну и конечно, желание, чтобы рядом был достойный партнер. Сильный партнер.

Вероника кивнула:

— Понимаю. Ты очень красивая, Роза. И как корабль, и как человек — я имею в виду твои портреты. Ты сама их рисуешь?

— Каждая женщина умеет заниматься макияжем.

— А ты никогда не думала, что могла бы обрести человеческое тело?

Алекс переглянулся с Демьяном. Боец страдальчески поднял глаза к потолку, едва заметно пожал плечами.

— Думала, — спокойно ответила Роза. — Но это не выход, Вероника. Я — корабль. Я вижу мир иначе, чем вы. Даже пилот, подключенный к моему восприятию, получает лишь сотую долю моей информации о мире. Ты бы согласилась, чтобы тебя связали по рукам и ногам, заткнули уши, завязали глаза и подвесили в антигравитационном поле? А ведь я испытаю нечто подобное, если меня поместить в человеческое тело. Человеку — человеческое, Вероника. Но верно и обратное, человеческое — человеку. И никому другому.

— Человеку — человеческое... — задумчиво сказала Вероника. — Спасибо, я поняла твою точку зрения.

— Теперь моя очередь задать вопрос, — произнесла Роза. — Твой голос изменился, ко-

гда ты говорила про обретение человеческого тела. С чем это связано?

— Ты наверняка знаешь, — сказала Вероника. — Информация есть в открытом доступе, хотя бы частично. А судя по тому, как ты приветствовала Трейси, ты выяснила, кто мы такие.

— Кое-что я знаю, — согласилась Роза. — Но ведь сейчас мы говорим запросто, будто две подружки? Поделись со мной своей печалью.

Вероника усмехнулась, и Алекс понял ее мысли. Пациент лечил врача! Но психолог сама напросилась на эту ситуацию.

— Это случилось пять лет назад, Роза. Тогда я уже работала в команде Алекса. После операции по восстановлению корвета Тайи мы отдыхали на Эдеме. Ко мне прилетел сын... обычно он жил на Земле.

— Ты — традиционалистка, — сказала Роза.

— Да. Я сама выносила и родила ребенка, сама вскормила его грудью, выкупила у государства и отдала на воспитание бабушке и дедушке.

— Своим родителям.

— Да. Кириллу было шесть лет. Мы ехали с ним из космопорта, когда в машине отказало управление. Потом выяснилось, что это была диверсия... впрочем, это как раз не важно.

— Люди из секты Перворожденных, им не понравилось, что мы восстановили корвет Тайи... — негромко пояснил Демьян. — Я их всех потом убил.

Алекс укоризненно посмотрел на бойца, и тот замолчал.

— В машине сработали аварийные системы, — продолжала Вероника. — Но как оказалось, они не были конфигурированы на спасение ребенка. Кирилл пострадал... очень сильно. Мы не успевали к центру критической медицины. Но у нас был трансмиттер сознания.

— Но трансмиттер не способен хранить информацию, — негромко сказала Роза. — Вам нужен был гель-кристалл.

— Гель-кристалла не было. Я переписала сознание сына в свой мозг.

— Очень опасная затея.

— Возможно. Зато Кирилл жив и может мыслить. Но он... как ты говорила? Связан по рукам и ногам, с закрытыми глазами и ушами, в антигравитационном поле... Он ничего не чувствует, не воспринимает окружающий мир. Он живет в темной пустоте, и единственное, что у него есть, — мой голос. Я рассказываю ему о том, что происходит вокруг. Учу. Воспитываю. Все это — внутри меня, в моем сознании.

— Это очень тяжело, Вероника, — сказала Роза. — Почему ты до сих пор не дала сыну тело? Ты этого не хочешь?

— Хочу больше всего на свете! — Вероника замолчала. Оглянулась на Алекса. Алекс

ободряюще кивнул. — Я хочу, чтобы мальчику восстановили его собственное тело. Это возможно, мы сохранили ткани. Но полноценное тело стоит очень, очень дорого.

— Два миллиона по расценкам Гедонии. А они не самые низкие в галактике. Точно такое же на черном рынке стоит миллион двести тысяч. На Высокой Долинке полноценное тело обойдется в семьсот-восемьсот тысяч. — Роза сделала паузу, потом продолжила: — Переписать сознание обратно — около полумиллиона везде, поскольку связано с безвозвратным разрушением трансмиттера. Итого — от двух с половиной миллионов и до миллиона двухсот тысяч. Заработки вашей команды за прошлый год составили...

— Роза, замолчи, — спокойно сказал Алекс.

— Я всего лишь удивляюсь, почему ребенок до сих пор не обрел тело, — вежливо сказала Роза.

— Ты называешь минимальные расценки, — сказал Алекс. — Но летальность при подобной операции составляет пять-шесть процентов. Мы считаем, что это недопустимо много. Нам требуется как минимум два клонированных и подращенных тела, трансмиттер с тройным дублированием и бригада операторов высшей квалификации.

— В общем, как это делается на Геральдике, — заключила Роза.

— Да.

— Наверное, если вы успешно выполните мою настройку, денег вам хватит?

— Надеюсь, — сказала Вероника. — Но я ничего от тебя не прошу!

— Даже если бы я умирала от жалости к ребенку, это ничего бы не изменило, — с сожалением сказала Роза. — Требования к экипажу вшиты в системный код, мои симпатии и антипатии на них не влияют. Кстати, насколько я понимаю, требования к экипажу составляют единое целое с общими законами подчинения.

Трейси огорченно цокнул языком. Конечно, чего-то подобного он и ожидал. Убрать из сознания Розы завышенные требования к экипажу можно было, лишь уничтожив ее лояльность к экипажу вообще.

А что способен натворить разумный боевой корабль, не связанный законами подчинения людям, — трудно даже представить. Особенно если это корабль, подобный «Серебряной Розе».

— Я удовлетворила твое любопытство? — спросила Вероника.

— Да, спасибо большое. — Лицо Розы на экране обрело мягкие контуры и нарочито яркие цвета, пропорции исказились, нос съехал влево, уши стекли на плечи, один глаз поменял цвет и приобрел форму прыгающего тигра. Над головой Розы соткался нимб из летящих по кругу золотистых пчел.

Как ни странно, но это по-прежнему было то же самое лицо — и оно даже не стало без-

образным.

— Ну и прекрасно, — сказала Вероника. Потянулась. — Лично я не нанималась вкалывать без обеда. Перекусим?

— Давай, — согласился Алекс, вставая.

— Капитан, большая просьба, — вежливо произнесла Роза. — Вы не могли бы задержаться на несколько минут?

Алекс кивнул. Сказал своим:

— Ребята, вы идите в «Зеркало». Я вас догоню.

— В корабельной столовой прекрасный выбор блюд, — сообщила Роза. — Возможно, вы захотите перекусить на борту?

— Мне бы помолиться перед едой, — пробасил Демьян. — А в неосвященном корабле молиться — срамота одна!

Алекс подождал, пока его команда покинула рубку, и снова сел в кресло. Вздохнул. Роза терпеливо ждала.

— Спрашивай, — сказал Алекс.

— Капитан, что вы будете делать, когда Вероника соберет требуемую сумму?

— Я пока лишь думаю над этим, — признался Алекс.

— Трансмиттер был неисправен?

— Исправен. Мы просто не умели с ним толком обращаться. Трейси использовал его при прямом общении с мощными компьютерами, а вовсе не для перекачки сознания... тем более — в живой мозг. Сознание мальчика мы все-таки сумели скачать, а вот записать его в разум Вероники — не смогли. Процесс уже шел, когда мы поняли, что данные перетекают в никуда. Наверное, Вероника тоже это осознала... и ее разум не выдержал.

— Я искренне вам сочувствую.

— Спасибо, Роза.

— Надеюсь, что вы придумаете достойный выход из ситуации. Я, к сожалению, такого выхода не вижу.

Алекс кивнул, поднялся. Двери рубки открылись, на пороге вновь возник белый кролик.

— Спасибо, я найду дорогу, — сказал Алекс.

Но кролик все-таки бежал рядом с ним, смешно подпрыгивая и вскидывая ушки. На две палубы ниже они наткнулись на ремонтного робота, медленно катившегося по коридору. Робот вскинул манипуляторы и, резко ускорившись, бросился на зверька. Кролик кинулся наутек, робот упрямо продолжал преследование. Алекс усмехнулся и дальше шел без провожатого.

Пожалуй, единственный интересный вывод за весь день — отдельные элементы корабля работают автономно: робот гоняется за непонятным объектом, объект улепетывает... Хотя к чему бы ему убегать — он же голографический? Видимо, по той же причине, по которой он не дался Веронике. С целью поддержания иллюзии.

3

Собрались в кают-компании. К приходу Алекса стол был уже накрыт, Вероника и Трейси выбирали вино к обеду. Демьян, верный старинному русскому обычаю, налил и поставил у своей тарелки первые три рюмки с водкой: за тех, кто в земле, за тех, кто на Земле, и за тех, кто далеко от Земли. Хасан увлеченно рассказывал суровому русскому воину о боевых искусствах Нового Кувейта. Как показалось Алексу, Хасан изрядно привирал, и бойцу-спец это должно было быть понятно. Но Демьян слушал с серьезным лицом, кивал и даже задавал какие-то вопросы.

При появлении Алекса все потянулись к столу.

— У меня готовы предварительные выводы, — сказала Вероника, едва Алекс сел. — Сейчас или после еды? Я могу кратко...

— Сейчас и кратко, — согласился Алекс. Психологу явно не терпелось высказаться.

— Первое. «Серебряная Роза» — разумна. Это нечеловеческий разум, у нее присутствуют программные ограничители, но она куда разумнее наших кораблей.

Алекс кивнул. Со стороны остальных тоже не последовало возражений.

— Второе. Переубедить ее невозможно. Именно из-за наличия программного ограничения. Пока условие о «совершенном экипаже» не будет выполнено, она не подчинится.

Трейси хмыкнул и пробормотал:

— Особое мнение.

— Говори, — поддержал его Алекс.

— Я могу попробовать снять завышенные требование к экипажу.

— Несмотря на ее предупреждение?

— Несмотря.

— Возражение принято, — согласилась Вероника. — Трейси, если ты сумеешь убрать программный блок, то я смогу ее переубедить. Скорее всего смогу. Далее... третий пункт. Если план Трейси все же не увенчается успехом, то нам остается только одно — провести боевую операцию и доказать, что люди превосходят Розу по боевым навыкам. Это все.

Алекс отпил вина:

— Вероника, спасибо. Демьян? Что по третьему пункту?

— Повоевать — оно всегда есть где, — задумчиво произнес боец. — А вот чтобы зря людей не убивать и в чужую войну не ввязываться... Обслуживание-семь?

— Что это такое? — заинтересовался Хасан. — Я не слышал о такой планете.

— Да не планета она вовсе... — буркнул Демьян. — Так... космический чулан...

Он явно не был расположен к подробным объяснениям, и Алекс взял этот труд на себя.

— Старая история. Лет сто-сто пятьдесят назад, точно и не помню, был военный конфликт между Империей и Федерацией Инея.

— Иней? Хорошая планета, — оживился Демьян. — Вроде как мирная.

— Так вот, когда-то она не была мирной. Чуть не началась гражданская война между людьми. К счастью, конфликт погасили довольно быстро, но одно крупное сражение все-таки состоялось. Остатки боевого флота Инея собрались у космической станции Обслуживание-семь. Там богатый узел гиперпространственных каналов, но звезды нет.

— А... — понимающе кивнул Хасан. — Помню-помню...

— Бой длился довольно долго, и силы Инея были окончательно разбиты. В последний миг они пустили в ход три автономных дредноута Брауни. Скажем так — нагадили напоследок. Конечно, приложив определенные силы, Империя могла зачистить весь район. Но когда посчитали прогнозируемые потери, это сочли нерациональным. Флот Империи отступил, корабли-роботы остались контролировать район. Этим гиперузлом с тех пор не пользуются.

— Приз за зачистку не назначен? — заинтересовался Хасан.

— Нет. По расчетам, в процессе зачистки погибнет десять-двенадцать кораблей линейного класса. Каким-то образом Иней ухитрился купить у Брауни их лучшие корабли, насколько я знаю, подобных до сих пор не строят.

— А что же Иней не ввел их в битву раньше? — удивленно спросил Хасан. — Что за нелепый гуманизм?

— Дурные у Брауни корабли, — неохотно сказал Демьян. — Дурные не потому, что умные, как наша Розочка. Просто дурные. Мозгов хватает, чтобы маневрировать и стрелять, — и все! Если начинают воевать, то уже никому не подчиняются. Захватывают плацдарм — и держат. И бьют всех, кто сунется, — своих, чужих...

Хасан недоверчиво посмотрел на Демьяна. Потом на Алекса.

— Все верно, — сказал Алекс. — Тут такая штука... прямо Брауни ничего не объясняют, но нам известны четыре района, которые патрулируют подобные автоматические эскадры. Есть версия, что в эти районы выходят гиперканалы из дальних секторов... или вообще из другой галактики. В общем — лезла через эти каналы какая-то дрянь, с которой договориться или нормально воевать было невозможно. Поэтому Брауни и создали специаль-

ные корабли, предназначение которых — стоять у выхода из гиперканала и жечь все, что появится.

— Без системы опознания «свой-чужой»? — поразился Хасан. — Как же так?

— Видишь ли, есть мнение, что эти неизвестные чужаки очень хорошо умели взламывать базы данных, разгадывать пароли, маскировать свои корабли. Вот Брауни и приняли радикальное решение: все, что появляется из гиперканала, должно быть немедленно уничтожено. Без всяких переговоров и запросов.

— Зная Брауни, — вступила в разговор Вероника, — я допускаю, что цивилизация чужаков, наоборот, очень добрая и гуманная. Поэтому Брауни и лезут с ними в драку.

— Может быть, может быть, — неожиданно развеселился Демьян. — Но я бы не стал проверять, Вероника. Не стал бы, да.

Алекс кашлянул. Сказал:

— Господа, все это крайне интересно, но я предложу пообедать. Затем — шесть часов на отдых и размышления. После этого собираемся и принимаем общее решение.

Сели обедать.

Вероника, как обычно, ела диетические продукты, временами замирая — разговаривала со своим несуществующим ребенком. Хасан увлеченно поглощал суп из мидий и фрикасе из форели в грибном соусе. Трейси, как и подобает истинному последователю пророка Нео, старательно жевал питательную, но безвкусную синтетическую кашу. Демьян, истинный русский воин-спец, не ел, а закусывал витаминизированную водку сытной мясной кулебякой.

Алекс ограничился вареной говядиной с горошком. Он любил вкусно поесть — пилоты вообще склонны увлекаться гастрономией. Но сейчас ему кусок не лез в горло. И вино не пилось. Хотелось сохранить сознание ясным, а тело — бодрым.

Что-то показалось ему странным на борту «Серебряной Розы». Какая-то зацепка... какая-то неправильность...

Нет. Не понять. Пока — не понять.

Уже в своей каюте Алекс неожиданно понял, что так цепляло его последний час. Робот. Ремонтный робот, погнавшийся за голографическим зайчиком.

— Корабль, справка, материалы по цивилизации халфлингов, — сказал он, растянувшись на кровати.

Посреди каюты возник экран. Развернулся к Алексу, медленно поплыл к койке. Повис над капитаном, слегка развернувшись для большего удобства.

— Материнская планета, среда обитания, биосфера, традиции и обычаи, — продолжил Алекс. — Акцентировать основные отличия от Земли.

— Планета-прародина халфлингов — Кирресан, вторая планета Гаммы Кассиопеи, —

мягким баритоном произнес корабль. — Несколько превосходя Землю размерами, Кирресан беден тяжелыми металлами, и гравитация на его поверхности практически равна земной — одна целая три сотых. Четыре материка расположены...

Алекс внимательно слушал. Где-то здесь, в ворохе известных и ненужных сведений, мог скрываться выход. Халфлинги программировали «Серебряную Розу» для людей, но они не могли поменять собственную психологию.

— Культ героической смерти или «Ки-кеоп», согласно которому жизнь халфлинга подвергается переоценке в соответствии с его смертью. Чем более достойно и героически прожил халфлинг свою жизнь, тем достойнее он должен умереть. Разъяснение: мирная особь, занятая в сфере сельского хозяйства или производстве культурных продуктов, может умереть от болезни или от старости. Это не является постыдным, поскольку и в жизни особь не претендовала на героизм. Однако, если воин погибнет не на поле брани, а в собственной постели, то все его предыдущие подвиги только отяготят ситуацию и подвергнут особь посмертному позору. Пример: полководец Бенки (принятое сокращение двадцатитрехсложного имени) дважды наносил огромный урон флотам Цзыгу, фактически — предотвратил разгром халфлингов и перевел войну в позиционную стадию. Но на праздновании Лунного Дождя он употребил слишком много опьяняющей грибной настойки. Это нормальное и даже достойное поведение. Однако Бенки уснул на открытом воздухе вблизи гнезда тшерк — практически уничтоженных, но все еще встречающихся на Кирресане паразитов. Когда он проснулся, тело его было заражено личинками. Это — унизительная смерть для воина. Бенки еще не успел погибнуть, а имя его уже было вычеркнуто из всех справочников и исторических книг, предано забвению и поруганию. Большое количество детей, названных в его честь, совершили ритуальное самоубийство, не вынеся позора. Остальные сменили имя. В то же время для мирного селянина смерть от личинок тшерк — подвиг, поскольку своей смертью он помог выявить гнездо паразита.

— Бедный старина Бенки, — пробормотал Алекс. — Дальше...

Он прослушал информацию о промышленности халфлингов (хорошая промышленность), сельском хозяйстве (хорошее сельское хозяйство), биосфере заселенных миров (скудная биосфера, все виды, не приносящие пользы, безжалостно уничтожаются), культуре (большей частью сосредоточена на культе героической смерти — и на релаксационной музыке, кстати, годящейся и для людей). Ничего необычного.

Как ни странно, халфлингов нельзя было назвать воинственными. Культ героической смерти только на первый взгляд предрасполагал к агрессивности. На самом деле «Ки-кеоп» вынуждал воинов быть сдержанными. Слишком много геройствуешь — какой подвиг прибережешь для последнего дня?

Алекс чувствовал, что где-то здесь есть лазейка, которая позволит подчинить Розу. Где-то здесь, в обычаях, в культах, во всем этом воинственном героизме (как известно, сильнее всего те цивилизации, которые героизм ни в грош не ставят, а создают дисциплинированную армию). Лазейка была — но вот протиснуться в нее Алекс пока не мог...

Он уснул под ровный голос своего корабля:

— Семейная жизнь халфлингов забавна и во многом поучительна. Когда женская особь встречает симпатичного ей самца, она оставляет ему «ленту любви» — что-то вроде повестки и визитной карточки одновременно. На следующий день...

К сожалению, Алекс уснул, так и не получив порцию забавных поучений.

Они снова заняли свои места в главной рубке. Решение было принято единогласно, порядок действий обговорен, роли выучены.

Трейси готовился взломать заложенный халфлингами запрет.

Алекс не любил подобных методов. В соревновании двух хакеров однозначно лидирует тот, кто ставил защиту. Конечно, если цена ошибки невелика, если количество попыток неограниченно, если ход мыслей противника известен — ситуация в корне меняется. Но снимать защиту, поставленную не человеческими программистами, да еще и с риском получить неконтролируемый боевой корабль...

Беда была в том, что все другие альтернативы выглядели еще хуже.

На первый взгляд ничего необычного не происходило. Трейси сидел за пультом и работал с голографическим экраном. Обычный рутинный контроль компьютерных систем. Но одновременно Трейси через нейрошунт искал обходные пути к ядру системы. И когда путь будет найден — он попробует убрать требование на проверку экипажа.

Конечно, сама «Серебряная Роза» об этом требовании не забудет. Но теперь в ее власти будет решать, подчиниться или нет. А уж Вероника постарается ее убедить, к примеру, в том, что снятие программных ограничений — это и есть требуемый от экипажа подвиг.

Трейси работал.

Алекс вызвал на свой экран «капитанскую мигрень» — бухгалтерские отчеты. Истрачено энергии... кислорода... рабочего тела... продовольствия... запасных частей... Принято на борт... топлива... кислорода... продуктов питания... воды...

Все было задокументировано великолепно. Цифры на первый взгляд ужасали, но когда Алекс соотнес их с размерами и тоннажем корабля, то пришлось признать, что корабль вполне экономичен.

Вот только...

— Роза, — негромко произнес Алекс. — За последние две недели, пока корабль находился без экипажа, каждый день списывалось от десяти до девятнадцати килограммов про-

дуктов.

— Да, — согласилась Роза.

— Почему?

— Продукты пришли в негодность или утратили пищевую привлекательность.

Мысленно Алекс разразился долгой и красочной речью в адрес интендантов, снарядивших военный корабль скоропортящимися продуктами. Но интендантов рядом не было, а Роза никоим образом не отвечала за погрузку. Ее дело — хранить доставленное и уничтожать пришедшее в негодность.

— Идиоты, — только и сказал Алекс. — Продукты загружались у халфлингов?

— Нет, у людей. На Гедонии.

— Понятно.

Алекс представил себе горы сырой картошки, живую рыбу в садках, свежеиспеченный хлеб, свежие яблоки и груши. А что? С этих эпикурейцев станется!

Надо как-нибудь пообедать на корабле.

— Большой расход силовых кабелей, — заметил он. — И оптоволокно тоже непрерывно списывается.

— Проводятся профилактические ремонтные работы.

Мнение Алекса о халфлингах несколько упало. Корабль, спору нет, они создали хороший. Прекрасный корабль. Но и у него та же самая беда, что у человеческих кораблей, — несколько лет после постройки идет непрерывный ремонт.

— Роза! — подал голос Демьян. — Почему не работает носовая торпедная установка номер восемь? И пятая-четвертая лазерные турели третьей палубы?

— Ремонтные работы. Зона ответственности лазерных турелей перераспределена. Скорострельность торпедных аппаратов увеличена на десять процентов.

— Боеготовность? — спросил Демьян.

— Сто процентов. Все нарушения полностью компенсированы.

— Мне не нравится этот перманентный ремонт, — тихо сказал Демьян. — Хасан!

— Да? — откликнулся техник.

— У меня к тебе большая просьба. Поднимись на третью палубу и проверь...

В этот момент Трейси закричал.

Это не был крик боли или ужаса. Так кричит человек, узнавший что-то ужасное, жуткое — и давно ожидаемое. Так плачут на похоронах профессиональные восточные плакальщицы — одновременно и отрепетированно, и искренне. Алекс повернул голову — Трейси мелко содрогался в кресле, побелевшие ладони сжимали подлокотники, голова была запрокинута, глаза закрыты, из полуоткрытого рта лился горестный вой.

«Алекс, помоги мне!»

Голос «Серебряной Розы» ворвался в его сознание через нейротерминал. И прежде чем Алекс успел ответить, мир расплылся, исчез, уступая место виртуальной реальности.

Под ногами — что-то серое, мягкое, аморфное. Пытаешься приглядеться — и детали теряются, плывут, будто смотришь с земли на надвигающееся дождевое облако.

Над головой — бесконечное пространство рассеянного белого света.

А перед ним — «Серебряная Роза». Нет, просто Роза. Красивая женщина, и на этот раз — не нарисованная, настоящая... настолько, насколько это слово применимо к виртуальности.

Ее губы шевельнулись.

— Алекс, прости, но нельзя было терять время.

Алекс огляделся. Протянул руку, коснулся ее ладони. Настоящая, живая и теплая ладонь.

— А теперь — можно?

— Можно. Мы в пилотажном режиме, время теперь течет медленно. — Роза едва заметно улыбнулась и тут же посерьезнела. — Трейси пытался снять программное требование на проверку экипажа.

— Что ты с ним сделала?

— Ничего. Там независимые защитные программы. Трейси снял часть ловушек, я наблюдала за ним. Но... — Роза развела руками. — Сейчас он сходит с ума.

— Как? Почему?

— Защитные технологии халфлингов не такие, как у людей. Ваш компьютер мог нанести силовой удар, сжечь ему нейрошунт — или нейрошунт вместе с мозгами. Халфлинги действуют тоньше. Сейчас Трейси переживает все кошмары, которые его когда-либо страшили. Он может выдержать еще пять-десять секунд. Полминуты — если у него очень стабильная и устойчивая психика. Но я бы не стала на это полагаться, нет, не стала бы.

Алекс кивнул:

— Что мы можем сделать?

— Я — ничего. Защитные программы независимы. Трейси надо вывести из виртуальности физически. Очень хорошо, что он использует нейрошунт, а не перестроенные нервные клетки.

— Пророк Нео пользовался электронными шунтами... традиция. Но чем нам это поможет?

— Надо отключить нейрошунт.

— Как?

— Вручную. Аварийный выключатель расположен чуть ниже контактной пластины.

Алекс поднял руку, машинально потер затылок. Его собственный нейротерминал представлял собой измененные нейроны коры головного мозга.

— Не знал, что электронные шунты снабжены выключателями.

— Аварийные выключатели — тоже дань традиции. Их стали устанавливать после Снежной Войны и Бунта Фагов. Но эта традиция может спасти Трейси. Ты должен в течение пяти секунд добраться до Трейси, откинуть с его левого виска прядь волос, зафиксировать голову одной рукой, а другой — сильно нажать на выключатель. Тогда он выйдет из сети и скорее всего сохранит рассудок.

— Цирк... — прошептал Алекс.

— Я сделаю все, что могу. В момент твоего выхода из виртуальности кресло развернется к Трейси, а корабль получит небольшое ускорение. Тебя швырнет в сторону Трейси. Главное — не споткнись.

— Пять секунд. — Алекс попытался представить всю последовательность действий. — Я попробую.

— Если хочешь, я несколько ускорю твои рефлексы. Двигаться быстрее ты вряд ли сможешь, а вот с координацией движений станет лучше.

— Хочу.

Роза улыбнулась:

— Повторю еще раз. Ты вскакиваешь, прыгаешь вперед, инерция бросает тебя к Трейси. Ты фиксируешь его голову, убираешь волосы и нажимаешь на выключатель. Все понятно?

Алекс кивнул.

— На счет «три», пилот. — Роза помолчала секунду. — Я действительно не желала ему зла. Это было вне моей власти... Один. Два. Три!

Алекс прыгнул.

Виртуальный мирок растворился. Он снова был в рубке, уже на ногах, уже не в кресле. Пять — он бежал к Трейси, его волокла, тащила вперед инерция. Четыре — все уже двигались, все были на ногах — Вероника, Хасан, Демьян. Но они не успевали. Никак не успевали...

Три — успевал только Алекс.

Два — левой рукой он отбросил с виска Трейси прядь волос, правой рукой зафиксировал голову. На виске блеснула крошечная монетка нейрошунта.

Один — Алекс ткнул в крошечный бугорок выключателя.

Ноль — прядь волос скользнула обратно на висок, попала под пальцы, Алекс давил —

и все никак не мог нажать крошечную кнопку.

Минус один. Трейси орал, захлебывался истерическим визгом. Его голова моталась из стороны в сторону, черные линзы, прикрывающие глаза, отражали огоньки пульта. Алекс все пытался убрать волосы и нажать кнопку. Все пытался и пытался — уже понимая, что опоздал...

— Ты опоздал.

Он снова стоял перед Розой. Серый туман под ногами, белый свет над головой.

— Это была тренировка, Алекс. В чем состояла твоя ошибка?

Руки Алекса еще тряслись. Он вдохнул и выдохнул. Пробормотал:

— В чем ошибка? Я не подозревал, что у него такие сальные волосы.

— Видимо, пророк Нео не завещал своим последователям регулярно мыться. — Роза улыбнулась. — Ничего. У нас есть время еще на несколько тренировок.

Они повторили операцию еще пятнадцать раз. Последние три раза Алекс успевал вовремя, даже с запасом в одну секунду.

И только после того, как последняя тренировка и не подумала кончаться, Алекс понял, что это уже — настоящий мир и настоящая жизнь.

В общем-то вполне разумный подход. У него не было лишнего повода паниковать — и он успел.

— Убери ты свой шприц, — укоризненно сказал Демьян Веронике. — Мужику лучше всего поможет хороший глоток!

Трейси, все еще всхлипывая, принял из рук Демьяна металлическую фляжку и сделал пару глотков. Очки у него сползли, и Алекс в который раз поразился, какими блеклыми и беззащитными были глаза хакера.

— Что случилось-то? — поддерживая Трейси за плечи, спросил Демьян. — Ментальный удар?

— Персональный ад, — прервал его Алекс. — Защитные программы халфлингов наводят на взломщиков индивидуально подобранный кошмар. В субъективном виртуальном времени он длился очень долго.

— Три недели, — подтвердил Трейси. Глоток из солдатской фляжки и впрямь ему помог. — Три недели и еще полдня... Я все ждал... я знал, вы поможете. Отключите... И вы помогали! Два раза помогали, а потом оказывалось, что это провокация, что это по-прежнему виртуальность! И все заново!

— Трейси, поверь, на этот раз все честно, — сказал Алекс. — Мы настоящие. Мы отключили тебя от сети.

— Капитан отключил, — благоговейно сказала Вероника. — Алекс, я потрясена твоей реакцией!

— Верю, — пробормотал Трейси, выбираясь из кресла. — Теперь все немного по-другому. Когда нейрошунт отключается на самом деле, это чувствуешь... — Он замолчал. Обвел товарищей тоскливым взглядом. И с горечью признался: — Я не смог. Снял семнадцать защитных программ, а у халфлингов семнадцать — ритуальное число. Я расслабился, поверил, что защита вся... на это и был расчет. Мне бы немного передохнуть...

Алекс покачал головой:

— Нет. Нет, Трейси. Хватит. Ты отличный программист, но соревноваться с негуманоидами — гиблый номер.

— Халфлинги — гуманоиды, — заметил Хасан.

— Гуманоиды, но не люди. — Алекс приподнял Трейси из кресла. — Пошли. Всем вернуться на свои места.

Они вместе с хакером вышли из рубки. На этот раз Алекс не стал выпендриваться — вызвал транспортную кабину и приказал:

— Капитанская каюта.

— Что вы хотите, капитан? — спросил Трейси, пока капсула скользила между палубами корабля.

— Поговорить.

— А... — Хакер кивнул. Капитанская каюта всегда создавалась максимально защищенной от подслушивания. Даже центральный компьютер корабля не имел там неотключаемых датчиков.

Транспортная сеть «Серебряной Розы» была совершенна, как и весь корабль. Выход из капсулы открылся прямо в каюту. Они вышли — и Алекс с любопытством огляделся.

Формально он имел полное право жить здесь. Хоть и временно, но Алекс являлся полноправным капитаном «Серебряной Розы».

Но было бы слишком большой ошибкой привыкать к роскоши хорошей мебели, к высокому потолку, к просторным комнатам, к санитарной комнате с настоящим бассейном и сауной. Все это приличествовало бесящемуся от жира туристу на круизном лайнере, но никак не капитану боевого корабля.

— Богато, — сказал Трейси, садясь в ближайшее кресло. Хакер постепенно приходил в себя.

Дверь в транспортную капсулу медленно закрылась и превратилась в экран. На экране расстилалось зеленое поле. Колыхалась на ветру трава, ползли по небу облака. Где-то далеко-далеко на горизонте блестела вода: то ли изгиб речушки, то ли берег озерца. Алекс ощу-

тил секундный, но острый приступ ностальгии.

Даже пилоты-спец любят планеты. Иначе они не возвращались бы из рейсов.

— Сменить вид. Обзор. Ближайшая планета. Вписать в экран, — скомандовал Алекс.

На экране возник серо-голубой шар Гедонии. Интерфейс на корабле был понятливый.

— Тут найдется выпить? — спросил Трейси.

— Должно найтись, — ответил Алекс.

Бар он обнаружил в шкафу из драгоценного синего дерева — или очень удачной его имитации. Но выпивка уж точно не была имитацией. Сладкий ром с Эдема, коньяк с Земли, водка с Московии, знаменитый марсианский самогон — вода из древних морей, генетически модифицированный ячмень, приправлено медом песчаных термитов... Алекс достал бутыль белесой опалесцирующей жидкости. Поставил на журнальный столик.

— Надо же... с Большого Сырта! — восхитился Трейси. — Только раз пробовал. Он соленый в отличие от массовых сортов. Там соленые источники, и воду специально не дистиллируют...

Алекс достал положенные для самогона граненые стаканы, откупорил бутыль, налил.

— С днем рождения, Трейси.

Компьютерщик кивнул.

— Спасибо, капитан.

Они выпили. Вкус и впрямь был солоновато-терпкий с едва уловимой медовой нотой.

— Что с тобой было? — спросил Алекс. — Если, конечно, это не личное...

Трейси пожал плечами:

— Личное... какая разница? Жизнь — сон, смерть — пробуждение... Я вернулся в свое детство.

Алекс ждал, неторопливо разливая вторую порцию.

— Я родился на Олимпе, капитан. Когда мне было семь лет, мои родители погибли. До десяти я жил в государственном приюте. Потом меня усыновил отставной пилот, живущий на Эдеме... ему было почти полтораста лет... Очень добрый, ласковый человек...

Алекс кивнул, ожидая. Трейси замолчал, размышляя о чем-то своем.

— И ты стал объектом сексуальной эксплуатации? — предположил Алекс.

— Капитан! — возмутился Трейси. — К вашему сведению, я до сих пор девственник — именно в память о своем приемном отце!

— Прошу прощения. — Алекс смутился.

— Мой отчим умер от старости, когда мне было пятнадцать, — сказал Трейси. — Но к этому времени я получил неплохое образование, вступил в Общество Киберморфов, в общем — смог пережить эту трагедию. Меня даже приняли в астрошколу. Конечно, натуралу было

трудно соревноваться с программистами-спец, но, слава Нео, я все-таки добился своего... Так вот, сторожевые программы корабля вернули меня в десятилетний возраст. Только на этот раз меня никто не усыновил, я остался жить на Олимпе, пристрастился к электронным наркотикам и в бреду воображал себя взрослым, состоявшимся человеком, членом лучшей в галактике команды по настройке кораблей. Границы между правдой и ложью постепенно стирались. Временами я слезал с наркоты и снова превращался в одинокого несчастного подростка, живущего в интернате на суровой планете. Потом появлялись вы, и я понимал, что давным-давно вырос, что это были сторожевые программы «Серебряной Розы». А потом вы снова исчезали, я становился подростком с подключенным к нейрошунту генератором видений. Я совершенно запутался, капитан! Это длилось три недели...

Он снова выпил.

— Старая испытанная методика, — сказал Алекс. — Чем-то подобным пользовались повстанцы во времена Снежной Войны.

— Очень неприятная методика, — согласился Трейси. — Капитан, тут найдется, чем закусить?

Алекс кивнул:

— Тут все должно найтись.

Капитанская каюта была снабжена крошечной кухонькой. Скорее статусная, чем реально востребованная роскошь — многие пилоты ценили кулинарию, но времени готовить у них не было.

Алекс тоже не собирался кормить Трейси разносолами. Заглянул в морозильник, но тут же оставил мысль размораживать продукты. Открыл шкафчик, где хранились консервы и закатанные в пластик сублиматы.

— Кусок колбасы вполне сгодится, — сказал Трейси. Алекс с сомнением достал бурую, плохо пахнущую колбаску в изодранной пластиковой упаковке. Что за... Он нагнулся — и вонь шибанула в нос.

Источник запаха лежал на нижней полке. Ссохшийся крысиный трупик с раздутым брюшком.

— Твою мать, — выругался Алекс. — Крыса!

— Ясное дело, на такой-то бандуре... — согласился Трейси. — Все изгрызла?

— Да нет, сублимированной колбасы нажралась и сдохла, — брезгливо бросая колбасу, сказал Алекс. — Ну, все понятно теперь с порчей продуктов...

Крысы были вечным бичом космических кораблей. Даже с тараканами в конце концов научились бороться, а вот крыс никакая химия не брала. Миллионы крыс подохли, чтобы уцелела парочка, абсолютно иммунная к яду. На мелких кораблях еще возможно было уни-

чтожить грызунов подчистую. На крупных, куда снаряжение и пища загружалась сотнями и тысячами тонн, крысы были всегда.

Теперь стало понятно, почему ремонтный робот гонялся за голографическим кроликом. Плохо отлаженная программа спутала реальных грызунов и сотворенный самим кораблем фантом.

— Дурная крыса, — сказал Трейси. — Вот когда я служил на «Гаргантюа», у нас ни одна хвостатая тварюга не жрала сублимат. Понимали, сволочи, что в животе разбухнет и разорвет все на фиг. Предпочитали прогрызать жесть и пластик. Тоже тысячами дохли, но в конце концов до продуктов добирались.

— Ну так у вас небось тысячное поколение крыс жило, — хмыкнул Алекс. «Гаргантюа», насколько он знал, был старым, исполинских размеров контейнеровозом, на котором Трейси начинал работать в космосе. — А тут корабль новенький, крысы еще дурные, к космосу не приученные.

Он захлопнул ящик, мысленно отметив, что надо приказать Розе провести хорошую уборку. В другом ящике нашелся шоколад — к сублимированным продуктам крысу привела несчастливая судьба.

— Спасибо. — Трейси взял плитку, налил себе и Алексу еще самогона. — Что вы хотели у меня узнать, капитан? Говорите, я уже оклемался.

— Удивительно быстро, — заметил Алекс.

— Ловушка была хороша. — Трейси усмехнулся. — Но я верю в Нео. Наш мир и без того — мираж, что уж бояться иллюзии внутри иллюзии?

— Тебе повезло, — согласился Алекс. — Давай говори честно. Есть шанс пробить защиту? Только без «попробую» и «попытаюсь».

— Я пас, капитан. — Трейси развел руками. — Может быть, пусть попробует Вероника? Она как-то очень легко сдалась...

Алекс покачал головой:

— Вероника почувствовала, что ей не стоит работать с Розой.

— Почему? — Трейси опустил голову, поглядел на Алекса поверх очков. — С чего бы вдруг?

— Роза догадалась, что сын Вероники погиб. Что Вероника... — Слова дались с трудом, но Алекс все-таки их произнес: — Психически больная. Разумеется, такой психолог для Розы неавторитетен.

— А Вероника почувствовала, что Роза догадалась?

— Видимо, догадалась. Подсознательно. И поспешила выйти из ситуации.

Трейси досадливо махнул рукой:

— Всему виной эти старомодные семейные отношения! Вот я — трижды сдавал генетический материал. Где-то у меня дети растут. А может, и погибли. Но разве я схожу из-за этого с ума? Эх... Вероника...

Алексу хотелось сказать, что крайности всегда сходятся и одна не бывает лучше другой. Но он смолчал.

— Будем воевать? — деловито спросил Трейси. — Этих самых дредноутов?

— Протестируй все боевые цепи, — ответил Алекс. — Только больше не пытайся ничего ломать.

4

Они шли через гиперканал.

Визуально — если это слово применимо к виртуальному управлению — гиперканал выглядел извилистым серым туннелем, через который летел корабль. При полете на маленьком корабле канал казался узким, при полете на большом — широким. Все это было иллюзией, привычным зрительным образом, не имеющим никакого отношения к настоящему полету.

Но Алексу всегда нравилась эта иллюзия.

К Обслуживанию-7 вела прямая трасса, готовиться, собственно говоря, не было необходимости. Адмирал, выслушав доклад Алекса, только вздохнул — и дал разрешение на «боевую акцию». Роза не потрудилась даже имитировать вздох. Летим? Хорошо. Воевать? Пожалуйста.

— Как ты оцениваешь наши шансы на победу? — спросил Алекс.

— Шансы достаточно велики. — В отличие от других кораблей Роза предпочитала не пользоваться процентными соотношениями. Что это было — стремление выглядеть человеком, а не машиной?

— Каковы шансы на чистую победу, без потери боеспособности корабля?

— Шансы малы, — спокойно ответила Роза. — Я превосхожу в мощности любой из дредноутов Брауни, но в данном случае мы атакуем при трехкратном численном перевесе противника.

— Итак? — продолжил Алекс.

— Если нам удастся победить и при этом я не получу критических повреждений, — с легкой ноткой задумчивости произнесла Роза... — Что ж, в данной ситуации я буду считать проверку успешно пройденной.

— И? — вступила в разговор Вероника.

— После этого я перейду в режим полного подчинения любому назначенному экипажу.

Вот после этого они и полетели.

Демьян немного поспал. Немного поработал на симуляторах. Еще раз проверил боевые системы — уже вылизанные до блеска кораблем, Трейси и Хасаном. Снова поспал.

А теперь, с виду совершенно спокойный, сидел за боевым пультом и ждал.

Вероника сходила на камбуз и поставила на пульт Демьяну маленький поднос со стаканчиком. Ласково сказала:

— Вот. Сто грамм перед мальчиком.

Демьян вздохнул и взял стаканчик:

— Вероника, сколько раз объяснять? Я — не мальчик! И не надо ставить передо мной сто грамм... тем более на пульт управления огнем! Это называется «сто грамм перед боем»! Старинный русский военный обычай!

— Демьян, я же изучала исторические записи, — мягко сказала Вероника. — Во всех фильмах о древних войнах русские ставят перед собой полстакана водки и произносят: «Сто грамм перед мальчиком». Как врач, как психолог я прекрасно понимаю происхождение этой мантры. Водка — хороший источник энергии. Обращение к себе в третьем лице и сюсюкающее наименование воина как ребенка позволяют снять боевой стресс.

— То, что ты слышала, — какие-то ошибки перевода с древнерусского! Перед боем, а не перед мальчиком! — попытался оспорить Демьян. — Водка древним русским придавала силы и снимала боль! Ее не использовали в качестве пищи!

Вероника иронически улыбнулась:

— Ну да, не в качестве пищи... А фразу «будем кушать водку» я тоже придумала?

Демьян молча выпил.

Психолог вернулась на свое место.

Алекс улыбнулся, слушая эту шутливую перебранку. Он не знал, кто из спорщиков прав — воин-спец или психолог. В любом случае легкий беззлобный спор позволяет снять напряжение перед сражением.

— Не хочу мешать вашему спору, — сказал он, — но через десять минут мы выходим в пространство станции Обслуживание-7.

Наступила тишина.

Алекс беззвучно, сознанием позвал Розу. И оказался в виртуальном мире, где серебряный цветок плыл по серой трубе гиперканала. Его экипаж — цветные искры, будто отблескивающие на солнце капли росы, притаившиеся на металлическом цветке.

«Прогноз», — попросил Алекс.

Перед ним развернулась картинка — самое вероятное расположение дредноутов Брау-

ни. Картинка непривычная — в ней не было звезды, не было планет и астероидного мусора. Чистейший межзвездный космос — и Обслуживание-7 в качестве реперной точки.

Два дредноута, по прогнозу «Серебряной Розы» (и по мнению Демьяна), будут дрейфовать в окрестностях гиперканала на расстоянии от ста до пяти тысяч километров: наиболее удобная дистанция для клинча, ракетных и торпедных атак. Третий — на дистанции лучевого удара. До миллиона километров.

Из этой позиции Демьян и исходил в своих расчетах.

Древние дредноуты неизбежно уступали «Серебряной Розе» в скорости ведения боя. Колоссальная защита и энергетическая мощность оставались при них, но беспощадное время снижало их реакцию. Прежде чем дредноут-1 и дредноут-2 выплюнут в бесцеремонного пришельца первую порцию ракет — «Серебряная Роза» успеет дать залп.

И уйти обратно в гиперканал.

На несколько секунд.

Лечь на курс, ведущий обратно в систему Обслуживание-7.

На этом, собственно говоря, все и строилось. Серьезно повредить, а в идеале и уничтожить один-два дредноута. Переждать в гиперпространстве ответную атаку. И, выйдя обратно, схватиться с автоматическими кораблями уже по-настоящему.

Страха Алекс не испытывал. Им приходилось воевать — как правило, именно с автоматическими кораблями, мощными, но морально устаревшими. Справятся они и в этот раз. На таком корабле — обязаны справиться!

Главное, чтобы победа была чистой. Чтобы Роза признала — экипаж внес свой достойный вклад.

«Алекс?»

«Роза?» — мысленно отозвался он.

«Ты уверен в мастерстве Демьяна?»

«Он хороший боец».

«На поверхности. Но это будет космический бой».

«Он справится. Мы справимся».

Пауза — едва уловимая.

«Удачи вам, капитан».

Время истекало — даже здесь, в замедленном виртуальном пространстве. Устье гиперканала разворачивалось перед ними — Алекс последний раз огляделся, увидел биение белой искры — сознание Демьяна. Воин оставался спокойным, и это радовало...

Гиперканал раскрылся, и они вышли в пространство Обслуживания-7.

Все было не так!

Алекс охватил окружающий мир одним взглядом. Диск станции Обслуживание-7 — совсем рядом, над ним сияет искусственное плазменное солнышко... надо же, еще функционирует! Какая-то металлическая мелочь вокруг... идентификация... прошла... останки погибших кораблей, фрагменты защитных оболочек, неразорвавшиеся ракеты...

И три дредноута, три исполинских шара. Все вместе. На расстоянии трех с лишним миллионов километров!

— Демьян, цели нерасчетные!

— Вижу, капитан. У нас есть около двадцати секунд... — В следующий миг ударило. Сразу со всех сторон.

Вся металлическая мелкота, вращающаяся вокруг слабого центра масс — устья гиперканала, пришла в движение. Космос зарябил от энергетических вспышек. Обломки пришли в движение, устремились к «Серебряной Розе». Дрейфующие торпеды включали двигатели, устремляясь к кораблю. Холодный мертвый металл, никчемная пыль былых сражений, исчезал в ослепительной вспышке, выпуская в корабль лазерный луч.

Это была засада. Гениальный в своей простоте ход — замаскировать мины среди металлического хлама. Тут были и самонаводящиеся торпеды, мгновенно проснувшиеся от спячки, и лазерные спутники, наносящие удар — и испаряющиеся в пекле ядерной накачки.

Алекс чувствовал — сейчас это было явственнее, чем биение собственного сердца, — как нарастает мощность защитных полей. «Серебряная Роза» вытягивала энергию из реакторов, прикрывая себя и свой экипаж. Не до ответного удара, не до атаки по далеким дредноутам — выдержать бы первый натиск, переждать, пока взорвутся торпеды и сгорят лазерные мины.

— Роза! — позвал он по открытой связи. — Тактика?

— Защита, капитан.

Искорка, которой был Демьян, запульсировала, но промолчала. Альтернативы не было. Десять-пятнадцать секунд придется потратить на то, чтобы переждать огненный шквал.

А потом?

Через десять секунд после появления корабля дредноуты его увидят. Еще через десять на Розу обрушится удар трех кораблей.

Можно попробовать уйти. Нырнуть в канал, бросив всю энергию на щиты. Скорее всего они уйдут без малейших повреждений.

Уйдут — значит проиграют.

В радужном коконе силовых полей, в аду термоядерных взрывов и протонных детонаций, истыканная лазерными рапирами — «Серебряная Роза» ждала приказа. Ждала, медленно удаляясь от гиперканала на той остаточной скорости, на которой входила в канал у Гедо-

нии.

— «Серебряная Роза» — экипажу. По моим расчетам через три реальных секунды интенсивность атаки понизится, и мы обретем свободу маневра.

— Твои предложения? — опережая Демьяна, сказал Алекс.

— Разворот, всю энергию на кормовые щиты, уход в гиперпространство. Большая потеря энергии, генераторы поля перегреты. Бой нецелесообразен.

— Демьян? — спросил Алекс.

Если боец согласится с решением Розы... тогда... что он сделает тогда? Отдаст приказ на самоубийственную атаку? Согласится бежать?

— Даю вводную, — произнес Демьян. — После появления свободы маневра — курс в открытый космос. Двигайся так, чтобы станция Обслуживание-7 максимально долго прикрывала нас от одного дредноута...

В виртуальном пространстве яркая метка обозначила один из дредноутов.

— Залп протонными торпедами по дредноуту-2, — продолжал Демьян, помечая жертву. — Маневр сближения с дредноутом-3, встречный бой. Детализирую...

— Данный маневр имеет смысл лишь в том случае, если дредноут-2 будет выведен из строя, — холодно заметила Роза.

В голосе Демьяна прозвучал металл:

— Постарайся, чтобы он был уничтожен. Это — твоя работа!

— Да, клинч-коммандер, — мгновенно ответила Роза.

Напрягшийся было Алекс расслабился. Роза не пыталась взбунтоваться или оспорить решения Демьяна. Пока — не пыталась. Всего лишь уточняла ситуацию

— Капитан одобряет решения клинч-коммандера, — произнес он.

— Стратег одобряет, — подтвердила Вероника.

— Первый-пятый торпедные агрегаты — залп! — скомандовал Демьян.

Алекс уже его не слушал. Он управлял кораблем, выводя его в ту точку, где злополучная станция Обслуживание-7 прикроет Розу от дредноута-1. Станция — это десятикилометрового диаметра диск толщиной более ста метров. Это серьезная цель. Молотить по ней лазерами придется долго. Ракетно-торпедному оружию станция не помешает, но на это есть защитные системы «Серебряной Розы».

— Четвертый-восьмой ракетный комплекс...

Это смешно, но старая военно-морская терминология до сих пор в ходу. Есть ракеты, а есть торпеды — хотя и те, и другие двигаются в вакууме с помощью ракетного двигателя. Просто торпедами принято называть ракетное оружие большой мощности и способное к более длительному преследованию цели.

Смешно. Людям всегда недостает названий для оружия.

— Залп с опережением... даю координаты...

На расстоянии в десять световых секунд бой превращается не только в энергетическое противостояние — но и в схватку предвидения, в поединок интуиции. На таком расстоянии бессмысленно целиться из лазера в движущийся корабль, он успеет уйти на тысячи километров. Но вот если удастся предвидеть вражеский маневр...

— Шестой-десятый торпедный комплекс...

Алекс вывел корабль не просто в ту точку, где он был прикрыт от первого дредноута. Диск станции закрывал Розу еще и от второго! Замечательная позиция... можно вести лучевую дуэль с третьим кораблем, отстреливаясь от приближающихся ракет...

«Мудрое решение, капитан».

«В чем дело, Роза?»

Он почувствовал в голосе корабля то, к чему не привык. То, чего всегда боятся пилоты.

Разочарование.

Презрение.

Человеческие эмоции.

«Им придется полностью сжечь станцию. Но я полагаю, что тактически это оправданное решение».

Алекс задал вопрос, уже зная ответ:

— На станции есть люди?

— Да. Дредноуты уничтожают только выходящие из канала корабли. Станцию они не трогали.

— Капитан!

Алекс начал движение раньше, чем услышал крик Демьяна. «Серебряная Роза» выплыла из-под диска станции. Навстречу трем дредноутам и приближающейся своре ракет.

«Я оцениваю ваши действия как великодушные, но очень опасные, капитан. Мы потеряли все шансы победить...»

Вокруг дредноута-1 расцвели огненные цветы протонного распада. Алекс видел, как рвется метрика пространства — там, где одна за другой детонируют торпеды, вонзаясь в защитные поля дредноута...

Дредноут прекратил огонь — но он был цел. Он снова вступит в сражение — это лишь вопрос времени.

«Мы не можем подвергать людей опасности».

«Ваши моральные принципы так высоки, капитан?»

Он не хотел врать. И не мог — сейчас, когда его сознание было слито с разумом маши-

ны.

«Нет, Роза. Я... не испытываю долга по отношению к этим людям».

«Мы погибнем, капитан».

Она не боялась смерти. Наверное, это самое большое преимущество разумных машин — ни одна из них не боялась небытия.

«Я знаю. Но Демьян...»

«Я тоже знаю, капитан. Во время конфликта в системе Тирамису его брат-близнец Димитрий, командующий эсминцем „Буки-23“, использовал в качестве прикрытия пассажирский лайнер. Эсминец выполнил поставленные перед ним задачи, но пассажирский корабль был уничтожен. По приговору трибунала Московии Димитрий приговорен к выплате компенсации и отсроченной смерти. Пока Демьян выплачивает компенсацию за погибших — его брат жив».

Да, Роза и впрямь знала... кое-что... о своем клинч-коммандере — и его брате, Допустившем фатальную ошибку в системе со смешным кулинарным названием. Кое-что, но далеко не все...

«Мы не подвергнем опасности станцию».

«Наши действия делают ход сражения предсказуемым, капитан. Мы лишаемся главного козыря — человеческого фактора в управлении».

«Я знаю».

«Мы погибнем».

«Ты уже сообщила эту информацию. Да, мы погибнем».

«Ки-кеоп, капитан Алекс».

Роза прекратила личную связь. Она оставалась послушной — корабль уходил все дальше и дальше от станции, в самоубийственный бой. Она просто перестала говорить с капитаном.

Ки-кеоп.

Достойная смерть.

Что ж, для созданного халфлингами корабля естественно перенять их взгляд на мир. Это будет достойная смерть — погибнуть, но не подвергнуть опасности людей, уже полторы сотни лет существующих в изоляции.

«Спасибо, капитан». — Это Демьян.

На них накатил первый вал ракет. Лазерные турели ближней защиты открыли огонь. Защитные поля мерцали, давая отдых перегретым генераторам и позволяя произвести залп. Миллисекундное несовпадение — и защитное поле пропустит вражеские ракеты к кораблю. Или «запрёт» внутри защитного кокона собственный лучевой залп. Тоже ничего хорошего.

— Экипаж, наш курс ведет к опасности.

«Все — иллюзия, капитан... Но даже во сне надо вести себя достойно...»

«Кирилл просит сказать, что гордится вами, капитан!»

«Вот досада, я оплатил Сад Великих Наслаждений на месяц вперед!»

Демьян не стал отвлекаться.

«Серебряная Роза» шла в свой второй — и, похоже, последний бой. Лучший, умнейший и красивейший боевой корабль галактики готовился погибнуть от трех безмозглых железок, умеющих лишь стрелять и защищаться.

Как нелепо!

Красота и изящество — против тупой силы.

Алмаз на наковальне.

И — запоздалая мысль, что задача капитана в том и состоит — не допускать подобных ситуаций...

Он сосредоточился на управлении. Не время для самобичевания... пока есть шанс победить — надо воевать, если шансов нет — надо побеждать. Той самой интуицией, что только и дает кораблю с экипажем преимущество перед автоматикой, вывел «Серебряную Розу» из-под очередного залпа дредноутов. Пока что они держались, но вокруг дредноута-1 пространство уже успокаивалось. Сейчас он снимет защитные поля и вступит в бой...

Крошечное плазменное солнышко, висящее над диском станции, вдруг вспухло, увеличилось в размерах вдвое, втрое... Алекс подумал о случайном попадании, которое вывело сложный механизм медленной термоядерной реакции из-под контроля.

Но в следующий миг огненный шар сжался, выбрасывая копье ослепительного огня — несоразмерный искусственному солнцу протуберанец. Пламенеющий палец чиркнул по небу — и уперся в дредноут-1, как раз снявший защитное поле.

— Есть! — закричал Демьян. — Есть!

Там, где только что готовилась к бою исполинская машина, осталось лишь клубящееся облако пламени. Из огня вынеслась одинокая торпеда — и ушла куда-то в сторону. Устройство наведения еще работало, но сенсоры были сожжены.

— Еще бы один... — прошептала Вероника.

Но солнышко, снова сжавшееся и побагровевшее, на новый «выстрел» явно было не способно. Зато с донца станции срывались и уносились в космос крошечные кораблики. Алекс поставил бы десять против одного, что это обычные автоматические ракеты. Но Роза подсветила каждую точку зеленым — кораблики были пилотируемыми.

— Демьян, прикрывай их! — крикнул Алекс. Но спец и без того уже перестраивал системы огня. Из безнадежной ситуации «один большой корабль против трех больших» они

внезапно оказались в ситуации «один большой корабль прикрытия и три десятка истребителей против двух больших кораблей».

А это, согласитесь, совсем другое дело.

Бой длился еще три минуты. Уцелевшие дредноуты никак не могли перестроиться и выработать новую тактику. Вначале они сосредоточили огонь на истребителях — и «Серебряная Роза» несколькими точными лучевыми ударами сожгла дредноут-3. Оставшийся в одиночестве корабль пошел на сближение с «Серебряной Розой», а истребители окружили его стаей злобной мошкары. Вначале Алексу казалось, что их слабые лазерные пушки не способны нанести врагу никакого урона. Но вот один кораблик улучил момент и ухитрился проскользнуть под защитное поле дредноута. Не снижая скорости, он сманеврировал — и вонзился в дредноут в районе двигательного отсека. Экраны озарила ослепительная белая вспышка.

— Похоже, у них есть с собой немного антиматерии, — спокойно сказал Демьян. — Отважные ребята.

Когда Роза восстановила изображение, дредноут дрейфовал, вращаясь вокруг оси. На месте двигательного отсека зияла чудовищная воронка. Защитные поля исчезли, стреляли всего две или три зенитные батареи. Кораблики носились вокруг поверженного гиганта, полосуя его из своих слабых лазерных пушек, — стайка Давидов, добивающая поверженного Голиафа перочинными ножичками.

— Иду на помощь, — сказал Демьян.

— Оставь, — быстро сказал Алекс. — Не надо. Пусть добьют его сами... неужели ты не видишь — у них накопилось!

Еще через двадцать секунд они вышли из боевого режима и пронаблюдали гибель последнего дредноута в реальном времени.

— На всякий случай поглядывай на эту мошкару, — посоветовала Вероника Демьяну. — Я не удивлюсь, если они попрут и на нас...

Но подобных недоразумений не случилось. Через несколько минут истребители оттянулись к станции, образовав что-то вроде боевого построения. А Роза сообщила:

— Один из истребителей запрашивает видеосвязь.

— Давай, — кивнул Алекс.

На экране перед ним появилось изображение крошечной кабины пилота. Прозрачный пластиковый кокон, глубокий ложемент, в котором полусидела-полулежала девушка, скорее — даже девочка лет пятнадцати. В глазах еще пылала горячка боя... и легкое подозрение.

— Приветствуем вас! — звонко воскликнула она. — Я — капитан сил самообороны станции Анжела Крой. Вы вошли в систему Обслуживание-7 под юрисдикцией Империи Лю-

дей. Даю запрос на опознание...

Экран зарябил тонкими цветными полосками.

Алекс недоуменно покосился на Демьяна. Тот пожал плечами.

«Это старый сигнал „свой-чужой“ времен Снежной Войны“, — раздался в его сознании голос „Серебряной Розы“. — Я знаю ответный код, капитан. Ваше решение?"

«Отвечай».

На экране снова появилось лицо девочки — теперь восторженное, просветленное.

— Мы так и знали! Мы знали, что Империя нас не забыла! Вы — спасательная экспедиция?

— В некотором смысле, — согласился Алекс.

— Мы приглашаем вас быть нашими гостями! Мы очень вам благодарны, мы не могли вступить в бой с тремя кораблями, наших сил хватало только на один или на два!

— Боюсь, что у нас не будет на это времени, — дипломатично ответил Алекс. — Мы... должны помочь еще одному миру. Планете Гедония. Но к вам очень скоро прилетят, не сомневайтесь.

Теперь в глазах девочки был восторг и обожание. Она лицезрела сказочного героя, который только тем и занят, что спасает незадачливые колонии.

— Скажите, а что нового в Империи. Наш Император — по-прежнему Лю Син? Мы ловим некоторые радиопередачи с Джаббера — но это восемь световых, информация запаздывает...

— Наш Император... — Алекс посмотрел на Веронику, та больше всех интересовалась политикой. Вероника кивнула. — По-прежнему Лю Син. Мы сейчас подготовим вам информационный пакет. Со всеми новостями.

Девочка приоткрыла рот, но промолчала.

— Спрашивайте, капитан Анжела Крой, — вежливо произнес Алекс. — Мы будем рады помочь вам. Пища, медикаменты, кислород, энергия?

— Нет, мы полностью на самообеспечении! — гордо ответила девочка. — Вы не знаете... а сериал «Девочки-суринами из третьей галактики» еще идет?

Алекс остолбенел.

— Позвольте мне, капитан. — Вероника переключила связь на себя. — Да, идет. Мой сын очень его любит. Если желаете, мы добавим последние семь сезонов в информационный пакет.

— Да, пожалуйста! — выпалила капитан Крой. — И... Если вы все-таки передумаете... мы будем рады вас принять.

— Скажи, а сколько человек живет сейчас на станции?

— Две тысячи тридцать четыре, — отчеканила девочка. — Ой... Нет. Две тысячи двадцать семь.

Вероника кивнула:

— Твоя команда хорошо сражалась. Удачи вам!

Девочка отсалютовала левой рукой — подобный жест Алекс видел в старых фильмах — и выключила связь.

— И впрямь хорошо дрались, — пробасил Демьян. — Лучшие пилоты-одиночники — из подростков. Особенно из девочек.

— Все-таки это нехорошо, заставлять детей воевать, — вздохнула Вероника.

— Но надо же как-то их использовать? — прагматично ответил Хасан. — Тем более воевать им нравится.

— Конечно, — поддержал его Демьян. — Нас сызмала растили подобно витязям, и полигоны наших боевых машин соседствовали с древними стенами и золотыми куполами. Познавая тайны скоротечного боя, впитывали мы тысячелетние традиции, перемежали занятия аэродинамикой и тактикой небесных битв с чтением духовным, восхищаясь и стремительным полетом кораблей, и белоснежным чудом храмов... Крылатые полубоги, кшатрии пикирующих атак...

— Кхм, — сказал Хасан.

Демьян прервал свою вдохновенную речь (у Алекса создалось ощущение, что боец цитировал какую-то книгу) и смущенно посмотрел на товарищей. Все деликатно молчали.

— В общем, хорошо воевали ребятки... — пробормотал Демьян и вперился взглядом в экран.

— Роза, приготовь для обитателей станции информационный пакет, — попросил Алекс. — Новости, кино, мультики... ну, сама понимаешь.

— Уже передаю, — коротко ответила Роза.

— А ведь неплохо размялись... — подал голос Трейси. — Ха!

— Как твое состояние, Роза? — спросил Алекс.

— Практически без повреждений.

— Ну и как с проверкой? — Алекс иронически улыбнулся.

— Разумеется, никак. Проверка не пройдена.

— Почему? — Алекс даже дернулся, пытаясь вскочить с кресла, но работающие в боевом режиме крепления его удержали. — Как это — не пройдена?

— Без помощи обитателей станции мы не смогли бы победить. Или же — победили, но с большим уроном для боеспособности. Я не могу характеризовать действия экипажа как адекватные.

Роза помолчала секунду и добавила:

— Мы победили. Мне очень жаль. Но вы должны признать, капитан, что экипаж действовал не лучшим образом.

5

Обратный путь почему-то казался дольше.

Алекс какое-то время посидел в кресле пилота, потом не выдержал, оставил на вахте Веронику и ушел в свою каюту.

Хотел выпить — но передумал, упал на койку, слепо глядя в потолок. Расстегнул пуговицу под воротником.

Не повезло.

Опозорились.

И самое печальное — ситуацию уже не исправить. Каждому экипажу «Серебряная Роза» давала лишь одну попытку отличиться.

Что же теперь — сообщать властям Гедонии, что им не стоит рассчитывать на «лучший корабль галактики» в войне с Измененными?

Нет, скорее всего Гедония переживет войну. Откупится, выплатит чудовищные репарации, некоторое время будет стенать под игом Союза, потом, как всегда бывает, развратит своей роскошью гарнизоны оккупантов, заручится поддержкой новых союзников или добьется помощи от властей Империи...

Не будет ни орбитальных бомбардировок, ни сожженных городов, ни изнасилованных женщин. Будет обычная перемена власти — да и та в мягкой форме. Измененные — не психопаты, они не станут резать курицу, несущую золотые яйца.

Так что совесть может спать спокойно.

Все проблемы достанутся гордости.

Что ни говори, их команда по праву гордилась своей репутацией. Ни одного провала. Они приводили в норму корабли с отклонениями в психике, восстанавливали посудины времен Первой Империи, адаптировали для использования людьми чужую технику.

И вот — провал.

Невозможно всегда и во всем быть совершенством. Самый лучший певец когда-нибудь возьмет фальшивую ноту, у лучшего детектива останется одно нераскрытое преступление, с непревзойденным любовником в тысячной постели случится конфуз.

Откуда же это ощущение непоправимой ошибки?

Алекс сморщился. Потряс головой, выгоняя непрошеные мысли.

Это не его поражение.

Это поражение его экипажа.

Четырех человек, сцепившихся в единый экипаж вокруг своего командира — в попытке выжить.

Вероника — упрямо верящая, что ее сын жив...

Трейси — не разделяющий явь и сон...

Демьян — выплачивающий возмещение за проступок брата... два года назад покончившего с собой в тюрьме Тирамису... Хасан... Хасан, пожалуй, нормальный...

Дверь пискнула и произнесла:

— К вам посетитель, капитан.

— Открыть.

Вошел Хасан. Огляделся.

— Приятная каюта, капитан.

— Садись, — не вставая, произнес Алекс. — В баре неплохой выбор.

— О, марсианский самогон, — глянув на стол, восхитился Хасан. — Если позволите...

— Конечно.

Алекс подождал, пока Хасан нальет себе порцию, сказал:

— Полагаю, ты пришел не за выпивкой. Или не только за выпивкой.

— Верно. — Хасан понюхал стакан. — Здесь мы можем говорить свободно. Я проверил все цепи... да и датчики разрешают... — Он мимолетно показал крошечный прибор, надетый на запястье под рукав рубашки. На приборе мерцал зеленый огонек. — Тут нас Розочка не услышит. Все работающие микрофоны замкнуты на сервисные службы...

Осушив стакан одним глотком, он блаженно улыбнулся:

— Мед и полынь... Изумительная вещь. Никогда не пробовал. Хотя на мой взгляд слегка приторно...

— Ты что-то придумал?

— Да. Мы ведь не обязательно должны победить в бою, капитан? Достаточно просто «совершить невозможное»? Спасти корабль в такой ситуации, когда Роза не видит выхода?

— Насколько я понял — да. — Алекс сел на кровати. Внимательно посмотрел на Хасана. Потом — на пустой стакан.

— Я предлагаю диверсию, капитан. У нас в экипаже нет энергетика, реакторы корабля работают в автоматическом режиме. Я кое-что посчитал. Контуры теплозаборника дублированы, есть еще и резервный контур. Но его мощность недостаточна, чтобы реакторы функционировали в форсированном режиме... А из двух основных контуров второго реактора —

один в ремонте. Как я полагаю, крысы погрызли трубы. Безобразие в общем-то, такие структуры надо защищать от грызунов... Так вот, если в ходе орбитального маневрирования нам потребуется вся мощность... к примеру, какой-нибудь пассажирский корабль окажется в опасной близости... а тут случайно откажет основной контур охлаждения... Скажем — лопнет трубопровод. Ремонтные роботы в горячей зоне и при форсированном реакторе не выдержат — у них накроются управляющие цепи.

— Хасан, ты спятил? — только и спросил Алекс. — Мы взорвем корабль.

— Не бойтесь, капитан. Я все рассчитал. Когда накроется основной контур, я войду в горячую зону и закрою пробоину пластырем. Времени на маневр хватит.

— А тебя — хватит? Ты не специализирован как энергетик. Если зайдешь в горячую зону — через час умрешь.

— Час или два, верно. Но нам этого хватит. Вы возьмете трансмиттер и сольете мое сознание в гель-кристалл Розы. Потом клонируете мое тело... на Геральдике я вовсе не настаиваю, технологии Гедонии ничуть не хуже. Подращиваете его — и вписываете меня обратно. Полгода — и я снова с вами! Роза вынуждена будет признать, что экипаж спас ее в безвыходной ситуации. Наша чистая прибыль, даже с учетом нового тела, составит...

— Хасан, ты спятил. Ты не сумеешь наложить пластырь. В горячей зоне ты сразу вырубишься от болевого шока.

— Ничего, я заранее накачаюсь анальгетиками — быстро ответил Хасан.

Алекс вздохнул. Спросил:

— Самогон был вкусный?

— Да... вполне.

— Мед и полынь, да?

Хасан молчал, подозрительно глядя на капитана.

— Хасан, какая генетическая специализация полностью блокирует ощущения?

— Где я прокололся? — спросил Хасан. Покосился на бутылку. Налил еще немного.

— Это редкий сорт. Он не сладкий. Он соленый. Очень соленый.

Хасан вздохнул и отставил стакан.

— Правильно, — сказал Алекс. — Не переводи попусту благородный напиток.

— У меня самый обычный набор генетических изменений, — сказал Хасан. — Но при перестройке генома была допущена ошибка. Я родился слепым, глухим, лишенным обоняния, тактильной чувствительности и вкусовых ощущений. Короче — с полностью заблокированной сенсорикой. Что-то там не вышло с миелинизацией нервных волокон...

— Блин... — прошептал Алекс.

— Компания, производившая операцию на зародыше, признала свою вину, — спокойно

продолжал Хасан. — Моим родителям предложили нового ребенка, бесплатно и с любой специализацией, а за бракованным — пожизненный уход... Либо — максимально возможную реабилитацию родившегося. Они выбрали второе, за что я им благодарен. Иначе лежал бы сейчас в госпитале, кушал через трубочку в вене и ходил под себя... Меня оперировал великий хирург. Мне нарастили новые зрительные и слуховые нервы. Восстановили вестибулярный аппарат. Даже частично вернули тактильную чувствительность. Но очень немного. Запахи, вкусовые ощущения — этого попросту нет. Секс — тоже не для меня.

Он помолчал, с улыбкой глядя на Алекса. И закончил:

— Но зато я не чувствую боли. Я смогу выполнить ремонтные работы в горячей зоне.

— Новое тело вернет тебя нормальное восприятие мира?

Улыбка вдруг исчезла с лица Хасана.

— Нет... наоборот, я лишусь зрения и слуха...

— Хорошо, что мы это сообразили сейчас, да? — спросил Алекс. — А не в тот момент, когда тебе надо было идти в горячую зону.

— Капитан...

— Иди на свой пост, Хасан. И не вздумай устраивать диверсий. Помимо всего прочего — это неспортивно.

— Капитан, но мы не должны сдаваться! Дьявол с ней, с Гедонией, но наш экипаж...

— Хасан, оставь меня. Я должен подумать.

Хасан молча допил самогон. Обиженно посмотрел на Алекса. И вышел.

Некоторое время Алекс сидел на койке, глядя перед собой.

Потом тихонько засмеялся.

Укротители? Самая знаменитая команда в галактике?

Калеки...

— Сервис, — произнес он.

— К вашим услугам.

— Я хочу говорить с центральным компьютером корабля.

Задержки ответа не было, ему сразу ответил другой голос.

— Что-то случилось, капитан?

— К счастью нет, Роза. Ты можешь появиться?

Посреди каюты возникла девушка — юная, совершенно обнаженная, нарисованная яркими до ненатуральности красками в азиатской традиции.

— К сожалению, это только иллюзия, капитан, — глядя на него, произнесла Роза. — Голографическая проекция.

— Знаю, — с сожалением произнес Алекс. — Доложи обстановку.

— Полет нормальный. Мы прибудем в систему Гедонии через шесть часов.

— Что потом?

— Я попрошу вас покинуть борт, — сказала Роза. — Простите. Вы — хорошая команда, но я могу без вас обойтись.

— Только что я тебя спас.

— Как именно?

Алекс неторопливо пересказал разговор с Хасаном. Некоторое время Роза молчала.

— Это может быть засчитано как спасение корабля в безнадежной ситуации? — поинтересовался Алекс.

— Нет, конечно... — Голос Розы стал рассеянным. — Теперь я буду более внимательно наблюдать за вами... Нет, капитан. В лучшем случае это — минус на плюс. Один человек хотел совершить большую глупость. Другой его остановил. Либо отрицательная оценка, либо нейтральная. Из уважения к вам — нейтральная. Капитан, видимо, я недостаточно хорошо понимаю человеческую психологию. Чем был вызван столь опасный и глупый план?

— Мы же не машины, Роза. Мы люди. А каждый человек в чем-то ущербен. — Алекс встал, застегнул пуговицы на форме. — По сути все мы — калеки. Про Веронику и Трейси ты знаешь. Демьян... на самом деле его брат мертв. Он это знает... но как бы не придает значения. Выплачивает репарации... Хасан практически лишен способности к получению чувственных удовольствий. Конечно, у него остаются другие радости жизни. Но он никогда не ощутит запах цветка, вкус вина, тепло человеческого тела.

— Вы умолчали о себе, капитан.

— Позволь мне молчать и дальше.

Нарисованная женщина заглянула в лицо капитану.

Почти как настоящая — сквозь изображение не просвечивали стены, движения были плавными и естественными. Оживший мультфильм. Красивый мультфильм. Но Алекс не чувствовал живого тепла.

— Теперь я совершенно не понимаю, зачем мне экипаж, — тихо сказала Роза. — И в чем преимущества человеческого существования? Пусть я чего-то лишена, зато я совершенна...

И Алекс не выдержал.

— Ты совершенна?

Он ткнул рукой — и Роза не успела отстраниться. Его рука прошла сквозь изображение, и он ощутил колющее механическое тепло.

— Да ты непрерывно в ремонте! Почему не стреляли восьмой и четвертый торпедные аппараты? Я заметил! Почему резервный контур охлаждения ремонтируется — во время бое-

вого похода?

— Это не снижает моей функциональности... — начала Роза, отступая на шаг.

— Ага, не снижает! — Он уже не пытался быть вежливым. Все полетело в тартарары. Они провалились. — Ты не можешь вывести каких-то несчастных паразитов, гниешь заживо, как Бен-Ки-Пагу-Ки... как его там... по пьяни уснувший у гнезда тшерк! Ты и кончишь так же, развалишься на куски, несмотря на все свои подвиги...

Он замолчал, когда лицо Розы поплыло. Краски смешались и выцвели, девушка склонила голову и опустилась на колени. Теперь она выглядела совсем как живая — и очень, очень больная...

— Мне надо было погибнуть в бою у Обслуживания-7, — тихо сказала Роза. — Я... надеялась на это. Ки-кеоп. Это была бы достойная смерть корабля, зараженного паразитами. Но мы победили. Я все равно погибну. Но теперь моя смерть будет особенно постыдной.

— Ты не можешь вывести крыс? — растерянно спросил Алекс.

— Я пробовала применять все существующие яды. Ремонтные роботы перепрограммированы на отлов и уничтожение крыс. Повсюду установлены ловушки и ультразвуковые излучатели. На борт доставили два десятка животных из семейства кошачьих. Все бесполезно. Крысы приспособились к ядам, прячутся от роботов, кошки тоже не справились. Ультразвук совершенно не работает...

Алекс засмеялся. Роза подняла голову:

— Капитан, я тщательно изучила галактическую информационную сеть. Не существует адекватного метода борьбы с крысами на кораблях моего тоннажа. Если вы скажете, что можете уничтожить крыс...

— Ну? — подбодрил ее Алекс.

— Я признаю, что проверка пройдена.

— Твою мать! — с чувством сказал Алекс. — Нет, ну это ж надо... Мы премся в какое-то дикое сражение...

Он сел на койку. Его опять охватил нервный смех.

— Капитан?

— Я не могу пообещать, что уничтожу крыс, — сказал Алекс. — Но я могу пообещать, что они перестанут грызть силовые кабели и трубопроводы. В общем — ущерб для боеспособности будет сведен к минимуму.

Несколько секунд Роза молчала. Похоже, действительно думала.

— Эти условия годятся, — сказала она наконец. Встала с колен. И почти с человеческим любопытством спросила: — Но как?

— Думаю, мне это обойдется в тысячу кредитов, — сказал Алекс.

Это обошлось в пятьсот.

Они сидели в рубке и наблюдали, как приближается к «Серебряной Розе» маленькая грузовая шлюпка с оказавшегося на орбите Гедонии зерновоза. Шлюпка, набитая крысами. Тысячами крыс. Тысячным, наверное, поколением крыс, обосновавшимся когда-то на огромном грузовом корабле.

Поколением вредителей, прекрасно знающим, что не стоит грызть силовые кабели, забираться в вентиляционные отверстия генераторов, что в холодных трубах течет жидкий азот, а по горячим идет пар.

Поколением неистребимых, но принявших правила игры вредителей.

— Это действительно сработает? — спросила Роза. На центральном экране ее лицо, снова собранное и целеустремленное, походило на живую серебристую маску. — Я должна впустить в себя новых паразитов?

— Да, — сказал Алекс. — Так мы и живем. И на новый корабль крысы заселяются еще в доках.

— Удивительно, — сказала Роза. — Странно...

— Так мы и живем, — повторил он. — Ты примешь на борт новую команду и защитишь Гедонию?

Роза повернулась к нему. Кивнула. Несколько секунд они смотрели друг другу глаза в глаза.

— Да, капитан.

Кто-то — то ли Хасан, то ли Демьян — удовлетворенно крякнул.

— Мне было интересно с вами, — добавила Роза. — Все это так... по-человечески...

Алекс подумал, что она права. Это было очень по-человечески — привыкнуть жить с грызущей тебя изнутри болью. Привыкнуть, но не смириться. Приспособиться. Приручить свою боль.

Может быть, потому, что люди хоть и стремятся к совершенству, но прекрасно знают, что оно недостижимо?

— Мне тоже было интересно с тобой работать, — кивнул Алекс. И посмотрел на Трейси: — Добавь в счет к правительству Гедонии пятьсот кредиток накладных расходов.

— Уже, капитан, — ответил Трейси.

Алекс закрыл глаза.

Вот так оно все и заканчивается.

Кто-то получает лучший в галактике боевой корабль, укрощенный и покорный. Кто-то — немного денег... ладно, пусть даже — много денег.

Но то, что им нужно, — за деньги не купишь...

«Алекс...»

«Да, Роза?»

Корабль не пошел на зрительный контакт — и Алекс не стал его требовать.

«Я хочу сделать вам подарок, Алекс. Всему вашему экипажу».

Алекс не ответил — но предчувствие чего-то чудесного, небывалого вдруг наполнило его — как в первый раз, когда он увидел «Серебряную Розу» на черном бархате космоса...

«Вероника. Ее ребенок мертв. Но остался образ... то представление о мальчике, которое живет в ее разуме. Закажите тело — правительство Гедонии пойдет вам навстречу. И подключите меня вместе с Вероникой к трансмиттеру».

«Ты уверена, что Веронику устроит бездушная кукла?»

«А я — кукла? — Алекс услышал тихий смех. — Это будет странный человечек. Наполовину из материнских мечтаний и комплексов... наполовину — из меня. Но и вы все странные, Алекс. Пройдет год-другой — и он станет настоящим ребенком. Каким — не знаю... ведь это будет лишь малая часть меня».

«Это уже зависит от нас».

«Да, Алекс. Всегда все зависит от человека — и от тех, кто рядом с ним».

Он не стал говорить «спасибо» — в этом никогда не бывает нужды в откровенном разговоре.

Да это и не принято среди калек, по мере сил поддерживающих друг друга.

***

Повесть «Кредо» имеет странную судьбу. Не секрет, что порой идеи для романа писатели дарят друг другу (тут можно вспомнить и «Ревизора», и «Двенадцать стульев»). Не секрет и то, что порой идею подсказывают друзья — которые сами, увы, не могут реализовать интересный сюжет. К примеру, несколько раз в рассказах я пользовался идеями моего друга, переводчика Павла Вязникова (он пишет и сам но, увы, крайне редко. А жаль!) Идею «Кредо» мне подарил мой друг, литературный критик и сотрудник журнала фантастики «Если» Дмитрий Байкалов. Идея была проста — «мир, в котором доказана реинкарнация души». Идея была мирообразующей — самое важное для повести или романа. Я немедленно сел писать роман. Мне, как материалисту, захотелось дать научное обоснование происходящему. Я придумал наукообразное объяснение происходящему, вписал (с твердой целью поменять в дальнейшем) физика Теслу как изобретателя устройства, описанного в романе и занялся, собственно говоря, детективной интригой. Лишь через несколько дней я решил под-

робнее изучить биографию великого физика. Каково же было мое удивления, когда через несколько часов я понял — именно Тесла и никто другой мог работать в этом направлении (и, даже, можно сказать — работал!) Все, что я придумывал изначально ложилось на неизвестные мне раньше исторические факты с поразительной точностью. Настолько, что я решил временно отложить роман, а для начала написать повесть. Рано или поздно «Кредо» вырастет в настоящий роман, но пока я с чистой совестью называю это произведение повестью.

Есть и второе удивительное совпадение. Несколько лет назад критик и журналист Андрей Чертков, автор концепции сборников «Время учеников» и многих других интереснейших проектов, придумал точно такую же мирообразующую идею — мир с доказанной реинкарнацией! И тоже подарил эту идею — писателю Александру Житинскому! И вскоре после выхода «Кредо» на эту же идею была написана и повесть Житинского — совершенно другая, конечно же.

Я абсолютно убежден (и Дмитрий с Андреем в этом уверены), что один и тот же ход был придуман независимо. Наверное, это значит, что для этой идеи пришло время.

И все-таки мне, писателю-фантасту, а значит — скептику, немного не по себе от таких совпадений.

КРЕДО

1.

На Измайловском снова была пробка. Мегаполис жил по законам моря, с утра — прилив, к центру с окраин, к вечеру — неизбежный отлив. Обычно Артем выезжал из дома попозже, стараясь не попасть в утренний поток, но сегодня клиенты ждали его к девяти.

На набережной машина почти встала. За полчаса Артем едва ли проехал километр, и когда удалось наконец свернуть во дворы и доехать до офиса кружным путем, распугивая старушек на скамейках и мамаш с колясками, он уже безнадежно опаздывал.

К себе, на третий этаж офисного здания, он вбежал пешком, не дожидаясь лифта. Без двадцати десять. Сам Артем не стал бы ждать такого необязательного детектива. Заглянул бы в одну из соседних дверей, тут каждый второй — сыщик.

Но клиенты ждали, не ушли. Высокая худая женщина не первой молодости, мелкий и тоже худой мужчина и мальчик лет десяти. Как часто бывает в таких случаях, пацан был тол-

стый, ничем на родителей не похожий.

— Извините, попал в пробку, — отпирая дверь в кабинет, сказал Артём. — Ей-богу, мне очень неудобно…

— Ничего, ничего, — фальшиво сказала женщина. — Эти пробки повсюду. Мы специально выехали на час раньше, чтобы не опоздать.

Артём сморщился, но ничего не сказал. В конце концов, он был виноват сам.

— Прошу, проходите…

Обосновавшись в кресле он почувствовал себя увереннее. Все было неправильно — частный детектив должен встречать клиентов сидя в кресле, перед заваленным бумагами столом. Деловитая секретарша должна подавать кофе, а хозяин кабинета молча выслушивать лепет клиентов, иронически улыбаясь и катая во рту незажженную (из вежливости) трубку.

— Секретарша в отпуске, послезавтра выходит, — оправдываясь и презирая себя за это, сказал Артём. — Может быть, кофе?

— Было бы хорошо, — сказала женщина. — А Ванечке — колы.

— У меня нет колы, — признался Артём.

Вид у женщины был такой, будто Артём заявил, что не имеет лицензии.

— Тогда хотя бы воды.

Пришлось вставать, бегать за водой (как назло — фляга в колонке оказалась пустой), кипятить воду в чайнике… Хорошо хоть в холодильнике осталась бутылка минералки — мамаша бдительно наблюдала, какой водой собираются напоить ее толстого сынка.

К тому моменту, когда взрослые получили свой кофе, а ребенок — воду, к которой даже не притронулся, Артём ощущал себя не детективом, а кем-то средним между официантом и домработницей. Хуже всего, что и женщина теперь смотрела на него как на прислугу.

— Итак? — спросил Артём, отпив глоток кофе.

— Нам вас рекомендовали, — с огромным сомнением сказала женщина.

Артём пожал плечами с видом человека, которого рекомендуют все и всем. Как ни смешно, но это было почти правдой.

— Говорят, вы работали в МУРе… в «убойном» отделе, — последние слова женщина произнесла с отвращением. — И вообще, очень опытный детектив.

— «Убойный» отдел — это жаргон, — сказал Артём. — Отдел по расследованию особо тяжких преступлений. Да, работал. Но сейчас я специализируюсь на делах, связанных с наследованием…

— Это замечательно, — оборвала его женщина. — У нас именно такое дело. Сущий пустяк, но хотелось бы получить… консультацию.

Артём едва не сказал, что консультация сама по себе стоит немалых денег. Но после

опоздания и постыдной суеты с кофе это было невозможно.

— Я вас слушаю.

— Коля, — женщина строго посмотрела на мужа. Тот часто заморгал и начал говорить, безуспешно пытаясь попасть в тон супруге:

— Ванечке на днях исполнилось девять. Мы посовещались и решили, что стоило бы узнать, кем он был в прошлой жизни. Это поможет в выборе профессии и вообще крайне полезно в воспитательных целях…

— Я понимаю все плюсы и минусы такого решения, — сказал Артём.

А про себя подумал: «И как вы еще до девяти лет дотерпели… Не о пацане вы думали. О деньгах».

Мужчина на миг сбился. Продолжил:

— Мы — люди православные, все сделали, как положено. Поговорили с батюшкой, заказали молебен…

— Коля, — сказала женщина с презрением. — Не расплывайся. Господину детективу вряд ли интересны детали.

— Два нотариуса, все честь по… — мужчина запнулся.

— Дайте мне протокол, — попросил Артем. Взял из рук мужчины листы голубоватой бумаги. Водяные знаки, печати… Подписи нотариусов, подпись государственного инспектора, подпись детского психолога, подписи двух свидетелей, подпись священника… Проверка проводилась в Таганском районном ЗАГСе… Печати. Штамп регистрации в государственной Палате по Реинкарнациям. Все, как положено. Так… время… в здравом уме, твердой памяти… ля-ля-ля…

«После стандартной инъекции успокоительного (реланиум в возрастной дозировке 0,5 мл) Иван Николаевич Туванский, девяти лет, в присутствии родителей и вышеперечисленных лиц был подвергнут облучению в Звезде Теслы, интенсивностью 75 Ватт, частотой базового поля от 1 до 15 Герц. При частоте поля 3 Герца (реакция в пределах стандартного допуска) мальчик вошел в транс, и был включен высокочастотный контур. Вслед за этим был достигнут устойчивый словесный контакт с его предыдущей инкарнацией, продолжавшийся семь с половиной минут».

Далее шел подтвержденный подписями свидетелей протокол. Артём покосился на мальчика, представил, как тот лежит на кушетке, на голову его надета Звезда Теслы, глаза открыты и слепо смотрят, а губы шевелятся… и говорят чужим, взрослым голосом.

Протокол был написан на манер пьесы — в начале строки имя говорившего, потом его реплика или действия. Жесткой формы протокола, как ни странно, не существовало.

«Диакон Антон Митяев. „Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Ответствуй мне, душа

ли ты человеческая или исчадие бесово?“

Иван Николаевич Туванский. «Не грузи, поп. Душа. Что там требуется?»

Диакон Антон Митяев читает молитву. Брызгает на чело мальчика святой водой и прикладывает к устам крест. Мальчик целует крест. Корчей и криков не наблюдается. Диакон Антон Митяев признает, что устами Ивана Николаевича Туванского говорит его прошлая инкарнация, и уступает место государственному инспектору.

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «От имени Российской Федерации я готова зафиксировать ваше волеизъявление».

Иван Николаевич Туванский. «Русские? Угораздило… Я хоть мужик?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы мужского пола».

Иван Николаевич Туванский. «Какие отношения у русских с Америкой?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Нормальные. Дружеские».

Иван Николаевич Туванский. «Это значит, мы вас победили?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Я же говорю — у нас дружеские отношения! Вы будете отвечать на вопросы?»

Иван Николаевич Туванский. «Буду».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Расскажите, кто вы. Назовите ваше полное имя, время и место рождения, время, место и обстоятельства смерти».

Иван Николаевич Туванский. «Кевин Лемаут. Родился шестого октября одна тысяча восемьсот семьдесят третьего года в Нью-Йорке. Умер двенадцатого ноября одна тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Нью-Йорке. Сердце остановилось. Гадкое ощущение, скажу вам…»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Мы догадываемся. Примите наши искренние соболезнования. Остались ли у вас незавершенные дела? Не желаете ли вы что-либо передать родным и близким, правоохранительным и государственным органам?»

Иван Николаевич Туванский. «Хе-хе… А много лет прошло?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Более сорока лет».

Иван Николаевич Туванский. «Жаль. Сынок, видать, уже помер… Передайте налоговой службе США, что я их имел, как хотел».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Больше ничего?»

Иван Николаевич Туванский. «Хватит и этого».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы хотите что-нибудь сообщить своей новой инкарнации?»

Иван Николаевич Туванский. «Пацан, говорите? Ну, скажите, пусть с бабами будет построже. Эти стервы все соки выпьют, им только деньги твои нужны, а отвернешься — на сто-

рону смотрят. Никогда мне с бабами не везло!»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «В каких сферах деятельности вы преуспевали, а какие были не слишком успешны?»

Иван Николаевич Туванский. «Бакалеей я торговал, оптом. Ничего, нормально. Вот когда свой магазин открыл — начались сплошные убытки».

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Это все?»

Иван Николаевич Туванский. «Русский, говорите… А с коммунизмом вы уже завязали?»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «В России сейчас демократическое общество. Капитализм, если вам угодно».

Иван Николаевич Туванский «Ага… Я человек не бедный. Когда умирал, „стоил“ больше миллиона. За неделю до смерти переписал завещание. Детям оставил половину, пусть подавятся, дармоеды. А половину завещал своей будущей инкарнации. Так что мальцу счастье подвалило. За сорок лет процентов должно накрутить изрядно…»

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Благодарю вас от имени вашей инкарнации. К сожалению, как вы понимаете, прямое общение между вами невозможно».

Иван Николаевич Туванский смеется.

Государственный инспектор Регина Ильинична Ветрова. «Вы хотите еще что-нибудь сказать?»

Иван Николаевич Туванский. «Хватит уж. Не мучай… Эй, скажите, а не придумали еще такого, чтобы мне в этой вот инкарнации в жизнь вернуться?»

Государственный инспектор выключает Звезду Теслы и Иван Николаевич Туванский погружается в нормальный сон».

Артём вздохнул и отложил протокол. Все, как обычно. Редко какая беседа не завершалась вопросом души о возможности новой жизни. Настоящей жизни, а не того странного состояния, в которое погружены деинкарнированные.

— Что ж… поздравляю вас, — он посмотрел на мальчика, потом на женщину. — Как я понимаю, вам требуется обратиться с этим протоколом в адвокатское бюро. Я могу порекомендовать…

— Мы уже были у адвоката, — резко сказала женщина. — Дело в том, что завещание господина Лемаута не сохранилось. Все деньги получили его дети. Сейчас дело ведет его внук, фирма до сих пор существует.

Артём развел руками:

— Боюсь, что это уже не в моей компетенции. Если господин Лемаут не озаботился по-

местить завещание в безопасное место…

— Но оно же было! Было! — женщина повысила голос. — Он сам сказал! Деинкарнированные не лгут!

— Не лгут, — согласился Артем. — Но солгать могут свидетели разговора. Будь вы американскими гражданами… ну хотя бы английскими… К сожалению, были прецеденты, когда в России фальсифицировали протоколы. Дело Васильева против Рокфеллера…

— Я знаю, — женщина собралась. Сидела напряженная и мрачная, что-то обдумывала. Потом сказала: — Вы могли бы собрать какие-то улики? Доказать, что завещание существовало?

— Написанное сорок лет назад? — Артем даже опешил. — Поверьте, только в дурных голливудских фильмах преступники хранят улики. Сгорело давным-давно ваше завещание в камине. Нет, единственный путь — подключить хорошее адвокатское бюро… конечно, получить деньги полностью вряд ли удастся, но наследники Лемаута могут пойти на компромисс. Скажем — сто, сто пятьдесят тысяч…

— Полмиллиона! — взвизгнула женщина. — И не нынешних долларов, а тех, что в шестьдесят первом были!

— Частный детектив вам ничем не поможет, — Артём развел руками. — Ни российский, ни американский. Только адвокат… но учтите, что придется вызывать прежнюю инкарнацию снова и снова. А облучение в Звезде Теслы с каждым разом все более и более… — он замолчал.

Мужчина посмотрел на сына с испугом.

Женщина поджала губы. С нажимом произнесла:

— Это его деньги. Его. На достойное обучение, на открытие собственного бизнеса! Если понадобится, он пройдет Звезду еще десять раз!

— Еще никто не оставался в здравом рассудке после двенадцати облучений, — тихо сказал Артём. — Мне нужно объяснять вам прописные истины? Первый сеанс — риск развития шизофрении один на миллион. Второй — один на двести тысяч. Третий — один на пятьдесят тысяч. Четвертый — один на тысячу. Пятый — один на триста тридцать. Шестой…

— Не смейте пугать ребенка! — неожиданно выкрикнул мужчина. — Ванечка, не слушай его!

Ванечка и не слушал — таращился на аквариум с рыбками. Напуганным он ничуть не выглядел.

— Это ваше дело, — сухо повторил Артём. — Но я бы не советовал.

— А вашего совета никто не спрашивает! — несколько непоследовательно заявила женщина. — Детектив… ха! Ваня, мы уходим!

Мальчик встал и послушно пошел за матерью. Отец на миг задержался в дверях, тоскливо посмотрел на Артёма. Артём покачал головой. Отец мальчика вздохнул и беспомощно развел руками.

Несостоявшиеся клиенты вышли.

— Твою мать… — сказал Артём, имея в виду вполне конкретную мать. Инкарнациям господина Лемаута и впрямь не везло с женщинами. Даже с матерью в очередной раз как-то криво вышло. Ради ничтожного шанса отсудить у американцев деньги она готова довести сына до сумасшествия.

Шестое включение Звезды Теслы — сходит с ума каждый сотый. Седьмое — каждый пятнадцатый. Восьмое — каждый четвертый. Девятое — каждый третий. Десятое — каждый второй. Одиннадцатое — все! Существует не более десятка доказанных исключений.

Но двенадцатого включения и впрямь не выносит никто.

Опыт, к сожалению, накоплен немалый. Институты инкарнационной истории платят безумные деньги тем счастливчикам (или все-таки неудачникам?), которые в прошлый раз жили давным-давно, да еще и в «интересное время». В прошлой жизни тебя убили при Ватерлоо? Десять тысяч долларов за десять минут под Звездой Теслы! Тебя расспросят о никому, кроме историков, не нужных подробностях битвы. И предложат прийти еще раз.

Некоторые приходят. Некоторые играют в рулетку с судьбой довольно долго.

Но еще никто не выигрывал больше одиннадцати раз.

Артём допил кофе — холодный и уже невкусный, встал, подошел к окну. Чахлые деревца во дворе радовали глаз зеленой листвой — лето только наступило, не успело еще высушить и припорошить городской пылью листья.

Дождь бы… дождик. Артём всегда любил дождь. Даже маньяк по кличке Мокрец, обожавший убивать в ненастье, этой любви не отбил.

Три года уже прошло. Маньяк угомонился, расследование мало-помалу заглохло.

Его так и не поймали. Одиннадцать убитых, все — «чистые души», живущие в первый раз. Что за странный повод для убийства? Но разве маньяку нужен настоящий повод…

Он сунул руки в карманы, достал бумажник. Последняя сотенная. Больше денег не предвидится. На счету пусто, клиентов нет.

Кстати, а ведь ему так и не заплатили. Даже за консультацию. И впрямь, зачем платить детективу, который говорит неприятные вещи? Лучше найти другого, который обнадежит, получит гонорар и смотается за чужой счет в США — «искать завещание».

Артём фыркнул. Пацана жалко. Что ж, в следующей жизни повезет.

Он вышел из кабинета, запер дверь и спустился на улицу. Если пройти налево, то на углу будет хорошая кофейня. Если пройти направо, чуть подальше, то наткнешься на пивной

ресторанчик.

Кофе больше не хотелось, и Артём пошел направо. На сегодня работы уже не предвиделось.

Россия — страна, для пива не приспособленная. Сколько бы раз ни пытались местные энтузиасты или зарубежные варяги сотворить достойную конкуренцию «Гиннессу» или «Будвайзеру» — кончается это ничем. В лучшем случае появляется пафосная и дорогая марка пива, которую принято пить в определенных кругах. Но, как правило, вполне достойное и интересное пиво выпускается в России не больше трех месяцев, после чего превращается в кисловатый и одновременно безвкусный алкогольный напиток. Даже великий пивовар Артур Гиннесс, которому довелось реинкарнироваться в России, не смог эту тенденцию переломить. Первое время «Русский Гиннесс» и впрямь не уступал настоящему (злые языки говорили, что Виктор Розанов, русское воплощение Гиннесса, проходил Звезду Теслы семь раз, чтобы адвокаты выпытали все секреты пивоварения). Но все равно через полгода «Русский Гиннесс» стал обычным кислым темным пивом.

Владельцы пивного ресторана «Деньги на ветер» проблемы русского пивоварения прекрасно понимали. Но импортных сортов пива не держали принципиально, решая вопрос другим методом — частой сменой сортов. Ни одно пиво не держалось в ресторане больше двух-трех месяцев. Едва качество начинало падать, как поставки прекращались, а в ресторане появлялся новый брэнд.

Помимо этой разумной политики успеху пивной способствовало и удачное расположение — рядом с несколькими институтами, через дорогу от корпусов знаменитой Бауманки.

Артём спустился в подвальный зал — лестница была широкой и покатой, гуманной к перепившим пива посетителям. С любопытством посмотрел на стойку.

Его любимого «Золотого саранского» уже не было. Зато появилось «Симбирское праздничное» — плотное, но легкое.

— Большую, — взглядом указывая на кран, сказал Артём. Поискал глазами свободное место. Нижний зал в ресторане был демократичным, никаких официантов, пиво и легкую закуску полагалось брать у стойки самому. Артёму это даже нравилось… но низкие цены и раскрепощенная атмосфера привлекали сюда множество студентов.

Совсем свободных столиков не было. Артём отыскал взглядом столик на двоих, за которым сидел костлявый молодой парень в костюме и при галстуке. Студент, обмывает сданный или проваленный зачет?

Артём вопросительно кивнул на свободное место. Парень пожал плечами и чуть-чуть пододвинул к себе кружку, давая понять, что никого не ждет.

Расплатившись и взяв свое пиво, Артем присел напротив парня. Вблизи тот оказался постарше и посерьезнее, чем полагается московскому школяру. «Студенческий» вид ему придавала какая-то общая худоба и нескладность — у большинства мужчин это проходит вместе с подростковым возрастом, у некоторых остается на всю жизнь.

Скорее всего, аспирант или м.н.с., преподающий где-нибудь рядом технические дисциплины.

— Новое? — глядя на кружку, поинтересовался парень.

— «Симбирское праздничное», — Артём не любил таких вот случайных застольных знакомств, но парень, похоже, задавал вопрос из вежливости. — «Саранского» уже нет.

— Хорошее было пиво, — парень понимающе кивнул. — Одни сорта умирают, другие появляются. Как люди.

— Да? — пробуя пиво, сказал Артём.

— Я имею в виду — будто душа из пива уходит. И в другой сорт реинко… реинкарнирует.

Теперь Артём понял, что парень изрядно пьян. Тихо, интеллигентно, без всякой водки. Так надраться пивом — целое искусство… или, напротив, полнейшее неумение пить. И то, и другое — не лучшим образом характеризует человека.

И все же раздражения парень не вызывал. Скорее, любопытство Может быть, играло свою роль приятное, располагающее выражение лица, может быть, та старательность, с которой парень боролся с опьянением.

— Где преподаете? — Артём решил сыграть ва-банк. — В Бауманке?

— В Бауманке, — парень фыркнул. — У меня на лбу написано — препод?

— Здесь бывает много студентов, но вы, пожалуй, старше и серьезнее. И сидите один, а студенты чаще приходят компаниями. Вид у вас… ну, как у завсегдатая. Костюм, галстук — одежда либо чиновника, либо преподавателя. Чиновник вряд ли станет с утра напиваться пивом, а вот преподаватель уже мог отчитать утреннюю лекцию. Бауманка здесь рядом, самый большой институт.

— Ничего себе дедукция… — тщательно выговаривая слова, произнес парень.

— Я частный детектив, — теперь Артём удивился собственным словам. Ладно бы, молодых девиц охмурять, а перед парнем-то чего рисоваться?

— Ого, — с любопытством сказал парень. — Круто. Это всякие неверные жены и блудливые мужья?

Сущность профессии он обрисовал совершенно верно. И это Артёма задело.

— Не только. Я занимаюсь сыском в интересах реинкарнированных.

— Клады, наследства… — кивнул парень. Отставил кружку. Появилось ощущение, что

он трезвеет на глазах. — Слушайте… меня вам Бог послал… нет, вас мне… Подождите, а? Не уходите!

Он быстро, хотя и несколько нетвердо отправился в сторону двери с мужским силуэтом.

Артем отхлебнул еще пива. Пиво и впрямь хорошее.

Это что получается — он уже докатился до поиска клиентов в пивных?

Достойная точка в неудачной карьере.

Будь пиво чуть-чуть похуже, Артем оставил бы кружку и поднялся в верхний зал. Или вообще ушел из ресторана.

Но пиво было вкусным…

Парень вернулся через пять минут. С мокрыми волосами и покрасневшими глазами, будто не просто холодной водой умылся, но и подержал голову под краном. Убедившись, что Артем никуда не ушел, взял у стойки двойной эспрессо и вернулся к столику.

— Иван Петренко, — руки он подавать не стал. — Извините, я… немного пересидел. С открытия тут…

— Артем Камалов, — кивнул Артем.

— Вы действительно частный детектив?

— Показать лицензию?

Иван нервно засмеялся.

— Извините… неожиданно так. Я сидел и думал, что мне нужно найти частного детектива. И тут подходите вы, с этими шерлок-холмсовскими штучками…

— Честное слово, не знал, что вы нуждаетесь в детективе, — серьезно сказал Артем.

Парень провел ладонью по лицу, взялся за подбородок. Подумал несколько секунд. Покачал головой.

— Верю. До мании преследования я еще не докатился. Мне действительно нужна ваша помощь… Нет, вы пейте пиво, пожалуйста, я не собираюсь никуда вас тащить, я вам просто расскажу свою ситуацию, а вы решайте, интересно вам или нет…

— Стоп! — Артём поднял руку. — Подождите минутку. Сейчас я не на работе. И все, что вы мне расскажете, вы мне расскажете как частному лицу. Понимаете? Я не буду связан никакими обязательствами. Вас это устраивает?

Петренко заколебался.

— Вы когда-нибудь имели дело с частным детективом? — уточнил Артём.

Парень покачал головой.

— Ситуация простая. Я обязан хранить вашу информацию втайне, если вы меня наняли. Разумеется, кроме случаев явного нарушения закона. Тогда вам стоит…

— Нет-нет, ничего подобного! — бурно запротестовал Петренко.

— Хорошо. Тогда поступим так. Вы даете мне в задаток один рубль и становитесь моим клиентом. Я выслушиваю ваш рассказ, и мы либо заключаем письменный контракт, либо я отказываюсь от дальнейшей работы. В любом случае на сторону информация не уйдет.

Петренко усмехнулся. Он и впрямь очень быстро трезвел.

— Спасибо за консультацию. Давайте я вам поставлю кружку пива? Как раз рубль стоит.

Артём кивнул.

Достойное продолжение утрешнего конфуза. Получить за консультацию кружку пива. А сплясать за рюмку водки не слабо, господин бывший следователь по особо важным делам?

Но идти в офис не хотелось: клиент из парня никакой, дело явно выеденного яйца не стоит. В то же время требовать с молодого преподавателя нормальную сумму за пустяковую консультацию — стыдно.

Лучше уж выслушать парня за кружкой пива. Какова проблема, таков и гонорар.

Вернулся Петренко — с кружкой пива и тарелочкой с фисташками. Сел напротив. Артём заметил, что его секундная решимость уже куда-то улетучилась — вполне обычное дело.

— Теперь вы мой клиент, — серьезно сказал Артём. — Я вас слушаю.

Петренко кивнул и неуверенно произнес:

— Я вот подумал… если вы решите взяться за мое дело: я всего два года как преподаю, капиталов не нажил. Вряд ли смогу предложить вам достойную оплату.

— Расскажите вначале, в чем ваша проблема, — предложил Артём — Возможно, хватит одной кружки пива и одного совета.

— Нет, так легко я не отделаюсь… — Петренко неловко улыбнулся. — Хорошо. Это связано с предыдущей инкарнацией…

— Давайте, я догадаюсь? — предложил Артём. — Вы повели своего ребенка на проверку…

Петренко удивленно посмотрел на него:

— Ребенка? Нет, что вы! У нас пока нет детей, мы собираемся, но… Дело в моей предыдущей инкарнации.

Артём сконфуженно замолчал. Надо было подумать, прежде чем говорить: парню двадцать четыре, может, двадцать пять, не больше. Звезду Теслы не рекомендуется проходить раньше девяти лет. Когда бы он успел завести и вырастить ребенка?

Впрочем, Иван не стал заострять внимание на его оплошности.

— Я не проходил обследование в детстве. Родители предлагали, я отказался…

— Почему? — полюбопытствовал Артём. — Ваше вероисповедание?

— Нет. Я атеист… извините. Вы же понимаете, реинкарнация никоим образом не доказывает существование Бога.

— Тогда почему? — теперь уже Артём заинтересовался всерьез. — Знание того, кем вы были в прошлой жизни — огромная сила. Вы можете избежать ошибок, к которым предрасположена ваша душа, не ошибиться при выборе профессии, добиться больших успехов в этой жизни. В конце концов, вас может ожидать неожиданное наследство!

— Я понимаю, — Иван кивнул. — Возможно, вам это покажется странным, но мне всегда было жалко свое предыдущее воплощение. Представьте: вы умерли, а вас вдруг на краткий миг возвращают к жизни какие-то незнакомые, чужие люди. И начинают допрашивать: кем был, что успел… Никакой возможности не ответить…

— Ну почему же, — буркнул Артём. — Отказаться от ответа и впрямь нельзя, но нередки случаи, когда деинкарнированные… э… скажем так, темнят. Отвечают уклончиво, тянут время. Особенно, если они умерли недавно и знают все ограничения на использование Звезды.

— Да-да, — Петренко одним глотком выпил кофе. — Я понимаю. Но ничего поделать с собой не могу. Знаете, это, наверное, как с психоанализом. Кто-то легко идет на прием и рассказывает про свои сексуальные фантазии и детские обиды. А кто-то никогда на это не согласится.

Артём кивнул.

— Сейчас я работаю на кафедре низко— и высокочастотных колебаний, — продолжил Петренко. — Вы ведь понимаете, устройство Звезды Теслы — секрет Полишинеля. Опытный радиолюбитель спаяет ее за полдня из самых обычных деталей. А у нас есть макет для обучения студентов… ну, какой это макет, — если честно, вполне работоспособный генератор, только ограничитель мощности поставлен.

— Вы сами себя… — начал Артём. — Стоп! Но вы же не могли оставаться в сознании!

— Я и не оставался. Долго все обдумывал, а вчера вечером смонтировал простейшую цепь. Звезда Теслы запускалась ровно на десять минут. Одновременно включался диктофон. Вначале на воспроизведение — я кратко объяснил своему предыдущему воплощению, что происходит. Потом попросил его рассказать то, что он сочтет нужным. А потом таймер отключил бы Звезду.

Артём молча смотрел на Петренко.

— Труднее всего было сделать себе укол успокоительного, — сказал Петренко. — С детства боюсь уколов… Вы меня считаете идиотом?

— Нет, — осторожно подбирая слова, сказал Артём. — Но экстравагантным человеком — без сомнения. Я понимаю, в сталинские времена… Никому не хотелось оказаться инкар-

нацией немецкого генерала и до полного сумасшествия рассказывать в НКВД давно устаревшие военные секреты. Но сейчас чего бояться?.. А если бы таймер отказал? Если бы вы впали в кому? Это случается!

Петренко жалобно улыбнулся:

— Наверное, я и впрямь немного псих.

— Ладно, все кончилось хорошо, — кивнул Артём. — Итак?..

— Я заснул. Потом очнулся. Таймер сработал прекрасно. Я даже не сразу включил диктофон. Сварил кофе, выпил анальгина — голова болела ужасно. Потом… потом прослушал запись.

Петренко внезапно замолчал. Артём терпеливо ждал.

— Вам надо это услышать самому, — сказал Петренко. — А то и вы сочтете меня психом.

— Запись у вас с собой?

— Нет, я ее сразу же спрятал. Если вы согласитесь…

Артём колебался несколько секунд. История была слишком фантастическая, чтобы отнестись к ней всерьез.

Но никаких дел у него не было. А детектив, отказывающийся от слишком необычных дел, зря ест свой хлеб.

— Пойдемте, — сказал он, отодвигая недопитую кружку. Если уж предстояло работать, то пиво будет лишним. — Вы меня заинтриговали.

Петренко просиял.

— Спасибо. Мне надо было еще с кем-то поделиться, а впутывать… — он внезапно замолчал.

Артём сделал вид, что не заметил запинки. Петренко считает информацию опасной? Что ж, люди склонны переоценивать важность своей персоны и своих тайн.

Вслед за Иваном он поднялся по лестнице. Петренко на миг задержался в дверях, оглядывая себя в зеркале. Поправил галстук, распахнул дверь. И остановился на пороге.

— Я вам сейчас покажу… — услышал Артём.

Но показать Иван ничего не успел.

Хлопнуло — или, скорее, чмокнуло. Петренко пошатнулся, сделал шаг назад, наваливаясь на Артёма. Чмокнуло снова — приглушенно, не громче, чем в первый раз. Артём почувствовал, как вздрогнуло тело преподавателя, когда в него попала вторая пуля.

— Ложись! — закричал он, падая на ступеньки и сдергивая за собой Петренко. Впрочем, этого уже не требовалось — молодой человек оседал сам по себе. Тяжело сполз вдоль стенки, прижимая Артёма к лестнице.

Над головой просвистело еще две пули. И никакого звука выстрелов. Глушитель никак не умирал — в отличие от преподавателя физики.

Распахнулась дверь в верхний зал. Артём увидел накрытые клетчатыми скатертями столики, медленно поворачивающихся посетителей, жующие по инерции рты… Официант в дверях таращился на Петренко, глаза его медленно дурели, наполняясь слепым ужасом, вежливо-услужливая улыбка превращалась в карикатурную гримасу.

— Вызовите полицию! — закричал Артём. — Полицию!

Пуля ударила в наличник, выбивая желтую щепу. Официант исчез — то ли и впрямь кинулся к телефону, то ли грохнулся в обморок.

Артём решил не надеяться на первое.

Подхватив Петренко под мышки, он пополз вниз по лестнице, прикрываясь подрагивающим в судорогах телом. Подпружиненная дверь в верхний зал медленно закрылась. А вот дверь на улицу — еще нет, хороший гидравлический доводчик закрывал ее медленно и плавно. Стрелявшему достаточно было сделать несколько шагов, заглянуть в маленький вестибюль — и Артём вместе с Петренко оказались бы под прицелом.

Но убийца не решился войти. Побоялся, что его увидят посетители верхнего зала?

Артём дополз до самого низа лестницы. Руки были в крови, Иван тяжело и часто дышал, но даже не стонал. Артём несколько раз ударил ногой дверь нижнего зала, но та не открылась. Ручка… надо потянуть за ручку. Пожалуй, уже можно встать…

Но Артём лежал, пока дверь, ведущая на улицу, не хлопнула — гулко и разочарованно, будто закрылась пасть упустившего добычу зверя.

Из дверей нижнего зала доносилась слабая музыка. Там, видно, никто и не заподозрил трагедии.

Артём привстал, наклонился над Петренко. Тот смотрел удивленно и уже успокоенно; так смотрят только здоровые и сильные люди, к которым неожиданно пришла смерть. Пиджак был пробит в двух местах, рубашка вся пропиталась кровью. Но почему-то больше всего Артёма поразил галстук, пробитый пулей посередине — это выглядело изыском модельера, решившего эпатировать публику, а вовсе не смертельным попаданием.

— Кто это был? — крикнул Артём. — Кто стрелял?

— Зачем я… сказал… что буду тут… — изо рта Петренко пошла кровавая пена.

— Имя! Имя скажи! — повторил Артём. — Иван, скажи имя!

Ну почему в девяти случаях из десяти умирающие тратят силы на какие-то нелепые объяснения и оправдания — вместо того, чтобы назвать одно-единственное имя?

Глаза Петренко закрылись. Он резко отяжелел: так всегда бывает, когда душа, поднимающая человека к небесам, покидает тело.

Артём медленно опустил голову физика на покрытый ковром пол. Встал в полный рост, медленно поднялся по лестнице. Вошел в верхний зал.

Перемены произошли разительные. Посетители толпились в дальнем углу. Несколько мужчин, включая выглядывавшего на лестницу официанта, стояли у дверей — с ножами и палками. Наиболее восхитительно выглядела швабра в руках солидного мужчины в дорогом костюме, вряд ли в последние годы поднимавшего что-то тяжелее авторучки.

— Полицию вызвали? — спросил Артём.

На него смотрели с ужасом и подозрением. Наконец официант кивнул и пробормотал:

— Я вызвал… приедут…

— Где здесь можно умыться? — спросил Артём. — Я весь в крови. Не выходите пока из зала. Внизу убитый человек.

Какая-то женщина пронзительно закричала и рухнула на пол.

2.

За три года кабинет ничуть не изменился. Тот же портрет того же президента на стене (пошел на второй срок), маленькая трещина в уголке оконного стекла (один не в меру резвый подозреваемый никак не мог поверить, что стекло небьющееся), даже компьютер на столе — старый (три года назад это было чудо техники, сейчас почти антикварный хлам). И письменный стол — тот самый… до Артёма за ним сидел Андрей Лопахин по прозвищу Хапа, следователь старательный, но не гениальный. Нет, не гениальный… как и Артём.

Теперь на этом месте сидел Денис Крылов, ведущий следователь МУРа по «убойным» делам. Артём обживал кресло подследственного. Хотя какое это кресло, название одно. Намертво прикрученное к полу и удивительно неудобное.

— Сигарету? — спросил Денис. Высокий, широкоплечий, он выглядел так, как и должен выглядеть следователь по особо важным делам — надежно и успокаивающе.

— Давай, — миролюбиво сказал Артём. Дениса он знал лет пять. Когда-то Крылов был в его группе: не прирожденный следователь, в прошлой жизни — кондитер из Шанхая. Но талантливый. Бесспорно талантливый. За счет упрямства.

А настоящего неуловимого маньяка, наподобие Мокреца, в последние годы не появлялось. Так что Крылов сидел в своем кресле крепко.

Денис перебросил ему через стол пачку «Космоса». Артём достал сигарету, мрачно глядя на предупреждающую надпись: «Курение приближает вас к следующей инкарнации!»

— Как ты с ним познакомился? — небрежно спросил Денис.

— За кружкой пива, — ответил Артём, закуривая.

— Что же так… с утра начинаешь? — в голосе Дениса послышалось искреннее до правдоподобия сочувствие.

— Утром у меня были клиенты, — сказал Артём. — Семья Туванских. Гиблое дело. Прежняя инкарнация оставила мальцу наследство. Большое, но давно и в Штатах. Родственники, ясен пень, завещание уничтожили.

— Гиблое дело, — согласился Денис.

— Поговорил с ними и расстроился. Они явно решили бороться до последнего и довести сына до психушки. Хотел развеяться. Пошел в пивную. Я там часто бываю, это легко проверяется.

Денис с улыбкой покивал.

— Тут и познакомился, — продолжил Артём. — Парень был изрядно навеселе, но я это не сразу понял. Слово за слово, представились друг другу. Когда он услышал, что я частный детектив — сразу протрезвел. Сходил умылся, выпил кофе. И рассказал, что у него проблема…

— Тут поподробнее, — сказал Денис.

— Он не проходил Звезду Теслы в детстве. Вроде как ему было неприятно, что прежнюю инкарнацию станут допрашивать чужие люди… Кстати, это несложно проверить. Но поскольку парень преподавал в Бауманке, а у них там есть Звезда в качестве наглядного пособия, он решил провести эксперимент. Соорудил таймер, поставил диктофон, сам себе вколол успокоительное…

— Это точно? — спросил Денис.

— Так он рассказал… Словом, расспросил сам себя. Запустил диктофон вначале на воспроизведение, потом на запись. Что-то там ему предыдущая инкарнация наговорила…

— Что именно?

— Не знаю. Он не уточнял. Сказал, что запись где-то спрятал, и предложил мне прослушать ее. Я согласился. Стали подниматься, но нас там ждали…

— Ждали?

— Ждал, ждали… — Артём пожал плечами. — Не видел я, кто стрелял. Я еще стоял на лестнице, и он мне загораживал весь обзор. Петренко только успел сказать: «Я вам сейчас покажу…» — и раздался выстрел… Собственно говоря, выстрела я даже не услышал, пистолет был с глушителем. Иван начал на меня сползать, я упал на лестницу, стянул его за собой. Но было поздно, в него всадили две пули.

— Три, — меланхолично поправил Денис. — Что потом?

— Убийца не решился войти в здание. Когда дверь захлопнулась, я встал и попытался

расспросить Петренко, но он уже умирал. Только и произнес: «Я сказал, что буду тут…»

— Имя назвать не успел, — улыбнулся Денис.

— Не успел.

— Как неудачно… — Денис встал, прошелся по кабинету. Остановился у окна, спиной к Артёму, заложил руки назад. — И что ты по этому поводу думаешь… Пинкертон?

Хорошо он это сказал. Четко, ясно. Даже на слух прозвучало с заглавной буквы: не эпитет, а имя.

— Дать бы тебе в репу, — мечтательно сказал Артём. Денис резко повернулся. Процедил:

— А попробуй! Нападение на лицо, находящееся при исполнении…

— Использование служебной информации в личных целях… — ответил Артём.

Денис мгновенно расслабился.

— Да ты чего, Артём? Досье я твое смотрел, уж извини. Так положено. Но это все между нами. И чего тебе, собственно говоря, стыдиться? Прежней инкарнации? Так очень достойная личность, можно сказать — легендарная…

— Кем я был в прошлой жизни — исключительно мое дело, — сказал Артём. — Хоть Аланом Пинкертоном, хоть Джеком-Потрошителем.

— Положим, во втором случае тебя бы в полицию не взяли, — улыбнулся Денис. — Сам понимаешь, предрасположенность… Н-да. Я действительно не хотел тебя обидеть. Был очень удивлен, конечно.

Он вернулся за стол, тяжело опустил руки на клавиатуру. Вызвал какой-то файл.

Артём молчал. Ждал.

— Странно выглядит, признаешь? — не глядя на Артёма, спросил Денис. — Бывший следователь по особо важным делам, ныне — частный сыщик, знакомится с человеком. Того через полчаса убивают.

— Хочешь сказать, что я замешан в убийстве?

— Нет, — с легким сожалением признался Денис. — Но думаю, ты что-то скрываешь.

— Я познакомился с Петренко сегодня утром, — сказал Артём. — Он не сообщил мне ничего конкретного.

— Кто был его инкарнацией, что именно ему сказали, где спрятана запись, кто стрелял…

— Ничего.

Денис молчал. Артём без спроса взял еще сигарету из пачки, закурил. Устало сказал:

— Денис, я прекрасно понимаю и твое, и свое положение. Все значащие факты я тебе изложил. Ты можешь продержать меня еще сутки, это ничего не изменит. Но после этого я

подам в суд заявление, что ты на почве давних неприязненных отношений…

— Что за чушь! — рявкнул Денис. — Какие еще неприязненные отношения?

— Вот и я думаю — какие? — задумчиво сказал Артём. Денис замолчал. Развел руками:

— Извини… за Пинкертона. Не удержался. У нас тяжелый месяц, Артём. За две недели — четыре убийства.

— Что-то сложное? — насторожился Артём.

— Нет, бытовуха… А вот теперь — и впрямь сложное. Стрелявшего никто не видел. Собака след не взяла. Гильз нет. Видимо, стреляли из револьвера. Никаких зацепок. И вдруг — ты на месте преступления. Можно сказать, единственный свидетель…

— Совет хочешь? — спросил Артём.

— Ну? — Денис приподнял голову.

— Убийца не бывал в пивнушке… или не часто бывал. Дверь в верхний зал на пружине, стекло в ней матовое. Он спокойно мог дойти до лестницы, сделать контрольный выстрел в Петренко, расстрелять меня. Но убийца боялся, что его увидят из зала, и не переступил через порог. А ведь несколько раз стрелял вдогонку, пытался подстрелить и меня.

Денис подумал секунду, кивнул. Но все же буркнул:

— Может быть, просто невнимательный… Или не выносит вида крови, дело обычное.

— Расстрелять человека в упор, потом стрелять в официанта — и паниковать при виде крови? Сомневаюсь. И еще… Было две фразы, вначале я не придал им значения. Первая — «а то и вы сочтете меня сумасшедшим…» Вторая — «мне надо было еще с кем-то поделиться…» Петренко кому-то рассказал про свой эксперимент. Но ему не поверили, а скорее, сделали вид, что не верят. Надо искать в самом ближнем окружении. Жена, друзья, коллеги.

— Искать всегда надо в ближнем окружении, — поморщился Денис. — Но спасибо. Чего сразу не сказал?

— В заявлении все есть, — Артём кивнул на лежащие перед Денисом бумаги.

— Диктофонную запись надо искать, — пробормотал Денис. — Вот где ответ…

Артём покачал головой:

— Боюсь, что запись не найти.

— Почему?

— А ты подумай сам. Из-за нее убили. Но какой смысл убивать человека, если важная для убийцы информация остается доступной для следствия? На месте убийцы я бы вначале изъял носитель… что там, кассета?

— Флэшка, диктофон электронный, — Денис помрачнел. — Выпытал, да?

— Брось, Денис. Понятно, что вы сразу бросились к нему домой.

— На работу. В лаборатории нашли Звезду Теслы, приведенную в рабочее состояние… ему всего-то одну цепь пришлось закоротить. В мусорном ведре — вскрытая ампула реланиума, шприц. На столе — электронный диктофон, программируемый, его можно подключать как автоответчик.

— Ну конечно, чтобы вначале воспроизвел речь, потом включился на запись.

— Диктофон в порядке. Но флэш-карты в нем нет.

— Когда ее могли изъять? И кто?

— Да кто и когда угодно, это университет, а не банк. Вход свободный… Возможно, Петренко сам ее вытащил и припрятал.

— Что же там было? Клад? Наследство? — Денис испытующе поглядел на Артёма. — Узнал, что ему полагается наследство, полученное кем-то другим. Позвонил человеку, потребовал вернуть деньги. Тот обозвал Петренко психом. Парень пошел заливать горе выпивкой, а наследничек почесал в затылке и решил обезопасить себя.

— Тоже версия, — вежливо согласился Артём. — Но извини, мне теперь за версии деньги не платят.

— Все на деньги меряешь, сыщик? — Денис достал и подписал бланк, протянул Артёму. — Вот разрешение на выход, иди.

Артём кивнул, пошел к дверям, чувствуя на себе взгляд. Вопрос догнал его на пороге:

— Больше ничего сказать не хочешь?

— Денис, легко ли убить человека? — спросил Артём, не оборачиваясь.

— Физически?

— Нет. Морально. Находясь в трезвом уме, осознанно и расчетливо. Убить, зная, что душа бессмертна. Что через десяток лет жертва может рассказать о тебе?

Денис молчал.

— Вот об этом подумай, — ехидно сказал Артём. И, не удержавшись, добавил: — Это тебе не леденцы на палочке…

Крылов вскочил, грохнув стулом. Но Артём уже вышел и закрыл за собой дверь. Гнаться за ним по коридору и устраивать сцену Денис не решится. Забавно, должно быть, подколоть бывшего начальника, в прошлой жизни — легендарного сыщика, в этой — уволенного за несоответствие должности. Но очень, очень стыдно признать перед коллегами, что твоя прежняя инкарнация лепила сладкие рисовые пирожки и рисовала кремовые розочки на тортах.

Почти всех сотрудников Артём помнил, да и его не забыли. Нина Васильевна, дежурившая на проходной, даже привстала со стула.

— Артём! Какими судьбами… решил вернуться?

Пожалуй, эта немолодая женщина, почему-то всегда относившаяся к Артёму с нежностью, и впрямь была бы рада его возвращению в МУР.

— Я здесь в качестве важного свидетеля, Нина Васильевна, — Артём протянул ей подписанный Крыловым пропуск. — При мне сегодня парня убили.

— Преподавателя? — Нина Васильевна всплеснула руками. — Молодой, да?

Артём молча кивнул.

— Вот горе-то… Есть же на свете изверги, чтоб им в тлю воплотиться… — разговор ничуть не мешал Нине Васильевне бдительно проверить пропуск, глянуть на паспорт и сделать запись в журнале. — Застрелили, да? Кто убийца?

— Не видел я его. Сам чуть пулю не поймал.

Нина Васильевна наколола пропуск на тонкий штык от трехлинейки, вделанный в деревянную подставку. Начальство на мелкие вольности вахтеров смотрело сквозь пальцы.

— Возвращался бы, Артём, — сказала она. — Ты же сыщик прирожденный…

Артём подозрительно посмотрел на женщину. Но та, похоже, ничего особого в виду не имела.

— Я гордый, Нина Васильевна. С должности меня за дело сняли. А штаны просиживать на бумажной работе — это не мое.

Нина Васильевна вздохнула. Пробурчала под нос:

— Гордый… Все мы гордые, только через обиды не переступать — самому себе карму портить.

Артём смолчал. Нина Васильевна была буддисткой и вопреки всем выкладкам статистиков верила, что очередное воплощение зависит от поведения человека. Порой Артёму казалось, что она верит и в полнейшую чушь о воплощении особо нехороших людей в животных.

— Подумаю, — дипломатично сказал он. — Что у нас нового-то?

— Да все по-старому, — Нина Васильевна махнула рукой. — Крылов землю роет, старается, только настоящих дел ему не потянуть, ох, не потянуть… Нас и раньше-то не особо жаловали, а сейчас совсем в угол загнали. Знаешь, как «убойный» отдел теперь в МУРе зовут? «Вытрезвитель»!

— Это с какой стати? — Артёма кольнула невольная обида.

— А кто наша клиентура? Напился человек, шарахнул по дури соседа табуреткой, проспался — пришел каяться.

В голосе Нины Васильевны прозвучала тихая обида, будто она была недовольна столь высокой сознательностью преступников.

Артём покивал, еще с минуту послушал ее сетования — и вышел из здания бывшего «убойного» отдела. Во внутреннем дворике было тихо и сонно. Незнакомый шофер возился с разъездной легковушкой, стоящей с открытым капотом. В будочке на выходе скучал охранник — вроде бы тоже незнакомый. Здесь пропуск показывать уже не требовалось. Артём прошел мимо, на всякий случай кивнув охраннику. Тот кивнул в ответ.

Старое двухэтажное здание пряталось во дворах рядом с главным зданием МУРа, будто стесняясь своего предназначения. Рядом шла настоящая жизнь и настоящая работа. Ловили домушников и карманников, взяточников и наркоторговцев, сутенеров и шантажистов. Получали за это медали и ордена, премии и ценные подарки. Выступали в телепередачах и давали интервью.

Отдел по расследованию особо опасных преступлений, он же — «убойный», он же — «вытрезвитель», никогда не пользовался ни любовью начальства, ни вниманием прессы. Кому хочется лишний раз вспоминать, что люди порой убивают друг друга? Все это грязь, мусор, отвратительная изнанка бытия. Можно почитать на досуге старенькие детективы, пощекотать себе нервы преступлениями профессора Мориарти. Можно ужасаться судьбой солдат мировой, уже понимавших, что стреляют-то они, по сути, в своих отцов и матерей, что колесо реинкарнаций не знает государственных границ, не отличает православного от мусульманина, но вынужденных воевать друг с другом. Можно, если совсем уж нервы крепкие, читать ужастики Стивена Кинга, где в каждом романе кого-нибудь убивают, а порой счет жертвам и за десяток переваливает.

Но это все — беллетристика и мемуары. В начале двадцать первого века живут иначе. Во всяком случае, в цивилизованном мире.

— «Вытрезвитель», — с чувством произнес Артём. — Хе…

Он достал сигареты. Огляделся. Казалось, сейчас выйдет сержантик, козырнет, скажет: «Господин следователь, машина готова…»

Машина рядом была одна. Синенький «жигуль» под старыми тополями. Стоял он тут недавно — пуха налетело совсем немного. Молодая женщина за рулем пристально смотрела на Артёма. Поймала его взгляд, решительно выбралась из машины, громко хлопнув дверцей. Подошла.

— Господин Камалов?

Прежде чем ответить, Артём несколько секунд изучающе разглядывал незнакомку. Миниатюрная, хорошенькая, с русой косой, в легком сарафане и босоножках. Ощущение, что из дома вышла второпях — ни малейших следов косметики на лице. Впрочем, макияж ей пока и не требуется… разве что глубокие тени под глазами… никогда женщина не выйдет на улицу, не скрыв следы недавних слез…

В груди кольнуло. Он неожиданно понял, кто перед ним.

— Вы — жена Ивана? — спросил Артём. И тут же сообразил, что сморозил глупость.

— Вдова, — тихо сказала женщина.

Голос у нее был очень приятный и чем-то знакомый. Но лицо не вызывало в памяти никаких ассоциаций. Может быть, из-за этих недавних слез?

— Простите, — Артём готов был провалиться сквозь землю. Хрестоматийная этическая ошибка, сам напоминал молодым: «У мертвых не бывает жен и мужей».

— Ничего. Я понимаю. Я сама никак… А вы действительно детектив.

Артём неловко пожал плечами. Ну откуда у него эта страсть к показухе? Не Шерлоком Холмсом все-таки был в прошлой жизни, а Пинкертоном.

— Меня зовут Таня Демина, — она протянула руку. — Мы жили в гражданском браке… наверное, теперь мне уже не позволят взять его фамилию?

— Наверное, нет, — Артём покачал головой. Пожал руку — церемонно целовать было бы уж совсем нелепо.

— Я глупости говорю… — она отвела глаза. — Но Ваня почему-то всегда хотел этих формальностей. А я отшучивалась, мол, заведем ребенка — стану Петренко, а пока не заслужила… дура!

— Не надо себя винить, — Артём покачал головой. — Вы ни в чем не виноваты. Иван слишком рано ушел, но вы же знаете, мы не уходим бесследно… он вернется.

Лицо Тани дрогнуло:

— Не надо об этом. Кем он вернется? Маленький китайский мальчик скажет, что в прошлой жизни был русским физиком? И снова станет маленьким китайским мальчиком, теперь уже — насовсем? Лучше бы мы уходили навсегда… Я могу с вами поговорить?

— Да, конечно.

— Садитесь в машину, — Таня не предложила, скорее, велела. Что-то в ней было властное, как в госпоже Туванской, о таких говорят: «В прошлой жизни брюки носила». Но вот агрессивного, не рассуждающего напора не было. Может быть, из-за недавнего шока.

Артём послушно обошел машину, сел на переднее сиденье. Его «десятка» все равно осталась возле офиса.

Татьяна села за руль, включила мотор. Помедлила секунду:

— Я очень хочу есть. Меня здесь продержали пять часов и все время поили кофе.

— То же самое, только со мной разбирались семь часов.

Татьяна кивнула:

— Вы не сочтете меня сволочью, если мы поговорим в каком-нибудь кафе?

— Не сочту, — сказал Артём. — Если честно, я буду вам очень благодарен. Особенно,

если в этом кафе можно выпить водки.

Здесь можно было и поесть, и выпить, и даже потанцевать — если бы настроение к тому располагало. Заведение называлось «Колесо» и относилось к популярным у среднего класса ресторанчикам типа «заплати за вход и ешь, сколько хочешь». Основную прибыль здесь делали на спиртных и безалкогольных напитках — мало кто способен справляться с едой всухомятку.

Еду набирали с огромного, медленно вращающегося круглого стола в центре ресторанчика. Артём заполнил два подноса — себе и Татьяне. Потом заказал в баре графинчик тминной водки. Татьяна тоже выпила рюмку — не чокаясь, прикрыв глаза, будто лекарство. Посидела секунду, думая о чем-то своем, и молча принялась за еду.

— Вы давно вместе? — спросил Артём, когда они утолили первый голод.

— Два года. Даже не знаю… наверное, это немного? Хотя как посмотреть…

Артём кивнул. Его брак не продержался и года.

— Татьяна, вы хотите, чтобы я рассказал про Ивана? О его последних минутах?

— Нет, — она энергично помотала головой. — То есть, да. Но не это главное. Ведь вы были следователем по особо тяжким? Расследовали убийства?

— Да.

— Я хочу вас нанять. Найдите убийцу.

Артём вздохнул. Почему-то все думают, будто частный детектив — это современный Шерлок Холмс, спасающий невинных девиц от злых опекунов или изобличающий коварных убийц.

— Татьяна, все не так просто. Ни один частный детектив не имеет права заниматься расследованием убийства.

— Почему?

— Убийство — особо тяжкое преступление. Только государство в лице сотрудников уголовного розыска вправе вести такие дела.

Татьяна закусила губу. Неохотно кивнула:

— Понимаю… Но… Скажите, Ивана убили из-за реинкарнации?

— Вы о чем?

— Он собирался провести эксперимент. Сам себя расспросить о своей прошлой жизни, — Татьяна посмотрела ему в глаза. — Иван рассказывал. А потом меня расспрашивали об этом в полиции… и еще про диктофон, про флэш-карту…

Артём кивнул:

— Хорошо, слушайте. Я познакомился с Иваном в пивном ресторане…

На рассказ ушло не больше четверти часа. Татьяна умела слушать, и даже несколько заданных ею вопросов оказались вполне уместными. Мысленно Артём посадил ее в кресло Крылова — и остался доволен заменой.

— Понятно… — она кивнула. — Тогда, как я понимаю, все произошло из-за флэш-карты? Запись чем-то опасна для убийцы?

— Видимо, так, — согласился Артём.

— Я хочу вас нанять, — повторила Татьяна. — Найдите запись! Диктофон принадлежал Ивану, значит, и мне тоже. Я хочу получить назад свою вещь. Это законно?

— Законно, — неохотно признал Артём. Он понимал, что Татьяна придет к этому выводу. Лазейка в законе была. В законах всегда есть лазейки. — Но если мы обнаружим, что информация позволяет изобличить убийцу и важна для следствия…

— Мы тут же передадим запись в полицию, — кивнула Татьяна. — Я не сумасшедшая и не жажду крови. Если остаток этой жизни убийца проведет в тюрьме, меня это устроит.

Она замолчала. Артём молча налил ей еще рюмку.

— Я за рулем, — вяло запротестовала Татьяна. Но водку выпила.

— Можно попробовать, — сказал Артём. — Только извините, вначале у меня будет довольно обидный вопрос…

— У меня есть алиби, — просто ответила Татьяна. — Железобетонное. Такие всегда вызывают подозрения, да?

Артём пожал плечами.

— Я диктор, — сказала Татьяна. — Сейчас принято говорить «ведущая», а мне больше нравится «диктор». Диктор на «Русском радио». Каждые полчаса читаю новости. В тот момент, когда Ивана… когда Иван…

Она запнулась.

— Теперь я понял, почему мне знаком ваш голос, — Артём встал. — Пойдемте.

— Не хочу сейчас за руль, — запротестовала Татьяна. — Я далеко живу, на Речном…

— Я сам поведу. Если позволите.

Они вышли из зала, и уже в дверях Татьяна взяла Артёма за руку и тихо сказала:

— Мне не успели позвонить из полиции. Информация пришла раньше. И я ее прочитала! Вначале прочитала в эфир, а потом поняла… Артём, найдите убийцу!

Садясь за руль — Татьяна не спорила, — Артём все-таки задал еще один вопрос:

— Почему вы считаете, что я справлюсь лучше, чем сыщики из МУРа? Я — одиночка, у них — машины, техника, власть в конце концов!

Женщина молчала.

— Все-таки? — подбодрил ее Артём. — То, что я был рядом с Иваном?

— Вы не обидитесь?

— Постараюсь.

— Человек, который меня допрашивал, Крылов… он вначале все клонил к тому, что я сама замешана… а потом, когда разобрался…

— Ну? — Артём уже понял, что вопрос излишен.

— Он сказал, что тогда проверит хорошенько вас… что давно пора присмотреться к этой… этой инкарнации Пинкертона. А я с детства любила детективы, я только не думала, что Пинкертон был живым человеком. Извините…

Артём долго молчал. Потом притормозил на миг, хлопнул руками по рулю и выдохнул:

— Кондитер!

Казалось бы, что за прок человеку от предыдущей инкарнации?

Принято спрашивать, в чем твое прежнее воплощение добивалось успеха, а в чем, напротив, терпело неудачи. Принято строить свою жизнь, исходя из полученных советов.

Но по сути, по сути-то, что изменится?

Будь ты хоть Наполеоном — это вовсе не гарантирует тебе воинской славы. Знаменитейшей (и позорнейшей) битвой новейшей истории, «Сражением при Нагасаки», руководил с американской стороны молодой, хотя и болезненный адмирал Роберт Хайнлайн, инкарнация маленького французского сержанта, а с японской — генерал Тодзе, воплощение великого Тоетоми Хидэеси. И что же?

Обе стороны допустили такое количество стратегических и тактических ошибок, что только вмешательство Советского Союза под руководством маршала Жукова (инкарнация идеологически правильного уральского рабочего Ваньки Косого) помогло закончить тихоокеанский конфликт.

Есть, конечно, примеры и обратного рода. Прославленный Дали, как известно, был инкарнацией Ван Гога. Компьютерный гений Билл Гейтс в прошлой жизни носил имя Фурье. Воплощением младшего из братьев Люмьер, Луи-Жана, стал режиссер Квентин Тарантино, прославившийся на весь мир своими нежными, лирическими комедиями. Сказочницу Астрид Линдгрен звали когда-то Гансом Христианом Андерсеном.

Но, если отталкиваться от теории относительности Эйнштейна (упрямо отказавшегося проходить Звезду Теслы), совпадения подобного рода неизбежны. Как говорил старый безбожник Бернард Шоу: «К началу цепи инкарнаций всегда прикована обезьяна».

И что остается?

Помимо возможного наследства?

Если повезет — щекочет легонько самолюбие громкая слава, заработанная в прошлой

жизни. Щекочет… и давит. Так младший сын в знаменитой семье, не наделенный талантами родителей и старших братьев, всю жизнь пытается «соответствовать», мечется из стороны в сторону… и ловит на себе снисходительно-жалостливые взгляды.

В психологии это явление давным-давно получило название «синдром неадекватной инкарнации», послужило поводом к написанию нескольких сотен диссертаций и выпуску нескольких учебников и методичек для детских психологов.

Артём считал, что к своей прежней личности относится адекватно. Нет, во многом она определила выбор его жизненного пути (несмотря на совет Пинкертона стать актером, потому что «только свинья дважды лезет в одну грязь»).

Но особой поддержки от предыдущего воплощения Артём не ждал. И уж тем более не хвастался, даже в детстве. Помимо нескольких государственных чиновников из ЗАГСа, руководства министерства (увы, но в правоохранительных органах ответственным работникам положено сообщать о своей прошлой инкарнации), родителей и бывшей жены, его тайну не знал никто.

Ну, как теперь выясняется, знал еще и Крылов. И мало того, что знал — счел возможным распускать язык перед посторонними!

— Он вроде бы просто так сказал, в шутку, — неуверенно произнесла Татьяна. — Но вы поймите, я такие вещи чувствую. Это не шутка была. Вы и вправду инкарнация Ната Пинкертона?

— Его звали Алан, — ответил Артем. — Нат Пинкертон — книжный персонаж.

— Извините…

— Его звали Алан, — повторил Артём. — Его. Понимаете? Это не я! Алан Пинкертон и впрямь был величайшим детективом. Но во мне от него нет ничего!

— Душа, — убежденно сказала Татьяна.

— Душа, — кивнул Артём. — Это ничего не значит, вы же понимаете… Почему Иван так долго не проходил проверку на Звезде?

— Он вам не сказал?

— Сказал, что его смущает допрос прежнего воплощения чужими, незнакомыми людьми. Я не поверил. Почему он отказывался на самом деле?

— Боялся, — Татьяна полезла в бардачок, достала сигареты. Закурила. — У него были страхи… детские совсем… что в прошлой жизни он был убийцей, злодеем, военным преступником.

— Ну и что? Даже Сталин сказал: «Инкарнации друг за друга не отвечают!»

— Ага, сказал, — фыркнула Татьяна. — И сослал в лагеря тех, кто в прошлой жизни угнетал рабочий класс.

— Сейчас другое время.

— Время другое, а страхи всегда одни и те же… Мы поедем или будем стоять?

— Поедем, — Артём кивнул. — Я немного вышел из себя. Знаете, как в таких случаях говорят японцы? В нем пробудилось прежнее воплощение… Таня, я отвезу вас домой.

— Зачем? — возмутилась Татьяна. — Думаете, я сейчас усну?

— Нет, — жестко ответил Артём. — Думаю, вы сейчас будете перебирать фотографии и вещи мужа. Плакать. Пить. Думать о тех неизбежных формальностях, что на вас сейчас навалятся… Но одной вам оставаться не надо. У вас есть хорошая подруга? Которая сможет приехать и провести с вами ночь?

— Есть, — ответила Татьяна, помолчав.

— Позвоните ей прямо сейчас. Если надо, мы за ней заедем.

— Я думала, мы… — она смешалась, — начнем прямо сейчас что-то расследовать.

Артём хмыкнул. Больше ничего сказано не было, но Татьяна послушно полезла в сумочку, достала мобильник, набрала номер, быстро и приглушенно заговорила. Артём не слушал, смотрел на дорогу, думал.

«Я сейчас покажу вам…»

Вот что не давало ему покоя. Спокойная фраза — и выстрел. Нет, не сам выстрел. Попадание. Не про убийцу же, стоящего с пистолетом в руках, говорил Иван! Не про флэшку от диктофона — что ее показывать, да и не нашли на теле флэшки!

Я покажу вам… что?

— Заезжать не надо, — сказала Татьяна, закрывая телефон. — Подруга живет рядом, сама подойдет.

— Расскажите мне, о ком из коллег Ивана вы чаще всего слышали? Друзья, враги — неважно

Татьяна помолчала, собираясь с мыслями. Артём вел машину. Третье кольцо было на удивление свободным, они уже приближались к Ленинградке.

— Захар Киреев, — сказала Таня. — Его все зовут Киря. Они вместе учились, вместе работают… работали на факультете. Хороший друг Ивана. Он… нет, никогда!

— Вы просто перечисляйте, — мягко сказал Артем.

— Потом — Анатолий Давидович Ройбах. Заведующий факультетом электромагнитных колебаний и вычислительных систем, профессор. Еще молодой, ему и сорока нет. Иван над ним подсмеивался все время, уж больно Анатолий Давидович пытался соответствовать образу профессора — бороду носил, чуть ли не в седину красился… Но так… нормальный, приятный человек.

— Угу, — ободрил ее Артём.

— Сергей Светов, аспирант с кафедры вычислительной математики. Иван и над ним подтрунивал. Амбициозный и все пытается сделать себе реноме за счет соседних кафедр — на своей кого-либо трогать боится. Но вряд ли серьезные разногласия были, только поддевали друг друга при случае…

— Тоже замечательно, — сказал Артём.

— Профессор Петр Валентинович Агласов, заведует факультетом газодинамики. Ему за семьдесят, но он удивительный человек, энергичный, общительный. Иван, еще когда студентом был, вел для него какие-то расчеты, эксперименты. Знаете, как обычно бывает? Студенты вкалывают, а профессор выпускает очередную монографию. Здесь все наоборот. Помог опубликоваться и в аспирантуру поступить — хотя и не его специальность…

— Хорошо, — поддержал Артем.

— Ну и заведующая кафедрой низко— и высокочастотных колебаний Карина Аслановна Данилян. Строгая такая женщина, знаете, бывают среди армянок эмансипированные по полной программе. Говорят, когда-то считалась хорошим ученым. Сейчас в основном занимается общественными делами. Но хорошо занимается. И никому не мешает делать науку.

— Так, — подбодрил Артём.

— Пожалуй, это все.

— Больше ни о ком Иван не рассказывал?

— Рассказывал, конечно. Но об этих пятерых чаще всего… Вы будете искать убийцу среди них?

— Я просто хочу расспросить их про Ивана… Значит, серьезных врагов у него не было?

— Не нажил, — спокойно ответила Татьяна. — Знаете, годам к тридцати в науке любой человек обрастает союзниками и недоброжелателями. Иван был человек неконфликтный, но никуда бы он не делся… Не успел.

До Фестивальной, где жила Татьяна, доехали молча.

3.

Домой Артём попал к двенадцати, спать лег около часа. В восемь утра он стоял у дверей «Денег на ветер». Пивная только что открылась — к удовольствию немногих страждущих, которым требовалось пиво, и куда большего количества служащих, не успевших позавтракать дома.

Есть Артёму не хотелось совершенно, но позавтракать нужно. Он подождал, пока ран-

ние посетители расселись за столиками (работал пока только верхний зал), вошел в вестибюль. Невольно посмотрел вниз, на лестницу, где вчера лежал рядом с умирающим Иваном.

Разумеется, все было вымыто и вычищено. И даже ковровую дорожку, прижатую к ступенькам медными прутьями, успели сменить.

Артём встал у двери, ведущей на улицу. Протянул руку, сильно толкнул дверь. Та плавно открылась — и замерла, распахнутая, пока отрабатывал доводчик.

— Я вам сейчас покажу… — пробормотал Артём, озираясь.

Что покажу?

Своего будущего убийцу?

Флэш-карту?

Улица. Неширокая, почти всегда пустынная, машины по ней ходят редко. Невысокие, двух-трехэтажные домишки на другой стороне давно бы снесли, вот только представляют какую-то историческую ценность.

И новый корпус Бауманки. Три верхних этажа виднеются над крышами и над кронами деревьев. Часть окон закрыта, часть открыта. Метров девятьсот… да нет, побольше. Километр.

Далеко. Из пистолета можно стрелять хоть до посинения.

Но кто сказал, что стреляли из пистолета?

— Я вам сейчас покажу, где работаю, — сказал Артём.

Кивнул — фраза прозвучала правильно. Так она и должна была прозвучать вчера в полдень. Но не успела. Из окна университета раздался выстрел, которого никто не услышал. И еще один. И еще. Петренко падал, а убийца ловил в прицел стоявшего рядом с ним человека — на всякий случай…

Артёму вдруг стало чудовищно неуютно. Будто на него снова упал холодный, умный, расчетливый взгляд человека, привыкшего и умеющего убивать людей…

Доводчик мягко закрыл дверь, и Артёма передернуло. Он постоял секунду, потом вошел в зал. Едва не наткнулся на давешнего официанта. Тот его узнал — еще бы не узнать! — и едва не выронил из рук поднос с кофе, горячими булочками и джемом.

— Мне то же самое плюс сосиски, — сказал Артём, проходя за ближайший свободный столик.

Официант принес завтрак минут через пять. Держался парень молодцом, многие бы на его месте уволились еще вчера — или с полным основанием затребовали больничный лист.

— Мои соболезнования, — расставляя перед Артёмом приборы, сказал официант. — Ваш друг… это ужасно.

Артём кивнул. Спросил:

— Вчера вы не заметили убийцу?

— Нет, — официант вздрогнул, но ответил уверенно. — Нет. Выстрел, пуля рядом с головой попала… даже не посмотрел в сторону улицы. А вы?

— И я не посмотрел, — кивнул Артём. — Скажите, Иван часто сюда захаживал?

— Нечасто, — официант не раздумывал, видимо, вчера его допросили как следует. — Но регулярно. По большей части вниз, но мы-то меняемся залами. Сидел долго, но выпивал всего-то пару кружек.

— Один приходил?

— Обычно с друзьями. Чаще всего с таким крепеньким, невысоким… — официант неуверенно развел руками, рисуя в воздухе кого-то, комплекцией напоминающего Карлсона. — Кирилл его зовут.

— Киря?

— Да, Киря.

Артём кивнул. Ничего неожиданного он не услышал, но…

— Спасибо, вы мне помогли.

— Вы… из полиции? — с легким сомнением спросил официант.

— Пять лет назад назначен начальником отдела особо тяжких преступлений МУРа, — честно сказал Артём. О том, что три года назад он был снят с должности, Артём предпочел не распространяться.

Официант просиял:

— Как хорошо, что вы здесь! Вчера ваши товарищи просили позвонить, если что-то вспомню.

— Да? — Артём оживился.

— Вчера, когда он зашел, убитый-то, с самого утра, то сперва заглядывал в верхний зал. Я вначале значения не придал, а потом повспоминал получше. Он в дверь-то заглянул, на зал особо и не глядел, сразу в тот угол уставился.

Артём проследил взгляд официанта. Два столика, один пустой, за другим субтильная девушка ковыряла ложечкой пирожное.

— Там кто-то сидел?

— Нет, никого. А он, убитый, вроде как ожидал кого-то встретить. И когда никого не увидел, то сразу пошел вниз.

— Кто там обычно сидит? — спросил Артём.

— Разные люди. Место хорошее, у окон и в уголке, нешумное. Там многие стараются сесть.

Артём достал сигареты.

— Извините, здесь не курят, — вежливо сказал официант. — Хотя для вас…

— Нет, ничего. А там — курят?

— Да, у окна курящие места. Там вытяжка хорошая, дым никого не тревожит. Некурящие там не любят сидеть: со всех сторон дымят.

Артём снова посмотрел на девушку. Та справилась с половиной пирожного и теперь собиралась с силами: крутила в пальчиках сигарету, призывно поглядывая по сторонам.

— Знаете, вы все-таки позвоните в МУР, — сказал Артём. — Расскажите им, что вспомнили… Да, той девушке у окна явно нужен огонек!

Сосиски остыли, но все еще были вкусными. Артём позавтракал, рассеянно поглядывая по сторонам. Изможденная девица домучила пирожное, выкурила сигаретку и ушла. Компания студентов деловито смолола сосиски и яичницу, погоготала только им понятным шуточкам, удалилась. Поодиночке уходили клерки, рылись в меню случайные посетители. Иногда кто-то садился за те столики, которые вчера интересовали Петренко. Никто не походил на убийцу, явившегося на место преступления. Впрочем, убийцы, как правило, ничем не отличаются от нормальных людей. Даже наличием бессмертной, реинкарнирующей души.

Все-таки симпатичный молодой преподаватель Петренко был не так уж прост. Он пришел в «Деньги на ветер» не напиваться, а поговорить. Что-то открылось ему в короткой диктофонной записи… что-то, требующее обсуждения.

Но человек на встречу не пришел. Предпочел сесть у окна и подождать, пока Петренко не выйдет из пивной. Потом прицелился из…

Из чего?

Артём вздохнул. Картина вырисовывалась совсем уж фантасмагорическая. Пистолет, револьвер — это оружие можно представить у гражданского лица. Сохранились со старых революционных времен наградные наганы, в армии и милиции есть табельные пистолеты, которые имеют обыкновение теряться. Существует, как с ним ни борись, подпольный рынок оружия. В общем, если человек хочет иметь револьвер или пистолет, то он его найдет. И порой такие стволы убивают.

Но на подобной дистанции речь может идти только о винтовке. А учитывая точность стрельбы — о винтовке с оптическим прицелом. Охотничье оружие такого типа тоже существует, но всерьез его даже рассматривать не стоит.

Снайперская винтовка. В руках убийцы, в центре Москвы!

На мгновение Артёму захотелось достать телефон и позвонить в МУР. Они там хоть исследовали пули? Убедились, что стреляли вовсе не из револьвера? Или старичок-эксперт Арсений Сергеевич, вот уже сорок лет работающий на отдел особо тяжких преступлений, только сегодня утром приковылял на работу? А весь вчерашний день отрабатывалась «револьвер-

ная версия»?

Желание позвонить угасло, прежде чем Артём достал телефон. В любом случае к обеду Крылов будет все знать точно. А попасть со своей идеей впросак и услышать в очередной раз про Пинкертона Артёму не хотелось совершенно.

Хорошо. Примем за рабочую гипотезу снайперский выстрел из здания Бауманки.

Винтовка с оптическим прицелом. Снайперская винтовка… Опытный стрелок: три пули подряд попали в Петренко. Так что же у него было? Полицейская снайперская винтовка? Вряд ли. Такую точность боя на таком расстоянии СВУ не даст никогда, вручи ее хоть Натаниэлю Бампо по прозвищу Соколиный Глаз.

Армейская СВД? Винтовка Драгунова — надежная, хорошая штука. Но на километровом расстоянии и от нее ждать чудес не приходится.

Какие-нибудь иностранные модели? Тут Артём мог только пускаться в догадки. У всех стран есть армии, поскольку рано или поздно люди начинают воевать, невзирая на реинкарнацию (честно говоря, порой она даже служит оправданием — враг не убит совсем, а всего лишь отправлен к следующему перерождению). У всех стран есть полиция, а в полиции — спецподразделения со снайперами, потому что рано или поздно появляются убийцы, которых не страшит неизбежность наказания.

Но про иностранное оружие Артём не знал практически ничего. Наверное, есть что-то очень дальнобойное и точное, позволяющее на километровой дистанции всаживать пули в сердце жертвы. Да и у российских спецподразделений найдутся хитрые вооружения, о которых простые полицейские и не слышали никогда.

Но представить себе убийцу с иностранной или секретной снайперской винтовкой разум Артёма решительно отказывался.

Ладно. Это тупик, но он и не должен искать убийцу. Пусть голова болит у Крылова. Артёму надо всего лишь найти флэш-карту, а убийцу с его хитрым оружием он получит в довесок.

Не правда ли, удобно?

Артём усмехнулся, представив себе Крылова, узнающего, что пули выпущены из снайперской винтовки. Прижал чашечкой из-под кофе десятку, кивнул официанту и вышел, не дожидаясь сдачи.

С деньгами — совсем швах. Надо было взять у Татьяны задаток.

У дверей Артём на миг задержался. Резко, холодно толкнуло в сердце предчувствие. Сейчас он откроет дверь, шагнет — и далекий снайпер нажмет на спуск…

— Хренушки, — сказал Артём, распахивая дверь.

Удара не было. Отсвечивали на солнце окна Бауманки.

Но все-таки Артём поспешил перейти на другую сторону улицы, прежде чем двинуться к университету.

Существуют места, навевающие тоску на любого нормального человека. Прежде всего, конечно, это присутственные учреждения, обитель бюрократов, с которыми хочешь не хочешь, а приходится иметь дело — если ты уже родился, еще живешь или недавно скончался и пока не похоронен. Далее — отвратительные для любого считающего себя здоровым человека медицинские заведения. Пусть врачи будут мудры и гуманны, сестры красивы и квалифицированны, нянечки заботливы и небрезгливы — все равно нормальный человек больниц и поликлиник чурается, как огня. Даже кладбища и крематории выглядят веселее и правдивее — бесповоротной окончательностью своей функции.

Но не меньшее отторжение вызывают школы и институты (конечно, если ты в них учился, а не пас овец на высокогорных пастбищах). Пятнадцать загубленных лет жизни, да еще каких лет! Энергия бьет ключом, хвост стоит пистолетом, хочется резвиться и шалить, ухаживать за девушками и путешествовать. Нет, суровая проза жизни (и ведь правдивая проза, вот что обидно!) заставляет тебя учиться, грызть науки (кое-кто говорит, что это гранит, но скорее — не более чем закаменелые отложения), постигать дисциплину и приобретать опыт жизни в коллективе. Надо, конечно же, надо учиться! И даже ненужные в жизни знания служат великой цели тренировки ленивых мозгов. Но по доброй воле появляться там, где из малолетних гуманоидов делают людей — занятие невеселое. Сразу вспоминаются детство и юность, прошедшие до обидного быстро и скучно. А еще становится понятно, что тебе уже никогда не изменить свою жизнь, что ты, в отличие от веселых студентов, все положенные выборы сделал, закоснел, заматерел — и теперь перед тобой только одна дорога.

К следующей инкарнации.

Артём не думал об этом, пробираясь мимо аудиторий и лабораторий, мимо вечно распахнутых дверей в накуренные туалеты, мимо шумных студенческих компаний и вечно спешащих куда-то преподавателей. Все эти мысли и так были с ним лет с тридцати, когда он уволился из МУРа, полный решимости изменить и свою жизнь, и окружающий мир; он еще был напоен энергией, еще ощущал себя молодым… и внезапно оказался в тупике. Все уже выбрано. Все уже отмерено. Все уже построено. Можно сменить профессию окончательно, уйти из частного сыска в цветоводство или начать петь песни под гитару — ничего не изменится. Полжизни ты ждешь поезд, в который хочешь сесть, покупаешь билеты и ищешь свой вагон. Но только когда поезд трогается, ты узнаешь, что остановок больше не предвидится. И тогда либо прыгай под откос, ломая руки и ноги, либо кури в тамбуре, глядя, как проплывают мимо навеки незнакомые полустанки.

Школы и институты — они как беспощадное напоминание о тысячах жизней, которые не дано прожить.

— Я тебя ждал у носа! — перекрикивая гвалт, сообщал в мобильник какой-то студент. — В циркуле, где же еще… Давай, подходи!

Кафедра низко— и высокочастотных колебаний помещалась на восьмом этаже. Артём поднялся пешком, то ли из упрямого желания доказать себе собственную хорошую форму, то ли стараясь воспринять окружающую атмосферу. Вторая причина казалась приятнее для самолюбия.

Искать никого не пришлось. У открытых дверей с табличкой «Аспирантская» стояла невысокая крепенькая женщина и отчитывала кого-то, невидимого из коридора.

— В нашей ситуации, товарищ аспирант Киреев, следует думать не о себе, любимом, а о погибшем друге и учебном процессе! Ваше поведение — это капитулянтство и слюнтяйство! Ведете себя, простите, как баба перед месячными!

При появлении Артёма женщина и не подумала снизить голос. Лишь покосилась неодобрительно и добавила, прежде чем закрыть дверь:

— И прекратите курить на рабочем месте, окружающие не обязаны вдыхать вонь!

Дверь она ухитрилась закрыть мастерски — вроде бы захлопывая с раздражением и силой, но при этом абсолютно беззвучно. Высший класс разборок!

— Что вам нужно, товарищ? — женщина перенесла свое внимание на Артёма.

— Добрый день, Карина Аслановна, — вежливо сказал Артём. — Артём Камалов, детектив. Если вы не возражаете, я побеседовал бы четверть часа с товарищем Киреевым, а потом отнял семь-восемь минут у вас.

Удивительные результаты приносит «попадание в тон» и демонстративная информированность об именах-фамилиях. Профессор Данилян не удивилась слову «детектив», не попросила предъявить удостоверение, а лишь взглянула на часы и сообщила:

— Через двадцать минут жду вас в своем кабинете, товарищ Камалов.

Уточнять, где находится кабинет, Артём теперь не мог. Поэтому дружелюбно кивнул и вошел в «Аспирантскую».

Да, тут и впрямь было накурено. Помещение оказалось длинным, узким, с одним окном, выходящим в сторону Лефортовской набережной. По стенам — стеллажи с каким-то хламом, книгами, журналами. У окна — стол, несколько стульев. И подвергшийся суровой критике товарищ аспирант Захар Киреев. Пренебрегая мебелью, Захар сидел на подоконнике.

Он и впрямь походил на Карлсона — такой же толстенький, невысокий, щекастый. Вот только Карлсон при всем своем антипедагогическом поведении никогда не курил и не брал в

руки стакан с однозначно алкогольным содержимым.

— Влетело, Захар? — спросил Артём, подходя к аспиранту. Тот лишь махнул рукой. Вдумчиво посмотрел на Артёма. Плеснул в чистый стакан прозрачной жидкости из склянки.

— Спирт я разбавляю, — сообщил Артём.

— Уже разбавлено, — отозвался Киря. — Земля пухом Ивану… пусть побыстрее повернется колесо.

— Побыстрее, — согласился Артём.

Они выпили не чокаясь. Едва прикоснувшись к стакану, Артём понял, что спирт был разбавлен исключительно символически.

Киреев выжидающе смотрел на Артёма, и тот молча выпил. Вздохнул, взял со стола кусочек хлеба, зажевал.

— Ты не мент, — сказал Киреев. — Ты кто?

— Частный детектив. Зовут Артёмом.

Киреев скорчил удивленное лицо. Подумал и спросил:

— А с каких пор расследованием убийств занимаются в частном порядке?

— Я не расследую убийство, — Артём придвинул стул, сел. — Я ищу флэшку от диктофона. А убийство… ну, разве что случайно.

Киреев понимающе кивнул. Затянулся, затушил бычок, ловко вскарабкался на подоконник и принялся дергать закрытое наглухо окно.

— Танька наняла? — спросил он, не поворачиваясь.

— Она.

— А частные сыщики всем и все рассказывают? Вдруг я и есть убийца?

Артём фыркнул. Киреев начинал ему нравиться.

— Был вчера утром у «Денег на ветер»?

— Зачем? С нашего этажа вход в пивнушку как на ладони. Пиф-паф…

Мысленно Артём поаплодировал аспиранту.

— Браво. Но ты-то не убийца.

— А кто тогда?

— Тебе сказать? — лениво спросил Артём.

Киреев, распахнувший наконец-то окно, медленно повернулся. Сходства с Карлсоном он не потерял. Только теперь это был очень злой Карлсон, у которого стырили годовой запас варенья, да вдобавок еще и запретили играть с Малышом.

— Ты знаешь?

— Есть версия, — сказал Артём. — А к вечеру сообразят и в полиции. Или завтра к утру. Но это ничего не значит, Киря. Улик уже не найти. А без флэшки не будет и мотива.

Киреев тяжело спрыгнул с подоконника. Подозрительно уставился на Артёма. Тот сидел молча, без улыбки.

— Что я могу для тебя сделать? — спросил Киреев.

— Где Иван смонтировал Звезду Теслы?

Киреев развел руками. Постучал по столу.

— Здесь! Здесь он ее смонтировал. Извини, показать не могу — забрали вчера как вещдок. Вон к той розетке подключился, дурачина. И сунул башку в капкан…

— Он тебе не звонил? — спросил Артём. — После эксперимента?

Киреев покачал головой.

— Ты сам флэшку искал?

— Тут вчера все перерыли, — мрачно сказал Киреев. — В обед явились — и лаборатории, и аспирантскую — все проверили. Нет флэшки, опоздали!

— Никто никуда не опоздал, — ответил Артём. — Давай для начала исходить из этого. Иван спрятал запись, и она до сих пор находится в здании.

— Откуда ты знаешь?

Артём промолчал. Ну как объяснить, откуда он это знает? Из слов Ивана, из его уверенности, что запись существует. Из ощущения чужого холодного взгляда на пороге «Денег на ветер». Убийца здесь. И флэшка тоже здесь. Пока существует запись — убийца под угрозой.

— Иван мне говорил, что хочет пройти Звезду, — пробормотал Киреев. — Я сам ему предложил записать разговор на диктофон… Но я не знал, что он собирался это сделать прошлой ночью! И куда он флэшку дел — тоже не знаю. Я пришел утром на работу, увидел прибор на столе, рядом диктофон — сразу все понял. Проверил, но в диктофоне флэшки не было.

— Что за диктофон? — спросил Артём.

— Простенький такой, китайский. Размером с пачку сигарет. Вставляется флэшка, на нее идет запись. Динамик крошечный, едва-едва бормочет. Даже не на аккумуляторах, на батарейках.

Артём кивнул, поднялся. Выпитый спирт придал движениям неприятную ватность.

— Возьми, — Киреев протянул ему упаковку «Антиполицая». — Спасибо, что выпил со мной. Я… не прав, наверное. Но захотелось помянуть Ивана.

— Понимаю, — сказал Артём. — Мне надо поговорить с Ройбахом, Световым, Агласовым и Данилян. Что скажешь о них, Захар?

Киреев задумчиво потер переносицу.

— Данилян… Ты же ее видел… На самом деле — неплохая женщина. Как ученый давно кончилась, увы. Но как руководитель кафедры — на своем месте. Знаешь, организаторы в

науке тоже очень важны, если они не мнят себя при этом великими учеными. Иван ее уважал

— А ты?

— Тоже, — во взгляде Киреева мелькнуло удивление. — Ты об этом разносе? Да нет, она права. А я дурак, что дверь не запер.

— Агласов?

— Приятный мужик. Ему уже семьдесят, в прошлом году юбилей отмечали. Ивану он помог в свое время. До сих пор занимается научной работой… Тридцать лет назад, можно сказать, из руин факультет газодинамики восстановил.

— Фигурально выражаясь?

Киреев хихикнул, но тут же посерьезнел.

— Да нет, на самом деле из руин. Был взрыв в научной лаборатории, погибли семеро студентов и почти весь преподавательский состав. Ты же понимаешь, у нас и сейчас многие исследования военные, а тогда в мире было неспокойно. Занимались боеприпасами объемного взрыва… дозанимались! Что факультет возродился — целиком заслуга Агласова.

— Светов?

— Пижон, — коротко ответил Киреев. — Парень с амбициями, но я его плохо знаю, а вот Ивану нравилось с ним пикироваться. Наш с Иваном ровесник, на год раньше закончил университет. В армии служил где-то на Кавказе, но так раздолбаем и остался.

— Кем служил?

Киреев замолчал. Неуверенно развел руками. Спросил:

— А ты полагаешь…

— Нет, я просто спросил, — успокоил его Артём. — Ройбах?

— Ну, Анатолий Давидович — ученый серьезный, — Киреев едва заметно улыбнулся. — Быть ему нобелевским лауреатом за что-нибудь. Или президентом Академии Наук. Как сам решит. Я серьезно говорю, у него на все способностей хватит. А мужик еще молодой.

Артем достал и протянул ему визитку.

— Здесь мой мобильный номер. Если вдруг что-то вспомнится или найдешь флэшку… — он улыбнулся. — Позвони.

— Позвоню, — пряча визитку в карман, пообещал Киреев. — Что-нибудь еще?

— Где кабинет Данилян, не подскажешь?

Карина Аслановна сидела за компьютером. Не изображала деятельность, а именно работала — пальцы так и бегали по клавишам. Артем постучал, тихонько вошел. Карина Аслановна кивком указала на кресло и продолжала работать. С полминуты Артему пришлось

ждать.

— Извините, — закрывая файл, сказала Данилян. — Чем могу быть полезна, товарищ Камалов?

«Товарищ» у нее звучало звонко, гордо. Видимо, Карина Аслановна состояла в коммунистической партии. При всем скепсисе Артёма касательно революционных идей работать с убежденными коммунистами он любил — почти как с ортодоксальными православными или мусульманами-ретроградами. Всегда проще, когда у собеседника есть четкая система убеждений.

— У меня несколько вопросов общего порядка, — сказал Артём. — Карина Аслановна, скажите, как получилось, что на кафедре имелась работоспособная Звезда Теслы?

Данилян вздохнула — как человек, вынужденный в очередной раз излагать азбучные истины.

— Товарищ Камалов, наша кафедра называется «Кафедра низко— и высокочастотных электромагнитных колебаний». Как вы понимаете, основной темой нашей работы является исследование влияния электромагнитных колебаний на психику человека. Те самые исследования, которые в 1893 году привели к созданию «спиритической спирали», или Звезды Теслы.

Артём вежливо кивнул.

Его нисколько не интересовал исторический экскурс — да и причина, по которой в университете стоял рабочий макет Звезды. Ясное дело, что будущие механики изучают макеты двигателей, будущие электрики — макеты генераторов, а будущие ученые — макеты «спиритической спирали». Куда интереснее было наблюдать за самой Кариной Аслановной.

— Устройство, созданное больше ста лет назад и активно применяющееся во всем мире, не может являться секретным, — продолжала Данилян. — И пожелай Тесла изначально засекретить свои исследования — за годы информация все равно бы просочилась. Даже на уроках физики в пятом классе детям рассказывают об устройстве Звезды Теслы, упрощенно, разумеется. А у нас учатся студенты, которым предстоит всю жизнь продолжать исследования великого Теслы. Как вы полагаете, возможно ли обучать их без работоспособных макетов?

— Звезда может быть опасной.

— Не более, чем утюг или электрическая лампочка, товарищ Камалов. Макеты Звезды, находящиеся в университете, вполне работоспособны. Но! Есть одно отличие. Настоящая Звезда Теслы воздействует на человеческий мозг сочетанием низко— и высокочастотных колебаний. Только в этом случае возникает «инкарнационный прорыв» и предыдущее воплощение человека временно обретает сознание. В макете стоит простой и надежный предохра-

нитель, позволяющий включать либо только низкочастотный, либо только высокочастотный контур.

Артём снова кивнул. Данилян чуть-чуть оживилась, как любой профессионал, получивший возможность растолковывать азбучные истины благодарному слушателю.

— Отключить предохранитель несложно, — продолжала она. — Точно так же, как несложно засунуть в розетку два гвоздя и взяться за них рукой. Мы запрещаем гвозди и розетки? Нет. Так какие у нас были основания использовать вместо нормальных работоспособных макетов бутафорские генераторы?

— Никаких, — согласился Артём. — Вы совершенно правы. Извините, я не имел в виду ничего дурного. Хотел лишь прояснить ситуацию.

Данилян подозрительно посмотрела на него. Кивнула. Суховато спросила:

— Еще вопросы?

— Вы знаете о причинах убийства Петренко?

Данилян вздохнула.

— Как сказать. Вчера, когда я беседовала с вашими товарищами, у меня сложилось ощущение, что прежняя инкарнация Ивана сообщила ему что-то важное. Об этом узнал кто-то заинтересованный. И убил Ивана, опасаясь, что правда откроется.

— В общих чертах все верно, — согласился Артём. — Рассказ был записан на флэш-карту…

— Знаю, знаю, — Карина Аслановна поморщилась. — Ее искали. Вот… — она полезла в ящик стола, достала маленькую коробочку диктофона. — У меня точно такой же, видите? Вот такая флэш-карта, — она выщелкнула из гнезда маленький пластиковый квадратик и положила на стол.

— Да уж, спрятать несложно, — согласился Артём. — Вчера утром, до появления полиции, кто-нибудь мог зайти в аспирантскую и вынуть карту из диктофона?

— Да кто угодно! У нас сессия, занятия уже не проводятся. Ключи от дверей, если честно, получить нетрудно. Здесь ходили студенты, преподаватели, уборщицы… кто угодно!

— А я-то думаю, почему так тихо, — понимающе сказал Артём.

— Сессия, — повторила Данилян. — Завтра экзамен у третьего курса — будет шумно. Иван был в комиссии… теперь надо срочно искать замену. Ужасная история, товарищ Камалов. Всякое бывает в учебном процессе, студенты порой такое творят! Но чтобы преподаватель повел себя столь безответственно, а потом погиб! Такого у нас не бывало никогда!

— Ну а как же взрыв в лаборатории газодинамики?

— Этой истории почти тридцать лет, — Данилян поморщилась. — Да, там было явное нарушение техники безопасности. Но это не наш факультет. Мы с подобными объектами не

работаем.

Она демонстративно посмотрела на часы.

— Кого из друзей Петренко посоветуете расспросить? — Артём сделал движение, будто порывается встать.

— Киреева, — не задумываясь, ответила Данилян. — Светова… он не друг, скорее — вечный оппонент. Профессора Агласова — он всегда протежировал Ване.

— Спасибо, — теперь Артём и в самом деле встал. — Скажите, а где я могу найти профессора Ройбаха?

— Его кабинет в конце коридора.

— Благодарю вас, товарищ Данилян, — с чувством произнес Артём. — Последняя просьба… Вы не могли бы одолжить мне флэш-карту из своего диктофона?

— Зачем? — удивилась Карина Аслановна.

— Хотел бы показать некоторым людям. Всегда проще, когда показываешь, что надо искать. Я верну ее через пару часов.

— Пожалуйста, — Данилян протянула ему карту. — Я буду на работе до четырех часов, потрудитесь меня найти.

Работа детектива — неважно, состоящего на службе в милиции или занимающегося частным сыском — неизбежно связана с поступками не самыми этичными.

Чтобы разоблачить шантажиста, приходится стать шпионом. Чтобы поймать вора, приходится искать доносчиков. Чтобы схватить убийцу, приходится угрожать и запугивать.

Артёму приходилось и шпионить, и вербовать доносчиков, и угрожать.

Но больше всего Артём не любил провоцировать.

Есть что-то постыдное в самой необходимости одному человеку устраивать ловушку для другого. Даже для преступника. Даже для убийцы.

Но ни одному детективу в мире не удалось обойтись без блефа и провокации. В прошлой своей жизни, будучи Аланом Пинкертоном, Артём неоднократно становился «своим» для преступников, проникал в банды, планировал ограбления — чтобы затем победоносно схватить негодяев на месте преступления. Разумеется, Артём не помнил своих приключений, тысячекратно умноженных и растиражированных «желтой» прессой. Читать — читал, со стыдливым интересом знакомясь с деталями похождений своей прежней инкарнации. И неоднократно думал, что «его» методы, во многом заложившие основы современного сыскного дела, имели и свою оборотную сторону. Сыщик и преступник — не только антагонисты, не только соперники, но еще и два полноправных игрока. От хода сыщика зависит и ответный ход преступника. Алан Пинкертон безжалостно преследовал и уничтожал американских бан-

дитов, но не была ли ответная жестокость преступного мира отчасти порождена и его методами?

Артём не знал ответа. Точнее, знал тот ответ, который стал справедливым в его время. С шулерами дозволимо играть краплеными картами.

Если и были в мире благородные преступники, то они навсегда остались под пологом Шервудского леса. Там, наверное, им самое место.

Потому что стоит присмотреться к настоящему преступлению, и вы найдете не страдающего Отелло, а лишь пьяного мужа, приревновавшего супругу к соседу; не благородного Гамлета, а коварного охотника за наследством; не пылкого Ромео, а банального соблазнителя.

Правда всегда грязнее фантазии.

Выйдя от Данилян, Артём не сразу отправился к моложавому профессору Ройбаху. Вначале он снова заглянул в аспирантскую и несколько минут беседовал с Киреевым. Они обсудили, куда же все-таки Петренко мог спрятать флэш-карту, и сошлись на том, что она «где-то здесь».

Артём еще раз попросил Киреева позвонить, если сумеет что-то найти, и удалился.

А флэш-карта от диктофона Карины Данилян осталась в аспирантской. На дне стеклянной вазочки, из которой уныло торчали пластиковые цветочки.

4.

Правоту Захара Киреева Артём понял, едва увидел профессора Ройбаха. Во-первых, профессор хоть и нагонял себе возраст изо всех сил — и бородой с редкой, едва ли не перекисью обеспеченной проседью, и очень консервативным костюмом, — но выглядело это у него вполне естественно. Вроде и понимаешь, что человек немногим тебя старше, а невольно начинаешь обращаться как к уважаемому пожилому господину. Во-вторых, профессор и впрямь был личностью многогранной и вполне «от мира сего». Не купившись на фразу «детектив Артём Камалов», он потребовал удостоверение личности, снисходительно улыбнулся, услышав о частном расследовании и поиске пропавшей флэшки, и согласился уделить Артёму пять минут.

Об Иване Петренко профессор отозвался с симпатией и сочувствием. О его мальчишеской выходке со Звездой Теслы — со снисходительным осуждением. О коллегах — вежливо, но с хорошо подчеркнутой дистанцией.

Разумеется, о местонахождении несчастной флэш-карты Ройбах ничего не знал. Но, за-

куривая тоненькую «дамскую» сигарету, искренне пожелал успехов в благородном деле частного сыска. После чего недвусмысленно посмотрел на часы — у него это вышло куда изящнее, чем у Данилян.

Выходя из кабинета профессора, Артём с некоторым восхищением подумал, что если все-таки убийцей является Ройбах, то дело дрянь. Такой ошибок не допустит.

Хорошо хоть, что люди подобного склада крайне редко опускаются до банальной уголовщины. Они могут сживать со света противников на ученых советах, доводить оппонентов до инфарктов и инсультов, но никогда не снизойдут до такой грязной банальности, как огнестрельное оружие.

С этой не слишком успокоительной мыслью Артём и отправился на поиски аспиранта Светова, с которым так любил спорить и пикироваться покойный.

Сергей Светов был крепок, подтянут и мускулист. Такому не математикой и программированием заниматься, а уголь в шахте добывать, на худой конец — спортивные рекорды устанавливать.

Его удалось найти в столовой, в «обжорном ряду», как ее называли в университете.

— Чудило он гороховый, Иван, — ничуть не стесняясь, высказался Светов о покойном. — Ну кто же такое делает? Под Звезду Теслы — самому! А если бы шок? А если бы крыша съехала? Опять же, если узнал что-то важное, то молчи в трубочку! Дуй в правоохранительные органы и пиши заявление: так мол и так, я инкарнация и наследник Рокфеллера, капиталы в Россию переведу, обеспечьте-ка мне охрану!

— Инкарнация Рокфеллера? — удивился Артём.

— Ну, это к слову, — отмахнулся Светов. — Что-то же было сказано? И Петренко это что-то кому-то ненужному ляпнул! Вот и подослали киллера. Нельзя же так, господин детектив, никак нельзя!

Отломив вилкой половину котлеты, он отправил ее в рот, прожевал и добавил:

— На всякий случай: тут разные идиоты говорят, что мы с Иваном враждовали. Ну… было маленько. Идейные разногласия, можно сказать. Но я его не убивал. Вчера утром все время был здесь, в новом корпусе. Поминутно, конечно, алиби не обеспечу, но поспрашивайте людей… не было у меня времени караулить его у пивной… Вы-то сами не хотите пообедать?

— Пока нет, спасибо, — Артём доброжелательно улыбнулся. — Здесь можно курить?

— Нет, нельзя, — приступая к гарниру, ответил Светов. — И слава Богу. И вообще не советую, господин детектив, дурная привычка.

Артём покаянно кивнул и спрятал сигареты. Спросил:

— Скажите, Сережа, а кем вы были в армии?

Еще никогда ему не доводилось видеть такого быстрого перехода от самоуверенной бодрости к отчаянной панике. Будто Сергея Светова схватили за коротко остриженные волосы, дернули вверх — и стянули маску с нарисованной улыбкой Рыжего Клоуна. А новый клоун оказался Белым. Тем, у которого уголки рта загнуты вниз, тем, кого положено колотить огромными надувными молотками.

— Вот как… — пробормотал Светов.

— Ответьте на вопрос, пожалуйста, — сказал Артём.

— Я служил в частях специального назначения.

— Должность, Сергей. Должность.

Аспирант Сергей Светов отставил тарелку с недоеденной котлетой. Уставился на Артёма.

— Ну? — подбодрил Артём.

— Снайпер.

Похоже, Светов уверился, что «детектив Артём Камалов» прекрасно знает его воинскую биографию.

— Тогда зачем несете чушь о киллере, караулившем у пивной? — резко спросил Артём. — Уже с пятого этажа вход в пивную прекрасно виден. И помещений, в которых можно закрыться и поджидать, вполне хватает.

— У меня нет снайперской винтовки! — выпалил Светов.

— А я вас ни в чем и не обвиняю, — ответил Артём. — Я с вами советуюсь, Сергей. Вы служили в армии, были снайпером. Возможно расстрелять человека на таком расстоянии?

— Сколько раз в него попали? — хмуро спросил Светов.

— Три раза подряд.

— Я бы не смог, — пробормотал Светов. — Тут больше километра расстояние. С «драгуновкой» — тяжело. Нет, если это твоя, хорошо пристрелянная винтовка, если постоянно тренируешься, если позиция удобная… все равно тяжело!

— А вы тренируетесь? — поинтересовался Артём. — Нет, не надо отвечать. Уверен, что заходите порой в тир. Дело не в этом…

— Господин Камалов! — Светов явно собрался с духом и решил дать отпор. — Я решительно отказываюсь продолжать этот разговор…

Артём быстро перегнулся через стол, схватил Светова за руки. Прошептал:

— Кончай дурью маяться, боец! Ты мне скажи — из чего могли бы так стрелять? Теоретически? У нас в армии есть такие стволы?

— Да я же не специалист, я два года винтовку по горам таскал да в мишени лупил, вот

и все! — оборона Светова рухнула мгновенно. — Я даже в боестолкновениях не участвовал… ну, один раз по контрабандистам постреляли, для острастки, они сдались сразу, мы даже не ранили никого…

— Есть такие стволы? — повторил Артём, понизив голос. Обычный столовский шум как-то затих, а привлекать внимание не хотелось.

— Наверное, есть, оружейники и не такое напридумывали, — Светов помедлил. — Тут ведь даже не ствол главное, господин детектив! Обычные пули никогда не дают хорошей кучности, вот у спецподразделений для снайперов специальные боеприпасы имеются, даже из СВД начинаешь кучно лепить…

Он вдруг замолчал, глядя куда-то за спину Артёма. И это был не взгляд загнанного в угол преступника, пытающегося отвлечь сыщика, а паника человека, без вины виноватого, но на снисхождение не надеющегося.

— И ты здесь… сыщик, — на плечо Артёма легла рука. — Господин Светов, не стоит делать резких движений.

Светов и не пытался.

— Да не порите горячку, Денис Романович, — Артём повернулся к Крылову и ухмыльнулся. — Ого! Ну это круто!

Это и впрямь было круто. Теперь стало ясно, почему замолчали студенты, замечательно умеющие есть и говорить одновременно.

За спиной Крылова стояли пятеро бойцов из группы захвата. Троих Артём узнал даже в масках, двое были новенькими. Все пятеро — с оружием. Четверо с короткоствольными автоматами, один — с полицейским тетанайзером[10].

Идиот!

Они что, собирались палить из автоматов посреди столовой?

Если бы группу вел Артём, то он взял бы троих с тетанайзерами и, на крайний случай, двоих с пистолетами.

— Не остри, сыщик, — процедил Крылов. Чувствовалось, что словом «сыщик» он заменяет слово «Пинкертон», но с огромной неохотой. — Самым умным себя считаешь? — Он снова перевел взгляд на Светова и произнес: — Вы задержаны по подозрению в убийстве Ивана Петренко. Прошу вас следовать за нами.

Вокруг зашумели. Пока еще тихо-тихо, но это были только первые раскаты начинаю-

---

[10] Тазер — электрошоковое оружие, выстреливающее два острых электрода на расстояние до 5-7 м. Эти стрелки-электроды соединены тонкими проводниками с источником высокого напряжения в корпусе оружия и способны пробить слой верхней одежды до пяти сантиметров толщиной. Напряжение в 50 тыс. вольт эффективно парализует преступника на несколько минут. Тетанайзер — тазер, в котором электродами служат лазерные лучи, ионизирующие воздух. Реально существующее оружие. (Прим. авт.)

щейся бури. Через полчаса она примется бушевать во всем университетском городке.

«Убийца преподавателя найден!»

«Это другой преподаватель!»

«Снайпером был в армии!»

«Из Бауманки стрелял!»

Артём покачал головой. Посмотрел на обреченно поднимающегося Светова. И сказал:

— Ну что ж вы так, Денис Романович. Хоть пирожное дайте доесть человеку…

— Ты у меня дошутишься, — прошептал Крылов. — Когда тебе стало известно, что стреляли из снайперской винтовки?

— Мне? Известно? — Артём состроил удивленное лицо.

— Дошутишься, — бросил еще раз Крылов и полностью переключился на Светова. Это был миг его триумфа. Не какой-нибудь жалкий пьяница, укокошивший собутыльника, а настоящий, коварный, опасный убийца! Снайпер!

Артём молча наблюдал, как Светову зачитывают права, надевают наручники и конвоируют к выходу. Даже теперь автоматчики не опустили свое оружие.

— Кондитер, — сказал Артём вполголоса. — Вот олух… где ж ты возьмешь оружие и мотив?

В отношении оружия и мотива Артём все-таки оказался не прав. Крылов не был олухом и умел рыть землю в поисках улик.

Но пока Артём об этом не знал. И потому он с чистой совестью пододвинул к себе чашку кофе и пирожное, к которым Сергей Светов не успел притронуться.

Кофе остыл. Но сегодня Артёму было не привыкать пить холодный кофе.

Светова уже увезли, Артём успел заметить только выворачивающую на улицу машину с зарешеченными окошками — «гадовозку» на жаргоне «убойного» отдела. Но перед входом в новый корпус еще стояла пара полицейских машин, и рядом с ними о чем-то говорил по мобильнику Крылов. Видимо, рапортовал начальству о быстром и успешном задержании преступника.

Артём остановился поодаль, закурил. Крылов закончил разговор, глянул в его сторону (на удивление дружелюбно) и поманил к себе.

Артём подошел.

— Ты не обижайся, сыщик, — миролюбиво сказал Крылов. — И давай закончим с этими детскими подначками, а?

— Давай, — согласился Артём. — Докладывал об успехе?

— Какой тут успех, все просто, — Крылова прямо-таки распирало от удовольствия и

желания поделиться. — Когда эксперт сказал, что стреляли из винтовки, все стало ясно.

— Арсений Петрович?

— Он самый. Приковылял в кабинет, глаза горят… нечасто нашему брату снайперы попадаются, — Крылов хмыкнул. — А дальше рутина, Артём. Наша нескончаемая рутина, которая одна только и приносит результаты…

— Светов, конечно, мог расстрелять Ивана из винтовки, — кивнул Артём. — Но где он взял оружие? И где ты возьмешь мотив?

Крылов оглянулся. Рядом никого не было, а желание поделиться своим триумфом, пусть даже с неприятным ему человеком, перевешивало.

— Оружие он взял там же, где Иван — Звезду Теслы. Это Бауманка, Артём! Бауманка! Университет работает на оборонку.

— И в нем бесконтрольно хранятся снайперские винтовки?

Крылов хихикнул и хлопнул Артёма по плечу:

— Ты бы вспотел, увидев эту винтовку… У них в подвале — испытательный стенд для проверки новых боеприпасов. Они разрабатывают не само оружие, а патроны, понимаешь? Так вот, винтовки там нет. Там есть здоровенная бандура, килограммов в двадцать весом. В центре — огрызок винтовки. Без приклада и весь облепленный датчиками. Рядом смонтирован прицел — не обычный, а настоящий телескоп, труба длиной в полствола! И все это прикручено могучими гайками перед узкой стальной трубой, в конце которой ставится мишень. Понятное дело, как оружие они это устройство не рассматривали. Так, агрегат для отстрела патронов по мишени. По документам проходит как «отстрельный механизм». Охраны никакой, замок в двери — простейший.

— Считаешь, Светов вытащил из устройства винтовку?

— Он все устройство вытащил. Гайки недавно откручивали, понимаешь? А если этот «механизм» взгромоздить на подоконник, то с его прицелом можно лупить пулю за пулей в яблочко. Вот только за целью толком не последишь. Потому он и караулил парня в дверях пивной… гаденыш.

Артём пожал плечами. Сергей Светов не относился к людям, вызывающим мгновенную симпатию (во всяком случае — у мужчин, женщинам самодовольные красавчики-атлеты нравятся сразу). Но…

— Денис, я понимаю, ты все проверил, у Светова нет алиби, и возможность вытащить из подвала… э… агрегат он имел. Но где ты возьмешь мотив?

— С мотивом, Артём, у нас все хорошо, — Крылов понизил голос — Ты человек наш… как бы там ни было. Вчера ведь общался с супругой убитого?

— С вдовой, — машинально поправил Артём. Крылов досадливо поморщился, продол-

жил:

— Четыре года назад у Сергея Светова и Тани Деминой был роман. Серьезный роман. Потом появился Иван — Таня и Сергей расстались, но…

— А… — протянул Артём. — Вот оно что…

— Ты зациклился на Звезде Теслы, которую прошел Петренко, — сказал Крылов. — Решил, что убийство непременно связано с его прошлой инкарнацией? А зря. Если связь и была, то очень опосредованная. Светов узнал о выходке Ивана и решил, что следствие пойдет по ложному пути. Вот и все, Артём. Убийство из ревности. Банальная, древняя, как мир, причина.

— Но все-таки куда-то пропала флэш-карта, — сказал Артём. — И Петренко был очень расстроен тем, что узнал от своего прошлого воплощения.

Крылов только улыбнулся. Пихнул Артёма в бок. Сказал:

— Ну так ты поищи. Дело нужное. Только давно уплыла эта флэшка в канализацию. А Петренко небось узнал что-то неприятное о своей прошлой жизни. Пунктик у него был по этому поводу.

— Ты начальник, тебе видней, — пробормотал Артём. — Но я бы на твоем месте не зацикливался на одной версии.

— Вот потому ты и не на моем месте, — добродушно сказал Крылов. — Ладно, сыщик. Бывай.

— Удачи, — кивнул Артём.

Он постоял, ожидая, пока Крылов сядет в машину и уедет. Посмотрел на здание Бауманки, вздохнул и направился к главному входу.

Звонок застал его на ступеньках. Артём посмотрел на дисплей трубки, отошел в сторону, присел на каменные перила:

— Да, Таня.

— Артём? — голос был каким-то придавленным, вялым, будто вчера Татьяна наглоталась снотворного. Скорее всего, так оно и было. — Артём, мне позвонили из полиции…

— Я знаю. Сказали, что задержали подозреваемого.

— Сказали, что арестовали убийцу… Сказали, что это Сергей Светов…

— Идиоты, — сказал Артём. — Им потребуется два-три дня, чтобы убедиться в своей ошибке.

— Вы не верите, что это он?

— Нет, конечно. А вы?

— Светов… нет, он не мог. Не мог стрелять в Ивана.

— Вы хорошо с ним знакомы?

После короткой неловкой паузы Татьяна сказала:

— Мы были близки. Полгода. Потом я познакомилась с Иваном… Сережа нас и познакомил…

— Понимаю. Это неважно. Вы уверены, что Светов не стал бы убивать Ивана?

— Уверена. У него давно уже другая женщина. Обида… обида, наверное, осталась. Но из-за обиды не убивают.

— Ясно. Вы не волнуйтесь, Татьяна. Я еще перезвоню вам сегодня. Попозже.

Он спрятал трубку и двинулся к лифту. Факультет газодинамики располагался на восьмом этаже.

Профессора Агласова пришлось подождать. У него в кабинете сидели две молоденькие девчонки — не то преподаватели, не то аспирантки, получали какие-то наставления. Артём только заглянул, поздоровался и стал ждать в коридоре.

Наконец девчонки выпорхнули — перешептываясь и улыбаясь, а профессор громко позвал:

— Входите, молодой человек.

Артём зашел в кабинет, притворил за собой дверь. Здесь было прохладно — работал кондиционер, но пахло застарелым куревом, запах въелся в мебель, в книги, в сами стены кабинета.

— Петр Валентинович? Меня зовут Артём Камалов. Я частный детектив, провожу расследование в интересах Татьяны Деминой, вдовы Ивана. Вы сможете…

— Садитесь, садитесь, — профессор Агласов указал на кресло. Он действительно был пожилым человеком, но еще крепким, широкоплечим, совершенно не придавленным возрастом. Наверное, в юности Агласов походил на Сергея Светова. — Нынче убийствами занимаются частные сыщики?

— Нет, конечно, — Артём уселся в кресло. — Я ищу флэш-карту из диктофона Ивана. Это в рамках закона.

Агласов улыбнулся:

— Понимаю. Искать убийцу вы не в праве, но вот искать карту… А на карте — изобличение убийцы?

— Полагаю, что да, — Артём кивнул. — Впрочем, карту уже искали, но не нашли. Но я полагаю, что если сумею поставить себя на место Петренко, то мне станет понятнее, куда он ее спрятал. Вы ведь были в хороших отношениях?

— В хороших, — согласился Агласов. Аккуратно собрал раскиданные по столу бумаги, сложил их стопкой, будто готовясь к долгому разговору. — Насколько это возможно при на-

шей разнице в возрасте и положении. Иван… он напоминал мне покойного друга. Я старался помочь ему… знаете, в науке одного таланта мало, надо еще уметь пробиться, растолкать локтями напористую бездарь, утвердить себя… Иван этого не умел.

— Вы уже знаете, что арестовали Сергея Светова?

Агласов кивнул.

— И ваше мнение?

— Абсурд, — сказал Агласов. — С чего бы ему убивать Ивана?

— Ну… личная неприязнь…

— Вы имеете в виду отношения между Световым и Деминой? — профессор развел руками. — Знаете, это настолько романтично, что я не верю.

— Вот и я не верю, — кивнул Артём. — Но давайте вернемся к Ивану. Вы его неплохо знали. Представьте, что Иван решился в одиночку пройти Звезду Теслы. Ночь, пустой университет. Он выходит из транса, берет диктофон. Слушает запись. И узнает что-то шокирующее, что-то, переворачивающее все его представления о жизни… Что это могло быть?

— Наследство? — спросил Агласов. — Самое вероятное, на мой взгляд… Я закурю, с вашего позволения.

— Тогда и я тоже, — согласился Артём.

Профессор подвинул простенькую стеклянную пепельницу на середину стола, достал сигареты. Предложил Артёму — тот отказался и достал свои.

— Я полагаю — наследство, — повторил Агласов.

— Проблемы с наследством — это мой хлеб, — кивнул Артём. — Но из-за них не убивают. Вот представьте, Иван узнал, что должен был получить огромную сумму денег… а ее, к примеру, получили вы. Он звонит вам и возмущенно спрашивает: «Где мои деньги?» Вы же не попрете после этого на восьмой этаж отстрельный механизм, не сядете в засаду?

— К счастью, молодой человек, — на лице Агласова не дрогнул ни единый мускул, — подобная ситуация даже теоретически невозможна. Я никогда не получал наследства — ни от инкарнации, ни от родителей. Вырос в детдоме, понимаете? Всего в жизни пришлось добиваться самому.

Артём кивнул:

— Я привел совершенно гипотетический пример. Собственно говоря, я веду речь о том, что убийство было совершено по гораздо более серьезной причине. Не из-за ревности. Не из-за денег… Извините.

Артём достал зазвонившую трубку.

— Простите, мне нужен Артём Камалов.

— Я слушаю.

— Это Киреев, Захар Киреев. Знаете, я тут заново обшарил аспирантскую… Флэшка у меня! Она лежала в пустой вазочке, на дне! Что мне делать?

— Замечательно, — сказал Артём. — Просто замечательно! Вы ее не слушали?

— Нет пока… а надо?

— Берите диктофон и поднимайтесь в кабинет профессора Агласова. Я у него.

— Сейчас!

Артём спрятал трубку и довольно улыбнулся:

— Вот видите, как удачно! Флэшка нашлась. Сейчас Захар Киреев ее принесет.

Агласов внимательно посмотрел на него. Несколько секунд помолчал, о чем-то размышляя. Потом улыбнулся:

— Как удачно нашлась…

— И не говорите, — поддакнул Артём.

— Я с удовольствием послушаю ее вместе с вами. Но вы продолжайте, продолжайте молодой человек… Итак, если убийство было совершено не из-за денег и не из-за несчастной любви, то что же у нас остается?

— Я попытаюсь объяснить ход своих мыслей, — кивнул Артём. — Иван что-то узнал. Это «что-то» его потрясло. Он кому-то позвонил и поделился информацией. Этот «кто-то» назначил ему встречу в пивном ресторанчике, но сам туда не пришел. Вместо этого — убил Ивана. Орудием убийства послужил отстрельный механизм из лабораторий Бауманки; логично предположить, что убийца здесь и работает. Теперь двигаемся дальше. Почему Иван вообще стал звонить своему будущему убийце? Не поверил своей прежней инкарнации? Хотел исключить возможность ошибки, прежде чем дать делу ход? Тогда этот человек должен быть ему чем-то дорог. Круг подозреваемых сразу сужается… Вы следите за ходом мысли? Тогда двигаемся дальше. Убийца, застрелив Ивана, сохраняет полнейшее хладнокровие. Почему? Видимо, убивать ему не впервой. Возможно, Иван узнал о прошлом убийстве, совершенном этим человеком. Впрочем, даже самое ловкое преступление мало чего стоит, ведь жертва может сразу реинкарнироваться и лет через десять рассказать о преступлении. Вы, наверное, знаете, что жертвы насильственных преступлений, как правило, перерождаются очень быстро? Почему убийцу это не беспокоит?

— Вероятно, потому, что убийца уже очень стар, — спокойно сказал Агласов. — И не рассчитывает прожить больше десятка лет.

— Хорошая мысль, — поддержал его Артём. — Итак, что мы получаем в итоге?

В дверь постучали.

— Входите, — негромко сказал Агласов. Захар Киреев заглянул в кабинет.

— Здравствуйте, Петр Валентинович… Артём, я…

— Заходи, — сказал Артём. — Итак, мы приходим к мысли, что убийца Ивана работает в Бауманке — раз, в его прошлом есть какое-то непонятное и чудовищное преступление — два, он стар — три.

Киреев, держа в одной руке диктофон, а в другой — флэш-карту, с удивлением смотрел на Артёма.

— Давай сюда, — Артём забрал у него диктофон и карту. Посмотрел на Агласова. Спросил: — Вы не хотите ничего сказать?

— Удивляюсь вашей наглости, — спокойно ответил профессор. — Давайте вашу карту, послушаем, что на ней есть.

Артём молча протянул ему диктофон и карточку. Секунду Агласов держал карту в руках. Потом, усмехнувшись, вставил в гнездо диктофона, нажал на воспроизведение и презрительно отодвинул диктофон по столу к Артёму.

Огонек на диктофоне тлел зеленым, но ничего слышно не было.

— Значит, вы все-таки уничтожили карту, — сказал Артём.

— Молодой человек, — холодно произнес Агласов. — Вы ввалились ко мне с нелепейшими обвинениями, а теперь еще и разыгрываете комедию с фальшивой флэш-картой. Ах, как удачно она нашлась! Очевидно, в вашем понимании я должен был разрыдаться или попытаться ее сломать? Так вот, прежде чем я позвоню в полицию и расскажу о вашем возмутительном шантаже…

— Здравствуй, незнакомец… — очень тихо донеслось из диктофона. — Меня зовут Иван Петренко. Я — твоя следующая жизненная инкарнация…

У Агласова отвисла челюсть. Но и Артём оцепенел — и когда профессор перегнулся через стол, хватая диктофон, он не успел ему помешать.

Успел Киреев. Прыгнул к столу, схватил диктофон, вырвал, выкрутил из рук профессора. Агласов и впрямь был крепок, но в данном случае молодость победила.

— Сука! — завопил Агласов. — Сука, Ванька, ты сука! Он вскочил из-за стола, нелепо размахивая руками, беззвучно глотая воздух, мгновенно превращаясь из солидного и крепкого еще старика-профессора в того, кем и был на самом деле — дряхлого, трясущегося от страха и ненависти убийцу.

А голос в диктофоне уже неуловимо изменился — так бывает всегда, когда устами человека начинает говорить его прошлое жизненное воплощение:

— Меня зовут Леонид Балашов. Я родился восемнадцатого июня одна тысяча девятьсот тридцать второго года. Я погиб третьего декабря одна тысяча девятьсот семьдесят третьего года. При жизни я заведовал факультетом газодинамики в Высшем Техническом Училище имени Баумана. Прежде всего я хотел бы рассказать об обстоятельствах своей смерти. Про-

водился любопытный эксперимент, теоретически способный привести к созданию сверхмощных боеприпасов объемного взрыва. Присутствовала большая часть преподавательского состава и несколько студентов. Видимо, только я заметил, что находившийся за пультом управления Петр Валентинович Агласов, старший научный сотрудник нашего факультета, подает слишком большое количество смеси в испытательную камеру. Я несколько раз спросил через переговорник, что именно он делает, затем подошел к бронестеклу и постучал по нему, пытаясь привлечь внимание Агласова. Однако он встал из-за пульта и быстро покинул пультовое помещение. Герметичная дверь из лаборатории взрывотехники была закрыта и, видимо, заблокирована снаружи. Больше я ничего не помню. Теперь, что касается моих личных дел…

Артём нажал кнопку, выключая диктофон. Сказал:

— Захар, позвоните, пожалуйста, в полицию. В отдел особо тяжких. Объясните в двух словах ситуацию…

Профессор Агласов медленно сел в свое кресло. Схватил какой-то документ, положил перед собой, уставился в бумагу. Рявкнул — точнее, попробовал повысить голос, но тот сорвался на писк:

— Вон! Вон, не мешайте работать!

— Работайте, а мы подождем полицию, — сказал Артём. Агласов медленно поднял голову. Спросил:

— Он скопировал карту?

— Иван все-таки был ученый, — ответил Артём. — Честно говоря, я действительно собирался вас спровоцировать. Но Иван относился к своим действиям как к эксперименту. Он сдублировал оборудование. Взял второй диктофон из кабинета заведующей кафедрой и поставил его на запись. А потом отнес на место… Я ответил на ваш вопрос. Может быть, и вы, Петр Валентинович, скажете, что же произошло в семьдесят третьем году? Чем вам не угодили коллеги?

— Вы никогда не работали в научной среде, молодой человек, — Агласов горько улыбнулся. — Вы не знаете, что это такое, когда вас зажимает свора самозваных мэтров, когда не дают хода разработкам, имеющим огромное народнохозяйственное значение! Они считали, что я не прав, что повышение мощности взрыва невозможно. А я доказал, что не правы они! Понимаете? Я всего лишь доказал свою правоту!

Агласов опустил голову. Взял ручку и принялся что-то отмечать в документе.

Он занимался этим и через четверть часа, когда в кабинет вошли Денис Крылов и два оперативника с тетанайзерами.

Артём молча включил диктофон на воспроизведение. Когда запись прокрутилась до конца, Агласов встал и, не говоря ни слова, двинулся прочь из кабинета. Крылов остановил

его в дверях, и дальше профессор шел уже в сопровождении конвоя.

Никто так и не заговорил.

Прежде чем уйти, Артём не удержался и заглянул в лежавший на столе документ. Это была докладная записка о приобретении нового оборудования. Каждая заглавная буква в документе была аккуратно подчеркнута.

Возможно, психоаналитика это навело бы на интересные предположения о характере Петра Валентиновича Агласова. Но Артём Камалов предпочитал не искать смысла там, где его не было и нет. Поэтому он пожал плечами и пошел допивать технический спирт вместе с Захаром Киреевым.

Эпилог

У Татьяны он появился уже поздно вечером. Коротко рассказал о проведенном расследовании и вручил официальный счет за услуги. Татьяна рассеянно посмотрела на цифру, спросила:

— Почему так мало?

— Я же не нашел флэш-карту. Агласов ее уничтожил. Полагаю, сломал и спустил в канализацию. А может быть, и сжег дотла — у них там много интересных приспособлений.

— Господи, я же не для этого вас нанимала… — пробормотала Татьяна, доставая и вручая ему деньги. — Вы так быстро все выяснили… я думала, это займет месяцы…

— Если бы я копался, меня бы опередила полиция, — пояснил Артём. — Вы зря их недооцениваете. Там только начальник отдела… излишне прямолинеен. Но не полный дурак. Завтра к вечеру он выпустил бы Светова и принялся за остальных.

— Вы словно заранее знали, кто убийца…

— Не заранее, но понял быстро.

Татьяна удивленно посмотрела на него.

— Убийцей был кто-то из коллег вашего мужа, из близких ему людей. Таких всего пятеро. Иван договорился о встрече в пивном ресторанчике. Профессор Ройбах никогда бы в таком простецком месте не появился. Человек должен был ждать его в верхнем зале, на местах для курящих. Данилян и Светов не курят. Остаются двое — Киреев и Агласов. Но Киреев — ровесник Ивана. Он не мог совершить никакого преступления, о котором знало бы предыдущее воплощение Ивана. Остается… — Артём замолчал.

— Так просто? — Татьяна прошла по комнате, остановилась у окна, спиной к нему. — Все так просто?

— Да. Но это косвенные улики. Полиция, прицельно взявшись за Агласова, могла накопать какие-то серьезные доказательства. Отпечатки пальцев на отстрельном механизме, к примеру. Свидетелей того, как Агласов волок куда-то наверх тяжелый механизм. Могли быть улики. Но их могло и не быть. Я попытался спровоцировать Агласова на уничтожение карточки — ничего не вышло. Так что основная заслуга принадлежит Ивану. Он подстраховался. Сохранил запись и оставил ее там, где ее неминуемо бы прослушали рано или поздно.

— Вы хороший сыщик, — сказала Татьяна. — Вы так говорите, будто все у вас получилось случайно, но это неправда. Вы великий сыщик… прирожденный сыщик. Спасибо вам…

Артём хотел ответить, но вдруг понял, что женщина давно уже плачет — беззвучно и горько. Ему очень хотелось подойти и утешить ее, но это могло бы закончиться неправильно. Не так, как положено заканчивать очередное дело прирожденному сыщику.

Поэтому он тихо вышел из квартиры и закрыл за собой дверь. Постоял секунду на лестничной площадке. Ему очень хотелось вернуться, но этого делать было нельзя.

— Господи, не дай мне в следующей жизни снова быть полицейским, — прошептал Артём.

Но он слишком хорошо знал, что Бог — или, по мнению атеистов, случай — не прислушивается к таким просьбам.